
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817
LIBRARIES

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817

ERRATA

No	Faux	exact
	espÖrons	espérons
18	IInforbureau	Informbureau
33	Четириесет години 1941 — 1945, Култура, Скопје 1962,	Бригада на братството и единството, Скопје, 1958,
45	mediévaux	médiévaux
78	desaccusés	des accusés
123	a	à
123	européne	européenne
161	\А./НДОНОВСКИ/	А./НДОНОВСКА/
174	culturele	culturelle
203	патпис	патопис
270	Comite	Comité
375	esanfs	esnafs
394	et	en
455	БУНДЕВСКИ	БУНЕВСКИ
491	Nadži	Hadži
499	réflet	reflet
521	a	à
534	Cede	Čede
551	macédoninne	macédonienne
574	борбенит	борбениот
597	gjuillet	6 juillet
597	Koukos	Moukos
680	Prlichev	Prlitchev
708	sonsacrés	consacrés
716	југославије	Југославије
730	Panti	Panta
747	стр. 22—3	стр. 2—3
760	principaute	Principauté
	Le numéro 779 doit porter l'initial Dj.	
857	guerre et pedant	guerres et pendant
865	Yougoslave	Yougoslavie
910	commuerciales	commerciales
914	Sevtozar	Svetozar
926	idelogiques	idéologiques
942	nacédonien	macédonien
968	ipmrimé	imprimé
971	thème.	thème:
972	Mila	Milan
1014	tavail	travail
1065	Qeuelques	Quelques
1081	lAlbanie	l'Albanie
1113	Ivanovski-Vunar, Lado	Ivanovski-Vunar, Vlado
1136	жОсифовска	Јосифовска
1155	НИК „Нова Македонија"	НИП „Нова Македонија"
1211	le poésie	la poésie

page	No	Faux	exact
287	1236	ecclésiatique	ecclésiastique
287	1236	Srebes	Sebres
287	1237	prirendu	prirent
291	1251	Obraznana	Obznana
295	1257	sicèle	siècle
295	1257	presson	pression
299	1283	ΕΤΑΙΠΖΙΑ	ΕΤΑΙΡΕΙΑ
300	1290	Tlessalonique	Thessalonique
301	1291	Хеокозмас	Неокозмас
301	1292	Hristomorou	Hristoforou
305	1308	prosesseurs	possesseurs
305	1309	son	sont
308	1321	le plus	les plus
312	1340	„Imalret“	„Imaret“
315	1354	Macédonie	Macédoine
328	1407	Žinzifovo	Žinzifov
339	1457	e	en
339	1460	Miloş	Miloš
343	1476	La déroulement	Le déroulement
344	1482	publie	publié
349	1501	a la	à la

№ 20. Книгоиздательство М. В. ПИРОЖКОВА. Историческій отдѣлъ. № 20

СОЧИНЕНІЯ

А. П. ЩАПОВА

ВЪ 3 ТОМАХЪ (СЪ ПОРТРЕТОМЪ)

ТОМЪ ТРЕТІЙ

III

Съ біографіей А. П. Щапова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. ПИРОЖКОВА
1908

Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ)
Вознесенскій пр. 3.

Афанасій Прокофьевичъ Щаповъ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

I

„Родословная" Щапова. Семья и домашняя обстановка. Обученіе въ Иркутской бурсѣ. Описаніе бурсы. Лѣтнія каникулы. Вліяніе природы на Щапова. Окончаніе курса въ духовномъ училищѣ и переходъ въ Иркутскую семинарію.

Бѣдные дѣтушки! Зачѣмъ вы на горе зародились.
Иль зачѣмъ вы въ дѣтствѣ киселемъ не подавились!

Есть писатели, философы, жизнь которыхъ бѣдна событіями и мало отражается на характерѣ ихъ творчества. Ихъ можно изучать, не роясь въ ихъ жизни, не зная даже, гдѣ они родились, каково ихъ было дѣтство, гдѣ они получили воспитаніе... Таковы были, напримѣръ, Монтескье, Спенсеръ. Но чаще случается противуположное. Наслѣдственность, богатая или бѣдная природа, среда, общественныя теченія—все это наложило неизгладимую печать на ихъ творчество, и безъ изученія біографіи такихъ людей трудно понять какъ генезисъ, такъ и дальнѣйшее развитіе ихъ дѣятельности. Къ послѣдней категоріи необходимо причислить и А. П. Щапова. Нельзя достаточно ясно, напримѣръ, объяснить ту громадную услугу, которую онъ оказалъ исторической наукѣ, выдвинувъ роль этнографическаго, географическаго и колонизаціоннаго элемента въ русской исторіи, если мы забудемъ, что онъ жилъ въ Сибири, въ томъ очагѣ, гдѣ и сейчасъ происходитъ великая работа претворенія инородческаго населенія въ «русское», гдѣ и по-сейчасъ населеніе «распредѣляется» по разнымъ рѣкамъ и рѣченкамъ въ погонѣ за звѣремъ и горными богатствами, особенно золотомъ, гдѣ и по-сейчасъ еще существуютъ тѣ же условія жизни (въ тайгѣ), какія Суздальская Русь встрѣчала въ вѣка «сѣдой старины».

А. П. Щаповъ родился въ семьѣ дьячка села Анги за Байкаломъ, Иркутской губерніи, въ 1830 году. Отецъ его былъ великороссъ, родившійся и выросшій въ Сибири; мать, по словамъ Н. Я. Аристова, была бурятка [1]), по мнѣнію же Шишкова—тунгузка [2]), вѣрнѣе бурятка.

[1]) Н. Аристовъ. „А. П. Щаповъ", стр. 4. Спб., 1883 г.
[2]) С. Шишковъ. „А. П. Щаповъ"—Новое Время, 1876 г., № 196.

Интересна родословная Щапова. А. П. въ Петербургѣ, говоритъ Ар стовъ [1]), передавалъ мнѣ, что его прадѣдъ или пра-прадѣдъ по отцу сл жилъ священникомъ въ одномъ изъ селъ въ средней губерніи, (а как онъ и самъ не зналъ) и сосланъ былъ за неизвѣстное преступленіе Восточную Сибирь.—Я думаю, говорилъ Щаповъ, что прадѣдъ мой пе селенъ за упорство въ раскольничьихъ убѣжденіяхъ, и вотъ на како основаніи: въ именномъ спискѣ выборныхъ депутатовъ въ Екатерининск коммиссію о сочиненіи Проекта уложенія значится депутатомъ отъ ра кольничьихъ слободъ войсковой обыватель Иванъ Щаповъ. Вотъ как моя знаменитая родословная. Видно, когда священника — моего пред сослали, братъ его улизнулъ къ казакамъ. Все это могло быть.

Позднѣе въ одной изъ статей, напечатанныхъ въ Изв. Сиб. О Геогр. Общ., Щаповъ прибавляетъ слѣдующее: «Первый крестьянинъ Щ новъ, пришедшій изъ Россіи черезъ Низово-Ленскій и Илимскій уѣз поселенъ былъ въ 1693 году, въ числѣ другихъ крестьянъ, тоже вых цевъ изъ Россіи, въ только что строившуюся тогда Ангинскую слобо отъ этого-то крестьянина прежде всего въ самой Ангинской слободѣ родился небольшой родъ крестьянъ Щаповыхъ, до второй полови XVIII вѣка. Одинъ изъ этого русско-крестьянскаго рода Щаповыхъ, основаніемъ въ Ангинской слободѣ церкви, по совершенному отсутств бѣлаго духовенства, выбранъ былъ Ангинскими крестьянами въ дьяч Ангинской церкви,—и отъ него пошелъ духовный родъ Щаповыхъ, пр ставляющій въ прошломъ въ Ангинской слободѣ непрерывную генеалог дьячковъ и пономарей, женатыхъ большею частью на крестьянкахъ и жи шихъ совершенно по крестьянски, а на сторонѣ, въ разныхъ мѣста Иркутскаго округа развѣтвившійся на побочныя сродныя линіи или расли одного духовнаго рода Щаповыхъ» [2]).

Семья Щаповыхъ состояла изъ трехъ сыновей—Степана, Афанасія Григорія и двухъ сестеръ. О матеріальномъ положеніи Щаповыхъ можемъ въ настоящее время судить не только по отзывамъ, очень неоп дѣленнымъ и не яснымъ, но есть болѣе точныя свѣдѣнія, правда не время дѣтства А. П., а за болѣе позднее время, именно за 1852 го когда онъ былъ уже въ Академіи. Но такъ какъ врядъ ли положеніе номаря въ далекомъ селѣ могло существенно измѣниться за одну четвер вѣка, то мы и воспользуемся этими свѣдѣніями [3]). Жалованья получа отецъ Щапова въ годъ 15 руб. 68 коп. серебромъ, церковные доходы бы бѣдны—съ февраля до Пасхи съ трудомъ набиралось рублей 5 сер. Луч обстояло дѣло съ доходами «натурою»: на Рождественскихъ праздника хлѣба выславили 50 пудовъ. Ржи получалось значительно больше—100 пу своего хлѣба разнаго собиралось — 32 мѣшка, да пуда 3 пшеницы. Ско было 7 штукъ: 2 коня, 3 коровы, 2 качирика, изъ коихъ одна телка,

[1]) Аристовъ. Ibid, стр. 3.

[2]) А. Щаповъ. Физическое развитіе Верхоленскаго населенія. Изв. Сиб. О Геогр. Общ. 1876 г. т. VII № 2-3, стр. 54.

[3]) П. В. Знаменскій. Къ біографіи Щапова. П. В. 1899 г., № 2, стр. 513—520.

одна свинья съ 3 поросятами. Сѣна бывало недостаточно, но его замѣняли соломой. Хлѣбъ продажный бывалъ не всегда, да и цѣна его была дешевая—40 коп. сер. за пудъ. Хозяйство пономарь въ 1853 г. велъ не одинъ,—нанималъ работника, которому платилъ 55 рублей ассиг. да 4 пуда хлѣба въ придачу. На праздники рѣзали корову; было ли мясо постоянно въ остальное время—неизвѣстно.

Такимъ образомъ хозяйство Щапова отца мало чѣмъ отличалось отъ средняго крестьянскаго, и пономарю приходилось тянуть «мужичью» лямку. Прокормиться кое-какъ можно было, но не хватало денегъ, т.-е. повторялось то же явленіе, что и теперь во многихъ медвѣжьихъ углахъ нашего отечества. Правда, не обширны потребности дьячка, но все же нужно было покупать чай, сахаръ, мыло, свѣчи, табакъ, водку, тратиться на одежду, бумагу, на почту и т. д., для чего приходилось лѣзть въ долги, да жаловаться: «а ходимъ сами почти уже чуть не наги», «Господь Богъ за грѣхи мои наказываетъ меня бѣдностью и скудностью» [1]. Къ несчастью семьи отецъ А. П. былъ грѣшенъ русскимъ грѣхомъ—любилъ выпить, хотя въ своемъ письмѣ «къ милому моему Шонюшкѣ» онъ и говоритъ, «что съ печали не можетъ спать ночи, не токмо пить», но чаще бываетъ другое: «полштофа для дѣдушки мало будетъ», сказалъ повѣренный въ кабакѣ.

Въ романѣ Загоскина «Магистръ» [2]) есть страницы, хорошо иллюстрирующія какъ пьянство церковнаго причта въ Сибири, такъ и взаимное отношеніе его членовъ.

«О. Ефимъ, введя пономаря во дворъ и затворивъ за собою ворота, приложилъ руку къ пазухѣ пономаря и съ необыкновенною нѣжностью произнесъ, подражая нѣсколько меланхолическому ржанію лошади, радостно привѣтствующей кучера, несущаго ей знакомую, любезную порцію овса.

О-го-го-го, душечка ты моя, любезная. Попотчиваешь, что ли, пономарь.—Попотчиваю, бачка, только помогите, отвѣчалъ пономарь. Не знаю, что и дѣлать. Прошеньице пришелъ попросить васъ написать... Ладно. А вотъ, сперва выпьемъ по маленькой. Э, — мать, дай что-нибудь закусить».

Выпивъ и закусивъ груздочками, священнослужители приступили къ дѣлу. Но дѣло не клеилось, поэтому еще выпили. Такъ какъ (къ концу «работы») косушка была уже давно кончена, то о. Ефимъ досталъ изъ шкафика своей настоечки, на тысячелистникѣ, полезной отъ сколькихъ-то недуговъ, и добродушно попотчивалъ ею пономаря. Часто причтъ допивался до «положенія ризъ» и даже до видѣній, но ссоръ не было: «Съ пономаремъ о. Ефимъ былъ ласковъ и снисходителенъ. Оба они одну чашу пили: вмѣстѣ ихъ лѣшій водилъ, вмѣстѣ и цѣловальникъ угощалъ». Но въ семьѣ дьячекъ былъ грозенъ и подъ пьяную руку колотилъ жену и дѣтей. Жена хотя и ругала его, но свято чтила власть мужа и оберегала родительскій престижъ. Однимъ словомъ, царила полная патріархальность. которую съ сокрушеннымъ сердцемъ хоронили и съ умиленіемъ на лицѣ

[1]) П. В. Знаменскій. Къ біографіи Щапова. Ист. Вѣстн. 1899 г. № 2 стр. 513—520.
[2]) М. Загоскинъ. „Магистръ“ въ Сборникѣ газеты „Сибирь“ № 1, стр. 42—43.

вспоминаютъ сѣдовласые старцы. Отецъ А. П. былъ человѣкъ религіозный, изрѣдка любилъ почитать книжечку Ивана Милостиваго, съ крестьянами говорилъ отъ божественнаго: «все толковалъ намъ, говорилъ одинъ изъ нихъ Афанасію Прокофьевичу много позднѣе, по писанію, даромъ, что былъ изъ нашего мужицкаго рода» [1]; радовался хорошему родству. Изъ дѣтей, кажется, онъ особенно любилъ А. П. По крайней мѣрѣ, въ своихъ письмахъ онъ очень сердечно къ нему относится.

Дѣти, подростая, должны были, какъ и въ крестьянскихъ семьяхъ, помогать родителямъ въ хозяйствѣ, тѣмъ болѣе, что семья пономаря была немаленькая. Вообще не надо забывать, что «сельскій дьячекъ — это мужикъ, который занимается сельскимъ хозяйствомъ и помогаетъ попу при требахъ и богослуженіи» [2]. Интересно, что это сказывается даже въ письмахъ отца А. П. Такъ, письмо отъ 8-го февраля 1853 года [3]) онъ начинаетъ совсѣмъ «по-мужицки», по общеизвѣстному шаблону:.. «Во-первыхъ посылаемъ тебѣ свое родительское благословеніе на вѣки нерушимо»... На какомъ году А. П. познамъ премудрость грамоты и много ли березовой лозы понадобилось для этого, неизвѣстно. Грамотѣ мальчика училъ, вѣроятно, его отецъ; дѣвочки же остались безграмотными. Съ тоской думали родители, по мѣрѣ того, какъ подростали дѣти, что приходитъ пора отдавать ихъ въ бурсу. Отцы боялись денежныхъ расходовъ и, какъ говоритъ М. Загоскинъ [4]), не прочь были оставить дѣтей безъ ученія, но тутъ вмѣшивалась консисторія, требуя дѣтей въ бурсу. Тогда строчилось пожалостливѣе прошеніе о пріемѣ въ бурсу на казенный счетъ, и дѣти разставались съ дорогимъ для нихъ деревенскимъ привольемъ. Они не знали еще, что такое бурса, но зато знали хорошо это проклятое учрежденіе, сгубившее не мало талантливыхъ дѣтей, ихъ родители. Сколько слезъ проливали, сколько безсонныхъ ночей проводили матери бѣдныхъ бурсаковъ: недаромъ же сложилась поистинѣ ужасная пѣсня—стонъ родителей, отдающихъ дѣтей въ бурсу:

„Бѣдныя дѣтушки, зачѣмъ вы на горе зародились.
„Или зачѣмъ вы въ дѣтствѣ киселемъ не подавились".

Не избѣгъ общей участи и А. П. Біографы его утверждаютъ, что онъ былъ отданъ въ бурсу въ одно время со старшимъ братомъ, но это ошибка: онъ въ бурсѣ учился не со Степаномъ, а съ Григоріемъ. Учились оба, конечно, на казенный счетъ, слѣдовательно испытали весь ужасъ бурсацкой жизни. Иркутская бурса 30-хъ—40-выхъ годовъ была много хуже бурсы Петербургской, описанной Помяловскимъ: она даже поотстала отъ другихъ бурсъ [5]). Зимой, напримѣръ, полагалось отапливать въ ней только пять жилыхъ комнатъ, да и то черезъ день (исключая комнатъ, занимаемыхъ

[1]) Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1875 г. т. VI № 3 стр. 111.
[2]) С. Шашковъ. „А. П. Щаповъ". Новое Время, 1876 г., № 196.
[3]) П. В. Знаменскій. „Къ біографіи Щапова" И. В. 1899 г., № 2, стр. 514.
[4]) М. Загоскинъ. „Магистръ" въ Сборникѣ газ. „Сибирь", № 1. стр. 38—39.
[5]) Ibid., стр. 50—51.

начальствомъ), а классы не топились вовсе; и ученики и учителя сидѣли въ шубахъ. Чистоты въ зданіяхъ не полагалось также: «полы не мылись и не мелись по цѣлымъ годамъ», на обѣденныхъ столахъ образовались кочки грязи. «На задахъ бурсы образовывались за зиму цѣлыя горы навозу и всякой бурсацкой дряни; весною же самъ полицеймейстеръ не могъ проѣзжать мимо нея, не заткнувши носа и не выругавшись свойственнымъ образомъ». Бурсаки были вѣчно голодны и оборваны, такъ какъ средствъ на содержаніе ихъ отпускалось лишь столько, сколько необходимо было, чтобы они не подохли съ голоду, а добросердечное начальство, ратуя объ интересахъ казны и собственнаго кармана, употребляло всѣ усилія урѣзать еще сколько-нибудь. Въ результатѣ многіе не выдерживали такой жизни. «Проклятыя болѣзни, скарлатина или корь, какъ заберутся, бывало, въ бурсу, такъ ихъ уже не скоро оттуда выживешь. Цѣлыми десятками отвозилъ тогда на гору маленькіе гробики злополучный савраска». Отъ грязи и множества насѣкомыхъ вся бурса болѣла накожными болѣзнями. «Скорбутъ тоже былъ въ числѣ привилегированныхъ бурсацкихъ болѣзней» [1]). Отцы плакали при посѣщеніи бурсы, видя, какъ вши толстымъ слоемъ покрывали тѣло и платье дѣтей. «Есть преданіе въ дребеденской (иркутской) бурсѣ, что одного бурсака самыя паршивыя изъ этихъ животныхъ заѣли положительно до смерти» [2]).

Ученія не было, а господствовала безсмысленная зубрежка: всѣ учителя ограничивались задаваніемъ «отсюда и досюда» и требовали отвѣчать слово въ слово по книгѣ, совершенно не заботясь, понимаютъ ли ученики хоть что-нибудь. Впрочемъ, чаще они даже не спрашивали уроковъ, а довольствовались отмѣтками авдиторовъ: nescit, non bene и т. д., и весь урокъ проходилъ въ поркѣ: секуторамъ приходилось много работать. Многіе изъ учениковъ не имѣли учебниковъ, такъ какъ начальство объ этомъ не заботилось. Хорошо, если находился «самарянинъ», который давалъ свою книгу несчастнымъ. Случалось, что «отпѣтый» ученикъ неожиданно прекрасно отвѣчалъ урокъ и поражалъ учителя, а разгадка была простая: ему удалось урывками почитать чужой учебникъ [3]). А между тѣмъ у многихъ была громадная жажда ученія: дѣтишки собирали попадавшіеся имъ клочки печатной бумаги, сшивали ихъ вмѣстѣ и, какъ святыню, хранили на груди, упиваясь чтеніемъ этихъ обрывковъ. Но не было челвѣка, который бы хоть на минуту заинтересовался этими пытливыми головками: разница между «педагогами» заключалась лишь въ томъ, что одинъ на-

[1]) А. Щаповъ. „Изъ бурсацкаго быта“. Искра, 1862 г. Цитирую по С. Шашкову „А. П. Щаповъ“, Новое Время, 1876 г., № 196.

[2]) М. Загоскинъ. „Магистръ“, въ Сборникѣ газеты „Сибирь“ № 1, стр. 55.

[3]) Это относится и къ А. П. Вотъ что разсказываетъ К. Кокоулинъ со словъ самаго Аф. Прокоф. Въ первые годы пребыванія Щапова въ бурсѣ, его считали тупицей и лѣнтяемъ. Онъ сидѣлъ на камчаткѣ. *У него не было учебныхъ книгъ.* Однажды учитель предложилъ выучить урокъ въ классѣ наперегонки. Щаповъ *стащилъ* учебникъ у товарища, который занимался прилаживаніемъ коньковъ къ сапогамъ, и выучилъ *пѐрвымъ*. На слѣд. день повторилось то же самое. Тогда Щапову дали книги, и онъ въ концѣ учебнаго года пересѣлъ на первую парту. К. Кокоулинъ. Восточн. Обозр. 1897 г. № 63.

чиналъ урокъ съ сѣченія, а другой кончалъ сѣченіемъ. Въ бурсѣ были вмѣстѣ дѣти и бородачи, у которыхъ часто на сторонѣ заводилось «свое семейство» и пищали «свои дѣти». Можно себѣ представить, какой «обмѣнъ мнѣній» происходилъ между ними и какое «благотворное» вліяніе оказывали одни на другихъ.

Но характеристика бурсы, «воспитавшей» А. П., была бы неполна, если бы мы не указали еще на «публику» и на «карцеръ».

Къ числу священныхъ обычаевъ бурсы, наслѣдованныхъ ею отъ глубочайшей древности, должно отнести такъ называемую «публику» [1]. «Публика» обыкновенно назначалась послѣ перваго числа каждаго мѣсяца, когда начальство бурсы сводило итоги всѣмъ прегрѣшеніямъ, содѣяннымъ бурсаками въ теченіе мѣсяца, и чинило имъ мздовоздаяніе. Въ день «публики» ворота бурсы крѣпко затворялись съ самаго утра, дабы кто-нибудь изъ виновныхъ не избѣгъ достодолжнаго наказанія. Бурсаки задолго до «публики» начинали трепетать всѣмъ своимъ исхудалымъ, изсѣченнымъ тѣломъ и придумывать, изыскивать всѣ средства, чтобы избѣжать истязанія или, по крайней мѣрѣ, облегчить его. Одни рекомендовали секретъ стараго дьячка—намазать тѣло воробьиными мозгами, другіе поступали практичнѣе—подкупали секуторовъ, которые выбирались изъ учениковъ же, или занимались шпіонствомъ, низкопоклонничали. Первое на языкѣ начальства называлось «сообщительностью», второе—«благопокорливостью и почтительностью», «смиренномудріемъ».

Въ назначенный день «въ большой мрачный залъ, откуда предварительно выносили мебель, сгоняли всѣхъ бурсаковъ; затѣмъ являлся весь педагогическій персоналъ in corpore; инспекторъ читалъ сначала списокъ «добронравныхъ», а затѣмъ перечислялъ «преступленія» козлищъ... и начиналась секуція: драли до безчувствія; а затѣмъ на наиболѣе провинившагося бурсака надѣвали «для позора» рога,—«родъ головного убора, искусно сдѣланнаго изъ козлиныхъ роговъ, который замыкался на головѣ замкомъ, такъ что самому украшенному невозможно было снять его». При одномъ изъ смотрителей, въ важныхъ случаяхъ, бурсаковъ сѣкли на обширномъ дворѣ, причемъ звонилъ большой семинарскій колоколъ и стекалась любопытная публика. Въ Иркутской бурсѣ чуть не до сихъ поръ сохранились преданія о нѣсколькихъ, особенно звѣрообразныхъ смотрителяхъ и инспекторахъ, истязавшихъ дѣтей такъ неистово, что они, случалось, умирали подъ розгами [2]).

Но было еще нѣчто, болѣе страшное—карцеръ: самые отчаянные бурсаки боялись этого проклятаго мѣста и охотно выносили лишнюю сотню розогъ, лишь бы не попасть въ карцеръ, а маленькіе даже днемъ обходили тотъ уголъ, гдѣ помѣщался этотъ карцеръ. Можетъ быть, для человѣка взрослаго, для какого-нибудь убійцы это было бы такъ-себѣ,

[1]) Несомнѣнно, что М. Загоскинъ и А. П. Щаповъ сгустили нѣсколько краски при описаніи Иркутской бурсы, но за неимѣніемъ другихъ матеріаловъ мы не сочли себя въ правѣ опустить это описаніе или смягчить его характеръ. *Г. Л.*

[2]) Ibid., стр. 79—86, 100—103.

вольно сносная тюрьма, но не для девятилѣтняго ребенка, наполнен-го суевѣрными разсказами о разныхъ привидѣніяхъ.

Сумасшествіе, нервныя горячки были результатомъ сидѣнія въ карцерѣ. Кто не выдерживалъ, тотъ бѣжалъ изъ бурсы, бѣжалъ безъ оглядки, разбирая куда и какъ. Въ классныхъ журналахъ на ряду съ отмѣтками: не былъ «по неимѣнію одежды, обуви» постоянно пестрѣло — «въ бѣгахъ».

Но немногимъ бѣглецамъ удавалось достичь желанной цѣли—родительскаго крова: большинство скоро попадало въ руки администраціи и препровождалось вновь въ стѣны бурсы; нѣкоторые умирали въ лѣсу съ голода или замерзали зимою гдѣ-нибудь въ оврагѣ [1]).

А. П. «благополучно претерпѣлъ» бурсу, но никогда не могъ забыть ужасовъ. Много лѣтъ прошло со времени окончанія ея, когда онъ писалъ свои воспоминанія «Изъ бурсацкаго быта», но ненависть къ ней чуть не улеглась въ его душѣ. «Если бы дѣти бѣдныхъ сельскихъ дьячковъ и пономарей разсказали исторію своего воспитанія въ духовныхъ училищахъ», говоритъ А. П., «они бы открыли образованному свѣту чудеса физіологіи и педагогики въ исторіи воспитанія и просвѣщенія молодыхъ поколѣній въ Россіи... Кто-то изъ знающихъ хорошо весь удушливый, убивающій процессъ бурсацкаго воспитанія пробѣжалъ разъ мысленно по духовнымъ училищнымъ бурсамъ и воскликнулъ: «Боже мой! и какъ еще живы эти сердечные остаются». Да, дѣйствительно, это—вопросительный физіологическій фактъ» [2]).

Одна отрада была у бурсака—лѣтніе каникулы и слѣдовательно свободное пребываніе въ семьѣ, среди природы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. А. Щаповъ горячо любилъ природу.

«Вотъ, слава Богу, пришла, наконецъ, вакація, съ грѣхомъ пополамъ сданы экзамены. Всѣ, у кого есть отцы и матери близко, хлопотливо и живо собираются домой, отыскиваютъ попутчиковъ или отправляются артельками пѣшкомъ» [3]). Остаются только «несчастные сердяги, бѣдняги», которыхъ нѣтъ пристанища или которые живутъ такъ далеко и такъ бѣдны, что сидятъ въ бурсѣ до окончанія курса или до смерти.

За Щаповыми—Афанасіемъ и Григоріемъ—пріѣзжалъ на своихъ клячахъ отецъ; останавливался за городомъ на полянѣ Ушаковкѣ, такъ какъ квартиры въ городѣ нанять было не на что, и здѣсь поджидалъ дѣтей. Путешествіе на Ангу продолжалось нѣсколько дней и доставляло неописуемую радость А. П..

«Послѣ бурсацкой замкнутости, мертвящей удушливости, звоночной монотонности,—какой просторъ степей, полей открывается, какая роскошь, величественная, грандіозная раскидистость горъ и долинъ. Вотъ тихо, медленно тянется экипажъ бурсацкій темнымъ лѣсомъ, то подымаясь на

[1]) Ibid. Стр. 76.

[2]) А. П. Щаповъ. „Изъ бурсацкаго быта“. Искра, 1862 г. Цитирую по С. Шашкову. „А. П. Щаповъ“, Н. В., 1876 г., № 196.

[3]) Ibid.

крутую гору, то спускаясь въ долину. Съ вершины горъ, вдругъ раскрывается далекая широкая долина, а за ней—опять синѣются лѣса да хребты и по сторонамъ тоже лѣсъ да горы крутыя. У подошвы горъ журчитъ-струится ключъ, или рѣка. По долинѣ пасутся огромныя стада бѣлыхъ овецъ, тучныхъ коровъ, справныхъ лошадей бурятскихъ. По долинѣ раздается разнообразный гулъ бяуканья, мычанья, ржанья и гоготанья бурятскихъ пастуховъ... Вотъ едва тащится, переваливаясь съ боку на бокъ, здоровый быкъ въ одноколкѣ съ огромными колесами. На быкѣ бурятъ везетъ турсуки съ тарасуномъ и тянетъ заунывную, пустынную пѣсню, внушающую много думъ о судьбѣ инородцевъ Всероссійской имперіи... А вонъ, тамъ издали мчится-несется на лихихъ коняхъ, во весь опоръ, во всю прыть, стремглавъ, дружина подгулявшихъ, вѣрно, на свадьбѣ, бурятъ: пыль столбомъ сзади ихъ. А жизнь-то, жизнь этой дикой, но могучей природы! Трава густая, высокая, какъ море, колышется по долинамъ; птицы сѣвера такъ и вьются по горамъ, по лѣсамъ и по травѣ, поютъ, кричатъ, каркаютъ... Насѣкомыя, кобылки, веретена, осы, шмели жужжатъ, пищатъ, трещатъ... Дикій диссонансъ звуковъ, полный гармоніи жизни, простора свободы»[1]).

«Ѣдутъ бурсаки, и одна картина за другою встаетъ передъ глазами. Вотъ Лена, а за нею въ полуверстѣ родное село... Межъ горъ и чернаго густого ельника, опушающаго берега Лены, виднѣется крутая, громадная, бурокаменная скала, созданная чудно грандіозной архитектонической силой природы. Скала какъ-то страшно повисла надъ Леной своими громадными каменными выпуклостями; смотришь и думаешь: вотъ, вотъ оторвутся эти груды и съ шумомъ рухнутъ въ воду, и заплещется Лена; а Лена, межъ тѣмъ, такъ тихо, плавно, лѣниво течетъ подлѣ скалы. На вершинѣ скалы грандіозно кристаллизировался массивный, небрежно сплоченный высокій каменный сводъ, словно возвышенная арка, или тріумфальныя ворота. Въ срединѣ отверстія этихъ каменныхъ, скалистыхъ воротъ, скульптура природы причудливо сгруппировала, выдѣлала фигуру, на подобіе человѣка, словно богатыря, какого-нибудь Святогора.. На юго-востокъ, по правой сторонѣ Лены, тоже скала краснополосатая тянется внизъ по Ленѣ далеко... На самой вершинѣ скалы—съ Лены виднѣется лѣсъ. То начинается хребетъ, простирающійся далеко на востокъ...»[2]) По этому хребту лежитъ гористая, каменистая дорога въ родную деревню А. П., гдѣ его ждетъ мать «пономарица-крестьянка». Видно, горячо любила мать своихъ бурсаковъ и особенно А. П., видно, добромъ вспоминалъ ея вліяніе А. П., если въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ: «Ольга Ивановна Щапова», передавая послѣднія предсмертныя слова своей жены: «прости, Шоня», прибавилъ: «такъ меня звала мать, и такъ она звала меня»[3]). Совпаденіе, если вспомнить характеръ О. И., не случайное. Такимъ образомъ, семья и природа спасли А. П. отъ гибели, но не могли изгладить всѣхъ ея слѣдовъ. Впрочемъ,

[1]) Ibid.
[2]) Ibid
[3]) Сочиненія А. П Щапова. т. II. стр. 1.

иготворное вліяніе семьи было, вѣрно, слабѣе, а кое въ чемъ даже вредно оажалось на характерѣ А. П., такъ какъ недаромъ О. И. не разъ говавала ему: «въ тебѣ не мало еще слѣдовъ ангинщины и бурсы»[1].

Въ 1846 г. А. П. послѣ шестилѣтняго горькаго пребыванія въ бурсѣ оешелъ въ числѣ лучшихъ учениковъ въ Иркутскую духовную семина-), вмѣстѣ съ братомъ Григоріемъ. Въ семинаріи было нѣсколько лучше, мъ въ бурсѣ[2]). Помѣщеніе было просторнѣе и чище; лучше кормили и ѣвали; не было ужасныхъ истязаній и издѣвательствъ надъ человѣчеою душою; но розги существовали, обычай оставлять безъ ѣды широко иктиковался. А главное, опять было много мученія, а мало ученія. Не майте, однако, что семинаристы мало проходили наукъ. Я думаю, что один изъ величайшихъ европейскихъ ученыхъ не изучалъ столько эдметовъ, сколько они: въ семинаріи преподавалось ни болѣе, ни менѣе, къ сорокъ три (43) «науки»! Вотъ ихъ перечень[3]): русская грамматика, ивянская грамматика, катихизисъ митр. Платона, ариѳметика, географія, щенная исторія, «обиходъ», катихизисъ Филарета, языки латинскій и эческій (въ теченіе десяти лѣтъ), по собственному выбору языки: франэскій, нѣмецкій, еврейскій и мѣстный инородческій (въ Иркутскѣ монъскій), толкованіе Священнаго Писанія (въ теченіе 6 лѣтъ), православное іовѣданіе вѣры Петра Могилы, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, паспія, реторика, алгебра, геометрія, всеобщая исторія, землемѣріе, черче-, физика, минералогія, ботаника, зоологія, логика, психологія, сельское зяйство, церковная исторія, исторія русской церкви, популярная медина, герменевтика, русская исторія, патристика, догматика, гомилетика, эковная археологія, богословіе православное, пастырское, обличительное и блейская исторія.

Конечно, осилить подобную бездну премудрости было невозможно, мъ болѣе, что и въ семинаріи учебниковъ не хватало и приходилось оки сначала переписывать, а потомъ долбить. Семинаристы не изучали эдмета, а готовились только для экзамена: получали удовлетворительную мѣтку... и сейчасъ же забывали все... къ счастью для себя.

Но была и хорошая сторона въ семинарской наукѣ: ихъ пріучали къ ішленію, дрессировали умъ. Къ сожалѣнію, благодаря этой дрессировкѣ ь нихъ вырабатывались часто такіе діалектики, которые очень ловко оили аргументы, воздвигали изъ нихъ стройныя пирамиды, но чисто эластическаго содержанія: какъ нѣкогда софисты, а потомъ іезуиты, они зко оперировали надъ «ничѣмъ» и путемъ софизмовъ и всевозможныхъ эщреній создавали «нѣчто» равняющееся «ничто», такъ какъ реальныхъ, стоящихъ знаній у нихъ не было. «Даже самые бойкіе изъ семинариэвъ походили на бѣлокъ, ловко вращавшихся въ одномъ и томъ же лесѣ и не знавшихъ ничего обо всемъ, что творилось внѣ ихъ маленькой ѣтки»[4]).

1) Ibid. стр. 14.
2) С. Шашковъ „А. П. Щаповъ", Новое Время, 1876 г., № 198.
3) С. Шашковъ „А. П. Щаповъ". Новое Время, 1876 г., № 198.
4) Ibid.

Мало давая знаній, семинарія зато доканчивала то развращеніе юношескихъ душъ, которое начинала бурса. И здѣсь всѣ смотрѣли на бурсака, какъ на прирожденнаго негодяя, котораго необходимо «смирять»; и здѣсь царили поддерживаемыя начальствомъ: предательство, низкопоклонство, лесть и фарисейство; и здѣсь величайшими пороками считалось «табакокуреніе», непочтеніе къ старшимъ и т. д. За какое-нибудь крупное нарушеніе дисциплины виновнаго сдавали въ солдаты или отправляли въ губернское правленіе для приписки въ податное сословіе. На докладѣ о такомъ семинаристѣ преосвященный, говоритъ Шашковъ, клалъ резолюцію: «исключить и, яко непотребнаго, выгнать метлами со двора семинаріи». Это не были слова: была выработана цѣлая церемонія подобнаго изгнанія: одни служителя метлами гнали исключеннаго со двора, а другіе заметали самые слѣды его [1]).

Семинарія не могла наполнить жизнь юношей; родныхъ и знакомыхъ въ городѣ у большинства не было, свѣтскія книги строго преслѣдовались. Что же оставалось? Водка и развратъ. И семинаристы виномъ заливали свою тоску да развратничали. Грубыми нравственно, неотесанными они кончали семинарію, но и то далеко не всѣ: такихъ счастливцевъ было не болѣе $^{1}/_{3}$ поступившихъ. Бывали, конечно, исключенія.

А. П. кончилъ курсъ семинаріи въ 1852 г. 3-мъ ученикомъ [2]). Знаній вынесъ оттуда немного. Иностранной литературы не зналъ вовсе; изъ русской — былъ знакомъ съ исторіей Карамзина. Послѣднее характерно для него, какъ будущаго историка.

Шашковъ такъ характеризуетъ Щапова того времени. «Это былъ робкій, застѣнчивый юноша, не пившій вина, не курившій трубки, не знавшій женщинъ и никакихъ общественныхъ увеселеній и до того пріученный къ смиренію, что, когда его отправили на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію, то онъ боялся не выдержать вступительнаго экзамена и быть съ позоромъ отправленнымъ обратно» [3]). Къ этому надо прибавить, что онъ выработалъ въ семинаріи привычку къ постоянному, усидчивому труду, чѣмъ впослѣдствіи удивлялъ всѣхъ товарищей въ академіи.

Въ одно время съ нимъ кончилъ курсъ братъ его Григорій. Но по натурѣ это былъ совсѣмъ другой человѣкъ: онъ стремился къ сытой, спокойной жизни попа, былъ расчетливъ и заискивалъ у начальства. Въ сентябрѣ онъ обвѣнчался на состоятельной дѣвушкѣ, въ ноябрѣ былъ посвященъ въ священники и посланъ въ приходъ въ Культукъ. «Живя въ Культукѣ», писалъ онъ А. П. 3 апрѣля 1853 г., «я всегда въ виду начальства и сталкиваюсь съ людьми, доступными ко владыкѣ. Слышу, что до владыки доходятъ пріятныя вѣсти о мнѣ». Изъ письма его къ А. П., довольно подобострастнаго, узнаемъ, что А. П. выдержалъ экзаменъ блистательно— 3-мъ по списку. Уже въ академіи А. П. получилъ указанныя нами въ на-

[1]) Ibid.
[2]) П. В. Знаменскій. „Къ біографіи Щапова", И. В., 1899 г., № 2, стр. 518—519.
[3]) С. Шашковъ. „А. П. Щаповъ". Новое Время. 1876 г., № 198.

чалѣ очерка письма отъ отца и брата. Бѣдному юношѣ пришлось узнавать про ссору отца съ Григоріемъ, причемъ сынъ обвинялъ отца въ пьянствѣ и вымогательствѣ денегъ, а отецъ жаловался на грубость сына, на его скаредность, да въ добавокъ указывалъ на свою нищету. Третій сынъ, старшій Степанъ, исключенный изъ Казанской духовной академіи въ 1847 г. за пьянство и дебоши, служилъ въ это время въ Читѣ и получалъ, какъ писалъ отецъ А. П., 1000 руб. сер., но старикамъ не помогалъ. Сестра Пелагея жила у Григорія на положеніи, близкомъ къ прислугѣ. О другой сестрѣ свѣдѣній нѣтъ. Въ судьбѣ семейства Щаповыхъ, особенно Григорія, принималъ участіе купецъ С. С. Поповъ [1]).

Денегъ А. П. не получалъ ни отъ кого: отецъ не могъ выслать, такъ какъ у него не было, а братъ Григорій отговаривался тѣмъ же: ему надо было налаживать хозяйство.

II

Казанская Духовная Академія въ 50-хъ годахъ. Жизнь и занятія А. П. Щапова въ Академіи. Народничество Щапова. Отношеніе его къ начальству и товарищамъ. Занятія русской исторіей и интересъ къ расколу. Работа надъ диссертаціей. Оставленіе его баккалавромъ въ академіи по каѳедрѣ русской исторіи.

Казанская духовная академія, куда былъ принятъ А. П., мало чѣмъ отличалась отъ Иркутской семинаріи. П. Знаменскій старался всѣми силами представить ее въ возможно радужномъ свѣтѣ, но не только не достигъ цѣли, а наоборотъ, расхваливаемые имъ администраторы возбуждаютъ къ себѣ чувство омерзенія, какъ и вся система, весь строй этого заведенія [2]). Направленіе академіи, продолжавшееся почти безъ измѣненій до конца Крымской кампаніи, было положено ректоромъ архим. Григоріемъ и его достойнымъ сотрудникомъ, сдѣлавшимся въ 1854 г. инспекторомъ, С. И. Протопоповымъ, въ схимѣ Серафимомъ. Характеризовалось оно полнымъ господствомъ монаховъ, презрѣніемъ къ свѣтской наукѣ и іезуитскимъ надзоромъ надъ студентами.

Недалекій по уму, малообразованный архим. Григорій былъ хорошимъ хозяиномъ, ревностнымъ служакой, но невозможнымъ ректоромъ [3]). Онъ не устраивалъ блиндированныхъ дверей и оконъ, зато весь день и даже ночь посвящалъ выслѣживанію духовныхъ чадъ. Его постоянно можно было встрѣтить во время лекцій въ корридорѣ около аудиторій; всѣ входящіе и выходящіе изъ аудиторіи были у него на виду и на замѣчаніи. Походивъ по корридорамъ, онъ отправлялся въ студенческія комнаты, спальни и разные уголки, гдѣ студентъ могъ скрываться отъ науки, и, кого встрѣчалъ, выпроваживалъ на лекціи. Посѣщалъ онъ не рѣдко и лекціи, пересчитывая на нихъ студентовъ и прислушиваясь къ профессору,

[1]) П. В. Знаменскій. „Къ біографіи Щапова“, И. В., 1899 г., № 2, стр. 513—520.

[2]) П. В. Знаменскій. „Исторія Казанской Духовной Академіи“. 1892 г., вып. I—III Н. Аристовъ, „А. П. Щаповъ“. Спб. 1883, стр. 7.

[3]) Ibid., вып. I, стр. 64—65.

а то иногда просто дремля послѣ безсонной ночи, проведенной въ охотѣ за нарушителями академическихъ порядковъ. Духовный отецъ никогда не могъ успокоиться—всегда ему мерещились «злодѣйства» судентовъ [1]). Сидить, бывало, у себя въ кабинетѣ, вдругъ ему послышится шумъ... моментально набрасываетъ рясу и неожиданно, какъ тать въ нощи, появляется по разнымъ закоулкамъ зданія. А то, бывало, прибѣгнетъ къ такой уловкѣ уѣдетъ въ городъ, какъ бы за дѣломъ; студенты только-что свободно вздохнули, собирались курнуть, какъ карета мчится назадъ, и о. ректоръ бѣжитъ по классамъ и студенческимъ комнатамъ ловить. Съ профессорами онъ обращался грубо и дѣлалъ имъ, какъ школьникамъ, самыя строгія внушенія, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Про студентовъ и говорить нечего. При самомъ своемъ вступленіи на должность онъ прогналъ наиболѣе непокорливыхъ и выпивавшихъ (напр., С. Щапова), а остальныхъ согнулъ въ «бараній рогъ». «Безсовѣстные, бродяги, грубые мужики, негодяи» и тому подобные эпитеты вылетали не только въ минуту гнѣва изъ устъ монаха, но спокойно писались имъ на докла̀дахъ-рапортичкахъ старшихъ и инспектора о поведеніи студентовъ [2]). Широко практиковался имъ «голодный столъ» и стояніе на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвъ и поклоны. Даже странно подумать, что взрослый человѣкъ, иногда священникъ лѣтъ за 30 (такъ какъ и такіе попадались среди студентовъ), слышалъ грозныя приказанія: «на голодный столъ на обѣдъ, или ужинъ на цѣлый день», изрѣдка даже на 2—3 дня.

Окончательное торжество принциповъ архим. Григорія началось, когда въ 1847 г. помощникъ инспектора С. И. Протопоповъ постригся въ монахи и «такимъ образомъ окончательно перешелъ въ ряды начальствовавшихъ лицъ академіи». Тогда отпуски въ городъ почти прекратились, а отпущенные должны были уходить изъ академіи точно въ то время, которое было обозначено на билетѣ; была сдѣлана попытка не выпускать студентовъ изъ ограды академіи даже для моціона въ тѣ дни, когда академическій дворъ былъ занесенъ снѣгомъ, но о. ректоръ смилостивился и разрѣшилъ: «пока очистится мѣсто на дворѣ для прогулки, можно выходить за ограду, но не дальше дома» [3]). О. Серафимъ расширилъ количество пріемовъ изловленія студентовъ; ночью, въ мягкой обуви, какъ тѣнь, скользила черная ряса съ потайнымъ фонаремъ, и, лишь только оказывалась пустая постель, какъ блестѣлъ свѣтъ, замѣчался номеръ. А утромъ начиналась расправа [4]).

Очень немного лицъ удостаивалось похвальной аттестаціи, и слава Богу, такъ какъ здѣсь, какъ и въ бурсѣ, и въ семинаріи, высшими достоинствами человѣка признавалось «благочестіе, хожденіе въ церковь даже въ будни, кротость, да покорность или послушаніе начальству».

«Студенты были кругомъ блокированы ихъ двойнымъ неусыпнымъ вниманіемъ», замѣчаетъ съ восторгомъ П. Знаменскій [5]).

[1]) Ibid., вып. I. 67 - 68.
[2]) Ibid., вып. III, стр. 156, 157, 158, 159—164 и дальше.
[3]) П. Знаменскій. „Исторія Казанск. Дух. Акад.“, вып. I, стр. 7 -8.
[4]) Ibid., вып. III, стр. 179.
[5]) Ibid., вып. II, стр. 77.

А. П. пришлось испытать на себѣ всю тяжесть монашеской блокады, 'орую прорвали только побѣдоносные союзники взятіемъ Севастополя. цобная система или губитъ человѣка, уничтожая всецѣло его личность, і заставляетъ его сжиматься до перваго момента свободы, когда лич:ть развертывается безъ удержу, безъ границъ, часто безцѣльно. Такъ ю и съ А. П.

Неудивительно, что наука не могла процвѣтать въ такой атмос)ѣ іезуитизма и монашескаго ханжества. Правда, и здѣсь попада:ь талантливые и честные профессора, но они были въ такомъ загонѣ, ı при первомъ удобномъ случаѣ сбѣгали изъ академіи. Если среди сту[товъ теплился огонекъ, то этимъ они обязаны были литературѣ и униситету, какъ ни нападаютъ на него и Аристовъ и Знаменскій [1]).

Въ академіи читались почти тѣ же предметы, что и въ семинаріи, болѣе обширно и болѣе головоломно [2]). Изъ новыхъ предметовъ при:лялись: эстетика, исторія философіи, палеографія, исторія раскола, 'ометанства, буддизма и языки еврейскій, арабскій, татарскій, монголо[мыцкій. Кромѣ того, академія преслѣдовала еще чисто практическую ıь—приготовить миссіонеровъ для распространенія православія среди точныхъ инородцевъ. Преосвященный Григорій особенно напиралъ на задачу академіи, и послушные начальству ректора усердствовали, за :люченіемъ архим. Іоанна, о которомъ скажу дальше. Въ ректорство им. Агафангела были устроены даже особыя отдѣленія миссіонерскія, ıчтоженныя нѣсколько лѣтъ спустя, но не къ выгодѣ для студен:ъ, такъ какъ всѣ читавшіеся на нихъ предметы были сдѣланы обяза:ьными, а не такъ, какъ раньше, по спеціальностямъ.

Начальство академіи, какъ я уже сказалъ, не видѣло пользы въ свѣтıхъ наукахъ и старалось всячески изгнать ихъ. Особенно отличался, оритъ Аристовъ [3]), ректоръ, намъ уже знакомый Григорій, такимъ крайне ıждебнымъ преслѣдованіемъ наукъ и введеніемъ схоластическаго пре[аванія. Но кажется, его превзошелъ архим. Агафангелъ: въ его ректор:о было ослаблено изученіе физики и математики, которыя преподавалъ ›ф. Гусевъ; были изгнаны совсѣмъ изъ курса естественныя науки; свѣт:я литература считалась (по выраженію самого о. ректора) «обширнѣйй пустыней». Достаточно было показаться съ книжкой сочиненій Гоголя, шкина или томомъ Отеч. Записокъ, чтобы попасть подъ сумленіе [4]).

Величайшимъ зломъ академіи былъ упрочившійся оригинальный обыі: профессоровъ за либерализмъ или просто по самодурству (а извѣстно, ı начальствующіе монахи славятся самодурствомъ) переводили съ одного дмета на другой [5]): такъ А. М. Беневоленскаго перевели съ церковной 'оріи на библейскую; Н. П. Соколова съ философіи — на церк. исторію; :еографа Лилова сдѣлали философомъ, какъ и Рублевскаго, баккалавра

[1]) П. Знаменскій. Ibid., вып. III. стр. 245, 246. Н. Аристовъ. Ibid., стр. 22—28.
[2]) С. Шашковъ. „А. П. Щаповъ", Новое Время, 1876 г., № 198.
[3]) Н. Аристовъ. „А. П. Щаповъ". Спб. 1883 г., стр. 7.
[4]) Ibid. стр. 8.
[5]) С. Шашковъ. „А. П. Щаповъ", Н. В., 1876 г., № 198.

обличительнаго богословія; представителя противомухамеданскаго отд. хотѣли сдѣлать математикомъ и т. д. Въ результатѣ изъ академіи бѣжало все наиболѣе живое и талантливое: ушелъ даровитый Г. З. Елисѣевъ, Бобровниковъ, проф. Д. Гусевъ, Рублевскій, Ильминскій, М. М. Зефировъ; А. И. Лиловъ поступилъ въ надзиратели гимназіи, лишь бы только уйти изъ академіи, и друг.

О. ректоръ считалъ себя въ правѣ требовать измѣненія содержанія лекцій, разъ онѣ ему не понравились почему-либо. Печатавшіяся въ Прав. Собесѣдн., издаваемомъ при Казанской духовной академіи, статьи подвергались самой оригинальной цензурѣ: нельзя было, напримѣръ, сказать «протестантская церковь», а надо было говорить—пр-ое сонмище или соборище; И. Я. Порфирьевъ получилъ строгій выговоръ за то, что написалъ о *характерѣ* произведеній Св. Кирилла Туровскаго, такъ какъ-де «святому нельзя приписывать какого-либо человѣческаго характера» [1]).

Я. Г. Рождественскій даетъ такой отзывъ объ академіи: «Время нашего студенчества (1850—1854 г.) было до такой степени смирно и скучно, что студенты послѣдующихъ курсовъ съ трудомъ могутъ составить себѣ объ этомъ понятіе: причетническое приниженіе, кошачья осторожность, безотвѣтная субординація были поистинѣ жалки и гадки... Умственной свѣжей, здоровой пищи, кромѣ затхлой казенщины, почти негдѣ было взять: «Исторія цивилизаціи» Гизо считалась «ужасной книжкой», а извѣстное сочиненіе Гиббона въ нѣмецкомъ переводѣ держали въ строгой тайнѣ; на свой счетъ студенты выписывали «Отечественныя Записки» и «Современникъ», но читали по возможности скрытно отъ начальства. Журналы прежнихъ годовъ брали студенты изъ библіотеки Сахарова, а о современныхъ живыхъ интересахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія» [2]). Но изъ массы бездарностей, читавшихъ лекціи студентамъ, необходимо выдѣлить упоминаемыхъ уже Елисѣева, Бобровникова, Беневоленскаго, Гусева, которые несомнѣнно оказали хорошее вліяніе на А. П. Беневоленскій въ концѣ концовъ былъ сдѣланъ профессоромъ литургики, но и здѣсь успѣвалъ «слиберальничать»: то скажетъ, что пророкъ Исаія былъ, такъ сказать, *экстаординарный* пророкъ, такъ какъ Господь отпустилъ ему двойную порцію благодати: то — что повторялось особенно часто—говорилъ: «изъ-за Лютера уже высматривалъ зоркій глазъ Штрауса, который до тонкости разобралъ жизнь Іисуса Христа; этотъ писатель писалъ и не стѣснялся, и обставилъ матеріи такими сильными пріемами и излагалъ съ такой безпощадной хитрой логикой, что я бы вамъ, господа, не совѣтовалъ и читать его, ибо вашъ молодой и незрѣлый умъ можетъ увлечься». Д. Ѳ. Гусевъ былъ образованъ, остроуменъ, приглашалъ къ себѣ студентовъ, гдѣ знакомилъ ихъ съ нѣмецкими сочиненіями Штрауса, Фейербаха, открыто говорилъ противъ монаховъ и т. д. Много знаній вынесли студенты изъ лекцій Бобровникова, прекрасно знакомаго съ монголо-калмыцкимъ языкомъ. (Его грамматика этого языка была

[1]) П. Знаменскій. „Исторія Казанск. Дух. Академіи", вып. 1, стр. 113.
[2]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 8 воспоминанія Я. Г. Рождественскаго.

увѣнчана Академіей Наукъ преміей) [1]. О вліяніи Елисѣева. Григоровича на А. П. будетъ сказано ниже. Нельзя здѣсь же не отмѣтить нѣкоторыхъ случайностей, сыгравшихъ большую благотворную роль въ занятіяхъ А. П. Это прекрасная библіотека по расколу, которая была собрана ректоромъ Агафангеломъ, въ угоду преосвященному Григорію, и перевозъ въ Казань Соловецкой библіотеки.

Что же дѣлалъ въ академіи А. П. и какъ реагировалъ на окружающее? Благодаря свѣдѣніямъ, съ любовью собраннымъ Аристовымъ, можно составить себѣ объ этомъ довольно ясное понятіе.

А. П. продолжалъ исполнять всѣ требованія начальства, какъ дѣлалъ это и раньше, въ семинаріи. Вѣчно углубленный въ занятія, аскетъ по своимъ привычкамъ, совершенно не знакомый съ жизнью, чуждый общественныхъ интересовъ, онъ по 17 часовъ въ сутки работалъ, не замѣчая ничего, что творится вокругъ него [2]. Росли знанія, увеличивались выписки изъ научныхъ книгъ, но не было еще характера, не установилось опредѣленнаго міросозерцанія... Оставалась чистая, нетронутая, пылкая душа, не способная на компромиссы, и какая-то романическая любовь къ народу. Нуженъ былъ толчекъ, чтобы открыть ему глаза, и тогда онъ, вслѣдствіе своего долгаго невѣдѣнія, всею душою, по-дѣтски ринется къ свѣту и проклянетъ тьму, хотя бы ему угрожала величайшая опасность. Критическаго отношенія къ жизни, къ людямъ онъ не могъ выработать вслѣдствіе особенностей духовной школы. Когда онъ вкусилъ отъ древа познанія, все для него разбилось на-двое: одно онъ ненавидѣлъ, другому молился, третьяго не было, или вѣрнѣе третье было забытье, угаръ.

Вотъ что говорятъ о немъ его товарищи по академіи, Я. Г. Рождественскій (1852—1854), и Аристовъ (1854—1856) [3].

А. П. съ самаго начала выдвинулся своей беззавѣтной откровенностью: что было у него на умѣ, то и на языкѣ, и всегда и передъ кѣмъ угодно; его рѣчь отличалась прямотой, поведеніе было просто, искренне, а откровенность доходила до наивности, какъ у ребенка. Вслѣдствіе духовной чистоты своей онъ не понималъ, что такое интрига, скрытность, лицемѣріе... Искренность его соединялась съ необыкновенной смѣлостью, отвагой; онъ говорилъ одинаковымъ тономъ со сторожемъ, товарищемъ, ректоромъ и на экзаменахъ, — и тутъ не было заносчивости, ни желанія выставиться передъ другими; смѣлость эта вытекала прямо изъ убѣжденія и чистаго сердца». Онъ никогда ни передъ чѣмъ не смущался, такъ что вызывалъ даже насмѣшки профессора И. П. Гвоздева надъ своей самоувѣренностью, и въ то же время отличался большимъ самолюбіемъ и не выносилъ надъ собою, даже надъ своимъ видомъ, никакихъ насмѣшекъ. А видъ и манеры его далеко не отличались изяществомъ, такъ какъ онъ съ презрѣніемъ относился къ внѣшности. Вспыльчивъ былъ до невѣроятія и «вообще, считался большимъ чудакомъ и чуть не юродивымъ по дикому

[1] Ibid,, стр. 18—19.
[2] С. Шашковъ. „А. П. Щаповъ“, Н. В., 1876 г., № 198.
[3] Н. Аристовъ. Ibid., стр. 7 14.

характеру между товарищами, хотя они достойно цѣнили его умъ и трудолюбіе».

Протоіерей Пѣвницкій въ своихъ запискахъ оч. ярко рисуетъ передъ нами образъ А. П. Щапова: «этотъ человѣкъ былъ преоригинальной натуры. Родомъ сибирякъ изъ Иркутска—чистый сибирскій самородокъ, типа бурятскаго и сложенъ дубнякомъ, большого роста и съ большою копною курчавыхъ волосъ на большой головѣ, дурнецъ лицомъ; ума обширнаго и заносчиваго, характера необузданнаго и вздорнаго; любилъ заниматься чтеніемъ книгъ с. ученыхъ и самъ до страсти привязанъ былъ къ сочинительству. Въ Академіи будучи студентомъ, онъ постоянно сидѣлъ послѣ срока, и сочиненія эти всегда выходили обширныя, авторскаго достоинства и эрудиціи, вполнѣ ученаго характера. Во время сочинительства онъ никого не подпускалъ къ себѣ и рычалъ, какъ звѣрь, если кто мѣшалъ ему. Поэтому всѣ и сторонились его, а онъ въ довольствѣ отъ того и проводилъ все свое свободное время среди своихъ книгъ друзей, какъ отшельникъ. Общеніе съ товарищами онъ имѣлъ только тогда, когда нужно и можно о чемъ-либо поспорить и поразсудить, и въ этомъ случаѣ онъ былъ неистощимъ и надоѣдливъ, приходилъ въ азартъ, когда его оспаривали и непреклонно стоялъ на своемъ, въ азартѣ забрызжетъ васъ слюнами и не уступитъ» [1]). Къ начальству онъ былъ глубоко равнодушенъ и даже не замѣчалъ его: онъ выучился уживаться съ дѣтства даже съ варварами педагогическими. А кромѣ того былъ слишкомъ занятъ, хотя со смѣхомъ встрѣчалъ продѣлки товарищей. На лекціи ходилъ аккуратно и внимательно слушалъ, какова бы лекція ни была. Отъ репетицій уклонялся и часто говорилъ, что не готовился. Сочиненія писалъ и подавалъ въ срокъ, но почти всегда неоконченными, такъ какъ они разростались неизмѣримо, особенно по русской исторіи. Жизнь его начиналась такъ: утромъ, послѣ молитвы, онъ приходилъ въ столовую съ книгой; выпивалъ, не отрывая глазъ отъ нея, стакановъ 4—5 чаю крѣпкаго, безъ сахару, а затѣмъ направлялся къ своей конторкѣ. «На первомъ курсѣ Щаповъ читалъ много и упорно и съ такимъ усердіемъ занимался, что всѣ изумлялись; онъ не зналъ никакихъ развлеченій, не участвовалъ въ играхъ... и рѣдко выходилъ даже на прогулку. Часовъ по 17 въ сутки онъ проводилъ за конторкой, такъ что отъ его сапогъ образовались углубленія на полу; студенты водили другъ друга смотрѣть это диво и углубленія прозвали «*ямами новаго столпника*, блаженнаго Афанасія». И въ 1854 г. А. П. не измѣнилъ своего рвенія къ занятіямъ: «такого ретиваго къ занятіямъ студента», говорили Аристову, вновь поступившему въ академію, «едва ли видѣла Казанская академія въ стѣнахъ своихъ со дня основанія». Погрузившись въ занятія, А. П. все забывалъ, и инспекціи приходилось *гнать* его въ аудиторію и даже въ столовую. Изъ всего прочитаннаго онъ постоянно дѣлалъ выписки, которыхъ у него съ каждымъ днемъ все больше накоплялось, хотя выписки дѣлались, говорилъ Аристовъ, безъ всякой системы.

[1]) Записки прот. Пѣвницкаго. Русск. Старина 1905 г., т. 123, № 8, стр. 324—325.

Отвлеченные вопросы мало занимали А. П.; онъ искалъ положительнаго, фактическаго знанія. Есть указанія на то, что онъ еще въ академіи горячо интересовался естествознаніемъ, но почему оставилъ его и перешелъ къ исторіи—неизвѣстно. Новыхъ языковъ А. П. не зналъ и не занимался ими (онъ съ трудомъ разбирался въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ при помощи словаря), а все время посвящалъ изученію русской литературы и особенно русской исторіи: онъ прекрасно зналъ русскую беллетристику, даже новѣйшую; постояннымъ чтеніемъ его по исторіи, по словамъ Рождественскаго и Аристова, были: С. М. Соловьевъ, затѣмъ Карамзинъ, Погодинъ, Арцыбашевъ, Медовниковъ и др. изданія археографической комиссіи. Стоитъ, впрочемъ, пробѣжать подстрочныя примѣчанія къ его диссертаціи—«Русскій расколъ старообрядства», чтобы убѣдиться, какую массу матеріала онъ осилилъ. Главное свое вниманіе А. П. останавливалъ на бытовой жизни русскаго народа. Народъ и его жизнь рано уже притягивали къ себѣ А. П. «Изъ всей учащейся русской молодежи нашего времени, говоритъ Рождественскій [1], никто не зналъ такъ близко, такъ кровно простого нашего народа, его быта, нужды и горестей, какъ дѣти сельскаго духовенства, выросшія въ средѣ крестьянъ». Учебный округъ Казанской духовной академіи обнималъ всю Сибирь, Закавказскій край и треть Европейской Россіи; поэтому студенты, стекаясь изъ разныхъ мѣстностей, имѣли возможность знакомиться, помимо всякихъ книгъ, изъ взаимныхъ разговоровъ, съ разными сторонами народной жизни, и, не замѣчая того, дѣлались порядочными этнографами. Для А. П. эти разговоры при его наклонности къ этнографіи и увлеченію народомъ имѣли особенно важное значеніе. Всѣ студенты знали его преклоненіе, его горячую любовь къ русскому забитому крестьянству и даже пользовались этимъ. Во время каникулъ отъ скуки старшіе суденты подходили къ А. П. и начинали нападать на крестьянъ. «Горячее и ребяческое его сердце тотчасъ приходило въ неописанное негодованіе: какъ можно быть настолько безсовѣстнымъ, чтобы унижать силу Россіи — мужичка, кормильца всего государства». Среди студентовъ былъ даже одинъ говорунъ, діалектикъ С. И. Шиловскій, на обязанности котораго было довести А. П. до бѣшенства. Среди сибиряковъ-студентовъ уже тогда жила мысль о желательности отдѣленія Сибири отъ Россіи, что могло дать толчекъ для послѣдующаго развитія областной теоріи. Во всякомъ случаѣ А. П. былъ горячимъ патріотомъ и народникомъ. «Никто съ такой жадностью не ловилъ газеты (съ осени 1854 г. послѣ ухода инсп. Серафима студенты выписывали газеты и журналы открыто), какъ онъ во время знаменитой севастопольской обороны, и никогда не сомнѣвался, что русскіе отобьются съ честью отъ союзныхъ войскъ». Паденіе Севастополя сыграло громадную роль въ развитіи міросозерцанія А. П.—онъ понялъ положеніе вещей; «Письма» Погодина, затѣмъ разныя секретныя записки и извѣстія, ходившія между студентами, помогли ему въ этомъ; недаромъ самъ Аристовъ отмѣчаетъ, что А. П. «осо-

---

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 10.

бенно любилъ поглащать всякія секретныя рукописи» [1]), а ихъ въ то вре ходило не мало.

Послѣднее время своего пребыванія въ академіи А. П. проводи безъ отдыха за своей диссертаціей, для которой воспользовался библіотек академіи о расколѣ и рукописями изъ Соловецкаго монастыря. Библіот Казанской духовной академіи была особенно богата книгами по раско Дѣло въ томъ, что въ 1857 г. ректоромъ академіи сдѣлался архим. Агаф гелъ, опозорившій себя доносомъ на извѣстнаго протоіерея Павскаго по воду перевода послѣднимъ книгъ Св. Писанія на русскій языкъ. Положе Агафангела было щекотливое, и онъ поддѣлывался къ Казанскому преос щенному Григорію, борцу противъ раскола, прикидываясь знатокомъ дѣ хотя рѣшительно ничего не понималъ въ немъ [2]). Благодаря старані преосвященнаго онъ былъ сдѣланъ ректоромъ въ Казани. Здѣсь онъ і должалъ усердствовать, и его стараніями было пріобрѣтено много кни рукописей и раскольничьихъ сочиненій, при чемъ студенты помогали въ разборѣ и описи ихъ. Студенты же были привлечены къ еще бо. колоссальной работѣ—къ описи Сборниковъ Соловецкой библіотеки. Д въ томъ, что рукописная библіотека монастыря изъ опасенія гибели е время блокады англичанами Соловецкаго острова была увезена снач въ Петербургъ, а затѣмъ въ Казань. Студенты академіи съ радостью бросились на эти мало извѣстныя историческія сокровища и почерпн оттуда не мало свѣдѣній для своихъ трудовъ. Архим. Агафангелъ поощр: ихъ въ этой работѣ.

Этотъ ректоръ разыгрывалъ изъ себя не только знатока раскола. и свѣтскаго человѣка; говорилъ на французско-костромскомъ нарѣ окружалъ себя пышностью, презиралъ духовенство, особенно сельско низшихъ его членовъ, баллы ставилъ за миловидность и внѣшно Студенты крѣпко потѣшались надъ нимъ и не только въ Казани, но и Петербургѣ, куда онъ затѣмъ перешелъ. Но для А. П. его «увлечен расколомъ было очень полезно.

Въ общемъ же жизнь А. П. въ академіи была тяжелая: все вр онъ прожилъ здѣсь безвыѣздно; близкихъ лицъ, съ которыми онъ дѣлі бы горе и радость, у него не было; онъ все болѣе, что называется. н бирался, несмотря на свой дикій темпераментъ. Между профессорамі студентами ему нравились головы, идеи и стремленія къ знанію, а лица съ характерами и практическими взглядами на дѣло, такъ какъ сам рѣшительно незнакомъ былъ съ жизнью. Никакихъ увеселеній не зналъ. Въ кутежахъ никогда не участвовалъ, о сближеніи съ жені нами даже не мечталъ. Ни водки, ни вина до окончанія академіи не п бовалъ и не выносилъ даже запаха спиртныхъ напитковъ [3]).

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 15, 21. Записки прот. Пѣвницкаго.' Русск. Стар. 190 т. 123 № 8 стр. 320.

[2]) Н. Аристовъ. Ibid. стр. 16, 17. П. Знаменскій. „Исторія Казанской Д. Акаде вып. I, стр. 105—115.

[3]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 29.

Поэтому очень интересны переданныя В. И. Калатузовымъ вспышки темперамента А. П.—онѣ говорятъ, куда и какъ онъ пойдетъ дальше [1]).

8 ноября 1855 г. въ день академическаго праздника студенты устроили вечеринку, которая закончилась казачкомъ, бойко отхваченнымъ кавказцами, мастерами на пляску. А. П. пришелъ въ восторгъ, жалъ руку, приговаривая: «вотъ такъ по-русски, это по-русски, вотъ люблю».

Другой случай произошелъ лѣтомъ 1856 г. Студенты, оставшіеся на лѣто, помѣщались въ флигелѣ. А. П. жилъ въ отдѣльной комнатѣ и отдѣлывалъ свое сочиненіе. Тоска стояла неизмѣримая, такъ какъ надзоръ инспекціи не прекращался и лѣтомъ. Дѣла не было, а что и было, то валилось изъ рукъ. Какъ шальные, студенты ходили изъ комнаты въ комнату. Одинъ изъ нихъ съ горя затяни пѣсню:

„Ахъ, подруженьки, какъ грустно
Цѣлый годъ жить взаперти,
Изъ-за стѣнъ лишь любоваться
На широкія поля.
Намъ и пѣсни невеселы,
Отъ тоски мы ихъ поемъ".

«Вдругъ растворяется дверь,—въ комнату влетаетъ Щаповъ. Наэлектризовавшись тоскливымъ пѣніемъ, онъ разразился чуть не со слезами на глазахъ цѣлой рѣчью: «Боже, какъ жутко жить взаперти русской душѣ. Простору, воздуху ей надо. Потому и спитъ русскій человѣкъ и охваченъ лѣнью, что находится взаперти и опутанъ толстыми веревками: потому и чудится ему вавилонская блудница...» и проч.

Тѣсно было А. П., но онъ еще могъ управлять собой...

Въ 1856 г. А. П. кончилъ курсъ академіи четвертымъ по списку. Надежды на оставленіе при академіи было мало. А. П. думалъ, что его пошлютъ преподавателемъ въ семинарію, и тогда прости, прощай наука. Все зависѣло теперь отъ магистерской диссертаціи «Расколъ старообрядства», въ которую онъ вложилъ много труда. Въ отчаяніи А. П. соглашался на принятіе монашества, мало видя разницы между монашеской келіей и кабинетомъ ученаго.

Къ сожалѣнію, и диссертація А. П. мало понравилась преосвященному Григорію: онъ предпочиталъ ей посредственную работу товарища Я. В. Рудольфова (О раздѣленіи раскола на секты). Когда «великолѣпный и велерѣчивый» ректоръ Агафангелъ сталъ повторять отзывъ архим. Григорія, А. П., вспылилъ—бросилъ свою работу на полъ и сказалъ: «Если не заслуживаетъ степени магистра моя диссертація, сожгите ее, я и такъ проживу, потому что знаю безъ отзывовъ достоинство своей работы» [2]).

О. Агафангелъ смутился и постарался смягчить свой отзывъ. Трудные дни переживалъ А. П.

Наконецъ ректоръ объявилъ, что Щапова назначили баккалавромъ по каѳедрѣ русской исторіи, и бумага объ его представленіи уже послана

[1]) Ibid., стр. 28.
[2]) Ibid., стр. 31.

въ Синодъ на утвержденіе. Никакихъ обязательствъ о поступленіи въ монахи съ него не взяли. А. П. торжествовалъ. Захлебываясь словами, онъ объявилъ о своей радости студентамъ и встрѣтилъ всеобщее искреннее сочувствіе.

Для Щапова начиналась новая жизнь. но пока при старыхъ условіяхъ.

III

Подготовка къ чтенію лекцій. „Знакомство" съ спиртными напитками. Характеръ курса. Вліяніе на Щапова С. В. Ешевскаго, В. И. Григоровича и славянофильской литературы. Назначеніе новаго ректора. Литературныя работы Щапова. Общій характеръ ихъ. Отзывъ Добролюбова. Ломка міросозерцанія и тяжелыя послѣдствія ея. Отношеніе Щапова къ чтенію лекцій. Недоразумѣнія со студентами.

Лѣто А. П. провелъ въ подготовкѣ къ лекціямъ, а самое чтеніе лекцій началъ съ сентября 1856 г., хотя утвержденіе его Синодомъ въ степени магистра состоялось 10 октября, а въ должности баккалавра (адъюнктъ-профессора) съ 15-го. Курсъ русской исторіи въ академіи былъ двухгодичный и распадался на церковную исторію (1 годъ) и гражданскую (1 годъ).

А. П. началъ съ церковной исторіи.

Лѣтомъ, во время усиленныхъ занятій для выработки курса, съ А. П. произошла небольшая перемѣна. которая привела его впослѣдствіи къ трагическому концу. Работая по цѣлымъ днямъ, онъ пришелъ въ такое состояніе, что мозгъ отказывался служить. Пришлось прибѣгнуть къ искусственному возбужденію—сначала эту роль игралъ крѣпкій чай и сигары, затѣмъ онъ напалъ на несчастную мысль—подливать въ чай ромъ. Ромъ помогъ—мысль заработала живѣе, творческая фантазія росла, но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ—постоянно приходилось увеличивать дозы, появилось пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, но пока до пьянства дѣло не дошло. Какимъ образомъ А. П., который раньше не выносилъ даже запаха спирта и однажды пришелъ въ бѣшенство, когда студенты шутя подлили ему въ чай рому, началъ попивать—неизвѣстно [1]. С. Шашковъ объясняетъ такую перемѣну наслѣдственностью [2]. Конечно, были и другія причины.

Жилъ въ это время А. П. въ зданіи академіи, въ квартирѣ, полагавшейся для баккалавра, въ 3 комнатахъ съ передней и окнами на улицу. Обстановка была убогая: студенческая кровать, 2 стола, нѣсколько стульевъ да старый шкафъ. Зато вездѣ были навалены книги, особенно Соловецкіе сборники. Единственнымъ украшеніемъ комнаты служилъ портретъ Грановскаго, передъ которымъ А. П. благоговѣлъ. Столовался сначала онъ со своими товарищами-баккаларами (И. М. Добротворскимъ, А. И. Лиловымъ и Я. В. Рудольфовымъ), но скоро съ ними поссорился и

---

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 30, 32.

[2]) С. Шашковъ. Н. В. 1876, № 212.

сталъ кормиться одинъ—что изготовитъ ему служитель, то и ладно; какую плату потребуетъ, ту ему А. П. и заплатитъ.

Пріѣзжавшіе съ каникулъ студенты заходили къ нему и сообщали записанныя пѣсни и разный этнографическій матеріалъ. Всѣхъ А. П. встрѣчалъ ласково и угощалъ ромомъ и виномъ, такъ что студенты поражались, какъ онъ скоро изъ дикаря превратился въ говоруна и весельчака, который не прочь выпить. Впрочемъ, въ первое время А. П. приходилось трудновато въ денежномъ отношеніи: жалованья онъ получалъ всего 30 рублей въ мѣсяцъ, литературнаго заработка не было: впервые онъ напечаталъ въ 1857 г.—первые 6 листовъ своей диссертаціи въ «Православномъ Собесѣдникѣ». Приходилось ходить въ старомъ студенческомъ пальто и вѣчно нуждаться во всемъ, особенно при его полномъ неумѣніи обращаться съ деньгами и при его добротѣ. Но А. П. этимъ мало смущался: есть деньги—ладно; нѣтъ и безъ нихъ обойдется.

Несмотря на усиленную работу лѣтомъ, А. П. не могъ выработать полный курсъ лекцій: приходилось заниматься и потомъ. Къ сожалѣнію регулярный трудъ былъ невыносимъ для него, и занятія шли вспышками. Увлечется, и дѣло кипитъ: исписывается вся бумага, какая есть въ квартирѣ; столы заваливаются истор. матеріалами; А. П. переходитъ на подоконники, но и здѣсь скоро не находится мѣста [1]). А то по цѣлымъ недѣлямъ онъ не берется за перо. Потому и чтеніе лекцій было неровное: неговоря уже о томъ, что онъ не читалъ систематическаго курса, а постоянно перебѣгалъ отъ одной темы, къ другой, онъ къ однимъ лекціямъ готовился тщательно, къ другимъ совсѣмъ почти не готовился, а иногда вмѣсто лекцій читалъ какіе-нибудь сборники, или же совсѣмъ не являлся на лекціи, что особенно участилось уже впослѣдствіи.

Какъ человѣкъ оригинальный, самобытный, А. П. построилъ свой курсъ не по принятому шаблону, а поставилъ себѣ особую задачу—онъ хотѣлъ выдвинуть на первый планъ *русскую* церковь, вліяніе византійскаго христіанства на русскій народъ и обратно, при чемъ охарактеризовать всѣ стороны народнаго быта—и умственную, и нравственную, и экономическую. Въ курсѣ старался придерживаться строго научнаго изложенія безъ всякихъ прикрасъ. «У насъ, говорилъ онъ, церковные историки вдаются въ крайность, представляютъ одно лишь только доброе, пишутъ не правдивую исторію, а панегирикъ» [2]). Къ сожалѣнію, и А. П. не избѣжалъ идеализаціи нашей древней церкви, не избѣжалъ и искусственныхъ пріемовъ нашихъ церковныхъ писателей — приподнятости тона, проповѣдническаго слога, замѣны научнаго изслѣдованія выраженіями чувствъ и т. д. Большая часть лекцій, по удостовѣренію его слушателя Аристова, была потомъ въ нѣсколько переработанномъ видѣ напечатана въ «Православномъ Собесѣдникѣ». О нихъ скажемъ ниже. Замѣтимъ только одно—нельзя удивляться, что у А. П. сохранилась старая закваска—схоластическіе монашескіе взгляды и пріемы: такъ его учили въ продолженіе десятка слишкомъ

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 34.
[2]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 35.

лѣтъ, а съ другимъ, научнымъ направленіемъ въ исторіи онъ только начиналъ знакомиться. Въ этомъ отношеніи громадную роль для развитія А. П. сыграло его знакомство съ доцентомъ Казанскаго университета Степаномъ Васильевичемъ Ешевскимъ, извѣстнымъ впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета. Ешевскій былъ приглашенъ въ Казань на каѳедру русской исторіи вмѣсто Иванова [1]). Онъ имѣлъ большой успѣхъ. Какъ ученикъ Грановскаго и Кудрявцева, онъ былъ уже тогда хорошо знакомъ съ пріемами научнаго изслѣдованія, прекрасно зналъ историческую литературу, умѣлъ пользоваться существовавшимъ историческимъ матеріаломъ; между прочимъ, онъ указалъ на важное значеніе Полнаго Собранія законовъ для изученія русской исторіи и на необходимость изученія этнографіи: по его мысли при Казанскомъ университетѣ былъ основанъ этнографическій музей. Несомнѣнно, что Ешевскій, который впослѣдствіи съ такой силой выдвинулъ роль провинціи въ Римскомъ государствѣ временъ имперіи («Центръ Римскаго міра и его провинціи»), обратилъ вниманіе А. П. на русскія области и указалъ ему на роль, которую онѣ могли играть въ ходѣ жизни страны. Ешевскій часто толковалъ съ А. П. о колонизаціи нашего сѣвера и совѣтовалъ воспользоваться сборниками для изученія этого вопроса; онъ же обратилъ его вниманіе на писцевыя книги и т. д. Однимъ словомъ, Ешевскій открылъ передъ Щаповымъ такіе переспективы, о которыхъ тотъ и не мечталъ, указалъ на такой матеріалъ, о которомъ А. П. не имѣлъ никакого понятія: вѣдь учителя А. П. по исторіи были совсѣмъ незнакомы съ исторіей и особенно съ историческими матеріалами; это были, по большей части, жалкіе компиляторы, въ родѣ Гвоздева, читавшаго свой курсъ по С. М. Соловьеву. Къ сожалѣнію, Ешевскій въ 1857 г. перешелъ въ Московскій университетъ и А. П. потерялъ своего руководителя. Правда, еще до ухода С. В. Щаповъ поссорился съ нимъ. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того какъ А. П. развивался, пріобрѣталъ успѣхъ среди слушателей, росло его ученое самолюбіе, самоувѣренность и зависть къ чужимъ успѣхамъ. Узнавъ, что на основаніи Соловецкихъ сборниковъ можно написать большую работу, А. П. пересталъ давать ихъ Ешевскому, ссылаясь на то, что они ему нужны, и довелъ такимъ образомъ дѣло до разрыва [2]). Болѣе продолжительно и такъ же продуктивно было знакомство А. П. съ В. И. Григоровичемъ, проф. славяновѣдѣнія въ Казанскомъ университетѣ и духовной академіи. Со своими товарищами А. П. порвалъ связь и чуждался ихъ; впрочемъ, врядъ ли они могли ему дать что-нибудь.

За то, огромную роль въ переработкѣ міросозерцанія Щапова сыграли славянофильскій журналъ «Русская Бесѣда», начавшая выходить въ 1855 г. и др. славянофильскія московскія изданія. Очень возможно, что и здѣсь было вліяніе Ешевскаго. Если уже раньше А. П. увлекался народомъ, то теперь это увлеченіе получило болѣе опредѣленное содержаніе; если раньше дѣтское славянофильство укладывалось вмѣстѣ съ клирикализмомъ и схоластикой, то теперь имъ стало тѣсно; первое рѣшительно вытѣсняло

[1]) „За сто лѣтъ". Біогр. словарь професс. и преподавателей Импер. Казанскаго Университета.

[2]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 42—43.

послѣднее, хотя не безъ борьбы: слѣды стараго мы видимъ еще въ работахъ Щапова до 1861 и даже 62 годовъ. Когда вышло въ 1858 г. сочиненіе Лешкова «Русскій народъ и государство», А. П. носился съ нимъ цѣлые мѣсяцы. «Когда я изучилъ, пишетъ онъ, исторію Устрялова и Карамзина, мнѣ всегда казалось страннымъ, отчего въ ихъ исторіи не видно нашей сельской Руси, исторіи массъ, такъ называемаго простого чернаго народа. Развѣ это громадное большинство не имѣетъ правъ на просвѣщеніе, на историческое развитіе и значеніе. Прочитайте лѣтописи, акты и писцевыя книги, вы увидите, что строителями Россіи были крестьяне всюду и вездѣ, и они вынесли на своихъ могучихъ плечахъ свѣтлое будущее нашего отечества» [1]). Но самъ А. П. не считаетъ себя славянофиломъ; объ этомъ скажу ниже.

Между тѣмъ въ Казанской духовной академіи произошла очень важная перемѣна—ректоръ Агафангелъ былъ переведенъ въ Петербургскую академію, а на его мѣсто назначенъ архимандритъ Іоаннъ, личность въ высшей степени оригинальная [2]). При немъ прошла вся послѣдующая дѣятельность А. П. въ академіи; онъ понуждалъ А. П. къ усиленной работѣ въ журналѣ «Православный Собесѣдникъ»; онъ одинъ умѣлъ сдерживать дикіе порывы Щаповскаго темперамента.

Новый ректоръ по своимъ взглядамъ на задачи церкви, образованію рѣзко выдѣлялся среди нашего монашества. Это былъ человѣкъ, который стремился связать церковь съ жизнью и дѣйствовать на нее путемъ хорошо сорганизованнаго журнала и сильной проповѣди на современныя темы. Къ сожалѣнію [3]), онъ былъ деспотъ и нисколько не старался сдерживать свои наклонности, или по отзыву преосв. Никодима, Казанскаго викарія, «держалъ себя отдаленно, надменно и повелительно» [4]). По болѣзни онъ не соблюдалъ постовъ, не любилъ длинныхъ службъ, мало обращалъ вниманія на обрядовую сторону религіи, считая, что она можетъ имѣть вѣсъ только для людей необразованныхъ. Онъ терпѣть не могъ мистики; крѣпкая логика, строгій критическій умъ и безпощадное остроуміе, доходящее до сарказма — были характерными чертами его психики. Впрочемъ, кромѣ тяготѣнія къ раціонализму, онъ былъ большимъ сторонникомъ историческаго метода въ рѣшеніи различныхъ религіозныхъ вопросовъ.

Понятно, что А. П. былъ сразу оцѣненъ ректоромъ и привлеченъ къ работѣ. Понятно также, что А. П. долженъ былъ подпасть подъ вліяніе такой сильной личности, тѣмъ болѣе, что ректоръ Іоаннъ умѣлъ при желаніи отлично обходиться съ нужными ему людьми.

«Православный Собесѣдникъ», который до того времени влачилъ жалкое существованіе, стараніями ректора, eo ipso и редактора его, сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и съ нимъ стала считаться не только духовная, но и свѣтская литература. Число подписчиковъ на столько

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 43.
[2]) Н. Аристовъ Ibid стр. 43.
[3]) „Къ характеристикѣ Іоанна, епископа Смоленскаго“ Истор. В. 1880 г. № 12.
[4]) Архивъ Св. Синода. Дѣло, № 149.

возросло, что редакторъ могъ платить большія деньги—по 100 руб. за листъ и привлечь къ себѣ большое число сотрудниковъ.

А. П. помѣстилъ здѣсь цѣлый рядъ статей.

Въ 1857 г.—О причинахъ происхожденія и распространенія раскола, во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII стол. П. С. 629—689, 857—891.

Въ 1858 г.—О способѣ духовнаго просвѣщенія древней Россіи. внѣ училищъ Ibid., ч. I. 87—121, 262—296.

Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи Ibid., ч. I, 485—535.

Лука Канашевичъ, епископъ Казанскій. Ibid., ч. II 564—585; ч. III 232—254, 464—500.

Арсеній грекъ при митр. Никонѣ Ibid., ч. III 328—353.

Кромѣ того, въ 1858 г. было напечатано имъ 7 старинныхъ рукописей.

Въ 1859 г.—Изданы двѣ рукописи и напечатана статья—Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей» Ibid. № 1, 40—76.

Въ 1860 г.—Русская церковь въ Сѣв. Поморьѣ, Ibid., ч. II, 3—38, 256—290.—Древніе пустыни и пустынножители на сѣверо-востокѣ Россіи. Ibid., ч. III, 196—221.

Въ 1861 г.—Попеченіе отечественной церкви о внутреннемъ благоустройствѣ русскаго гражданскаго общества въ XIII, XIV и XV вв. Ibid., ч. I, 77—99; 173—196.—Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древнерусскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ. Ibid., ч. I, 249—283.

Въ 1862 г. (хотя она была сдана въ редакцію еще въ 1859 г.)—Состояніе русскаго духовенства въ XVIII стол. Ibid., ч. II 16—40, 173—206.

Осталась не напечатанной, сданная тоже въ 1859 г. статья: «Кипріанъ Сибирскій и его неизданное каноническое постановленіе» [1]).

Трудно теперь установить, какія статьи были написаны по иниціативѣ самого Щапова, а какія—по указанію архим. Іоанна. Съ полною достовѣрностью можно сказать это лишь про «Голосъ древней русской церкви...», прямо указанной А. П. ректоромъ. Еще въ 1857 г. архим. Іоаннъ поручилъ двумъ преподавателямъ академіи Добротворскому и Щапову составить рѣчи для акта. Щаповъ написалъ на тему «Религія и русская народность», Д-ій—Объ историческомъ значеніи р. религіи.

Ректоръ одобрилъ первую. И во второй разъ, въ 1858 г. Щаповъ читалъ на актѣ—«Голосъ древней русской церкви».

Аристовъ даетъ курьезное описаніе произношенія рѣчей Щаповымъ [2]). А. П. когда увлекался, начиналъ такъ быстро и невнятно произносить слова, что ничего нельзя было понять. Въ аудиторіи его въ такихъ случаяхъ просто останавливали; на публичномъ засѣданіи рѣшили устроиться иначе: А. П. съ высоты каѳедры ораторствовалъ передъ публикой, а сзади него стояли два студента, которые останавливали его, сильно дергая за фалды фрака, когда онъ начиналъ мчаться на всѣхъ парахъ и невнятно

---

[1]) П. Знаменскій. „Исторія Казанск. Дух. Академіи", вып. II, стр. 134.

[2]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 45.

о-то бормотать. Публика ничего не замѣчала и была въ восторгѣ отъ о рѣчей.

Кромѣ перечисленныхъ статей, въ 1858 г. появился въ печати его 'усскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутрен-ımъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII в. и въ рвой половинѣ XVIII вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія о при-:нахъ происхожденія и распространенія раскола». Книга была куплена занскимъ книгопродавцемъ И. Дубровинымъ за 50 руб. Первое изданіе зошлось очень быстро и въ слѣдующемъ году появилось новое безъ якихъ перемѣнъ; за него Дубровинъ заплатилъ 200 р.[1]).

Книга вызвала рядъ отзывовъ и статей такихъ ученыхъ и публи-:стовъ, какъ С. М. Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Добролюбовъ и др.

Для нашей задачи сейчасъ важнѣе всего статья Добролюбова: «Что :огда открывается въ либеральныхъ фразахъ»[2]).

Съ безпощадною откровенностью Д-въ указывалъ на полный хаосъ міровоззрѣніи А. П.: на рядъ противорѣчій по основнымъ вопросамъ; непониманіе, что такое демократизмъ, доходящее до отождествленія де-кратизма съ разнузданностью, на клерикализмъ и неумѣніе научно и зпристрастно обращаться съ фактами. «Словомъ, говоритъ Д-въ, книга Щапова—сочиненіе не историческое, а полемическое». Единственная :луга автора—отрицательнаго свойства: онъ не вдается въ «сантимен-тьныя, квасныя разглагольствованія», «не проникнутъ и фанатическою навистью къ раскольникамъ, доходящею до желанія жечь и истязать ь». Д-въ далъ поспѣшную оцѣнку научныхъ достоинствъ сочиненія, но остальномъ съ нимъ нельзя не согласиться; даже можно усилить его водъ: въ одномъ мѣстѣ А. П., правда, осторожно, оправдываетъ крутыя ры, принимавшіяся противъ старообрядцевъ.

А. П. мы видимъ несомнѣннымъ монархистомъ, горячо отстаивавшимъ ікона отъ нападковъ его противниковъ, обвинявшихъ послѣдняго въ ıыслахъ противъ самодержавія Алексѣя Михайловича[3]); ярымъ защит-комъ православія и духовной іерархіи: онъ постоянно твердитъ о необхо-мости «христіанскаго подчиненія» епископу и всякую попытку духовен-за избавиться отъ вымогательствъ высшихъ іерарховъ считаетъ чуть не смертнымъ грѣхомъ и анархіей[4]). Онъ не возвысился до мысли о обходимости самостоятельной церкви, независимой отъ государства, но эцѣло желаетъ подчиненія ея государству; онъ непонимаетъ, что мис-іонерство при содѣйствіи полицейскихъ чиновъ противно евангелію и якой развитой совѣсти. Онъ безусловно отрицательно относится къ истократіи и, вообще, къ высшему дворянству, особенно во время Никона въ XVIII в.[5]), но это не отрицаніе во имя народа: его здѣсь интересуетъ орѣе церковь и государство (въ отвлеченномъ смыслѣ), а не благоден-

[1]) С. Шашковъ. А. П. „Щаповъ", Н. В. 1876 г., № 198.

[2]) „Современникъ", 1859 г., № 9, стр. 37—52 и въ Собр. сочиненій.

[3]) Собраніе сочиненій А. П. Щапова, т. I, стр. 342.

[4]) Собр. соч. А. П. Щапова, т. I, стр. 257—276.

[5]) Ibid., стр. 237.

ствіе народа [1]). Его пониманіе «гражданскаго и духовнаго демократизма» до того нелѣпо, что объ этомъ смѣшно долго говорить: беззаконіе и своеволіе, необузданная свобода» и «отсталость» — вотъ главные признаки демократизма.

За то А. П. видитъ все хорошее въ православной церкви — ему слышится даже голосъ древней русской церкви въ защиту угнетаемыхъ холоповъ и крѣпостныхъ. «Смотря на общественную жизнь народа съ точки христіанства, съ книгою Евангелія, церковь возвышалась до самой чистой идеи человѣческаго достоинства, гуманности, за долго прежде чѣмъ *искусственная цивилизація* дошла до нея путемъ горькихъ опытовъ и даже сильныхъ потрясеній въ жизни общественной» [2]). Но тогда церковь сѣяла «голое зерно», современная церковь призывается воспитать «будущее тѣло», «уяснить народу высокое нравственное значеніе свободы, развивать, воспитытать въ духѣ истинной, нравственно-христіанской свободы, такъ какъи свобода не принесетъ всей пользы народу, если не будетъ имѣть нравственнаго направленія, нравственныхъ основаній; *иначе она можетъ быть даже вредна для него, не лучше средневѣкового разгула матеріальной силы и произвола*» [3]). Очень жаль, что затерялась рукопись первой публичной рѣчи А. П. «Религія и русская народность». По всей вѣроятности, здѣсь проводилась та идея, что религія, въ смыслѣ конечно, православія есть альфа и омега русской народности. Если допустить послѣднее, то взгляды А. П. не далеко ушли отъ оффиціальнаго направленія созданнаго въ 30-хъ годахъ—самодержавіе, православіе и народность. Очевидно, что это направленіе и проводилось всѣми способами въ Казанской академіи и что даже лучшіе студенты долго не могли освободиться отъ него. Интересно еще обратить вниманіе на тотъ развратъ, который прививался слушателямъ — употреблять свои знанія и свои діалектическія способности для доказательства нужной для церкви идеи. Правда, Шашковъ, говоритъ [4]), что А. П. не соглашался сознательно подбирать факты для доказательства ложнаго положенія и что у него однажды произошло сильное столкновеніе на этой почвѣ съ ректоромъ Іоанномъ, когда послѣдній потребовалъ отъ него выбрать изъ историческихъ актовъ «такія мѣста, которыми можно было бы доказать, что духовенство въ Россіи всегда находилось въ загонѣ и притѣсненіи у міранъ». Но чаще могло происходить другое: сильный волей и хорошо понимавшій людей ректоръ Іоаннъ умѣлъ подчинять работу А. П. своимъ цѣлямъ, не давая послѣднему это замѣчать.

Отзывъ Добролюбова о диссертаціи А. П. сдѣлался скоро извѣстнымъ ему и произвелъ очень сильное впечатлѣніе: по собственному признанію А. П., онъ «сильно отрезвилъ его, заставилъ глубже вдуматься во внутреннюю жизнь раскола и побудилъ заниматься болѣе строгимъ и осмотри-

[1]) Голосъ древне-русской церкви т. I, стр. 13—14.
[2]) Ibid., стр. 10.
[3]) Ibid., стр. 15; „Современникъ", т. 84, стр. 258—260.
[4]) С. Шашковъ. „А. П. Щаповъ". Н. В. 1876 г., № 212.

тельнымъ образомъ». Онъ откровенно говорилъ мнѣ, заявляетъ Аристовъ [1]), что хотя въ статьѣ Добролюбова много несправедливыхъ нападокъ и придирчивыхъ мелочей, но она дала ему сильный толчекъ къ работамъ основательнымъ и принесла большую пользу нѣкоторыми правдивыми замѣчаніями. Съ этого времени А. П. оставляетъ мало-по-малу пріемы, воспринятые въ духовныхъ школахъ, и стремится къ научнымъ построеніямъ. Періодъ съ 1859 по 1863 наиболѣе плодотворный въ историческихъ работахъ А. П. Не сразу, не во всемъ видна перемѣна, но рѣшительная ломка міровоззрѣнія началась и пошла все быстрѣе съ 1860 года, когда онъ началъ читать лекціи въ университетѣ. Еще въ 1860 году А. П., по свидѣтельству Шашкова [2]), презрительно относился къ «Современнику», предпочитая ему «Русскій вѣстникъ», гдѣ онъ зачитывался статьями Леонтьева, Рачинскаго, Безобразова и др. Но это презрѣніе могло быть и напускнымъ: громадное самолюбіе А. П. было уязвлено «Современникомъ», и онъ ему не могъ простить.

Во всякомъ случаѣ эта ломка дорого обошлась Щапову. «Большинство изъ насъ, писалъ онъ впослѣдствіи, съ какими понятіями и убѣжденіями, съ какимъ умственнымъ складомъ, міросозерцаніемъ выйдетъ въ 20—25 лѣтъ изъ того или другого учебнаго заведенія, съ тѣмъ умственнымъ складомъ и міросозерцаніемъ остается, прозябаетъ потомъ всю жизнь и умираетъ. А во многихъ умахъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія въ общественный омутъ рутины, суевѣрія, обскурантизма и традицій, погасаетъ и та слабая искра сомнѣнія и критики, которая еще теплилась при свѣтѣ науки...

Рѣдко, кто въ позднюю пору жизни испытываетъ мучительную тревожную борьбу сомнѣнія, панику своего прежняго умственнаго склада. Рѣдко, кто въ 30—35 лѣтъ усумнится во всѣхъ своихъ знаніяхъ, во всемъ своемъ міросозерцаніи и образѣ мышленія, какія установились въ 20—25 лѣтъ. Рѣдко кто способенъ всю жизнь сомнѣваться, сознавать и исправлять свои ошибки или заблужденія, неутомимо работать критическою мыслью и съ полною философскою свободою разума доискиваться истины. Мало такихъ личностей».

Щаповъ принадлежалъ къ нимъ. Два раза онъ производилъ коренную ломку своего міровоззрѣнія, и въ послѣдній разъ еще болѣе рѣшительную, чѣмъ въ 59—61 г.г. о которой мы говорили. Усиленная работа въ «Православномъ Собесѣдникѣ», душевный разладъ, который переживалъ А. П. вслѣдствіе сознанной необходимости разорвать всѣ связи съ традиціоннымъ клерикальнымъ міровоззрѣніемъ и трудности этого разрыва, такъ какъ обстановка жизни и работы тянула его назадъ, но лоно клерикализма печально отражались на А. П. Онъ все болѣе и болѣе пристращался къ вину, ища въ немъ успокоенія. Этому способствовалъ и порядокъ расплатъ съ сотрудниками въ «Православномъ Собесѣдникѣ»: они получали деньги сразу за годъ. Такимъ образомъ въ иной годъ у А. П. оказывалось на

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 46.
[2]) С. Шашковъ. „А. П. Щаповъ“, Н. В. 1876 г., № 212.

рукахъ собственныхъ денегъ больше 1000 рублей. Начиналось разливное море: кутежъ доходилъ до того, что ассигнаціями зажигали сигары. Вся комната А. П. была уставлена штофами, полъ-штофами, шкаликами; сигарный дымъ стоялъ столбомъ, и среди этой обстановки пьяный А. П. доходилъ до неистовства. Трезвый онъ былъ скроменъ, застѣнчивъ, а въ пьяномъ видѣ никому не позволялъ сказать слова, всѣхъ ругалъ дураками и невѣждами и производилъ на незнакомыхъ отталкивающее впечатлѣніе: представлялся имъ, по выраженію Аристова, совершеннымъ дикаремъ или азіатомъ, опившимся бузы. Опьяненіе заканчивалось всегда какой-нибудь выходкой, чаще всего истерикой. Онъ плакалъ или надъ судьбой бѣднаго забитаго крестьянина, къ которому причислялъ и себя, или же надъ самимъ собой. Романтическая любовь къ народу окрашивала его взгляды и высказывалась иногда самымъ оригинальнымъ образомъ: однажды, когда онъ кутилъ съ знакомыми въ загородномъ саду, проходила мимо артель рабочихъ: онъ остановилъ ее, заставилъ плясать и пѣть пѣсни, и самъ пустился чуть не въ плясъ, приговаривая: «я не лучше васъ, я и самъ изъ мужиковъ». Чаще онъ оплакивалъ себя и свою горькую судьбу, посылая проклятія водкѣ и бурсѣ съ академіей, которыя изуродовали его характеръ и всю его жизнь. Онъ истерически рыдалъ и въ такія минуты нельзя было смотрѣть на него безъ слезъ [1]).

Отравленная ядомъ монашеско-схоластическаго воспитанія душа Щапова долго находилась въ гипнозѣ. Подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній гипнозъ кончался, душа рвалась къ свѣту, но воспринятый ядъ дѣйствовалъ и парализовалъ волю. Только твердая рука помощи, только другая обстановка могли помочь ему, но ихъ не было, и А. П. падалъ духомъ въ отчаяніи, что ему не вырваться изъ опутавшихъ его тенетъ; все болѣе, все чаще прибѣгалъ онъ къ алкоголю. Когда наступило лучшее время, организмъ былъ уже отравленъ, и только геройскія усилія жены спасли А. П. отъ послѣдняго паденія. Вѣчное одиночество преслѣдовало его—ни съ кѣмъ незнакомый изъ Казанскаго Общества, онъ ходилъ изъ угла въ уголъ своего грязнаго жилища и, сжимая голову руками, повторялъ слова своего любимаго поэта Шевченки:

„И день иде, и ночь иде...
И голову схапивши въ руки,
Дивуяся, чого нейде
Апостолъ правды и науки“.

А въ результатѣ штофъ или полу-штофъ.

При такихъ условіяхъ А. П. не могъ надлежащимъ образомъ относиться къ чтенію лекцій: полная безсистемность его курса, частыя манкировки или чтеніе вмѣсто лекцій отрывковъ изъ журналовъ, а то просто ругань современныхъ порядковъ и студентовъ, «которымъ не стоитъ и сообщать что-либо путное», вызывали иногда неудовольствіе среди слуша-

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 36, 37, 38. С. Шашковъ. „Дѣло“ 1876 г., № 4, стр. 153 и „А. П. Щаповъ“, Н. В. 1876 г., № 212.

лей, и они заявляли ему претензію, особ. лучшіе изъ нихъ (П. Знаменій, Морошкинъ, В. Рождественскій, Емельяновъ и др.). А. П. выслушивалъ ъ сначала спокойно, затѣмъ начиналъ горячиться, спорилъ и въ концѣ нцовъ разрывалъ на себѣ ризы, разбивалъ 2—3 переплета томовъ Полн. бр. Законовъ, а недовольныхъ выгонялъ въ шею. Но послѣ того принился обыкновенно за работу и дарилъ ихъ какимъ-нибудь превосходнымъ еркомъ [1]). Такъ былъ прочитанъ А. П. «Очеркъ удѣльнаго періода», торый очень высоко ставитъ Аристовъ (...«одинъ могъ его обезсмертить»), онъ, къ сожалѣнію, не сохранился. Надо замѣтить однако, что студенты адеміи до 1860 г. мирились все-таки съ поведеніемъ Щапова, такъ какъ али, что онъ много работаетъ для «Православнаго Собесѣдника», омѣ того и ректоръ Іоаннъ смотрѣлъ сквозь пальцы на манкировку кцій Щаповымъ: онъ, конечно, зналъ, что Щапову носили журналъ для дписи домой, и онъ тамъ расписывался въ чтеніи лекціи, но молчалъ: П. нуженъ былъ ему какъ сотрудникъ, особенно послѣ перевода въ ртѣ 1859 г. цензуры оригинальн. статей «Правосл. Собесѣдн.» въ Москву, › повело журналъ къ паденію.

Ломка міровоззрѣнія благотворно отразилась на историческихъ ботахъ, вѣрнѣе проектахъ работъ: по мѣрѣ того, какъ разсѣивался манъ клерикализма, расчищался и углублялся взглядъ А. П. на историческій ходъ развитія нашей родины—въ умѣ его создавалась теорія астности и выяснялась великая роль колонизаціи въ образованіи утренняго устройства Россіи и для склада своеобразной народной жизни; ѣстѣ съ тѣмъ измѣнялся его взглядъ на расколъ, формулированный энчательно въ печати уже въ 1861 и 1862 годахъ; къ этому же времени носится начало его работъ по изученію народныхъ воззрѣній, впослѣдвіи напечатанныхъ въ передѣланномъ видѣ въ журналѣ Минист. родн. Просвѣщенія; наконецъ, въ это же время у А. П. окончательно зрѣла мысль о стремленіи русскаго народа къ федераціи и что «федеція есть единственная и плодотворная форма народной жизни». словамъ Аристова А. П. въ этотъ періодъ прочелъ въ академіи почти э то, что впослѣдствіи имъ было напечатано по русской исторіи, и о дало ему право на почетное мѣсто среди русскихъ историковъ [2]).

Вѣрнѣе, надо предположить, во-первыхъ, что большинство этихъ кцій относится къ 1860 г., т.-е. ко времени, когда А. П. былъ приглашенъ читать лекціи въ Казанскомъ университетѣ и когда мысль его ончательно секуляризировалась; во-вторыхъ, что онѣ не были написаны, къ какъ несомнѣнный выводъ Аристова, что у А. П. къ 1861 г. накопилсь до 15 большихъ капитальныхъ произведеній въ рукописяхъ и что и «пошли на пироги» послѣ ареста Щапова, рѣшительно опровергается Знаменскимъ [3]).

---

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 48.

[2]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 49—54.

[3]) П. Знаменскій. Къ біографіи Щапова, И. В. 1899 г., № 2, стр. 512 и „Истор. к. Дух. Акад.“, ч. II, 132—136.

IV

Приглашеніе Щапова преподавателемъ исторіи въ Казанскій университетъ. Первая лекція. Состояніе Казанскаго университета въ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ. Общественная дѣятельность Щапова. Бездпинское дѣло. Панихида по крестьянамъ, убитымъ въ с. Безднѣ. Рѣчь Щапова. Начало политическаго дѣла. Поведеніе Щапова, студентовъ университета и академіи. Отношеніе къ дѣлу мѣстныхъ властей и центральныхъ. Совѣтъ Щапову попечителя Казанскаго учебнаго округа кн. Вяземскаго.

Приглашеніе А. П. читать лекціи въ Казанскомъ университетѣ произошло слѣдующимъ образомъ: на мѣсто ушедшаго въ Москву С. В. Ешевскаго на каѳедру русской исторіи былъ назначенъ И. А. Поповъ, но и онъ въ августѣ 1860 г. перешелъ въ Москву. Передъ отъѣздомъ онъ подалъ въ историко-филологическій факультетъ Казанскаго университета заявленіе, гдѣ усиленно рекомендовалъ на свое мѣсто А. П. [1]).

Совѣтъ историко-филологическаго факультета рѣшилъ пригласить А. П., но такъ какъ онъ былъ ему мало извѣстенъ, то сначала въ видѣ временной мѣры постановили прикомандировать его на годъ въ качествѣ преподавателя. Этотъ вопросъ окончательно рѣшился 17-го сентября, по закону, въ совѣтѣ, гдѣ А. П. получилъ 15 избирательныхъ шаровъ и 5 неизбирательныхъ. Въ виду согласія Щапова на эти условія представленіе о немъ пошло въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и было утверждено министромъ 20-го октября. Благодаря содѣйствію Казанскаго попечителя кн. Вяземскаго удалось получить согласіе на это со стороны ректора академіи Іоанна. На 11 ноября была назначена вступительная лекція Щапова въ университетѣ; предварительно онъ представилъ подробную программу своего курса. Послѣ знаменитаго диспута Костомарова съ Погодинымъ по варяжскому вопросу, интересъ къ русской исторіи среди студентовъ Казанскаго университета возросъ необыкновенно. Въ это время гремѣлъ Плат. Васил. Павловъ, бывшій профессоръ Кіевскаго университета, приглашенный лѣтомъ 1861 г. на каѳедру С.-Петербургскаго университета, но послѣ рѣчи въ память тысячелѣтія Руси сосланный въ Ветлугу. Студенты послали ему коллективное письмо съ приглашеніемъ занять каѳедру въ Казани, но безуспѣшно [2]). О Щаповѣ они имѣли очень смутное представленіе и не ожидали отъ него ничего хорошаго, какъ отъ поповича изъ духовной академіи: «отъ Назарета можетъ ли добро быти» шутили они. Но произошло нѣчто неожиданное, составившее цѣлое событіе въ жизни университета, даже всей Казани [3]).

На вступительную лекцію собрался почти весь университетъ, поэтому пришлось перейти изъ 7 аудиторіи въ актовый залъ. Настроеніе было необычайное. Въ назначенный часъ торжественно появился весь

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 54—55.

[2]) М. Лемке. Молодость „отца Митрофана". Былое. 1907 г., № 1, стр. 201.

[3]) „Первый Шагъ" (сборникъ). Казань, 1876. „Изъ воспоминаній казанскаго студента", стр. 408 и дальше.

:еный синклитъ съ попечителемъ во главѣ и разсѣлся въ креслахъ рваго ряда. Затѣмъ показался А. П.

Его наружность и простой костюмъ поразили неожиданностью удентовъ. Когда же онъ при полной тишинѣ тихимъ, но внятнымъ голомъ глубокаго убѣжденія произнесъ: «скажу напередъ: не съ мыслею о сударственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и ластности я вступаю на университетскую каѳедру русской исторіи», оизошелъ цѣлый переполохъ: студенты ринулись къ каѳедрѣ, облѣпили со всѣхъ сторонъ и наэлектризованные вдохновенною рѣчью жадно вили его слова. «Въ настоящее время, продолжалъ онъ, кажется уже вердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, хъ народный, творящій исторію; что сущность и содержаніе исторіи ть—жизнь народная. Это убѣжденіе теперь не ново; его начали уже оводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое чало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: *начало областности*—зволъте мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изженіи русской исторіи идея централизаціи, развивалось даже какое-чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной ластной исторіи; всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты овинціальной исторической жизни, подводилися подъ одну идею госурственнаго развитія. Съ эпохи утвержденія Московской централизаціи, нашихъ исторіяхъ все общѣе и общѣе говорится о внутреннемъ бытѣ зличныхъ провинцій; нисколько не раскрываются разнообразныя торическо-этнографическія, бытовыя и экономическія особенности обстей, не изображаются моральныя, политическія и физико-географискія условія ихъ внутренняго развитія и быта; мѣстное саморазвитіе, утренняя жизнь областей остаются въ сторонѣ, а вмѣсто того на первомъ анѣ рисуются дѣйствія государственности, развитіе единодержавія, нтрализаціи. Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской торіи такъ несвойственно, невозможно подробное изложеніе, какъ имперіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго. Русская исто, въ самой основѣ, есть, по-преимуществу, исторія различныхъ областхъ массъ народа, исторія постояннаго территоріальнаго устройства, знообразной этнографической организаціи, взаимодѣйствія, борьбы, соенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите оеобразное, территоріальное и этнографическое самообразованіе областей темъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ вѣствовать вамъ про вѣковую, особую, самобытную жизнь и взаимную рьбу областей. Потомъ московская лѣтопись заговоритъ о развитіи громной государственной географической централизаціи московской, а областныхъ лѣтописяхъ раздастся самый энергическій протестъ, вопль ластныхъ жителей противъ насилія москвичей, противъ централизаціи, отивъ *собранія Русской* земли. Такъ, областный элементъ былъ самымъ изненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ магнитомъ историскаго движенія до централизаціи, онъ выдержалъ энергичную вѣковую

борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ *смутное время*, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ; онъ проявился на земскихъ соборахъ XVII в., сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіе XVIII в. и въ началѣ XIX столѣтія—во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбудилъ въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты относительнаго конституціоннаго устройства областей и т. д.»... Итакъ, съ мыслею объ областности и народности я избираю для своихъ чтеній исторію великорусскаго народа, или великорусскихъ областныхъ общинъ, въ связи съ Сибирью. Здѣсь, въ великой Россіи, былъ центръ исторической борьбы областнаго элемента и народности съ централизаціей и государственностью. Здѣсь рѣшилась судьба всѣхъ многочисленныхъ, обширныхъ и разнообразныхъ областей и сосредоточивалась ихъ новая историческая жизнь государственно-союзная и, если можно такъ сказать, здѣсь сковывается, держится будущее нашихъ областей. Кромѣ того, въ этой части русской исторіи есть много такихъ важныхъ, первоклассныхъ вопросовъ, которые доселѣ ждутъ еще изслѣдованія, какъ напримѣръ: *вопросъ о колонизаціи и значеніи ея въ русской исторіи*, или хоть тотъ же современный вопросъ—объ историческомъ значеніи московской централизаціи», и т. д. Затѣмъ Щаповъ далъ своеобразный, мастерски очерченный общій обзоръ исторіи до централизаціи и послѣ централизаціи областей.

Лекція длилась два часа. Затѣмъ, оборвавъ на полусловѣ свою рѣчь, А. П. быстро вышелъ. Нѣсколько секундъ, говоритъ слушатель, въ залѣ еще длилась мертвая тишина, но вдругъ, какъ могучій ударъ лѣтней грозы, разразился страшный громъ рукоплесканій. Это продолжалось съ минуту, толпа не двигалась съ мѣста, продолжая рукоплескать... Профессора и самъ попечитель дѣлали тоже. Потомъ начались какіе-то восторженные крики, наконецъ ко всему этому присоединился трескъ мебели, ломавшейся подъ напоромъ толпы, устремившейся вслѣдъ за профессоромъ. Нѣкоторые неистово стучали въ полъ стульями и ногами и т. д.

Такъ отвѣтила студенческая масса на горячее искреннее слово А. П. Здѣсь впервые А. П. высказалъ публично свое новое credo, какъ общественный дѣятель и какъ историкъ. Съ тѣхъ поръ довольно долгое время каждая лекція А. П. была событіемъ въ университетѣ: всѣ студенты собирались къ нему, профессора прекращали свое чтеніе; возлѣ подъѣзда стояло много экипажей—и казанская публика собиралась послушать молодого талантливаго лектора.

И самъ Щаповъ увлекся университетомъ, отдавая ему всѣ свои силы, для него одного работая. На лекціи въ академіи онъ почти не показывался и тѣмъ возбудилъ противъ себя академиковъ, тѣмъ болѣе, что онъ не стѣснялся открыто надсмѣхаться надъ послѣдними: во время лихорадочнаго общественнаго настроенія академики въ массѣ коснѣли въ своихъ дрязгахъ,

подымали бунты изъ-за пищи, или, какъ ѣдко острилъ А. П., «порточные» и «рыбные» бунты [1]).

А. П. читалъ въ Казанскомъ университетѣ не долго—29 апрѣля 1861 г. онъ, по совѣту попечителя, отправился въ Петербургъ, а 30-го былъ арестованъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, и дальше уже поѣхалъ съ провожатыми. Но этотъ промежутокъ имѣлъ громадное значеніе въ его жизни, поэтому необходимо остановиться на немъ нѣсколько больше, тѣмъ болѣе, что біографы Щапова самыми мрачными красками рисуютъ Казанскій университетъ, главнымъ образомъ студенчество, и на него взваливаютъ всю вину въ постигшей Щапова участи [2]).

Казанскій университетъ въ 50 и началѣ 60 годовъ, дѣйствительно, не блисталъ крупными научными силами, особенно по историко-филологическому факультету, но во всякомъ случаѣ тамъ были такія имена какъ: Фатеръ, создавшій цѣлую школу учениковъ. Ешевскій. Буличъ, Бутлеровъ, знаменитый Мейеръ, Вагнеръ, Пахманъ и др., какихъ не было въ Казанск. Духовной Академіи; не говоря уже о томъ, что лучшіе преподаватели Академіи, какъ Григоровичъ, поступили туда изъ Университета, или бѣжали оттуда въ университетъ, какъ Ильминскій и др. [3]). Поэтому мрачныя краски для обрисовки научной стороны жизни Казанскаго университета необходимо разбавить живой водой истины. Казанскій университетъ не шелъ впереди, но вносилъ свою лепту въ дѣло просвѣщенія страны.

Не болѣе правильно и освѣщеніе Казанскаго студенчества, которое мы находимъ у Аристова и проф. Знаменскаго.

Н. А. Фирсовъ, на статьи котораго ссылается и Знаменскій, по архивнымъ даннымъ сообщаетъ всѣ проступки и преступленія тогдашняго студенчества [4]). При всемъ желаніи найти краски для мрачной картины, сдѣлать этого нельзя: рядъ пьяныхъ безобразій въ родѣ драки нѣсколькихъ студентовъ съ лодочниками на озерѣ Кабанѣ, буйство въ квартирѣ студента Жуковскаго, нѣсколько выдѣляющееся дѣло Соковнина, Резяпова, Страдина, Понизовскаго и Водова, избившихъ на Казанской площади офицеровъ кн. Оболенскаго и Лобачевскаго за грубые отзывы о студентахъ, но и здѣсь нѣтъ ничего особеннопреступнаго, если принять во вниманіе разсказъ объ этомъ въ «Русской Старинѣ» самого Соковнина.

Съ 1856 г. по 1861 г. въ университетѣ разбиралось 10 дѣлъ. Изъ нихъ интересны дѣла съ проф. Берви, Бальцани и Струве, которыхъ студенты «выжили» изъ университета за ихъ бездарность. Въ этомъ случаѣ они ошиблись только въ Струве; первые же два, дѣйствительно, были отрицательными величинами. Поэтому можно только вмѣстѣ съ проф. Фирсовымъ «удивляться обилію студентовъ, подвергшихся за это время карѣ». А число

---

[1]) С. Шашковъ. „А. П. Щаповъ", Н. В. 1876 г., № 212.

[2]) Н. Аристовъ. Ibid., 61, 62, 63. П. Знаменскій. „Исторія Казанск. Академіи".

[3]) „За сто лѣтъ". Біограф. словарь професс. и преподават. Императ. Казанскаго университета. М. К. Лемке. Молодость „отца Митрофана". Былое, 1907 г., № 1, стр. 200—201.

[4]) Ѳирсовъ. „Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ" „Русск. Стар." 1889 г., кн. III, стр. 557—576: кн. IV, стр. 85—106.

ихъ, дѣйствительно, было велико, и кары были немилосердно жестоки: карцеръ, увольненіе, иногда навсегда, и даже отдача въ солдаты.

Это было время, когда Николаевскій режимъ умиралъ и въ тяжелыхъ мукахъ рождался новый взглядъ на студента. Неудивительно поэтому, что «за время дѣйствія университетскаго устава 1863 г., за 20 слишкомъ лѣтъ не было столько штрафованныхъ студентовъ, да и прежде никогда не было столько таковыхъ». Но винить за это студенчество большая ошибка. Правда, студенты кутили, но далеко не всѣ: среди нихъ было много серьезныхъ работниковъ, въ родѣ М-ина, сибирскаго чиновника, отправившагося пѣшкомъ учиться въ Казань, о которомъ расказываетъ Л. О. въ «Первомъ Шагѣ».

«Пусть эта пора увеличеній, ошибокъ и заблужденій, повторимъ мы за Соковнинымъ, имѣла и свои темныя стороны, но все же нѣтъ я думаю, такого замытареннаго, зачерствѣвшаго, стараго студенческаго сердца, которое не забилось бы горячѣе, не распахнулось бы навсе чистое, доброе и широкое, когда въ него хлынутъ воспоминанія той милой, незабвенной поры».

Это горячее студенческое сердце широко открыло къ себѣ двери и А. Прокофьевичу. Неудивительно, что искренній, пылкій Щаповъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же; неудивительно, что въ ту пору всеобщаго увлеченія политическими вопросами, увлекся ими и Щаповъ; неудивительно, что наряду съ курсомъ о древне-русскомъ міросозерцаніи, онъ сталъ читать и курсъ новой русской исторіи [1]). Внѣ всякаго сомнѣнія, что на это толкали его студенты, но это врядъ ли не соотвѣтствовало желанію самого Афанасія Прокофьевича. Свободное время Щаповъ посвящалъ не только кутежу, но принималъ горячее участіе и въ общественныхъ культурныхъ начинаніяхъ: проф. Щаповъ, писалъ М. Д. Муравскій, хочетъ учредить общество для распространеія грамотности посредствомъ учрежденія сельскихъ школъ, крестьянскихъ даровыхъ библіотекъ, школъ для приготовленія сельскихъ учителей [2]). Однако постоянно напряженное состояніе утомляло его, тѣмъ болѣе, что и среди студенчества составился кружокъ независимыхъ, которые требовали подтвержденія теорій молодого лектора фактами, а сдѣлать это Щапову было нѣкогда да и врядъ ли возможно при его знакомствѣ съ наукой [3]), Къ тому же, если считать стихотвореніе, посвященное, Казани [4]), принадлежащимъ Щапову, и Казанское общество ему опротивѣло. Онъ рѣшилъ проситься въ командировку въ Петербургъ и Москву для знакомства съ профессорами Соловьевымъ, Костомаровымъ и ихъ методами преподаванія, а также для того, чтобы поработать въ архивѣ и библіотекахъ Москвы и Петербурга. Прошеніе было подано факультету 12 апрѣля, но... скоро, неожиданно для себя, Афанасій Прокофьевичъ поѣхалъ въ Петербургъ на казенный счетъ съ жандармомъ.

[1]) Щаповъ читалъ одновременно три курса: 1) по славяно-русскимъ религіознымъ вѣрованіямъ; 2) по исторіи колонизаціи великорусск. племени; 3) по внутренней исторіи XVIII в. „За сто лѣтъ" т. I, стр. 205.

[2]) М. Лемке. Молодость „отца Митрофана". Былое. 1907 г., № 1, стр. 200.

[3]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 62.

[4]) „Русская Старина", 1890 г. VI кн., стр. 217—218.

При всемъ своемъ увлеченіи политическими вопросами, онъ не сходилъ съ исторической почвы и горячо доказывалъ въ своемъ рефератѣ «Ученая Бесѣда» студентамъ, что «необходимо всестороннее и глубокое историческое самосознаніе наряду съ современнымъ политическимъ самосознаніемъ. Великая всенародная реформа народнаго самоуправленія тогда только удовлетворитъ всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ народовъ, населяющихъ Россію, тогда только мирно водворится въ русской землѣ, когда будетъ плодомъ нашего всесторонняго и глубокаго историческаго самопознанія и будетъ согласоваться съ историческимъ духомъ и характеромъ народа» и т. д. [1]). Къ такой умѣренной работѣ на пользу народа звалъ Афанасій Прокофьевичъ своихъ слушателей, какъ вдругъ случилось ужасное событіе, которое до сихъ поръ еще мало извѣстно обществу—Бездининское дѣло.

Манифеста объ освобожденіи крестьянъ всѣ ждали въ Казани съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ и вездѣ въ Россіи. Прошло 19 февраля и ничего не принесло. Только въ началѣ марта стали «раздавать волю». Въ деревни «воля» дошла не раньше половины марта и вызвала горькое разочарованіе или вѣрнѣе полный сумбуръ [2]).

И неудивительно, «воля» занимала цѣлый томъ въ 400 стр. in folio и была написана языкомъ, совершенно непонятнымъ для народа. Малограмотные толкователи изъ народа не могли разъяснить ее, а къ мѣстной интеллигенціи народъ не хотѣлъ обращаться, такъ какъ «господамъ» не вѣрили. Впрочемъ мудрая администрація скоро *запретила* и совсѣмъ толковать Положеніе. Сумбуръ увеличивался среди крестьянъ. И вотъ, въ это время пронесся среди народа слухъ, что появился въ селеніи Безднѣ Спасскаго у. толкователь Антонъ Петровъ, который «нашелъ истинную волю». Народъ сталъ стекаться въ Бездну. Исправникъ послалъ разсыльнаго арестовать А. Петрова, но его не выдали; тогда онъ послалъ чиновника, а затѣмъ и самъ поѣхалъ съ разсыльными, но безуспѣшно. Исправникъ, не долго думая, увѣдомилъ Казанскаго военнаго губернатора Козлянинова, что въ Безднѣ неповиновеніе властямъ и необходимо принять чрезвычайныя мѣры. Однимъ словомъ начинался первый актъ трагедіи. Но прежде, чѣмъ продолжать разсказъ про дальнѣйшее развитіе ея, необходимо сказать два слова о толкованіи «воли» Петровымъ. Недалекій, малограмотный сектантъ не понялъ: 1) значенія «10%» и назвалъ это «крестомъ Св. Анны»; 2) еще болѣе поразилъ его «Образецъ уставной грамоты» съ ониками и замѣткою «На подлинномъ собственною Е. И. В. рукою написано: «Быть по сему». Образецъ уставной грамоты имѣлъ слѣдующій видъ:

Въ селеніи (или въ селеніяхъ) значится по 10-й народной переписи мужск. пола душъ:

дворовыхъ 00
крестьянъ 00

Изъ нихъ отпущено, послѣ ревизіи, на волю:

дворовыхъ 00
крестьянъ 00

[1]) Н. Аристовъ, Ibid., стр. 64.
[2]) Крыловъ. „Изъ воспоминаній мирового посредника“ Русск. Старина. 1892 г., № 2.

Затѣмъ состоитъ на лицо:

дворовыхъ 00
крестьянъ 00

Оники, отпущены послѣ ревизіи *на волю* (выраженіе одинъ разъ встрѣчающееся во всемъ Положеніи), «10%», приходившіеся на слѣдующей страницѣ какъ разъ надъ выраженіемъ «отпущены на волю», вызвали фантастическое толкованіе:

«Воля найдена», утверждена царемъ «быть по сему» и припечатана «крестомъ Св. Анны». Крестьяне въ праздничныхъ платьяхъ съ именемъ царя стекались для охраны А. Петрова. Послѣдній читалъ отъ имени царя имъ приказъ: «ничего не бояться и не выдавать его никому, кромѣ царскаго посланца, у котораго будетъ звѣзда на головѣ и на двухъ плечахъ». Бездинское движеніе было совершенно мирное, лишенное всякой политической подкладки.

Но не такъ посмотрѣло «высшее начальство». Ему мерещелись всевозможные ужасы. Когда очевидецъ поѣхалъ по порученію командира воинскаго отряда гр. Апраксина въ Казань къ военному губернатору Козлянинову, то тотъ его засыпалъ нелѣпыми вопросами: «чѣмъ вооружены (?) крестьяне? Кто ими командуетъ?.. Можно ли пушки провести черезъ Каму?»

7-го апрѣля трагедія разыгралась. Противъ собравшихся крестьянъ выстроился отрядъ солдатъ при ротномъ командирѣ и инвалидная команда—человѣкъ 30—при гарнизонномъ офицерѣ. Военными дѣйствіями руководилъ гр. Апраксинъ. При немъ присутствовали уѣздный предводитель дворянства В. В. Молоствовъ, исправникъ Шишкинъ, становой, кто-то изъ купцовъ г. Спасскаи помѣщикъ села Никольскаго Молоствовъ. На требованіе разойтись и выдать А. Петрова, отвѣчали отказомъ. Тщетно просилъ ихъ объ этомъ гр. Апраксинъ, В. В. Молоствовъ, священникъ: крестьяне «всѣ безъ шапокъ, въ поясъ кланяясь, отвѣчали:... безъ царской воли не уйдемъ». Тогда войска стали стрѣлять въ народъ. Крестьянъ было много, они находились въ избѣ, на крышѣ, на заборѣ, по сторонамъ избы въ видѣ амфитеатра въ 40 сажень шириною и въ 4 или 5 саж. вышиною. Ни одна пуля не пропадала даромъ, а при близости разстоянія каждая пуля укладывала двухъ и трехъ. «Народъ сталъ падать десятками; а такъ какъ ни вправо, ни влѣво за темнотою нельзя было раздаться, то толпа, заволновалась и шарахнулась бѣжать ближе къ фронту. Крикъ, гамъ вопли, топотъ, дымъ и громкій голосъ какого-то казака: «обходятъ», сбили пальбу съ очереди, и она превратилась въ бѣглый огонь». Когда удалось прекратить пальбу, на землѣ лежали неподвижными и корчились въ мукахъ 126 человѣкъ[1]); изъ нихъ убито было 55 и ранено 71 человѣкъ.

Послѣ этого вывели совсѣмъ обезумѣвшаго А. Петрова въ какой-то бѣлой рубахѣ, съ безумными глазами; на головѣ онъ несъ, какъ священникъ евангеліе, Положеніе. Его и всѣхъ, бывшихъ въ избѣ, увезли.

[1]) Бурцевъ. За сто лѣтъ, ч. II, стр. 49. Крыловъ. Ibid.

Дней черезъ 10 потребовали въ Спасскъ отъ каждаго сельскаго общества сотника и 2 крестьянъ для присутствованія при казни А. Петрова. Трагедія кончилась, кровавая жертва нелѣпости администраціи была принесена.

Вѣсть объ этомъ ужасномъ происшествіи разнеслись по всей Россіи и вызвала ужасъ и негодованіе однихъ, говорятъ—радость или удовлетвореніе другихъ. По крайней мѣрѣ въ Казани распространился слухъ, что благородное дворянство устроило торжественный обѣдъ въ честь новаго побѣдителя, на которомъ присутствовали и профессора—мѣстные помѣщики.

Возмущеніе студенчества достигло крайнихъ предѣловъ. Рѣшено было устроить демоностративную панихиду по жертвамъ[1]). Въ ней приняли участіе студенты университета и Духовной Академіи. Не могъ не отозваться и Афанасій Прокофьевичъ: онъ вызвался сказать надгробное слово.

Правильность слуха о вызывающихъ рѣчахъ дворянства, подтверждена была попечителемъ Казанскаго учебн. окр. кн. Вяземскимъ, какъ объ этомъ говорятъ посланные отъ Синода слѣдователи: Московскаго Даниловскаго монастыря архимандритъ Іаковъ и оберъ-секретарь Синода Коллежскій Совѣтникъ Алферьевъ. Въ своемъ донесеніи отъ 11-го сентября 1861 г. они писали, что «по словамъ попечителя Казанскаго учебнаго округа панихида эта есть демонстрація противъ дворянъ, которые открыто одобряли дѣйствія графа Апраксина и говорили, что подобныя мѣры необходимы и впослѣдствіи, если спокойствіе будетъ нарушено» [2]). Студенты приглашали профессоровъ принять участіе въ панихидѣ и въ пожертвованіяхъ, при чемъ требовали открытой подписки жертвователей, не соглашаясь иначе принимать деньги [3]). Панихида была совершена 16-го апрѣля послѣ вечерни въ Куртинской кладбищенской церкви. Народу собралось болѣе 300 человѣкъ, главнымъ образомъ учащихся. Богослуженіе совершалось торжественно—двумя священниками: настоятелемъ церкви о. Бальбуциновскимъ, студ. I курса академіи свящ. Яхонтовымъ въ служеніи мѣстнаго діакона и студента академіи іеродіакона Мелетія, но не на открытомъ воздухѣ надъ чьей-нибудь могилой, какъ предполагали раньше, а въ холодной церкви при растворенныхъ царскихъ вратахъ. За ектеніей мѣстный причтъ поминалъ «православныхъ христіанъ за вѣру и отечество убіенныхъ» (діаконъ) и «православныхъ христіанъ» (священникъ); изъ студентовъ же академіи священ. Яхонтовъ поминалъ «убіенныхъ за свободу и любовь къ отечеству», а іерод. Мелетій—«убіеныхъ рабовъ Божіихъ“ [4]). Пѣлъ панихиду хоръ студентовъ. Послѣ панихиды взволнованный А. П. Щаповъ со слезами на глазахъ съ амвона сказалъ слѣдующее:.. (Подлинникъ рѣчи затерялся; упомянутые выше слѣдователи достали въ Казани два списка, оказавшихся тождественными;

---

[1]) Архивъ св. Синода. „Дѣло“, № 4591.

[2]) Ibid. л. 19–35.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

кромѣ того содержаніе рѣчи по списку вполнѣ совпадаетъ, какъ со словами самого Щапова, такъ и съ показаніями студентовъ. Поэтому приводимую рѣчь [1]) можно считать, если не подлинной, то близкой къ подлиннику): «Други, нечеловѣколюбиво убіенные! Самъ Христосъ возвѣщалъ народу искупительную свободу, братство и равенство, во времена Римской Имперіи и рабства народовъ, и по Пилатскому суду кровію запечатлѣлъ свое демократическое ученіе. Въ Россіи за 160 лѣтъ стали являться, по причинѣ отсутствія просвѣщенія, среди сельскихъ общинъ, свои мнимые христы, которые по своему возвѣщали свободу отъ своего рабскаго страдальческаго положенія въ государствѣ. Съ половины XVIII в. эти мнимые христы стали называться пророками, искупителями сельскаго народа; вотъ явился новый пророкъ и такъ же возвѣщалъ во имя Божіе свободу и за-то много невинныхъ жертвъ пострадало, не понявъ ограниченнаго Государственнаго Положенія по причинѣ недарованнаго имъ просвѣщенія.

Миръ праху вашему, бѣдные страдальцы, и вѣчная память! Да успокоитъ Господь ваши души и да здравствуетъ общинная свобода, даруемая вашимъ живымъ собратіямъ».

Все собраніе пропѣло «Вѣчную память» и разошлось. Полиція узнала о панихидѣ слишкомъ поздно и поэтому отсутствовала. Когда извѣстіе о ней дошло на слѣдующій день до губернатора Козлянинова, онъ немедленно и «весьма секретно» телеграфировалъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ о случившемся въ слѣдующихъ словахъ: «Вчера (16 апр.) студенты и академики 150 служили на кладбищѣ панихиду по убитымъ въ Безднѣ. Полиція узнала, уже когда панихида служилась; все было спокойно, но профессоръ Щаповъ, послѣ панихиды, что-то читалъ. Вяземскому и архіерею сообщено; по слухамъ нѣкоторые студенты поѣхали въ Спасскъ для узнанія, какъ было дѣло, это еще невѣрно; Апраксину сообщено [2]).» Телеграмма эта произвела въ Петербургѣ смятеніе. Немедленно сообщили объ этомъ въ Синодъ, шефу жандармовъ, доложили государю. Александръ II, который очень боялся крестьянскаго бунта, «Высочайше повелѣть соизволилъ: узнать, что читалъ Щаповъ послѣ панихиды» [3]). Сдѣланъ былъ соотвѣтствующій запросъ, на который Казанскій губернаторъ 20-го апрѣля весьма секретной телеграммой отвѣтилъ слѣдующее: «Щаповъ—баккалавръ. Архіепископъ требовалъ рѣчь, Щаповъ не доставилъ. Жандармы узнать не могли; мнѣ рѣчь извѣстна отрывками, что ученіе Христа было демократическое, умеръ за свободу, какъ умираютъ теперь, наши братья труженики удобрили своею кровью нивы, которыя поили своимъ потомъ, скоро настанетъ минута освобожденія Россіи и что-то о конституціи. Щаповъ восторженный, дерзкій, пьющій, но умный. Отставленные архіереемъ два монаха, служившіе панихиду, съ правами священниковъ, по мнѣнію моему вредны». Государь на представленной ему телеграммѣ

---

1) Ibid., л. 40.
2) Арх. Св. Синода. „Дѣло“ 149, л. 1—2, Ibid.—8 л.
3) Ibid., 6—7.

«изволилъ собственноручно карандашемъ написать: Щапова необходимо арестовать, двухъ монаховъ заключить въ Соловецкій монастырь» [1]).

Такимъ образомъ безъ суда, не зная даже надъ кѣмъ, безъ слѣдствія, по одной телеграммѣ губернатора былъ произнесенъ приговоръ, по крайней мѣрѣ надъ двумя монахами, изъ которыхъ одинъ оказался совсѣмъ не монахомъ. Оберъ-прокуроръ Синода А. П. Толстой, которому немедленно сообщалось все, что получалось въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, отнесся къ дѣлу не менѣе ретиво, чѣмъ III отдѣленіе. 20-го апрѣля онъ послалъ запросъ ректору Академіи архимандриту Іоанну, а 27-го апрѣля послалъ для производства слѣдствія оберъ-секретаря Синода Ольферьева, который долженъ былъ въ Москвѣ получить подкрѣпленіе по выбору митрополита Филарета [2]). Филаретъ назначилъ настоят. Даниловскаго монастыря Іакова и, снабдивъ слѣдователей указаніями, вопросными пунктами и т. д., благословилъ ихъ на предстоящую дѣятельность. Гораздо спокойнѣе отнеслись къ «событію» управляющій губерніей и попечитель округа.

Первый доносилъ управл. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Валуеву, «что сообщивъ объ этомъ архіепископу Казанскому и попечителю учебнаго округа, я нашелъ однако-жъ лучшимъ оставить это дѣло впредь до распоряженія Вашего Высокопревосходительства, безъ всякаго особаго вниманія и разбирательства, что бы могло повести къ разнымъ демонстраціямъ и усилить враждебное чувство. Необращеніе же вниманія, по мнѣнію моему, оставитъ обстоятельство это совершенно безъ послѣдствій [3]). Второй тоже не придалъ значенія панихидѣ, считая ея демонстраціей не политической, а направленной противъ дворянства, а главное въ виду того, что «событіе было въ церкви сдѣлано массою студентовъ внѣ университета, съ участіемъ лица, подвѣдомственнаго академіи»; онъ ограничился донесеніемъ обо всемъ Министерству, и даже отказалъ въ помощи «слѣдователямъ», когда тѣ къ нему обратились за содѣйствіемъ. Мало того, въ перепискѣ съ Казанскимъ губернаторомъ, онъ заявилъ относительно общаго духа казанскаго студенчества, что «до сихъ поръ не замѣчено между ними ни противосословнаго, ни противоправительственнаго раздраженія» [4]).

Инспекторъ же университета объяснилъ участіе студентовъ въ панихидѣ увлеченіемъ молодости. Такимъ образомъ Министерство Народнаго Просвѣщенія на этотъ разъ, насколько могло, защитило студентовъ: въ Петербургѣ однако продолжали придавать дѣлу большое значеніе и

[1]) Ibid. Л. 8.

[2]) До чего въ Синодѣ перепугались, можно заключить изъ того, что кн. Урусовъ, товарищъ оберъ-прокурора Синода, придумалъ для слѣдователей особый шифръ. Сейчасъ же по пріѣздѣ они должны были ему телеграфировать о состояніи академіи, для чего было придумано 3 рода отвѣта:—Безпокойно. Дорога дурна. Или—Нѣсколько безпокойно. Дорога порядочная. И наконецъ,—Покойно. Дорога хороша. Слѣдователи телеграфировали только: „дорога порядочная“.

[3]) Арх. Св. Синода. Ibid., л. 40—42.

[4]) Арх. Св. Синода. „Дѣло“, № 4591, л. 1—76 и Н. Ѳирсовъ „Студенческія исторіи въ Казанск. универс. Русск. Старина“, 1889 г., № 6, стр. 623—629.

для разслѣдованія его былъ даже командированъ, по Высочайшему повелѣнію, генералъ-адъютантъ Бибиковъ. Несмотря на свое безусловно сочувственное отношеніе къ А. П. Щапову, попечитель ему помочь не могъ, такъ какъ арестъ его былъ рѣшенъ самимъ Александромъ II. Ректоръ Академіи употреблялъ всѣ усилія для спасенія студентовъ: онъ убѣдилъ А. П. Щапова для блага академіи подать заднимъ числомъ прошеніе объ увольненіи изъ числа преподавателей академіи и въ засѣданіи правленія уволилъ его, хотя не имѣлъ на это права, такъ какъ увольненіе это зависѣло отъ Синода; научилъ студентовъ, какъ дать имъ показаніе; послалъ въ Синодъ донесеніе, въ которомъ всячески выгораживалъ своихъ академиковъ, наконецъ далъ имъ мысль, а можетъ быть и самъ составилъ Всеподданѣйшій адресъ отъ студентовъ, который и отправилъ въ Петербургъ. Но старанія его не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ: 1) онъ наткнулся на вѣками сложившіеся полицейскіе порядки Синода; 2) встрѣтилъ рѣзкое противодѣйствіе озлобленныхъ противъ себя профессоровъ и баккалавровъ академіи и, наконецъ, въ 3) былъ слишкомъ гордъ, чтобы заискивать передъ «слѣдователями», а послѣдніе слишкомъ ретивы и самолюбивы, чтобы не открыть «крамолы» и не отомстить ректору за его пренебреженіе къ нимъ [1]).

Резолюція Государя на телеграммѣ была положена 21 марта и сейчасъ же С. Ланскимъ дано было знать объ этомъ по всѣмъ «заинтересованнымъ» вѣдомствамъ, но А. П. Шаповъ не былъ арестованъ въ Казани, а оставался на свободѣ, конечно подъ негласнымъ надзоромъ. На требованіе архіепископа Афанасія сообщить ему свою рѣчь, Щаповъ съ обычною своею правдивостью описалъ подробно, какъ происходило дѣло и что онъ говорилъ:.. «я сказалъ рѣчь въ кладбищенской церкви послѣ панихиды по убитымъ крестьянамъ Спасскаго уѣзда села Бездны по невольному состраданію къ несчастнымъ, согласно съ общехристіанскимъ человѣколюбивымъ сочувствіемъ къ нимъ. Когда на кладбищѣ толпами

[1]) Интересно, для характеристики Академіи и Университета, поведеніе студентовъ обоихъ учебныхъ заведеній: въ то время какъ студенты университета не только не скрывали своего дѣла, а даже подали оффиціальное заявленіе о томъ, что они были иниціаторами панихиды, за своими подписями; академики почти всѣ поголовно, всячески оправдывались, прибѣгая къ всевозможнымъ средствамъ, за исключеніемъ Порфирьева, Шашкова, Лебединскаго, Боголюбова, Кочкина и Новицкаго.

Не помогло архим. Іоанну даже „объясненіе", поданное студентами Казанскаго Университета во внутреннее правленіе Казанской Духовной Академіи, въ которомъ они писали:

„До насъ дошли слухи, что иниціатива панихиды, совершенной 16 апрѣля, приписана преимущественно студентамъ Духовной Академіи. Мы же, нижеподписавшіеся утверждаемъ, что она принадлежитъ студентамъ университета, равно какъ и переговоры съ Куртинскимъ священникомъ, всѣ распоряженія и расходы по этому случаю, вслѣдствіе чего мы считаемъ долгомъ заявить это Правленію Духовной Академіи. Вообще студенты Духовной Академіи были посторонними и случайными посѣтителями при панихидѣ, и мы даже не знаемъ, какъ они тутъ случились.

М. Кулаевскій, Н. Протопоповъ, Н. Беневитскій, В. Умновъ, Константинъ Федяй, Ив. Ягодинскій, Н. Песковъ, Ал. Преберенгъ, Н Тутолминъ.

собрались студенты университета, я пошелъ вслѣдъ за ними и узналъ, что они хотѣли отправить панихиду по «убіеннымъ въ смятеніи». Это стеченіе съ христіанско-человѣколюбивой цѣлью возбудило во мнѣ слезы, и я тутъ же на кладбищѣ набросалъ на бумагѣ краткую рѣчь, предполагая сказать ее на какой-нибудь могилѣ, гдѣ сначала думали служить панихиду. Когда панихиду рѣшились служить въ церкви, то какъ не удерживался, но вмѣстѣ со слезой рѣчь моя невольно излилась изъ глубины души, когда человѣкъ 200 въ одинъ голосъ, многіе со слезами, запѣли: «вѣчная память». Это церковное собраніе напомянуло мнѣ извѣстныя въ древне-христіанской церкви агапы, когда всѣ пѣли, и всякій, кто вдохновлялся, говорилъ какое-нибудь назиданіе. Я говорилъ не возмутительныя слова, почему не было и не могло быть на кладбищѣ никакого смятенія. Я говорилъ: «Христосъ Богъ нашъ, возвѣщая истинную свободу и братство, отъ Пилатова суда умеръ на крестѣ, искупивъ своею кровію всѣхъ насъ. Вы, други, увлеклись ложною свободою. возвѣщенною вамъ самимъ ложнымъ пророкомъ». Тутъ я вкратцѣ говорилъ объ историческомъ происхожденіи ложныхъ пророковъ въ Россіи, которые въ первой половинѣ XVIII вѣка являлись въ Россіи и называли себя христами. Потомъ изъ этого я вывелъ, что убитые увлеклись ложною свободою потому, что мы не уяснили имъ истинной свободы, не заботясь почти нисколько о ихъ просвѣщеніи. Я закончилъ: «Вы пали по невинному невѣдѣнію жертвой за то, что мы, служа просвѣщенію, не просвѣтили васъ, заблудшихъ сыновъ отечества. Простите насъ. Миръ праху вашему и вѣчная память». Когда я только что кончилъ рѣчь и весь былъ въ волненіи, кто-то изъ студентовъ университета взялъ у меня рѣчь. Я даже не обратилъ на него никакого вниманія, потому, что въ рѣчи ничего возмутительнаго не было. Рѣчь эта, говорятъ, порвана, какъ ненужная никому [1])».

Если сравнить рѣчь, приводимою А. П. съ приведенной выше, то разницы значительной не найдемъ; пропуски и неточности легко объяснить, какъ запамятованіемъ, такъ и возбужденіемъ его во время составленія и произношенія рѣчи. Щаповъ не скрывался и въ этотъ крити-

Подписалось подъ этимъ объясненіемъ такъ мало, потомучто большая часть студентовъ, бывшихъ на панихидѣ, разъѣхалась на каникулы, и нѣкоторые считаютъ излишнимъ подписываться теперь, думая, что ихъ спросятъ послѣ". (Арх. Св. Синода. „Дѣло" № 149, л.л. 90—92).

Въ Синодѣ это „объясненіе" произвело впечатлѣніе, но академиковъ не спасло. Еще неудачнѣе было дѣло съ всеподданѣйшимъ адресомъ. Ревизоры узнали о немъ сейчасъ же по пріѣздѣ и черезъ Казанскаго военнаго губернатора телеграфировали управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ съ просьбой передать оберъ-прокурору Синода слѣдующее: „8 мая посланъ Вамъ адресъ изъ Академіи, мы полагали бы пріостановиться давать ему ходъ до полученія свѣдѣній о послѣдствіяхъ нашихъ дѣйствій".

Такъ всеподданѣйшія чувства академиковъ и остались въ архивѣ Синода. Поэтому прямо удивительно, на основаніи чего Аристовъ и Знаменскій сдѣлали выводъ объ откровенномъ благородномъ поведеніи студентовъ Академіи, а для изображенія поведенія студентовъ университета не пожалѣли черной краски.

[1]) Арх. Св. Синода. „Дѣло", № 4591, л. 39.

ческій моментъ своей жизни. Впрочемъ ни искренность, ни ловкость. изворотливость не могли помочь дѣлу—приговоръ «Щапова арестовать» былъ написанъ. Но какъ это сдѣлать безъ скандала, безъ волненій, безъ студенческихъ демонстрацій: кн. Вяземскій, по предложенію ли назначеннаго генералъ-адъютанта Бибикова, или по собственному побужденію съ согласія Бибикова, убѣдилъ А. П. Щапова, не дожидаться ареста, а самому лично отправиться въ Петербургъ для объясненій, выдалъ ему 200 рублей прогонныхъ и видъ.

V

Отъѣздъ Щапова изъ Казани „подъ негласнымъ надзоромъ". Арестъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отправка въ Петербургъ, въ III-ье отдѣленіе. Слѣдствіе, наряженное отъ Синода. Слѣдствіе гражданское. Три объяснительныхъ записки Щапова. Временное освобожденіе и принятіе на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Мечты Щапова. Окончаніе дѣла—рѣшеніе государя сослать Щапова въ монастырь. Хлопоты и амнистія.

29-го апрѣля въ субботу на Пасхальной недѣлѣ А. П. двинулся въ путь. „Было свѣтлое весеннее утро и толпы студентовъ академіи и университета пришли его провожать; они биткомъ набили его квартиру, корридоръ, сѣни и крыльцо академическаго флигеля. Прощаніе было трогательное, и Щаповъ плакалъ горькими слезами. Часть студентовъ разсѣлась по лодкамъ и изъ Подлужной слободы проводила его по розливу р. Казанки до самой пароходной пристани... Грустная, надрывающая пѣсня, приспособленная къ случаю, далеко разносилась изъ груди студентовъ и замирала надъ воднымъ широкимъ раздольемъ:

„Вотъ по Волгѣ рѣкѣ, къ Нижню городу,
Снаряженъ стружокъ, какъ стрѣла, летитъ;
А на томъ стружкѣ, на снаряженномъ,
Удалыхъ гребцовъ двадцать два сидятъ.
Вотъ одинъ изъ нихъ добрый молодецъ,
Призадумался, пригорюнился [1]".

Ни провожавшіе, ни Щаповъ не знали; имъ и въ голову не приходило, что на пароходѣ Самолетскомъ уже ждалъ его жандармскій офицеръ М. П. Карягинъ, которому поручено было слѣдить за Щаповымъ всю дорогу, наблюдать за всѣми его дѣйствіями и разговорами. Щапова провожали до Нижняго нѣкоторые изъ студентовъ и Казанскій книгопродавецъ, издавшій его «Русскій расколъ старообрядства», И. В. Дубровинъ. Карягинъ изъ Нижняго телеграфировалъ въ Казань о спутникахъ Щапова [2]).

---

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 67.

[2]) Дѣйствія Нижегородской уч. арх. ком., выпускъ 2, ст. Звѣздина и арх. Св. Синода „Дѣло" № 149 лл. 30—31.

Между тѣмъ Валуевъ, управляющій Министерств. Внутреннихъ Дѣлъ, ıе зналъ, что уже сдѣлано распоряженіе Бибикова о сопровожденіи Щапова жандармскимъ офицеромъ, и телеграфировалъ Нижегородскому военному ʼубернатору А. Н. Муравьеву шифромъ: «Задержите баккалавра Щапова, ɜыѣхавшаго изъ Казани, его слѣдуетъ подвергнуть домашнему аресту и :трожайшему полицейскому надзору впредь до особаго распоряженія; объ ıрестованіи Щапова донести телеграфомъ» [1]). Телеграмма была получена ɜъ 2 ч. ночи съ 29 на 30 апрѣля. Губернаторъ немедленно предписалъ :таршему полицеймейстеру Цейдлеру арестовать Щапова, когда онъ при-)удетъ въ Нижній. Въ 6 ч. вечера 30 апрѣля Щаповъ былъ арестованъ ı отданъ подъ строжайшій надзоръ полиціи: для наблюденія за нимъ въ ɛвартирѣ, по особому предписанію губернатора на имя жандармскаго ıодполковника Коптева, командированы были 2 жандарма; вещи его въ ıрисутствіи Коптева, Цейдлера и Карягина были тщательно осмотрѣны,)умаги запечатаны за «общимъ подписомъ» жандармовъ и самого Щапова и сданы на храненіе Цейдлеру. Затѣмъ Коптевъ запросилъ шефа жандармовъ: «ожидать ли Карягину, сопровождавшему Щапова изъ Казани, ɪальнѣйшихъ распоряженій въ Нижнемъ, или возвратиться въ Казань, гакъ какъ у него былъ конвертъ къ его сіятельству отъ генералъ-адъютанта Бибикова, а по открытому листу и предписанію поручалось ему сопровождать Щапова до С.-Петербурга». Шефъ жандармовъ князь Долгорукій, понявъ ошибку Валуева и что она произошла вслѣдствіе неправильнаго сообщенія оберъ-прокурора Синода А. П. Толстого Валуеву о задержаніи Щапова въ Нижнемъ, 1-го мая письмомъ на имя товарища оберъ-прокурора Князя Урусова просилъ «отмѣнить это распоряженіе и телеграфировать, чтобы Щаповъ съ тѣмъ же офицеромъ былъ отправленъ въ С.-Петербургъ, не останавливаясь въ Москвѣ; если же въ Москвѣ надобно будетъ остановиться по причинѣ желѣзной дороги, то чтобы онъ доставленъ былъ къ генералъ-лейтенанту Перфильеву, который получитъ отъ него дальнѣйшее указаніе». Такъ какъ въ Синодѣ не знали шифра, то кн. Урусовъ просилъ Валуева увѣдомить объ этомъ Нижегородскаго губернатора. 1-го мая въ Нижнемъ была получена телеграмма, а 2-го, Щаповъ въ сопровожденіи Карягина выѣхалъ въ Москву, пробывъ больше сутокъ въ Нижнемъ по недоразумѣнію.

День спустя послѣ ареста Щапова были подвергнуты домашнему аресту въ академіи, по предписанію Оберъ-Прокурора Синода, свящ. Яхонтовъ и іеродіаконъ Мелетій. Всѣ просьбы ректора Академіи не помогли.

Между тѣмъ Аф. Прок. съ жандармскимъ офицеромъ Карягинымъ въ одномъ экипажѣ ѣхали въ Москву, довольные другъ другомъ. «Славно было ѣхать въ обществѣ такого человѣка», разсказывалъ Карягинъ уже въ 1880 году Н. Агафонову [2]). Во время дороги Щаповъ всѣмъ интересовался; при переѣздѣ, напримѣръ, черезъ Клязьму, они увидѣли кучку народа,

[1]) Н. Агафоновъ. „Въ дополненіе статьи г. Звѣздина о Щаповѣ". Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной коммисіи, т. II, стр. 39.

[2]) Ibid., т. II, стр. 39.

которая пѣла. Пѣсня такъ понравилась Щапову, что онъ упросилъ Карягина остановиться и записалъ ее. Пѣсня начиналась, разсказывалъ Карягинъ, такъ:

Протекала рѣченька,
За рѣчкой слободушка,
Не величка—маленька
Три, четыре домика...
Первый домикъ—дядюшка,
Другой домикъ—тетушка,
Третій домикъ—вдовушка,
У вдовушки—доченька и проч.

«Отлично и весело доѣхалъ до Петербурга», разсказывалъ съ улыбкой Аристову Щаповъ: «жандармскій офицеръ былъ прекрасный человѣкъ, мы съ нимъ дорогой выпивали по маленькой и разсуждали о научныхъ историческихъ вопросахъ; онъ разсказывалъ мнѣ, какія мѣстности встрѣчались на пути и чѣмъ замѣчательны, а я велъ путевыя записки о судьбѣ старинныхъ областей, по которымъ проѣзжалъ».

Привезенный въ Петербургъ, А. П. былъ посаженъ въ III отдѣленіе. По словамъ Аристова [1]) Щаповъ хвалилъ помѣщеніе и не жаловался на свое подневольное положеніе: «Отличная комната,—высокая и свѣтлая, въ три большихъ окна, а чистота такая, какой у меня не было въ квартирѣ». Здѣсь онъ продолжалъ писать свои путевыя замѣтки, а написанныя раньше спряталъ въ тюфякъ, подрѣзавъ его край. Въ III-мъ отдѣленіи Щапова все допрашивали, кто былъ на панихидѣ, но онъ отозвался незнаніемъ фамилій, такъ какъ слишкомъ недолго читалъ въ университетѣ.

Въ Петербургѣ допрашивали самого Щапова, а въ Казани «слѣдователи» Олферьевъ и архимандритъ Іаковъ допрашивали другихъ о Щаповѣ, собирая свѣдѣнія отовсюду.

По болѣзни А. П. перевели вскорѣ изъ III Отдѣленія въ арестантское отдѣленіе для офицеровъ клиники проф. Заблоцкаго-Десятовскаго. И здѣсь Щаповъ работалъ: продолжалъ заносить свои путевыя впечатлѣнія и обрабатывалъ свои лекціи «О великорусскихъ областяхъ и смутномъ времени».

Слѣдствіе продолжалось. Только 20-го іюня Олферьевъ и архимандритъ Іаковъ закончили уже въ Москвѣ свой докладъ, послѣ чего 22-го Олферьевъ поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ просмотрѣнъ Оберъ-Прокуроромъ, при чемъ изъ него были выброшены всѣ выпады «слѣдователей» по адресу другихъ вѣдомствъ и лицъ, напр. противъ проф. университета Булича, а 8-го іюля Оберъ-Прокуроръ Синода въ краткомъ докладѣ о дѣлѣ просилъ у Государя разрѣшенія представить этотъ отчетъ для предварительнаго разсмотрѣнія митр. Филарету [2]), а затѣмъ на внесеніе его для рѣшенія Синоду. Александръ II написалъ: «согласенъ, но съ тѣмъ,

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 68.

[2]) Еще раньше Филарету сообщали всѣ документы по дѣлу о панихидѣ, и онъ давалъ свои заключенія. Особенно обрушился Филаретъ на архимандрита Іоанна: онъ раскрылъ всѣ его ухищренія въ защиту Академіи и студентовъ, назвалъ его „безсовѣстнымъ“ и т. д. Досталось и А. Прокофьевичу.

тобы бы дѣло это прежде окончательнаго утвержденія, было представлено
ъ Главный комитетъ по сельскому состоянію».

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе этого отчета, мы остановимся
ишь на взглядѣ «слѣдователей» на личность Щапова. Это особенно
нтересно потому, что познакомитъ насъ съ мнѣніемъ о Щаповѣ, устано-
ившимся въ Казани [1]).

«Касательно личности Щапова общее мнѣніе то, говорятъ «слѣдова-
ели», что онъ человѣкъ весьма ученый и могъ бы быть полезнымъ и
аже замѣчательнымъ наставникомъ, если бы не былъ способенъ увлекаться
бстоятельствами, подъ вліяніемъ коихъ находился; такъ преподаваніе его
ъ академіи не заключало ничего предосудительнаго ни въ духѣ, ни въ
аправленіи; когда же онъ поступилъ въ университетъ, то, будучи увле-
енъ одобреніемъ, съ которымъ встрѣтили его тамъ слушатели, позволилъ
ебѣ перейти границы строгой осторожности въ чтеніи своего предмета [2]);
амое названіе, которое онъ далъ своей наукѣ—«Исторія русскаго народа»
мѣсто «Имперіи Россійскаго государства», по замѣчанію одного изъ пре-
одавателей Университета, придало въ нѣкоторомъ отношеніи особый ин-
ересъ его лекціямъ въ глазахъ молодыхъ слушателей. По достовѣрнымъ
вѣдѣніямъ увлеченіе этого преподавателя простиралась до того, что онъ
озволилъ себѣ цитировать Герцена, Огарева и др., забывая, что ссылка
а нихъ можетъ нанести вредъ неопытному уму не совсѣмъ еще разбор-
ивыхъ посѣтителей его аудиторіи [3]). По мнѣнію преосвященнаго Никодима,
Щаповъ почерпнулъ свое безуміе, конечно, не въ Духовной Академіи и
е въ наукахъ ея, а увлекся необузданными мечтаніями европейскихъ
ыслителей и не остановленъ во время отъ власти. Имѣя случай близко
знакомиться съ наставниками Академіи по поводу ревизіи ея (въ 1860 г.),
ъ томъ числѣ и съ Щаповымъ, преосв. Никодимъ со своей стороны
олагаетъ, что настоящее несчастье возвратитъ его къ образу мыслей
равильному, твердому, крѣпкому, столь общему всѣмъ воспитанникамъ
уховныхъ училищъ въ православной Россіи». Ректоръ Іоаннъ сообщилъ,
то съ поступленія въ университетъ, Щаповъ «болѣе и болѣе уклонялся
тъ Академіи, рѣдко и весьма неисправно посѣщалъ академическія лек-
іи, на которыхъ, какъ до вступленія въ университетъ, такъ и послѣ сего
е обнаруживалъ ничего предосудительнаго, а до вступленія въ универси-
етъ проявлялъ даже особенно хорошее направленіе мыслей и чувствъ,
акъ можно судить, напримѣръ, по статьямъ его, помѣщеннымъ въ Пра-
ославномъ Собесѣдникѣ за прежніе годы». Отъ студентовъ академіи
ослѣ вступленія въ университетъ сталъ отдаляться, неисправно посѣщалъ
екціи и, на замѣчанія ректора, отвѣчалъ, что хочетъ совсѣмъ оставить
лужбу въ академіи. «И дѣйствительно, 8 апрѣля сего года подалъ про-
шеніе объ увольненіи его изъ академіи, а 15 апрѣля журналомъ академіи
ыло положено уволить его, о чемъ и представлено высшему начальству».

[1]) Архивъ Св. Синода. Дѣло № 4591 л. 1—76.
[2]) Оберъ-Прокуроръ Синода это мѣсто отчета выкинулъ. Г. Л.
[3]) Тоже. Г. Л.

Студенты отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ начитанномъ, весьма способномъ и умномъ,... ничего не говорилъ ни противъ церкви, ни противъ правительства, предметъ свой читалъ съ любовью и постоянно съ желаніемъ передать слушателямъ все, что извѣстно самому... пользовался въ академіи уваженіемъ.

«Къ числу недостатковъ Щапова, какъ преподавателя, можно отнести то, что онъ читалъ свой предметъ довольно отрывочно, почему трудно было слѣдить за цѣлымъ ходомъ преподаваемой имъ науки, и слишкомъ увлеченъ былъ своими идеями, отчего не всегда вѣрный взглядъ на предметъ передавалъ съ догматическою несомнѣнностью... Въ отношеніи къ воспитанникамъ... Щаповъ держалъ себя благородно, былъ обходителенъ, но не фамильяренъ.

По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ, почти отъ всѣхъ, знавшихъ Щапова, онъ имѣлъ слабость къ вину, и, по всей вѣроятности, рѣчь свою говорилъ не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ».

Отчетъ «слѣдователей» по отношенію къ Щапову, вышелъ довольно объективнымъ, особенно послѣ подчистокъ кн. Урусова. 14-го Іюля отчетъ былъ посланъ митрополиту Филарету съ сообщеніемъ резолюціи Государя. Затѣмъ этотъ матеріалъ передали на рѣшеніе Синода. Пока все это тянулось по духовному вѣдомству, Аф. Прокоп. изъ клинники перевели вновь въ III-е отдѣленіе и вмѣсто слѣдствія приказали написать подробное откровенное объясненіе. По словамъ Аристова, Щаповъ написалъ «объяснительную историческую записку о служеніи панихиды по убитымъ крестьянамъ въ с. Безднѣ», гдѣ изобразилъ прежнюю силу и значеніе народа, его участье въ общественныхъ дѣлахъ, указалъ на земскіе соборы, на порабощеніе затѣмъ народа бюрократіей, на нынѣшнюю горько-слезную его жизнь, на народную темноту, на непониманіе чиновниками народныхъ стремленій и желаніе ихъ видѣть въ этомъ бунты. Наконецъ указалъ на то, что Бездниинское дѣло явилось тоже результатомъ недоразумѣній, почему и возбудило въ немъ, какъ крестьянинѣ, горькое чувство, и онъ принялъ участіе въ панихидѣ. Въ заключеніе чистосердечно призналъ свою вину и заявилъ полное раскаяніе. Такъ передаетъ дѣло Аристовъ [1]). Въ архивѣ Св. Синода есть слѣды объясненій Щапова въ видѣ письма шефа жандармовъ кн. Долгорукаго къ кн. Урусову и отзыва митр. Филарета.

«Voici cher cousin», писалъ кн. Долгорукій [2]), les *deux* oeuvres de Щаповъ, que vous vouliez lire Vous-même et montrer au Métropolitain. Si vou(s) pouviez me les restituer dans la journée le demain, je Vous en serais reconnaissant, parce qu' elles seront nécessaires dans le plus bref délai à... (*l'empereur?*).

P. S. Peut être serez vou(s) disposé de lire *encore une production* de nôtre orateur, que je reçu(s) déjà ici. Je la joins à ce billet avec une petite note de Shuvaloff sur laquelle Vous trouverez quelques lignes, tracées par l'Empereur.

[1]) Аристовъ. Ibid., стр. 69.

[2]) Арх. Св. Синода. Дѣло № 149 безъ нумераціи лист а.

Изъ этого письма видно, что Щаповъ написалъ три записки: одна, роятно, объясненіе, о которомъ говоритъ Аристовъ, а другая, какъ питъ митр. Филаретъ въ своемъ отзывѣ, «всеподданнѣйшее письмо», въ горомъ онъ говоритъ, главнымъ образомъ, о необходимости политичеıго преобразованія въ Россіи и развитія просвѣщенія и даетъ примѣрную ːму школьнаго образованія для Россіи; содержаніе 3-ьей остается совернно неизвѣстнымъ.

Въ всеподданнѣйшемъ письмѣ прежде всего онъ обращаетъ вниманіе просвѣщеніе крестьянъ и требуетъ образованія областныхъ обществъ, горыя бы вѣдали дѣло народнаго образованія, открывали бы школы. аповъ находитъ и средства: «мы, ученые, обязаны платить подати на ːьскія и народныя училища изъ своего жалованья, которое исходитъ ı народа». Эти «общества могли бы отправлять за границу даровитыхъ ːстьянскихъ дѣтей», съ руководителями для ознакомленія съ устройомъ, пріемами, способами, орудіями и машинами заграничнаго сельскаго яйства». Въ городахъ Щаповъ намѣчаетъ 3 концентра: 1) первоначальı общесословныя приходскія училища, 2) общесословныя гимназіи и ıія же семинаріи, если почему либо нельзя будетъ соединить ихъ съ назіями и 3) общесословные университеты и духовныя академіи, если ьзя ихъ будетъ соединить съ университетами, и общесословные реальэ институты.

Далѣе Щаповъ намѣчаетъ широкія программы для школъ. Въ первомъ центрѣ должны изучаться: «грамматика, ариѳметика, знаніе главныхъ инъ христіанскаго ученія, преимущественно нравственнаго, знаніе вныхъ обязанностей гражданина, знаніе главныхъ началъ физики, ественной исторіи, географіи, исторіи, преимущественно русской, слоности, искусства и поэзіи». Кругъ предметовъ 2-го концентра неизтенъ. Въ школахъ высшихъ Щаповъ предлагалъ открыть также ıкультеты—коммерческій и ремесленный».

Для государственнаго управленія Щаповъ указываетъ на необхоıость слѣдующихъ преобразованій: 1) ввести «мѣстные безсословные -есть поголовными голосами) выборы въ общественныя должности, ıнная съ губернатора до послѣдняго полицейскаго, гарантированные товою порукою»; 2) учрежденія «областныхъ совѣтовъ» изъ лицъ, бранныхъ народомъ; 3)... «центрально-земскихъ соборовъ», изъ членовъ, бранныхъ областными совѣтами. Послѣднимъ двумъ органамъ поруотся всѣ безъ ограниченія государственныя дѣла, въ томъ числѣ и войско.

Въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою царская власть и ıтральный земскій соборъ, по Филарету узнать нельзя. Наконецъ, Щаъ требуетъ «уничтожить цензуру и дозволить полную гласность и ıбоду печати; и всякое сочиненіе предоставить на отвѣтственность ːора».

Говоря о сельскихъ школахъ А. П. съ горечью указываетъ, какъ ого людей «поглотили» рекрутскіе наборы.

Къ сожалѣнію полный текстъ всеподданнѣйшаго письма до сихъ ъ хранится въ архивѣ и когда еще будетъ къ нему доступъ—неизвѣ-

ство. Но даже изъ этихъ отрывковъ мы видимъ вполнѣ законченную земско-областную теорію Щапова, которую онъ затѣмъ проводилъ въ своихъ печатныхъ работахъ: о ней мы скажемъ дальше.

Филаретъ зло, хотя совершенно несправедливо, высмѣялъ проектъ Щапова и кончилъ такъ: «Предметъ сей требуетъ не легкаго сужденія, какое позволилъ себѣ преобразователь». «Кажется, можно видѣть птицу по полету». Особенно возмутило Филарета, что Щаповъ считаетъ евангельское ученіе демократическимъ. Онъ со злобою доказываетъ, что «Христосъ создалъ іерархію, а не демократію», что соборы церковные состоятъ изъ епископовъ, имѣютъ іерархическое основаніе. Не могъ воздержаться Филаретъ, чтобы не сдѣлать политическаго доноса. «Впрочемъ, говоритъ онъ, Щаповъ не выдумалъ ничего новаго: демократическое христіанство провозглашено было въ Парижскую революцію 1848 года. Предъ толпою мятежниковъ носили крестъ и священниковъ заставляли освящать дерево свободы. Демократическое христіанство стрѣляло въ христіанъ недемократическихъ и, когда Парижскій архіепископъ хотѣлъ прекратить кровопролитіе, демократическое христіанство убило архіепископа на баррикадѣ»[1]. Къ счастію этотъ отзывъ не пошелъ дальше Синода, и Щапова послѣ объясненія скоро выпустили на свободу, выдержавъ въ видѣ наказанія двѣ недѣли подъ арестомъ при полиціи въ 1-й Адмиралтейской части[2]. Когда его выпустили, точно неизвѣстно, но вѣроятно въ началѣ или серединѣ августа 1861 года.

Неопытный Щаповъ совсѣмъ бы растерялся, если бы случайно не встрѣтился съ знакомымъ еще по Казани Н. А. Мулловымъ, который вскорѣ и устроилъ его на Владимірской въ домѣ Фридерикса. Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Валуевъ взялъ Щапова на поруки, такъ какъ его дѣло еще не было закончено, и опредѣлилъ на службу къ себѣ, по раскольничьимъ дѣламъ съ окладомъ жалованья въ 600 рублей въ годъ, при чемъ лично сказалъ ему, что онъ можетъ свободно заниматься своими научными работами, не стѣсняясь никакими служебными обязанностями. Щаповъ былъ очень доволенъ и мечталъ о будущихъ работахъ, говорилъ о громадныхъ богатствахъ по расколу, хранящихся въ архивѣ и т. д. Онъ всѣмъ заявлялъ, что высылка его изъ Казани и арестъ имѣли на него благотворное вліяніе, что онъ за послѣдніе три мѣсяца» «выросъ и окрѣпъ въ душѣ, точно прожилъ 10 лѣтъ»[3]. Съ жаромъ принялся А. П. за работу: изъ своей библіотеки, т.-е. узла изъ простыни съ выписками и книгами, онъ вытащилъ путевыя замѣтки и засѣлъ за ихъ обработку. Но работа мало спорилась, и вмѣсто книги онъ составилъ нѣсколько писемъ, которыя послалъ знакомымъ студентамъ въ Казань, гдѣ они и затерялись.

Между тѣмъ исторія Щаповская разнеслась по Россіи и доставила ему широкую популярность. Его знакомства искали, въ квартиру его являлись издатели, литераторы и просто публика: кто изъ любопытства,

[1] Архивъ св. Синода. „Дѣло“, № 4591, л.л. 62—76.
[2] Н. Аристовъ. Ibid., стр. 69.
[3] Н. Аристовъ. Ibid., 69—70.

го изъ желанія сблизиться съ нимъ, а кто изъ желанія привлечь его въ вой журналъ. Панихида съ ея послѣдствіями, затѣмъ эта популярность е могли не оказать на Аф. Прок. сильнаго дѣйствія. Онъ сталъ на себя мотрѣть, какъ на героя и громадную научную и литературную величину. нъ самоувѣренно думалъ, что знаетъ истину и обладаетъ всѣми данными, чтобы открыть ее обществу.

Историческая теорія его, дѣйствительно, настолько широко охватыала всю прошлую жизнь народа, что судьбы страны, привлекшія ее въ овременное положеніе, казались ему разгаданными. Ясны были ему шибки, ясны были и тѣ особенности, которыя присущи странѣ какъ аковой, связаны съ ней неразрывно и должны существовать, какъ атрибуты ея во всю будущую жизнь впередъ. Увѣренность въ томъ, что аконы жизни русской объяснены имъ, неминуемо должна была привести Щапова къ убѣжденію въ необходимости вмѣшаться въ волнующееся море овременной ему жизни, учить и указывать, что нужно сейчасъ, что ереживетъ она, какъ свое, что не привьется ей, какъ чужое и наносное. Історику, выработавшему свое міросозерцаніе, установившему свои аконы развитія жизни, а не ограничившемуся схематизаціей чужихъ олкованій,—трудно не стать публицистомъ своего времени, не поставить ѣзко передъ всѣми мятущимися за жизнь страны—своего категорическаго вопроса: есть ли у васъ тотъ опытъ, какой я выработалъ, есть ли ъ вашемъ распоряженіи тѣ знанія о развитіи жизни, какія пріобрѣлъ я ъ постоянномъ общеніи съ прошлымъ, въ пристальномъ выслѣживаніи ричинъ каждаго шага впередъ вплотъ до того момента, который уже не азывается исторіей и съ котораго вы и думаете прямо начать ваши разужденія о судьбахъ страны. Или вы увѣрены, что судьбы страны просходятъ по новымъ законамъ съ той поры, какъ родились вы. Отсюда резрительное отношеніе къ большинству писателей и рѣзкіе отзывы о ихъ. «Развѣ они не такіе борзописцы» (какъ чиновники), говорилъ онъ: тѣ-же безжизненные скрипачи пера. Какъ водовозныя клячи, вымучиваютъ изъ себя жалкія и ничтожныя мыслишки, просиживая надъ устяками цѣлыя ночи. За усердіе и трудолюбіе жалованье получаютъ одьяческое: за 15 строчекъ три пятіалтынныхъ» [1]). Только съ Г. З. лисѣевымъ, своимъ бывшимъ профессоромъ, съ редакторомъ «Искры» . С. Курочкинымъ да еще съ 2—3 онъ сошелся близко; отъ остальныхъ нъ удалялся. Кромѣ того у него развилась подозрительность: во всяомъ гостѣ или новомъ знакомомъ онъ видѣлъ шпіона и старался всяески поскорѣе выпроводить его изъ своей квартиры, такъ что требоалась большая доза гражданскаго мужества, чтобы прійти къ нему и статься у него.

Какъ нѣкогда Гоголь, Щаповъ надѣялся, что онъ со своей теоріей кажетъ Россіи путь спасенія. Пылкій, наивный, съ горячей вѣрой въ епреложность своихъ историческихъ концепцій, онъ шелъ въ столицу оссіи. Но здѣсь не нашелъ того, на что надѣялся. Часть русскаго общества

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 70—71.

преклонилась передъ его теоріей, но другая уже не вѣрила въ тотъ п
который указывалъ Щаповъ. Теперь торжествовалъ скорѣе «Современни
съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Щаповъ рѣшилъ оспаривать
взгляды въ цѣломъ рядѣ статей. Историкъ не могъ не сдѣлаться пу
цистомъ.

Однако жизнь въ Петербургѣ сильно отразилась на Щаповѣ:
мадный городъ, быстрый темпъ жизни, масса новыхъ лицъ, нов
интересовъ, ореолъ политическаго борца и отсутствіе того, что дѣйс
тельно было необходимо Щапову, безъ чего онъ уже не могъ жить —жа
молодой аудиторіи—все это ошеломило совершенно незнакомаго съ жиз
и обществомъ Казанскаго нелюдима. Онъ былъ подавленъ всѣмъ этим
нѣсколько растерялся, хотя передъ нимъ открылись сразу стран
лучшихъ журналовъ, и уже въ 10 и 11 №№ «Отечественныхъ запис
были напечатаны его статьи «Великорусскія области и смутное вре
Одно обстоятельство въ это время сильно задѣло Щапова. Въ августовс
книжкѣ «Русскаго Вѣстника» появилось стихотвореніе А. П. Вяземск
сына попечителя Казанскаго учебнаго округа, подъ заглавіемъ «Замѣт
По толкованію многихъ это стихотвореніе было направлено противъ I
пова. Афан. Прокоф. написалъ очень злое письмо Вяземскому, но ему
совѣтовали его посылать. Тогда Щаповъ сталъ передѣлывать письмо
статью о русскомъ дворянствѣ.

Пока Щаповъ собирался писать кн. А. П. Вяземскому, дѣл
панихидѣ дошло до Синода, который 11-го сентября постановилъ: «
щенника Яхонтова послать въ Соловецкій монастырь, іеродіакона М
тія—въ Посольскій Спасо-Преображенскій монастырь Иркутской епа
гдѣ онъ подъ надзоромъ епархіальнаго начальства можетъ быть поле
въ миссіонерскихъ занятіяхъ, о чемъ и представить высочайшему м
сердію. Баккалавра же Щапова должно отрѣшить отъ занимаемой
должности и исключить изъ духовнаго званія. Изъ студентовъ акад
одному сдѣлать предупрежденіе, двухъ отчислить со степенью студ
семинаріи и 3-хъ исключить изъ академіи и духовнаго званія. О
дентахъ же университета, подавшихъ заявленіе о томъ, что они ини
торы панихиды, сообщить Министру Народнаго Просвѣщенія [1]).

Синодъ, собственно говоря, никакого наказанія на Щапова не
ложилъ, а только утвердилъ своею властью то, что уже произошло. О
ность грозила ему не изъ Синода, какъ писали біографы Щ. [2]). А і
откуда. Согласно резолюціи Александра II, Щаповское дѣло изъ Си
поступило въ Главный Комитетъ [3]).

Оттуда 15-го ноября черезъ Государтвеннаго Секретаря В. П. Бути
было получено рѣшеніе, которое оберъ-прокуроръ 20-го ноября и препровод
въ Синодъ. «Государь Императоръ, сообщилъ гр. А. П. Толстой, по

---

1) Они были исключены. Г. Л.
2) Аристовъ, Шашковъ, Козьминъ и др.
3) Арх. св. Синода. „Дѣло“. № 4591, л. 77.

смотрѣніи бывшихъ по сему дѣлу въ Главномъ Комитетѣ сужденій, Высочайше соизволилъ повелѣть:

а) Утвердить постановленіе Святѣйшаго Синода относительно священника Яхонтова, іеродіакона Мелетія, причта Куртинской церкви и студентовъ академіи; б) Баккалавра же Щапова, вмѣнивъ ему въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ, удаленіе отъ должности преподавателя Казанскаго университета и взысканіе съ него начальствомъ Казанской духовной академіи 450 руб.,—подвергнуть сверхъ того, вразумленію и увѣщанію въ монастырѣ по распоряженію Святѣйшаго Синода» [1]).

Святѣйшему Синоду, роль котораго сводилась къ тому, чтобы давать флагъ чужимъ распоряженіямъ, оставалось только выбрать монастырь; онъ и назначилъ для пребыванія Щапова Бабаевскій монастырь, Костромской епархіи подъ начало «управляющаго симъ монастыремъ» епископа Игнатія и просилъ оберъ-прокурора увѣдомить объ этомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ для высылки туда Щапова, что и было исполнено гр. А. П. Толстымъ 9 декабря [2]).

Неожиданное рѣшеніе Государя, отмѣнившаго свое собственное рѣшеніе, поразило всѣхъ и затронуло, конечно, Валуева. Гр. А. П. Толстой, не видя возможности спасти Щапова, съ своей стороны сдѣлалъ, что могъ, для облегченія участи А. П., и 14 февраля 1862 г. написалъ епископу письмо, совѣтуя ему помягче относиться къ А. П. Въ обществѣ поднялось возмущеніе и ропотъ. Писатели, особенно Н. Г. Чернышевскій, начали широкую агитацію въ защиту Щапова, собирая подъ протестомъ подписи всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Въ этомъ протестѣ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: «Дѣло, считавшееся конченнымъ, перерѣшается, одно распоряженіе уничтожается другимъ. Какое мнѣніе послѣ этого можно имѣть о вѣрности правительства самому себѣ. Одно наказаніе усугубляется другимъ — какое понятіе теперь надобно имѣть о соблюденіи правительствомъ коренного принципа уголовнаго права, говорящаго, что одинъ преступникъ не можетъ подвергаться двумъ наказаніямъ. Самый родъ второго наказанія — ссылка въ монастырь — показываетъ ли, что правительство чувствуетъ различіе между второю половиною XIX столѣтія и средними вѣками»... и т. д. Затѣмъ указывалось на болѣзнь Щапова, на необходимость постоянной медицинской помощи, безъ чего Щаповъ неминуемо погибнетъ: тогда общество будетъ въ правѣ считать правительство виновникомъ смерти Щапова [3]).

Тогдашній Министръ Народнаго Просвѣщенія Головнинъ откликнулся на обращеніе общества, но рекомендовалъ А. А. Краевскому, редактору «Отечественныхъ Записокъ», осторожность, чтобы не испортить дѣла.

Щаповъ былъ въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что ходили слухи о заключеніи его въ Соловецкомъ монастырѣ, или какъ онъ выражался, Соловецкомъ «отокѣ окіана-моря». Дѣло было въ неопредѣленномъ положеніи до

---

[1]) Архивъ Св. Синода. Дѣло № 4591, л. 129.
[2]) Ibid., л. 131.
[3]) Былое. 1906 г., № 1. стр. 171—173; Былое. 1906 г., № 9, стр. 208.

19 февраля 1862 г., и только тогда удалось спасти Щапова. «Его Императорское Величество, поспѣшилъ увѣдомить Синодъ гр. А. П. Толстой, 20 февраля, «высочайше соизволилъ прикосновеннаго къ дѣлу о совершении въ Казани панихиды по убитымъ въ с. Безднѣ, бывшаго баккалавра Казанской духовной академіи Щапова простить и не отсылать въ монастырь» [1]).

VI

Служба въ М. В. Д. и отставка. Сотрудничество въ „Вѣкѣ". Столкновеніе двухъ направленій: Щаповъ и Чернышевскій. Доносъ А. Н. Муравьева. Привлеченіе Щапова къ дѣлу о сношеніи съ лондонскими эмигрантами. Письмо Герцена къ Щапову. Правительственная реакція. Душевное состояніе Щапова. Столкновенія съ полиціей. Начало перелома въ міросозерцаніи Щапова подъ вліяніемъ „писаревщины". Знакомство съ О. И. Жемчужниковой. Арестъ Щапова. Женитьба на О. И. Жемчужниковой. Высылка на родину, въ с. Ангу.

Итакъ, Афанасій Прокофьевичъ остался на свободѣ въ Петербургѣ и былъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ окладомъ 600 руб. въ годъ. Чиновничья служба Щапова была совершенно случайнымъ, скоро преходящимъ эпизодомъ въ его жизни. Творецъ земской или федеративно-областной теоріи въ русской исторіи, непримиримый врагъ чиновничества, съ его канцелярскими проэктами спасенія Россіи, губившаго все, до чего оно касалось своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, не могъ никогда и никакимъ образомъ войти въ департаментскую среду и занять мѣсто въ ея рядахъ. Некрологистъ «Отеч. Зап.», а за нимъ и Аристовъ,—высказываютъ мысль, что, получи Щаповъ это мѣсто раньше, до своей профессуры въ Казани, онъ могъ бы имъ удовлетвориться [2]). Не надо быть очень дальновиднымъ, чтобы не согласиться съ этимъ. Щаповъ, молившійся на земство, Щаповъ—сторонникъ естественно-критическаго метода въ наукѣ, русскій Бокль, — а только таковъ Щаповъ и дорогъ намъ и цѣненъ въ наукѣ и особенно въ исторіи развитія русскаго общества, — не могъ ужиться въ чиновничьей средѣ. Если бы Щаповъ сдѣлался чиновникомъ, не былъ въ университетѣ лекторомъ, то не было бы и Щапова, и врядъ ли писалъ бы о немъ Аристовъ и еще меньше было бы основанія его некрологу попасть на страницы прогрессивнаго журнала. Однако на первыхъ порахъ Щаповъ питалъ большую надежду на то, что ему удастся вліять на ходъ дѣла въ Министерствѣ; онъ расчитывалъ, вѣроятно, осуществить на дѣлѣ тотъ планъ реформъ, который былъ имъ намѣченъ въ всеподданнѣйшемъ письмѣ. Но, конечно, это было верхомъ наивности, и его ждало самое полное разочарованіе. А разъ вышло такъ, то служба потеряла для него всякую привлекательность. Къ тому же онъ скоро возненавидѣлъ своихъ сослуживцевъ, хотя съ ними почти не сталкивался. Ему было противно ихъ невѣжество и ихъ рѣшимость судить о томъ, чего они не понимали, открывать

---

[1]) Архивъ Св. Синода, Дѣло № 4591, лл. 135 - 138.

[2]) „Отеч. Записки", 1876 г., № 5, стр. 160—196. Н. Аристовъ. Ibid., стр. 82—83.

новыя секты раскола и глубокомысленно разсуждать о своемъ открытіи на основаніи донесеній безграмотныхъ исправниковъ. Еще болѣе возмущала его необходимость всѣ свои работы представлять въ Министерство для цензуры, тѣмъ болѣе, что взгляды, которые онъ высказывалъ, шли совсѣмъ въ разрѣзъ съ направленіемъ Министерства. Со злобою говорилъ онъ: «Въ Петербургскихъ присутствіяхъ валяются сотни вопіющихъ провинціальныхъ горько-слезныхъ народныхъ дѣлъ, безсердечно, безучастно переписываемыхъ бюрократическими борзописцами, скрипачами живого горя народнаго, или недвижимо лежащихъ въ пыльныхъ связкахъ, или безъ рѣшенія сдаваемыхъ въ архивъ» [1]). Въ декабрѣ 1861 г. Щаповъ написалъ очеркъ «о русскомъ управленіи XVIII вѣка», гдѣ обрушился на чиновничество. Послѣ этого онъ почти пересталъ посѣщать Министерство, не ходилъ туда даже за жалованьемъ, которое присылали ему на домъ съ курьеромъ. Между тѣмъ цензура Министерства все больше его донимала: рѣзкія мѣста изъ его статей выбрасывали, а нѣкоторыя статьи и совсѣмъ запретили. Окончательный разрывъ произошелъ, кажется, изъ за его работы «О русскомъ дворянствѣ», послѣ чего ему перестали давать жалованье, а затѣмъ и совсѣмъ отчислили. Возможно, что Аристовъ ошибается, и отчисленіе надо поставить въ связь съ доносомъ Муравьева, о которомъ рѣчь будетъ позже. Такъ закончилась его чиновничья служба, продолжавшаяся около года. Теперь онъ былъ свободенъ и могъ, наконецъ, приняться за свое дѣло, могъ передъ большой аудиторіей читателей изливать то, что наболѣло у него на душѣ, что было открыто имъ въ памятникахъ старины, что одно спасло бы родину отъ невыносимаго состоянія. Надо было бороться за свои дорогія идеи.

Задуманъ былъ въ концѣ 1861 г. журналъ на артельныхъ началахъ подъ редакціей Г. З. Елисѣева [2]). Щаповъ принималъ въ этомъ горячее участіе: была возможность имѣть свой органъ и при посредствѣ него вліять на общество. Одно названіе проэктировавшагося изданія «Мірской толкъ» говоритъ о роли Щапова. Была выработана программа, приглашены сотрудники, корреспонденты въ провинціи. Щаповъ приготовилъ уже статьи «О русскихъ раскольникахъ», «О русскомъ управленіи XVIII вѣка»; все было готово... Но журналъ не былъ разрѣшенъ.

За это время онъ напечаталъ очень мало. Только въ мартѣ 1862 года удалось артели обзавестись своимъ журналомъ, купивъ отъ П. И. Вейнберга «Вѣкъ». Сотрудниками были кромѣ Щапова—два брата Курочкины, два брата Потѣхины, А. С. Афанасьевъ-Чужбинскій, П. А. Бибиковъ, П. М. Боклевскій, А. Ф. Головачевъ, И. Ф. Горбуновъ, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, П. А. Мулловъ, М. М. Стопановскій, Н. В. Успенскій, П. И. Якушкинъ и др. Журналъ просуществовалъ всего 3 мѣсяца и закрылся изъ-за несогласій между собой сотрудниковъ. Въ статьяхъ, помѣщенныхъ здѣсь: «Сельская община», «Земство», «Земскіе Соборы XVII стол. Соборъ 1642 года», «Городскіе мірскіе сходы», «Сельскій міръ и мірской сходъ»,

---

[1]) Н. Аристовъ, Ibid., стр. 81.

[2]) Аристовъ, стр. 84.

а также въ напечатанныхъ въ «Отечественныхъ запискахъ» — въ 1861 г. «Земство и расколъ», въ 1862 г.—«Земскій Соборъ 1648—1649 г. и собраніе депутатовъ 1767 г.» и во «Времени» въ 1862 г., «Земство и расколъ. Бѣгуны», окончательно установился взглядъ Щапова на расколъ и земщину. Гипотеза, въ баккалаврской диссертаціи высказанная неясно и часто сбивчиво, что расколъ явился демократическимъ протестомъ противъ правительства Алексѣя Михайловича и особенно противъ имперіи и ея установленій, окончательно опредѣляется, становится для Щапова аксіомой. Областная, земская федеративная теорія, съ которой Щаповъ выступилъ на каѳедрѣ Казанскаго университета, достигаетъ своего полнаго развитія и подтверждается всѣми данными, извѣстными Афанас. Прокоф. Такимъ образомъ къ началу 1863 г. Щаповъ закончилъ свою замѣчательную попытку освѣтить любопытныя явленія русской исторической жизни съ новой точки зрѣнія. Скоро онъ откажется отъ своихъ взглядовъ и сдѣлаетъ героическую попытку — внести новый методъ въ изученіе прошлаго, но созданное имъ не умретъ и, вмѣстѣ съ памятникомъ ему, дастъ богатый матеріалъ для размышленія изслѣдователямъ русской жизни.

Всѣ эти работы составили ему крупное имя среди писателей и читателей. Особенно были отмѣчены его очерки «Земство и расколъ», которые произвели сильнѣйшее впечатлѣніе. Рецензентъ «Сына Отечества» нашелъ въ первомъ очеркѣ «послѣднее и самое правдивое слово о расколѣ» и объявилъ, «что теперь сказать противъ него рѣшительно нечего» [1]). Современникъ» [2]) встрѣтилъ ихъ болѣе сочувственно, чѣмъ его диссертацію, но, признавая всю цѣнность работы Афанас. Прокоф., отнесся отрицательно къ его народничеству: «есть фанатики народности, которые хотятъ видѣть ее даже въ наукѣ, и Щаповъ, нѣсколько приближается къ этому впечатлѣнію, которое оставляютъ эти мистики народности».

Здѣсь, какъ я уже указывалъ, столкнулись два умственныхъ теченія 60-хъ годовъ. Щаповъ относился отрицательно къ направленію «Современника», считая его искусственнымъ и не имѣющимъ исторической основы въ прошломъ русскаго народа. Необходимость тщательнаго изученія старинныхъ народныхъ установленій, улавливанія характера и дальнѣйшаго развитія ихъ началъ, онъ указывалъ еще студентамъ Казанскаго университета, приводилъ въ своемъ Всеподданнѣйшемъ письмѣ, а затѣмъ и во всѣхъ своихъ работахъ; даже ко все-возможнымъ явленіямъ настоящаго онъ подыскивалъ аналогію въ прошломъ: когда начались извѣстные пожары въ маѣ 1862 г. и начались обвиненія въ поджогахъ студентовъ и поляковъ, Щаповъ хотѣлъ написать статью о пожарахъ въ старину, объяснить, какъ часто народъ и раньше валилъ вину на людей непричастныхъ къ нимъ. Но особенно замѣчательно его отношеніе къ вопросу о введеніи земскихъ учрежденій въ Россіи—здѣсь онъ категорически заявлялъ о необходимости созданія самоуправленія на основаніи духа и смысла старинныхъ земскихъ учрежденій, требовалъ передачи имъ всѣхъ мѣст-

---

[1]) А. Вишняковъ. „Сынъ Отечества", 1862 г., № 44.

[2]) Современникъ, 1863 г., т. XIV, № 3, отд. 2, стр. 110—122.

ныхъ дѣлъ и введенія всесословной земской единицы безъ всякаго имущественнаго ценза, какъ не русскаго установленія. «Историческіе корни отечественной стороны съ живыми отростками», передаетъ его рѣчь г. Аристовъ [1], «какъ бы ни были заглушены дикими, чуждыми сорными растеніями, должны быть поливаемы живою водою; образованный садовникъ, основательно изучившій нашу старинную земскую дѣятельность, долженъ очищать отъ всего наноснаго, давать просторъ свѣту, теплу и влагѣ, чтобы они развивались широко и свободно, росли стройно и укрѣплялись прочно на почвѣ земской жизни. Историческая жизнь должна развиваться органически по неизмѣнному праву и законамъ роста народнаго и тогда только принесетъ здоровые плоды». Но защищая необходимость историзма въ эволюціи государственной жизни, Щаповъ горько жаловался на то, что его смѣшиваютъ нѣкоторые со славянофилами, къ которымъ онъ относился отрицательно, еще будучи въ Казани. «Народъ это многочисленный общественный организмъ, это — природа, живущая и развивающаяся по своимъ естественнымъ законамъ, въ связи и взаимодѣйствіи съ внѣшней физической природой», говорилъ онъ. «Исторія народа—это прежде всего естественная исторія его внутренняго, жизненно-органическаго саморазвитія, постепенное раскрытіе естественныхъ, природныхъ силъ, дарованій, инстинктовъ народнаго организма, народнаго прирожденья, какъ говорили наши предки въ смутное время. Значитъ народный организмъ, еще будучи юнымъ, въ самые младенческіе вѣка своего историческаго роста и воспитанія, въ самыхъ дѣтскихъ, такъ сказать, движеніяхъ, желаніяхъ и поступкахъ естественно, безсознательно, инстинктивно, по законамъ своихъ внутреннихъ силъ, можетъ обнаруживать свои природныя дарованія, порывы и стремленія, которые при благопріятныхъ обстоятельствахъ историческаго воспитанія, въ послѣдующіе вѣка, могутъ и должны раскрыться уже не инстинктивно, а разумно, сознательно и просвѣщенно. И съ этой точки зрѣнія вовсе не славянофильствомъ будетъ—какъ пожалуй, могутъ подумать строгіе систематоры-государственники, теоретики-цивилизаторы, то изученіе народной исторіи, которое физіологически анализируетъ прошедшую народную исторію, какъ организмъ, старается углубляться собственно въ историческія проявленія духа народнаго, въ свободное историческое самовыраженіе, самоустройство, саморазвитіе, въ свободную жизнедѣятельность самого народа. Нѣтъ — не славянофильство будетъ то изученіе исторіи, которое старается познать факты народной жизни, какъ члены, какъ жизненныя органическія направленія, имѣющія живую связь между собою и съ цѣлымъ народнымъ организмомъ, различить въ нихъ историческое, нормальное значеніе, исчезающее вмѣстѣ съ стариной, и внутренній, всевременный, вѣчный, жизненно-разумный смыслъ и значеніе въ организмѣ народномъ, и, на основаніи такого анализа, познаванія и различенія, дѣлать выводы о внутреннихъ силахъ, дарованіяхъ, задаткахъ и стремленіяхъ народа. Такой анализъ естественной, свободнобытовой, внутренней исторіи собственно самого народа, народной жизни,

---

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 90—91.

вовсе не есть желаніе невозможнаго, неестественнаго возстановленія отжившей старины, а это ни больше, ни меньше, какъ попытка изученія физіологіи исторіи, которая теперь въ высшей степени у насъ необходима и желательна», безъ которой нельзя правильно вводить у насъ реформы.

Правда, Щаповъ не всегда такъ ясно выражалъ свое основное credo, часто при своей романтически-увлекающейся натурѣ преувеличивалъ то, что могло служить доказательствомъ богатства народной земской жизни, вносилъ въ свои работы много субъективизма: невозможность, неестественность возстановленія отжившей страны забывалась, невозможное казалось возможнымъ.

Но могъ ли иначе писать человѣкъ, который выстрадалъ каждое слово своихъ убѣжденій, послѣ тяжелой, мучительной борьбы съ схоластически-клерикальнымъ міромъ, окружавшимъ его съ самой колыбели. Могъ ли онъ спокойно говорить, когда все въ немъ кипѣло и рыдало, а люди, которыхъ онъ глубоко уважалъ, какъ Чернышевскій, покойный Добролюбовъ—вся редакція «Современника»—шли другимъ путемъ и вели за собой массы. Онъ страстно хотѣлъ идти съ ними нога въ ногу къ общему для нихъ всѣхъ идеалу, но пути ихъ расходились: они не вѣрили въ его путь. Соглашенія быть не могло. Вѣдь съ обѣихъ сторонъ были цѣльныя идейныя натуры, неспособныя на какой бы то ни былъ компромиссъ. Щапову было больно только то, что его смѣшивали со славянофилами, и онъ стремился провести рѣзко демаркаціонную линію между своими взглядами и славянофильствомъ, но своего знамени онъ не свертывалъ, крѣпко вѣря въ справедливость своихъ убѣжденій.

Оба лагеря уважали и цѣнили другъ друга, дѣлали попытки объясниться и сблизиться, но изъ этого ничего не выходило да и не могло выйти [1]). На масленицѣ 1862 года Чернышевскій устроилъ свиданіе съ Щаповымъ на квартирѣ одного изъ литераторовъ. Цѣлый вечеръ шелъ горячій споръ между ними объ основныхъ историко-философскихъ вопросахъ, но обѣ стороны остались при своихъ убѣжденіяхъ. Это была послѣдняя попытка: стало ясно, что нельзя примирить непримиримое.

Но остальные журналы: «Отечественныя записки», «Вѣкъ», «Искра», «Время» гостепріимно открывали свои страницы передъ талантливымъ историкомъ-публицистомъ. Но онъ тамъ былъ рядовымъ сотрудникомъ, хотя и желательнымъ работникомъ. Самолюбіе его сильно страдало. Центръ университетской жизни въ Казани, любимецъ молодой многочисленной аудиторіи, затѣмъ предметъ всеобщаго интереса и преклоненія въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ Петербургѣ — начиналъ терять свое значеніе. Надежда — когда либо снова занять каѳедру и работать надъ наукой — съ каждымъ днемъ все угасала. А тутъ приходилось еще спѣшно готовить къ печати свои работы, приноравливая изложеніе къ требованіямъ читателей, работать, однимъ словомъ, изъ-за насущнаго хлѣба. На него находила тоска, и онъ въ такія минуты горько жаловался на

---

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 91.

свою судьбу и въ припадкѣ отчаянія жалѣлъ, что принялъ участіе въ Бездниинской панихидѣ.

А въ довершеніе бѣдствій его, какъ и всякаго талантливаго публициста, не минула чаша доносовъ и цензурныхъ гоненій.

Послѣ выхода его перваго очерка «Земство и расколъ» въ ноябрѣ 1862 г. Андрей Николаевичъ Муравьевъ разразился въ письмѣ къ вліятельному лицу самымъ гнуснымъ доносомъ [1]).

Отмѣтивъ въ началѣ письма «наглость нашихъ писателей и вольности нашей цензуры», онъ съ ужасомъ спрашиваетъ: «а что еще будетъ, когда и совсѣмъ уничтожатъ» цензуру. Затѣмъ говоритъ о томъ, что онъ писалъ уже объ этомъ гр. Строганову, Министру Внутреннихъ Дѣлъ..., но всѣ его «возгласы остались безъ отвѣта и послѣдствій».

Теперь, продолжаетъ библейскій Стурдза, явилась новая книжка: «Земство и Расколъ» Щапова, который былъ за Казанскую исторію чуть не сосланъ въ Соловецкій монастырь, и вмѣсто того причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, по уваженію къ его таланту (хотя я никакъ не могу сообразить, что можетъ быть сходнаго между Соловками и министерствомъ); а куда направленъ его талантъ, мы видимъ изъ брошюры. Еще это только первый выпускъ; если же съ рукъ сойдетъ, то каковы будутъ послѣдующіе? И всѣ молчатъ, а брошюра сія была уже напечатана отдѣльными статьями въ журналѣ.

Дѣлать изъ нея выписки нахожу излишними, потому что вся она отъ начала до конца проникнута тѣмъ же мятежнымъ духомъ, который обнаруживается въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ.

Сущность книги: что расколъ есть ничто иное, какъ протестъ земства противъ правительства, по его нестерпимымъ злоупотребленіямъ, и что слѣдовательно характеръ раскола не есть религіозный, а гражданскій. Выбрало себѣ земство царя, но царь не въ силахъ былъ одолѣть всѣхъ злоупотребленій людей и чиновниковъ, и приказныхъ; а сынъ его, царь Алексѣй, составилъ свое уложеніе мимо земства и сталъ править по своей волѣ, почему и прослылъ самодержцемъ. Отъ сего образовался расколъ въ царствѣ, и земство отпало отъ царя; отъ того и первые раскольники стали бѣгать по лѣсамъ и пустынямъ, чтобы отыскать себѣ свободу, такъ какъ иго сіе уже становилось невыносимо. Осьмой же царь-антихристъ, т.-е. Петръ Великій, въ потокахъ крови похоронилъ старую Русь, и началася еще болѣе тяжкая эпоха при устроителѣ новой политически-географической, Петербургско-губернской централизаціи властей. По выраженію автора (стр. 58) расколъ есть недовольство народное. Все горе-злосчастье, всѣ элементы бунтовъ народныхъ, возвелъ онъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласье, въ доктрину. Духъ Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ воплотился въ живую неумирающую вѣковую оппозицію раскола. Это настоящій коммунизмъ съ безпрестанными выходками противъ бояръ и чиновниковъ, требующій уравненія во всемъ, съ частыми

[1]) А. М. Муравьевъ о Щаповѣ. Письмо къ вліятельному лицу. „Русск. Архивъ“, 1882 г., № 6, стр. 210.

ссылками на раскольничьи книги, изъ которыхъ, приводятся цѣлыя тирады съ народными пѣснями; однимъ словомъ расколъ выбранъ орудіемъ или лучше сказать, рычагомъ, чтобы все поднять для какой-нибудь новой Пугачевщины. И это поняли весьма хорошо наши заграничные агитаторы, которые къ расколу обращаютъ свои воззванія, надѣясь при его посредствѣ возмутить Россію, такъ какъ она, вопреки ихъ чаянію, осталась спокойною послѣ освобожденія крестьянъ». А между тѣмъ расколъ, эта язва на государственномъ тѣлѣ, все растетъ, образуя status in statu. Затѣмъ Муравьевъ обрушивается на цензуру, требуетъ строго подтянуть цензоровъ, вплоть до исключенія ихъ со службы. Съ ужасомъ говоритъ о проэктѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія уничтожить предварительную цензуру, оставивъ одну карательную: «правительство хочетъ само у себя отнять возможность предупреждать зло и прямо вручаетъ факелъ въ руки зажигателей». Кончаетъ свой доносъ Муравьевъ слѣдующими характерными словами: «разгулъ небольшой шайки развратныхъ пролетаріевъ или исключенныхъ поповичей представляется имъ какъ будто голосомъ всего народа, и этой шайкѣ позволяется бушевать по произволу...» Приблизительно въ то же время въ декабрѣ Щапова привлекли къ дѣлу о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами, по наговору Ничипоренко [1].

Дѣло это возникло по доносу неизвѣстнаго лица, сообщившаго въ Ш-ье отдѣленіе, что въ началѣ іюля (1862 г.) въ Петербургъ пріѣдетъ нѣкій Павелъ Александровичъ Ветошниковъ и привезетъ письма отъ Бакунина, Герцена, Огарева и Кельсіева къ разнымъ лицамъ. Ветошникова арестовали на границѣ, а затѣмъ послѣдовали многочисленные аресты и допросы: Хафафова, А. Н. Серно-Соловьевича, маркиза де-Траверсе, Владиміровa, Петровскаго, Шибаева, Налбандяна и др. Въ числѣ нихъ былъ арестованъ и А. И. Ничипоренко, акцизный чиновникъ, незначительный писатель, бывшій корреспондентомъ лондонскихъ дѣятелей и пользовавшійся ихъ большимъ довѣріемъ, несмотря на то, что Кельсіевъ, напр., отзывался о немъ, какъ о «личности несимпатичной».

Ничипоренко на допросѣ сталъ «выдавать», при чемъ приплелъ и имя Щапова. Сначала онъ сказалъ, что Щаповъ писалъ письмо Кельсіеву, которое онъ и препроводилъ въ Лондонъ, а затѣмъ объявилъ, что онъ ошибся и что письмо было не къ Кельсіеву, а къ кн. Вяземскому по поводу его стихотворенія въ Русскомъ Вѣстникѣ («Замѣтка»). На допросѣ послѣ краткаго біографическаго очерка Щаповъ написалъ слѣдующее: «Никакого письма я не передавалъ Коллежскому Регистратору Андрею Ничипаренко для отправленія въ Лондонъ къ Кельсіеву. Не было рѣшительно никакого повода и предмета для письма къ Кельсіеву. Никогда съ Кельсіевымъ я не знакомился и не имѣлъ рѣшительно надобности знакомиться; едва зналъ о существованіи его.

---

[1] М. К. Лемке. „Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами". Былое, 1906 г., № 9, стр. 158—207; № 10, стр. 80—120; № 11, стр. 194—220.

Съ Ничипоренко только случайно видѣлся гдѣ-то разъ, кажется, въ ıхматномъ литературномъ клубѣ, не имѣлъ съ нимъ никакихъ отношеній ıе отправлялъ никакого письма къ Кельсіеву, переписки съ Кельсіевымъ се не было никакой и отъ Кельсіева не получалъ никакого письма. Кельсіевѣ только по наслышкѣ слыхалъ».

Ему была дана очная ставка съ Ничипоренкомъ, на которой онъ ицалъ показаніе послѣдняго о передачѣ ему статьи, написанной по по- у стихотворенія кн. Вяземскаго [1]).

На этотъ разъ Щапова оставили въ покоѣ.

На самомъ дѣлѣ Щаповъ не имѣлъ постоянныхъ сношеній съ Лон- скими эмигрантами, по крайней мѣрѣ на это нѣтъ указаній, но нѣко- ая связь у него была съ Герценомъ. Осенью 1861 г. онъ получилъ отъ цена весьма лестное письмо, въ которомъ тотъ съ большой похвалой ывался о его научныхъ работахъ и просилъ не свертывать своего зна- ııи, а продолжать итти по тому же пути; заканчивалось письмо такими вами: «Вашъ свѣжій голосъ, чистый и могучій, теперь почти един- енный, отрадно раздается среди разбитыхъ и хриплыхъ голосовъ со- менныхъ русскихъ писателей и глубоко западаетъ въ душу» [2]).

Какъ извѣстно Герценъ съ 1859 г. сталъ отрицательно относится къ овременнику» и помѣстилъ даже статью, направленную прямо противъ го, «Very dangerons»!!!», по поводу которой Чернышевскій ѣздилъ въ ıѣ въ Лондонъ объясняться, но не достигъ результатовъ, такъ что отно- нія къ нему Герцена оставались непріязненными. Вѣроятно Герценъ ѣлъ въ виду именно «Современникъ», когда писалъ Щапову о разби- хъ и хриплыхъ голосахъ. Щаповъ, относившійся съ глубокимъ уваже- мъ къ Герцену, былъ очень обрадованъ вниманіемъ послѣдняго. Между учимъ онъ послалъ ему свою статью «О русскомъ дворянствѣ», которую іего зарѣзала Петербургская цензура.

Къ доносамъ необходимо прибавить цензурныя гоненія, которыя ень усилились послѣ дѣла М. И. Михайлова въ 1861 г. о распростра- ıіи прокламацій «Къ молодому поколѣнію». У Щапова цензура зарѣзала зу нѣсколько работъ: «Расколъ», «Регламентація и бюрократія», «Рус- е дворянство въ старинное время» и т. д.

Вообще правительственный гнетъ съ 1861 г. очень усилился. Начи- ıась та вакханалія реакціи [3]), которая затѣмъ, послѣ Каракозовскаго стрѣла, свела всѣ начатыя реформы къ нулю и въ результатѣ вы- ıла убійство Александра II. Либеральные общественные дѣятели, какъ Милютинъ, Пироговъ, Ушинскій и др. должны были уйти. Арестованъ лъ Чернышевскій, затѣмъ Шелгуновъ, Писаревъ, проф. Павловъ, проф. тляревскій и т. д. и т. д. Скоро начались массовые аресты по разнымъ одамъ. Крестьянскія волненія усмирялись кровавыми мѣрами. Зарабо- ıи военно-полевые, военные суды и начались казни; демонстрантовъ

---

1) М. Лемке. Ibid., стр. 209—210.
2) Аристовъ. Ibid., стр. 74.
3) Бурцевъ. За сто лѣтъ. 2 ч. 52—62.

разстрѣливали, особенно въ Польшѣ, десятками. Приговоры къ каторжнымъ работамъ, къ заключенію въ крѣпость участились до внушительныхъ размѣровъ. Правительство не остановилось передъ подлогами, чтобы убрать Чернышевскаго и сгноить его на каторгѣ.

Лучшіе журналы, какъ «Современникъ», «Русское слово», «День» были пріостановлены. Закрыты были воскресныя школы, куда устремилась было интеллигенція, жаждавшая хоть къ чему-нибудь приложить свои силы. Не избѣгъ закрытія даже Шахматный клубъ, гдѣ собирались писатели, куда любилъ заглядывать иногда и Щаповъ.

Однимъ словомъ, правительство не останавливалось ни передъ какими средствами, чтобы задавить общественное движеніе [1]).

На Щапова это не могло не оказать сильнаго впечатлѣнія. Въ первое время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ относился отрицательно къ агитаціи среди крестьянъ при посредствѣ ложныхъ манифестовъ, къ тайнымъ обществамъ, заявляя, что теперь прошла ихъ пора, что открытою дѣятельностью можно сдѣлать больше добра народу. Вскорѣ однако онъ долженъ былъ, подъ вліяніемъ все усиливающихся репрессій, измѣнить свой взглядъ [2]). Но имѣлъ ли онъ какія либо связи съ революціонными дѣятелями въ Россіи—неизвѣстно. Вѣрнѣе—нѣтъ. Нравственное состояніе его въ это время было тяжелое. Потеря каѳедры, неудачи чиновничьей службы, одиночество, неудовлетворенность литературной работой и особенно цензурный и правительственный гнетъ, и т. д. — все это вмѣстѣ нагоняло на него страшную тоску, въ чемъ онъ сознается въ своей думѣ «Гражданская грусть» [3]).

Его дума «есть тяжелый, непрерывный мысленный процессъ и тяжелая сердечная грусть глубокаго, наболѣвшаго въ душѣ отрицанія существующихъ формъ соціальности, общественности, гражданственности, во имя высокой идеи просвѣщенной человѣчности и сознанной естественности». На этотъ протестъ наталкиваетъ его каждое явленіе современной жизни. Артель рабочихъ мужиковъ на Невскомъ вызываетъ въ немъ невольное сравненіе ихъ съ тунеядцами-барами, и изъ души вырывается злоба на современный соціальный строй. Злоба разгорается при видѣ того, съ какой самоувѣренностью и презрѣніемъ глядятъ они на оборванныхъ, голодныхъ мужиковъ. Они думаютъ, что такъ и должно быть на свѣтѣ, «огромнѣйшее большинство полунищихъ, чернорабочихъ, производительнаго класса рабовъ и малочисленнѣйшая, непроизводительно-служащая, праздно-потребительная каста». 103,194 дворянина «доселѣ пользовались плодами дарового труда... 23 милліоновъ обоего пола». Казнѣ и этимъ 103 тысячамъ дворянъ принадлежитъ 3/4 «всей поверхности 42 губерній, а земли крестьянъ-собственниковъ составляютъ только 1%. «Несправедливость и монополія вопіющая». Мало того, несчастные крестьяне (одни государственные) платятъ казнѣ до 50 милліоновъ рублей; всѣ даютъ до 265—270

---

1) Бурцевъ. За сто лѣтъ. ч. II стр. 52—62.
2) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 73—74.
3) Н. Аристовъ. Ibid. Приложеніе VI, стр. 157—167.

милліоновъ валоваго дохода, проливаютъ свою кровь на защиту родины и не имѣютъ ни земли, ни правъ. А дворяне освобождены отъ податей, прямыхъ налоговъ, рекрутчины, получаютъ еще жалованіе отъ казны, имѣютъ землю и т. д. и т. д.

«Ну, скажете, положа руку на сердце, справедливо ли это, не вызываетъ ли это у человѣка горькій вопль».

Взгляните на городскія сословія. Развѣ тамъ не то же неравенство, не то же покровительство богатымъ въ ущербъ бѣдныхъ. Развѣ тамъ больше чѣмъ половина налоговъ не падаетъ на самый жалкій городской классъ—безземельныхъ мѣщанъ. Развѣ тамъ гильдейскій налогъ не падаетъ всей своей тяжестью на незначительныхъ купцовъ: какой нибудь жалкій торговецъ съ 3000 капиталомъ платитъ 25% своего дохода, а богачъ Штиглицъ съ 75 милліонами только 2%. «Не даромъ въ послѣднее время особенно часто обнаруживаются банкротства, конфискаціи».

Вездѣ неравенство и несправедливость... Развѣ хорошо, что у насъ все стягиваютъ столицы, разоряя остальные города: доходы Петербурга, напр., равняются доходомъ 600 городовъ провинціальныхъ. И это зло будетъ рости, пока области не будутъ имѣть автономіи.

Таковы были причины «Гражданской грусти» Щапова. Понятно, почему отъ такой тоски онъ не находилъ нигдѣ успокоенія, и сталъ по старому запивать горе зеленымъ виномъ. Какъ и въ Казани онъ пилъ и плакалъ, былъ невыносимъ въ пьяномъ видѣ своей грубостью; какъ и въ Казани онъ вѣчно говорилъ о народѣ, любилъ русскія пѣсни, слушалъ ихъ въ трактирахъ и у цыганъ. Къ прежнимъ его привычкамъ прибавилась еще одна—любовь разговаривать съ извозчиками, которые пользовались добродушіемъ барина, чтобы получить хорошо на чай. Съ деньгами онъ совсѣмъ не умѣлъ обращаться: разбрасывалъ цыганамъ, по трактирамъ; его обкрадывала прислуга и всѣ, кто только хотѣлъ. Подъ вліяніемъ вина онъ становился все раздражительнѣе и грубѣе, такъ что рѣдко съ кѣмъ у него не выходило столкновеній. Онъ могъ видѣться только съ людьми, которые не возражали ему и выслушивали всю его брань безотвѣтно. Кромѣ того, у Щапова разрослась прямо въ манію ненависть ко всѣмъ, носящимъ форму: онъ не могъ увидѣть офицера или чиновника, чтобы не оскорбить ихъ, вслѣдствіе чего выходили нерѣдко непріятныя исторіи, заканчивавшіяся протоколами [1]).

Положеніе Щапова въ Петербургѣ такимъ образомъ становилось непрочнымъ. Когда полиція нашла его «карточку достаточно заполненною», его рѣшили выслать изъ Петербурга на родину въ Сибирь. Но до времени его высылки изъ Петербурга относится нѣсколько важныхъ фактовъ его жизни, какъ личной, такъ и общественной.

Съ января 1863 г. стала выходить газета «Очерки»; издателемъ ея былъ Амплій Очкинъ, а редакторомъ Елисѣевъ. Газета очень хорошо пошла, на скоро закрылась, причемъ Очкинъ подписчиковъ передалъ Писаревскому, редактору газеты «Современное слово». Въ 1 № «Очерковъ»

---

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 92—94.

и въ прибавленіи къ № 5 «Современное слово» Щаповъ помѣстилъ двѣ статьи: «Съ новымъ годомъ» и «Новая эра. На рубежѣ двухъ тысячелѣтій». Особенно важное значеніе имѣетъ послѣдняя. Она является рубикономъ въ эволюціи соціально-политическихъ взглядовъ Афанасія Прокофьевича. Щаповъ здѣсь категорически высказывается противъ славянофильства: «мы выйдемъ неразумными старовѣрами, если станемъ желать возстановленія самыхъ формъ до-петровской, хотя бы и вѣчевой Руси, которыя давнымъ давно самъ народъ съ плачемъ-рыданіемъ схоронилъ и теперь не помнитъ». Необходимо внести европейское начало мысли, но нельзя забывать и бытовыхъ народныхъ началъ, такъ какъ жизнь народная не tabula rasa, а сила, творящая исторію по своимъ внутреннимъ законамъ.

Меньшинство нашихъ писателей все еще дѣлится на централистовъ и федералистовъ. Политическія идеи какъ централизаціи, такъ и федераціи—обѣ носятъ въ себѣ здоровое сѣмя жизни. Къ сожалѣнію онѣ разрознены, и потому не даютъ добраго плода. Задача просвѣщеннаго меньшинства поднять умственный горизонтъ народа, развить гражданскія понятія для пробужденія народнаго самосознанія. Безъ этой нравственной диктатуры надъ народомъ нельзя достичь результатовъ: народъ пройдетъ мимо интеллигенціи. Выработавъ формы общественнаго устройства, сродныя народу, можно смѣло разсчитывать, что онъ пойметъ практическое ихъ значеніе и ухватится за нихъ.

За образованнымъ меньшинствомъ пойдетъ общество,—безличное и апатичное большинство обывателей.

Рѣзкую характеристику этого общества Щаповъ далъ въ первомъ № «Очерковъ» въ статьѣ «Съ Новымъ годомъ». Но здѣсь онъ все же вѣритъ еще въ возможность его пробужденія, вѣритъ въ то, что городскія общества бросятъ свою вражду и сословные предразсудки и станутъ жить въ любви и совѣтѣ.

А за обществомъ стоятъ огромныя массы русскаго народа, чуждыя всякаго образованія, но сохранившія старинную силу воли и богатырскую мощь, которыя онѣ проявили въ строеніи русской земли въ эпоху воли и создали свои стремленія и своеобразныя цѣли въ тяжелое время рабства. Теперь передъ правительствомъ и интеллигенціей стоитъ задача оплодотворить народныя начала европейскимъ просвѣщеніемъ [1]) и перестроить городское общество по образцу облагороженнаго сельскаго міра.

Тогда и наши стремленія на Востокъ, стихійныя доселѣ, станутъ великимъ культурнымъ дѣломъ водворенія инородцевъ въ составъ общеевропейской семьи. «Европа признаетъ Россію за великій народъ».

Тогда же Щаповъ сдѣлался окончательно сторонникомъ конституціи, хотя понималъ ее по своему [2]).

---

[1]) Въ цитированной уже статьи изъ „Современника" (т. 95 отд. III за 1863 г., какъ разъ проводилась эта идея: тамъ говорилось, что въ земствѣ, конечно, много силъ, но ему необходима организація, сосредоточенность силъ и опредѣленность идеаловъ, для чего необходимъ трудъ мысли, а не инстинктъ; отъ соединенія земства и образованнаго класса разсѣется фантастическій туманъ и получится благой результатъ. Ясно вліяніе на Щапова направленія Черн—аго.

[2]) Н. Аристовъ, Ibid., стр. 104.

Такимъ образомъ Щаповъ отказался отъ безплодныхъ мечтаній юскресить вѣчевую федеративную земскую Русь; Щаповъ далъ вѣрную :арактеристику Русскаго общества: Щаповъ, идеализируя еще крестьнство, вѣря въ его богатырскую мощь, прямо поставилъ вопросъ о необходимости его просвѣщенія, для пробужденія въ немъ прежней свободюй самостоятельности, безъ чего и самое пробужденіе народное можетъ скользнуть изъ рукъ интеллигенціи.

Теперь оставался одинъ еще шагъ, одно движеніе мысли, чтобы ѣра въ возможность *внезапнаго* пробужденія того, что давно уже умерло, ъ самомъ зародышѣ отлетѣла отъ Щапова. Этотъ толчокъ сдѣлало знаомство Щапова съ естественными науками. При своей пылкой натурѣ нъ рѣзко порвалъ съ тѣмъ, что было раньше для него святая святыхъ, і рѣзко повернулъ въ другую противоположную сторону, сдѣлавъ героичекую попытку создать себѣ новое міросозерцаніе и сообразно съ нимъ пересоздать на новыхъ началахъ, на основѣ естествознанія историческую іауку.

Свой взглядъ на необходимость изученія естественныхъ наукъ, онъ ыражалъ въ слѣдующихъ словахъ: «Грустно, что у насъ какой-нибудь еминаристъ-невѣжа, смутно сознавая все особенное удобство и всю еобходимость естественно-историческаго изученія русской народной кизни, чувствуетъ въ себѣ непреодолимое желаніе знать русскую историю, какъ естественную исторію народа,—и не находитъ въ себѣ ни силъ, ш подготовки изучить ее въ такомъ направленіи. А люди, знающіе, імѣющіе для того и силы и подготовку, молчатъ. Грустно, что у насъ сторикъ большею частью не знаетъ фактовъ и законовъ естественныхъ; естественникъ, который долженъ бы пролить свѣтъ на русскую народую исторію, не знаетъ фактовъ историческихъ. Гумбольтъ, великій географъ Рихтеръ, Кетле и Либихъ, первые освѣтили лучемъ естественной стины, естественныхъ законовъ истины и законы исторіи, а тамъ явился Бокль. А у насъ кто освѣтитъ нашу исторію?» Щаповъ хотѣлъ и надѣялся сдѣлать для русской исторіи то, что сдѣлалъ Бокль для англійкой. Но для этого необходимо было расширить свой кругозоръ, пополить пробѣлы своего образованія; раньше его мысль охватывала исторію азвитія одной родной страны, теперь онъ задался цѣлью охватить развитіе всего человѣчества. Къ сожалѣнію онъ искалъ разрѣшенія новой адачи почти исключительно въ естествознаніи.

Съ рвеніемъ «столпника блаженнаго Афанасія» засѣлъ онъ за ереводныя книги по физіологіи, анатоміи, антропологіи и т. д., которыхъ ъ этотъ періодъ повальнаго увлеченія естественными науками вышло чень много. Такимъ образомъ на этотъ разъ Щаповъ пошелъ за теченіемъ, которое увлекло его своимъ откровеніемъ великихъ законовъ приоды, о которыхъ Щаповъ раньше имѣлъ вслѣдствіе своего бурсацкаго оспитанія очень смутное представленіе. Особенно много читалъ онъ по стествознанію весною 1863 года, когда лежалъ въ клиникѣ профессора Боткина и готовилъ къ печати продолженіе своей статьи «Очерки наоднаго міросозерцанія».

Незадолго передъ этимъ, въ концѣ 1862 года Афанасій Прокофьевичъ познакомился при посредствѣ Аристова съ О. И. Жемчужниковой, которая сдѣлалась потомъ добрымъ геніемъ его тяжелой жизни.

Ольга Ивановна выросла въ интеллигентной семьѣ своего дяди протоіерея Меліоранскаго, настоятеля Екатерининской церкви на Васильевскомъ Островѣ. Общественно-политическія вѣянія и событія захватили и семью протоіерея. У нихъ происходили собранія, шли горячія споры на животрепещущія темы; молодежь рвалась въ неравный бой за свободу и благо народа. Правительственныя репрессіи во время студенческихъ волненій 1861 года коснулись и семьи Меліоранскихъ. Въ этой атмосферѣ борьбы или, по крайней мѣрѣ, жажды борьбы, выростало самосознаніе молодой дѣвушки, создавалась жажда подвига. Ее хотѣли сосватать за Пѣвницкаго академика съ тѣмъ, чтобы ему предоставить черезъ о. Павскаго приходъ въ Петербургѣ [1]. Но эта комбинація, какъ и слѣдовало ожидать, не удалась. Ольгѣ Ивановнѣ былъ непріятенъ человѣкъ, который могъ бы согласиться взять невѣсту съ мѣстомъ; жениху же не понравился рѣзкій тонъ и общій характеръ поведенія дѣвушки. Не сытая спокойная жизнь нужна была Жемчужниковой: она взросла у моря общественныхъ движеній и жаждала бури, чтобъ встрѣтиться съ ней лицомъ къ лицу.

Ольга Ивановна изъ газетъ и разсказовъ хорошо была знакома съ Бездненской исторіей и съ послѣдствіями ея для Щапова.

Оригинальное лицо Афанасія Прокофьевича, разсказы о немъ Аристова настолько ее заинтересовали, что она стала просить познакомить ее съ нимъ. Когда была напечатана статья Щапова «Бѣгуны»—Ольга Ивановна со слезами читала разсказъ о бѣдствіяхъ народа, горячо набросанный талантливымъ перомъ Афанасія Прокофьевича. Она уже была всею душою съ нимъ. Встрѣча съ Щаповымъ 1 января 1863 г. и его пылкая рѣчь о служеніи своимъ идеаламъ безъ страха передъ ссылкой и даже казнью навсегда соединили ее съ нимъ.

Некрасивая «блондинка, средняго роста, съ рѣдкими волосами, съ сѣрыми глазами на кругломъ лицѣ, съ выдавшеюся нижнею челюстью и развитою нижней губой», она таила въ себѣ высокія душевныя качества и, соединившись съ Щаповымъ, спасла его отъ гибели въ тяжелой ссылкѣ.

Когда рѣшеніе о высылкѣ Щапова въ Восточную Сибирь на мѣсто его родины стало извѣстно Меліоранскимъ, Ольга Ивановна, ни минуты не колеблясь, явилась къ нему на квартиру и объявила, что любитъ его и съ нимъ поѣдетъ, куда бы его ни сослали.

Щаповъ, наконецъ, нашелъ себѣ подругу жизни, о которой онъ, казалось, безнадежно мечталъ.

Пошли сначала хлопоты объ оставленіи Щапова въ Петербургѣ, но онѣ не имѣли успѣха. Ему только на время отсрочили отъѣздъ подъ тѣмъ

[1] Сочиненія А. П. Щапова, т. II, „Ольга Ивановна Жемчужникова“, стр. 1 и дальше. Записки прот. Пѣвницкаго. Русск. Стар., т. 123, № 8, стр. 344—345.

3ловіемъ, чтобы онъ подъ строгимъ надзоромъ лежалъ до весны въ офи-ерскомъ арестантскомъ отдѣленіи клиники проф. Заблоцкаго, гдѣ онъ же находился въ 1861 г. Изъ клиники ему было позволено отлучаться е иначе, какъ за поручительствомъ кого-нибудь изъ знакомыхъ.

Ольга Ивановна употребляла всѣ усилія, чтобы скрасить жизнь Щапова въ клиникѣ. Ей приходилось при этомъ выносить массу униже-ній отъ сторожей и, что особенно было мучительно ей, массу оскорбле-ній отъ самого Афанасія Прокофьевича. Дѣло въ томъ, что къ нему стали толпами ходить студенты-медики, и у нихъ шелъ оживленный юръ, но вмѣсто земства, народосовѣтія теперь съ устъ Щапова не ходили имена Дарвина, Молешота, Фогта и др. Афанасій Прокофье-вичъ оживился, снова переживалъ казанское время. И вотъ къ этимъ-о студентамъ Щаповъ сталъ ревновать Ольгу Ивановну, да вдобавокъ евновать грубо, не щадя самыхъ рѣзкихъ выраженій. Въ клиникѣ, даже а улицѣ устраивалъ онъ ей отвратительныя сцены, издѣвался надъ ей. Бѣдная женщина страдала, но бросить Щапова не могла и не хотѣла, акъ какъ понимала, что безъ нея онъ погибнетъ, и надѣялась, что воей великой любовью отучитъ его отъ вина и обуздаетъ его дикій арактеръ. Поведеніе Щапова было такъ омерзительно, что даже Ари-товъ, при всей своей привязанности къ нему, не вытерпѣлъ и, обругавъ го тираномъ, грязнымъ самодуромъ и т. д., разошелся съ нимъ [1]).

Между тѣмъ пребываніе въ клиникѣ удалось затянуть до весны 864 года. Ольга Ивановна, несмотря на уговоры родныхъ отказаться тъ жизни съ Щаповымъ, поѣхала съ нимъ. Объ отправкѣ Щапова на одину разсказываетъ В. Н. Никитинъ (бывшій въ то время писцомъ въ анцеляріи СПетербургскаго оберъ-полицеймейстера) въ своихъ воспомина-іяхъ, помѣщенныхъ въ Русской Старинѣ [2]): «Часу въ первомъ мимо меня, іежду 2 жандармами, прошелъ къ столу Шамина [3]) прилично одѣтый осподинъ среднихъ лѣтъ съ черною бородою, взъерошенными волосами, емнымъ цвѣтомъ лица и въ очкахъ. Шаминъ вручилъ одному изъ жан-дармовъ толстый конвертъ, а другому велѣлъ взять мѣшокъ съ вещами і отправляться. «На вокзалъ отсюда ѣзды полъ-часа,—пояснилъ онъ жан-дармамъ,—значитъ, къ поѣзду легко еще успѣете.—Вамъ, господинъ Ща-ювъ, печалиться нечего: ѣдете въ Сибирь, на свою родину. Желаю Вамъ счастливаго пути»...

Подъ конвоемъ двухъ жандармовъ А. П. прибылъ на вокзалъ. Ольги Ивановны еще не было. Щаповъ рѣшилъ, что его хотятъ съ нею разлу-чить, страшно заволновался, такъ что его никакъ не могли успокоить до самаго ея пріѣзда.

Ихъ провожали до Любани всего нѣсколько человѣкъ—родствен-ники Жемчужниковой, А. П. Мулловъ, да еще одинъ казанскій купецъ. Жандармъ, который сопровождалъ Щаповыхъ, былъ очень грубъ и не

[1]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 108.

[2]) „Русская Старина", т. 128 № 10, стр 68. „Воспоминанія В. Н. Никитина".

[3]) Шаминъ былъ столоначальникомъ въ канцеляріи оберъ-полицеймейстера Г. Л.

позволялъ никому видѣться съ ними иначе, какъ за плату по 25 руб. съ персоны [1]).

Денегъ на дорогу—200 руб.—далъ Ольгѣ Ивановнѣ дядя, такъ что они на первое время были обезпечены.

Въ тяжелые годы для себя—1863 и 1864—Щаповъ написалъ нѣсколько газетныхъ статей, выправилъ прекрасную работу (1-я часть) «Историческіе очерки народнаго міросозерцанія, православнаго и раскольничьяго» напечаталъ одну изъ лучшихъ работъ—«Историко-географическое распредѣленіе народонаселенія въ Россіи», и совсѣмъ слабую вещь—«Этнографическая организація русскаго народонаселенія»; написалъ интересную статью для выясненія его новаго міросозерцанія—«Естествознаніе и народная экономія» и небольшую замѣтку—«О вліяніи горъ и моря на характеръ поселеній».

Съ отъѣздомъ Афанасія Прокофьевича въ Иркутскъ заканчивается первая, наиболѣе богатая половина его общественной и научной дѣятельности. Русское общество еще не разъ будетъ находиться подъ вліяніемъ его идей, но отдаленіе его отъ центра жизни будетъ постепенно уменьшать это вліяніе, пока оно не сведется почти къ нулю. Съ другой стороны самъ Щаповъ въ послѣдующихъ работахъ будетъ отрицательно относиться къ своимъ прежнимъ историческимъ теоріямъ и тѣмъ самымъ поставить надъ ними крестъ, предоставитъ ихъ исторіи. Поэтому сейчасъ очень кстати дать отвѣтъ, что новаго внесъ онъ въ историческую сокровищницу за первые годы своей научно-литературной дѣятельности, въ чемъ наиболѣе ярко выразилась его индивидуальность и какъ его личность и его взгляды отразились на современникахъ.

VII

Статьи А. П. Щапова въ „Православномъ Собесѣдникѣ“. Работы по расколу: „Русскій расколъ старообрядства“, „Земство и расколъ ч. I“ и „Бѣгуны (Земство и расколъ ч. II)“; достоинства и недостатки этихъ работъ. Вліяніе идей, проводимыхъ Щаповымъ въ своихъ трудахъ по расколу, на общественное движеніе и на дальнѣйшую научную разработку этого вопроса. Труды Щапова по народной словесности („Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія“). Земская теорія Щапова. Роль колонизаціи въ исторіи Россіи, выдвинутая на первый планъ Щаповымъ. Положеніе, которое занялъ Щаповъ, между славянофилами и западниками. Переломъ въ міросозерцаніи Щапова. Вліяніе Щаповскихъ идей на современниковъ.

Впервые Щаповъ выступилъ на литературное поприще, какъ я уже говорилъ, своими статьями въ «Православномъ Собесѣдникѣ».

Первыя его статьи, клерикальныя по направленію и уснащенныя патріотизмомъ въ карамзинскомъ духѣ, бѣдныя по историческому содержанію, не имѣютъ никакого значенія, вѣрнѣе являются даже отрицательными величинами по тому методу, которымъ пользуется авторъ: онъ не выводитъ своего заключенія изъ фактовъ, а грубо подстраиваетъ

---

[1]) Аристовъ. Ibid., стр. 109.

ихъ въ интересахъ церкви. Здѣсь еще нѣтъ исторіи и не видно историка. Яркимъ образцомъ можетъ служить «Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей», о чемъ уже было сказано. Историкъ сословій можетъ только съ удивленіемъ прочесть эту странную апологію русской церкви. Впрочемъ, во второй половинѣ своей литературной дѣятельности Щаповъ въ ст. «Міросозерцаніе, мысль и т. д.» [1]). ярко покажетъ противоположное. Нѣкоторый интересъ представляютъ только его послѣднія статьи, напечатанныя въ Православномъ Собесѣдникѣ, однѣ—по новому матеріалу, который онъ бралъ изъ Соловецкихъ сборниковъ, другія по отношенію къ его личности. Такъ «Смѣсь христіанства съ язычествомъ» интересна, какъ введеніе къ напечатаннымъ въ 1863 г. [2]) «Историческимъ очеркамъ народнаго міросозерцанія...», а «Древніе пустыни и пустынножители на сѣверо-востокѣ Россіи» [3]), какъ яркая иллюстрація того, сколько поэзіи и любви къ природѣ таилось въ душѣ Щапова.

Печать тѣхъ же недостатковъ, что была на первыхъ его статьяхъ, лежитъ и на его диссертаціи «Русскій расколъ старообрядства» [4]), но они значительно ослабляются крупными достоинствами его работы. Уже въ этой книгѣ можно подмѣтить дальнѣйшій ходъ эволюціи его историческаго міросозерцанія. Авторъ будетъ углубляться не въ изученіе формъ государственнаго строя, а направитъ свою пытливую мысль въ самыя нѣдра народной жизни и попытается уловить общій ходъ ея развитія независимо или даже вопреки существовавшимъ формамъ государственнаго устройства. Конечно, онъ придетъ къ этому не сразу, а послѣ мучительныхъ исканій. Его историко-литературная дѣятельность, дѣйствительно, выразилась въ трехъ направленіяхъ, тѣсно связанныхъ между собой: въ изученіи раскола; это повело его къ изученію народнаго міросозерцанія; синтезомъ того и другого явилась его земская областная теорія.

Во всѣхъ работахъ будутъ сказываться: 1) его индивидуальность и самостоятельность, 2) его увлеченіе своей идеей и неумѣніе критически отнестись къ ней, пока онъ не доведетъ ее до конца.

Въ этомъ порядкѣ мы и сдѣлаемъ попытку разобраться въ историческомъ наслѣдствѣ, завѣщанномъ намъ Щаповымъ.

Расколу Щаповъ посвятилъ три своихъ работы, не считая мелкихъ замѣтокъ, а именно: «Русскій расколъ старообрядства», «Земство и расколъ ч. I» [5]) и «Бѣгуны» (Земство и расколъ, ч. II) [6]). Первая напечатана въ 1859 г., послѣдняя въ 1862 г.

«Русскій расколъ старообрядства» занимаетъ много страницъ и содержитъ, кромѣ предисловія, 5 главъ.

---

[1]) Отечеств. Записки. 1873 г., № 2, 3 и 7 и 1874 г., № 5 и 6, а также „Сочиненія А. П. Щапова", т. III, стр. 430—603.

[2]) Ibid., т. I стр. 33—174.

[3]) Ibid. т. I стр. 23—32.

[4]) Ibid. стр. 175—450.

[5]) „Сочиненія А. П. Щапова". т. I. стр. 450—504.

[6]) Ibid. стр. 504—579.

Основная мысль работы по словамъ Щапова—раскрыть историческую основу раскола старообрядства, этого многосложнаго явленія въ русской исторіи, показать тѣ элементы въ исторической жизни народа, изъ которыхъ онъ сложился. Щаповъ находитъ два начала въ расколѣ: 1) собственно-церковное несогласіе съ православною церковью въ нѣкоторыхъ обрядахъ и 2) гражданское или противогосударственное—протестъ противъ новшествъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ [1]). Такимъ образомъ авторъ дѣлаетъ смѣлую попытку внести въ объясненіе раскола новое начало, гражданское. Но онъ этимъ не ограничивается: онъ ставитъ самое изученіе раскола на новую почву. До него на расколъ смотрѣли только съ церковной точки зрѣнія, выдѣляя его непонятнымъ образомъ изъ общаго хода историческаго развитія Россіи; Щаповъ считаетъ необходимымъ изучать расколъ въ связи съ общимъ ходомъ исторіи Россіи [2]). Поэтому неудивительно, что онъ внесъ много новаго въ пониманіе этого крупнаго явленія русской жизни.

«Книга Щапова», писалъ вскорѣ послѣ ея выхода Бестужевъ-Рюминъ, вполнѣ заслуживаетъ... вниманія, въ ней въ первый разъ расколъ разсматривается не какъ обрядовое уклоненіе отъ православія, вызванное нѣсколькими невѣждами-переписчиками и издателями, но какъ явленіе историческое, объясняемое состояніемъ русскаго общества XVII вѣка, носящее на себѣ яркую печать своего происхожденія. Въ этомъ простомъ поставленіи предмета въ его настоящую среду — главная заслуга г. Щапова» [3]).

Первыя 4 главы почти цѣликомъ посвящены изученію духовно-нравственнаго характера русскаго общества второй половины XVII и XVIII вѣковъ, гдѣ авторъ находитъ почву раскола, внутреннія силы, содѣйствовавшія созданію и распространенію раскола, какъ самостоятельной общины, и атмосферу, необходимую для существованія раскола; впрочемъ, послѣднему посвящена, главнымъ образомъ, уже 5 глава. Съ неизвѣстною раньше полнотою Щаповъ перечисляетъ все, что вызывало и укрѣпляло расколъ. Но здѣсь онъ дѣлаетъ и крупное упущеніе: давая яркую картину отпаденія многомилліонной массы отъ господствующей церкви, указывая на громадное значеніе расколо-учителей какъ для распространенія раскола, такъ и для воспитанія и образованія народныхъ массъ, Щаповъ пытается объяснить расколъ старообрядчества изъ однихъ только современныхъ расколу явленій, или, по крайней мѣрѣ, изъ очень близкихъ къ его появленію; даже больше—онъ утверждаетъ, что въ древней Руси не могло быть причинъ для раскола, такъ какъ она лучше понимала сущность христіанства, чѣмъ расколоучители и ихъ послѣдователи [4]). Конечно, этотъ взглядъ абсолютно невѣрный. Въ дѣйствительности

---

[1]) Ibid. стр. 178.

[2]) Ibid. стр. 177.

[3]) Бестужевъ-Рюминъ. „Нѣсколько словъ по поводу статьи: „что иногда открывается въ либеральныхъ фразахъ“ („Современникъ“ 1859 г. кн. IX). „Отечественныя Записки“ т. 127. № 11, отд. III, стр. 37.

[4]) „Сочиненія А. П. Щапова“. т. I, стр. 183.

до XV—XVI вѣковъ массы жили еще языческими вѣрованіями и понятіями, хотя постепенно назрѣвала потребность въ христіанскомъ просвѣщеніи. Яркимъ примѣромъ зарожденія этой потребности можетъ служить появленіе ересей съ XV вѣка. Масса находилась ко времени появленія раскола въ напряженномъ состояніи, ждала перемѣны. Духовенство по указаннымъ Щаповымъ причинамъ не могло и не хотѣло придти ей на помощь, когда она стала требовать христіанскаго наставленія. Тогда явились расколоучители, свѣдующіе и до самозабвенія преданные своему дѣлу проповѣдники, и народъ тысячами пошелъ за ними. Этимъ, между прочимъ, только и можно объяснить высокій сравнительно съ остальной массой народа процентъ грамотности и сознательности среди раскольниковъ. Такимъ образомъ, нельзя не признать за расколомъ большой культивирующей силы, по крайней мѣрѣ, въ первое столѣтіе его существованія. Говоритъ объ этомъ и Щаповъ, но недостаточно ясно. Въ его работѣ преобладаетъ полемика, какъ совершенно правильно указалъ Добролюбовъ, и онъ иногда доходитъ до того, что признаетъ согласными съ христіанствомъ репрессіи, предпринятыя Никономъ противъ расколоучителей. Мало того, Щаповъ совершенно невѣрно оцѣниваетъ личность патріарха Никона, возводя его на недосягаемый пьедесталъ; [1]) мѣстами онъ склоненъ думать, что, не встрѣть Никонъ противодѣйствія своимъ стремленіямъ въ боярской средѣ, онъ сумѣлъ бы справиться съ начавшимся религіознымъ движеніемъ, и раскола бы не было, [2]) какъ бы забывая все то, что онъ раньше говорилъ и потомъ будетъ говорить о причинахъ происхожденія и развитія раскола. Этотъ крупный недостатокъ работы Щапова былъ указанъ въ свое время всѣми критиками; особенно ярко подчеркнули его С. М. Соловьевъ [3]) и Ив. Некрасовъ [4]). Но нельзя забывать, что Щаповъ только начиналъ свою научную дѣятельность и что у него не было настоящей школы. Поэтому, работа его поражаетъ еще однимъ недостаткомъ-ученическимъ схематизмомъ и недостаточною продуманностью въ планировкѣ матеріала, вслѣдствіе чего ему приходится часто повторяться и мелкія сравнительно явленія ставить рядомъ съ основными, нарушая такимъ образомъ историческую перспективу. За это сильно досталось Щапову отъ Добролюбова, который рѣзко обрушился на Афанасія Прокофьевича, ядовито замѣтивъ, что его трудъ— ученическая работа, а не серіозное послѣдованіе [5]). С. М. Соловьевъ указалъ также на одно подобное, характерное мѣсто, которымъ и мы воспользуемся: Щаповъ на ряду съ громаднымъ явленіемъ въ жизни народа того времени—мистико—религіознымъ страхомъ передъ ожиданіемъ великой перемѣны въ церкви, предпринятой Никономъ, ставитъ... протестъ духовенства противъ самовластья Никона, называя его, впрочемъ, слиш

---

[1]) Ibid стр. 195 и дальше.

[2]) Ibid стр. 198.

[3]) С. М. Соловьевъ. „Унія, казачество и расколъ“. Атеней 1859 г. т. 2, № 8 стр. 393—420.

[4]) Ив. Некрасовъ. „Лѣтописи р. литературы и древности“ (изд. Тихонравовымъ) 1859 г., т. II. кн. 4, отд. 3, стр. 73—96.

[5]) „Современникъ“ 1859 г. т. 77, № 9 отд. 3 стр. 37—52.

комъ громко духовно-демократическимъ началомъ. «Здѣсь, говоритъ Соловьевъ, поставленіе побочнаго, второстепеннаго обстоятельства на первый планъ... послѣ этого причина протестанства въ гоненіяхъ папъ на Лютера» [1]).

Но при всемъ томъ только въ работѣ Щапова расколъ получилъ впервые широкое освѣщеніе, только послѣ изслѣдованія Щапова историкъ не могъ больше проходить мимо раскола, предоставляя его разработку историкамъ церкви. Я не говорю уже о томъ множествѣ матеріала изъ соловецкихъ сборниковъ, изъ раскольничьей литературы, который впервые обнародовалъ авторъ.

Гораздо сложнѣе вопросъ о «гражданскомъ», противогосударственномъ и демократическомъ началѣ въ расколѣ. На немъ необходимо остановиться подробнѣе по двумъ причинамъ: 1) если бы можно было его считать доказаннымъ, то это произвело бы настоящую революцію во взглядахъ на расколъ и на его значеніе въ ходѣ русской исторической жизни, 2) для пониманія личности и дѣятельности Щапова, такъ какъ въ послѣдующихъ своихъ работахъ онъ уже прямо отождествляетъ расколъ съ земщиной, которую рѣзко противопоставляетъ бюрократически-государственной централизаціи.

Расколъ появился, говоритъ Щаповъ, и развился въ самый разгаръ борьбы старой и новой Россіи; онъ былъ самой сильной оппозиціей народнаго духа противъ новаго порядка и устройства Россіи. Централизующая сила государства стремилась укрѣпить къ мѣстамъ населеніе, которое привыкло «брести врознь»; старалась изъ раздробленныхъ хаотическихъ общинъ, путемъ разграниченія и распредѣленія населенія создать сословныя общины, основанныя на юридическихъ началахъ общинныхъ правъ и обязанностей, на государственномъ разграниченіи общественной дѣятельности. Центральная власть стремилась связать эти общины единой государственной идеей, вызвавъ въ нихъ, послѣ вѣкового отсутствія, союзный духъ [2]). Для этого понадобилось, кромѣ прикрѣпленія къ опредѣленной сословной общинѣ, еще личное прикрѣпленіе всего населенія государства, что было очень тяжко людямъ, привыкшимъ къ средневѣковой вольности. Централизація вызвала уничтоженіе мѣстныхъ привилегій и созданіе общаго законодательства для всего государства. Кромѣ того, съ усиленіемъ централизаціи усилилась и царская власть, что привело къ созданію имперіи и неограниченнаго абсолютизма. Этотъ процессъ былъ очень тяжелымъ и требовалъ отъ народныхъ массъ часто непосильныхъ жертвъ. Противъ стремленій правительства и поднялъ расколъ свой протестъ.

«На площади кремлевской, гдѣ окончательно рѣшался въ концѣ XVII вѣка споръ между древней и новой Россіей, между государствомъ и полугражданскимъ бытомъ древней Россіи, между государями, твердо рѣшившимися на реформу государственную, и мужиками горланами, кри-

---

1) С. М. Соловьевъ. Ibid., стр. 419.

2) „Сочиненія А. П. Щапова", т. I, стр. 408.

чавшими о сохраненіи старины и народной вольности, между истинными пастырями церкви и бѣглыми попами,—на кремлевской площади, во главѣ стрѣлецкаго бунта, стояли раскольники и громогласно, окончательно высказали свое противогосударственное направленіе» [1]).

Съ этихъ поръ расколъ отвергаетъ всякую существующую правительственную власть, особенно рѣзко нападаетъ на «императоровъ»; Алексѣя Михаиловича называетъ «врагомъ Божіимъ», Петра Великаго—антихристомъ; не признаетъ новыхъ законовъ и установленій: уложенія Алексѣя Михаиловича, регламентовъ Петра Великаго, Сената, Синода и т. д.; объявляетъ ревизію душъ и подушную подать—антихристовымъ дѣломъ. Однимъ словомъ, отвергаетъ «всероссійскую имперію съ ея иноземными нѣмецкими чинами и установленіями» [2]). Расколъ собираетъ подъ свое знамя всѣхъ недовольныхъ и поднимаетъ казаковъ и стрѣльцовъ на борьбу противъ государства съ цѣлью «основать старообрядческое государство или раскольническую демократію».

Итакъ, расколъ явился противогосударственной оппозиціей и стремился къ демократіи, при чемъ самъ Щаповъ относится отрицательно и къ тому и къ другому, высказываясь за централизацію со всѣми ея послѣдствіями.

Прежде всего необходимо уяснить себѣ, что подразумѣваетъ Щаповъ въ данномъ случаѣ подъ демократіей. Въ началѣ 5 главы онъ говоритъ о борьбѣ между старой и нарождающейся Россіей и высказываетъ свое основное положеніе, что расколъ сталъ на защиту старины и во имя ея отвергъ имперію съ ея установленіями. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ указываетъ болѣе детально, чтó именно отвергалъ расколъ, но нигдѣ не показываетъ положительныхъ новыхъ идеаловъ раскола. Остается значитъ заключить, что расколъ новаго ничего не вносилъ въ пониманіе государства, сравнительно съ московскимъ пониманіемъ, и что церковный и политическій дореформенный московскій строй и былъ демократическимъ. Правда, Щаповъ приводитъ слова актовъ, что во время Соловецкаго бунта казаки «про великаго Государя говорили такія слова, что не только записать, но и помыслить страшно» [3]), ссылается на гнѣздившіяся въ народѣ демократическія движенія, указываетъ на «демократическія» подметныя письма [4]) противъ Петра и его преемниковъ, говоритъ даже о «народосовѣтіи» Посошкова, но изъ всего этого, если и можно что либо вывести, такъ только протестъ раскольниковъ противъ новыхъ формъ государственной жизни во имя старыхъ: ничего новаго здѣсь нѣтъ.

Но для того, чтобы сказать, что въ расколѣ было начало гражданское, надо было бы доказать, что протестъ раскольниковъ вызывался не только религіозными мотивами, но и мотивами гражданскими. Щаповъ и сдѣлалъ эту попытку, но врядъ ли можно признать его доводы вполнѣ

[1]) Ibid., стр. 409—411.
[2]) Ibid., стр. 410.
[3]) Ibid., стр. 414.
[4]) Ibid., стр. 415.

убѣдительными. Въ самомъ дѣлѣ, раскольники отвергали установленія Алексѣя Михаиловича, Петра Великаго и его преемниковъ, но отрицаніе этого легко можно объяснить увѣренностью ихъ въ томъ, что Алексѣй Михаиловичъ—«врагъ Божій», а Петръ Великій и его преемники антихристы; слѣдовательно, отрицаясь дѣлъ ихъ, они отрицаются дѣлъ сатанинскихъ. Это тѣмъ вѣрнѣе, что до 1666 г., какъ указывалъ самъ Щаповъ [1], главари раскола не только признавали Алексѣя Михаиловича царемъ, но называли его «христолюбивымъ и благочестивымъ царемъ, самимъ Христосомъ почетнымъ и превознесеннымъ». Ссылка его на то, что «стрѣльцы, нехотѣвшіе разстаться со своимъ старымъ полугражданскимъ бытомъ, стали подъ знамя Никиты Пустосвята также не изъ за сугубой аллилуіа и не за двуперстный крестъ: се явно, говоритъ п. Іоакимъ, что ради возмущенія противъ Государя сія сотвориша» [2]), доказываетъ какъ разъ противоположное положенію Щапова, если только можно принять толкованіе п. Іоакима. Не говоритъ ли этотъ фактъ, что не все то, что шло подъ знаменемъ раскола есть расколъ или, по крайней мѣрѣ, что расколъ надо понимать въ широкомъ смыслѣ и узкомъ... Далѣе, Щаповъ констатируетъ общеизвѣстный фактъ невыносимо тяжелаго положенія податнаго населенія во время Петра Великаго и его преемниковъ и указываетъ, что недовольные бѣжали въ лѣса, гдѣ ихъ съ радостью принимали раскольники. Если даже бѣжавшіе и шли потомъ подъ знаменемъ раскола, то можно ли считать ихъ бѣгство вызваннымъ расколомъ, не есть ли здѣсь то, что мы называемъ post hoc, ergo propter hoc? совпадала ли идеалогія народныхъ массъ съ идеалогіей раскола? На всѣ эти вопросы въ первомъ своемъ трудѣ о расколѣ Щаповъ отвѣта не даетъ. Поэтому обратимся къ его послѣдующимъ работамъ.

Въ «Земствѣ и Расколѣ» [3]) Щаповъ прежде всего рѣзко мѣняетъ свое отношеніе къ расколу и къ правительственной централизаціи. Онъ является горячимъ защитникомъ федераціи областей и въ раскольникахъ видитъ не мужиковъ-горлановъ, а борцовъ за земщину; земское дѣло и расколъ становятся чуть не синонимами. За что же боролся расколъ? Хотя Щаповъ и не даетъ прямого отвѣта, но можно изъ словъ его вывести, что онъ боролся: во-первыхъ, за сохраненіе особообластной свободы, за федеративное устройство государства, за мірское и вѣчевое самоуправленіе; вовторыхъ, за свободу мірскихъ сходовъ по селамъ и волостямъ, за сходы волостей на думы по городамъ, за областные земскіе совѣты и земскіе соборы противъ приказовъ, которыхъ народилось до 100, да противъ почти 40 воеводствъ; въ третьихъ, противъ дѣленія на сословія, новаго «самодержавія» и т. д. [4]). Однимъ словомъ, за старину, какъ ее понималъ *самъ* Щаповъ.

Какъ только раскольничьи согласія, говоритъ, Щаповъ, получили воз-

---

[1]) Ibid, стр. 412.
[2]) Ibid., стр. 414.
[3]) „Сочиненія А. П. Щапова", т. I, стр. 450—504.
[4]) Ibid.. стр. 452—459.

можность территоріальной осѣдлости, расколъ сталъ на жизненно-народную почву, выработалъ чисто-политическое ученіе только подъ религіозно-символическими формами. Щаповъ даетъ отвѣтъ и на вопросъ, какимъ образомъ это могло произойти, т. е. что расколъ слился съ земщиной...: изстари, говоритъ онъ, вопросы и дѣла церковные на Руси считались столько же земскимъ дѣломъ, сколько и церковнымъ. Областныя общины, какъ, напримѣръ, въ смутное время, сами собою, по согласію своихъ земскихъ совѣтовъ, дѣлали религіозныя распоряженія, постановленія. Даже сельскія общины, по мірскому уложенью, сами собою установляли для себя религіозные заповѣди, узаконенія... [1]). На этомъ основаніи и вопросъ, поднятый расколомъ, сталъ вопросомъ земскимъ, тѣмъ болѣе, что онъ сталъ за старину земскую противъ новшествъ. Далѣе Щаповъ указываетъ на громадное значеніе въ развитіи раскола народныхъ грамотниковъ.

Здѣсь самъ Щаповъ подтверждаетъ высказанное Некрасовымъ еще въ 1859 г. предположеніе, что расколъ могъ такъ быстро развиться потому, что ко времени его возникновенія народная масса, дотолѣ жившая остатками язычества, обнаружила стремленіе къ религіозному просвѣщенію и, не находя пищи въ церкви, обратилась къ грамотникамъ, вѣрнѣе они сами пришли къ ней на помощь.

Въ высшей степени интересно указаніе Щапова, что въ расколѣ и особенно въ возникшихъ въ то время религіозныхъ сектахъ сказалось стремленіе возвысить личность крестьянина, низведеннаго, особенно во второй половинѣ XVIII вѣка на степень скота, до апофеоза, до «мифической, религіозно-антропоморфической персонификаціи» въ такъ называемыхъ «христовщинахъ» [2]).

Но если мы обратимся къ наиболѣе важному вопросу, какія доказательства приводитъ Щаповъ для права отождествленія раскола съ земщиной, то прежде всего должны указать, что Щаповъ слишкомъ идеализируетъ всѣ анти-государственныя движенія конца XVII и XVIII вѣковъ, предполагая въ нихъ какую-нибудь болѣе или менѣе опредѣленную программу: они создавались стихійно и служили выраженіемъ недовольства массъ своимъ положеніемъ, и только. Ссылка Щапова на слова С. Разина: «Я не хочу быть царемъ, а иду только избить всѣхъ князей, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, и хочу сдѣлать васъ всѣхъ равными» [3]), какъ и ссылка на объясненіе причинъ Соловецкаго бунта [4])—еще не говорятъ о какой нибудь программѣ: здѣсь нѣтъ и указаній на тѣ главныя требованія, (они приведены выше) за которыя могъ встать, по мнѣнію Щапова, расколъ. Но больше того, остается сомнительнымъ по прежнему, можно ли движеніе С. Разина считать протестомъ раскольничьимъ? Еще менѣе доказателенъ взглядъ А. П. Щапова, что Соловецкій бунтъ былъ вызванъ антагонизмомъ Поморья противъ Москвы [5]). Гораздо больше значенія

[1]) Ibid., стр. 461.
[2]) „Сочиненія А. П. Щапова“, т. I, стр. 464—465.
[3]) Ibid., стр. 466.
[4]) Ibid., стр. 467.
[5]) Ibid., стр. 467.

имѣютъ подметныя письма Г. Талицкаго и особенно Докукина. Въ письмѣ послѣдняго есть безъ сомнѣнія «гражданскіе» мотивы протеста [1]). Но во первыхъ, проф. Нильскій возбудилъ сомнѣніе въ принадлежности Докукина къ расколу [2]), а во вторыхъ, если даже Докукинъ и былъ раскольникомъ, то его взгляды еще не доказательство, если они не имѣютъ подтвержденія въ ученіи другихъ раскольниковъ.

Щаповъ ссылается на безпоповцевъ, въ частности на Выговскую общину, какъ на самую демократическую, и указываетъ на ихъ главное положеніе—не молиться за царя. Но проф. Нильскій очень убѣдительно доказываетъ, что «не молиться за царя» у безпоповцевъ было вызвано исключительно религіозными причинами. Точно также и протестъ противъ подушной подати и т. д. имѣлъ то же основаніе, и съ ослабленіемъ фанатизма прекратился: выговцы, напр., «начаша платить по вся годы, съ радостью, окупая древне-церковное благочестье» [3]). Не найдемъ прямыхъ слѣдовъ «гражданскаго» протеста и въ ученіи «бѣгуновъ» (странниковъ), скорѣе даже обратно: все ученіе Евфимія основано исключительно на религіозной почвѣ [4]). Въ самомъ дѣлѣ, по Евфимію Петръ I есть чувственный антихристъ; съ его времени царская власть—икона сатаны; всѣ царскіе слуги, военные и гражданскіе, суть образъ звѣря, чувственные бѣсы. Всѣ повинующіеся царю «императору» отрицаются Христа и предаются діаволу. Отсюда выводъ: ради спасенія своей души надо спасаться отъ властей бѣгствомъ.

Очень важнымъ доводомъ противъ Щапова является вышедшая за границей старообрядческая церковная исторія, гдѣ прямо говорится, что раскольники уходили за границу «единственно по причинѣ невозможности внутри Россіи содержать древле-церковныхъ чиновъ и уставовъ» [5]). Такимъ образомъ, даже раскольничьи историки не видятъ въ расколѣ «гражданскаго начала».

Тѣмъ не менѣе, и по сейчасъ мы бы не рѣшились категорически утверждать, что мнѣніе Щапова безусловно ошибочно; съ одной стороны слишкомъ мало дошло до насъ памятниковъ раскольничьей литературы XVII и первой половины XVIII вѣковъ, которая одна могла бы дать прямой отвѣтъ на поставленный вопросъ; съ другой стороны, если мы не внесемъ никакой поправки въ толкованіе раскола, то слишкомъ трудно понять его необычайную живучесть и особенно успѣхи его пропаганды въ XVII и XVIII вв. Несомнѣнно, народная масса проснулась ко времени появленія раскола и жаждала себѣ духовнаго просвѣщенія, но еще болѣе она стремилась къ улучшенію своего соціальнаго положенія: не находя отвѣта на свои стремленія у власти, она бѣжала къ раскольникамъ, какъ

---

[1]) Ibid., стр. 473—475; 483—498.

[2]) И. Нильскій, Христіанское чтеніе за 1863 г., № 12, стр. 517—518.

[3]) И. Нильскій. „Нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ“ Христіанское Чтеніе за 1864 г., № 8, стр. 390—92; № 5, стр. 64—65.

[4]) „Сочиненія А. П. Щапова“, т. I, стр. 548—549.

[5]) И. Нильскій. Ibid. Примѣчаніе на 413 стр.

рагамъ правительства, правда, изъ религіозныхъ побужденій, подымала унты-стрѣлецкіе, казацкіе и т. д.

Расколъ, какъ соціальное въ широкомъ смыслѣ явленіе, надо отличать оэтому отъ раскола, какъ спеціально религіознаго ученія. По всей вѣроятности, въ расколѣ московскомъ «гражданскаго» элемента не было, къ чисто обрядовымъ разногласіямъ присоединялось личное чувство енависти, злобы къ Никону и др., вѣроятно, его было мало у грамотиковъ, создававшихъ толки, но масса врядъ ли разбиралась въ этихъ онкостяхъ, врядъ ли она отрицала имперію изъ чисто-религіозныхъ поужденій: тяжелое экономическое и правовое положеніе толкало ее на уть протеста, но у нея не было достаточно сознанія, чтобы формулироать свое недовольство. Оно и выражалось въ единственно доступныхъ й формахъ—стихійныхъ бунтахъ и въ присоединеніи къ расколу, при емъ могли быть и совпаденія, гдѣ недовольство своимъ соціальнымъ положеніемъ и религіозный протестъ сливались въ одно, но такіе случаи были единичными. Такимъ образомъ, масса придавала силу расколу, но она, если не ученіе, то видъ его, характеръ, что ли, измѣняла, привнося же однимъ своимъ присоединеніемъ, чуждый расколу, какъ чисто-религіозному явленію, «гражданскій» элементъ. Въ случаѣ же измѣненія къ лучшему своего экономическаго и правового положенія она немедленно реагировала на это отказомъ отъ гражданскаго элемента; вѣрнѣе не она отказывалась, а онъ самъ отпадалъ. Такъ мы объясняемъ, напр., перемѣну въ «настроеніи» выговцевъ: когда они получили право существовать и разбогатѣли, то ихъ отношеніе и къ властямъ измѣнилось.

Такимъ образомъ элементъ «гражданскій» былъ *при* расколѣ въ узкомъ смыслѣ, и его измѣненіе, развитіе или отпаденіе зависѣло не столько отъ раскола, сколько отъ общаго положенія, экономическаго и правового массъ. Естественно, что въ идеалогіи, если такъ можно выразиться, раскола онъ не видѣнъ, но въ отдѣльныхъ выступленіяхъ, нападеніяхъ массъ онъ вырывается ярко.

Но какъ бы то ни было, работы Щапова имѣли и имѣютъ громадное значеніе и будутъ имѣть именно «въ поставленіи предмета въ его настоящую среду».

Это для науки. Для общества работы Щапова послужили толчкомъ, чтобы къ вопросамъ, поднятымъ въ 60-хъ годахъ, присоединить еще одинъ—раскольничій.

Революціонная часть общества подъ вліяніемъ взглядовъ Афанасія Прокофьевича на раскольниковъ рѣшила опереться и на нихъ въ своемъ стремленіи къ преобразованію Россіи. Главнымъ дѣятелемъ выступилъ В. И. Кельсіевъ [1]), который издалъ въ Лондонѣ рядъ книгъ, нужныхъ для раскольниковъ: «Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» (4 кн. 1861—62 г.) «Собраніе постановленій по части раскола» (2 кн. 1862 г.) и др.; мало того, при содѣйствіи Герцена и особенно Ога-

---

1) М. К. Лемке. Былое 1906 г., №№ 9, 10 и 11. *Также* Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона, см. „Кельсіевъ“.

рева онъ сталъ издавать въ 1863 г. (съ 15 Іюня 1863 г. по 15 Іюля 18
при «Колоколѣ» особый листокъ «Общее вѣче», посвященный вопро
раскола. При помощи разныхъ агентовъ, книги и газеты распродава
раскольникамъ, главнымъ образомъ, на Нижегородской ярмаркѣ; но он
достигли желательныхъ результатовъ: раскольники рады бы издан
но остались холодны къ «гражданскимъ» мотивамъ. Печально конч
и операція Кельсіева и Чайковскаго среди некрасовцевъ (1862—6
которыхъ они склоняли оказать помощь повстанцамъ Волыни и По
и разослать эмиссаровъ для возмущенія во имя старой вѣры донс
уральскаго и терскаго казачества. Правда, имъ удалось завести бл
сношенія съ старообрядческими іерархами, удалось склонить старо
ческаго архіепископа Аркадія завести типографію для печатанія рев
ціонныхъ воззваній къ старообрядцамъ, но и только. Въ концѣ кон
митрополитъ Бѣлокриницкій Кириллъ запретилъ своей паствѣ всту
въ сношенія съ Кельсіевымъ. Позднѣе, въ 70-хъ годахъ землево
дѣлали также попытки проникнуть съ агитаціей въ среду старооб
цевъ, но большею частью безъ особыхъ результатовъ [1]). Такъ конч
попытки русскихъ революціонныхъ партій воспользоваться «гражданск
элементомъ въ расколѣ, указаннымъ Щаповымъ.

Интересно, что взгляды Щапова на гражданскій элементъ въ рас
совпадаютъ съ донесеніями чиновниковъ, разосланныхъ въ 50-хъ годах
изученія раскола на мѣстѣ. Большинство ихъ указывало «политическую
ность» раскола и главной причиной его живучести считало «протестъ
тивъ правительства и современнаго порядка вещей». Въ одной изъ до
ныхъ записокъ даже категорически утверждалось, что раскольничьи об
«при малѣйшихъ внутреннихъ безпорядкахъ или распряхъ съ сосѣд
державами, могутъ имѣть большое вліяніе на государство по тайн
связямъ здѣшнихъ раскольниковъ съ заграничными» [2]). Впрочемъ въ
году, когда правительство задумало облегчить положеніе раскольни
прежніе докладчики, напр. Мельниковъ, стали доказывать противопо
ное [3])...

Въ наукѣ взглядъ Афанасія Прокофьевича породилъ новое теч
Прежде всего отозвался ученикъ и другъ его Аристовъ, который
статьѣ: «Устройство раскольничьихъ общинъ» говоритъ о демократ
скомъ строѣ ихъ въ противовѣсъ государственному строительству,
тверждая и развивая мысли Щапова, хотя малодоказательно [4]). Зат
въ 1866 году выступилъ со своей статьей: «О противогосударствен
элементѣ въ расколѣ» В. Формаковскій [5]). Наконецъ въ 1870 г. В
Андреевъ въ большомъ изслѣдованіи: «Расколъ, и его значеніе» до
положеніе Щапова до крайности, при чемъ довольно свободно толков

---

[1]) А. Д. Михайловъ. „Вылое“ 1906 г. № 2, стр. 164—165.

[2]) В. И. Кельсіевъ. „Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольника кн. 4, стр. 326, кн. 2, стр. 163.

[3]) П. С. Смирновъ: „Исторіи русскаго раскола старообрядства“, стр. 240.

[4]) Н. Я. Аристовъ. „Библіотека для чтенія“ 1863 г., № 7.

[5]) В. Формаковскій „Отечественныя Записки“ т. 169, № 23 и № 24.

акты и произвольно дѣлалъ выводы. Главныя его положенія слѣдующія. Оппозиція раскола носила чисто земскій характеръ, а потому и изучать расколъ можно только съ земской точки зрѣнія». Онъ борется за земскія вообще и за мѣстныя, областныя права. Расколъ возникъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, такъ какъ при немъ произошло «окончательное закрѣпощеніе крестьянъ». Реформы—крестьянская и земская—Александра II окончательно подорвали расколъ. Согласія и толки—результатъ этнографическихъ явленій. «На богословскихъ спорахъ раскольниковъ отразились неблагопріятныя климатическія, гигіеническія и соціальныя условія». Андреевъ видитъ въ нихъ болѣзнь, своего рода «mania religiosa» [1]).

Новый взглядъ на расколъ, какъ на «крупное явленіе умственнаго процесса» и полное отрицаніе въ расколѣ старой Руси. («Расколъ не есть старая Русь»... «Раскольникъ не похожъ на стариннаго русскаго человѣка») внесъ Н. И. Костомаровъ [2]). Его сужденія получили въ 80 г. дальнѣйшее развитие въ работахъ Юзова, Пругавина, Абрамова и др. Внѣ всякаго сомнѣнія, что духовнымъ отцомъ всего этого былъ Щаповъ.

Духовная литература по прежнему держится того взгляда, что расколъ явленіе чисто церковное или по заключенію П. С. Смирнова «свитокъ книжный въ которомъ вписано бяшерыданіе, и жалость, и горе» [3])... Къ сожалѣнію въ свѣтской строго-научной литературѣ расколомъ перестали интересоваться, а въ трудахъ по общей исторіи Россіи забываютъ статьи Соловьева и Бестужева-Рюмина о правильномъ «поставленіи» вопроса о расколѣ Щаповымъ.

Занятія Афанасія Прокофьевича расколомъ, не говоря уже объ его оффиціальной обязанности, какъ преподавателя Духовной Академіи, побудили его взяться за изученіе народныхъ вѣрованій, посколько они сказались въ народныхъ произведеніяхъ и сказываются и по сейчасъ въ народныхъ воззрѣніяхъ. И здѣсь нельзя не отмѣтить замѣчательно глубокаго и вѣрнаго «поставленія» вопроса. Достоевскій высказалъ интересное мнѣніе, что каждый народъ создаетъ свое представленіе о Христѣ, не похожее на представленія другихъ народовъ, и сообразно съ этимъ творитъ свою религію. Много раньше это высказалъ Щаповъ. И онъ задался цѣлью опредѣлить эту русскую религію, какъ синтезъ языческихъ вѣрованій и христіанства, онъ хотѣлъ нарисовать подробный путь созданія русской христіанской религіи. Еслибы Щапову удалось это сдѣлать,—а онъ имѣлъ всѣ данныя для этого,—онъ создалъ бы великое дѣло, но правительство въ своемъ болѣзненномъ опасеніи за цѣлость самодержавія оторвало его отъ грандіозной работы. Однако и то, что успѣлъ сдѣлать Щаповъ, оставило по себѣ глубокій слѣдъ.

Свои мысли по этому вопросу Щаповъ развивалъ, главнымъ обра-

---

[1]) В. В. Андреевъ. „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи". Спб. 1870 г.

[2]) Н. И. Костомаровъ. „Исторія раскола у раскольниковъ". Вѣстн. Европы 1871, кн. 4, стр. 469—470, 498—499, 506, 535.

[3]) П. С. Смирновъ. „Исторія русскаго раскола старообрядства", стр. 243.

зомъ, въ «Историческихъ очеркахъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія» [1]).

Въ I части онъ говоритъ о вліяніи библейско-византійской санктологіи и пневматологіи на народное міросозерцаніе; во II—о народныхъ представленіяхъ міра вообще и въ частности неба. Вторая часть была окончательно редактирована въ медовый мѣсяцъ брачной жизни Афанасія Прокофьевича съ естественными науками и поэтому на ней слишкомъ рѣзко и вредно для научной цѣнности отразилось это увлеченіе. За то I-я часть представляетъ мастерской анализъ того процесса, которымъ создавались народныя религіозныя представленія. Съ поразительною убѣдительностью, съ массою фактовъ въ подтвержденіе Щаповъ указываетъ на суевѣрія древне-христіанской русской *церкви*, которыми питалась народная мысль, своеобразно свивая ихъ съ своими языческими представленіями въ одно цѣлое. Свою мысль онъ блестяще иллюстрируетъ анализомъ народныхъ представленій объ Ильѣ, Іоаннѣ Предтечѣ и Егоріѣ. Мысли, высказанныя имъ, безусловно, служатъ цѣннымъ вкладомъ въ научную сокровищницу. Не надо забывать, что научное изученіе народной словесности въ Россіи начинается не ранѣе 1845 г. и что Щапову приходилось не только строить научныя гипотезы, но и собирать матеріалъ. Задача трудная и не всегда благодарная. Онъ ее выполнилъ блестяще, сообщивъ наукѣ массу новаго: здѣсь большую помощь оказалъ ему Григоровичъ [2]). Изъ его гипотезъ полное подтвержденіе получила догадка, что на созданіе образа Егорія Храбраго повліяла личность Юрія II: теперь это мнѣніе вошло даже въ учебники. Нельзя пройти молчаніемъ и глубокаго замѣчанія автора о реализмѣ, лежащемъ въ основѣ народныхъ воззрѣній. Этому вопросу посвящены блестящія страницы и въ изслѣдованіи по русской исторіи нашего знаменитаго ученаго Ключевскаго, вполнѣ подтверждающія мысль Щапова [3]). Правда, Ключевскій и Щаповъ не совпадаютъ въ окончательномъ взглядѣ на цѣнность великорусскихъ народныхъ представленій, но надо помнить, что наука ушла теперь далеко впередъ, а главное, что Щаповъ, въ это время признавалъ чуть ли не однѣ естественныя науки. Становится обидно, что сочиненія Щапова были погребены въ журналахъ часто малодоступныхъ и поэтому не оказали того вліянія на ходъ науки, которое они могли и должны были оказать. Было бы въ высшей степени интересно прослѣдить, насколько взгляды Щапова отразились на работахъ послѣдующихъ ученыхъ, но эта задача намъ не подъ силу, особенно теперь.

Взгляды Щапова на расколъ, на земство, поскольку оно связано въ его представленіи съ расколомъ, на народныя воззрѣнія были только частицей, правда очень важной, органически необходимой его коренныхъ взглядовъ на русскую жизнь, а именно его земской федеративной или

---

1) „Сочиненія А. П. Щапова“ т. I, стр. 33 и дальше. Н. Я. Аристовъ. „А. П. Щаповъ“, стр. 138—143.

2) См. напр., „Сочиненія А. П. Щапова“ т. I, стр. 99, 100, 130, 143, 144 и др.

3) В. Ключевскій. „Курсъ русской исторіи“, ч. I, стр. 381—386.

астной теоріи. Въ чемъ же она заключается, въ какомъ отношеніи ı находится къ историко-философскимъ воззрѣніямъ того времени—къ вянофильству, западничеству и бывшему въ зародышѣ матеріализму, какое значеніе имѣла она для современниковъ Щапова?.

Земская теорія Щапова создавалась въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ овъ, т. е. въ эпоху горячихъ надеждъ на возможность секуляризаціи щества отъ политическихъ, экономическихъ и т. д. цѣпей, наложенныхъ русскій народъ предшествовавшими вѣками. Въ такія эпохи особенно ıо и рѣзко чувствуется гнетъ правительственной власти и поддерживающего власть общественнаго класса, особенно глубоко вырывается проть между двумя силами — правительствомъ и народомъ, силою гнетую и угнетенною. Щаповъ послѣ недолгихъ колебаній опредѣленно сталъ сторону угнетенныхъ и со всею силою своей страстной натуры обрулся на государственную власть. Онъ искалъ народа, чтобы противоповить его государству; онъ стремился доказать, что народъ не нуждается централистическихъ формахъ общежитія, что онъ выработалъ свои, ıованные не на силѣ, а на любви и согласіи, и что эти формы были бо изломаны центральною властью. Поэтому изъ двухъ господствуюхъ въ то время направленій—славянофильства и западничества первое имъ восторженно-романтическимъ характеромъ, своимъ отрицаніемъ едѣленныхъ государственныхъ формъ было ближе душѣ Щапова, ѣе соотвѣтствовало и психологическому моменту, переживаемому Росй. Идеи, развитыя Щаповымъ, говоритъ Козьминъ, носились въ возхѣ [1]). Итакъ, народъ, его созидательная работа и его страданія—тема апова. Въ самой темѣ, при условіи талантливой разработки ея,— ıогъ громаднаго вліянія на общество, плѣненія его. Идеи эти носились воздухѣ, слѣдовательно попытка Щапова будетъ не единственная.

Дѣйствительно, въ одно и то же время, но независимо другъ отъ уга, возникаютъ двѣ попытки осмыслить историческое прошлое русскаго рода,—земская или федеративно-областная теорія А. П. Щапова и пленная федеративная теорія Костомарова [2]).

Но сходныя по темѣ, онѣ различны по началамъ, положеннымъ въ ь основаніе, и по объективности въ ихъ изложеніи. Костомаровъ въ ріи охватываетъ весь славянскій міръ и стремится слить его на федеıистическихъ основахъ по племенному признаку. Щаповъ говоритъ и адаетъ за русскій (вѣрнѣе говоря—великорусскій, включая сюда и биряковъ) народъ, отмѣчаетъ его строительство въ зависимости отъ графическихъ условій, и поэтому этнографическій элементъ играетъ ıь меньшую.

Родившись въ Сибири—въ странѣ безпрерывной колонизаціи, видя ственными глазами, какъ распространяются поселенія въ зависимости ь географическихъ условій, наблюдая культурную силу русскихъ по-

---

[1]) Н. Н. Козьминъ. „Аф. Прок. Щаповъ, его жизнь и дѣятельность". Иркутскъ 2 г., стр. 2.

[2]) Н. И. Костомаровъ. Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. книга I, стр. 1—30.

селенцевъ въ Сибирскихъ дебряхъ; изучая, наконецъ, послѣдовательный, но неуклонный ходъ русскаго крестьянства на сѣверъ, въ Соловецкихъ сборникахъ и тому подобныхъ памятникахъ: онъ и явился баяномъ многомилліоннаго крестьянства и его многовѣковой страдной работы строительства русской земли. Такимъ образомъ, колонизаціонный элементъ, какъ главный двигатель; земля, какъ матеріалъ, и великая культурно-строительная сила крестьянства—вотъ главныя начала земской теоріи Щапова. И нельзя не отмѣтить, насколько глубже и цѣннѣе взгляды Щапова сравнительно съ Костомаровымъ, насколько ближе подошелъ онъ къ правдѣ.

«По старинному народному принципу... — земля составляла основу всего народнаго бытового строя» [1]). Отсюда названіе областей землями» и людей «земскими». Вольный процессъ устройства народомъ земскаго міра совершался въ такой естественной послѣдовательности: «рядомъ, на одной землѣ и водѣ, въ колонизаціонно-географической и общинно-бытовой связи, сами собой, безъ всякихъ указовъ, устроялись два первичныхъ міра — городской и сельскій, городъ и село... Въ лѣсу посажался починокъ и разростался въ село». Къ нему приселялись «починки», «деревни на полѣ», «приселья» и т. д., которыя образовывали уѣздъ или волость; отсюда терминъ: «село съ уѣздомъ». Каждое поселеніе составляло свой особый міръ, равно какъ и уѣздъ, или волость, почему въ актахъ и говорится безъ различія: со всею волостью или со всѣмъ міромъ. Изъ первичныхъ селъ или починковъ «на почвѣ вольнонароднаго, земскаго строенія, путемъ торга, или «промысла» выростали посады и образовывались посадскіе міры, почему и городскія общины назывались мірами [2]). Волостные или уѣздные міры естественно историческимъ путемъ по рѣчнымъ системамъ и волокамъ смыкались въ областныя общины.

Въ жизни областей были двѣ «послѣдовательно-преемственныя формы» [3]): особо-областная и соединенно-областная. Характерная особенность первой: вольное устройство путемъ колонизаціи на особой рѣчной системѣ или отдѣльномъ волокѣ, стремленіе областныхъ общинъ къ «особенности»; дѣленіе населенія на историко-этнографическія группы по областямъ; мѣстное земско-совѣтіе, т. е. областные земскіе соборы; федеративное взаимодѣйствіе и въ то же время междоусобная борьба областныхъ единицъ. Слѣдовательно, до соединенія областей — исторіи русской земли нѣтъ, а есть только исторія отдѣльныхъ областей и ихъ отношеній между собой. Соединенно-областная форма возникла послѣ смутнаго времени, послѣ розни областныхъ общинъ и рѣшенія ихъ, на своихъ областныхъ земскихъ соборахъ, быть въ единеніи, любви и совѣтѣ: такъ появилась земско-областная федерація.

Такимъ же путемъ смыканія снизу вверхъ возникло и управленіе на почвѣ колонизаціоннаго устроенія и географическаго соотношенія. Сель-

---

[1]) А. П. Щаповъ. „Земство". „Вѣкъ" 1862 г., № 7—8, стр. 38.

[2]) А. П. Щаповъ. „Сельская община". „Вѣкъ" 1862 г. № 4—6, стр. 6.

[3]) „Сочиненія А. П. Щапова", т. I, стр. 648—650.

ій міръ управлялся мірскимъ сходомъ; волостной волостнымъ и т. д. мскій соборъ всѣхъ людей русской земли былъ выраженіемъ соединенно-пастной организаціи русской земли[1]).

Мірскіе сходы, земскіе соборы создавали міромъ «уложенія», регули-я правовыя отношенія; излюбленные старосты, головы и др. выборные дали дѣла управленія; міръ завѣдывалъ землей, финансами, прини-лъ участіе въ церковныхъ дѣлахъ, выбиралъ себѣ духовныхъ пастырей.

Однимъ словомъ, «міръ сельскихъ общинъ въ волостяхъ былъ полно-авный государь».

«Потомъ мѣстно-областное начало жизненно выражалось, въ теченіе его XVII вѣка, въ многочисленныхъ и разнообразныхъ общинно-област-іхъ челобитныхъ», въ которыхъ выражалась общинно-областная совѣ-ітельность, иниціатива, протестъ противъ областной администраціи; онѣ ; имѣли вліяніе на развитіе общаго законодательства.

Въ XVIII в. соединенныя областныя общины преобразовываются въ днообразную форму губерній и провинцій; задавленная мѣстная жизнь мираетъ, но централизація, надо помнить, пришедшій вновь элементъ, а ластность—коренное, переходящее начало народнаго историко-географи-скаго самораспредѣленія и мѣстно-общиннаго саморазвитія[2]).

И такъ, повторяю: земля, колонизація и свободное строительство мли русскимъ народомъ—основа теоріи Щапова. Чуть ли не самую вид-ю роль играетъ въ частности колонизація, которая стоитъ въ зависи-ости отъ распредѣленія на русской территоріи экономическихъ цѣнностей въ свою очередь опредѣляетъ ихъ. Очень цѣнный, мѣстами блестящій еркъ русской колонизаціи съ этой своей точки зрѣнія даетъ Щаповъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Словѣ» за 1864 и 65 гг.: «Историко-геогра-іческое распредѣленіе русскаго народа»[3]). Хотя въ этихъ статьяхъ рѣзко ышатся мотивы позднѣйшихъ теорій, но лейтъ мотивъ остается прежній, онъ для насъ и цѣненъ особенно.

Попутно, при изложеніи своей теоріи Щаповъ затрагиваетъ и много угихъ вопросовъ. Между прочимъ онъ даетъ совершенно вѣрную кар-іну того, какъ двигалось русское населеніе и въ какое отношеніе ста-вилось къ финской народности и другимъ и какъ путемъ постепеннаго, непрерывнаго общенія, оно сливалось съ этими племенами, растворяя съ въ себѣ и создавая такимъ образомъ великорусскую народность.— амъ и сямъ разбросанныя замѣчанія, иногда страницы[4]), въ общемъ ютъ очень интересный очеркъ этнографической организаціи велико-усской народности. Нельзя не отмѣтить и своеобразнаго, согласнаго съ о основной теоріей, взгляда на смутное время. Въ то время, когда

[1]) А. П. Щаповъ. „Сельскій міръ и мірской сходъ". „Вѣкъ" 1862 г. № 13—14 и ельская община". „Вѣкъ", 1862 г, № 1—6. „Городскіе мірскіе сходы", „Вѣкъ 1862 г., 12.

[2]) „Сочиненія А. П. Щапова. т. I, стр. 649—650 и дальше.

[3]) Ibid. т. II, стр. 182—365.

[4]) Напр. въ „Великорусск. област. и смутн. время", стр. 665—667; „Соч А. П. апова"; т. I.

многіе не оцѣнивали еще всего значенія нашей великой разрухи, Щаповъ совершенно правильно указалъ на смуту, какъ на демаркаціонную линію въ развитии русскаго государства, хотя толковалъ ее, какъ реакцію областей противъ московской централизаціи.

Несомнѣнно, что въ теоріи Щапова много идеализаціи, на что въ свое время указывалъ и «Современникъ»[1], но его основа, самый фактъ существованія областныхъ группъ, угаданъ Щаповымъ совершенно правильно. Идеализація же объясняется, какъ вѣяніями эпохи, такъ въ частности вліяніемъ славянофиловъ.

Я говорилъ уже о томъ, какъ самъ Щаповъ открещивался отъ славянофиловъ, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ отрицать факта этого вліянія. Тотъ же романтическій взглядъ на народъ; то же стремленіе къ давнопрошедшему и подмѣна настоящаго народа идеализированнымъ; та же вѣра въ специфическій русскій духъ и русскую особенность отъ запада, та же вѣра въ гармонію власти, общества и народа въ прошломъ; то же враждебное отношеніе къ дѣленіямъ на сословія, ненависть къ централизаціи, къ юридической опредѣленности запада и т. д., и т. д. Но Щаповъ если и признавалъ вначалѣ непригодность западныхъ учрежденій для Россіи, выдѣляя ее такимъ образомъ въ особый организмъ, то онъ все же не открещивался отъ запада и не строилъ на этомъ зданіи всего своего міросозерцанія, какъ это дѣлали славянофилы. А во вторыхъ—что самое главное, онъ болѣе критически относился къ вопросамъ, чѣмъ они, и чаще всего отрицалъ возможность вернуть прошлое: «какъ бы ни была дорогá большей части народа старая Россія, прошла и она, похоронена Петромъ Первымъ». Правда, иногда онъ забывалъ это, какъ я уже указывалъ, но это были увлеченія, а не та вѣра, которою жили славянофилы. Вотъ почему Щаповъ и имѣлъ право сказать, что онъ не былъ славянофиломъ: онъ шелъ своей дорогой, не заходя въ широко-раскрытыя ворота дома Хомякова, Аксаковыхъ и др., минуя и жилища западниковъ. Глубоко жаль, что разговоръ его съ Чернышевскимъ остался покрытымъ мракомъ неизвѣстности, который до сихъ поръ еще никто не разсѣялъ: онъ лучше всего освѣтилъ бы его отношеніе къ школѣ Чернышевскаго. Тогда, по словамъ Аристова, онъ считалъ направленіе «Современника» искусственнымъ, чуждымъ Россіи. Въ послѣдующихъ статьяхъ, на которыя я уже ссылался, Щаповъ, горячо защищаясь отъ обвиненія въ славянофильствѣ, свои взгляды называетъ какъ бы физіологіей русскаго народа, съ которой нельзя не считаться, если желаете, чтобы жизнь шла нормально. На закатѣ своихъ дней онъ даетъ болѣе вѣрную оцѣнку направленія «Современника» признавая его самымъ правильнымъ изъ всѣхъ предыдущихъ направленій. Но тогда онъ сильно расходился во взглядахъ съ редакціей «Современника», и если это направленіе имѣло на него вліяніе, то только въ смыслѣ необходимости болѣе критически относиться къ себѣ, къ своимъ теоріямъ, что, конечно, ускорило отходъ Щапова отъ «земства», его

[1] „Современникъ“, 1863 г., т. 95, отдѣлъ III. Русская литература: „Земство и расколъ“ А. Щапова. Выпускъ I. Спб. 1862; „Бѣгуны А. Щапова (Время 1862 г. Октябрь и Ноябрь).

ѐе fix'a, какъ онъ самъ выражается, и бросило его въ объятія «писа-
:вщины».

Правительственный терроръ, какъ я уже указывалъ, далъ, слишкомъ
›кое, наглядное доказательство того, каково было стремленіе самодер-
авной власти къ единенію съ народомъ, чтобы оставалось хоть какое
ıбудь сомнѣніе: надо было сжечь съ корнемъ все, чему раньше покло-
ıлся, во что вѣрилъ; надо было искать другого Бога. Это и сдѣлалъ
Цаповъ; съ какимъ чувствомъ, объ этомъ уже говорилось. До этого Щаповъ
ілекался только конкретнымъ матеріаломъ и только въ этой области былъ
ıленъ. Еще въ своей диссертаціи, а позднѣе въ наиболѣе яркой съ точки
ıѣнія его теоріи статьѣ «Земство и расколъ» онъ подчеркиваетъ съ глу-
›кимъ уваженіемъ реализмъ понятій и воззрѣній русскаго народа. Стоитъ
:помнить хотя слѣдующее его основное положеніе: «Народъ русскій до
›го практиченъ, до того склоненъ къ реализму, къ положительности,
› того неспособенъ оторваться отъ земли за облака, что землю взялъ
ı основу всего обыденнаго устройства» [1]) и т. д. варьируемое имъ въ
ıзныхъ мѣстахъ на разный ладъ. Кромѣ того, что очень важно, Щаповъ
: любилъ никогда заниматься отвлеченными вопросами: объ этомъ гово-
ıтъ всѣ его знавшіе [2]), еще громче объ этомъ говорятъ его работы. Инте-
:сно, что реальный взглядъ на вещи, отсутствіе метафизики сказались въ
'о изслѣдованіи о народныхъ вѣрованіяхъ: въ эпоху всеобщаго увлеченія
иѳологической теоріей Щаповъ остается въ сторонѣ и, собственно говоря,
ıадетъ начало исторической теоріи, какъ своими объясненіями образа
горія Храбраго, Ильи и друг., такъ и своимъ методомъ. Съ 1863 г. онъ
гремится къ болѣе широкомъ построеніямъ, но въ основу ихъ все же
ıадетъ, можетъ быть ошибочно, можетъ быть неумѣло, но принципы не
етафизическіе, а естественно-научные. Дѣйствительно, по складу ума
Цаповъ былъ ближе къ опытнымъ наукамъ. Поэтому становится понят-
ымъ, почему онъ въ ту минуту, когда рѣшилъ, что in omnibus dubitandum
st, остановился на естествознаніи. Произошло это въ первой половинѣ
3 года: въ предисловіи къ «Историческимъ очеркамъ міросозерцанія и
уевѣрія» (Январь) уже сказывается это увлеченіе; дальнѣйшія главы на
юловину разбавлены разсужденіями, взятыми изъ опытныхъ наукъ. Къ
тому времени относитъ перемѣну во взглядахъ Щапова и Аристовъ.

Сейчасъ слѣдовало бы подвести итоги вліянію Щаповскихъ идей на
сторическую науку и на развитіе общественной мысли. Но въ настоящее
ремя эта задача почти невыполнима, хотя, несомнѣнно, что въ обоихъ
тношеніяхъ роль его была велика. Въ наукѣ, какъ я уже сказалъ, его
:очти совсѣмъ не цитируютъ, на него не ссылаются, но при вниматель-
:омъ изученіи работъ нашихъ выдающихся историковъ вы чувствуете
ліяніе Афанасія Прокофьевича. Конечно, здѣсь не найти простого раз-
итія мыслей Щапова, такъ какъ онѣ часто ошибочны и не подтверди-
ись при детальномъ изученіи историческихъ матеріаловъ, но онѣ давали

[1]) „Сочиненія А. П. Щапова", т. I, стр. 481.

[2]) Н. Я. Аристовъ. „А. П. Щаповъ", стр. 9 см. отзывъ Г. Я. Рождественскаго.

толчки исторической мысли итти въ опредѣленную сторону. Самый перенось центра тяжести изученія съ юридическихъ отношеній на изученіе бытовой стороны произошелъ, по нашему мнѣнію, не безъ вліянія Щапова. Въ частности не можемъ не подчеркнуть снова той громадной услуги, какую оказалъ русской исторической наукѣ Афанасій Прокофьевичъ, выдвинувъ чуть ли не на первый планъ вопросы колонизаціонный, географическій, этнографическій и т. д., особенно колонизаціонный. Невольно появляется желаніе сопоставить его взглядъ съ сужденіемъ проф. В. Ключевскаго. «Исторія Россіи, говоритъ онъ, есть исторія страны, которая колонизуется. Область колонизаціи въ ней расширялась вмѣстѣ съ ея государственной территоріей. То падая, то поднимаясь, это вѣковое движеніе продолжается до нашихъ дней...... Такъ переселеніе, колонизація страны была основнымъ фактомъ нашей исторіи, съ которымъ въ близкой или отдаленной связи стояли всѣ другіе ея факты» [1]). Вчитайтесь въ статьи Щапова, особенно «Земство и расколъ», «Великорусскія области и смутное время» «Историко-географическое распредѣленіе русскаго народонаселенія» и др., и вы убѣдитесь, если не въ тождественности, то въ очень большой близости его съ проф. Ключевскимъ, этимъ многограннымъ талантомъ нашего времени.

Нельзя забывать, что Щаповъ не зналъ школы, не работалъ въ архивахъ и что вся его научная дѣятельность продолжалась какихъ-нибудь три—четыре года. Какъ мало времени, и какъ много сдѣлано. Въ лицѣ Щапова русская историческая наука потеряла громадную силу. Онъ обладалъ поразительнымъ даромъ чувствовать эпоху, которую изучалъ. Въ этомъ отношеніи онъ родствененъ такимъ историкамъ, какъ О. Тьерри: у нихъ много ошибокъ, но много и дѣйствительно цѣнныхъ мыслей, догадокъ, брошенныхъ зачастую на лету. Поэтому до горечи обидно, что работы Щапова оставались такъ долго подъ спудомъ, и молодыя научныя силы не черпали живой воды изъ этого богатаго источника.

Вліяніе Щапова на современниковъ общепризнано. Но выразить его конкретно, пока нѣтъ никакихъ силъ. Сейчасъ только начинается изученіе общественнаго движенія 60-хъ—70-хъ годовъ. Будемъ надѣяться, что оно дастъ болѣе опредѣленный матеріалъ для сужденія о значеніи его личности и его литературной дѣятельности. Конечно, какъ одинъ изъ главныхъ творцовъ народничества 60-хъ годовъ, онъ внесъ свою лепту въ послѣдующее общественное и революціонное движеніе 70-хъ годовъ, которое непосредственно примыкало къ движенію 60-хъ и въ основѣ котораго лежала та же мысль, что мучила нѣкогда Щапова и др., мысль о голодномъ и безправомъ русскомъ мужикѣ. Что Щаповъ своею областною или земской теоріей вызвалъ среди молодежи движеніе, направилъ ее силы на служеніе родному краю, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Конечно, это вліяніе сказалось прежде всего на сибирякахъ, какъ «сопатріотахъ» Щапова, и на казанцахъ, слушавшихъ его живую рѣчь. И. М. Ядринцевъ въ письмѣ къ Семидалову разсказываетъ о причинахъ, побудившихъ

[1]) В. Ключевскій. „Курсъ русской исторіи". ч. I, стр. 24.

его къ работѣ для Сибири. «Я припоминаю, говоритъ онъ, лекціи Костомарова, кружокъ Шевченки, его поэзію, лекціи объ областности Щапова—все это матеріалъ, канва». «Но ближе всего по времени, и сильнѣе всего по вліянію были лекціи Щапова». Благодаря имъ въ сибирскомъ землячествѣ «появилась мысль о служеніи нашей родинѣ, о возвращеніи домой. Доселѣ большинство окончившихъ курсъ въ Университетѣ не думало возвращаться и избирало выгодныя мѣста внѣ родины. Ихъ не влекло сюда ничто, они съ содраганіемъ вспоминали невѣжественное общество, отсутствіе умственной жизни»[1]). Если только на минуту задуматься надъ тѣмъ, что сдѣлалъ для Сибири кружокъ Ядринцева, то станетъ понятно, съ какой благодарностью должна Сибирь вспоминать Щапова.

VIII

Щаповъ въ Иркутскѣ. Новое политическое дѣло. Иркутяне. Туруханская экспедиція. Педагогическая дѣятельность Щаповой. Знакомства. Кружокъ для совмѣстнаго чтенія. Болѣзнь Щаповой. Научная общественная дѣятельность Щапова. Нищета. Смерть Щаповой. Личность Ольги Ивановны Щаповой. Послѣдніе годы жизни Щапова.

Щапова выслали на мѣсто родины, т. е. въ селеніе Ангу. Къ высылкѣ въ Сибирь относился онъ, кажется, довольно спокойно. По крайней мѣрѣ, С. Шашковъ, который встрѣтилъ его въ маѣ 1864 г. въ Красноярскѣ, значитъ по дорогѣ изъ Петербурга на мѣсто ссылки, передаетъ, что онъ «везъ съ собою цѣлый чемоданъ новыхъ сочиненій по естествознанію, съ жаромъ говорилъ объ естественныхъ наукахъ, *о своихъ планахъ* и т. д.»[2]). Къ этому времени онъ бросилъ пить, здоровье его поправилось. Очевидно, его тянуло на родину, которой онъ давно не видѣлъ и которая, при его способности сильно увлекаться, рисовалась ему въ самыхъ розовыхъ краскахъ. Не оставляла его, конечно, и мысль о скоромъ возвращеніи въ Петербургъ.

Сначала въ Сибири дѣло пошло удачно. Щапову удалось выхлопотать себѣ разрѣшеніе поселиться вмѣсто Анги въ Иркутскѣ. Въ Ангу онъ съѣздилъ ненадолго, только для устройства дѣлъ своей матери. Въ половинѣ августа 1864 г. Щаповы были уже въ Иркутскѣ; поселились они въ «небольшомъ, но чистенькомъ домикѣ Суетина», на Почтамтской улицѣ. При первомъ же свиданіи съ В. Вагинымъ, Щаповъ тотчасъ же началъ говорить, что ему нужны старинныя рукописи, а также народныя пѣсни, сказки, пословицы, такъ что, говоритъ Вагинъ, «я видѣлъ предъ собой скорѣй этнографа, чѣмъ историка»[3]).

Щаповъ въ это время работалъ надъ своей статьей «Историко-этнографическая организація русскаго народонаселенія (этнологическое развитіе сибирскаго населенія)», которая и появилась въ 1 книгѣ «Русскаго

[1]) М. К. Лемке. „Н. М. Ядринцевъ", стр. 42–44.
[2]) С. Шашковъ. „А. П. Щаповъ", Новое Время 1876 г., № 245.
[3]) В. Вагинъ. „Щаповы", Сибирскій Сборникъ за 1889 г., вып. 2, стр. 65.

Слова» за 1865 г. Кромѣ того, онъ принялъ участіе въ чествовані мяти М. В. Ломоносова составленіемъ рѣчи, которая была прочитан парадномъ завтракѣ 26 мая 1865 г. Рѣчь эта въ политическомъ отнош самая невинная, хотя Аристовъ почему-то считаетъ ее «задорною» і воритъ, что «она сразу отшибла всякую надежду» на возвращеніе [1]. нѣе надо предполагать, что на хлопоты о возвращеніи Щапова неб: пріятно повліяло нелѣпое дѣло, поднятое администраціей «о злонамѣ ныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, стремившихся къ ниспр женію существующаго въ Сибири порядка управленія и къ отдѣленію е: имперіи». Къ этому дѣлу притянули и Щапова. Поводомъ къ этому п жило, по словамъ Н. М. Ядринцева, стихотвореніе. которое напи Щаповъ еще въ 1861 г., сидя въ III Отдѣленіи. «Сколько помню воритъ онъ, оно заключало въ себѣ слѣдующую мысль: въ то в когда въ Россіи идетъ общее пробужденіе, когда Финляндія, Малор и Западный край отозвались уже на призывъ жизни,—что же ты чишь одна, отдаленная моя Сибирь! Стихотвореніе это сдѣлалось попул между сибиряками. За этотъ плодъ досуговъ Щаповъ имѣлъ гдѣ-то ясненіе, кончившееся пустякомъ» [2]). Теперь его вызвали въ Омскъ. онъ жилъ въ домѣ жандармскаго полковника Рыкачева. Хотя его н «совсѣмъ» невиновнымъ, но все-таки осталось подозрѣніе. Недаромъ влеченныхъ по этому же дѣлу Ядринцева, Потанина и Шашкова (няли въ томъ, что они писали въ «Томск. Губернск. Вѣд.» статьи о не димости въ Сибири университета. «Кто васъ просилъ объ этомъ?» — і рили омскіе чиновники. А Щаповъ тоже мечталъ объ открытіи уні ситета въ Сибири! Въ Омскѣ, по словамъ Шашкова, онъ изучалъ з гію, мечталъ о будущихъ трудахъ своихъ, рвался домой къ работ какъ ребенокъ, радовался, что устроился въ «Русскомъ Словѣ» и мо: жить литературнымъ трудомъ, не поступая на службу [3]).

По возвращеніи въ Иркутскъ Щаповъ усиленно работалъ, между чимъ, и для Сибирскаго Отдѣла Русск. Географич. Общ. [4]). Въ 1866 отдѣлъ снарядилъ экспедицію для изслѣдованія Туруханскаго края которой принялъ участіе Щаповъ и Германъ Лопатинъ. Щаповъ поѣ въ качествѣ этнографа; его сопровождала жена. Результатомъ поѣ Щапова былъ обширный трудъ. «Щаповъ изслѣдовалъ, по возможн кромѣ общихъ отличительныхъ анатомическихъ типовъ и индивидуал стей разноплеменныхъ туруханскихъ жителей, ихъ ростъ, физическую бочую силу, плодовитость женщинъ, физіологическій день остяцкі тунгузскій или распредѣленіе въ теченіе сутокъ покоя, сна и рабо движенія, голода, ѣды и т. п.; затѣмъ распредѣленіе по временамъ браковъ, рожденій, численный составъ семействъ, среднюю продолжит ность и ея распредѣленіе по временамъ года, болѣзни, преимуществ

[1]) Аристовъ. Ibid., стр. 115.

[2]) Н. Ядринцевъ. „Жизнь и труды А. П. Щапова". Вост. Обозр. 1883 г., № 3

[3]) „Дѣло" 1876 г., № 4. Некрологъ Щапова.

[4]) „Вост. Обозр. 1885 г., № 17. „Любовь къ родинѣ и судьба А. П. Щапова".

эпидемическія и этнологическія, или племенныя и, наконецъ, физіологическое смѣшеніе или метисаціи разноплеменныхъ туруханскихъ жителей. Этнологическія изслѣдованія Щапова, касаясь весьма разностороннихъ вопросовъ, дали богатый матеріалъ для науки и дали намъ довольно полное понятіе о туруханскихъ обитателяхъ. При недостаточности времени для краніологическихъ изслѣдованій Щапову однако жъ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія по этой части, а потомъ и самому сдѣлать весьма обстоятельныя наблюденія и опыты надъ физическими особенностями инородцевъ; кромѣ того, онъ собралъ 14 череповъ, съ полнымъ означеніемъ мѣстъ ихъ нахожденія, какому роду и племени они принадлежатъ и времени ихъ погребенія» [1]). Такой отзывъ о трудѣ Щапова мы находимъ... въ «Исторіи полувѣковой дѣятельности Имп. Русск. Геогр. Общества». Когда же сибирскій отдѣлъ, не имѣя средствъ напечатать изслѣдованіе Щапова, предложилъ это сдѣлать Обществу, то послѣднее тянуло, тянуло и затѣмъ отказалось: «тамъ онъ (т. е. трудъ Щапова), говоритъ Вагинъ, показался имъ слишкомъ радикальнымъ, или слишкомъ ненаучнымъ»: широкая постановка вопроса «казалась дикой присяжнымъ этнографамъ». Къ сожалѣнію, трудъ этотъ погибъ въ 1879 г., во время извѣстнаго иркутскаго пожара. Отрывокъ изъ него, какъ будто, пишетъ Вагинъ, былъ напечатанъ въ «Восточн. Обозрѣніи» или въ одномъ изъ сборниковъ его [2]).

До этой экспедиціи Щаповы жили очень замкнуто, а затѣмъ Афанасій Прокофьевичъ сталъ посѣщать засѣданія сибирскаго отдѣла, заходилъ къ Вагинымъ [3]). Но знакомыхъ у нихъ почти не было; только за 4 года до смерти Ольги Ивановны составился небольшой тѣсный кружокъ [4]), но и тотъ быстро испарился, такъ какъ жить въ Сибири, въ частности, въ Иркутскѣ для интеллигентнаго человѣка было невыносимо тяжко. «Если вы природный сибирякъ, но измѣненный вліяніемъ науки и европейскихъ соціальныхъ идей,—то, хотите ли вы примкнуть къ своимъ, природнымъ сибирякамъ,—сибиряки васъ не понимаютъ, зубоскально смѣются надъ вами, чувствуютъ къ вамъ антипатію, какъ къ не своему, несходному съ ними въ понятіяхъ; хотите ли вы примкнуть къ пріѣзжимъ, наиболѣе интеллигентнымъ людямъ, тѣ говорятъ вамъ: уѣзжайте скорѣе вмѣстѣ съ нами въ Россію или заграницу, бросьте поскорѣе Сибирь проклятую, какъ и мы скоро бросимъ ее» [5]). «Сибиряки болѣе корыстны и буржуазны, чѣмъ великорусскій народъ. Интересы и стремленія эгоистически-пріобрѣтательныя, своекорыстно-матеріальныя, денежныя и домохозяйственныя суть, можно сказать, единственные стимулы ихъ умозаключенія, житейской дѣятельности и общественныхъ чувствъ и отношеній» [6]). «Зложела-

[1]) „Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. Русск. Геогр. Общ.“, ч. 1, стр. 226.
[2]) В. Вагинъ. „Щаповы“, Сибирскій сборникъ, вып. 2, стр. 66.
[3]) В. Вагинъ. Ibid., стр. 65.
[4]) „Сочиненія А. П. Щапова“, т. II, стр. 19.
[5]) Ibid., стр. 18.
[6]) „Отечественныя Записки“ 1872 г. „№ 10, стр. 476. и „Сочиненія А. П. Щапова“, т. III, стр. 622.

тельство, ехидство. злость и безсердечная черствость, жестокость въ отношеніи къ ближнимъ, можно сказать, обыкновенное нравственное качество большей части сибиряковъ, особенно нисколько неразвитыхъ, простонародныхъ» [1]). Такъ отзывался Щаповъ, правда, уже въ 70-хъ годахъ, о Сибири. А между тѣмъ онъ былъ прикованъ къ ней: хочешь, не хочешь, а живи! И Афанасій Прокофьевичъ не выдержалъ и опять запилъ. Ольгѣ Ивановнѣ приходилось употреблять прямо героическія усилія, чтобы отучить его отъ пьянства, что въ концѣ концовъ ей удалось. Но до этого бѣдная женщина пережила много горя: подъ пьяную руку, говоритъ Аристовъ, онъ не только часто ссорился, но и дрался, о чемъ она однажды съ глубокой грустью писала родственникамъ въ Петербургъ; но за то, когда протрезвлялся, просилъ у нея прощенія въ оскорбленіи, плакалъ, валялся у ея ногъ [2]). Главнымъ поводомъ для размолвокъ была ревность, дикая ревность, вслѣдствіе чего нѣкоторые знакомые, «имѣя свѣдѣнія, что ихъ посѣщенія тяжело отзываются для Ольги Ивановны, перестали бывать у нихъ» [2]). Ухудшилось и матеріальное положеніе, хотя они и не дошли еще до нищеты. Пока живъ былъ прот. Меліоранскій, онъ помогалъ племянницѣ: въ разное время, говоритъ Аристовъ [2]), было выслано имъ около 3000 руб.; на Туруханскую экспедицію въ 1866 году Отдѣлъ ассигновалъ Афанасію Прокофьевичу вмѣстѣ съ Г. Лопатинымъ 2300 руб. [3]); кромѣ того, Щаповъ получалъ гонораръ за статьи. Просуществовать можно было бы, еслибы они умѣли обращаться съ деньгами, но прошло много времени, пока Ольга Ивановна научилась хозяйничать. Когда же Меліоранскій умеръ, и помощи изъ Петербурга не стало. къ Щаповымъ все чаще и чаще стала заглядывать страшная гостья—нищета. Имъ приходилось переживать горькія и оскорбительныя сцены: «Разъ прихожу я, говоритъ Вагинъ [4]), застаю Ольгу Ивановну одну и въ слезахъ»: оказалось, что за невзносъ денегъ хозяйка «обругала ее самыми мерзкими словами и велѣла убираться съ квартиры». Необходимо было вырваться изъ Сибири. Особенно хлопотала объ этомъ Ольга Ивановна: въ каждомъ письмѣ къ петербургскимъ роднымъ она просила похлопотать о возвращеніи. Въ 1870 г. Щаповъ писалъ Муллову: «рвемся съ женой снова видѣться съ Мулловымъ. Сдѣлано уже два порыва. Не будутъ удачны — будетъ сдѣланъ третій порывъ въ Нижній, а если не въ Нижній, то куда-нибудь на берега Волги-матушки» [5]). Но несмотря на то, что за него хлопоталъ родственникъ — Иннокентій, архіепископъ Алеутскій, назначенный въ 1868 году митрополитомъ Московскимъ,—ничего не вышло. Чѣмъ могъ быть опасенъ россійскому правительству такой кабинетный ученый, какъ Щаповъ, да еще послѣ столькихъ испытаній, — неизвѣстно.

Надежды на возвращеніе не стало. Предстояла мучительная жизнь внѣ общества, полная тяжкихъ лишеній. Надо было устраиваться.

[1]) „Сочиненія А. П. Щапова“ т. III, стр. 622.
[2]) Аристовъ. Ibid., стр. 113.
[3]) „Восточн. Обозр. за 1885 г., № 17. „Любовь къ родинѣ и судьба А. П. Щапова“.
[4]) В. Вагинъ. Ibid., стр. 67.
[5]) Аристовъ. Ibid., стр. 115.

Ольга Ивановна искала занятій. но долго не находила. Въ Иркутскѣ говорили (Вагинъ и другіе), пишетъ Щаповъ: «здѣсь надо прокричать, ›трубить о себѣ, чтобы найти учительское мѣсто» [1]). Но обошлось безъ ›го. «Учитель классической гимназіи Н. И. Поповъ и Б. А. Милютинъ, ›ѣдывавшій тогда (въ 1868—1869 г.) женской гимназіей, зная педаго-›ескія дарованія и знанія Ольги Ивановны Щаповой, помогли ей без-›пятственно занять мѣсто въ женской гимназій, по классу ариѳметики. › было въ августѣ 1869 г. Съ тѣхъ поръ до февраля 1872 г., до забо-›занія жестокимъ тифомъ, она непрерывно преподавала ариѳметику въ жен-›й гимназіи и потомъ еще французскій языкъ» [1]). Ольга Ивановна всю ›пу вкладывала въ это дѣло, но трудно было преодолѣть косность, какъ пе-›огическаго персонала, такъ и домашней, семейной и общественной среды [2]). › всю гимназію только двѣ учительницы добросовѣстно относились къ ›имъ обязанностямъ, съ которыми Ольга Ивановна могла сойтись. ›на изъ нихъ была Вѣра Дмитріевна Гурлади. жена учителя гимназіи: › этой учительницей и съ ея мужемъ, прекраснѣйшимъ. гуманнѣйшимъ ›одымъ человѣкомъ, мы оба были знакомы, пишетъ Щаповъ, и всегда ›нили ихъ добромъ: съ ними только мы отводили душу въ духотѣ оди-›ой, уединенной иркутской жизни» [3]). У Гурлади Щапова познакомилась ›молодымъ медикомъ, Дьяченко, съ любовью занимавшимся или интересо-›шимся не только медициной, но и соціальными науками, и его женой ›ріей Федоровной, женщиной тоже очень развитой и помышлявшей еще ›ться въ Цюрихѣ» [4]). По иниціативѣ Ольги Ивановны были устроены ›іе вечера для чтенія. Сначала предполагали собираться у всѣхъ по-›редно, но потомъ нашли болѣе удобнымъ постоянно собираться въ ›тѣ Гурлади, по субботамъ. Эти собранія почти безъ перерыва продол-›лись два года и «доставляли много живѣйшаго умственнаго насла-›енія, освѣжали и возбуждали голову къ работѣ» [5]). Читались статьи, ›имущественно, антрополого-соціологическаго характера. Вначалѣ, сколько ›гню—пишетъ Щаповъ—послѣдовательно читаны были на этихъ со-›ніяхъ: 1) Статьи, касающіяся умственнаго развитія личности и обще-›а, именно: а) «Рефлексы головного мозга»—Сѣченова. б) нѣкоторыя ›тьи изъ сборника Юманса объ образованіи, в) статьи Россмеслера объ ›ественно-исторической школѣ, г) отрывокъ изъ «Французской Демо-›тіи»—Прудона, о соціальной организаціи народнаго образованія. д) ›тьи Мечникова «О воспитаніи съ антропологической точки зрѣнія»; ›моя небольшая статейка объ естественно-историческихъ послѣдствіяхъ ›кового отчужденія простого рабочаго народа и женщины отъ высшаго ›чнаго развитія, съ историко-антропологической точки зрѣнія [6]), ж) нѣ-›орыя статьи изъ журнала «Знаніе»; 2) Статьи, касающіяся индиви-

[1]) „Сочиненія А. П. Щапова“ т. II, стр. 3.
[2]) Ibid., стр. 5—6.
[3]) Ibid., стр. 8—9.
[4]) Ibid., стр. 19.
[5]) Ibid. стр. 20.
[6]) „Соч. А. П. Щапова“ т. III. стр. 391—37.

дуальнаго и кооперативнаго труда; 3) статьи, относящіяся къ женскому вопросу и т. п. [1]). Одно такое собраніе 18-го января 1871 г. было у Щаповыхъ, на которомъ Афанасій Прокофьевичъ читалъ свою статью объ умственномъ и мускульномъ трудѣ, о кооперативныхъ ассоціаціяхъ. Незадолго до болѣзни Ольги Ивановны, чтенія оживились вслѣдствіе того, что въ нихъ приняли участіе Г. А. Лопатинъ, Г. Х. Фризе съ женой, Александрой Васильевной, политически-ссыльный полякъ Даукша и нѣкая Ревякина, занимавшаяся въ иркутскомъ дѣтскомъ саду, гдѣ Ольга Ивановна одно время замѣняла начальницу. Чтенія иногда прерывались, и начинался живой обмѣнъ мыслей по поводу прочитаннаго, хотя говорили большею частью одни и тѣ же лица. Вѣроятно, главное оживленіе вносила Ольга Ивановна: недаромъ В. Вагинъ [2]) въ своихъ воспоминаніяхъ замѣчаетъ, что разговоръ ея былъ интересенъ, какъ умной и образованой женщины. Щаповъ же въ бесѣдахъ не выходилъ изъ области научныхъ вопросовъ, интересовавшихъ его въ ту минуту. Къ сожалѣнію, послѣ заболѣванія Ольги Ивановны, когда Щаповы не могли принимать участія въ читальныхъ собраніяхъ, они постепенно прекратились, закончившись троекратными чтеніями Афанасія Прокофьевича «О развитіи человѣческой природы» («для предварительнаго дружескаго процензированія»), такъ какъ онъ вскорѣ послѣ того читалъ ихъ въ Сибирскомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества по случаю юбилея Петра Великаго. Впрочемъ, скоро растаялъ и самый кружокъ: уѣхали Дьяченки, вслѣдъ за ними Гурлади, потомъ не стало «и наиболѣе развитаго и наиболѣе нецензурнаго» Г. А. Лопатина. Послѣдними уѣхали Фризе, измучившіеся въ Иркутскѣ «добываніемъ куска хлѣба для прокормленія дѣтокъ» [3]). Приблизительно въ это же время распада кружка, Щаповъ еще разъ читалъ въ Сибирскомъ Отдѣлѣ лекціи о русской женщинѣ, которыя потомъ были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ заглавіемъ «Міросозерцаніе, мысль, трудъ и женщина». Относительно того, какой успѣхъ имѣли его лекціи, существуетъ два разсказа. Шашковъ пишетъ, что «появленія Щапова въ качествѣ публичнаго оратора проходили въ Иркутскѣ почти незамѣченными и глубоко, болѣзненно огорчали его». Наоборотъ, В. Вагинъ, который жилъ въ то время въ Иркутскѣ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что во время чтенія зало бывало переполнено и что «эти вечера были праздниками для публики и торжествомъ для Щапова», прибавляя при этомъ, на что было уже указано нами раньше, что «аудиторія была для него (Щапова) необходима, какъ воздухъ; онъ оживалъ въ ней» [4]). Къ сожалѣнію, Щаповъ скоро прекратилъ чтеніе лекцій. Почему—неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ, до болѣзни Ольги Ивановны Щаповъ работалъ интенсивно. Онъ напечаталъ нѣсколько статей въ петербургскихъ жур-

[1]) „Соч А. П. Щапова", т. II, стр. 20.
[2]) В. Вагинъ. „Сибирскій Сборникъ" за 189 г., вып. 2, стр. 68.
[3]) Соч. А. П. Щапова, т. II. стр. 21.
[4]) В. Вагинъ. Ibid. 69.

налахъ, въ «Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла», читалъ лекціи. участвовалъ въ экспедиціяхъ и т. д. Когда, въ концѣ 60-хъ годахъ, Комитетъ Сибирскаго Отдѣла рѣшилъ сосредоточить свои работы въ Иркутской губ. и была послана экспедиція въ Верхоленскій край, Щаповъ принялъ въ ней участіе въ качествѣ этнографа [1]). Результатомъ изученія Ленскаго края явился рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла»— въ 1872 г. «Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи» [2]), которыя распадались на три отдѣла: а) измѣненіе славяно-русской народности въ сибирскомъ населеніи; б) мѣстныя физическія, психическія и лингвистическія особенности русскаго сибирскаго населенія; в) общая характеристика физическаго и психическаго типа сибирскаго русскаго населенія. М. З-нъ въ некрологѣ Щапова (въ «Изв. Сиб. Отдѣла» за 1876 г., т. VII, № 1—2), сообщаетъ, что весь трудъ въ черновикѣ дѣлился на 5-ть главъ и что часть матеріала 4-й главы была обработана Щаповымъ позднѣе въ статьѣ, изданной отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «Эгоистическіе инстинкты въ Ленской народной общинѣ бурятской, улусной, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской». Но несомнѣнно, что и остальныя статьи, напечатанныя въ «Извѣстіяхъ»— «Бурятская улусная родовая община» [3]), «Сельская осѣдло-инородческая и и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ» [4]) и «Физическое развитіе верхоленскаго населенія» [5]) явились плодомъ экспедиціи въ Ленскій край. Кромѣ того, Щаповъ принималъ дѣятельное участіе въ правленіи Сибирскаго Отдѣла: онъ былъ членомъ Ревизіонной Комиссіи, потомъ въ 70-хъ годахъ членомъ Распорядительнаго Комитета. Ему принадлежитъ цѣликомъ и одинъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ [6]). Въ петербургскихъ журналахъ были напечатаны: «Общій взглядъ на исторію интеллектуальнаго развитія въ Россіи» [7]), «Историческія условія интеллектуальнаго развитія въ Россіи» [8]), «Умственныя направленія русскаго раскола» [9]), «Естественно-психологическія условія умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа» [10]), «Первобытное міросозерцаніе» [11]), «О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества» [12]). Отдѣльнымъ изданіемъ была выпущена книга «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа» [13]), вызвавшая большой шумъ въ обществѣ и цѣлый рядъ рецензій, но мы о характерѣ и значеніи трудовъ Щапова будемъ говорить дальше.

Болѣзнь Ольги Ивановны тяжело отразилась на положеніи Щаповыхъ. Ольга Ивановна заболѣла въ 1872 г., лечилъ ее докторъ Гловачев-

---

[1]) „Очеркъ 25-ти-лѣтней дѣятельности Сиб. Отд“, 1876 г., стр. 11—12.

[2]) „Извѣстія СПб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, т. III, № 3, стр. 142; № 4, стр. 185; № 5, стр. 243.

[3]) Ibid., 1874 г., т. V, № 1, стр. 128. [4]) Ibid., 1875 г., т VI № 3, стр. 97; № 5—6, стр. 189. [5]) Ibid,. 1876 г., т. VII, № 2—3, стр. 37. [6]) „Очеркъ 25-ти-лѣтней дѣят.“, стр. 11—12. [7]) „Дѣло“, 1867 г., №№ 2 и 3. [8]) Ibid., 1862 г., №№ 1, 3, 4, 7—9. [9]) Ibid., 1868 г., №№ 10—12. [10]) „Отеч. Записки“, 1870 г., №№ 3, 4 и 12. [11]) „Дѣло“, 1871 г., №№ 8—9.

[12]) „Отеч. Зап.“, 1872 г., № 10. [13]) Изданіе Полякова. СПб., 1870 г.

скій, но, кажется, не понялъ характера болѣзни. В. Вагинъ пишетъ, что она выкинула на 5-мъ мѣсяцѣ, а сибирскіе «велемудрые эскулапы почему-то никакъ не могли себѣ представить, что у Щаповыхъ могутъ быть дѣти и что Ольга Ивановна беременна» [1]). Самъ Щаповъ говоритъ, что она была больна тифомъ. Какъ бы то ни было, но болѣзнь подорвала окончательно организмъ Ольги Ивановны. Она должна была отказаться отъ уроковъ въ гимназіи и такимъ образомъ исчезъ и этотъ ресурсъ въ добываніи средствъ для существованія. Нищета открыла дверь и властно вошла въ бѣдное жилище Щаповыхъ. Въ довершеніе несчастья и Афанасій Прокофьевичъ заболѣлъ. Въ крайности пришлось обратиться за помощью; 18-го сентября, 1873 г. «Общество пособія литераторамъ» постановило выдать ему пособіе въ 300 руб. [2]). Какъ только Ольга Ивановна оправилась, Щаповы переѣхали на дачу. Нанимали дачу они обыкновенно дешевую въ Глазковой или Ремесленной слободѣ [3]).

Хотя на дачѣ Ольга Ивановна нѣсколько и поправилась, но организмъ былъ настолько подорванъ, что нужно было радикальное лѣченіе,—надо было ѣхать въ Петербургъ [4]). Но о поѣздкѣ нельзя было и мечтать, такъ какъ не на что было жить и въ Иркутскѣ. Щаповымъ все чаще приходилось обращаться къ знакомымъ и «занимать то пять, то десять рублей; деньги эти возвращались при первой возможности». Характерный случай въ этомъ отношеніи разсказывалъ пишущему эти строки г. З-нъ: «Однажды Афанасій Прокофьевичъ прислалъ письмо съ просьбой одолжить 10 или около того рублей; я послалъ. Вслѣдъ за этимъ мнѣ принесли свертокъ съ запиской. Въ сверткѣ были серебряныя ложки... а въ запискѣ Афанасій Прокофьевичъ просилъ оставить въ залогъ серебро. Я, конечно, отослалъ обратно». Такъ щепетиленъ былъ Щаповъ въ денежныхъ дѣлахъ.

Нищета отняла послѣднее удовольствіе Щаповыхъ.

...«Въ началѣ осени (1873 г.) она (т. е. Ольга Ивановна), пишетъ Щаповъ, неоднократно повторяла это свое желаніе (возобновленіе читальныхъ вечеровъ), которому я вполнѣ сочувствовалъ. Но независящія отъ насъ обстоятельства, частью отсутствіе научно-развитыхъ людей..., а частью, наконецъ, и наша экономическая несостоятельность издерживать лишнее количество чаю и сахару, завести лишніе чайныя чашки и стаканы, припасти достаточно свѣчей,—вотъ всѣ эти обстоятельства пріостанавливали исполненіе мысли и желанія Ольги Ивановны, хотя мы и потомъ все надѣялись еще осуществить ихъ» [5]). Но не суждено было. Знакомые уѣзжали одинъ за другимъ. «Только мы, Оленька и я, съ вѣчной тоской, скорбью и горемъ, безвыѣздно, безвыходно оставались чахнуть въ иркутскихъ безжизненныхъ жилищахъ, постоянно воздыхая и

1) В. Вагинъ. Ibid., стр. 72.
2) Аристовъ. Ibid., стр. 120.
3) В. Вагинъ. Ibid., стр. 68.
4) Сочиненія А. П. Щапова, т. II, стр. 21.
5) Ibid., стр. 19.

печалясь о томъ, какъ бы и чѣмъ бы въ срокъ заплатить за квартиру, какъ бы и чѣмъ бы купить мѣшокъ или пудикъ муки для успокоенія стряпки, какъ бы замѣнить новымъ до дыръ, а иногда и до износу заношенное, ветхое бѣлье, какъ бы избавиться поскорѣе отъ сокрушительной, убійственной тяготы долговъ... о, горе двухъ душъ, горе удвоенное, ассоціированное!» [1]) Это горе скоро стало еще болѣе тяжкимъ, такъ какъ стало одинокимъ. Ольга Ивановна таяла не по днямъ, а по часамъ. Она не въ силахъ была двигаться, не могла читать и почти ничего не ѣла: «она часто, нѣсколько дней сподрядъ, только утромъ выпивала маленькую чашечку чаю съ крошечнымъ сухарикомъ, или только въ часовъ 11—12 съѣдала маленькую котлетку, либо одно яйцо всмятку». Въ февралѣ 1874 г. ей стало совсѣмъ плохо, и послѣ 35-дневныхъ тяжкихъ страданій она умерла въ ночь съ 12 на 13 марта. Смерть жены была ударомъ для Щапова, котораго онъ перенести не могъ... «Не стало и моей святой, гуманнѣйшей, честнѣйшей, справедливѣйшей, многострадальной Оленьки»; одно утѣшеніе было для него— ея слова, сказанныя незадолго до смерти: «ты одинъ ближе, роднѣе всѣхъ для меня» [2]). Дѣйствительно, Ольга Ивановна была рѣдкимъ человѣкомъ. Глубокая, искренняя, самоотверженная, она отличалась удивительно чуткой душой и сразу подмѣчала всякую фальшь, всякую половинчатость. Ея отзывы, напр., о «Вѣстн. Европы» или о г. А. С. Суворинѣ поражаютъ своей проницательностью. «Вѣстн. Европы», во многихъ отношеніяхъ уважаемый ею журналъ, не нравился однако жъ ей «своимъ образованно-чиновничьимъ, либерально-консервативнымъ, филистерски-профессорскимъ направленіемъ»... [3]). А г. Суворина, въ то время еще либерала, котораго Лавровъ хотѣлъ, было, привлечь къ революціонной дѣятельности, Ольга Ивановна сразу раскусила. «Читала она и «Еженедѣльные Очерки» Суворина, но не симпатизировала и имъ, тоже называла его (какъ и г. Z. изъ «С.-Петерб. Вѣд.») подловатымъ, даже часто прямо п-цомъ» [4]). Н. Я. Аристовъ, который лично зналъ Ольгу Ивановну, такъ отзывается о ней: «Ангеломъ хранителемъ (Щапова) была его жена, о которой знакомые отзываются не только съ уваженіемъ, но съ благоговѣніемъ, какъ о святой женщинѣ; она самостоятельно взяла на себя тяжелый крестъ и несла его до конца жизни, сокрушая свои молодыя силы въ глухой борьбѣ; она ободряла и поддерживала Афанасія Прокофьевича въ его горькой нищетѣ и злосчастіи. Если ему, воспитанному въ суровой бѣднотѣ, жизнь иркутская казалась страшно тяжелой, то каково же было выносить эту каторгу Ольгѣ Ивановнѣ, съ дѣтства привыкшей къ роскошной жизни!» [5]). Лучшей характеристикой Ольги Ивановны будетъ замѣченіе, вырвавшееся у простой сибирской бабы-сидѣлки, ухаживавшей за нею во время болѣзни: «ахъ, какая она,

[1]) Ibid., стр. 22, примѣч.
[2]) Ibid., стр. 21.
[3]) Ibid., стр. 26.
[4]) Сочиненія А. П. Щапова, т. II, стр. 28.
[5]) Н. Аристовъ. Ibid., стр. 121.

Ольга Ивановна, *правельница*-то. какая *правельница*-то была: я такихъ еще и не видывала!» [1]).

Со смертью жены у Щапова порвалась связь съ жизнью: «онъ сталъ чаще и чаще предаваться запою. умственныя способности его слабѣли, научныя задачи измельчали» [2]).

Во время болѣзни Ольги Ивановны, онъ помѣстилъ еще нѣсколько статей въ петербургскихъ журналахъ: «Развитіе человѣческой способности питанія» [3]), «Положеніе женщины въ Россіи въ допетровское время» [4]), «Міросозерцаніе, мысль, трудъ и женщина въ исторіи русскаго общества» [5]); въ «Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла» была напечатана пародоксальная, но интересная статья о сибирскомъ обществѣ — «Сибирское общество до Сперанскаго» [6]), небольшая статья — «Историко-географическія замѣтки о Сибири» [7]), но затѣмъ уже съ 1875 года въ столичныхъ журналахъ не появляется ничего, а въ «Извѣстіяхъ» печатаются отрывки изъ старой работы по изслѣдованію Ленскаго края, о которыхъ было сказано выше [8]). Характерно въ этомъ отношеніи сотрудничество Щапова въ газетѣ «Сибирь», которая стала выходить съ 1873 года. Щаповъ относился скептически къ возможности, при тамошнихъ условіяхъ, издавать газету, но обѣщалъ свое сотрудничество: онъ помѣстилъ всего пять статей, посвященныхъ, кромѣ некролога Н. С. Балкъ, основнымъ сибирскимъ вопросамъ — университетскому, рабочему и инородческому. Отъ другихъ статей пришлось В. Вагину, бывшему редакторомъ газеты съ 1875 по 1877 г., отказаться: такъ слабы были онѣ по содержанію и такимъ убійственнымъ языкомъ были написаны. «Если такое скромное и по необходимости не слишкомъ требовательное изданіе, какъ «Сибирь», замѣчаетъ по этому поводу В. Вагинъ, должно было отказываться отъ помѣщенія статей Щапова, то, понятно, что одинъ изъ лучшихъ журналовъ, «Отечественныя Записки», въ послѣднее время также должны были отказаться отъ печатанія ихъ» [9]).

Такъ угасъ крупный талантъ, который при другихъ условіяхъ могъ бы оставитъ глубокій слѣдъ въ развитіи русской мысли.

Съ прекращеніемъ литературнаго заработка Щапова ожидала голодная смерть, такъ какъ съ 1872 г. онъ жилъ съ женою исключительно тѣмъ, что зарабатывалъ перомъ, да помощью изъ «Общества пособія литераторамъ». Но комитетъ Общества выдалъ Щапову еще разъ, а именно 21 октября 1874 г., 300 руб., а затѣмъ, въ виду нападокъ ревизіонной комиссіи, прекратилъ выдачу, хотя сначала постановилъ оставить за Щаповымъ право на полученіе ежегодно 300 руб., пока не поправится его здоровье. Послѣ этого Афанасію Прокофьевичу оставалось жить впроголодь, на случайныя подачки со стороны частныхъ лицъ и на деньги, которыя ему удавалось

[1]) „Сочиненія А. П. Щапова", т. II, стр. 29.

[2]) В. Вагинъ, „Сибирск. Сборн." за 1889 г., стр. 72.

[3]) „Отечеств. Записки", 1873 г., № 1. [4]) „Дѣло", 1873, № 4. [5]) „Отеч. Зап.", 1783 г., №№ 2, 3, 7; 1874 г. №№ 5 и 6. [6]) „Извѣстія Сибирск. Географ. Общ." 1873 г., т. IV, № 4, 5. [7]) Ibid., 1873 г., № 2.

[8]) См. стр. XCI.

[9]) В. Вагинъ. „Сибирск. Сборн". за 1889 г., стр. 71.

получать въ долгъ. Судьба не допустила. чтобы русскій историкъ умеръ подъ заборомъ... Къ нему пришли на помощь генералъ Маныкинъ-Невструевъ и нѣкоторые штабные офицеры, оказывая ему матеріальную и нравственную поддержку. Такъ, въ апрѣлѣ 1875 г. былъ устроенъ литературный вечеръ, на которомъ, съ разрѣшенія Маныкина-Невструева, бывшаго тогда губернаторомъ, читалъ Афанасій Прокофьевичъ. Вѣроятно про это чтеніе разсказываетъ Аристовъ въ своей книгѣ: «...иногда приглашали его передовые иркутскіе люди на литературные вечера (вечеръ?), какъ представителя либеральныхъ убѣжденій. одѣвали его въ сборное платье, привозили на вечеръ, ставили на столъ четыре свѣчки, чтобы онъ могъ разобрать написанное. Но чтеніе было такого характера, что едва возможно было разобрать его, хотя присутствующіе были весьма довольны и долго волновались, такъ какъ *оно пропитано было сибирскимъ вкусомъ*». Но эта поддержка была слишкомъ недостаточна, тѣмъ болѣе, что здоровье Щапова совсѣмъ расшаталось: «въ послѣднее время онъ едва таскалъ ноги, охромѣлъ, ходилъ тихо. пошатываясь, точно старикъ; зрѣніе его до того притупились, что онъ едва могъ читать свою крупную и размашистую рукопись». У него началась чахотка, которая быстро развивалась вслѣдствіе плохого питанія, негигіеничнаго жилища и вслѣдствіе частыхъ запоевъ.

Самымъ близкимъ человѣкомъ къ нему въ послѣдніе годы былъ его бывшій ученикъ по казанской академіи, чиновникъ контрольной палаты К. В. Лавровъ, котораго несправедливо и незаслуженно оскорбляла петербургская и сибирская пресса, обвиняя чуть ли не въ ростовщичествѣ и нагломъ грабежѣ. Въ дѣйствительности, Лавровъ виновенъ въ томъ, что когда всѣ или бросили Афанасія Прокофьевича на произволъ судьбы, или ограничивались *нѣкоторою* матеріальною или нравственною поддержкою, онъ, хотя самъ былъ небогатый человѣкъ, далъ Щапову, правда въ разное время и въ долгъ 825 руб. Такимъ образомъ, Лавровъ, можетъ быть, не разъ спасъ Щапова отъ голодной смерти. А что она угрожала ему, видно, хотя бы изъ письма Л. Ф. Пантелѣева въ редакцію «Восточн. Обозрѣніе», гдѣ онъ говоритъ, что въ концѣ 1875 года Щаповъ телеграфировалъ въ Петербургъ: «Щаповъ боленъ, *голодуетъ* и не имѣетъ средствъ лѣчиться»; приблизительно въ это же время (4 января 1876 г.) онъ писалъ въ Иркутскъ *не* сибиряку: «Глубокоуважаемый N. N. (Логгинъ Федоровичъ?)! Изъ Вашихъ дѣйствій относительно меня и изъ послѣдняго Вашего письма съ 150 руб. я вывожу то глубокое убѣжденіе, что Вы такой высокогуманный, добрый человѣкъ, что, будучи сами больны, недвижимы съ мѣста, только и думаете, какъ бы помочь, сдѣлать доброе дѣло такому человѣку, который кажется Вамъ заслуживающимъ помощи. Въ Сибири, странѣ холоднаго эгоизма, такой соціально-гуманный альтруизмъ—рѣдкость. Хотя только нѣсколько поправлюсь здоровьемъ, сочту святымъ долгомъ лично увидѣть васъ». Въ такія тяжелыя минуты Щаповъ обращался къ К. Лаврову, и тотъ по мѣрѣ возможности давалъ ему въ долгъ. При этомъ Щаповъ, какъ на залогъ, указывалъ на право изданія своихъ сочиненій. Г-нъ З-нъ разсказывалъ мнѣ, что Щаповъ часто повторялъ своимъ кредиторамъ: «я вамъ не плачу, но умру и долги будутъ заплачены изъ суммы,

вырученной за продажу собранія сочиненій». Въ его сундукѣ, говорилъ г. З-нъ, лежалъ листъ бумаги съ перечнемъ долговъ и завѣщаніе, обращеное къ Сиб. Отдѣлу Географ. Общ. и вообще къ добрымъ людямъ, въ которомъ онъ проситъ заплатить долги послѣ продажи права изданія его сочиненій; по слухамъ, находился издатель, кажется, Н. Поляковъ, предлагавшій 10.000 руб. Поэтому Лавровъ счелъ себя въ правѣ, согласно завѣщанію А. П., удержать за собой право на изданіе сочиненій Щапова до уплаты долга. При жизни Щапова онъ помогалъ ему, не требуя уплаты; послѣ смерти онъ хотѣлъ получить свои деньги обратно, тѣмъ болѣе, что онъ никого не обездоливалъ и ничему не вредилъ; дѣтей у Щаповыхъ не было, а издатель сочиненій Щапова, если бы таковой тогда нашелся, не остановился бы, навѣрное, передъ уплатой Лаврову 825 руб. Умеръ Афанасій Прокофьевичъ 27 февраля 1876 г. отъ чахотки. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ пересталъ пить; въ немъ пробудилась энергія, жажда литературной дѣятельности; онъ обдумывалъ статью для «Сибири» и, какъ настоящій литературный работникъ, умеръ надъ ней. До послѣдней минуты онъ не понималъ своего безнадежнаго состоянія и вѣрилъ въ побѣду надъ болѣзнью.

Администрація запретила напечатать въ газетѣ «Сибирь» сообщеніе объ его смерти, и иркутяне узнали о ней уже послѣ того, какъ его тѣло предали землѣ. По этой ли причинѣ, или потому, что сибиряки не умѣли цѣнить даровитыхъ сыновъ своихъ, на что съ горечью указываетъ въ послѣднихъ работахъ Афанасій Прокофьевичъ, но за гробомъ шло всего нѣсколько человѣкъ: депутатъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, А. Ѳ. Усольцевъ, Вагины, Крыжановскій да еще 5—6 человѣкъ. Впрочемъ, торжественныя похороны были бы только насмѣшкой надъ Щаповымъ. Никто не догадался сообщить о смерти А. П. въ Петербургъ, и тамъ узнали объ этомъ спустя долгое время, случайно, изъ частнаго письма. Похороненъ Щаповъ на кладбищѣ Знаменскаго предмѣстья. На его могилѣ стоитъ памятникъ, сооруженный по подпискѣ. Всѣ усилія назвать его именемъ школу, или поставить въ ней хоть портретъ Щапова оставались тщетными: администрація не давала разрѣшенія.

IX

Причина перелома въ міросозерцаніи Щапова. Отношеніе его къ современнымъ историко-соціологическимъ теоріямъ. Щаповская теорія. Примѣненіе ея къ русской жизни. Женскій и рабочій вопросы. Незаконченность и неясность теоріи Щапова. Работы по изслѣдованію Верхоленскаго края и по общей исторіи Сибири. Отрицательное отношеніе къ Сибирскому обществу и причина этого. Личность Щапова.

Историческая теорія Щапова, созданная имъ во 2-мъ періодѣ его научно-литературной дѣятельности, стоитъ внѣ всякой связи съ предыдущими и послѣдующими теченіями въ нашей исторіографіи. Возникла она, для насъ несомнѣнно, подъ непосредственнымъ вліяніемъ «писаревщины» и носитъ на себѣ яркій отпечатокъ этого направленія. Переломъ въ міро-

созерцаніи Щапова начался еще въ 1863 г., какъ было уже указано раньше но только 1-го января 1864 г. онъ произнесъ отходную старымъ своимъ взглядамъ въ статьѣ «Естествознаніе и народная экономія» [1]), напечатанной въ «Русскомъ Словѣ» и посвященной Д. И. Писареву и всѣмъ сотрудникамъ этого журнала. Въ этомъ посвященіи, довольно оригинальномъ, нельзя не усмотрѣть какъ бы просьбы принять новаго адепта въ свое лоно. Статья эта—исповѣдь въ старыхъ прегрѣшеніяхъ и заявленіе своего новаго credo.

Что же побудило Щапова рѣшиться на новую мучительную ломку своего міровоззрѣнія?

«Кто не испыталъ, тотъ не можетъ себѣ представить, чего стоитъ быть писателемъ въ провинціальной глуши, . . . гдѣ ничто не шевелитъ человѣческой мысли и не возбуждаетъ ее къ дѣятельности... А между тѣмъ, куда бы ни взглянулъ мыслящій человѣкъ,... вездѣ почувствуетъ вопіющую необходимость... разнообразныхъ и глубокихъ естественно-научныхъ знаній. А ихъ то и нѣтъ. . . вездѣ увидитъ и почувствуетъ онъ крайнюю, безотлагательную необходимость естественно-научнаго міросозерцанія и примѣненія ея къ соціально-экономической дѣятельности. А ея-то и нѣтъ. Вездѣ печальная и страшная апатія мысли и торжество грубыхъ силъ природы надъ умомъ человѣка» [2]).

А между тѣмъ литература живетъ богатою жизнью: одни идеалы смѣняются другими, выдвигаются новыя направленія. Но все это для провинціи проходитъ «неуловимымъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ». «Идеалы» полезны для культурнаго меньшинства, но не надо забывать ради него темныхъ массъ народа. А для нихъ нужны не идеалы, не теоретическій путь: «экономическій утилитаризмъ есть лучшій путь, чтобы... ввести рабочія массы въ естественно-научную область реализма». «Для рабочихъ массъ лучшими проводниками и училищами реальныхъ идей и знаній скорѣе могутъ быть»: раціонально устроенныя фабрики, разнообразныя правильно поставленныя экономическія ассоціаціи. «Работы этой хватитъ на нѣсколько вѣковъ». Надо даже отказаться отъ роскоши образованія, а обратиться прямо къ изученію природы и разработкѣ экономическаго быта. «Вотъ почему популяризировать науку для насъ очень важно», а то наши идеалы висятъ въ воздухѣ, внѣ рабочихъ массъ, и мы занимаемся «бултыхо-болтательнымъ либерализмомъ», «на фразахъ творимъ чудеса, а на самомъ дѣлѣ ничего путнаго не дѣлаемъ» [3]).

Теперь ясно, что новое credo Щапова явилось слѣдствіемъ крушенія надежды на возможность осуществленія своихъ идеаловъ: оно было вызвано правительственной реакціей, которая открыла глаза Щапову и заставила его глубже вникнуть въ ходъ историческаго процесса, заставила его искать новые пути и новыя силы для своихъ цѣлей, если онъ хотѣлъ счастья всему народу, а не благоденствія немногихъ, а для этого

---

[1]) „Сочиненія А. П. Щаповъ", т. II, стр. 154—172.
[2]) Ibid., стр. 154.
[3]) Ibid., стр. 157.

необходимо было просвѣтить широкія массы народа, чтобы можно было въ нихъ найти почву для будущаго политическаго и соціальнаго строя. Всѣ прежнія теоріи Щапова не удовлетворяютъ: онъ отрицательно относится къ историко-юридической школѣ (Кавелину, Калачеву, Бѣляеву, Лешкову, Чебышеву-Дмитріеву, Муллову и т. д., особенно къ Чичерину); онъ открещивается отъ своихъ прежнихъ взглядовъ: «До изданія очерковъ, говоритъ онъ, земство и земское саморазвитіе было моей idée fixe... Вѣря въ иниціативу, самодѣятельность земства, земскихъ, народныхъ, соціальныхъ силъ,—я вѣрилъ не только въ земскія собранія, въ земскіе банки и т. п., но и въ земскія реальныя училища, земскія реальныя гимназіи... ит. д.... Со времени изданія «Очерковъ»... я сталъ думать... о взаимодѣйствіи и взаимоотношеніи силъ и законовъ внѣшней, физической природы и силъ и законовъ природы человѣческой, о законахъ этого взаимодѣйствія.... о проявленіяхъ ихъ въ исторіи, о значеніи ихъ въ будущемъ соціальномъ строѣ и развитіи народовъ» [1]). Неудовлетворяла его и теорія «экономическая», «лучшимъ выразителемъ которой былъ переводчикъ и критикъ политической экономіи Милля», хотя она вѣрнѣе остальныхъ и «сразу подорвала десятки теорій юридическихъ, органическихъ, почвенныхъ, славянофильскихъ, классическихъ и т. д.», хотя «она сразу потребовала радикальнаго возрожденія рабочихъ классовъ и основала свою теорію на физіологическихъ законахъ общества» [2]). Тѣмъ не менѣе «экономическая теорія сама по себѣ еще не можетъ разрѣшить вопроса жизни и развитія человѣческихъ обществъ. Она только раскрываетъ ложь, ненормальность современнаго экономическаго строя обществъ... Главный недостатокъ этой теоріи... заключается въ томъ, что она сама не имѣетъ прочныхъ или достаточныхъ естественно-научныхъ основаній... (А) знаніе природы есть первый, главный, существеннѣйшій экономическій факторъ и могучая сила, которой одной предстоитъ преобразовать соціально-экономическій міръ. Бѣдность и богатство суть историческія аномаліи умственнаго отношенія людей къ экономіи природы, патологическія явленія интеллектуально-экономическаго развитія человѣчества, обусловленнаго прежнимъ изначальнымъ безсиліемъ человѣческаго разума въ области экономіи... Бѣдность во всѣхъ отношеніяхъ является историческимъ результатомъ незнанія экономіи природы». Богатство—результатъ насилія, которое явилось вслѣдствіе того, что носильщики не знали честныхъ и мирныхъ, естественно-научныхъ способовъ обогащенія [3]). «Незнаніе природы вездѣ и всегда создавало только рабовъ—рабовъ самой природы и рабовъ всякой человѣческой силы... —силы политической, военной, экономической, буржуазной, религіозной и т. п.» [4]).

Для познанія природы необходимо пробужденіе нашего сознанія, которымъ природа надѣлила индивидуумовъ въ формѣ нервной силы. Про-

---

[1]) Ibid., стр. 158.
[2]) Ibid., стр. 159—160.
[3]) Ibid., стр. 163—164.
[4]) Ibid., стр. 170.

грессъ есть борьба нервной силы, борьба сознанія и человѣческаго чувства съ безчувственнымъ, желѣзнымъ деспотизмомъ физической природы и съ деспотизмомъ историко-традиціоннаго рока, созданнаго животнымъ инстинктомъ первобытнаго человѣка. Въ этой борьбѣ громадную роль играетъ личность съ высоко-развитой нервной силой. Ея сознаніе (мысли, чувства, желанія, идеалы)— искорка общечеловѣческаго сознанія, нетлѣнно, вѣчно передаваемо. Всѣ эти сознанія въ видѣ ли маленькихъ зеренъ, оставленныхъ маленькими людьми или болѣе крупныхъ зеренъ общечеловѣчески возбудительныхъ идеаловъ великихъ вождей и учителей человѣчества, какими были Христосъ, Руссо, Сенъ-Симонъ, Фурье, Оуэнъ, Контъ, Лассаль, Прудонъ, Марксъ, Милль, Мадзини и весь сонмъ имъ подобныхъ, войдутъ въ составъ одного общаго всемірно-историческаго зерна, свѣточа антропологосоціальнаго развитія и сознанія. Изъ этого зерна выростетъ новое человѣчество, которое создастъ, путемъ постояннаго подбора, будущую великую, всемірную, общечеловѣческую федерацію истинно антропологическихъ, братскихъ, человѣческихъ обществъ или ассоціацій, вполнѣ соотвѣтствующихъ высокому достоинству, высшимъ гуманно-соціальнымъ инстинктамъ, физико-психическимъ потребностямъ человѣческой природы, гдѣ трудъ умственный будетъ связанъ съ трудомъ «реальнымъ, практическимъ», такъ какъ антрополого-соціологическій законъ требуетъ неразрывной связи и соединенія труда умственнаго и мускульнаго.

«Я твердо, глубоко вѣрю въ это, когда мнѣ дано природой чувство, дано сознаніе: меня заставляетъ такъ вѣрить природа, исторія человѣческаго страданія и это профетическое, научное, антрополого-соціологическое сознаніе передового человѣческаго разума,—то сознаніе, которое въ формѣ нервной силы человѣческой природы, начинаетъ чувствовать и заявляетъ себя новой, одной изъ величайшихъ, одной изъ самыхъ могучихъ силъ природы» [1]).

Для достиженія этого идеала необходима трудная непрерывная работа личности надъ собой, путемъ развитія въ себѣ постояннымъ умственнымъ трудомъ, активной самодѣятельности и разсудочности съ цѣлью достичь умственнаго и нравственнаго совершенства и соотвѣтственно преобразовать свой мозговой аппаратъ.

Понятно теперь, почему Щаповъ придавалъ такое большое значеніе педагогическимъ вопросамъ и посвятилъ такъ много своихъ статей выясненію того, какъ шло умственное развитіе всего русскаго народа, въ чемъ заключались неправильности его хода, на что надо обратить серіозное вниманіе; понятно, почему онъ много писалъ о положеніи женщины вообще и въ Россіи въ частности, привѣтствовалъ всякій, даже незначительный пробleскъ ея раскрѣпощенія. Понятно, почему онъ интересовался рабочимъ вопросомъ, хотя совершенно неправильно переносилъ его рѣшеніе въ область этики («рабочій вопросъ есть вопросъ нравственнаго успокоенія передовыхъ людей»). Вѣдь правильное воспитаніе поколѣній соотвѣтствовало антропо-соціологическимъ его взглядамъ, вѣдь рѣшеніе жен-

[1]) „Сочиненія А. П. Щапова“ т. II, стр. 10—12 „Ольга Ивановна Щапова“.

скаго, рабочаго и «соціально-гигіеническаго» вопросовъ были необходимы для осуществленія его идеала жизни. «Вѣдь въ силу физіолого-психологическаго закона соотносительнаго развитія высшихъ нервно-мозговыхъ клѣточекъ и высшихъ человѣческихъ чувствъ, они, эти интеллигентно-филантропическія передовыя генераціи, иначе и сами до тѣхъ поръ не найдутъ въ своемъ высоко-развитомъ умѣ и чувствѣ полной сладостной психической гармоніи... пока не подадутъ братскую руку помощи этой отсталой, обскурантической братіи своей... возрождать и поднимать ихъ, силою физико-антропологическаго воспитанія, на степень высшаго интеллектуальнаго типа... » [1]).

Свою теорію Щаповъ назвалъ соціально-антропологической.

Повторяю—она возникла подъ вліяніемъ «Русскаго Слова» и явилась развитіемъ основныхъ положеній «писаревщины».

Вся исторія Россіи свелась теперь для Щапова, къ исторіи препятствій «умственному развитію» общества на «научно-раціональной основѣ», понимая подъ послѣдней изученіе естественныхъ наукъ. Характернымъ явленіемъ, проходящимъ черезъ всю исторію русскаго народа, было преобладаніе практической работы надъ теоретической мыслью, внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ, рабочаго народа надъ мыслящимъ классомъ, вслѣдствіе чего появилась слабость теоретическаго мышленія въ народѣ. Указанная черта проходитъ цѣликомъ черезъ весь древній періодъ русской исторіи и своимъ длительнымъ вліяніемъ на народное сознаніе дѣйствовала крайне невыгодно на умственное развитіе націи и въ эпоху послѣ-петровскую, когда замѣчается и наростаніе новаго «европейскаго интеллектуальнаго типа», подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, изученія естествознанія.

Процессъ умственнаго развитія русскаго народа рисовался Щапову слѣдующимъ образомъ [2]).

«Племена, вошедшія въ составъ русскаго народа, общества и государства... стояли еще на самой низкой, примитивной степени своего интеллектуальнаго развитія» [3]); среди нихъ было полное господство фетишизма и грубѣйшихъ миѳологическихъ формъ. Вслѣдствіе этого русское племя «необходимо должно было подчиниться, во-первыхъ, интеллектуальному вліянію и господству... варяжскихъ князей и дружинниковъ... во-вторыхъ, интеллектуальному перевѣсу византійской церковно-учительной іерархіи, сильной и вліятельной... догматикой Златоустовъ, Григоріевъ Назіанзиновъ, Іоанновъ Дамаскиновъ и пр.» [4]). Варяжскій княжескій родъ, «обрусѣвши и вѣнчавшись византійской мономаховой діадемой, мало-по-малу возвысился въ наслѣдственный родъ или домъ самодержцевъ всероссійскихъ и сталъ главнымъ регуляторомъ всей умственной жизни

---

[1]) „Сочиненія А. П. Щапова" т. III, стр. 429. „Физическое и антропологическое міросозерцаніе и соціальное развитіе русскаго общества".

[2]) „Сочиненія А. П. Щапова", т. III, стр. 120—390. „Соціально-педогогическія условія умственнаго развитія русскаго народа".

[3]) Ibid., стр. 125—126.

[4]) Ibid., стр. 127.

скаго народа и общества» [1]). Причиной появленія этихъ двухъ клас-
ъ — византійскаго и варяжскаго — было положеніе русской земли на
и «изъ варягъ въ греки».

Эти два класса дѣйствовали солидарно. Весь характеръ образованія
вней Русси опредѣлился византійскими преданіями, слѣдствіемъ чего
ю: 1) совершенное преобладаніе восточно-византійскаго теологическаго
ала подъ классико-космологическимъ, и 2) совершенное преобла-
іе вѣры и нравственнаго начала надъ разумомъ и мыслью. «Такимъ
азомъ классицизмъ не былъ историческимъ началомъ интеллектуаль-
о развитія въ Россіи, какимъ былъ на Западѣ. Онъ не былъ у насъ.
ъ на Западѣ, предварительнымъ горниломъ испытанія мыслительности» [2]).
намъ шло одно только церковное и вѣроучительное: знаній фило-
скихъ и космологическихъ мы не получили, несмотря на связь съ
антіей. Вотъ почему Россія осталась чужда эпохѣ гуманизма, которая
извела громадный переворотъ въ движеніи европейской мысли и
ка осталась совершенно непонятной старой Россіи: она казалась без-
іемъ или, даже больше, прямымъ внушеніемъ діавола. «Преобладаніе
лигіозно-нравственнаго начала надъ интеллектуальнымъ, нрав-
венности надъ разумомъ... отозвалось и въ умственной жизни новой
сіи» [3]). Сколько ни старался Петръ В. переломить умственную спячку.
его усилія не увѣнчались въ сущности успѣхомъ; главной причиной
го была схоластика, проводникомъ которой служилъ церковно-учитель-
й классъ. Это отсутствіе самостоятельнаго мышленія, подчиненіе цер-
вно-учительному классу и отсутствіе въ народѣ свободно мыслящаго
щества повели къ полному подчиненію народа государственной опекѣ,
ъ въ хозяйственномъ быту, такъ и въ умственной жизни. «Самъ всецѣло
ятый вѣковой, страдной борьбой за существованіе среди доставшейся
на долю суровой скверной природы... народъ русскій... не имѣлъ
таточно досуга думать, и потому всякія умственныя дѣла... невольно
женъ былъ устранить отъ себя на много вѣковъ, и уступить... прави-
ьственной, царскойдумѣ» [4]). Въ развитіи этой опеки съ Петра Великаго
поъ видитъ два основныхъ періода: съ 1700 по 1815 г. реальный,
твѣтствовавшій умственному складу и потребностямъ народа; съ 1815 по
0 г. полицейскій, приведшій въ 30-хъ годахъ къ созданію извѣстной
пени народнаго образованія «въ соединенномъ духѣ православія, само-
жавія и народности» [5]). Система государственной опеки, принесшая на
рвыхъ порахъ значительную пользу, въ дальнѣйшемъ привела къ пол-
йшему уничтоженію общественной самодѣятельности.

«Главныя причины этого грустнаго факта заключались... 1) въ томъ,
о правительственная народообразовательная система опеки имѣла суще-
венной своей задачей не свободное развитіе русской мысли, а согласное

[1]) Ibid., стр. 131.
[2]) Ibid., стр. 138.
[3]) „Сочиненія А. П. Щапова", Ibid., стр. 144.
[4]) Ibid., стр. 160.
[5]) Ibid., стр. 163—165.

съ видами и намѣреніями правительства направленіе и регулированіе ея»... и 2) въ непостоянствѣ системы опеки, вредной для «непрерывнаго исторически-послѣдовательнаго развитія русской мысли» [1]. Наконецъ, на развитіе умственной жизни русскаго народа губительное дѣйствіе оказали крѣпостное право и ограниченіе доступа къ образованію податнымъ классамъ.

Главными слѣдствіями этихъ общественно-педагогическихъ условій умственнаго развитія русскаго народа были и есть: 1) господство низшихъ познавательныхъ способностей и отсутствіе склонности и способности къ отвлеченному мышленію; 2) сенсуально-галлюцинаціонное міросозерцаніе; 3) господство метода дедуктивнаго вмѣсто положительнаго индуктивнаго, преобладаніе знаній филологическихъ, юридическихъ надъ научнымъ естествознаніемъ, вслѣдствіе чего вмѣсто развитія истинной реальной научной мысли развились память, воображеніе и поверхностная наблюдательность, наконецъ въ 4) отсутствіе скепсиса и научнаго критицизма [2].

Спасеніе Россіи заключается въ «реформѣ соціальнаго положенія и устройства народнаго труда и въ реформѣ народнаго міросозерцанія посредствомъ всеобщаго, всенароднаго естественно-научнаго ученія и воспитанія всѣхъ молодыхъ рабочихъ поколѣній», а также въ раскрѣпощеніи женщины, потому что «исторія недаромъ сдѣлала синхронистическими вопросъ труда рабочаго и вопросъ труда женскаго; недаромъ отложила ихъ рѣшеніе до одного срока» [3], а безъ ихъ рѣшенія прогрессъ немыслимъ.

„Если, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, подтвердятся выводы современной анатоміи или краніологіи относительно степени развитія мозга женщины, то они поведутъ насъ къ прискорбнымъ мыслямъ... Какъ темныя массы рабочаго народа... стали отставать отъ высшихъ образованныхъ классовъ, — такъ и женщина, — вслѣдствіе.... исключительно.... полового развитія и вслѣдствіе отчужденія отъ всѣхъ сферъ высшей нервной дѣятельности соціальной области умственнаго и физическаго труда,— неизбѣжно отставала и отстаетъ отъ мужчины въ нервно-мозговомъ развитіи“ [4].

Необходимо раскрѣпощеніе женщины въ интерессахъ человѣческаго прогресса. «Съ выходомъ женщины.... на поле общественной дѣятельности.... разовьется, расцвѣтетъ эта, теперь еще для многихъ утопичная, воображаемая, но физіолого-психически естественная соціально-кооперативная ассоціація труда, предвозвѣщаемая Лассалями и Торнтонами, инстинктивно, шагъ за шагомъ, доискиваемая рабочими союзами и артелями» [5]. Но для этого необходимо раньше рѣшеніе рабочаго вопроса, такъ какъ безъ него міру угрожаетъ страшная опасность: «крайне ограниченное и стѣсненное употребленіе и упражненіе умственныхъ способ-

[1] Ibid., стр. 171—195.
[2] Ibid., стр. 197—217; особенно 314—371.
[3] „Сочиненія А. П. Щапова“, т. III, стр. 416. „Физическое и антропологическое міросозерцаніе et cetera“.
[4] „Сочиненія А. П. Щапова“ т. III, стр. 402.
[5] Ibid., стр. 416.

ностей, до сихъ поръ представленное на долю низшихъ классовъ...., при совершенномъ лишеніи его способовъ высшаго умственнаго развитія,— если еще продлится долго, — можетъ вѣроятно сопровождаться... общимъ уменьшеніемъ массы мозга, сравнительно съ массой мозга... интеллигентной части человѣчества, и, слѣдовательно, остановкой развитія способности... мышленія» [1]). Такова сущность новыхъ взглядовъ Щапова.

Всѣ статьи, напечатанныя имъ въ столичныхъ журналахъ, за немногими исключеніями, посвящены вопросамъ, вытекавшимъ изъ его новаго credo. Онѣ до невозможности однообразны, растянуты, одно и то же повторяется по нѣсколько разъ, при чемъ, какъ указалъ еще Пыпинъ, зачастую—факты «являются и положеніемъ и слѣдствіемъ, т. е. въ одно время играютъ двѣ разныя логическія роли, вслѣдствіе чего теряется та историческая преемственность фактовъ, которую и требуется доказать [2])». Форма изложенія—родъ схоластическаго силлогизма, растянутаго на много десятковъ, зачастую сотенъ страницъ. Однообразіе и повторяемость вѣрнѣе всего объяснить тѣмъ, что Щаповъ всегда доходилъ до крайности въ увлеченіи своей теоріей и внѣ ея ничего не видѣлъ, ни о чемъ не могъ говорить; съ другой стороны нельзя не указать на отсутствіе свѣжихъ впечатлѣній, вслѣдствіе невольной прикованности къ Иркутску; на необходимость спѣшно печатать свои статьи изъ-за экономическихъ соображеній и невозможность тщательной обработки ихъ, на бѣдность книгъ — все это несомнѣнно оказывало свое вліяніе; наконецъ, нельзя не отмѣтить и того что, по складу своего ума, Щаповъ былъ склоненъ болѣе къ конкретнымъ построеніямъ, чѣмъ къ отвлеченнымъ разсужденіямъ и не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній въ области естествознанія, на которомъ онъ однако базировалъ всю свою теорію. Вслѣдствіе этого и языкъ Щапова, яркій и образный въ статьяхъ перваго періода его дѣятельности, становится тяжелымъ, путаннымъ, загроможденнымъ плеоназмами, тавтологіями, неологизмами во 2-мъ періодѣ. Примѣровъ можно найти, сколько угодно въ любой его статьѣ.

Изъ работъ второго періода его научно-литературной дѣятельности, имѣющихъ общее значеніе, наиболѣе важны—«Естествознаніе и народная экономія», «Ольга Ивановна Щапова» (для пониманія его соціологическихъ взглядовъ); «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа»,—книга, являющаяся синтезомъ всѣхъ работъ его объ интеллектуальномъ развитіи Россіи; дополненіемъ къ ней служитъ «Физическое и антропологическое міросозерцаніе и соціальное развитіе русскаго общества», а также «Міросозерцаніе, мысль, трудъ и женщина» [3]).

Щапову не удалось создать своей «реальной и экономической теоріи» для объясненія хода русской жизни; отдѣльныя свѣтлыя мысли не вылились у него въ стройную, научную систему,—но мы далеки отъ огульнаго отрицанія его взглядовъ, далеки отъ пессимистическаго отзыва біографа

---

[1]) Ibid., стр. 426.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1870 г. № 1. стр. 365.

[3]) Сочиненія А. П. Щапова т. III, стр. 431—605.

Щапова, который писалъ, что «стоило Щапову завладѣть какимъ-нибудь новымъ выдающимся естественно-научнымъ фактомъ, и онъ готовъ былъ немедленно положить его въ основаніе русской исторіи и изъ него односторонне объяснить всѣ ея событія. Извѣстны въ такомъ родѣ его работы, сдѣланныя подъ вліяніемъ изслѣдованій Либиха о хищническомъ пользованіи землею. Въ томъ же родѣ и его послѣднія работы, печатавшіяся въ «Отеч. Записк.» [1]. Это утвержденіе совершенно невѣрно: соціологическіе взгляды А. П. за весь сибирскій періодъ его жизни остаются въ основѣ неизмѣнными—новые естественно-научные факты онъ вводилъ въ свою теорію, расширяя ее, углубляя, но никогда изъ-за нихъ не ломалъ своего credo: послѣднія работы, напечатанныя въ «О. З.», какъ разъ и доказываютъ наше мнѣніе. Ни въ «Міросозерцаніе, мысль, трудъ и женщина» (напечат. въ 1873—74 гг. въ «О. З.» [2]), ни въ «Развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ» [3]) (напечатана въ 1871 г.), мы не найдемъ того, о чемъ пишетъ біографъ; только относительно замѣтки «Развитіе человѣческой способности питанія» (напечат. въ 1873 г.) можно до нѣкоторой степени согласиться съ авторомъ: она является изложеніемъ «естественно-научнаго факта», но не попыткой «положить ее въ основаніе русской исторіи», такъ какъ эта статья отвлеченнаго характера и не относится къ русской жизни. Что же касается замѣчанія о статьѣ Щапова, написанной подъ вліяніемъ Либиха, то очевидно, что здѣсь имѣется въ виду «Естествознаніе и народная экономія», гдѣ въ послѣднихъ своихъ выводахъ Щаповъ ссылается на изслѣдованіе Либиха «Химія въ прилож. къ земледѣлію и физіологіи растеній». Но странно, и смѣшно дѣлать выводъ, какой дѣлаетъ біографъ Щапова: всѣ положенія этой статьи, въ которой А. П. отказался отъ своего стараго credo и провозгласилъ новое, были выстраданы имъ послѣ продолжительной умственной работы, вызванной реакціей правительства и новыми условіями жизни А. П. въ Петербургѣ, а не навѣяны чтеніемъ книги Либиха!

Съ послѣдующимъ замѣчаніемъ біографа нельзя не согласиться: «скудость источниковъ и пособій заставляла его съ одной стороны... писать... огромные трактаты, даже цѣлыя книги, тогда, какъ при другомъ положеніи, онъ относительно этихъ самыхъ предметовъ ограничился бы, быть можетъ, изслѣдованіемъ въ—пятеро меньше по объему, что не помѣшало бы послѣднему быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гораздо болѣе содержательнымъ; съ другой стороны та же скудость источниковъ и пособій склонила его отъ изслѣдованій общихъ предметовъ къ частнымъ, мѣстнымъ, по которымъ у него былъ болѣе или менѣе достаточный матеріалъ». Но эти изслѣдованія не находили себѣ мѣста въ столичныхъ журналахъ [4]), почему Щаповъ и сталъ печатать ихъ въ «Запискахъ Геогр. Общ.», кромѣ одного очерка «О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ», помѣщеннаго въ «О. З.» за 1872 г.

[1]) „Отечеств. Записки" 1876 г. № 5. Внутреннее Обозр. стр. 183.
[2]) Сочиненія А. П. Щапова, т. III, стр. 431—605.
[3]) Ibid., стр. 605—642.
[4]) „Отеч. Зап.", Ibid., стр. 194—195.

Самое важное изъ «мѣстныхъ» изслѣдованій — результаты Туруханй экспедиціи—погибло въ огнѣ. При изслѣдованіи Верхоленскаго края ıповъ открылъ много интереснаго по вопросу о метисаціи русскаго наенія съ инородческимъ, хотя о степени научности его открытій судить рѣшаемся. Онъ констатировалъ пока (въ 70-хъ годахъ) «хаотическое ›шеніе племенъ», но счелъ возможнымъ сдѣлать и рядъ слѣдствій: русская народность, заселившая Сибирь, подъ вліяніемъ мѣстныхъ овій — климатическихъ и топографическихъ — и вслѣдствіе физіологикаго смѣшенія съ абитуріенами, подверглась типическимъ измѣнемъ [1]) 2) метисы «не раздѣляютъ въ одинаковой степени типическихъ ичительныхъ свойствъ родоначальныхъ расъ — славяно-русской, сибир-азіатской» [2]), 3) въ осѣдлыхъ смѣшанныхъ инородческихъ поселеніяхъ ѣтно преобладаніе женщинъ, что Щаповъ объясняетъ побѣдой русской ıщины, которая влила болѣе жизненную струю крови въ организмъ емцевъ и этимъ вызвала преобладаніе своего пола [3]); 4) смѣшанное наеніе—ясачные—по жизненной устойчивости занимаютъ середину между ѣе сильнымъ русскимъ элементомъ и болѣе слабымъ—инородческимъ [4]).

Въ этихъ же статьяхъ, а затѣмъ въ спеціальномъ очеркѣ «Развитіе дствъ между бурятами...» [5]), Щаповъ отмѣчаетъ распространеніе мѣстхъ физическихъ и физіологическихъ аномалій—зоба, кретинизма и др. конецъ интересовался Щаповъ и сибирской общиной, изслѣдованію коıой посвятилъ нѣсколько работъ, въ которыхъ подчеркивалъ преоблаie эгоистическихъ инстинктовъ среди населенія этихъ общинъ.

По исторіи Сибири Щаповъ напечаталъ двѣ очень интересныхъ ста[6]), въ которыхъ развивалъ взгляды, высказанные имъ раньше въ сторико-географическихъ и этнографическихъ замѣткахъ» о чисто животхъ, эгоистическихъ чувствахъ и наклонностяхъ сибирскаго населенія.

Причины этого Щаповъ видѣлъ «въ недостаточности нервно-мозгоо, или умственнаго развитія сибирскаго населенія, въ тяжелой индиуально-трудовой борьбѣ его съ трудно доступной природой въ добыіи средствъ жизни, въ неблагопріятномъ нравственномъ вліяніи азіатıго, инородческаго элемента» [7]), а главное «въ самыхъ естественноторическихъ условіяхъ хозяйственнаго и нравственнаго развитія сибирıго населенія» [8]).

---

1) „Историко-географ. и этнограф. замѣтки о сиб. населеніи". Изв. Сиб. отд. гр. общ. 1872 г., т. III, № 5, стр. 243.

2) „Извѣстія Спб. Отд. Геогр. Общ." 1873 г. № 4, стр. 203.

3) „Физическое развитіе верхол. насел.". „Извѣстія Сиб. Отд., 1871 г. № 2–3, . 63.

4) Ibid., 37 и дальше.

5) „Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинсконскомъ краѣ". Ibid., 1875 г. № 5–6, стр. 189 и дальше.

6) Сочиненія А. П. Щапова, т. III, „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. ысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирск. общева". стр. 606—642. „Сибирское общество до Сперанскаго", стр. 643—717.

7) Ibid., стр. 617.

8) Ibid., стр. 617—618.

Сибирь заселилась и устроилась въ два колонизаціонныхъ періода: первый до половины XVIII в.—періодъ звѣроловный, характеризующійся «преобладаніемъ бродячаго, подвижнаго населенія и хаотическимъ смѣшеніемъ до-петровскихъ, животно-эгоистическихъ и общинныхъ наклонностей съ сибирскими звѣроловческими нравами»; второй съ убылью соболя—«фазисъ преобладающаго развитія торгово-промышленной городской жизни», когда посельники стали бѣжать въ города и когда «стали умножаться торгующіе монополисты, эксплоататоры» [1]), не брезговавшіе даже охотой на людей: не даромъ сложилась поговорка сибирская—«бродягу все же выгоднѣе убить, чѣмъ бѣлку — съ него возьмешь всегда не меньше рубля, а за бѣличью шкурку даютъ только 15 коп.». «Вообще, въ сибирскомъ населеніи, повидимому, гораздо болѣе, чѣмъ въ великорусскомъ народѣ, замѣтно преобладаніе эгоистическихъ, своекорыстно пріобрѣтательныхъ и семейно-родовыхъ чувствъ и наклонностей надъ нравственно-соціальными и гуманными чувствами и стремленіями [2])». «Попросите вы иныхъ сосѣдей или однодворцевъ не стучать, что есть мочи, безъ всякой нужды въ стѣны вашей квартиры, сообщая имъ, что такой стукъ зловредно дѣйствуетъ на сильно страдающую нервную женщину.... И что же? Они только посмѣются надъ вами, сочтутъ васъ за сумасшедшаго и еще нарочно, съ ехидной злобой сильнѣе станутъ стучать объ стѣну [3])».

Подобныхъ примѣровъ Щаповъ приводитъ много. Грубость, отсутствіе всякаго образованія, атрофія альтруистическаго чувства, обманъ, насиліе, самодурство, ненасытная жадность и преступная эксплоатація— вотъ характерныя черты сибиряковъ Еще рѣзче это выражалось въ XVIII в. и началѣ XIX, до Сперанскаго. «Вслѣдствіе... благопріятныхъ условій для развитія и усиленія коммерческой буржуазіи, купечества, почти повсюду въ сибирскихъ городахъ со второй половины XVIII в. появились своего рода «крезы», которые все захватывали въ свои руки; «повсюду думы и магистраты городскіе были... олигархіей богатѣйшихъ купцовъ и буржуазно эксплоатировали общественныя суммы» [4]).

Дѣло дошло до того, что «гегемонія буржуазіи» въ Иркутскѣ, гдѣ Вагинъ видѣлъ демократическую республику, не хуже воеводъ запугивала народъ и стремилась подчинить себѣ мѣстную власть. Полнаго расцвѣта «гегемонія» буржуазіи достигла съ открытіемъ сѣверно-американской компаніи. Единственнымъ человѣкомъ, вступившимъ въ борьбу съ «олигархіей», былъ Трескинъ, который, по отзывамъ современниковъ, принесъ скорѣе больше пользы, чѣмъ вреда. «Вообще, замѣчательно, что вѣсы общественнаго мнѣнія склонялись болѣе въ пользу Трескина и чиновничьей партіи, чѣмъ на сторону купеческой олигархіи» [5]). Затѣмъ Щаповъ даетъ классическую характеристику буржуазіи. «Капиталистическое,

[1]) Ibid., стр. 621.
[2]) Ibid., 619.
[3]) Ibid., 622.
[4]) Ibid., стр. 654.
[5]) Ibid., стр. 677.

буржуазное сословіе, хотя бы и просвѣщалось науками, все таки по самому существу своему не можетъ допустить общественной равноправности и экономическаго равненія низшихъ рабочихъ и промышленныхъ сословій, составляющихъ источникъ ихъ обогащенія, предметъ ихъ эксплоатаціи, основаніе капиталистической общественной пирамиды. Напротивъ, если бы... буржуазные люди... и просвѣщались науками, то они и изъ наукъ старались бы извлекать и сплетать только паутину своей буржуазной софистики и метафизики, составлять свою хитросплетенную систему капиталистической науки. Они бы и въ области науки познавали только то, что сопряжено съ интересами крупнаго капитала и крупной промышленности» [1]). Поэтому чиновничество, по мнѣнію Щапова, должно быть поставлено выше буржуазіи: «изъ чиновника все таки могъ и можетъ выйти Сперанскій—«другъ колодниковъ и черни», «великій филантропъ», составитель «плана государственнаго преобразованія», а изъ сибирскаго купца только «пьяный и жестокій мужикъ... моритель, эксплоататоръ мелкопромышленнаго и рабочаго народа» [2]).

Только «воспитательно-образовательная культура и гуманизація» съ одной стороны и образованіе въ Сибири рабочихъ ассоціацій или артелей съ другой, положили бы конецъ эгоистически-пріобрѣтательнымъ наклонностямъ и развили бы въ народѣ высшія понятія и чувства кооперативной взаимности и солидарности [3]).

Мрачная характеристика сибирскаго общества, защита Трескина, предпочтеніе чиновничества, такъ раньше ненавидимаго Щаповымъ, буржуазіи—вызваны были тяжкою бѣдностью и озлобленіемъ Аф. Прок. на безучастье окружающихъ къ тяжелой судьбѣ его. Несомнѣнно, что здѣсь мы слышимъ голосъ не безпристрастнаго историка, а человѣка, измученнаго въ борьбѣ съ лишеніями физическими и страданіями психическими. «Невольникъ бурсы, семинаріи и академіи, невольникъ арестантскаго отдѣленія Петерб. военнаго госпиталя, невольный путешественникъ изъ Казани въ Петербургъ, изъ Петербурга въ Иркутскъ, изъ Иркутска въ Омскъ и обратно, невольный житель Иркутска, медленно убиваемый въ немъ горемъ и бѣдностью въ продолженіе 12 лѣтъ» [4]), видя безучастное отношеніе къ себѣ и къ своей больной женѣ, послѣ того, какъ онъ всю свою жизнь и всего себя отдалъ на служеніе родинѣ, имѣлъ право бросить этотъ упрекъ «сибирскому обществу»... И что же? признало ли «сибирское общество» себя повиннымъ въ томъ, что лучшій изъ ея сыновъ не умеръ подъ заборомъ только потому, что нашлись не сибиряки, которые пришли къ нему на помощь?

Лучшимъ отвѣтомъ на это служитъ статья, помѣщенная въ «Вост. Обозр.» [5]). «Другой (Щаповъ) выдвинувшій въ началѣ еще ярче идею областности, умираетъ въ родной странѣ безслѣдно и одиноко. Онъ не вос-

[1]) Ibid., стр. 670—671.
[2]) Ibid., стр. 677.
[3]) „О развитіи высшихъ чувствъ“, Ibid., стр. 737.
[4]) Шашковъ. „А. П. Щаповъ“. Новое Время, 1876 г., № 252.
[5]) „Восточное Обозрѣніе“ 1885 г., № 16.

питалъ около себя любви, среди своихъ земляковъ онъ оставался чуждымъ, озлобленнымъ и покинутымъ. Глубокая драма терзала его душу передъ концомъ, у него не было ни отрады, ни утѣшенія, ни привязанности. И это отъ того, что онъ давно разорвалъ связь со своими лучшими симпатіями: иной потокъ увлекъ его изъ того міра, съ той почвы, гдѣ онъ былъ Антеемъ, въ область туманнаго космополитизма и внутренняго разлада, заставившаго его ненавидѣть жизнь и все общество. Онъ не могъ быть ни пророкомъ, ни учителемъ на родинѣ, ибо въ его сердцѣ не было любви къ ней, не было всепрощенія своей родинѣ; глаза, истуманенныя горемъ, не позволили ему видѣть свѣтлыя точки грядущаго. Онъ не нашелъ вѣры въ себя и въ жизнь, ибо потерялъ дорогое имущество—чувство привязанности къ своей области».

Сколько лжи въ этихъ красивыхъ тирадахъ, сколько злобы къ больному, изголодавшемуся, измученному писателю за то, что онъ въ минуты тяжелыхъ страданій нѣсколько сгустилъ краски въ обрисовкѣ Сибири, повторяю нѣсколько, такъ какъ сами сибирскіе дѣятели не могутъ не признать, что «значительная доля справедливости скрыта въ... приговорѣ» [1]) Щапова. Но развѣ Щаповъ не болѣлъ душою за Сибирь, развѣ не онъ мечталъ о возрожденіи Сибири, о «гуманизаціи» ея, о возрожденіи ея посредствомъ «рабочихъ артелей», не онъ ли писалъ о необходимости сибирскаго университета? [2]). «Его суровые приговоры и обобщенія дали поводъ ненавистникамъ края говорить: вотъ каково это общество... И это было на руку разнымъ цивилизаторамъ, которые стригли общество, на руку тѣмъ, кто, не имѣя къ краю симпатій, радовался личнымъ цѣлямъ»—таковъ суровый отвѣтъ редакціи [3]). Но развѣ къ этому стремился А. П. Щаповъ, развѣ онъ самъ не отдавалъ себя всего сначала служенію родному краю, а затѣмъ всему человѣчеству? Развѣ Христосъ, умирая на крестѣ за всѣхъ, хотѣлъ и думалъ, что его именемъ будутъ совершаться погромы и будетъ литься кровь невинныхъ дѣтей? Какое ужасное обвиненіе возводили на Щапова, какой новый терновый вѣнокъ возложили на его голову! Щаповъ, который вызвалъ цѣлое движеніе среди сибиряковъ,—служить родному краю [4]). Щаповъ, который затронулъ всѣ главные вопросы русской и сибирской жизни, оказался ненавистникомъ жизни и врагомъ своей родины! С. Шашковъ съ ужасомъ писалъ (вслѣдствіе невѣрныхъ сообщеній о «заполученіи» Л. Лавровымъ права на изданіе сочиненій Щапова), что Щаповъ, который такъ страстно, жадно и честно стремился къ свободѣ, горѣлъ свободою, «несчастный Щаповъ даже и послѣ своей смерти очутился въ кабалѣ» [5]). Что же бы онъ сказалъ, если бы узналъ, что этого Щапова объявили врагомъ родины?!

Къ счастью, и среди сибиряковъ эта клевета на чистое имя Аф. Пр.

[1]) Н. Н. Козьминъ. „Аф. Пр. Щаповъ“. стр. 63.
[2]) „Сибирь“, 1875 г. № 3.
[3]) В. О., 1885 г. № 17.
[4]) См. стр. LXXXV.
[5]) Шашковъ. Новое Время, № 242.

не встрѣтила сочувствія, и они вѣрно поняли этого «апостола правды и науки» и свято чтутъ его имя [1]).

Щаповъ всю свою жизнь беззавѣтно отдалъ на служеніе идеѣ добра и истины; онъ былъ человѣкъ не отъ міра сего. Онъ всегда слѣдовалъ завѣту своей матери: «думай о добрѣ, дѣлай добро и выйдетъ добро», и никогда, даже въ самыя трудныя минуты, не измѣнялъ ему. «Онъ былъ оптимистъ въ лучшемъ, высшемъ значеніи слова. Чуждый современной грязи, онъ до конца жизни сохранилъ горячую, безусловную вѣру въ человѣчество и въ его лучшую будущность. На скромной могилѣ Щапова, какъ на могилѣ Говарда, смѣло можно написать: «здѣсь сокрытъ другъ человѣчества». А вся молодая Сибирь словами Данте скажетъ:—«Tu duca, tu signore, tu maestro!»

Г. А. Лучинскій

---

1) Н. Н. Козьминъ. „Аф. Пр. Щаповъ“, стр. 1; „Недѣля“, 1876 г. стр 6—7, № 242; З—нъ лично мнѣ съ благоговѣніемъ говорилъ о Щаповѣ, какъ о своемъ учителѣ жизни, и такихъ, какъ З—инъ, много въ Сибири.

тественно-психологическія условія умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа [1]

Чѣмъ больше мы вникаемъ въ характеристическія особенности умст-
еннаго и соціальнаго развитія русскаго народа, тѣмъ больше убѣждаемся,
го коренными, первоначальными внутренними мотивами его умственно-
оціальной исторіи были два, особенно замѣтно выдающіяся, свойства его
ервной организаціи, обусловливаемыя общими физіологическими и пси-
ологическими законами. Это, во-первыхъ, общая посредственность, умѣ-
енность или медленность возбужденія его нервной воспріимчивости, обу-
ловливаемая частію органическимъ медленнымъ распространеніемъ воз-
ужденій по нервамъ, производимымъ вліяніемъ холоднаго сѣвернаго кли-
ата, частію всею предшествовавшею политическою, соціально-педагоги-
еской и физіолого-психологическою исторіею русскаго народа и образо-
авшимися, вслѣдствіе того, по общимъ законамъ человѣческой природы,
ѣкоторыми особенностями его нервной организаціи и физіолого-этнологи-
ескаго и психологическаго характера. Другое свойство нервной органи-
аціи русскаго народа—это, при общей умѣренности или посредственности
го нервной возбуждаемости впечатлѣніями умѣренно-напряженными, осо-
енная, наибольшая естественная предрасположенность его нервной чув-
твительности и воспріимчивости къ наиболѣе живому воспринятію только
печатлѣній наиболѣе напряженныхъ и сильныхъ, каковы, напримѣръ, впе-
атлѣнія совершенно новыя, внезапныя, непривычныя для нервовъ чувствъ,
еожиданно поразительныя, или впечатлѣнія, особенно ощутительно затроги-
ающія чисто эгоистическія чувства и инстинкты животной жизни, гос-
одствующія эгоистическія наклонности и страсти и т. п. Это свойство
ервной воспріимчивости, какъ увидимъ дальше, обусловливается, глав-
ымъ образомъ, тѣмъ общимъ психологическимъ закономъ, что большее

---

1) Напечатано въ журналѣ „Отеч. Записки" 1870 г. № 3, стр. 149—202; № 4, стр. 361—406 и № 12, стр. 447—497. При этомъ было напечатано отъ редакціи: „Подъ этимъ заглавіемъ авторъ приготовляетъ большое сочиненіе, значительная часть котораго находится у насъ въ рукахъ. Изъ этой части взята нами предлагаемая статья, изъ этой же части будутъ напечатаны еще двѣ или три статьи. Затѣмъ авторъ обѣщалъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго хода своихъ работъ, доставлять болѣе интересные большинству читателей очерки изъ нихъ для нашего журнала".

напряженіе впечатлѣній производитъ и большую возбуждаемость ощущеній, идей и желаній, такъ что большее напряженіе каждаго или нѣсколькихъ впечатлѣній, часто испытываемыхъ (или даже мыслимыхъ) или одновременно, или въ непосредственной послѣдовательности, производя возбуждаемость одного впечатлѣнія посредствомъ другого, равняется болѣе частому повторенію ихъ сочетанія [1]).

Всѣ главные, существенно-выдающіеся и болѣе или менѣе общеизвѣстные факты умственной и соціальной исторіи русскаго народа, въ концѣ концовъ, объясняются, на нашъ взглядъ, этими двумя характеристическими свойствами нервной организаціи русскаго народа, или обусловливающими ихъ общими физіолого-психологическими законами. Съ другой стороны, эти же всѣ факты служатъ прямымъ доказательствомъ и яснымъ обнаруженіемъ существованія въ нервной организаціи и психическомъ характерѣ русскаго народа указанныхъ нами двухъ физіолого-психологическихъ качествъ. Приступая къ болѣе подробной характеристикѣ умственнаго развитія русскаго народа, въ связи съ разсмотрѣніемъ одновременнаго развитія и всѣхъ прочихъ элементовъ его соціальной жизни,—мы напередъ должны охарактеризовать общее историко-психологическое значеніе и проявленіе этихъ двухъ, явно выдающихся свойствъ нервной организаціи русскаго народа. Именно: во-первыхъ—охарактеризовать общую посредственность и медленность нервно-мозговой возбуждаемости и воспріимчивости, и проистекавшія изъ нея, по психологическимъ законамъ, умственно-соціальныя слѣдствія, и, во-вторыхъ, охарактеризовать наибольшую чувствительность нервной системы русскаго народа только къ впечатлѣніямъ наиболѣе напряженнымъ и сильнымъ и общія психолого-историческія слѣдствія ея.

I.

Современная индуктивная психологія установила, какъ общій принципъ, что различныя степени или роды нервной воспріимчивости, зависящія отъ различія тѣлесной организаціи или особенностей гистологическихъ тканей, особенно нервной системы [2]), порождаютъ и различныя

[1]) Миллевъ анализъ явленій человѣческой души. Система логики. Милля, „Законы души", ч. II-я, стр. 425.

[2]) Эти органическія или физіологическія различія въ самыхъ тканяхъ нервной системы, обусловливающія, безъ сомнѣнія, и психическія различія, признаются какъ извѣстно, физіологами. Напримѣръ, Клодъ Бернаръ говоритъ: „Dans la même espèce animale les races peuvent encore présenter un certain nombre de différences trés intéressantes à connaître pour l'experimentateur. J'ai constaté, dans les diverses races de chiens et de chevaux, des caractères physiologiques tout à fait particuliers qui sont relatifs á des degrès differents dans les propriétés de certains éléments histologiques particulièrement du systeme nerveux. Enfin on peut trouver chez des individus de la même race des particularités physiologiques qui tiennent encore à des variations speciales de propriétés dans certains éléments histologiques. C'est ce qu'on appelle alors des *idiosyncrasies*... J'ai constaté même des différences individuelles souvent assez tranchées. Or, l'étude experimentale de ces diversités peut seule nous donner l'explication

степени напряженія пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній, идей и желаній. «Обыкновеннѣйшее наблюденіе показываетъ, говоритъ Милль, что различныя души въ различной степени воспріимчивы къ дѣйствію тѣхъ же самыхъ психологическихъ причинъ. Такъ, напримѣръ, идея даннаго желаемаго предмета возбуждаетъ въ различныхъ душахъ весьма неравныя степени напряженія желанія. Тотъ же самый предметъ размышленія, представившійся различнымъ душамъ, возбудитъ въ нихъ весьма неодинаковыя степени умственной дѣятельности. Эти различія душевной воспріимчивости въ различныхъ недѣлимыхъ могутъ быть, во-первыхъ, первоначальными и послѣдними фактами, или, во-вторыхъ, они могутъ быть слѣдствіями предшествовавшей душевной исторіи этихъ недѣлимыхъ, или, наконецъ, въ-третьихъ, они могутъ зависѣть отъ различія физической организаціи. Что предшествовавшая душевная исторія недѣлимыхъ должна имѣть нѣкоторое участіе въ произведеніи или видоизмѣненіи ихъ всецѣлаго душевнаго характера,— это есть неизбѣжное слѣдствіе законовъ *души*; но что различія въ тѣлесномъ устройствѣ также содѣйствуютъ образованію характера, есть мнѣніе всѣхъ физіологовъ, подтверждаемое общимъ опытомъ. Достовѣрно, что естественныя различія, дѣйствительно существующія въ душевныхъ предрасположеніяхъ или воспріимчивостяхъ различныхъ часто лицъ, не безъ связи съ различіями въ ихъ органическомъ устройствѣ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что эти органическія различія должны во всѣхъ случаяхъ, прямо и непосредственно, вліять на душевныя явленія. Они часто дѣйствуютъ на нихъ чрезъ посредство своихъ психологическихъ причинъ. Напримѣръ, идея какого-нибудь опредѣленнаго удовольствія можетъ возбуждать въ различныхъ лицахъ, даже независимо отъ ихъ привычекъ и воспитанія, желанія весьма различной силы, и это можетъ быть результатомъ различныхъ степеней или родовъ ихъ нервной воспріимчивости; но нужно помнить, что эти органическія различія дѣлаютъ и само пріятное ощущеніе болѣе напряженнымъ въ одномъ изъ этихъ лицъ, чѣмъ въ другомъ, такъ что и идея удовольствія будетъ болѣе напряженнымъ ощущеніемъ и, посредствомъ дѣйствія однихъ душевныхъ законовъ, возбудитъ болѣе напряженное желаніе. При этомъ нѣтъ необходимости предполагать, что самое желаніе прямо подвержено вліянію физической особенности. Какъ въ приведенномъ, такъ и въ другихъ случаяхъ тѣми различіями въ родѣ или въ напряженіи физическихъ ощущеній, которыя необходимо должны происходить отъ различія тѣлесной организаціи, объясняются многія различія не только въ степени, но и въ родѣ другихъ душевныхъ явленій. Это до того справедливо, что даже различныя *качества* души, различные типы душевнаго характера, естественнымъ образомъ производятся одними различіями въ *напряженіи* ощущеній вообще». Это весьма хорошо показано въ прекрасной статьѣ д-ра Пристли. «Ощущенія, составляющія элементы

---

des différences individuelles que l'on observe chez l'homme soit dans les différentes races, soit chez les individus d'une même race, et que les medecins appellent des predispositions ou des idiosyncrasies". (Introduction à l'etude de la médicine experimentale, par M. Claud Bernard, Paris. 1865, p. 200—212).

всякаго познанія,—говоритъ онъ,—получаются или одновременно, или последовательно; если получается одновременно нѣсколько ощущеній, напримѣръ, запахъ, вкусъ, цвѣтъ, форма и пр. какого-нибудь плода, то ихъ совокупная ассоціація составляетъ идею *предмета*: если же они получаются послѣдовательно, то ихъ ассоціація производитъ идею *событія*. И такъ, все, что благопріятствуетъ ассоціаціямъ одновременныхъ идей, будетъ стремиться произвести познаніе предметовъ, воспріятіе качествъ, тогда какъ все, что благопріятствуетъ ассоціаціи въ послѣдовательномъ порядкѣ, будетъ стремиться произвести познаніе событій, порядка случаевъ, и связи причины и дѣйствія, другими словами, въ одномъ случаѣ результатомъ будетъ воспріимчивая душа, съ разборчивымъ чувствомъ пріятныхъ и непріятныхъ свойствъ вещей, пониманіе великаго и прекраснаго; въ другомъ душа, внимательная къ движеніямъ и явленіямъ, мыслящій и философскій умъ. Но признано какъ принципъ, что всѣ ощущенія, испытанныя въ теченіе какого-нибудь живого впечатлѣнія, бываютъ крѣпко ассоціированы съ нимъ и между собою. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что одновременныя ощущенія чувствительной натуры (т. е. такой, которая получаетъ живыя впечатлѣнія) будутъ тѣснѣе слиты, чѣмъ въ душѣ, образованной иначе? Если эта догадка основательна, то она ведетъ къ немаловажному заключенію, именно,—что если природа одарила какого-нибудь человѣка *большею первоначальною чувствительностію*, то онъ, вѣроятно, будетъ отличаться любовью къ естественной исторіи, пониманіемъ прекраснаго и великаго и нравственнымъ энтузіазмомъ, между тѣмъ, какъ *при посредственной чувствительности*, результатомъ, вѣроятно, будетъ любовь къ наукѣ, къ отвлеченной истинѣ, при слабости вкуса и энтузіазма» [1]).

Если эти принципы справедливы относительно индивидуальныхъ человѣческихъ существъ, то они, естественно, должны быть истинными и относительно коллективной или національной совокупности людей, относительно народовъ или обществъ. Ибо «законы явленій общества суть не что иное и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только закономъ дѣйствій и страстей людей, соединенныхъ въ общественномъ состояніи. Но люди въ состояніи общества все-таки люди; ихъ дѣйствія и страсти подчиняются законамъ индивидуальной человѣческой природы. Люди, соединенные вмѣстѣ, не обращаются въ другой родъ существъ, съ иными свойствами, какъ напримѣръ водородъ и кислородъ отличны отъ воды, или какъ водородъ, кислородъ, углеродъ и азотъ отличны отъ нервовъ, мускуловъ и тяжей. Люди въ обществѣ имѣютъ только тѣ свойства, которыя вытекаютъ изъ законовъ природы индивидуальнаго человѣка или могутъ быть сведены на эти законы. Дѣйствія и чувства людей въ соціальномъ состояніи, безъ сомнѣнія, вполнѣ управляются психологическими и этологическими законами; какое бы вліяніе данная причина ни производила на соціальныя явленія, она производитъ его по этимъ законамъ». И дѣйствительно, и цѣлые народы, точно также какъ и отдѣльныя человѣческія личности, естественно должны характеризоваться нѣкоторыми физіолого-

---

[1]) См. „Логику нравственныхъ наукъ" въ „Системѣ логики" Милля. II, 428—430.

психологическими и этологическими различіями, зависящими частію отъ естественныхъ, органическихъ различій въ степеняхъ или родахъ нервной воспріимчивости, въ напряженіи ощущеній, частію отъ физико-географическихъ и этнологическихъ обстоятельствъ ихъ физіолого-психологической исторіи или историческаго воспитанія и развитія. Вслѣдствіе чего одинъ народъ «всегда впечатлителенъ до крайности», какъ выразился, напримѣръ, Мадзини объ италіянцахъ, а у другого народа чувствительность или впечатлительность почти совершенно притуплена и подавлена, какъ напримѣръ у народовъ полярныхъ. Или одинъ народъ, какъ напримѣръ древніе греки, по общимъ психологическимъ и этологическимъ законамъ своего индивидуальнаго физико-географическаго, этнологическаго и историческаго воспитанія, образовывался преимущественно съ эстетико-идеалистическимъ духомъ, съ преобладающими или замѣтно-выдающимися наклонностями и стремленіями къ эстетическому развитію и изящно-пластическому выраженію человѣческихъ чувствъ, идей, желаній и страстей, съ эстетическимъ вкусомъ, съ артистическими или художественно-творческими дарованіями, съ широкимъ развитіемъ гражданской вліятельности и значенія индивидуальныхъ личностей и т. п. А другой народъ, какъ народъ римскій, преимущественно выходилъ изъ своей исторической школы воспитанія съ характеромъ твердымъ, мужественнымъ, воинственнымъ, практическимъ, съ наибольшею наклонностью къ гражданской борьбѣ изъ-за интересовъ эгоистическо-практическихъ, съ преобладающимъ стремленіемъ къ практико-юридической, законодательной организаціи своего государственнаго и гражданскаго строя, съ наибольшею способностью къ добродѣтелямъ мужественности, твердости воли и характера, а также съ сильною наклонностью къ матеріализму и эпикуреизму жизни и т. п. Третій народъ, какъ напримѣръ германскій, по тѣмъ же общимъ физіолого-психологическимъ и этологическимъ законамъ человѣческой природы, изъ школы своего физико-географическаго и этнолого-историческаго воспитанія,—согласно съ образовавшеюся, вслѣдствіе этого, своею физіолого-психологическою организаціею и исторіею,—выходилъ съ наибольшимъ или преобладающимъ развитіемъ умозрительныхъ способностей, и отличался особенною, замѣтно выдающеюся наклонностью къ отвлеченному глубокомыслію, къ раціонализму въ религіи, къ разсудочной разсчитанности, регулярности и аккуратности въ жизни, къ отвлеченной наукѣ, къ философіи, особенно трансцендентальной и т. п. А вотъ рядомъ съ германцами, славянское племя, вслѣдствіе своеобразнаго склада его индивидуальнаго физіолого-психологическаго характера, образовавшагося подъ вліяніемъ историко-воспитательнаго взаимодѣйствія общихъ физіологическихъ, психологическихъ и этологическихъ законовъ человѣческой природы съ особенными физико-географическими, этнологическими и историко-политическими обстоятельствами всей предшествовавшей его физіолого-психологической исторіи, -славянское племя наиболѣе отличалось пассивною воспріимчивостью нервной чувствительности, или господствомъ пассивнаго чувства надъ активною самодѣятельностью умозрительныхъ способностей, господствомъ внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ. Отсюда проистекали разнообразныя психологи-

ческія проявленія этого преобладанія пассивнаго чувства надъ разумомъ, какъ напримѣръ, особенное естественно-историческое проявленіе и значеніе чувства семейной, родовой и племенной родственности или связи, чувство общинныхъ предрасположеній и стремленій, въ борьбѣ съ чувствами родового эгоизма, упорное чувство любви и привязанности къ родовымъ преданіямъ народной эпической старины, чувство пассивной ненависти къ угнетавшимъ народамъ, напримѣръ къ нѣмцамъ, медленная умственная возбуждаемость къ прогрессу, происходившая путемъ пассивной воспріимчивости преимущественно къ такимъ прогрессивно-возбудительнымъ впечатлѣніямъ передовыхъ народовъ, которыя наиболѣе дѣйствуютъ на чувство, чѣмъ на разумъ и т. п. Въ этомъ отношеніи отчасти справедлива характеристика Гануша: «Если—говоритъ онъ—представлять духовную жизнь Европы подъ образомъ организма, то нельзя не замѣтить изъ фактовъ историческаго развитія прошедшихъ и настоящихъ временъ, что въ этомъ организмѣ славяне, взятые въ совокупности, занимаютъ мѣсто сердца, а германскій народъ мѣсто головы, и потому обѣ эти народности относятся другъ къ другу, какъ чувство и мысль» [1]).

Кромѣ чисто-физіологическихъ различій, а также этнологическихъ особенностей нервной и, вообще, физической организаціи различныхъ національностей,- неодинаковыя и неравныя степени напряженія нервной возбуждаемости и воспріимчивости какъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ племенъ или народовъ, обусловливаются и различными физическими вліяніями и обстоятельствами. Одною изъ наиболѣе дѣятельныхъ и сильныхъ физическихъ причинъ, замедляющихъ и ослабляющихъ возбуждаемость и воспріемлемость нервой чувствительности, является *холодъ*. наменитый современный физіологъ Гельмгольтцъ (Helmholtz) доказалъ что холодъ понижаетъ или замедляетъ быстроту передвиженія и распространенія возбужденій по нервамъ. Опыты показали, что при охлажденіи животнаго замѣчаются рѣзкія измѣненія въ движеніи и чувствительности: движеніе ослабляется, а чувствительность притупляется. Лягушки, напримѣръ, при 0° не умираютъ, но при этой температурѣ движенія ихъ конечностей становятся медленными, вялыми, какъ у черепахи. Что кожа, охлаждаемая, напримѣръ, льдомъ, становится мало чувствительною,—это извѣстно каждому. Вообще, изъ опытовъ несомнѣнно и въ физіологіи

[1]) „Hanusch: Die Wissenschaft der slavischen Mythus". Мы представили здѣсь общую характеристику разныхъ народовъ безъ всякой претензіи считать ее вполнѣ вѣрною и прочно установленною, единственно съ тою цѣлью, чтобы показать, что путемъ строго-научныхъ историческихъ изслѣдованій, основанныхъ на знаніи физіолого-психологическихъ и этологическихъ законовъ человѣческой природы, дѣйствительно можно вѣрно опредѣлить индивидуальные характеры разныхъ народовъ, и показать, что естественныя различія въ степеняхъ или родахъ напряженія нервной воспріимчивости и чувствительности, зависящія отъ органическихъ различій въ тѣлесномъ устройствѣ или въ нервной организаціи и проистекающія отсюда различія психическихъ характеровъ, дѣйствительно такъ же свойственны и физіолого-психологической природѣ различныхъ народовъ, какъ они существуютъ и въ индивидуумахъ человѣческаго рода.

ервной системы принято, какъ принципъ, что охлажденіе нервовъ и вообще ѣйствіе холода на нервную систему производитъ замедленіе и ослабленіе ь быстротѣ передвиженія возбужденій по нервамъ. Наконецъ, если вѣрить азсказамъ замерзавшихъ, но спасенныхъ людей, то охлажденіе тѣла ведетъ ı собою сонливость и наконецъ забытье, т. е. притупленіе дѣятельности ервныхъ центровъ. Животныя въ зимней спячкѣ представляютъ рѣзкійримѣръ такого нервнаго притупленія, а у нихъ въ то время температура ѣла значительно ниже нормальной [1]).

Изъ этихъ физико-физіологическихъ фактовъ естественнымъ образомъ ытекаетъ, что, если холодъ, вообще, замедляетъ и понижаетъ быстроту аспространенія возбужденій по нервамъ, то, естественно, и холодный климатъ необходимо долженъ обусловливать медленное распространеніе возбужденій по нервамъ и, слѣдовательно, вообще, болѣе притупленную или ялую возбуждаемость и восприимчивость нервной чувствительности. И ѣйствительно, у всѣхъ сѣверныхъ народовъ, живущихъ въ холодномъ лиматѣ приполярной и полярной Россіи и особенно Сибири, мы замѣчаемъ ъ весьма значительной степени это нервное притупленіе отъ дѣйствія холода и всѣхъ его послѣдствій, и происходящую оттого медленную и вялую озбуждаемость нервной воспріимчивости и чувствительности. Типомъ этой ервной притупленности и, вслѣдствіе того, общей психической вялости, ассивности и тупости служатъ, напримѣръ, лапландцы, самоѣды, остяки, экагиры, якуты и другіе сѣверные народы. Холодъ суроваго полярнаго лимата, въ связи съ голодомъ, и съ этимъ апатичнымъ покоемъ, какой стественно любитъ, напримѣръ, остякъ или самоѣдъ сѣверной тундры, линными и морозными зимами невольно погружаемый въ спячку и, вообще, ъ жизнь дремлющую, сонливую,—холодъ суроваго полярнаго климата, онижая быстроту распространенія по нервамъ возбужденій, замедляя ритмъ ердечныхъ сокращеній, частоту ударовъ сердца и, вообще, притупляя дѣятельность нервныхъ центровъ, естественно производитъ медленную, вялую и слабую возбуждаемость нервной впечатлительности и чувствительности, доходящую до поразительной нечувствительности даже къ самой суровой стужѣ и голоду. А вслѣдствіе всего этого, онъ, естественно, порождаетъ общую медленность и вялость душевныхъ движеній и, въ частности, умственныхъ процессовъ. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ замѣчательные и точно-наблюдательные путешественники. «Суровость климата—говоритъ Врангель—кажется, препятствуетъ на крайнемъ сѣверѣ Сибири совершенному развитію физической природы, и такое же вліяніе оказываетъ климатъ и на умственныя способности сѣверныхъ сибиряковъ. Кровь течетъ медленно въ ихъ жилахъ; сердце ихъ бьется вяло, и чувства, если не истреблены, то, по крайней мѣрѣ, почти совершенно подавлены. Незнакомые съ наслажденіями жизни, располагающими обитателей другихъ, болѣе счастливыхъ земель, къ радости и печали, любви и ненависти, народы полярныхъ странъ живутъ или, лучше сказать, прозябаютъ въ убивающемъ однообразіи, въ безпрерывной борьбѣ съ недостатками, голо-

[1]) Германна „Физіологія", 168—238.

домъ и стужею, и, незамѣтно переходя отъ юношества къ старости, безъ всякаго сожалѣнія оставляютъ потомъ жизнь, представляющую имъ одни лишенія, безъ радостей и безъ наслажденій»[1]). Они чрезвычайно хладнокровны, терпѣливы, переносчивы и нечувствительны къ самымъ горькимъ, къ самымъ тяжелымъ впечатлѣніямъ и дѣйствіямъ житейскихъ нуждъ и страданій, неразлучныхъ съ суровымъ климатомъ ихъ земли. Между прочимъ, они кажутся почти совершенно нечувствительными къ суровой полярной стужѣ, и почти до невѣроятной степени могутъ переносить голодъ[2]). Чтобы подѣйствовать на нервы сѣверныхъ сибирскихъ народовъ, чтобы возбудить ихъ тупую нервную организацію,—нужны сильныя возбуждающія средства. Не даромъ, всѣ сѣверные народы—остяки, самоѣды, буряты, чукчи и др. въ высшей степени наклонны ко всему, что только можетъ возбуждать въ ихъ грубыхъ нервахъ хотя какія-нибудь сильныя ощущенія, хоть временно ускорять быстроту передвиженія по нервамъ возбужденій какого бы то ни было рода. Не даромъ, они особенно падки, напримѣръ, къ острымъ, наркотическимъ средствамъ возбужденія нервовъ, къ табаку, мухомору и т. п., а также къ крѣпкимъ горячительнымъ напиткамъ.

Холодный сѣверный климатъ, въ связи съ нѣкоторыми другими естественными и историческими условіями, оказалъ свое дѣйствіе и на нервную организацію русскаго народа, хотя не въ такой степени, какъ климатъ полярный. Безпрерывно замедляя распространеніе возбужденій по нервамъ и частоту или живость ритмическихъ сокращеній сердца,—холодъ сѣвернаго климата, особенно оказывавшій свое продолжительное и рѣзко-ощутительное дѣйствіе въ теченіе длинныхъ сѣверныхъ зимъ и частыхъ суровыхъ морозовъ, естественно, во всѣхъ поколѣніяхъ русскаго народа искони и безпрерывно болѣе или менѣе ослаблялъ, понижалъ нервную возбуждаемость и воспріимчивость, обусловливалъ общую естественную посредственность, умѣренность или медленность возбужденія нервной чувствительности и впечатлительности, и чрезъ то ослаблялъ быстроту и живость возбужденія, сознанія и ассоціаціи ощущеній и идей. Такимъ образомъ, медленное распространеніе возбужденій по нервамъ, производимое дѣйствіемъ холода сѣвернаго климата, притупляя дѣятельность нервныхъ центровъ, возбуждаемость нервныхъ ощущеній и вибрацій, черезъ то уже, частію непосредственно, частію черезъ посредство психологическихъ причинъ или результатовъ, естественно стремилось болѣе или менѣе замедлять всѣ процессы и возбужденія нервной дѣятельности. А вслѣдствіе этого оно естественно давало общій медленный и слабый импульсъ и всѣмъ психическимъ функціямъ, начиная отъ самыхъ элементарныхъ явленій сознанія, каковы первоначальныя ощущенія, простыя идеи отдѣльныхъ впечатлѣній, первыя понятія, и кончая самыми сложными психическими актами, каковы ассоціаціи и дизассоціаціи идей, возбужденіе и развитіе высшихъ от-

[1]) Врангель: „Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю“. Спб. 1841. Ч. II-я, стр. 114.

[2]) Ibid. Ч. I-я. 184.

злеченныхъ и сложныхъ идей, высшихъ чувствъ и желаній, порождаемыхъ путемъ наростанія и усложненія психическихъ дѣйствій, посредствомъ ассоціацій высшихъ порядковъ и т. п.

Но прежде, чѣмъ приступить къ соціально-исторической характеристикѣ этой, обусловливаемой вліяніемъ холоднаго климата, медленной и посредственной возбуждаемости и воспріимчивости нервной организаціи и ея соціально-психологическихъ слѣдствій, мы должны напередъ замѣтить, что эта особенность нервной воспріимчивости русскаго народа, сама по себѣ, еще не составляетъ безусловно-неисправимаго и неблагопріятнаго для прогресса недостатка. Напротивъ, при благопріятныхъ соціально-педагогическихъ условіяхъ индивидуальнаго, семейнаго и общественнаго воспитанія и всей соціальной, умственной, нравственной, гигіенической и экономической культуры,—она, конечно, могла бы и можетъ принимать совершенно благопріятное для народнаго прогресса направленіе. Потому что, по общимъ психологическимъ законамъ, люди, по природѣ своей, весьма мало чувствительные, или умѣренно воспріимчивые къ живымъ впечатлѣніямъ, при высокомъ умственномъ и нравственномъ развитіи, могутъ представлять естественную своеобразную варіацію прогрессивнаго умственнаго типа, варіацію, существенно-дополнительную, необходимую и плодотворную въ общей сложности и гармоніи человѣческаго прогресса. Вся разница, въ результатѣ, будетъ состоять только въ томъ, что, напримѣръ, въ то время, «какъ въ умахъ, органически весьма чувствительныхъ,—какъ говоритъ Милль, дѣлая выводъ изъ общихъ психологическихъ законовъ,—будутъ преобладать, вѣроятно, ассоціаціи одновременныхъ впечатлѣній, производя склонность представлять себѣ предметы въ картинахъ и конкретно, въ богатомъ уборѣ подробностей и обстоятельствъ, и породятъ духовную привычку, обыкновенно называемую воображеніемъ и составляющую одну изъ особенностей живописца и поэта,—въ то время лица, умѣреннѣе впечатлительныя къ наслажденію и страданію, будутъ болѣе склонны ассоціировать факты въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, и такія лица, если они обладаютъ духовнымъ превосходствомъ, посвятятъ себя скорѣе исторіи или наукѣ, чѣмъ творчеству и искусству» [1]). Или,—какъ говоритъ д-ръ Пристли, умозаключая тоже изъ общихъ психологическихъ законовъ, изъ естественнаго различія въ напряженіи ощущеній, -въ то время, какъ человѣкъ, одаренный бо̀льшею первоначальною чувствительностью, по законамъ ассоціаціи ощущеній и идей, вѣроятно, будетъ отличаться бо̀льшею любовью къ живописному изображенію предметовъ природы, пониманіемъ прекраснаго и великаго и нравственнымъ энтузіазмомъ,—въ то время, при посредственной чувствительности, результатомъ, вѣроятно, будетъ любовь къ наукѣ, къ отвлеченной истинѣ, только при слабости вкуса и энтузіазма» [2]). И дѣйствительно, какъ ни поздно начался и какъ ни медленно движется, напримѣръ, умственный и нравственный прогрессъ русскаго общества, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ возбужденъ, и въ рядахъ передовыхъ двига-

[1]) Милля „Логика“. I, 551—552.
[2]) Ibid. Ч. II-я, стр. 430.

телей его новѣйшая русская исторія можетъ указать нѣсколько такихъ лицъ, которыя, при естественной, органической умѣренности или посредственности первоначальной нервной впечатлительности и чувствительности, хотя и не отличались особеннымъ нравственнымъ энтузіазмомъ и творчествомъ, но все-таки, благодаря значительно-высокому умственному развитію, много содѣйствовали умственному прогрессу послѣднихъ послѣ-петровскихъ поколѣній своею особенною любовью къ отвлеченной истинѣ, или наукѣ, напримѣръ, къ математикѣ, къ философіи, къ исторіи, къ реальной критикѣ и т. п., каковы, напримѣръ, были — математикъ Остроградскій, историки Грановскій и Кудрявцевъ, критикъ Бѣлинскій и т. п. Далѣе, при умѣренной чувствительности и медленной или непосредственной агитаціи нервно-мозговой дѣятельности, человѣкъ, получившій высокое научное и нравственное образованіе, не будетъ, по всей вѣроятности, отличаться порывистою и горячо-воспріимчивою натурою, или экзальтаціею и энтузіазмомъ въ своихъ чувствахъ, идеяхъ, начинаніяхъ и дѣйствіяхъ, не будетъ обладать слишкомъ разборчивымъ эстетическимъ вкусомъ и т. п.; но за то онъ въ наибольшей степени можетъ отличаться спокойнымъ глубокомысліемъ, не скорыми, но основательными, отчетливыми и строго-послѣдовательными выводами мышленія, разсудительностью и обдуманностью дѣйствій, твердостью и постоянствомъ характера, упорно-твердою энергіею и настойчивостью въ умственномъ и практическомъ трудѣ и начинаніи. Наконецъ, при общей органической медленности и слабости возбужденій нервной дѣятельности и, слѣдовательно, умственныхъ и нравственныхъ силъ,— люди могутъ естественно побуждаться къ коллективному, соціальному концентрированію и усиленію энергіи и дѣятельности этихъ своихъ индивидуальныхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Именно, вслѣдствіе происходящей отъ медленности нервно-мозговыхъ возбужденій и воспріятій общей медленности индивидуальнаго обдумыванія вопросовъ, жизненно-касающихся, напримѣръ, общихъ интересовъ всѣхъ индивидуумовъ, живущихъ вмѣстѣ, и по причинѣ слабой возбуждаемости индивидуальной энергіи и рѣшимости къ иниціативѣ или предпріятію въ дѣлахъ общаго интереса,— люди, вѣроятно, скорѣе и наиболѣе могутъ быть склонны къ коллективной или кооперативной дѣятельности умственныхъ способностей, также какъ и физическихъ силъ, для скорѣйшаго и наиболѣе обдуманнаго рѣшенія общимъ умомъ тѣхъ или другихъ теоретическихъ или практическихъ вопросовъ и для скорѣйшаго, легчайшаго и надежнѣйшаго кооперативнаго достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей и желаній [1]. Какъ ни груба была древне-русская община или общинная, «земская дума», идея вѣча или земскаго собора, но и эта сѣверная община и мірская дума, при первоначальной, естественно-слабой возбуждаемости и медленной и вялой дѣятельности индивидуальныхъ умовъ и силъ, вызвана была естественною потреб-

[1] Народъ нашъ эту мысль выразилъ такъ: „Сто головъ сто умовъ; міръ—великъ человѣкъ; міръ—велико дѣло; соборомъ и чорта поборешь; міръ зинетъ—камень треснетъ; какъ міръ вздохнетъ и временщикъ издохнетъ; народъ глупъ— все въ кучу лѣзетъ“ и пр. (Даля, „Сборникъ пословицъ“).

ностью коллективной, общинной борьбы грубыхъ умовъ и рабочихъ силъ народа съ земско-хозяйственными бѣдствіями, производимыми суровымъ сѣвернымъ климатомъ, съ трудно доступной и скупой естественной экономіей суровой сѣверной природы, съ безчисленными физическими и историческими препятствіями, на каждомъ шагу стремившимися сокрушить жизнь и благосостояніе отдѣльныхъ личностей. И эта грубая, первобытная древне-русская ассоціація индивидуальныхъ силъ, въ силу естественнаго физіолого-психологическаго притяженія силъ, концентрировалась для коллективнаго, общиннаго обсужденія и рѣшенія («поговоря со всѣмъ міромъ», «мірскою сказкою», «по мірскому уложенью», «повальнымъ обыскомъ всякихъ чиновъ людей») всѣхъ общинныхъ естественно-бытовыхъ вопросовъ [1]). Но и такое коллективное или общинное сосредоточеніе умственныхъ и физическихъ силъ, при первоначальной естественной медленности нервно-мозговой или умственной дѣятельности, тогда только можетъ быстро и безостановочно вести къ истинному соціальному прогрессу, къ развитію, напримѣръ, раціональныхъ, естественно-научно-рабочихъ ассоціацій, когда недостатокъ естественной возбуждаемости и энергіи нервно-мозговыхъ способностей будетъ восполняться возбудительными импульсами воспитательныхъ и научно-образовательныхъ способовъ. Вообще, при нормальномъ воспитаніи и направленіи, при высокомъ развитіи умственныхъ способностей, и первоначальная, органически-умѣренная нервная воспріимчивость народа, очевидно, сама по себѣ не можетъ сопровождаться неблагопріятными для прогресса послѣдствіями. Но, разумѣется, совершенно другой результатъ долженъ быть, если соціально-педагогическія условія индивидуальнаго, семейнаго и общественнаго воспитанія, образованія и культуры неблагопріятны для нормальнаго возбужденія и направленія этой естественно-посредственной нервной чувствительности и воспріимчивости народа, особенно, если при этомъ она постоянно болѣе или менѣе ослабляется и притупляется органически-медленнымъ распространеніемъ возбужденій по нервамъ, обусловливаемымъ вліяніемъ холоднаго климата и другихъ физическихъ причинъ. Древняя, до-петровская Россія не обладала и не могла обладать, съ самаго начала своей исторіи, такими воспитательными, образовательными и возбудительными силами и средствами, чтобы не только противодѣйствовать притупляющему вліянію холоднаго климата и другихъ обстоятельствъ, но и дать этой, естественно-умѣренной воспріимчивости и чувствительности народной нервной организаціи надлежащее нормальное возбужденіе и прогрессивное направленіе. При общемъ однообразіи и монотоніи природы великорусской равнины, не представлявшей

[1]) Каковы, напримѣръ, вопросы: о смѣтѣ и планѣ мѣстныхъ общинныхъ или земскихъ построекъ и указаніи естественнаго мѣстонахожденія и способовъ доставки необходимыхъ для нихъ строительныхъ матеріаловъ, о дознаніи способности или неспособности рѣки къ судоходству, о мѣстныхъ топографическихъ и гидрографическихъ условіяхъ и наилучшихъ способахъ поправленія поврежденій и разрушеній, произведенныхъ, напримѣръ, бурей или рѣками на общинныхъ дорогахъ, о степени мѣстныхъ дѣйствій моровыхъ повѣтрій, о нравственно-религіозныхъ, такъ называемыхъ въ актахъ, мірскихъ уложеніяхъ и т. п.

живыхъ, естественно-возбудительныхъ импульсовъ къ развитію живой впечатлительности, разнообразія привычекъ ума и живой дѣятельности сравнительныхъ процессовъ мышленія, при частомъ убійственномъ дѣйствіи суроваго климата на производительность естественной экономіи русской земли и, слѣдовательно, на жизнь, благосостояніе и нервную организацію народа, при частыхъ опустошительныхъ моровыхъ повѣтріяхъ, неурожаяхъ и голодахъ, тоже деморализовавшихъ духъ народный, при отсутствіи умственно-возбудительныхъ и нравственно-оживляющихъ импульсовъ въ грубомъ строѣ и неблагопріятныхъ условіяхъ общественной жизни, при преобладаніи такихъ подавляющихъ, забивающихъ и притупляющихъ нервную систему народа условій и правилъ воспитанія, ученія, нравственной и хозяйственной практики, суда и управленія, какія установлялись, напримѣръ, византійской доктриной, «Домостроемъ», «Вождемъ по жизни», «Русской Правдой», «Судебниками» и «Уложеніемъ» и т. д.,—при всѣхъ этихъ условіяхъ, притупляющее вліяніе холоднаго сѣвернаго климата должно было со всею неотразимою силою дѣйствовать на нервную организацію всѣхъ послѣдовательныхъ рядовъ поколѣній русскаго народа. И потому неудивительно, если нервная система русскаго народа, не обезпеченная противодѣйствующими средствами воспитанія и культуры, съ самаго начала его исторіи, вполнѣ подчинилась этому притупляющему дѣйствію холоднаго климата и всѣхъ его послѣдствій въ умственной и соціально-политической исторіи народа.

А вслѣдствіе такой первоначально-неизбѣжной пассивной подверженности нервной организаціи народа всей силѣ притупляющаго дѣйствія холоднаго климата и другихъ физическихъ и историческихъ обстоятельствъ, и умственныя силы народа естественно должны были по необходимости съ самаго же начала оказаться безсильными для изобрѣтенія разумныхъ соціальныхъ способовъ противодѣйствія этому притупляющему вліянію климата и другихъ причинъ. Именно, сила мозга или сила умозрительныхъ способностей народа по необходимости должна была съ самаго же начала оказаться столь притупленною, вялою, пассивною и импотентною, что не способна была сама собою исторически выработать и прочно установить самостоятельными усиліями народнаго ума и труда такія благопріятныя соціально-педагогическія и культурныя условія индивидуальнаго, семейнаго и общественнаго воспитанія и развитія, которыя всего могущественнѣе могли реагировать, между прочимъ, и противъ самаго притупляющаго и усыпляющаго дѣйствія суроваго сѣвернаго климата. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если и холодъ климата, безпрерывно замедляя быстроту распространенія возбужденій по нервамъ и притупляя дѣятельность нервной системы, оказалъ дѣйствительное и сильное вліяніе на медленную возбуждаемость и притупленіе нервной чувствительности и впечатлительности русскаго народа, а черезъ то породилъ, путемъ дальнѣйшихъ, естественно-психологическихъ слѣдствій, и общую медленность умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, вялую и пассивную дѣятельность умозрительныхъ способностей, и вообще, ограниченную степень возбуждаемости и напряженія силы ощущеній, идей и желаній и т. п.

Отсюда проистекала, во-первыхъ, эта поражавшая всѣхъ западныхъ путешественниковъ особенная притупленность и нечувствительность нервной организацiи русскаго народа къ впечатлѣнiямъ привычнымъ, хотя бы то, по природѣ своей, для чувствительныхъ нервовъ и рѣзко ощутительнымъ. Всѣ иностранцы единогласно свидѣтельствуютъ, что русскiе искони отличались удивительною нервною привычкою и нечувствительностью къ самымъ рѣзкимъ перемѣнамъ температуры, къ сильнѣйшему холоду и жару, а также къ самымъ ощутительнымъ накожнымъ раздраженiямъ, напримѣръ, къ сильнымъ тѣлеснымъ ударамъ, мукамъ, ушибамъ и болямъ и т. п. «Русскiй—говоритъ Флетчеръ,—чрезвычайно терпѣливъ, привыченъ и нечувствителенъ къ крайностямъ холода и жара» [1]. «Въ суровую холодную зиму, — говоритъ Петрей, — часто можно видѣть, что двухлѣтнiя дѣти, почти нагiя, бѣгаютъ по снѣгу, потомъ влѣзаютъ на печь и холодъ прогоняютъ жаромъ» [2]. «Москвитяне — пишетъ Олеарiй — чрезвычайно нечувствительны къ холоду и жару. Они въ состоянiи выносить самый сильный жаръ, а потому въ баняхъ, ложась на полокъ, они заставляютъ бить себя вѣниками и тереть ими себѣ тѣло, что для западнаго европейца невыносимо. Раскраснѣвшись и утомившись отъ сильнаго жара, они выбѣгаютъ изъ бани совершенно голыми и обливаютъ себя холодною водой. Зимой, въ самый жестокiй морозъ, валяются въ снѣгу, какъ мыломъ трутъ имъ себѣ тѣло и потомъ снова уходятъ въ жаркую баню. Такъ какъ подобныя бани обыкновенно устраиваются на рѣкахъ и рѣчкахъ, то моющiеся въ нихъ изъ жару прямо бросаются въ холодную воду. Такой быстрый переходъ отъ тепла къ холоду, и обратно, не приноситъ имъ никакого рѣшительно вреда, такъ-какъ они привыкли уже къ этому съ ранняго дѣтства. Поэтому русскiе, такъ же, какъ и финны, и латыши, народъ сильный и здоровый, способный легко переносить и холодъ, и жаръ. Съ величайшимъ удивленiемъ смотрѣлъ я въ Нарвѣ на русскихъ и финскихъ мальчиковъ отъ восьми и девяти до десяти лѣтъ, какъ они, будучи одѣты въ тонкiе, полотняные кафтаны, стояли и ходили по снѣгу босыми ногами впродолженiи получаса, не обращая ни малѣйшаго вниманiя на нестерпимый холодъ» [3]. Нечувствительность, притупленность нервной организацiи русскаго народа къ самымъ жестокимъ накожнымъ раздраженiямъ и болямъ доходила иногда до поразительныхъ размѣровъ. Напримѣръ, Корбъ сообщаетъ такое признанiе одного стрѣльца: «Мои соучастники — разсказывалъ стрѣлецъ — учредили товарищество: никто не могъ быть принятъ въ него прежде, чѣмъ не перенесетъ пытку, и тому, кто являлъ болѣе силы при перенесенiи истязанiй, оказываемы были и бо́льшiя передъ прочими почести. Каждый поступившiй въ это общество выносилъ разныя муки и такимъ образомъ доказывалъ свое *умѣнье терпѣть*. Я былъ шесть разъ мучимъ своими товарищами, почему и былъ, наконецъ, избранъ ихъ начальникомъ. *Битье кнутомъ дѣло пустое*; *пустяки*

---

[1]) Fletscher, London. 1691. p. 913. Рихтера „Исторiя медиц. въ Россiи". I, 46.

[2]) Petreus. Leips. 1620. с. 612.

[3]) Olearius: Voyages en Moscovie. Amsterd., 1727. I, p. 233. Отрывокъ въ „Архивѣ" Калачева за 1859 г., кн. III.

также для меня и обжиганіе огнемъ послѣ кнутовъ; мнѣ приходилось переносить у моихъ товарищей несравненно жесточайшую боль. Такъ, напримѣръ, самая чувствительная боль, когда горящій уголь вкладываютъ въ уши; не меньшая мука, когда на выбритую голову, съ мѣста, на два локтя надъ нею возвышеннаго, опускается тихо, каплями, весьма холодная вода. И при всемъ томъ *я оказался превыше всѣхъ означенныхъ истязаній и явилъ превосходныя силы»* [1]). При такой притупленности и нечувствительности нервной организаціи неудивительно, если крѣпкіе нервы русскаго народа весьма мало чувствительны были и къ разнымъ страданіямъ и лишеніямъ въ жизни. Медленная возбуждаемость и притупленная воспріимчивость нервной чувствительности, обусловливая слабое возбужденіе и напряженіе ощущеній, естественно порождала и слабую напряженность и возбуждаемость идей и желаній. «Русскіе—писалъ Самуиль Кихель въ XVI вѣкѣ—ограничиваются малымъ кругомъ желаній и потребностей и отличаются удивительною малочувствительностью, довольствуются немногимъ, неразборчивы въ пищѣ и питьѣ, и терпѣливѣе всѣхъ народовъ переносятъ холодъ, голодъ и жажду» [2]). «Русскіе — писалъ въ позднѣйшее время Шторхъ — отличаются умѣренною или слабою чувствительностью къ страданію и твердостью противъ всякаго безпокойства: голодъ и жажду, недостатокъ въ удобствахъ и покоѣ жизни русскій можетъ терпѣть гораздо долѣе всякаго иностранца» [3]). Вообще русскій народъ приводилъ въ изумленіе иностранцевъ своею нервною притупленностью, терпѣливостью, равнодушіемъ и нечувствительностью ко всякимъ лишеніямъ удобствъ жизни, для европейца весьма чувствительнымъ и невыносимымъ. Дѣти, послѣ двухъ мѣсяцевъ, легко, безъ всякаго чувства страданія, отрывались отъ кормленья грудью и привыкали къ грубой пищѣ; ребятишки не чувствовали, какъ морозъ щипалъ имъ ноги, руки, носъ и бѣгали въ однѣхъ рубашкахъ, безъ шапокъ, босикомъ, по снѣгу въ трескучіе морозы; юношамъ не только не было непріятно, но еще считалось неприличнымъ спать на постели, а простой народъ вообще не зналъ, что такое постель, спалъ крѣпко на полу грязномъ, сыромъ и холодномъ, на сырой и холодной землѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ и т. д. Частые холода и посты съ грубой и скудной пищей, состоявшей изъ кореньевъ и дурной, вонючей рыбы, народъ переносилъ съ изумительно-крѣпкимъ долготерпѣніемъ. Вообще живучи въ тѣснотѣ и дыму, съ курами и телятами, русскій простолюдинъ получалъ нечувствительную, крѣпкую натуру. На войнѣ русскіе удивляли враговъ своимъ терпѣніемъ: никто крѣпче русскаго не могъ вынести продолжительной и мучительной осады, при лишеніи самыхъ первыхъ потребностей, при стужѣ, голодѣ, знoѣ, жаждѣ [4]). Даже нервныя органи-

[1]) Дневникъ Корба.

[2]) Samuel Kiechel's Reisen, vom Jahre 1585 bis 1589. Извлеч. у Аделунга, въ обзорѣ древнѣйшихъ путешествій иностранцевъ по Россіи. Ч. I-я, стр. 235—236.

[3]) Storch: „Historisch-Statistisches Gemälde des Russ. Reichs“. Riga. 1797. B. 1, p. 483—484.

[4]) Костомарова „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII стол.“ стр. 100.

ація женщинъ, жившихъ при томъ въ богатствѣ и, слѣдовательно, имѣв-
шихъ возможность изнѣживаться, оказывалась изумительно-переносчи-
вою и нечувствительною къ самымъ суровымъ лишеніямъ и страданіямъ, къ самому жестокому изнуренію тѣла, къ самопроизвольному ущипыванію, колыванью и всякому непріятному раздраженію осязательной чувствительности кожи на тѣлѣ, произвольному перенесенію жестокаго голода, суроваго зимняго мороза и т. п. Напримѣръ, повѣсть объ Уліяніи Муромской, дочери богатаго ключника, обладавшей большимъ богатствомъ и множествомъ рабовъ и, слѣдовательно, имѣвшей всѣ средства къ изнѣженной жизни, разсказываетъ слѣдующее: «Сія Уліянія отъ младыхъ ногтей посту прилежала, такъ что родственницы ея надсмѣхались и говорили ей: о, безумная, что въ такой младости плоть свою изнуряешь и красоту дѣвственную губишь?» Она же не слушалась ихъ, переносила постъ и на игры и пѣсни съ ними не ходила. Когда случился однажды моръ сильный на людей, она, тайно отъ свекрова и свекрови, язвенныхъ многихъ своими руками обмывала и лечила. Спать съ вечера, послѣ молитвы, *ложилась она на печи безъ постели, только дрова острыми концами къ тѣлу подстилала и ключи желѣзные подъ ребра свои подкладывала* и на тѣхъ мало усыпала. Когда приходила зима, она *всю зиму безъ теплой одежды ходила и въ сапоги босыми ногами обувалась, только подъ ноги свои орѣховы скорлупы и острыя черепья вмѣсто стелекъ подкладывала* и тѣло утомляла. А зима въ одно время была столь студена, что земля отъ морозу разсѣдалась. Въ то же время былъ голодъ крѣпкій по всей русской землѣ, такъ что многіе отъ нужды скверныя мяса и человѣческіе трупы ѣли, и несчетное множество людей отъ голоду перемерло. И въ дому Уліяніи настала великая скудость въ пищѣ и во всемъ потребномъ, ибо нисколько не выросъ посѣянный ею хлѣбъ, а скотъ и кони вымерли. Она же, сколько осталось скота, и одежды, и посуды, все распродала на хлѣбъ, и отъ того челядь и нищихъ кормила, и дошла, наконецъ, до послѣдней нищеты, такъ что ни одного зерна не осталось у ней въ дому, *но она о томъ не унывала.* Когда скудость въ дому ея умножилась, она распустила рабовъ на волю, дабы не изнурились голодомъ, но доброразсудные изъ нихъ обѣщались съ нею терпѣть, и она повелѣла имъ собирать лебеду и кору древесную и сдѣлала изъ того хлѣбъ, и отъ того сама съ дѣтьми и рабами питалась и нищихъ кормила, и хлѣбъ ея казался сладкимъ всѣмъ. *Потерпѣла же она въ той нищетѣ два года и не опечалилась, не смутилась, ни пороптала, и въ устахъ своихъ согрѣшили и не изнемогла нищетою, но паче первыхъ лѣтъ весела была»* [1]). Еще болѣе изумительна эта закаленная нервная нечувствительность и крѣпость служилыхъ русскихъ людей, которые открыли сибирскіе страны въ XVII вѣкѣ. Они пускались въ невѣдомые края со скудными запасами, нерѣдко еще испорченными отъ дороги; истративъ ихъ, принуждены бывали по нѣсколько мѣсяцевъ сряду питаться мохомъ, травой и кореньями, бороться съ ледянымъ климатомъ, спать въ вырытыхъ въ снѣгу ямахъ, зимовать на Ледовитомъ морѣ, а по воз-

[1]) „Памятн. стар. русск. литерат.", вып. I, стр. 63—66.

вратѣ изъ такого тяжелаго путешествія нерѣдко въ благодарность были обираемы и оскорбляемы воеводами—и потомъ опять охотно шли въ походы, на новые богатырскіе подвиги, на пріисканіе новыхъ землицъ и народовъ, на бой съ иноземцами и проч. Отписки служилыхъ людей исполнены поразительныхъ извѣстій о ихъ закаленной терпѣливости и переносчивости. Возьмемъ, напримѣръ, первую попавшуюся подъ руку отписку съ Ледовитаго моря знаменитаго казака Семена Дежнева: «На морѣ—писалъ онъ—разнесло насъ безъ вѣсти и носило по морю послѣ Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берегъ въ передній конецъ на Анадырь рѣку; а было насъ на косѣ всѣхъ 25 человѣкъ, и пошли мы всѣ въ гору, сами пути себѣ не знаемъ, холодны и голодны, наги и босы, а шли ровно 10 недѣль, а попали на Анадырь рѣку внизу близъ моря, и рыбы добыть не могли (на пищу), лѣсу нѣтъ (на дрова), и голодные ходили мы 20 денъ, ночевали въ снѣгу, ямы копали; дошли мы до Анаульскихъ людей и взяли два человѣка съ боемъ, а меня ранили смертною раною» и пр. [1]). «А мы, холопы твои—писали царю другіе служилые люди изъ Дауро-Монголіи — мы въ твоей государевой дальней службѣ были не хлѣбны и холодны, и взявъ ясакъ, какъ воротились назадъ, пристигла насъ зимняя пора, въ Камено (въ хребтахъ) палъ снѣгъ великій, и захватили морозы лютые, и бездорожица непроходимая, и голодъ смертный, и конишки наши пристали и перепропали, а многія пристальныя лошади по степямъ разметали, и боронишка свои и животишка по дорогѣ разметали, и брели нужную дорогу пѣши, и съ голоду и съ нужи горькіе, не хотя умереть голодною смертію, ѣли по дорогѣ пристальныхъ лошадей, и обутки и камысы ѣли, съ великою нужею едва въ Балаганскій острогъ приволоклися, испухли и опынжали и позябли, а въ походѣ того нашего терпѣнья было восемь недѣль, и отъ того мы голоднаго терпѣнья обнищали и обдолжали» и проч. [2]). И съ такою закаленною переносчивостью нервной организаціи служилые люди могущественно совершили свой богатырскій подвигъ боевого покоренья и первоначальнаго колонизаціоннаго устройства сибирскихъ земель.

При такой общей закаленности или нечувствительности нервной организаціи, вслѣдствіе большаго или меньшаго притупленія дѣятельности нервныхъ центровъ, неизбѣжно производимаго постояннымъ и неотвратимымъ дѣйствіемъ суроваго холода сѣвернаго климата, естественно и центральный органъ нервной системы, мозгъ русскаго народа неизбѣжно отличался болѣе или менѣе медленною возбуждаемостью и притупленною воспріимчивостью къ ощущеніямъ, а тѣмъ болѣе — къ идеямъ. Вслѣдствіе медленнаго распространенія возбужденій по нервамъ, при общей медленности и притупленности нервной воспріимчивости и чувствительности, сперва долго нужно было, такъ сказать, однимъ внѣшнимъ чувствомъ русскаго народа пассивно сосредоточиваться на предметахъ внѣшняго міра. Долго нужно было пассивно воспринимать медленное передвиженіе по

[1]) Дополн. къ акт. истор., т. IV. стр. 25—26.
[2]) Доп. къ акт. истор. IV. стр. 239.

нервамъ возбужденій со стороны внѣшнихъ предметовъ, чтобы сначала, мало-по-малу, воспринять, ощутить и сознать эти возбужденія и потомъ, посредствомъ медленныхъ ассоціацій ощущеній, выработывать въ мозгу элементарныя, конкретныя представленія, понятія, идеи о предметахъ и, наконецъ, путемъ медленныхъ ассоціацій этихъ представленій и идей, выработывать болѣе сложныя отвлеченныя идеи и умозаключенія. Правда, при естественной, органической медленности и продолжительности процесса прохожденія возбужденій по нервамъ, умъ русскаго народа всегда реально-изобразительно отпечатлѣвалъ въ себѣ и выражалъ въ словѣ эти медленно воспринятыя и долго прочувствованныя возбужденія въ нервныхъ центрахъ или ощущенія этихъ возбужденій. Но, съ другой стороны, по причинѣ общей медленности нервно-мозговыхъ процессовъ, происходящей отъ медленнаго передвиженія возбужденій по нервамъ, умъ народный весьма медленно ассоціировалъ эти ощущенія въ отвлеченныя понятія и потомъ въ логическіе выводы или обобщенія. Вообще, онъ медленно обдумывалъ вещи, медленно мыслилъ, разсуждалъ и умозаключалъ. Поэтому, въ «Сводѣ военныхъ постановленій» о малороссахъ, напримѣръ, вѣрно замѣчено: «Умъ ихъ глубокомысленъ, проницателенъ, но какъ-то *медленъ*; обдумываютъ они вещи здраво, но *не скоро*; характеръ ихъ отличается *медленностью*» [1]). Самъ народъ нашъ своимъ естественно-историческимъ опытомъ дознадъ и мѣтко охарактеризовалъ эту общую медленность и притупленность своей нервно-мозговой чувствительности и воспріимчивости, и происходящую отъ того общую медленность и косность ума. Въ пословицахъ великорусскаго народа много, напримѣръ, такихъ присловій о Руси: «Русь подъ снѣгомъ закоченѣла: русакъ уменъ, да заднимъ умомъ», или «русакъ назадъ уменъ; люди думаютъ, до чего-нибудь додумываются, а мы думаемъ, изъ раздумья не вылазимъ; долго сидѣлъ, да ничего не высидѣлъ—долго думалъ, да ничего не выдумалъ; толку вѣкъ, а толку нѣтъ; дума, что борода—лишняя тягота». Сравнивая себя съ нѣмцами, русскій народъ сдѣлалъ такой выводъ: «нѣмецъ своимъ разумомъ доходитъ (изобрѣтаетъ), а русскій глазами (перенимаетъ); нѣмечина хитра; нѣмецъ хитеръ — обезьяну выдумалъ; русскій народъ — глупый народъ; русакъ заднимъ умомъ крѣпокъ; кабы у нѣмца напереди, что у русскаго назади— съ нимъ бы и ладовъ не было (объ умѣ); кабы русскому тотъ разумъ напередъ, что̀ приходитъ опосля». Или изъ исторіи народъ извлекъ такіе выводы о думѣ народной: «думаютъ думные люди—думаетъ индѣйскій пѣтухъ; новгородцы такали, такали, да Новгородъ и протакали; псковичи небо кольями подпирали: три дня у нихъ сходка стояла, думая, что дѣлать? туча нависла, рѣшили подпереть кольями; но вятски—на угадъ; вятичи—ротозѣи: новгородцы подпустили подъ Болванскій городокъ (село Никулицыно) болвановъ на плотахъ, вятичи зазѣвались на нихъ, а новгородцы съ другой стороны взяли городокъ» и т. п. [2]). Эта общая медленность

[1]) Сводъ военныхъ постановл. Ч. Х. Наказъ войскамъ 1838 г. Пятое приложеніе къ своду, парагр. 102, 103, 106.

[2]) Даля „Сборникъ пословицъ русскаго народа", подъ словами: русь — родина умъ—глупость, толкъ—безтолочь.

и вялость умственныхъ процессовъ обдумыванья, сообразительности, догадки и т. п., естественно неблагопріятствовала развитію въ умѣ народномъ ассоціаціи идей, необходимыхъ для возбужденія и поддержанія осторожности, осмотрительности и предусмотрительности. И потому предки наши вообще нерѣдко отличались удивительною оплошностью, и часто, единственно по недостатку осторожности и предусмотрительности, пассивно подчинялись нападенію разныхъ народовъ—половцевъ, татаръ, крымцевъ, поляковъ, литовцевъ и т. п. [1]). Но главное, вслѣдствіе медленнаго распространенія по нервамъ возбужденій и, слѣдовательно, медленной возбуждаемости мозга, русскому народу сначала нужно было много вѣковъ только смотрѣть, слушать, осязать, ощущать, вообще всѣми внѣшними чувствами воспринимать возбужденія или впечатлѣнія отъ предметовъ и явленій русской земли и исторіи. Нужно было цѣлые вѣка только *«дозирать, досматривать»*, или черезъ особыхъ *«углядниковъ»* углядывать и записывать то, что было досмотрѣно или что было ощущено, прочувствовано, пережито и испытано народомъ на русской землѣ, чтобы потомъ уже, спустя 7 или 8 столѣтій, все досмотрѣнное и воспринятое внѣшними чувствами начать разумно, отчетливо обдумывать, или чтобы Мессершмидты, Палласы и Шлецеры могли возбудить и воспитать въ лучшихъ передовыхъ русскихъ умахъ мысль о разумномъ, научномъ познаніи природы и исторіи русской земли. Отъ того народъ русскій, путемъ такого медленнаго возбужденія чувствъ или способностей воспріятія, слишкомъ поздно и медленно вступалъ и въ періодъ мысли, размышленія или дѣятельности умозрительныхъ способностей. «Ибо—какъ говоритъ Дуттенгоферъ—люди, которые постоянно живутъ въ мірѣ однихъ созерцаній и восприниманій, *«работаютъ чувствами, но не размышляютъ»* [2]). Тогда какъ среди нѣмецкой націи уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ возбудилась, по выраженію Гумбольдта, «всеобщая самодѣятельность мышленія», возбудилось отвлеченное, философское мышленіе, выразившееся, напримѣръ, въ борьбѣ номиналистовъ и реалистовъ—умъ русскаго народа, по причинѣ слабой возбуждаемости и самодѣятельности его мозга и по общей медленности мыслительныхъ процессовъ, никогда не чувствовалъ въ себѣ природной наклонности и способности къ философіи, къ отвлеченному, чистому мышленію и философскому умозрѣнію [3]). Онъ долго (до начала умственнаго

[1]) Графъ Румянцевъ, извѣстный собиратель такъ-называемаго „Румянцевскаго музеума“ и меценатъ русскихъ историковъ и археологовъ, разговаривая съ Калайдовичемъ о различіи народовъ отъ климатовъ и о низкомъ состояніи умственнаго развитія нашихъ предковъ временъ Рюрика и Олега, справедливо указывалъ на подобные факты крайней оплошности нашихъ предковъ, какъ на факты ихъ умственной вялости, спячести и медленности, ссылаясь, напримѣръ, на то, что они прозѣвали какъ разъ угры, не предварившись, смѣло шли мимо Кіева, а въ другой разъ жители Кіева прозѣвали внезапное нашествіе половцевъ и т. п. (Записки Калайдовича. Лѣтоп. русск. литерат. 1859—60, кн. VI, отд. II, стр. 83).

[2]) Въ статьѣ: „Ухо и слухъ“. См. въ естественно-исторической хрестоматіи I. Ламперта. Спб. 1866. стр. 404.

[3]) Какъ въ прошломъ столѣтіи,—по словамъ Рейхеля, русскіе умы „не имѣли склонности къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ“, такъ въ началѣ XIX столѣтія

и лингвистическаго вліянія запада съ XVIII столѣтія) не могъ выработать даже достаточно общихъ, отвлеченныхъ понятій и словъ для выраженія ихъ[1]). Равнымъ образомъ, вслѣдствіе той же медленной возбуждаемости и самодѣятельности умственныхъ способностей, русскому народу долго нужно было только смотрѣть, глазами воспринимать образцы западной изобрѣтательности и искусства, чтобы потомъ уже, послѣ долгой зрительной самовозбуждаемости и воспріимчивости, мало-по-малу возбудить и развить въ себѣ самостоятельную умственную способность изобрѣтательности. «Нашего народа люди — писалъ Юрій Крыжаничъ — суть коснаго разума и неудобно сами что выдумаютъ, если имъ не покажутъ; сами они ничего не могутъ выдумать, и потому имъ на все нуженъ отъ иныхъ народовъ наглядный образецъ, узоръ, видъ» [2]). Не даромъ и самъ народъ говоритъ въ пословицѣ: «нѣмецъ своимъ разумомъ доходитъ (изобрѣтаетъ), а русскій *глазами*». Въ XVII вѣкѣ русскіе тѣ только вещи похитрѣе и умѣли дѣлать, какія высматривали у иноземныхъ мастеровъ, или, по собственному сознанію ихъ, «дѣлали по образцамъ, которые видѣли у нѣмецкихъ мастеровъ, а сами, окромя того, иного дѣла дѣлать не умѣли» [3]). Такъ и въ началѣ XVIII столѣтія, русскіе, по выраженію одной инструкціи Петра Великаго, «училсь *у фабрикъ, присматривались къ машинамъ и прочему*» [4]). Итакъ, долго и медленно, посредствомъ разсматриванія западныхъ образцовъ, возбуждалась и развивалась въ русскихъ умахъ самостоятельная изобрѣтательность. Точно также, по нечувствительности или притупленности нервной организаціи, русскому народу обыкновенно сначала надобно было много вѣковъ выстрадать, или посредствомъ долговременнаго страданія мало-по-малу воспринять и прочувствовать всѣ, гнетущимъ образомъ раздражающія возбужденія или дѣйствія того или другаго историческаго зла,

по словамъ Роммеля, „пониманіе высшей философіи было имъ почти недоступно". Не далѣе, какъ въ прошломъ году одинъ городской голова на одномъ земскомъ собраніи категорически выразился: „намъ нужны не философскія разсужденія, а нужна земская грамотка". Вслѣдствіе вѣкового отсутствія возбужденія и развитія философскаго мышленія, въ умахъ русскихъ вообще не развился философскій тактъ, не развилась наклонность и способность къ отвлеченному, философскому мышленію на нѣмецкій манеръ. Поэтому, даже писатели, нѣкогда увлекавшіеся философіей Гегеля, сознавались, что они вовсе не обладали нѣмецкимъ философскимъ тактомъ. Г. Тургеневъ замѣчаетъ о себѣ и о Бѣлинскомъ: „Мы вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, но ни онъ, ни я, мы нисколько не были философами и *не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто на нѣмецкій манеръ*". (Воспоминанія о Бѣлинскомъ. „Вѣстникъ Европы", 1869 г., кн. 4-ая, стран. 701).

[1]) Справедливо замѣчаніе Леклерка: „Почти для всего, что не имѣетъ тѣла и образа, для выраженія вещей, неподлежащихъ чувствамъ, недостаетъ въ русскомъ языкѣ реченій". Еще въ XVIII столѣтіи весьма трудно было передать на русскомъ языкѣ даже заглавія нѣмецкихъ естественно-научныхъ книгъ. И Миллеръ, передавая ихъ въ своихъ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ" на латинскомъ языкѣ, оговаривается „трудныя такія матеріи едва на россійскомъ языкѣ, безъ пространнаго изъясненія, представить возможно". („Ежемѣсячныя сочиненія". 1763 г., іюль, стран. 70).

[2]) О москов. госуд., разд. 7.

[3]) Доп. къ акт. ист. V, стр. 257.

[4]) Пекарскаго. „Наука при Петрѣ", I, 227.

чтобы потомъ уже, но и то не путемъ размышленія, а вслѣдствіе наболѣвшаго долговременнаго чувства страданія, или дождавшись какого-нибудь внезапно поразительнаго и сильно возбуждающаго толчка на его притупленную нервную чувствительность, начать искоренять это зло, безъ всякой, однакожъ, многосложной думы, безъ глубоко продуманной, организаціонной идеи и плана. Такова, напримѣръ, была пугачевщина [1]. И самъ народъ русскій утверждаетъ, что онъ нечувствителенъ къ страданію, терпѣливъ, и что не по сознанію, не вслѣдствіе собственнаго размышленія выходитъ онъ изъ терпѣнія, а вслѣдствіе какого-нибудь сильно раздражительнаго воздѣйствія на его притупленную нервную чувствительность. «Русскій терпѣливъ до зачина; русскій задора ждетъ». Оттого народъ русскій и нечувствителенъ, долготерпѣливъ и особенно бездуменъ относительно своихъ недостатковъ и страданій: онъ пассивно болитъ ими, но не размышляетъ о вредѣ ихъ, долго даже не сознаетъ ихъ вполнѣ разумно и критически, и потому не додумывается, какъ бы искоренить ихъ. Въ этомъ отношеніи весьма вѣрна замѣтка г. Тургенева: «Нѣмецъ старается исправить недостатки своего народа, *убѣдившись размышленіемъ* въ ихъ вредѣ; русскій еще *долго будетъ самъ болѣть ими*» [2]. Далѣе, при органической, нервной малочувствительности или притупленности, умъ русскаго народа всегда былъ такъ медленно и неповоротливо воспріимчивъ къ впечатлѣніямъ идей, убѣжденій, къ силѣ доказательствъ, что въ немъ всегда весьма трудно было возбудить такіе живые и быстрые мыслительные процессы, которые бы способствовали живому и быстрому развитію ассоціацій идей, благопріятныхъ для живого и скораго воспріятія впечатлѣній всякаго сильнаго и разумнаго доказательства. И потому, ему всегда весьма трудно было доказать какую-нибудь непривычную для него мысль или истину, трудно было убѣдить его, если эта истина или ея доказательства и доводы не сопряжены были съ какими-нибудь неожиданно поразительными, наглядными и осязательными впечатлѣніями внѣшнихъ чувствъ, или своею обаятельною силою преодолѣвавшими его притупленную нервную воспріимчивость, или живо ощутительно затрогивавшими наиболѣе чувствительную струну его эгоистическихъ наклонностей. Не даромъ народъ

[1]) Такъ и въ древней Россіи вѣковыя страданія народныя, особенно начавшіяся и постепенно усиливавшіяся съ развитіемъ московской централизаціи, приказной системы опеки и областныхъ учрежденій, самоуправства и насилія воеводскаго и боярскаго произвола писцовъ и дозорщиковъ въ раскладкѣ податей, отъ чего *инымъ было легко, а инымъ тяжело*, и въ народѣ, по словамъ царя Михаила Θеодоровича, была *скорбь конечная* и проч., и проч. всѣ эти вѣковыя страданія народа только къ концу XVIII вѣка до того наболѣли, что, по выраженію одного хронографа, *„сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены“*. И потому только къ концу древней Руси на сердцѣ народа до того наболѣло чувство страданія отъ всѣхъ этихъ вѣковыхъ, гнетущихъ золъ и тягостей государственнаго и общественнаго строя древней Руси, что невольно излилось, наконецъ, и въ литературѣ народной, напримѣръ, въ извѣстной повѣсти о „Горѣ Злочастьи“, и въ народныхъ движеніяхъ, напримѣръ, въ бунтахъ по городамъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, въ бунтѣ Стеньки Разина, въ бунтахъ стрѣлецкихъ и т. п.

[2]) „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“ въ „Вѣстникѣ Европы“, апрѣль 1869 г.

русскій скорѣе на обумъ, безъ всякаго разсужденія, вѣрилъ въ чудо и небылицу, чѣмъ въ доводъ разума и свидѣтельство истины. «Въ небылицѣ — говоритъ Коллинсъ — русскихъ увѣрить легко, но трудно убѣдить ихъ въ истинномъ и вѣроятномъ» [1]). И въ самомъ дѣлѣ, сколько было умственныхъ, а иногда и внѣшнихъ волненій народа по поводу ложныхъ слуховъ, химерическихъ представленій и недоразумѣній, въ которыхъ никакими разумными доводами невозможно было разубѣдить народъ, пока время и исходъ дѣла, очевидно, не обнаруживали лжи и нелѣпости слуха или недоразумѣнія. Сколько было, даже въ наше время, оптическихъ или галлюцинаціонныхъ обмановъ чувствъ, ложныхъ явленій, въ которыхъ самымъ разумнымъ и убѣдительнымъ объясненіемъ дѣла никакъ нельзя было разувѣрить народъ. Наконецъ, сколько есть великихъ истинъ, идей, особенно позитивно-философскихъ и соціологическихъ, которыя давно открыты, доказаны и утверждены европейскимъ разумомъ, но въ которыхъ общество русское еще долго весьма трудно и даже невозможно будетъ убѣдить. Мозгъ русскаго народа всегда былъ особенно тупо воспріимчивъ и мало чувствителенъ къ вліянію умозрительныхъ, отвлеченныхъ идей. Такъ нравственно-теоретическія или умосозерцательныя, соціологическія идеи христіанскаго, евангельскаго ученія народъ нашъ долго вовсе не могъ воспринять умомъ и чувствомъ, особенно по сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ украйнамъ. Даже въ XVI вѣкѣ, и притомъ благочестивые русскіе книжники, по словамъ Максима Грека, «самую книгу евангелія внутрь уду и внѣ уду обильно украшали златомъ и сребромъ, а *силы словесъ его не принимали и не понимали»* [2]). Да и доселѣ масса народа большею частью нисколько не понимаетъ сущности христіанскаго ученія, тупоумно соблюдаетъ одни обряды, а часто даже съ заскорузлымъ тупоуміемъ держится нелѣпыхъ старинныхъ суевѣрій, какъ непреложныхъ истинъ вѣры. На западѣ христіанство такъ возбудительно импульсировало умы, что произвело самую живую дѣятельность умозрительныхъ способностей, породило энтузіастическую борьбу мистики и схоластики и, потомъ, протестантства и католичества, а въ средѣ русскаго народа оно не возбудило никакой теоретической или раціоналистической самодѣятельности умозрительныхъ способностей. Потому средневѣковая умственная исторія русскаго народа не представляетъ никакой борьбы философскихъ, умозрительныхъ идей, никакой école des libres penseurs, какая возникла на Западѣ въ XV вѣкѣ. Вмѣсто insurrection de la raison, какъ выразился Гизо объ умственномъ движеніи, породившемъ на Западѣ раціонализмъ реформаціи, — въ Россіи произошло, въ концѣ концовъ, одно мертвообрядовое закоснѣніе и притупленіе умовъ въ спорахъ раскола о сугубой аллилуіа и т. п., притупленіе дошедшее въ большей части населенія, особенно старообрядческаго, до самой заскорузлой нечувствительности и невоспріимчивости къ идеямъ здраваго разума или науки. Вообще, воспріимчивость мозга русскихъ людей къ умозрительнымъ идеямъ, къ отвлеченнымъ научнымъ истинамъ или

---

[1]) Коллинсъ, 21.

[2]) Максимъ Грекъ. Рукоп. солов. библ., № 495, л. 279.

теоріямъ, до введенія раціональной европейской системы воспитанія и изощренія умовъ, была до крайности медленно и слабо возбуждаема и тупо податлива. Когда Петръ Великій сталъ вводить въ Россіи европейскія науки и посылать русскихъ «въ науку за море», то на первыхъ порахъ оказалась поразительная тупость русскихъ умовъ къ воспринятію научныхъ идей, такъ что нѣкоторые говорили Петру: «напрасны труды твои и издержки, головѣ и уму русскаго народа недоступны науки». Изъ училищъ, основанныхъ Петромъ, ученики десятками исключались единственно «за неудобностію» или «невзятіемъ и непринятіемъ наукъ». Нѣкоторые бояре, учившіеся математическимъ наукамъ за границей, съ горестію и отчаяніемъ писали: «хотя мнѣ всѣ дни живота своего себя къ той наукѣ трудить, но не принять будетъ: наука претрудная» [1]). И сильные умственно-возбудительные импульсы и впечатлѣнія запада такъ медленно и туго расшевеливали и возбуждали притупленную нервно-мозговую воспріимчивость русскихъ, что еще во второмъ и даже третьемъ ряду послѣ петровскихъ поколѣній господствовало «крѣпколобіе», то-есть крайне тупая воспріимчивость къ умственнымъ возбужденіямъ научныхъ идей и знаній. Въ «Недорослѣ» Стародумъ замѣчаетъ, что «Скотинины *всѣ крѣпколобы* и крѣпкіе лбы Вавилъ Фалелеевичей, не разбивающіеся даже объ каменныя ворота, предпочитаютъ лбамъ ученыхъ», то-есть умамъ живовоспріимчивымъ къ наукамъ. Вслѣдствіе этой притупленности нервной воспріимчивости, умъ русскаго народа въ своей возбуждаемости всегда отставалъ отъ умовъ западныхъ, всегда медленно и гораздо слабѣе ихъ возбуждался въ воспріятіи однихъ и тѣхъ же впечатлѣній или предметовъ, даже ему наиболѣе близкихъ. Тотъ же самый предметъ размышленія, представившійся умамъ западнымъ и умамъ русскимъ, въ первыхъ возбуждалъ самую напряженную и энергическую умственную дѣятельность, а въ русскихъ умахъ не только не возбуждалъ никакой умственной дѣятельности, но не могъ возбудить и самой воспріимчивости къ идеѣ, какая съ нимъ соединялась. Такъ, часто являвшіяся въ средніе вѣка кометы, а иногда и новыя звѣзды въ энергическихъ западныхъ умахъ возбуждали пылкій и живѣйшій духъ изслѣдованія: по словамъ Гумбольдта, одно явленіе новой звѣзды 1572—1573 года произвело самое живое возбужденіе важнѣйшихъ вопросовъ въ астрономіи; и, вообще, явленія звѣзднаго неба возбуждали и вызывали умы къ такимъ обширнымъ и великимъ изслѣдованіямъ, результатомъ которыхъ были міровыя открытія Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона [2]). А на Руси, тѣ же самыя поразительныя небесныя явленія, хотя и отмѣчались лѣтописцами въ лѣтописяхъ, но не возбуждали никакой мысли о необходимости астрономическихъ наблюденій и знаній; напротивъ, умы русскіе до того невоспріимчивы были къ самой идеѣ астрономіи, что чуждались этой науки, какъ чертовщины, и безъ всякаго размышленія считали ее «отреченною книгою» [3]). Или, такой близкій уму

[1]) Пекарскаго, „Наука при Петрѣ I", т. I.
[2]) „Космосъ", ч. III, отд. I, стр. 183—186.
[3]) См. наприм., „Отреч. книгу о астрономіи". Памят. стар. рус. литерат. III, стр. 19.

народному предметъ, какъ физико-географическая природа русской земли, въ умахъ западныхъ путешественниковъ возбуждала живую любознательность, такъ что многіе изъ нихъ, для удовлетворенія собственнаго любопытства и любознательности западной публики, болѣе или менѣе подробно описывали природу русской земли, напримѣръ: ея пространство, гидрографію или системы, истоки и физико-географическія особенности рѣкъ, качества воздуха, климатъ, свойства почвы, растенія, географическое распредѣленіе лѣсовъ, животныхъ, разные народы и степень населенности разныхъ областей и т. п. А въ умахъ русскихъ людей и природа русской земли не возбуждала никакой живой и разумно-сознательной, раціональной любознательности, никакой мысли о болѣе или менѣе подробномъ и систематическомъ познаніи и описаніи ея. Или еще фактъ: даже такой, самый близкій къ насущно-жизненнымъ интересамъ русскаго народа предметъ, какъ русское народное хозяйство, гораздо скорѣе и живѣе возбудилъ западные умы къ разработкѣ относящихся къ нему вопросовъ, чѣмъ умы русскіе. И иностранные ученые съ наиболѣе возбужденною умственною энергіею и любознательностью занимались экономическими вопросами Россіи, и гораздо болѣе сдѣлали въ этомъ отношеніи, чѣмъ русскіе ученые. Поэтому г. Безобразовъ въ рѣчи своей «О вліяніи экономическихъ наукъ на современную жизнь въ западной Европѣ» совершенно справедливо говоритъ: «изъ исторіи наукъ государственнаго и народнаго хозяйства на западѣ Европы, мы видимъ постоянно возрастающее вліяніе ея ученія на воспитаніе, образъ мыслей и дѣятельности государственныхъ людей. У насъ это вліяніе было весьма слабо и измѣнчиво. Но каждый народъ западной Европы имѣетъ свое самостоятельное національное мѣсто, завоеванное вѣковою работою мысли, во всемірномъ движеніи науки; на исторической почвѣ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи возникъ цѣлый міръ экономическихъ знаній и дѣятелей. Ничего подобнаго не было у насъ. Значительнѣйшіе ученые труды по народному и въ особенности государственному хозяйству, такъ или иначе связанные съ именемъ Россіи, принадлежатъ чужеземцамъ (Шторху, Гакстгаузену, Тенгоборскому и другимъ) и составляютъ, какъ, напримѣръ, труды академика Шторха, гораздо болѣе собственность западно-европейской литературы, чѣмъ нашей. Связи этого ученаго были гораздо значительнѣе въ Западной Европѣ, гдѣ онъ пользуется громкою славою, чѣмъ въ Россіи, гдѣ вліяніе его на общественную среду было весьма ничтожно [1]. За немногими исключеніями, вся отечественная экономическая литература, во всей своей совокупности, была не болѣе, какъ рядомъ заимствованій изъ иностранныхъ литературъ, рядомъ отраженій движенія идей въ остальномъ образованномъ мірѣ [2]). Потому около этихъ трудовъ не могло быть и не было сочувственной обще-

[1]) Его курсъ политич. экономіи не могъ быть, по цензурнымъ причинамъ, изданъ на русскомъ языкѣ.

[2]) Даже едва-ли не замѣчательнѣйшее до сихъ поръ въ нашей финансовой литературѣ сочиненіе Н. Тургенева „Опытъ теоріи налоговъ“ (Спб. 1819) составлено исключительно по иностраннымъ источникамъ и почти не заключаетъ въ себѣ свѣдѣній о Россіи.

ственной атмосферы, которая бы держала ихъ во взаимодѣйствіи съ народною жизнію. Все, самобытно выросшее на нашей почвѣ, подобно твореніямъ Посошкова въ прошедшемъ столѣтіи, или графа Канкрина въ нынѣшнемъ, не имѣетъ никакого значенія во всемірномъ развитіи науки» [1]. По всему этому, можно съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что и въ будущемъ, если мы будемъ спать умственнымъ сномъ относительно самыхъ животрепещущихъ вопросовъ, волнующихъ Западъ,—роковое рѣшеніе этихъ вопросовъ на Западѣ застанетъ насъ врасплохъ, разбудитъ съ испугомъ отъ нечаянности,—и западный разумъ, вѣроятно, продиктуетъ намъ рѣшеніе даже и нашихъ домашнихъ нерѣшенныхъ вопросовъ.

Далѣе, вслѣдствіе медленнаго распространенія возбужденій по нервамъ, нервная организація русскихъ, въ самыхъ интеллектуальныхъ функціяхъ своихъ, всегда характеризовалась болѣе или менѣе общею медленностью умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія и преобладаніемъ умственной склонности къ медленнымъ ассоціаціямъ идей или къ ассоціаціямъ фактовъ, впечатлѣній и ощущеній больше въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, чѣмъ въ порядкѣ сосуществованія. Эта черта умозрительныхъ способностей свойственна какъ массѣ народной, такъ и мыслящей части русскаго общества. Давно замѣчено, какъ мы сказали уже, что у народа нашего, вообще, медленный умъ и медленный характеръ. Медленность процессовъ народнаго мышленія и чувства выразилась, между прочимъ, въ умственномъ творчествѣ народа, въ способѣ выраженія народной поэзіи, особенно пѣсни. Мысль или чувство народа обыкновенно изливается такъ вяло, неповоротливо, медленно, что, напримѣръ, въ былинѣ, пѣснѣ или духовномъ стихѣ народномъ одно слово, или одинъ стихъ, часто самый бѣдный по выражаемой имъ идеѣ или чувству, сплошь и рядомъ монотонно и вяло повторяется до трехъ и болѣе разъ, пока возбудится или выдумается слѣдующее слово, или слѣдующій стихъ. «Наша народная поэзія — замѣчаетъ г. Буслаевъ. — не способна возбуждать и подстрекать умы; въ теченіе столѣтій она даетъ невозмутимо спокойное настроеніе, состоитъ въ ровномъ, однообразномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же ощущеній, вообще носитъ на себѣ характеръ спокойный, замедляемый повтореніями» [2]. Въ дѣятельности разсудка, въ сложныхъ логическихъ процессахъ классификаціи, анализа, отвлеченія и обобщенія, или въ дѣлѣ обсужденія какого-нибудь вопроса или предмета, давно замѣчена у насъ та же общая медленность мозговыхъ функцій и процессовъ мысли. Весьма характеристично представлена эта общая вялость и медленность дѣйствій умозрительныхъ способностей русскихъ въ сатирическомъ журналѣ «Кошелекъ», издававшемся Новиковымъ въ 1774 году. Тамъ иронически сказано, по поводу проекта одного русскаго ученаго общества: «Приступая къ сему важному дѣлу, намъ (по привычкамъ нашего ума) надлежитъ такимъ образомъ поступать: нѣсколько лѣтъ думать, нѣсколько лѣтъ разсуждать, нѣсколько лѣтъ дѣлать начертаніе,

[1]) Торжеств. собран. С.-Петерб. акад. наукъ, 1866 г., стр. 129—130 Т. CLXXXIX.—Отд. I.

[2]) Очерки литер., I. 596, 597.

сколько лѣтъ разсматривать оное; много лѣтъ пріуготовлять вещество, ого лѣтъ собирать оное, много лѣтъ приводить оное въ порядокъ, много тъ дѣлать изъ приведеннаго въ порядокъ выписку, много лѣтъ изъ выски сочинять, а потомъ еще болѣе всего, много лѣтъ разсматривать и обрять оный проектъ къ совершенію; что надлежитъ трудящимся давать ого жалованья, покойныя квартиры, хорошіе столы и прочее, дабы все услаждало чувство и приводило отечественный духъ въ сильное двиніе» [1]). Такою медленностью умственныхъ процессовъ ознаменовались и огія наши правительственныя коммисіи. Такова, напримѣръ, была извѣстя коммисія о составленіи законовъ. Она такъ медленно сочиняла сводъ коновъ, что императоръ Александръ I сдѣлалъ запросъ о причинѣ меднности ея. И первый членъ этой коммисіи, графъ Завадовскій сочинилъ представилъ государю въ особой запискѣ. «Отвѣтъ на запросъ о медленсти коммисіи». Начавши съ древнѣйшихъ временъ, со временъ Правды сской, и дойдя до временъ Александра I, Завадовскій, въ концѣ концовъ, ишелъ къ такому заключенію о причинахъ медленности коммисіи: «Комсія занимается выписками и сличеніемъ пространныхъ матеріаловъ, и мало не удивительно, *что огромная машина сія по натурѣ своей идетъ хо и медлительно»* [2]). При такой медленности умственныхъ процессовъ, гли ли русскіе умы додуматься до примѣненія хоть къ той же кодикаціи метода естественной классификаціи Линнея и Жюссье, какъ домался до этого Бентамъ. По причинѣ общей медленности мыслительныхъ оцессовъ умозрительныхъ способностей, мысль наша всегда шла позади, ставала отъ быстраго движенія идей западнаго разума. Особенно медленноспріимчива, пассивна, отстала и медлительна наша общественная мысль развитіи раціональнаго міросозерцанія, въ вопросахъ общественной крики, философіи или соціологіи. Въ этомъ отношеніи весьма вѣрна затка одного нашего современнаго писателя, разбиравшаго недавно сочиніе Спенсера о прогрессѣ: «Относительно западной Европы,—замѣчаетъ ъ,—мы играемъ роль кухарки, получающей отъ барыни по наслѣдству дромодныя шляпки. Въ то время, какъ мы еще дѣлимся на матеріаловъ и спиритуалистовъ, передовая западная мысль, въ лицѣ Конта, Спенра и проч., отрицаетъ и ту и другую систему. Въ то время, какъ въ наемъ обществѣ то и дѣло раздаются упреки передовымъ людямъ въ атеизмѣ, зитивизмъ называетъ атеистовъ «самыми нелогическими теологами» [3]). егко можетъ быть, что нѣкоторые принципы позитивной соціологіи рейдутъ къ намъ тогда, когда они уже падутъ въ западной Европѣ» [4]). онечно, причиной этого нашего умственнаго замедленія могла быть и носительная юность, незрѣлость, или, лучше сказать, позднее пробужде русской мысли. Но самое это позднее пробужденіе ея, въ концѣ кон-

---

[1]) Кошелекъ. 1774. М. 1858. Стр. 17.

[2]) Чт. общ. 1860. Кн. I. Смѣсь, стр. 64.

[3]) Выраженіе Конта и совершенно независимо отъ него одного изъ крайнихъ выхъ гегеліянцевъ.

[4]) „Отеч. Зап.“, 1869. № 2, стр. 239.

цовъ, зависѣло отъ той же коренной естественно-психологической причины, отъ общей медленности умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, обусловливаемой физико-физіологическими условіями медленнаго и слабаго возбужденія нервной воспріимчивости русскаго народа. Тою же общею медленностью возбужденія и движенія мыслительныхъ силъ, умозрительныхъ способностей—объясняется тотъ фактъ нашей умственной исторіи, что партіи консервативныя, стаціонарныя и регрессивныя у насъ всегда преобладали надъ партіями живого движенія и прогресса. Такова, напримѣръ, партія старообрядческая, партія мистико-славянофильская, партія современной, такъ называемой, «постепенщины», и т. п. И консервативныя партіи, партіи, вообще замедляющія и даже останавливающія умственный прогрессъ, у насъ всегда стояли во главѣ государства и общества, всегда заправляли всѣми умственными функціями соціальной жизни. Такъ въ древней Россіи во главѣ народа стояло духовенство и, въ особенности, монашество съ своими догматами и преданіями. Въ новой. послѣ-петровской Россіи интеллигенцію государственной дѣятельности представляло рабовладѣльческое дворянство. Его философія, его «мнѣнія» проникаютъ все наше законодательство, всѣ наши государственныя учрежденія. Всякое новое, государственное учрежденіе или узаконеніе проходило сквозь фильтръ «мнѣній» и «разсужденій» этого дворянства. И въ этомъ-то и заключается одна изъ существеннѣйшихъ причинъ, что машина нашего государственнаго и общественнаго развитія, какъ выразился графъ Завадовскій, всегда шла тихо и медлительно. Консервативный элементъ, представляемый дворянствомъ, всегда преобладалъ въ управленіи всѣми высшими умственными функціями общества. Традиціонный консерватизмъ—общая черта мышленія рабовладѣльческаго и землевладѣльческаго класса. Многіе изъ дворянъ любили философствовать о судьбахъ Россіи, о политической экономіи, о благоустройствѣ общественномъ и проч.; но всѣ они мыслили по предвзятымъ и неподвижно установившимся началамъ исторической традиціи и государственной догматики. Въ прошедшей исторіи, въ до-петровской старинѣ, гдѣ коренятся зародыши и основы всѣхъ анти-соціальныхъ аномалій и, въ томъ числѣ, крѣпостного права, они видѣли вѣковѣчную санкцію и оправданіе своихъ эгоистическихъ, крѣпостническихъ умствованій. Мысль ихъ не двигалась дальше этихъ стаціонарныхъ, регрессивно-задерживающихъ началъ. Всякая живая, быстрая, свободная работа мысли была совершенно незнакома ихъ уму, и потому непонятна. и даже ненавистна. Вообще, и наиболѣе мыслящіе, образованнѣйшіе дворяне вполнѣ держались строго-консервативнаго образа мыслей. Самыя либеральныя идеи ихъ не выходили изъ предѣловъ строго-консервативной постепенности, изъ рамокъ идеи санкціонированнаго, утвержденнаго исторіею порядка, или идеи учрежденія и т. п. Напримѣръ, однимъ изъ самыхъ либеральнѣйшихъ мыслителей въ средѣ дворянской былъ адмиралъ Мордвиновъ, высказавшій въ государственной сферѣ много замѣчательныхъ «мнѣній», написавшій нѣсколько замѣчательныхъ политико-экономическихъ разсужденій, каково, напримѣръ, разсужденіе о причинахъ разстройства финансовъ въ Россіи и т. п. Но и этотъ либеральный мыслитель не про-

стирается далѣе идеи консервативной постепенности. Разсуждая, напримѣръ, объ освобожденіи крестьянъ, онъ основывался на такой точкѣ зрѣнія: «въ природѣ, говоритъ онъ, повѣдающей намъ вѣчные законы Творца, зримъ, что всѣ явленія ея суть слѣдствія постоянныхъ причинъ. Тихое и постепенное теченіе времени даетъ жизнь, ростъ и зрѣлость всему; крутыя же и быстрыя событія въ естествѣ производятъ вѣчно вихри, бури, наводненія, землетрясенія и разрушенія. Зерно, сколько бы здраво и драгоцѣнно ни было, когда брошено бываетъ на неприготовленную землю, не приноситъ вожделеннаго плода, скорѣе же произрастутъ на немъ тернъ и волчцы. Таковъ есть законъ Предвѣчнаго въ вещественномъ мірѣ, таковъ же и въ духовномъ. Народоправители, въ предпріемлемыхъ ими, для блага подвластныхъ, дѣлахъ, преуспѣваютъ, по мѣрѣ токмо сообразованія ихъ съ симъ непреложнымъ уставомъ. Человѣкъ одаренъ дѣятельностью, умомъ и свободною волею; но младенецъ не можетъ пользоваться сими драгоцѣнными дарами, и для даровъ сихъ потребна зрѣлость времени. Народу, пребывшему вѣкъ безъ знанія гражданской свободы, даровать оную изрѣченіемъ на то воли властителя возможно, но знанія пользоваться ею во благо себѣ и обществу даровать законоположеніемъ невозможно. Въ семъ соображеніи, дарованіе свободы тогда токмо не сопровождается никакими ощутительными неудобствами, ниже вредными послѣдствіями, когда располагаемо бываетъ съ нѣкоторою постепенностью; когда свободными дѣлаются не всѣ вмѣстѣ и единовременно, безъ воззрѣнія на степень просвѣщенія и спѣлости всего, что въ гражданскомъ состояніи относится къ человѣку, но когда благо сіе представляется въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достоинству; ибо симъ токмо ознаменовывается всегда зрѣлость гражданскаго состоянія» [1]). Такая философія медленнаго постепеннаго развитія забываетъ, что и въ самомъ постепенномъ развитіи обществъ человѣческихъ все зависитъ отъ качествъ движущихъ ими идей, слѣдовательно отъ качествъ дѣятельности и направленія общественнаго разума,— и что самый постепенный ростъ естественно, физически требуетъ напередъ не стѣсненія, а свободы развитія и движенія тканей,—что хоть докуда не будетъ развитія, даже и постепеннаго, а будетъ вѣчный китайскій застой, пока общественные умы или не работаютъ отъ стѣсненія, или работаютъ стѣсненно, и, потому, анормально, неправильно, пока не дается свободы постепенному развитію въ обществѣ лучшихъ, здравыхъ и истинныхъ идей, или, вмѣсто свободнаго развитія общественнымъ разумомъ лучшихъ, здравыхъ и истинныхъ идей, долженствующихъ двигать прогрессивное развитіе общества, постепенно узаконяется и долго терпится только постепенное же развитіе однихъ ретроградныхъ, регрессивныхъ началъ, въ родѣ крѣпостного права, цензуры и т. п. Такъ же догматична и консервативна и соціологическая философія мыслящихъ дворянъ прошлаго времени, о чемъ, впрочемъ, будетъ сказано подробно въ своемъ мѣстѣ.

[1]) Мнѣніе адм. Мордвинова: одна изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ зависимости и съ оною возбужденія народной дѣятельности, начерченная въ 1818 г. Чт. общ. 1859 г., т. III. чт. II. 1860. (51).

Далѣе, по общей медленности умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, умъ народный не обладалъ способностью быстраго схватыванія и сокращеннаго обобщенія различныхъ свойствъ одного и того же предмета или явленія. Онъ, въ весьма ограниченной мѣрѣ, обладалъ тѣмъ свойствомъ мышленія, которое Уэвель называетъ процессомъ связыванія фактовъ (colligation). Въ старину, народъ нашъ, по медленности умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, особенно по неразвитости способности отвлеченія и обобщенія, требующей особенной быстроты и разнообразной подвижности мышленія, не могъ быстро связать въ одно цѣльное, обобщенное представленіе и сокращенно выразить того, что̀ видѣлъ, напримѣръ, въ пространствѣ или въ порядкѣ топографической послѣдовательности. Напримѣръ, писцы выражались: «да перелогомъ и лѣсомъ поросло прибыло 413 четвертей», вмѣсто того, чтобы сказать короче и скорѣе: пущи или запущенной поросли прибыло столько-то и т. п. [1]). Пространственныя, географическія познанія народъ нашъ пріобрѣталъ, вообще, путемъ медленной ассоціаціи топографическихъ впечатлѣній и мышечныхъ ощущеній въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, при передвиженіи тѣла по извѣстному пространству. Отвлеченное, умственное соображеніе, исчисленіе или измѣреніе почти нисколько не участвовало въ образованіи общаго представленія извѣстнаго пространства. Умъ какъ-будто не могъ иначе представить и опредѣлить пространство, какъ слѣдуя, шагъ за шагомъ, за самымъ передвиженіемъ тѣла по этому пространству и схватывая при этомъ послѣдовательный рядъ топографическихъ впечатлѣній и мышечныхъ ощущеній. Съ какого пункта измѣряемаго или разсматриваемаго мѣста шли, съ того пункта начинали описаніе измѣренія, и «идучи» по этому мѣсту, смотря по ходу или послѣдовательному передвиженію тѣла, опредѣляли и взаимное положеніе и разстояніе частей измѣряемаго мѣста [2]). Вслѣдствіе такой медленной ассоціаціи топографическихъ представленій, еще болѣе замедляемой, притомъ, частыми повтореніями ихъ при разсказѣ или въ описаніи, всѣ эти «межевыя записи, отводныя, отмѣрныя и разъѣзжія грамоты», писцовыя книги, отписки сибирскихъ казаковъ, а также книга Большаго Чертежа и чертежа сибирскихъ рѣкъ и земель, обыкновенно и читаются какъ-то тяжело, медленно и утомительно. Всѣ географическія познанія, какія пріобрѣтали русскіе въ Сибири въ XVII вѣкѣ, составлялись также путемъ медленной ассоціаціи послѣдовательныхъ топографическихъ впечатлѣній и мышечныхъ ощущеній. Не математическія умственныя соображенія, а медленный и послѣдовательный рядъ мышечныхъ ощущеній, сопровождавшій актъ продолжительной ходьбы, въ связи съ правильною періодичностью мышечныхъ ощущеній усталости и отдохновенія — вотъ что̀ порождало

[1]) Неволина, о пятин. и погост. новгород. Прилож. V. стр. 130.

[2]) Такова, напримѣръ, одна изъ множества описей городоваго мѣста, 1671 г.: „Съ *пріѣзду* башня воротная, въ ширину 4 сажени, поперегъ тоже: отъ того воротнаго мѣста *идучи* въ городъ, по правую сторону до угольнаго башеннаго мѣста, гдѣ была егорьевская башня, стѣннаго мѣста 25 сажень; *по лѣвую сторону идучи въ городъ*, отъ того воротнаго мѣста до угольнаго мѣста, что была воскресенская башня, стѣннаго мѣста 22 сажени съ полусаженью“ и т. п. Доп. VI. № 23.

опредѣленіе разстояній именно «днями, дницами и недѣлями ходьбы», или «добрымъ побѣгомъ» и т. п. И въ отпискахъ казачьихъ поражаетъ эта пассивная ассоціація и копія топографическихъ впечатлѣній и мышечныхъ ощущеній въ монотонномъ, однообразномъ и медленномъ порядкѣ ихъ послѣдовательности. Какъ медленно передвигались ноги съ рѣки на рѣку, день за днемъ, такъ же медленно и въ описательныхъ отпискахъ умы казаковъ ассоціировали и копіировали послѣдовательный рядъ топографическихъ впечатлѣній. «Шли горою каменемъ, своею силою, два дни, — писали, напримѣръ, одни служилые люди съ береговъ Охотскаго моря, — а камени тому имя Евакинъ, а конецъ того камени у губы, а въ губу пала рѣчка Шилканта, и отъ тое рѣчки моржовой мысъ видѣть, а до того мыса итьти день своею силою; имя тому мысу Мотосъ, и по тому мысу моржи ложатся, и становья есть; прошедъ моржовый мысъ, губа не велика, а отъ той губы итьти до рѣчки до Пѣтушковы половина дня своею силою. на устьи той рѣчки стоитъ островокъ каменный, а на томъ островкѣ плодятся пѣтушки морскіе; а отъ той рѣчки итьти день возлѣ озера, край моря, у того озера у служилыхъ людей судно моремъ разбило, а имя тому озеру Котли-топори; а отъ того озера итьти два дня возлѣ утесъ» и т. д. [1]). Шли, шли такимъ образомъ, находили въ какомъ-нибудь мѣстѣ, напримѣръ, слюду; и, возвратившись въ острогъ и извѣщая воеводу о своей находкѣ, не умѣли иначе опредѣлить ни мѣстонахожденія слюды, ни разстоянія до него, какъ только посредствомъ подробнаго перечисленія всѣхъ пройденныхъ мѣстъ, всѣхъ дней ходьбы и всѣхъ связанныхъ съ этой ходьбой топографическихъ впечатлѣній и мышечныхъ ощущеній, въ порядкѣ ихъ послѣдовательности. Потому что, по общей медленности умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, умъ ихъ не могъ въ отвлеченномъ сокращеніи представить и мысленно соединить весь послѣдовательный рядъ топографическихъ переходовъ и мышечныхъ ощущеній въ одну цѣльную комбинацію обобщеннаго представленія. Напримѣръ, въ актахъ 1680—1682 г. о пріискѣ и осмотрѣ разныхъ рудъ въ Сибири читаемъ такія, утомительно-медленныя описанія служилыхъ людей: «189-го года казакъ Ивашко Ѳоминъ въ Якутской пріѣхалъ, а съ собою привезъ слюды, вѣсомъ полтора фунта, и объявилъ въ приказной избѣ воеводѣ, а сказалъ: есть на Тондѣ рѣкѣ слюда... и ѣздилъ онъ Ивашко по ту слюду на своихъ проторяхъ, и поѣхалъ онъ Ивашко изъ Якуцкаго на коняхъ, и ѣхалъ до Усть-Учюра, вверхъ по Алдану, ѣхалъ до Усть-Тонторы 8 дней; а судами де итти вверхъ по Алдану до Усть-Тонторы 9 недѣль, а съ Усть-Тонторы итти вверхъ по Тонторѣ до рѣчки судами 2 недѣли, а назвище той рѣчки онъ Ивашко не упомнитъ, и по ней де итти пѣшему 4 дни, и отъ той де рѣчки итти въ сторону съ версту, и тутъ де та слюда въ землѣ и въ каменю, и онъ де Ивашко тое слюду бралъ, которая отъ солнца отпрядывала; а коими де съ Усть-Тонторы ѣхалъ до рѣчки 8 дней, а по рѣчкѣ де ѣхать 2 дни» и т. п. [2]). Вообще, всѣ отписки служилыхъ людей, всѣ

[1]) Допол., III, № 87.

[2]) Доп. къ акт. ист., VIII, № 85.

чертежи сибирскихъ рѣкъ и земель представляютъ поразительные образчики особеннаго выраженія и преобладанія медленной ассоціаціи фактовъ и впечатлѣній въ порядкѣ ихъ послѣдовательности. Самая идея открытія, напримѣръ, географическаго, въ медленномъ процессѣ представленія служилыхъ людей, ассоціировалась съ послѣдовательнымъ рядомъ мышечныхъ ощущеній и съ физическимъ актомъ *дохожденія* до того или другаго мѣста или народа. У казаковъ — не такъ, какъ, напримѣръ, у Колумба, Алонзо Пинсона, Магеллана и другихъ — никогда не предшествовала географическому открытію идея той или другой земли, мысленная гипотеза о ней, а они только шли, запоминая послѣдовательный рядъ дней ходьбы и *доходили* до новыхъ земель или народовъ: вотъ и открытіе ихъ. Пассивность своихъ географическихъ и этнографическихъ открытій или *дохожденій* они обыкновенно отмѣчали такими выраженіями: шли своею силою, такими-то рѣками, столько-то дней, *нашли*, напримѣръ, на Анадырь рѣку, *дошли* анаульскихъ людей, а казакъ Юрья писалъ ложно, что онъ нашелъ Большой Каменный Носъ на морѣ, *потому что онъ не доходилъ до Большаго Каменнаго Носу*, а мы дошли, и тамъ при насъ еще у служилыхъ людей судно разбило, и мы знаемъ тотъ Большой Носъ, *потому что доходили до него* [1]).

Точно также, вслѣдствіе первоначальной общей медленности умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, или вслѣдствіе умѣренной и медленной возбуждаемости и впечатлительности русскихъ умовъ, въ самой научной умственной дѣятельности интеллигентнаго меньшинства нашего, всегда болѣе или менѣе преобладала ассоціація идей или фактовъ въ порядкѣ послѣдовательности. Въ силу общихъ психологическихъ законовъ напряженія ощущеній и ассоціацій идей, какъ говоритъ Пристли, «все, что благопріятствуетъ ассоціаціи въ послѣдовательномъ порядкѣ, будетъ стремиться произвести познаніе событій, порядка случаевъ и связи причины и дѣйствія. Въ умахъ, органически весьма мало чувствительныхъ, или въ лицахъ, умѣреннѣе впечатлительныхъ, напримѣръ, къ наслажденію и страданію, должна преобладать склонность ассоціировать факты преимущественно въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, и такія лица, если они обладаютъ духовнымъ превосходствомъ, посвятятъ себя скорѣе исторіи, или отвлеченной наукѣ, чѣмъ творческому искусству» [2]). Вотъ, въ силу этого естественно-психологическаго закона, вслѣдствіе умѣренной и медленной впечатлительности и воспріимчивости нервной организаціи русскаго народа, въ умственной дѣятельности его мы замѣчаемъ преобладаніе склонности ассоціировать факты въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, и, вслѣдствіе того, въ интеллектуальной дѣятельности мыслящаго меньшинства видимъ долговременное преобладаніе, съ одной стороны, историческаго мышленія и наклонности къ описательной естественной исторіи, съ другой — весьма замѣчательную способность и наклонность къ отвлеченному математическому анализу. Извѣстно, что уже въ умственной

[1]) Доп. къ акт. ист., IV, № 7.

[2]) Система логики, Милля. I. 552: II. 430.

дѣятельности древне-русскихъ писателей, лѣтопись, хронографъ, сказаніе, повѣсть и житіе преобладали надъ всѣми другими родами умственной производительности, и до-петровская литература ничѣмъ такъ не богата, какъ лѣтописями, житіями, сказаніями, повѣстями, хронографами и т. п. И въ XVIII вѣкѣ, когда впервые пробуждалась самодѣятельность русской мысли, она прежде всего и съ особенною возбужденностью проявилась самостоятельно въ историческомъ дѣе-писаніи, гдѣ вообще преобладаетъ ассоціація фактовъ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ — ассоціація, наиболѣе свойственная умамъ умѣренно-впечатлительнымъ, медленно-мыслящимъ и пассивно-воспріимчивымъ къ непосредственной послѣдовательности фактовъ. Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ, Болтинъ, Хилковъ, Эминъ, Елагинъ, митрополитъ Платонъ представляютъ непрерывный рядъ историковъ XVIII столѣтія. А, кромѣ того, сколько тогда написано историческихъ и памятныхъ записокъ, въ родѣ записокъ Данилова, Шаховского, Болотова, памятныхъ записокъ Храповицкаго, записокъ Державина и т. д. И первая четверть XIX столѣтія, на поприщѣ первыхъ опытовъ вполнѣ самостоятельной работы русской мысли, ознаменовывается прежде всего не инымъ какимъ-либо капитальнымъ произведеніемъ, а «Исторіею Государства Россійскаго» Карамзина и т. д. Наконецъ, всего характеристичнѣе выразилось это преобладаніе въ русскихъ умахъ медленной ассоціаціи фактовъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательности въ этомъ долговременномъ господствѣ *историко-археологическаго періода* русской мысли, характеризующагося названіемъ «Румянцевской эпохи», отличавшагося историко-археологоческими увлеченіями умовъ до энтузіазма и выставившаго цѣлый сонмъ историковъ, археологовъ, палеонтологовъ, палеографовъ и т. п. [1]). Равнымъ образомъ, вслѣдствіе того же преобладанія ассоціаціи послѣдовательныхъ идей, обусловливаемаго умѣренною нервною впечатлительностью,—въ умахъ русскихъ, получившихъ высшее научное ризвитіе, спокойное, ровно-послѣдовательное и медленное мышленіе преобладало надъ порывистой агитаціей и энтузіазмомъ умовъ, надъ эстетическимъ творчествомъ и т. п. Вслѣдствіе этого, въ лучшихъ, передовыхъ или наиболѣе даровитыхъ умахъ прежде всего обнаруживалась, и наиболѣе производительно и блистательно выдавалась наклонность и способность къ такому спокойно-послѣдовательному процессу мышленія, какъ математическій анализъ. На ранней зарѣ пробужденія русской мысли явились такіе замѣчательные русскіе математики, какъ Осиповскій и Остроградскій, и первые, изъ русскихъ ученыхъ, обратили на себя особенное вниманіе знаменитыхъ европейскихъ математиковъ [2]). Равнымъ образомъ, по свидѣтельству иностранныхъ профессоровъ, первые студенты нашихъ уни-

[1]) Этотъ періодъ русской мысли подробно охарактеризованъ нами въ другой части нашихъ очерковъ.

[2]) О математическихъ трудахъ Осиповскаго съ похвалой отзывалась парижская академія наукъ, а блестящія дарованія и многочисленныя математическія изслѣдованія и открытія Остроградскаго обратили на себя особенное вниманіе величайшихъ французскихъ математиковъ — знаменитаго Коши и другихъ. Зап. акад. наукъ 1861 г., т. I, кн. I, стр. 3, 46—50.

верситетовъ обнаруживали всего болѣе наклонности къ наукамъ математическимъ, и оказывали въ нихъ изумительные успѣхи. Бартельсъ, первостепенный ученый своего времени, войдя въ первый разъ въ аудиторію казанскаго университета, желалъ ознакомиться съ своими слушателями. и предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ изъ математики; полученные отвѣты привели его въ восторгъ; онъ сказалъ, что для такихъ студентовъ надобно профессору готовиться къ лекціи, поклонился и ушелъ» [1]). Наконецъ, Эрманъ тоже свидѣтельствовалъ о русскихъ: auf eine entschiedenere weise findet man Vorliebe und oft Talent für mathematisches Wissen [2]). Наконецъ, самая естественно-научная работа русскихъ умовъ также, повидимому, характеризуется преобладаніемъ ассоціацій фактовъ и идей въ порядкѣ ихъ послѣдовательности. Первыя открытія нашихъ молодыхъ натуралистовъ совершены преимущественно этимъ путемъ. Они всего болѣе прославились открытіями въ области исторіи органическаго развитія, въ области послѣдовательностей, наблюдаемыхъ въ порядкѣ происхожденія, постепеннаго развитія и дальнѣйшей жизни животнаго. Таковы замѣчательныя изысканія, относительно низшихъ животныхъ, г. Ковалевскаго. который прослѣдилъ организацію и развитіе Balanaglossus, Асцидій. Голотурій и Phoronis. Таковы же наблюденія надъ послѣдовательнымъ развитіемъ гусеницъ двукрылыхъ насѣкомыхъ, произведенныя професс. харьковскаго университета Ганинымъ, который отыскалъ у гусеницы въ верхней части нижнихъ лопастей жировыхъ тѣлъ мѣшечки, оказавшіеся, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, яичками, прослѣдилъ послѣдовательное образованіе яичекъ и потомъ всѣ дальнѣйшія послѣдовательныя стадіи развитія новаго поколѣнія гусеницы. Таковы же замѣчательныя открытія и изслѣдованія Вагнера, Мечникова, Степанова, Фаминцина и другихъ. Далѣе, въ одной изъ первыхъ главъ настоящихъ очерковъ, мы подробно разсмотримъ, какъ вслѣдствіе общей медленности отправленія умозрительныхъ способностей и преобладанія медленной ассоціаціи фактовъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, въ умственной дѣятельности народа всецѣло преобладалъ медленный процессъ пассивнаго эмпирическаго наблюденія, и какъ, со времени начала естественно-научныхъ работъ въ Россіи, медленное и пассивное наблюденіе и описаніе долго преобладало надъ активною экспериментаціею, надъ производствомъ естественно-научныхъ опытовъ. Въ связи съ этимъ мы увидимъ, почему и общины русскія, естественно исторически вызванныя или обусловленныя естественною потребностью коллективно-кооперативнаго сосредоточенія и напряженія рабочихъ силъ въ борьбѣ съ суровой сѣверной природой, почему эти общины, при одномъ пассивномъ и медленномъ эмпирическомъ наблюденіи естественной экономіи русской земли, оказались пассивными, безсильными и почти совершенно пали, потерявши внутреннюю силу жизненности, саморазвитія и самодѣятельности, и какъ необходима для возрожденія ихъ активная сила естественно-научной экспериментаціи въ ихъ экономичес-

[1]) „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1864. Апрѣль, стр. 122.
[2]) Ermann, Reise, I, 89.

ихъ отправленіяхъ и проч. Здѣсь же продолжимъ общую историко-психологическую характеристику разсматриваемой нами особенности нервной воспріимчивости русскаго народа.

Суровый сѣверный климатъ, холодомъ своимъ постоянно замедлявшій быстроту распространенія возбужденій по нервамъ, въ связи съ неудовлетворительнымъ, антигигіеническимъ питаніемъ народа и неблагопріятными общественно-государственными и соціально-педагогическими условіями его быта, притупляя нервную впечатлительность и воспріимчивость, неизбѣжно благопріятствовалъ долговременной до-петровской усыпленности, закоснѣлому оцѣпененію и бездѣйствію умозрительныхъ способностей народа и, вслѣдствіе того, общему замедленію его умственнаго пробужденія. Отсюда въ натурѣ русскаго народа порождалась эта, такъ сказать, воловья увальчивость, или умственная, нравственная и даже физическая вялость, флегматичность, апатичность, пассивность и большая наклонность къ недѣятельности, лѣности, сонливости и неподвижности. «Русскіе, — писалъ англичанинъ Флетчеръ, — *вообще вялы и недѣятельны, что происходитъ отчасти отъ климата и отъ тягости продолжительной зимы*, отчасти отъ ихъ пищи, которая состоитъ, главнымъ образомъ, изъ кореньевъ, луку, чесноку, капусты» и проч. [1]). Хотя нѣсколько преувеличено, но въ сущности вѣрно и характеристично писалъ Бонданелли, въ своей книгѣ: Lettres moscovites, вышедшей въ 1736 году: «не найдешь русскаго, который не предпочелъ бы покойную жизнь у себя въ деревнѣ, у своемъ очагѣ, самой важной дѣятельности: *покой* и *сонъ* — вотъ ихъ идолы, которыхъ они не промѣняютъ ни на что на свѣтѣ, они желали бы, чтобы Петръ-Великій вмѣсто того, чтобы стараться сдѣлать ихъ изъ звѣрей людьми, превратилъ бы ихъ окончательно въ животныхъ» [2]). Леклеркъ такъ же иронически отзывался объ этой русской лѣни и сонливости, которой благопріятствуетъ и долгая русская зима: «По склонности русскаго народа къ лѣности и сну,—говоритъ онъ,—зима, хотя весьма жестокая, есть самое прекрасное время въ году. Эти короткіе дни составляютъ счастье для народа лѣниваго, который очень любитъ спать» [3]).Тяжелое, оцѣпеняющее дѣйствіе зимы до того отзывалось на нервной организаціи русскихъ, что въ умахъ ихъ суровый образъ ея невольно ассоціировался даже и съ пріятностями оживляющаго лѣта. И поздравленіе съ весною или лѣтомъ вовсе не было общимъ мѣстомъ въ привѣтствіяхъ и въ письмахъ русскихъ людей. «Поздравляю васъ,—писалъ, напримѣръ, Ломоносовъ Шувалову 8-го мая 1751 года,—поздравляю васъ съ выѣздомъ въ тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ холодноватые россійскіе зефиры не могутъ препятствовать силѣ натуры и искусствъ въ произведеніи красотъ, обыкновенныхъ въ благорастворенномъ теплотою климатѣ. Дай Боже, чтобы прежестокая минувшая стужа зимы и тяжелый холодъ

---

1) Fletscher of the Russe common wealt or manner of governement. London. 1591. переводъ въ „Современникѣ", кажется, за 1863 г.

2) Лѣтописи стар. рус. литер., т. I, отд. III, стр. 67.

3) Болтина, замѣчанія на Леклерка.

весны награждены были вамъ пріятною теплотою прекраснаго неба. А чтобъ ясность и тихость лѣтнихъ дней показались вамъ еще пріятнѣе, то должно вамъ представлять въ умѣ противное время, суровую и скучную зиму. Для того имѣю честь прислать вамъ *зиму* стихотворную въ эклогѣ, сочиненной студентомъ Поповскимъ» [1]). По сознанію самихъ русскихъ, продолжительная зима дѣлала ихъ сонливыми, угрюмыми и недѣятельными, и только лѣто оживляло и возбуждало къ дѣятельности. Поэтому, авторъ небольшой брошюрки «Взглядъ на природу», напечатанной въ 1821 году, съ восторгомъ говорилъ о «животворящей силѣ солнца», прогнавшей его сонливость и угрюмость и сдѣлавшей его способнымъ къ дѣламъ званія своего: «я самъ чувствую,—говоритъ онъ,—животворящую силу солнца. Когда восходитъ оно, въ душѣ моей разливается бодрость; свѣтъ и теплота его сообщаетъ мнѣ живость, потребную къ дѣламъ званія моего и къ наслажденію общественною жизнію. *Сонливость* и *угрюмость*, которыя *зимою* сдѣлали меня *толь недѣятельнымъ*, мало-по-малу пропадаютъ. Я дышу свободнѣе и веселѣе, и работаю съ бо̀льшимъ удовольствіемъ» [2]). Но, несмотря и на «животворящую силу солнца», сонливость, угрюмость и недѣятельность всегда присущи были нервной организаціи русскихъ людей. Правда, рядомъ съ неблагопріятнымъ вліяніемъ холоднаго климата, замедляющаго возбуждаемость и энергію нервной дѣятельности, много было неблагопріятнаго для живой и энергической ажитаціи и дѣятельности русскихъ умовъ, много было усыпляющаго ихъ въ самой соціальной и государственной средѣ, которую старообрядческіе писатели представляли подъ образомъ *зимы лютой*, тяжелой и убійственной для свободной жизни народа. Но умы русскіе и не употребляли никакихъ активныхъ усилій надъ собою, чтобы энергично пробудиться, встать отъ сна на дѣло, не усиливались реагировать вліянію климата, ослабляющему возбужденіе нервной мозговой энергіи, замедляющему скорость и живость умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, равно не усиливались преодолѣвать и усыпительныя вліянія соціально-государственныхъ условій. И потому неудивительно, если исторія нашей мысли и чувства полна жалобъ на лѣность и праздность ума, на бездѣйствіе умозрительныхъ способностей, и даже довольно богата спеціальной поэзіей сна и бездѣйствія. Еще въ запискѣ о знаменитомъ Новиковскомъ «Дружескомъ ученомъ обществѣ» 1782 года, явившемся, какъ реакція противъ спячки, праздности и бездѣйствія умственныхъ способностей русскихъ людей, высказана была такая классификація русскаго общества, на основаніи различныхъ родовъ и степеней его умственнаго бездѣйствія: «Одни, освободясь отъ дѣла, какъ бы отъ несноснаго какого ига, остальное время теряютъ и губятъ въ навлеченномъ на себя безпокойствѣ, въ упражненіяхъ суетныхъ, тщетныхъ, безполезныхъ и даже часто вредныхъ. Другіе провлекаютъ (влачатъ) жизнь въ *лѣнивомъ бездѣйствіи*, въ сладострастіяхъ тѣлесныхъ и какъ бы въ *безчувственномъ снѣ души своей*. Третьи отъ *праздности почувствовавъ въ себѣ*

[1]) Соч. Ломоносова. Спб. 1803. Ч. II, стр. 247.
[2]) Взглядъ на природу. Москва. 1821, стр. 51.

нѣкоторое *разслабленіе* и *скуку*, всякимъ случаемъ, какъ бы нѣкоею бурею, влекомы и носимы бываютъ всюду» [1]). Комитетъ устройства училищъ 1828 года произнесъ такой же безотрадный приговоръ о лѣности и бездѣйствіи умозрительныхъ способностей нашего молодого поколѣнія первой четверти XIX столѣтія: «два главные недостатка,—писалъ онъ,—давно уже были замѣчены въ воспитаніи нашего юношества: склонность заниматься предметами легкими и нѣкоторый родъ отвращенія или равнодушія къ занятіямъ, которыхъ пріобрѣтеніе предполагаетъ навыкъ къ труду и строгое непрерывное упражненіе. Отсюда проистекаетъ отвращеніе отъ труда, стремленіе къ познаніямъ легкимъ и поверхностнымъ, а наконецъ—*праздность ума, лѣность* и *бездѣйствіе душевныхъ способностей*» [2]). Наконецъ, просматривая письма болѣе или менѣе замѣчательныхъ и даже передовыхъ русскихъ мыслителей и писателей,—вы нерѣдко встрѣтите такія, напримѣръ, жалобы на самихъ себя: «касательно до себя скажу то, что я нынѣ совсѣмъ излѣнился, такъ что и мыслей ловить не гожусь. Лѣность и праздность столько мною овладѣли, что я почти ни за какую работу не принимаюсь, а потому и рѣдко бываю въ добромъ расположеніи духа... Я сплю безъ просыпу, и во снѣ снится мнѣ, будто играю роль человѣка что-то дѣлающаго, а зрители, смотря на меня, завидуютъ. Справедливѣе ничего сказать не могу» [3]). Удивительно ли, послѣ этого, если русскому народу, при слабости его самостоятельной, внутренней нервно-мозговой самовозбуждаемости, всегда нужны были сильные, нравственно-побудительные толчки, чтобы разбудить его отъ умственнаго сна, и побудить къ дѣлу, къ работѣ. Въ до-петровскія времена, когда, несмотря на то, что запросы животной жизни, *чѣмъ сытымъ быти*, были самыми сильными побужденіями къ работѣ, лѣность и сонливость были, однакожъ, господствующими народными недостатками,—въ до-петровскія времена даже церковная проповѣдь вынуждена была и признала своею прямою обязанностью будить народъ на работу. Въ церквахъ повторялось «Поученье лѣнивымъ иже не дѣлаютъ», и въ немъ учители церковные возбуждали спящихъ и лѣнивыхъ на дѣло» [4]). И въ народной литературѣ тоже раздавался голосъ, будившій

[1]) Русскій Архивъ 1863, стр. 207.

[2]) Ж. М. Нар. Просвѣщ. 1864. ч. CXXI, отд. II, стр. 157.

[3]) Русскій Архивъ 1863, стр. 481—486: письма Петрова къ Карамзину.

[4]) Именно, такимъ образомъ: братіе, слышите: не хотѣвшу ми о сихъ глаголати вамъ, но боюсь реченнаго: возбуждайте спящихъ и на дѣло подвизайте лѣнивыхъ. Дѣлатель бо лѣнивый не можетъ быти богатъ, ибо добро, еже имѣеши, лѣность погубляетъ, а другого не даетъ совокупляти. Аще бо и богатъ будеши, а лѣнивъ—то оскудѣешь. Всякъ лѣнивый, слабя себя, проклятъ. Аще бы Богъ пекися о лѣнивыхъ, то повелѣлъ бы былью жито ростити, и лѣсо овощъ всякій. Всякій лѣнивый облечется въ скудныя и раздранныя портища. Аще кто лѣнивъ на дѣло, тотъ по душѣ своей не подвизается. О, празднолюбцы и лѣнивіи, которую мзду труда своего принесете Богу. Богъ любитъ тѣхъ, которое не лѣнятся, а трудятся: иніи скоты и кони пасутъ, отъ того десятину Богу даютъ и святятся; а иніи сѣно сѣкутъ и агнцы кормятъ, отъ того нищихъ и нагихъ накормляютъ и одѣютъ, благословеніе пріимутъ отъ Бога; иніи же по морю плаваютъ и гостьбы дѣлаютъ, отдѣляюще душевную часть церкви и нищимъ. И рукодѣльницы творите свое дѣло и отъ него милостиню. И жены утвер-

сонливыхъ и лѣнивыхъ. Напримѣръ, «*Слово о лѣнивыхъ, о сонливыхъ и упіянчивыхъ*» взывало къ народу: «о чада мои любимыя, не долго спите, не долго лежите; якоже многажди спать имамы безъ мѣры, добро не добыти, а лиха не избыти, а славы добрыя не получити, а красныя ризы не носити, а медвяны чаши не испивати, а своего хлѣба не ѣдати, а бѣда сонливаго и лѣниваго по голенямъ бьетъ, недостатки дома живутъ, а унынiе во главѣ его, а срамъ у него на бородѣ, и оскомина ему на зубахъ, а печаль ему на сердцѣ, а во чревѣ у него воркото, и во всѣхъ жилахъ и во удахъ у него слабо и убожіе у него въ калитѣ сидитъ» [1]). Какъ древней Руси нужно было будить сонливыхъ и лѣнивыхъ на работу изъ-за куска хлѣба, такъ въ XIX вѣкѣ нужно было сильнымъ голосомъ западной литературы будить русскіе сонливые и лѣнивые умы къ работѣ мысли. Напримѣръ, «Атеней» въ 1828 г. такими словами западнаго писателя Бонстеттена будилъ русскіе умы отъ сна и бездѣйствія: «Неспособность къ занятію ведетъ людей въ больницы... Часто ложно думаютъ о пользѣ науки. Науки не для того только служатъ, чтобы узнать ту или другую вещь. *Поддерживая привычку мыслить*, онѣ предупреждаютъ *изнеможеніе мысли*. Когда празднолюбцамъ говорятъ о наукѣ, они возражаютъ, что не всѣ сотворены быть учеными. Но ихъ еще не убѣждаютъ къ учености, имъ предлагаютъ упражненіе ума и душевное здравіе, невозможное безъ какого-либо произвольнаго (умственнаго) движенія. Ихъ не увѣщеваютъ: сдѣлайтесь учеными; но въ избѣжаніе слабоумія, предлагаютъ умственныя упражненія: не говорятъ имъ: «будьте Ньютоны, но будьте сколько можно менѣе безумны, тупы, неспособны служить самимъ себѣ, вашимъ семействамъ и обществу». Мысль не болѣе осуждена на бездѣйствіе, какъ и жизнь; и дерево, не пускающее новыхъ вѣтвей, скоро начинаетъ засыхать съ вершины. Трудъ и правило сообщаютъ силу и пареніе нашимъ способностямъ. Оставьте трудъ, не наблюдайте порядка въ вашихъ занятіяхъ, на нѣсколько времени еще будутъ у васъ нѣкоторыя несвязныя мысли; но подобно дереву, оставленному садовникомъ, скоро изсякнетъ питательный сокъ и все вдругъ увянетъ. Умъ и органы начинаютъ развиваться согласно; но кажется, что на длинномъ пути жизни иногда они разлучаются. Часто умъ (отъ бездѣйствія) угасаетъ прежде органовъ и живетъ съ однимъ стыдомъ, попустивъ свое умерщвленіе. Напротивъ у человѣка, никогда не покидающаго великую борьбу жизни, умъ переживаетъ, и иногда покидаетъ свое жилище полный силъ и блестящій красотою... Досугъ, посвященный не наукамъ, а страстямъ и зависимости отъ людей и предметовъ, есть отреченіе отъ благороднѣйшей и законнѣйшей власти человѣка надъ самимъ собою» [2]). Вслѣдствіе той же общей медленности и вялости умственныхъ процессовъ и привычекъ русской мысли, вслѣдствіе апатіи, лѣности и без-

---

дите лакти своя на дѣло и руцѣ на веретено. Никто же бо безъ труда спастись можетъ. Измарагдъ, рук. Соловец. Библіот. № 170—171.

[1]) Буслаева, Очерки стар. рус. литер I, 569.

[2]) Атеней 1828 № 17: Науки, стр. 1–30. Т. CLXXXIX.—Отд. I.

дѣйствія умозрительныхъ способностей русскаго народа,—въ теченіе всего прошлаго столѣтія нужно было еще только будить нашу общественную мысль къ сознанію необходимости умственной дѣятельности, нужно было еще только безпрестанно. неумолчно доказывать русской публикѣ пользу наукъ, пользу училищъ. И предисловія книгъ, издававшихся со времени Петра Великаго, и публичныя рѣчи профессоровъ московскаго университета, и журналы, въ родѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій», «Живописца» Новикова и т. п., наполнены этими поученіями о пользѣ наукъ, которыя теперь кажутся намъ дѣтскими. Даже въ первой четверти XIX столѣтія профессора университетовъ должны были еще говорить рѣчи тоже о пользѣ, важности и необходимости наукъ, о пользѣ университетовъ и ученыхъ обществъ и т. п. Такъ медленно пробуждалось наше общество даже къ первоначальной самообразовательной дѣятельности. Да, вѣроятно, и долго еще большой части нашего общества нужны будутъ «Будильники», и долго мы будемъ еще читать, большею частію только на сонъ грядущій, романы, въ родѣ «Сна Обломова». До тѣхъ поръ мы будемъ страдать умственной обломовщиной, пока не употребимъ надъ собою энергическихъ усилій, чтобы, посредствомъ разумнаго реально-образовательнаго воспитанія молодыхъ поколѣній, генеративно-наслѣдственно развить и воспитать въ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ такую силу реагенціи противъ всѣхъ усыпляющихъ дѣйствій и климата и соціальнаго строя, какою европейскій разумъ давно уже обладаетъ и могущественно преодолѣваетъ, устраняетъ и покаряетъ разнообразныя, повидимому, непреодолимыя противодѣйствующія силы природы и исторіи [1]).

Общимъ и самымъ главнымъ слѣдствіемъ слабой самовозбуждаемости нервной организаціи русскаго народа и проистекавшей отсюда общей медленности и недѣятельности высшихъ умозрительныхъ способностей его была эта характеристическая пассивность и несамодѣятельность народнаго ума и общественнаго мнѣнія, или, какъ выражался извѣстный нашъ публицистъ XVII вѣка Юрій Крыжаничъ, *косность и медлительность разума* нашего народа. Отсюда проистекла историческая неизбѣжность легкаго, безпрепятственнаго и сильнаго развитія и упроченія столь могущественной принудительной системы опеки, какая утвердилась въ рукахъ русскаго правительства. Вслѣдствіе общей медленности нервныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, народъ русскій самъ собою не могъ ни до чего додуматься, не обнаруживалъ особенной, энергической способности ни къ какой самостоятельной и раціональной предпріимчивости, изобрѣтательно-

[1]) Здѣсь слѣдуетъ пространное изслѣдованіе автора о томъ, что вслѣдствіе того же медленнаго возбужденія по нервамъ была медленна, пассивна, умѣренна въ русскомъ народѣ возбуждаемость, воспріимчивость и сила напряженія воли и дѣятельности. Оттого „пассивно-эгоистическая покорность духа русскаго народа давленію историческихъ обстоятельствъ его воспитанія всегда преобладала надъ энергическою, активною самоопредѣляемостію и самодѣятельностію воли народной“. Мы беремъ изъ этого изслѣдованія только заключеніе для связи съ послѣдующимъ.

Примѣчаніе это принадлежитъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“.

В. С—въ

сти и инціативѣ. Ему нужна была постоянная указка, мало того, нужна была сила постояннаго принужденія и приказа указнаго, уставнаго, регламентарнаго, бюрократическо-полицейскаго и проч. Съ XVI вѣка для него оказались нужными царскія думы и приказы; съ XVIII столѣтія для него нужны стали государственный совѣтъ, губернскіе совѣты и вся многосложнѣйшая классификація централизаціонно-бюрократическихъ учрежденій. «За то, — говоритъ Юрій Крыжаничъ — казенная дума есть одна изъ наипотребнѣйшихъ промысловъ для славянскаго народа. Въ иныхъ земляхъ и народахъ могло бы быть сіе казенное думанье излишне, т.-е. тамъ, гдѣ людство само по себѣ и отъ природы своей есть быстраго разума, домысливо, заботливо, работливо. А въ семъ русскомъ, преславномъ государствѣ, какъ и во всемъ славянскомъ народѣ, казенныя думы никакъ не лишни, но всячески корыстны и потребны. Ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и неудобно сами что выдумаютъ, аще имъ ся не покажетъ... И здѣсь есть совершенно самовладство: повелѣніемъ царскимъ можетъ на всей землѣ учиниться всякая поправа; а въ иныхъ земляхъ то не было бы возможно» [1]). Вслѣдствіе этого, именно вслѣдствіе слабой самовозбуждаемости и самодѣятельности нервной организаціи русскаго народа, вслѣдствіе крайне слабой и медленной самодѣятельности его высшихъ умозрительныхъ способностей, въ духѣ его и развилась эта особенная, по выраженію Сперанскаго, *послушная воспріимчивость* (docilité à recevoir) къ диктатурѣ правительства [2]). Отсюда произошелъ и тотъ основной, краеугольный фактъ русской исторіи, что во главѣ народной дѣятельности въ Россіи всегда стояло правительство, что тысячелѣтнимъ продуктомъ русской исторіи была и есть монархическая имперія, и что возбудить умственную жизнь и дѣятельность русскаго народа естественно-исторически призванъ былъ геній самодержавный, монархическій, законодательный, а не геніи философскіе, научные, естество-испытательные, или религіозно-реформаціонные, не геніи Декартовъ, Бэконовъ, Коперниковъ, Кеплеровъ, Галилеевъ и Ньютоновъ, не умы Лютеровъ, Кальвиновъ и т. п., какъ было на Западѣ. Умственная жизнь русскаго народа должна была возбудиться къ возрожденію не по собственной инціативѣ мыслящей части интелектуальнаго класса народа, въ родѣ западной école des libres penseurs XV вѣка и т. п., а по указу и регламенту самодержавнаго, даже деспотическаго генія Петра Великаго. Какъ всѣ низшія племена обыкновенно импульсировались къ высшему естественно-историческому саморазвитію не собственною коллективною или общею племенною инціативою и энергіею, а выдвигавшимися изъ среды ихъ передовыми геніями законодательными и управительными, такъ и русскій народъ, при слабой, пассивной и медленной самовозбуждаемости и самодѣятельности его нервной организаціи, послѣ его вѣкового сна и застоя, могъ разбудить только самодержавно-законодательный геній. По причинѣ слабой самовозбуждаемости и самодѣятельности, самодѣятельности нервной организаціи русскаго народа, онъ не могъ самъ собою,

---

[1]) О моск. госуд. розд. 3, стр. 42—43.
[2]) Въ письмѣ къ Дюмону. См. „Вѣстн. Европы“ 1869 г., кн. 4, стран. 734.

своими коллективными, общинными силами выдвинуться изъ застоя, изъ общаго уровня азіатскихъ племенъ. Чтобы возбудить, зародить въ нервной организаціи его живое, генеративно-наслѣдственное развитіе европейскихъ умственныхъ качествъ, европейской энергіи интеллектуальной воспріимчивости, — для этого, во-первыхъ, нуженъ былъ сильный побудительный толчокъ ума самодержавнаго, императивно-законодательнаго, и, во-вторыхъ, нужно было, чтобы самый этотъ самодержавно-возбудительный умъ былъ особеннымъ счастливымъ уклоненіемъ отъ общаго уровня или типа пассивно-возбуждаемой нервной организаціи народа, былъ такимъ могучимъ законодательнымъ геніемъ, который бы могъ крутымъ поворотомъ или сильнымъ импульсомъ сразу возбудить въ сонливой и медленно-возбуждаемой нервной организаціи народа живое европейское умственное движеніе, указомъ и регламентомъ заставить народный умъ учиться и мыслить, могучимъ импульсомъ западнаго разума двинуть его къ прогрессивному движенію. Въ этомъ отношеніи умственное возрожденіе русскаго народа, и особенно быстрое, прогрессивное возвышеніе его научно-развитыхъ передовыхъ генерацій надъ общимъ уровнемъ окружающихъ ихъ азіатскихъ племенъ совершилось по тому же общему естествено-историческому закону, какой Ляйелль указываетъ вообще въ умственномъ возрожденіи и возвышеніи однихъ надъ другими низшихъ племенъ. Именно Ляйелль въ своей книгѣ «О древности человѣка», разбирая теорію Дарвина о происхожденіи видовъ въ приложеніи къ племенамъ человѣческаго рода, усвояетъ такое великое, естественно-историческое значеніе геніямъ, какъ выгоднымъ прогрессивнымъ уклоненіямъ или скачкамъ въ постепенномъ развитіи нервной организаціи, или психическихъ измѣненій племенъ и народовъ. «Рожденіе необыкновеннаго генія—говоритъ Ляйелль—отъ родителей, не выказывающихъ особыхъ умственныхъ способностей, стоящаго выше своего вѣка или племени, представляетъ явленіе, которое не слѣдуетъ упускать изъ виду при разсмотрѣніи того, не представляютъ ли иногда послѣдовательныя степени развитія случайныхъ скачковъ и перерывовъ въ непрерывной въ другихъ отношеніяхъ цѣпи психическихъ измѣненій... На людей, которые изобрѣли полезныя искусства, на созидателей новыхъ религіозныхъ и философскихъ системъ, на составителей новыхъ законовъ часто смотрѣли, какъ на посланниковъ съ неба, и, послѣ ихъ смерти, отдавали имъ божескія почести, распространяли баснословные слухи о явленіяхъ, будто бы сопровождавшихъ ихъ рожденіе. Да и, собственно говоря, нечего удивляться распространенію подобныхъ слуховъ, принявъ въ соображеніе, какіе громадные нравственные и умственные перевороты были произведены передовыми людьми. А припоминая какъ нравственныя, такъ и умственныя качества, способныя къ наслѣдственной передачѣ, мы, можетъ быть, можемъ приписать такимъ скачкамъ причину превосходства нѣкоторыхъ человѣческихъ племенъ. Если, согласно теоріи постепеннаго развитія, мы допустимъ, что человѣкъ постепенно развился съ весьма низкой степени, то подобные скачки, производимые геніями, могли не только повести къ болѣе и болѣе высшимъ формамъ и степенямъ развитія, но въ гораздо болѣе отдаленные періоды могли однимъ прыжкомъ перескочить пространства, раздѣляющія неразвитый разсудокъ

низшихъ животныхъ отъ первой самой слабой формы совершенствующагося ума, проявляемаго человѣкомъ» [1]). Геній Петра Великаго, разсматриваемый съ естественно-исторической точки зрѣнія, какъ счастливое физіолого-интеллектуальное уклоненіе отъ общаго уровня нервной организаціи русскаго народа, произвелъ именно подобный скачокъ отъ полудикихъ, византійско-азіатскихъ поколѣній древней Руси, во главѣ которыхъ стояли только монахи — учители супранатуралистическаго отрицанія разума и аскетическаго умерщвленія плоти, къ генеративно-послѣдовательному нарожденію «новой породы отцовъ и матерей», какъ выражался Бецкій, къ постепенному и довольно быстрому нарожденію послѣдовательныхъ рядовъ новыхъ европейски-интеллигентныхъ генерацій — сначала того поколѣнія, во главѣ котораго были, напримѣръ, Ломоносовъ, Крашенинниковъ, Щепинъ, Рычковъ, Румовскій, Фонвизинъ, Радищевъ, Дашкова, затѣмъ поколѣнія, во главѣ котораго стояли, напримѣръ, Осиповскій, Остроградскій, Грановскій, Бѣлинскій и т. д., и, наконецъ, новаго поколѣнія, во главѣ котораго видимъ русскіе умы, уже вполнѣ принадлежащіе къ европейскому передовому интеллектуальному типу. Въ слѣдующихъ главахъ, гдѣ мы будемъ слѣдить подробно, по поколѣніямъ, за развитіемъ русской мысли съ разныхъ сторонъ, мы во всей полнотѣ увидимъ, какой скачекъ произведенъ былъ геніемъ Петра-Великаго. А здѣсь замѣтимъ только, что для ускоренія умственнаго пробужденія русскаго народа, по причинѣ естественной общей медленности функцій его нервной организаціи, обусловливаемой, вслѣдствіе вліянія холоднаго климата, медленнымъ распространеніемъ возбужденій по нервамъ,—въ умственной исторіи русскаго народа физіологически необходимъ былъ геній *ускорительнаго движенія*. И Петръ Великій былъ именно такимъ *ускорительнымъ* геніемъ, такъ какъ и по общимъ принципамъ общечеловѣческаго развитія, «рѣшительное вліяніе замѣчательныхъ недѣлимыхъ или геніевъ болѣе всего проявляется въ опредѣленіи *скорости* прогрессивнаго движенія, а въ большей части состояній общества существованіе великихъ людей рѣшаетъ даже то, будетъ ли прогрессъ» [2]). Недаромъ всѣ консервативныя партіи укоснительнаго, медленнаго движенія, порожденныя тою же общею медленностію и неподвижностью, или застойчивостію умозрительныхъ способностей русскаго народа, каковы, напримѣръ, партія старообрядческая, партія славянофильская, партія постепенности или укоснительнаго постепеннаго развитія,—недаромъ всѣ эти партіи заявляли, и доселѣ еще заявляютъ протестъ именно противъ ускорительнаго скачка, противъ крутого поворота, произведеннаго геніемъ Петра Великаго. Недаромъ, со времени Петра Великаго, мы видимъ постоянную борьбу двухъ направленій въ нашемъ умственномъ движеніи—борьбу движенія регрессивно-укоснительнаго, консервативно-постепеннаго, славянофильско-староверскаго, порождаемаго общею медленностію интеллектуальныхъ функцій нашей нервной организаціи съ движеніемъ прогрессивно-ускорительнымъ, европейско-раціоналистическимъ, произведеннымъ импульсомъ или перво-

[1]) Ляйелль „О древности человѣка", стр. 484 - 485.
[2]) Логика Милля, ч. II, стр. 521.

началънымъ толчкомъ генія Петра Великаго. Все это мы подробно раскроемъ въ слѣдующихъ главахъ, когда будемъ слѣдить за генеративно-послѣдовательнымъ развитіемъ русской мысли въ послѣдовательныхъ рядахъ послѣпетровскихъ поколѣній. Но здѣсь не можемъ не остановиться на взглядѣ извѣстнаго нашего историка и публициста XVIII столѣтія, князя Щербатова, именно на взглядѣ его на историческое значеніе генія Петра Великаго. какъ генія *ускорительнаго*. Взглядъ этотъ Щербатовъ высказалъ въ своей статьѣ, подъ заглавіемъ: «Примѣрное время-числительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла Россія сама собою, безъ самовластія Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы». Сказавши напередъ о крайне-отсталомъ состояніи Россіи и крайне-медленномъ и укоснительномъ ея саморазвитіи до Петра Великаго, Щербатовъ далѣе исчисляетъ тотъ ускорительный толчокъ или скачокъ, какой произведенъ былъ геніемъ Петра Великаго. «До Петра Великаго—говоритъ онъ—русскій народъ даже до басновѣрія привязанъ былъ къ вѣрѣ, считалъ всѣхъ христіанъ другихъ исповѣданій погаными: примѣръ этому, что за безчестіе и за грѣхъ считали, если кто побывалъ у нѣмцевъ въ слободѣ, былъ суевѣренъ,—даже наипросвѣщеннѣйшій мужъ того времени князь Вас. Вас. Голицинъ призывалъ гадальщиковъ и смотрѣлъ на мѣсяцъ для узнанія своей судьбы, подчинялся духовному чину. Народъ не имѣлъ тогда никакого просвѣщенія, но многіе знаменитые бояре и грамоты не знали. Гордость и надменность бояръ была безмѣрная, и дворяне у нихъ въ знакомцахъ и прислужникахъ жили. Мѣстничество господствовало даже и послѣ формальнаго уничтоженія его. Не было торговли ни внутренней, ни внѣшней. Не было ни фабрикъ, ни рукодѣлій. Правительство не имѣло ни регламентовъ, ни порядковъ. Не было сухопутнаго порядочнаго войска. Не было флоту. Не было крѣпостей. Изобильная разными металлами и минералами, Россія не имѣла ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни желѣза, но принуждены были все это, и даже желѣзо получать изъ Швеціи, ибо не было ни знающихъ минералогію и металлургію, ни умѣющихъ добывать руду, ни обработывать. Таково состояніе Россіи до исправленія ея Петромъ Великимъ. Въ 1682 году заведена была въ Иконоспасскомъ монастырѣ академія, гдѣ учили по-латыни, по-гречески и аристотелевой философіи. Положимъ, что это училище могло оказать весь успѣхъ, какой только отъ него могъ быть: въ такомъ случаѣ надлежало, чтобы, по крайней мѣрѣ, прошло два поколѣнія, прежде нежели русскіе могли бы познать лишь только еще пользу науки и имѣть отвращеніе отъ невѣжества, и такимъ образомъ даже и эту важную перемѣну, чтобы было ста два человѣка латинщиковъ и знающихъ дурную философію, даже и эту перемѣну невозможно бы было видѣть раньше 60-ти лѣтъ: ибо пока первое поколѣніе съ прежними своими убѣжденіями оставалось въ живыхъ,—невозможно было бы ожидать этой перемѣны, да и второе поколѣніе было бы еще противно этому новому направленію умовъ, а я соглашаюсь со всѣми времясчислителями, полагая на каждое поколѣніе 30 лѣтъ. Но чему бы въ этой академіи научились? Научились бы только языкамъ

греческому и латинскому, аристотелевой философіи, его категоріямъ, тонкимъ и часто непонятнымъ разсужденіямъ Платона, научились бы богословію, разумѣли бы всѣхъ лучшихъ писателей аѳинскихъ, цвѣтущаго Рима, и святыхъ отцовъ. Но познали ли бы новыя открытія, сдѣланныя новыми (европейскими) геніями? Познали ли бы новую систему міра, изобрѣтенія къ физикѣ, химіи и математикѣ? Нѣтъ. И тѣмъ болѣе—нѣтъ, что народъ русскій полагалъ себѣ за правило не сообщаться не съ единовѣрными, утверждаясь въ этой ненависти еще болѣе тѣмъ, что и первенствующая церковь запрещала всякое сообщеніе съ еретиками и раздирателями церкви. И потому Россія, или, какъ отдаленная отъ другихъ частей свѣта, земля, все сама должна была бы изыскивать, или же превозмочь свою ненависть къ иностранцамъ и войти съ ними въ сообщеніе. На первое нужны бы были многія тысячи лѣтъ, да и то невозможно бы было безъ путешествій, слѣдовательно, сколько же бы времени нужно было употребить для преодолѣнія одной ненависти къ иностранцамъ? Я полагаю, на это, по крайней мѣрѣ, три поколѣнія, то-есть 90 лѣтъ, и полагаю на томъ основаніи, что хотя уже царь Иванъ Васильевичъ, желая ввести въ Россію нѣкоторое просвѣщеніе, призывалъ уже иностранцевъ, хотя Годуновъ еще больше усилія на то употребилъ, и даже посылалъ русскихъ юношей учиться въ чужіе края, однако, ни науки, ни искусства не имѣли тогда никакого успѣха, ненависть къ чужестранцамъ нисколько не убавилась. Да и достигши до нѣкотораго просвѣщенія и познанія, также пріучась имѣть сообщеніе съ чужестранными народами, надлежало познавать вновь изобрѣтенныя науки и искусства. Но тутъ встрѣтились бы новыя препятствія: первое препятствіе - гордость россійскаго дворянства, и донынѣ еще и самымъ деспотичествомъ неукрощенная, не позволяла бы имъ согласиться имѣть незнакомыхъ, и притомъ же часто незнатныхъ иностранцевъ своими учителями и начальниками. А какъ же было научиться этому посредствомъ путешествій? Одна привязанность къ своимъ семьямъ и домамъ не дозволила бы такихъ путешествій въ чужіе краи. Итакъ, надлежало бы еще напередъ воспитывать въ русскихъ дворянахъ новую привычку къ путешествію и къ ученію у иностранцевъ. А для развитія этой привычки, я полагаю, по крайней мѣрѣ, еще 30 лѣтъ. Но чему бы и тогда они научились? Познали бы развѣ только состояніе чужестранныхъ войскъ, не соображая ихъ строя съ потребностями Россіи. Но пусть бы русскіе сами собой научились и, въ теченіе 30-ти лѣтъ, произвели всѣ преобразованія и учрежденія, хотя бы они колебались у нихъ, навѣрное, прежде, нежели заведены были. Да и то едва-ли бы могло быть сдѣлано безъ самовластія Петра Великаго, потому что требовало бы наложенья на народъ налоговъ, взятія рекрутовъ и проч. Но пусть и это все исполнилось бы: надлежало предпринять войну для пріобрѣтенія портовъ. И пусть война эта была бы во всемъ успѣшна. Война, заключеніе мира, отправка русскихъ заграницу для наученія мореплаванію и все прочее, относящееся до заведенія флота, требовали бы еще 30-ти лѣтъ. Я уже не говорю о фабрикахъ и рукодѣліяхъ, о торговлѣ, которой у насъ и нынѣ еще нѣтъ, о металлургическомъ искусствѣ, которое у насъ еще и

нынѣ въ весьма дурномъ положеніи,—сколько бы еще лѣтъ нужно было для того, чтобы все это привести хоть въ то состояніе, въ какомъ оно нынѣ находится. А и безъ того уже, по вышеозначенному исчисленію, отъ начала Спасской академіи. надлежало бы пройти 210 годамъ: слѣдовательно, Россія еще начала бы только входить въ то состояніе. въ какомъ она есть, и еще ничѣмъ не прославивъ себя, развѣ только около 1892 года, да и то, принимая только, что въ теченіе этого огромнаго періода времени не произошло бы никакого помѣшательства, ни внутренняго, ни внѣшняго. А кто можетъ поручиться, чтобы въ это время въ Россіи не было такихъ государей, которые неблагоразумными мѣрами своими разрушили бы то, что два или три предка ихъ заводили, и такимъ поступкомъ своимъ еще продлили бы, замедлили бы время просвѣщенія Россіи. А разсмотрѣвши и сообразивши все это внимательно, не судите о времени, когда бы Россія сама собою, собственными побужденіями своего народа, могла дойти до хорошаго состоянія, не судите объ этомъ потому, что теперь Россія представляетъ; но судите, соображая съ древнимъ ея состояніемъ и съ предубѣжденіями, и разсматривайте по степенямъ, во сколько времени, какую болѣзнь она могла бы вылѣчить: или судите еще болѣе по себѣ, сколь еще и надъ вами частныя предубѣжденія дѣйствуютъ, надъ вами, просвѣщенными Петромъ Великимъ; какъ же трудно было истребить ихъ въ народѣ. И отложа эти тщетныя ваши мысли, будто народъ русскій могъ бы постепенными и медленными шагами, самъ собою, своими собственными побужденіями, безъ побужденія Петра Великаго, дойти до новаго порядка Россіи, отложа эти напрасныя мысли, воздайте лучше хвалу и благодареніе Петру Великому, такъ быстро ускорившему шествіе Россіи впередъ» [1]).

Но какъ же — естественно теперь рождается вопросъ — какъ могъ явиться въ Россіи этотъ *умственно-ускорительный геній*— геній съ живою и быстрою нервною воспріимчивостью и впечатлительностью, когда вся нація, долженствовавшая породить этотъ геній, по природѣ своей отличалась общею медленностію нервной воспріимчивости и умозрительныхъ способностей? Положимъ, появленіе такого генія, какъ случайнаго, индивидуальнаго уклоненія отъ общей нормы нервной организаціи русскаго народа, возможно было, и вполнѣ объясняется тѣмъ естественно-историческимъ закономъ естественнаго подбора, по которому подобныя нормальныя или анормальныя, выгодныя или невыгодныя уклоненія и измѣненія происходятъ и во всемъ физіологическомъ мірѣ, во всей органической природѣ. Спрашивается теперь: какимъ образомъ нервная организація русскаго народа, характеризующаяся вообще слабою или посредственною и медленною воспріимчивостью и впечатлительностью, какимъ образомъ она могла воспринять тотъ умственно-возбудительный импульсъ, какой исходилъ отъ генія Петра Великаго, и воспринять его съ такою возбуждаемостію и энергіей, чтобы умственный толчокъ, произведенный геніемъ Петра Великаго, передавался изъ рода въ родъ съ ускорительной энергіей, съ прогрессивнымъ наростаніемъ движенія или дѣйствія, и чтобы новыя евро-

[1]) Соч. кн. Щербатова. Чтеніе Об. Истор. 1860. Кн. I. 232 и слѣд.

пейскія интеллектуальныя качества, зародившіяся въ геніѣ Петра Великаго и въ *птенцахъ его*, какъ говорили современники Петра, путемъ естественнаго подбора и генеративно-наслѣдственной передачи, непрерывно и прогрессивно развивались въ новый европейскій интеллектуальный типъ и все больше и больше порождали «Петрово племя», какъ говорило второе и третье послѣпетровское поколѣніе? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы опять должны предварительно вникнуть въ нѣкоторыя особенности нервной организаціи и психическаго характера русскаго народа.

II

Какъ въ сферѣ внѣшней, физической природы, вслѣдствіе общей медленности распространенія возбужденій по нервамъ, въ силу психологическаго закона, усиливающаго возбуждаемость ощущеній и идей, пропорціонально усиленію или наибольшему напряженію впечатлѣній, — только новыя и неожиданно поразительныя впечатлѣнія природы дѣйствовали возбудительно на нервную систему русскаго народа,—эти только впечатлѣнія, наконецъ, посредствомъ возбужденія чувства удивленія чудесамъ природы, возбудили первые зачатки естествопознавательной пытливости. Точно также, далѣе, и въ сферѣ человѣческой природы, въ мірѣ антропологическомъ или этнологическомъ, въ силу того же закона, только наиболѣе сильныя и поразительныя впечатлѣнія этническія могли возбудительно импульсировать пассивную и слабо-возбуждаемую нервно-мозговую воспріимчивость и впечатлительность русскаго народа, и такимъ образомъ возбудить ее къ живому, энергическому воспріятію и усвоенію всѣхъ высшихъ, умственно-возбудительныхъ и цивилизующихъ импульсовъ наиболѣе развитого физическаго и умственнаго антропологическаго типа. И только подобное возбужденіе и генеративно-послѣдовательное развитіе, черезъ цѣлый рядъ передовыхъ народныхъ поколѣній, этой живой, возбужденно-энергической воспріимчивости и впечатлительности къ наиболѣе поразительнымъ, новымъ и высшимъ умственнымъ, нравственнымъ и физическимъ качествамъ того или другаго высшаго антропологическаго типа, только эти-то качества народной нервной воспріимчивости и могли обусловить, физіолого-психологическимъ путемъ, между прочимъ, и появленіе такого генія, какъ геній Петра Великаго. Разсмотримъ же здѣсь, въ короткихъ чертахъ, какія именно этнологическія впечатлѣнія дѣйствовали на нервную систему русскаго народа, и какія изъ нихъ оказались наиболѣе сильными, наиболѣе умственно-возбудительными и прогрессивными, и какимъ образомъ обусловилось появленіе генія Петра Великаго и т. д.

На низшей, первобытной степени умственнаго развитія, всѣ новыя, неожиданно-поразительныя этническія впечатлѣнія, такъ же, какъ и впечатлѣнія физическія, вслѣдствіе самой своей неожиданной поразительности, новости и непривычности для нервовъ чувствъ, производили на нервную систему нашихъ предковъ ужасное, потрясающее впечатлѣніе, которое усиливалось еще преобладаніемъ первоначальной взаимной враждебности, кровожадности, хищничества и постоянныхъ набѣжническихъ войнъ варвар-

скихъ народовъ. Тогда только тѣ народы и производили всего больше впечатлѣнія, которые появлялись съ фуроромъ, внезапно, неожиданно, были до того вовсе неизвѣстны и, особенно, если отличились какими-нибудь страшными, отталкивающими качествами. Вслѣдствіе этого первоначальнаго впечатлѣнія и воззрѣнія, еще въ XVI и XVII вѣкахъ всѣ чуждые, неизвѣстные народы въ глазахъ русскаго народа казались какими-то пугалами, страшилищами или чудовищами, и представлялись въ безобразныхъ, отвратительныхъ и страшныхъ образахъ. Напримѣръ, еще въ Азбуковникахъ XVII вѣка о чуждыхъ и неизвѣстныхъ народахъ сообщались такія чудовищныя представленія: «въ анафистѣ, пустомъ лѣсу, живутъ дикіе люди, имущіе въ высоту 24 локтя и шею долгу». Или: «Охлаты есть дикіе люди, еже есть косматцы, понеже есть круглы, косматы и черны, обличія имущи львовы» [1]). Изъ того же источника проистекали разсказы про народы «Песьи-Головы» и т. п. Вслѣдствіе такого же первоначальнаго впечатлѣнія, когда славяне, переселяясь съ Дуная на берега Днѣпра и Волхова и распространяясь далѣе, впервые увидѣли чуждыя, незнакомыя имъ и невзрачныя племена финскія, они на первыхъ порахъ поражались изумленіемъ, съ чувствомъ внутренней непріязни «чудились» этимъ чуждымъ и неблагообразнымъ народамъ, и вслѣдствіе такого чувства прозвали эти народы: *чюдь, чудище-идолище, чюдь-бѣлоглазая, чюдь-сыроядцы, смерды*, то-есть гадкіе, скверные и т. п. Потомъ, когда неожиданно нахлынули на русскую землю татары, и они произвели также паническій страхъ въ русскомъ народѣ, и это ужасное, потрясающее впечатлѣніе отразилось въ лѣтописяхъ самымъ мрачнымъ выраженіемъ паническаго ужаса и унынія, и сопровождалось сильнымъ возбужденіемъ чувствъ мистическихъ, духа аскетизма и молитвеннаго настроенія. Въ народной поэзіи, по первоначальному страшному впечатлѣнію, татарскій народъ прозванъ былъ «*змѣемъ-тугариномъ*». Но проходили вѣка въ ближайшемъ сожительствѣ, сообщеніи и торгово-промышленномъ обмѣнѣ вещей и понятій, и нервная организація русскаго народа мало-по-малу привыкла къ воспріятію впечатлѣній, какія на нее производили разныя финскія и тюрко-татарскія племена. При ближайшемъ ознакомленіи съ восточно-азіатскими народами, въ грубомъ, неразвитомъ типѣ ихъ не оказывалось никакихъ особенныхъ, обаятельныхъ качествъ, которыя бы могли возбудительно воздѣйствовать на дремлющую, неразвитую и слабо-воспріимчивую нервную организацію сѣверныхъ славянскихъ племенъ. Много бы значило въ судьбѣ сѣверныхъ славянъ, сильный пробуждающій толчокъ далъ бы ихъ нервной организаціи, если бы, переселившись съ Дуная на сѣверъ, они сразу натолкнулись на сильныя, умственно-возбудительныя этническія впечатлѣнія. Но что они встрѣтили? Они поселялись на сѣверо-востокѣ Европы, среди такихъ племенъ, которыя никакъ не могли произвести на ихъ нервную воспріимчивость, съ самаго начала, никакого сильнаго впечатлѣнія, а тѣмъ болѣе не могли произвести впечатлѣнія умственно-возбудительнаго, потому что представляли крайне низкую степень умственнаго развитія. Къ какому бы племени ни при-

[1]) Азбуковники. Рукоп. Солов. библ.

надлежало московское курганное племя, въ средѣ котораго по преимуществу зарождался эмбріональный зачатокъ велико-русскаго народа и московскаго государства, во всякомъ случаѣ краніологическое развитіе этого племени не обнаруживаетъ ничего такого, что могло бы особенно впечатлительно или особенно умственно-возбудительно подѣйствовать на нервно-мозговую воспріимчивость славянскаго племени съ самаго начала ихъ исторіи. Профессоръ анатоміи, г. Богдановъ, въ своемъ краніологическомъ изслѣдованіи московскаго курганнаго племени, сообщаетъ такіе общіе выводы о черепахъ этого племени: «Курганный черепъ Московской губерніи, если смотрѣть на него сверху или сбоку, представляется довольно длиннымъ и узкимъ. Norma verticalis по большей части эллиптическая или удлиненно-яйцеобразная. Черепъ со стороны нѣсколько сжатъ и мало расширяется у теменныхъ бугровъ, которые вообще мало развиты. Незначительнымъ развитіемъ отличаются также Tubera frontalia, и лобная кость, постепенно закругляясь, переходитъ въ высокое темя. Сжатость черепа съ боковъ часто сопровождается тѣмъ, что на серединѣ темени сводъ черепа крышеобразно приподнятъ... Особенно замѣчательно у курганнаго племени это сильное развитіе затылочной части черепа, выдающейся иногда очень значительно назадъ. Эта характеристическая форма затылка — узкость и длина черепа — составляетъ главныя особенности курганнаго племени. Черепа представляютъ сходство, и сходство довольно большое съ нѣкоторыми слѣпками съ череповъ каменнаго вѣка и басковъ. Типическій черепъ нашего курганнаго племени есть субъ-долихоцефалическій. Еще особенность череповъ та, что у мужчинъ сильно развита наклонность къ прогнатизму, женскіе черепа болѣе ортогнатичны. Наименьшій лицевой уголъ, найденный на мужскомъ черепѣ, есть 70°, тогда какъ на женскомъ 74°... У мужскихъ череповъ подносная точка стремится выдаться впередъ, а основаніе черепа, то-есть сумма тѣлъ черепныхъ позвонковъ, удлиниться. Челюсть начинаетъ особенно выдаваться отъ подносной точки у значительнаго числа череповъ, такъ что отсюда и личный уголъ выходитъ несравненно меньшій и выдается значительно большій прогнатизмъ. Вообще, племя отличалось низкимъ лбомъ, и мужчины были особенно не презентабельны съ своими выдавшимися прогнатическими челюстями и зубами» [1]. Такое племя, у котораго развитіе задней затылочной части черепа сильно преобладало надъ развитіемъ передней, лобной части, и которое, вообще, характеризовалось значительнымъ развитіемъ прогнатизма и долихоцефализма и проч., такое племя, очевидно, физіологически неспособно было произвести на нервную организацію славяно-русскаго народа такого могущественнаго импульсирующаго впечатлѣнія, чтобы возбудить его къ исторической умственной дѣятельности. Точно также и въ историческія времена всѣ финскія племена и даже наиболѣе даровитыя племена татарскія не представляли никакихъ особенныхъ, обаятельно-поразительныхъ качествъ, которя могли бы особенно впечатлительно и возбудительно по-

[1]) Натурал. 1866 № 15 и 16, стр. 233—235: „Курганное племя Московской губерніи". изслѣд. професс. анатоміи г. Богданова.

влiять на нервную восприимчивость славяно-русскаго народа. Напротивъ, славяно-русское племя, присмотрѣвшись ближе ко всѣмъ этимъ азiатскимъ племенамъ, скоро почувствовало свое физическое и умственное преимущество передъ ними. Юрiй Крыжаничъ писалъ въ XVII вѣкѣ: «Въ отношенiи сосѣднихъ азiатскихъ народовъ мы себя держимъ надменно и презрительно отъ того, что самоѣды, остяки и калмыки, сравнительно съ нами, кажутся грубыми, нечеловѣчными (нелюдскими) или варварами» [1]). Вслѣдствiе такого преимущества, скорѣе само славяно-русское племя производило наиболѣе сильное впечатлѣнiе на азiатскiя племена, чѣмъ послѣднiя на него, и затѣмъ, путемъ физiологическаго смѣшенiя съ ними, болѣе передавало имъ свой типъ, физическiй и умственный, чѣмъ само усвояло ихъ типъ. Съ другой стороны, вслѣдствiе постепеннаго, географическаго, колонизацiоннаго самораспространенiя среди разныхъ азiатскихъ племенъ, народъ русскiй мало-по-малу все-таки и самъ привыкалъ къ этимъ племенамъ, и до того сживался съ ними, что по своей нервной впечатлительности и воспрiимчивости къ новымъ и оригинальнымъ качествамъ, и самъ невольно, пассивно воспринималъ и усвоялъ нѣкоторыя наиболѣе типическiя качества азiатскихъ племенъ, съ которыми физiологически смѣшивался, и такимъ образомъ, почти повсюду приходилъ въ болѣе или менѣе замѣтное физiологическое соотвѣтствiе съ мѣстной этнографической средой. Поэтому, въ этническомъ составѣ славяно-русской народности большой контингентъ представляетъ кровь разныхъ азiатскихъ племенъ. «Всѣ писавшiе о древности россiйскаго народа—говоритъ Лепехинъ—утверждаютъ, что бо́льшая часть его произошла отъ чудского поколѣнiя» [2]). И дѣйствительно, въ какую область русской земли мы ни заглянемъ, вездѣ мѣстныя этнологическiя впечатлѣнiя, вслѣдствiе физiологическаго смѣшенiя азiатскихъ племенъ съ русскою народностiю, замѣтно отпечатлѣлись на физическомъ, лингвистическомъ и умственномъ типѣ областныхъ варiантовъ русской народности. Напримѣръ, на сѣверо-востокѣ Россiи, по ту сторону уваловъ, въ области сѣверо-поморской или балтiйско-двинской водной системы, на главномъ пути древней новгородско-славянской колонизацiи,— повсюду преобладали этническiя впечатлѣнiя финской народности, и тамъ бо́льшая часть жителей «произошла отъ чуди и новгородцевъ» [3]), или отъ обрусѣлыхъ самоѣдовъ, зырянъ и вогуловъ [4]), или приняли въ себя народность карело-лопарскую [5]), и до сихъ поръ весьма замѣтно сохраняютъ разные отпечатки и оттѣнки финскаго обличiя [6]). Вмѣстѣ съ физическимъ типомъ, сѣверо-восточные русскiе жители пассивно восприняли и усвоили и многiя лингвистическiя особенности сѣверныхъ финскихъ племенъ. «Одинъ разрядъ провинцiализмовъ архангельскаго нарѣчiя — говоритъ

[1]) О Московск. Государст. розд. II, стр. 32.
[2]) Путеш. Лепех. Спб. 1780 г. III, стр. 321.
[3]) Лепехина, Путешеств. 1805. Ч. IV, стр. 277.
[4]) Ibid III, 28. IV, 267, 268, 277, 285, 297.
[5]) Kastren's, Reiseerinnerungen, 135, 153.
[6]) См. также Дневникъ В. Н. Латкина во время путешест. на Печору въ 1840 и 1843 годахъ. „Записки географ. общ." 1853 г. кн. VII. Максимова. Годъ на сѣверѣ.

Шренкъ — суть остатки древне-славянскаго языка. Другой разрядъ провинціализмовъ принадлежитъ къ остаткамъ языка первобытной чуди. Еще многочисленнѣе слова, заимствованныя изъ нынѣ существующихъ языковъ сосѣдственныхъ народовъ — самоѣдовъ, зырянъ, лопарей и финновъ. Самоѣды въ особенности обогатили архангельское нарѣчіе своими словами, такъ же, какъ передали имъ и свою племенную одежду, и сообщили имъ самыя понятія о туземной тундрѣ. Въ частности, кольскій языкъ сильно заимствовалъ понятія и слова лопарскія, онежскій—финскія выраженія: южный мезенскій и шенкурскій усвоилъ много зырянскихъ словъ; сѣверный Мезенскій уѣздъ изобилуетъ самоѣдскими словами. Самымъ нечистымъ нарѣчіемъ говорятъ русскіе сосѣди зырянъ по средней Печорѣ; за то и зырянскій языкъ здѣсь сильно смѣшался съ русскимъ» [1]. Въ связи съ лингвистическими особенностями, при преобладаніи мрачныхъ впечатлѣній сѣверныхъ водъ, озеръ, болотъ и лѣсовъ,—и финскія сказанія о водяныхъ и лѣсныхъ духахъ, и особенно финское кудесничество также произвели сильное впечатлѣніе на славяно-русскихъ переселенцевъ. И они, согласно съ финнами, вѣрили въ водяныхъ и лѣшихъ [2]), и сильно преданы были финскому кудесничеству, «были кудесе якоже арбуи въ Чуди» [3]). Точно такъ же было и по сю сторону уваловъ, въ области волжско-каспійской водной системы. Здѣсь господствовали этническія впечатлѣнія такихъ финскихъ племенъ, какъ весь, меря, мещера, мордва, чуваши, черемисы, а также татаръ, и потому здѣсь и въ физическомъ, и умственномъ типѣ русской народности весьма замѣтно отпечатлѣлись эти мѣстныя этническія впечатлѣнія. Напримѣръ, о жителяхъ Владимірской губерніи г. Семеновъ замѣчаетъ: «типъ финскаго племени можно еще и до сихъ поръ подмѣтить въ уѣздахъ Муромскомъ, Меленковскомъ, Гороховскомъ, Судогожскомъ и южной части Покровскаго» [4]). О жителяхъ Костромской губерніи г. Крживоблоцкій говоритъ: «Время не смогло совершенно измѣнить одного наружнаго вида, и дѣйствительно тамъ финскія племена сохранили еще свой типъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ восточныхъ уѣздахъ, въ которыхъ жители малорослы и уродливы, лѣнивы и невѣжественны» [5]). О жителяхъ Рязанской губерніи г. Барановичъ замѣчаетъ: «Къ сѣверу, къ границамъ Владимірской губерніи, въ жителяхъ мещерской стороны замѣтны признаки ихъ финскаго происхожденія, которые не въ состояніи изгладить скудная природа этого края: народъ въ этихъ мѣстахъ мелокъ, слабъ и не развитъ. Здѣсь мещера болѣе всего сохранила свой первоначальный типъ» [6]). О донскомъ казачьемъ населеніи Георги писалъ: «Большая часть его имѣетъ видъ смѣшанный съ русскимъ и татарскимъ, безъ

[1]) А. И. Шренка: Областн. выраж. архангел. нарѣчія. Зап. геогр. общ. 1850. Кн. IV, стр. 128—131.

[2]) Kastren's. Nordische Reise und Forschung. s. 85.

[3]) Въ сѣверо-поморскихъ „Житіяхъ“ много объ этомъ сказаній, напримѣръ, въ „Житіи Зосимы и Савватія Соловец.“ и др.

[4]) Географ. Слов. I, 486.

[5]) Кост. губ. 168.

[6]) Рязанск. губер., стр. 132. 134.

нѣнія, отъ матерей и праматерей татарокъ»[1]). То же замѣчаетъ Коьниковъ: «вошедшія въ донской казачій родъ нѣкоторыя калмыцкія, ецкія и татарскія племена, черезъ смѣшенія, измѣнились совершенно русскій родъ»[2]). Какъ на сѣверо-востокѣ, въ финской сторонѣ, въ типѣ ской народности замѣтно отобразились отчасти и умственныя впечатлія финской народности,—такъ на юго-востокѣ, въ татарской сторонѣ, вная организація русскаго народа пассивно воспринимала и нѣкоторыя ты татарскаго умственнаго типа: нѣкоторые русскіе принимали даже и арскую вѣру[3]). Вообще нервная воспріимчивость русскаго народа до о привыкала къ впечатлѣніямъ разныхъ азіатскихъ народовъ, что поэду областное русское населеніе постепенно приходило болѣе или менѣе физіологическое и умственное соотвѣтствіе съ мѣстными азіатскими эменами. Вслѣдствіе этого, какъ физическій, такъ и умственный типъ ской народности усвоилъ много такихъ восточно-азіатскихъ качествъ, горыя были весьма неблагопріятны для его умственнаго пробужденія и эгрессивнаго саморазвитія. Такъ, напримѣръ, путемъ физіологическаго ѣшенія народъ русскій усвоилъ нѣкоторыя несовершенства и уродлисти физическаго типа такихъ азіатскихъ племенъ, какъ татары, калки, мещера, чуваши, черемисы, самоѣды, остяки, и т. д., какъ, наприм.: юбовь къ низкимъ лбамъ и узкимъ глазамъ, отвращеніе отъ маленькихъ жекъ и стройнаго, тонкаго стана, наклонность безобразно румяниться бымп красками и т. п.»[4]). Еще болѣе того народъ нашъ усвоялъ отхъ азіатскую лѣность, апатію, равнодушіе и бездѣйствіе умозрительныхъ эсобностей, неизбѣжно усиливаемую суровымъ сѣвернымъ климатомъ, эвную притупленность и умственную дремоту сѣверныхъ азіатскихъ пленъ, весьма сильную наклонность и воспріимчивость ихъ къ кудесниству и шаманизму, азіатскую порабощенность духа народнаго фатализму, атскій взглядъ на женщину, азіатскіе обычаи, въ родѣ брачнаго кама, азіатскихъ привычекъ въ употребленіи пищи, одежды, домашней вари и т. п., неопрятность и нечистоплотность такихъ сосѣднихъ пленъ, каковы, напримѣръ, зыряне, самоѣды, чуваши, остяки, буряты и оч. Невыгодный и невзрачный отпечатокъ всѣхъ подобныхъ качествъ іатскаго типа на русской народности особенно ясно обнаружился, когда ми русскіе, увидѣвши европейцевъ, стали сравнивать себя съ ними. ослѣ вѣкового, почти исключительнаго созерцанія невзрачнаго типа іатскихъ племенъ, сравнивая физическій и умственный типъ русской родности и европейскихъ національностей,—лучшіе, передовые умы, неютря на всѣ религіозно-національныя предубѣжденія, невольно очаровы-

[1]) Опис. народ. 1799. Ч. IV, стр. 200—201.

[2]) Описаніе Курмоярск. станицы въ Чтен. общ. истор.

[3]) А. Э. I, 438.

[4]) Коллинсъ, 21—22: „Красотою женщинъ русскіе считаютъ толстоту. Они люятъ низкіе лбы и продолговатые глаза. Маленькія ножки и стройный станъ почиаются у нихъ безобразіемъ. Румяны ихъ похожи на тѣ краски, которыми мы украаемъ лѣтомъ трубы нашихъ домовъ“ и проч.

вались явнымъ превосходствомъ европейскаго интеллектуальнаго и физическаго типа. Замѣчательный публицистъ XVII вѣка Юрій Крыжаничъ сдѣлалъ такой выводъ изъ сравненія: «По красотѣ лица и физическому складу мы не можемъ сравняться съ красивыми народами. Языкъ нашъ неблагозвученъ (скрипливъ), непріятенъ, бѣденъ, и подлинно всѣхъ европейскихъ языковъ наибѣднѣе. Потому неудивительно, что разумы наши тупы и медлительны, косны. Всѣ знаменитые народы превосходятъ насъ разумомъ, а тому главная причина несовершенство нашего языка: мы себя держимъ надменно и презрительно оттого, что самоѣды, остяки и калмыки, сравнительно съ нами, кажутся грубыми, нечеловѣчными (нелюдскими) или варварами. Между тѣмъ, какъ это должно бы быть для насъ поводомъ не къ преимуществу, а къ униженію и къ поученію. Ибо сколько тѣ, азіатскіе народы, сравнительно съ нами, суть дики и звѣрски, столько мы, сравнительно съ другими народами, кажемся грубыми, невѣжественными (неумѣтельными); почему, вслѣдствіе нашей неучености и необразованности, иные народы считаютъ насъ тоже дикими. Я же нахожу, что нашъ народъ средній между людскими (гуманными, цивилизованными) и дикими народами. Дикими зову татаръ, калмыковъ, остяковъ, цыганъ и подобныхъ имъ людей, которые ни домовъ, ни людского устройства не имѣютъ. Эти народы мы превосходимъ людскостію. Людскіе (образованные) народы, то-есть итальянцы, французы, нѣмцы, испанцы и древніе греки превосходятъ насъ людскостію и всѣми природными свойствами ума и тѣла: обличіемъ (наружностію), словомъ или бесѣдою, разумомъ, крѣпостію или бодростію, сердечностію или одушевленіемъ (живостію), работливостію и изобрѣтательностію въ наукахъ и проч. [1]).

Такимъ образомъ физическій и умственный типъ азіатскихъ племенъ не только не могъ произвести сильнаго, умственно-возбудительнаго впечатлѣнія на нервную организацію русскаго народа, но еще передалъ ему многіе недостатки. Но вотъ, въ самомъ началѣ русской исторіи, приходятъ на Русь греки, въ то время, когда славянскія племена уже значительно свыклись съ азіатскими народами. Въ началѣ, и впечатлѣніе грековъ, какъ впечатлѣніе совершенно новое, непривычное и необычайное, производило непріятное, отталкивающее впечатлѣніе на нервную воспріимчивость славянскихъ племенъ, особенно впечатлительную только ко всѣмъ новымъ, рѣзкимъ и необычайнымъ явленіямъ и способную потомъ легко и скоро привыкать къ впечатлѣніямъ часто повторяющимся и дѣлающимся обыкновенными. Долго масса славянскаго племени боялась грековъ, убѣгала отъ всего, что занесено было отъ грековъ, изъ Византіи. Когда впервые появились изъ Греціи монахи и монахини, то одна встрѣча съ ними раздражительно и отвратительно дѣйствовала на нервы массы славянской. Еще въ XI вѣкѣ Ѳеодосій Печерскій обличалъ народъ: «се не погански ли творимъ? аще кто встрѣтитъ чернца или черницу, то возвращается (бѣжитъ назадъ), такъ же какъ при встрѣчѣ коня лысаго или

[1]) О Москов. Государ. разд. 32, 37.

свиньи: «то те не поганско ли есть?» [1]) Но греки были уже далеко не то, что чудь-бѣлоглазая или финны и т. п. При ближайшемъ разсмотрѣніи грековъ, и физическій и особенно умственный типъ ихъ могъ вскорѣ произвести обаятельное впечатлѣніе на нервную воспріимчивость славянскаго племени ко всему новому и обаятельному. Въ умственномъ отношеніи, греки, развитые идеями философіи Аристотеля или Платона, или твореніями Златоустовъ, Григорьевъ Богослововъ, Василіевъ Великихъ, — во всякомъ случаѣ на первыхъ порахъ, въ VIII и IX столѣтіи, стояли несравненно выше полудикихъ славянъ, которыхъ они называли варварами, по крайней мѣрѣ неизмѣримо превосходили ихъ своею діалектическою и схоластическою остротою ума. Притомъ, на ихъ сторонѣ была вся плѣнительная обаятельность византійской церковно-обрядовой внѣшности, которая на чувства каждаго дикаго племени могла производить могущественное, очаровательное впечатлѣніе. И вотъ, одна картина страшнаго суда, показанная греческими миссіонерами кіевскому князю Владиміру, произвела обаятельное впечатлѣніе на грубую, нервную чувствительность князя-язычника, утопавшаго въ азіатской чувственности. На пословъ Владиміра великолѣпная обстановка византійскаго богослуженія и всей церковной обрядности произвела впечатлѣніе, можно сказать, историческое, т.-е. такое, которое рѣшило религіозную судьбу славянскихъ племенъ, и которое, потому, и лѣтописецъ Несторъ отмѣтилъ и описалъ подробно, какъ замѣчательный фактъ въ психической жизни славянскихъ племенъ. Особенная, невиданная прежде, или, какъ выражались предки наши, «пречудная, предивная и преухищренная» архитектура храмовъ, обаятельная для глазъ, и тоже никогда невиданная прежде византійская иконописная живопись, блестящіе золотые и серебряные кивоты, облаченья и оклады образовъ, евангелій, крестовъ, невиданные прежде поразительные иконописные лики на образахъ Христа, Богородицы, ангеловъ, святыхъ, страшнаго суда и т. п., никогда неслыханный прежде въ какихъ-нибудь лѣсахъ древлянскихъ и, потому, особенно поразительный для нервовъ слуха звонъ множества большихъ и малыхъ колоколовъ или «доброслушныхъ камбановъ», какъ говорили наши предки, блестящія золотомъ и серебромъ, убранныя и разноцвѣтно испещренныя ризы церковныя, неслыханное и поразительное для слуха лѣсныхъ дикарей громогласное хоровое, демественное пѣніе, необыкновенно-благоуханный для обонянія ѳиміамъ кадильный, ослѣпительный свѣтъ и блескъ множества свѣчей на блестящихъ серебряныхъ и золотыхъ блиставшихъ подсвѣчникахъ и лампадахъ и прочее,—все это не могло не подѣйствовать обаятельно на грубые нервы пословъ Владиміровыхъ, а потомъ и на нервы какихъ-либо древлянъ, сѣверянъ, полянъ, вятичей и т. д. И вотъ всѣ эти церковно-византійскія впечатлѣнія мало-по-малу до такой степени впечатлительно подѣйствовали на нервную систему русскаго народа, что онъ всѣ свои христіанскія идеи и вѣрованія ассоціировалъ потомъ съ впечатлѣніями церкви или храма, образа, темьяна, свѣчи

[1]) См. Поученія Ѳеодосія Печерскаго въ Извѣст. II-го отдѣл. академіи наукъ, въ Христіан. чтен. и въ Исторіи русской церкви, еп. Макарія.

церковной, креста, евангелія. И въ немъ, вслѣдствіе того, развилась сильная религіозная страсть къ устроенію и слушанью большихъ «доброслушныхъ камбановъ», къ украшенію не только церквей, но и домовъ своихъ, «якоже церкви», множествомъ образовъ, напримѣръ заразъ образовъ по тридцати и болѣе съ богатымъ, массивнымъ золотымъ и серебрянымъ убранствомъ и т. п. Тогда какъ идеи христіанскаго, евангельскаго ученья почти нисколько не возбуждали чувства и мысли массы народной и были вообще недоступны, непонятны слабо-воспріимчивому уму народному,—внѣшность храмовъ впечатлительно плѣняла внѣшнія чувства первыхъ, да и послѣдующихъ русскихъ христіанъ. «Днесь—писалъ, напримѣръ, кіевскій лѣтописецъ въ концѣ XII или въ началѣ XIII столѣтія, — днесь множество вѣрныхъ кіевлянъ и насельники окрестные начинають имѣть все бóльшую и бóльшую любовь къ храму; утверждая ноги свои на благоукрашенномъ зданіи, и любезно взирая очима своима, отовсюду привлекають веселіе въ душу, и имъ кажется, будто они на аеръ возносятся, и такъ съ любовію едва отходять» [1]). «Ничто же такъ обрадованну дѣлаетъ жизнь нашу, какъ еще въ церкви красованіе»,—говорили благочестивые предки наши [2]). Церковное пѣніе или чтеніе на первыхъ порахъ, въ періодъ полнаго дѣйствія церковно-византійскихъ впечатлѣній, такъ впечатлительно дѣйствовало на нервную систему, особенно юношей, что иногда доводило ихъ до безсонницы или возбуждало въ нихъ энтузіазмъ къ аскетическому, пустынножительскому богосозерцанію. «Однажды упразднивъ себя,—говоритъ повѣсть о Никитѣ Переяславскомъ,—вошелъ онъ въ церковь и услышалъ—читаютъ книгу пророка Исаіи, вдругъ слышитъ слова: тако глаголетъ господь: «измыйтеся и чисти будите!» Онъ же, услышавъ эти слова, ужасенъ сталъ, и пришедъ въ домъ свой размышлялъ въ себѣ и всю ночь безъ сна пребылъ» [3]). Или, въ житіи Трифона Печенгскаго, просвѣтителя кольскихъ лопарей, читаемъ: «Церковное божественное сѣмя пало въ добрую бразду, въ его благое сердце. Нѣкогда услышалъ онъ на утрени поющихъ «Пустыннымъ животъ блаженъ есть, божественнымъ раченіемъ воскриляющимся», — и отъ того часа возлюбилъ преподобный пустыню, сталъ ради молитвы отлучаться отъ родителей, удалялся въ непроходимыя мѣста, не радя о зимѣ и зноѣ и о иныхъ пустынныхъ страхованіяхъ» [4]). Далѣе, византійскій, синаитскій или аѳонскій образъ монаха, подвижника, отрекшагося отъ міра, въ черной рясѣ, съ четками и крестомъ въ рукахъ уединявшагося въ пустыню, въ черный дикій лѣсъ, помышлявшаго не о земной а о таинственной загробной жизни, день и ночь молившагося о спасеніи души, умерщвлявшаго плоть свою строгими постами и подвигами,—этотъ аскетическій образъ монаха-отшельника производилъ столь обаятельное впечатлѣніе на мистически-настроенную нервную систему нашихъ предковъ, что сталъ высшимъ идеаломъ ихъ нравственныхъ стремленій. И

---

[1]) П. С. Р. Лѣт., т. II, стр. 154.
[2]) Просвѣтитель Іосифа Волоколам., слово 7-е.
[3]) Сборн. Солов. Библ. № 906.
[4]) Сборн. Солов. Библіот. № 182.

ремленіе къ монашеству, къ пустынножительству, вслѣдствіе этого впе-
атлѣнія, стало такою господствующею психологическою наклонностью
эпетровскихъ поколѣній, что монастыри и пустыни умножались съ каж-
ымъ столѣтіемъ, такъ что, напримѣръ, въ XIV и XV столѣтіяхъ ихъ воз-
икло до 150, а въ XVII вѣкѣ вновь прибавилось до 220, и въ 1762 году
итталось всѣхъ монастырей до 966, изъ коихъ 726 были мужскіе и 240
енскіе [1]). Повсюду рѣзко выдававшіяся и господствовавшія впечатлѣнія
онастырей и пустыней до такой степени впечатлительно дѣйствовали на
ервную систему молодыхъ поколѣній, что стремленіе къ монашеству, осно-
аніе новыхъ монастырей или пустыней, умерщвленіе плоти строгими по-
гами и подвигами, повседневное и повсенощное молитвенное умонастроеніе,
греченіе отъ міра, отъ всѣхъ обаяній внѣшней физической красоты и
увственныхъ наслажденій стали высшимъ идеаломъ юношей и дѣвицъ.
ревне-русскія жизнеописательныя повѣсти исполнены сказаніями о томъ,
акъ юношѣ 13 или 15 лѣтъ, «еще юну сущу и плоти цвѣтущей, пріиде
ламенное желаніе во иноческій чинъ», или какъ молодой человѣкъ, «пре-
ѣпу жену оставляше», поживъ съ нею только 1 или 2 года, — съ горя-
имъ рвеніемъ уходилъ въ монастырь, «супруга же его остася юна суще
цвѣтомъ юности цвѣтуща», а потомъ и она посвящала себя аскетиче-
ой жизни [2]). И безъ того, терема въ древней Руси были кельями. О
усскихъ красавицахъ XVII вѣка Котошихинъ говоритъ: «отъ младенче-
кихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ
окояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ чужіе люди никто
хъ и они чужихъ людей видѣти не могутъ; такъ же какъ и замужъ вый-
тъ, и ихъ потому же люди видаютъ мало... Царевны, имѣя свои особые
е покои разные, и живуще яко пустынницы, мало зряху людей, и ихъ
оди, но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица свои слезами
ываху» [3]). Но при этомъ теремномъ, татарско-аскетическомъ затворниче-
вѣ, многія дѣвицы до того обаялись еще впечатлѣніями монашеской
изни, византійскаго аскетизма, что всю жизнь свою посвящали умерщ-
іенію плоти и безпрестаннымъ молитвамъ, и въ домахъ своихъ подвиза-
ісь, какъ настоящія, самыя строгія, монахини. Напримѣръ, повѣсть о
ліяніи Муромской разсказываетъ: «сія Уліянія отъ младыхъ ногтей Бога
эзлюбила и Пречистую Матерь, имѣла во всемъ послушаніе и смиреніе,
ь молитвѣ и посту прилежала; дочери тетки ея говорили ей: безумная,
го въ такой младости плоть свою изнуряешь, и красоту дѣвственную
убишь; и принуждали ее рано ѣсть и пить, но она не предавалась волѣ
хъ. Много разъ сверстницы ея звали ее на игры и пѣсни пустошныя,
на же не приставала къ совѣту ихъ, говорила, что не умѣетъ играть
пѣть. Когда она вышла замужъ 16 лѣтъ, — то по вся вечеры
овольно Богу молилась, творила колѣнопреклоненій по 100 и больше,
о же и утромъ дѣлала. Потомъ умоляла мужа отпустить ее въ мона-

[1]) Ист. росс. іерарх. Т. II, стр. LXXX.
[2]) Памят. стар. рус. литер. IV, 72, 73, 74 и мн. др.
[3]) Котошихина, стр. 120.

стырь, но онъ не отпустилъ, и совѣщались жить вмѣстѣ, а плотнаго совокупленія не имѣти. Устроивъ мужу съ вечера постель, сама пребывала въ молитвѣ, и ложилась на печи безъ постели, только дрова острыми концами къ тѣлу подстилала, и желѣзные ключи подъ ребра свои подкладывала, и не много заснувши, тотчасъ вставала на молитву во всю ночь до свѣта... Зимой ходила безъ теплой одежды, и сапоги босыми ногами обувала, только подъ ноги свои орѣховыя скорлупы и острыя черепья вмѣсто стелекъ подкладывала, и тѣло утомляла», и проч. [1]). Точно такъ же поступали многіе юноши 12 и 15 лѣтъ, тоже весьма часто убѣгавшіе отъ родителей въ пустыни и монастыри. Особенно глубокое вліяніе оказалъ византизмъ на семью и семейное воспитаніе. Всѣмъ извѣстны весьма распространенныя въ старинной русской литературѣ поученія—«слово о злыхъ женахъ» и «притча о женстѣй злобѣ». Прототипомъ этого рода поученій служили слова Іоанна Златоустаго: περὶ γυναικῶν πονηρῶν и περὶ γυναικῶν και καλλοῦς. Въ славянскомъ переводѣ, слово Златоустаго поучало русское общество: «есть лучшее въ пустыни со звѣрьми жити, неже со злою женою: некій же звѣрь подобенъ женѣ язычнѣ и злѣ. Поистинѣ нѣсть иныя злобы горше злой жены и ничто же есть злѣе жены злоязычны, о зло оружіе діаволе острое... О злѣе всякаго зла жена злая. Во истину нѣсть злобы лютѣе жены злы» и проч. [2]). Плѣненные и вдохновленные этими поученіями, древне-русскіе грамотники прибавили къ нимъ еще и своихъ татарско-московскихъ воззрѣній на женщину, и такимъ образомъ «слово о злыхъ женахъ» и «притча о женстѣй злобѣ», подъ редакціей ихъ, вышли почти площадною, фанатически-злобною бранью самодуровъ и деспотовъ-мужей съ жалкими рабынями-женами [3]). Въ поученіяхъ этихъ доказывалось, что самое «естество женское зло», и потому съ аскетическимъ фанатизмомъ порицалось въ женщинѣ и все естественное, какъ напримѣръ красота лица, забота о нарядахъ и украшеніяхъ, любовь и стремленіе нравиться мужчинамъ, наклонность къ болѣе или менѣе пріятнымъ и привлекательнымъ жестамъ и тѣлодвиженіямъ, наклонность къ танцамъ или пляскѣ, стремленіе сказать нѣжное, ласковое или любезное словцо и т. п. Бѣда, если дѣвица танцовала или плясала и пѣла пѣсни. Строгая византійско-аскетическая мораль, въ такомъ случаѣ, запугивала женскую молодежь страшною повѣстью «о нѣкоей дѣвкѣ танцовати обвыкшей и пѣти». «Дѣвка нѣкая,—гласила эта повѣсть,—во дни святые обаче во играхъ, въ веселіи, въ танцахъ пребываше; и нѣкоего дни отъ заутра даже и до вечера въ глумленіяхъ и танцахъ пребывше, въ вечеръ глубокій возвратися въ домъ свой, и сѣдя тако, дая себѣ покой, и воздремася мало.

---

[1]) Пам. I, 63—67.

[2]) Для нагляднаго показанія, какъ цѣликомъ передавался русскому народу византійскій взглядъ на женщину, приведемъ, въ параллель, отрывки изъ подлиннаго поученія Златоуста: Συνοικῆσαι λέοντι καὶ δράκοντι εὐδόκησα ἢ μετὰ γυναικὸς πονηρᾶς καὶ γλωσσώδους. Οὐδὲν τοίνον θηρίον ἐν κόσμω ἐφάμιλλον γυναικὸς πονηρός. Οὐκ ἐστι κακία ὑπὲρ κακίαν γυναικὸς πονηρᾶς. Οὐδεμία γὰρ κακία συγκρίνεται γυναικὶ πονηρᾶ; ὢ τὸ κακὸν τοῦ διαβόλου καὶ ὀξύτατον ὅπλον... ὦ κακὸν κακοῦ κάκιστον γυνὴ πονηρὰ и проч.

[3]) См., напримѣръ, Памятн. стар. рус. литер. II, стр. 461—470.

и въ томъ снѣ восхищена бысть отъ бѣсовъ; и занесоша ю бѣси въ геенну, и тамо ю тако опалиша, яко ни одинъ власъ на главѣ ея не бысть, и все тѣло ея великими вреды страшными обложися, и нестерпимый смрадъ испущая, и поополеніи единъ демонъ главню ей горячую въ уста ея вонзе, и рече: сіе за пѣсни и за танцы и за прелестныя ризы. Обудися воплемъ страшнымъ отъ болѣзни, кричаше, матери же и иныхъ прибывшимъ, что ей сотворися, повѣдая; призванный же священникъ на исповѣди ни единаго смертнаго грѣха обрѣте, едино се, еже все тщаніе имѣ танцевати и пѣсни пѣти» [1]). Бѣда, если женщина входила въ церковь послѣ той «нощи, когда плотною похотью съ своимъ мужемъ смѣсися»: тогда «болѣе легіона бѣсовъ» входило въ нее, и никакія «волшьбы» не помогали. И византiйская мораль, на этотъ случай, твердила всѣмъ: «да се слышавше, мужіе и жены, не мозите въ церковь внити окалявше плоть свою» и проч. [2]). Точно также тяжкимъ грѣхомъ считалось, съ византійско-аскетической точки зрѣнія, если юноши заглядывались на женскую красоту. Высшимъ правиламъ этой византійской аскетической педагогіи считалось положеніе: «Очеса отъ лѣпѣхъ отвращати, обратити око отъ жены благообразныя,—въ добротѣ бо женстѣй мнози прельстяшася, и отъ сего любовь, яко огнь, разгорается» [3]). На основаніи этой морали, родители внушали дѣтямъ: «еще, чадо, не давай очамъ воли, не прельщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женъ отеческія дочери» [4]). Вообще, все воспитаніе дѣтей, такъ же какъ все устройство семьи, основано было на началахъ византійской педагогіи. Поученіе Іоанна Златоуста περὶ παίδων ἀνατροφῆς переведено было на церковно-славянскій языкъ, подъ заглавіемъ «О воскормленіи дѣтей», и послужило образцомъ для множества самородныхъ русскихъ поученій этого рода. Вся сущность воспитанія, по этимъ поученіямъ, полагалась «въ благовѣріи, любомудріи и добродѣтели», или, какъ сказано, въ подлинномъ словѣ Златоуста, ἐν εὐλαβεια και φιλοσοφίᾳ και τῇ κτήσει τῆς ἀρετῆς. «Подобаетъ смотрѣти родителямъ,—поучало слово Златоуста въ славянскомъ переводѣ,—не яко да оставятъ дѣти богаты сребромъ и златомъ, но да благовѣрны и любомудры и добродѣтельны... Не полезну любовь отци о дѣтяхъ имутъ, нехотяще ранъ нанести на ня и словесы запретити... Не богатство дѣтемъ остави, но остави я наказаны страху Божію... Тѣмъ не ослабляй руки казня отъ юности сына, твоя бо мука милости есть... Аще бо любиши сына, учащай ему раны» и проч. Изъ всего этого поученія Златоуста предки наши съ особеннымъ сочувствіемъ усвоили идею о наказаніи дѣтей. Въ подлинномъ словѣ Златоуста о физическомъ наказаніи говорится немного и довольно мягко; употребляются, напримѣръ, выраженія: ἐπιτιμῆσαι или ἂν σὺ μὴ δήσῃς ὁ θεὸς δέσμοι если ты накажешь, Богъ свяжетъ и т. п. Въ славянскомъ же переводѣ выраженія о наказаніи распространены и уси-

---

[1]) Пам. стар. рус. литер. I, 209.

[2]) Ibid. Памят. I, 210.

[3]) Памят. старин. русс. воспитанія, статья г. Лохвицкаго въ Чтен. общ. истор.

[4]) Пам. I, стр. 2.

лены, и даже самое греческое слово φιλεῖν любить переведено словомъ *казнити* [1]).

Вообще, Византія въ древней Руси такъ же впечатлительно и воспитательно дѣйствовала на русское общество своими преданіями, догматами, обрядами и церемоніями, какъ въ XVIII в. Франція или Парижъ своими идеями и новыми обычаями общественной жизни. Какъ при Петрѣ Великомъ русскіе ѣздили учиться на Западъ, и особенно во Францію, «въ науку за море»,—такъ въ первые вѣка церковно-византійской пропаганды на Руси, русскіе путешествовали въ Византію въ студійскій и другіе монастыри учиться церковнымъ обрядамъ, списывать церковныя книги [2]). Какъ при Петрѣ Великомъ и послѣ, вызывались съ Запада европейскіе ученые, доктора медицины и разные мастера и художники учить русскихъ европейскимъ наукамъ и искусствамъ, такъ въ XI и XII вѣкѣ вызывали на Русь грековъ учить русскій народъ византійской церковности: греки назначались учителями русскаго юношества въ церковныхъ училищахъ, какія устрояли князья [3]). Иноки греки, по словамъ лѣтописца, трудились при церквахъ, «учаще младенцевъ» [4]). Во времена удѣльныхъ князей, греческіе изографы переписывали греческіе подлинники или менологіумы, имѣвшіе весьма сильное вліяніе на церковно-обрядовыя понятія народа, и образовали сначала въ Кіевѣ, потомъ въ Новгородѣ византійско-русскія школы иконописи [5]). Какъ при Петрѣ Великомъ и послѣ нѣмцы и французы были учителями русскихъ въ разныхъ гражданскихъ искусствахъ, въ гражданской и военной архитектурѣ, въ музыкѣ и проч., такъ при греческихъ митрополитахъ въ Кіевѣ, греки были главными учителями русскихъ въ церковно-обрядовыхъ искусствахъ, въ церковномъ пѣніи, въ въ церковной или иконописной живописи, въ церковномъ зодчествѣ и проч. [6]). Какъ въ XVIII в. выписывали и переводили нѣмецкія и французскія книги, такъ въ древней Руси выписывали и переводили однѣ греческія церковныя книги. У нѣкоторыхъ князей въ книгохранилищахъ было больше чѣмъ по 1000 однѣхъ греческихъ книгъ [7]). Духовныя лица и князья изучали греческій языкъ такъ же, какъ въ XVIII в. изучали французскій языкъ. Русскіе церковные учители поучали народъ по образцамъ греческимъ «яко же Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ», и сочиненія свои почти цѣликомъ наполняли выписками изъ

---

[1]) Именно, въ славянскомъ переводѣ сказано: „Отцу Богъ не точію родити дѣтей велитъ, но еже и *казнити* по рожденіи". А въ подлинникѣ сказано: καὶ γὰρ πατέρα οὐ τὸ γεννῆσαι μόνον ποιεῖ (Θεός), ἀλλὰ καὶ τὸ φιλεῖν μετὰ τὸ γεννῆσαι.

[2]) П. С. Л. 16. „Странникъ" Стефана Новгородца и „Путешеств." діакона Игнатія у Сахарова въ въ „Сказан. рус. народа" т. II. Опис. рукоп. синодал. библіотеки. стр. 226–254, введ. стр. XI, Опис. рукоп. румянц. муз., стр. 516, 710, 711.

[3]) Татищ. III, 196, 220, 338.

[4]) Тат. II, 446, 239.

[5]) Буслаева, Очерки стар. рус. литер. II, 345.

[6]) См. Записк. археолог. общ. ст. Забѣлина: „О металлич. производствѣ въ древней Руси"; въ „Русской Старинѣ" Мартынова, статьи Максютина о церковномъ зодчествѣ; тоже въ Зап. археолог. общ. статью Ровинскаго объ иконописи.

[7]) Тат. III, 416.

реній греческихъ отцовъ церкви, приводя иногда за разъ по 18 грекоточныхъ церковныхъ писателей [1]).

Таковы были, въ общихъ чертахъ, слѣдствія того впечатлѣнія, какое изведи греки на нервную организацію русскаго народа. Но проходили ла, и умственная воспріимчивость его мало-по-малу привыкала и къ мъ, обаятельнымъ вначалѣ, впечатлѣніямъ церковно-обрядовой внѣшти. И затѣмъ наступилъ замѣчательный въ психической жизни большей ти русскаго народа фазисъ постепеннаго притупленія нервной чувствиьности къ внѣшне-обрядовымъ впечатлѣніямъ. «По хорошо извѣстному ону духа, говоритъ Милль, слово, первоначально связанное съ весьма жной группой идей, отнюдь не вызываетъ всѣхъ этихъ идей въ умѣ всякій ъ, когда употребляется; оно вызываетъ лишь одну или двѣ идеи, отъ орыхъ умъ, по новымъ ассоціаціямъ, переходитъ къ другому ряду идей, выжидая возбужденія остатка сложной группы... Такимъ образомъ, ція названія могутъ употребляться, не вызывая въ умѣ всего, означаео ими, вызывая нерѣдко весьма малую долю его или даже не возкдая и ея. Поэтому нечего удивляться, что употребляемыя такимъ обомъ слова утрачиваютъ современемъ способность вызывать какія-либо усвоенныя имъ идеи, кромѣ тѣхъ, ассоціація съ которыми всего непосредственнѣе и сильнѣе или наиболѣе поддерживается событіями жизни. гальное значеніе совершенно теряется, если умъ не сохраняетъ ассоціи, сознательно останавливаясь на идеяхъ... Общеизвѣстно, что въ предметъ. которые одновременно и привычны и сложны, какъ предметы нравствене и общественные, множество важныхъ предложеній пользуются довѣріемъ повторяются по привычкѣ, между тѣмъ какъ содержимыя ими идеи не ли бы быть объяснены и не проявляются на практикѣ. *Вотъ почему, ль многія ученія религіи и этики, столь полныя значенія и дѣйствительсилы для первыхъ обращенныхъ, выказали стремленіе быстро снизойти на пень мертвыхъ догматовъ*, послѣ того какъ ассоціація значенія съ словными формулами перестала поддерживаться сопровождавшими ихъ вневіе преніямп» [2]). Это же самое совершилось въ духѣ большей части русиго народа съ ассоціаціей идей, возбужденныхъ впечатлѣніями церковнозантійской обрядности. Въ XVI вѣкѣ, благочестивые русскіе люди, по овамъ Максима Грека, самую книгу евангелія «внутрь уду и внѣ уду ильно украшали златомъ и сребромъ, а словесъ не принимали и не помали». Въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству Арсенія Глухаго, «въ книгахъ рковныхъ точію черниламъ вѣрили и письменамъ единымъ внимали, а ысла писаннаго ни сколько не разумѣли, не знали ни православія, ни ивославія, но божественныя писанія точію по черниламъ проходили, зума же въ нихъ не нудились понять» [3]). Такіе церковно-обрядовые предты, какъ ѳиміамъ, свѣча, образъ, церковное пѣніе и проч., съ самаго

---

[1]) Содѣйствіе монастырей и церквей дух. образов. въ древней Руси въ Правосл. ‘ес. 1858.

[2]) Логика. II, 223—225.

[3]) Расколъ старообрядства. Казань. 1859, стр. 36—37.

начала еще могли произвести болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе на нервы внѣшнихъ чувствъ нашихъ предковъ, и такимъ образомъ живо возбуждать такія рефлективныя движенія тѣла, какъ колѣнопреклоненія, крестное знаменіе и проч. Но они не могли возбудить никакой идеи въ мозгѣ, способной къ развитію. И по мѣрѣ привычки къ нимъ внѣшнихъ чувствъ, они теряли свою первоначальную силу. «Что значитъ одушевленная церковь купно съ вещественною церковью, — говоритъ Епифаній Славеницкій, — что жертвенникъ и трапеза, что катапетазма трапезная, литонъ священный, ѳиміатонъ съ ѳиміамы, что ризы церковныя, что символъ церковный, тѣло и вино въ евхаристіи, что алтарь, священные сосуды и проч., — это даже и священники не всѣ разумѣли, и въ умахъ народныхъ лежалъ мысленный камень непониманія и неразумѣнія священнодѣйственныхъ образовъ»[1]). «Попы препростіи, — жаловался Димитрій Ростовскій, — не знаютъ нарицати тѣло христово тѣломъ христовымъ. Въ одной церкви сельской вопросихъ тамошняго попа: гдѣ суть животворящія тайны? Попъ той не разумѣ словесе моего, и яко не домысляй, стояше молча. Паки рѣхъ: гдѣ тѣло христово? Попъ оный ничего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ іереевъ рече къ нему: гдѣ запасъ? Тогда earемъ отъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую святыню»[2]). По жалобѣ Петра Великаго, русскіе, «всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны, на строеніе церквей, на свѣчи и ладанъ»[3]). «Что же когда пойдемъ, — писалъ іеромонахъ Кохановскій при Петрѣ Великомъ, — до мужицкой или бабьей богословіи, то дойдемъ до смѣхотворныхъ вопросовъ: которую икону почитать, и которой не почитать? Яйцемъ или масломъ письмена, старыя или новыя? На доскѣ ли, на холстѣ ли, на бумагѣ ли? Которая пятница сильнѣйшая? которая избавляетъ отъ огня, которая отъ воды» и проч.[4]). Когда такимъ образомъ первоначальная впечатлительность къ церковнообрядовымъ предметамъ притупѣла до такого безсмыслія, — тогда не оставалось никакого другого исхода этому мертвообрядовому направленію, какъ только выродиться въ расколъ старообрядства. Къ концу XVII вѣка такъ это и случилось. Вмѣстѣ съ такимъ ослабленіемъ или притупленіемъ первоначальной воспріимчивости къ впечатлѣніемъ греческаго вліянія, — естественно, постепенно ослабѣли и тѣ обаятельныя впечатлѣнія, какія вначалѣ производили греки на нервную организацію славянорусскаго народа. Присмотрѣвшись, въ теченіе 7 или 8 столѣтій, ближе къ грекамъ, русскіе мало-по-малу поняли и ихъ умственныя и нравственныя качества. Еще въ XVI вѣкѣ русскіе начинали разочаровываться въ преимуществахъ греческаго вліянія. А въ XVII вѣкѣ передовые умы уже вполнѣ поняли, что умственныя впечатлѣнія греческаго вліянія не совсѣмъ благопріятны для развитія русскаго народа. Этотъ взглядъ на грековъ особенно устано-

---

[1]) Предисл. къ скрижали, напечатан. въ 1655 г. въ Москвѣ.

[2]) Древн. росс. Вивліоѳ. XVII, стр. 86—87.

[3]) Пекарскаго: Наука при Петрѣ, т. I, стр. 181.

[4]) Пекарскаго. I, 493.

вился, когда русскіе начинали уже воспринимать совершенно новыя впечатлѣнія, впечатлѣнія со стороны западно-европейскихъ національностей. Юрій Крыжаничь произнесъ такой строгій приговоръ: «Нѣмцы убѣждаютъ насъ ко всему новому... Греки же рѣшительно осуждаютъ всякую новизну, кричатъ и повторяютъ, что просто все новое есть зло. Разумъ же убѣждаетъ, что нѣтъ ничего злого или добраго вслѣдствіе одной только новизны, но все доброе и все злое вначалѣ бываетъ ново. Нѣтъ нынѣ ничего древняго, что нѣкогда не было бы новымъ. Не слѣдуетъ отвергать вещей хорошихъ, потому только, что они новы, ибо есть опасность ошибиться... Греки осуждаютъ всякое знаніе, всякую науку, и внушаютъ намъ невѣжество. Но разумъ убѣждаетъ, чтобы мы признавали, что невѣжество не родитъ никакого плода... Нѣмцы убѣждаютъ насъ, чтобы мы воспринимали всякую распущенность плоти и презирали жизнь монашескую, посты, ночныя молитвы и всякое умерщвленіе плоти. Греки же убѣждаютъ, чтобы мы соблюдали не только похвальное христіанское умерщвленіе, но сверхъ того вводятъ нѣкоторыя фарисейскія суевѣрія и суетное различныхъ видовъ благочестіе: тѣлеснымъ омовеніемъ посредствомъ воды хотятъ очищать пятна духа, и духовнымъ омовеніемъ (молитвою священниковъ) думаютъ очищать тѣлесныя нечистоты. Разумъ же убѣждаетъ, чтобы мы не допускали плотской распущенности, а новые подозрительные неизвѣстные греческіе виды благочестія чтобы тщательно изслѣдовали... Греки въ политическихъ дѣлахъ указываютъ намъ и убѣждаютъ насъ поступать во всемъ по примѣру турецкой порты, по той причинѣ, что греки, будучи сами не учены и не искусны, не могутъ намъ въ этомъ дѣлѣ сказать ничего другого, кромѣ того, что видять, дѣлается въ турецкой портѣ. Нѣмцы же порицаютъ всѣ убѣжденія, нравы и законы турокъ. Греки намъ льстятъ. Подслуживаясь ложью и баснями, съ цѣлію возвысить сіе царство, они нѣкогда покрыли его великимъ позоромъ и поставили въ большія затрудненія... Греки въ лицо надуваютъ насъ суетной славой, а сзади срамятъ. Они ищутъ нашихъ денегъ и средствъ жизни. Голодной ихъ жадности никогда не наполнить, какъ дыряваго горшка»[1]). Замѣчательно, что и масса народная въ XVII вѣкѣ также уже отрицала прежнюю силу умственнаго вліянія грековъ. Въ соловецкой челобитной заявленъ былъ, между прочимъ, такой протестъ противъ грековъ: «Мы утверждаемъ и представляемъ свидѣтеля Христа Бога на душу свою, что не только простые греческіе чернецы, но и самыя ихъ начальнѣйшія власти — архіереи, которые у насъ подъ началомъ были и нынѣ есть, ни мало истиннаго благочестія не знаютъ... У насъ поселяне имъ дивятся, и говорятъ, что де палестинскіе власти пастыри и учители называются, а сами лица своего перекрестить не умѣютъ: то какъ и чему имъ насъ поселянъ научить... Нынѣшніе греческіе учители пріѣзжаютъ изъ своей земли въ благочестивое царство русское не вѣру исправлять, но злата и сребра и вещей собирать, а міръ истощать»[2]). Нако-

---

[1]) Розд. 54, стр. 174—189.
[2]) Три челобитныя. Спб. 1861, стр. 173—175.

нецъ, несостоятельность греческаго вліянія рано или поздно, и особенно при сближеніи съ европейцами, неизбѣжно должна была обнаружиться и тѣмъ вѣковымъ историческимъ фактомъ, что греки, передавшіе русскимъ однѣ церковныя книги, не передали имъ классическихъ произведеній древне-греческой науки и литературы, не передали философскихъ, математическихъ и физическихъ твореній древне-греческаго генія, напримѣръ твореній Аристотеля, Эратосѳена, Евклида, Архимеда, Аполлонія изъ Перги, Гиппарха и т. д. Вслѣдствіе этого, русскіе умы, цѣлые 7 или 8 столѣтій находясь подъ вліяніемъ умственныхъ впечатлѣній Греціи, воспитываясь греческой педагогіей, не испытали того сильнаго, умственно-возбудительнаго впечатлѣнія подъ вліяніемъ древне-греческой науки и литературы, которое возбудило на Западѣ такъ-называемое «возрожденіе наукъ» и сильно импульсировало западные умы къ смѣлой инииціативѣ естество-испытательныхъ изслѣдованій. Не получая этого живого впечатлѣнія или импульса древне-греческой науки и литературы,—русскій умъ, «отягченный уныніемъ и дебельствомъ плотнымъ», какъ выражались наши древніе писатели, находясь подъ вліяніемъ греческимъ, не могъ самъ собою возродиться и возбудиться къ живой, энергической инициативѣ научной самодѣятельности. Почти каждый древне-русскій писатель, отягощенный грубою закоснѣлостью и пассивностью мысли, ничѣмъ не возбуждаемой, смиренно говорилъ о себѣ: «азъ бо есмь умомъ грубъ и словомъ невѣжа, худъ имѣя разумъ и промыслъ недоуменъ, ибо не былъ я въ Аѳинахъ отъ юности, и не научихся у философовъ греческихъ ни плетенія риторска, ни витійскихъ глаголовъ, ни Платоновыхъ ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не стяжахъ, ни философіи, ни хитрорѣчія не навикохъ, и спроста отнюдь весь недоумѣнія наполнихся. Но надѣюсь на благодать Бога всемилостиваго и всемогущаго, да ми подастъ даръ святаго Духа, да ми воздвигнетъ умъ, отягченный уныніемъ дебельствомъ плотнымъ, яко да бы возмоглъ мало нѣчто написати» [1]. И Вотъ это-то вѣковое лишеніе умовъ молодого поколѣнія древней Руси живого, умственно-возбудительнаго импульса древне-греческой науки и философіи, наконецъ тоже болѣе или менѣе понято было лучшими, передовыми умами, и, вслѣдствіе этого, заявленъ былъ протестъ противъ исключительно греческаго умственно-образовательнаго вліянія и съ этой стороны. «Дивно,—говорилъ русскій писатель и переводчикъ книгъ начала XVIII столѣтія Максимовичъ,—дивно, что власть духовная, которой честь и долгъ нерушимый расширять ученіе, о размноженіи наукъ на языкахъ политичныхъ ни мало не прилагало попеченія. Ибо у духовныхъ лицъ прежнихъ временъ былъ закоснѣлый обычай не переводить съ греческаго языка никакихъ другихъ книгъ, кромѣ церковныхъ, и то греческаго же чиноположенія, и эти только книги, переводя съ греческаго на славянскій языкъ, читать и почитать; а къ навыкновенію и изученію иностранныхъ языковъ (кромѣ славянскаго и греческаго) не было ни малѣйшаго усердія» [2].

[1] Пам. IV, 119 - 120.

[2] Пекарскаго: Наука и литер. при Петрѣ 1. Т. 1, стр. 193.

Вслѣдствіе такого сознанія, очевидно, чувствовалась и высказывалась настоятельная необходимость европейскаго литературнаго и лингвистическаго образованія русскаго общества; необходимо было введеніе европейскаго языкознанія, европейскихъ книгъ, европейской науки и литературы. А для водворенія европейскаго лингвистическаго, научнаго и литературнаго образованія въ Россіи, нуженъ былъ предварительно новый, сильный умственный возбудительный толчокъ или импульсъ на медленно возбуждаемую нервную воспріимчивость русскаго общества, который бы произвелъ столь сильное впечатлѣніе на русскіе умы, чтобы они съ такимъ же увлеченіемъ и энтузіазмомъ предались изученію европейскихъ языковъ, европейской науки и литературы, съ какимъ увлеченіемъ и жаромъ прежде принялись за усвоеніе греческихъ церковныхъ обрядовъ и книгъ. А чтобы открыть полный и безпрепятственный доступъ западно-европейскимъ импульсамъ и дать имъ вполнѣ воздѣйствовать,—для этого необходимъ былъ такой могучій, энергическій геній, который силой своей воли могъ бы даже самихъ грековъ, какъ напримѣръ братьевъ Лихудъ, заставить учить русское юношество европейскимъ языкамъ, могъ бы заразъ вызвать болѣе 100 переводчиковъ, частію русскихъ, частью обрусѣлыхъ нѣмцевъ, и заставить ихъ почти день и ночь переводить, вмѣсто прежнихъ исключительно церковныхъ греческихъ книгъ, новыя европейскія научныя книги, частію въ Россіи, частію за границей. Такъ какъ народъ русскій все умственно-образовательное, даже самое христіанство, воспринималъ по иниціативѣ верховной, самодержавной власти, то послѣ генеалогическаго ряда прежнихъ великихъ князей и московскихъ царей, заботившихся «о церковномъ устроеніи», о снабженіи русской церкви греческими церковными книгами и за то постоянно восхваляемыхъ въ предисловіяхъ этихъ церковныхъ книгъ, печатавшихся по ихъ повелѣнію, до Петра Великаго,—послѣ этихъ царей,—необходимъ былъ такой геніальный государь, который бы, вмѣсто перевода греческихъ церковныхъ книгъ, спеціально занялся введеніемъ европейскихъ книгъ и наукъ, и переводъ европейскихъ книгъ узаконилъ бы указомъ своимъ, какъ великое національное и государственное дѣло, и т. д. И вотъ такимъ геніемъ явился Петръ Великій—prince,—какъ отзывался объ немъ Делиль старшій,—prince aussi recommandable par son goût pour les scinces, que par la grande capacité dans l'art de regner [1]),—государь, который даже грековъ братьевъ Лихудъ заставилъ учить русское юношество европейскому, италіянскому языку, который смѣло и энергически искоренялъ многіе суевѣрія и предразсудки, узаконенные или освященные греко-византійской традиціей [2]), и,

[1]) Пекарскаго. I, 347.

[2]) Такъ, напримѣръ, онъ побудилъ греческаго патріарха Іеремію издать разрѣшительную грамату (7-го марта 1718 г.) объ употребленіи войску мяса по постамъ; издалъ не только „Духовный регламентъ", но и такіе указы, какъ, напримѣръ, указъ 28 февр. 1722 г., о строгомъ запрещеніи продажи чудотворцева меда, чудотворцева масла, чудотворцевыхъ веригъ и т. п., указъ о разрѣшеніи браковъ европейцевъ на православныхъ русскихъ женщинахъ, указъ о запрещеніи объявлять ложныя чудеса,

наконецъ, являясь не только императоромъ, но и членомъ парижской академіи наукъ, другомъ Лейбницевъ, Вольфовъ и многихъ другихъ первоклассныхъ европейскихъ ученыхъ, страстнымъ любителемъ европейскихъ наукъ, особенно астрономіи, математики, анатоміи и хирургіи и проч., издалъ свой знаменитый указъ о переводѣ европейскихъ книгъ, какъ о важномъ государственномъ и національномъ дѣлѣ [1]). Но что же обусловило появленіе этого генія, когда такимъ образомъ ни впечатлѣнія природы русской земли, ни впечатлѣнія восточно-азіатскихъ племенъ, ни впечатлѣнія греческаго вліянія не могли возбудительно и прогрессивно импульсировать интеллектуальныя способности русскаго народа? Мы пересмотрѣли всѣ впечатлѣнія, какія только дѣйствовали на русскій народъ въ теченіе всей его исторіи, и физическія и этническія, какія только извѣстны въ нашей исторіи, какъ выдающіеся, существенные факторы народнаго воспитанія. Остается только еще одинъ, особенно отличительно выдающійся въ нашей исторіи факторъ—это умственно-возбудительныя впечатлѣнія передовыхъ, западныхъ націй. Взглянемъ же теперь на историко-психологическое значеніе этихъ впечатлѣній.

Между тѣмъ, какъ ни впечатлѣнія восточно-азіатскія, ни впечатлѣнія византійскія не могли воздѣйствовать умственно-возбудительно и прогрессивно на нервную воспріимчивость русскаго народа, и подъ вліяніемъ ихъ умственная и соціальная жизнь народа пассивно воспринимала закоснѣлонеподвижный азіатско-византійскій складъ, среди русскаго народа все болѣе и болѣе стали появляться европейцы, особенно съ XVI столѣтія. Съ тѣмъ вмѣстѣ и на нервную организацію или воспріимчивость русскаго народа все болѣе и болѣе начали дѣйствовать совершенно новыя, непривычныя и поразительныя впечатлѣнія западно-европейскія. Въ началѣ, однакожъ, да даже еще и въ XVI и XVII столѣтіяхъ, внезапное появленіе европейцевъ въ Россіи, какъ явленіе совершенно новое, небывалое и неожиданное, производило почти такое же страшное, ужасающее впечатлѣніе на нервы русскаго народа, какъ и появленіе, напримѣръ, татаръ. Пантофобически-запуганнымъ суевѣрнымъ русскимъ людямъ европейцы сначала казались пугалами, страшилищами. По свидѣтельству англичанина Карлейля, когда европейцы ѣхали въ Москву при посольствѣ, то народъ, увидя ихъ, до такой степени пугался, что съ трепетнымъ чувствомъ боязни или внутренняго отвращенія открещивался и спѣшилъ запираться въ свои избы, «какъ будто, замѣчаетъ этотъ англичанинъ,—мы были зловѣщія птицы или какіе-нибудь пугалы»; только смѣльчаки, по словамъ Олеарія, выходили съ удивленіемъ, розиня ротъ, смотрѣть на европейцевъ, какъ на рѣдкое произведеніе природы [2]). По первоначальному страшному или отвратительному впечатлѣнію ихъ на нервную раздражительность,— русскіе долго считали и называли европейцевъ «погаными, скверными»,

новоявляемыя чудотворныя иконы и т. п., указъ о непривѣшиваніи въ церквахъ на образахъ всякихъ привѣсовъ, золотыхъ и серебряныхъ монетъ и вещей, и проч.

[1]) П. С. Зак. № 4438.

[2]) Карл. 205. Олеар. 346.

ь XVI и XVII в. эти эпитеты постоянно прилагались къ имени змцевъ или другихъ европейскихъ націй [1]. По этому чувству отвраенія, одно прикосновеніе къ европейцамъ, въ первыя времена сближенія ними, возбуждало нервную дрожь, какое-то идіосинкразическое отащеніе и считалось оскверненіемъ. На этомъ основаніи, по свидѣтельву Герберштейна, когда великіе князья и цари принимали европейихъ пословъ и допускали ихъ къ рукѣ, то тотчасъ же обмывали руку, обы стереть съ нея оскверняющее прикосновеніе европейца [2]. Но, неотря на то, приливъ европейцевъ въ Россію въ XVII вѣкѣ безпреявно возрасталъ, и русскіе, по крайней мѣрѣ тѣ, которые наиболѣе вралисъ около посольскаго и аптекарскаго приказовъ, около двора царскаго, ш около нѣмецкихъ ремесленныхъ мастерскихъ, эти русскіе, все ближе ближе присматриваясь къ европейцамъ, все болѣе и болѣе сближаясь и накомляясь съ ними, мало-по-малу переставали дичиться и бояться ихъ. чѣмъ больше они всматривались въ физическій и умственный типъ ропейцевъ, тѣмъ больше примѣчали въ нихъ совершенно новыхъ, невинныхъ и поразительныхъ особенностей и отличій не только отъ физискаго или умственнаго склада какихъ-нибудь самоѣдовъ, вогуловъ, зынъ, чувашъ, черемисъ и т. п., но и отъ своего собственнаго національго типа, какъ наружнаго, такъ, въ особенности, умственнаго, и тѣмъ лѣе удивлялись этимъ необычайнымъ, невиданнымъ прежде для нихъ и разительнымъ варіаціямъ европейскаго типа. Даже еще въ началѣ XVIII олѣтія на европейцевъ многіе смотрѣли съ удивленіемъ, какъ на диконки, и называли ихъ *диковинками* [3]. И вотъ этимъ-то диковинкамъ естевенно-исторически суждено было произвести на нервную организацію сскаго народа самое могучее впечатлѣніе, такое, которое рѣшило всю о будущность, всю судьбу его умственнаго прогресса. Чѣмъ больше русіе слышали о европейскихъ націяхъ, тѣмъ больше они узнавали ихъ ежде неслыханныя и невиданныя высокоразвитыя качества. Чѣмъ лѣе они видѣли европейцевъ, тѣмъ тѣснѣе сближались съ ними, чѣмъ лѣе всматривались въ нихъ, тѣмъ болѣе очаровывались, обаялись ихъ разительными, физическими и умственными преимуществами. Еще въ VI вѣкѣ, Максимъ Грекъ съ одушевленіемъ описывалъ русскимъ Парижъ, къ средоточіе тогдашней европейской цивилизаціи: «Паризія,—говоритъ ъ,—градъ есть нарочитъ и многочеловѣченъ въ Галіехъ, иже нынѣ глаются Франза, держава велія и преславна, и богатяща безчисленными агами, ихъ же первое и изрядное есть еже о философскихъ и богословихъ догматахъ наказаніе и тщаніе туне подаваемо всѣмъ вкупѣ рачитеимъ сицевыхъ изрядныхъ ученій. Наказателямъ бо сицевыхъ ученій оброки ильно даются по вся лѣта отъ царскихъ сокровищъ... Тамо обрящеши яко художество, не точію богословію и философію священныя, но и внѣш-

[1] П. С. Р. Лѣт. III, 283 305. V, 52. 73. Russovii Chronic. p. 39: Die Reussen fremde tionen *poganische* heissen.

[2] Herberst. 83.

[3] Пек. I, 162.

няго наказанія (образованія), всяческія ученія, въ совершенное достиженіе свое руководящія рачителей своихъ, ихъ же множество многочисленно зѣло, яко же слышахъ отъ нѣкихъ. Отвсюду бо изъ западныхъ странъ и сѣверскихъ собираются въ предреченномъ великомъ градѣ Паризіи желаніемъ словесныхъ художествъ, не точію сынове простѣйшихъ человѣкъ, но и самихъ тѣхъ, иже на царской высотѣ, и боярскаго, и княжескаго сана, овѣхъ убо сынове, овѣхъ же братья, овѣхъ же внучата и инако сродники, ихже каждо время довольно во ученіяхъ упражнився, возвращается въ свою страну, преполонъ всякія премудрости, и разума, и есть сицевый украшеніе своему отечеству: совѣтникъ бо ему есть предобръ и предстатель искусенъ и споспѣшникъ ему добрѣйшій во всемъ, елика потребна ему будутъ. Такимъ подобаетъ быти же и бывати своимъ отечествомъ.- продолжаетъ Максимъ Грекъ, обращаясь къ нашимъ боярамъ,—иже у насъ о благородіи и изобиліи богатства зѣло хвалятся, не точію самимъ о внѣшномъ женолѣпномъ украшеніи не радѣти, и блюсти себя отъ сребролюбія и всякаго лихоиманія, но еще и иныхъ понудити подражателемъ имъ быти» [1]). Послѣ такихъ обаятельныхъ слуховъ, какъ только стали русскіе отправляться за границу, «въ науку за море», и, послѣ московско-азіатскихъ типовъ, понятій и нравовъ, увидѣли на Западѣ во всемъ блескѣ невиданныя, неслыханныя прежде и, потому, необыкновенно-поразительныя для ихъ чувствъ чудеса или преимущества европейской цивилизаціи и жизни, то до такой степени стали очаровываться и увлекаться западною жизнью, что оставались тамъ, на Западѣ, и не хотѣли возвращаться на родину, несмотря на всѣ религіозныя, національныя и семейно-родовыя связи съ родиной и своимъ родомъ-племенемъ, связи, столь священныя по понятіямъ тогдашней православно-патріархальной философіи русскаго народа. Такъ еще при Борисѣ Годуновѣ посланы были въ Англію 5 человѣкъ русскихъ «для науки разныхъ языковъ и грамотъ», но они, какъ сказано въ одной грамотѣ царя Михаила Ѳедоровича, до того «позадавняли въ Англіи, не хотя видѣть смутъ и нестроенья московскаго государства, что не захотѣли вовсе возвратиться на родину, потому что извычны стали всякимъ обычаямъ англинскимъ, а иные изъ нихъ уже и служили при королевскомъ дворѣ, забыли, что они природные русскіе, а не иноземцы, и вѣры крестьянскія греческаго закона, что у нихъ отцы и матери и братья у всѣхъ живы, и всего роду-племени своего отбыли» [2]). Вообще молодое поколѣніе до того впечатлительно и воспріимчиво было къ совершенно новымъ для него и обаятельнымъ впечатлѣніямъ западной цивилизаціи и жизни, что поэтому родители, по свидѣтельству Кошихина, «для наученія и для обычая боялись отпускать дѣтей своихъ за границу, на западъ, страшась того—узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою отмѣнять и приставать къ инымъ, а о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили» [3]). На-

---

[1]) Максимъ Грекъ. Рукоп. солов. библ. № 551.

[2]) Записки акад. наукъ т. XI, кн. 1: извѣстіе о молодыхъ людяхъ, посланныхъ Борисомъ Годуновымъ въ Англію въ 1602 г., стр. 91–96.

[3]) Кошихина, 8.

онецъ, сравнивая физическій и умственный типъ русской народности и эропейскихъ національностей,—лучшіе, передовые умы, несмотря на всѣ редубѣжденія, невольно очаровывались явнымъ превосходствомъ европейкаго интеллектуальнаго и физическаго типа. Мы видѣли уже, какъ Юрій рыжаничь, путемъ этого сравненія, пришелъ къ явному предпочтенію фиическаго, лингвистическаго и умственнаго типа европейцевъ. «По красотѣ ица и физическаго склада, — писалъ онъ, — мы не можемъ равняться съ расивыми европейскими народами. Языкъ нашъ неблагозвученъ (скрипивъ), непріятенъ, бѣденъ, и подлинно, всѣхъ европейскихъ языковъ наиѣднѣе. Потому, неудивительно, что и разумы наши тупы и медлительны, осны. Всѣ знаменитые европейскіе народы превосходятъ насъ разумомъ, тому главная причина несовершенство нашего языка: ибо чего не моемъ рѣчью изречь, того не можемъ и думою замыслить, удумать, какъ бы ни было нужно. Сколько азіатскіе народы, самоѣды, остяки, калмыки другіе, сравнительно съ нами, суть дики и звѣрски, столько мы, сравительно съ другими, европейскими народами, кажемся грубыми, невѣжевенными (неумѣтельными); почему, вслѣдствіе нашей неучености и неразованности, иные народы считаютъ насъ тоже дикими. Татаръ, калыковъ, остяковъ и другихъ дикихъ народовъ мы превосходимъ людскоію. А людскіе (образованные или цивилизованные) европейскіе народы, -есть итальянцы, французы, нѣмцы, испанцы и древніе греки превосхотъ насъ людскостью, образованностью и всѣми природными свойствами ума тѣла: обличьемъ (наружностью), словомъ или бесѣдою, разумомъ, крѣпостію и бодростію, сердечностью или одушевленіемъ (живостью), работливостью изобрѣтательностью въ наукахъ. Мы же, въ сравненіи съ ними, тѣломъ ло приглядны, бесѣдою на половину нѣмы, въ наукахъ—невѣжды. Мы наружности средніе, а инородники-европейцы красивы. Мы не красноѣчивы, а инородники-европейцы обладаютъ даромъ слова, говорливы и бладаютъ рѣчами обличительными, острыми, насмѣшливыми, колкими. ы медлительны, не быстры разумомъ и простосердечны; они преисполены всякихъ дарованій и знаній. Мы лѣнивы къ работѣ и къ наукамъ: ни промышленны и ни одного дорогого часу не пропустятъ безъ дѣла» [1]).

Когда европейцы произвели на нервную организацію русскихъ людей акое сильное впечатлѣніе, обаяли ихъ преимуществами своего физичекаго и интеллектуальнаго типа, тогда сильно возбудилась и постепенно се болѣе и болѣе наростала до высшей степени напряженія эта естественновойственная нервной организаціи русскаго народа особенная, до раздракительности впечатлительная нервная воспріимчивость ко всему новому, оразительному, представлявшему рѣзкій, неожиданный контрастъ съ прежими, привычными ассоціаціями впечатлѣній и идей. Въ XVII вѣкѣ эта новь возбужденная нервно-мозговая воспріимчивость къ новымъ и обаяельнымъ впечатлѣніямъ западно-европейскаго типа достигла, путемъ генеративно-послѣдовательнаго развитія, такой степени напряженности, что обратилась, такъ-сказать, въ новое, особенное умственное качество, наслѣд-

[1]) Юрія Крыжанича: „О Москов. Государствѣ". Раздѣлъ II, стр. 32—37.

ственно передававшееся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Качество это Юрій Крыжаничь довольно характеристично назвалъ *ксеноманіей*, *чужебѣсіемъ*. Возбужденные поразительною новостью западно-европейскихъ впечатлѣній, передовые русскіе люди всему удивлялись, чюдились въ европейскомъ физическомъ и умственномъ типѣ, все ихъ обаяло, увлекало—и красивая физическая структура европейцевъ, и развитые, образованные европейскіе языки, сильные выразительностью и богатые содержаніемъ, и изящный европейскій нарядъ и т. д. «Мы возбуждены—писалъ Юрій Крыжаничь,—*ксеноманіей*, *чужебѣсіемъ*, то-есть что мы всякимъ чужимъ вещамъ *чюдимся*, и за нихъ уцѣпляемся, ихъ хвалимъ, возвеличиваемъ. Для того и принимаемъ инородниковъ (европейцевъ), и удивляемся, *чюдимся* ихъ лѣпому (красивому) образу, ихъ смѣлому говоренью и стройному житью... Безъ европейскихъ инородниковъ мы жить не можемъ. Отъ нихъ принимаемъ товары, отъ нихъ искусства, науки. Инородники, откупщики, резиденты, консулы, торговцы, полковники, рудознатцы, врачи, бисерники, живописцы, мастера колокольнаго дѣла, всякіе ремесленники и всякіе новокрещены изъ инородниковъ учатъ насъ своимъ обыкновеніямъ... Они прельщаютъ, приманиваютъ насъ именами академій, или высшихъ училищъ, и свободинами (привиллегіями), данными ученикамъ, и твореніями докторовъ, магистровъ или учителей... Не диво, если чужебѣсіе съ ума свело столь многихъ нашихъ владѣтелей. Что говорю, многихъ? всѣхъ, всѣхъ. Изъ руссовъ, царь Иванъ Васильевичъ, и царь Борисъ Ѳеодоровичъ, и наипаче растрига наполнили русскую землю нѣмцами. Сосѣдніе, европейскіе народы преодолѣваютъ, очаровываютъ насъ своею лѣпотою, оборотливостью или ловкостью, подвижностью (шагавостью), рѣчистостью, ласковыми бесѣдами, да игральными своими шагами. Чужебѣсіе насъ съ ума сводитъ. Ибо нѣтъ ни одного народа подъ солнцемъ, у котораго бы инородники, люди другихъ націй, пользовались такою честью и довѣренностью, принимались бы съ такою любовью, и гдѣ бы чужебѣсіе имѣло такую силу, какую имѣетъ у насъ. Или паче скажемъ: покамѣсть чужебѣсіе насъ однихъ особенно, больше всѣхъ соблазнило. Ибо мы имѣемъ языкъ найменѣе совершенный изъ всѣхъ европейскихъ языковъ, и почти нѣмой, разумы имѣемъ не крѣпкіе, не сильные, и лѣпоты (красоты физической) не имѣемъ почти никакой: потому и привыкаемъ, обыкаемъ чюдиться чужой рѣчистости, мудрости, разуму, а наипаче—лѣпому образу, а также игральнымъ искусствамъ и ласковымъ шагамъ, красивой походкѣ. И потому, какъ тѣ птицы, которыя лакомѣе глядятъ и чюдятся дѣламъ человѣческимъ или ловчимъ, бываютъ легче уловлены: такъ и мы, зіяя, розиня ротъ, глядимъ и дивимся европейской лѣпотѣ, и бываемъ отъ нихъ съ ума сведены» [1]). Увлекшись, обаявшись до такой степени самою физическою красотою европейскаго типа,—лучшіе, менѣе предразсудочные русскіе люди стали легче смотрѣть и на самые взаимные браки русскихъ и европейцевъ. Многіе русскіе мало-помалу, безъ зазрѣнія православной совѣсти, стали выдавать своихъ дочерей замужъ за европейцевъ. Вслѣдствіе этихъ браковъ, рядомъ съ метисами

[1]) Юр. Крыжан. разд. 7, 16 и др.

ско-финскими, русско-татарскими и т. д., рядомъ съ «карымами» и обру-ыми лопарями, самоѣдами, зырянами, вогуличами, вотяками, пермяками, ашами, черемисами, мещеряками и мордовцами, стали нарождаться въ сѣ русскаго народа и новыя, европейскія или русско-нѣмецкія генераціи. :е съ давнихъ временъ, наряду съ 235 родами дворянства, происшедшими восточно-азіатскихъ племенъ, и въ томъ числѣ наряду со 133 родами жескими и дворянскими, происшедшими отъ выѣзжихъ изъ разныхъ арскихъ ордъ—изъ крымской, ногайской, синей, золотой, большой, ка-:кой и другихъ,—рядомъ съ этими азіатскими родами до 285 родовъ зошли отъ индо-германскаго племени: 152 дворянскихъ рода выѣхали разныхъ краевъ Германіи, изъ Пруссіи, Даніи и Швеціи, 19 дворян-съ родовъ произошли изъ Италіи, Венгріи и Англіи, 114 родовъ изъ ьши и т. д.[1]). По словамъ Юрія Крыжанича, «въ нарожанствѣ рус-ъ нарождались поколѣнія мѣшанцевъ и перекрестковъ европейскихъ. эводчики посольскаго приказа были большею частію обрусѣлые нѣмцы, ы наши были дѣти недавнихъ новокрещенцевъ-нѣмцовъ: primo nostri :preti genere Germani, deinde nostri legati Germanorum neofitorum filii[2]). ямъ образомъ, послѣ вѣкового физіологическаго смѣшенія русской на-ости исключительно съ восточно-азіатскими племенами — финскими, ко-татарскими и монгольскими—началось отчасти физіологическое ненie русской народности и съ западно-европейскими, индо-герман-ии національностями. Это обобщеніе или объединеніе національностей енно возмущало приверженцевъ русской народности или «русскаго роженья», какъ говорили въ XVII вѣкѣ. И Юрій Крыжаничь, какъ пій, передовой публицистъ XVII вѣка, поднялъ роковой вопросъ: смѣ-аться ли, сливаться ли русской народности съ европейскими націо-ностями,—и самъ, по своему личному взгляду, рѣшалъ этотъ вопросъ щательно. «Гдѣ принимаются инородники въ народъ,—говорилъ онъ,—ь изъ разныхъ народовъ, языковъ, законовъ слагается одна народ-ъ смѣшанная, одно людство мѣшано, или въ особенности бываетъ смѣ-іе разныхъ воль, изъ котораго ничего добраго не можетъ родиться. не можетъ тамъ быть ни единомысліе, ни одновольность. Такъ, если видитъ себя родомъ изъ нѣмцевъ, тотъ къ нѣмцамъ и тяготѣетъ. По-му, отнюдь не надо такихъ мѣшанцевъ припущать... А русское цар-). въ смѣшеніи крови подражая туркамъ, принимаетъ всякаго вольно-ходящаго, еще болѣе манитъ, проситъ, и принуждаетъ многихъ нѣм-ь, чтобы окрестились, и тѣхъ людей, которые изъ своихъ тѣлесныхъ одъ крестятся, принимаетъ въ свой народъ и садитъ на высокія мѣста. іе новокрещеные и принятые въ нашъ народъ нѣмцы всякія наши а отправляютъ, съ иными королями мирные договоры и торговые трак-ы заключаютъ и проч. Если русское царство когда разорится, то отъ ъ перекрестковъ-нѣмцевъ или отъ ихъ отродковъ должно разориться.

[1]) Родосл. книга русск. дворянъ, составл. по оффиціальн. и фамильн. докумен-ь въ послѣдней четверти XVII столѣтія въ царств. Θеодора Алексѣевича.

[2]) Разд. 54, стр. 145.

Смѣшиваться хотятъ человѣческою кровiю, но во вѣки вѣчные волями не спаятся, не совокупятся въ одно. Внуки и правнуки, урожденные отъ перекрестковъ, всегда имѣютъ мысли разныя отъ природныхъ чисто-кровныхъ нарожановъ». Вслѣдствiе такого образа мыслей, Юрiй Крыжаничъ предлагалъ даже установить въ Россiи законъ, чтобы строго обязать всѣхъ русскихъ, особенно князей, бояръ или дворянъ,—отнюдь не выдавать своихъ дочерей за инородниковъ, за европейцевъ, а выдавать ихъ только за происхожденцевъ «славянскаго рода—не отъ иныхъ народовъ, а прямо отъ славянскаго рода и племени уроженныхъ, точно также жениться отнюдь не у инородниковъ, а только въ своемъ славянскомъ роду»[1]). Вопросъ, могутъ ли иностранцы жениться на православныхъ, не принимая греческаго исповѣданiя, возникалъ еще въ 1644 году, когда прiѣзжалъ въ Москву датскiй принцъ Вольдемаръ, чтобы жениться на одной изъ дочерей царя Михаила Өедоровича; но въ то время наши богословы рѣшили его отрицательно... Только Петръ Великiй указомъ 23-го iюня 1721 года окончательно разрѣшилъ браки европейцевъ съ русскими[2]). Одновременно съ этимъ указомъ, по повелѣнiю Петра Великаго, сочинено было святѣйшимъ синодомъ и въ 1721 г. напечатано даже особое «разсужденiе о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными», которое въ числѣ болѣе 1,600 экземпляровъ разослано было по епархiямъ. Въ разсужденiи этомъ принципъ браковъ русскихъ съ европейцами, по повелѣнiю Петра Великаго, санкцiонированъ былъ подтвержденiемъ святѣйшаго синода[3]). Всѣ эти факты ясно показываютъ, до какой степени русскiе стали увлекаться сближенiемъ съ европейцами. Эта въ высшей степени напряженная воспрiимчивость къ впечатлѣнiямъ западныхъ нацiй, развившаяся въ значительной части допетровскаго поколѣнiя до ксеноманiи, и сопровождавшаяся уже браками русскихъ и европейцевъ,—въ то же время болѣзненно раздражала нервную организацiю людей суевѣрныхъ, пантофобически-настроенныхъ. Вслѣдствiе этой особенной нервно-мозговой возбужденности, въ русской народности произошелъ расколъ и съ неменьшею нервною раздражительностью застоналъ и завопилъ о послѣднихъ, антихристовыхъ временахъ, потому что началось не только умственное, но и физическое сродненiе русской народности съ европейскими нацiональностями. Суевѣрнымъ, пантофобическимъ умамъ, страдавшимъ болѣзненною нервною раздражительностью, мерещилась послѣдняя Русь, чюдилось превращенiе, перерожденiе русскихъ въ нѣмцевъ. Өедоръ Дьяконъ вопилъ: «иного отступленiя уже не будетъ: вездѣ бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо и отъ сего часа на горшiя измѣненiя происходити царьми неблагочестивыми... О прелесте! понеже еси пестра; скверные нѣмцы, поляки и прочiе безбожные языки яко благодѣи прiемлются и честiю велiею почитаются... сплелись западные съ восточными». «Охъ, бѣдная Русь! восклицалъ протопопъ Аввакумъ,—что-то тебѣ захотѣлось «латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступокъ!»[4]). Паническiй

[1]) Разд. 31, 50, 54.
[2]) Пол. Собр. Закон. VI №№ 3798 и 3814.
[3]) Пекарскаго: „Наука и литер. при Петрѣ I", т. II, стр. 506—507. Т. CLXXXIX.—Отд. I.
[4]) См. „Русскiй расколъ старообрядства". Казань. 1859 г., главу I.

исъ и нервную раздражительность чувствовали эти суевѣры, когда рвые видѣли на русскихъ европейскую одежду. «Братія моя возлюнная—восклицали они,—бѣда, и скорбь, и погибель роду христіанскому! учився вѣры православныя и возлюбивъ слабую, прелестную и незаінную латинскую и многихъ ересей вѣру,—позавидѣхомъ мы ихъ иноіным ризамъ, отъ главъ и до ногъ, и всего ихъ обычая; а Богъ не елѣлъ на ризы невѣрныхъ и на ихъ обычаи вѣрнымъ человѣкамъ взии и зазирати, понеже Богу мерзко беззаконное шитье ихъ, и обычай ихъ зокъ и непріятенъ» [1]). Между тѣмъ, несмотря на эти возгласы крайнихъ верженцевъ русской народности,—и возбужденная до страстнаго, мононическаго увлеченія воспріимчивость къ новымъ умственно-возбудительмъ впечатлѣніямъ западныхъ національностей, достигши до степени іьной нервно-мозговой напряженности, до «ксеноманіи», стала уже рѣшиьно, какъ мы сказали, новымъ, генеративно-наслѣдственнымъ умственмъ качествомъ въ передовомъ допетровскомъ поколѣніи и въ царскомъ ;ѣ. И какъ новое, выгодное измѣненіе или уклоненіе, по закону естеенная подбора, она наслѣдственно передавалась изъ рода въ родъ, › отцовъ къ дѣтямъ. Царевичи воспитывались уже въ духѣ евіейской «ксеноманіи», подъ вліяніемъ такихъ образованныхъ евроіцевъ, какъ докторъ медицины англичанинъ Коллинсъ, нѣмецъ гельгардтъ (астрологъ), Блюментростъ и многіе другіе. Въ теченіе ΊΙ столѣтія ихъ безпрестанно окружали уже до 36 европейскихъ торовъ медицины, до 31 лекаря, до 19 аптекарей-алхимистовъ, не счи: множества европейскихъ инженеровъ, архитекторовъ, полковниковъ, аллурговъ и проч. Всѣ эти иностранцы напечатлѣвали въ умахъ цареіей живую воспріимчивость къ европейскимъ идеямъ и обычаямъ, такъ суевѣрные, пантофобическіе умы со страхомъ ожидали чего-то рокоо изъ царскаго рода и въ посланіяхъ къ царю съ болѣзненною нервною дражительностью вопіяли противъ европейскаго воспитанія царевичей. пъ Лазарь взывалъ къ царю Алексѣю Михайловичу въ посланіи «О изгуніи власти правовѣрныхъ государей»: «Царю благородный! како врели сего не испытуешь: имѣеши у себя мудрыхъ философовъ, разсуающихъ лица небеси и земли и хвосты звѣздъ измѣряющихъ аршиномъ: ;ъ Спасъ глаголетъ быти лицемѣры, яко времени не изгодаешь, госуь! Таковыхъ ли въ чести имѣешь и различными брашнами питаешь и цешь внѣшними ихъ плеухами мирную власть свою устроити. Ни, ни! гхій законъ стѣнь благодати есть: когда отъ законовъ отеческихъ отпали, все злое имъ было тогда. Подобаетъ тебѣ, царю, заповѣдати *блаърнымъ чадамъ своимъ, да пребываютъ въ законахъ отеческихъ во вѣки нетупно!*» [2]). Когда, такимъ образомъ, въ царскомъ роду и въ лучшихъ едовыхъ людяхъ послѣдняго до-петровскаго поколѣнія, путемъ непревнаго и генеративно-усиливавшагося воздѣйствія совершенно-новыхъ и ятельно-поразительныхъ впечатлѣній европейскаго типа, до ксеноманіи

[1]) Сборн. Сол. библ. № 923 въ концѣ.
[2]) Расколъ старообрядства, стр. 94.

возбудилась и генеративно-наслѣдственно передавалась отъ отцовъ къ дѣтямъ живая, напряженная нервная впечатлительность и воспріимчивость къ обаятельнымъ физическимъ и умственнымъ качествамъ европейскихъ націй, а въ людяхъ пантофобически настроенныхъ возбуждались, подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, нервная раздражительность и злоба,—тогда пробилъ естественно-историческій часъ рѣшенія роковаго національно-этнологическаго и естественно-психологическаго вопроса: воспринимать ли новыя, могущественно-возбудительныя умственныя впечатлѣнія, какія производили на высшіе слои русскаго общества западныя націи, и воспитываться ли, цивилизоваться ли подъ вліяніемъ ихъ—или же, слѣдуя византійской системѣ мистико-аскетическаго воспитанія, коснѣть въ восточно-азіатской умственной пассивности и застойчивости. Послѣ вѣкового физіологическаго и сожительно-бытового смѣшенія и сродненія русскаго народа въ восточно-азіатскими племенами,—вступать ли въ органическій союзъ, въ физіолого-интеллектуальное соединеніе и обобщеніе съ передовыми, высоко-развитыми національностями западно-европейскими, или же удаляться этого союза и, въ своей восточно-континентальной замкнутости, продолжать сливаться и сродняться съ недалекими и неразвитыми азіатскими племенами? Когда пробилъ роковой часъ рѣшенія этого физіолого-этнологическаго вопроса, тогда вся энергія нервно-мозговой впечатлительности и воспріимчивости къ импульсамъ и впечатлѣніямъ западно-европейскаго вліянія, генеративно-послѣдовательно развившись, путемъ естественнаго подбора, въ неискоренимое умственное качество послѣдняго до-петровскаго поколѣнія, въ *«ксеноманію»*, и наслѣдственно передаваясь отъ отцовъ къ дѣтямъ, въ самомъ царскомъ родѣ, имѣвшемъ наибольшую возможность воспринимать западно-европейскія впечатлѣнія,—наконецъ, по закону естественнаго подбора въ высшей степени напряженности и возбуждаемости унаслѣдована была въ царскомъ родѣ сыномъ царя Алексѣя Михайловича. Явился геній живѣйшей нервной воспріимчивости къ впечатлѣніямъ Запада—Петръ Великій, génie imitatif, какъ назвалъ его Руссо.

Такимъ образомъ, и самый геній Петра Великаго, разсматриваемый съ историко-психологической точки зрѣнія, есть не что иное, какъ именно эта въ высшей степени напряженная энергія той нервно-мозговой впечатлительности и воспріимчивости къ импульсирующимъ впечатлѣніямъ западной цивилизаціи и науки, которая генеративно-послѣдовательно развивалась въ предшествовавшихъ Петру поколѣніяхъ и, по закону естественнаго подбора, наслѣдственно передаваясь изъ рода въ родъ, наконецъ, во всей полнотѣ зрѣлости и возбужденности, унаслѣдована была счастливой нервно-мозговой организаціей Петра Великаго. Въ сущности же, это та же самая особенная наибольшая естественная воспріимчивость къ впечатлѣніямъ совершенно новымъ и неожиданно-поразительнымъ, которая, по общимъ психологическимъ законамъ, свойственна всѣмъ людямъ, но по особеннымъ климатическимъ и соціально-педагогическимъ условіямъ воспитанія нервной организаціи русскаго народа, въ наибольшей степени свойственна умамъ русскимъ. Въ сущности, это та же самая особенная нервная чувствительность и воспріимчивость къ впечатлѣніямъ совершенно новымъ.

непривычнымъ для нервовъ чувствъ и необыкновенно-поразительнымъ, которая и на низшей степени умственнаго развитія нашихъ предковъ рефлективно выражалась трепетнымъ преклоненіемъ передъ всѣмъ новымъ и внезапно-поразительнымъ. Въ геніѣ Петра Великаго, эта особенная нервная воспріимчивость и впечатлительность достигла только высшаго нормальнаго развитія и раціональнаго выраженія и направленія. Чтобы нагляднѣе показать, что геніальная воспріимчивость Петра Великаго къ особенно-поразительнымъ впечатлѣніямъ Запада—естественнымъ, умственнымъ, научнымъ, соціальнымъ, экономическимъ и государственнымъ, есть не что иное, какъ высшая степень развитія и выраженія той же общей наибольшей воспріимчивости къ впечатлѣніямъ новымъ и особенно-поразительнымъ, которая присуща нервной организаціи всего русскаго народа,—мы приведемъ здѣсь два или три примѣра какъ изъ физической, такъ и этнической или умственной сферы. Вотъ, напримѣръ, на самой низшей, первобытной степени нервно-мозгового развитія нашихъ предковъ, такія необычайныя явленія органической природы, какъ монстры, уроды или даже всѣ эмбріоны царства животнаго и, въ особенности, человѣческаго рода, какъ впечатлѣнія совершенно новыя, непривычныя для глазъ и неожиданно-поразительныя, на нервную чувствительность нашихъ предковъ производили страшное, потрясающее дѣйствіе и возбуждали въ нихъ чувство трепетнаго ужаса и изумленія. Не только непостижимый для первобытныхъ людей, физіологическій актъ рожденія человѣка возбуждалъ чувство ужаса и породилъ трепетное поклоненіе роду и рожаницѣ, которыхъ боялись и умилостивляли требами, жертвами, но и каждый, особенно недоношенный плодъ или эмбріонъ, каждый монстръ или уродъ производили на нервы чувствъ ихъ такое же ужасное, потрясающее впечатлѣніе. И, пораженные этимъ впечатлѣніемъ, при видѣ, напримѣръ, монстра или урода, они невольно, путемъ рефлексовъ съ зрительнаго нерва на всѣ чувствующіе органы и мышцы тѣла, приходили въ трепетное, судорожно-содрогательное потрясеніе во всемъ организмѣ, такъ что пораженные испугомъ и ужасомъ, падали на колѣни, и такимъ образомъ невольно, рефлективно преклонялись передъ уродами и недоношенными эмбріонами, какъ передъ богами. Въ одномъ древнемъ словѣ, обличающемъ языческія суевѣрія нашихъ предковъ, читаемъ: «кланяются они стеглороженію, роженію *недоношеннаго порода*, мати бо его рожаючи оказися, и того (недоношенаго порода) сотвориша богомъ, кланяются богу мужежену (уроду двуполому), тѣмъ же богамъ жертву творятъ и кладутъ и славянскій языкъ, и начаша требу творити своимъ богамъ роду и рожаницѣ» [1]). Въ средніе вѣка, когда, въ силу господствовавшаго вѣрованія, что Богъ творитъ совершенныя созданія, а дьяволъ стремится все портить, на уродовъ или монстровъ смотрѣли какъ на дьявольское извращеніе природы или «бѣсовское диво»—и въ средніе вѣка, такія аномаліи органической природы и даже разсказы о необыкновенныхъ дѣтищахъ или уродахъ человѣческихъ и животныхъ всѣхъ поражали чувствомъ ужаса, изумленія и удивленія; имъ чюдились, удивлялись,

[1]) Лѣтоп. стар. рус. литературы: поученія, направл. противъ язычества. III, 99—100.

какъ великимъ дивамъ, и лѣтописцы отмѣчали ихъ въ лѣтописи, какъ страшныя чуда бѣсовскія, какъ «дива великія» [1]). И вотъ точно также, и на нервную впечатлительность Петра Великаго, въ высшей степени воспріимчивую и живую, такое же сильное впечатлѣніе произвели эти необычайныя, непривычныя для глазъ и неожиданно-поразительныя произведенія природы—монстры человѣческіе и звѣриные, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ ихъ, и также поразили, изумили его, какъ поражали и изумляли они и всѣхъ допетровскихъ русскихъ людей. Вся разница впечатлѣнія состояла только въ томъ, что эти необычайныя явленія въ геніѣ Петра Великаго возбудили уже не суевѣрное чувство страха и трепета, а равносильное ему чувство удивленія, изумленія и любопытства, и такимъ образомъ породили въ умѣ его не суевѣрное чувство трепетнаго религіознаго родопоклоненія, но равносильную этому чувству первую, зачаточную и энергическую идею познанія природы. Въ силу общей, естественно-наибольшей чувствительности и воспріимчивости къ впечатлѣніямъ новымъ, необычайнымъ, непривычнымъ для чувствъ,—и Петръ Великій необыкновенно изумленъ былъ, когда, въ бытность свою въ Голландіи, въ первый разъ увидѣлъ знаменитый анатомическій театръ Рюиша, въ которомъ находилось, между прочимъ, до 110 одннхъ человѣческихъ эмбріоновъ. И особенно онъ пораженъ былъ именно при видѣ монстровъ и эмбріоновъ: при видѣ одного эмбріона, или трупа ребенка, который былъ такъ хорошо сохраненъ, что казался живымъ и съ улыбкой на устахъ,—царь до того пораженъ былъ изумленіемъ и до того экзальтированъ былъ чувствомъ восторга и удивленія, что не могъ воздержаться, чтобы не поцаловать этотъ эмбріонъ. Съ трудомъ Петръ рѣшился выйти изъ кабинета, и потомъ много разъ возвращался въ него. Въ умѣ его, вслѣдствіе этого впечатлѣнія, запала такая сильная, безотвязная мысль о Рюишевомъ анатомическомъ театрѣ, что она стала потомъ его idea fixa, пока онъ не купилъ весь этотъ кабинетъ съ монстрами и эмбріонами за 50 тысячъ голландскихъ флориновъ. Какъ въ умахъ первобытныхъ предковъ нашихъ впечатлѣнія, какія производили на нервы ихъ монстры, уроды, эмбріоны или, какъ они говорили, «недоношены повыды», возбуждали чувство ужаса, трепета и породили суевѣрно-религіозный культъ: въ честь уродовъ, недоношенныхъ породовъ и въ честь рода и роженицы,—такъ въ геніѣ Петра Великаго, тѣ же впечатлѣнія, въ анатомическомъ театрѣ Рюиша, возбудили необыкновенное чувство удивленія, и породили въ немъ живѣйшую, страстную, до энтузіазма увлекавшую его идею собиранія «монстрозитетовъ», уродовъ, эмбріоновъ и, потомъ, вообще всѣхъ, какъ говорили тогда, «натуральныхъ раритетовъ, куріозитетовъ и всякихъ преудивительныхъ и чудественныхъ вещей», и, такимъ образомъ, какъ увидимъ дальше, были первымъ импульсомъ или источникомъ эмбріональнаго зачатка въ Россіи естество-познавательной мысли. Съ какимъ чувствомъ трепета, суевѣрные предки наши, при видѣ монстра или урода, съ пантофобическимъ нервнымъ потрясеніемъ и содроганіемъ преклонялись передъ нимъ, какъ пе-

[1]) Волын. Лѣтопис. 344, 345.

редъ богомъ,—съ такимъ чувствомъ фавматологическаго энтузіазма, удивленія и любопытства Петръ Великій, послѣ живѣйшаго впечатлѣнія, произведеннаго на него монстрами и эмбріонами въ Рюишевомъ кабинетѣ, увлекся идеей собиранія этихъ особенныхъ произведеній природы въ кунсткамеру. И вслѣдствіе этого-то увлеченія, онъ издалъ 13 февраля 1718 года свой знаменитый указъ о доставленіи въ кунсткамеру со всѣхъ концовъ Россіи уродовъ, эмбріоновъ и проч. «Понеже извѣстно есть, — сказано въ этомъ указѣ, — что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей случается, что родятся монстры, т.-е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, чего для передъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобы такіе (уроды) приносили, обѣщая платежъ за оные, которыхъ нѣсколько уже и принесено, а именно: два младенца, каждый о дву головахъ, два, которые срослись тѣлами. Однакожъ въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть, но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйствія діавольскаго, чему быть не возможно, ибо единъ творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но родятся отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матерняго во время бремени, какъ тому есть многіе примѣры: чего испужается мать, такіе знаки на дитяти бываютъ; также, когда ушибется, или больна будетъ и проч. Того ради паки сей указъ подновляется, дабы конечно такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды, приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то дана будетъ плата; а именно: за человѣческую по 10 р., за скотскую и звѣрскую по 5 р., а за птичью по 3 рубля— мертвыхъ. А за живыхъ: за человѣческую по 100 рублей, за скотскую и звѣрскую по 15 рублей, за птичью по 7 рублей. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; будеже съ малою отмѣною передъ обыкновеннымъ, то менѣе. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ родятся, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ: чтобы тѣ неповинны были сказывать, кто принесетъ, и коменданты неповинны ихъ спрашивать—чье? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таить, на такихъ возвѣщать, а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ. Вышереченные уроды, какъ человѣчьи, такъ и животныхъ, когда умрутъ, класть въ спирты: а будеже того нѣтъ, то въ двойное. а по нуждѣ и въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось» [1]). Такъ возбудительно подѣйствовали на живую, нервную воспріимчивость Петра Великаго ко всему новому и поразительно-замѣчательному, особенно выдававшіяся, неожиданно-поразительныя физическія впечатлѣнія натуральныхъ кабинетовъ на Западѣ. Точно также, въ высшей степени возбудительно ажитировали нервную впечатлительность его и всѣ совершенно новыя, и поразительно-замѣчательныя впечатлѣнія западной цивилизаціи, науки и жизни.

---

[1]) См. этотъ указъ у Пекарскаго: „Наука и литература при Петрѣ I“ т. I, стр. 54.

Какъ въ послѣднихъ допетровскихъ поколѣніяхъ, искони присущая нервной организаціи русскаго народа особенная воспріимчивость къ впечатлѣніямъ совершенно новымъ, непривычнымъ и необыкновенно выдающимся, вслѣдствіе неожиданно-поразительнаго воздѣйствія и постепеннаго усиленія западно-европейскихъ впечатлѣній, живо возбудила и генеративно-наслѣдственно развила, какъ новое, особенное умственное качество, «ксеноманію», или страстное, энтузіастическое обаяніе увлекательными качествами европейскаго типа, какъ впечатлѣніями совершенно новыми, и особенно-поразительными, и такимъ образомъ генеративно-наслѣдственно подготовила рожденіе и направленіе генія Петра Великаго, такъ и въ самомъ геніѣ Петра Великаго совершался тотъ же психологическій процессъ. Именно, та же самая особенная воспріимчивость къ впечатлѣніямъ совершенно новымъ и поразительнымъ, вслѣдствіе еще наиболѣе сильнаго импульса западно-европейскихъ впечатлѣній, породила и въ немъ въ высшей степени возбужденную энергію къ живѣйшему и быстрому воспріятію всѣхъ могущественно-обаятельныхъ впечатлѣній западной цивилизаціи и науки, какъ впечатлѣній совершенно новыхъ и необыкновенно-возбудительныхъ для нервной воспріимчивости. И такимъ образомъ, воспріимчивость эта была, далѣе, завязкой всецѣлаго умственнаго увлеченія и всѣхъ послѣпетровскихъ поколѣній впечатлѣніями и идеями западной цивилизаціи и науки. Въ самомъ дѣлѣ, изумительна эта необыкновенная нервная воспріимчивость генія Петра Великаго ко всѣмъ поразительно-увлекательнымъ впечатлѣніямъ западнаго просвѣщенія. Такихъ впечатлительно-воспріимчивыхъ и всеувлекающихся государей не было, кажется, во всей европейской и даже всемірной исторіи. Едва-ли можно указать одинъ предметъ западной цивилизаціи и науки, который, впервые поражая зрѣніе Петра Великаго, не производилъ бы сильнѣйшаго впечатлѣнія на его умъ. Путешествуя по Западу, заходилъ ли Петръ Великій, напримѣръ, въ мастерскую голландскихъ машинистовъ фанъ-деръ-Гейденъ, изобрѣтателей пожарныхъ трубъ, онъ всему тамъ изумлялся въ произведеніяхъ механики, проводилъ тамъ цѣлые часы, удивляясь ловкости и изобрѣтательности этихъ европейскихъ машинистовъ, и съ тѣхъ поръ онъ въ теченіе всей своей жизни думалъ о машинахъ, о наученіи русскихъ механикѣ, и, въ частности, всю жизнь его занимала мысль о пріобрѣтеніи разныхъ европейскихъ машинъ и, въ томъ числѣ, въ особенности пресловутой машины perpetuum mobile Орфиреуса, о которой тогда трубили въ Европѣ. Вслѣдствіе этого впечатлѣнія, Петръ Великій первый ввелъ въ Россію такую важную науку, какъ механика, и при немъ впервые переведены были съ европейскихъ языковъ и напечатаны въ Россіи книги по части механики. Или, вотъ, посѣтилъ Петръ Великій парижскую академію наукъ—учрежденіе неслыханное и невиданное на Руси,—и тамъ все приводило его въ восторгъ и удивленіе, особенно все новое и достопримѣчательное по части науки; напримѣръ, съ величайшимъ вниманіемъ и необыкновеннымъ удовольствіемъ разсматривалъ онъ модель машины, изобрѣтенной для легчайшаго подъема вверхъ воды и построенной съ соблюденіемъ труднѣйшихъ геометрическихъ правилъ, и съ живѣйшимъ

ниманіемъ слушалъ объясненія де-ла-Фэ; съ такимъ же живѣйшимъ увле-
еніемъ разсматривалъ онъ дѣйствіе новой подъемной машины, которая
ри меньшей силѣ дѣйствовала успѣшнѣе, нежели обыкновенныя подъ-
мныя машины, а также опыты надъ двумя любопытными химическими
оставами. И вотъ, подъ вліяніемъ всѣхъ подобныхъ живыхъ впечатлѣній,
акія произвела на Петра Великаго парижская академія наукъ, въ умѣ
го тотчасъ же возбудилась энергическая идея объ основаніи подобной
кадеміи наукъ въ Петербургѣ, и какъ только возвратился онъ изъ-за
раницы, тотчасъ же написалъ на меморіалѣ иностранца Фика «о нетруд-
омъ наученіи и воспитаніи молодыхъ россійскихъ дѣтей» такую резо-
юцію: «сдѣлать академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ и
ъ тому склонность имѣетъ; также начать переводить книги: сему учинить
его года начало» [1]). Осматривалъ ли, далѣе, Петръ Великій въ Парижѣ
оллегіумъ Мазарини,—онъ выходилъ съ живою идеею—основать подобную
иколу въ Россіи, и тутъ же разспрашивалъ объ издержкахъ, что можетъ
ытоить подобное заведеніе. Заходилъ ли изъ коллегіума къ геометру Пи-
сону, изобрѣтателю движущагося глобуса по системѣ Коперника,—съ
живѣйшимъ любопытствомъ онъ удивлялся этому глобусу и тотчасъ же
ріобрѣталъ его для себя за 2 тысячи экю. Разъ, увидѣвши химическіе
пыты въ Парижѣ,—онъ потомъ съ величайшимъ любопытствомъ ѣздилъ
мотрѣть химическіе опыты Жоффруа и Лемери. Разъ увидѣвши какую-
нибудь хирургическую операцію, напримѣръ, глазную операцію, сдѣланную
ъ Парижѣ англичаниномъ Уальгозомъ надъ однимъ 65-лѣтнимъ слѣпымъ
нвалидомъ, Петръ съ тѣхъ поръ страстно любилъ присутствовать при
сѣхъ замѣчательныхъ анатомическихъ вскрытіяхъ и хирургическихъ
пераціяхъ, какія потомъ производились въ С.-Петербургѣ, и постоянно
осилъ при себѣ въ особенномъ футлярѣ хирургическіе инструменты—два
анцета со шнеперомъ для кровопусканія, анатомическій ножъ, клещи для
ыдергиванія зубовъ, лопаточки для растиранія пластыря, ножницы, щупъ
для ранъ и катетеръ. Разъ увидѣвши, напримѣръ, въ Голландіи у архи-
ектора Симона Шейнфойта архитектурные чертежи и проч., и выслушавши
лекціи объ архитектурѣ, Петръ Великій чувствовалъ потомъ страстную
наклонность къ архитектурѣ, къ геометріи и математикѣ, — и при себѣ
постоянно носилъ другой футляръ съ математическими инструментами,
съ циркулемъ, масштабомъ и другими инструментами, служившими ему
для размѣренія представленныхъ чертежей архитектуры военной, гра-
жданской и морской. И вслѣдствіе этихъ живыхъ впечатлѣній, Петръ Ве-
ликій тотчасъ же основалъ въ Россіи госпитали, хирургическія и мате-
матическія школы, и въ его царствованіе въ первый разъ появились на
русскомъ языкѣ такія неслыханныя прежде математическія книги, какъ,
напримѣръ, таблицы логариѳмовъ, тангенсовъ, секансовъ и пр., и много
книгъ по части гидравлической механики и морской, гражданской и
военной архитектуры. Разъ увидѣвши въ Европѣ астрономическія наблю-
денія, Петръ Великій потомъ самъ сталъ съ особенною любовью наблюдать

[1]) Пекарскаго. I, 45.

затмѣнія солнца и луны, такъ что велѣлъ англичанину Фарварсону, преподавателю въ математико-навигацкихъ школахъ, и астроному Брюсу всякій разъ извѣщать его, гдѣ бы онъ ни находился, хоть въ походѣ, о имѣющемъ быть затмѣніи солнца или луны, съ своими придворными любилъ бесѣдовать о законахъ небесныхъ движеній по системѣ Исаака Ньютона, и, по его повелѣнію, дважды переведена была книга Гюйгенса «Cosmotheros», въ которой впервые принята была въ Россіи система Коперника. А какое живѣйшее впечатлѣніе производили на необыкновенно воспріимчивый ко всему новому и замѣчательному умъ Петра Великаго всѣ европейскія книги по части астрономіи, математики, механики, географіи, архитектуры и проч. Онъ, какъ страстный библіоманъ, увлекался ими. Бо̀льшая часть переписки его, напримѣръ, съ Брюсомъ, Виніусомъ, Мусинымъ-Пушкинымъ, Веселовскимъ, довѣреннымъ по дѣламъ въ Вѣнѣ, и другими лицами, бо̀льшая часть этой переписки состоитъ въ указаніи европейскихъ книгъ для перевода, въ побужденіи къ скорѣйшему окончанію перевода той или другой книги, въ порученіи купить на Западѣ ту или другую книгу и т. п. [1]). Напримѣръ, 11-го апрѣля 1716 года Петръ писалъ Мусину-Пушкину: «Братецъ! выберите добрыхъ латинщиковъ и отправьте ихъ въ Прагу для переводу книгъ: я непрестанно буду писать о переводѣ» [2]). Веселовскому въ Вѣну онъ писалъ: «Г. Веселовскій! сыщите книги! Лексиконъ универссалисъ, который напечатанъ въ Лейпцигѣ у Томаса Фрича, другой лексиконъ универссалисъ же, въ которомъ есть всѣ художества, который видѣлъ въ Англіи. Въ семъ гораздо постарайся, понеже намъ сіе гораздо нужно» [3]). Пировалъ ли Петръ на свадьбѣ, напримѣръ, у князя П. Голицына 21-го сент. 1718 года,—у него на умѣ были тѣ книги, какія онъ узналъ въ Европѣ или отъ окружавшихъ его европейскихъ ученныхъ, и онъ тамъ же спрашивалъ Мусина-Пушкина: «для чего по сію пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній? Книга небольшая, а такъ мѣшкаете. Отпиши о семъ Лопатинскому». Присутствовалъ ли Петръ въ засѣданіи синода,—и тамъ у него на умѣ были европейскія книги, и тамъ онъ распоряжался, какъ, напримѣръ, 19-го ноября 1721 года, о переводѣ труда Пуффендорфа: De officiis hominis et civis [4]). Вслѣдствіе сильнаго, умственно-возбудительнаго впечатлѣнія, какое произвели на геній Петра европейскія науки, европейскія книги, онъ заставилъ болѣе сотни переводчиковъ переводить эти европейскія книги, частію въ Россіи, частію заграницей. И въ послѣдній годъ своего царствованія, именно 23-го января 1724 года, издалъ знаменитый указъ, въ которомъ писалъ: «для переводу книгъ зѣло нужны переводчики... того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не имѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ,

---

[1]) Пек. 1. 205—206.
[2]) Пек. 1, 232—233.
[3]) Ib. 211.
[4]) Пекарскаго. 1, 213.

чтобы всѣ изъ русскихъ или иноземцевъ, кои здѣсь родились, или зѣло лы пріѣхали, и нашъ языкъ, какъ природный, знаютъ, понеже на свой ыкъ всегда легче переводить, нежели съ своего на чужой. Художества : (переводить) слѣдующія: математическое хотя до сферическихъ тріанловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ цивилисъ, анатомичеое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя» [1]). Точно такое : живѣйшее умственно-возбудительное впечатлѣніе произвели на необыкновенно воспріимчивую ко всему новому и замѣчательному нервную впетлительность генія Петра Великаго и всѣ невиданныя и неслыханныя Руси, рѣзко-отличительныя формы и особенности европейской общевенной жизни. Напримѣръ, послѣ азіатскаго затворничества русскихъ ремовъ, вдругъ увидѣлъ Петръ въ Парижѣ общественныя собранія, асмблеи, на Руси неслыханныя и невиданныя,—и вотъ, очарованный ихъ ескомъ, роскошью, доставляемыми ими удовольствіями, и вообще важмъ нравственно-образовательнымъ значеніемъ ихъ въ соціальной жизни, тръ тотчасъ же учредилъ подобныя ассамблеи и въ Россіи, издалъ объленіе или указъ, узаконявшій ассамблеи [2]), самъ написалъ главные нкгы, и поправлялъ корректуру напечатаннаго по его повелѣнію особаго бъявленія, какимъ образомъ ассамблеи отправлять надлежитъ», гдѣ собзенноручно написалъ, между прочимъ: «на ассамблеи приходить съ мужнами и ихъ женамъ и дочерямъ», и самъ же росписалъ поимянный естръ: «кому ассамблеи держать» [3]), Или еще примѣръ: послѣ неуклюжаго атско-русскаго платья, длиннаго, широкаго, спальнаго, подобнаго татарммъ халатамъ и поповскимъ рясамъ, послѣ длинныхъ бородъ и усовъ физіономіи русскихъ,—вдругъ Петръ во всей Европѣ увидѣлъ, что ди тамъ брѣютъ бороды и усы, и ходятъ въ платьѣ изящномъ, удобмъ, легкомъ, дѣловомъ. И вотъ, вслѣдствіе такого живого впечатлѣнія, ь издалъ указъ 1705 года, по которому всѣ, кромѣ духовенства іжны были носить съ 1-го января до пасхи верхнее платье сак-

[1]) П. С. З. VII, № 4438.

[2]) П. С. З. V, № 3246.

[3]) На этихъ ассамблеяхъ,—пишетъ Веберъ, въ одной комнатѣ танцуютъ, въ гой играютъ въ карты, также и, и особенно, шахматы, въ которые многіе, даже › самыхъ незнатныхъ русскихъ весьма искусны; въ третьей курятъ и бесѣдуютъ: четвертой дамы заводятъ различныя игры, которыя подаютъ поводъ къ смѣху... юще, ассамблеи приняты, какъ одно изъ лучшихъ нововведеній. Повелѣніе давать › касается всѣхъ знатныхъ придворныхъ: они обязаны отправить ее хоть одинъ ъ въ зиму, и полицмейстеръ заранѣе извѣщаетъ того, въ домѣ котораго, по царму усмотрѣнью, должно быть это празднество. Ассамблеи были и у духовныхъ ъ, какъ, напримѣръ, 26 дек. 1723 года, по изволенію Свят. прав. синода повелѣно намъ его и прочимъ синоду подчиненныхъ приказовъ, въ судѣ засѣдающихъ, сонамъ быть въ ассаблеяхъ съ 26 числа и съѣзды имѣть пополудни въ третьемъ у, и росписанъ реестръ, кому быть. Въ 8-мъ пунктѣ объявленія объ ассамблеяхъ являлось: первая ассамблея будетъ у князя-папы (т.-е. у Зотова), а потомъ будутъ доваться другія, кому сказано будетъ отъ того хозяина, у кого будутъ сидѣть на амблеѣ, а тотъ хозяинъ повиненъ спрашивать о томъ у принципаловъ, и у кого ачать ассамблеѣ быть, то повиненъ оный хозяинъ тогда объявить тому, кому поѣно имѣть ассамблею. (Пек. II, 435—436).

сонское, а исподнее, камзолы, башмаки и проч. — нѣмецкіе; лѣтомъ же—носить французскую одежду, отъ чего не избавлялись даже и крестьяне. Торговцамъ и портнымъ запрещено дѣлать русское платье, сапоги, башмаки и черкесскіе кафтаны. Въ томъ же году велѣно было брить бороды и усы: тѣ, которые не хотѣли этого сдѣлать, платили, смотря по состоянію, 100, 60 и 30 рублей годовой подати. И до такой степени Петръ хотѣлъ скорѣе видѣть русскихъ похожими на европейцевъ, прежде всего по наружности, что о европейскомъ платьѣ и о бритьѣ бородъ и усовъ выходилъ указъ за указомъ [1]). Однимъ словомъ, всѣ впечатлѣнія, какія производили на живую умственную воспріимчивость Петра Великаго, какъ разнообразныя особенности общественной жизни, такъ и разнообразныя государственныя учрежденія на Западѣ, столь возбудительно дѣйствовали на его нервную организацію, что все его царствованіе, всѣ его преобразованія и нововведенія, всѣ его указы и регламенты были живымъ отпечаткомъ этихъ впечатлѣній западной цивилизаціи, науки и жизни. И эта-то характеристическая черта нервной организаціи генія Петра Великаго, эта его необыкновенно живая, до всеувлеченія и энтузіазма впечатлительная воспріимчивость ко всѣмъ великимъ, поразительнымъ и оригинальнымъ впечатлѣніямъ западной жизни, цивилизаціи и науки, въ сущности, какъ мы сказали, есть не что иное, какъ особенное проявленіе той же самой черты, которая свойственна нервной организаціи всего русскаго народа. Только въ геніи Петра Великаго она достигла высшаго, напряженнѣйшаго возбужденія. И въ этомъ отношеніи Руссо мѣтко назвалъ геній Петра genie imitatif. Это былъ, дѣйствительно, по преимуществу геній необыкновенно живой впечатлительности ко всему новому и замѣчательному въ области цивилизаціи и науки, геній всеувлекающейся подражательной воспріимчивости. И эта-то сила генія Петра Великаго составляла, далѣе, новый могущественный импульсъ къ постепенному, генеративно-послѣдовательному возбужденію и развитію въ русскомъ обществѣ живой умственной воспріимчивости ко всѣмъ умственно-возбудительнымъ, развивающимъ, образовательнымъ и воспитательнымъ впечатлѣніямъ западной цивилизаціи и науки.

Вслѣдствіе сильнаго толчка, даннаго геніемъ Петра Великаго и усиленнымъ импульсомъ западно-европейскихъ впечатлѣній, — и вновь-возбужденнымъ умственнымъ движеніемъ и развитіемъ послѣ-петровскихъ поколѣній или «петрова племени», какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, могущественно мотивировала та же самая естественная наибольшая предпріимчивость нервной организаціи русскаго народа только къ впечатлѣніямъ совершенно новымъ и наиболѣе поразительнымъ для чувствъ и для ума, вслѣдствіе которой еще въ XVII вѣкѣ, въ послѣднемъ до-петровскомъ поколѣніи до ксеноманіи возбудилась страсть къ воспріятію новыхъ обаятельныхъ качествъ и обычаевъ европейскихъ національностей. Вслѣдствіе этой коренной первоначальной воспріимчивости къ впечатлѣніямъ новымъ и особенно поразительнымъ въ послѣ-петровскихъ поколѣніяхъ уже до

[1]) Пекарскаго I, 448.

энтузіазма усилилось спеціальное, такъ-сказать, мономаническое генеративно-наслѣдственное стремленіе къ всецѣлому воспринятію уже всѣхъ разнообразныхъ обаятельныхъ впечатлѣній западной жизни, цивилизаціи и науки. Цѣлый рядъ поколѣній, можно сказать, изумленъ былъ и вновооткрытыми чудесами и обаяніями Запада и этимъ genie imitatif Петра Великаго, который и самъ, всецѣло увлекшись Западомъ и устремивши взоры русскаго народа на Западъ, влачилъ, по выраженію поэта:

„Рядъ *изумленныхъ* поколѣній
„Рукой могучей за собой.

Въ первомъ и отчасти еще второмъ ряду послѣ-петровскихъ поколѣній особенно преобладала, до энтузіазма возбужденная воспріимчивость преимущественно къ обаятельнымъ впечатлѣніямъ наружнаго, физическаго типа европейскаго. А въ третьемъ ряду послѣ-петровскихъ поколѣній начинала проявляться уже энтузіастическая воспріимчивость и къ особенно поразительнымъ впечатлѣніямъ интеллектуальнаго европейскаго типа, къ идеямъ западной философіи и науки. И это весьма-естественно. Преобладающая воспріимчивость къ впечатлѣніямъ непосредственно - чувственнымъ, вещественнымъ, такъ-сказать, осязательнымъ и нагляднымъ, вслѣдствіе долговременнаго предварительнаго преобладанія внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ или мышленіемъ, всегда предшествуетъ преобладающей воспріимчивости къ впечатлѣніямъ чисто - умственнымъ, къ впечатлѣніямъ идей и т. п., потому что эта послѣдняя воспріимчивость необходимо предполагаетъ значительно высокую степень предварительнаго развитія чисто - умозрительной воспріимчивости, абстрактнаго мышленія. По этому принципу, въ первобытныя времена, на самой низшей степени умственнаго развитія, на антофобическую нервную чувствительность нашихъ предковъ къ впечатлѣніямъ новымъ, неиспытаннымъ и внезапнымъ особенно раздражительно дѣйствовали почти исключительно непосредственно-предметныя, реальныя впечатлѣнія внѣшняго физическаго и этнологическаго міра, каковы, напримѣръ, внезапныя впечатлѣнія свѣтовыя, звуковыя, электрическія, механическія, термическія или впечатлѣнія наружныхъ физическихъ типовъ, этнологическихъ, народныхъ и т. п. А въ новѣйшія времена, на наиболѣе высшей степени нашего умственнаго развитія, на нервную воспріимчивость и чувствительность нашу преимущественно дѣйствуютъ новыя и неиспытанныя нами прежде впечатлѣнія умственныя и нравственныя, и дѣйствуютъ тѣмъ сильнѣе, тѣмъ впечатлительнѣе, чѣмъ они новѣе и неожиданнѣе для насъ, чѣмъ болѣе они выходятъ изъ обычной колеи нашихъ умственныхъ привычекъ, или чѣмъ болѣе возбуждаютъ въ насъ чувство удивленія, удовольствія и наслажденія, или чувство страданія, страха и отвращенія. Таковы, напримѣръ, въ новѣйшее время, новыя идеи естественной и соціальной философіи, новыя соціологическія доктрины, новыя, поразительныя и необычайныя для нашихъ умовъ творческія произведенія, открытія и изобрѣтенія европейскаго генія, новая, особенно неожиданная агитація или волненіе умовъ, новое, неожиданное и

рѣзко-выдающееся государственное или соціально-гражданское преобразованіе, нововведеніе, учрежденіе и т. п. Вотъ подобные фазисы генеративно-послѣдовательно проходила и сильно-возбужденная въ послѣ-петровскихъ поколѣніяхъ умственная воспріимчивость къ обаятельнымъ впечатлѣніямъ западной жизни, цивилизаціи и науки.

III [1])

Въ первомъ и даже во второмъ ряду послѣ-петровскихъ поколѣній на особенную воспріимчивость русскаго общества къ впечатлѣніямъ новымъ поразительнымъ и обаятельнымъ прежде всего со всею возбудительностью и обаятельностью дѣйствовали совершенно новыя для русскихъ и очаровательно-увлекательныя впечатлѣнія наружныхъ формъ европейской цивилизаціи и общественной жизни, и преимущественно наружныя блестящія качества европейскаго типа.

Но вотъ въ третьемъ ряду послѣ-петровскихъ поколѣній, послѣ привычки къ блестящимъ и очаровательнымъ впечатлѣніямъ наружнаго, физическаго типа, впервые съ особенною силою начали дѣйствовать на нервную систему русскихъ еще болѣе новыя и невѣдомыя для русскихъ умовъ, еще болѣе неожиданно-поразительныя и могущественныя впечатлѣнія интеллектуальнаго европейскаго типа, впечатлѣнія идей разума, философіи, поэзіи и науки.

На ранней зарѣ пробужденія юной русской мысли, когда воспріимчивость къ новымъ и обаятельнымъ впечатлѣніямъ западной цивилизаціи въ передовыхъ поколѣніяхъ усилилась уже до высшей степени напряженности—вдругъ, неожиданно для массы русскаго общества занесена была къ намъ въ университеты германская философія. Преподавалась она тогда въ самомъ обширномъ объемѣ. Иностранные профессора философіи, Якобъ и Шадъ въ харьковскомъ университетѣ, Буле въ московскомъ, Паротъ въ дерптскомъ, Фесслеръ въ с.-петербургской духовной академіи—были главными проводниками у насъ нѣмецкой философіи. Всѣ они были послѣдователями геніальнаго Канта, произведшаго въ то время, по выраженію Шлоссера, «революцію въ философіи», создавшаго, можно сказать, новую философскую науку Kritik der reinen Vernunft, гдѣ глубокомысленно объясняются законы и естественныя границы чистаго разума, и Kritik der practischen Vernunft, гдѣ объясняются законы свободы и высшаго блага человѣка, законы практическаго, дѣятельнаго разума. Въ то же время, съ Запада неотразимо доносились до русскихъ умовъ никогда неиспытываемыя ими прежде, неожиданно-возбудительныя впечатлѣнія великаго философскаго движенія XVIII вѣка. На Западѣ, всѣ привѣтствовали и прославляли тогда XVIII вѣкъ вѣкомъ разума, вѣкомъ философскимъ. Самъ Кантъ говорилъ: «Unser Zeitalter ist das eigentliche Zeitalter der Kritik der reinen Vernunft, der sich alles unterwerfen muss. *Religion* durch ihre *Heiligkeit*, und *Gesetzgebung* durch ihre Majestät, wollen sich gemeinliglich derselben ent-

[1]) См. „Отеч. Зап.“ 1870 г., №№ 3 и 4.

ziehen» ... [1]). Философы, мыслители, натуралисты торжественно, въ академіяхъ наукъ, передъ королями, привѣтствуютъ и величаютъ XVIII вѣкъ вѣкомъ философскимъ, вѣкомъ разума, указываютъ на философію, какъ просвѣтительницу міра, на силу разума, который рано или поздно преодолѣетъ всѣ преграды, воздвигаемыя темнымъ невѣжествомъ, провозглашаютъ, что владычество разума есть самое сильное, самое знаменитое и неподверженное перемѣнамъ. И у насъ, когда шведскій король, Густавъ III, подъ именемъ графа голландскаго, прибылъ въ Петербургъ (1777) и посѣтилъ академію наукъ—директоръ ея Домашневъ произнесъ на французскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь, содержаніемъ которой было (по объявленію тогдашнихъ вѣдомостей) «доказательство философскаго титла, каковымъ вѣкъ нашъ славится». «Эпоха наша—говоритъ Домашневъ—удостоена названія философскою, потому что философскій духъ сталъ духомъ времени, священнымъ началомъ законовъ и нравовъ» [2]). И вотъ, такое многознаменательное и могучее философское движеніе западнаго разума, какъ движеніе совершенно новое, никогда не испытанное русскими умами прежде, необычайно-поразительное для нихъ по одной своей новизнѣ, произвело самое обаятельное, самое возбудительное впечатлѣніе на нервную воспріимчивость молодого поколѣнія первой четверти XIX столѣтія. О философіи заговорили съ восхищеніемъ, съ энтузіазмомъ, какъ профессора, такъ и студенты первыхъ временъ университетовъ. Одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей ея называетъ философію наукою, «имѣющею величайшее вліяніе не только на всѣ прочія науки, но и нравы человѣческіе, и предлагающею начала всеобщія, на которыхъ, какъ на основаніи, утверждается всякое изысканіе истины, и дѣйствія не только лицъ, но и цѣлыхъ народовъ». Профессоръ патологіи и тераніи восторженно говорилъ: «между всѣми науками по справедливости первое мѣсто можно назначить философіи. Она подаетъ свѣтъ разуму, открываетъ истину и самой волѣ предписываетъ законы. Она развиваетъ понятія гражданскаго общества, опредѣляетъ права и обязанности каждаго, производитъ согласіе между цѣлымъ и его членами. Если деспотизмъ не можетъ терпѣть ея, зато доброму правительству свѣтъ ея всегда любезенъ», и т. д. Молодой авторъ-студентъ обращался къ философіи съ экзальтированно-восторженнымъ воззваніемъ: «о философія, божественная наука. Ты имѣешь благодѣтельнѣйшее вліяніе на развитіе дарованій и познаній человѣческихъ; ты учишь познавать причины и дѣйствія вещей, вникать въ сущность ихъ: ты усугубляешь наши удовольствія, притупляешь остріе скорби: одна ты сильна даровать смертныхъ роду истинное счастіе и чистое удовольствіе» [3]). Вслѣдствіе такой живой впечатлительности и воспріимчивости юныхъ русскихъ умовъ къ идеямъ европейской философіи, въ интеллектуальномъ классѣ русскаго общества стали

[1]) Kritik der Reinen Vernunft. Leipzig. 1853, s. 544.

[2]) Истор. рус. литер. Галах. 399.

[3]) Рѣчь професс. Эрдмана на годичн. торжеств. собраніи казанск. универс. 5 іюля 1815 г.: о выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ. Сочиненія студентовъ и вольнослушающихъ въ харьковскомъ университетѣ, читан. въ собраніи словеснаго отдѣленія 30 іюня 1817 года: „О истинномъ счастіи“ и др.

отпечатлѣваться, подъ вліяніемъ живыхъ западныхъ впечатлѣній. оригинальные философскіе типы; послѣ «волтерьянцевъ» появились примѣръ, свои «кантіанцы», «шеллингисты», «гегеліанцы» и т. п. Пр же всего философія Канта до того впечатлительно подѣйствовал нервную систему молодого русскаго поколѣнія, что ажитировала их восторженной экзальтаціи. Въ Россіи появилась, по словамъ Фонъ-Х secta phanatica eorum, qui systema Kantii sequuntur [1]). Туристы наши тешествовавшіе по Германіи, вдругъ слышатъ, въ Кёнигсбергѣ или въ тингенѣ — тогдашнемъ пантеонѣ нѣмецкой учености, неслыханное нихъ, новое философское ученіе Канта—этого и для европейскихъ у обворожительнаго оракула трансцендентальной философіи; вдругъ слы они изъ устъ самого Канта эту неслыханную и невообразимую п для умовъ русскихъ картину идеала-философа и философіи: «Der Phil ist der Gesetzgeber der menschlichen Vernunft. Der Mathematiker, der Natu diger, der Logiker sind... nur Vernunftkünstler... Die Gesetzgebung der men chen Vernunft (Philosophie) hat nun zwei Gegenstände, Natur und Freiheit enthält also sowohl das Naturgesetz, als auch das Sittengesetz... Die I sophie der Natur geht auf Alles, was *da ist;* die Philosophie der Sitten auf das, was da *sein soll*» [2]). Такіе неслыханные прежде и немыслимы русскихъ умовъ, необыкновенно возвышенные идеалы разума, посл мороженныхъ русскихъ философовъ Владиміровъ - Мономаховъ, п Сильвестровъ, Сковородовъ и т. п., естественно, произвели на нервн говую воспріимчивость русской молодежи обворожительно-отуманива впечатлѣніе. И туристы наши съ восторженнымъ энтузіазмомъ, съ жи шею «экзальтированно-возбужденною нервною впечатлительностью къ э новымъ, неслыханнымъ и обаятельно-возвышеннымъ идеямъ критики таго разума, возвращались въ Россію самыми пламенными поклонни Канта. Пушкинъ мѣтко выразилъ это впечатлѣніе, съ какимъ возвр лись изъ Гёттингена наши туристы-кантіанцы, въ слѣдующихъ сти въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ»:

Съ душою прямо Геттингенской,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь и проч.

Не менѣе Канта, приводила въ восторгъ пылкіе русскіе умы и фи софія Шеллинга, особенно его Ideen zur einer Philosophie der Natur. С особенно овладѣвала умами пылкаго юношества и нѣкоторыхъ молоды ученыхъ около 1830 года. Изъ числа натуралистовъ, восторженны поклонниками ея были профессора—Велланскій и Павловъ, изъ чис

[1]) Чистовича, Истор. с.-петерб. дух. акад., стр. 200.
[2]) Kritik der reinen Vernunft, s. 594—595.

товъ — Веневитиновъ. Пылкіе юноши, увлеченные натуръ-философмъ идеализмомъ Шеллинга, никакъ не могли съ нимъ разстаться да «эмпирики» охлаждали этотъ ихъ натуръ-философскій энтузіазмъ, азывая имъ, что все дѣйствительное, реальное, можно познавать «безъ ощи умозрѣнія, единственно опытомъ». Да и сами эмпирики, въ родѣ фессора натуральной исторіи Павлова, до такой степени очарованы ги метафизической философіей природы Шеллинга, что все-таки счии ее вѣнцомъ человѣческихъ знаній. Въ «Атенеѣ» за 1828-й годъ, въ рѣ русскихъ шеллингистовъ и эмпириковъ о взаимномъ отношеніи ній умозрительныхъ и опытныхъ, — пылкій шеллингистъ метафизикъ, мотря на всю несостоятельность умозрительныхъ познаній безъ опытхъ, ясно раскрытую и доказанную ему эмпирикомъ, все-таки никакъ хотѣлъ разстаться съ умозрительной философіей и спрашивалъ: «если дѣйствительное можно узнать безъ помощи умозрѣнія, то что же остася для философіи? Какіе вопросы должна рѣшать сія высшая наука?» эмпирикъ-шеллингистъ вполнѣ успокоивалъ шеллингиста-метафизика нымъ признаніемъ, въ концѣ концовъ, верховнаго значенія натуръ-фиофскаго идеализма Шеллинга. «Касательно всѣхъ предметовъ нашего нанія, — говоритъ онъ,'— могутъ быть только два рода вопросовъ: каы они дѣйствительно, и какъ могли быть? Первые разрѣшаются поцію опытности, вторые помощію умозрѣнія. Здѣсь-то, при мысли о возкности дѣйствительнаго, начинается философія. Wie eine Welt ausser . wie eine Natur und mit ihr Erfahrung möglich seye? Die Frage verdanwir der Philosophie, oder viel mehr mit dieser Frage entstand Philosophie en zur einer philosophie der Natur, von Schelling. 1803),—вотъ подлинı слова современнаго философа, коего именемъ гордится ученая Герія. И какія задачи могутъ принадлежать высшей наукѣ, какъ не восы о возможности дѣйствительнаго. Познаніе природы въ дѣйствительти есть познаніе начальное, въ возможности окончательное». Шеллинтъ-метафизикъ съ восторгомъ ухватился за этотъ выводъ, и съ полмъ успокоеніемъ ума повторилъ: «и такъ къ философіи относятся вооы о возможности дѣйствительнаго». «Да,—отвѣчалъ утвердительно эмрикъ-шеллингистъ, — и сіи-то вопросы суть высшіе, послѣдніе: наприръ, описать три царства природы со всею точностію значитъ довести туральную исторію до совершенства, но симъ изслѣдованіе не окончится. Остается еще вопросъ: какъ могли быть три царства природы, и этомъ въ такомъ точно видѣ, почему ихъ ни больше, ни меньше? По шеніи сего вопроса умозрительною философіею, не остается уже ничего, емъ бы нужно было спрашивать еще» и проч. [1]).

Все это первоначальное энтузіастическое увлеченіе чисто-умозрительми идеями германской философіи замѣчательно въ психолого-интеллекльномъ развитіи русскаго общества, какъ первый признакъ возбуѣнія въ русскихъ умахъ воспріимчивости къ чисто-умственнымъ впечат-

[1]) „Атеней" 1828 г. №№ 1 и 2: статья Павлова: Разговоръ о умозрительныхъ и ирическихъ познаніяхъ.

леніямъ Запада, къ отвлеченно-созерцательнымъ идеямъ разума, философіи, и какъ первый признакъ пробужденія и проявленія собственно умозрительныхъ способностей послѣ-петровскихъ поколѣній, послѣ вѣкового преобладанія до Петра-Великаго и господства надъ разумомъ способностей сенсуалистическихъ. «Съ теченіемъ времени,—говоритъ Джонъ Гершель,—когда появляются науки и начинаютъ очаровывать своей новизной,—онѣ возникаютъ и становятся въ началѣ *чистымъ умозрѣніемъ*. Умъ старается избавиться отъ цѣпей, которыми онъ прикованъ къ землѣ, и отдается прелести, которую обрѣтаетъ въ сознаніи открытой въ себѣ мощи и силы. Потому-то на первыхъ порахъ возвышенныя, созерцательныя отвлеченія—все темное, отдаленное, заоблачное становится первымъ предметомъ пробуждающейся мысли» [1]). И философія въ воспитаніи мысли, въ это время ея юности,—это дѣйствительно первая, по выраженію Клода Бернара, gymnastique excellente de l'esprit. Такое же значеніе она имѣла и для умовъ русскихъ. Она служила предуготовительнымъ введеніемъ русской мысли въ область западной науки. Даже еще въ 30-хъ годахъ, и для такихъ талантливыхъ и живо-воспріимчивыхъ умовъ, какъ умъ Грановскаго, философія была первымъ импульсомъ яснаго пониманія области науки и глубокой вѣры въ ея стремленія. Подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній философіи Гегеля, Грановскій писалъ одному изъ своихъ друзей: «я когда-то сомнѣвался въ наукѣ, какъ ты теперь: имѣлъ ли я на это право? разумѣется, нѣтъ: хорошо видѣть недовѣрчивость человѣка, обнявшаго цѣлый міръ науки, овладѣвшаго ею вполнѣ. Я ошибся- хорошаго и тутъ ничего нѣтъ: но этотъ человѣкъ можетъ не довѣрять и отрицать; онъ знаетъ, онъ судитъ о дорогѣ, пройденной имъ. А мы? мы стоимъ у самаго начала этой дороги, насъ пугаютъ ея трудности, а мы преспокойно говоримъ: какая это дорога? Да она чортъ знаетъ куда заведетъ, лучше не ходить, а то непремѣнно заблудишься. Понятія наши о жизни дѣйствительной едва-ли умнѣе. Мы недалеко ушли въ наукѣ, но въ жизни еще менѣе подвинулись. Что тебѣ кажется хаосомъ въ теперешнемъ твоемъ положеніи, можетъ быть очень стройно и хорошо, да ты не потрудился посмотрѣть вблизи, міръ Божій хорошъ и разуменъ, только на него надо смотрѣть разумными очами. А у насъ часто преглупые очи. Хаосъ въ насъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашихъ понятіяхъ,—а мы приписываемъ его міру. Точно какъ человѣку въ зеленыхъ очкахъ все кажется зеленымъ, хотя этотъ цвѣтъ у него на носу только. Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an,—говоритъ Гегель» [2]). Точно также и Бѣлинскій, хотя не зналъ основательно философіи Гегеля, но вмѣстѣ съ другими отдалъ ей дань увлеченія и нѣкоторое время импульсировался идеями ея въ разумной критикѣ, окружавшей русскую мысль и жизнь дѣйствительности [3]). Вообще, фазисъ философскаго, метафизико-идеалистическаго міросозерцанія, по законамъ человѣческаго ума, представляетъ неизбѣжную переходную

[1]) Философія естествознанія, стр. 69.
[2]) Т. Н. Грановскій. Біограф. оч. А. Станкевича, М. 1869.
[3]) Воспоминанія о Бѣлинскомъ Тургенева. „Вѣстн. Европы", 1869 г.

ступень въ умственной исторіи, пережитую, потому, и передовыми европейскими умами. «Человѣкъ,—говоритъ Клодъ-Бернаръ, — естественно-метафизикъ (l'homme est naturellement métaphysicien): онъ думаетъ, что идеальныя созданія его духа, соотвѣтствующія его чувствамъ, представляютъ также и реальность. Отсюда слѣдуетъ, что экспериментальный методъ не есть примитивный и естественный человѣку (la méthode expérimentale n'est point primitive et naturelle à l'homme), и что онъ не прежде доходитъ до него, какъ послѣ долговременныхъ заблужденій въ изысканіяхъ теологическихъ и схоластическихъ, убѣдившись, наконецъ, въ безплодности своихъ усилій съ этой точки зрѣнія... Духъ человѣческій, въ различные періоды его развитія, послѣдовательно проходитъ фазисъ чувства, разсудка и опыта. Сначала чувство, всецѣло господствуя надъ разумомъ или разсудкомъ, создаетъ истины вѣры, т.-е. теологію. Потомъ разсудокъ или философія, унаслѣдовавши полное господство, порождаетъ схоластику. Наконецъ, опытъ, т.-е. изученіе естественныхъ явленій, показываетъ человѣку, что истины внѣшняго міра не находятся формулированными первоначально ни въ чувствѣ, ни въ разумѣ. Это суть только необходимые наши руководители; но для того, чтобы познать эти истины, необходимо должно углубляться въ объективную реальность вещей, гдѣ онѣ находятся скрытыми подъ ихъ феноменальной формой» [1]).

Но міръ идеализма и на Западѣ былъ разнообразенъ и обширенъ, особенно до возвѣщенія «позитивной философіи» Конта. Коль скоро умы русскіе, силою своего естественно-психологическаго тяготѣнія, втянуты были въ этотъ міръ, онъ не могъ не обаять ихъ всѣмъ разнообразіемъ и всею роскошью своихъ идей. И они, возрождаясь въ умы европейскіе, воспринимая всю умственную жизнь европейскаго человѣка, естественно должны были хотя недолго, но интенсивно пережить всѣ фазисы западнаго идеализма, пройти всѣ его ступени и формы. Отъ идеализма нѣмецкой философіи близокъ былъ переходъ къ идеализму европейской романтической поэзіи. Увлеченіе нѣмецкой натуръ-философіей повело русскихъ къ знакомству съ нѣмецкими эстетиками и критиками шеллинговой школы. А послѣдніе приготовили переходъ къ нѣмецкимъ поэтамъ, особенно къ Гёте и Шиллеру, чрезъ которыхъ далѣе перешли къ англійской литературѣ, и особенно къ Шекспиру и Байрону. Такимъ образомъ скоро вся область такъ-называемой романтической поэзіи была съ одушевленіемъ усвоена новымъ русскимъ поколѣніемъ. Чтò сначала, особенно во время процвѣтанія Жуковскаго, было доступно только нѣкоторымъ, во время Веневитинова, поэта-шеллингиста, сдѣлалось предметомъ всеобщаго увлеченія для всѣхъ, имѣвшихъ притязаніе на образованность. И могла ли юная русская литература не пережить фазисъ западно-европейскаго романтизма, когда она родилась отъ литературъ западныхъ, въ вѣка господства на Западѣ псевдоклассицизма, когда она всецѣло дышала и жила оживляющимъ духомъ литературъ западныхъ, воспитывалась ихъ идеями. Если же русская литература, зачавшись въ вѣкъ господства на Западѣ псевдоклассицизма и всецѣло

---

[1]) Claude Bernard: „Introduct. à l'étude de la médecine expérimentale". p. 48, 50.

воспитываясь подъ вліяніемъ французской литературы, подражая Расинамъ и Мольерамъ, произвела тогда своихъ «сѣверныхъ Расиновъ и Омировъ»,—то она естественно, вмѣстѣ съ западными литературами, должна была пережить и послѣдовавшую затѣмъ борьбу романтизма съ классицизмомъ, воздать дань торжеству романтизма и, подражая Европѣ, породить своихъ «сѣверныхъ Байроновъ». Такъ должно было быть по самому характеру русской литературы. Въ этомъ отношеніи, есть значительная доля правды въ характеристикѣ русской литературы, высказанной Кенигомъ въ 1837 году: «русская литература — говоритъ онъ—имѣетъ вполнѣ *эклектическій* характеръ, отличающій ее отъ всѣхъ прочихъ литературъ. Будучи еще очень юною и въ области своей поэзіи болѣе образуя языкъ, чѣмъ дѣйствуя творчески, и только въ лирическомъ родѣ болѣе самостоятельная,—она однакожъ постепенно усвоиваетъ себѣ всѣ иностранныя литературы, извлекая изъ всѣхъ ихъ свои выгоды: изъ итальянской—благозвучіе и южную объективность, изъ англійской—практическій духъ и сочувствіе природѣ, отъ французовъ заимствуя ясность ума, роскошь и сатирическую наблюдательность, и наконецъ отъ нѣмцевъ—глубину чувства и творческой фантазіи... И этотъ эклектизмъ въ образованіи и литературѣ русской не составляетъ чего-нибудь случайнаго, внѣшняго, такъ-сказать прилипшаго, но проникаетъ въ самыя свойства народа, въ самый его характеръ. Каждый чуждый элементъ, проникая сюда, находитъ свободно родственный ему ростокъ, соединяется съ нимъ и проникается имъ. Каждое извнѣ пришедшее направленіе служитъ здѣсь какъ бы животворнымъ дыханіемъ, пробуждающимъ соотвѣтственное ему развитіе. Такъ чудесный, сказочный рыцарскій міръ, нѣмецкій мистицизмъ, французская общественность съ ея пышностью и насмѣшливостью, духъ промышленности англійской и многое другое нашло въ русской національности свое отечество и преобразовалось въ русскую собственность, для русской особенности»[1]. Вслѣдствіе такого эклектизма, или, лучше сказать, вслѣдствіе естественно присущей русскому народу особенной воспріимчивости ко всякимъ совершенно-новымъ, сильнымъ и поразительнымъ впечатлѣніямъ,—естественно, и впечатлѣнія западнаго романтизма и байронизма, какъ впечатлѣнія совершенно новыя и сильно затрогивающія самыя живыя струны человѣческихъ чувствъ, глубоко плѣняли и очаровывали русскіе умы, возбужденные живою воспріимчивостью ко всему новому и поразительному въ умственномъ мірѣ Запада. И когда началась на Западѣ энергическая борьба романтизма съ псевдоклассицизмомъ,—она произвела соотвѣтственное, подражательное возбужденіе и въ русской литературѣ. «Когда на поляхъ Франціи, Германіи и Англіи — возвѣщалъ «Московскій Телеграфъ» въ 1832 году — кипѣла въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ литературная брань классиковъ и романтиковъ, тогда и въ наши литературныя пустыни забѣгали собственно только летучіе отряды романтиковъ и классиковъ. И у насъ романтизмъ воспламенилъ мужество горящей во льдахъ поэзіи Сѣвера». И послѣ «сѣверныхъ Расиновъ и Омировъ россійскаго Парнасса», явились свои Байроны. Подъ

[1] Literärische Bilder aus Russland. 1837.

живымъ впечатлѣніемъ романтической поэзіи Запада, «Московскій Телеграфъ» вдохновенно, съ энтузіастическимъ идеализмомъ изобразилъ историческое развитіе псевдоклассицизма и романтизма на Западѣ, постепенное паденіе перваго со времени французской революціи, зачатки самобытной, романтической поэзіи у разныхъ западныхъ націй, сліяніе романтизма съ идеями, возвѣщенными революціей, а классицизма съ ретроградной системой католицизма и старой монархіи или деспотизма, наконецъ побѣду романтизма надъ классицизмомъ, и воздѣйствіе его на русскую поэзію, выразившееся, между прочимъ, и въ поэзіи Пушкина [1]). Еще нѣсколько ранѣе, именно въ 1828 году, «Атеней» возвѣщалъ: «Вѣра въ непогрѣшительность романтизма обнаруживается въ наше время со всею силою партій, и рѣшительно осуждаетъ на невѣжество каждаго, кто осмѣлился бы возвысить голосъ свой не въ ладъ съ общею хвалебною гармоніей какому-нибудь романтическому кумиру» [2]). Воспитаніе русской мысли подъ вліяніемъ впечатлѣній западнаго романтизма замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно впервые развивало въ русскихъ умахъ способность жить общею жизнью чувствъ, страданій и вѣрованій передовыхъ западныхъ умовъ, способность симпатизировать, сочувствовать всѣмъ затаеннымъ идеаламъ и стремленіямъ, всѣмъ разочарованіямъ и ожиданіямъ передовыхъ западныхъ націй, волноваться ихъ душевными движеніями, ихъ идеями и чувствами. При отсутствіи собственныхъ, домашнихъ, національно-отечественныхъ источниковъ для вѣры въ новый лучшій порядокъ вещей, для надеждъ и ожиданій «нововведеній» и т. д.,—лучшіе русскіе умы по крайней мѣрѣ оживлялись и возбуждались вѣрой и надеждой Байроновъ, вѣрой и надеждой западныхъ народовъ, порывались пережить и перечувствовать всѣ ихъ душевныя волненія и тревоги, разочарованія и ожиданія, идеалы и стремленія, концентрированно выражавшіеся въ поэзіи романтизма. Въ Атенеѣ же, за 1828-й годъ, въ статьѣ «О направленіи поэзіи въ наше время», хотя осторожно, боязливо, но довольно ясно изображено это невольное воспринятіе передовой русской мыслью того всеобщаго настроенія духа, какое выражалось на Западѣ въ романтизмѣ, въ байронизмѣ, и это робкое сочувственное вѣрованіе въ непонятные порывы западнаго «ума мятежнаго и упрямаго», мучившагося непреодолимой «наклонностью къ нововведеніямъ». Представляя русскіе умы сопричастниками романтическихъ порывовъ западнаго разума, Атеней такимъ образомъ изображалъ направленіе европейской поэзіи въ 20-хъ годахъ: «Напрасно нѣкоторые силились возстановить достоинство идеаловъ древней поэзіи: вѣкъ ихъ, кажется, минулъ невозвратно. Мы требуемъ теперь человѣка дѣйствительнаго, съ его слабостями, страстями, заблужденіями, странностями. Мы начали отыскивать забытыя, кинутыя преданія, памятники народнаго невѣжества и легковѣрія, событія временъ нестройной гражданственности или вымышленныя причудливымъ младенчествовавшимъ воображеніемъ. Разсчетомъ вѣка охлажденные, не позволяя себѣ необдуманныхъ порывовъ души, мы зато съ большимъ жаромъ стали

[1]) „Московскій Телеграфъ", 1832 № 1, стр. 85—104.
[2]) „Атеней" 1828, № 4, стр. 76.

собирать, какъ нѣкое сокровище, не ясныя, но живыя, свободныя чувствованія простой старины, звучащія еще въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ. Чудесное, рычагъ древней эпопеи, въ новой вовсе не существуетъ... Нынѣ въ поэзіи присвоено обширное значеніе понятію народности. Въ этомъ общемъ направленіи прекраснаго искусства не мало имѣло участіе, безъ сомнѣнія, и то, что произведенія поэзіи, такъ названной романтической, основою своею дѣйствительно принадлежатъ народу и наиболѣе понятны ему.—Федру Расинову поймутъ немногіе, Руслана читаютъ всѣ. При сужденіи о первой требуется много тонкихъ, предварительныхъ соображеній, и слѣдовательно она можетъ нравиться тогда только, когда и изъ самаго удовольствія дѣлаютъ трудную науку. Мы же теперь имѣемъ занятій столько разнообразныхъ, чисто прозаическихъ, направленіе вѣка такъ матеріально, что еслибы еще и искусство умѣть наслаждаться требовало труда, то, и безъ того потерявшее много своей значительности, оно совершенно было бы кинуто въ наше полезное время. Уже Виландъ жаловался на охлажденіе къ изящному... Что хотѣли выразить греки въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ? Въ Прометеѣ ненависть къ несправедливости и угнетенію; въ Филоктетѣ—стремленіе ко всему справедливому и благородному; въ Гекубѣ — любовь къ независимости; въ персахъ — любовь къ отечеству, въ Аяксѣ—покорность богамъ; въ Антигонѣ, въ финикіянахъ, въ Эдипѣ колонейскомъ — благоговѣніе къ гробницамъ; въ Орестѣ и Электрѣ — братскую любовь, въ Альцестѣ, Андромахѣ — любовь супружескую, въ неистовомъ Геркулесѣ и въ Ифигеніи—дружбу. Что хотѣли сказать мы въ нашихъ произведеніяхъ поэзіи? Выросшая въ вѣкѣ гибельныхъ переворотовъ, поэзія нашего времени отсвѣчиваетъ всѣми красками, пятнавшими дѣйствительную жизнь человѣка въ семъ періодѣ. *Умъ мятежный и упрямый* перенесъ теперь въ беззащитную область поэзіи ту *наклонность къ нововведеніямъ*, которую съ такими пожертвованіями и трудомъ обуздали на политическомъ поприщѣ Европы. За неимѣніемъ дѣйствительнѣйшаго, онъ тутъ теперь своенравно осуществляетъ мечты и грезы свои, порожденныя въ вѣкѣ, видѣвшемъ во всемъ крайности. Въ этой же современной наклонности къ нововведеніямъ таится причина и той *ничѣмъ неуспокоиваемой мечтательности*, которая, проглянувъ въ Вертерѣ, развернулась въ Рене, созрѣла въ поэзіи Байрона, и примѣтна теперь болѣе или менѣе въ большей части лирическихъ стихотвореній. А какъ сущность или содержаніе сихъ мечтаній такъ рѣзко противорѣчитъ всему дѣйствительному, то поэты или должны думать, чувствовать и писать одно, а дѣлать другое, или, желая согласить мысль съ волею, принести мечтамъ на жертву жизнь дѣйствительную со всѣми ея приманками выгодъ и суетности. Теперь можно затрудниться, искавши какого-нибудь изъ лирическихъ стихотвореній, гдѣ бы *я* не было осью, на коей утверждено движеніе прочихъ чувствованій. Я рѣшился бы сказать, что современная лирическая поэзія этимъ ближе къ сущности своей, нежели древняя, еслибы въ нашихъ поэтахъ столько же было искренности, сколько охоты говорить о себѣ. Жаловаться ли, однакожъ, на такое направленіе поэзіи? *Плодъ времени, онъ дозрѣетъ въ свою пору*, независимо *отъ нашихъ желаній ускорить или замедлить зрѣлость.*

ркое и грубое потускнетъ, утончится со временемъ, опыты усовершенствуются. Направленіе трудно измѣняется: все прочее улаживается по естественному ходу, само собою» [1]).

Но и это энтузіастическое увлеченіе западнымъ романтизмомъ, такъ се, какъ и классицизмомъ, какъ увлеченіе страстное и идеалистическое, ыло скоропреходяще. Уже въ томъ же журналѣ «Атенеѣ» предсказывается пизкій конецъ и нашимъ Байронамъ такъ же, какъ прошло время «сѣерныхъ Расиновъ и Омировъ». Рецензентъ М. Н. писалъ въ 1828 году: Давно ли Новиковъ писалъ о Сумароковѣ: хотя первый онъ изъ россіянъ ачалъ писать трагедіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства, но голько успѣлъ въ оныхъ, что заслужилъ названіе сѣвернаго Расина; его ритчи почитаются сокровищемъ россійскаго Парнасса, и въ семъ родѣ тихотворенія далеко превосходилъ онъ Федра и де-ла Фонтена, славнѣйихъ въ своемъ родѣ. А нынѣ, по словамъ сочинителя статьи о русской итературѣ, напечатанной въ этнографическомъ атласѣ Бальби, которыхъ е отвергаетъ и издатель «Московскаго Телеграфа»: le plus grand mérite le Soumarokoff c'est d'avoir essayé presque tous les genres et d'avoir ainsi plani les premières difficultés à ceux qui l'ont suivi dans la carrière poëtique» р. 335). Давно ли написаны стихи: «Пускай отъ зависти сердца въ зоилахъ оютъ! Хераскову они вреда не нанесутъ: Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его окроютъ, и въ храмъ безсмертья проведутъ». Увы! Не прошло 15-ти лѣтъ ослѣ его смерти, и г. Гречъ въ Исторіи россійской литературы произнесъ оковой приговоръ: «неумолимое потомство, отдавая справедливость трудоюбію, познаніямъ, вкусу Хераскова, не рѣшится дать ему опредѣленное имя поэта». Впрочемъ, и въ этихъ словахъ Греча еще видны слѣды предубѣжденія въ пользу Хераскова: ибо что сказать о вкусѣ творца Бахаріаны и о *познаніяхъ* писателя, который полагалъ, что Гершель изобрѣлъ отмѣнной величины зрительныя стекла и т. п. *Вотъ участь нашихъ Расиновъ, нашихъ Омировъ! Кто можетъ предсказать, чего должны ожидать наши Байроны, наши Шекспиры, наши Фирдоуси?»* [2]). Недовольство русскими классиками и романтиками, или «сѣверными Расинами и Байронами» проистекало тоже подъ вліяніемъ скептицизма западнаго, вслѣдствіе все болѣе и болѣе возбуждавшейся въ передовыхъ умахъ потребности серьёзнаго, положительнаго знанія и дѣла, или вслѣдствіе инстинктивныхъ порывовъ передовыхъ умовъ къ воспринятію идей западнаго реализма. «Наши Байроны—жаловался «Атеней» въ томъ же 1828 г.—пишутъ такъ, что ни имъ, ни читателямъ не нужно никакихъ познаній... И многорѣчивый Карамзинъ хорошъ былъ для XVIII стол.; но XIX вѣкъ, ознаменованный изобрѣтеніемъ паровыхъ машинъ и трансцендентальнаго идеализма, требуетъ пищи посущественнѣе: его не убаюкаешь красивымъ подборомъ словъ: нѣтъ! намъ подавай побольше дѣла!» [3]).

И умственный міръ Запада открывалъ русскимъ неисчерпаемые ис-

---

[1]) „Атеней", 1828, № 1, стр. 16—26.
[2]) „Атеней", 1827, № 17, стр. 64.
[3]) Ibid. № 1, стр. 87, 89.

сточники и знаній, и дѣла. Лишь только начали умы русскіе ощущать вкусъ къ наслажденіямъ умственнымъ, созерцательнымъ, и стали воспринимать идеи разума, наукъ,—наиболѣе воспріимчивые изъ нихъ, вдоволь насладившись напередъ чувственно-эстетическими европейскими удовольствіями, тотчасъ же, при первомъ воздѣйствіи европейскаго естествоиспытательнаго разума, всего глубже затрогиваемы и возбуждаемы были идеями западнаго естествознанія. Лишь только начали дѣйствовать на умы русскихъ идеи европейской естественно-научной литературы, какъ идеи для нихъ совершенно новыя и неожиданно-поразительныя,—онѣ тотчасъ же стали производить на нихъ самое глубокое, умственно-возбудительное впечатлѣніе. Уже во второй половинѣ прошлаго столѣтія Болотову, напримѣръ, когда онъ былъ въ Пруссіи, послѣ страстнаго, энтузіастическаго увлеченія его чтеніемъ европейскихъ романовъ, танцами, музыкой, маскарадами, театрами и общественными, увеселительными садами,—вдругъ неожиданно попали двѣ нѣмецкія книги о природѣ, и эти книги произвели такое глубокое впечатлѣніе на его умъ, что совершили переворотъ во всей его умственной жизни, во всемъ его міросозерцаніи, и возбудили въ немъ живѣйшую, энтузіастическую воспріимчивость и жажду къ идеямъ естествознанія. «Нечаянно попались мнѣ—пишетъ онъ самъ—двѣ маленькія книжки господина Зульцера, которыя писалъ этотъ славный нѣмецкій авторъ о красотѣ натуры. Матерія, содержащаяся въ нихъ, была для меня совсѣмъ новая, но такъ полюбилась, что я совершенно плѣнился ею. Словомъ, обѣ сіи маленькія книжки произвели во мнѣ такое дѣйствіе, которое простиралось на всѣ почти дни жизни моей, и были основаніемъ превеликой перемѣны, сдѣлавшейся потомъ во всѣхъ моихъ чувствованіяхъ. Онѣ-то первыя начали меня спознакомливать съ чуднымъ устроеніемъ всего свѣта и со всѣми красотами природы, доставлявшими мнѣ потомъ столько пріятныхъ минутъ жизни, и служившими поводами къ тѣмъ безчисленнымъ, непорочнымъ увеселеніямъ, которыя потомъ знатную часть моего благополучія составляли. Не успѣлъ я ихъ прочесть, какъ не только глаза мои, власно, какъ растворились, и я началъ на всю натуру смотрѣть совсѣмъ иными глазами, и находить тамъ тысячи пріятностей, гдѣ до того ни малѣйшихъ не примѣчалъ: но возгорѣлось во мнѣ пламенное желаніе читать множайшія книги такого же сорта, и узнавать отчасу далѣе все устроеніе свѣта. Словомъ, книжки эти были, власно, какъ фителемъ, воспалившимъ гнѣздившуюся въ сердцѣ моемъ, и до того самому мнѣ неизвѣстную охоту ко всѣмъ физическимъ и другимъ, такъ-называемымъ, естественнымъ наукамъ. Съ того времени почти оставлены были мною всѣ романы съ покоемъ, и я сталъ уже всѣми мѣрами изыскивать и, не жалѣя нимало денегъ, покупать и доставать отовсюду такія, совсѣмъ новыя для меня книги по части естественныхъ наукъ» [1]). И чѣмъ глубже русскіе умы проникали въ умственный міръ Запада, тѣмъ болѣе знакомились тамъ съ этою новою, богатѣйшею и удивительнѣйшею для нихъ областью идей, именно съ областью естествознанія. Умственный свѣтъ такихъ свѣ-

[1]) Записки А. Т. Болотова, ч. 6, стр. 50.

ил естествознанія, какъ Лапласъ, Лавуазье, Жюссье, Дэви, Фарадей, эрцелліусъ, Гумбольдтъ и множество другихъ, производилъ несравненно лѣе возбудительное, плодотворное и просвѣтительное вліяніе на умы, эмъ туманный идеализмъ кантовой или гегелевой метафизики. И вотъ и сскіе умы возбуждались на Западѣ не однѣми идеями метафизической илософіи, но и положительными, реальными идеями естествознанія, идеями ilosophiae naturalis въ томъ смыслѣ, какъ понимали ее Бэконъ, Ньютонъ ихъ послѣдователи. Въ то время, какъ одни наши туристы выѣзжали ъ Германіи восторженными поклонниками Канта или Шеллинга,—другіе, преимуществу, съ живѣйшею воспріимчивостью и любознательностью ушали на Западѣ лекціи по естественнымъ наукамъ, и въ то же время особеннымъ увлеченіемъ воспринимали тамъ разнообразныя умственно-разовательныя впечатлѣнія натуральныхъ кабинетовъ, естественно-научыхъ лабораторій, ботаническихъ садовъ и проч., и такимъ образомъ возэащались въ Россію съ своими, тоже восторженными, но реальными идеалами и образцами». При обзорѣ естественно-научныхъ заведеній на ападѣ, молодыхъ русскихъ путешественниковъ-натуралистовъ поражали же не «курьёзы и раритеты», какими поражались первыя послѣпетровкія поколѣнія, а единственно или тѣ раціональныя идеи, которыя лежали ь основаніи этихъ заведеній, или такіе образцовые учрежденія и обычаи ь области естествознанія, которые заслуживали подражанія. «Особливо онравилось мнѣ—писалъ, напримѣръ, Двигубскій изъ Парижа—собраніе инералловъ французскихъ: въ огромной залѣ, опредѣленной единственно ля произведеній собственныхъ Франціи, можно однимъ взглядомъ обоpѣть все то, что во Франціи достаютъ изъ нѣдръ земныхъ. Вся зала разѣлена по числу департаментовъ, и въ каждомъ отдѣленіи лежатъ всѣ эмли, камни и руды одного извѣстнаго департамента, въ другомъ отдѣеніи произведенія другого и т. д. Подобныхъ заведеній немного сыщется въ Европѣ. Въ ганноверскихъ владѣніяхъ я замѣтилъ садъ, въ оторомъ разводятъ одни только растенія своей земли. Въ кассельской академіи 11 профессоровъ преподавали натуральную исторію: каинетъ ея выстроенъ среди ботаническаго сада, и расположенъ систематически... Во Франціи въ ботаническомъ саду есть особенное отдѣленіе, предѣленное для разведенія растеній какъ природныхъ, такъ и иностранныхъ, полезныхъ для Франціи, и которыхъ сѣмена каждаго года разсыаются во всѣ департаменты безденежно. По представленію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, Шапталя, отведено въ предмѣстіи парижскомъ обширное мѣсто, гдѣ сѣютъ сосны, ели, кедры, дубы и другія нужныя эревья, которыя послѣ развозятъ для разсадки въ разные департаменты, мотря по приличной почвѣ земли» и т. п. [1]). Другихъ молодыхъ русскихъ атуралистовъ особенно поражали на Западѣ образцовые, экспериментальные пособы для преподаванія естественныхъ наукъ, какихъ въ Россіи еще эвсе не было. Такъ, напримѣръ, на Мудрова, профессора медицины въ осковскомъ университетѣ, производили поразительное впечатлѣніе евро-

[1]) Исторія московск. университ., стр. 346-347.

пейскія клиники, лабораторіи, и вообще всѣ учрежденія, существенно необходимыя для успѣховъ экспериментальной медицины. Послѣ печальной картины недостатковъ преподаванія медицинскихъ наукъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ профессора, по словамъ Мудрова, «учили словами и и мѣломъ дѣлать хирургическія операціи, не показывая строенія оперируемой части на кадаверѣ, или вовсе не впускали студентовъ въ анатомію, отъ чего студенты анатоміи вовсе не знали, или знали ее только по бумушкамъ, а не по тѣлу человѣческому» и т. д.,—послѣ такой невзрачной картины преподаванія медицинскихъ наукъ въ московскомъ университетѣ вдругъ Мудровъ увидѣлъ въ Парижѣ, Берлинѣ и Гёттингенѣ образцовые анатомическіе театры и кабинеты, госпитали и клиники, examinatoria, операціонныя залы, лабораторіи и т. д., и вдругъ услышалъ образцовое, экспериментально-практическое преподаваніе медицинскихъ наукъ на лекціяхъ Осіандеровъ, Зибольдовъ, Порталей, DuBois, Boyer, Pelletan, Baudelocque, Culleries и другихъ. И вотъ онъ съ живымъ увлеченіемъ и даже энтузіазмомъ сталъ изучать въ Парижѣ, Гёттингенѣ и Берлинѣ экспериментальные методы и способы преподаванія медицинскихъ наукъ, лабораторіи, клиники, госпитали и проч., и, подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній, начерталъ въ 1805 году свой замѣчательный «чертежъ практическихъ врачебныхъ наукъ, снятый съ главныхъ училищъ Германіи и Франціи», который самъ онъ назвалъ «идеальнымъ». Пораженный экспериментально-научною цѣлесообразностью французскихъ и германскихъ клиникъ, госпиталей и разныхъ учрежденій при нихъ, онъ съ живымъ увлеченіемъ описывалъ въ нихъ все до подробности, особенно то, что наиболѣе приспособлено было къ успѣшнѣйшему развитію и преподаванію медицинскихъ наукъ. Говоря, напримѣръ, объ examinatorium при госпиталяхъ, онъ восклицаетъ: «здѣсь-то концентрація анатоміи, патологіи и терапіи! Morgagni, Buillie, Portal суть тому безсмертные примѣры. И что можетъ быть поучительнѣе сего! Или, говоря о Consultatorium, восклицалъ: «изъ нихъ-то составляютъ клиническую палату для усовершенствованія учащихся. Вотъ прекрасный способъ для учащихся видѣть разныя болѣзни, способъ столько же полезный для бѣдныхъ». Съ восхищеніемъ описываетъ онъ повивальный институтъ и акушерское искусство Мурзинны, Озіандера, Вальтера, Зибольда и др., дѣлая такія, напримѣръ, замѣчанія: «патологическіе препараты Вальтера и Озіандера въ пользу акушерской науки суть говорящіе учители!» и т. п. Изъ всѣхъ этихъ образцовыхъ медицинскихъ училищъ и заведеній Франціи и Германіи, Мудровъ вынесъ самое твердое и живое убѣжденіе въ необходимости строгаго и полнѣйшаго приложенія въ области медицинскихъ наукъ экспериментальнаго метода. Въ своемъ «чертежѣ практическихъ врачебныхъ наукъ, снятомъ съ главныхъ училищъ Франціи и Германіи», онъ съ воодушевленіемъ писалъ, энергически протестуя противъ всякаго идеалистическаго умозрѣнія въ области медицины: «Ослѣпившись блескомъ высокопарныхъ умствованій, рожденныхъ въ нѣдрѣ идеальной философіи молодые врачи ищутъ нынѣ причинъ болѣзней въ строеніи вселенной, и не хотя сойти съ эмпирейскихъ высотъ безвещественнаго міра, не видятъ того, что подъ ихъ глазами и что подвержено прямому здравому смыслу.

Такъ и въ паталогіи, вмѣсто того, чтобъ изъ поврежденнаго строенія объяснить болѣзнь, что не совсѣмъ легко, намъ кажется удобнѣе искать умственныхъ причинъ, отвлеченныхъ отъ матеріи и формы. Но, какъ матерія и форма человѣческаго тѣла суть причастны вещественнымъ впечатлѣніямъ стихій, суть подвержены перемѣнамъ, и чрезъ оныя сообщаютъ намъ знаки и явленія тамъ болію, здѣсь измѣненіемъ цвѣта и фигуры, индѣ вялостію органовъ и проч., то кажется ближе искать въ нихъ же самихъ и ближайшей причины, выключая происходящихъ отъ душевныхъ насилій и отъ всеобщаго болѣзненнаго дѣйствія. Ближайшая причина болѣзни безспорно есть самая болѣзнь, говоритъ Гаубій. Узнавъ оную и мѣсто оной (ежели она только не скрывается въ элементарныхъ частицахъ и декомпозиціи, сокровенной отъ остроты глазъ), мы будемъ дѣйствовать на нее ближайшимъ путемъ, сообразуясь животной архитектурѣ столько, сколько ее знаемъ по анатоміи. Въ сей храмъ натуры ведетъ насъ анатомія врачебная. Не мучь ни себя, ни больного,—говоритъ она,—изысканіемъ первоначальныхъ причинъ. Научись прежде употреблять твои чувства. Осяжи и виждь... Поучаемъ будучи ежегодными перемѣнами модныхъ теорій, я не вижу другой дороги добиться истины, кромѣ строгаго изслѣдованія болѣзненныхъ произведеній. Между выгодами, кои намъ обѣщаетъ сіе ученіе, по справедливости можно считать поправленіе теорій. Онѣ вскружили всѣмъ голову. Ибо гораздо легче умничать, чѣмъ работать надъ данными, и несравненно пріятнѣе ткать блистательныя умозаключенія, чѣмъ признаваться въ незнаніи... Только надъ трупомъ мы будемъ ближе подходить къ истинѣ, изслѣдовая произведеніе болѣзни и сравнивая минувшія явленія съ существомъ оной. Разбогатѣвъ въ сихъ данныхъ истинахъ, кои суть награда безпрестанныхъ трудовъ, мы дойдемъ современемъ до важныхъ открытій, кои полезнѣе будутъ для патологіи хирургической, чѣмъ всѣ теоріи. Вотъ что раскрываетъ существо болѣзней и ихъ форму! я преступилъ здѣсь предѣлы чертежа, мною назначеннаго. Но новость сего ученія и необходимость онаго требовали внушенія. Всѣ практическія науки имѣютъ въономъ надобность. Совершенство оныхъ состоитъ во взаимномъ свѣтѣ»[1]). Возбуждаясь, такимъ образомъ, «новостью» индуктивнаго, экспериментальнаго изслѣдованія природы и съ воодушевленіемъ увлекаясь ученіемъ положительныхъ наукъ, а также образцовыми естественно-научными учрежденіями Запада,—молодые русскіе натуралисты, стоявшіе во главѣ третьяго ряда послѣ-петровскихъ поколѣній, первые систематически стали пробуждать и воспитывать и въ русскомъ обществѣ наиболѣе серьёзную и полную воспріимчивость къ естественному ученію западныхъ натуралистовъ. Пораженные громаднымъ накопленіемъ въ западной научной литературѣ богатѣйшаго и разнообразнѣйшаго запаса знаній по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ, запаса, какого вовсе не было въ Россіи,—эти молодые русскіе натуралисты первые стали спѣшить передавать русскому обществу или учившемуся юношеству, въ болѣе или менѣе полныхъ си-

[1]) „Чертежъ практическихъ наукъ, снятый съ главныхъ училищъ Франціи и Германіи". „Въ чтен. общ. истор.", стр. 33—51.

стемахъ, всю сумму главныхъ или элементарныхъ и прочно установленныхъ истинъ естествознанія, выработанныхъ вѣковыми усиліями западныхъ естествоиспытателей. На первыхъ порахъ они спѣшили передать на русскомъ языкѣ всю терминологію, номенклатуру и разныя системы естественнонаучной классификаціи, какія выработаны были западными естествоиспытателями по части естественной исторіи, химіи, физики и другихъ естественныхъ наукъ, и въ то же время начертывали, по европейскимъ источникамъ и руководствамъ, первыя «Начальныя основанія» или «руководства» по части этихъ наукъ. Будучи сами возбуждены и увлечены уже спеціально идеями западныхъ наукъ, и именно идеями естествознанія, а не внѣшними формами европейской цивилизаціи [1],—они и обществу русскому, послѣ его спеціальнаго и экзальтированнаго увлеченія усвоеніемъ наружныхъ формъ европейской жизни и цивилизаціи, спѣшили передавать теперь въ систематическомъ изложеніи, идеи западнаго разума, ученіе естественныхъ наукъ, выработанное цѣлымъ рядомъ европейскихъ естествоиспытателей и изложенное уже, въ западной литературѣ, въ многочисленныхъ системахъ или книгахъ. Такъ, напримѣръ, профессоръ московскаго университета Двигубскій съ этою цѣлью издалъ въ 1811 году свои «Начальныя основанія естественной исторіи растеній, заключающія терминологію растеній, лучшія системы, физіологію ихъ и патологію, исторію» и проч. О побужденіи къ изданію этихъ «Начальныхъ основаній», онъ говоритъ: «Первая естественная исторія растеній на русскомъ языкѣ издана г. академикомъ Севергинымъ въ 1794 году, въ трехъ томахъ, подъ названіемъ: «Начальныя основанія естественной исторіи»; царство растеній издано по Турнефортовой съ Линнеевой соединенной системѣ, на французскомъ языкѣ писанной. Первая часть сей книги содержитъ ботаническія правила, а вторая и третья часть описаніе растеній, съ показаніемъ ихъ употребленія во врачебной наукѣ и домашней экономіи. *Но съ тѣхъ поръ сколько сдѣлано открытій и перемѣнъ въ сей наукѣ!* Многія части растеній изслѣдованы и опредѣлены правильнѣе; открыто и описано множество новыхъ растеній: самыя описанія давно уже извѣстныхъ растеній какъ въ родахъ, такъ и въ видахъ исправлены; свойства многихъ растеній и употребленіе ихъ въ медицинѣ и экономіи также сдѣлались извѣстнѣйшими; а притомъ и самая система Турнефортова вышла совсѣмъ изъ употребленія. Все это и было побудительною причиною изданія предлагаемой естественной исторіи растеній на русскомъ языкѣ. Книга сія раздѣлена на 3 части: въ первой содержатся: 1) терминологія растеній, 2) ботаническія системы, 3) правила ботаническія, касательно составленія родовъ и видовъ; во второй: 4) анатомія растеній, 5) физіологія растеній, 6) патологія растеній, 7) исторія

[1] Напримѣръ, Мудровъ писалъ изъ-за границы попечителю москов. универ. Муравьеву 7 окт. 1805 года: „каждый разъ, держа въ рукахъ не медицинскую книгу, или сидя въ спектаклѣ, я упрекаю себя въ воровствѣ противъ университета и отечества... Врачъ-философъ не долженъ быть увлеченъ разсѣяніемъ... Общества и забавы молодыхъ лѣтъ мнѣ несносны, и я скученъ въ тотъ день, въ который я не досыта работалъ“. Письма професс. москов. унив. въ „Чтен. общ. истор.“.

:тенiй, 8) исторiя самой науки; въ третьей части: 9) описанiе растенiй .Линнеевой системѣ, съ краткимъ показанiемъ употребленiя ихъ въ меди-нѣ, экономiи и технологiи». Когда впервые нужно было еще только цѣ-комъ усвоять и передавать на русскомъ языкѣ, по возможности, всю тму или всю систему готовыхъ выводовъ западныхъ естествоиспыта-:ей, и при этомъ нужно было еще цѣликомъ переводить на русскiй ıкъ европейскую естественно-научную терминологiю и номенклатуру, зоять разныя системы классификацiй и т. д.,—то, разумѣется, на пер-хъ порахъ нельзя было и требовать отъ русскихъ натуралистовъ не ıько самостоятельной разработки естественныхъ наукъ, но и вполнѣ іостоятельнаго систематическаго изложенiя естественнаго ученiя. И :ому они и цѣльную систему той или другой естественной науки иедавали обыкновенно по какимъ-нибудь готовымъ западнымъ источни-иъ и руководствамъ, принимая въ основанiе сочиненiе одного какого-5удь западнаго натуралиста и дополняя его другими. А естественно-на-зую терминологiю и номенклатуру, также какъ и системы классификацiй, ликомъ переводили съ нѣмецкаго или французскаго и латинскаго язы-зъ, въ томъ видѣ, какъ эти предметы выработаны и изложены были опейскими естествоиспытателями. Такъ поступилъ и Двигубскiй, из-зая свои «Начальныя основанiя» естественной исторiи, терминологiи классификацiи растенiй. «Что касается до терминологiи, системъ и пра-ıъ ботаническихъ—говоритъ онъ—я слѣдовалъ во всемъ почти изданной Вильденовомъ книгѣ: Grundriss der Krauterkunde zu Vorlesungen ent-rfen von C. L. Wildenow. Berlin, 1805, исключая весьма немногiя статьи. менклатура въ сей части есть самое трудное дѣло, хотя есть уже на :скомъ языкѣ нѣсколько изданныхъ книгъ, заключающихъ терминологiю аническую; при всемъ томъ, по мѣрѣ умноженiя терминовъ, безпрестанно остранными ботаниками вводимыхъ, надобно вновь на русскомъ языкѣ цумывать приличныя названiя... Чтобы ученые иностранцы не сочли ъ незнающими ихъ открытiй, мы помѣщали въ своей книгѣ и излишнiе іецкiе термины. Весьма бы желательно было, чтобы термины на рус-мъ языкѣ были сколько можно прiятнѣе для слуха, что однакоже очень дно и едва-ли возможно сдѣлать въ наукѣ, обремененной множествомъ миновъ латинскихъ и греческихъ». Вообще, первые русскiе ботаники, ъ же какъ и всѣ вообще натуралисты и писатели, были по преимуще-у эклектики, и главнымъ образомъ передавали на русскомъ языкѣ, по опейскимъ книгамъ, кромѣ болѣе или менѣе полной ботанической тер :ологiи, исторiю различныхъ ботаническихъ системъ—Цезальпина, Мора-а, Германа, Камелла, Ривина, Турнефора, Адансона, Галлера, Линнея, оссье, Бачша и друг., сообщали цѣликомъ въ переводѣ классификацiи системы растенiй Турнефора, Линнея и Жюссье; но еще не могли извести самостоятельной оцѣнки ихъ и колебались въ предпочтитель-ъ выборѣ той или другой изъ нихъ. «Начинающему учиться ботаникѣ— орить Двигубскiй—надобно знать не одну систему, но многiя, чтобы остатокъ одной можно было замѣнить другою... Система Жюссье до ь поръ считается лучшею изъ естественныхъ». Однакоже, самъ Дви-

губскій, при описаніи растеній принялъ не ее, а систему Линнея [1]). Точно также и по другимъ естественнымъ наукамъ, на первыхъ порахъ возбужденія умственной воспріимчивости къ идеямъ европейскаго разума, русскіе натуралисты спѣшили передать на русскомъ языкѣ «начальныя основанія» полной системы ученія той или другой естественной науки и перевести точнѣе на русскій языкъ спеціальную терминологію и номенклатуру этой науки. Такъ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія впервые болѣе или менѣе сознательно почувствовалась въ русскомъ обществѣ потребность возможно полнаго и систематическаго усвоенія тѣхъ идей или истинъ, по части химіи, какія добыты были трудами европейскихъ химиковъ. Между тѣмъ на русскомъ языкѣ еще не было почти ни одного руководства по химіи, и особенно не введена и не установлена была европейская химическая номенклатура и терминологія. Поэтому, І. Варвинскій въ 1832 году издалъ «Начальныя основанія всеобщей химіи, составленныя по системѣ Тенара». «Любителямъ химіи и желающимъ успѣховъ отечественной литературы извѣстно - писалъ Варвинскій въ предисловіи къ своей книгѣ, — чего недостаетъ у насъ по сей отрасли естественныхъ наукъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ недостатокъ сей тѣмъ болѣе ощутителенъ. Сіи обстоятельства, и наипаче послѣднее, возродили во мнѣ предпріимчивость составить краткія основанія химіи для начинающихъ, и желающихъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о сей превосходной наукѣ. При составленіи сихъ начальныхъ положеній, *я слѣдовалъ системѣ г. Тенара*, съ весьма незначительными отъ нея отступленіями, *заимствуя дополненія, какъ изъ новѣйшихъ журналовъ, такъ и изъ сочиненій гг. Фуркруа, Деви, Томсона, Берцеліуса и многихъ другихъ*. Химія относится къ числу тѣхъ наукъ, изложеніе коихъ необходимо требуетъ обширныхъ пособій, рѣдко возможныхъ для частнаго человѣка. Сію непріязненную истину испыталъ я при составленіи сихъ основаній. Излишнимъ считаю упоминать о *номенклатурѣ*, мною употребленной. Сія часть *находится у насъ еще въ худшемъ состояніи, нежели самая химическая литература;* она предоставлена на произволъ каждаго, и, вѣроятно, не

[1]) „Начальныя основанія естественной исторіи растеній" Двигубскаго. Москва 1811 г. стр. 1 -13, 198, 233—236. Зачатки передачи европейской ботанической терминологіи на русскомъ языкѣ начались, правда, съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, но особенно этимъ занимались русскіе ботаники въ началѣ XIX столѣтія. Первая, какъ кажется, ботаническая терминологія на русскомъ языкѣ помѣщена въ разныхъ частяхъ „Экономическаго магазина", который былъ издаваемъ въ 178. и слѣд. годахъ. Въ это же время, то-есть въ 1781 и 1782 г. Мейеръ издалъ 2 части своего „Ботаническаго словаря", гдѣ находится также терминологія. Отрывки изъ ботан. терминологіи находятся въ 70 части „Магазина натуральной исторіи, физики и химіи". Полнѣе, нежели въ упомянутыхъ книгахъ, ботан. терминологія въ „Начальныхъ основаніяхъ естеств. исторіи" Севергина. Сюда же, затѣмъ, относятся: „Первоначальныя основанія ботаники" професс. Нестора Максимовича Амбодика, въ 2 частяхъ съ рисунками. 1796 Спб.; „Начальныя основанія ботаническаго словоизъясненія" Пленке, перев. Мойсеева. Спб. 1798.; „Философія ботаники" Линнея, перев. Смѣловскаго Спб. 1800; „С.-Петербургская флора" Соболевскаго. Спб. 1800; „Начальныя основанія ботаники" Двигубскаго. М. 1805; „Руссовы письма о ботаникѣ", перев. Измайлова. М. 1810; здѣсь присовокуплены системы Турнефора, Линнея и Жюссье.

кде получить прочныя основанія, какъ чрезъ общія усилія какого-либо ıаго сословія, или нѣсколькихъ особъ, равно свѣдущихъ какъ въ наукѣ, ь и въ русскомъ языкѣ». И въ этихъ начальныхъ «основаніяхъ все-ей химіи» для насъ, въ настоящемъ случаѣ, особенно достойно замѣ-.я это всецѣлое, буквальное заимствованіе ученія западныхъ химиковъ, ь выраженіе, впервые наиболѣе энергично возбудившейся тогда, все-ей умственной воспріимчивости лучшихъ русскихъ умовъ къ идеямъ ›пейскаго разума. Почти цѣликомъ сообщая систему Тенара, Варвин-ı въ то же время постоянно излагалъ тѣ или другія положенія химіи ıинными словами разныхъ другихъ европейскихъ химиковъ. Напримѣръ, ›ря объ образѣ дѣйствія электричества въ химическихъ явленіяхъ, онъ ›ритъ: «Глубокомысленнѣйшій изъ химиковъ Берцеліусъ, въ одномъ сочиненій своихъ: Essai sur la théorie des proportions chimi-ͻ p. 73—91 говоритъ: «При всякомъ химическомъ соединеніи про-ͻдитъ уничтоженіе (неутралированіе) противоположныхъ электри-гвъ, и сродство со всѣми его измѣненіями есть только слѣдствіе ктрической полярности частицъ, такъ что электричество есть первая чина химическихъ дѣйствій». Или: «Пламя — говоритъ знаменитый икъ Гумфри Дэви — есть газообразное вещество, нагрѣтое до такой ıени, что дѣлается свѣтящимся и имѣетъ температуру, превосхо-ցую бѣлокаленіе тѣлъ». Во всей первой части только разъ, именно оря о полученіи бора (Bore), составляющаго основаніе борной кис-ы, открытаго въ 1809 г. Гей-Люссакомъ и Тенаромъ, — Варвинскій ;совокупилъ отъ себя: «*по моимъ опытамъ* боръ полученъ быть можетъ, ıвергая борную кислоту въ краснокалильномъ жарѣ дѣйствію струи ;ороднаго газа: въ семъ случаѣ кислота *стеклуется* и получаетъ бурый ѣтъ отъ возстановленнаго бора; затѣмъ кислоту должно отдѣлить водою, ›оръ получится въ видѣ хлопьевъ» [1]). Точно также на первыхъ порахъ ıектичны были и «начальныя основанія» или «руководства физики». стема или цѣльная совокупность физическихъ истинъ, начиная отъ ıыхъ элементарныхъ и кончая болѣе сложными, цѣликомъ заимствова-:ь изъ книгъ европейской физической литературы, и главное вниманіе ›ащалось также на болѣе точную и полную передачу на русскомъ языкѣ ›опейской физической терминологіи и номенклатуры. Таково, напримѣръ, уководство къ опытной физикѣ», соч. Д. Перевощикова, изданное въ 33 году. Въ этомъ руководствѣ изъ русскихъ источниковъ заимствованы ıько, въ главѣ «о теплѣ на землѣ и въ атмосферѣ», московскія метеоро-гическія таблицы съ 1821 по 1830 годъ, гипотеза Ломоносова о томъ› го теплота состоитъ во вращательномъ движеніи частицъ» — гипотеза, ›обновленная потомъ Румфордомъ, да въ главѣ объ электричествѣ—тоже потеза Ломоносова—о происхожденіи воздушнаго электричества. Прочее зніе физики все изложено на основаніи иностранныхъ источниковъ и, ıвнымъ образомъ, на основаніи сочиненій Біо, Parrot, Peyré, Despretz,

[1]) „Начальныя основанія всеобщей химіи“, составл. по системѣ Тенара, соч. I. ›винскаго. Спб. 1832. Предисл. I—III и ч. I. стр. 87, 124, 135.

M. Hachette и друг. Изъ руководства Перевощикова, также какъ и изъ «Начальныхъ основаній всеобщей химіи»—Варвинскаго, между прочимъ, видимъ, какъ въ началѣ русскіе натуралисты не могли вдругъ угнаться за быстро-слѣдовавшими открытіями европейскихъ естествоиспытателей. «Открытія и усовершенствованія,—писалъ Варвинскій,—столь быстро одни другими смѣняются, что болѣе потребно времени для преслѣдованія ихъ и помѣщенія въ настоящемъ мѣстѣ системы, нежели сколько онаго нужно для описываемаго предмета» [1]). Такъ и физики наши 20-хъ и 30-хъ годовъ еще не вполнѣ могли услѣдить и дознать изъ многосложнѣйшей и обширнѣйшей естественно-научной литературы западной, чтѝ въ физикѣ вполнѣ доказано и чтѝ еще не доказано было, и потому они большею частью рабски осторожно усвояли и воспринимали изъ западныхъ источниковъ только тѣ физическія истины, которыя были вполнѣ доказаны опытами. Напримѣръ, Перевощиковъ, излагая ученіе о скорости распространенія звука, говоритъ: «Принимая въ разсчетъ только давленіе и плотность атмосферы, находящейся въ равновѣсіи, Ньютонъ, Лагранжъ, Эйлеръ и Пауссонъ посредствомъ глубочайшихъ математическихъ изслѣдованій составили формулу скорости звука, которая, однакожъ, даетъ результаты, далеко несходные съ результатами непосредственныхъ опытовъ. Лапласъ, обративъ вниманіе на перемѣны тепла, происходящія отъ сжатія и расширенія колеблющагося воздуха, далъ средство исправить сію формулу; но *какъ сіи перемѣны тепла еще не доказаны опытами:* то остроумная мысль Лапласа до сихъ поръ остается *однимъ только вѣроятнымъ предположеніемъ, неразрѣшающимъ вопроса удовлетворительно и несомнѣнно* [2]). Между тѣмъ извѣстно, что, напримѣръ, Джонъ Гершель приводитъ этотъ же фактъ—изслѣдованіе скорости звука и развитія теплоты въ актѣ сгущенія воздуха, неизбѣжномъ при каждомъ изъ колебаній, проводящихъ звукъ, какъ блистательный примѣръ и полнаго объясненія остаточнаго явленія (остаточной скорости звука) и удивительнаго подтвержденія общаго закона о развитіи теплоты посредствомъ сжиманія [3]). Вообще, введеніе и усвоеніе собственно индуктивнаго метода у насъ, какъ и въ самой западной Европѣ, предшествовало разумному пониманію и усвоенію метода дедуктивнаго, въ томъ великомъ его значеніи въ области естествознанія, какое придается ему современными европейскими естествоиспытателями и знаменитымъ авторомъ «Системы индуктивной и дедуктивной логики». Вслѣдствіе этого, и авторъ «Руководства къ опытной физикѣ», строго держась индуктивнаго метода, недовѣрчиво относился къ самымъ значительнымъ теоріямъ или гипотезамъ западныхъ естествоиспытателей, выведеннымъ дедуктивно. Напримѣръ, излагая сущность «атомистической системы» Дальтона, обнародованной въ 1808 г., Перевощиковъ замѣчаетъ: «Исторія физики показываетъ, что соображенія чисто отвлеченныя всегда обманчивы; истинный физикъ не долженъ слѣдовать ни атомистической, ни динамической си-

---

[1]) Ibid. Предисловіе.

[2]) „Руководство къ опытной физикѣ“. Спб. 1838, стр. 94.

[3]) „Философія естествознанія“, стр. 169—170.

темѣ: ибо внутренняя сущность тѣлъ останется для насъ всегда тайною Bсѣ познанія внѣшнихъ свойствъ тѣлъ пріобрѣтены единственно посредтвомъ внимательнаго наблюденія и строгой повѣрки чувствъ. Самые маематики впадаютъ въ заблужденія, когда изслѣдованія свои основываютъ олько на остроумныхъ предположеніяхъ, не подтвержденныхъ дѣйствиельными событіями. Итакъ, надобно признавать истиннымъ только то, тò доказано опытомъ... Всякая гипотеза, которую нельзя ни подтвердить, и опровергнуть опытомъ, есть безполезная игра ума» [1]. Что касается до изической терминологіи, то и въ «Руководствѣ» Перевощикова встрѣаются еще термины не переведенные, или переведенные не совсѣмъ ясно точно. Напримѣръ, авторъ говоритъ: «звукъ въ *гидрогенѣ* ослабѣваетъ почти также, какъ въ пустотѣ; *оксигенъ* же силу звука увеличиваетъ: жели въ атмосферѣ воздуха можно слышать звукъ на разстояніи 56 футовъ, то въ оксигенѣ звукъ сей слышенъ на 63 фута, а въ гидрогенѣ только на 10 футовъ». Способность теплового лучеиспусканія земли названа *лучеобразностію*, солнечный спектръ—*солнечнымъ призракомъ* и т. п. [2]).

Вообще же, въ третьемъ ряду послѣпетровскихъ поколѣній замѣтно начинала возбуждаться въ русскихъ умахъ наиболѣе усиленная воспріимчивость къ чисто-интеллектуальнымъ впечатлѣніямъ Запада, къ усвоенію системы европейскихъ научныхъ идей, теорій и знаній. Это стремленіе отражалось даже и въ области искусствъ. И тутъ требовалось уже усвоеніе европейской теоріи или научныхъ основаній искусствъ. Напримѣръ, въ «Теоріи о механизмѣ сводовъ», изданной въ 1825 году, авторъ замѣчаетъ: «Архитектура должна преподаваться, какъ геометрія и какъ прочія математическія науки: все въ ней должно быть основано на теоретическихъ доводахъ, какъ очевидныхъ причинахъ видимыхъ дѣйствій. Такимъ только пріемомъ преподаванія можно развивать понятія, знакомить насъ съ вещами и дать намъ способность владѣть своимъ дѣломъ» [3]). Профессора университетовъ въ публичныхъ рѣчахъ своихъ раскрывали обществу необходимость знаній естественныхъ и математическихъ для успѣховъ разныхъ реальныхъ искусствъ, земледѣлія, промышленности и торговли. Даже для основательнаго изученія искусствъ живописи или рисованія требовалось, хотя элементарное, знаніе геометріи и анатоміи, и т. п. Всѣ эти зачатки умственныхъ требованій начинали возбуждаться, благодаря вліянію идей западныхъ умовъ.

Такимъ образомъ, уже въ самомъ началѣ возбужденія, въ третьемъ ряду послѣ-петровскихъ поколѣній, наиболѣе живой воспріимчивости къ чисто-умственнымъ впечатлѣніямъ Запада, къ идеямъ европейскаго разума, воспріимчивость къ «эмпирическимъ» или «опытнымъ» наукамъ Запада въ лучшей, наиболѣе мыслящей части молодого поколѣнія была сильнѣе самой энтузіастической наклонности къ чисто-умозрительнымъ идеямъ

[1]) „Руковод. къ опытн. физикѣ", стр. 4—5.

[2]) „Руков. къ опытн. физикѣ", Перевощикова, стр. 96.

[3]) „Теорія о механизмѣ сводовъ", издан. коллеж. совѣтн. и кавалер. Гавр. Мячковымъ, въ пользу высшаго класса архитектурнаго кремлевскаго училища. Москва. 1825.

нѣмецкой трансцендентально-идеалистической философіи. Послѣ этого естественно ожидать, что и впередъ, со всякимъ новымъ усиленіемъ естественно-научныхъ импульсовъ и возбужденій со стороны западнаго разума, въ мыслящемъ молодомъ поколѣніи русскомъ все съ бо̀льшею и бо̀льшею энергіею должна возбуждаться воспріимчивость къ идеямъ реальной, положительной западной науки и философіи. Такъ слѣдуетъ быть и по естественно-историческому ходу вещей. Уже три главныхъ фазиса общаго космологическаго міросозерцанія пережили тѣ поколѣнія русскаго народа, которыя наиболѣе чувствовали въ себѣ умственную жизнь народа и наиболѣе выражали собою духъ народный, именно: 1) фазисъ теолого-пантофобическій, 2) натуръ-фавматологическій, 3) натуръ-философскій или метафизико-эмпирическій. И за этими фазисами, по законамъ человѣческой природы, необходимо долженъ слѣдовать дальше фазисъ экспериментально-позитивный. Въ слѣдующей главѣ настоящихъ очерковъ мы подробно охарактеризуемъ каждый изъ этихъ фазисовъ въ ихъ психолого-исторической послѣдовательности и преемственности. Здѣсь же ограничимся общими замѣчаніями. До Петра Великаго, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ подробно, господствовало теолого-пантофобическое міросозерцаніе, всецѣло проникнутое чувствомъ страха природы и чувствомъ страха грознаго владыки физическихъ силъ, породившее въ народномъ общественномъ міросозерцаніи вѣру въ судьбу или въ рокъ, всеобщую деморализацію подъ страхомъ грознаго, роковаго «Горя-Злочастья», или фаталистическое подчиненіе давленію обстоятельствъ, ѳеократическій взглядъ на государственный и общественный строй, на политическія событія или историческія судьбы народа и т. п. Послѣ этого теолого-пантофобическаго міровоззрѣнія до-петровскихъ поколѣній, первые ряды поколѣній послѣ-петровскихъ, вдругъ пораженные «преудивительными и чудественными вещами или чудесами натуры», неожиданно открытыми взорамъ ихъ Петромъ Великимъ въ натуральныхъ кабинетахъ Запада и въ нѣдрахъ природы русской и сибирской земли, естественно должны были пережить физисъ натуръ-фавматологическаго міросозерцанія, или теолого-фавматологическаго взгляда на природу, періодъ господства чувства удивленія «чудесамъ натуры». Въ этотъ періодъ времени, они и изъ западной естественно-научной литературы воспринимали, посредствомъ переводныхъ сочиненій, преимущественно натуръ-фавматологическія и теолого-фавматологическія идеи о природѣ, проникнутыя чувствомъ удивленія, напримѣръ: «раритетамъ и куріозитетамъ натуры», или «*приводящему во удивленіе* невѣроятному множеству животныхъ и произрастеній, красотѣ и стройному частей сложенію, особливымъ свойствамъ и порядку житія всякаго въ своемъ домѣ, сходствамъ и несходствамъ, совершенному распоряженію всѣхъ вещей къ одному главному намѣренію», или постепенному увеличенію удивительныхъ чудесъ природы въ послѣдовательномъ порядкѣ «чуднаго строенія земного шара, начиная съ «искуснаго соединенія малѣйшихъ частицъ, которому чувства *не могутъ надивиться*, и восходя до царства растеній и животныхъ, гдѣ *несказанно умножается удивительное и безмѣрно увеличивается изумленіе* разсуждающаго человѣка». «Мы для того одарены разумомъ и чувствами, —читали тогда русскіе въ перевод-

ихъ сочиненіяхъ по части естествознанія,—чтобы разсуждать прилежно чудесахъ натуры, онымъ разсужденіемъ увеселяться и чрезъ то познать и прославлять Творца» [1]). Сообразно съ такимъ фавматологическимъ глядомъ на природу, и въ соціальномъ міросозерцаніи передовыхъ поѣ-петровскихъ поколѣній господствовали: восторженное чувство удивле величію преобразователя Россіи—Петра Великаго, а также—и Екатены Великой, выразившееся въ высокоторжественныхъ одахъ, напримѣръ, ›моносова и Державина, въ похвальныхъ словахъ, въ предисловіяхъ къ реводнымъ книгамъ, въ посвященіяхъ книгъ и т. п., энтузіазмъ къ ѓодарственнымъ и общественнымъ преобразованіямъ и нововведеніямъ, или удесамъ правленія», какъ выражались нѣкоторые, восторженное, энтузітическое удивленіе величію, славѣ и побѣднымъ тріумфамъ Россіи, разтіе идеи о мудромъ и цѣлесообразномъ устройствѣ и значеніи Имперіи, литературѣ, удивленіе поэтамъ россійскаго парнасса,—«сѣвернымъ Ранамъ и Мольерамъ» и т. п. Затѣмъ, когда чувство удивленія чудесамъ ироды, вслѣдствіе усвоенія наиболѣе положительныхъ и подробныхъ знаній о природѣ, подъ вліяніемъ строго-научныхъ и положительныхъ ей западной естественно-научной литературы, мало-по-малу стало ославать и замѣняться разсудочнымъ или раціональнымъ размышленіемъ о ироде, третій рядъ послѣпетровскихъ поколѣній, вслѣдствіе одновременго воздѣйствія, съ одной стороны, нѣмецкой метафизико-идеалистичеой натуръ-философіи, съ другой — европейскихъ экспериментаторовъ, тествоиспытателей, пережилъ фазисъ натуръ-филисофскаго или метафико-эмпирическаго воззрѣнія на природу. Это былъ періодъ борьбы нарь-философскаго или метафизико-идеалистическаго «умозрѣнія» съ «эмризмомъ» или «опытностію», какъ тогда выражались, періодъ натуръилософскихъ, эмпирико-метафизическихъ, антропоцентрическихъ и сиематико-телеологическихъ *размышленій о природѣ, общихъ взглядовъ на природу* и т. п. Въ этотъ періодъ времени, юные русскіе умы, экзальтироанные идеями нѣмецкихъ натуръ-филисофовъ, въ родѣ Шеллинга, дуали «постигнуть всю основу природы и самый политическій міръ изъ ехъ основныхъ идей любомудрія или идеалистической философіи: изъ еи истины, блага и лѣпоты» [2]). Многіе увлекались даже мистико-трансндентальнымъ «ключемъ къ таинствамъ природы» Эккартсгаузена. обще, по словамъ «Санктпетербургскаго Вѣстника» 1812 года, «молодые оди обыкновенно плѣнялись умозрѣніями, вмѣсто познанія природы спобомъ опыта» [3]). Не мало было даже профессоровъ въ университетахъ— туралистовъ, которые вносили въ область естественныхъ наукъ метазико-идеалистическія умозрѣнія нѣмецкой философіи. Такъ въ москов-

---

[1]) См. напр. „Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ": мартъ 62 г., стр. 374—387: „О натуральной исторіи вообще", перевод. изъ соч. шведской адеміи наукъ; 1763 г. мартъ, стр. 247—268: „О пользѣ отъ испытанія натуры", изъ чи цюрихскаго доктора Гирцеля и мн. др.

[2]) „Атеней" 1828 г. № 1, статья „О свѣдѣніяхъ умозрительныхъ и эмпиричеихъ".

[3]) „С.-Петербургскій Вѣстникъ" 1812 г. № 4.

скомъ университетѣ Павловъ (1821—1826 г.), по словамъ Шевырева, «вносилъ въ область естествознанія умозрѣнія философіи Шеллинговой, неумѣстныя въ наукѣ природы, требующей изслѣдованія самаго опредѣленнаго, точнаго, и не признающей надъ собою никакой иной философіи. кромѣ математики» [1]). Въ кіевскомъ университетѣ профессоръ Зиновичъ (1834—1839) въ химіи развивалъ метафизико-идеалистическія умозрѣнія объ «органическомъ духѣ, о невидимыхъ химическихъ началахъ, душѣ. мудрости, инстинктѣ и умѣ» [2]). Велланскій, профессоръ санктпетербургскаго университета, натуръ-философскій идеализмъ Шеллинга проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ. Напримѣръ, его физика и «біологическое изслѣдованіе природы» написаны по умозрительной системѣ Шеллинга [3]). Да и самыя индуктивныя изслѣдованія природы большей части нашихъ натуралистовъ, на первыхъ порахъ, по необходимости, органичивались пассивнымъ, эмпирическимъ наблюденіемъ явленій природы, напримѣръ, эмпирико-описательными наблюденіями—метеорологическими, батаническими, зоологическими, минералогическими или геогностическими и т. п. Періодъ открытія законовъ природы и великихъ обобщеній для русскихъ естествоиспытателей еще не наступилъ не только въ двадцатыхъ и тридцатыхъ. но и въ сороковыхъ и даже пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Потому что для нихъ тогда не наступилъ еще во всей силѣ развитія періодъ активной экспериментаціи, производства опытовъ съ прямою цѣлію открытія неизвѣстныхъ законовъ природы. Періодъ эмпиризма естественно предшествовалъ періоду экспериментальнаго метода [4]). Сообразно съ такимъ преобладаніемъ общаго метафизико-эмпирическаго взгляда на природу—и въ соціальномъ міросозерцаніи русскаго общества въ это время во всей силѣ господствовала своего рода метафизика, смѣшанная съ традиціоннымъ и практическимъ эмпиризмомъ. Напримѣръ, въ это время достигли высшей степени развитія: идея государственной систематизаціи. основанная на отвлеченномъ принципѣ «единообразія» или «государственнаго единства», система искусственной кодификаціи, противоположная системѣ естественной, выработанной, напримѣръ, Бентамомъ по принципамъ естественной классификаціи Линнея и Жюсье, или, по выраженію министра юстиціи, Трощинскаго, система «искусственныхъ умословій, *метафизическихъ тонкостей* и излишнихъ умствованій въ книгѣ законовъ», вмѣсто чего этотъ министръ требовалъ строгаго эмпиризма «мѣстной практики или мѣстныхъ практическихъ наблюденій [5]), далѣе система «водво-

[1]) „Истор. московскаго университета", стр. 451—452.

[2]) „Истор. университ. св. Владиміра", соч. Шульгина, стр. 141—142.

[3]) „С.-Петербургскій Вѣстникъ" 1812 г. № 4.

[4]) „Toutes sciènces — говоритъ Клоръ Бернаръ — ont traversé l'empirisme avant d'arriver à leur période exérimentale définitive... l'empirisme n'est pas autre chose que le premier degrè de la méthode expèrimentale. Introduct. á l'étude de la médec. expérimentale", p. 376—377, также 368.

[5]) „Мнѣніе министра юстиціи Трощинскаго о проектѣ уложенія", въ Чтен. общ. истор. Между прочимъ, онъ говоритъ: „Нахожу въ составѣ проекта гражданскаго уложенія общую смѣсь: тамъ противорѣчіе, тамъ многословіе и проч. Какое противо-

ренія по всему пространству имперіи воспитанія, согласнаго съ духомъ государственныхъ учрежденій и чуждаго впечатлѣній, противныхъ вѣрѣ, нравственности и народному государственному чувству» [1]) и проч. Государственные сановники, практики въ политикѣ употребляли общія мѣста метафизической философіи или развивали свои философскіе принципы для оправданія своей практики. Соціальныя науки въ университетахъ представляли въ это время большею частію чисто-метафизическія и схоластическія системы, напримѣръ, метафизику юридическихъ наукъ, изъ сферы которыхъ совершенно изгонялась наука «естественнаго права», метафизику этики или морали (metaphysica morum), метафизику исторіи, въ основу которой полагались теологически-провиденціальныя умозрѣнія Боссюэта, или патріотическія чувства и метафизико-моралистическія сентенціи и поученія, или отвлеченная идея государственности, подправлявшаяся метафизико-психологическими взглядами и характеристиками василео-біографической исторіи и т. п. Въ частности, публицисты-помѣщики развивали въ это время свою метафизику крѣпостной соціальной системы. Сообразно съ идеями, изложенными, напримѣръ, въ книжкѣ «Общій взглядъ на природу» (1821 г.), эти публицисты-рабовладѣльцы по своему метафизически выводили всю философію крѣпостническаго соціальнаго строя изъ общаго порядка природы, какимъ онъ представлялся имъ съ точки зрѣнія метафизической теологіи и чисто-эгоистическихъ интересовъ. Въ другомъ подобномъ трактатѣ помѣщика-метафизика, на основаніи метафизическаго объясненія законовъ человѣческой природы, вводится объясненіе *прелестей владычества*. «Пламенная (отвлеченная) любовь въ человѣкамъ— говоритъ метафизикъ-рабовладѣлецъ—есть удѣлъ немногихъ душъ. Природа въ большей части замѣнила сіе побужденіе другимъ, которое ведетъ къ той же цѣли. Она вліянію на участь себѣ подобныхъ присвоила особливыя прелести. Сіи-то *прелести владычества*, имѣя мѣсто даже въ чувствахъ начальниковъ семействъ, непримѣтно содѣйствуютъ родительской любви. Въ правителяхъ они услаждаютъ и облегчаютъ бремя правленія. Система наслѣдственнаго начальства есть издревле палладіумъ обществъ человѣческихъ. И слѣдовательно, помѣщики для благоденствія селеній земледѣльческихъ столько же нужны, сколько монархъ для подданныхъ вообще» [2]). Такъ же метафизико-апріорны понятія крѣпостнической философіи о нравственности, которая, напримѣръ, по словамъ графа Ѳ. Ростопчина, основана на трехъ только словахъ: не тронь чужого (то-есть не отнимай крестьянъ у помѣщиковъ), о свободѣ, которая, по словамъ того же помѣщика, «въ умахъ съ здравымъ разсудкомъ значитъ бѣдствіе»,

борство теоріи съ практикою! Я примѣчаю, что въ семъ сочиненіи классификація вещей совсѣмъ не такова, каковой быть надлежало: теоріи много, а мѣстныхъ практическихъ наблюденій совсѣмъ непримѣтно".

[1]) Указъ 25 марта 1834 г. о домашнемъ воспитаніи.

[2]) Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или согласіе сей подчиненности со всеобщими начали монархическаго правленія, государственной полиціи и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества. Въ „Чтен. общ. истор."

о прогрессѣ, который, по натуръ-философскимъ разсужденіямъ Мордвинова, опирающимся на идеѣ постепенности въ порядкѣ природы, долженъ состоять въ такой системѣ опеки и постепенной регламентаціи, которая бы никакъ не допускала быстраго и нестѣсненнаго развитія свободы гражданъ и, въ частности, освобожденія крестьянъ отъ помѣщиковъ и т. п.

Когда, такимъ образомъ, натуръ-философскій, или метафизико-умозрительный взглядъ на природу сталъ плѣнять незрѣлые и всеувлекающіеся умы молодого поколѣнія, отражаясь въ то же время и въ соціальномъ міросозерцаніи, передовые и строгіе послѣдователи европейскихъ естествоиспытателей, стоявшіе во главѣ умственнаго движенія третьяго послѣ-петровскаго поколѣнія, энергично возстали противъ этого чисто «умозрительнаго» или натуръ-философскаго, метафизико-идеалистическаго міросозерцанія. Такъ профессоръ Перевощиковъ, преподававшій математику по Франкеру и Лакруа, «вдохновенно, какъ поэтъ», по выраженію Шевырева, вооружался противъ философіи Канта, когда она сильно плѣняла нозрѣлые умы русской молодёжи [1]). Въ своемъ руководствѣ къ физикѣ онъ также, какъ мы видѣли, отрицалъ всѣ отвлеченныя умозрительныя разсужденія и гипотезы и допускалъ одинъ источникъ физическихъ истинъ—опытъ. Но особенно представитель реализма въ университетской наукѣ, извѣстный математикъ Осиповскій былъ рѣшительнымъ противникомъ чисто-умозрительной философіи, и, въ частности, Канта. Онъ неоднократно избиралъ предметомъ для академическихъ бесѣдъ спеціально опроверженіе системы Канта, а также безпощадно осуждалъ и метафизико-идеалистическія умозрѣнія и нашихъ философовъ—Шада и другихъ. Въ лицѣ Канта, какъ вождя новой философіи, Осиповскій осуждалъ возвращеніе къ древнему метафизическому идеализму, разсѣянному великими открытіями геніальныхъ естествоиспытателей. Опровергая динамическую систему Канта и его ученіе о пространствѣ и времени, Осиповскій говоритъ: «если прочтемъ изложеніе ученій и мнѣній древнихъ греческихъ философовъ, то увидимъ, что сужденія ихъ о разныхъ явленіяхъ природы большею частію странны и даже смѣшны. Отчего же сіе происходило? Оттого, что они искали всѣхъ познаній единственно почти въ самихъ себѣ». Но дабы познать законы природы, для сего надлежитъ сперва разсматривать явленіе въ разныя времена, въ разныхъ видахъ, въ разныхъ отношеніяхъ къ другимъ явленіямъ, имѣющимъ дѣйствительное или видимое только вліяніе на оное, и изыскивать тѣ состоянія сего явленія, въ коихъ оно оказывается наиотдѣльнѣе отъ прочихъ совмѣстныхъ явленій, а потомъ уже и дѣлать свои о немъ заключенія. Въ древнихъ философахъ находится множество неосновательныхъ заключеній, изъ которыхъ нѣкоторыя перешли и въ европейскія училища и преподаваемы были въ оныхъ, какъ законы. Благодаря вразумленіямъ Бэконовъ, Декартовъ и другихъ, системы сіи мало-по-малу теряли свою довѣренность, и умные Европы радовались, видя освобожденіе отъ рабо-

---

[1]) Рѣчь Перевощикова о пользѣ наукъ вообще, говоренная при открытіи казанскаго университета 5 іюня 1804 г.

лѣпственнаго къ нимъ вниманія. Но съ недавняго времени, духъ древнихъ греческихъ философовъ опять началъ возникать въ Германіи; опять начали умствовать о природѣ a priori и опять начали появляться системы одна другой страннѣе» [1]. Въ то же время, Осиповскій строго критиковалъ и русскихъ профессоровъ-метафизиковъ и натуръ-философовъ. Напримѣръ, разбирая логику Шада, Осиповскій раскрылъ всѣ странныя метафизико-идеалистическія умозрѣнія этого философа о «степеняхъ ума — разумѣ (intellectus) и разсудка (ratio), о предопредѣленномъ согласіи (harmonia praestabilita), объ absolutum, о странныхъ, фантастическихъ превращеніяхъ въ природѣ и проч., и произнесъ объ немъ такой приговоръ: «Логика Шада, раздѣленная на чистую и прикладную, состоитъ болѣе въ трансцендентальномъ умствованіи о мірѣ, Богѣ и душѣ нашей, нежели въ изложеніи законовъ ума... Каждый изъ философовъ нѣмецкихъ, какъ-будто для хвастовства, отличался отъ прочихъ бо̀льшимъ или меньшимъ количествомъ странностей въ мысляхъ, но каждый отличался своими странностями, а нашъ философъ, принявъ подъ свой покровъ странности всѣхъ, прибавилъ къ нимъ еще столько же своихъ» [2]. Въ то же время и литература русская, почти всецѣло питавшаяся и жившая идеями западными, въ наиболѣе либеральныхъ о̀рганахъ своихъ тоже высказывала протестъ противъ метафизическаго, натуръ-философскаго умозрѣнія. Напримѣръ, «С.-Петербургскій Вѣстникъ», издававшійся въ 1812 году обществомъ любителей словесности, съ скорбнымъ чувствомъ обличалъ тѣхъ «соотечественниковъ, которые увлекались мистико-метафизическими идеями трансцендентальнаго богослова Эккартсгаузена и особенно его сочиненіемъ: «Ключъ къ таинствамъ природы». «Истинно жаль—писалъ по этому случаю рецензентъ—что сей писатель, по какому-то непонятному предубѣжденію, *уважается многими соотечественниками нашими*, несмотря на нелѣпости и даже на вредъ вздорныхъ сочиненій его, которыя, вмѣсто того, чтобы служить къ просвѣщенію читателей, подъ маскою какого-то таинственнаго откровенія водятъ только отъ заблужденія къ заблужденію и совращаютъ съ пути истины умъ, не твердый въ критикѣ». Точно также «С.-Петербургскій Вѣстникъ» не одобрялъ молодыхъ русскихъ людей и натуралистовъ, слишкомъ увлекавшихся умозрительнымъ методомъ нѣмецкихъ натуръ-философовъ. Разбирая книгу Велланскаго: «Біологическое изслѣдованіе природы», написанную по умозрительной системѣ Шеллинга, рецензентъ обращался къ молодымъ русскимъ людямъ: «мы не совѣтуемъ нѣкоторымъ *молодымъ людямъ, обыкновенно плѣняющимся умозрѣніями*, никогда и ни для кого не отвергать правилъ здравой логики, всегда помнить способъ пріобрѣтенія познанія, чтобы умѣть отличить правильное умозрѣніе отъ пустыхъ мечтаній. Посовѣтуемъ имъ читать и знать исторію наукъ, особливо исторію философіи. Тамъ увидятъ они, что умозри-

[1] Осиповскаго: „О пространствѣ и времени", рѣчь въ собраніи харьковск. универс. 30 авг. 1807 г.; разсужденіе о динамической системѣ Канта, рѣчь въ собран. харьков. унив. 30 авг. 1813 г.

[2] „Журн. мин. народ. просвѣщ." 1865 г. октябр., стр. 111—112.

тельная философія не въ первый уже разъ является на земномъ шарѣ. что науки и самыя художества, сколько получили они отъ наукъ. обязаны нынѣшнимъ ихъ состояніемъ *способу опыта*. Предположенія, пустыя умозрѣнія, водя умъ человѣческій, чрезъ нѣсколько вѣковъ, отъ однихъ заблужденій къ другимъ, не привели его ни къ какой истинѣ. Они, если принесли какую пользу, то развѣ только ту, что умъ человѣческій, предавшись имъ, узналъ, кажется, всѣ пути заблужденія. Это несчастная дань, какъ говоритъ одинъ философъ, которую предки наши невольно платили за драгоцѣнную истину» [1]). Въ «Атенеѣ» въ 1-мъ и 2-мъ №№, за 1828, въ отдѣлѣ «Наукъ», помѣщенъ любопытный разговоръ «о взаимномъ отношеніи свѣдѣній умозрительныхъ и опытныхъ». Въ разговорѣ этомъ весьма характеристично представлены горячіе споры нашихъ натуръ-философовъ или метафизиковъ, поклонниковъ философіи Шеллинга, съ «эмпириками»—послѣдователями Дэви, Біо, Берцеліуса, Гей-Люссака и проч. Въ началѣ шеллингисты или идеалисты-метафизики. Ксенофонтъ и Полистъ, восторженно экзальтированные идеалистическими умозрѣніями нѣмецкой философіи, съ жаромъ доказывали великое значеніе «новаго любомудрія» или идеалистической философіи. Ксенофонтъ говорилъ: «ты правъ, любезный другъ, новое любомудріе разливаетъ въ области любомудрія свѣтъ необыкновенный. Эти одни слова — объективность, субъективность, безконечное, конечное, сколько прибавляютъ ясности въ изложеніи понятій!» Полистъ: «А противники наши упрекаютъ насъ въ темнотѣ; свѣтъ кажется имъ тьмою, странные люди!» Ксенофонтъ: «Да, человѣкъ есть тронъ духа, а природа — безконечная конечность. Чего желать яснѣе?» Полистъ: «Сверхъ ясности, новое любомудріе имѣетъ еще то достоинство, что ведетъ къ универсальному знанію, къ чему не ведутъ опытныя свѣдѣнія—чудовища эмпиріи». Далѣе, договорившись до того, что новое любомудріе можетъ въ одинъ мѣсяцъ раскрыть все до основанія, наши идеалисты-метафизики раскрываютъ «категоріи любомудрія или философіи: время—міръ звуковъ, пространство—міръ идей, сочетаніе совершенной тишины съ совершенной пустотой — лоно абсолюта». «Созрѣй прежде—говорилъ Полистъ — въ мірѣ звуковъ, тогда будетъ легче перейти въ міръ идей... Идей, правда, много: есть и конечныя и безконечныя, но это сподчиненныя: главныя, отъ коихъ всѣ прочія зависятъ, только три: идея истины, идея блага и идея лѣпоты: природа образовалась по симъ тремъ идеямъ». Ксенофонтъ: «Теперь я начинаю понимать, что одна мысль, выведенная изъ началъ любомудрія, проясняетъ болѣе, нежели огромные томы эмпириковъ; напримѣръ, эти три идеи— идеи истины, блага и лѣпоты, какимъ вдругъ озарили меня свѣтомъ! Я знаю уже основу природы». Полистъ: «Знаешь больше, но эта мысль не успѣла еще у тебя развернуться: міръ политическій и самыя изящныя искусства не продолженіе ли развитія трехъ основныхъ идей? Вѣдь это тоже проявленіе безконечнаго въ конечномъ». Ксенофонтъ: «Такъ, такъ, понимаю: міръ политическій и самыя изящныя искусства образовались по

[1]) „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ 1812 № 4.

тѣмъ же тремъ идеямъ. Безподобно! Да я теперь чувствую себя даже способнымъ писать въ духѣ любомудрія». Полистъ: «Любомудріе чудеса творитъ. Я тому примѣръ: съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ новой философіей, предѣлы моего знанія раздвинулись до безконечности; мнѣ вдругъ все представилось въ общемъ объемѣ и въ полномъ свѣтѣ. На все я теперь имѣю высшій взглядъ. Я могу теперь писать критики съ *электрицизмомъ* ума... А вотъ идетъ къ намъ Менонъ, порицатель нашего любомудрія». Менонъ — это представитель русскихъ «эмпириковъ», натуралистовъ двадцатыхъ годовъ, послѣдователь Бэконова «Novum organum» и западныхъ экспериментаторовъ. «Я докажу вамъ— говоритъ онъ—что любомудріе, то-есть философія не только не отвергаетъ эмпиріи, напротивъ, безъ оной быть не можетъ». Полистъ: «Эмпирія необходима для любомудрія! какая нелѣпость!» Менонъ: «Да, необходима: умозрительныя свѣдѣнія возможны только при опытныхъ, а послѣднія возможны сами по себѣ, независимо отъ первыхъ». Далѣе эмпирикъ Менонъ постепенно доводитъ метафизиковъ-шеллингистовъ, путемъ ихъ же силлогистики, до absurdum, и затѣмъ раскрываетъ имъ значеніе эмпиризма или эмпирическаго метода и отношеній его къ философіи. «Поверхность земного шара—говорилъ Менонъ—довольна изслѣдована; многократно повторенныя путешествія людьми просвѣщенными въ разныя страны и вокругъ всего свѣта доставили богатѣйшіе запасы положительныхъ свѣдѣній; но что при самыхъ полюсахъ, еще не рѣшено. Какъ вы думаете, какого рода этотъ вопросъ?» Ксенофонтъ: «Долженъ быть высшаго разряда». Менонъ: «А слѣдующій: какого числа и мѣсяца въ нынѣшнемъ году стала Москва рѣка?» Полистъ: «Самый обыкновенный». Менонъ: «Тотъ и другой одного рода; ибо въ рѣшеніи того и другого должно быть сказано, какъ предметы дѣйствительно есть. Замѣтимъ вообще: вопросы, разрѣшаемые помощію опытности, или способомъ эмпирическимъ, всѣ одного рода, будутъ ли изъ нихъ одни труднѣе, другіе легче». Полистъ: «Въ центрѣ земли огонь или самое твердѣйшее вещество? Неужели и этотъ вопросъ одного рода съ вопросомъ: когда стала Москва рѣка? Послѣдній можетъ рѣшить всякій, а первый только философъ». Менонъ: «Тотъ и другой можетъ быть рѣшенъ только помощію опытности, то-есть способомъ эмпирическимъ». Полистъ: «Послѣдній—не спорю, а первый можетъ быть рѣшенъ только помощію умозрѣнія: какими путями и кто можетъ когда-либо дойти до центра земли, чтобы тамъ все узнать эмпирически». Менонъ: «До тѣхъ поръ о качествѣ вещества въ центрѣ земли будутъ однѣ догадки. Многіе, какъ вы знаете, старались помощію умозрѣнія доказать, что всѣ планеты и ихъ спутники обитаемы подобно нашей землѣ». Полистъ: «Нѣкоторые и доказали это предположеніе весьма убѣдительно». Менонъ: «Однакожъ и доселѣ никто не вѣритъ, чтобы на лунѣ были люди, пока не удостовѣрятся въ томъ зрѣніемъ. Всякій предметъ нашего познанія, какъ онъ есть, можетъ быть познанъ только помощію опытности». Полистъ: «Что-жъ остается для умозрѣнія? неужели одно умственное?» Менонъ: «И самое умственное, напримѣръ, умъ, когда изслѣдывается въ состояніи бытія и дѣйствія, словомъ, какъ онъ дѣйствительно есть, познается не иначе, какъ способомъ эмпи-

рическимъ, и логика, въ которой излагаются свѣдѣнія о дѣйствіяхъ разумѣнія, какъ они наблюдателю открываются, называется эмпирическою». Ксенофонтъ: «И самый умъ, недоступный для чувствъ, познается эмпирически? Это новость!» Менонъ: «Напротивъ, такъ всегда было; магнитная сила познается эмпирически или умозрительно?» Ксенофонтъ: «Обыкновенно, эмпирически». Менонъ: «А магнитная сила чувствамъ не подлежитъ: чувствами постигаются только ея дѣйствія, по коимъ дѣлается заключеніе и о самой причинѣ; такъ и умъ не подлежитъ чувствамъ, но обнаруживается для нихъ въ дѣйствіяхъ своихъ, по коимъ и дѣлается заключеніе о немъ самомъ. Подобныя заключенія всѣ составляютъ свѣдѣнія опытныя или эмпирическія, которыя, будучи приведены въ систему, образуютъ науку». Полистъ: «И философію?» Менонъ: «Нѣтъ; философія есть наука умозрительная: она одна составляется изъ свѣдѣній чисто-умозрительныхъ; всѣ прочія науки содержаніемъ имѣютъ свѣдѣнія опытныя». Полистъ: «Свѣдѣнія опытныя грубы, недостаточны, умозрительныя—возвышеннѣе, совершеннѣе, и потому безъ философіи науки совершенства достигнуть не могутъ». Менонъ: «Я докажу противное: естественныя науки съ теченіемъ времени обогащаются новыми открытіями и чрезъ то болѣе и болѣе совершенствуются — не правда ли?» Полистъ: «Каждое, новое открытіе есть новый шагъ къ совершенству». Менонъ: «Но открытія въ области наукъ естественныхъ совершаются исключительно способомъ эмпирическимъ... Естественныя науки достигнутъ своего совершенства единственно помощію опытности». Полистъ: «Въ описаніи предметовъ, можетъ быть, но въ объясненіи явленій одной опытности недостаточно». Менонъ: «А какъ вы думаете, что̀ значитъ объяснить явленіе?» Полистъ: «Открыть причину и показать способъ, какъ найденная причина производитъ данное явленіе». Менонъ: «Напримѣръ, объяснить явленіе грома, значитъ найти причину онаго, и показать способъ, какъ сія причина производитъ явленіе грома. Положимъ теперь, что объясненіе грома сдѣлано совершенное, то-есть причина грома найдена истинная, способъ ея дѣйствія показанъ настоящій: это объясненіе грома не будетъ ли представленіе грома такъ, какъ онъ есть». Ксенофонтъ: «Точно». Менонъ: «Слѣдовательно, объясненіе есть то же описаніе; а поелику естественныя науки всѣ стремятся къ одной цѣли—представить природу, какъ она есть, то и могутъ достигнуть своего совершенства исключительно посредствомъ опытности». Ксенофонтъ: «Безъ участія философіи?» Менонъ: «Да, безъ участія философіи. Чтобы узнать, что̀ находится при полюсахъ земли, для сего нужна одна опытность». Ксенофонтъ: «Справедливо». Менонъ: «Слѣдовательно, опытныя свѣдѣнія возможны сами по себѣ, независимо отъ умозрительныхъ». Такимъ образомъ и метафизики или идеалисты, восторженные поклонники натуръ-философіи Шеллинга, мало-по-малу соглашались съ «эмпириками», послѣдователями европейскихъ экспериментаторовъ [1]).

Какъ въ естественно-научномъ, такъ и въ соціальномъ міросозерцаніи, въ передовыхъ умахъ третьяго ряда послѣ-петровскихъ поколѣній, подъ

[1]) „Атеней" 1828 г. №№ 1 и 2.

іяніемъ западныхъ мыслителей, начинало возникать уже хотя самое чаточное и смутное чувство несостоятельности метафизико-идеалистичеихъ основъ и въ наукахъ соціальныхъ. Въ передовыхъ мыслящихъ ахъ, вслѣдствіе постепеннаго развитія, подъ вліяніемъ выводовъ западіхъ естествоиспытателей, убѣжденія во всеобщемъ и постоянномъ единоразіи порядка природы, возникала уже и смутная идея о соціальномъ тройствѣ, согласномъ съ законами природы. «Кто изъ насъ не жалолся на безпорядки обществъ,—говорилъ, напр., одинъ русскій професръ въ торжественномъ собраніи казанскаго университета въ 1814 году, казывая пользу и необходимость естественныхъ наукъ для общественноономическаго прогресса,—и кто не желалъ *порядокъ физическаго міра, ιнообразный и неизбѣжный, видѣть утвержденнымъ и въ мірѣ нравственномъ?*» зумѣется, не только рѣшеніе, но и болѣе точная и положительная постановка этого вопроса, во время господства метафизики, были немыслимы.) все-таки и тогда уже познаніе истинныхъ свойствъ человѣчества или коновъ человѣческой природы и познаніе законовъ природы внѣшней изнавались передовыми мыслящими умами единственнымъ вѣрнымъ темъ къ рѣшенію этого вопроса [1]). Въ частной отрасли соціальныхъ укъ, именно въ исторіи, Грановскій, импульсированный идеями геальныхъ европейскихъ натуралистовъ, особенно К. Риттера и Мильнъ-(вардса, первый въ Россіи лелѣялъ великую идею о взаимодѣйствіи , исторіи законовъ природы внѣшней и человѣческой. Идеи геальнаго географа о взаимодѣйствіи между природою и человѣкомъ оизвели на него глубокое впечатлѣніе. Изслѣдованіе этого вопроса ѣлалось однимъ изъ самыхъ любимыхъ занятій его. Точно также азанная Мильнъ-Эдвардсомъ и другими натуралистами идея о вліяніи ізіологическихъ различій человѣческихъ расъ на исторію глубоко гронула живо-воспріимчивый умъ Грановскаго,—и вопросъ о физіологискихъ свойствахъ человѣческихъ породъ чрезвычайно занималъ его. Все) показываетъ, что умъ Грановскаго искалъ уже прочныхъ основъ такой ціальной науки, какъ исторія, въ законахъ природы внѣшней и человѣской, или въ разработкѣ ея по методу естественно-научному. «Исторія—салъ онъ—по необходимости должна выступить изъ круга наукъ филого-юридическихъ, въ которомъ она долго была заключена, на обширное прище естественныхъ наукъ» [2]). За тѣмъ, «Космосъ» Гумбольдта, объющій цѣлость природы внѣшней и человѣческой, въ изданіяхъ на языкъ европейскихъ, въ изложеніи «Отечественныхъ Записокъ» и въ русомъ переводѣ Фролова и Гусева, болѣе или менѣе возбуждалъ и воспиналъ, по крайней мѣрѣ, въ немногихъ передовыхъ умахъ русскихъ, ею новаго, истиннаго, цѣльнаго космо-антропологическаго міросозерцанія, работаннаго вѣковыми коллективными изслѣдованіями геніальныхъ гествоиспытателей Европы и заключающаго въ себѣ не только органиски-цѣльную философію космоса, природы, но и великую идею космо-

---

[1]) Рѣчь проф. Перевощикова „О пользѣ науки вообще“, 15 іюля 1814 г.

[2]) Т. Н. Грановскій. „Біографич. очеркъ“ А. Станкевича. М. 1869.

антропологической философіи или соціологіи, столь вожделенной и искомой общечеловѣческою исторіею. И вообще съ 50-хъ и особенно съ 60-хъ годовъ, энергично возбудившаяся на Западѣ разработка соціальныхъ наукъ съ точки зрѣнія позитивной философіи и естественно-научнаго метода стала оказывать столь ощутительное впечатлѣніе и на мысль русскую, что и у насъ даже представители старой, метафизико-идеалистической системы разработки соціальныхъ наукъ начинали предчувствовать близость того времени, когда метафизическій идеализмъ совсѣмъ вытѣснится изъ области соціальныхъ наукъ взглядомъ и методомъ наукъ естественныхъ. «Въ обширной области наукъ, — говоритъ Кавелинъ — ближайшимъ образомъ касающихся умственной, нравственной или общественной жизни человѣка, идеализмъ еще кое-какъ держится, но видимо-угасая; естественно-историческій взглядъ и методъ проторгаются и сюда всѣми пòрами. Такъ и кажется, вотъ-вотъ еще какихъ-нибудь десять-двадцать лѣтъ, еще два-три большихъ открытія,—и идеализъ, въ наукѣ по крайней мѣрѣ, будетъ окончательно побѣжденъ» [1]).

Такимъ образомъ, въ то же самое время, какъ, подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣнія германской философіи, русскіе умы переживали естественно-психологическій фазисъ метафизическаго міросозерцарія, въ то же самое время, подъ вліяніемъ еще болѣе могущественныхъ импульсовъ западныхъ естествоиспытательныхъ геніевъ, другіе, наиболѣе прогрессивные и передовые русскіе умы, энергично и непрерывно передавая русскому обществу плоды европейскаго естествознанія, подготовляли лучшую часть его къ всецѣлому воспринятію съ Запада положительной науки и философіи. И потому фазисъ метафизическаго умонастроенія и міросозерцанія не могъ быть слишкомъ продолжительнымъ въ умственной жизни передовыхъ русскихъ людей. Если въ западной Европѣ давно уже, послѣ Novum Organum Бэкона, Discours sur la méthode Декарта и Principia mathematica philosophiae naturalis Ньютона, возвѣщена и утверждена въ мірѣ идея торжества положительнаго знанія, то и въ русскомъ обществѣ, всецѣло воспитывающемся умственно-возбудительными впечатлѣніями западнаго разума, стремящимся воспринять всю умственную жизнь Запада въ свою плоть и кровь,— борьба «эмпиризма» или реализма съ метафизическимъ «умозрѣніемъ» или идеализмомъ, возбужденная тоже импульсомъ западныхъ идей, уже не могла и не можетъ длиться цѣлыя столѣтія, но подъ вліяніемъ новыхъ, наиболѣе сильныхъ толчковъ или возбужденій западнаго естествоиспытующаго разума, рано или поздно, и, вѣроятно, не въ далекомъ будущемъ, должна будетъ кончиться торжествомъ положительной науки и философіи, позитивнаго міросозерцанія. Вѣдь не повториться же въ Европѣ періоду метафизическому. Сила вещей—непреодолимая сила измѣненій въ ходѣ исторіи. И какъ бы мы скептически ни смотрѣли на замѣтно возбудившуюся одно время въ русскомъ обществѣ воспріимчивость къ идеямъ западныхъ естествоиспытателей,—во всякомъ случаѣ эта воспріимчивость есть необходимое, естественно-историческое

---

[1]) Г. Кавелина: „Мысли о современныхъ научныхъ направленіяхъ“.

лѣдствіе всего предъидущаго естественно-психологическаго развитія передовой части русскаго общества. И это энергическое и дѣятельное стремлеіе всѣхъ лучшихъ, передовыхъ умственно-рабочихъ силъ русскихъ къ усвоеію и передачѣ въ русскомъ переводѣ всѣхъ лучшихъ или наиболѣе развивающихъ европейскихъ книгъ по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ, всѣхъ озитивно-философскихъ идей передовыхъ западныхъ естествоиспытатеей,—это живое и дѣятельное стремленіе прознаменуетъ, намъ кажется, близость вступленія русской мысли въ фазисъ новаго, позитивнаго міросозерцаія; потому что выражаетъ сильный и живой запросъ на скорѣйшее усвоеніе сѣхъ послѣднихъ выводовъ европейскихъ естествоиспытателей, служащихъ азисомъ этого новаго, позитивнаго міросозерцанія. И въ этомъ отношеніи, усское общество, по естественно-присущей ему воспріимчивости ко всему новому и могущественно-возбудительному для ума, ждетъ только новаго, сильнаго импульса со стороны западнаго разума. А на Западѣ уже начинается такое умственное движеніе, которое, когда достигнетъ всей силы напряженности, безъ сомнѣнія, произведетъ глубокое и сильное впечатлѣніе и на всю мыслящую часть человѣчества. На Западѣ совершается дѣятельная умственная пропаганда «позитивной философіи», основателемъ которой былъ великій Кантъ. Въ 1864 году въ западныхъ обществахъ потребовалось новое изданіе «Курса позитивной философіи» Канта. «Время идетъ быстро,—пишетъ Литтре въ предисловіи къ этому изданію,—и не долго придется ждать, вѣроятно, пока борьба возобновится на почвѣ болѣе подготовленной, болѣе опредѣленной. Только двадцать два года прошло со времени выхода послѣдняго тома «Позитивной философіи», сочиненія, которое, по словамъ автора, могло быть оцѣнено только по окончаніи его, какъ цѣлое. Въ противоположность другимъ системамъ, которыя надѣлали много шуму и вслѣдъ за тѣмъ не находили послѣдователей, позитивная философія произвела мало шуму, не перестала, тѣмъ не менѣе, укрѣпляться посредствомъ скрытаго прозелитизма, основывающагося на силѣ вещей, а не на пропагандѣ». И дѣйствительно, позитивная философія на Западѣ вызвала уже цѣлую, особую литературу позитивизма. Литтре, вмѣстѣ съ нашимъ соотечественникомъ Вырубовымъ, издаетъ съ 1-го іюля 1867 года особое обозрѣніе, подъ названіемъ: «La philosophie positive». Литература французская, итальянская, англійская и нѣмецкая, все болѣе и болѣе обогащается новыми книгами, написанными съ точки зрѣнія положительной философіи. Въ книгахъ этихъ изслѣдываются, напримѣръ: позитивная классификація наукъ, принципы позитивнаго воспитанія, нравственность съ позитивной точки зрѣнія, позитивное, медико-физіологическое ученіе о свободной волѣ человѣка, отношеніе позитивизма къ матеріализму и спиритуализму, къ метафизикѣ, раціонализму и идеализму, принципы позитивной соціологіи и т. п. Вопросы позитивной философіи до того возбуждаютъ умы на Западѣ, что, напримѣръ, въ однихъ итальянскихъ журналахъ, въ теченіе одной только половины 1868 года, появилось болѣе 10 статей о позитивизмѣ. Такое живое возбужденіе умовъ на Западѣ идеями позитивной философіи можетъ ли пройти безъ впечатлѣнія на лучшіе передовые умы русскіе, чутко прислушивающіеся ко всякому умственному движенію на

Западѣ? Мы не сомнѣваемся сказать: нѣтъ. Если, по законамъ человѣческой природы, умственная жизнь на Западѣ, послѣ фазиса метафизическаго міросозерцанія, естественно и необходимо вступаетъ въ фазисъ позитивной философіи, позитивнаго міросозерцанія, то и на умственную жизнь русскаго общества, въ силу тѣхъ же законовъ человѣческой природы, послѣ фазиса воспринятія западнаго метафизико-идеалистическаго міросозерцанія, естественно и необходимо должно произвести сильное, глубокое умственно-возбудительное впечатлѣніе именно это новое, позитивное міросозерцаніе передовыхъ западныхъ естествоиспытателей и мыслителей. Ибо нѣтъ теперь въ мірѣ идеи сильнѣе и прогрессивнѣе позитивной идеи ихъ, этихъ умственныхъ представителей человѣчества. И впечатлѣніе ихъ на мыслящую часть русскаго общества тѣмъ неизбѣжнѣе, что общество русское, вслѣдствіе своей естественной воспріимчивости ко всему новому и могущественно-дѣйствующему на его нервную воспріимчивость, уже естественно-исторически стало воспріимчиво ко всѣмъ прогрессивнымъ идеямъ и впечатлѣніямъ передовыхъ западныхъ обществъ, послѣ того, какъ оно уже полтораста лѣтъ воспитывалось подъ вліяніемъ интеллектуальныхъ впечатлѣній. Зачатки умственно-возбудительнаго дѣйствія «позитивной философіи», все болѣе и болѣе восходящей надъ горизонтомъ умственной жизни Запада, уже начинаютъ проявляться и въ передовомъ меньшинствѣ русскаго общества, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія для распространенія у насъ идей положительной философіи. Вслѣдъ за переводомъ критическихъ трактатовъ Льюса и Милля о позитивной филисофіи Канта, въ журналахъ нашихъ начали уже появляться отъ времени серьезныя статьи русскихъ писателей о позитивизмѣ и его задачахъ [1]. И нѣтъ сомнѣнія, что когда на Западѣ позитивная философія или позитивное міросозерцаніе громко возвѣстится господствующимъ міросозерцаніемъ, какъ нѣкогда громко, во всеуслышаніе всѣхъ народовъ Европы, провозглашалась реформація, протестантизмъ, революція 1789 года, тогда это великое умственное движеніе европейскаго разума произведетъ глубокое впечатлѣніе и на умственную воспріимчивость мыслящей части русскаго общества. И впечатлѣніе это могущественно возбудитъ передовой рядъ общества къ живѣйшему и полнѣйшему воспринятію ученія позитивной философіи, какъ философіи, въ настоящій фазисъ интеллектуальнаго развитія человѣчества, самой естественной, естественно-исторически необходимой и единственно прогрессивной и благотворнѣйшей для человѣчества.

Такъ естественно-исторически слѣдуетъ быть и такъ, безъ сомнѣнія, будетъ по закону нормальнаго естественно-психологическаго развитія этой органически-присущей нервной организаціи русскаго народа живѣйшей воспріимчивости къ впечатлѣніямъ совершенно новымъ и неожиданно или особенно поразительнымъ, или къ впечатлѣніямъ, которыя прямо сопряжены съ чувствомъ пользы, благоудовольствія и наслажденія. Потому что

---

[1]) См., наприм., „Современ. Обозрѣніе" 1868 г., въ майскомъ №, статью П. Л: „Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе"; „Отечест. Записки", 1869 г. № 4. „Позитивизмъ послѣ Канта", статья Вл. Лесевича и друг.

будучи разъ всецѣло плѣнена и увлечена, послѣ убійственно-монотонныхъ впечатлѣній восточно-азіятскихъ, этимъ дѣйствительно-обаятельнымъ міромъ поразительныхъ и разнообразныхъ чудесъ европейской цивилизаціи, этимъ поразительно-могущественнымъ міромъ европейскаго разума, безпрерывно стремящагося къ содѣланію жизни человѣческой наиболѣе разумною, свободною и счастливою,— съ тѣхъ поръ эта особенная нервная воспріимчивость передовыхъ поколѣній русскаго народа дальше должна уже неизбѣжно, по естественно-психологическимъ законамъ, все больше и больше возбуждаться непрерывною и, такъ сказать, ненасытимою жаждою восприятія всѣхъ тѣхъ впечатлѣній и дѣйствій европейскаго разума и прогресса, которыя или особенно поразительно и возбудительно дѣйствуютъ на умъ, или сильно возбуждаютъ и развиваютъ ассоціаціи идей, самыя благопріятныя для личнаго и общественнаго стремленія къ содѣланію жизни нашей разумною, счастливою и свободною отъ гнета, страданія и пустоты. Но охарактеризовавши такое нормальное и прогрессивное психолого-историческое проявленіе этой особенной нервной воспріимчивости русскаго народа къ печатлѣніямъ наиболѣе напряженнымъ, новымъ и могущественно-возбудительнымъ, мы должны сказать нѣсколько словъ и объ ея анормальномъ, патологическомъ и регрессивномъ проявленіи. Ибо въ то время, какъ въ передовыхъ послѣ-петровскихъ поколѣніяхъ естественно-присущая нервной организаціи русскаго народа особенная воспріимчивость къ впечатлѣніямъ наиболѣе напряженнымъ, новымъ и возбудительнымъ, естественно-исторически, генеративно-послѣдовательно развилась въ нормальную, сочувственную воспріимчивость ко всѣмъ прогрессивно-возбудительнымъ и умственно-образовательнымъ впечатлѣніямъ передовыхъ европейскихъ народовъ, въ то же самое время эта же особенная нервная воспріимчивость русскаго народа въ поколѣніяхъ отсталыхъ, или анормально воспитывавшихся проявлялась равносильнымъ чувствомъ отвращенія, идіосинкразіи или антипатіи къ европейскимъ впечатлѣніямъ. И въ этомъ-то анормальномъ проявленіи ея, какимъ страдали всѣ тѣ русскіе люди, которые неправильно и патологично или съ своеобразными апріорическими ассоціаціями идей воспринимали впечатлѣнія Запада, заключалась одна изъ причинъ, препятствовавшихъ болѣе быстрому и успѣшному развитію нормальной и естественно-прогрессивной умственной воспріимчивости русскаго общества ко всѣмъ воспитывающимъ и развивающимъ идеямъ и впечатлѣніямъ европейскаго разума и прогресса.

Мы видѣли уже, какъ на низшей, первобытной степени нервно-мозгового развитія русскаго народа, когда нервная воспріимчивость его была еще до пантофобической раздражительности чувствительна ко всѣмъ внезапнымъ, неожиданнымъ и необычайнымъ впечатлѣніямъ, какъ физическимъ, такъ и этническимъ,—мы видѣли, какъ тогда одинъ взглядъ на этотъ прежде невиданный, совершенно новый и неожиданно появившійся типъ европейцевъ первоначально производилъ на нервы русскихъ столь раздражительное, ужасающее впечатлѣніе, что простой народъ нашъ даже еще въ XVI и XVII вѣкѣ, съ испугомъ открещиваясь, бѣжалъ отъ европейцевъ, какъ отъ страшныхъ пугалъ и зловѣщихъ страшилищъ. И это,

такъ сказать, идіосинкразическое, нервное отвращеніе къ европейцамъ въ темной массѣ народа сохранялось долго, только нѣсколько видоизмѣняясь въ формѣ выраженія, сообразно съ новыми ассоціаціями впечатлѣній, ощущеній и представленій. Между тѣмъ, какъ въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ естественная нервная предрасположенность и воспріимчивость къ впечатлѣніямъ новымъ, непривычнымъ и поразительнымъ послѣ ближайшаго разсмотрѣнія рѣзко выдающагося превосходства европейскаго типа надъ азіатскимъ, породила такую экзальтированную ксеноманію, галломанію и англоманію, породила особенную, страстную наклонность послѣпетровскихъ поколѣній къ всецѣлой физической или наружной ассимиляціи европейцамъ и т. п., въ массѣ народной та же самая искони-присущая нервной организаціи русскаго народа особенная нервная чувствительность къ впечатлѣніямъ новымъ, внезапнымъ и непривычнымъ возбуждала до болѣзненности раздражительную идіосинкразію или отвращеніе къ усвоенію европейскаго физическаго типа. Надобно замѣтить здѣсь, что въ началѣ XVIII столѣтія, нервная организація нѣкоторыхъ русскихъ страдала почти даже еще первобытною, пантофобическою раздражительностью и чувствительностью къ впечатлѣніямъ новымъ, необычайнымъ, непривычнымъ для нервовъ, или къ впечатлѣніямъ рѣзко противорѣчащимъ привычнымъ ассоціаціямъ мрачнаго умонастроенія. Тогда совершенно новыя, необычайныя, непривычныя и неожиданныя впечатлѣнія крутыхъ реформъ и нововведеній Петра-Великаго и вдругъ нахлынувшія совершенно новыя, непривычныя и необычайныя впечатлѣнія западныя сильно благопріятствовали этой пантофобической раздражительности нервной системы суевѣровъ, умы которыхъ наполнены были самыми мрачными ассоціаціями идей и представленій. Ѳеофанъ Прокоповичъ, по этому поводу, въ словѣ 6 апрѣля 1718 года говорилъ: «суть нѣціи, или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаемы, которые таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что *все имъ грѣшно и скверно мнится быти, если что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно*, хотя и праведно, и правильно, и не богопротивно» [1]. И не одинъ Ѳеофанъ Прокоповичъ указывалъ на такія анормальныя проявленія нервной впечатлительности русскихъ людей къ новымъ и необычайнымъ впечатлѣніямъ. Въ 1755 года «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», въ статьѣ «о ипохондрической болѣзни» предлагались, вмѣсто лекарства, забавныя письма тоже такимъ людямъ, которые «всего боялись и во всемъ безпокоились, а причины тому объявить никакой не могли» [2] Вообще, не даромъ, въ XVIII вѣкѣ и въ русской журналистикѣ появлялись иногда спеціальныя психологическія статьи, касавшіяся этой особенной нервной воспріимчивости къ впечатлѣніямъ новымъ, внезапнымъ, возбуждающимъ удивленіе и проч. Напримѣръ, въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» за 1761 годъ, въ статьѣ «о боязни непогоды», было вѣрно замѣчено: «все, что сильное и необыкновенное производитъ въ чувствахъ нашихъ дѣйствіе, приводитъ насъ въ удивленіе, съ коимъ наступающая опасность или

---

[1] Пекарскаго I, 486.

[2] Ежем. соч. 1755. Январь, стр. 235.

дость присовокупляетъ либо сильный страхъ, либо веселіе, которое тѣмъ льше бываетъ, чѣмъ нечаяннѣе оказывается»[1]). Или тамъ же помѣщена еціальная статья «о силѣ новости», и въ ней, напримѣръ, замѣчено: Іовость имѣетъ не токмо весьма сильное, но и пространнѣйшее дѣйствіе: а есть источникъ удивленія, которое по мѣрѣ того, какъ мы знакомѣе ановимся съ объектами, умаляется, а по совершенномъ спознаніи вовсе опадаетъ»[2]). Не даромъ, спеціальный вопросъ о новомъ или старомъ, новизнѣ и старинѣ, кажется, ни у одного европейскаго народа такъ льно, такъ живо и возбудительно не затрогивалъ нервную чувствитель-сть, какъ у насъ, и ни въ одной европейской исторіи, спеціально самъ себѣ, не имѣлъ такого важнаго, первостепеннаго значенія, какъ въ умвенной исторіи русскаго народа. Нигдѣ не было такого характериическаго, спеціальнаго раскола старины, старообрядства, такъ фатически возстававшаго противъ всякаго *новшества*, какой возникъ и селѣ существуетъ въ Россіи. Ни въ одной европейской литературѣ не ло такой горячей спеціальной полемики о новомъ и старомъ вообще, кая была въ русской литературѣ. И эта полемика, начавшаяся уже въ VII вѣкѣ, особенно разгорѣлась въ первой половинѣ XVIII столѣтія, въ мый разгаръ сильнаго возбужденія нервной воспріимчивости русскихъ одей къ новымъ впечатлѣніямъ, или къ нововведеніямъ западнымъ. Наимѣръ, Феофанъ Прокоповичъ обличалъ враговъ «новшества»: «Не оный безумный, упрямымъ и безотвѣтнымъ, обычный отвѣтъ: *дѣло новое!* О уднаго и окаяннаго суесловія! Аще бо и новое дѣло, что же самая ность вредитъ? Вещи новыя, яко же и ветхія, ни отъ доброты, ниже отъ дости своей, но токмо отъ времени нарицаются. Зло—и старое зло есть; бро—и новое добро есть. Еще же и сіе внуши и разсуди всякъ, что кія вещи и за самую ветхость похвалы своей лишаются. Новость же ма собою ничего отнюдь не порочитъ... Развѣ бы еще сказалъ кто, что ло новое у насъ не бывало. Хотя бы и не бывало, что противно? Что же, гя бы у насъ и не бывало, если доброе и полезное есть, яко же есть дны мы были, если не было у насъ, а благополучно, что у насъ настало. рвѣе явилось огненное оружіе у прочихъ народовъ, нежели у насъ, но ибы и къ намъ оно доселѣ не пришло, что было бы и гдѣ бы уже ла Россія? Тоже разумѣй и о книжной типографіи, о архитектурѣ, о очіихъ честныхъ ученіяхъ. Разумный есть человѣкъ и народъ, который стыдится перенимать новое доброе отъ другихъ и чуждыхъ; безумный и смѣха достойный, который своего и худаго отстать, чужаго же и браго принять не хочетъ. Что не бывало и настало, то развѣ новостью рочиться можетъ?» и проч.[3]). Вслѣдствіе такого особенно важнаго знанія силы новости для нервной впечатлительности русскаго народа, и обенно вслѣдствіе этой болѣзненной, пантофобической нервной раздражиьности, многіе съ трепетнымъ органическимъ содроганіемъ смотрѣли,

[1]) Ежем. соч. 1761, іюнь, 547, 585.
[2]) Ежем. соч. Мартъ. 1761, стр. 265—276.
[3]) Пекарскаго. Матер. для ист. науки и литер. при Петрѣ, I, т. II. стр. 573.

какъ на свѣтопреставленіе или послѣднее, антихристово время, на усилившееся при Петрѣ Великомъ и послѣ него совершенно новое и небывалое въ старину соціально-физіологическое, лингвистическое и вообще наружно-бытовое обобщеніе русскихъ съ европейцами. Невѣжественные русскіе люди, страдавшіе еще почти первобытною нервною раздражительностью къ новымъ, внезапнымъ, и непривычнымъ впечатлѣніямъ не могли безъ нервнаго потрясенія и содроганія, безъ страха и ужаса видѣть русскихъ въ нѣмецкой одеждѣ, въ парикахъ съ обритыми бородами и усами, съ новыми манерами походки и тѣлодвиженій, съ нѣмецкими и французскими словами въ разговорѣ и вообще со всѣми европейскими привычками и качествами. Нервы ихъ до того раздражались при видѣ соотечественниковъ, во всей наружности уподоблявшихся европейцамъ, что они конвульсивно тряслись и падали отъ судорожнаго нервнаго потрясенія и страха, и сходили съ ума. Такъ при Петрѣ Великомъ, капитанъ Левинъ до того раздражительно пораженъ былъ неожиданно-усилившимся импульсомъ новыхъ европейскихъ впечатлѣній, дѣйствовавшихъ на нервную воспріимчивость русскаго общества, что пришелъ въ страшное нервное разстройство, съ потрясеніемъ всего тѣла впадалъ въ обморокъ, забывался умомъ и галлюцинировалъ: ему мерещилось, что въ Россіи стало нарождаться отъ смѣшенія съ нѣмцами, новое, антихристово поколѣніе, у котораго «красныя щеки, на щекахъ черныя пятна, и на тѣхъ пятнахъ волосы черные же, и такіе де люди должны быть въ антихристово время». Объ этомъ онъ, по собственному его признанію, кричалъ во всѣхъ городахъ и на путяхъ, гдѣ былъ, «дабы народъ ужасался». Кромѣ того, ему мерещилось то «чюдо велико, или явленіе на небеси зѣло дивно и несказанно, то мясо, которое будто бы русскіе и даже монахи починали ѣсть по постамъ, по обычаю нѣмецкому, то обритыя у всѣхъ бороды, то заморскія клейма и печати на русскихъ» и т. п. [1]).

Одинъ взглядъ на русскихъ, стремившихся къ наружному и лингвистическому объединенію съ европейцами, до того раздражалъ нервы, возмущалъ чувства этихъ пантофобически-настроенныхъ русскихъ людей, что они, въ нервной раздражительности вдругъ фанатически вставали и шли подбрасывать или прибивать у церквей бунтовскіе листы, либо шли прямо къ царю и подавали свои фанатическіе протесты противъ онѣмеченія русскихъ. Въ 1715 году, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, недалеко отъ Сухаревой Башни, въ деревянномъ домѣ, въ бѣдной палатѣ, сидѣлъ старикъ, подьячій Докукинъ, часто меланхолически задумываясь о смѣшеніи русскихъ съ иновѣрными народами, о хищныхъ волкахъ иноземныхъ пришельцахъ, «вкравшихся въ стадо христово» и т. п. И вотъ, въ одинъ день, нервически раздраженный, вдругъ торопливо встаетъ этотъ старикъ и идетъ подкидывать возмутительное письмо. Въ письмѣ этомъ онъ взывалъ къ народу: «Зрите, о правовѣрные христіанскіе роды, како мы всѣхъ своихъ прежнихъ христіанскихъ добрыхъ дѣлъ и градскихъ издревле уставленныхъ законовъ лишились, въ лестныхъ ученіяхъ обычай свой измѣнили, слова и званія нашего славянскаго языка и платье перемѣнили, главы и

[1]) Раскольничьи дѣла XVIII вѣка. Есипова. Спб. 1861, стр. 1—57.

рады обрили, и персоны свои ругательски обезчестили (принявъ европейкую наружность и видъ); нѣсть въ насъ вида и доброты, и разнствія съ новѣрными народами, купно съ ними пиршествуемъ, ядимъ, піемъ, веселимся, живемъ и посягаемъ, яко же сущно съ своими христіанами, также съ ними иновѣрными языками и бусурманами, послѣдуемъ ихъ нравамъ законамъ, забывъ страхъ божій... Равную съ ними пищу ѣдимъ, смѣшались ъ ними языкомъ, и дѣламъ ихъ навыкли, отъ востока очи свои зажали и глезнѣ вои въ бѣгство на западъ обратили... Все та скорбь и туга велія нашла на асъ по зависти пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ: влѣзли, окаянніи, атски, яко хищницы волцы, въ стадо христово, и уже не малую часть тторгли къ себѣ» [1]). Люди, страдавшіе пантофобической нервною раздражительностью, при одномъ взглядѣ на «необычайную и странную» для рѣнія ихъ европейскую одежду начала XVIII столѣтія, на европейскую оходку русскихъ и т. п., пугались седмиглаваго змія и съ ужасомъ взывали къ народу: «*седмиглавый змій наводитъ иностранные обычаи*, дабы отлучить отъ Бога и отвести во дно адово! Присмотрися, возлюбленне, вси ю христіане одѣются одѣяніемъ *страннымъ* и *необычнымъ*, мужи и жены, дѣвицы. Аще хочеши благочестіе и вѣру содержати непоколебиму, всѣ иностранные обычаи, сирѣчь, *взоры*, *глаголы*, *хожденіе*, *одѣяніе* и прочая вся неподобная христіанамъ отринемъ. Зрите, православные, сущіе душелюбцы, егда исполняется седьмыя тысящи 290 лѣтъ, тогда будетъ въ людяхъ великое невоздержаніе, и плѣнятся обычаями иностранными, и начнется въ христіанахъ *иностранное любленіе*, еже есть *глаголы*, *взоры*, *хожденіе*, *одѣяніе*: *горе!*» [2]). Такъ на низшей степени умственнаго развитія особенная нервная воспріимчивость русскаго народа къ впечатлѣніямъ новымъ, необычайнымъ и непривычнымъ въ высшей степени раздражительно возбуждалась такими совершенно новыми, необычными и непривычными впечатлѣніями наружнаго, физическаго европейскаго типа, каковы, по ихъ словамъ, иностранные взоры, глаголы, хожденіе, одѣяніе и всѣ обычаи». Но вотъ, на высшей степени умственнаго развитія, въ третьемъ ряду послѣ-петровскихъ поколѣній, послѣ первоначальнаго, преимущественнаго воспринятія первыми послѣ-петровскими поколѣніями впечатлѣній физическаго европейскаго типа, вдругъ, неожиданно доносится до умовъ русскихъ впечатлѣнія умственныя, впечатлѣнія идей, разума, философіи; вдругъ, неожиданно слышитъ общество русское, что на Западѣ могучая сила разума громитъ, рушитъ и потрясаетъ до основанія старый міръ традиціи, привиллегій, неравенства и безправія людей, и проч., что Вольтеръ, царь философовъ, воцаряетъ въ мірѣ человѣческомъ разумъ, Эммануилъ Кантъ своей «Критикой Чистаго Разума» производитъ, по выраженію Шлоссера, революцію въ философіи и проч. Какое же страшное террорическое впечатлѣніе произвелъ на многіе русскіе умы этотъ, какъ они говорили, «вулканъ революціи», и этотъ переворотъ въ міросозерцаніи и философіи, какой производили Вольтеръ, Кантъ и вся философія XVIII-го столѣтія? На нервы

[1]) Есипова, „Раскольн. дѣла“ XVIII ст., стр. 183—184.

[2]) Сборн. разн. раскольн. статей рукоп. казан. дух. акад. Расколъ, стр. 130.

нашихъ Руничей, Магницкихъ. Фотіевъ и т. п. людей, страдавшихъ умственною пантофобіей, всебоязнію, страшный образъ французской революціи. идеи Вольтера, философія Канта производили почти такое же потрясающее. ужасающее впечатлѣніе, какое на первобытнаго предка нашего производилъ внезапный громъ, внезапный и непонятный стукъ и т. п.

Не излагая здѣсь всѣхъ послѣдовательныхъ физисовъ и видоизмѣненій этой анормальной пантофобически-раздражительной нервной воспріимчивости къ впечатлѣніямъ Запада, въ заключеніе мы приведемъ, однако же, одинъ примѣръ, особенно характеристическій, какъ анахронизмъ въ естественно - психологическомъ и историческомъ развитіи русскаго общества. Когда французская революція разразилась страшнымъ громомъ по всей Европѣ и Западъ потрясали потомъ наполеоновскія войны, то это тяжелое, напряженное состояніе западныхъ государствъ производило такое мрачное пантофобическое впечатлѣніе на умы крайнихъ русскихъ патріотовъ, что они ужасались со стороны Запада величайщаго зла и для Россіи, и въ этомъ ужасѣ приходили къ проекту о совершенномъ отчужденіи Россіи отъ Европы, о прерваніи всѣхъ связей съ ней, какія завязаны были со времени Петра Великаго. 4-го октября 1809 года извѣстный публицистъ-помѣщикъ В. Каразинъ написалъ письмо къ императору Александру I-му о невмѣшательствѣ въ дѣла Европы. Въ письмѣ этомъ онъ писалъ: «Время, въ которое мы находимся, есть рѣшительное и важное. Вѣрноподданные ваши, которые были внутри имперіи, лучше видятъ и не имѣютъ побужденія скрывать *страховъ своихъ*... Россійская Имперія находится нынѣ между двумя крайностями по всѣмъ отношеніямъ. Съ одной стороны грозитъ война, которой конецъ сомнителенъ, то-есть съ Наполеономъ, съ другой медленное, но столько же болѣзненное истощеніе государства. Я говорю голосомъ тысячей не предубѣжденныхъ россіянъ, обращаю вниманіе моего государя на неутралитетъ, но не въ томъ понятіи сего слова, какое у министеріи обыкновенно принимается... Я въ мысли моей иду гораздо далѣе. Я воображаю отрѣзать Россію отъ всей остальной части Европы, совершенно уничтожить всѣ въ началѣ прошедшаго вѣка заведенныя, и до сихъ поръ въ нѣкоторомъ сосредоточенномъ видѣ существующія политическія связи, не только отказываться отъ пособія той или другой державѣ, но устранить себя отъ всякаго участія въ ихъ дѣлахъ, даже и официіальнаго объ нихъ свѣдѣнія, прекратить всѣ министеріальныя сношенія, отозвать нашихъ резидентовъ, какого бы они званія ни были, и взаимно выслать посланниковъ другихъ державъ, не позволяя быть у насъ ниже торговымъ консуламъ... Государь, любящій Россію! Дѣло идетъ теперь, въ сіе критическое время, гдѣ мы стоимъ, можетъ быть, о ея величайшемъ благѣ или величайшемъ злѣ... При совершенномъ отчужденіи себя отъ Европы, мы не имѣя пустыхъ надеждъ, лучше воспользуемся собственными силами (а силы сіи велики, необъятны)... Разсмотрите хладнокровно. августѣйшій государь, какую пользу принесли намъ политическія связи съ Европой? Какому изъ правительствъ европейскихъ обязаны мы за введеніе или усовершеніе у насъ той или другой вѣтви промышленности? Малое число хорошихъ заведеній существуетъ, можно сказать, вопреки

ихъ... Что жъ, если дойдемъ до части воспитанія, то-есть до важнѣйшей части государственнаго состава, то каждое ли чуждое правительство руководило насъ, вспомоществовало намъ всѣмъ. Не желали ль бы они, напротивъ, всѣ въ ничто обратить благотворительныя безсмертныя учрежденія ваши, государь, такъ какъ толпы развращенныхъ ихъ подданныхъ дѣйствительно вредятъ имъ у самаго корня, который есть благонравіе юношества?... Выраженіе, едва ли смыслъ какой заключающее: *мы теперь европейцы* и честь разумѣть дипломатическія тонкости французскаго языка есть почти все, что нами пріобрѣтено во сто лѣтъ слишкомъ, чрезъ посредство иностраннаго департамента. Теперь настало благопріятнѣйшее время къ отчужденію себя отъ Европы. Вся Европа вверхъ дномъ опрокинута... Я воображаю себѣ повальную, заразительную болѣзнь, съ которою нынѣшнее положеніе Европы во многомъ сходствуетъ: простительно заключить свои двери и ограничиться сохраненіемъ своего собственнаго дома... Что скажутъ о семъ въ Россіи? Государь! не предубѣжденные твои подданные, каковыхъ, конечно, большая часть во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ, въ восторгѣ осыплютъ тебя сердечными благодареніями, и въ преданіяхъ изъ рода въ родъ нарекутъ тебя истиннымъ русскимъ царемъ. Кажется мнѣ, прахъ предковъ твоихъ въ Кремлѣ радостнымъ движеніемъ потрясется... Что скажутъ о семъ въ Европѣ! Ужели благословенія тысячей и темъ народа твоего могутъ быть взвѣшиваемы съ эфемерною хвалою или хулою нѣсколькихъ журналистовъ?... *Пускай они укорятъ насъ возвращеніемъ въ первобытное наше, такъ-называемое ими, варварство.* Ходъ разума человѣческаго, взявшій единожды свое направленіе въ имперіи твоей, изобильной умами также, какъ и всѣмъ прочимъ, отъ сихъ лжеобвиненій не измѣнится. Онъ утвердится только на отечественной, то-есть естественнѣйшей основѣ... Государь! ты самодержецъ, неограниченный властитель надъ моею жизнью; я ничтожный твой подданный, я имѣю жену беременную и двухъ дѣтей, еще младенцевъ, которыхъ всѣхъ люблю нѣжно; имѣю, слѣдовательно, великія причины, дорожа нынѣшнимъ моимъ благосостояніемъ, питать страхъ. Вся внутренность моя трепещетъ, когда я пишу сіи строки. Но я долженъ еще сдѣлать послѣднее дерзновеннѣйшее примѣчаніе.. Вѣрьте, что отвращеніе русскаго отъ чужеземцевъ, кто бы они ни были, существуетъ еще, прошедъ сквозь цѣлое столѣтіе связей съ ними, и не взирая на чужеземныя одежды, въ которыя мы (увы! во многомъ) облечены. Этому чувству суждено усилить энтузіазмъ любви къ вамъ, государь, и благодарности народной. Спасителемъ вы признаны будете. Новыя, доселѣ необнаружившіяся силы развернутся внутри Имперіи вашей отъ одного ея конца до другаго. Правленіе ваше, не развлеченное чуждыми дѣлами, не стѣсненное чуждыми вліяніями, породитъ чудеса» [1]). Но несмотря ни на ультра-патріотическія чувства, мотивировавшія начертаніемъ этого проекта, ни на антипатію русскаго правительства къ революціоннымъ волненіямъ Запада, императоръ Александръ I никакъ не могъ согласиться осуществить этотъ химерическій

[1]) Изъ Чтен. общ. истор. и древн. россійск.

проектъ Каразина. И съ точки зрѣнія государственной исторической традиціи русскаго правительста, онъ представлялъ аномалію, анахронизмъ, радикально противный всему естественному ходу русской исторіи. Ничто не въ силахъ было уже повернуть исторію назадъ, въ колею Азіи и Византіи, когда всѣ внутреннія, коренныя двигательныя силы ея со всею прогрессивно-возвратавшею стремительностію направлены были, со времени Петра Великаго, впередъ въ колею общечеловѣческой исторіи Западной Европы. Въ силу естественно-свойственной нервной организаціи русскаго народа, особенной или наибольшей воспріимчивости къ впечатлѣніямъ наиболѣе напряженнымъ, новымъ, неожиданно-поразительнымъ и особенно возбуждающимъ нервы чувствъ и мозга, умственная воспріимчивость русскаго общества къ впечатлѣніямъ и идеямъ западно-европейскаго разума и прогресса, какъ къ впечатлѣніямъ, наиболѣе возбуждающимъ умственныя способности, чувства, идеи и желанія человѣческія, наиболѣе затрогивающимъ самые живые и дорогіе интересы и стремленія человѣческой природы и наиболѣе благопріятнымъ для личнаго, семейнаго и общественнаго воспитанія, образованія, развитія и благосостоянія, эта умственная воспріимчивость русскаго общества, по естественно-психологическимъ законамъ человѣческой природы, взяла, со времени Петра Великаго, рѣшительно-историческій перевѣсъ надъ воспріимчивостью къ впечатлѣніямъ мѣстнымъ, восточно-азіатскимъ и византійскимъ, какъ впечатлѣніямъ, далеко неоказывавшимъ такого благопріятнаго прогрессивно-возбудительнаго дѣйствія на нервную организацію русскаго народа, а, напротивъ, большею частью подавлявшимъ въ духѣ народномъ всякія живыя или прогрессивныя идеи, чувства, желанія и стремленія. И потому эта особенная умственная воспріимчивость русскаго общества ко всѣмъ интеллектуально-возбудительнымъ, воспитательнымъ и образовательнымъ идеямъ и впечатлѣніямъ западно-европейскаго прогресса и разума, въ XIX вѣкѣ достигшей высшей степени развитія, естественно-исторически и неотвратимо стала теперь главною, коренною психологическою силою, прогрессивно-мотивирующею умственнымъ и соціальнымъ развитіемъ русскаго общества, образовала primum movens всей новой исторіи русскаго народа и его будущихъ судебъ.

іально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа[1])

I

твенное развитіе въ Россіи и въ Европѣ. Недостатокъ теоретическаго мышленія, обладаніе внѣшней чувственной наблюдательности и потому отсутствіе научнаго ествознанія въ древней Россіи. Эпоха фетишизма, зооморфизма и человѣческихъ твоприношеній. Вѣдуны и волхвы.—Отсутствіе мыслящаго класса.—Религіозный и данскій исходъ; варяги и Византія.—Что досталось отъ Византіи и вообще отъ о-восточнаго классицизма западнымъ народамъ и что русскимъ: а) изъ науки, зъ литературы.—Россія оставалась въ сферѣ схоластики въ великое возрожденіе ъ и религіи на Западѣ; предубѣжденіе противъ естествознанія и господство византикихъ началъ до Петра и до нашего времени. Семинаріи.—Государственная система и въ умственномъ развитіи. Возникновеніе ея вслѣдъ за эпохой народной колоціонной дѣятельности; періоды ея—до Петра,—до 1815 (реальный),—до 1850 (клас-юридическій); принципъ православія, самодержавія и народности.—Невыгоды и для самостоятельности мысли. — Причины безплодности этой опеки для умннаго развитія: во-первыхъ то, что задачей опеки было не свободное развитіе кой мысли, а направленіе ея по частнымъ видамъ правительства; во-вторыхъ— ѣнчивость направленій самой опеки;—хроническая реакція.—Дѣйствіе цензуры на у и литературу. — Вліяніе крѣпостного состоянія на развитіе народной мысли ступность образованія для низшаго класса народа и отраженіе крѣпостничества на понятіяхъ образованнаго помѣщичьяго класса.

II

ія слѣдствія византійскаго вліянія и государственной народообразовательной сиы опеки.—*Во первыхъ* —преобладаніе низшихъ познавательныхъ способностей надъ етическимъ разумомъ и потомъ, въ эпоху введенія европейскихъ наукъ,—тупость овскаго и перваго послѣ-петровскаго поколѣнія. — Успѣхи второго послѣ-петрово поколѣнія; склонность къ идеямъ западной философіи XVIII-го вѣка.—Препятя; „недоумство"; неумѣнье мыслить. — Успѣхи третьяго послѣ-петровскаго покоя.—Препятствія. — Вообще продолжающееся господство поверхностнаго сенсуаа; вкусъ къ интересамъ сентиментальнымъ, театральнымъ, анекдотическимъ д.—*Во вторыхъ*—закоснѣніе народа въ пассивно сенсуальномъ и галлюцинаціонъ міровоззрѣніи. Много ли сдѣлало до Петра Великаго самобытно-народное міро-

---

[1]) Отрывокъ изъ обширнаго изслѣдованія объ „Умственномъ развитіи русскаго ода". Аѳ. Щаповъ.

созерцаніе, особенно по искаженіи его византійской доктриной.—Петръ Великій, какъ первый вводитель реальнаго, естественно-научнаго воспитанія въ Россіи.—Ломоносовъ—первый русскій естествоиспытатель: тупость русскихъ людей къ наблюденію естественныхъ предметовъ.—Ломоносовъ ратуетъ за пользы науки.—Далѣе—неприготовленность къ пониманію пользы естествознанія; вражда къ его раціонализму.—Стремленіе къ практичнымъ и прикладнымъ знаніямъ.—Зародившаяся въ немногихъ умахъ естество-познавательная мысль была еще слаба.

III

Степень ея силы во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи; Московскіе профессора натуралисты.—Ученыя экспедиціи.—Вліяніе западныхъ философско-натуралистическихъ идей.—Западное вліяніе еще недостаточно сильно.—Въ обществѣ и въ народѣ естественно-научная мысль еще не прививалась. Грубый, чувственно-эпикурейскій индифферентизмъ.

IV

Научное воспитаніе третьяго послѣ-петровскаго поколѣнія; естествознаніе въ московскомъ университетѣ.—Естественно-научныя общества, журналы, публичные курсы-лекціи съ начала XIX-го столѣтія, способствовавшіе этому воспитанію.—Неблагопріятныя условія, мѣшавшія ему; сенсуальность первой четверти XIX стол., подражательная, не идущая далѣе „демонстрацій", „обсервацій", „опытовъ", накопленія „натуралій" и „раритетовъ", сенсуальность номенклатурная, маршрутная, сенсуальность даже въ средѣ профессоровъ, съ значительнымъ исключеніемъ для математики.—Эмпиризмъ, суевѣріе и наука.—Отсутствіе естественно-научнаго смысла въ современной жизни и воспитаніи.—Анти-натуралистическая реакція въ третьемъ поколѣніи; обскурантизмъ Де-Местра, Магницкаго и Рунича.—Манія классицизма и законовѣдѣнія. Уваровъ и Шишковъ, Панинъ и Неволинъ. Археологическая и сводозаконная память. Участь Врангелей.—Реальное и естественно-научное и утилитарно-практическое возбужденіе общества, опирающееся на реальности склада народнаго ума и потребностяхъ жизни.—Настоятельнѣйшая необходимость въ развитіи естественно-математическихъ наукъ и въ поощреніи естествознанія.

V

Въ третьихъ— отсутствіе или неустановленность истиннаго метода народнаго развитія и общественнаго мышленія.—Отсюда медленное пробужденіе и неправильное направленіе русской мысли; низшій уровень естественно-научнаго образованія въ университетахъ сравнительно съ другими областями знанія въ средѣ профессоровъ и между студентами.—Историко-археологическая, палеографо-библіографическая, Румянцевская эпоха, воспитывавшая память и археологическое, традиціонное умонастроеніе.—Характеръ археологизма, не руководимаго естественно-научнымъ методомъ: нынѣшнія классическія затѣи.—Неблагопріятное антиреальное преподаваніе эстетики.—Увлеченіе западно-германской философіей, какъ реакція противъ восточно-византійскаго традиціоннаго умонастроенія.—Недостатки этого увлеченія: метафизика воспитывала схоластико-идеалистическое умонастроеніе. Протестъ нѣкоторыхъ профессоровъ противъ идеалистическаго направленія, во имя метода западнаго естествознанія, метода медицинскихъ и математическихъ наукъ и самой дѣйствительности.—Все это еще болѣе отдаляло отъ высшей мыслительной жизни темную массу рабочаго народа

VI

Въ четвертыхъ— отсутствіе серьезнаго и сильнаго духа сомнѣнія и скептицизма, который бываетъ предтечей духа изслѣдованія и мотивомъ къ самостоятельнымъ ум-

ственнымъ трудамъ.—Нетвердость первыхъ шаговъ русскаго скептицизма.—Образцы **шаткости**.—Умственные кризисы и переломы; европейскіе свободные мыслители и **наши** „недоросли, недоумы", и наше „горе отъ ума".—Кризисы въ нашей умственной **жизни**; мистическая Новиковская реакція.—Новая неудачная форма скептицизма за четвертое послѣ-петровское поколѣніе.—Поверхностный и часто ложный скептицизмъ въ литературѣ и критикѣ: восточное самоуспокоеніе и самообольщеніе, ультра-патріотизмъ и брань противъ запада.—Чайльдъ-гарольдовскій космополитическій скептицизмъ Байрона и ничтожество русскихъ Онѣгиныхъ, Печоринымъ и Брамбеусовъ.—Спасенье литературы въ реально-критическомъ скептицизмѣ Бѣлинскаго.—Крайній недостатокъ раціональнаго сомнѣнія и духа изслѣдованія въ нашей общественной мысли.

VII

Два умственныхъ класса общества въ Европѣ: схоластико-метафизиковъ или систематиковъ и экспериментаровъ. Свойства истинно-плодотворнаго сомнѣнія.—Задачи русской литературы и науки, и цѣли для общественныхъ стремленій въ настоящее время.

Вслѣдствіе вѣкового преобладанія рабочаго народа надъ мыслящимъ классомъ, практической работы надъ теоретической мыслью, внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ,—естественно, въ Россіи крайне слабо развивалась теоретическая мыслительность народа. Много вѣковъ вовсе не работала и не развивалась раціональная, философско-естествоиспытательная мысль, не проявлялась высшая логическая способность отвлеченія, сравненія, индукціи и обобщенія элементарно-конкретныхъ фактовъ, сообщаемыхъ непосредственно-натуральною наблюдательностью и воспріимчивостью внѣшнихъ чувствъ. Вслѣдствіе этого, самъ рабочій русскій народъ, какъ ни наклоненъ былъ натурально къ естественно-научному сенсуализму и реализму всѣми своими внѣшними чувствами, всѣми своими физическими, реальными работами въ сферѣ природы, всѣмъ своимъ непосредственно-натуральнымъ рабочимъ сенсуализмомъ и реализмомъ,—но все-таки, по неразвитости теоретической силы мышленія, онъ самъ собою никакъ не могъ дойти до научно-раціональнаго, индуктивно-теоретическаго естествознанія. Потому что даже и чувства естествоиспытателя, безъ участія мышленія, безсильны въ дѣлѣ естествознанія. «Исторія естественныхъ открытій—говоритъ Фирордтъ—всего лучше доказываетъ намъ, какъ мало воспріимчивы бываютъ зрѣніе, слухъ и ощущеніе естествоиспытателя. Тысячу разъ проходятъ вещи передъ глазами ученыхъ, пока, наконецъ, онѣ найдутъ своего открывателя, который часто пользовался тѣми же вспомогательными средствами, какъ и его предшественники. Отчего же не сдѣлали этого открытія раньше? Отвѣтъ весьма простъ: они не смотрѣли своимъ *умственнымъ глазомъ*[1]). «Только *чрезъ мышленіе*,— говоритъ Лапласъ, знаменитый преемникъ Ньютона, творецъ «Небесной Механики», — только чрезъ мышленіе, чрезъ сравненіе фактовъ между собою, чрезъ стремленіе улавливать ихъ соотношеніе и посредствомъ нихъ восходить до явленій все болѣе и болѣе общихъ, человѣкъ дошелъ наконецъ до познанія законовъ, управляющихъ явленіями и

[1]) Рѣчь Фирордта о единствѣ наукъ. „Заграничный Вѣстникъ", т. IV, стр. 320.

проявляющихся въ нихъ самымъ разнообразнымъ образомъ»[1]). Этьенъ Сентъ-Илеръ, знаменитый творецъ «Философіи анатоміи», тоже утверждалъ: «чувства, наблюденіе, анализъ неизбѣжны, но исключительно ихъ однихъ недостаточно: мышленіе, синтезъ также имѣютъ свои права. Будемъ пользоваться органами чувствъ для наблюденія по-возможности совершеннаго; но воспользуемся также вслѣдъ за наблюденіями и тѣми самыми благороднѣйшими способностями нашими, которыя присущи намъ, каковы мышленіе и сравнительный методъ изслѣдованія»[2]). Вотъ почему, и въ интеллектуальной исторіи Европы, по изслѣдованію Гумбольдта, развитіе всеобщей самодѣятельности мышленія предшествовало развитію раціонально-опытнаго естествознанія, предшествовало разработкѣ индуктивныхъ, естественныхъ наукъ и великимъ открытіямъ въ области земныхъ и небесныхъ пространствъ міра. Оно составляло существенный, эмбріологическій зачатокъ великихъ естествоиспытательныхъ геніевъ — Колумба, Декарта, Кеплера, Галилея, Ньютона и т. д. «То, что придало эпохѣ Колумба особенный характеръ,—говоритъ Гумбольдтъ, — характеръ непрерывнаго и успѣшнаго стремленія къ открытіямъ въ пространствѣ, къ умноженію познанія о землѣ, — было предуготовлено медленно и различными путями, какъ, напримѣръ, небольшимъ числомъ смѣлыхъ мужей, прежде того появлявшихся и возбуждавшихъ въ одно время и къ всеобщей самодѣятельности мышленія, и къ изслѣдованію отдѣльныхъ явленій природы, — вліяніемъ, которое имѣло на глубочайшіе источники духовной жизни въ Италіи знакомство съ произведеніями греческой литературы, — изобрѣтеніемъ типографскаго искусства, давшимъ мышленію крылья и прочное существованіе, и пр. Когда платонизмъ вытѣсненъ былъ аристотелевой философіей, то эта послѣдняя начала оказывать самое рѣшительное вліяніе на умственное движеніе, и именно въ одно время по двумъ направленіямъ: въ изслѣдованіяхъ умозрительной философіи и въ философской обработкѣ эмпирическаго естествознанія. Первое изъ этихъ направленій уже потому не можетъ быть пройдено молчаніемъ, что оно, посреди схоластической діалектики, привело нѣсколько благородныхъ, высокоодаренныхъ мужей къ независимому самомышленію въ самыхъ различныхъ областяхъ знанія. Величественное физическое міросозерцаніе нуждается не въ одномъ только обиліи наблюденій, служащихъ основаніемъ для обобщенія идей: для него еще необходимо предварительное укрѣпленіе разума, духа мыслящаго, дабы въ вѣчной борьбѣ, между знаніемъ и вѣрованіемъ, не страшиться грозныхъ образовъ, которые до настоящаго времени являлись у входовъ въ извѣстныя области опытныхъ наукъ и заграждали эти входы. Не должно разрознить того, что, въ постепенномъ развитіи человѣчества, равномѣрно оживляло и чувство человѣческаго призванія къ научной свободѣ, и долго неудовлетворяемое стремленіе къ

[1]) И. Ж. С. Илеръ, „Общая Біологія“, кн. II, стр. 302.

[2]) Ibid., II, стр. 298—299. См. также главу: „О значеніи мышленія въ естествознаніи“.

открытіямъ въ отдаленныхъ пространствахъ. Такъ-называемые мыслители составляютъ рядъ, начинающійся въ средніе вѣка Дунсомъ Скотомъ, Вильгельмомъ Окамомъ и Николаемъ де-Кусомъ и ведущій черезъ Петра Рамуса, Кампанеллу и Джіордано Бруно къ Декарту. Эта кажущаяся недоступная «бездна между мышленіемъ и бытіемъ», эти отношенія между сознающей душой и сознаваемымъ предметомъ раздѣляли средневѣковыхъ діалектиковъ на двѣ знаменитыя школы реалистовъ и номиналистовъ. Здѣсь необходимо упомянуть о почти забытой борьбѣ этихъ средневѣковыхъ философскихъ школъ, ибо она имѣла существенное вліяніе на окончательное утвержденіе опытныхъ наукъ. Номиналисты, допускавшіе для общихъ понятій въ человѣческой способности представленій, одно субъективное бытіе, послѣ многихъ колебаній сдѣлались наконецъ въ XIV и XV вѣкахъ побѣдоносной партіей. При сильномъ ихъ отвращеніи къ пустымъ отвлеченностямъ, они первые настаивали на необходимости опыта, на умноженіи чувственныхъ основъ знанія. Подобное направленіе, по крайней мѣрѣ посредственно, дѣйствовало на обработку эмпирическаго знанія; но даже и тамъ, гдѣ господствовали одни реалистскія воззрѣнія, знакомство съ арабской литературой подготовляло, среди удачныхъ преній со всепоглощающимъ богословіемъ, любовь къ естествознанію. Такъ, въ различныхъ періодахъ среднихъ вѣковъ, которымъ привыкли приписывать, быть можетъ, уже слишкомъ большое единство характера, мы видимъ на совершенно различныхъ путяхъ, на чисто идеальномъ и на эмпирическомъ, постепенно приготовляющимся и великое дѣло открытій въ земныхъ пространствахъ, и возможность удачнаго примѣненія этихъ открытій для расширенія кругозора космическихъ идей. Такимъ образомъ и смыслъ человѣческій сталъ уже изощренъ, чтобы воспринимать въ себя обиліе новыхъ явленій, переработывать ихъ, сравнивать ихъ и воспользоваться ими для общихъ и болѣе высшихъ міровоззрѣній»[1]). Въ тоже время, вѣковое предварительное развитіе и изощреніе западно-европейской мыслительности въ борьбѣ философскихъ школъ образовало и выдвинуло во главѣ западныхъ народовъ особый классъ раціонально-мыслящихъ людей, который и сталъ руководящимъ, движущимъ классомъ западно-европейскихъ націй, сталъ ихъ высшей интеллигенціей. Всеобщая самодѣятельность мышленія образовала особую школу такъ-называемыхъ свободныхъ мыслителей, — des libres penseurs. XV вѣкъ, по выраженію Гизо, былъ вѣкомъ «de la révolution intellectuelle, qui forme une école des libres penseurs»[2]).

Въ умственной исторіи русскаго народа не было такого предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго, историческаго развитія и изощренія теоретической мыслительности путемъ всеобщей, философской самодѣятельности мышленія, и потому много вѣковъ вовсе не было мыслящаго класса. И въ началѣ, въ эмбріологическомъ зародышѣ нашей исторіи, не могло и быть ни того, ни другого. Во-первыхъ потому, что племена.

---

[1]) „Космосъ", ч. II, „Исторія физическаго міросозерцанія", стр. 250—254, 272.
[2]) „Histoire de la civilisation en Europe".

вошедшія въ составъ русскаго народа, общества и государства, въ началѣ русской исторіи стояли еще на самой низкой, примитивной степени своего интеллектуальнаго развитія. Современемъ эту мысль во всей точности и подробности раскроетъ и подтвердитъ и историко-этнологическая краніологія племенъ, начинавшихъ русскую исторію. Но уже и теперь отчасти можно кое-что сказать въ этомъ отношеніи, благодаря краніологическимъ изслѣдованіямъ антропологическаго отдѣленія московскаго общества любителей естествознанія. Къ какому бы племени ни принадлежало, напримѣръ, московское курганное племя, въ средѣ котораго зарождался зачатокъ московскаго государства, во всякомъ случаѣ краніологическое развитіе его не обнаруживаетъ ничего такого, что указывало бы на значительную интеллектуальную развитость племени. Профессоръ анатоміи, г. Богдановъ, въ своемъ краніологическомъ изслѣдованіи московскаго курганнаго племени, сообщаетъ такіе общіе выводы о черепахъ этого племени: «Курганный черепъ Московской губерніи, если смотрѣть на него сверху или сбоку, представляется довольно длиннымъ и узкимъ. Norma verticalis по большей части эллиптическая или удлиненно-яйцеобразная: черепъ со стороны нѣсколько сжатъ и мало расширяется у теменныхъ бугровъ, которые вообще мало развиты. Незначительнымъ развитіемъ отличаются также Tubera frontalia, и лобная кость, постепенно закругляясь, переходитъ въ высокое темя. Сжатость черепа съ боковъ часто сопровождается тѣмъ, что на срединѣ темени сводъ черепа крышеобразно приподнятъ и ребро этого приподнятія видно бываетъ даже иногда и по срединѣ лобной кости. Особенно замѣчательно у курганнаго племени сильное развитіе затылочной части черепа, выдающейся иногда очень значительно назадъ. Эта характеристическая форма затылка, узкость и длина черепа составляютъ главныя особенности курганнаго племени. Черепа представляютъ сходство, и сходство довольно большое, съ нѣкоторыми слѣпками съ череповъ каменнаго вѣка и Басковъ. Типическій черепъ нашего курганнаго племени есть субъ-долихоцефалическій. Особенность череповъ нашего курганнаго племени та, что у мужчинъ сильно развита наклонность къ прогнатизму, женскіе черепа болѣе ортогнатичны. Наименьшій лицевой уголъ, найденный на мужскомъ черепѣ, есть 70°, тогда какъ на женскомъ 74°... У мужскихъ череповъ подносная точка стремится выдаться впередъ, а основаніе черепа, т.-е. сумма тѣлъ черепныхъ позвонковъ, удлиниться. Челюсть начинаетъ особенно выдаваться отъ подносной точки у значительнаго числа череповъ, такъ что еслибы мы стали измѣрять не обыкновенный личной уголъ Камнера, а такъ-называемый зубной, то тогда бы получили несравненно меньшій личной уголъ и значительно большій прогнатизмъ. Вообще племя было съ низкимъ лбомъ» [1]. Такое племя, являющееся въ началѣ русской исторіи въ составѣ эмбріологическаго зародыша великорусскаго народа и московскаго государства, у котораго развитіе задней, затылочной части черепа преобладало надъ раз-

[1] „Натуралистъ", 1866 г. № 15-й и 16-й: „Курганное племя Московской губ." проф. анатоміи г. Богданова, стр. 233–235.

витіемъ передней, лобной части и которое вообще характеризуется весьма значительнымъ развитіемъ прогнатизма и субъ-долихоцефализма, низкимъ лбомъ и пр.,—такое племя, очевидно, не могло само, собственными интеллектуальными силами начать могучую умственную самодѣятельность. Во главѣ его не могъ выдвинуться самостоятельный мыслящій и руководящій классъ. И оно необходимо должно было подчиняться, во-первыхъ, ителлектуальному вліянію и господству скандинаво-германскихъ, варяжскихъ князей и дружинниковъ, имѣвшихъ больше возможности интеллектуально развиться подъ вліяніемъ обширныхъ морскихъ походовъ, морской торговли и пр., во-вторыхъ, интеллектуальному перевѣсу византійской церковно-учительской іерархіи, сильной и вліятельной если не физико-математическимъ ученіемъ Аристотелей, Эвклидовъ, Эратосѳеновъ, Архимедовъ и пр., то догматикой Златоустовъ, Григоріевъ Назіанзиновъ, Іоанновъ Дамаскиныхъ и т. д. Далѣе, если мы заглянемъ въ доисторическій, миѳологическій періодъ славяно-русскаго интеллекта и міросозерцанія, то не найдемъ и въ немъ еще никакихъ зачатковъ высшаго разсудочнаго процесса, всеобщей самодѣятельности мышленія и своеплеменнаго, самостоятельнаго разумно-мыслящаго класса. Въ первоначальной миѳологической мыслительности славянъ еще нисколько не развита была высшая логическая, разсудочная сила отвлеченія и обобщенія. Непосредственно-натуральная, конкретно-предметная воспріимчивость внѣшнихъ чувствъ всецѣло преобладала надъ всеобщей теоретической или абстрактной самодѣятельностью мышленія. То былъ дѣтски-народный періодъ воспитанія въ непосредственной сферѣ природы, внѣшнихъ чувствъ и памяти зрительной, слуховой и осязательной, или, говоря народнымъ языкомъ, *періодъ видѣнья и чуда, сказанья и послушанья старины и стараго дѣянья для памяти* [1]). О полнѣйшемъ преобладаніи миѳологическаго конкретно-предметнаго сенсуализма надъ разсудочною силою отвлеченія и обобщенія свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, полное господство въ миѳологическомъ міросозерцаніи славянъ *фетишизма* или непосредственно-предметнаго идолопоклонническаго культа. Славяне не могли еще возвыситься силою отвлеченнаго, чистаго мышленія до отвлеченной метафизической идеи божества и метафизически-обобщенной системы религіи или міросозерцанія. Они созерцали, ощущали и представляли разныхъ боговъ и демоновъ въ непосредственно-натуральныхъ, чувственныхъ образахъ, въ непосредственно видимыхъ и осязаемыхъ предметахъ природы, взятыхъ, притомъ, въ ихъ конкретной отдѣльности, въ непосредственно-натуральномъ видѣ или въ непосредственныхъ данныхъ природою условіяхъ. Именно, славяне, наши предки, поклонялись въ языческія времена, по свидѣтельству Нестора и византійскихъ писателей, непосредственно такимъ физическимъ типамъ и предметамъ природы, какъ рѣки, кладязи, болота, рощи, деревья, каменья и т. п. [2]). Во-вторыхъ, чувственно-образная миѳологическая мы-

[1]) Буслаевъ, „Очерки", II. 18, 44 и мн. др.

[2]) Напримѣръ византійскій писатель VI вѣка, Прокопій, писалъ о славянахъ-язычникахъ: σέβουσι μέντοι καὶ ποταμούς τε καὶ νύμφας. Ed. Bonn. II, 335. Гельмольдъ о славянахъ своего времени писалъ: et inhabiti sunt Slavi de caetero jurare in arboribus,

слительность славянскаго племени, при отсутствіи героическаго элемента, особенно обусловливающаго развитіе антропоморфизма, еще далеко недоразвилась окончательно даже до обобщеній антропологическаго, человѣчнаго міровоззрѣнія, до такого антропоморфизма, какой, напр., свойственъ былъ миѳологическому міросозерцанію древнихъ грековъ и римлянъ. Передъ временемъ водворенія на Руси христіанства, сенсуально-миѳологическая мыслительность славянскихъ племенъ коснѣла еще на степени дикарскаго, звѣроловческаго, зооморфическаго міросозерцанія, такъ какъ и многія племена славянскія жили еще, по преданію лѣтописи, въ лѣсахъ звѣринскимъ образомъ, приносили въ жертву богамъ не только звѣрей, но и «сыны свои и дщери» [1]. Въ третьихъ, вслѣдствіе общей неразвитости умственныхъ способностей и мыслительности, при отсутствіи вполнѣ организованной, обобщенной догматической и обрядовой системы религіи, при полной замѣнѣ, во времена родового быта славянъ, жреческой касты непосредственно физіологическимъ, родовымъ значеніемъ и вліяніемъ отцовъ семействъ или старшихъ въ родѣ,— и классъ славянскихъ вѣдуновъ или знахарей не успѣлъ еще организоваться, во главѣ славянскихъ племенъ, въ замкнуто-самостоятельную и умственно-владычественную жреческую касту или іерархію [2]. А тѣмъ болѣе вѣдунство или знахарство славяно-русское не могло стать раціонально-мыслящимъ классомъ народа, потому что оно не основывалось на здравыхъ, раціональныхъ началахъ мышленія и знанія, а большею частію имѣло совершенно ложное, сенсуально-галлюцинаціонное и миѳико-фантастическое умонастроеніе и міросозерцаніе. По всѣмъ этимъ причинамъ умственная сила и вліятельность вѣдуновъ и волхвовъ никогда не могла устоять и одержать верхъ въ борьбѣ съ византійской доктриной и съ византійскимъ клерикально-педагогическимъ классомъ. Это ясно и окончательно обнаружилось уже въ XII вѣкѣ, когда

---

fontibus et lapidis. Lib. 1, cap. 84. Наши отечественныя свидѣтельства, находящіяся въ лѣтописи Нестора, въ уставѣ Владиміра, въ правилахъ митр. Іоанна, въ переводѣ словъ Григорія Назіанзина, въ словѣ Христолюбца и пр.— извѣстны.

[1]) См. статью г. Аѳанасьева о зооморфическихъ божествахъ у славянъ, въ „Отеч. Зап.“ 1852 г. №№ 1 и 2; также о животномъ эпосѣ въ изданныхъ имъ сказкахъ. П. С. Лѣт. I, 34, 39 и др.; Гедеонова: о варяжскомъ вопросѣ—Зап. Академіи Наукъ 1862 г. т. I. стр. 62.

[2]) См. въ Альманахѣ „Комета“ ст. г. Аѳанасьева: „Вѣдуны и Вѣдьмы“, гдѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ совершенно справедливо: „первоначально вѣдуны выдѣляются изъ числа тѣхъ же стариковъ—начальниковъ родовъ и семействъ, и особеннаго класса не составляютъ. Приписывать нашимъ славянамъ отдѣльное сословіе (классъ) жрецовъ, какъ это было у другихъ народовъ, имѣвшихъ вполнѣ развитую миѳологію, не позволяютъ всѣ достовѣрныя извѣстія объ ихъ бытѣ. Съ большимъ развитіемъ публичнаго характера въ языческомъ богослуженіи, славянскіе волхвы могли бы усвоить себѣ религіозное значеніе исключительно и образовать отдѣльное сословіе (классъ), но такой переворотъ въ религіи возможенъ только вслѣдствіе медленнаго, долгаго процесса, который далеко не успѣлъ совершиться, когда появилось на Руси христіанство. Вообще, надо замѣтить, что конечное развитіе язычества у насъ представляется въ тѣхъ неустановившихся формахъ, которыя прямо говорятъ объ его переходномъ состояніи, изъ религіи отдѣльныхъ родовъ—въ религію публичную, общинную“. См. также „Ист. Россіи“ Соловьева, т. I. стр. 77.

ско-славянское кудесничество было рѣшительно побѣждено византій-
й церковно-учительной іерархіей и властью варяго-русскаго правитель-
еннаго класса [1]). Наконецъ, и въ историческія времена, въ сферѣ не-
редственно-натуральнаго воспитанія народа, въ непосредственной школѣ
ироды и колонизаціоннаго земскаго строенья,—вѣковая исключительно-
зическая работа народа въ области природы, обусловливая почти одну
вобытно-натуральную, конкретно-эмпирическую воспріимчивость внѣш-
ъ чувствъ, въ то же время почти совершенно исключала возможность
витія высшаго, отвлеченно-разсудочнаго, философско-теоретическаго
шленія. Постоянно приковывая вниманіе рабочаго народа къ отдѣль-
мъ предметамъ природы, въ сферѣ непосредственно-натуральной рабочей
ятельности его, постоянно упражняя его внѣшнія чувства въ созерцаніи,
язаніи и наблюденіи тѣхъ отдѣльныхъ физическихъ предметовъ, которые
одили въ кругъ его работы,—вѣковая физическая работа не давала ему
уга мысленно обсуждать, сравнивать и обобщать въ одно конкретное
лое всѣхъ разсѣянныхъ, элементарно-конкретныхъ чувственныхъ со-
цаній, впечатлѣній и наблюденій, какія, въ цѣлой совокупности, пред-
вляла физическая сфера его работы. Вообще, во время физической,
онизаціонной работы народа, работали, можно сказать, одни внѣшнія
ства, въ накопленіи элементарно-конкретныхъ, непосредственно-чув-
енныхъ впечатлѣній и представленій сенсуально-рабочаго опыта и на-
оденія, но вовсе не работала теоретическая, философская мысль въ
леченіи, сравненіи и обобщеніи этихъ непосредственно-чувственныхъ дан-
хъ въ общія идеи и понятія. Рабочій народъ, во-время своей физической
оты, только созерцалъ въ отдѣльности и наружности разные физическіе
дметы, видѣлъ, осязалъ, слышалъ то или другое въ сферѣ природы,
не соображалъ умозрительнымъ сравненіемъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ
ственныхъ впечатлѣній, не выработывалъ изъ нихъ своимъ мышленіемъ
какихъ логическихъ выводовъ и обобщеній. Вслѣдствіе этого, сколько
являлась поверхностно-познавательная, элементарно-эмпирическая вос-
имчивость внѣшнихъ чувствъ, столько же не работала и не развивалась
логическая, разсудочная сила отвлеченнаго мышленія или теоретиче-
я мыслительность. Сколько развивалась въ рабочемъ народѣ естествен-
, сенсуально-рабочая умственная наклонность къ элементарно-конкрет-
му, непосредственно-чувственному эмпиризму и реализму,—столько же
жда была ему высшая философская мыслительность, въ особенности
ждо было ему это германское философское глубокомысліе. Поэтому, рус-
ому народу вовсе не свойственна и незнакома была философія, и въ
ссіи никогда не было своихъ самостоятельныхъ философовъ и фило-
фскихъ школъ, вродѣ европейскихъ средневѣковыхъ схоластиковъ, номи-
листовъ и реалистовъ, а тѣмъ болѣе не было Декартовъ, Бэконовъ,
кковъ, Кантовъ, Гегелей, Фихте и Шеллинговъ, и т. п. Древне-русскіе
родные грамотники и писатели даже не любили философію, отрицались
ь нея. Говоря о своемъ умственномъ образованіи, они обыкновенно созна-

[1]) „Лавр. Лѣт." 63, 64, 75.

вались: «Философію ниже очима видѣхъ, и не учихся у философовъ, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не слышахъ, ни философіи не навыкъ», и пр. [1]). Другіе учили даже: «Братіе, не высокоумствуйте! аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ» [2]). Отцы внушали дѣтямъ сдерживать умъ отъ всякаго высшаго мышленія: «учася грамотѣ, учися держати умъ, безъ сего и грамота не пользуетъ: высочайши себе не ищи, а глубочайши тебе не испытуй, но елико ти предано отъ Бога, си содержи,—высочайшее убо себѣ — небесное измѣреніе, высокопаривая мысль, и пр. [3]). Поэтому и народные учителя-грамотники не могли образовать руководящаго, мыслящаго класса, тѣмъ болѣе, что они сами, наравнѣ съ рабочимъ народомъ, всецѣло озабочены были тѣмъ, еже стужати, чѣмъ животъ кормити, учительствомъ занимались только какъ кормовымъ промысломъ и потому назывались работничишками.

Вообще, сколько характеристическій фактъ въ умственной жизни русскаго народа—вѣковое исключительное воспитаніе и преобладаніе, въ сферѣ физической работы, низшихъ умственно-рабочихъ познавательныхъ способностей—внѣшнихъ чувствъ и памяти, столько же, съ другой стороны, характеристическій и по своимъ послѣдствіямъ весьма многозначительный фактъ интеллектуальной исторіи русскаго народа—и это отсутствіе такого предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго развитія мыслительныхъ способностей русскаго народа, «всеобщей самодѣятельности мышленія» и класса свободныхъ мыслителей, какое было на западѣ и предшествовало тамъ могучему интеллектуальному движенію, начавшемуся съ XVI вѣка. Вслѣдствіе вѣкового преобладанія рабочаго народа, въ Россіи много вѣковъ, вплоть до Петра Великаго, вовсе не было раціонально-мыслящаго, научно-рабочаго интеллектуальнаго класса, и потому, несмотря на все сродство физическихъ работъ народа съ физическими науками, въ средѣ самого народа самостоятельно не могли образоваться раціональные естествоиспытатели — физики, химики, технологи и пр. Вслѣдствіе вѣкового преобладанія низшихъ, интеллектуально-рабочихъ познавательныхъ способностей – внѣшнихъ чувствъ и памяти, – вовсе не развивалась высшая, теоретическая, научно-рабочая мыслительность, и потому интеллигенція рабочаго народа, путемъ одного поверхностнаго непосредственно-натуральнаго сенсуализма, самостоятельно никакъ не могла возвыситься до сціентифической, обобщающей разработки естествознанія, не могла даже сама собою дойти до разумнаго сознанія необходимости физико-математическихъ наукъ. Послѣдствія этого факта—вѣкового отсутствія предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія и изощренія все-

[1]) „Опис. рук. Рум. муз." № 411, стр. 39—40. „Пам. стар. русск. лит." в. IV, стр. 119—120.

[2]) Изъ рук. прописи 1643 г. въ Рум. XCCCXXVI, Пекарскій 1, 3.

[3]) Сборникъ Соловецк. библіот., № 925, листы 66—68.

бщей разсудочной силы мышленія вообще такъ важны, такъ ощутительны ъ настоящее время въ умственной жизни русскаго народа и общества, то мы должны сначала обратить вниманіе хотя на нѣкоторыя причины ли обстоятельства, обусловившія этотъ фактъ, насколько въ настоящее ремя можно ихъ раскрывать. Именно на первыхъ страницахъ настоящей ниги мы разсмотримъ вкратцѣ главныя соціально-педагогическія условія азвитія общественной и народной мыслительности въ Россіи, во времена осподства восточно-византійской, умственно-воспитательной доктрины и во времена развитія государственной народообразовательной системы пеки, и потомъ раскроемъ слѣдствія вѣкового отсутствія предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго развитія и изощренія народной раціонально-теоретической мыслительности и вѣкового преобладанія до-петровскаго поверхностнаго сенсуализма надъ раціонализмомъ или высшею разсудочною силою мышленія.

Не имѣя во главѣ у себя, даже и въ зародышѣ, собственнаго мыслящаго класса, и не зная самостоятельной всеобщей самодѣятельности мышленія, — масса славяно-русскаго народа, какъ масса рабочая, всецѣло отвлеченная и занятая физическими работами, въ умственной жизни своей по необходимости должна была съ самаго начала подчиниться интеллектуальному перевѣсу и вліянію всякаго такого класса, который, будучи свободенъ отъ физическихъ работъ народа, болѣе или менѣе превосходилъ его по развитію своей физической или интеллектуальной силы и вліятельности. И вотъ, славяно-русскій народъ, при самомъ выступленіи своемъ на поприще исторіи, во-первыхъ, въ самомъ воспитаніи своей мыслительности, подчинился византійскому клерикальному, церковно-учительному классу, который явился на Руси сначала въ лицѣ византійскихъ грековъ, составлявшихъ первоначальную іерархію новосозданной русской церкви, и затѣмъ, будучи свободенъ отъ работъ черныхъ людей и обезпеченъ жалованными десятинами, землями и работами народными, мало по малу организовался въ самобытный византійско-славянскій церковно-учительный классъ, ставшій надолго во главѣ умственнаго воспитанія и направленія русскаго народа [1]). Вовторыхъ, славянскія племена, испытавши, во времена родовой розни, недостаточность примирительнаго и земско-устроительнаго наряда и вліянія своихъ родоначальниковъ или старшинъ, — сами, вмѣстѣ съ финскими племенами, подчинились интеллектуальному вліянію и власти скандинаво-германскаго или варяжскаго княжескаго рода, который потомъ, обрусѣвши и вѣнчавшись византійской мономаховой діадемой, мало по малу возвысился въ наслѣдственный родъ или домъ самодержцевъ всероссійскихъ и сталъ главнымъ. самодержавнымъ регуляторомъ всей умственной жизни русскаго народа и общества [2]). По-

[1]) См. объ этомъ подробности въ исторіяхъ русской церкви Платона, Филарета и Макарія.

[2]) См. подробн. въ „Ист. Россіи“ Соловьева.

чему именно этимъ двумъ классамъ, византійскому и варяжскому, а не другимъ какимъ-либо, подчинились славянскія племена, — причина этого факта лежитъ въ физико-географической природѣ русской земли. Изъ Балтійскаго моря въ Черное шелъ великій водный путь, по выраженію лѣтописи, отъ Варягъ въ Греки. Этимъ-то естественнымъ путемъ и пришли отъ варяговъ и грековъ два умственно-вліятельные класса.

Восточно-византійская доктрина имѣла своей задачей, какъ извѣстно, не интеллектуальное, не научно-мыслительное развитіе русскаго народа, а одно нравственно-религіозное воспитаніе. Все главное ея назначеніе состояло въ развитіи греко-восточнаго христіанскаго умонастроенія, греко-восточной христіанской вѣры и нравственности. Поэтому, въ программу ея не входило ни возбужденіе всеобщей самодѣятельности мышленія, разума, ни распространеніе такихъ способовъ развитія мыслительныхъ способностей народа, какъ классическая литература и наука и т. п. Отсюда проистекали двѣ характеристическія особенности умственной жизни древней Руси, отразившіяся и въ умонастроеніи новой Россіи: 1) совершенное преобладеніе восточно-византійскаго теологическаго начала надъ классико-космологическимъ, и 2) совершенное преобладаніе вѣры и нравственнаго начала надъ разумомъ и мыслью.

Византія стала имѣть интеллектуальное вліяніе на варварскія племена сѣверныхъ славянъ въ то время, кагда въ ней самой науки находились въ глубокомъ упадкѣ. Идеи Архимеда, Эвклида, Гиппократа, Діоскорида, Гиппарха, Аполлонія изъ Перги, Птолемея, не только не разрабатывались дальше, но и находились въ совершенномъ забвеніи. Правда, о византійскомъ императорѣ Константинѣ Багрянородномъ Кедринъ говоритъ: «scientias enim. arithmeticam, astronomiam, geometriam et omnium principem philosophiam... sua industria instauravit» [1]). Но что это были за науки? Г. Лавровскій, въ своемъ изслѣдованіи о древне-русскихъ училищахъ, совершенно справедливо говоритъ: «Самый характеръ византійской образованности, которую старались передать въ этихъ школахъ, не заслуживаетъ подражанія. Творческій духъ грековъ ослабѣвалъ постепенно и истинно-христіанское начало стѣснялось односторонней догмой. Наука не имѣла жизненности, внутренней силы, свѣжести, не обращалась въ жизнь и сама не питалась жизнью; облеченная въ отвлеченныя сухія формы, она существовала отдѣльно, почти не касаясь живыхъ современныхъ интересовъ общества. Утонченная діалектика въ области богословія, искусственныя и пустыя умозрѣнія въ философіи, декламація вмѣсто истиннаго краснорѣчія,--вотъ что болѣе всего составляло ученыя занятія византійскихъ грековъ, но, конечно, не науку въ ея истинномъ значеніи» [2]). Хотя такіе византійцы, какъ Іоаннъ Дамскинъ и патріархъ Фотій, любили заниматься философіею Аристотеля и высоко цѣнили ее, но они не разрабатывали ее дальше, какъ самостоятельную науку, пользовались ею только какъ орудіемъ «всепоглощающей» догматики, и подъ философіею ра-

[1]) Cedr., II, 326.

[2]) Лавровскій, о древне-русскихъ училищахъ, стр. 72—73.

зумѣли смѣшанное познаніе міра божественнаго и человѣческаго, видимаго и невидимаго. А въ большинствѣ византійцевъ, по свидѣтельству Фотія, вся мудрость состояла не въ развитіи разсудочной, логической силы и основательности мышленія, а въ изысканномъ фразерствѣ и пустомъ, безсмысленномъ словоизлитіи. При такой выродившейся наукѣ, Византія, очевидно, не могла возбудить и импульсировать развитіе научной мыслительности въ русскомъ народѣ. Въ самомъ христіанскомъ ученіи, Византія, въ длинный періодъ схоластико-догматическихъ словопреній, почти нисколько не развивала умственно-образовательныхъ идей христіанства о человѣкѣ, объ обществѣ и общественныхъ отношеніяхъ, о началахъ любви и братства и т. п. Въ это время она только выработала и твердо, неподвижно установила догматъ о трехъ ипостасяхъ Божества, о поклоненіи св. иконамъ, о почитаніи Богородицы и святыхъ, и разработала въ восточномъ духѣ церковную архитектуру, церковное богослуженіе, церковное пѣніе и церковную обрядность. Все это Византія передала и Россіи. Порабощенная и угнетенная потомъ турками, она и вовсе поступилась тѣми умственно-образовательными средствами, завѣщанными древне-греческимъ знаніемъ, какія представляли напр. творенія Аристотеля, Птолемея, Эвклида, Гиппократа и другихъ классическихъ геніевъ. Всѣ ея древнія рукописи достались не Россіи, а Западу. Такимъ образомъ, западные умы, предвосхитивши произведенія классическаго греческаго генія, напередъ импульсированы были ихъ идеями къ могучему научному развитію, а Россія лишилась и этого умственно-образовательнаго импульса и отстала отъ Запада. И сама угнетенная Византія не имѣла возможности умственно возродиться и возродить юную умственную жизнь русскаго народа идеями своего классическаго генія и знанія. Грекъ, Скіада Кефалонянинъ, справедливо говорилъ: «бѣдная моя Греція, егда нещадно варварствомъ турскимъ плѣняшеся, печашеся о своемъ безчадіи паче, неже о книгахъ рукописныхъ, ихъ же многое множество имѣла» [1]). Вслѣдствіе такого положенія, Византія не завѣщала намъ ни одного цѣльнаго произведенія древнихъ греческихъ писателей, а передала только творенія догматическія, каноническія, нравственно-назидательныя и богослужебныя. До XVI в. въ періодъ іерархической зависимости русской митрополіи отъ Византіи, при митрополитахъ-грекахъ, переведены были съ греческаго на церковно-славянскій языкъ сочиненія почти всѣхъ главныхъ восточныхъ учителей, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ частяхъ, такъ что уже въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка русскіе церковные писатели въ одномъ писаніи своемъ могли заразъ приводить слова 18 и болѣе восточныхъ отцовъ церкви [2]). На западѣ, какъ извѣстно, и монастыри были проводниками не однихъ догматическихъ, но и классическихъ идей. Такъ въ аббатствѣ Кройландскомъ въ концѣ XI в. въ библіотекѣ было до 3000 книгъ, и въ томъ числѣ много сочиненій римскихъ классиковъ; библіотека Гластонберійскаго аб-

1) „Catalogi duo codicum manuscriptorum graecorum". Пекар. II, 604.

2) „Словарь дух. писателей въ Россіи", I, 312. Ист. росс. іерарховъ, ч. V, стр. 213—336.

батства заключала въ себѣ въ 1248 г. 400 томовъ, между которыми большею частію были сочиненія римскихъ классиковъ; точно такія же книги, и въ томъ числѣ творенія Гомера, значились въ каталогѣ библіотеки Пристлинскаго монастыря; монахи бенедиктинскіе занимались чтеніемъ Лукана, Горація, Виргилія, Саллюстія, и классическихъ произведеній у нихъ было до 247 т.; книгохранилище монастыря St. - Michael въ Бамбергѣ также главнымъ образомъ наполнено было классическими писателями [1]). Древне-русскія же монастырскія книгохранилища наполнены были почти исключительно книгами восточно-церковными библейскими. святоотеческими и богослужебными и не имѣли ни одной древне - греческой рукописи. Такъ напр. въ книгохранилищѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ числѣ 1938 книгъ, было однихъ рукописей по св. писанію болѣе 250, рукописныхъ богослужебныхъ книгъ до 560, и не менѣе того святоотеческихъ рукописныхъ твореній, изъ которыхъ многія были въ 10 и даже въ 26 экземплярахъ, какъ напр. «Шестодневовъ» 13, «Лѣствицъ» 26 экземпляровъ. На отдаленномъ сѣверѣ, въ книгохранилищѣ Соловецкаго монастыря, изъ числа 1378 книгъ, было книгъ св. писанія рукописныхъ 151, печатныхъ 46, книгъ богослужебныхъ рукописныхъ 364, печатныхъ 125, твореній восточныхъ отцовъ рукописныхъ 329, печатныхъ 96. Точно также въ книгохранилищѣ Сергіева монастыря доселѣ хранится до 3000 старопечатныхъ книгъ и болѣе 800 столбцовъ и рукописей, преимущественно церковныхъ [2]). Только патріархъ Никонъ сталъ пріобрѣтать греческія и латинскія книги. Имъ выписаны и накуплены были на востокѣ чрезъ Арсенія Суханова въ 1654 г. болѣе 500 книгъ и рукописей. По описи 1658 года, произведенной Арсеніемъ Грекомъ, показано въ домовомъ патріаршемъ книгохранилищѣ 396 сочиненій. въ числѣ болѣе 1000 томовъ, большею частію на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Чрезъ самого Арсенія Грека Никонъ пріобрѣлъ на свой счетъ болѣе 100 томовъ однихъ греческихъ и латинскихъ книгъ, печатныхъ и рукописныхъ. Но эти книги большею частію церковныя творенія св. отцовъ. и между ними только 6 классическихъ писателей, именно: «4 книги Аристотеля философа печатныхъ греко-латинскихъ, 1 книга Демосѳена философа греко-латинская, 2 книги Плутарха философа греко-латинскія, 1 книга Геродота философа греко-латинская, 1 книга Ѳукидида философа, 1 книга Стобѣя философа» [3]). На западѣ, съ XIV вѣка, какъ извѣстно, началось всеобщее и энергическое изученіе идей классической науки и литературы. «Двумъ, тѣсной дружбой связаннымъ поэтамъ, Петраркѣ и Боккаччіо,—говоритъ Гумбольдтъ,—принадлежитъ слава, что они приготовили въ Италіи постоянное пристанище бѣжавшимъ греческимъ музамъ и болѣе всѣхъ способствовали возстановленію классической литературы. Калабрійскій монахъ, Варлаамъ, долго жившій

---

[1]) Hurter, „Innocenz III und seine Zeitgenossen“ Bd. II, Abth. II. S. 252—261.

[2]) О способахъ дух. образ. въ др. Россіи. „Прав. Собесѣдн.“ 1858 г. апрѣль, стр. 503—507.

[3]) „Временникъ“ кн. XV, стр. 133. См. также статью (А. П. Щапова) объ Арсеніѣ Грекѣ и патріархѣ Никонѣ въ „Прав. Собесѣдникѣ“ 1858 г., ноябрь, 340—343.

въ Греціи, былъ учителемъ обоихъ поэтовъ. Они первые начали тщательно собирать римскія и греческія рукописи. Значительными двигателями греческихъ ученій были: Эммануилъ Хризолорасъ, назначенный въ качествѣ греческаго посла въ Италію и Англію въ 1391 году, кардиналъ Виссаріонъ изъ Трапезонда, Гемистъ Плетонъ и аѳинянинъ Дмитрій Халкондиласъ, которому мы обязаны первымъ печатнымъ изданіемъ Гомера. Всѣ эти греческія переселенія произошли до рокового взятія Константинополя турками, 29 мая 1453 года»[1]). Вслѣдствіе такого импульса, даннаго могучею древнегреческою мыслительностью, возбудилась еще болѣе могучая мыслительность индо-германскихъ націй. Подъ вліяніемъ классической науки и литературы началось такъ-называемое «возрожденіе наукъ». Греческое знаніе или, какъ выражались сами древніе греки, φιλολογία, γνῶσις и ἀναγνῶσις, ἐξήγησις и κρίσις, возбудили и въ европейскихъ умахъ духъ критическаго изслѣдованія во всѣхъ областяхъ знанія. Выработка этого самостоятельнаго критическаго мышленія, до великаго вѣка «Критики чистаго разума», до XVIII столѣтія, прошла: 1) черезъ періодъ гуманизма, когда изученіе древности было средствомъ къ всестороннему интеллектуальному развитію и проявленію человѣческой мысли: это XIV, XV и XVI столѣтія—время Петрарки, Боккаччіо, Полиціана и итальянскихъ стилистовъ; 2) черезъ періодъ всесторонняго, матеріальнаго и критическаго изученія классической литературы XVII столѣтія, вѣкъ Скалигера, Сомезо (Salmasius), Казобона (Casaubonus), Гроно (Gronovius) и др., когда классическая наука была une espèce de science, composée de la critique et interprétation de tous ler auteurs, или представляла une littérature universelle, qui s'etend sur toutes sortes des sciences et des Auteurs[2]). Изученіе физическихъ или естественнонаучныхъ сочиненій древнихъ греческихъ натуралистовъ, математиковъ и географовъ возбудило и въ умахъ европейскихъ энергическій духъ естество-испытанія. Такъ Альбертъ Великій комментировалъ всѣ физическія сочиненія Аристотеля, и въ томъ числѣ его знаменитую «Historia animalium». Рожеръ Бэконъ изучалъ Альмагестъ или большую математико-астрономическую μεγάλη σύνταξις Птолемея, заключающую въ 13 книгахъ систему сферической и теоретической астрономіи. Христофоръ Колумбъ также знакомъ былъ съ греческими и римскими писателями и имѣлъ въ выпискахъ всѣ географическія мѣста изъ Аристотеля, Страбона и др.[3]). Коперникъ — говоритъ Гумбольдтъ—имѣлъ ясное понятіе о томъ, какъ древніе представляли себѣ мірозданіе. и въ сочиненіяхъ своихъ упоминаетъ многихъ греческихъ философовъ и писателей до Гиппарха и послѣ. которыми онъ пользовался, какъ напр. Гикетона изъ Сиракузъ, пиѳагорейца Филолая, Платона, Эвканта, Гераклита понтійца и великаго геометра Апполонія изъ Перги. Изъ всѣхъ мѣстъ древности, по словамъ Гассенди, самое глубокое вліяніе на направленіе и постепенное развитіе идеи Коперника имѣли

[1]) „Исторія физич. міросозерцанія". „Космосъ", ч. II, стр. 259—260.

[2]) „Dictionnaire de Trévoux", t. V. pag. 528. Acta, Grundriss der Philologie. Landshut. 1808, pag. 4.

[3]) „Космосъ", ч. II, 257.

одно мѣсто въ энциклопедическомъ сочиненіи Марціала Минея Капеллы и система міра Аполлонія изъ Перги, ученика знаменитаго Эвклида — творца математики, какъ науки [1]). Ньютонъ, какъ извѣстно, изучилъ Эвклида и вообще очень хорошо зналъ идеи и выводы классическихъ ученій. Такъ изученіе классической науки и литературы и, въ частности, изученіе физическихъ и математическихъ сочиненій классическихъ натуралистовъ, неизбѣжно привело западные умы не только къ «возрожденію наукъ», но и прямо къ естествоиспытанію. У насъ же въ древней Россіи ничего этого не было. Русскіе писатели вовсе не переводили и не знали физическихъ и математическихъ произведеній Аристотеля, Эратосѳена, Эвклида, Гиппарха, Птолемея и другихъ. Воспитанные въ духѣ однихъ церковно-византійскихъ твореній, благочестивые русскіе люди вообще эллинскую мудрость не любили, сказаніямъ «Эллиновъ отъ Омира и Овидія» предпочитали нравственно-назидательныя житія христіанскихъ чудотворцевъ [2]). Даже древне - греческую, эллинскую грамоту, какъ языческую, благочестивые предки наши считали нечестивою и несравненно выше ея ставили грамоту церковно - славянскую и пермскую, какъ грамоту христіанскую [3]). Классическая литература чужда была литературѣ церковно-византійской. Поэтому писатели петровскаго времени, которымъ пришлось переводить все то, что давно бы должно быть переведено, съ упрекомъ отзывались о древне-русскихъ писателяхъ, чуждавшихся классической греческой литературы. «Дивно,—говорилъ напр. русскій писатель начала XVIII вѣка, Максимовичъ,—дивно, что власть духовная, ея же честь ученіе расширяти—долгъ нерушимый, о размноженіи наукъ на языкахъ политическихъ не прилагала попеченія. И несть дивно, зане духовныхъ лицъ прежнихъ временъ закоснѣлый бѣ обычай — никакихъ, кромѣ церковныхъ и то греческаго чиноположенія, съ греческаго на славянскій языкъ переводныхъ книгъ, не имѣти, не читати и не почитати; къ навыкновенію же и ученію иностранныхъ языковъ (кромѣ славянскаго и греческаго) и малѣйшаго не бысть усердія» [4]). Вслѣдствіе от-

[1]) „Космосъ“, II. 323—324.

[2]) Буслаева, II, 61—62.

[3]) Напр. въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII в. читаемъ такое разсужденіе: „По многа лѣта мнози философи едва собрали суть азбуку греческую, словъ числомъ 38. Коль много лѣтъ мнози философи эллинстіи собирали и составляли грамоту греческую и едва составили мнозими труды и многими времены, едва сложили ее семь философовъ, едва азбуку составляли. Тѣмъ много руская грамота честнѣйша есть паче эллинскія, понеже святъ мужъ сотворилъ ю есть, Кириллъ философъ, а греческій алфавитъ—эллины не крещены суще. Паче и потому же пермская грамота паче эллинскія, юже Стефанъ сотвори. Кириллу философу сподобляющи многажды братъ его Меѳодій Стефану же никто же обрѣтеся помощникъ... Аще кто речетъ слово на пермскую грамоту, и похуляя глаголетъ, яко не гораздо устроена, азбука си, достойна есть починиваться, то и греческую грамоту починивали“ и пр. Далѣе доказывается преимущество руской грамоты передъ греческою тѣмъ, что ее сотворилъ именно Кириллъ философъ и притомъ въ извѣстное время, а о происхожденіи греческой грамоты подробности вполнѣ неизвѣстны. „Сборн. Солов. Библ.“ № 925 и 90—92.

[4]) Пекар. I. 193.

сутствія физическихъ и математическихъ произведеній классической науки и литературы, умы русскіе ничто не возбуждало къ такому энергическому и всестороннему естествоиспытательному умонастроенію, какое проявилось на западѣ. И русскіе, какъ не знали физическихъ, астрономическихъ и и другихъ естественно-научныхъ идей Аристотеля, Эвклида, Эратосѳена, Гиппарха, Птолемея, Аполлонія изъ Перги и др., такъ не чувствовали ни малѣйшаго интереса и къ открытіямъ Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона, Гарвея и др., и ничего не знали и не слыхали объ нихъ. Полныхъ переводовъ произведеній классическихъ писателей, по части естествознанія, въ древней Руси вовсе не было, а въ рукописныхъ сборникахъ, въ твореніяхъ нѣкоторыхъ церковно-византійскихъ писателей, напр. Іоанна Дамаскина и т. п., встрѣчаются только кое-какіе безсвязные отрывки изъ физическихъ описаній классическихъ натуралистовъ [1]). Усердно переводя, въ теченіе пяти или шести столѣтій, книги библейскія, богослужебныя и свято-отеческія, и наполняя ими монастырскія книгохранилища, древне-русскіе писатели чрезвычайно рѣдко переводили изъ византійскихъ источниковъ даже самыя нехитрыя статейки о природѣ. Тогда какъ напр. «Шестодневовъ» находилось въ одной библіотекѣ экземпляровъ по 13 и болѣе, «Лѣствицъ» по 26 и т. п., статьи о природѣ, заимствованныя изъ византійскихъ источниковъ, были всѣ наперечетъ. Именно, послѣ Святославова изборника 1073 г., въ одномъ Румянцевскомъ сборникѣ XV столѣтія [2]), находились краткія замѣтки «о широтѣ и долготѣ земли, о землетрясеніяхъ, стихіяхъ, моряхъ, воздушныхъ перемѣнахъ, составныхъ частяхъ человѣческаго тѣла»; въ «Матицѣ златой», также XV в., записаны были краткія сказанія «о кругахъ земномъ, лунномъ и солнечномъ, о звѣздахъ и планетахъ, о знаменіяхъ солнца и луны, о рыбахъ и птицахъ»; въ сборникѣ Кирилла Бѣлозерскаго внесены выписки изъ физическихъ разсужденій Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, о землетрясеніяхъ, объ океанѣ, о моряхъ, о четырехъ стихіяхъ, объ облакахъ, объ устройствѣ земли [3]). Вотъ, кажется, и всѣ, извѣстныя доселѣ, статьи о природѣ, какія переведены были изъ византійскихъ источниковъ до XVI вѣка. Разбросанныя въ двухъ, трехъ сборникахъ, онѣ, очевидно, читались не многими. Гораздо болѣе у насъ имѣли вліянія на міросозерцаніе такія византійскія произведенія, какъ «Шестодневъ» Василія великаго, «Книга о мірѣ» греческаго писателя VI вѣка, Космы Индикоплавта и т. п. Послѣднее сочиненіе, появившееся у насъ въ спискахъ XV вѣка и, по словамъ Гумбольдта, опять обращав-

[1]) Такъ напр. знаменитое твореніе Плинія старшаго „Historia naturalis" не было въ славянскомъ переводѣ, но отрывочныя факты и идеи изъ него сообщались византійскими источниками. Такъ напр. въ сказаніи І. Дамаскина о „велицѣ дни и о яйцѣ" (Сборн. Солов. Библ., № 925, л. 70), идея Плинія: „ὅμοιον τε ᾠοῦ σχήματι κόσμος" на славянскомъ языкѣ передана такъ: „небу и земли по всему подобно яйце". См. Plinii „Hist. natur." p. 1. Или въ томъ же Сборникѣ помѣщена изъ Плинія статья о „дванадесяти вѣтрахъ" (Сборн. № 925, л. 133). У Плинія въ лат. текстѣ эта статья начинается такъ: Ventorum genera quiquam duodecim enumerarunt. См. Plinii: 16, 40, Index.

[2]) Опис. Рум. музея, MCCCLVIII.

[3]) Шевырева, поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, стр. 24.

шее фигуру земли въ Θалесовъ плоскій кругъ (дискъ), укоренило въ русскихъ умахъ ложный взглядъ на міръ, на видъ земли, на свѣтила небесныя и пр. Чтобы видѣть, какое понятіе о естествознаніи распространяло въ русскомъ грамотномъ народѣ ученіе Космы Индикоплавта, достаточно привести слѣдующія его слова: «нѣцыи убо,—говоритъ благ. грекъ Косма,—христіанствовати мняще и божественныя писанія ни во что же помышляюще, но небрегуще и преобидяще, по внѣшнимъ же философамъ кругообразну быти образу небесному мняще, отъ солнечнаго и луннаго теченія прельщаеми. Прежде всего рекшимъ и льстящимся первое слово есть, яко не мощно есть христіанствовати хотящему быти въ повиновеніи у внѣшнихъ философовъ, ибо аще кто хощетъ пройти эллинскія измѣненія созданія міра, вся обрящетъ не истинныя мудрованія, льстивная». Далѣе Косма наивно доказывалъ, что земля четыреугольна, небо, въ видѣ полукруга, прикрѣплено къ краямъ ея, и что окрестъ всей земли океанъ [1]).

Такимъ образомъ классицизмъ не былъ историческимъ началомъ интеллектуальнаго развитія въ Россіи, какимъ былъ на западѣ. Онъ не былъ у насъ, какъ на западѣ, предварительнымъ горниломъ испытанія мыслительности, не былъ предуготовительной школой возбужденія и воспитанія пытливой мысли и духа изслѣдованія. Вслѣдствіе этого у насъ вовсе не было и тѣхъ зачатковъ естествоиспытательнаго стремленія, какіе возбуждены были на западѣ изученіемъ физико-математическихъ, астрономическихъ и географическихъ произведеній классической древности. Напротивъ, при вѣковомъ отчужденіи отъ физическихъ ученій древне-греческихъ натуралистовъ, въ русскомъ народѣ произошло и умственное отчужденіе отъ естествознанія. Это особенно обнаружилось въ концѣ XVII в. «Русскіе —говоритъ Олеарій—нисколько не уподобляются древнимъ грекамъ, хотя прибытіемъ къ нимъ послѣднихъ и происхожденіемъ отъ нихъ они хвалятся, такъ какъ ничего не переняли и не удержали отъ этого умнаго и образованнаго народа, ни въ языкѣ, ни въ искусствахъ. Русскіе не любятъ ни наукъ, ни свободныхъ искусствъ. Естественныя науки, будучи чужды русскимъ, особенно подпадаютъ ихъ грубому и неразумному сужденію, если имъ удается что-нибудь перенять изъ нихъ отъ иностранцевъ: такъ астрономію они считаютъ волшебной наукой; предугадываніе и предвѣщаніе солнечнаго или луннаго затмѣнія, или движенія какой-либо планеты они считаютъ дѣломъ неестественнымъ» [2]). Чтобы потомъ возбудить и вкоренить въ умахъ народа довѣріе къ естественнымъ наукамъ, нужно было уже подъ вліяніемъ запада воспитать два или три поколѣнія, нужна была вѣковая проповѣдь о пользѣ естествознанія, начиная отъ Ломоносова до позднѣйшаго времени. Съ другой стороны, вѣковое изстаринное умственное отчужденіе отъ классицизма было причиною того, что онъ потомъ не прививался къ нашимъ училищамъ съ такимъ успѣхомъ, какъ привился на западѣ. Онъ не былъ у насъ историческимъ началомъ интеллектуальнаго возрожденія и развитія, а по-

[1]) Пекар. I., 333.
[2]) Олеарій, въ „Архивѣ“ 1859 г., кн. III, стр. 25.

тому и послѣ не имѣлъ никакой органической связи съ умственною жизнью русскаго народа. Русскому народу, такъ сказать, родившемуся уже на зарѣ новой исторіи человѣчества, когда преемственно-историческій импульсъ и круговоротъ космическихъ, міровыхъ идей цивилизаціи долженъ уже исходить для всѣхъ новыхъ народовъ не только не съ востока дряхлаго, импульсировавшаго нѣкогда мыслительность древнихъ грековъ—протогеновъ европейской цивилизаціи, но даже и не изъ классическаго уже міра—Эллады и Рима, а съ запада Европы,—русскому народу закономъ всемірной исторіи суждено было возбудиться, импульсироваться къ умственной жизни уже новымъ, западно-европейскимъ завѣтомъ великихъ, міровыхъ идей и открытій, а не ветхимъ завѣтомъ зачаточныхъ знаній классическаго міра. Послѣ преемственно-историческаго импульса, произведеннаго греческимъ и римскимъ классицизмомъ на мыслительность западно-европейскихъ націй, послѣ такъ-называемаго «возрожденія наукъ», всемірно-историческое, преемственно-традиціонное вліяніе классицизма кончено. Вліяніе это теперь принадлежитъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ принадлежать, уже передовымъ націямъ и геніямъ западной Европы и Новаго Свѣта — Америки. Въ силу этого вліянія, классицизмъ, какъ отжившая, историко-археологическая сила, не могъ и не можетъ уже возбудительно дѣйствовать и на мыслительность русскаго народа, какъ народа новаго, причисленнаго исторіею уже къ новой всемірно-исторической преемственно-традиціоной школѣ—къ новому общечеловѣческому училищу запада, западнаго реализма, естествоиспытанія. Поэтому, съ XVIII вѣка, съ вѣка Ньютона, Эйлера, Лапласа, Лавуазье, Лагранжа, Кювье, Бюффона, Линнея, Ламарка, Сентъ-Илера, Жюссье и пр., уже поздно было почерпать умственно-образовательныя средства въ произведеніяхъ Аристотеля, Платона, Птолемея, Гиппократа и пр.,—когда открыты были уже новыя, всемірныя умственно-образовательныя средства, напр. въ «Principia mathematica» Ньютона, въ «Philosophie chimique» Лавуазье и вообще въ новыхъ великихъ, міровыхъ открытіяхъ въ области знанія. Потому съ XVIII вѣка классицизмъ въ училищахъ русскаго народа былъ уже анахронизмомъ и мертвою буквою. И московская славяно-греко-латинская академія, основанная въ 1682 г., по настоянію византійскихъ грековъ, при грекахъ Лихудахъ, не могла уже сдѣлать классицизмъ могучимъ умственно-образовательнымъ средствомъ. «Въ 1682 г. — замѣчаетъ кн. Щербатовъ — заведена была въ иконоспасскомъ монастырѣ академія, гдѣ учили по-латыни, по-гречески и Аристотелевой философіи. Но чему въ этой академіи научались? Научались языкамъ греческому и латинскому, философіи Аристотелевой, его категоріямъ, тонкимъ и часто непонятнымъ разсужденіямъ Платона о богословіи, могли разумѣть всѣхъ лучшихъ писателей Аѳинъ и цвѣтущаго Рима, и св. отцовъ. Но познали ли новыя открытія, сдѣланныя новыми? Познали ли бы новую систему міра, изобрѣтенія въ физикѣ, химіи и механикѣ? Нѣтъ» [1]). Въ кіевской академіи, которая, по словамъ смоленскаго епископа Гедеона, «имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея, аки

[1]) „Чт. Общ. 1860 г. о сост. Россіи до П. В.“ ст. 25—28.

отъ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источники премудрости почерпала», и въ кіевской академіи схоластическая философія Аристотеля, какъ анахронизмъ, господствовала только до 1752 года. Тамъ преподавались такія напр. руководства по Аристотелю, распространенныя потомъ и по многимъ духовнымъ семинаріямъ: Philosophia Aristotelico-scholastica, anno 1708 per Theoph. Procopowicz, philosophia tripartita, doctrinam Aristotelis de rebus dialecticis, phisicis et methaphisicis comprehendens anno 1715; philosophia ad mentem principis philosophorum Aristotelis stagiritae tradita et explicata anno 1719; Cursus philosophicus in scholis Peripateticorum 1739; Syntagma totius Aristotelicae philosophiae publicis disputationibus illustratum 1745 anno. Ученіе этой схоластической и притомъ искаженной Аристотелевой философіи было самое отжившее. Напр. въ самой лучшей философской системѣ Георгія Конисскаго въ отдѣлѣ physica сообщалось, между прочимъ, ученіе de fortuna et fato, de tempore et aeternitate, de coelis totaliter sumtis, de elementis—de aqua, terra, aere, igne, de differentiis animarum, de anima plantarum ejusque facultatibus, de facultatibus animae vehetativae genetricis и т. п. [1]). Но и въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ такая классическая, Аристотелева философія не могла держаться дольше XVIII столѣтія, да и классическіе языки тамъ никогда особенно не процвѣтали, а въ послѣднее время пришли даже въ упадокъ. Въ университетахъ же и гимназіяхъ классическая филологія еще менѣе прививалась, и доселѣ, несмотря на всѣ усилія, не привилась, главнымъ образомъ опять потому же, что не составляла историко-органической потребности умственнаго развитія въ Россіи, и была въ нихъ водворена анахронично и искусственно, а не исторически. Магистръ, г. Новоселовъ, изучая классическую филологію за границей, совершенно справедливо писалъ въ одномъ письмѣ отъ 20 мая 1863 г.: «Съ тѣхъ поръ, какъ занимаюсь классической филологіей, я всегда понималъ все печальное положеніе этой науки въ нашемъ отечествѣ.. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на столѣтнее оффиціальное существованіе въ русскихъ университетахъ, едвали можно указать на какую-нибудь науку, которая бы менѣе классической филологіи привилась къ нашимъ университетамъ и менѣе ея была знакома нашему обществу. Я не говорю уже о томъ, чтобы у насъ было сдѣлано что-нибудь для движенія этой науки путемъ серьезной самостоятельной разработки; этого я и не ищу; но мы не имѣемъ почти ничего даже изъ того, что называется зачатками, азами этой науки. Это фактъ, противъ котораго можетъ спорить только мелкое самолюбіе или полное невѣжество. Не далѣе, какъ года два назадъ, одинъ изъ нашихъ филологовъ вотъ что говорилъ объ этомъ предметѣ на одной изъ публичныхъ лекцій: мм. гг.! я долженъ начать мою лекцію съ откровеннаго признанія въ томъ, что наша филологія едвали заслужила такую честь (т. е. что на эту лекцію собрались не обязательные слушатели, а представители образованнаго общества, безъ всякаго оффиціальнаго отношенія къ университету). Мы сдѣлали—продолжаетъ авторъ,—все или почти все для того, чтобы поселить

[1]) „Ист. Кіевск. дух. академ." стр. 144—148.

ь нашемъ обществѣ недовѣріе къ древней филологіи и сомнѣніе въ ея ользѣ. До сихъ поръ мы обыкновенно шли въ этой наукѣ не дальше рамматики, на древнихъ писателей смотрѣли какъ на средство изучить сѣ ея тонкости, да и тѣхъ не изучили. Живыя же стороны древней филологіи до сихъ поръ остаются почти совершенно чуждыми намъ.» Это ткровенное признаніе лучшаго представителя филологической науки въ Россіи и наиболѣе компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ должно навести а глубокое раздумье всякаго, кто дорожитъ дѣломъ отечественнаго образованія. Да, сто лѣтъ труда и издержекъ, и такіе результаты! Между ѣмъ, нельзя сказать, чтобы эта наука или, вѣрнѣе, циклъ науки не служилъ предметомъ заботъ правительства и лицъ, составлявшихъ университетскіе уставы. Филологическій факультетъ являлся въ числѣ первыхъ въ каждомъ вновь открывавшемся университетѣ. Филологическая наука юльзуется въ нашихъ университетахъ правомъ гражданства уже цѣлое столѣтіе. Въ такой промежутокъ времени можно бы, кажется, ожидать многаго... Но несмотря на всѣ эти выгоды, мы, въ продолженіе 100 лѣтъ, не ушли дальше грамматики въ дѣлѣ изученія классическихъ наукъ; живыя стороны ихъ намъ чужды, знакомство съ литературой и культурой греческаго и римскаго міра у насъ вовсе не существуетъ доселѣ»[1]). Такимъ образомъ у насъ не было и нѣтъ своихъ Фридриховъ Августовъ Вольфовъ, Бернгади, Августовъ Маттіэ, Максъ Мюллеровъ, Бёковъ, Ричлей и т. п., потому что и напередъ не было своего Петрарки, Боккачіо, Скалигера, Сомеза, Казобона, Бентли, Валькенера, Рункена, не было древнѣйшихъ классическихъ школъ, въ родѣ французской и голландской, существовавшихъ въ XVII столѣтіи, и русская мыслительность не прошла прежде и самостоятельно этихъ періодовъ: гуманизма, господствовавшаго на западѣ въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ, матеріальнаго изученія классической древности, какое было въ XVII вѣкѣ, и, наконецъ, критическаго изученія классической филологіи, преобладавшаго въ XVIII в. Слѣдовательно, и въ настоящее время господство классицизма у насъ — историческій анахронизмъ, механически или силою навязываемый намъ, какъ педагогическое средство, а въ сущности составляющій анти-національное, анти-историческое и праздное археологическое занятіе умовъ.

Далѣе, церковно-византійское ученіе не имѣло своей задачей, какъ мы сказали, развивать интеллектуальныя способности русскаго народа, разумъ, мысль, а исключительнымъ назначеніемъ и цѣлью его было распространеніе и укорененіе въ народѣ вѣры и нравственности, или воспитаніе нравственно-религіознаго чувства. Восточно-византійскіе учители имѣли огромное вліяніе на развитіе и укорененіе въ древней Россіи психопедагогическаго, нравственно-воспитательнаго начала. Извѣстное сочиненіе Златоуста, «περὶ παίδων ἀνατροφῆς», переведенное на церковно-славянскій языкъ, было главнымъ руководительнымъ правиломъ нравственнаго воспитанія дѣтей въ древней Россіи, было догматомъ воспитанія. Главная

[1]) Двѣ публичныя лекціи проф. Благовѣщенскаго о Ювеналѣ. Спб. 1860 г. Ж. М. Н. П. 1863 г. CXIX, отд. II, стр. 59–61.

идея этого ученія — воспитаніе дѣтей въ благовѣріи, благочестіи и всякой добродѣтели—ἐν εὐλαβείᾳ καὶ τῇ κτήσει τῆς ἀρετῆς. И нужно сказать, что при первобытной грубости нравовъ русскаго народа, во времена страшнаго господства дикаго произвола и грубой физической силы, нравственно-христіанское ученіе и воспитаніе составляло первую историческую задачу. И византійская нравственно-религіозная система воспитанія въ Россіи всегда неусыпно преслѣдовала эту цѣль. Съ этою цѣлью, всѣ училища, какія учреждались въ древней Россіи отъ временъ Владиміра до московской славяно-греко-латинской академіи, имѣли собственно не умственно-образовательный, а нравственно-воспитательный характеръ. Всѣ эти училища поставляли своею цѣлью не развитіе умственныхъ способностей, разума, мысли, но исключительно — внушеніе и установленіе началъ христіанской и свято-отеческой нравственности, на основаніи ученія вѣры: главные учители русскаго народа, по словамъ Степенной книги, повелѣвали учить не только «словесемъ книжнаго ученія, а и благонравію, правдѣ и любви, и зачалу премудрости — страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію» [1]). Училища устроялись вовсе не въ видахъ свѣтскаго научнаго образованія, а единственно въ видахъ духовнаго, христіанскаго ученія, и потому въ нихъ не столько преподавалась даже «словеса книжнаго ученія», сколько внушались правила вѣры и нравственности [2]). При такомъ направленіи, въ древне-русскихъ училищахъ не преподавалась даже философія, которая могла бы развивать въ молодыхъ поколѣніяхъ теоретическую мыслительность, пріучая ихъ къ работѣ мышленія, хотя философія и не исключалась изъ системы воспитанія дѣтей восточно-византійскими учителями; напр. Златоустъ, говоря о воспитаніи дѣтей, исчислялъ три предмета нравственнаго воспитанія: εὐλαβεία, καὶ ἀρετή, καὶ φιλοσοφία. Слѣдствіемъ такого исключительнаго господства иоико-теологическаго, нравственно-религіознаго направленія, — свѣтскихъ училищъ, которыя бы развивали интеллектуальныя способности, разумъ, мышленіе, вовсе не было. Точно также не было и литературы свѣтской, научно-образовательной. И въ самой духовной литературѣ, нравственно-назидательное и церковно-обрядовое направленіе, какъ извѣстно, преобладало во всѣхъ произведеніяхъ — во всѣхъ каноническихъ правилахъ русскихъ пастырей, въ посланіяхъ и отвѣтахъ ихъ на вопросы частныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе въ церковныхъ словахъ и поученіяхъ. Въ церковныхъ поученіяхъ главнымъ образомъ предлагались нравственно-обрядовыя наставленія, напр. о постѣ вообще и въ частности о филипповомъ, петровомъ, успенскомъ и великомъ, о покаяніи, исповѣди и эпитиміяхъ, о недѣлѣ или воскресномъ днѣ, о благопристойномъ праздновании праздниковъ, о хожденіи въ церковь и благопристойномъ поведеніи въ ней и т. п.; или же обличались грубые пороки времени подъ общимъ заглавіемъ: «слово, еже како жити христіанамъ», или: «слово о спасеніи души», «слово душеполезно», или, въ частности: «слово о лѣнивыхъ и нерадивыхъ» и

[1]) „Степ. кн." I, стр. 143.

[2]) Лавровскаго, „о древне-русскихъ училищахъ", стр. 104—105.

л. Таких вопросов догматических или нравственных, которые бы ъ сколько-нибудь вызывали к дѣятельности теоретическую мыслитель- ть, — поученій, в которых бы разсказывалась хоть теоретическая,)созерцательная сторона христіанскаго ученія, в древне-русской лите- урѣ мы вовсе не встрѣчаем. Даже в области вѣроученія и нравоученія, ıвственно-поучительное начало преобладало над догматико-теоретиче- ıм. Когда касалось дѣло догматическаго ученія вѣры, то духовные русскіе ıтели считали вполнѣ достаточным сказать в двух-трех словах начале своего нравственно-обрядоваго или нравственно-назидательнаго ученія о вѣрѣ в Святую Троицу, в жизнь вѣчную и пр. большею ;тью так: «прежде всего, братіе, вот какую заповѣдь всѣ мы христіане ıжны содержать: вѣровать в единаго Бога, в Троицѣ славимаго, въ ца, и Сына, и Св. Духа, как научили апостолы и утвердили св. отцы: рую во единаго Бога (до конца)»: вот и все ученіе вѣры, а затѣм чиналось подробное нравственно-назидательное поученіе [1]). Если же о хотѣл подробнѣе знать догматическое ученіе, в таком случаѣ)лнѣ довольствовались не обширными догматическими системами, а са- ıми простыми, так сказать, элементарными поученіями св. отцов, въ дѣ кратких катихизисов, или «начатков», каковы напр. краткіе во-)сы и отвѣты о Троицѣ Карилла Александрійскаго и изъясненіе о вѣрѣ ратцѣ св. Максима, «еже вопрошати и отвѣчати всякому православному истіанину». Мысль русская вполнѣ жила вѣрою и не требовала ника- х доказательств и истинности догматов, не требовала этой, как ıражались в XVIII вѣкѣ, теологической учености (eruditio). Вѣра олнѣ преобладала над мыслью, нравственное начало — над разумом ıѣсто философіи и наук, заповѣдывалось учиться только смиренномуд- о и книгам благодатнаго закона. В тѣ времена учили: «братіе, не ıсокоумствуйте! но в смиреніи пребывайте, посему же и прочая разу- ıвайте. Аще кто ти речет: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: линских борзостей не текох, ни риторских астрономов не читах, с мудрыми философы не бывах, учуся книгам благодатнаго за- на, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити от грѣх» [2]). При от- тствіи свѣтских научно-образовательных училищ и свѣтской научно- разовательной литературы, развитіе научно - теоретической мыслитель- сти вовсе было не мыслимо. Поэтому умы русскіе, вполнѣ воспитанные правилах вѣры и смиренномудрія, как выражались в XVII в., вовсе любили и не способны были отвлеченно мыслить и посвящать мысль угим предметам, кромѣ вѣры и нравоученія. Отцы внушали дѣтям чися грамотѣ, учися и *держати ум*, *высочайшаго не ищи*, *ıубочайшаго не испытуй*, но елико ти предано от Бога, си со- ржи» [3]). Слѣдовательно, не только не было и зачатков мысли пытливой

[1]) Образчик таких поученій в „Прав. Собесѣдникѣ", январь 1858 г. „Слово постѣ" (издано А. П. Щаповым). Рукоп. сборник Соловец. библіот. „Измарагд" сь есть сборник таких поученій. № 170.

[2]) Пекарскій, I, 3.

[3]) Сборник Солов. библіот. № 925, л. 66—68.

и критической, но и проповѣдывалось безмысліе, смиренномудріе ума, и, по выраженію Симеона Полоцкаго, крайне «мелокъ былъ и грамматическій разумъ» [1]). Всякое своемысліе, всякое ученіе разума строго запрещалось. Даже ученые учители вѣры петровскаго времени стояли за одно строго-догматическое ученіе и совершенно исключали всякое участіе разума въ ученіи народномъ. Напр. іеромонахъ Кохановскій въ 1720 году говорилъ: «аще бы и великостепенный человѣкъ училъ отъ своего мозга, не слушай и не пріемли» [2]). Все это вѣковое пренебреженіе развитіемъ мышленія особенно невыгодно отозвалось, какъ увидимъ дальше, въ первоначальномъ ученьи дѣтей русскаго народа европейскимъ наукамъ со временъ Петра Великаго.

Преобладаніе религіозно-нравственнаго начала надъ интеллектуальнымъ, нравственности надъ разумомъ, обусловленное отсутствіемъ научнаго интеллектуальнаго развитія въ древней Россіи, отсутствіемъ свѣтскихъ умственно-образовательныхъ училищъ, отозвалось и въ умственной жизни новой Россіи. Во второй половинѣ XVIII вѣка, въ періодъ особенныхъ заботъ о народномъ воспитаніи, въ періодъ дѣятельности Бецкаго и коммисіи объ учрежденіи народныхъ училищъ (1782), основнымъ, главнымъ принципомъ воспитанія и всѣхъ учебно-образовательныхъ учрежденій признано было тоже нравственное начало, а не развитіе разума, мысли. Тогда преимущественно требовали развитія изящнѣйшаго сердца, а не разума, наибольшаго умонаклоненія къ добру, къ нравоученію, къ добронравію, а не умонастроенія къ научно-теоретической мыслительности, къ изслѣдованію и знанію. Требовали, чтобы учители и наставители народа теоритическихъ мыслей избѣгали, удалялись, а больше держались бы нравоученія. Всю цѣну ума полагали въ «добронравіи». Гарантію умственныхъ успѣховъ полагали въ доброй нравственности. Въ ученіи и знаніи признавали только средство къ избѣжанію порока праздности и способъ къ нравственному самопознанію. Императрица Екатерина Великая въ извѣстной инструкціи князю Салтыкову (1784 г.), излагая наставленія: 1) касательно развитія и подкрѣпленія умонаклоненія къ добру, 2) касательно учтивости и 3) касательно знанія, высказала такія требованія относительно воспитанія: «здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру — говорила она — составляютъ все воспитаніе. Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ добродѣтельности ко всѣмъ людямъ, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи, въ благородномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустого опасенія, боязливости, подозрительности. Ученіе же и знаніе да будутъ дѣтямъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ познанію естественныхъ ихъ способностей, и дабы привыкли къ труду и прилежанію». Бецкій, какъ извѣстно, полагалъ тѣ же нравственные принципы въ основу своей воспитательной системы. Онъ требовалъ,

[1]) „Жезлъ правл." ч. I, л. 23 и 98.
[2]) Пекарскаго, наука и литер. при Петрѣ Великомъ, I, 497.

5ы «при изящномъ умѣ» воспитывали еще изящнѣйшее сердце: ытъ показалъ, — говоритъ онъ, — что одинъ только украшенный или свѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямаго гражданина, ротивъ одинъ разумъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ ъ не вкоренена въ сердцѣ добродѣтель. При недостаткѣ нравствен-ги напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ и въ на-хъ и искусствахъ.» Митрополитъ Платонъ также внушалъ ту мысль, нравственно-художественное умонастроеніе, воспитаніе и развитіе болѣе бходимо и выше, чѣмъ развитіе интеллектуальное, научное, теорети-кое. Въ 1765 г. въ словѣ о воспитаніи онъ говорилъ: «Воспитаніе есть уготовленіе къ добродѣтели. Что пользы разсуждать о теченіи есныхъ круговъ, а сердце имѣть привязаннымъ къ страстямъ земнымъ! езны, подлинно, науки, полезны и художества. Науки легко употре-ь можно во зло, а злоупотребленныя онѣ великій причиняютъ вредъ, удожества, не знаю, можно ли употребить во зло, и потому они всегда езны». Вообще митрополитъ Платонъ, также какъ и всѣ въ то время, бовалъ больше развитія нравственности, нравоученія, добродѣтели, чѣмъ ма или теоретической мыслительности, научныхъ теорій и знаній. питателямъ юношества онъ предписывалъ: «чтобъ ученики не въ нау-къ, а болѣе же въ добродѣтели преуспѣвали.» Учителямъ проповѣдникамъ онъ завѣщевалъ: «чтобы они ѳеоретическихъ слей подальше себя вели, чтобы не заблудиться, а больше жались бы нравоученія» [1]). Новиковъ въ «Утреннемъ свѣтѣ» ке отрицалъ пользу теорій и утверждалъ, что одно нравоученіе по-но: «сколько полезно нравоученіе, столько безполезны ріи».—говорилъ онъ. Наконецъ и Фонъ-Визинъ въ «Недорослѣ» вы-илъ такую мысль: «умъ, коль скоро онъ только что умъ,—самая дѣлица: прямую цѣну уму даетъ благонравіе». Новоучрежден-общество любителей учености въ 1789 г. объявило задачею на кон-съ (за 40 голландскихъ червонцевъ): «какими науками начинаться дол-просвѣщеніе? Касающимися ли сердца и нравственности, или надлежащими до разума и остроты?» [2]). Само собой разумѣется, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ нравственное начало проводилось дальше и глубже. Въ конспектѣ наукъ духовныхъ академій выска-вался, какъ основной законъ, тезисъ: «всякое созерцательное по-ніе, не направляемое къ дѣятельности, есть зданіе на воздухѣ или въ омъ чертежѣ художника» [3]). Въ частности, коммиссія духовныхъ учи-щъ преподавателямъ всеобщей исторіи въ академіяхъ вмѣнила въ обя-ность охранять ученіе исторіи: во-первыхъ, отъ усиленнаго крити-зма; во-вторыхъ, отъ систематизма, усиливающагося дать исторіи инство идеи. Излагая событія просто, кратко, вѣрно, преподаватель жeнъ обращать особенное вниманіе въ исторіи на черты прав-

[1]) Біографія митрополита Платона.
[2]) „Истор. моск. унив.“ 254.
[3]) „Исторія С.-Петерб. дух. акад.“ Чистовича, 285.

ственныя, на слѣды провидѣнія Божія въ происшествіяхъ общественныхъ, на связь и послѣдовательность въ судьбахъ народовъ, нравственнаго улучшенія или, напротивъ, нравственнаго поврежденія, и т. п. [1]). Нечего и говорить о томъ, что въ воспитанникахъ духовныхъ преимущественно требовалось развитіе нравственно-религіознаго чувства доброиравія, вѣры, а не интеллектуальныхъ способностей, не разума. Тутъ и все назначеніе воспитанниковъ — нравственно-образовательное, именно—проведеніе или распространеніе религіозно-нравственнаго образованія въ народѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ древней Россіи преимущественное развитіе нравственнаго начала необходимо обусловлено было отчасти грубостью нравовъ русскаго общества и народа. Но, съ другой стороны, вѣковое запущеніе или устраненіе, во имя его, интеллектуальнаго развитія народа, вѣковое лишеніе научнаго развитія разума, мышленія, было въ свою очередь весьма невыгодно. Во-первыхъ, при неразвитіи такъ-называемаго чистаго, теоретическаго разума, естественно не развивался и самый нравственно-практическій разумъ, и вслѣдствіе того не скоро искоренялась и допетровская грубость нравовъ и нравственныхъ понятій. Потому что теоретическій разумъ, какъ извѣстно, есть главный и естественный законодатель и самыхъ практическихъ, нравственныхъ истинъ и убѣжденій, есть главный управитель и регуляторъ нравственныхъ правилъ и поступковъ. Только съ развитіемъ разума, съ развитіемъ и расширеніемъ умственныхъ истинъ, могутъ развиваться и нравственныя истины и убѣжденія, а вслѣдствіе того усовершаться и нравственныя дѣйствія и поступки. Русская же исторія ясно показываетъ, что чѣмъ меньше развитъ былъ разумъ русскій науками, чѣмъ дальше въ древность, когда вовсе и наукъ не было, тѣмъ грубѣе были нравы русскаго общества. Напр. во времена Петра Великаго, когда разумъ въ дворянствѣ еще не былъ нисколько развитъ науками и когда оно «лѣнью и огурствомъ» уклонялось отъ ученья,—нравы дворянъ были самые грубые: они занимались разбоями, разъѣзжая цѣлыми разбойничьими бандами, кулачный бой считали однимъ изъ пріятныхъ препровожденій времени, безнаказанно изводили и замучивали крестьянъ, тиранили и разоряли ихъ, погрязали въ пьянствѣ, воровствѣ и другихъ порокахъ, вели себя, по выраженію Посошкова, какъ львы въ деревняхъ, уклоняясь отъ ученья, залѣзали въ озеро по бородѣ, бѣгали отъ ученья даже въ лѣсные скиты раскольничьяго суевѣрія, словомъ, были такихъ грубыхъ нравовъ, что вызвали противъ себя особую сатиру Кантемира «На гордость злонравныхъ дворянъ». Но вотъ университетскія науки мало по малу развивали разумъ въ дворянахъ, развивали ихъ понятія, преобразовывали ихъ образъ мыслей, и теперь ужъ нѣтъ такихъ дворянъ, которые бы напр. лѣзли отъ ученья въ озеро по бородѣ, или бѣжали въ раскольничьи лѣса, либо разбойничали бандами. Въ войскѣ, какъ извѣстно, умственное развитіе нижнихъ чиновъ изъ простого и необразованнаго народа гораздо ниже, чѣмъ интеллектуальное развитіе офицеровъ изъ образованнаго

[1]) „Исторія С.-Петерб. дух. акад.“, 298—299.

ласса—дворянъ. И вслѣдствіе этого число подсудимыхъ за преступленія фицеровъ къ общему ихъ числу въ войскѣ относилось въ 1857 г. какъ : 208, въ 1858 г.—1 : 260; а число подсудимыхъ нижнихъ чиновъ въ 858 г.—1 : 147½, въ 1857 г.—1 : 114½; преступленій противъ правъ на мущество въ нижнихъ чинахъ 3036, а между офицерами только 10. Наонецъ, безъ умственнаго развитія и самая нравственность, воспитанная изантійской ѳеикой, всегда являлась большей частью безсмысленною форальностью. Искони русскіе люди, вслѣдствіе неразвитости разума, позволяли себѣ всякіе пороки—воровали, грабили, дѣлали всякія насилія слаымъ, въ торговлѣ и контрактахъ нагло обманывали, плутовали, постоянно тремились наживаться всякими неправдами насчетъ чужого труда и пр.,— все это прикрывали формальною наружностью византійской нравственности, вполнѣ успокоивали свою совѣсть тѣмъ, напримѣръ, что усердно одили въ церковь, въ праздники гуляли и пьянствовали, въ церквахъ и ома усердно клали поклоны, ставили свѣчи передъ образами, дѣлали щедрые вклады въ церкви и монастыри и т. п. Вообще, при неразвитости разума, въ одеждѣ византійской нравственности, сплошь и рядомъ открыто и азіатски-чванно господствовало наружное благочестіе и благонравіе, внутренно извращенное всякими противообщественными пороками и неправдами. Во-вторыхъ, вѣковое исключительное развитіе религіозно-нравственнаго чувства и совершенное отсутствіе развитія разсудка, мыслительности, вѣковое укорененіе въ народѣ одной вѣры, одного познанія сверхъестественнаго ученія, безъ познанія хоть бы того естественнаго ученія, какое могла дать древне-греческая наука, были причиною того, что народъ слишкомъ отдалился и даже совершенно отчуждился отъ наукъ вообще и въ частности отъ наукъ естественныхъ, погрузился въ разные вредные предразсудки и суевѣрія, сталъ даже бояться свѣта естествознанія и смотрѣть на него непріязненно. Это предубѣжденіе воспитано было главнымъ образомъ византійскимъ супранатуральнымъ ученіемъ, господствовавшимъ въ древней Россіи и отрицавшимъ даже древне-греческую, эллинскую мудрость Эвклидовъ, Пиѳагоровъ, Архимедовъ и т. п. Въ позднѣйшія времена, послѣ вѣкового отчужденія отъ естественныхъ наукъ, и сами учители вѣры стали иногда признавать необходимость физико-математическихъ наукъ для умственнаго развитія. Напр. ректоръ с.-петербургской духовной академіи, епископъ Аѳанасій, въ 1844 г. представлялъ, что физика необходима для уразумѣнія тѣхъ истинъ философіи, которыя должны прояснять свойства и законы матеріальнаго міра, и сама по себѣ излагаетъ такія познанія, которыя по общему понятію считаются необходимыми для всякаго образованнаго человѣка, воспитывающагося не только въ высшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. И св. синодъ, поэтому, опредѣлилъ преподаваніе физики сдѣлать общимъ для всѣхъ студентовъ [1]). Точно также, въ кіевской академіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія такая великая наука, какъ математика, не только не отрицалась учителями вѣры и нравственности, а еще особенно поощряема была проф.

[1]) Чистовича, „Истор. с.-петербург. дух. академіи", 301.

богословія Иринеемъ Фальковскимъ. «Сей достойнѣйшій наставникъ—говоритъ авторъ «Исторіи кіевской академіи»—своими занятіями и ревностію умѣлъ возбудить въ своихъ слушателяхъ такую любовь къ математикѣ, что классъ ея, посѣщаемый прежде очень немногими, сдѣлался наконецъ однимъ изъ многолюднѣйшихъ классовъ (въ 1803 г. было учениковъ въ немъ 127, въ 1811 г.—309). Будучи уже профессоромъ богословія, Ириней не оставлялъ преподавать и математику и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ содѣйствовалъ ученикамъ своимъ въ составленіи и изданіи календарей для всего Малороссійскаго края»[1]. Между тѣмъ, какъ и сами нѣкоторые учители вѣры, въ періодъ введенія въ Россіи естественныхъ наукъ, уже переставали смотрѣть на нихъ враждебно, въ народѣ вѣра въ сверхъестественность, вкорененная вѣками, семь или восемь столѣтій совершенно исключавшая естественное ученіе и даже самое развитіе разума, до того отдалила, отрѣшила смыслъ народный отъ естественнаго міра, что онъ сталъ считать познаніе физическаго міра противнымъ вѣрѣ, такъ что въ XVIII вѣкѣ и даже въ XIX столѣтіи нужно еще было, какъ увидимъ дальше, мирить народный и общественный смыслъ съ идеей естествознанія, нужно было доказывать, что изслѣдованіе и познаніе природы не противно вѣрѣ и т. п. По словамъ Ломоносова, «чтецы писанія и ревнители къ просвѣщенію излишествомъ своей ревности по вѣрѣ препятствовали приращенію высшихъ наукъ»[2]. Умы русскіе, воспитанные однимъ ученіемъ вѣры, никогда не знавшіе естественнаго ученія, а большею частью жившіе даже однимъ суевѣріемъ, до того были проникнуты однимъ суевѣрнымъ, рабскимъ страхомъ грозныхъ силъ природы, что естественнонаучное испытаніе природы считали дерзкимъ и опаснымъ искушеніемъ таинъ воли и премудрости Божіей, «продерзкимъ усиліемъ противиться гнѣву Божію» и т. п. Поэтому, когда извѣстнаго профессора Рихмана, во время производства громоотводныхъ опытовъ, убило громомъ, публику объялъ суевѣрный страхъ, и Ломоносовъ боялся, чтобы этотъ случай не былъ перетолкованъ противъ естественныхъ наукъ. И въ словѣ о воздушныхъ явленіяхъ, происходящихъ изъ электрической силы, 26 ноября 1753 г., Ломоносовъ, по этому поводу, послѣ объясненія теоріи грома, приступая къ объясненію громоотводовъ, долженъ былъ обратиться къ публикѣ съ такими увѣщаніями: «симъ предпріятіемъ не уповаю, слушатели, чтобы въ васъ родилось негодованіе или боязнь нѣкоторая. Ибо вы видите, что Богъ далъ и дикимъ звѣрямъ чувство и силу къ своей защитѣ; человѣку же сверхъ того прозорливое разсужденіе къ предвидѣнію и отвращенію всего того, что вредить можетъ его жизни. Не однѣ молніи изъ нѣдръ преизобилующей натуры на жизнь его устремляются, но и многія иныя: повѣтрія, наводненія, землетрясенія, бури не менѣе устрашаютъ насъ, не менѣе вредятъ намъ. И когда лѣкарствами отъ моровой язвы, плотинами отъ наводненій, крѣпкими основаніями отъ землетрясеній и отъ бурь обороняемся, и притомъ не думаемъ, что мы продерзостнымъ усиліемъ гласу Божію проти-

[1] Булгакова, „Исторія кіевск. дух. академіи“, 152.

[2] „Сочинен. Ломоносова“, изд. 1803 г. ч. III, стр. 342—354.

вимся; того ради какую мы можемъ видѣть причину, которая бы запрещала избавляться отъ громовыхъ ударовъ? Посему, должно ли тѣхъ почитать дерзостными и богопротивными, которые для общей безопасности, къ прославленію Божія величества и премудрости, величіе дѣлъ его въ натурѣ грома и молніи изслѣдуютъ? Никакъ, мнѣ кажется, что они еще особливою его щедротою пользуются, получая изобильное за труды свои воздаяніе, т. е. открытіе столь великихъ естественныхъ чудесъ. Видимъ открытыми святилища натуры по открытіи электрическихъ дѣйствій въ воздухѣ, и мановеніемъ натуры во внутренніе входы призываемся. Еще ли стоять будемъ у входа, и прекословіемъ неосновательнаго предувѣренія удержимся? Никоею мѣрою; но напротивъ того, сильно намъ дано и позволено, далѣе простираться не престанемъ, осмотрѣвъ все, къ чему умное око проникнуть можетъ» [1]). И не только въ Ломоносовское время, но и послѣ, и не только въ простомъ народѣ, но и въ образованномъ обществѣ, многіе съ предубѣжденіемъ смотрѣли на естествоиспытаніе. Въ то время, какъ Ломоносовъ, въ письмѣ къ Шувалову, скорбѣлъ объ участи проф. Рихмана, убитаго громомъ при громоотводной машинѣ, скорбѣлъ и объ его семействѣ и боялся, чтобы случай этотъ не возбудилъ боязливаго предубѣжденія и даже негодованія противъ естествоиспытанія, дворянинъ Нащокинъ (1707—1761) въ запискахъ своихъ разсказывалъ о смерти Рихмана не только съ неуваженіемъ къ опаснымъ и смѣлымъ трудамъ естествоиспытателя, но даже съ насмѣшкою. «Профессоръ Рихманъ—говоритъ онъ—машиною старался объ удержаніи и грома и молніи, дабы отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всѣхъ случилось при той самой сдѣланной машинѣ, съ нимъ, Рихманомъ, о мудрованіи сходно произошло въ древности, какъ Эсхилъ тоже чрезъ астрономію позналъ убіеніе себя верженіемъ сверху: орелъ съ высоты опустилъ желвь (черепаху) и разбилъ лысую голову Эсхила. Такъ и Рихманъ за вымыслы свои получилъ нечаянный конецъ» [2]). И съ учрежденіемъ физико-математическихъ факультетовъ въ университетахъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, профессора математическихъ наукъ тоже, какъ увидимъ дальше, должны были, подобно Ломоносову, доказывать, что знаніе силъ природы не подрываетъ религіи, а напротивъ того, приводитъ къ ней и т. п.

Далѣе, вѣковое господство одной неосмысленной знаніемъ вѣры, безъ развитія умственныхъ способностей, разума и мысли, породило въ необразованномъ народѣ безсмысленную склонность къ религіознымъ спорамъ, къ богословствованію и множество вредныхъ для его интеллектуальнаго развитія суевѣрій, предразсудковъ, сектъ раскольничьихъ и т. п. Сами учители вѣры сознавали и видѣли на опытѣ, что умственная неразвитость, или, по ихъ выраженію, с к у д о с т ь у м а, вредила и благочестію, порождала расколъ. «Мнози и отъ благочестивыхъ,—говорилъ патріархъ Іоакимъ,—за с к у д о с т ь у м а с в о е г о, послѣдовали расколу» [3]). Достаточно про-

[1]) Сочин. Ломоносова, ч. III, стр. 108—110.
[2]) „Записки“ Нащокина, 1707—1761.
[3]) „Увѣтъ“, л. 10.

читать «Розыскъ» Димитрія Ростовскаго, чтобы видѣть, до какихъ сумасбродствъ и нелѣпостей довело темный народъ вѣковое неразвитіе его интеллектуальныхъ способностей, до какого безсмыслія доходила суевѣрная раскольничья мысль, воспитанная однимъ византійскимъ супранатурализмомъ безъ здраваго научнаго ученія. Тогда какъ на западѣ, во времена даже схоластики и мистики, мысль изощрялась во всеобщей самодѣятельности мышленія, напр. въ спорахъ философскихъ школъ—номиналистовъ и реалистовъ,—у насъ мыслительность народная всецѣло была эксплуатирована византійскимъ догматизмомъ. За предѣлами народнаго рабочаго сенсуализма и эмпиризма, для нея не было другой чисто-умозрительной, теоритической сферы, кромѣ византійскаго теологическаго и мистическаго умосозерцанія [1]). Вѣковое исключительное развитіе чувственно-образнаго, религіозно-нравственнаго умонастроенія, вѣковое преобладаніе теологическаго направленія умовъ, при совершенномъ отсутствіи разсудочнаго развитія и научно-раціональнаго умонастроенія, породило даже и въ простомъ народѣ самый грубый и невѣжественный теологизмъ, или, по выраженію раскольничьяго писателя Павла Любопытнаго, «горячій догматизмъ». Вмѣсто вопросовъ здраваго разсудка и науки,—въ эпоху развитія раскола, даже суевѣрная толпа занималась рѣшеніемъ самыхъ пустыхъ теологическихъ вопросовъ. Іеромонахъ Кохановскій въ словѣ, произнесенномъ въ Ревелѣ въ 1720 г., говорилъ: «воззримъ убо и на другую злобу, которая тако въ народѣ нашемъ укоренилася и тако умножилася, яко ни какимъ способомъ и ни какою силою человѣческою отнюдь не возможно искоренити. Имя той злобы—забобоны, сирѣчь суевѣріе или злочестіе: напр. избрали себѣ мужики въ году 12 пятницъ и крѣпко утвердили и закрѣпили симъ глаголомъ: аще кто до тѣхъ пятницъ постится, молится, и молебенъ имъ наймуетъ, то по различію пятницъ различныя отъ нихъ дарованія пріемлетъ: первая пятница великаго поста избавляетъ отъ незапныя смерти; пятница предъ Благовѣщеніемъ избавляетъ отъ убійства, а которая передъ ильинымъ днемъ избавляетъ отъ вѣчныя муки... Что же когда еще пойдемъ до окаянной мужицкой, а паче до бабской богословіи, сирѣчь до буесловія и смѣхотворныхъ вопросовъ: которую икону почитать, а которую не почитать? Яйцемъ или масломъ письмена старая или новая? На доскѣ ли, на холстѣ или на бумагѣ? Какой крестъ на церквахъ ставити, осьмиконечный или четвероконечный? Которыми персты знаменіе крестное на себѣ полагати? И кто убо подробно исчислить можетъ безчисленные одни — смѣху, а другіе — плачу и рыданію достойныя забобоны? Бабьими баснями и мужицкими забобонами весь міръ наполнился: уже бо нынѣ не только священницы и прочіе книжные люди, но и неграмотные мужики и бездѣльныя деревенскія бабы всю тую дьявольскую богословію наизусть умѣютъ» [2]).

Наконецъ, главная и всецѣлая задача восточно-византійской доктрины состояла въ умственномъ воспитаніи русскаго народа въ духѣ православнаго востока и въ отчужденіи отъ латинскаго и потомъ «люторскаго»

[1]) См. „Розыскъ", гл. III.
[2]) Пекарскій, I. 193.

іада. При отсутствіи умственнаго развитія, это вѣковое интеллектуальe подчиненіе русскаго народа восточно-византійскому вліянію, въ связи географическими и этнологическими условіями, мало-по-малу развило восточномъ умственномъ складѣ русскаго народа религіозную антипао къ интеллектуальному вліянію передовыхъ, западно-европейскихъ націй. начале русской исторіи, Византія была для Россіи тѣмъ, чѣмъ со времени Петра Великаго сталъ Западъ. Она сообщила восточному умственному ладу русскаго народа восточно-церковное освѣщеніе и утвержденіе, сощила свой восточно-церковный типъ. Въ древней Руси, въ такомъ же личествѣ вызывались въ Россію византійскіе греки, какъ со времени тра Великаго вызывались европейцы, нѣмцы. Греки эти назначались ителями русскаго юношества въ училищахъ, какія тогда устраивались язьями [1]). «Во дни великихъ князей,— по словамъ подлинника 1658 г.,— ографы переписывали греческіе подлинники или менологіумы, и образоли византійско-русскую школу иконописи сначала въ Кіевѣ, потомъ въ вгородѣ [2]). Какъ при Петрѣ Великомъ нѣмцы были учителями русскихъ разныхъ гражданскихъ искусствахъ, такъ при византійскихъ митропотахъ греки были главными учителями русскихъ въ церковныхъ искусвахъ, въ пѣніи, зодчествѣ, иконописи и пр. [3]). И какъ при Петрѣ Велимъ русскіе ѣздили на западъ «въ науку за море», такъ въ древней Руси и въ большомъ числѣ отправлялись въ Византію учиться церковности. іи жили тамъ въ Студійскомъ и другихъ монастыряхъ и списывали для ской церкви богослужебныя книги [4]). Кромѣ Византіи, русскіе до XVIII в. тешествовали на Аѳонъ, въ Іерусалимъ, въ Индію, вообще на Востокъ. сѣ старинныя русскія путешествія—говоритъ г. Пекарскій—можно разлить на два отдѣла: одни предпринимались нашими предками съ благочестивою цѣлію посѣтить мѣста, дорогія для нихъ по воспоминаніямъ ъ священной исторіи, поклониться находящимся тамъ святымъ и, такимъ разомъ, исполнить потребность, развившуюся единственно вслѣдствіе лигіознаго настроенія духа. Въ описаніи такихъ путешествій благоговѣніе святымъ, полная довѣрчивость и совершенное отчужденіе отъ всего, что касается главной цѣли «хожденія», составляютъ отличительный и едвали единственный характеръ цѣлаго. Другой отдѣлъ сказаній о чужихъ аяхъ есть тѣ офиціальныя донесенія, которыя представлялись нашими осланниками и извѣстны подъ названіемъ статейныхъ списковъ. До Петра ы не встрѣчаемъ путешественниковъ, которые бы посѣщали другія страны

[1]) Татищ., III, 196, 220. 238.

[2]) Буслаевъ, II, 345.

[3]) См. въ „Зап. Археол. Общ." ст. Забѣлина „о металлическихъ производствахъ ь древней Россіи", въ „Русской старинѣ" Мартынова, статью Макеютина „о церковомъ зодчествѣ въ Россіи"; также въ „Зап. Археол. Общ." статью Макеютина „объ кононисаніи" и Буслаева „Памяти русской литер. и искусства" статьи „о подлинникахъ".

[4]) П. С. Л. стр. 16. „Странникъ Стефана Новгородца" и „Путеш. діакона Игнаія" у Сахарова въ „Сказаніяхъ русск. нар." т. 2. Опис. рук. Син. библ. стр. 226, 254 вед. стр. XI. Опис. рук. Рум. Муз. ст. 516, 710. 711.

для удовлетворенія своей любознательности» [1]). Тогда какъ по Россіи путешествовали съ X до конца XVII в. до 270 иностранцевъ,—по западной Европѣ ни одинъ русскій не путешествовалъ съ цѣлью пріобрѣтенія знаній. «Благоразумный читатель,— говоритъ по этому случаю Кошихинъ,— чтучи сего не удивляйся: понеже для наученія и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того — узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили» [2]). Національное предубѣжденіе русскихъ противъ западныхъ націй и вслѣдствіе того отчужденіе отъ ихъ интеллектуальнаго вліянія воспитано было главнымъ образомъ вѣковой грековосточной, догматико-обрядовой полемикой противъ латинскаго запада. Уже первые русскіе митрополиты-греки, посредствомъ этой полемики, старались предубѣдить русскихъ противъ латинскаго запада [3]). Въ XVI в. Максимъ Грекъ предотвращалъ русскихъ уже не только отъ латинянъ, но и вообще отъ научныхъ и литературныхъ произведеній латинскаго запада. Когда переведена была съ нѣмецкаго на церковно-славянскій языкъ энциклопедическая книга «Луцидаріусъ», заключающая въ себѣ общія свѣдѣнія о мірѣ, о звѣздахъ и планетахъ, о землѣ и людяхъ, о животныхъ, о странахъ свѣта и пр.—Максимъ Грекъ вооружился противъ нея. Въ «Посланіи къ нѣкоему мужу на обѣты нѣкотораго латинянина мудреца» онъ подвергъ разбору «Луцидаріусъ» и увѣщевалъ не читать не только этой книги, но и всѣхъ латинскихъ и западныхъ сочиненій. «Латиняне — писалъ онъ — много прельстишася внѣшними учительствы, эллинскими и римскими ученіями и книгами арабскими, и не подобаетъ вамъ внимати ихъ ученію, ниже переводити ихъ на русскій языкъ; берегитесь отъ нихъ, яко же отъ гангрены и злѣйшія коросты... Заповѣдано есть высшихъ себѣ не взыскивать, ни уставляти, о нихъ же ни единому открыся отъ вѣка» [4]). Съ конца XVI вѣка умственная оппозиція противъ интеллектуальнаго вліянія запада, по мѣрѣ усиливающагося обнаруженія его, все болѣе и болѣе возрастала. Иностранцевъ русскіе называли «зловѣрными, безбожными, погаными» [5]). Съ царствованія Бориса Годунова, приливъ иностранцевъ въ Россію, къ неудовольствію русскихъ, сталъ непрерывно возрастать. Вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе выражалась и народная антипатія къ нимъ [6]). По старинному

[1]) Пекар., I, 144—145.

[2]) Кошихинъ, о Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича.

[3]) Сочиненія первыхъ русскихъ митрополитовъ-грековъ большею частію направлены были противъ латинянъ, каковы напр. посланія митр. Никифора къ Владиміру Мономаху противъ латинянъ („Пам. Росс. слов.“ XII в., стр. 153); „Стязаніе съ латины“—Георгія митрополита („Христ. Чтеніе“, 1855 г., ч. II, стр. 322—323); „Посланіе митр. Іоанна II къ папѣ Клименту III“, въ „Учен. Зап. II-го отдѣленія акад. наукъ“, отд. 3, стр 1—20; посланіе Льва митр. росс. къ римлянамъ объ опрѣснокахъ. (Врем моск. общ. ист. книга V).

[4]) О „Луцидаріусѣ“ Лѣт. русс. лит. 1859 г. кн. I, отд. II, стр. 35—37.

[5]) П. С. Л., т. III, стр. 283—305; т. V, стр. 52 и 73.

[6]) Петрей (бывшій въ Россіи въ 1600—1612 г.) говорилъ: Die Reussen in ihren Sinn und Herzen so aufgeblasen und hochtrabent seyn, dass sie a l l e **a n d e r e N a t i o n e n**

редубѣжденію русскіе отрицали и знаніе иностранныхъ европейскихъ зыковъ. Когда Борисъ Годуновъ хотѣлъ завести въ Россіи не только учиища, но и университеты, для преподаванія разныхъ европейскихъ языковъ знаній, и съ этою цѣлью приглашалъ въ Москву ученыхъ людей изъ ерманіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, то духовенство, по словамъ уссова и Петрея, воспротивилось такому предпріятію и представило арю, что если въ Россіи настанетъ разноязычіе, то нарушится старое диновѣріе [1]). Въ XVII в. вліяніе западныхъ идей на умственное направленіе русскихъ и приливъ иностранцевъ въ Россіи значительно усилиись, —и оппозиція строгихъ блюстителей и воспитателей церковно-восточаго умственнаго склада русскаго народа возрастала [2]). Они окружными осланіями предохраняли русскихъ отъ ученій и обычаевъ Лютеровъ и альвиновъ. «Видимъ бо нѣкія,—съ грустью писалъ Аѳанасій Холмогоркій въ окружномъ посланіи,—кромѣ закона и заповѣданія и преданія хоящія въ чужестранныя нѣкія обычаи, наче же прелести еретическія и ообщающіяся имъ. Нововводные чужестранные обычаи помалу вкрадыаются тайно въ нашу православную восточную церковь отъ еретическихъ атынъ и Лютеровъ и Кальвиновъ, и ученіе ихъ всякое» [3]). Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. призваны были западные европейцы преобраовывать восточный умственный складъ русскаго народа въ европейскій нтеллектуальный типъ. И строгій консерватизмъ и ригоризмъ восточноизантійскаго умственнаго склада русскаго народа, какъ естественно было жидать, весьма враждебно столкнулся съ раціонализмомъ европейскаго нтеллектуальнаго умонастроенія. Ревнителямъ и воспитателямъ церковновизантійскаго умонастроенія русской національности, поэтому, особенно ненавистны были западные иноземцы, европейцы. Какъ неблагосклонно смотрѣли въ тѣ времена на иноземцевъ, можно судить напр. по слѣдующимъ отрывкамъ изъ одного завѣщанія, гдѣ преподаны совѣты царямъ Іоанну и Петру, чтобы не держать иностранцевъ въ русской службѣ: «православные христіане по чину и обычаю церковному молятся Богу; а они спятъ, еретики, и свои мерзкія дѣла исполняютъ и христіанскаго моленія гнушаются. Христіане, пречистую Дѣву Богородицу Марію чествующе, всячески о помощи просятъ и всѣхъ святыхъ; еретики же, будучи начальниками въ полкахъ, ругаются тому, и по прелести ихъ хулы износятъ. Христіане постятся; еретики же никогда,—ихъ, по гласу апостольскому,

---

verachten („Chronic. Moscowit“, p. 311). Буссовъ (бывшій въ Россіи въ 1601—1617 г.) говорилъ въ своей хроникѣ: Reussen fremde Nationen paganische heissen (p. 39). Русскіе думали, по словамъ Буссова, что подъ нѣмцевъ и поляковъ „alle Russen müssten verschwinden“.

[1]) Die Geistlichen wollten,—говоритъ Петрей,—es durchaus nicht verstatten und darein verwilligen, sondern brachten vor, ihr Land wäre weit und gross, einig in der Religion, Sitten und Sprachen: würden die Moscoviter andere Sprachen und Zungen lernen, dürfte grosser Zanck und Uneinigkeit unter ihnen erwachsen und dadurch vor ihren alten griechischen Religion abfallen, und der Landes Untergang hieraus erfolgen (Petr. „Chronic. Moscowit“, p. 156).

[2]) А. А. Э. III, № 147., стр. 174, 175 и др.

[3]) Окружн. послан. Аѳанасія Холмогорскаго. Въ рукопис. проф. В. И. Григоровича

Богъ чрево... Паки вспоминаю, новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ не вводить, ибо тѣмъ нѣсть благочестіе христіанскаго царства во удобствіи имать пространятися и вѣра въ Господа Бога возрасти день ото дне... Здѣ чего не бывало, и то еретикомъ повелено» и пр. [1]). Вообще, въ первой половинѣ XVIII вѣка ненависть къ иностранцамъ, воспитанная восточно-византійскимъ антагонизмомъ къ латинскому западу, достигла полнаго развитія и выраженія въ оппозиціи раскола, въ проповѣдяхъ духовенства, въ старой партіи князей-бояръ. И старцы-монахи, воспитанные въ духѣ старыхъ церковно-византійскихъ книгъ монастырскихъ книгохранилищъ, возбуждали ропотъ противъ царя Петра за то, что онъ восточный умственный складъ русскаго народа преобразовалъ въ иноземскій, европейскій, и изъ восточнаго, спальнаго платья переодѣвалъ русскій народъ въ европейскій, дѣловой нарядъ. «Какое нынѣ христіанство?—говорилъ одинъ старецъ ладожскому стрѣльцу въ 1704 г.— Нынѣ вѣра вся по новому; у меня есть книги старыя, а эти книги жгутъ... Нынѣ всѣ стали иноземцы, всѣ въ нѣмецкомъ платьѣ ходятъ, да въ кудряхъ, бороды брѣютъ» [2]). Въ монастыряхъ таилась оппозиція противъ реформъ Петра Великаго,— и потому монахамъ запрещено было держать чернила и бумагу и писать въ кельяхъ наединѣ [3]).

Само собой понятно, какъ вредно было для успѣховъ умственнаго развитія русскаго народа такое вѣковое религіозное отчужденіе отъ передовыхъ западно-европейскихъ націй. Во-первыхъ, русскіе лишались, вслѣдствіе того, всѣхъ благотворныхъ умственно-образовательныхъ результатовъ заграничныхъ путешествій, во-вторыхъ—отталкивали отъ себя способныхъ и просвѣщенныхъ европейскихъ учителей, въ-третьихъ—многіе и въ XVIII в., имѣя средства, ни сами не ѣздили учиться за границу, ни дѣтей своихъ туда не отправляли, ни дома не призывали европейскихъ учителей. Коллинсъ говорилъ: «ни одинъ человѣкъ съ дарованіями и способностями не имѣлъ еще до сихъ поръ возможности быть въ Россіи, потому что русскій народъ очень недовѣрчивъ и подозрѣваетъ всѣхъ иностранцевъ, которые разспрашиваютъ о политикѣ или религіи. Онъ совершенно преданъ невѣжеству и не имѣетъ никакой образованности. И видя въ наукахъ чудовища, боится ихъ какъ огня. Только тѣ, кои расширяютъ свои понятія разговорами съ иностранцами, образованнѣе, также и тѣ, которые видѣли польскій бытъ, такъ какъ поляки образованнѣе русскихъ» [4]). И въ началѣ XVIII в. многіе опасались европейскихъ учителей. Поэтому Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ проектѣ о семинаріи, считая необходимымъ пригласить «изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей изъ иностранныхъ академій», долженъ былъ оговориться: «и ненадобѣ опасаться, чтобы оные дѣтей нашихъ не совратили къ своей богословіи, ибо мощно имъ артикулами опредѣлить, чего оные учить будутъ должны, и надсма-

---

[1]) „Ист. царств. Петра Великаго", соч. Устрялова, II. 474 и 477.

[2]) Соловьева „Исторія Россіи". XV. 135.

[3]) П. С. З., № 1834

[4]) Коллинсъ, стр. 1, 28, гл. I и XVII.

тривать, не учатъ ли нѣчто нашему исповѣданію противное. А именно преподавали бы они только ученія внѣшнія, языки, философію, юриспруденцію, исторію и пр., а не богословскіе догматы» [1]). Въ частности, вѣковое умственное отчужденіе русскихъ отъ европейцевъ особенно вредно было и тѣмъ еще, что оно потомъ въ первомъ разсадникѣ научнаго просвѣщенія въ Россіи — въ академіи наукъ поселило почти полувѣковую вражду и ссору русскихъ съ нѣмцами. Видя ненависть къ себѣ русскихъ иностранные ученые и съ своей стороны отплачивали русскимъ такою же ненавистью. Секретарь академіи наукъ Волчковъ въ 1761 г., жалуясь на дѣйствія нѣмцевъ въ академіи наукъ противъ него, писалъ: «почти всѣ ученые тамъ люди наиболѣе въ томъ упражняются, что въ безпрестанныхъ между собою ссорахъ и враждахъ за мнимое преимущество свое въ наукахъ своихъ имѣютъ, великое жалованье почти напрасно берутъ, многіе изъ нихъ по-русски, а иные по-французски не знаютъ. Россійскихъ студентовъ профессора весьма мало учатъ, какъ-то профессоръ астрономіи Делиль, Гмелинъ и другіе многіе дѣлали, а особливо россійскихъ людей ненавидя гонятъ, и такъ у нихъ къ пользѣ россійскаго народа ничего не выходитъ» [2]). Въ 1742—1743 г., по поводу вражды русскихъ съ нѣмцами, въ академіи наукъ возникло большое слѣдственное дѣло о совѣтникѣ академіи Шумахерѣ. Русскіе, какъ напр. переводчикъ Горлицкій, жаловались на то, что, по проискамъ Шумахера въ пользу однихъ нѣмцевъ, въ 18 лѣтъ ни одного профессора изъ русскихъ не было, что онъ всѣхъ русскихъ ученыхъ поносилъ и попрекалъ негодными, непонятными и неспособными, что Шумахеръ не «проронилъ» угодныхъ людей своихъ нѣмцевъ изъ ихъ земли привесть, а изъ славянскаго народа и изъ русскихъ ни одного профессора не сдѣлалъ и пр. [3]). Вслѣдствіе такой почти столѣтней національной вражды русскихъ съ нѣмцами, академія наукъ долго не приносила почти никакой пользы русскому народу, особенно въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Не даромъ и сами безпристрастные нѣмцы признавали тогдашнюю академію наукъ почти совершенно безполезною для интеллектуальнаго развитія русской націи. Напр. Манштейнъ писалъ: «и доселѣ Россія не можетъ еще хвалиться ни малѣйшею существенною пользою отъ этого великаго учрежденія. Весь плодъ, какой эта академія въ 28 лѣтъ принесла, состоитъ только въ томъ, что русскіе имѣютъ календарь или мѣсяцесловъ, по петербургскому полуденнику, что могутъ читать на своемъ языкѣ вѣдомости, и что нѣсколько нѣмецкихъ пріобщниковъ академіи сдѣлались довольно искусными въ математикѣ и философіи, чтобы заслужить жалованье отъ 600 до 800 рублей. Что касается до русскихъ, то очень мало находится еще столь ученыхъ, чтобъ могли заступить профессорскія мѣста» и пр. [4]). И въ университетахъ также долгое

[1]) Пекарскаго „Наука и литер. при Петрѣ Великомъ“, I. 563.

[2]) Чт. общ., 1859 г., кн. 2, отд. V, стр. 155—156: жалоба секретаря академіи наукъ Волчкова на дѣйствія академіи наукъ противъ него.

[3]) Чтен. общ., 1860 г., кн. 3, отд. V, стр. 83—95.

[4]) Manstein, 304—305. См. также отзывъ Шлецера: August Ludwig Schlözer, „Oeffentliches und Privatleben von ihn selbst beschrieben“, S. 76 и др.

время господствовала такая же вредная для успѣховъ образованія вражда иностранныхъ и русскихъ профессоровъ. «Русскіе и иностранцы—говоритъ Роммель—стояли вообще враждебно другъ противъ друга: съ первыми я вступалъ въ союзъ, когда дѣло шло объ интересахъ казны, со вторыми во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ. Другіе иностранные профессора обкрадывали казну съ безстыдствомъ» [1]).

Какъ ни ломалъ раціоналистически Петръ Великій старый восточно-византійскій складъ народнаго умственнаго воспитанія, но, вслѣдствіе предварительной невоспитанности самостоятельной раціональной мыслительности въ народѣ, при полномъ развитіи и укорененіи стараго восточнаго умонастроенія и міросозерцанія народнаго, завѣщаннаго и утвержденнаго Византіей, и Петръ Великій не могъ всей силой своихъ указовъ вырвать съ корнемъ всѣхъ началъ старой, византійско-московской системы воспитанія. Онъ не могъ устранить главнаго, жизненнаго начала древней Руси—восточно-византійской системы умственной опеки и доктрины, потому что она глубоко вкоренилась въ восточномъ умственномъ складѣ русскаго народа, сроднилась со всѣмъ его міросозерцаніемъ, со всѣми его вѣрованіями и суевѣріями, утверждена была вѣковымъ византійскимъ вліяніемъ. Старыя, до-петровскія умственно-образовательныя учрежденія, основавшіяся на византійской почвѣ, какъ напр. кіево-могилянская и московская славяно-греко-латинская академіи, облекшись въ схоластическія формы средне-вѣковыхъ католическихъ учебныхъ заведеній, пустили корни свои и обнаружили все свое дѣйствіе и въ умственной жизни новой Россіи. Вліяніе кіевской схоластико-теологической учености и въ XVIII столѣтіи еще сильно преобладало и въ большой части общества доселѣ преобладаетъ надъ вліяніемъ европейской мысли и науки. «При Петрѣ Великомъ—говоритъ г. Пекарскій — русское образованіе слагалось изъ двухъ стихій—кіевской учености, принесенной изъ Польши, и европейскаго просвѣщенія, заимствованнаго изъ Голландіи, Германіи, отчасти Англіи, Франціи и даже Италіи. Кіевская ученость имѣла перевѣсъ, потому что имѣла за собою право давности; европейское же образованіе, вслѣдствіе причинъ историческихъ, усвоивалось съ трудомъ и, за исключеніемъ самого царя, да двухъ или трехъ изъ его приближенныхъ, не имѣло въ Россіи замѣчательныхъ представителей» [2]). Слѣдующія слова смоленскаго епископа Гедеона ясно показываютъ, какое обширное вліяніе имѣла кіевская духовная академія на интеллектуальное направленіе Россіи. «Изобиловала всегда—говоритъ онъ—учеными людьми кіевская академія, и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея, аки отъ преславныхъ оныхъ Аѳинъ вся Россія источникъ премудрости почерпала, и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила» [3]). Подъ вліяніемъ кіевской академіи, съ

[1]) Воспомин. Роммеля. 1806–1815 г., стр. 48–49 (Южн. Сборн. 1859)

[2]) Пекарскій. I. стр. 5.

[3]) Письмо этого епископа къ кіевскому митрополиту Раѳаилу, писан. въ 1739 г. іюня 17. См. подробности о кіевскомъ вліяніи въ „Исторіи кіевской духовной академіи“ іером. Макарія Булгакова. гл. III. Въ журналѣ главнаго правленія училищъ сказано: „духовенство доставило государству болѣе 300 учителей при учрежденіи народныхъ

1721—1765 годъ, распространились по всей Россіи, какъ ея колоніи, до 28 новоучрежденныхъ семинарій. И вотъ почему всѣ семинаріи, существующія въ Россіи, суть какъ-бы копіи, снятыя съ древней кіевской академіи. Какъ въ древней Россіи Византія была главнымъ разсадникомъ церковно-догматическаго направленія умственнаго воспитанія русскаго народа, такъ въ новой Россіи, въ XVIII вѣкѣ, кіевская академія была главнымъ источникомъ схоластико-теологической эрудиціи и системы народнаго ученія. Отсюда исходили всѣ эти схоластико-догматическія системы и доктрины, какъ «Theologia scholastica in Academia Kijowo-Mohileana dictata, consuetisque disputationibus illustrata», или «Systemae theologicae, commentariis et disputationibus scholasticis illustratae, didacticopolemice per theoremata et quaestiones expositae, disputationibus theologicis speculative et controverse illustratae, in varios tractatus et paragraphos divisae» и т. п. Всѣ эти богословскія системы представляли самое праздное и безплодное упражненіе умовъ въ схоластико-логическомъ анализѣ супранатуральной доктрины, по предвзятымъ у западныхъ схоластиковъ аристотелевымъ категоріямъ, были самой безжизненной схоластической анатоміей догматовъ вѣры. Все въ нихъ разложено было въ безконечномъ рядѣ пунктовъ, делинеацій и параграфовъ: punctum primum, secundum, tertium и т. д., argumentum primum, secundum etc., conclusio prima, secunda, tertia и т. д. Все было duplex, triplex и болѣе. Наприм. Богъ разсматривался какъ duplex, какъ Deus ad intra, vel ad extra; свойства его (attributa) тоже дѣлились на absoluta, affirmativa, negativa, relativa и пр., или, какъ въ богословіи Макарія тверскаго, на общія, присвоительныя, самостоятельныя, относительныя, дѣйствительныя, недѣйствительныя, утвердительныя или положительныя. Ангелы имъ тоже были извѣстны in certas species dividendi, altera ex natura, altera ex occidenta и пр. Говорить ли о томъ, какими пустыми, мелочными квестіонами занимались умы духовныхъ воспитанниковъ въ этихъ схоластико-теологическихъ системахъ. Напр. они изощрялись въ рѣшеніи такого рода вопросовъ: quo anni tempore mundus sit creatus, id est, quae pars anni tunc fuerit, verne an aestas, an autumnus, an hyems (въ какую часть года міръ сотворенъ—лѣтомъ, осенью или зимою?) или пускались въ изслѣдованія de loco, in quo creatus sit mundus (о мѣстѣ, на которомъ сотворенъ міръ), de tempore, qualenam fuerit et fuisset Adam in paradiso (о томъ, когда и сколько времени Адамъ былъ въ раю), de contractibus diabolicis и пр., или рѣшали такіе квестіоны: «гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? какъ они мыслятъ и понимаютъ посредствомъ соединенія, различенія, или какъ-нибудь иначе? Сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? и пр. Притомъ всѣ эти квестіоны и дефиниціи излагались самой варварской латынью, въ родѣ словъ: entitas, quidditas (чточество) и т. п. И это схоластико-теологическое направленіе и воспитаніе, съ небольшими измѣненіями,

училищъ. И нынѣ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ поступило слишкомъ 100 человѣкъ, въ Харьковскій университетъ 40». Періодическія сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія 1805. № VIII, стр. 79—80.

и доселѣ охватываетъ въ Россіи большое число молодаго поколѣнія. Въ настоящее время, какъ извѣстно, считается въ Россіи 4 духовныхъ академіи и 50 духовныхъ семинарій. Всего въ 4-хъ духовно-учебныхъ округахъ числится 254 учебныхъ заведенія. Кромѣ того, при церквахъ и монастыряхъ, въ 1860 году въ 7,907 школахъ обучалось 133,666 учениковъ, въ томъ числѣ 112,808 мальчиковъ и 20,858 дѣвочекъ [1]). И число учениковъ теологическихъ наукъ, исходившихъ изъ кіевской академіи, постепенно возрастало. Въ 1765 году духовныхъ воспитанниковъ было 6,000, въ 1784 году—до 11,329, а въ 1860 году уже до 53,775, въ томъ числѣ въ академіяхъ 351, въ семинаріяхъ 14,630, въ уѣздныхъ духовныхъ училищахъ 37,770, въ приходскихъ духовныхъ училищахъ 1,124. Каково было умствено-образовательное значеніе духовныхъ училищъ, напримѣръ во второй половинѣ XVIII столѣтія, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ инструкціи, данной коммиссіи о церковныхъ штатахъ 29 ноября 1762 г.: «по сіе время архіерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи. Семинаристы нынѣшніе, обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, обучаются латинскому и греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравственныхъ, не знаютъ исторіи церковной, ни гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ. Набираются они въ семинаріи отъ отцовъ и матерей больше неволею и содержатся безъ разбора, способные съ тупыми и негодными, а иногда прибираются по голосамъ, дабы пѣвческую повседневную должность исправляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ». О кіевской академіи—метрополіи всѣхъ великорусскихъ семинарій, извѣстный визитаторъ школъ на Волыни графъ Чацкій такъ отозвался въ письмѣ къ Колонтаю, послѣ осмотра ея въ 1804 году: «Rewidowałem Akademia Kiowska: to ustanowienie jest satyra rozumu ludskiego; sluzi za nauke—co to jest oddac nauki mnichom» [2]). Вообще, съ XVIII столѣтія византійская схоластика въ духовныхъ семинаріяхъ и особенно академіяхъ облеклась въ форму такъ-называвшейся **у ч е н о с т и** (eruditio) и смѣшалась съ туманной трансцендентально-метафизической схоластикой нѣмецкой философіи. Еще въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія даровитѣйшіе студенты духовныхъ академій истощали всю силу схоластическаго остроумія на разсужденіяхъ, въ родѣ «Синтетическаго изложенія космологическаго довода бытія Божія»; въ разсужденіяхъ этихъ, страницахъ на 40—50 самаго убористаго письма, сплетали длиннѣйшую паутинную путаницу, напримѣръ, такого рода положеній и отрицаній: «Нѣчто, съ чего началось бытійствующее бытіе, если только оно есть нѣчто, должно быть или бытійственность, или небытійственность... Матеріальнымъ началомъ бытствующаго бытія не можетъ быть ни что-нибудь бытствующее, ни что-нибудь не бытствующее... Бытіе, какъ бытность,

[1]) Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1860 годъ.
[2]) Исторія кіевск. универс., стр. 11.

не можетъ быть ни въ какой точкѣ достаточной причины своей, поелику послѣдняя не имѣетъ точекъ (XLVI) ... Бытіе по положенію LIX должно существовать въ достаточной причинѣ, а по положенію LX не должно... Всякое бытіе по отношенію къ достаточной причинѣ бытія есть ничто» и т. п. Такихъ тезисовъ и антитезисовъ сплетали до 69 и болѣе, означая ихъ цифрами I—LXIX и т. д. [1]). Мыслительныя силы даровитыхъ духовныхъ воспитанниковъ невольно упражнялись въ такой гимнастикѣ логики и тратились въ такихъ безплодныхъ схоластическихъ мыслеплетеніяхъ, потому что для нихъ почти совершенно закрыта была область экспериментальнаго, точнаго, положительнаго знанія. Естественныя науки изъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, даже изъ академій, или совершенно изгонялись, или находились въ нихъ въ крайнемъ пренебреженіи и запущеніи, считались на самомъ послѣднемъ планѣ. Напр. г. Чистовичъ въ своей исторіи с.-петербургской духовной академіи говоритъ: «по классу физико-математическихъ наукъ труднѣе, нежели по какому другому, можно было найти способныхъ и опытныхъ наставниковъ изъ учителей или воспитанниковъ нашихъ академій и семинарій ... Физикѣ и математикѣ до 1844 года обучались только нѣкоторые студенты низшаго отдѣленія по собственному желанію и выбору. По физикѣ не издано академическими наставниками ни руководства, ни учебника» [2]). Соотвѣтственно съ такою крайнею ограниченностью преподаванія естественныхъ наукъ, и библіотеки духовныхъ академій и семинарій преимущественно наполнялись богословскими книгами, въ ущербъ физико-математическимъ. Напр. въ библіотекѣ кіевской академіи въ 1843 г. богословскихъ книгъ было 4,744 тома, а физико-математическихъ только 363; въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи, по реестру, приложенному къ книгѣ г. Чистовича, богословскихъ книгъ числилось 4,466 экземпляровъ, а физико-математическихъ только 838 экземпляровъ [3]).

Такимъ образомъ, византійская доктрина, видоизмѣнившись въ новую форму theologiae scholasticae и организовавшись въ спеціальную систему духовнаго образованія, по новому семинарскому уставу открываемую для всѣхъ сословій, составляетъ и теперь господствующую силу догматическаго направленія и воспитанія русской мысли. Поэтому, догматико-теологическій элементъ и въ настоящемъ столѣтіи, какъ увидимъ дальше, еще господствовалъ надъ нашей научной и литературной мыслью. Въ 1819–1820 году, при министрѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князѣ Голицынѣ, и во всѣхъ университетахъ введена была каѳедра богословія. Магницкіе, Руничи догматическій консерватизмъ поставляли принципомъ, основаніемъ университетской науки. Мысли многихъ университетскихъ профессоровъ, даже натуралистовъ, сильно проникнуты были мистическимъ догматизмомъ.

---

[1]) См. напр. разсужденіе бывшаго студента казанской духовной академіи А. А. Бобровникова, извѣстнѣйшаго потомъ ученаго монголиста, автора замѣчательной монголо-калмыцкой грамматики. „Сибирскій Вѣстн." 1865 года №№ 42—43.

[2]) Исторія с.-петерб. дух. академ., стр. 251, 301, 303.

[3]) Исторія кіевск. дух. акад. Макарія Булгакова, стр. 218–219. Истор. с.-петерб. дух. акад., стр. 453.

Богословско-догматическая литература, и по численности сочиненій и даже по вліянію, до послѣдняго времени почти преобладала надъ литературой естественно-научной. Напр. въ пятилѣтіе 1801—1806 г. по богословію издано было въ Россіи 213 сочиненій, а по естественнымъ наукамъ только 33 сочиненія, по математикѣ 32, по медицинѣ 52 [1]). Въ с.-петербургской публичной библіотекѣ въ 1828 г. по теологіи было 1081 книга, а по естественнымъ наукамъ только 239 [2]). Или въ 1859 — 1860 г. по богословію выходило 18 повременныхъ изданій; а по математикѣ только 3, по естественнымъ наукамъ 16 [3]). Въ народномъ образованіи духовенство преобладаетъ. Опубликованные отчеты земскихъ управъ и журналы земскихъ собраній показываютъ, что изъ 33-хъ губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія, въ 25-ти самимъ земствомъ признана необходимость поддержать крайне-неудовлетворительныя сельскія школы, основанныя на византійской системѣ. Нѣкоторыя земскія собранія, назначая на поддержаніе этихъ школъ отъ 2.175 до 4,500 рублей, приэтомъ заявили желаніе имѣть въ школахъ наставниковъ исключительно только изъ среды духовенства, несмотря даже на то, что и до постановленія собранія наставниками въ сельскихъ школахъ были исключительно священники и причетники.

Какъ въ сферѣ нравственно-религіознаго міросозерцанія и воспитанія, вслѣдствіе отсутствія собственнаго мыслящаго класса и самостоятельной самодѣятельности мышленія, русскій народъ всецѣло подчинился вліянію византійской доктрины и духовно-учительскому классу, пришедшему изъ Византіи, такъ въ области физической своей работы и вообще практической жизни и дѣятельности, а затѣмъ и въ умственномъ образованіи своемъ, онъ, вслѣдствіе того же отсутствія во главѣ собственнаго мыслящаго, руководящаго класса и самостоятельной умственной самодѣятельности, всецѣло предался государственной системѣ опеки и воспитанія, и мыслительность его, въ своемъ направленіи, и развитіи, всецѣло подчинилась мыслямъ правительства. Самъ всецѣло занятый вѣковой, страдной борьбой за существованіе среди доставшейся ему на долю суровой сѣверной природы и скупой на дары и трудно-доступной физической экономіи русской земли, всецѣло поглощенный борьбой съ суровымъ климатомъ, съ черными дикими лѣсами, съ невоздѣланной почвой, съ дикими звѣрями, съ грубыми азіятскими племенами и ордами и пр.,—народъ русскій, естественно, въ періодъ колонизаціоннаго земскаго строенія, и не имѣлъ достаточно досуга думать, и потому всякія умственныя дѣла, заботы и думы невольно долженъ былъ устранить отъ себя на много вѣковъ, и уступить или предоставить имъ думѣ правительственной, царской думѣ. Съ другой стороны, въ то время, когда народъ всецѣло занятъ былъ колонизаціей и съ топоромъ, косой и сохой врознь бродилъ по великорусской и сибирской землѣ, въ черныхъ дикихъ лѣсахъ, ища, по свидѣтельству актовъ, одного только—теплыхъ и родимыхъ мѣстъ и корма или животовъ

[1]) Шторхъ, о литерат. 1801—1806 г.
[2]) Erman, Reise, I, 90.
[3]) Кольбъ, 260.

и промысловъ для обезпеченія животной жизни въ борьбѣ съ суровой сѣверной природой,—въ то время и думѣ царской легко было свою думу думать за весь народъ и развить полную государственную систему приказной опеки, централизаціи и уставности или регламентаціи. Поэтому уже въ XVII вѣкѣ, когда земскіе люди собирались на земскіе соборы или на земскія думы, они обыкновенно единогласно говорили на тотъ или другой земскій вопросъ: «въ томъ какъ тебя, государя, Богъ вразумитъ и твоя государева мысль и воля: то наши рѣчи». Да къ тому же, при полномъ господствѣ внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ и мышленіемъ, при отсутствіи могучей естествоиспытательной мыслительности, при крайне-поверхностномъ, непосредственно-чувственномъ познаніи природы, самъ рабочій народъ былъ умственно безсиленъ въ борьбѣ съ природой. Не въ силахъ будучи умственно владычествовать надъ природой, самостоятельно покорять ее, не вооруженный автократіей науки, естествознанія и не имѣя во главѣ у себя собственнаго мыслящаго класса, могучихъ свободныхъ мыслителей-естествоиспытателей, народъ не имѣлъ необходимой умственной самостоятельности и самодѣятельности и въ сферѣ своихъ физическихъ работъ, и въ области гражданско-политической самоопредѣляемости и дѣятельности. Проходя, на пути колонизаціи, огромныя пустынныя и дикія пространства, отъ Карпатовъ до Восточнаго океана, онъ завладѣлъ обширной и богатой физической экономіей русской земли. Но эта экономія природы была крайне трудно доступна, а онъ шелъ только съ топоромъ, косой и сохой, умственно руководился только поверхностнымъ указаніемъ пяти чувствъ; ему не сопутствовала могучая раціональная мысль, не сопутствовалъ всепознающій и испытующій разумъ: съ нимъ не было ни «рудознатцевъ», ни книгъ о разныхъ произведеніяхъ природы. «Наше россійское государство — говорилъ Петръ Великій въ указѣ 10-го декабря 1719 года—предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены, какъ принадлежитъ: сему пренебреженію главнѣйшая причина была частію, что наши подданные рудокопнымъ дѣламъ, и какъ оныя въ пользу государственную произвести. не разумѣли» [1]). Вотъ это-то неразумѣніе, это умственное безсиліе или неумѣнье народа собственными умственными силами справиться съ труднодоступной физической экономіей русской земли и была основною, существенною причиною умственнаго подчиненія русскаго народа интеллектуально-педагогической государственной опекѣ и заботѣ. «Зато — говоритъ Юрій Крыжаничъ—въ русскомъ государствѣ необходима казенная дума. Первое: ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и неудобно сами что выдумаютъ, если имъ не будетъ показано. Второе: ибо у насъ нѣтъ никакихъ книгъ о земледѣліи и объ иныхъ промыслахъ, какіе есть у другихъ народовъ. Третіе: ибо нашъ народъ лѣнивъ и непромышленъ: и сами себѣ не хотятъ сдѣлать добра, если не будутъ принуждены какою-либо силою. Четвертое: ибо здѣсь есть совершенное самовладство, и пове-

[1]) П. С. З. IV, 1765 г.

лѣніемъ царскимъ можетъ учиниться по всей землѣ всякая поправа, гдѣ что будетъ полезно и потребно ввести въ обычай. А и въ иныхъ землягъ то не было бы возможно» [1]). Правительство, увидя, съ одной стороны, открытыя народомъ богатства природы, съ другой—умственное безсиліе самого народа въ обладаніи и разработкѣ этого богатства, призвало ученыхъ нѣмцевъ и, вооружившись такимъ образомъ европейской интеллигенціей, умомъ и знаніями Виніусовъ, Марселіусовъ, де-Геннинговъ, Саксонцевъ, Лейбницевъ и пр.,— неизбѣжно стало во главѣ умственной дѣятельности въ Россіи. По преобладанію поверхностно-сенсуальнаго познанія внѣшнихъ явленій природы надъ раціонально-теоретическимъ пониманіемъ ея силъ и законовъ,— самъ народъ русскій никакъ не могъ додуматься до сознанія необходимости физико - математическихъ наукъ, несмотря на то, что всѣ физическія работы и всѣ непосредственно-сенсуальные опыты и наблюденія его въ сферѣ естественной экономіи русской земли невольно могли возбуждать потребность научнаго естествознанія,— и вотъ необходимо было вводить въ Россіи физико-математическія науки по указу и повелѣніямъ царя—Петра Великаго. Точно также, умъ народа поневолѣ долженъ былъ подчиниться умственной иниціативѣ и опекѣ бергъ-коллегій, мануфактуръ-коллегій и камеръ-коллегій, которыя должны были за народъ заботиться о размноженіи рудокопныхъ заводовъ, о всѣхъ ремеслахъ, промыслахъ и рукодѣльяхъ, а также «увѣдомляться о состояніи, натурѣ и плодородіи каждой провинціи, и наипаче о томъ стараться, какъ возможно, запустѣлые дворы и земли паки населять, такожъ земледѣліе, скотскіе приплоды и рыбныя ловли вездѣ умножать и ко приращенію приводить, и того ради съ губернаторы и воеводы прилежно корреспондовать.» Потомъ, народныя школы, гимназіи, университеты, училища—горныя, инженерныя, техническія, земледѣльческія, въ послѣднее время желѣзныя дороги, телеграфы — все стало дѣломъ учрежденій, коммиссій, комитетовъ, «регламентовъ» и «уставовъ» правительства, которое всецѣло думало за народъ, представляло его голову, интеллигенцію. И вся, какъ гражданская, промышленная, такъ умственная дѣятельность народа вполнѣ подчинилась правительственной опекѣ, регламентаціи, или уставности. По сознанію самихъ государственныхъ дѣятелей, принципъ государственной регламентаціи въ началѣ XIX столѣтія развился уже даже до чрезмѣрности, и они желали ограниченія его и, вмѣсто того, усиленія правительственной заботы объ умственномъ образованіи народа и о развитіи и поощреніи народнаго труда. Мордвиновъ, напр., такъ разсуждалъ объ этомъ развитіи «излишнихъ усилій управлять частную пользу регламентами или уставами»: «Еще въ правительствѣ нашемъ, съ нѣкотораго времени, до излишества воздѣйствовалъ духъ предразсужденія, что можно частную пользу управлять регламентами или уставами.» По мнѣнію адмирала Мордвинова,—говорилъ онъ далѣе,—правительство не должно ни въ какомъ случаѣ принимать на себя управленій занятіями и производствами частныхъ людей: ибо сіе значило бы то же, что и принимать на себя учреждать необъятность видовъ

[1]) Роздѣлъ 3, 42.

частной пользы. Предоставляя самой ей свободу дѣйствовать, правительство можетъ только съ своей стороны способствовать: распространенiемъ хозяйственныхъ и искусственныхъ всякаго рода свѣдѣнiй, обнародованiемъ новыхъ изобрѣтенiй, усовершенствованiемъ по какимъ-либо частямъ хозяйства и искусствъ, умноженiемъ всеобщаго просвѣщенiя въ земледѣлiи, ботаникѣ, минералогiи, металлургiи, технологiи, химiи, физикѣ и другихъ подобныхъ знанiяхъ, открытiемъ новымъ источниковъ къ стяжанiю богатствъ, введенiемъ удобнѣйшихъ машинъ и лучшихъ орудiй и инструментовъ, размноженiемъ и улучшенiемъ путей сообщенiя, направленiемъ труда человѣческаго къ прибыльнѣйшимъ занятiямъ и производствамъ, поощренiемъ всякаго общеполезнаго труда, размноженiемъ числа производителей въ разныхъ ремеслахъ и художествахъ и пр. [1]). Подчинившись, такимъ образомъ, по своей физической работѣ, въ сферѣ своей промышленной дѣятельности, правительственной регламентацiи,—въ умственномъ отношенiи народъ еще болѣе подчинился народообразовательной опекѣ правительства. Въ XVIII вѣкѣ система правительственнаго воспитанiя и ученiя народа возведена была въ принципъ. Профессоры Московскаго университета, въ родѣ Шадена и Рейхеля, говорили рѣчи: «о правѣ обладателя въ разсужденiи воспитанiя и просвѣщенiя науками и художествами подданныхъ; [2]) или о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищенiемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ въ государствѣ» и т. п. «Самое высшее право самодержца—говорилъ Шаденъ—заключается въ распространенiи между подданными наукъ и художествъ... Одно изъ сильнѣйшихъ средствъ въ рукахъ самодержавiя есть чувство чести, устремляющее насъ къ познанiю. Законъ монархiи есть благоденствiе обладателя, а въ немъ цѣлость и счастiе подданныхъ!» О высшихъ и среднихъ училищахъ въ государствѣ, учрежденныхъ самодержавiемъ, ораторъ говорилъ: «Училища оныя университетами и гимназiями называются, попеченiю которыхъ ввѣряется научить всему тому, что̀ споспѣшествуетъ къ сопряженiю всего и соединенiю въ цѣлость. Итакъ неотмѣнно должны быть они свѣтилами государствамъ; и дѣйствительно будутъ свѣтилами, когда учащихъ содержать, и по достоинству содержать будутъ, любовiю къ истинѣ и отечеству, любовiю къ государю пылающихъ... и существенность и свойство монархiи свѣдущихъ». Духъ училищъ долженъ быть, по мнѣнiю Шадена, согласованъ съ государственными потребностями [3]). Окончательно и прочно утвердившись такимъ образомъ, государственная система народообразовательной опеки, въ своемъ послѣдовательномъ усиленiи съ начала XVIII столѣтiя до позднѣйшаго времени, на общiй взглядъ представляетъ два главныхъ направленiя или перiода. Въ перiодъ 1700—1815 года, когда до-петровскiй, исторически-развившiйся

---

[1]) О прич. разстройства финансовъ въ Россiи. „Чт. Общ." 1860 г. кн. I, отд. V, стр. 17.

[2]) „Oratio solennis de eo, quod justum est in jure Principis, circa educationem civium scientiarum artium—que studia". Шев. 158.

[3]) Oratio de jure Principis etc.

сенсуально-реалистическій умственный складъ русскаго народа еще большею частью преобладалъ надъ теоретическою мыслительностью народа,— въ правительственной народообразовательной системѣ опеки забота объ устройствѣ низшихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и о введеніи и укорененіи европейскихъ, преимущественно реальныхъ, наукъ и художествъ въ Россіи для возбужденія, поощренія и просвѣщенія народной мыслительности еще преобладала надъ заботой объ уставно-дисциплинарномъ направленіи и регулированіи русской мысли. Это былъ еще, такъ сказать, періодъ заботы о первоначальномъ, архитектоническомъ обзаведеніи государства низшими и высшими учебными заведеніями, а также наставниками, учебными руководствами и пр. Внѣшніе характеристическіе факты правительственной народообразовательной заботы въ это время представляли: указы Петра Великаго объ учрежденіи школъ цифирныхъ, математическихъ и хирургическихъ, его же указы и повелѣнія о переводѣ европейскихъ книгъ, сенатскій указъ 12-го января 1724 г. и указъ Екатерины I отъ 21-го декабря 1725 г. объ основаніи императорской С.-Петербургской академіи наукъ, высочайшее утвержденіе императрицею Елисаветою Петровною проекта Шувалова объ учрежденіи Московскаго университета 12-го января 1755 года, коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ 7-го сентября 1782 года, уставъ народныхъ училищъ 5-го августа 1786 г., планъ университетовъ 1787 года, учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія 8-го сентября 1802 года, уставъ гимназій и училищъ приходскихъ и уѣздныхъ 5-го ноября 1804 года, учрежденіе новыхъ университетовъ — Виленскаго, Дерптскаго, Казанскаго и Харьковскаго, первый цензурный уставъ и т. п. Внутреннія характеристическія черты правительственной народообразовательной диктатуры въ этотъ періодъ времени были: преобладающее развитіе внѣшней учебно-устроительной и искусственно-методической системы опеки надъ народнымъ просвѣщеніемъ и недостатокъ заботы не на словахъ только, а на дѣлѣ собственно объ умственномъ развитіи народа, о возбужденіи и живомъ, свободномъ и естественномъ развитіи народной мыслительности, господство указно-уставного, большею частью насильственнаго и регламентарно-искусственнаго навязыванья народу офиціальныхъ училищъ, офиціальныхъ учебныхъ книгъ, офиціальныхъ методовъ ученья, офиціальныхъ учителей и излишнее стѣсненіе свободнаго развитія самобытныхъ народныхъ учебныхъ заведеній, наприм. въ западной Россіи. Несмотря, однакожъ, на излишнее развитіе опекунской системы казенно-офиціальныхъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, — народообразовательная опека правительства въ періодъ 1700—1815 года не выходила изъ сферы болѣе или менѣе реальнаго направленія, какъ наиболѣе согласующагося съ естественнымъ, исторически-воспитаннымъ сенсуально-реалистическимъ умственнымъ складомъ русскаго народа: объ этомъ свидѣтельствуетъ преобладаніе реальнаго направленія въ школахъ и вообще во всей умственно-образовательной реформѣ Петра Великаго и потомъ въ уставѣ народныхъ училищъ 1786 года и въ уставѣ гимназій и приходскихъ и уѣздныхъ училищъ 1804 года. Только къ концу этого періода, когда идеи западнаго разума

оказали вліяніе и на развитіе и направленіе юной русской мысли, — именно съ 1810 и особенно послѣ 1815 года, подъ вліяніемъ идей «Священнаго Союза», въ правительствѣ нашемъ стала возникать реакція противъ реальнаго, естественно-научнаго направленія русской мысли и продолжалась въ слѣдующемъ періодѣ. Поэтому, во второй періодъ, который можно положить съ 1815 по 1850 годъ, въ народообразовательной опекѣ правительства, руководившейся принципами «Священнаго Союза», регламентарно-тенденціозная забота о направленіи и дисциплинарномъ регулированіи русской мысли и всѣхъ учебныхъ заведеній преобладала надъ заботой о развитіи народной мыслительности, и вмѣсто прежняго преобладанія реальнаго направленія, по новому уставу гимназій 1828 года и по установленію 21-го марта 1849 года, дано было преимущество классико-юридическому направленію, классицизмъ и законовѣдѣніе усилены въ ущербъ естествовѣдѣнію. «Дисциплина внутренняя» признавалась «главнымъ ручательствомъ благосостоянія университетовъ», которые подвергались непрерывному и самому дѣятельному надзору» [1]. «Привести образованіе отечества къ закону государственнаго единства,—скажемъ словами г. Шевырева,—обнять въ этомъ образованіи коренное племя русское и вмѣстѣ съ нимъ племена разныхъ языковъ и вѣръ, связанныя съ нимъ союзомъ государственнымъ; основать образованіе русскаго народа на тѣхъ коренныхъ началахъ, которыя опредѣляются его исторіею; открыть и обнародовать для того отечественные источники; передавать блага всемірнаго просвѣщенія отечеству, устраняя вредъ и зло; посылать даровитыхъ юношей во всѣ концы просвѣщенной Европы, строго наблюдая за тѣмъ, чтобы они, какъ пчелы, сосали только медъ съ цвѣтовъ всемірнаго образованія; воздвигать училищныя зданія во всей красотѣ, обширности и величіи, соотвѣтственно могуществу, славѣ и пространству того государства, гдѣ они воздвигнуты; въ другомъ отношеніи, противодѣйствуя матеріализму Запада, освящать весь храмъ народнаго просвѣщенія божіимъ престоломъ, крестомъ и молитвою: вотъ задачи, которыя рѣшались въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ (до 1850 года) въ исторіи образованія нашего отечества» [2]. Министръ народнаго просвѣщенія, Уваровъ, въ циркулярномъ предложеніи попечителямъ университетовъ отъ 21 марта 1833 года, еще опредѣленнѣе выразилъ то направленіе, какое тогда давалось развитію народной мыслительности во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ: «общая наша обязанность въ томъ, — говорилъ онъ, — чтобы народное образованіе, согласно съ высочайшимъ намѣреніемъ августѣйшаго монарха, совершалось въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности» [3]. Самъ императоръ Николай

---

[1]) Инструкціи министра нар. просвѣщ. попечителямъ при осмотрѣ ими округовъ, 27 мая 1833 г.

[2]) Истор. моск. университ., 468—470.

[3]) „Журн. мин. нар. просвѣщ.", ч. I, стр. XLIX.

Павловичъ такимъ образомъ выражалъ это направленіе: «каждый истинно-русскій отецъ раздѣляетъ нашу заботливость о водвореніи по всему пространству имперіи воспитанія, согласнаго съ духомъ нашихъ учрежденій и о предохраненіи юныхъ сердецъ отъ впечатлѣній, противныхъ вѣрѣ, нравственности и народному нашему чувству» [1]).

Какъ ни велика заслуга правительственной опеки въ дѣлѣ введенія европейскихъ наукъ и устройства учебныхъ заведеній, все-таки излишнее развитіе ея было весьма невыгодно для самостоятельнаго развитія и проявленія русской мысли. Общество русское, съ самаго начала своего европейскаго мышленія всецѣло положившись на заботы правительства, само уже никогда и нисколько не думало и не заботилось о способахъ и свободномъ направленіи и усиленіи своего умственнаго образованія. Отсюда развились умственное рабство и умственная безпечность народа въ дѣлѣ собственнаго интеллектуальнаго развитія и направленія. Общество русское пассивно подчинялось всякой педагогической мѣрѣ, всякому народообразовательному регламенту или уставу. Со времени екатерининской коммиссіи объ учрежденіи училищъ, нѣсколько разъ уже преобразовывались въ Россіи общественныя учебныя заведенія, издавались новые или измѣненные училищные уставы. И общество наше ко всѣмъ этимъ преобразованіямъ въ области своей умственной жизни относилось одинаково пассивно, дѣтски — покорно. Оно даже было совершенно равнодушно къ нимъ, или принимало все безъ разбору и безразлично. Напримѣръ, одинъ директоръ, заботясь объ учрежденіи училища въ Городнѣ, писалъ въ 1813 году: «Странное дѣло, что общая польза отъ заведенія училища для всѣхъ состояній очевидна, и никто доселѣ ни малѣйшаго порадѣнія не приложилъ въ городницкомъ повѣтѣ объ этомъ» [2]). А сколько подобныхъ примѣровъ было. И въ наше время, когда правительство подняло вопросъ: какія больше учреждать гимназіи — реальныя или классическія, — общество, полагаясь на рѣшеніе правительства, тупо и пассивно отнеслось къ этому существеннѣйшему вопросу времени. Кому бы всего больше, сроднѣе подумать объ умственной судьбѣ дѣтей, какъ не отцамъ ихъ? Чей первый и священный долгъ обдумать и рѣшить вопросъ объ общественномъ умственномъ развитіи и направленіи, если не долгъ общества? А отцы дѣтей и все общество преравнодушно промолчали, когда поднятъ былъ этотъ первоосновной соціальный вопросъ, — и вопросъ рѣшился по соображеніямъ и волѣ правительства. Точно также общество наше одинаково пассивно относилось и ко всѣмъ умственно-образовательнымъ идеямъ и ученіямъ, смотря по умственному настроенію правительства. Съ какимъ пассивнымъ умственнымъ рабствомъ оно увлекалось въ прошломъ столѣтіи, по примѣру императрицы Екатерины Великой, идеями французскихъ энциклопедистовъ, — съ такимъ же и еще съ большимъ пассивнымъ рабствомъ оно подчинялось потомъ, особенно послѣ 1810 года, ультра-ретрограднымъ идеямъ графа Joseph de Maistre, Магницкаго, Рунича и т. п.

[1]) Указъ 25 марта 1834 г. о домашнемъ воспитаніи.
[2]) „Ж. м. н. просв." т. CXXI, отд. III. 29.

Заговорило въ прошломъ столѣтіи правительство объ европейскомъ разумѣ, объ европейскомъ умственномъ образованіи, — и въ обществѣ господствовала, по выраженію фонъ-Визина, мода на умы. Дозволило правительство и сама императрица Екатерина Великая любила читать Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье и пр., — и въ обществѣ, даже въ средѣ унтеръ-офицеровъ, появились вольнодумцы, атеисты, философы по модѣ и т. п. Но наступила затѣмъ реакція: правительство измѣнило свой взглядъ на идеи энциклопедистовъ и философъ XVIII вѣкѣ, — и въ умственной атмосферѣ общества подулъ другой вѣтеръ: помѣщики, бывшіе до 90-тыхъ годовъ вольтерьянцами, поклонниками разума, чуть не революціонерами, съ перемѣной взгляда правительственнаго, особенно съ 1810 г., стали самыми отсталыми ретроградами, злобно завопили противъ лжеименнаго разума, противъ «обольстительныхъ напѣвовъ нынѣшнихъ сиренъ вольности», противъ Вольтера, Руссо и пр. Общество русское дотого привыкло жить умомъ и мыслью правительства, руководиться его указами и законами, что и въ его собственномъ умонастроеніи развивался и укоренялся принципъ указности, уставности. Жить своимъ умомъ, своею мыслію, по своей умственной, раціональной самоопредѣляемости, считалось предосудительнымъ. Чуть люди жили по своему уму, — имъ дамы высокаго тона и приличія, по словамъ князя Долгорукаго (1724 — 1823), говорили: «Хотите расплодить жанъ-жаковы идеи, и бесѣду бы завелъ, да развѣ ты Вольтеръ, — все хочешь жить на свой особенный манеръ». Вслѣдствіе вѣкового правительственнаго педагогизма, умственная жизнь нашего общества не способна импульсироваться собственными интеллектуальными силами, собственными идеями общественной мысли, собственною интеллектуальною энергіею, самостоятельною умственною иниціативой и самодѣятельностью. Она воспитывается, направляется и возбуждается только правительственными учрежденіями, регламентами, уставами и указами. Еслибы отъ времени до времени не выходили новые указы, новыя учрежденія, — умственная жизнь нашего общества, кажется, и вовсе не возбуждалась бы ничѣмъ. Не даромъ, въ современныхъ газетахъ нашихъ мы часто читаемъ такія жалобы: «общественная жизнь наша такъ безцвѣтна и однообразна, что еслибы не новыя, напримѣръ, судебныя учрежденія, общество совершенно, кажется, уснуло бы. Благодаря только выдающимся изъ обыденнаго уровня судебнымъ процессамъ, отъ времени до времени появляющимся въ печати, общество оживляется, становится дѣятельнѣе, высказывается. Такъ въ послѣднее время много шуму надѣлала въ обществѣ оппозиція новому суду, заявляемая въ напечатанномъ въ № 197 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» прошеніи контръ-адмирала Арбузова. Оппозиція и своеобразная философія почтеннаго адмирала заняли умы положительно всѣхъ слоевъ общества, дали завязку для самыхъ разнообразныхъ разговоровъ и толкованій. Менѣе развитая часть публики довольствуется легкими скандалами, да подробностями о какомъ-либо преступленіи, съ планомъ тѣхъ комнатъ, гдѣ оно совершалось» и т. п.[1]). Въ отдаленныхъ провинціяхъ

[1]) „С.-Петерб. Вѣд.“ 1867 г. №№ 213 и 217.

общественная мысль еще болѣе эксплуатирована и пропитана указнымъ міровоззрѣніемъ. Что писалъ г. Н. Щукинъ о жителяхъ г. Якутска, то же должно сказать еще о большинствѣ нашихъ провинціальныхъ городскихъ обществъ: «дарованія здѣсь мѣряются знаніемъ указовъ и умѣніемъ употреблять ихъ, по большей части, не кстати. Чтеніемъ книгъ почти не занимаются. Хотя нѣкоторые и получаютъ московскія газеты, но въ нихъ читаютъ одни только законы и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, спрашиваютъ: нѣтъ ли новаго указа въ газетахъ?»[1]). Воспитываясь и получая направленіе въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, по казеннымъ программамъ, и общественная мысль носитъ на себѣ отпечатокъ казенный, легальный, указно-регламентарный, уставный. Общественное міросозерцаніе не вырабатывается трудомъ раціональнаго общественнаго ученія и научнаго мышленія, энергической и постоянной самодѣятельностью общественной мысли, не почерпается изъ наукъ, изъ самодѣятельности общественнаго разума, а цѣликомъ почерпается только изъ свода законовъ, изъ міросозерцанія, выработаннаго бюрократизмомъ. Въ обществѣ нашемъ и не мыслима самостоятельная выработка общественной, соціальной философіи, общественнаго умственнаго и соціальнаго міросозерцанія. Все это въ извѣстномъ направленіи выработано, указано и установлено головой нашего общества—правительствомъ. Вслѣдствіе вѣковой привычки къ умственной опекѣ, вѣкового подчиненія умственно-образовательнымъ идеямъ, указамъ и учрежденіямъ правительства, въ обществѣ нашемъ нѣтъ даже привычки думать, жить и работать мыслью. Ни что такъ не чуждо нашему обществу, какъ элементъ раціональной и критической самодѣятельности мышленія, элементъ живой, дѣятельной мысли, живой идеи, живого слова. Всѣ наши общественныя собранія, разговоры и бесѣды, особенно въ провинціи, характеризуются большею частію безсодержательностью, безсвязнымъ сборомъ болтовни пустомелей, скудостью умственныхъ, мыслительныхъ силъ, вопросовъ и интересовъ, отсутствіемъ или крайнимъ недостаткомъ живой мысли, новыхъ свѣтлыхъ идей, живого слова. Не даромъ, въ послѣднее время стала почти пословицей слишкомъ часто раздающаяся жалоба, особенно въ разныхъ провинціальныхъ письмахъ: «слова живого не услышишь». Воспитываясь въ вѣковой школѣ указовъ и учрежденій, вѣчно живя и думая не своею, а правительственною мыслью, общество русское, поэтому, и не выработало, не вынесло изъ прошедшей своей жизни никакихъ новыхъ умственныхъ и соціальныхъ выводовъ, никакихъ вопросовъ, потребностей, идей, не развило въ себѣ самостоятельной соціально-политической мыслительности, не выработало самостоятельнаго умственнаго соціально-политическаго и соціально-экономическаго міросозерцанія. Оно всегда мыслило не собственными идеями, не собственными научными мыслями, понятіями и знаніями, а, такъ сказать, указами, регламентами, уставами и учрежденіями. И факторами его умственной и соціальной исторіи, источниками, причинами скудныхъ, безцвѣтныхъ и однообразныхъ фактовъ и событій его общественной

[1]) Щукинъ, „Поѣздка въ Якутскъ“ 1844 г., 233—234.

жизни и исторіи служили не идея, не мысл, не разумъ общественный, а тѣ же указы, регламенты, уставы и учрежденія. Вслѣдствіе такого вѣкового застоя нашей общественной мысли въ заколдованномъ кругу указного, уставнаго и регламентарнаго умственнаго горизонта и міросозерцанія, ее не слишкомъ пробуждаютъ къ болѣе живой самодѣятельности даже и самыя новыя правительственныя учрежденія, уже вызывающія общественную и народную мыслительность къ самодѣятельности. Не прошло еще и трехъ лѣтъ существованія земства и земскихъ собраній, а многіе уже стали сожалѣть и воздыхать о прежней опекѣ администраціи надъ народной хозяйственной интеллигенціей. Самые капитальные органы или дѣятели земства, крупные фабриканты и торговое сословіе, выказали полное хладнокровіе къ развитію земскаго самообсужденія, самопознанія и самоуправленія, къ развитію самыхъ земскихъ учрежденій. Многократно и разнообразно высказалась неразвитость самой земской интеллигенціи и мысли. Такъ какъ общественная и народная мысль не привыкла прежде, во времена вѣковой опеки, самостоятельно работать и, постоянно воспитываемая готовыми идеями указовъ, регламентовъ и уставовъ, сама не выработала ранѣе собственнаго запаса идей и вопросовъ, не выработала своего умственнаго и соціальнаго міросозерцанія, то оказывается, что ей нерѣдко почти не съ чѣмъ являться на земскихъ собраніяхъ. У ней не достаетъ запаса зрѣлыхъ, глубоко-обдуманныхъ идей и вопросовъ, не достаетъ яснаго, разумнаго сознанія задачъ, цѣлей и интересовъ, не достаетъ раціональныхъ, научныхъ знаній, раціональныхъ доводовъ и силы разумнаго убѣжденія. И неудивительно, что напр. на нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ поднимались, по выраженію одной провинціальной корреспонденціи, какія-нибудь «овражковыя революціи» и, по поводу ихъ, докладывались предразсудки крестьянъ, какъ доводы. Наконецъ, вслѣдствіе вѣковой привычки къ правительственной умственной иниціативѣ и опекѣ, общество наше страдаетъ вопіющею умственною безпечностью, апатіей и безчувственнымъ равнодушіемъ къ самымъ животрепещущимъ, къ самымъ насущнымъ вопросамъ времени. Множество аномалій, умственныхъ и нравственныхъ болѣзней разъѣдаетъ нашъ общественный организмъ, множество вопіющихъ недостатковъ въ нашемъ соціальномъ строѣ. И общество словно не чувствуетъ этихъ болѣзней, не сознаетъ этихъ аномалій и недостатковъ. Оно ждетъ сознанія и леченія ихъ со стороны правительства, или съ восточно азіатскимъ фатализмомъ предоставляетъ излеченіе ихъ на произволъ судьбы. Еще не такъ давно, даже передовые выразители общественной мысли, вродѣ наприм. Тютчева, взывали къ обществу, чтобы оно не думало, не разсуждало, а съ азіатскою, фаталистическою безпечностью уповало, что всѣ его соціальныя раны заживутъ сами собою, во время его глубокого умственнаго сна, и безъ всякаго живительнаго лекарства просвѣщенія. Они проповѣдывали обществу:

Не разсуждай, не хлопочи:
Безумство ищетъ, глупость судитъ.
Дневныя раны сномъ лечи,
А завтра быть тому, что будетъ.

Вслѣдствіе вѣкового отсутствія въ обществѣ умственнаго самоуправленія, при господствѣ правительственной опеки и регламентаціи, въ обществѣ не развивалось и не развито умственное, нравственное и соціальное самосознаніе, не развита способность критическаго самосознанія, самообсужденія. Давно для всѣхъ очевидно было — варварство крѣпостного права. И однакожъ, иниціатива сознанія и уничтоженія зла принадлежитъ гораздо больше правительству, чѣмъ обществу. Послѣ вопроса объ освобожденіи крестьянъ, поднятаго и рѣшеннаго правительствомъ, самъ собою, по естественной логикѣ событій, выдвигается на очередь вопросъ о реформѣ соціальной организаціи народнаго труда и о всеобщемъ естественно-научномъ ученіи и воспитаніи всѣхъ молодыхъ рабочихъ поколѣній, или вопросъ о естественно-научномъ раціонализированіи народнаго міросозерцанія и труда. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ заключается ключъ всей будущности русскаго народа. Вся ложь, всѣ аномаліи, всѣ болѣзни въ современномъ строѣ и организаціи общества проистекаютъ изъ этой аномальной организаціи и ненормальныхъ условій народнаго труда и изъ современнаго вопіющаго, аномальнаго, умственнаго разъединенія простого рабочаго народа и класса научно-образованнаго. Когда подумаешь внимательно объ этихъ соціальныхъ аномаліяхъ, ужасаешься, какъ терпима доселѣ равнодушно эта вопіющая соціальная ложь. Сколько разъ страшно-скорбно, мучительно-печально скажешь вмѣстѣ съ Шевченкой: «И день иде, и ночь иде,—и голову схопивши въ руки, дивуешься, — чему-жъ не иде апостолъ правды и науки!» Вотъ уже, въ вопросѣ крестьянскомъ, въ дозволеніи обществъ распространенія въ народѣ грамотности, показана отчасти иниціатива правительства. Въ литературѣ поднимается вопросъ о высшихъ реальныхъ школахъ. Между тѣмъ бездушная, безпечная общественная мысль наша, несмотря на то, можно сказать, преступно-равнодушна къ этихъ роковымъ, вопіющимъ вопросамъ времени, заключающимъ въ себѣ ключъ къ осуществленію величайшей соціальной истины. И въ особенности тѣ общественные классы, которые зиждутъ свое благосостояніе на эксплуатаціи народнаго труда, на невѣжествѣ массы и которымъ бы, по настоящему, должна принадлежать и умственная и матеріальная иниціатива рѣшенія этихъ вопросовъ о реформѣ соціальнаго положенія и устройства народнаго труда и о реформѣ народнаго міросозерцанія, посредствомъ всеобщаго, всенароднаго естественно научнаго ученія и воспитанія всѣхъ молодыхъ рабочихъ поколѣній,—эти классы въ особенности преступно-равнодушны и даже эгоистически-враждебны иниціативѣ возбужденія и рѣшенія этихъвопросовъ. Вотъ до чего дошло наше общественное безмысліе, бездушье, вслѣдствіе вѣкового чрезмѣрнаго развитія правительственной системы опеки и вслѣдствіе вѣковой общественной привычки ждать всякой умственной иниціативы и мысли со стороны правительства.

Почему же, однакожъ, правительственная народообразовательная опека, цѣлыхъ полтора столѣтія заботившаяся объ умственномъ образованіи русскаго общества, не развила въ немъ самостоятельной и послѣдовательно-прогрессивной мыслительности, не воспитала интеллектуальной способности и стремительности къ самостоятельной раціональной

иниціативѣ въ тѣхъ или другихъ вопросахъ умственной жизни Россіи? Главныя причины этого грустнаго факта заключались, по нашему мнѣнію, вопервыхъ, въ томъ, что правительственная народообразовательная система опеки имѣла существенной своей задачей не свободное развитіе русской мысли, а согласное съ видами и намѣреніями правительства направленіе и регулированіе ея и сообразное съ тѣмъ покровительство и вспомоществоаніе ей казенными средствами и учрежденіями, и вовторыхъ — въ томъ, что непостоянныя, измѣнчивыя направленія самой правительственной системы опеки были весьма не благопріятны для непрерывнаго, исторически-послѣдовательнаго развитія русской мысли. Въ органическомъ развитии государственной народообразовательной системы опеки ничто такъ не было вредно для живого, нормальнаго и непрерывно-послѣдовательнаго развитія русской мысли, какъ боязливый духъ самой правительственной опеки и развивавшіяся изъ него хроническія реакціонерныя направленія ея, или эти, такъ сказать, хронически-психопатическіе припадки реакцій въ системѣ опеки. Еслибы ровно и непрерывно-послѣдовательно развивались только такія попеченія правительственной народообразовательной опеки, какъ наприм. заботы Петра Великаго о введеніи европейскихъ реальныхъ наукъ, объ устройствѣ реальныхъ школъ, о переводѣ европейскихъ физико-математическихъ книгъ, или какъ заботы императора Александра I объ усиленіи преподаванія реальныхъ наукъ въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ, о «соединеніи теоретическихъ познаній воспитанниковъ съ практическими, посредствомъ показанія имъ мастерскихъ и фабрикъ, машинъ, кабинетовъ естественной исторіи и ботаническихъ садовъ, посредствомъ наставленія въ практической геометріи» и пр., то, при непрерывно-послѣдовательномъ развитіи такихъ заботъ, безъ сомнѣнія, и мысль русская развивалась бы также непрерывно-послѣдовательно, безъ остановокъ и застойчивости, безъ болѣзненныхъ, психопатическихъ кризисовъ, вродѣ мистико-новиковскаго, магницко-руничевскаго и т. п. Но въ томъ-то и бѣда, что въ историческомъ развитіи правительственной опеки не было правильно-ровнаго и непрерывно-послѣдовательнаго прогрессивнаго движенія и направленія. Такъ, съ конца XVIII столѣтія, со времени французской революціи, и особенно послѣ 1815 года, послѣ заключенія «Священнаго Союза», въ правительствѣ нашемъ, вмѣсто прежняго безбоязненнаго умственнаго взора на западъ, направленнаго Петромъ Великимъ, сталъ устремляться робкій и боязливый взглядъ на движенія западнаго разума и прогресса. И вслѣдствіе этого направленіе правительственной народообразовательной опеки было самое измѣнчивое. Вначалѣ и направленіе опеки и направленіе русской мысли еще колебались, смотря по личнымъ убѣжденіямъ и воззрѣніямъ императоровъ. Такъ неодинаковые личные взгляды императоровъ Павла I и Александра I на мысль, на книги и цензуру различно регулировали и развитіе, и направленіе русской мысли. Вслѣдствіе этого, и въ указахъ, наприм. о цензурѣ, отражались ихъ личныя убѣжденія. Императоръ Павелъ I-й, устрашенный событіями 90-хъ годовъ во Франціи, ограничивалъ, вслѣдствіе этого, приливъ съ Запада средствъ для развитія русской мысли. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій указъ

его: «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя не были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку» [1]). И указъ этотъ тотчасъ послужилъ нотой для тогдашней публицистики. Панегиристы временъ Павла, въ духѣ этого государя, стали говорить: «Мудрую прозорливость свою императоръ Павелъ доказалъ въ споспѣшенствованіи истинному преуспѣянію наукъ чрезъ учрежденіе строгой и бдящей цензуры книжной. Познаніе и такъ-называемое просвѣщеніе часто употреблено во зло чрезъ обольстительные нынѣшнихъ сиренъ напѣвы вольности и чрезъ обманчивые признаки мнимаго счастія. Европейскія правительства, спокойно взиравшія на сей развратъ, возъимѣли, наконецъ, правильную причину сожалѣть о своемъ равнодушіи. Сколь счастливою почитать себя должна Россія потому, что ученость въ ней благопріятными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія» [2]). Императоръ Александръ I-й былъ другихъ убѣжденій, любилъ principes liberales,— и вслѣдствіе этого въ началѣ своего царствованія издавалъ другіе указы о цензурѣ и распространеніи идей. Такъ чрезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, онъ отмѣнилъ предъидущій указъ императора Павла I-го о запрещеніи привоза книгъ изъ-за границы и издалъ указъ, въ которомъ всемилостиво объявлялъ: «Желая доставить всевозможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на ввозъ изъ-за границы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно частныя запечатанныя типографіи распечатать, дозволя, какъ привозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства» [3]). Вслѣдствіе такого личнаго взгляда императора,—многіе тогда заговорили о свободѣ прессы, о свободѣ преподаванія и изслѣдованія. Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, первый попечитель московскаго университета, Муравьевъ, провозглашалъ, что залогъ успѣховъ цивилизаціи и нравственности заключается въ свободѣ изслѣдованія, и указывалъ въ примѣръ умственное превосходство протестантской Германіи надъ католическою. «Въ различныхъ областяхъ одного народа—говорилъ онъ—примѣчается великое противоположеніе въ поведеніи и общежитіи людей, по мѣрѣ того, какъ просвѣщеніе покровительствуется или утѣсняется. Между тѣмъ, какъ въ католическихъ областяхъ нѣмецкой земли понятія народныя омрачены грубостью суевѣрія и невѣжества, протестантскія земли, гдѣ царствуетъ разумная свобода въ разбирательствѣ мнѣній, отличаются общимъ распространеніемъ просвѣщенія и благонравія» [4]). Даже нѣкоторые помѣщики

---

[1]) П. С. З. кн. XXVI, № 19, 378.

[2]) „О состояніи наукъ въ Россіи подъ покров. Императора П. I-го", рѣчь, говор. при торж. тезоим. государя 1799 на нѣм. яз. проф. моск. университ. Геймомъ.

[3]) П. С. З. т. XXVI, № 19,807.

[4]) Сочин. Муравьева, 1856 г. I, 343—344. „Ж. м. н. просвѣщ." 1865, октябрь: „матеріалы для исторіи образованія въ Россіи".

смѣло заявляли желаніе издать различныя изслѣдованія безъ цензуры. Наприм. въ 1810 г. одинъ помѣщикъ въ послѣднемъ распоряженіи своимъ имѣніемъ назначилъ значительныя преміи за разныя научныя изслѣдованія, напр. за сочиненіе сравнительнаго юридическаго руководства для университетовъ 20,000 р., за критическую систему или теорію финансовъ 100,000 р., за руководство къ домоводству 15,000 р. и пр. Въ актѣ, поданномъ императору Александру I, онъ высказалъ такое желаніе: «единое, что я осмѣливаюсь всеподданѣйше испрашивать, состоитъ въ томъ, что всѣ сочиненія, какія будутъ написаны по симъ предметамъ, могли быть изданы въ свѣтъ безъ задержанія цензуры, хотя, впрочемъ, съ личною отвѣтственностью сочинителей» [1]). Къ сожалѣнію, послѣ 1810 и особенно послѣ 1815 года, послѣ реставраціи престоловъ и алтарей Европы и заключенія «Священнаго Союза», образъ мыслей императора Александра I перемѣнился и, вслѣдствіе этого, въ обществѣ опять началось развитіе сильной реакціи. «Сочувствіе къ университетамъ протестантской Германіи—говоритъ г. Сухомлиновъ—поколебалось, стали являться защитники католической системы воспитанія, возвѣщавшіе приближеніе временъ Рунича и Магницкаго. Іезуиты завладѣли общественнымъ воспитаніемъ, вербуя питомцевъ преимущественно въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ. Министру просвѣщенія (Разумовскому) доказывали, что любовь къ наукамъ и забота о нихъ есть опасная ошибка; въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя съ такими свѣтлыми надеждами учреждаемы были во всѣхъ краяхъ Россіи, видѣли скопище полузнаекъ самоувѣренныхъ и заносчивыхъ, легкомысленныхъ поклонниковъ моды, всегда готовыхъ разрушать то, чего они не жалуютъ, т.-е. все». Совѣтникомъ и руководителемъ Разумовскаго былъ извѣстный въ литературномъ мірѣ графъ Жосефъ де-Местръ, сардинскій посланникъ при русскомъ дворѣ — врагъ естественныхъ и политическихъ наукъ, проповѣдникъ библейскихъ принциповъ въ геологіи или физикѣ земли, въ наукѣ правъ и пр. При Министрѣ Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицынѣ — учредителѣ богословскихъ каѳедръ въ университетахъ (въ 1819—1820 г.)—развитіе и образованіе русской мысли направлялось въ духѣ началъ «Священнаго Союза», и въ числѣ сотрудниковъ его по главному правленію училищъ и министерству встрѣчаемъ имена: Рунича, Магницкаго, Лаваля, Стурдзы, Фитингофа—брата извѣстной пропагандистки мистицизма, баронессы Криднеръ, и зятя ея Беркгейма. Рѣшительными дѣйствіями такого правительственнаго народообразовательнаго персонала и въ особенности слѣдствіемъ репрессивныхъ принциповъ, проводившихся де-Местромъ, Руничемъ и Магницкимъ, было крайнее стѣсненіе и извращеніе преподаванія наукъ, усиленіе цензуры, и юная русская мысль доведена была до полнаго, крѣпостного рабства. Вся общественная мыслительность получила строго цензурное и притомъ мистическое направленіе, и развитіе ея остановлено было лѣтъ на 40 или 50. Въ самомъ родникѣ своего развитія, въ области университетской науки, юная русская мысль подверглась гнету самой репрессивной мистической регламентаціи

[1]) „Чт. Общ.“ 1861 г. кн. I, отд. V, стр. 175—176.

и диктатуры, заключена была въ рамки аскетическаго мистицизма, подчинилась строжайшему надзору и преслѣдованію инквизиціонной цензуры и привязчивости. Всѣ тѣ науки, которыя прежде свободно и въ реальномъ направленіи преподавались въ главныхъ и малыхъ народныхъ училищахъ, по уставу 1786 года, и потомъ въ гимназіяхъ, по уставу 1804 года,—всѣ онѣ теперь превращены были въ мистическія богословія, ѳики и символики. Тогда какъ въ началѣ царствованія Александра I комитетъ его избранниковъ положилъ издать на русскомъ языкѣ нѣсколько иностранныхъ сочиненій по политической экономіи и по порученію его переведены были: Стюарта «Recherches sur l'èconomie politique», также «Bibliothèque de l'homme publique» par Condorcet и «Economie politique» par Verri,—теперь политическую экономію обращали въ мистико-аскетическую и нравственно-богословскую ѳику. Преподавателямъ ея предписывалось проводить и развивать въ этой наукѣ такія библейско-аскетическія идеи: «непреложный законъ всякаго домостроительства постановленъ въ сей заповѣди, данной первому человѣку по паденіи его: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой... Но мы существуемъ не для одного сохраненія кратковременной жизни своей, не для одного тѣлеснаго благополучія своего и даже не для одного благоденствія земного отечества. Не пекитесь, говоритъ искупившій насъ отъ клятвы, о томъ, что съѣсть, чѣмъ утолить жажду, во что одѣться, не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ. просящему дай, хотящему у тебя занять не откажи, и т. п. Посему, преподаватель политической экономіи поставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность дѣлать своимъ слушателямъ напоминаніе, что все наше имущество, какъ малое, такъ и большое, содержитъ въ себѣ только условную цѣну, именно, въ качествѣ средства къ достиженію высшихъ благъ, дабы тѣмъ предупредить сколько возможно пагубное вліяніе любостяжанія и суетную расточительность... Преподаватель не только долженъ оставлять въ сторонѣ разсужденія, до политики, въ собственномъ смыслѣ взятой, касающіяся, такъ какъ онъ, стоя на средней ступени въ обществѣ, не можетъ видѣть существенныхъ нитей ихъ, но долженъ проходить молчаніемъ и всѣ другіе предметы, дѣйствующіе лишь случайно на умноженіе или уменьшеніе богатства, какъ наприм. распоряженія, относящіяся къ торговлѣ и ремесламъ, разныя привилегіи, водвореніе переселенцевъ и т. п., а вмѣсто сего, при всякомъ удобномъ случаѣ долженъ устремлять мысли слушателей къ тому произведенію богатства, къ тому разведенію и потребленію его, которыя превращаютъ оное изъ тѣлеснаго въ духовное, изъ тлѣннаго въ нетлѣнное, сіи случаи встрѣтитъ онъ, говоря наприм. о истинной и отмѣнной цѣнѣ вещей, о выгодахъ и невыгодахъ раздѣленія работы, о сбереженіяхъ, нужныхъ для составленія капиталовъ, о такъ-называемыхъ невещественныхъ произведеніяхъ, о плодотворныхъ и безплодныхъ издержкахъ, словомъ сказать, почти во всякой статьѣ найдетъ онъ соприкосновенность между богатствами міра сего и сокровищами вѣчности, между имуществомъ плоти и духа нашего, и не преминетъ указать, гдѣ теряется между первымъ и вторымъ равновѣсіе, въ ущербъ послѣднему. Такимъ образомъ соединитъ онъ низшую, условную экономію съ высшей, истинной, и соста-

вить изъ нея науку въ строгомъ смыслѣ нравственно-политическую» [1]). Естественныя науки, прежде въ довольно обширныхъ размѣрахъ преподававшіяся въ народныхъ училищахъ, по уставу 1786 года, и въ гимназіяхъ, по уставу 1804 года, теперь почти совершенно изгонялись, или имъ давалось странное мистико-символическое и физико-теологическое значеніе, или же, вмѣсто опыта и наблюденія, предписывалась источникомъ для нихъ Библія и т. п. Въ отвѣтъ на вызовъ министра Разумовскаго, Жозефъ де-Местръ, горячій приверженецъ папы и католичества, убѣждалъ главу министерства запретить преподаваніе естественныхъ наукъ, также какъ и политическихъ. Особенно вооружался онъ противъ новѣйшаго геологическаго ученія о физическомъ образованіи земли: «Библіи — говорилъ онъ—совершенно достаточно, чтобы знать, какимъ образомъ произошла вселенная; подъ предлогомъ же различныхъ теорій о происхожденіи міра будутъ наполнять молодыя головы космологическими бреднями новѣйшаго издѣлія; уже и теперь ходитъ по рукамъ напечатанная здѣсь брошюра, въ которой говорится, что человѣкъ и обитаемая имъ планета есть продуктъ естественнаго броженія стихій: этотъ ядъ проникаетъ къ вамъ отовсюду, не открывайте же сами новыхъ ему путей» [2]). Профессоръ анатоміи, въ угоду подобнымъ требованіямъ, долженъ былъ «отъ изслѣдованія чудной связи въ частяхъ препаратовъ нашего бреннаго тѣла и дивнаго ихъ отправленія въ процессѣ нашей жизни возносить умы слушателей ко всеблагому творцу, познаваемому здѣсь во всемъ его безпредѣльномъ величіи» [3]). Доходило даже до того, что покушались было уничтожить анатомическіе театры и запретить обращеніе труповъ въ скелеты, потому что «превращеніе труповъ въ скелеты есть необходимость для науки весьма жестокая въ отношеніи почтенія нашего къ умершимъ». Профессоръ химіи, воспитавшійся въ мистической школѣ этого времени, въ теоретической части органической химіи излагалъ тракты о «шестомъ невидимомъ началѣ—душѣ, гдѣ изслѣдывалъ качества души и говорилъ объ «органическомъ духѣ» [4]). Даже изъ математики хотѣли сдѣлать мистическую символистику предметовъ и догматовъ вѣры и христіанско-аскетическаго нравоученія. «Въ математикѣ,—говорилъ въ этомъ духѣ профессоръ казанскаго университета, Никольскій,—въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ, христіанскою вѣрою возвѣщаемыхъ. Напримѣръ, какъ числа безъ единицы быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ единаго владыки существовать не можетъ. Начальная аксіома въ математикѣ: всякая величина равна самой себѣ; главный пунктъ вѣры состоитъ въ томъ, что единый въ первоначальномъ словѣ своего всемо-

---

[1]) Сухомлинова „Матер. для истор. просвѣщ. въ царств. Александра I". „Ж. м. н. просв." 1865.

[2]) „Lettres et opuscules inédits du Comte Jos. de Maistre, précédés d'une notice biographique par son fils le Comte Rodolf de Maistre", Paris, 1851, t. II, p. 300, 303, 318—320.

[3]) Шевырева „Истор. моск. унив.", 452.

[4]) Шульгина „Истор. кіевск. универс.", 141.

гущества равенъ самому себѣ. Въ геометріи треугольникъ есть первый самый простѣйшій видъ, и ученіе объ ономъ служитъ основаніемъ другихъ геометрическихъ строеній и изслѣдованій... Святая церковь издревле употребляетъ треугольникъ символомъ Господа, яко верховнаго геометра зиждителя всея твари. Двѣ линіи, крестообразно пресѣкающіяся подъ прямыми углами, могутъ быть прекраснѣйшимъ іероглифомъ любви и правосудія. Любовь есть основаніе творенію, а правосудіе управляетъ произведеніями оной, ни мало не преклоняяся ни въ которую сторону. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая боговъ и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ». Преподаватель философіи, по инструкціи Магницкаго, долженъ былъ основываться на посланіяхъ апостола Павла къ Колоссаямъ и къ Тимоѳею. Въ этомъ духѣ, профессоръ философіи Фесслеръ училъ: «подъ именемъ философіи понимаю я очевидное знаніе разума и дѣятельнѣйшую жизнь духа; я почитаю религію свѣтомъ сей жизни и живоноснымъ началомъ, совершенство философіи поставляю я въ полномъ единеніи и сообразованіи съ единою, вѣчною, божественною религіею Іисуса Христа. Предметъ непосредственной дѣятельности для разума созерцающаго есть міръ невидимый, вѣчный, божественный» и т. п. [1]) Въ 1816 году былъ высланъ изъ Россіи профессоръ философіи въ харьковскомъ университетѣ, Шадъ, за то, что придерживался новѣйшей германской философіи, и въ особенности Шеллинга, и кромѣ того въ книгѣ своей «Institutiones juris Naturae» изложилъ мысли, несообразныя съ понятіемъ о власти государя, порицалъ существующія въ Россіи учрежденія, противно правамъ объясняя супружескій союзъ, и т. п. [2]) Въ исторіи, Магницкій предписывалъ слѣдить только по книгѣ Боссюэта пути Промысла Божія и необыкновенно радовался, что одинъ профессоръ казанскаго университета основалъ исторію не только на руководствѣ Боссюэта, но и на Четьи-Минеяхъ и житіяхъ святыхъ православной церкви [3]). Когда харьковскій университетъ выбралъ-было къ себѣ профессора русской исторіи, Срезневскаго, то встрѣтилось препятствіе въ томъ, что въ спискѣ, представленномъ при докладѣ объ обозрѣніи попечителемъ казанскаго университета, противъ имени Срезневскаго отмѣчено: «слѣдуя системѣ Якоба, руководствуется духомъ, весьма удаленнымъ отъ христіанскаго ученія, и по рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи университета, оказывается человѣкомъ, зараженнымъ духомъ деизма». Особенному преслѣдованію подвергалась наука «естественнаго права». Де-Местръ, отвергая пользу изученія правъ, утверждалъ, что въ первой юности надо знать только три вещи касательно общественнаго устройства: первое — что Богъ сотворилъ человѣка для общества, второе — что для общества необходимо правительство, третье — что каждый обязанъ повиноваться властямъ и быть готовымъ запечатлѣть смертью вѣрность и

---

1) Чистовича „Истор. с.-петерб. дух. акад.“, 193—196.
2) „Журн. м. н. просв.“ 1865, окт., 100—101.
3) Рѣчь Магницкаго, казанск. унив. „Чтен. общ. истор.“.

анность государю» [1]). Магницкій съ фанатическимъ презрѣніемъ назы- науку «естественнаго права» «изобрѣтеніемъ невѣрія новѣйшаго вре- і», «системой революціи», «опаснѣйшимъ подмѣномъ евангельскаго овенія», разрушительнымъ для алтарей и престоловъ и пр., и доказы- необходимость изгнанія ея изъ университетовъ [2]). Наукѣ этой пред- івалось догматически разсматривать только такого рода положенія: твержденіе той истины, что источникъ власти есть Богъ, а не воля вѣческая; о несомнѣнности грѣхопаденія, сохранившагося въ памяти ъ народовъ земнаго шара; семейство и государство, установленныя імъ Богомъ чрезъ посредство власти отеческой, опредѣляютъ понятіе авахъ и обязанностяхъ человѣка, о необходимости закона откровенія; ичіе видовъ и формъ правленія ни мало не опровегаетъ происхожденія ти отъ Бога, а не отъ первоначальнаго дѣйствія воли человѣческой». имъ словомъ, все, даже словесность и древніе языки, предписано было одавать или по библейскимъ книгамъ, указывая къ нихъ высшіе об- ы словесности, или по твореніямъ Василія великаго, Аѳанасія, Іоанна гоуста и т. п., такъ что въ московскомъ университетѣ профессоръ Маттеи іъ въ курсъ преподаванія объясненіе избранныхъ мѣстъ изъ твореній іна Златоуста и пр. Такъ, во всѣхъ областяхъ науки, аттиловскимъ ізомъ стѣснена, сжата была юная научно-изслѣдовательная мысль рус- і, заключена была въ убійственные тюремные карцеры мистическихъ граммъ и предписаній. И въ то же время, эти тяжелыя, мрачныя вре- а узурпаторства мистически-репрессивной регламентаціи и диктатуры області научной мысли были временами страшнаго цензурно-инквизи- інаго реакціонернаго террора. Руничъ и Магницкій были почти само- кавными диктаторами мистической опеки, настоящими Биронами крѣ- гной русской мысли. Такъ Руничъ, изъ сержантовъ лейбъ-гвардіи и ирителей вятскихъ крестьянъ превращенный въ попечители с.-петер- гскаго университета, въ ноябрѣ 1821 года, въ припадкѣ реакціонерной хопатіи, поднялъ ужасную бурю и разъигралъ оскорбительнѣйшую для овѣческой мысли драму инквизиціи надъ невинными профессорами— маномъ, Раупахомъ, Галичемъ и Арсеньевымъ. Онъ подвергъ этихъ фессоровъ страшному, инквизиціонному суду и преслѣдовалъ только основаніи какихъ-то, по его словамъ, «гадкихъ, мерзкихъ, смердящихъ радокъ»—записокъ студенческихъ, въ которыхъ онъ видѣлъ «явныя темы невѣрія и безбожія», и давалъ ихъ всѣмъ участвовавшимъ на ѣ «нюхать». На основаніи этихъ записокъ онъ пыталъ совершенно не- инныхъ профессоровъ и обвинялъ ихъ въ «маратизмѣ и робеспьеризмѣ», ывалъ ихъ «бунтовщиками, возмутителями, государственными измѣн- ками (rebelle incendiaire), которыхъ надлежало бы, между жандармами голыми палашами, заставить за налоемъ писать отвѣты», клеймилъ ъ «приплецами, чадами революціи, выходцами изъ отечества Маратовъ Робеспьеровъ, кричалъ имъ Vous n'êtes pas baptisés. Vous êtes enfants de

[1]) Сухомлинова „Матер. для ист. просвѣщ.“, въ „Ж. м. н. п.“ № X.
[2]) „Чтен. общ. ист.“ 1859, кн. IV, стр. 157–159.

la révolution. Vous êtes sortis du pays des Marats et des Robespierres. Vous êtes rebelles. C'est une rebellion, une incendie!» etc. etc. Тогда какъ въ настоящее время ректоры дух. семинарій безбоязненно дозволяютъ и сами даютъ ученикамъ семинаріи читать философію Галича, — Руничъ нападалъ на Галича, какъ на безбожника. Онъ говорилъ Галичу: «я самъ, еслибы не былъ истиннымъ христіаниномъ и еслибы благодать свыше меня не осѣнила, я самъ не отвѣчаю за свое поползновеніе при чтеніи книги Галича. Вы ясно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ Христовой, церкви, безбожника Канта самому Христу, а Шеллинга Духу Святому» и т. п. Несмотря на то, что руководства, по которымъ читали обвиненные профессора лекціи, напр. статистика Германа, изданы были главнымъ правленіемъ училищъ и одобрены правительствомъ, Руничъ, потерявши всякую совѣсть и всякое чувство справедливости, кричалъ: «что книга напечатана и одобрена отъ правительства, это вамъ не оправданіе: тогда было время, а теперь другое; что теперь уже 18 разныхъ сочененій, изданныхъ и одобренныхъ отъ прежняго главнаго правленія училищъ, усмотрѣны (въ два дня?) развратными и скоро будутъ осуждены на истребленіе! Много мнѣ предлежитъ хлопотъ! Но моя ревность все преодолѣетъ! Горе книгамъ, а особливо одобреннымъ отъ прежняго главнаго правленія училищъ». «Горе книгамъ», думалъ каждый изъ членовъ интеллектуально - инквизиціоннаго синедріона: до такого страшнаго, умственно-убійственнаго приговора доходилъ цензурно - инквизиціонный судъ и фанатизмъ деспотическихъ диктаторовъ, педагоговъ и опекуновъ юной русской мысли [1]. Другой Діоклетіанъ или Неронъ-гонитель юной русской мысли былъ Магницкій, попечитель казанскаго университета. Онъ отрицалъ всякую самодѣятельность русской мысли не только въ области философскаго и естественно-научнаго мышленія, но даже и въ области историческаго и библіографическаго изслѣдованія. Осудивъ профессора юридическихъ наукъ — Куницына, Магницкій, по собственному самохвальству его, «съ упорствомъ» возвѣщалъ такія мысли о наукѣ естественнаго права и о необходимости пріостановленія ея во всѣхъ университетахъ: 1) «Наука естественнаго права, безъ котораго обходился древній Римъ, будучи королевствомъ, республикою и имперіею, и не менѣе того оставившій намъ образцы совершеннѣйшаго гражданскаго законоположенія, безъ котораго обходилась Франція въ теченіе 800 лѣтъ, безъ которой обходятся и нынѣ всѣ университеты Англіи и Италіи, которые, однакоже, славятся отличнѣйшими юристами, наука естественнаго права, сія метафизика правъ, не сопредѣльная къ народному, публичному и положительному праву, есть изобрѣтеніе невѣрія новѣйшихъ временъ сѣверной Германіи. 2) Она всегда была опасна; но когда Кантъ посадилъ въ преторы такъ-называемый чистый разумъ, который вопросилъ истину Божію: что есть истина? и вышелъ вонъ, когда наука права естественнаго сдѣлалась умозрительною и полною системою

[1] „Чт. общ.“ 1862 г., кн. III, отд. V, стр. 172—205: записки о дѣлѣ с.-петербургскаго университета.

всего того, что мы видѣли въ революціи французской на самомъ дѣлѣ, опаснѣйшимъ подмѣномъ евангельскаго откровенія, ибо не опровергаетъ его, но преходитъ въ молчаніи, начинается съ предложенія, что его никогда не было, исторгаетъ изъ руки Божіей начальное звено златой цѣпи законодательства и бросаетъ его въ хаосъ своихъ лжемудрствованій и, наконецъ, отвергаетъ алтарь Христовъ, наноситъ святотатственные удары престоламъ царей, властямъ, таинству супружескаго союза, подпиливаетъ въ основаніи сіи три столба, на коихъ лежитъ сводъ общественнаго зданія. 3) Опасность науки естественнаго права доказана во вчерашнемъ, незабвенномъ въ исторіи нашей, засѣданіи главнаго правленія училищъ: а) христіанскими сильными и, какъ свѣтъ, ясными мнѣніями гг. членовъ правленія; б) разсмотрѣніемъ и осужденіемъ разрушительной системы проф. Куницына и самаго лица его; в) сильнѣйшею рѣчью г. ректора здѣшняго университета» и т. д. Затѣмъ Магницкій дѣлаетъ выводъ: «Я осмѣливаюсь вопросить и съ сей лучшей стороны: можетъ ли быть сія наука безвредной? Можно ли опасаться пріостановить постепенное ея преподаваніе, когда безъ всякаго опасенія утвердить можно, что ни въ одномъ изъ нашихъ университетовъ не выбраны изъ 100 и болѣе классическихъ ея авторовъ ни Мартини, ни Бурламаки, сочинители, ежели не совершенно христіанскіе, то, по крайней мѣрѣ, упоминающіе о Евангеліи, и изъ которыхъ первый, по именному повелѣнію императора, исключительно допускается въ австрійскихъ университетахъ? Наконецъ, признаюсь, что я трепещу предъ всякимъ систематическимъ невѣріемъ философіи, сколько по непобѣдимому внутренному къ нему отвращенію, столько и особенно потому, что въ исторіи XVII и XVIII столѣтій ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась вѣра, потомъ взволновались мнѣнія перемѣною значенія и подмѣною словъ, и отъ сего непремѣннаго и какъ-бы литературнаго подкопа, альтарь Христовъ и тысячелѣтній тронъ древнихъ государей взорваны. Кровавая шайка свободы оскверняетъ главу помазанника Божія и вскорѣ повергаетъ ее на плаху. Вотъ ходъ того, что называли тогда только философіею и литературою, и что называется нынѣ уже либерализмомъ» [1]). Какъ всемогущій цензоръ-диктаторъ, Магницкій во все вмѣшивался, вмѣшивался даже не въ свою область. Напр. 24-го мая 1824 г. онъ писалъ отношеніе къ митрополиту новгородскому и с.-петербургскому «о богохуленномъ выраженім въ персидскомъ переводѣ Библіи, изд. библ. обществомъ, о запрещеніи этого перевода и объ увольненіи его изъ членовъ библейскаго общества, вслѣдствіе выпуска такихъ богохульныхъ переводовъ» [2]). Въ то же время Магницкій пишетъ доношеніе министру народнаго просвѣщенія на издателя библіографическихъ листовъ — Кеппена, за противныя будто-бы правиламъ цензуры статьи, помѣщенныя въ библіографическихъ листахъ. «Статьи сіи, — доносилъ Магницкій,—основанныя на иноземныхъ сочиненіяхъ, содержатъ въ себѣ: 1) обличенія святцовъ нашихъ, церковью утвержденныхъ и изданныхъ, въ

[1]) „Чтен. Общ." 1859 г., кв. IV, стр. 157—159.
[2]) Ibid., 162—163.

невѣрности; 2) совершенно-противное превращеніе жизнеописанія Кирилла и Меѳодія, въ опроверженіе священно-церковной книги Четьи-Минеи, клонящееся въ тому, чтобы доказать, въ противность положительному преданію церкви, что не они переводили наши священныя книги; 3) клевету на Святополка, исповѣдывавшаго православную вѣру, якобы онъ заставлялъ народъ свой вѣровать то Христу, то діаволу, и другія подобныя сему непозволительныя и вредныя нелѣпости.» Кеппенъ долженъ былъ писать въ оправданіе свои «логическія и историческія объясненія» противъ нелѣпаго доноса Магницкаго и доказывать самыя простыя, такъ сказать, азбучныя права изслѣдующаго разума. «Сличеніе мѣсяцеслововъ—писалъ онъ — не есть изслѣдованіе ученій вѣры, ибо не только не относится до догматовъ церкви, которые, не подлежа сужденіямъ свѣтскихъ писателей, а и того менѣе людей вовсе неизвѣстныхъ въ ученомъ свѣтѣ по своимъ сочиненіямъ, при таковомъ сличеніи должны оставаться неприкосновенными... Не имѣвъ никогда намѣренія писать, или печатать статей, могущихъ клониться къ исправленію исторической части Четьи-Минеи, я осмѣливаюсь спросить: не противится ли желанію самого св. Димитрія Ростовскаго и не обличаетъ ли себя въ незнаніи Четьи-Минеи тотъ, кто вооружится противъ историческаго усовершенствованія сочиненія, общеполезнаго для христіанъ всякаго состоянія, о чемъ проситъ самъ св. Димитрій всякаго усерднаго читателя его книги? Ужели скромное и благоразумное исправленіе погрѣшностей филологическихъ, хронологическихъ, географическихъ и топграфическихъ, ахреологическихъ и часто историческихъ въ твореніи человѣческомъ (хотя оное и есть твореніе церковнаго писателя) можно назвать опроверженіемъ священно-церковной книги, противнымъ положительному преданію церкви... Ужели въ нашъ XIX вѣкъ по Р. Х. найдутъ недозволительнымъ то, что служитъ единственно къ усовершенію исторіи? Ужели образованность современная станетъ предлагать къ запрещенію всѣ тѣ историческія книги, которыя суть не одни только буквальные списки съ Четьи-Минеи, каковы, напримѣръ, напечатанная по повелѣнію государя императора Петра Великаго исторіографія Мавроурбина, сочиненія Татищева, Шлецера и исторіографа нашего Карамзина... Тогда надобно будетъ запретить вовсе писать отечественную исторію» и пр. [1]. Таково было положеніе юной научно-изслѣдовательной мысли русской во времена сильнаго развитія и господства произвола реакціонерной диктатуры. Понятно, что при такихъ насильственныхъ ударахъ, задержкахъ и выправкахъ или дисциплинарныхъ артикулированіяхъ мысль русская не могла развиваться здорово, живо, самостоятельно и непрерывно - послѣдовательно. Хроническія реакціонерныя психопатіи невольно разслабляли неокрѣпшія силы юной русской мысли. Непрочность, крутая измѣнчивость des principes libérales правительственной опеки, обыкновенно хронически проявляющаяся во вторую половину или подъ конецъ царствованій, продолжительность и интенсивно возврастающая репрессивность реакціонерныхъ направленій системы опеки, обнимающія

[1] „Чтен. общ. истор.“ 1864 г., кн. 2, отд. V, стр. 143—161.

иногда цѣлое царствованіе, лѣтъ 35 — 40, и вообще рѣзкая шаткость въ умственныхъ направленіяхъ правительственной опеки и частыя колебанія ея въ ту и въ другую сторону, — все это, естественно, сильно препятствовало непрерывно-послѣдовательнему, свободному и здоровому развитію русской мысли, мѣшало свободной выработкѣ опредѣленныхъ учено-литературныхъ направленій, порождало безразличие или оптимизмъ въ общественныхъ взглядахъ и понятіяхъ, хаосъ и путаницу въ общественныхъ умственныхъ направленіяхъ и стремленіяхъ и, наконецъ, убивало всякую энергію мыслительности, погружало ее въ апатію, бездумье, индиферентизмъ и неподвижность.

Кромѣ хроническихъ реакціонерныхъ дѣйствій, правительственная народообразовательная опека въ рукахъ своихъ имѣла еще одно постоянное учрежденіе или спеціальное интеллектуально-регулятивное орудіе — цензуру, которая, во времена реакцій, тоже, съ своей стороны, становилась реакціонерною. Заботы о предохраненіи русской мысли отъ заблужденій начались еще въ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи появился изъ Византіи церковно-іерархическій духовно-учительный классъ, и мыслительность народная, только-что начинавшая чуть-чуть пробуждаться подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, подчинилась авторитету византійскаго номоканона, догмата и преданія. Потому-то и невозможно было въ древней Россіи самостоятельное пробужденіе и непрерывное генеративно - послѣдовательное развитіе раціональной теоретической мыслительности народной, что она сдерживалась въ самыхъ зародышахъ своихъ. Вслѣдствіе вліянія византійскаго догматическаго консерватизма, сдержки свободнаго проявленія народной мыслительности особенно начались съ тѣхъ поръ, какъ стали появляться въ Россіи ереси. Уже въ Стоглавѣ 1555 года, между многими правилами положено было: «книги списывать съ добрыхъ переводовъ, да справлять; переписчикъ неисправныхъ книгъ подвергается великому запрещенію, покупающій не можетъ пользоваться такими книгами, а продающій лишается самыхъ книгъ [1]). Сверхъ того соборъ просилъ царя, «чтобы запретить великимъ запрещеніемъ, чтобы христіане не читали и не держали у себя книгъ еретическихъ». Съ XIV вѣка до 1644 года постоянно переписывалось въ сборникахъ и потомъ напечатано было, въ руководство грамотному народу, «правило о книгахъ, ихъ же подобаетъ чести и внимати, и ихъ же не внимати, ни чести не подобаетъ» [2]). Одинъ соборъ въ XVII вѣкѣ запретилъ продавать книги «со многою ложью» и положилъ «чинить писателямъ смиреніе» [3]). Но собственно цензура или предварительный просмотръ рукописи появляется у насъ только съ 1720 г. октября 5, по поводу изданія черниговскою и кіевопечерской типографіями книгъ «со многою противностью восточной церкви» [4]). Указомъ 20 марта

---

[1]) „Стоглавъ“, гл. 27, 28, 41 и 42.

[2]) См. о чтеніи книгъ или о „почитаніи книжномъ“ въ древней Россіи. „Прав. Соб.“ 1858 г., іюль, стр. 182.

[3]) А. Н. V, № 75, предл. 14.

[4]) П. С. З. № 3653.

1721 года запрещалось продавать «книги писанныя и печатанныя безъ дозволенія, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія» [1]). Далѣе вышло запрещеніе вывозить книги изъ-за границы безъ разсмотрѣнія [2]). Потомъ, указами 27 октября 1742 года 19 августа 1748 г., 25 августа 1750 предписывалось, чтобы всѣ книги гражданскаго и богословскаго содержанія пересматривались въ академіи наукъ, въ типографіяхъ или въ губернскихъ правительственныхъ мѣстахъ» [3]). Наконецъ указомъ 3 ноября 1751 года установлена цензура относительно газетъ [4]). Болѣе же полное изложеніе началъ цензуры, въ сообщенномъ ей значеніи учрежденія, дѣйствующаго отдѣльно отъ законовъ уголовныхъ, до изданія цензурныхъ уставовъ Александра I и Николая I, принадлежитъ указу 1776 года августа 22 [5]). «И образовались въ литературѣ свои катакомбы», какъ замѣчаетъ по поводу этого установленія г. Лешковъ. Не излагая дальнѣйшаго, окончательнаго развитія цензуры и цензурныхъ уставовъ [6]), замѣтимъ здѣсь только, что уже вслѣдствіе одного вѣкового воспитанія народной мыслительности подъ контролемъ византійскаго догматическаго консерватизма, мысль русская не могла развить въ себѣ генеративно-послѣдовательно настолько самостоятельности, чтобы не подчиниться потомъ и свѣтской цензурѣ, цензурнымъ уставамъ. Семь или восемь столѣтій до Петра Великаго, народная мыслительность не могла имѣть никакого свободнаго движенія, ни въ свободномъ раціональномъ ученіи, ни въ занятіи какою-нибудь «отреченною книгою», ни даже въ области житейскаго опыта, наблюденія и обычая, гдѣ была блидительная цензура «старины и пошлины» или «вождя по жизни» и «Домостроя». «Учися держати умъ» — вотъ было общее правило и церковнаго и домашняго воспитанія до Петра Великаго. Удивительно ли, послѣ этого, если русская мысль, послѣ такого предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго воспитанія подъ строгой опекой византійскаго догматическаго консерватизма, и во времена развитія правительственной народообразовательной опеки легко подчинилась цензурѣ. Удивительно ли, что весьма многіе радовались даже, какъ новому благодѣтельному попеченію правительства о развитіи русской мысли, когда при императорѣ Александрѣ I учрежденъ былъ цензурный комитетъ и изданъ первый цензурный уставъ. Напримѣръ, профессоръ московскаго университета Каченовскій, вскорѣ по выходѣ цензурнаго устава, въ «Вѣстникѣ Европы» напечаталъ статью: «О книжной цензурѣ въ Россіи», въ которой приписывалъ цензурѣ такое же благотворное дѣйствіе на развитіе мысли, какое свойственно и критикѣ ученой. «Критика ученая и безпристрастная, — писалъ онъ, — выставляя

[1]) П. С. З. № 3765.
[2]) П. С. З. № 8832, ук. 1743, дек. 9.
[3]) П. С. З. № 3784 и № 9794.
[4]) П. С. З. № 9903.
[5]) П. С. З. № 14,495.
[6]) См. историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи и статью г. Пятковскаго въ „Дѣлѣ“, №№ 1 и 2 за 1868 г.

погрѣшности сочиненій, удерживаетъ неопытныхъ людей отъ смѣлыхъ предпріятій; цензура, налагая узду на дерзость и буйство, искореняетъ зло при самомъ его началѣ. Истинный талантъ не боится критики; писатель благонамѣренный уважаетъ постановленія мудраго правительства и благоговѣетъ въ душѣ своей предъ спасительными узаконеніями, которыми ни мало не стѣсняется свобода мыслить и писать и которыя суть ничто иное, какъ только необходимыя мѣры, принятыя противъ злоупотребленій сей свободы. Для чего нужны книги? Умъ и дарованія образуются подъ руководствомъ содержащихся въ нихъ полезныхъ правилъ и наставленій; сынъ церкви и отечества почерпаетъ изъ книгъ понятія о своихъ обязанностяхъ; гражданинъ узнаетъ изъ нихъ права свои и пр. Но всякая ли книга соотвѣтствуетъ симъ важнымъ назначеніямъ? Вольтеръ хотѣлъ, чтобы дозволено было писать все безъ изъятія, утверждая, что благо и спокойствіе общества не зависятъ отъ напечатанной книги. Постыдный для человѣчества примѣръ неистовыхъ революцій доказалъ неосновательность Вольтерова мнѣнія. Появленіе дерзкихъ сочиненій, сопровождаемое всеобщимъ одобреніемъ, означаетъ послѣднюю степень развращенія и необузданности, до которой государство достигаетъ... Въ любезномъ отечествѣ нашемъ законы всяческки ободряютъ успѣхи просвѣщенія, охраняя вѣру, святость власти, нравственность и личную честь гражданина... Цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненія». Между тѣмъ, наиболѣе раціонально мыслящіе люди тогда же видѣли, какъ невыгодно было для развитія русской мысли цензурное стѣсненіе. Послѣ вѣкового воспитанія, въ до-петровской школѣ исключительно физической работы, преобладающаго поверхностнаго сенсуализма въ умственномъ складѣ русскаго народа, послѣ вѣкового господства внѣшнихъ чувствъ надъ теоретическимъ или чистымъ разумомъ и вѣкового отсутствія предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго развитія раціональной теоретической мыслительности, русскому народу еще крайне необходимо было сначала свободное и усиленное развитіе всеобщей самодѣятельности мышленія, раціонально-логической, теоретической мыслительности. Безъ этого въ немъ не могла развиться и естествопознавательная мысль, не могъ развиться могучій естествоиспытательный разумъ — этотъ, по выраженію Фирорта, «умственный глазъ», который собственно и производитъ открытія въ области природы. А между тѣмъ цензура именно это-то предварительное развитіе и изощреніе мышленія и стѣсняла, запрещая напримѣръ теоретическія, философскія сочиненія. И безъ того-то, въ обществѣ русскомъ, вслѣдствіе вѣковой неразвитости раціональной, теоретической мыслительности, по словамъ «Сѣвернаго Вѣстника» (1804 — 1805), господствовало «предубѣжденіе и недоразумѣніе» относительно «книгъ философическихъ», какъ головоломныхъ и скучныхъ. А цензура еще болѣе поддерживала такое предубѣжденіе противъ философіи— этой, по выраженію Клода Бернара, excellente gymnastique de l'esprit. «Словесность наша — писалъ одинъ анонимный защитникъ свободной прессы при Александрѣ I — всегда была подъ гнетомъ цензуры. Сто лѣтъ,

какъ она составляетъ отдѣлъ въ исторіи ума человѣческаго и его произведеній. Мы имѣемъ много хорошихъ поэтовъ, хорошихъ прозаиковъ, видимъ на нашемъ языкѣ сочиненія математическія, физическія и другія, но философіи нѣтъ и слѣда. Можетъ быть, скажутъ, что у насъ есть переводы философскихъ твореній. Это правда, но всѣ наши переводы содержатъ только отрывки своихъ подлинниковъ: рука цензора умѣла убить ихъ духъ» [1]). Все, что появлялось на западѣ лучшаго въ области критической философіи и возбуждало и развивало тамъ могучую мысль, у насъ все это, по крайней неразвитости критическаго мышленія и пониманія, отрицалось цензурой. Напримѣръ, тогда какъ въ настоящее время изученіе Кантовской философіи въ Россіи дозволено и «Kritik der reinen Vernunft» переведена на русскій языкъ,— въ началѣ нынѣшняго столѣтія, духовная цензура противъ философіи Канта вооружалась. Архіепископъ рязанскій Феофилактъ, членъ св. синода и коммиссіи духовныхъ училищъ написалъ критику или осужденіе Кантовой философіи. «Кантовой философіи — доноситъ онъ—цѣль есть двоякая: испроверженіе христіанства и замѣщеніе онаго не деизмомъ, а совершеннымъ безбожіемъ. Для достиженія первой цѣли Кантъ священному писанію даетъ такой толкъ, что ни пророки, ни апостолы не были богодухновенны, а Христа должно допускать только въ аллегорическомъ смыслѣ, т.-е. почитать его не больше, какъ «идеаломъ». Для замѣщенія христіанства безбожіемъ Кантъ вводитъ церковь чистаго разума. Въ сей церкви: 1) никто не вѣритъ бытію Божію; 2) никто не вѣритъ безсмертію души; 3) нѣтъ никакихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу, слѣдовательно, молиться некому и не для чего; 4) присяга въ вѣрности къ государю есть одинъ суевѣрный обрядъ; 5) однѣ добродѣтели суть свободны дѣйствія, а всякій поступокъ, грѣхомъ почитаемый, есть невольное дѣло. Кантова философія въ Германіи славилась не болѣе 20 лѣтъ. Несмотря на сію краткость времени, столько вреда отъ нея послѣдовало, что и религія и политика противъ нея вооружились, и заставили многихъ профессоровъ, закрывши каѳедры Кантова ученія, удалиться изъ Германіи въ Россію. Изъ таковыхъ выходцевъ замѣчательнѣйшіе суть: Фесслеръ, изгнанный изъ с.-петербургской духовной академіи, Буле, вытѣсненный изъ московскаго университета, Паротъ, господствующій въ Дерптѣ, Якобъ, заразившій харьковскій университетъ и оттуда истребованный въ Петербургъ для содѣланія Кантовой философіи классическою книгою для всѣхъ высшихъ училищъ народнаго просвѣщенія» [2]). Вообще, хотя, по первому цензурному уставу, цензорамъ вмѣнялось въ обязанность «удаляться всякаго пристрастнаго толкованія сочиненія» и даже сомнительныя или двумысленныя мѣста въ сочиненіи «лучше истолковывать выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели преслѣдовать его», но на дѣлѣ скоро и часто сталъ проявляться личный произволъ цензоровъ, особенно во времена реакціи. Вслѣдствіе этого, научно-литературное развитіе русской мысли часто не столько зависѣло отъ самой регламентаціи

[1]) „Матер. для истор. просвѣщ. при Александрѣ I" Сухомлинова, 18—19.
[2]) „Чтен. общ. истор." 1859 г., кн. 2, отд. V, стр. 124.

цензурныхъ уставовъ, сколько отъ личныхъ воззрѣній, отъ умственной неразвитости и узкозоркости самихъ цензоровъ. Многіе писатели наши, поэтому, не столько винили установленіе цензуры, сколько умственную ограниченность и слѣпую фанатичность цензоровъ. Такъ еще Радищевъ говорилъ о цензорахъ своего времени: «одинъ несмысленный урядникъ благочинія можетъ сдѣлать величайшій просвѣщенію вредъ и на многія лѣта остановить движеніе разума, запретя полезное изобрѣтеніе, новую мысль, и лишить чрезъ то всѣхъ великаго. Примѣръ въ малости: въ управу благочинія принесли для утвержденія переводъ романа: переводчикъ, слѣдуя автору, назвалъ любовь лукавымъ богомъ. Мундирный цензоръ, исполненный духа благочестія, почернилъ это выраженіе, говоря: «неприлично божество называть лукавымъ». Кто чего не разумѣетъ, тотъ въ то да не мѣшается: если хочешь свѣта, удали затмѣніе; если хочешь, чтобы дитя не было застѣнчиво, то выгони лозу изъ училища; въ домѣ, гдѣ плети и батожья въ модѣ, тамъ слуги пьяницы и еще того хуже—воры. Такого же рода цензоръ не дозволяетъ печатать сочиненія, гдѣ упоминается о Богѣ, говоря: «я съ нимъ дѣла никакого не имѣю». Если въ какомъ-либо сочиненіи порочили нравы того или другого государства, онъ почиталъ это не дозволеннымъ, говоря: «Россія имѣетъ съ нимъ трактатъ дружбы». Если гдѣ упоминалось о князѣ или графѣ, онъ не дозволялъ того печатать, говоря: «это личность, ибо есть князья и графы между знатными особами» [1]). До какой степени регулированіе русской мысли и взгляды на ея направленіе зависѣли отъ личныхъ умственныхъ качествъ цензоровъ, можно судить, напримѣръ, сравнивши между собою «мнѣніе сенатора Муравьева-Апостола по дѣлу д. с. с. Попова о цензурѣ» и «мнѣніе сенатора Сумарокова» по тому же дѣлу [2]). Попова обвиняли въ 3-хъ вещахъ, которыя въ вопросныхъ пунктахъ выставлены такъ: 1) «Поповъ виновенъ въ томъ, что нетолько поправлялъ своею рукою книгу Геснера, но излагалъ собственныя мысли въ томъ же духѣ, въ какомъ вся книга написана; 2) кромѣ сего виновенъ онъ въ томъ, что, будучи извѣстенъ о заключеніи правительства, какъ насчетъ Геснера, такъ и сочиненія его, дозволилъ себѣ и послѣ того, въ письменномъ отзывѣ къ оберъ-полиціймейстеру изъясняться о книгѣ, что она хорошаго духа, а о Геснерѣ, что онъ человѣкъ истинно-христіанскихъ правилъ и образа мыслей; 3) въ особенности же онъ виновенъ въ томъ, что ему не слѣдовало поправлять никакихъ сочиненій или переводовъ, тѣмъ болѣе, что онъ находится директоромъ департамента народнаго просвѣщенія, подъ вѣдѣніемъ коего состоятъ цензоры». При обсужденіи этихъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Попова, сенаторы Муравьевъ-Апостолъ и Сумароковъ разошлись въ сужденіяхъ и мнѣніяхъ единственно потому, что они были разныхъ убѣжденій, имѣли различное умственное развитіе и направленіе. Муравьевъ-Апостолъ, руководствуясь, какъ онъ самъ говоритъ, «внутреннимъ своимъ убѣжденіемъ», опровергалъ всѣ обвинительные пункты противъ Попова, утверждая, что Поповъ только

[1]) „Путеш. изъ Петерб. въ Москву“.
[2]) „Чт. общ. ист.“ 1859 г., кн. IV, отд. V, стр. 37—48.

исправлялъ въ книгѣ Геснера слогъ, исполненный германизмовъ. что, какъ занятіе его въ направленіи перевода было, такъ сказать, механическое, то и образъ мыслей его принужденно сходствуетъ съ толкователевымъ, а не такъ, какъ заключаетъ объ немъ оберъ-полиційместеръ, что, однимъ словомъ, ничто не доказываетъ на отступленія Попова отъ подлинника въ поправленномъ переводѣ, ни порицанія заключенія правительства о Геснеровой книгѣ, ни вліянья на цензора въ разсужденіи печатанья оной. и пр. Напротивъ, сенаторъ Сумароковъ, руководясь своими личными убѣжденіями, осуждалъ Попова, какъ «опаснаго фанатика, котораго усмирить, выдержать потребно, когда напечатанное имъ сочиненіе уже огласилось въ народѣ», и, согласно съ приговоромъ другихъ 5 сенаторовъ, приговорилъ Попова къ заключенію въ монастырь «для прекращенія пагубнаго лжеученія». Мнѣніе сенатора Сумарокова начинается такъ: «сіе дѣло есть необыкновеннаго рода, и надлежитъ отъискать корень, чтобы по отраслямъ убѣдиться въ важномъ преступленіи. Итакъ обратимся къ прошедшимъ временамъ и постепенно дойдемъ до нашихъ дней». Далѣе сенаторъ-цензоръ порицаетъ идеи, развившіяся съ конца XVII вѣка до революціи и до Геснеровой книги. Затѣмъ онъ положительно и рѣзкимъ тономъ обвиняетъ Попова по всѣмъ 3-мъ пунктамъ, не принимая никакихъ возраженій. «Въ листкахъ Попова, возразятъ, еще нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ,— говоритъ онъ;— но часть безвредная принадлежитъ къ вредному цѣлому: нѣсколько строкъ и вся книга суть одно и тоже. Всякій, скажутъ мнѣ, властенъ говорить, думать, какъ хочетъ. Да,—отвѣчаю я,—въ своей комнатѣ, или въ скрытой бесѣдѣ съ равнымъ себѣ еретикомъ. Но возвѣщать нечестіе, а, что болѣе, печатать вредныя правила къ потрясенію вѣры есть первѣйшее преступленіе, вопіющее къ возмездію». Наконецъ, Сумароковъ, исчисливъ всѣ указы, начиная съ уложенія, военнаго устава, морскаго устава, указы 1683, 1718, 1728, 1800 годовъ о сожженіи богохульниковъ, о лишеніи вольнодумцевъ живота или пожитковъ, о заключеніи ихъ въ желѣзы, или «гнаніи ихъ шпицрутеномъ» и т. п., сенаторъ Сумароковъ рѣшительно осудилъ Попова, какъ «опаснаго фанатика, котораго усмирить, выдержать потребно» [1]). Вслѣдствіе умственной несамостоятельности и близорукости цензоровъ,— недоразумѣнія и задержки ихъ часто были не только причиной остановки развитія мысли, духа изслѣдованія, разработки и распространенія научныхъ идей и знаній, но и причиной задержки распространенія самыхъ необходимыхъ для народа знаній. Такъ напр. въ 1830 г. Н. А. Полевой, редакторъ журнала «Московскій Телеграфъ», писалъ къ князю Н. Н. Голицыну, предсѣдателю цензурнаго комитета: «слухи о появленіи холеры морбусъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи тревожатъ жителей Москвы. Москва увеличиваетъ сіи слухи и самую опасность болѣзни. Отъ медицинскаго совѣта издано описаніе холеры морбусъ и средствъ сохраненія отъ оной. Сія статья и двѣ другія гг. докторовъ Пузырева и Пятницкаго напечатаны въ «Журн. минист. внутрен. дѣлъ». Онѣ могутъ успокоить народъ, а въ случаѣ дѣйствительной опасности показать народу

[1]) „Чт. общ.“ 1859 г., кн. IV, отд. V, стр 38—48.

средства охраненія. Но «Журнала минист. внутр. дѣлъ» расходится весьма мало, и чрезъ то статьи, для повсенароднаго чтенія предназначенныя, не достигаютъ своей цѣли. Думая, что долгъ всякаго благомыслящаго споспѣшествовать по мѣрѣ силъ благу ближнихъ, я желалъ перепечатать изъ «Журнала минист. внутрен. дѣлъ» всѣ вышеозначенныя статьи особымъ приложеніемъ при издаваемомъ мною журналѣ: «Московскій Телеграфъ». «Телеграфа» расходится 1,600 экземпляровъ, и во всѣхъ мѣстахъ Россіи: слѣдовательно, это было бы однимъ изъ сильныхъ средствъ успокоить страхъ и распространить спасительныя наставленія. Кромѣ того, хотѣлъ я отпечатать до 3,000 экземпляровъ отдѣльно и раздавать безденежно всякому, отправить въ больницы и пр. Но цензурный комитетъ остановилъ мое намѣреніе, говоря, что онъ разрѣшить не можетъ. Такія недоразумѣнія доводятъ до безполезной и продолжительной переписки съ высшимъ начальствомъ» [1]). Вообще, въ періодъ полнаго господства строгой цензуры, въ области русской науки и литературы образовался особый необъятный отдѣлъ предметовъ и вопросовъ, такъ называемыхъ «нецензурныхъ», особенно въ области естественныхъ наукъ, въ области соціологіи, политической экономіи, естественнаго права и пр. Въ области естественныхъ наукъ, напримѣръ, не цензурны были вопросы о физическомъ образованіи земли, о геологическихъ періодахъ, о происхожденіи видовъ, о древности человѣка, о неандертальскихъ, енгисовыхъ и т. п. пещерныхъ черепахъ доисторическаго человѣка, о мѣстѣ человѣка въ ряду органическихъ существъ и объ естественно-исторической или органической связи его съ обезьянами, о значеніи въ природѣ силы и матеріи, о физико-химическихъ и механическихъ теоріяхъ въ области нервной физіологіи и въ особенности въ сферѣ психическихъ актовъ человѣка, о рефлексахъ головного мозга, о психопатіяхъ мистицизма и пр. и пр. Въ области соціальныхъ наукъ не цензурны были вопросы о естественныхъ, физико-физіологическихъ основахъ соціальнаго устройства обществъ или вообще о естественно-научныхъ законахъ общежитія о происхожденіи власти отъ физической силы и воли человѣческой, о деспотизмѣ властей, о крѣпостномъ правѣ, о сословномъ и имущественномъ неравенствѣ людей, о естественномъ правѣ низшихъ классовъ народа на высшее, университетское образованіе, объ утилитаризмѣ, о ложности господствующаго народнаго и общественнаго міросозерцанія, о всеобщемъ, всенародномъ естественно-научномъ образованіи или о радикальной реформѣ народнаго міросозерцанія, о свободѣ мысли, изслѣдованія о печати, о рабочемъ вопросѣ, объ ассоціаціяхъ, и множество т. п. Не говоримъ уже о томъ, какое множество было нецензурныхъ, недозволенныхъ русской публикѣ произведеній западной науки и литературы, не только вродѣ сочиненій Вольтера, положительной философіи Канта и пр., но и вродѣ сочиненій о Россіи Коля, Кюстиня и т. п. Еще въ 1855 году изъ привезенныхъ изъ-за границы 1,191,745 томовъ и тетрадей не пропущено было 11,000 томовъ [2]). Въ такихъ цензурныхъ рамкахъ должна была раз-

---

[1]) „Чтен. общ. истор.“ 1862, кн. 3, отд. V, стр. 212.
[2]) Кольба Статист., 259.

виваться юная русская мысль. Во многихъ областяхъ или вопросахъ науки и литературы ей положительно запрещено было развитіе.

Чѣмъ для развитія научной и литературной мысли была прежняя цензура, тѣмъ для развитія народной мыслительности было слишкомъ строго-ограниченное въ умственныхъ правахъ податное и особенно крѣпостное состояніе народа. Простой, рабочій народъ, какъ мы видѣли уже [1], естественно-исторически обреченъ былъ почти всецѣло на одну страдную, физическую работу, и потому не имѣлъ вовсе досуга и возможности самостоятельно додуматься до научно-интеллектуальной работы. А потомъ, особенно съ XVII вѣка и въ началѣ XVIII столѣтія, онъ особенно обремененъ былъ государственными работами, податями и повинностями, и потому вовсе не могъ принять участія въ усвоеніи европейскихъ наукъ, съ самаго начала умственно-образовательной реформы Петра Великаго. Дальнѣйшая же его исторія, исполненная тираніи бироновщины до вынужденности пугачевщины, еще болѣе не благопріятствовала его интеллектуальному развитію. Во-первыхъ, съ возрастающимъ преобладаніемъ и усложненіемъ матеріальныхъ потребностей огромной имперіи—военныхъ, податныхъ и пр.,—въ правительствѣ преобладалъ и увеличивался запросъ не на интеллектуальныя, а на матеріально-производительныя, физическія силы народа, и съ развитіемъ табели о рангахъ и сословности установился взглядъ на простой, рабочій народъ, какъ исключительно на податное и государственно-рабочее сословіе, которому вовсе не нужно такое высшее интеллектуальное развитіе, какъ дворянству. Вслѣдствіе этого, податной народъ, обязанный государству рекрутчиной, податями, повинностями и разными государственными работами, вовсе лишенъ былъ возможности преобразовываться или возрождаться, путемъ высшаго европейскаго просвѣщенія, путемъ естественно-научнаго раціонализированія своей міросозерцательной, рабочей и экономической мыслительности, изъ до-петровскаго невѣжественно-рабочаго класса въ классъ образованно-рабочій, естественно-научно работающій и мыслящій. Онъ долженъ былъ только физически работать и выработывать средства Имперіи. Слѣдовательно, ему и некогда было учиться и развиваться интеллектуально. Податное состояніе слишкомъ затрудняло для бѣдныхъ низшихъ, рабочихъ классовъ доступъ къ высшему университетскому ученью. Наприм. указомъ 10 ноября 1809 года повелѣно студентовъ, поступающихъ изъ податного состоянія, исключать изъ оклада не прежде, какъ по окончаніи ими полнаго курса ученія въ университетахъ. Причина постановленія такъ выражена первыми словами указа: «Учрежденіемъ въ Имперіи Нашей университетовъ желали мы доставить способы подданнымъ всѣхъ состояній почерпать въ нихъ познанія въ высшей степени. Симъ открыли мы поприще для усовершенія талантовъ отличныхъ; но однимъ вступленіемъ въ университетъ мы не имѣли намѣренія освободить состоянія, въ окладъ положенныя, отъ общей имъ повинности; ибо сіе вступленіе не представляетъ еще отечеству члена, образованнаго по намѣренію нашему» [2]. Если мы возьмемъ въ сообра-

[1] „Дѣло“, 1868 г., № 1.

[2] Истор. москов. унив., 401.

женіе бѣдность наибольшей части податного народа, что мы увидимъ дальше въ статьѣ объ экономическихъ условіяхъ интеллектуальнаго развитія въ Россіи, то легко поймемъ, какъ затруднительно было для податныхъ молодыхъ людей прохожденіе, съ бременемъ податныхъ обязанностей, полнаго курса университетскаго ученія. Вовторыхъ, съ усиленіемъ сословныхъ претензій и тенденцій дворянства и съ началомъ и усиленіемъ реакцій, высшее научное развитіе мыслительности рабочаго народа или низшихъ классовъ, по ложному и безчеловѣчному предубѣжденію, навѣянному Де-Местрами, Руничами, Магницкими и ультра-дворянами-крѣпостниками, признавалось вообще ненужнымъ, невыгоднымъ и даже опаснымъ для государства. Въ началѣ XIX столѣтія даже въ литературѣ раболѣпно высказывалась идея сословнаго ограниченія развитія народной мыслительности. Нѣкоторые писатели начертывали для низшихъ классовъ самую ограниченную, сословную програму ученія. Наприм. Пнинъ въ 1804 году писалъ: «земледѣльцевъ довлѣетъ обучить только чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, сельской механикѣ, скотоводству, обработкѣ полей; мѣщане могутъ взять въ толкъ уже грамматику, географію, введеніе во всеобщую исторію и главныя эпохи, русской исторіи, геометрію и даже тригонометрію, естественную исторію, технологію, физику и практическія знанія, полезныя для промышленности». Въ купеческомъ сословіи, къ этимъ предметамъ присоединяются нѣкоторые другіе, какъ наприм. англійскій языкъ, алгебра, простая и двойная бухгалтерія, исторія коммерціи, товаровѣдѣніе и пр., но вся роскошь познанія приберегается для дворянскаго класса, которому, сверхъ многихъ названныхъ предметовъ, дозволительно изощрять свои умственныя способности изученіемъ юридическихъ наукъ. Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (1804—1805). Мартыновъ проводилъ такія же идеи: крестьянину, по его мнѣнію, нужно было давать въ общественныхъ училищахъ только такія познанія, которыя сопряжены съ его отношеніемъ и нуждами его состоянія: поправить соху, употребить простое механическое средство къ уменьшенію числа рукъ въ работѣ есть для него неоцѣненное пріобрѣтеніе. «Но—продолжаетъ авторъ—поселянинъ долженъ пользоваться только практическимъ приведеніемъ въ дѣйствіе и выгодою изобрѣтенія; изученіе же ведущихъ къ тому математическихъ истинъ, сопряженное съ многочисленными предварительными свѣдѣніями, не должно лишать его времени, столь нужнаго для воздѣлыванія земли. Вообще, всякій человѣкъ, снискивающій себѣ пропитаніе тяжелой работой, выходитъ изъ своего состоянія, если возбуждается въ немъ наклонность къ умственнымъ упражненіямъ». «Сѣверный Вѣстникъ» хвалилъ книгу Гельмана, въ которой границы народнаго образованія опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: «не всѣ состоянія народа должны получать одинаковое просвѣщеніе. Науки, такъ называемыя свободныя художества и всѣ тѣ наставленія, которыя составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ неприличны для черни и даже вредны въ отношеніи къ общественному благоденствію. Сохрани насъ Богъ, если весь народъ будетъ состоять изъ ученыхъ, діалектиковъ, замысловатыхъ головъ» [1]).

[1]) Пятковскаго „Русская журналистика при Александрѣ I". „Дѣло" 1868 г. № 2. стр. 201, и № 3, стр. 211—212.

Этихъ идей тѣмъ съ большею энергіею держалось правительство. Въ 1827 году изданъ былъ высочайшій рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія, адмир. Шишкова, о недопущеніи дѣтей низшихъ сословій въ университеты. Въ рескриптѣ этомъ высочайшая воля выражена была такъ: «предметы ученія и самые способы преподаванія должны быть по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предначертаніемъ обучающихся, и чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться». Далѣе рескриптомъ этимъ узаконено, чтобы «въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и въ гимназіяхъ и равныхъ имъ по предметамъ преподаванія мѣстахъ принимались въ классы и допускались къ слушанію лекцій только люди свободныхъ состояній», чтобы «помѣщичьи крѣпостные крестьяне и дворовые люди могли, какъ и доселѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ»[1]). Несмотря, однакожъ, на такія ограниченія, благодаря невольному вліянію умственно-возбудительныхъ импульсовъ европейскихъ наукъ, пробуждалась понемногу и мыслительность народная, и въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ приливъ молодыхъ людей изъ низшихъ сословій умножался. Правительство же, съ своей стороны, продолжало смотрѣть несимпатично на это возбужденіе умственныхъ потребностей и стремленій въ низшихъ классахъ народа. Оно утвердилось въ томъ убѣжденіи, что «высшее образованіе для низшихъ слоевъ народа безполезно, составляетъ роскошь для нихъ, выводитъ ихъ изъ круга ихъ первобытнаго состоянія безъ выгоды для себя и для государства». Вслѣдствіе этого министръ народнаго просвѣщенія въ 1845 году въ докладѣ своемъ писалъ: «имѣя въ виду, что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчается очевидно умножающійся приливъ молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно, составляя роскошь для нихъ и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянія, безъ выгоды для нихъ и для государства, я нахожу необходимымъ, по собственному убѣжденію и по предварительному соизволенію вашего императорскаго величества, не столько для увеличенія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій — возвысить сборъ платы съ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». И плата была возвышена отъ 5 до 30, 40 и 50 рублей. Но такъ какъ въ «приватные слушатели», какіе существовали въ университетахъ до 1847 года, все-таки допускались и лица изъ податныхъ сословій, то въ 1847 году, вслѣдствіе записки министерства народнаго просвѣщенія, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, разрядъ приватныхъ слушателей на будущее время совсѣмъ упразднялся. «Эта мѣра — сказано было

[1]) „Ж. м. н. просвѣщ.“, ч. CXXI, отд. II, стр. 160.

въ запискѣ — оказывается тѣмъ болѣе необходимою, что она согласуется съ видами правительства ограничить необузданное стремленіе молодыхъ людей изъ низшихъ сословій къ высшему образованію, изъемляющему ихъ изъ первобытнаго состоянія безъ пользы для государства». Въ тоже время министръ народнаго просвѣщенія повторялъ мнѣніе, что высшее развитіе мыслительности низшихъ классовъ вредно. Онъ утверждалъ, что преимущество въ высшемъ образованіи должно быть отдаваемо дворянамъ, «какъ потомкамъ древняго рыцарства», «тѣмъ болѣе, что лица низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и недовольными настоящимъ порядкомъ вещей» [1]). Такимъ образомъ, мыслительность низшихъ класовъ народа исключалась изъ сферы естественнаго права общечеловѣческой мыслительности, и заключалась въ неподвижный «кругъ первобытнаго, природнаго состоянія», слѣдовательно въ заколдованный кругъ сенсуально-галлюцинаціоннаго и миѳологическаго міросозерцанія. И потому, непосредственно-натуральный сенсуально-реалистическій умственный складъ рабочаго русскаго народа, воспитанный его вѣковой физической, реальной работой въ сферѣ природы, не могъ раціонализироваться научно-теоретическою мыслительностью и физически-рабочее, непосредственно сенсуальное стремленіе его къ естествознанію лишено было возможности найти полное удовлетвореніе и плодотворное развитіе въ высшемъ раціонально-научномъ естествознаніи, что дальше мы увидимъ, когда будемъ говорить о слѣдствіяхъ вѣковаго отсутствія предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго развитія народной мыслительности.

Наконецъ, мыслительность низшихъ классовъ народа не могла развиваться еще и потому, что она сильно сжата и забита была вѣковой школой ихъ крѣпостного состоянія и воспитанія. Крѣпостное право полтораста или двѣсти лѣтъ подавляло въ народѣ всякую разумно-свободную мыслительность, и чѣмъ дальше развивалось, тѣмъ больше отнимало у народа право мысли. Во второй половинѣ XVIII вѣка, помѣщики проповѣдывали такіе принципы: «прежде всего надлежитъ стараться, чтобы земледѣльцы и бобыли о своихъ дѣлахъ *разсуждали такъ*, что они трудятся не для одной только своей пользы, но *обязаны быть безпрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ*, а *притомъ представлять себѣ въ примѣръ военныхъ людей*, которые за отечество предаются во всѣ опасности и жертвуютъ самою жизнію. Они исполняютъ по волѣ повелителя все, что до ихъ должности принадлежитъ, *и ни въ какихъ случаяхъ невозможностію не отрекаются, и изъ сего видно, до чего можно довести людей чрезъ порядокъ и внушеніемъ приличныхъ до званія ихъ мыслей*» [2]).

[1]) „Журн. мин. нар. просвѣщ.“, 1865.

[2]) Труды вольн. эконом. общ. ч. XV, собраніе экономич. правилъ, стр. 164 — 244. Смотри брошюру г. Муллова: „Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ въ XVIII стол.“, 55.

Такимъ образомъ, учители крѣпостного права смотрѣли на естественное право народной мысли съ точки военной дисциплины и отрицали въ народѣ всякое право разумно-свободной мыслительности и умственной самоопредѣляемости. Могло ли тутъ быть интеллектуальное развитіе въ этой вѣковой школѣ военно-крѣпостной дисциплины въ школѣ отрицанія народной мысли и умственнаго безправія народнаго. Помѣщики, находя невыгоднымъ для себя умственное развитіе народа, рѣшительно отрицали развитіе народной мысли. Бецкій говоритъ о помѣщикахъ: «имѣя крѣпостныхъ людей, не думаетъ онъ (помѣщикъ), чтобы они полезны и надобны были къ иному чему, кромѣ обыкновенной въ домѣ службы, либо за нимъ ѣздить, утверждаетъ притомъ смѣло, что наставленіе въ нравоученіи, касающемся до гражданской жизни, имъ не только не потребно, но еще не полезно и вовсе ненадобно. Въ заключеніе суровымъ голосомъ скажетъ: «не хочу, чтобы философами были тѣ, кои мнѣ служить должны». Коль бѣденъ человѣкъ, такимъ образомъ ослѣпившійся! Иль того ты не видишь, что тотъ самый крѣпостной, котораго ты столь презираешь, и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, первый будетъ наставникъ твоему сыну, въ которомъ, однакожъ, ты все свое полагаешь благополучіе и всю надежду. Тотъ самый крѣпостной или крѣпостная первый будетъ наперсникъ или наперсница, первый другъ или подруга сыну твоему или дочери твоей. Дѣти твои напитаются съ первымъ млекомъ, въ первые годы возраста, всѣми пороками, всею грубостью, всѣми худыми разговорами отъ сихъ рабовъ, которыхъ столь гордо и столь надменно презираешь. Дѣти твои будутъ у нихъ въ рукахъ и въ полной власти до самаго времени юношества и далѣе» [1]. Лучшій, просвѣщеннѣйшій изъ помѣщиковъ XVIII вѣка, Рычковъ, сознавался, говоря объ образованіи помѣщичьихъ крестьянъ: «извѣстно, что у насъ существуютъ не только небольшія, но и огромныя деревни, въ которыхъ нѣтъ ни одного человѣка, умѣющаго читать и писать. Въ этомъ отношеніи насъ превосходятъ всѣ европейскіе народы. Даже татары, въ нашей имперіи живущіе и содержащіе законъ магометанскій, въ томъ насъ посрамляютъ» [2]. И если нѣкоторые помѣщики учреждали школы для своихъ крестьянъ, то, во-первыхъ, весьма рѣдко, вовторыхъ—съ самой ограниченной и забивающей системой ученья. Напр. тотъ же Рычковъ требовалъ, чтобы «только наиболѣе понятныхъ и надежныхъ мальчиковъ обучать письму, и то, однакожъ, столько, чтобы въ деревнѣ, имѣющей 100 душъ, писать умѣющихъ крестьянъ болѣе 2 или 3 человѣкъ не было: ибо примѣчается, что изъ такихъ людей — научившіеся писать знаніе свое нерѣдко во зло употребляютъ сочиненіемъ фальшивыхъ паспортовъ» и т. п. [3]. Въ 1810 г. одинъ помѣщикъ въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: «практическое защищеніе противъ иностранцевъ» изложилъ цѣлую оригинальную теорію или систему крѣпостного права, требуя образовать изъ помѣщиковъ наслѣдственныхъ

[1] Уст. моск. воспитат. дома, ч. III, гл. VI, ст. 225—228.
[2] Муллонъ, „Заботы объ улучш. быта крест. въ XVIII в.“, 47.
[3] Ibid., 48.

олиціймейстеровъ государства и раздѣлить губерніи на помѣщичьи поли-
эйскія части. «Крѣпостное право,— писалъ онъ,— поставляющее преграду
ля вольности, весьма драгоцѣнно въ моихъ глазахъ, и какъ не дорожить
мъ? Оно въ пространномъ отечествѣ облегчаетъ всѣ средства къ нрав-
ственному надзору и благотворенію, оно на вѣки, что оный пукъ стрѣлъ,
ъ притчѣ, наслѣдованной нами отъ скифовъ, нашихъ предковъ, останется
неразвязаннымъ» и пр. Образованіе своихъ крестьянъ этотъ помѣщикъ
устроилъ такъ: «Училище состоитъ подъ вѣдомствомъ моей думы. Она
отпускаетъ на оное ежегодно цѣну 130 дней рабочихъ (около 40 р.; цѣна
дня земледѣльч. работы 30 коп.); цѣна 100 дней работы идетъ на жа-
лованье учителю. При испытаніи учениковъ постороннихъ посѣтителей
установлено за правило не имѣть; ибо въ простомъ семъ училищѣ, осно-
ванномъ на началахъ христіанской религіи, не терпится ни одно изъ
средствъ, которыя съ нею не согласуютъ. Предметы ученія совершенно
усвоены ограниченному кругу зрѣнія земледѣльца, даже
преподаются они такимъ образомъ, что, представляя назначеніе уче-
никовъ самымъ благословеннымъ и уваженія достойнымъ, они
не производятъ въ ихъ сердцахъ другихъ желаній. На по-
ступленіе въ университетъ могутъ получать отпускную дѣти поселянъ,
обнаружившіе таланты необыкновенные, только подъ тѣмъ усло-
віемъ, если губернское начальство возьметъ на себя по-
нужденіе законнымъ порядкомъ выбывающаго молодого
поселянина ко взносу опредѣленной цѣны 2000 дней земле-
дѣльческой работы» [1]). При такихъ условіяхъ, понятно, какъ трудно
было крѣпостнымъ людямъ поступать въ университетъ. И мы видѣли уже,
какъ вообще крѣпостнымъ людямъ затрудненъ былъ доступъ къ универ-
ситетскому ученью. Ихъ не принимали въ московскій университетъ, и въ
проектахъ новыхъ университетовъ, а также во многихъ позднѣйшихъ
распоряженіяхъ относительно университетовъ, они также исключились
изъ разряда лицъ, имѣвшихъ право поступать въ университеты. Такимъ
образомъ, крѣпостное право цѣлыхъ 20 милліоновъ народа лишало ум-
ственной жизни, естественнаго права высшаго ученья и мышленія и, про-
повѣдуя имъ военно-крѣпостную дисциплину тупоумія, обидно съуживая
горизонтъ мысли и знанія ихъ рабскими понятіями, забивая ихъ ум-
ственныя, мыслительныя способности кодексомъ завѣтныхъ крѣпостни-
ческихъ идей и догматовъ, естественно убивало въ нихъ и всякую охоту
и любовь къ ученью и знанію. Удивительно ли, послѣ этого, если кре-
стьяне смотрѣли на помѣщичье, крѣпостное образованіе какъ на барщину.
Въ одномъ № «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1863 годъ въ
примѣчаніи къ статьѣ: «о первоначальномъ образованіи нашего народа»
выставленъ, какъ доказательство трудности образовать крестьянъ при
бывшемъ крѣпостномъ правѣ, фактъ, доказывающій отчасти, до какой
степени понятія крестьянъ извращены были крѣпостнымъ правомъ. Именно,
въ Полтавской губерніи замѣчено было: «послѣ обнародованія положенія

[1]) „Практич. защищ. противъ иностр.“ въ „Чт. общ.“, 160, 165—166.

19 февраля въ нѣкоторыхъ деревняхъ губерніи мальчики перестали собираться для ученья въ школы, заведенныя помѣщиками. Когда помѣщики захотѣли узнать, отъ чего это произошло, то оказалось, что отцы учениковъ и сами ученики считали обученіе грамотѣ за панщину и, получивъ волю, не считали нужнымъ уже и ходить въ помѣщичью школу». Такъ крѣпостное право даже отталкивало народъ отъ ученья, до такой степени самую мысль крестьянъ закабаляло игомъ крѣпостническаго ученья, или преподавало имъ такую тяжелую, отвратительную, убійственную дисциплину умственнаго рабства, что они бѣжали отъ крѣпостного ученья, какъ отъ барщины [1]). Наконецъ, крѣпостное право и въ самомъ дворянствѣ препятствовало здоровому развитію мысли, извращало его образъ мыслей, складъ понятій и все его міросозерцаніе, особенно соціальное, поселяло въ немъ боязливое недовѣріе и нетерпимость къ разуму, не дозволяло ему, въ качествѣ передового сословія, быть раціонально-мыслящимъ классомъ и смѣло идти путемъ строго-послѣдовательной, раціональной, логической мысли. Разумъ и свободная мысль были страшны для помѣщиковъ прошлаго времени, потому что послѣдніе логическіе выводы свободной мысли, послѣднія логическія рѣшенія разума представляли, между прочимъ, страшное для прежнихъ помѣщиковъ и рѣшительное отрицаніе такого аномальнаго, противо-разумнаго «скифскаго пука стрѣлъ», какъ крѣпостное право и т. п. Поэтому, когда, благодаря вліянію идей западнаго разума, со второй половины прошлаго столѣтія, и особенно въ первые годы царствованія императора Александра I-го, стала зараждаться идея освобожденія крестьянъ, наши помѣщики прошлаго времени съ злобой завопили противъ лжеименнаго разума. Они убоялись свободнаго развитія русской мысли и стали его отрицать: «Развѣ не видѣли мы, — восклицалъ одинъ помѣщикъ, опровергая книгу графа Стройновскаго «Объ условіяхъ съ крестьянами», — развѣ не видѣли мы царства разума во Франціи? Развѣ не подъ его владычествомъ ниспроверженъ престолъ и звѣрски истребленъ весь родъ сидѣвшаго на немъ, разрушена вѣра, законы, родство? Развѣ не во имя разума милліоны французовъ отреклись отъ сознанія Всевышняго, дѣти отъ признательности родителямъ, а сіи отъ вѣчной обязанности противъ нихъ, расторглись всѣ связи общежитія, пали всѣ узы, соединяющія людей... Все сіе было и происходило въ глазахъ нашихъ. Кто осмѣлится сказать: нѣтъ!» [2]) Графъ Растопчинъ въ такихъ же замѣчаніяхъ своихъ на книгу Стройновскаго, нападалъ на «вольность», на Руссо, на французскую революцію и, излагая свою мудрую философію крѣпостного права, писалъ: «такъ какъ есть во всѣхъ сословіяхъ много людей, кои ослѣпляются ложнымъ блескомъ, не имѣютъ довольно силы въ разсудкѣ, или не хотятъ имъ дѣйствовать отъ лѣни и отъ непривычки, то я и намѣренъ представить имъ истину, извлекши ее изъ точнаго положенія сословій въ Россіи. Но для тѣхъ, кои выпускаютъ Россію изъ головы ихъ, какъ Юпитеръ Минерву, кои, уничтожая въ ум-

---

[1]) Очерки, 1863 г. № 43.
[2]) „Чт. общ.“ 1860. кн. 2, отд. V, стр. 196.

ствованіяхъ старый свѣтъ и сотворя новый, — устроеваютъ въ немъ благосостояніе рода человѣческаго и видятъ предъ собою всякую минуту предбудущаго вѣка, для мудрецовъ, хотя они будутъ писать, говорить, или представлять мнѣ ихъ системы въ китайскихъ тѣняхъ, или въ фантасмагоріи, я и глухъ, и нѣмъ, и слѣпъ» [1]). Украинскій помѣщикъ, Каразинъ, въ мнѣніи своемъ объ указѣ 23 мая 1816 года, возставалъ противъ «репрезентаціи народа», трактуя о «началѣ монархіи разлитомъ во всей вселенной», — изображая плачъ и бѣдствія крестьянъ въ случаѣ освобожденія ихъ и совѣтуя раздѣлить всю Россію «однимъ манифестомъ мудрости» на помѣщичьи губерніи и уѣзды, съ предоставленіемъ помѣщикамъ земской полиціи, также возстаетъ противъ философіи XVIII вѣка и взываетъ: «пора уже смотрѣть на вещи безпристрастно, глазами прямыми, а не въ стекла философіи XVIII вѣка» [2]). Подъ вліяніемъ такого отрицанія разума и свободнаго развитія мысли воспиталась не одна генерація помѣщичьихъ дѣтей.

II

Таковы были, въ общихъ чертахъ, главныя соціально-бытовыя, историко-педагогическія условія, подъ вліяніемъ которыхъ должна была развиваться народная и общественная мыслительность. Какъ византійская педагогика и доктрина, такъ и государственная народообразовательная система не имѣли своей задачей собственно развитіе и изощреніе интелектуальныхъ, мыслительныхъ способностей народа и всеобщей самодѣятельности мышленія. Главная задача и дѣятельность ихъ состояла въ регулированіи, въ направленіи народной и общественной мысли, въ сообщеніи своего тона и направленія народному умонастроенію и міросозерцанію. Поэтому, всеобщая самодѣятельность мышленія и умственныя, мыслительныя способности народа не могли развиваться и не развивались ни подъ вліяніемъ византійской педагогической доктрины, ни подъ руководствомъ государственной, народообразовательной системы. Вслѣдствіе этого понятно, почему у насъ не было такого предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія и изощренія теоретической народной мыслительности, какое было на западѣ до XV вѣка, почему у насъ вплоть до Петра Великаго не развивалась генерація раціонально-мыслящаго класса, не образовалась эта школа свободныхъ мыслителей (école de libres penseurs), которая на западѣ была предтечей геніевъ естествоиспытанія — Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона и т. д., и почему, наконецъ, у насъ рабочій народъ, преобладавшій надъ интеллектуальнымъ классомъ, не имѣвшій во главѣ своей умственной жизни мыслящаго класса, несмотря на всю свою естественную, непосредственно-чувственную наклонность къ естественно-научному сенсуализму и реализму, самъ не могъ доработаться и додуматься до ра-

[1]) Ibid., 207.
[2]) Ibid., 225.

ціонально-теоретическаго, естественно-научнаго реализма и міросозерцанія. Вообще, слѣдствія этого характеристическаго факта нашей умственной исторіи—вѣкового отсутствія предварительнаго развитія мыслящаго класса и изощренія умственныхъ. мыслительныхъ способностей народа посредствомъ всеобщей, теоретической самодѣятельности мышленія — въ высшей степени важны, существенны и доселѣ еще слишкомъ ощутительны въ нашей народной и общественной умственной жизни. Поэтому, мы теперь обратимъ вниманіе хотя на нѣкоторыя изъ этихъ слѣдствій.

Вопервыхъ, вслѣдствіе вѣкового отсутствія предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія и изощренія мыслительныхъ способностей русскаго народа посредствомъ всеобщей самодѣятельности мышленія, при неблагопріятныхъ для развитія мысли историко-педагогическихъ условіяхъ, низшія познавательныя способности — внѣшнія чувства и память—долго попрежнему преобладали надъ теоретическимъ разумомъ и мышленіемъ и въ эпоху введенія европейскихъ наукъ въ Россіи. Послѣ тысячелѣтняго періода первобытнаго преобладанія непосредственно-натуральной познавательной дѣятельности низшихъ интеллектуальныхъ способностей—внѣшнихъ чувствъ и памяти—надъ всеобщей самодѣятельностью мышленія, разсудка,—Петръ Великій, первый въ Россіи геній разума, мысли, сталъ вводить умственную жизнь русскаго народа въ періодъ высшей, разсудочной, логической работы, въ періодъ раціональной теоретической мыслительности. Корбъ такъ изобразилъ эту энергическую рѣшимость Петра Великаго возбудить въ русскомъ народѣ умственную, мыслительную дѣятельность: «заскорузлые въ нелѣпыхъ старинныхъ понятіяхъ бояре говорили: московитяне къ научнымъ занятіямъ не способны, и потому расходы на сей предметъ окажутся совершенно безполезными; вы только изнурите понапрасну и себя и своихъ подданныхъ».— «По вашему мнѣнію,—отвѣчалъ имъ на это Петръ,—мы родились отъ природы менѣе счастливо, чѣмъ другіе народы; Богъ, по вашему сужденію, далъ намъ душу ни къ чему не способную! Между тѣмъ, какъ у насъ такія же руки, глаза и тѣлесныя способности, какъ и у людей другихъ народовъ, которымъ даны они для развитія ума; почему же мы только выродки человѣческаго рода и должны имѣть умъ неразвитый? Почему же мы только одни недостойны науки, облагораживающей всѣхъ прочихъ людей? Нѣтъ, такой же умъ и у насъ, мы также будемъ успѣвать какъ и другіе, ежели только захотимъ. Всѣмъ людямъ природа одинаково дала начала и сѣмена добродѣтелей, всѣмъ предназначено ими пользоваться, и какъ только кто возбудитъ въ людяхъ эти сѣмена и начала, то всѣ хорошія качества души вполнѣ пробуждаются» [1]). И вотъ, Петру Великому принадлежитъ великая иниціатива возбужденія разума, раціональной, научно-теоретической, разсудочной мыслительности русскаго народа. Въ геніѣ самого Петра, въ раціонализмѣ его умственно-преобразовательныхъ идей, впервые зародился эмбріонъ раціональной, теоретической русской мысли, и потомъ, путемъ генеративно-послѣдовательнаго развитія, унаслѣ-

---

[1]) „Дневникъ Іоанна Георга Корба“ 1698—1699 г. Москва 1868.

вался и выражался такими зачатками научно-раціональной теоретиче-
й мысли, какъ наприм. мысль Ѳеофана Прокоповича, Кантеміра, Ломо-
ова, Татищева, первыхъ лучшихъ рускихъ профессоровъ московскаго
іверситета и т. д.

Но само собою понятно, что въ массѣ русскаго народа и общества, лѣ изстариннаго, тысячелѣтняго, генеративно-послѣдовательнаго воспитанія и господства однихъ низшихъ, сенсуальныхъ познавательныхъ особностей, при неблагопріятныхъ для развитія мысли историко-педагогическихъ условіяхъ, не вдругъ могла зародиться высшая, теоретическая мыслительность, высшая, сложнѣйшая логическая работа мышленія, толѣ не развившаяся генеративно-послѣдовательно. Именно, это изстаринное, тысячелѣтнее воспитаніе, упражненіе и господство низшихъ, сенсуальныхъ умственныхъ способностей и было, въ свою очередь, первою, щественною причиною медленнаго и ограниченнаго развитія раціональной, теоретической мыслительности русскаго народа. Византійская система ученія и воспитанія, своимъ абсолютнымъ догматизмомъ, не допускавшимъ разсудочнаго мышленія и сужденія, своею чувственно-образною, внѣшне-обрядовою педагогикой и чисто меморіальной доктриной вѣчнаго преданія, поддерживала и укореняла въ народѣ господство внѣшнихъ чувствъ и памяти надъ разумомъ и разсудочною мыслительностью. Вслѣдствіе этого, лишь только зародился отъ генія Петра Великаго самый первый и самый слабый эмбріологическій зачатокъ пытливой раціональной мысли, онъ тотчасъ же вскружилъ и возмутилъ всѣ немыслящія или, по выраженію Петра, безразсудныя дурацкія головы, воспитанныя первобытнымъ грубымъ сенсуализмомъ и восточно-византійскою чувственно-образностью. По свидѣтельству Кантеміра, одни, вродѣ Критона, стоя за твердую память византійскаго преданія вѣры и догматическаго отрицанія мысли, «съ чотками въ рукахъ ворчали—вздыхали, что появилась въ Россіи какая-то пытливая мысль», что «теперь толкуютъ, разсуждаютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину, мало подая вѣры священному чину»: а другіе, вродѣ Сильвана, твердили, что «доводомъ рѣчь утвердить подлыхъ есть дѣло», что «съ ума сошелъ, кто испытываетъ, чтобы строй міра и вещей вѣдать перемѣну или причину», и кто изучаетъ химію, астрономію, физику, алгебру, геометрію, металлургію, медицину и философію; а третьи, вродѣ Луки-пьяницы, стояли за все то, что «всѣ тяжкія мысли убиваетъ», т. е. что избавляетъ отъ всякаго головоломнаго напряженія мышленія или глубокомыслія [1]). Всѣ «хулители» научно-пытливой, разсудочной мысли стояли за старый непосредственно-житейскій, поверхностно-чувственный опытъ, говорили, что внѣшнія чувства и память, въ теченіе жизни, научаютъ человѣка всему нужному и что ему вовсе не нужно ломать голову надъ изысканіемъ причинъ и сущности вещей, не нужно никакихъ теоретическихъ изслѣдованій, никакихъ наукъ. Канте-

[1]) Сатира „на хулящихъ ученіе“ или „къ уму моему“. См. также сатиру „на зависть дворянъ“.

міръ въ «посланіи къ князю Трубецкому», по этому поводу, долженъ былъ доказывать, что человѣкъ становится умнѣе не отъ числа прожитыхъ лѣтъ, слѣдов. не отъ числа отдѣльно запомянутыхъ чувственныхъ впечатлѣній, но отъ умственнаго накопленія и логическаго осмысленія разсудочныхъ выводовъ изъ чувственныхъ данныхъ природы и жизни, слѣдов. отъ развитія мысли,—что поверхностно-чувственный житейскій опытъ, или эмпиризмъ жизни, обогащаетъ насъ только поверхностною опытностью и то въ позднюю пору, а наука дѣлаетъ насъ искусными и въ молодости,—что старые, но неученые люди знаютъ только предметы и явленія, а ученые, хотя и молодые, понимаютъ причины явленій и сущность предметовъ[1]). Ломоносовъ тоже кругомъ въ умственной жизни русскаго народа видѣлъ преобладаніе стараго верхоглядно-чувственнаго и потому безсмысленно-суевѣрнаго смотрѣнія и слушанія внѣшнихъ явленій и звуковъ природы и крайнюю неразвитость умственнаго, глубокомысленнаго всматриванья въ сущность вещей. Потому онъ, какъ увидимъ дальше, усиленно доказывалъ, съ одной стороны, крайнюю недостаточность этого стараго, до-петровскаго безсмысленнаго смотрѣнія на внѣшность вещей, съ другой—необходимость умственнаго, естество-испытательнаго углубленія въ самую сущность и причины вещей и явленій, необходимость логическихъ выводовъ изъ чувственныхъ опытовъ и наблюденій «теоріи» или «мысленныхъ физическихъ предложеній». Органу зрѣнія, не вспомоществуемому мышленіемъ, какъ малосильному органу одного поверхностнаго созерцанія внѣшности вещей, Ломоносовъ противопоставлялъ зрѣніе разсужденія, око остроумія и физическія очи математики[2]). Какъ внѣшнія чувства, такъ и память зрительная, осязательная и особенно слуховая также еще преобладала надъ разсудочною мыслительностью. Потому-то твердая и упорная память старины представляла при Петрѣ Великомъ и послѣ его смерти главную умственную оппозицію противъ европейской раціональной, разсудочной мыслительности. Память, и именно память старины выразилась въ этой боярской партіи старины первой половины XVIII вѣка, которую иностранцы называли partie de vieux[3]). Преобладеніе памяти надъ разсудкомъ выразилось и въ упорно-оппозиціонной раскольничьей памяти старины, или какъ выражался Петръ, въ «безразсудномъ, дурацкомъ расколѣ». Потому же, у старообрядческихъ писателей и доселѣ высшимъ талантомъ признается «память важная, твердая» и пр. Извѣстный библіографъ или историкъ старообрядческій Павелъ Любопытный, составившій «библіотеку старовѣрческой церкви» или «библіографію 936 сочиненій 43 старообрядческихъ писателей» и «историческій словарь старовѣрческой церкви» (1828) съ характеристикой авторскихъ достоинствъ 86 писателей,—о большей части своихъ писателей отзывался такъ: «памяти важной, памяти крѣпкой,

[1]) Галахова „Истор. русск. литерат.“, 323.

[2]) Сочин. Ломоносова. Спб. 1803, ч. III. стр. 1—5, 9—11, 18, 147—148 и мн. др.

[3]) „Cour de la Russie“. Также записки Рондо, де-Лиріи.

памяти рѣдкой, памяти хорошей, строгій блюститель суевѣрныхъ преданій, великій любитель благочестивыхъ предметовъ древности и оныхъ рѣдкій снискатель, рѣдкій собиратель священныхъ предметовъ древности и предковъ своихъ твореній, соборовъ и мышленій догматизма и обычаевъ, отличный собиратель и хранитель предковъ своихъ догматовъ и церковныхъ ихъ мышленій» и т. п. [1]). При такомъ преобладаніи внѣшнихъ чувствъ и памяти надъ разсудкомъ, понятно что разсудочная, раціонально-теоретическая интеллигенція и мыслительность еще не могла легко и быстро возбудиться въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи. Какъ ни заботился Петръ Великій о развитіи мыслящихъ, умныхъ головъ, о возбужденіи ума, мысли, и какъ ни твердили ученики его объ умѣ, вольными науками просвѣщенномъ, о мыслености и т. п.,—почти поголовно все первое послѣ-петровское поколѣніе, исключая немногихъ Θеофановъ Прокоповичей, Кантеміровъ, Ломоносовыхъ, Татищевыхъ, еще биткомъ набито было, по выраженію Петра Великаго и его учениковъ, «безразсудными дурацкими головами», слѣдовательно не мыслящими, тупыми въ наукѣ умами. По выраженію писателей XVIII вѣка, «дурачество и тупость, непонятливость или неудобность, непріятіе и невзятіе наукъ»—вотъ характеристическія умственныя черты наибольшей части перваго послѣ-петровскаго поколѣнія. Мыслительныя способности русскихъ людей еще дотого были не развиты, что они не способны были еще, путемъ высшихъ, сложнѣйшихъ рефлексовъ головного мозга, или абстрактно-логическимъ процессомъ чистаго мышленія, не способны были еще обработывать въ головахъ своихъ даннаго внѣшними чувствами запаса простыхъ, элементарно-конкретныхъ, или непосредственно-предметныхъ впечатлѣній. Поверхностно, безсмысленно они видѣли, слушали, осязали и ощущали разные предметы и явленія природы и жизни. Особенно, вслѣдствіе нововведеній и преобразованій Петра Великаго, они разомъ увидѣли, услышали и вообще всѣми чувствами воспринимали много новыхъ предметовъ, формъ и наглядныхъ образцовъ. Но, вслѣдствіе неразвитости чисто головного, разсудочнаго процесса абстрактно-логической переработки сообщаемыхъ чувствами и памятью впечталѣній, они не могли отчетливо и точно понимать всего того, что видѣли, слышали, осязали и ощущали, не могли, какъ говорится, переварить въ своихъ головахъ всего воспринятаго чувствами и сохраненнаго памятью конкретнаго матеріала. «Аще и видитъ, а подобенъ слѣпому, кто не ученъ и счета вести не умѣетъ»,—такъ справедливо отзывался о необразованномъ русскомъ человѣкѣ духовникъ царевича

---

[1]) „Чтен. общ. ист." 1864, кн. 3, отд. II, стр. 1—177. Вмѣстѣ съ памятью у раскольничьихъ мыслителей господствуетъ воображеніе. Тотъ же Павелъ Любопытный такъ характеризуетъ сочиненія нѣкоторыхъ старобрядч. писателей, наприм. Як. Васильева Халина: „слабая и на предразсудкѣ и воображеніи глупой черни основанная апологія, что Наполеонъ Бонапарте врагъ міра и бичъ Европы и пр.; слабое, буквализмомъ и воображеніемъ черни исполненное разсужденіе о употребленіи сахара, что оный христіанствомъ не долженъ быть употребляемъ въ кушаньяхъ". Ibid., 59.

Алексѣя Петровича въ письмѣ къ нему въ 1715 году [1]). Особенно маловоспріимчива и тупа была дѣтская интеллигенція и мысль перваго послѣпетровскаго поколѣнія къ европейскимъ наукамъ—математическимъ и другимъ. Нѣкоторые русскіе люди петровскаго времени, поэтому, даже отчаявались въ умственныхъ успѣхахъ русскаго народа и въ успѣхахъ интеллектуальной реформы Петра. «Напрасны,—говорили они Петру,—напрасны труды твои и издержки: головѣ и уму русскаго народа не доступны науки и знанія, московитяне не способны къ научнымъ занятіямъ» [2]). Въ школахъ цифирныхъ и математическихъ даже элементарныя науки не давались русскому уму. Учениковъ часто высылали изъ школъ назадъ, за неудобностью и непріятіемъ науки, какъ наприм. изъ казанской школы въ 1723 году. Въ новгородской школѣ, съ основанія ея до 1726 года, по извѣстію «Вѣдомостей», «несовершенно выучившихся наукамъ» было 21, а совершенно только 10 учениковъ. Изъ с.-петербургскаго александроневскаго училища, въ 1727 году, изъ 48 учениковъ 42 выбыли—«отстали отъ ученья за невзятіе науки и за скорбію». Изъ нижегородской школы, изъ 48 учениковъ за тупостью уволено было 11 [3]). Вслѣдствіе первоначальной непонятливости русскаго молодого поколѣнія, историкъ Миллеръ думалъ даже, что въ разночинцахъ русскихъ наука будто-бы приняться не можетъ, по причинѣ отсутствія у нихъ всякаго предварительнаго воспитанія [4]). Путешествуя за границей для изученія наукъ, люди перваго петровскаго поколѣнія, по преобладанію сенсуальной воспріимчивости надъ разсудочной силою мышленія, разныя манеры солдатскаго строя, танцевъ и фехтованья по наглядкѣ легко усвояли, «а къ математикѣ приходили—только безъ дѣла сидѣли, понеже учиться невозможно, языку не знали, и наука самая трудная, не принять было» [5]). По причинѣ преобладанія верхогляднаго сенсуализма надъ разсудочною силою пониманія и сужденія, за границей у русскихъ не умъ прежде всего увлекался науками, не мысль возбуждалась, не зарождались въ головѣ новыя идеи, а главнымъ образомъ внѣшнія чувства поражались блескомъ и внѣшностью предметовъ, и притомъ увлекались преимущественно предметами церковно-обрядовыми, которые и дома привыкли созерцать больше всего. «Путешественника занимали—говоритъ г. Пекарскій—всего болѣе предметы, относящіеся до разныхъ церковныхъ обрядовъ, чудесъ, одеждъ и пр.; онъ описывалъ охотно и съ большими подробностями все видѣнное въ костелахъ, даже какъ были одѣты церковно-служители, изъ какой матеріи было сшито ихъ платье, цвѣтъ ея, сколько разъ стрѣляли изъ пушекъ въ Пасху, количество чтецовъ евангелія за обѣдней, мѣщанъ, участвовавшихъ въ процессіи, свѣчъ, горѣвшихъ предъ иконами. При

[1]) См. дѣло царев. Алексѣя Петров. и переписку въ „Чтен. общ. истор.“.
[2]) Корбъ.
[3]) Пекарскаго „Наука и литер. при Петрѣ Вел.“ I, 112, 114, 115, 119.
[4]) „Истор. москов. универс.“, 127.
[5]) Пекар. I, 143, 150.

видѣ памятниковъ его болѣе интересовала внѣшность памятника, но не мысль, не событіе, которое подало поводъ къ его сооруженію» и пр. [1]).

До какой степени туго и медленно развивались разсудочныя, мыслительныя способности русскихъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, можно отчасти видѣть также изъ слѣдственнаго дѣла о совѣтникѣ академіи наукъ Шумахерѣ (1742—1743). Переводчикъ Горлицкій говорилъ: «въ прошеніи де написано, что науки не скоро въ народѣ расплодятся, то де Шумахеръ сдѣлалъ такъ, что въ 18 лѣтъ нѣтъ ни одного профессора изъ русскихъ. Да онъ же Шумахеръ выбранныхъ по указу изъ московскихъ училищъ учениковъ, что ни лучшихъ остроумныхъ богослововъ и философовъ пореклъ и порицаетъ негодными и непонятными. И Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что, дѣйствительно, россійскаго народа ученыхъ людей для науки никого не сыскалось, и присланные изъ Москвы ученики нѣкоторые къ наукамъ явились не способны, а которые явились способны, тѣ обращаются въ наукахъ». Горлицкій говорилъ: «по проэкту уставлено ежегодно тремъ публичнымъ ассамблеямъ быть, а Шумахеръ оныя ассамблеи сочинялъ, на которыхъ профессоры разныя изобрѣтенія (по анатоміи, философіи и прочимъ наукамъ) предлагали на чужихъ языкахъ, совершенно для чужестранныхъ, а русскимъ, слышащимъ безъ пользы, нужда была вонъ выходить». А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что русскіе ученые, бывшіе при академіи переводчики: Сатаровъ, Ильинскій и онъ, Горлицкій, никакихъ изобрѣтеній на русскомъ языкѣ показать, изъяснить и истолковать не могли, да и во всю ихъ бытность ничего профессорамъ отъ нихъ никогда предложено не было, и онъ, Горлицкій, самъ о себѣ объявилъ, что онъ философію зналъ, только некако позабылъ... Бывшіе президенты и онъ, Шумахеръ, всячески старались чтобы сыскать русскихъ ученыхъ, которые бы могли учениковъ обучать и науки въ совершенство приводить, — токмо де и понынѣ сыскать не могли; и чтобы и другія науки отправлять могли русскіе, онъ не знаетъ, ибо и понынѣ сыскать никого было не можно и пр. [2]). Правда, нѣмецъ Шумахеръ, извѣстный недобросовѣстностью, старался обходить, притѣснять, забивать и вытѣснять изъ академіи молодыхъ русскихъ ученыхъ, и уже дѣйствительно чрезмѣрно унижалъ умственныя способности русскихъ. Но зато и Горлицкій, съ своей стороны, былъ чрезмѣрно пристрастенъ къ русскимъ, тогда какъ на дѣлѣ дѣйствительно тогда юная русская мысль, за весьма немногими исключеніями, оказывалась еще весьма незрѣлою и некомпетентною въ области науки.

Во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи разсудочная способность, теоретическая мыслительность представляется уже болѣе развитою, но тоже еще не много. Лучшими представителями ея въ это время являются

---

1) Пекар. I, 146.

2) Слѣдств. дѣло о совѣтникѣ академіи наукъ Шумахерѣ. „Чтен. общ. ист.“ 1860, кн. 3, отд. V, стр. 64—122.

нѣкоторые изъ первыхъ русскихъ профессоровъ московскаго университета, каковы напр. Поповскій, Барсовъ, Афонинъ, Карамышевъ, Зыбелинъ, Аничковъ, Антонскій и другіе, немногіе природные русскіе академики или причастники Академіи Наукъ, какъ Крашенинниковъ, Лепехинъ, Рычковъ, Озерецковскій. Нѣкоторые русскіе историки и публицисты, какъ Болтинъ, Щербатовъ, Бецкій, наконецъ—лучшіе литераторы, Екатерининскаго времени и начала XIX столѣтія—фон-Визинъ, Новиковъ до 1777 года, Радищевъ, Панинъ и нѣкоторые другіе. Хотя научная мыслительность русская еще далеко не развилась до самостоятельной выработки научныхъ теорій и новыхъ выводовъ, а еще вполнѣ рабски руководилась западными авторитетами и источниками, и сплошь и рядомъ была логически не послѣдовательна, противорѣчива, малосильна, въ теоретическомъ, философскомъ мышленіи мелка, но все-таки она, какъ увидимъ дальше, уже значительно усвоила научное направленіе, съ юной энергіей изощрялась въ раціонально-теоретическомъ научномъ мышленіи, все больше и больше обогащалась научнымъ содержаніемъ и научными силами, умѣла прилагать теоріи и выводы европейскихъ наукъ къ практическимъ потребностямъ русской жизни, стояла далеко выше народной и общественной предразсудочной мыслительности и энергично боролась съ общественными предразсудками и суевѣріями [1]. Литературная русская мыслительность тоже начинала заявлять себя въ возникшей въ это время журналистикѣ, и хотя до литературной критики еще далеко не доросла, но зато съ значительнымъ успѣхомъ развивалась въ здраво-разсудочной, сатирической критикѣ общественныхъ, умственныхъ и нравственныхъ недостатковъ [2]. Признаками зарожденія раціонально-теоретической, чисто-разсудочной мыслительности служатъ также возбудившаяся, хотя въ немногихъ умахъ второго послѣ-петровскаго поколѣнія, склонность къ идеямъ западной философіи XVIII вѣка, стремленіе къ обобщенію и уразумѣнію идей или теорій того или другого философа. Объ этомъ свидѣтельствуютъ переводы болѣе 60 сочиненій западныхъ мыслителей, въ томъ числѣ Бюффона, Гесснера, Кондильяка, а также извлеченія изъ сочиненій французскихъ философовъ, энциклопедистовъ или философскіе сборники, подъ названіемъ «духа» того или другого мыслителя, напр. «духъ Волтера», «духъ Гельвеція», «духъ Руссо» и пр. Глубокія идеи западной философіи возбудительно дѣйствовали на юную разсудочную, теоретическую мыслительность русской молодежи. Біографія Ушакова, написанная Радищевымъ (1789), даетъ понятіе о томъ, какъ сильно подѣйствовала книга Гельвеція «о разумѣ» на мысль русской молодежи, обучавшейся заграницей. Книгу эту прочитывали до трехъ разъ. Наконецъ о начинавшемся пробужденіи чисто-разсудочной, отвлеченно-тереотической мыслительности свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что русскіе моралисты второй половины XVIII вѣка, вродѣ

[1] „Истор. москов. унив.", 152—161, 185, 197—200 и др.

[2] А. Аѳанасьева „Русскіе сатирическіе журналы" 1769—1774, изд. 1859. Его же о журн. сатир. прошл. в. „Москов. Вѣдом." 1856, № 55. Журналовъ тогда выходило много. Напр. въ семилѣтіе 1769—1774 выходило до 16 сатирич. журналовъ, съ 1778 по 1800 г.—до 11 новыхъ журналовъ.

митр. Платона, а потомъ совратившагося въ мистицизмъ Новикова и другихъ, находили уже нужнымъ ограничивать излишнее развитіе теорій, наставникамъ юношества совѣтовали «подальше себя держать отъ ѳеоретическихъ мыслей, чтобы не заблудиться» [1]). И Хемницеръ (1737—1784) не даромъ написалъ свою басню «метафизикъ».

Но затѣмъ, въ огромномъ большинствѣ общества, даже того, которое начинало называться «образованнымъ», раціонально разсудочная, теоретическая сила мышленія еще почти нисколько не была развита, или если начинала возбуждаться, то проявлялась въ самыхъ незрѣлыхъ, даже уродливыхъ формахъ мышленія. Умственные недостатки перваго послѣ-петровскаго поколѣнія—дурачество, непріятіе и невзятіе наукъ, или непонятливость и тупость, во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи переродились, по выраженію тогдашнихъ сатирическихъ писателей, въ «недоумство», въ полупонятливость «крѣпколобовъ и недоумовъ», въ «непрямой разсудокъ» и въ «моду на умы». Послѣ того, какъ Петръ Великій и всѣ лучшіе, передовые умы перваго петровскаго поколѣнія постоянно твердили объ умныхъ головахъ, объ умѣ, вольными науками просвѣщенномъ, «къ уму» своему обращались съ сатирическимъ протестомъ противъ допетровскаго невѣжества и осмѣивали дурачество, дурацкія головы и все дурацкое,—послѣ того, во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи естественно возникла, по характеристическому выраженію фонъ-Визина, мода на умы. Къ тому же и на западѣ наши недоумы недоросли видѣли не одни парики и пудры, но и видѣли философовъ—Вольтера, Гельвеція, Руссо и т. д., которые трубили о господствѣ разума, издавали трактаты о разумѣ и цѣлые филолофскіе словари, подъ заглавіемъ: La Raison. И вотъ, и русскіе «недоумы» стали модничать умами, и французскій raison сталъ въ модѣ. Даже совѣтницамъ «Бригадира», которыя учили, «чтобы голова была наполнена ничѣмъ инымъ, кромѣ любезныхъ романовъ», даже имъ недоумы говорили новомодный комплиментъ: O! vouz avez raison! Явились по свидѣтельству Крылова, и свои философы по модѣ, которые «казались разумными, не имѣя ни капли разума» [2]). Явились свои «вольтерьянцы» по модѣ, которые, по словамъ Теплова, не были вовсе скептиками на самомъ дѣлѣ и вовсе не понимали Вольтера, «а только желали, чтобъ ихъ считали скептиками, ибо вмѣняли себѣ за стыдъ не быть одного мнѣнія съ Вольтеромъ» [3]). Такъ какъ самостоятельная разсудочная сила мышленія была не развита, то «недоумы» поневолѣ, по словамъ фон-Визина, «чужимъ умомъ пустыя головы набивали», и все-таки имѣли «не прямой разсудокъ», оставались «недоумами». При модѣ на умы, въ дѣйствительности разсудочныя, мыслительныя силы второго послѣ-петровскаго поколѣнія еще очень недалеки были отъ первоначальной непонятливости перваго послѣ-петровскаго поколѣнія. Большинство второго поколѣнія было еще «поколѣніемъ крѣпко-

[1]) Біограф. М. Платона. „Утренній Свѣтъ" Новикова 1777—1780.
[2]) Полн. собран. сочин. Крылова, т. I, 1847. Статья Крылова въ „Зрителѣ" 1792.
[3]) Фон-Визина „Чистосердечное признаніе", 523—524.

лобыхъ недоумовъ». Въ обществѣ множество было людей, которые, подобно Скотинину въ «Недорослѣ», крѣпкіе лбы Вавилъ Филалеичей, не разбивавшіеся и объ каменныя ворота, предпочитали мыслящимъ лбамъ ученыхъ. Стародумъ замѣчалъ, поэтому, что «Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы». Многіе изъ знатныхъ и многіе изъ среднихъ особъ, по словамъ «Живописца», не умѣли мыслить [1]). Вообще, разсудочная сила мышленія интеллигенціи, пониманія и во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи еще такъ была недоразвита и не самостоятельна, что умы русскіе, даже лучшіе, передовые, не могли, какъ слѣдовало, переварить, понять, усвоить и ассимилировать глубокихъ идей западной философіи и естествознанія XVIII вѣка. Отсюда и проистекло въ концѣ прошлаго столѣтія это печальное, патологическое явленіе въ нашей умственной исторіи—почти поголовный отказъ отъ идей натуральной философіи XVIII вѣка и погруженіе въ мистицизмъ даже такихъ, прежде разсудочно-мыслящихъ людей, какъ Новиковъ и его «Дружеское общество». «Помню,—писала Екатерина Великая,—что въ 1740 году головы, всего менѣе философскія, хотѣли быть философами; по крайней мѣрѣ въ такомъ случаѣ разсудокъ и общій смыслъ не теряли своей силы. Но сіи новыя заблужденія (иллюминатовъ и мартинистовъ) принудили у насъ сдурачиться такимъ людямъ, которые прежде сего не были дураками» [2]). И для мыслительности «сочинителей» глубокомысліе и полномысліе, по требованіямъ Екатерины Великой, составляли еще pia desideria [3]). О читателяхъ, слѣдовательно, нечего и говорить. Они, по словамъ Новикова, ничему не хотѣли учиться, за стыдъ почитали упражняться въ наукахъ и романы «Волшебныя сказки и тысячу одну ночь» покупали гораздо болѣе, чѣмъ сколько-нибудь серьезныя сочиненія [4]). Издатели болѣе серьезныхъ, ученолитературныхъ журналовъ, какъ напр. Миллеръ и Рейхель, поневолѣ должны были угождать большинству тѣхъ читателей, «которые не имѣли склонности къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ», и «для удовольствія и увеселенія» своихъ читателей должны были «выключать изъ своихъ журналовъ тѣ сочиненія, кои ради глубокаго ихъ смысла не всѣмъ ясны и вразумительны были» [5]). Наконецъ, многое множество русскихъ людей и вовсе не долюбливали «разума», «мысли» и не понимали самаго значенія этихъ понятій. Въ «Живописцѣ» Новикова съ характеристическимъ юморомъ изображено, какъ граждане россійскіе еще глумились надъ «разумомъ» и «музу разума» съ позоромъ и насмѣшками выгоняли изъ городовъ [6]). Да и самыя слова: мысль, разумъ, разсудокъ, разсужденіе» и т. п. для большинства общества были еще почти совершенно

---

1) „Живописецъ", 1772—1773. изд. 7, стр. 116, 120.

2) Письмо къ Циммерману, 1787 г.

3) Ком. „Были и Небылицы".

4) „Живописецъ" 1772—1773. 32—33.

5) Предувѣдомлен. къ „Ежемѣсячн. сочиненіямъ", 1755 г. „Собраніе лучшихъ сочиненій"—журн. Рейхеля 1762 г.

6) „Живописецъ", 1772—1773, стр. 170—171.

новыми и непонятными выраженіями. Не даромъ фон-Визинъ счелъ нужнымъ въ «Опытѣ Сословника» опредѣлить и объяснить всѣ эти слова: «разсудокъ, разумъ, разумѣніе, мысль, понятіе, мнѣніе, разсужденіе, смыслъ, чувство, чувствительность и т. п.» [1]).

И могло ли съ большимъ успѣхомъ развиться мышленіе второго послѣ-петровскаго поколѣнія, когда и въ немъ старый, до-петровскій поверхностный сенсуализмъ еще значительно преобладалъ надъ теоретическою разсудочною мыслительностью. Нѣкоторые русскіе мыслители второй половины XVIII вѣка, какъ увидимъ дальше, даже отрицали усиленное умственное углубленіе въ познаніе природы посредствомъ усовершенствованныхъ экспериментальныхъ способовъ естествоиспытанія и считали вполнѣ достаточнымъ одного до-петровскаго, поверхностно-чувственнаго созерцанія природы. «Чтобы созерцать природу,—говорилъ напр. Нѣвзоровъ,—для сего не нужны великихъ издержекъ стоящія лабораторіи и пышные химическіе снаряды. Иди безъ всего смотрѣть на природу» [2]). Барыни, по словамъ «Живописца» Новикова, съ полнымъ самодовольствомъ убѣждены были, что «очи имъ даны обозрѣвать преизящные предметы», а не углубляться въ познаніе какой-нибудь земли, и хвастались, что убивали въ молодыхъ людяхъ всякую склонность къ размышленію, къ задумчивости. Одна барыня съ торжествующимъ восторгомъ пишетъ къ «Живописцу»: «кто выгоняетъ изъ молодыхъ людей задумчивость? Мы женщины» [3]). Вообще, и во второй половинѣ XVIII вѣка еще такъ сильно господствовало «излишнее упованіе на внѣшнія чувства», не осмысливаемое и не руководимое критикою разсудка и, вслѣдствіе того, пораждавшее разныя ложныя понятія, что нѣкоторые профессора московскаго университета должны были говорить публичныя рѣчи: о превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія, возлагаемаго на чувства» [4]). Вслѣдствіе вѣкового застоя теоретическаго интеллекта и господства внѣшнихъ чувствъ надъ дѣятельностью разсудка, грубый, пошлый сенсуализмъ преобладалъ въ обществѣ надъ разсудочными мотивами жизни и дѣятельности, надъ раціональностью понятій и дѣйствій. Поэтому, и нравственно-воспитательная система второй половины XVIII вѣка должна была обращать особенное вниманіе на воспитаніе внѣшнихъ чувствъ, на направленіе чувственной воспріимчивости, такъ какъ неразвитая сила разума оказывалась недостаточною для критическаго воспринятія и обсужденія впечатлѣній слуха и зрѣнія. Бецкій постоянно твердилъ: «зная, что не все то до сердца доходитъ, что разумъ понимаетъ, должно удалять отъ слуха и зрѣнія все то, что хотя тѣнь порока имѣетъ. Направленія сердца и разума къ добродѣтели—говорилъ онъ въ уставѣ коммерческаго училища—не инако достигнуть можно, какъ во всю бытность учениковъ въ училищѣ никогда не дать такого случая

1) Сочиненія фон-Визина, I, 659—662.
2) Галахова „Истор. рус. литер.“, I. 569—570.
3) „Живописецъ“ 70, 290.
4) „Истор. москов. унив.“, 245.

ни видѣть, ни слышать, что бы могло производить худыя впечатлѣнія» [1]). Такъ, послѣ вѣковой до-петровской школы грубаго, непосредственно-чувственнаго, сенсуальнаго воспитанія въ области природы, въ сферѣ физической работы и въ сферѣ внѣшняго большею частію пошлаго житейскаго опыта,—«до-петровскій сенсуализмъ, не осмысливаемый и не руководимый разумомъ, казался педагогамъ новаго времени даже вреднымъ для нравственнаго воспитанія «новой породы отцовъ и матерей». Точно также изощреніе памяти по-прежнему еще значительно преобладало надъ развитіемъ мышленія. Отцы внушали дѣтямъ изучать и помнить одну только старину и свято держаться ея». «Отецъ совѣтывалъ мнѣ,—говоритъ напр. кн. Шаховской,—чтиться всегда читать пристойныя моимъ лѣтамъ и обстоятельствамъ честныя и полезныя прежде бывшія дѣла, похвальную память о себѣ оставившія, и научить себя твердымъ духомъ по такимъ путямъ слѣдовать» [2]). Память, въ ущербъ мысли, изощрялась въ учебныхъ заведеніяхъ. Мышленіе до такой степени забивалось «выучиваньемъ уроковъ наизусть», что на самые простые вопросы ученики отвѣчали въ высшей степени безсмысленно. Этотъ способъ притупленія мышленія господствовалъ долго и послѣ. «Въ большой части училищъ, — доносили визитаторы,—учители стараются только о томъ, чтобы ученики выучивали наизусть, не заботясь о томъ, понимаютъ ли то, что учатъ, отчего выходило, что на вопросы, дѣлаемые ученикамъ съ намѣреніемъ узнать, понимаютъ ли то, что безостановочно отвѣчаютъ, давали они отвѣты, доказывающіе, что они точно то не понимаютъ, напр. на вопросъ ученику: что есть Азія? отвѣчаютъ въ однихъ мѣстахъ, что Азія есть растеніе, а въ другихъ, что Азія есть страна; на вопросъ же, какая страна — правая или лѣвая, отвѣчаютъ: лѣвая» [3]). И не въ ученикахъ только, но и въ ученыхъ исключительное упражненіе памяти забивало разсудокъ и мышленіе. «Тогда ученый,—говоритъ Бецкій,—надѣясь не столько на здравый разсудокъ, сколько на свою память, все знаетъ, что другіе думали, а самъ ничего не умѣетъ мыслить. Многоученіе, наполняя память мелочами, лишаетъ умъ природной силы» [4]). Вслѣдствіе преобладающаго воспитанія памяти, нерѣдко и въ государственныхъ сановникахъ регистральная память бумагъ входящихъ и исходящихъ преобладала надъ разсудочною раціональностью распоряженій и надъ административною мудростью. Нѣкоторые графы, по словамъ графа Ѳ. Растопчина, чрезвычайно удивляли своею памятью, въ силу которой они не только по надписямъ узнавали, откуда пакеты, но и писавшихъ называли по имени [5]). Дашковъ, въ бесѣдѣ любителей словесности, наукъ и художествъ 14 марта 1812 года, говорилъ о трудахъ графа Д. Н. Хвостова: «Труды его необъятны: единый взоръ на нихъ утомляетъ память и воображеніе». Какія интеллектуальныя способности больше

[1]) Предварит. изъясн. къ учрежд. воспит. у.. XII—XIII. Планъ коммерч. воспит. училища, сост. Бецкимъ 1772 г.

[2]) Записки", изд. въ 2 ч. въ 1810—1821.

[3]) „Журн. мин. нар. просвѣщ.", CXXI, отд. III, стр. 15.

[4]) Собран. предпис. и учрежд. т. I, предв. объясн. XIX.

[5]) „Чтен. общ. ист." 1860 г. кн. 3, отд. V, стр. 163.

дѣйствовали, тѣ больше и утомлялись [1]). У іерарховъ преобладаніе памяти церковно-исторической старины и преданія надъ новѣйшимъ научнымъ мышленіемъ и знаніемъ порождало особенную любовь и привязанность къ древне-церковной старинѣ. Одинъ русскій церковный историкъ XVIII вѣка, оканчивая свою исторію концомъ XVII столѣтія, заключилъ: «яко старикъ остаюсь при старыхъ дѣлахъ, а новое предоставляю новымъ» [2]). И въ литературѣ, въ то время, какъ весьма немногіе, подобно Радищеву, отбросивши всякую память старины, «умственнымъ глазомъ» заглядывали впередъ, пророчествовали о будущей свободѣ,—въ то время многіе писатели, какъ кн. Щербатовъ, Болтинъ, Сумароковъ и другіе, вслѣдствіе преобладанія исторической традиціи памяти надъ новыми идеями разума и новымъ, самостоятельнымъ мышленіемъ, съ старовѣрскимъ сочувствіемъ воспоминали о «простотѣ нравовъ и чистотѣ сердецъ» до-петровской древности.

Наконецъ, не столько еще и въ третьемъ, сколько уже въ новѣйшемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи мышленіе наиболѣе развитыхъ, передовыхъ русскихъ умовъ, несмотря на сильное стѣсненіе господствовавшей въ это время реакціи, стало понемногу заявлять себя самостоятельными научными изслѣдованіями и въ западной Европѣ. Тогда какъ во второмъ послѣпетровскомъ поколѣніи русскіе ученые мыслители еще не составляли своихъ научныхъ руководствъ, не представляли своихъ, самостоятельныхъ научныхъ работъ и изслѣдованій и вообще не было еще самостоятельныхъ русскихъ изслѣдователей въ области наукъ,—въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, какъ увидимъ дальше подробнѣе, уже почти половина профессоровъ напр. московскаго университета составляли свои руководства и книги по разнымъ наукамъ [3]), и являлись уже, хотя еще рѣдко, замѣчательные русскіе ученые мыслители-изслѣдователи, каковы напр. были: Румовскій, Осиповскій, Перевощиковъ, Щуровскій, и особенно Остроградскій, Сомовъ, Пироговъ, въ области историческихъ изслѣдованій—Грановскій, Кудрявцевъ, а въ новѣйшемъ поколѣніи такіе замѣчательные изслѣдователи-естествоиспытатели, какъ Сѣченовъ, Менделѣевъ, Овсянниковъ, Чебышевъ, Бекетовъ, Симоновъ, Зининъ, Бутлеровъ и другіе. Въ литературѣ мышленіе тоже подвинулось нѣсколько впередъ. Въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи Карамзинъ, а въ новѣйшемъ поколѣніи—Бѣлинскій и Чернышевскій образуютъ два отличительные періода въ нашемъ литературномъ мышленіи. Вообще разсудочное направленіе въ литературѣ представляется уже гораздо болѣе развитымъ, чѣмъ въ литературѣ

---

[1]) Рѣчь Дашкова въ „Чтен. общ.“, 183—186.

[2]) „Росс. церков. истор.“ митроп. Платона.

[3]) Въ періодъ времени съ 1801 по 1806 г. вышло: по словесности 125 оригинальныхъ сочиненій при 80 переводныхъ, кромѣ романовъ, по естественнымъ наукамъ 14 оригинальныхъ сочиненій при 19 переводныхъ, по математикѣ 19 оригин. при 13 переводныхъ, по медицинѣ 24 оригинальныхъ при 28 переводныхъ (Шторхъ). Изъ 210 сочиненій, вышедшихъ изъ типографіи харьковскаго университета съ 1805 по 1815 годъ, 90 сочиненій принадлежатъ профессорамъ и 16 студентамъ („Журн. м. н. просв.“ 1865, окт. стр. 119—120).

предъидущаго поколѣнія. Это замѣчали уже и западные писатели. Напр. Эрманъ въ 1828 г. писалъ: «въ Россіи вообще, въ образованномъ классѣ, разсудочное сужденіе (verständiges Urtheil) преобладаетъ надъ выраженіемъ чувства, и преимущественно обнаруживается въ особенной склонности и любви къ математическимъ знаніямъ. И въ новѣйшихъ произведеніяхъ русской поэзіи очень замѣчательно обнаруживается также это преобладающее разсудочное направленіе (verständige Richtung). Въ литературѣ русской мало склонности къ романтизму, также какъ недостаетъ и чисто оригинальныхъ произведеній (романтическихъ), между тѣмъ какъ являются дѣйствительно замѣчательные таланты преимущественно къ исторической, эпиграмматической поэзіи, и пользуются всеобщимъ сочувствіемъ. Таковы сочиненія Пушкина, имѣющія цѣлью изобразить народный характеръ въ разныхъ его типахъ и отличающіяся вѣрнымъ пониманіемъ и остроумнымъ сужденіемъ, и особенно чрезвычайно оборотливымъ и легкимъ выраженіемъ. Еще болѣе замѣчательнымъ кажется намъ драматическое произведеніе: «Горе отъ ума», въ которомъ Грибоѣдовъ съ большимъ талантомъ понялъ существующія отношенія и жизненныя воззрѣнія образованнаго класса въ Россіи и, параллелизируя ихъ съ господствующимъ классомъ въ Европѣ, очень умно представилъ ихъ» [1]. Въ новѣйшее время прежнее, болѣе идеалистически-разсудочное развитіе русской литературы, благодаря иниціативѣ реальной критики Бѣлинскаго и потомъ особенно новѣйшей реальной и естествоиспытательной мысли, стало принимать болѣе реально-разсудочное направленіе.

Въ большинствѣ же такъ-называемаго образованнаго общества разсудочная сила мышленія или раціонально-теоретическая мыслительность все-таки представляется еще весьма мало развитою и въ третьемъ и даже послѣднемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи. Полупонятливость, недоумство и мода на умы второго послѣ-петровскаго поколѣнія въ большинствѣ третьяго послѣ-петровскаго поколѣнія переродились въ роскошь полузнаній, въ стремленіе къ познаніямъ легкимъ и поверхностнымъ, въ равнодушіе къ строгому непрерывному умственному упражненію и труду и т. п. Комитетъ устройства училищъ 1828 года такъ характеризовалъ степень развитія и энергіи мышленія въ молодомъ поколѣніи первой четверти XIX столѣтія: «два главные недостатка давно уже были замѣчены въ воспитаніи нашего юношества: 1) поверхностное обученіе многихъ предметовъ вмѣстѣ или, какъ сіе изображено въ манифестѣ 13 іюля 1826 года, роскошь полузнаній, и 2) склонность заниматься предметами легкими и нѣкоторый родъ отвращенія или равнодушія къ занятіямъ, коихъ пріобрѣтеніе предполагаетъ навыкъ къ труду и строгое непрерывное упражненіе. Отсюда—отвращеніе отъ труда, стремленіе къ познаніямъ легкимъ и поверхностнымъ, и наконецъ праздность ума и бездѣйствіе душевныхъ способностей» [2]. То же говорилъ Румовскій о молодомъ по-

---

[1] Erman, „Reise“, I, 89—90.

[2] Матер. для истор. гимназіи. „Ж. м. н. просв.“, ч. XXI, отд. II, стр. 156—157.

колѣніи, выходившемъ изъ казанскаго университета, «что многіе, не показавъ въ университетѣ успѣховъ и способностей, по выходѣ изъ университета совсѣмъ переставали напрягать силы разума своего и оставались на вѣкъ полуучеными»: «мы видимъ—прибавлялъ Румовскій—живой сему примѣръ въ россійскихъ стихотворцахъ» [1]). Карамзинъ также высказывалъ жалобу, что и въ московскомъ университетѣ многіе воспитанники учились временно, мимоходомъ и рѣдко доучивались» [2]). И вообще въ университетахъ умственныя способности студентовъ оказывались мало подготовленными къ высшимъ наукамъ. Поэтому многіе изъ студентовъ первыхъ выпусковъ казанскаго университета продолжали учиться въ высшихъ классахъ гимназій, слушая въ то же время лекціи въ университетѣ. Въ харьковскомъ университетѣ вынуждены были учредить приготовительный курсъ, въ которомъ молодые люди предварительно подготовлялись къ слушанію высшихъ наукъ [3]). Наконецъ, о поверхностномъ научномъ развитіи мышленія прежняго поколѣнія свидѣтельствуетъ и стихъ Пушкина:

Мы всѣ учились по немногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь...

Развитіе или изощреніе памяти еще преобладало надъ развитіемъ разсудка, мышленія. Поэтому министръ народнаго просвѣщенія въ циркулярѣ 1810 года писалъ: «усмотрѣно, что во многихъ училищахъ учители стараются болѣе обременять, нежели изощрять память, и вмѣсто развитія разсудка постепеннымъ ходомъ, притупляютъ оный [4]). Преимущественное упражненіе и господство памяти, преобладавшее надъ живымъ и свободнымъ движеніемъ разума и надъ развитіемъ и дѣятельностью точнаго, реальнаго, естествоиспытательнаго мышленія, выражалось, между прочимъ, какъ увидимъ дальше, въ преобладаніи въ наукѣ и литературѣ археологіи, древней исторіи, палеографіи, вообще древностей славяно-россійскихъ, греческихъ, римскихъ и восточныхъ, а также въ развитіи славянофильства, которое есть ничто иное, какъ систематическая, ученая школа или партія памяти до-петровской московской старины, и ушедшая, по сознанію самихъ славянофиловъ, въ дѣлѣ наукъ извѣстныхъ остальной Европѣ не дальше знакомства съ азами» [5]). Послѣ этого не удивительно, что разсудочная сила мышленія или теоретическая мыслительность весьма мало была развита и въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи. Особенно выдающихся глубокомысленныхъ и даровитыхъ русскихъ мыслителей-изслѣдователей въ первой четверти XIX столѣтія почти вовсе не было, исключая весьма немногихъ лучшихъ профессоровъ универси-

[1]) „Ж. м. н. просв.“, 1865, X, 123.
[2]) „Вѣстн. Европы“, 1803, т. 8, стр. 317.
[3]) „Ж. м. н. пр.“, 1865, X, 67, 120.
[4]) Період. сочин. объ усп. народ. просвѣщ. 1811 г. № 28, стр. 559.
[5]) Безсоновъ въ предисл. къ сочиненію Юрія Крыжанича о московск. государствѣ XVII в., стр. IX.

тетовъ. Математикъ Осиповскій жаловался: «отличные таланты рѣдки, а пролазъ было множество» [1]). Карамзинъ тоже признавался, что въ Россіи мало авторскихъ талантовъ съ «логическимъ умомъ», и задумывался надъ этимъ фактомъ, стараясь отыскать причины его [2]). «У насъ—писалъ анонимный авторъ въ «Вѣстникѣ Европы»—такъ мало авторовъ, что не стоитъ и пугать ихъ критикой» [3]). Попечитель московскаго университета Муравьевъ, видя малоспособность молодыхъ русскихъ ученыхъ къ логическому развитію и изложенію своихъ мыслей и знаній, старался, такъ сказать, искусственно развить въ нихъ способность авторскаго мышленія и изложенія мыслей. «Весьма желательно,—говорилъ онъ,—чтобы молодые наши магистры и кандидаты заблаговременно пріучались къ сочиненію нужныхъ для ученія книгъ и чтобы упражненіемъ достигли они до нѣкоторой силы въ искусствѣ писанія. Съ симъ намѣреніемъ поручилъ я магистру Загорскому переводъ Монжевой представительной геометріи, Жукову Біотову геометрію, Николаеву Біотову астрономію, Воинову начала философическія Ньютона» и пр. [4]). При слабомъ развитіи теоретической мыслительности, преобладающее сенсуально-реалистическое умонастроеніе третьяго послѣ-петровскаго поколѣнія выражалось въ преимущественной наклонности къ практическимъ, реальнымъ наукамъ; а слабость, неразвитость теоретической мыслительности или разсудочной способности отвлеченнаго мышленія высказывалась въ малоспособности русскихъ умовъ къ философіи. «Вообще,—замѣчаетъ бывшій профессоръ харьковскаго университета Роммель въ воспоминаніяхъ своихъ за 1806—1815 годы,—высказывалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, зато пониманіе высшей философіи было имъ почти недоступно» [5]). Не даромъ, русская публика, по словамъ Мартынова, не любила «заглядывать въ философическія книги», «по недоразумѣнію» считая ихъ «невнятными» [6]). Если же въ болѣе развитыхъ, передовыхъ умахъ и возбуждалась теоретическая, философская мыслительность, то она еще была очень несамостоятельна и некритична. Таково напр. было философское размышленіе Карамзина, этого «Ливія, не подлежавшаго критикѣ», какъ называли исторіографа поклонники его таланта. Г. Лыжинъ, сопоставивши философскія мысли Карамзина, высказанныя въ его «Альбомѣ» и въ «Запискѣ о древней и новой Россіи», съ философскими идеями Канта и Руссо, пришелъ къ такому заключенію о мышленіи Карамзина, какъ практическаго философа: «Нельзя не остановить вниманіе на сходствѣ убѣжденій Карамзина, высказанныхъ словами Руссо и другихъ писателей, со взглядами Канта относительно добродѣтели, дружбы, монархическаго правленія». Сходство

---

[1]) Сухомлинова „Матер. для истор. просвѣщ.“ „Ж. м. н. п.“ 1865 окт., стр. 133.
[2]) „Вѣстн. Европы“.
[3]) „Вѣстн. Европы“, ч. 1, № 1.
[4]) „Истор. москов. унив.“, 348.
[5]) „Южный Сборникъ“, 1859. Одесса.
[6]) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1804—1805.

идей Карамзина съ идеями Канта убѣждаетъ насъ въ томъ, что Карамзинъ слѣдилъ за современнымъ ему развитіемъ философіи на западѣ, и издавна знакомый съ сочиненіями Руссо, онъ не могъ не остановить вниманія на ученіи мыслителя, значеніе котораго, какъ практическаго философа, заключается именно въ томъ, что онъ формулировалъ идеи Руссо, конечно отчасти видоизмѣнивъ ихъ... Лучшимъ доказательствомъ тому, что Карамзинъ не приписывалъ себѣ одному тѣхъ истинъ, которыя высказалъ въ «Запискѣ о древней и новой Россіи», служатъ его же слова: «Какое имѣю право судить о настоящемъ?—любовь къ отечеству, монарху, нѣкоторыя можетъ быть данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мною въ лѣтописяхъ міра и въ бесѣдахъ съ мужами великими, т. е. въ ихъ твореніяхъ» [1]. Философская мыслительность доморщенныхъ русскихъ философовъ такъ была не разборчива и не философична, что они видѣли философовъ напр. во Владимірѣ Мономахѣ, въ Сковородѣ и т. п. [2].

Коренная, внутренняя причина слабаго развитія разсудочной силы, мышленія и, особенно, самостоятельной теоретической, положительно-философской мыслительности заключалась опять въ томъ, что старый до-петровскій поверхностный сенсуализмъ еще и въ третьемъ послѣпетровскомъ поколѣніи значительно пересиливалъ теоретическую самодѣятельность мышленія. Молодое поколѣніе еще не могло одолѣвать своимъ незрѣлымъ и малосильнымъ мышленіемъ теоретическихъ научныхъ системъ и крайне нуждалось въ сенсуальной наглядности, осязательности и ощутительности. Поэтому, напримѣръ, мѣстные педагоги (въ 1830—1860 г.) замѣчали, что ученики гимназій не могли понимать и усвоять естественныхъ наукъ въ теоретической системѣ, и потому предлагали совѣтъ, чтобы естественныя науки преподавались не въ системѣ, а ходя по лѣсамъ и полямъ [3]. Воспитанники александро-невской академіи безъ вещественной наглядности не могли изучать новѣйшихъ языковъ, въ особенности нѣмецкаго, и потому сами изобрѣли домашній, практическій, сенсуально-наглядный способъ. «Всякую науку, не приспособленную къ практикѣ,—писали они въ 1807 г. къ м. Амвросію,—понимать трудно; то употребленіе языка надобно начать практически: 1) научить произносить окружающія насъ вещи, а чтобы легче запомнить названіе оныхъ, прилѣпить на каждую вещь карточку, напримѣръ, на кровати: Bett des Schülers NN и пр.; 2) но не всякая вещь случается въ камерѣ: то для сего сдѣлать табличку и перемѣнять на оной слова каждый день приспособительно къ обстоятельствамъ. Напримѣръ, въ воскресенье студенты ходятъ въ городъ: то на сіе слово и прибрать приличныя имена существительныя, прилагательныя, глаголы и пр.» [4]. Въ обществѣ также господствовалъ поверх-

[1] Г. Лыжина „Матер. для характерист. Карамзина, какъ практическаго философа". „Лѣтоп. рус. литер." 1859, кн. 3, стр. 1—12.

[2] „Исторія философіи" архим. Гавріила.

[3] „Ж. м. н. просвѣщ.", 1864, ч. CXXI, отд. III, стр. 48.

[4] Чистовича, „Истор. с.-петерб. дух. акад.", 115.

ностный сенсуализмъ. Публика созерцала звѣринцы, зоологическіе и ботаническіе сады и выставки, физическіе и минералогическіе кабинеты, еще больше того созерцала разные физическіе предметы и явленія въ натурѣ; но естественно-научно ихъ не понимала и не умѣла объяснить: мышленіемъ своимъ не углублялась въ сущность и значеніе естественныхъ предметовъ и явленій, нисколько не чувствовала стремленій и любознательности естествоиспытательной мысли. Точно также, общество постоянно видѣло разнообразныя аномаліи общественной жизни, постоянно слышало извѣстія о разныхъ вопіющихъ общественныхъ фактахъ, но осмыслить, понять, обсудить ихъ критически своимъ общественнымъ разумомъ не умѣло, потому что верхоглядный сенсуализмъ преобладалъ надъ неразвитой общественной логикой. Постоянно видѣло общество напр. повсемѣстное нераціональное состояніе сельскаго хозяйства, и часто слышало о неурожаяхъ и голодахъ во многихъ губерніяхъ; но понять и обсудить общественной интеллигенціей или логикой коренныя причины зла и придумать общественнымъ разумомъ радикальныя мѣры противъ него общество наше было не въ состояніи: оно даже вовсе и не помышляло, не задумывалось объ этомъ. И могло ли быть иначе, когда старый, до-петровскій верхоглядный сенсуализмъ еще сильно преобладалъ надъ общественной логикой, надъ анализирующею и обобщающею самодѣятельностью общественнаго мышленія. Внѣшнія, сенсуальныя впечатлѣнія и увлеченія какъ въ обществѣ, такъ, въ частности, въ молодомъ его поколѣніи пересиливали и заглушали высшія мыслительныя стремленія и интересы. Умственная жизнь, вообще, еще больше управлялась одними непосредственными впечатлѣніями внѣшнихъ чувствъ, безъ всякой критики, разсудочнаго анализа ихъ, чѣмъ глубокими мыслями, живыми идеями, логическими принципами разсудка. Графъ Северинъ-Потоцкій такъ изображалъ это преобладаніе въ молодомъ поколѣніи и въ обществѣ сенсуальныхъ увлеченій надъ разсудочными стремленіями научной мыслительности: «возьмемъ молодого человѣка отъ 16 до 18 лѣтъ наилучшихъ свойствъ и имѣющаго даже природную склонность къ ученію. Вначалѣ предается онъ ему съ жаромъ, но вскорѣ представляется множество предметовъ, могущихъ прохладить и разсѣять его. При дворѣ камеръ-юнкеры, такъ прекрасно одѣтые и провождающіе время среди толикихъ забавъ; въ гвардіи офицеры и унтеръ-офицеры, коихъ щеголеватые и ловкіе мундиры привлекаютъ молодыхъ дѣвушекъ къ окнамъ, когда они идутъ на вахтпарадъ. И въ какомъ бы онъ домѣ ни былъ, по случаю развѣ встрѣтить кого изъ своихъ профессоровъ, чрезвычайною скромностію только избѣгающаго отъ насмѣшекъ; но самъ онъ, конечно, не спасется отъ нихъ, если слово вздумаетъ сказать о томъ, чему онъ въ тотъ день учился изъ статистики, правъ, эстетики, или гигіены. Онъ будетъ слышать, что глупостію почитаютъ то ученое разсужденіе, надъ коимъ онъ столько ночей трудился: его назовутъ педантомъ, будутъ отъ него отворачиваться, чтобъ слушать празднолюбца, разсказывающаго о сегодняшней оперѣ, или вчерашнемъ балѣ. Въ смущеніи и горести, петербургскій нашъ студентъ возвратится домой скрыть свое уничиженіе. Пусть спросятъ всякаго, имѣю-

го нѣкоторое о воспитаніи свѣдѣніе, будетъ ли сей несчастный имѣть е и послѣ сего довольно духа, чтобы заниматься своими книгами и радями? Неужели обратитъ онъ мысль болѣе къ наукамъ, безъ коихъ ль легко обходятся и надъ коими издѣваются, нежели къ зрѣлищамъ аламъ, о коихъ можно говорить такъ много привлекательнаго? Найся ли, наконецъ, изъ 100 молодыхъ людей одинъ, коего прилежаніе ло бы противостоять, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сему рю?..» [1]). Отъ профессоровъ и учителей общество, особенно провинціаль-, требовало не умственныхъ талантовъ—глубины, силы и основатель-ти научнаго мышленія и изслѣдованія и т. п., а однихъ наружныхъ, ственно-привлекательныхъ качествъ, напримѣръ—пріятной для глазъ ужности и ловкости движеній, жестовъ, танцевъ, пріятнаго для слуха таго голоса и свободнаго изъясненія по-французски, а не провинціаль-о какого-нибудь разговора, шикарнаго выѣзда на хорошихъ экипажахъ ошадяхъ и т. п.; «впрочемъ же, — какъ представлялъ директоръ лищъ Саратовской губерніи,—не требуются глубокія, професрамъ приличныя свѣдѣнія». И всѣ эти сенсуалистическія треанія общества въ представленіяхъ и проектахъ директоровъ губернскихъ лищъ подвергались на обсужденіе въ совѣтѣ и въ правленіи универетовъ, а иногда восходили и въ другія инстанціи [2]). Вслѣдствіе преадающей потребности чувственныхъ ощущеній и впечатлѣній и неразости потребностей и стремленій мышленія,—чувственно-образныя, теальныя наклонности и пристрастія въ большинствѣ молодого поколѣнія ъ обществѣ преобладали надъ научными занятіями и впечатлѣніями сли. Поприщемъ для сенсуальныхъ увлеченій и разгула молодежи кновенно служили въ прежнее время театры. Студенты университетовъ ли больше восторженные поклонники сценическихъ талантовъ и теальныхъ представленій, чѣмъ европейскихъ геніевъ науки, новыхъ опейскихъ книгъ и научныхъ изслѣдованій и открытій [3]). Если въ моомъ поколѣніи сенсуализмъ театральныхъ увлеченій преобладалъ надъ іонализмомъ научнаго мышленія, то въ обществѣ театрально-туалетный суализмъ еще болѣе подавлялъ и заглушалъ потребность мысли. Изтная писательница г-жа Сталь, имѣвшая прекрасный случай изучить ербургское общество и оцѣнившая его съ тонкимъ тактомъ, свойственмъ умной женщинѣ, поражена была даже въ высшемъ русскомъ общеѣ «полнѣйшимъ отсутствіемъ умственныхъ интересовъ или литературхъ разговоровъ»: «Здѣсь считается—говоритъ она—за mauvais genre орить о какомъ-либо предметѣ умственныхъ занятій; всякій разговоръ емъ-либо, кромѣ нарядовъ, танцевъ, jolie tournure, счится педантствомъ» [4]). Кюстинъ говоритъ: «здѣсь принято за общее право, никто не долженъ говорить ни слова такого, которое могло бы живо

[1]) Мнѣніе объ учрежд. унив. въ С.-Петерб. „Чтен. Общ. Ист.“ 310—311.
[2]) Сухомлиновъ въ „Ж. м. н. просв.“ 1865 окт. 140—141.
[3]) Сухомлинова „Матер. для ист. просвѣщ. въ Россіи“, стр. 143.
[4]) „Lettr. Balt.“ II, p. 233.

заинтересовать другихъ: изъ всѣхъ умственныхъ способностей здѣсь уважаютъ только тактъ» [1]). Другой писатель, Коль, даже презрительно замѣчаетъ, что «въ Россіи немногіе заглядывали въ глубины науки» [2]). Вслѣдствіе такого отсутствія научно-мыслительныхъ интересовъ и «незаглядыванья въ глубины науки» сенсуальныя, зрительныя и слуховыя общественныя удовольствія, театральныя, музыкальныя, вообще сенсуально-эстетическія, каковы напримѣръ театры, разныя зрѣлища и цирки, концерты и музыкальныя утра и вечера, балы съ музыкой, блестящіе наряды, созерцаніе живыхъ картинъ, восковыхъ фигуръ, панорамъ, маневровъ войскъ, конскихъ скачекъ, разныхъ фокусниковъ и фигляровъ и пр.,— вотъ такія и подобныя, чисто сенсуальныя увлеченія составляли господствующій мотивъ и характеръ общественной мысли и жизни. И могло ли быть иначе, когда разсудочная способность пониманія публики была еще весьма мало развита. Не даромъ Пушкинъ называлъ русскую публику двадцатыхъ годовъ «дѣтскою публикою», которая, не понимая, «хлопала и хохотала, и даже «геній и труды» Гнѣдича считалъ «слишкомъ высокими для этой дѣтской публики» [3]). Каковы были понятія публики, такова была и журналистика. И въ журналистикѣ, особенно до 30-хъ и 40-хъ годовъ, сообразно съ вкусомъ публики, преобладали статьи о предметахъ, относящихся больше къ наслажденіямъ или удовольствіямъ внѣшнихъ чувствъ и къ упражненію памяти. Почти всѣ журналы 20-хъ и 30-хъ годовъ преимущественно наполнялись статьями и извѣстіями, развивавшими только вкусъ къ сенсуальнымъ увлеченіямъ общества и потомъ археологическую, военно-историческую и анекдотическую память. Раскроемъ напримѣръ «Отечественныя Записки» хоть за 8 или 9 лѣтъ, съ 1818 по 1825 годъ. Тутъ мы найдемъ, напримѣръ подъ рубрикой: С.-Петербургскія современныя лѣтописи за 1820 годъ, такія легонькія статейки и извѣстія: 1) увеселенія публики въ прошедшемъ великомъ посту; концерты филантропическаго общества, другіе концерты, живыя картины, бенефисы, панорамы, труппы балансеровъ и эквилибристовъ.

---

1) „Russie en 1839“, vol. I, p. 321. Эрманъ такъ характеризуетъ это чисто внѣшнее, сенсуально-форменное общественное образованіе въ Россіи 20-хъ годовъ: „Als einer mehr summarischen Schilderung fähig wäre daher hauptsächlich das zu erwähnen, was man unter geselliger Bildung zu verstehen gevohnt ist. Hier zeigt sich als charakteristisch für die nationellen Kreise der Gesellschaft ein mehr als gewöhnlicher Grad von Gewandtheit in den mannichfachen Verhältnissen des Umganges, ein sehr wichtiges und geübtes Gefühl für äussere Schicklichkeit“ и пр. „Reise“, I, 87.

2) Kohl, „Russie“, 1842, 142.

3) Въ 1822 г. Пушкинъ писалъ къ Гнѣдичу: „Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія русской публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего „Нерѣшительнаго“. Услыша стихъ: „И должно честь отдать, что нѣмцы акуратны“, я сказалъ ему: „вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ. А что тутъ остраго, смѣшного... Вы, коего геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете?“ и пр. („Соврем. Обозр.“ 1868 г. № 1: матеріалы для истор. литературы и общества, стр. 142).

ринецъ, восковыя фигуры, о игрѣ Фильда; 2) гулянье 1 мая и на
ицынъ день въ Екатерингофѣ, на Духовъ день и передъ Петро-
мъ постомъ въ лѣтнемъ саду, смотръ невѣстъ, семикъ въ ямской;
лотерея С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта; фехтованье — пред-
вленія г. Гризе [1]). Во второй части: маневры нашихъ войскъ;
. Каталани—цыганкѣ; пѣніе въ частныхъ домахъ и отзывъ ея о при-
рныхъ пѣвчихъ; о гуляньяхъ на Крестовскомъ островѣ въ воскресные
и, о современныхъ модахъ и пр. За 1821 годъ въ V-й части: религіозная
емонія хода на іордань въ Крещеніе; придворный балъ, встрѣча новаго
а у Д. Л. Нарышкина (и его собранія картинъ и драгоцѣнныхъ камней);
ъ П. А. Шувалова, вечера Куракиной, Голицыной и пословъ англій-
го и баварскаго; способъ играть на гитарѣ гармоническими звуками—
чественное изобрѣтеніе г. Акенова; масляница: горы, лубошные театры,
скій бѣгъ, маскерадъ, катанье, красный кабачекъ, и пр.; въ VI-й части:
бное гулянье на вербной недѣлѣ великаго поста: продажа вербъ, воско-
хъ херувимовъ; гулянье подъ качелями: новые виртуозы и новаго рода
селенія и зрѣлища; пѣвицы и музыканты; преполовеньевъ день: о
стномъ ходѣ въ петропавловской крѣпости; въ VII-й части: парадъ въ
рицыномъ лугу; линейное ученіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и т. п. [2]).
добныя же извѣстія и въ слѣдующихъ годахъ. Изрѣдка только къ нимъ
соединяются библіографическія извѣстія о новыхъ, впрочемъ пустыхъ
малопоучительныхъ книгахъ, еще рѣже — о дѣятельности ученыхъ
committee ществъ, объ опытахъ физическихъ и химическихъ и т. п. Изъ всѣхъ
 статей, помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1818—1825 г.,
21 статьи занимаются описаніемъ битвъ, сраженій, походовъ, вообще
нными экзерциціями и дѣлами, и только около 9 статей касаются
мышленности и политической экономіи, и 8 статей, большею частію
верхностныхъ, сенсуально-описательныхъ, посвящено естественно-науч-
мъ предметамъ, вродѣ описанія войны моржей съ сивучами въ нашихъ
ериканскихъ колоніяхъ, естественнаго описанія Бессарабской области
г. п. [3]). Затѣмъ остальныя статьи занимаются чисто сенсуальнымъ
зрѣніемъ и описаніемъ монастырей, соборовъ съ ихъ иконостасами, обра-
ми. ризами и пр., русской церковной музыки, константинопольскихъ
четей, памятниковъ благочестія Войска Донскаго, или состоятъ изъ
чей митрополитовъ и епископовъ, изъ анекдотовъ о солдатахъ, о карлахъ,
иканахъ и скороходахъ, о гренадерскомъ словѣ и т. п., изъ инструкцій
сланникамъ въ Порту Оттоманскую, въ Кадиксъ, изъ статеекъ вродѣ
ѣды старца съ сыномъ своимъ XVII вѣка, и пр. [4]). Въ «Вѣстникѣ
ропы», основанномъ Карамзинымъ и существовавшемъ 29 лѣтъ (1802—
30), сенсуально-изобразительная описательность и сантиментальная,

[1]) „Отеч. Зап.“ 1820, № 1, стр. 125, № 2, стр. 32, 98.
[2]) „Отеч. Зап.“ 1821, №№ 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 17.
[3]) „Отеч. Зап.“ 1818 г., стр. 134, 1823, ч. XVII, № 46, стр. 305.
[4]) См. Указатель стат. въ „Отеч. Зап.“, составл. Аѳанасьевымъ, въ Архивѣ
чачева, Прилож. II.

идеально-романтическая увлекательность, а потомъ историко-археологическое направленіе, доставлявшее больше пищу памяти, чѣмъ мысли, также преобладали надъ глубокими и живыми идеями мысли. Самъ Карамзинъ въ статьѣ «Къ читателямъ Вѣстника» говоритъ: «мы издаемъ журналъ для всей россійской публики и хотимъ не учить, а единственно занимать ее пріятнымъ образомъ, не оскорбляя вкуса... Честолюбіе наше не простирается далѣе» [1]. Жуковскій, издавая «Вѣстникъ Европы» съ 1808 г. по 20-й № 1809 г., и съ 21 № по 1811 годъ вмѣстѣ съ Каченовскимъ, тоже писалъ: «Русскіе, судя по выбору чтенія и книгамъ, которыя предпочтительно почитаются передъ другими, читаютъ единственно для разсѣянія... Пока чтеніе будетъ казаться однимъ постороннимъ дѣломъ, которое позволено пренебрегать; пока не будемъ увѣрены, что оно принадлежитъ къ однимъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ привлекательныхъ обязанностей образованнаго человѣка, по тѣхъ поръ не можемъ ожидать отъ него никакой существенной пользы, а романы, самые нелѣпые, будутъ стоять на первой полкѣ въ библіотекѣ русскаго читателя. Пускай воспитаніе перемѣнитъ понятія о чтеніи. Пускай оно скажетъ просвѣщенному юношѣ: «обращеніе съ книгою приготовляетъ къ обращенію съ людьми». И то и другое равно необходимы. «Политическими вопросами неразвитые русскіе умы, воспитанные подъ опекой правительства, не чувствовали никакой потребности заниматься. Ихъ не волновали никакіе соціально-политическіе вопросы: за нихъ думало и дѣлало правительство». «Политика въ такой землѣ,—прибавлялъ поэтому Жуковскій,—гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ имѣть особенной привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ» [2]. Поэтому, въ періодъ изданія «Вѣстника Европы» Карамзинымъ (1802—1803) и Жуковскимъ (1808), въ немъ нравственно-назидательное, филантропически-патріотическое и отчасти историческое направленіе преобладало надъ положительнымъ научно-образовательнымъ и философско-соціологическимъ направленіемъ [3].

Затѣмъ, когда сталъ издавать «Вѣстникъ Европы» Каченовскій, особенно одинъ (1811—1813 и съ 1815 по 1830 годъ), въ немъ стало преобладать направленіе историко-археологическое, антикварно-нумизматическое и археолого-библіографическое, направленіе, воспитывавшее больше память, чѣмъ мысль [4]. Вообще, тогда какъ археолого-историческихъ ста-

---

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1802 г. № 23, стр. 227.

[2]) Указатель стат. въ „Вѣстн. Европы“, стр. IX. „Чтен. Общ. Истор.“, 1860, кн. IV, отд. V.

[3]) Такого рода напр. слѣд. статьи: о любви къ отечеству и народной гордости (ч. 1, № 4), о благодѣяніи (ч. 2, № 5), о русской честности (ч. 3, № 10), мысли объ уединеніи (ч. 3, № 10, стр. 227—233), о чувствительномъ и холодномъ двухъ характерахъ (ч. 11, № 19), о твердости духа нѣкоторыхъ Россіянъ, о „русскомъ Леонидѣ полковникѣ кіевскаго гренадерскаго полка“ (ч. 16, № 13), „пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“ (ч. 3, № 12) и пр.

[4]) Преобладали напр. такого рода статьи: „нѣчто о толкованіи одного мѣста въ Несторѣ“ (ч. 133, № 4), „Еще объ одномъ мѣстѣ Нестора“ (ч. 133, стр. 283), „Варяги-русь 862 года не суть варяги-русь 859 г.“ (ч. 134, № 7), „О варягахъ“ (ч. 157, № 1)

тей, дающихъ больше пищи памяти, чѣмъ мысли, «Вѣстникъ Европы» сообщилъ больше 150, — по экономическимъ и промышленнымъ наукамъ, долженствовавшимъ наиболѣе затрогивать и возбуждать реальную общественную мыслительность, онъ, въ теченіе 29 лѣтъ, предложилъ публикѣ только около 20 статей, большею частію сухо-описательныхъ, но не раціонально-теоретическихъ,—по соціально-физическимъ наукамъ, какъ напр. по гигіенѣ и пр., не больше 6 статей или даже просто краткихъ извѣстій, далеко не затрогивавшихъ глубины современной науки—соціальной физики, созданной Кетле, и, наконецъ, по естественнымъ наукамъ, наиболѣе развивающимъ мысль своимъ реальнымъ содержаніемъ, «Вѣстникъ Европы» далъ всего меньше статей—только 4 статейки, и то поверхностныя, сенсуально-описательныя [1]).

Такъ медленно развивалась въ русскомъ обществѣ высшая разсудочная сила мышленія, или раціональная теоретическая мыслительность вслѣдствіе вѣкового, исторически, генеративно-послѣдовательно развившагося преобладанія низшихъ сенсуальныхъ способностей—внѣшнихъ чувствъ и памяти зрительной, слуховой и осязательной надъ развитіемъ мышленія, логики, разума. Между тѣмъ, для дѣйствительнаго, всесторонняго, живого и правильнаго умственнаго прогресса русскаго народа какъ въ разработкѣ и развитіи наукъ, такъ и въ соціальномъ благоустройствѣ, столько же необходимо развитое, могучее мышленіе, сколько необходимы и внѣшнія чувства. Одни внѣшнія чувства и память, безъ развитой силы мышленія, разума,—весьма мало значатъ. Глазъ народный цѣлыя тысячелѣтія созерцалъ природу и явленія жизни; но безъ «умственнаго глаза», безъ мощной силы мышленія, не могъ сдѣлать ни одного открытія, ни одного изобрѣтенія въ области естественныхъ и соціальныхъ наукъ. И всякій экспериментаторъ хоть всю жизнь будетъ созерцать одними глазами напримѣръ небо, воздухъ, организмъ растительный или животный и пр.,—но безъ помощи сильнаго мышленія никогда не досмотрится до такого великаго открытія, до какого домыслились и допытались своимъ могучимъ мышленіемъ или разумомъ Ньютонъ, Лавуазье, Дарвинъ и т. п. Самый опытъ естественно-научный немыслимъ безъ мышленія, безъ разума. L'expérience—говоритъ Клодъ Бернаръ—est le privilège de la raison... Dans la méthode expérimentale, comme partout, le seul criterium réel est la raison [2]). Точно также, хоть сто лѣтъ живи и вычитывай, собирай изъ всѣхъ лѣ-

„Поняша по себѣ всю Русь“ (ч. 153, № 11), о толкованіи темныхъ мѣстъ въ граматахъ новгородскихъ, „О гипербореяхъ, макровіяхъ и счастливыхъ“ (ч. 79, № 2), „Изслѣдованіе баннаго строенія по лѣтописи Нестора“ (ч. 42, № 1), „Изложеніе споровъ о банномъ строеніи“ (ч. 60, № 22), „Окончаніе изложенія споровъ о банномъ строеніи“ (ч. 61, № 1), „Еще нѣсколько словъ о банномъ строеніи“ (ч. 65, № 17), „О знамени Дим. Іоан. Донскаго“ (ч. 155, № 20), „О времени рожденія Святослава“ (ч. 52, № 15) и т. п.

[1]) Указат. стат. „Вѣстн. Европы“ 1802—1830 г. въ „Чт. Общ.“ 1860 г., кн. IV, отд. V.

[2]) „Introduction à l'étude de la Médecine expérimentale“ par M. Claude Bernard. Paris 1865, p. 23, 93.

тописей, актовъ и мемуаровъ и запомнивай всю груду историческихъ фактовъ, но съ одной памятью, безъ мышленія Нибура, Ранке, Шлоссера и Бокля, никогда не будешь историкомъ. Наконецъ, и вообще, весь человѣческій прогрессъ, все возвышеніе человѣческаго счастія, въ концѣ концовъ, основывается единственно на развитіи силы разума, мышленія [1]. Понятно, слѣдовательно, какъ важно, какъ необходимо въ воспитаніи молодыхъ поколѣній обращать вниманіе на развитіе самой способности мышленія, на воспитаніе разума, и во всемъ обществѣ—на воспитаніе и развитіе раціональной теоретической мыслительности. Дальнѣйшее наше изложеніе еще болѣе подтвердитъ эту мысль.

Вовторыхъ, вслѣдствіе вѣкового отсутствія предварительнаго, генеративно-историческаго развитія мышленія и раціонально-мыслящаго класса въ средѣ народа, при всенародномъ распространеніи и укорененіи византійскаго сверхъестественнаго міросозерцанія, — народъ русскій самъ собою, путемъ своего естественнаго чувственно-реальнаго міросозерцанія, никакъ не могъ дойти до раціонально-теоретическаго, естественно-научнаго міровоззрѣнія. Напротивъ, онъ неминуемо долженъ былъ закоснѣть въ пассивно-сенсуальномъ и даже сенсуально-галлюцинаціонномъ міросозерцаніи. Въ доисторическія времена языческой миѳологіи, когда непосредственно-чувственное воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній вполнѣ преобладало надъ абстрактно-разсудочною, отвлеченно-мыслительною переработкою ихъ, высшая разсудочная способность раціональнаго естество-испытанія, соединяющая съ раціональнымъ опытомъ и наблюденіемъ глубокое и сильное теоретическое мышленіе, очевидно, вовсе не могла развиваться. Тогда вовсе не возможно было еще и мышленіе отвлеченное, теоретическое, мышленіе безъ непосредственнаго созерцанія предметовъ a priori. Вся умственная дѣятельность нашихъ предковъ тогда была чисто сенсуальная — зрительная, слуховая, осязательная и т. д. и состояла еще только въ собираніи, въ копленіи, посредствомъ чувствъ, первоначальнаго матеріала мышленія—элементарнаго запаса отдѣльно-предметныхъ или конкретныхъ представленій и понятій. Это былъ дѣтскій періодъ умственнаго развитія народа, періодъ воспитанія и преобладающей и даже исключительной познавательной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ и памяти. Какъ въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ и въ этомъ періодѣ народнаго воспитанія весь послѣдовательный процессъ или механизмъ умственнаго развитія шелъ, вопервыхъ, путемъ однихъ только сенсуальныхъ и общихъ органическихъ ощущеній. Затѣмъ всѣ акты первоначальнаго познаванія или мышленія совершались: а) путемъ ассоціаціи разнообразныхъ ощущеній и представленій, полученныхъ отдѣльно изъ всѣхъ сферъ чувствъ, или посредствомъ совершенно непро-

---

[1] Ларомигьеръ прекрасно развиваетъ эту мысль. A l'homme seul—говоритъ онъ—appartient de vérifier ses pensées, de les ordonner; à l'homme seul appartient de corriger, de rectifier, d'améliorer, de perfectionner et de pouvoir ainsi tous les jours se rendre plus habile, plus sage et plus heureux. Pour l'homme seul, enfin, existe un art, un art suprême dont tous les arts les plus vantés ne sont que les instruments et l'ourage: l'art de la raison, le raisonnement (Laromiguière, „Discours sur l'identité". Oeuvres, t. I, p. 329. Claude Bernard, „Introduction", p. 23).

ольнаго заучиванія послѣдовательнаго ряда явленій во всѣхъ сферахъ ствъ; b) путемъ анализа конкретныхъ впечатлѣній и ощущеній или разсенія сложныхъ представленій, напримѣръ зрительно-осязательно-слуыхъ, на составные элементы; c) путемъ дизассоціаціи или анализа, общенія соединенныхъ конкретныхъ ощущеній и представленій. И наецъ, весь этотъ аггрегатъ конкретныхъ представленій и знаній имъ образомъ копился медленно и сохранялся въ памяти — зриьной, слуховой, осязательной и пр., въ качествѣ скрытыхъ слѣдовъ дметныхъ впечатлѣній или конкретныхъ и ассоціированныхъ предвленій. Такимъ образомъ, подобно дѣтскому развитію познаваьныхъ способностей, органы чувствъ были главными и даже нственными факторами въ развитіи умственныхъ представленій, ıка и міросозерцанія нашихъ предковъ. Возьмемъ, напримѣръ, оры зрѣнія и слуха. Мозгъ древне-русскаго человѣка, совершенно какъ ебенка, былъ такъ устроенъ, что, напримѣръ, цвѣтъ чѣмъ ярче, тѣмъ ьше на него дѣйствовалъ, звукъ чѣмъ громче, тѣмъ сильнѣе его поралъ. Отсюда, напримѣръ, солнце и громъ, по рѣзко-впечатлительному іствію на органы зрѣнія и слуха, при совершенной неразвитости и слаги разсудочнаго анализа и пониманія, при невольномъ возбужденіи чува радости или оживленія при видѣ яркаго, весенняго солнца и чувства аха при слышаніи грома,—солнце и громъ, такимъ образомъ, рѣзко отгились въ его первобытномъ, непосредственно-чувственномъ міросозерціи [1]. Одинъ органъ зрѣнія былъ важнѣйшимъ факторомъ въ созданіи вобытнаго міросозерцанія. Напримѣръ, отъ одного впечатлѣнія, произеннаго на органъ зрѣнія яркимъ весеннимъ солнцемъ и, вслѣдствіе о, отъ одного представленія и слова я р ь, путемъ аналогіи, родился ıый рядъ такихъ, напримѣръ, представленій и словъ: я р ь—яркое, солное весеннее, свѣтлое время, весна и весенній посѣвъ, я р о е — все ıтлое, все весеннее, все красивое, все веселое, все живое, я р и л о — ɪество солнца, весны, свѣта жизни, я р ъ—рѣзко бросающійся въ глаза, той красный утесъ на берегу рѣки, и т. п. Всякое внезапное, необыкенное впечатлѣніе, поражавшее органъ зрѣнія, естественно порождало ıство страха. Видѣлъ древній предокъ нашъ, напримѣръ, затменіе солнца, отчасъ, безъ всякаго размышленія, путемъ рефлекторнаго, отраженнаго іствія зрительнаго впечатлѣнія, на всѣ чувствующіе органы тѣла, придилъ въ страхъ и ужасъ: «погибе,—говоритъ лѣтописецъ, — погибе все нце: о в е л и к ъ с т р а х ъ!» [2]. Точно также, видъ необычайной звѣзды, ıажая зрѣніе, производилъ, путемъ рефлекторнаго дѣйстія на всѣ чувствуюı мышцы организма, чувство страха и тревожнаго движенія: «явися—говоıи—звѣзда образомъ страннымъ, о т ъ в и д ѣ н і я с е я з в ѣ з д ы с т р а х ъ ь я в с я ч е л о в ѣ к и и у ж а с т ь [3]. Составивши путемъ непосредственхъ ощущеній понятія о широтѣ, высотѣ и глубинѣ, народъ придалъ имъ въ

---

[1]) Богъ-Громъ, Перунъ, богъ-Солнце, Хорсъ, Дань-богъ. Миѳы о громѣ и солнцѣ.
[2]) Ипат. Лѣт., стр, 202.
[3]) Густын. лѣт., стр. 344—345.

своемъ эпосѣ особенную многознаменательность[1]). Вообще естественная, физіологическая связь органа зрѣнія со свѣтомъ, исходящимъ отъ солнца, путемъ послѣдовательнаго ряда ощущеній и чувственныхъ ассоціацій, породила въ народномъ міросозерцаніи тьму разнообразныхъ миѳологическихъ комбинацій—представленій и примѣтъ о солнцѣ, свѣтѣ и глазѣ[2]). Точно также копился элементарный матеріалъ для всей первоначальной умственной жизни, путемъ совершеннно непроизвольнаго заучиванія явленій въ сферѣ слуха, осязанія, обонянія, вкуса и всѣхъ органическихъ ощущеній. Осложнялся и увеличивался онъ посредствомъ ассоціаціи или самаго разнообразнаго сочетанія между собою данныхъ внѣшними чувствами впечатлѣній или ощущеній, путемъ анализа составныхъ конкретныхъ представленій или дизассоціаціи, разобщенія осложненныхъ конкретныхъ ощущеній. Такимъ образомъ явилась тьма болѣе или менѣе полныхъ представленій о предметахъ, или элементарныхъ, конкретныхъ знаній о вещахъ въ ихъ простѣйшихъ, непосредственно данныхъ природою условіяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ слагался чувственно-образный языкъ и развивалось чувственно-фантастическое міросозерцаніе въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ. Воспроизводящая ощущеніе способность, память — зрительная, слуховая, осязательная, по физіологическимъ законамъ, сохраняла весь этотъ элементарно-конкретный, чувственно-эмпирическій запасъ и матеріалъ первоначальныхъ представленій и знаній. И такимъ образомъ, непосредственно-чувственный характеръ всей первоначальной умственной жизни, вслѣдствіе первобытно-познавательнаго господства чувствъ, рѣшительно преобладалъ въ умственной дѣятельности и языкѣ народа. Все, что на русской землѣ, на пути колонизаціоннаго, географическаго распространенія и самоустройства русскаго народа, особенно рѣзко и постоянно дѣйствовало на его чувства, больше всего бросалось въ глаза, — все то особенно рѣзко выразилось и въ умственномъ складѣ его, въ областныхъ нарѣчіяхъ, въ пословицахъ, въ примѣтахъ, въ присловьяхъ и пр. При такой преобладающей познавательной дѣятельности органовъ чувствъ, въ умѣ народномъ не развивалась высшая способность обобщенія идей и понятій. Вслѣдствіе неразвитости теоретической силы обобщенія, при преобладающемъ наблюдательномъ значеніи органовъ чувствъ, господствовалъ одинъ грубый, непосредственно натуральный чувственный эмпиризмъ, нисколько не основанный на мышленіи, синтезѣ и сравнительномъ методѣ познанія. И потому невозможны были никакія естественно-научныя теоріи и обобщенія. Это подтверждаютъ даже такіе наши историки, которые слишкомъ идеализируютъ умственное состояніе древней Россіи. «Какая это

---

[1]) Такъ, что древне-русскія народныя стихотворенія обыкновенно начинались такимъ припѣвомъ: „высота ли, высота поднебесная, глубота—глубота Океанъ море, широко раздолье по всей землѣ“.

[2]) См. въ Архивѣ Калачева, кн II, полов. 1, ст. г. Афанасьева: „миѳическая связь понятій: свѣта, зрѣнія, огня, металла, оружія и жолчи“. Напр., отъ свѣта и зрѣнія слова: зрѣть, озоръ, зоркій и зоръ—свѣтъ, зоря, зорница—отдаленная молнія, зорница—утренняя звѣзда, видѣть и видѣло-свѣтъ, дивиться—смотрѣть (*див* санскр. свѣтъ), мѣсяцъ смотритъ, солнце глядитъ и пр., стр. 1—18.

ла наука въ древней Россіи?—говоритъ г. Лешковъ: — сельское хозяйю, начала, образующіяся въ мастерскихъ, и правила, вытекающія изъ знанія торговыхъ оборотовъ. Это науки опытныя, составляющіяся изъ ытовъ или извлекаемыя изъ опытовъ... Чего же не было? Общаго есторонняго обобщенія, которое бы создавало изъ тѣхъ или угихъ данныхъ систему русскаго сельскаго хозяйства, русской технојіи, русской торговли. Не находимъ теоріи, — но такая теорія, сообя изучающему болѣе, чѣмъ сколько можетъ онъ провѣрить своимъ ытомъ и примѣнить къ дѣлу, такая теорія требуетъ для своей дѣяьности много образованія, которое не у всѣхъ предполагается даже въ пе время»[1]). И дѣйствительно, сѣя напримѣръ хлѣбъ, по словамъ говъ, «для опыту», и «въ присутствіи братіи дѣлая опытъ, сколько ь сотенной копны выйдетъ зерна изъ добраго, средняго и плохого ѣба», предки наши умѣли только составлять «посѣвные, ужинные умолотные списки», но не могли и помыслить ни о физіологіи хлѣбхъ растеній, ни о земледѣльческой химіи, ни о теоріи раціональной юноміи. Постоянно имѣя передъ глазами небо и землю, мѣсяцъ и ѣзды и не слыша ничего ни объ астрономическихъ открытіяхъ геніьныхъ современниковъ своихъ — Коперника, Кеплера, Галилея и Ньюа, ни о древней астрономіи Птоломея и т. п., русскіе умы не гли составить никакого космическаго или астрономическаго обобщенія.

научнаго обобщенія идеи космоса, мірозданія дѣтскій славянскій ь, разумѣется, никакъ не могъ возвыситься силою теоретическаго мыенія и для выраженія ея долженъ былъ прибѣгнуть къ самому ограниному чувственно-конкретному представленію, соразмѣрному съ кругозоъ зрѣнія. Космосъ онъ представлялъ конкретно-собраніемъ населенія і заселеннымъ пространствомъ, и назвалъ его вселенной или міромъщиной. «Переводчикамъ Св. писанія — говоритъ г. Буслаевъ — нужно ю выразить всеобъемлющій смыслъ греческаго слова κόσμος (вселенная, ndus). Славянское слово міръ, запечатлѣнное извѣстнымъ юридичеімъ смысломъ, казалось переводчикамъ слишкомъ ограниченнымъ и тѣсмъ сравнительно съ необъятнымъ значеніемъ греческаго κόσμος. Надобно ю слово міръ какъ-нибудь расширить, распространить, и они, согласно свойствомъ языка, произвели эту любопытную операцію, прибавивъ къ му рѣченію мѣстоименіе весь, которое въ древности означало и всякій. гому-то во всѣхъ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ нашихъ грекое κόσμος переводится не просто міръ, но весь міръ, т. е. всякій міръ, і міры»[2]). Наконецъ, достаточно посмотрѣть въ Сборникѣ пословицъ, тавленномъ Далемъ, всѣ пословицы подъ словами: вселенная, небо, хіи, погода, мѣсяцесловъ, человѣкъ, животное, примѣты и пр., чтобы нчательно убѣдиться, какъ чувственно-образно, поверхностно и контно это исключительно сенсуальное міросозерцаніе нашего простого наа, выразившееся въ его языкѣ и пословицахъ. Точно также память

[1]) „Русск. народъ и государство", 403—410.

[2]) Очерки „Р. Слово" 1, стр. 106.

этотъ нервный резервуаръ, сохраняющій въ скрытомъ состояніи въ нервныхъ аппаратахъ всѣ данные органами чувствъ звуки, образы, слѣды и вообще всякія ощущенія, память зрительная, осязательная, слуховая и пр., какъ тоже низшая познавательная способность, не обусловливала высшаго естественно-научнаго интеллектуальнаго развитія, а только сохраняла и упрочивала тотъ скудный запасъ умственныхъ представленій и ощущеній, какія вырабатывались органами чувствъ. Въ силу того, что у большинства людей, вслѣдствіе условій воспитанія ихъ чувствъ, слуховыя ощущенія несравненно сильнѣе зрительныхъ, дѣятельность слуха находилась въ особенно тѣсной связи съ дѣятельностью памяти, увеличивала въ ней запасъ скрытыхъ слѣдовъ, звуковъ и образовъ. Отъ этого преобладанія памяти и слуха происходило то, что изъ рода въ родъ, испоконъ вѣка, отцы и дѣды, безъ всякой разсудочной критики, разсказывали дѣтямъ и внукамъ одни и тѣ же космологическія сказанія, миѳы, сказки; передавали, какъ неизмѣнный догматъ, однѣ и тѣ же физическія примѣты и пословицы [1]). Древнѣйшій космогоническій стихъ о Голубиной книгѣ, составляющій и доселѣ догматъ у духоборцевъ, кончался словами: «старымъ людямъ на послушанье, а молодымъ людямъ для памяти». Многія другія сказанія кончались также стихомъ: «то старина, то и дѣянье, какъ бы добрымъ людямъ на послушанье, молодымъ молодцамъ на переиманье». Вслѣдствіе такихъ условій умственнаго развитія, при преобладающемъ воспитаніи низшихъ познавательныхъ способностей, чувствъ и памяти, естественно, въ русскомъ народѣ не развивалась съ такою генеративною послѣдовательностью и наслѣдственностью, какъ на западѣ, не только естествоиспытательная мысль, но и вообще теоретическая мыслительность. Далѣе, при неразвитости высшей разсудочной силы мышленія, первоначальное общее впечатлѣніе или дѣйствіе, произведенное грозными и поразительными явленіями природы на чувства зрѣнія или слуха и въ тоже время, путемъ рефлексовъ, на всѣ чувствующіе органы тѣла и выразившееся въ инстинктивно-самосохранительномъ чувствѣ страха, было основною исходною точкою развитія для всего религіозно-миѳологическаго міросозерцанія. Общій страхъ непостижимыхъ силъ природы, которыя непонятно, непредвидѣнно и неотразимо, но постоянно дѣйствовали на всѣ чувства, на жизнь, здоровье, хозяйство и благосостояніе народа,—этотъ общій страхъ природы проникалъ потомъ и всѣ прочія возбуждаемыя природой ощущенія и представленія внѣшнихъ чувствъ и такимъ образомъ составлялъ, такъ сказать, основную идею или primum movens всего религіозно-языческаго воззрѣнія на природу. Этотъ же страхъ природы господствовалъ и въ христіанскія времена, когда, по свидѣтельству лѣтописей и актовъ, при всякомъ необычайномъ или непонятномъ физическомъ явленіи, «страхъ и ужасъ обнималъ всѣхъ», всѣ «зѣло обстрашались», и когда сами лѣтописцы съ трепетомъ восклицали: «о ужасъ, о страхъ!» Только византійская теологическая доктрина перевоспитала этотъ языческій страхъ природы, оживила его чувствомъ «страха Божія».

[1]) Буслаевъ, Очеркъ 11, стр. 18, 44, 111.

Но и языческій страхъ природы сохранялся въ народѣ во всей силѣ, такъ что и въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству актовъ, «невѣгласи» такъ же обстрашались при видѣ наприм. метеора или болида, какъ и въ VIII—IX вѣкѣ. И вотъ этотъ-то суевѣрный страхъ природы, наслѣдованный отъ язычества, при неразвитости раціональной теоретической мыслительности, былъ новымъ препятствіемъ къ развитію смѣлаго пытливаго взгляда на природу, смѣлаго испытанія природы, смѣлаго размышленія и разсужденія объ ея силахъ и явленіяхъ. Подъ вліяніемъ византійской педагогической доктрины, вслѣдствіе вѣкового преобладанія страха природы, страха Божія и чувства вѣры надъ разумомъ и мышленіемъ, — въ народѣ даже развилось и укоренилось, какъ мы сказали уже, недовѣріе къ естествоиспытательному уму и, вслѣдствіе того, вообще къ естествознанію. Начало вѣры, нравоученія и страха Божія, воспитывавшееся въ древне-русскихъ училищахъ, воспреобладало надъ разумомъ и мыслью. Мы видѣли, какъ отцы, на основаніи византійской педагогической доктрины, внушали дѣтямъ: «учися держати умъ, высочайши себе не ищи: высочайши бо тебѣ — небесное измѣреніе (измѣрительная астрономія), высокопаривая мысль, ея же не возможно постигнуть» [1]. Видѣли мы также, какъ, на основаніи византійской педагогической системы, учили «не высокоумствовать, но въ смиреніи держать умъ, не бесѣдовать съ риторскими астрономы» и пр. Вслѣдствіе такого умонастроенія, народъ, хотя и невольно, всѣми своими физическими работами, наталкивался на познаніе природы, постоянно созерцалъ, осязалъ, ощущалъ физическіе предметы и явленія, но умственно, теоретическою мыслью онъ не углублялся въ ихъ сущность, не допытывался изслѣдовать ихъ физическое значеніе, взаимную причинную связь, причинное соотношеніе и т. п. Онъ даже избѣгалъ, боялся подобнаго изслѣдованія природы. Потому что испытаніе природы считалъ дерзкимъ испытаніемъ таинъ и воли Божіей, слѣдовательно грѣхомъ и даже волшебствомъ. Олеарій говоритъ: «естественныя науки, будучи чужды русскимъ, особенно подпадаютъ ихъ грубому и неразумному сужденію, если имъ удастся что-нибудь перенять отъ иностранцевъ; такъ астрономію считаютъ они за волшебную науку. Такъ предугадываніе или предсказаніе солнечнаго или луннаго затменія, или движеніе какой-либо планеты они считаютъ дѣломъ неестественнымъ. Поэтому, когда стало извѣстно въ Москвѣ, что великій князь назначилъ меня своимъ астрономомъ, то въ народѣ, отъ нѣкоторыхъ, пошла такая молва, что въ Москву скоро де вернется назадъ волшебникъ, состоящій при Голштинскомъ посольствѣ, который будетъ предсказывать будущее. Нѣкоторые начали уже питать ко мнѣ отвращеніе, что, вмѣстѣ съ другими причинами, заставило меня отказаться отъ этой должности. Камеръ-обскуру русскіе также считали волшебствомъ, анатомію—колдовствомъ», и пр. [2]). Вслѣдствіе такого взгляда, умъ народный, очевидно, не могъ возвыситься до идеи раціональнаго естествоиспытанія, до смѣлаго разумнаго изслѣдованія природы. Тѣмъ

[1]) „Сбор. Сол. Библ." № 925, л. 66—68.

[2]) Олеарій, 25—26.

болѣе, что византійское сверхчувственное, супранатуральное ученіе почти всецѣло замѣнило въ народномъ міросозерцаніи всю, превышавшую сферу внѣшнихъ чувствъ, теоретическую, умозрительную область высшихъ, раціональныхъ, физико-математическихъ теорій и обобщеній. Пневматологическія идеи замѣняли всѣ умозрительныя естественно-научныя идеи физическихъ силъ и законовъ. Своими внѣшними чувствами народъ воспринималъ элементарно-конкретныя или отдѣльно-предметныя впечатлѣнія, познавалъ предметы и явленія природы въ ихъ отдѣльности и наружности, въ непосредственно-чувственной видимости и осязаемости. Но сущности, взаимной причинной связи, причинныхъ соотношеній предметовъ и явленій природы, особенно сложнѣйшихъ, онъ вовсе не понималъ, потому что эти отношенія уже выходили изъ непосредственной сферы чувственной воспріимчивости, требовали научно-развитого, соображающаго, сравнивающаго и обобщающаго теоретическаго мышленія. И поэтому, все, что превышало непосредственно натуральную сферу чувственнаго воспріятія, — все то народъ объяснялъ готовыми, сверхчувственными, супранатуральными идеями византійскаго міросозерцанія. Теологическія умосозерцанія замѣняли всѣ физико-космическія идеи. При созерцаніи напр. небеснаго свода въ умахъ русскихъ созерцателей природы не рождалось никакой другой идеи, кромѣ страха Божія и теологической идеи величія, славы и всемогущества Божія. «Сіи суть поселяне, — говоритъ наприм. жизнеописатель яренгскихъ чудотворцевъ Іоанна и Логгина, инокъ Сергій, — сіи-рѣчь ту живущіе въ веси Яренги жители извыкоша добродѣтель исправити мудростію, не иному тѣхъ учащу, смысломъ бо научаются мудрости: зряху бо солнце, познаваютъ присносущнаго свѣта; видяху небеса, разумѣваютъ творчю славу, землю зряху, внимаютъ величеству владычню; море видѣху, познаваютъ силу владѣющаго; пріемля измѣненіе доброчинное временъ, чудятся лѣпотѣ строющаго міръ; взирающе звѣзднаго теченія и лика учиненія, взимаются къ добротѣ сочетовающаго то; смотряюще луну, удивляются сіянію положившаго ю». Главнымъ основаніемъ и конечною цѣлію человѣческой мудрости и всего міросозерцанія благочестивые предки наши признавали страхъ Божій. «Главизна доброты — продолжаетъ тотъ же жизнеописатель — и зачало премудрости страхъ Господень, то полагаютъ въ сердцѣ своемъ: лѣпо бо зиждителя, животомъ и смертію властвующа, миловати же и мучити силу имущаго, боятися и трепетати и говѣти» [1]). Тамъ, гдѣ естествоиспытующій разумъ познаетъ законъ или слѣдитъ за взаимнодѣйствіемъ и видоизмѣненіемъ физическихъ силъ, — тамъ умъ народный представлялъ и представляетъ какого-нибудь духа, ангела или демона и т. п. Тамъ, гдѣ естествоиспытатель или физикъ видитъ простое дѣйствіе физическихъ силъ; ясно понимаетъ самый процессъ ихъ проявленія, тамъ чувствамъ темнаго народа, особенно при господствѣ сенсуально-галлюцинаціоннаго міросозерцанія, мерещились и мерещатся силы и образы не земные, сверхчувственные. Созерцая органомъ зрѣнія разныя физическія явленія, при неразвитости раціональной мыслительности,

[1]) „Сборн. Солов. Библ.", № 172.

умственнаго, естественно-научнаго взгляда, онъ не могъ объяснить этихъ явленій раціонально, и, вмѣсто раціональнаго физическаго, естественно-научнаго понятія, въ объясненіи ихъ вставлялъ готовую сверхчувственную, супранатуральную идею, внушенную византійскимъ міросозерцаніемъ. Патологическія субъективныя ощущенія, галлюцинаціонные образы внѣшнихъ чувствъ способствовали такому объясненію [1]). Исторія народнаго міросозерцанія преисполнена фактами подобнаго происхожденія народныхъ заблужденій. Не углубляясь въ древнее народное міросозерцаніе, довольно заглянуть въ современныя извѣстія о проявленіяхъ умственной жизни нашего народа. Недавно напр. въ мѣстныхъ замѣткахъ «Виленскаго Вѣстника» сообщено было, между прочимъ, что Виленскаго уѣзда, 1-го стана, около имѣнія Лешно помѣщика Саковича, на лугахъ его, Саковича, протекаетъ ручей; съ нѣкотораго времени къ этому ручью стало стекаться много простого народа, по тому поводу, что будто-бы ручей этотъ имѣетъ какое-то святое изображеніе. Поэтому приставъ 1-го стана, вмѣстѣ съ Молодечневскимъ благочиннымъ, 4 іюля 1867 года отправился на мѣсто, гдѣ, по ихъ осмотру мѣстности и дознанію, оказалось: на лугахъ, вблизи имѣнія Лешно, въ ручьѣ на днѣ открылся ключъ, и выходящая изъ земли вода, мутя известковый мусоръ, съ теченіемъ своимъ образуетъ въ полукружіи разныя тѣни, и при напряженіи глазъ рисуются разные узоры, а при свѣтѣ солнечныхъ лучей происходитъ блескъ. Этотъ обыкновенный истокъ ключа простолюдины называютъ чудеснымъ явленіемъ, представляя себѣ, будто-бы это изображеніе фигуры Матери Божіей со Спасителемъ; на самомъ же дѣлѣ это одно лишь суевѣріе, такъ какъ подобныхъ изображеній не видно, а только усматривается изъ тѣней мутное сходство человѣческаго рисунка. Крестьяне, признавая это чудеснымъ явленіемъ, приходятъ постоянно изъ окрестныхъ деревень, а въ особенности изъ мѣстечка Лебедева къ этому мѣсту молиться, и дѣлаютъ приношенія» [2]). При такомъ сверхчувственномъ, супранатурально-пневматическомъ настроеніи, мысль народная очевидно не могла имѣть раціональнаго направленія и развитія. Хотя всѣми чувствами своими, всѣми физическими, реальными работами народъ всецѣло тяготѣлъ къ физической природѣ, къ реальному міру, но мыслями, идеями онъ всецѣло тяготѣлъ къ сверхчувственному міросозерцанію. Все реальное, земное, что выходило изъ сферы ощутимаго, доступнаго воспріятію, или подлежало уже не чувствамъ, а отвлеченнымъ понятіямъ, логическимъ обобщеніямъ, — все это народъ не могъ и не старался иначе объяснять, какъ готовыми, сверхчувственными, супранатуральными идеями. Вслѣдствіе этого и мысль его не могла развиваться. Потому что, за сферой непосредственной области чувственнаго міросозерцанія, за феноменальной и ощутимой сферой вещей и явленій, внѣ области абстрактно-познавательныхъ законовъ, или невидимыхъ физическихъ силъ, внѣ области естественно-научныхъ идей и обобщеній, — нить послѣдовательнаго, логическаго, реальнаго мышленія постоянно прерывалась и

[1]) См. объ этомъ въ „Дѣлѣ" 1868 г. № 5 и 6.

[2]) „С.-петер. вѣд." 1867 г., № 210, авг. 1.

останавливалась въ неподвижности, въ сферѣ давно готовыхъ, супранатуральныхъ идей византійскаго міросозерцанія. Мысль народная и не работала, не доискивалась до раціональнаго объясненія той стороны физическихъ явленій, которая выходила изъ непосредственной сферы внѣшнихъ чувствъ, потому что для объясненія всего сверхчувственнаго однажды навсегда даны были готовыя супранатуральныя идеи. Такимъ образомъ, за непосредственно-чувственной сферой поверхностнаго рабочаго сенсуализма и реализма, абстрактная, всеобщая самодѣятельность чисто-разсудочнаго процесса, мысль народная не имѣла реальнаго индуктивно-логическаго саморазвитія. Вслѣдствіе этого, въ народѣ и не развилась реально-теоретическая сила мышленія, и онъ не способенъ былъ къ глубокому, философскому сужденію и пониманію вещей, къ раціональному изслѣдованію и отчетливому теоретическому анализу сообщаемаго внѣшними чувствами матеріала. И поэтому, рабочій народъ, при всей непосредственно-чувственной наклонности своей къ реализму, никогда не могъ домыслиться до раціонально-теоретическаго естествознанія и міросозерцанія. Наконецъ, вслѣдствіе такого подавленія и застоя мыслительности, рабочій народъ, имѣя дѣло въ работѣ съ одними физическими предметами, не чувствовалъ умственнаго интереса или потребности въ познаніи сущности и причинной связи вещей и явленій въ природѣ. По причинѣ вѣкового отдѣленія или отчужденія непосредственно-рабочаго, чувственно-реальнаго, утилитарно-практическаго народнаго опыта и знанія отъ всеобщей самодѣятельности мышленія, вслѣдствіе неразвитости теоретической, разсудочной любознательности, народъ и не стремился вовсе дойти до разработки раціонально научнаго опытнаго естествознанія, несмотря на то, что всѣ физическія, естественно-реальныя работы его, по самой природѣ и физической сферѣ своей, суть естественно-научныя, сродны съ естественно-научными работами, существенно обусловливаютъ необходимость естествознанія. Онъ только и могъ составлять, на основаніи непосредственно-чувственнаго обозрѣнія и осязанія, по наглядкѣ, топографическіе «чертежи» русской земли, «межевые дозоры и досмотры», сенсуально-эмпирическіе «Травники» и т. п. Затѣмъ сенсуализмъ рабочаго народа, безъ развитого мышленія, былъ безсиленъ въ теоретической обработкѣ непосредственно-чувственныхъ данныхъ рабочаго опыта и наблюденія [1]). Сколько внѣшнія чувства народа, путемъ работы, тяготѣли къ природѣ, воспитывались подъ вліяніемъ ея впечатлѣній, копили непосредственно-натуральный матеріалъ чувственно-рабочаго опыта и знанія, столько же мысль народа была далека отъ познанія законовъ природы, отъ раціонально-математическаго, умозрительнаго физическаго міросозерцанія, и потому не способна была къ раціональной мыслительной разработкѣ, въ логическомъ процессѣ отвлеченнаго сравненія, индукціи и обобщенія, элементарно-конкретнаго матеріала, взятаго чувствами изъ сферы физическихъ работъ и природы. Работа физическая, разработка естественныхъ матеріаловъ, произведеній и предметовъ, въ

[1]) См. объ этомъ въ „Дѣлѣ" 1868 г. № 4. статью „о сенсуализмѣ и реализмѣ рабочаго народа".

рѣ природы, не шла рука-объ-руку съ работой интеллектуальной, съ ретической, раціональной разработкой въ мышленіи сенсуально-эмпиескихъ, чувственныхъ данныхъ непосредственно-натуральнаго рабочаго ıта. И вслѣдствіе этого, сколько развивался непосредственно-чувствені реализмъ, столько же не работала и не развивалась теоретическая эствоиспытательная мысль и не вырабатывался разумно-отчетливый, эственно-научный, физико-математическій реализмъ. Народъ созерцалъ, залъ, ощущалъ разные предметы и явленія природы, слушалъ разные ки въ природѣ, слушалъ разные разсказы о недоступныхъ его непоцственному созерцанію и слуху предметахъ и явленіяхъ природы, но слью, умственно не углублялся въ нихъ; не всматривался, не вникалъ сущность ихъ своимъ умозрительнымъ взглядомъ—мышленіемъ, не соажалъ ихъ сравненіемъ. И такимъ образомъ, сколько чувствами онъ выкалъ къ впечатлѣніямъ природы, столько же, такъ сказать, отвыъ, отчуждался отъ нея мыслью, особенно когда уносился въ заоблачі, сверхчувственный, супранатуральный міръ. И въ такомъ пассивносуальномъ отношеніи его къ природѣ проходили цѣлые вѣка. И вотъ мысленно, такъ сказать, притупѣлъ къ природѣ, пришелъ въ пассивное суально-физіологическое согласіе и соотвѣтствіе съ природой и сталъ гь и работать въ ней, можно сказать, одними внѣшними чувствами и ѣми физическими, мускулярными силами, а не мыслью, не разумомъ. общe, всѣми своими чувствами онъ до того приспособился и притупѣлъ впечатлѣніямъ природы, что дальше внѣшности физическихъ предмеъ и явленій не видѣлъ и не видитъ ничего своимъ умственнымъ глаъ, вовсе не имѣетъ привычки и способности умственно углубляться, мываться въ сущность предметовъ и явленій природы, давать себѣ ый разумный отчетъ въ каждомъ чувственно-физическомъ, непосредённо-натуральномъ впечатлѣніи или наблюденіи, стараться отчетливо навать и различать всѣ индивидуальные отличительные признаки и йства каждаго физическаго предмета и явленія, потомъ сопоставлять эавнивать ихъ между собою, однородныя чувственныя данныя обобщать общіе выводы или идеи, и такимъ образомъ изощрять мыслительность, вивать, подготовлять мыслительныя способности къ разработкѣ раціоьнаго естествознанія и копить для него матеріалъ. Вообще, народъ выкъ относиться къ природѣ крайне пассивно, безсознательно, безысленно. Отсюда произошелъ въ рабочей и умственной жизни народа альный разладъ, расколъ между работой и наукой, между рабочей ктикой и научной теоріей, между чувственно-рабочимъ реализмомъ и лизмомъ раціонально-теоретическимъ, естественно-научнымъ. Печальı слѣдствія такого отчужденія физической работы отъ физическихъ къ впослѣдствіи стали сознавать иногда и сами рабочіе люди, особенно оучки-натуралисты. Вѣчно работалъ и вращался въ сферѣ природы эчій народъ, постоянно и невольно вызывался и наталкивался на естеознаніе. По всему этому онъ, повидимому, невольно долженъ былъ бы эабатывать, посредствомъ неизбѣжныхъ рабочихъ физическихъ опытовъ аблюденій въ сферѣ природы, если ужъ не спеціальныя естественно-

научныя истины, теоріи и открытія, то, по крайней мѣрѣ, элементарныя естественно-научныя теоретическія правила, начала и руководства для своихъ физическихъ работъ и производствъ. Но ничего этого не бывало. потому что, при работѣ чувствъ и мускуловъ, мысль народная не работала въ сферѣ природы съ такою раціональною, естествоиспытательною силою, чтобы выработать что-нибудь подобное. Поэтому еще въ XVII вѣкѣ Юрій Крыжаничъ, подробно разсматривая народные промыслы, жаловался, что промышленный, рабочій народъ русскій не имѣлъ никакихъ книгъ о разныхъ физическихъ предметахъ своихъ работъ и производствъ. «Земледѣліе есть разумѣніе, наука,—писалъ онъ,—но у насъ нѣтъ никаковыхъ книгъ о земледѣліи и объ иныхъ промыслахъ, какія есть у другихъ народовъ. На умноженіе и на усовершенствованіе земледѣлія потребно бы было вкратцѣ перевесть хорошія книги, которыя пишутъ: 1) о житѣ всякомъ—о хлѣбныхъ растеніяхъ всякаго рода; 2) о сочивѣ всякомъ—горохѣ, бобахъ и пр.; 3) о кореньяхъ, цвѣтахъ и сѣменахъ приправныхъ; 4) о зельяхъ огородныхъ; 5) о растеніяхъ врачебныхъ, о коихъ есть цѣлыя книги; 6) о цвѣтахъ благовонныхъ—шипицѣ, маіоранѣ, лиліи, мятѣ, божьемъ деревцѣ, клинцахъ, вышкахъ, тулипахъ и прочихъ; 7) о деревьяхъ красильныхъ—ревенѣ, синилѣ и другихъ; 8) о деревьяхъ овощныхъ—бумажномъ деревѣ, маслинѣ, винной лозѣ, яблоняхъ, орѣхахъ и прочихъ; 9) о деревьяхъ лѣсныхъ; 10) о каменьяхъ простыхъ и драгоцѣнныхъ; 11) о рудахъ; 12) о рудикахъ и краскахъ—о соли, сѣрѣ, селитрѣ, чернилѣ, киновари, бѣлилѣ, каменномъ углѣ и другихъ; 13) о животныхъ четвероногихъ—домашнемъ скотѣ и лѣсныхъ звѣряхъ; 14) о животныхъ пернатыхъ—о птицахъ домашнихъ и дикихъ; 15) о животныхъ водныхъ—о рыбахъ рѣчныхъ и морскихъ; 16) о насѣкомыхъ и пресмыкающихся—змѣяхъ и всякихъ гадахъ, мухахъ, осахъ, паукахъ и о всякихъ червяхъ, и, въ частности, о тѣхъ, которыя полезны—о пчелахъ и шелковичныхъ червяхъ и пр. Книги обо всемъ этомъ подробно раскрываютъ всѣ эти произведенія природы, и показываютъ всякія части тѣхъ вещей, и что̀ полезно или выгодно изъ нихъ, и какъ, въ какое время всего того смотрѣть и пріобрѣтать, и приглядать, и какъ сохранять и употреблять. Несчетны въ нашемъ народѣ домовые хозяева, которые въ земледѣліи и хозяйствѣ состариваются и умираютъ, а однакожъ многихъ полезныхъ или выгодныхъ земленыхъ произведеній и ихъ пріобрѣтенія и употребленія не знаютъ. Aldrowandus же написалъ книги объ животныхъ, гдѣ изображаетъ красками всякое животное въ его видѣ. А Колеръ написалъ книги о земледѣліи полевомъ и огородномъ» [1]). Точно также, архангелогородскій писатель Крестининъ въ концѣ прошлаго столѣтія жаловался на то, что жители Поморскіе, работая въ поляхъ и промышляя на морѣ, не имѣли никакихъ научныхъ руководствъ, никакихъ книгъ, относящихся къ ихъ работамъ и промысламъ, показывая въ этомъ отношеніи умственное превосходство ихъ европейскихъ сосѣдей—норвежцевъ, съ которыми они имѣли торговыя сношенія. «Наши горожане и холмогорцы—говоритъ онъ—ежегодно посѣ-

[1]) О московскомъ государствѣ, роздѣлъ 3, стр. 43.

щаютъ Норвегію для торговъ, государство сосѣдственное, въ Европѣ по скудости жителей послѣднее. По сказаніямъ ихъ о норвежскихъ поселянахъ, можно сравнить сихъ сосѣдовъ противъ двинскихъ и поморскихъ нашихъ крестьянъ... Каждый норвежскій поселянинъ знаетъ грамоту своего языка, а многіе знаютъ и ариѳметику; напротивъ того въ двинскомъ народѣ въ двухъ уѣздахъ, архангелогородскомъ и холмогорскомъ, гдѣ находится 25,924 души муж. пола, считается грамотныхъ людей только 1,842 человѣка. Въ тѣхъ же округахъ числится женскаго пола 27,949 душъ, но грамотныхъ изъ нихъ не сыщется, какъ думать должно, 300 человѣкъ... Норвежскій поселянинъ упражняется на землѣ и на водѣ въ своихъ промыслахъ съ основательнымъ знаніемъ о семъ дѣлѣ, и увеличивать можетъ оное изъ книгъ о сельской экономіи: напротивъ того въ обоихъ означенныхъ уѣздахъ двинскаго народа между земледѣльцами, на поляхъ и пожняхъ работающими по преданію своихъ дѣдовъ и отцовъ, не возможно сыскать въ нынѣшнее время ни одной книги изъ преизрядныхъ наставленій о сельскихъ трудахъ и пособіяхъ Вольнаго Экономическаго С.-Петербургскаго общества. Норвежскіе изъ поселянъ кормщики ластовыхъ яхтъ, употребляемыхъ между Вардгаузомъ и Бергеномъ, не всѣ навигаторы по наукѣ, но всѣ грамотные люди, и имѣютъ нужныя въ морскомъ пути пособія—печатныя карты и проспекты мысовъ Норвежскихъ береговъ: напротивъ того наши бѣломорскіе, мурманскіе, шпицбергенскіе и новоземельскіе кормщики изъ поселянъ всѣ почти безграмотные люди, равными пособіями не пользуются и пользоваться не могутъ, а потому повержены бываютъ большимъ несчастіямъ и потерѣ жизни своей на морѣ и въ зимовьяхъ на Новой Землѣ и Шпицбергенѣ» и пр.[1]). Сами промышленные, рабочіе люди, особенно самоучки-натуралисты также сознаются, что непосредственно-зрительная, глазная переимчивость въ рабочемъ народѣ преобладаетъ надъ интеллектуально-научнымъ разумѣніемъ и пониманіемъ, также какъ физическія, рабочія силы и способности въ нихъ преобладаютъ надъ научно-интеллектуальнымъ производствомъ работъ и промысловъ, и что, вращаясь на промыслахъ въ сферѣ природы, рабочіе и промышленные люди не знаютъ природы, не имѣютъ основательныхъ научныхъ знаній даже о тѣхъ предметахъ природы, надъ которыми работаютъ, или промышляютъ. Такъ архангельскій самоучка-натуралистъ, купецъ Фоминъ пишетъ въ своемъ «естественно-историческомъ опытѣ о морскихъ рыбахъ и звѣряхъ», говоря о китахъ и китоловствѣ: «обнаруживающаяся сѣверныхъ моихъ соотечественниковъ охота къ китоловному промыслу обязываетъ меня, любя ихъ преимущественно, открыть имъ мое чистосердечное мнѣніе. Справедливость велитъ признательно сказать, что россійскіе наши промышленники проворностью и смѣлостью не токмо не уступаютъ всѣмъ народамъ прочихъ европейскихъ націй, но преимуществуютъ передъ ними въ сихъ способностяхъ. Валовая ихъ поколка моржовъ на льдахъ, или

[1]) Путеш. Лепех. 1805 г., ч. IV, стр. 423—425.

на лудахъ, а особливо сраженіе съ оными на водѣ, при видѣніи иностранцевъ близъ Шпицбергена бывающее, приводитъ сихъ въ содрогательное удивленіе. Наши, видая тамъ часто китоловство иностранныхъ, съ запальчивою ревностью хвалятся, что они бы въ томъ никогда имъ не уступили. Но я открываюсь беззазорно, что понятія ихъ, не приваженныя еще ни малымъ просвѣщеніемъ къ отдѣленію идей, что слѣдующая изъ того неспособность къ точному проницанію истинныхъ причинъ творимаго иностранными промышленниками каждаго дѣйствія, и слѣдовательно, употребленія также орудій и снастей съ ихъ пропорціею, крѣпостію и прочими свойствами, заграждаетъ имъ стези къ основательной переимчивости и неошибочному подражанію; и сіе загражденіе неразумѣніемъ иностранныхъ языковъ, и слѣдственно непонятіемъ изъясненій, наиболѣе затемняется. Въ доказательство сей, одними глазами пріобрѣтенной переимчивости и слѣдовательно рановременнаго на себя надѣянія, служатъ слѣдующія два неудачныя въ китоловствѣ предпріятія, одно заведенное въ городѣ Онегѣ компаніею, а другое заонежскимъ старообрядскимъ обществомъ. Сіи два отпускаемыя въ море промысловыя заведенія, несмотря на ихъ самохвальство, ежели когда привозили съ промысловъ кита, то излавливая его или мертваго,или льдомъ раздавленнаго, или иностранными промышленниками поколотаго. Заонежцы въ 1788 году при Кольскихъ или Финмарскихъ берегахъ кололи болѣе десяти звѣрей, но ни одного не могли достать въ свои руки. Иногда гарпунъ ихъ, вонзенный въ звѣря, выплывалъ, иногда переламывался, а иногда лишь перервавшись упускалъ добычу. Сказывали тогда къ извиненію своему промышленники, что колотые ими киты, получа гарпунъ тотчасъ опускались въ глубину, гдѣ вертѣлись и терлись о каменистое дно морское, и чрезъ то гарпунъ вышатывали, переламывали, и веревку перетирали. Но сообразя все промысловое обращеніе, легко усмотрѣть можно, что при сихъ опытахъ не доставало: 1) познанія звѣриныхъ родовъ, твердости ихъ кожи и слабыхъ мѣстъ, къ поколотію способныхъ; 2) показанія кузнецамъ точной пропорціи выковки и закалки инструментовъ, также мягкости или упругости употребляемаго въ нихъ желѣза и стали; 3) наблюденія потребной толщины линя и употребленной въ пряжу его чистоты плотности пеньки... Но да не огорчаются на меня за сіе откровенное извѣстіе соотчичи мои, отпускатели и промышленники; ибо я отнюдь не желаю осмѣивать неудачность ихъ промысловъ, но стараюсь для пользы ихъ, чрезъ показаніе ошибокъ, изъяснить пособія, подающія къ тому руководство. Неудачи похвальнаго ихъ рвенія достаточно извиняютъ недостатки многихъ средствъ, въ дозрѣлость у насъ еще не приведенныхъ. Кормщики наши, управляющіе промыслами, не знаютъ еще разности родовъ китовыхъ, въ чемъ заморскіе корабельные командиры достаточно свѣдущи; носовщики не умѣютъ анатомически различить въ наружности китовой твердыхъ и слабыхъ мѣстъ, способныхъ къ вонзанію и удержанію въ тѣлѣ гарпуна или носка, къ чему

иностранные гарпуньеры достигли долголѣтнимъ наученіемъ и практикою» и пр. Поэтому самоучка-зоологъ Фоминъ въ своемъ зоологическомъ или естественно-историческомъ опытѣ посвятилъ, для наученія своихъ земляковъ, цѣлую главу описанію разныхъ породъ китовъ (Balaena) — Balaena Mysticetus Lin., Balaena Physalus и др., гдѣ подробно описалъ, по системѣ Линнея и другихъ натуралистовъ, анатомическіе и физіологическіе признаки разныхъ породъ китовъ, и затѣмъ показалъ раціональные способы ихъ лова англичанами, голландцами, датчанами и др.[1]).

Такимъ образомъ, вслѣдствіе вѣкового отсутствія предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго развитія и изощренія философско-теоретической мыслительности и вѣкового преобладанія поверхностной непосредственно-натуральной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ надъ высшими, сложнѣйшими теоретическими комбинаціями и выводами мышленія, — русскій народъ и не могъ своей физической работой доработаться и своимъ умомъ додуматься до теоремъ чистой математики и до теоретическаго естествознанія, или до естественно-научныхъ теорій и обобщеній. Для того, чтобы въ умахъ русскихъ развить способность и возбудить любовь къ математическому и естественно-научному мышленію и знанію, надобно было, вопервыхъ, явиться во главѣ русскаго народа генію, образовавшемуся подъ вліяніемъ западнаго разума, и энергично предпринять систематическое ученіе молодыхъ поколѣній математикѣ и естественнымъ наукамъ; вовторыхъ, необходимо было начинать, такъ сказать, съ азбуки математики и естествознанія и все, относящееся къ этимъ наукамъ, начиная съ ариѳметики и кончая астрономіей, заимствовать на западѣ, гдѣ геніи Коперниковъ, Декартовъ, Кеплеровъ, Ньютоновъ и Лейбницевъ давно обогатили естественныя и математическія науки великими открытіями и воспитали уже цѣлыя поколѣнія естествоиспытателей и математиковъ. И вотъ, Петръ Великій является первымъ нововводителемъ, въ дѣлѣ реальнаго, естественно-научнаго воспитанія и развитія молодыхъ поколѣній въ Россіи. Онъ первый водворилъ въ Россіи западныя математическія и естественныя науки. Отъ генія его впервые зародилась естествопознавательная мысль въ Россіи, и отъ него ведетъ свое начало генерація нашихъ естествоиспытателей. Желая просвѣтить народъ рабочій, практическій, такъ сказать, по самому сенсуалистическому умственному складу своему преимущественно реалистическій, — Петръ Великій и съ запада заимствовалъ наиболѣе такія реальныя, математическія и естественныя науки, которыя преимущественно возбуждаютъ и воспитываютъ реалистическое умонастроеніе и мышленіе и относятся прямо или косвенно къ реальнымъ, физическимъ работамъ народа, къ народному и государственному хозяйству и благосостоянію. На естествознаніе онъ больше смотрѣлъ съ утилитарной точки зрѣнія, и потому велѣлъ переводить больше Художества или практическія, прикладныя математическія и физико-механическія науки. «Для переводу — говоритъ онъ — зѣло

[1]) Пут. Леп. IV, стр. 352—370.

нужны переводчики, а особливо для художествъ. Художества же (переводить) слѣдущія: математическое хотя до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ-цивилисъ, анатомическое, ботаническое и тому подобныя»[1]). Такъ какъ въ народѣ русскомъ нисколько не развита была математическая и естествопознавательная мысль и утилитарныя практическія потребности преобладали надъ теоретическими, чисто умственными интересами, то и физико-математическое образованіе его Петръ Великій долженъ былъ начать, такъ сказать, съ азбуки математическихъ и естественныхъ наукъ, съ ариѳметики, съ начальныхъ основаній алгебры, геометріи, астрономіи, географіи, механики и притомъ болѣе или менѣе примѣнительно къ практическимъ, хозяйственнымъ потребностямъ народа и государства. Именно по повелѣнію Петра Великаго, переводились съ европейскихъ языковъ такого рода книги. Въ 1699 г. въ Амстердамѣ, въ типографіи Тессинга напечатано было «Краткое и полезное руковеденіе въ ариѳметику, или въ обученіе и познаніе всякаго счету, въ сочтеніи всякихъ вещей, по указу великаго государя царя Петра Алексѣевича». Въ 1703 г. издана въ Москвѣ ариѳметика Магницкаго— ученика Московской духовной академіи. Содержаніе двухъ частей этой ариѳметики, по опредѣленію сочинителя, было такое: «въ первой, еже именуется политика, вся гражданскія потребы, купеческія убо и воинскія, и различныхъ чиновъ ради людей, многіе приклады и образы положихомъ; пропорціи рудъ и различныхъ царствъ и временъ, разнство денегъ, и вѣсовъ, и мѣръ, и разливающихся веществъ, тяготу и ины многіе образцы, яко да всякъ кто усердствуетъ, можетъ извѣстно во всякихъ случаяхъ недоумѣніе въ числахъ разрѣшити, насмотряяся различныхъ задачъ въ нашемъ собраніи. Въ другой, именуемой логистика, собрана и положени суть, яже къ геометріи, сіе есть къ землемѣрію, и къ навигаціи, сіе есть, къ мореплаванію, надлежатъ. И ради сея мореплаванія науки, объявихомъ отчасти и о фигурѣ міра, сіе есть, земли и небеси, и о раздѣленіи ихъ, и о движеніи солнца, и о рожденіи луны и о прочихъ тѣмъ приличныхъ». Г. В. въ обстоятельномъ описаніи ариѳметики Магницкаго даетъ ей такую оцѣнку: «главное достоинство сочиненія Магницкаго есть полнота: это не просто ариѳметика, какъ означено въ заглавіи, но цѣлый курсъ математики съ приложеніемъ ея къ мореплаванію. Впрочемъ, и ариѳметика въ книгѣ Магницкаго обработана съ большею полнотою: видно, что авторъ особенно заботился объ этой части своего сочиненія, имѣя въ виду, конечно, болѣе необходимое приложеніе ея къ жизни, чѣмъ другихъ частей математики»[2]). Въ маѣ 1703 г. напечатаны въ Москвѣ «Таблицы логариѳмовъ и синусовъ, тангенсовъ, секансовъ къ наученію мудролюбивыхъ читателей повелѣніемъ великаго государя царя Петра

---

[1]) П. С. З. VII, № 4.438.

[2]) „Московск. вѣд.“ 1857 г. №№ 68. 69 и 74: первая печатная ариѳметика въ Россіи.

ксѣевича». Въ 1716 году книга эта напечатана была въ московской жданской типографіи вторымъ изданіемъ «со изъясненіемъ удобнѣйіхъ возможно разрѣшати вся треугольники прямолинейные и сферикіе и множайшими вопросами астрономическими, за повелѣніемъ царго величества, во употребленіе и знаніе маѳематико-навигацкимъ никамъ». Послѣ напечатанія таблицъ Логариѳмовъ 1703 года, библекарь В. Кипріяновъ, извѣстный какъ издатель всѣхъ вообще учебіъ пособій математическихъ, равно и географическихъ, издалъ: «ной способъ ариѳметики ѳеорики, или зрительныя, сочиа вопросами ради удобнѣйшаго понятія». «Ариѳметика — говоритъ оръ — есть сирѣчь числительная, сочинена въ толикомъ удобномъ азѣ, яко кіиждо можетъ исчислить всяко исчисленіе веліе въ продаіъ и купляхъ, мѣрахъ и вѣсахъ, во всякой цѣнѣ и во всякихъ деньь, во вся царства всего міра; и служитъ еще во еже раздѣлити кому кую вещь во многой части, и доли раздѣлити въ товариществахъ» р. [1]). Въ мартѣ 1708 г. «повелѣніемъ» Петра Великаго напечатана въ квѣ «Геометрія», славянское землемѣріе, которая въ рукописи слана была «изъ военнаго походу», съ поправками рукою Петра «въ многихъ мѣстахъ». Въ приступѣ «о геометріи вообще» прежде всего ясненно, что «геометрія есть слово греческое, на русскомъ же языкѣ ь оно землемѣріе и художество поля измѣряти, и имѣетъ между искусами математическими первенство, и безъ онаго способу не могутъ цности освидѣтельствоватись». Далѣе, геометрія раздѣлена на ѳеоретику рактику, и доказывается, что одна практика безъ теоретической стоы науки не достаточна. Во второй и третьей статьяхъ говорится пользѣ и о начатіи мѣры художествія». Затѣмъ слѣдуетъ «истолкованіе тому употребленію словесъ: общественныя знаемости (аксіомы); обѣіія или допущенія; первая книга о предметахъ наименьшихъ, вторая га о плоскихъ фигурахъ; четвертая книга о круго-описанныхъ фигуь; пятая книга о пропорціональныхъ линіяхъ; шестая книга о корпуь или тѣлесахъ». Вся геометрія заключается въ практическихъ задаь [2]). Въ 1722 г. издано было краткое руководство для механики, подъ заніемъ: «наука статическая или механика», составленная г. Скорнековымъ-Писаревымъ. О характерѣ этой «Механики» можно ить по слѣдующимъ опредѣленіямъ: «что есть механика? Механика ь художество познавати вѣсы и малыми силами черезъ способъ маіъ великія бремена двигати и подъимати. Чесому учитъ художество науки? Учитъ оное всякія машины для движенія и подъемовъ всяъ бременъ устрояти. Въ какихъ вещахъ состоитъ фундаментъ науки) художества? Фундаментъ механики состоитъ въ вѣскахъ, контарѣ и іагѣ, вверхъ гнущемъ, и со онаго фундамента различныя машины для женія и поднятія великихъ бременъ употребляются. Главнѣйшія же

[1]) Пекарскаго „Матеріалы для исторіи науки и литературы при Петрѣ Велиь“, I, стр. 273.
[2]) Пекарскаго I. стр. 275.

машины раздѣляются на 7. Первыя устрояются перевѣсомъ; вторыя рычагомъ, вверхъ гнущимъ; третьи колесами и стоячими воротами; четвертыя зубатыми колесами и шестернями; пятыя клиномъ; шестыя шурупами или винтами; седьмыя блоками». Затѣмъ изложены 7 задачъ для объясненія всѣхъ исчисленныхъ родовъ машинъ [1]). По части астрономіи тоже довольно переведено было книгъ. Петръ Великій выписалъ очень хорошіе телескопы, инструменты и книги, необходимые при астрономическихъ наблюденіяхъ. Перри, видавшій царя, рязсказываетъ, что государь любилъ самъ наблюдать затменія, дѣлать замѣтки о нихъ и потомъ разсуждать, въ присутствіи бояръ и придворныхъ, о причинахъ подобныхъ явленій и о движеніи небесныхъ тѣлъ по системѣ знаменитаго Ньютона. Въ Вѣдомостяхъ 1706 г. было напечатано «Изъявленіе о затмѣніяхъ», какія имѣли быть въ этомъ году. Въ календарѣ на 1724 г., для объясненія русскимъ читателямъ настоящей причины затменій и для разсѣянія суевѣрныхъ толковъ, помѣщена статья: «Вѣденіе, откуда затмѣнія происходятъ», написанное на основаніяхъ, принимаемыхъ наукою. По волѣ Петра Великаго, дважды издано было въ русскомъ переводѣ, въ 1717 и 1724 годахъ, произведеніе извѣстнаго въ свое время астронома Гюйгенса—Κοσμοθέωρος или Cosmoteros sive de terris celestibus earumque ornatu conjecturae, подъ славяно-русскимъ заглавіемъ: «Книга мірозрѣнія или мнѣніе о небесноземныхъ глобусахъ и ихъ украшеніяхъ». Русскій переводъ этого сочиненія замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ впервые принята и возвѣщена въ Россіи система Коперника, которой не далѣе какъ въ географіи, напечатанной у насъ въ 1710 году, предпочиталось мнѣніе Тихо де-Браге [2]). По части геологіи, переведено было сочиненіе Томаса Бурнета — telluris theoria sacrae: orbis nostri originem et mutationes generales, quas olim subiit et subiturus est complectens, подъ славянскимъ заглавіемъ: «Священная ѳеорія земли, обдержащая начатіе и общественныя премѣны нашего міра, которыя или возъимѣли уже или впредь возъимѣютъ быть». По части географіи, издано было нѣсколько руководствъ. Таковы напримѣръ: «географія или краткое земнаго круга описаніе», напеч. повелѣніемъ царскаго величества въ Москвѣ въ 1710 г. и потомъ въ 1716 г. Въ описаніи каждой страны говорится о границахъ, о почвѣ, о произведеніяхъ, о правленіи, о доходахъ, о главномъ городѣ и о характерѣ каждаго народа. Въ 1718 г. Поликарповъ перевелъ по повелѣнію Петра geographia generalis англичанина Бернгарда Варенія, подъ заглавіемъ: «географія генеральная — небесный и земноводный круги съ ихъ свойствы и дѣйствы». Въ 1719 г. переведены «Kurtzen Fragen aus der neuen

[1]) Пекарскаго, II, стр. 569.

[2]) Пекарскій, I, стр. 282, II, 14. Въ 1700 г. въ Амстердамѣ напечатано было „Уготованіе и толкованіе ясное и зѣло изрядное краснообразнаго поверстанія круговъ небесныхъ ко употребленію (sic) списано есть на картинѣ, съ подвигами планетъ, сирѣчь солнца, мѣсяца и звѣздъ небесныхъ на пользу и упражненіе любящихъ астрономію".

graphie» Іоанна Гибнера, подъ переводнымъ заглавіемъ: Земноводго круга краткое описаніе изъ старыхъ и новыхъ графій. Это сочиненіе, въ свое время, пользовалось огромною изтностью, выдержало въ Европѣ 36 изданій и разошлось въ 100,000 емплярахъ [1]). По части гидравлики или гидростатики, по повелѣнію ра переведена и напечатана была въ 1708 г. въ Москвѣ: «книга о особахъ, творящихъ водохожденіе рѣкъ свободнымъ». собственно архитектура гидравлическая, имѣющая предметомъ столь кное въ Россіи судоходство, устройство и углубленіе каналовъ, также юзы, доки и т. п., съ изображеніемъ машинъ для углубленія каналовъ, поднятія изъ воды потонувшихъ грузовъ, для устройства мостовъ . п. [2]). Для того, чтобы распространить въ русскомъ народѣ естественноорическія знанія о хозяйственныхъ животныхъ и растеніяхъ и вообще естественныхъ условіяхъ сельскаго хозяйства, Петръ велѣлъ перевоь книгу о Садоводствѣ — Le Jardinage de Quintiny и книгу Вольфганга ьмгарда Гохберга: «Georgica curiosa, oder des adelische Land und Feld en», гдѣ изложено все сельское и домашнее хозяйство, заключаются ирные трактаты о земледѣліи, о пчелахъ и червяхъ шелковыхъ, о воъ и лѣсахъ и пр. Въ 1724 г. Петръ самъ просматривалъ переводъ этой иги и для руководства переводчикамъ «выправилъ въ ней трактатъ о збопашествѣ» [3]). Въ точно такомъ же родѣ много было переведено, по елѣнію Петра Великаго, и другихъ книгъ физико-математическихъ и нологическихъ. Въ то же время, чтобы возбудить въ Россіи реальную, ествопознавательную мыслительность, Петръ Великій ввелъ въ Россіи тему реальнаго умственнаго развитія молодыхъ поколѣній. Съ этою ью имъ учреждены были школы цифирныя, математическія, навигацкія ирургическія. Въ математико-навигацкихъ школахъ учили ариѳметикѣ, метріи, тригонометріи, въ приложеніи къ геодезіи и нѣкоторой части рономіи [4]). Ученики учились по тѣмъ математическимъ и физичемъ руководствамъ, какія переведены были при Петрѣ Великомъ. ители были большею частію западные, какъ напр. въ математиковигацкой школѣ англичане Грейсъ, Форварсонъ и Гвинъ, въ мовско-хирургической школѣ извѣстный докторъ Петровскихъ временъ длоо.

Вслѣдствіе такого умственнаго возбудительнаго импульса, произвенаго геніемъ Петра Великаго, подъ руководствомъ переведенныхъ европейскихъ языковъ математическихъ, физическихъ и техническихъ игъ, а также подъ вліяніемъ новооткрытыхъ реальныхъ школъ — гематико-навигацкихъ и хирургическихъ, — въ первомъ же петровмъ молодомъ поколѣніи, дѣйствительно, сталъ зарождаться первый, ріональный зачатокъ математической и естествопознавательной мысли.

---

[1]) Пекарскій, II, 453.
[2]) Пекарскій, II, 182—183.
[3]) Пекарскій, I, 214.
[4]) „Очерк. Истор. Моск. Кадет. Корпуса“ Веселаго. Спб. 1852, 46—47.

Вопервыхъ, зачатки ея обнаружились въ новооткрытыхъ реальныхъ школахъ — математическихъ, навигацкихъ и хирургическихъ. Въ 1703 г. извѣстный прибыльщикъ Петра Великаго, дьякъ Оружейной Палаты. Курбатовъ писалъ про математико-навигацкія школы: «по 16 іюля прибраны и учатся 200 человѣкъ, и англичане (Грейсъ, Форварсонъ и Гвинъ) учатъ наукѣ чиновно». Потомъ Курбатовъ писалъ: «прибрано учениковъ со 180 человѣкъ охотниковъ всякихъ чиновъ людей и учатся всѣ ариѳметикѣ, изъ которыхъ человѣкъ съ десять учатъ радиксы и готовы совершенно въ геометрію, только имѣютъ нужду въ лишеніи инструментовъ... надобно, чтобъ вывезено было (изъ-заграницы) той науки инструментовъ хоть сту человѣкамъ, для того, что въ ариѳметикѣ ученики недолго пробавятся, а въ геометріи безъ инструментовъ быть не возможно. А нынѣ многіе изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейторскіе дѣти и молодые изъ приказовъ подьячіе приходятъ съ охотою не малою»[1]. И въ «Московскихъ вѣдомостяхъ», начавшихъ издаваться съ 1703 года, на первомъ же листкѣ объявлялось: «повелѣніемъ его величесва московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію и діалектику окончали. Въ математической штурманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ». При первомъ военномъ госпиталѣ въ Москвѣ Петръ Великій основалъ школу хирургическую. Извѣстный докторъ Петровскихъ временъ. Бидлоо, бывшій въ этой школѣ преподавателемъ, такъ писалъ объ ея успѣхахъ: «еще я болѣе нежели единаго человѣка работу студентами. елико мнѣ въ сіе краткое время возможно было, на себя принялъ, т. е. оныхъ въ анатоміи, хирургіи и въ искуствѣ травъ научати. И въ семъ мню я, что они во время отъ 4 до 5 лѣтъ толико въ анатоміи и хирургіи обыкли, что я лучшихъ изъ сихъ студентовъ вашего царскаго величества особѣ или лучшимъ господамъ рекомендовать не стыжусь, ибо они не токмо имѣютъ знаніе одной или другой болѣзни, которая на тѣлѣ приключается и къ чину хирурга надлежитъ, но и знаютъ генеральное искусство о всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ отъ главы даже и до ногъ съ подлиннымъ и обыкновеннымъ обученіемъ, какъ ихъ лечить»[2]. Конечно, все это были еще самыя примитивныя, самыя поверхностныя элементарныя знанія въ области естественнаго ученія, но надобно замѣтить, что до Петра Великаго не было и такого естество-испытательнаго сосредоточенія и воспитанія мысли. Далѣе, зачатки математической и естествопознавательной мысли замѣтны были и въ лучшихъ, передовыхъ писателяхъ и дѣятеляхъ Петровскаго времени. Феофанъ Прокоповичъ, по словамъ фон-Гавена. имѣлъ «глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанную охоту къ этой

[1] Соловьева „Истор. Россіи“. XV, 99—100.
[2] Пекарскій. I. 131.

наукѣ» [1]). Дмитрій Кантеміръ, по собственнымъ словамъ его, «сотворилъ близъ шести лѣтъ въ снисканіи таковыя натуральныхъ вещей науки» [2]). Антіохъ Кантеміръ въ прошеніи Петру Великому въ 1724 г. писалъ: «крайнее желаніе имѣю учиться... Имѣю къ математическимъ наукамъ не малую охоту» [3]). Не даромъ Кантеміръ и въ сатирахъ своихъ противъ «хулящихъ ученіе» особенно отстаивалъ естествоиспытательную мысль, стремящуюся «испытывать строй міра и перемѣну или причину вещей», и доказывалъ пользу алгебры, геометріи, физики, астрономіи и медицины [4]). Татищевъ, хотя не зналъ основательно естественныхъ наукъ, но тоже умъ его уже значительно проникнутъ былъ естественно-научнымъ раціонализмомъ. Суевѣрія древней Россіи и своего времени онъ критиковалъ уже чисто съ естественной точки зрѣнія. Движимый потребностью реальной мысли, реальнаго знанія, онъ занимался Сибирской географіей и въ «предисловіи о сочиненіи исторіи и географіи россійской» высказалъ потребность обширнаго естественно-историческаго и физико-географическаго изученія Россіи. Говоря напр. «о свойствѣ и дѣйствѣ воздуха», онъ предлагаетъ запросы о силѣ и продолжительности зимы, о вскрытіи и замерзаніи рѣкъ, о дождяхъ, градѣ, громѣ, молніи, зарницѣ, сѣверномъ сіяніи и пр. Въ отдѣлѣ «о водахъ» требуетъ точныхъ знаній о географіи морей, о наводненіяхъ и упадкахъ водъ, объ островахъ, мысахъ или косахъ и о судоходныхъ рѣкахъ, объ озерахъ, колодезяхъ, цѣлебныхъ ключахъ и т. п. Въ главѣ «о природномъ состояніи земли» Татищевъ требуетъ точныхъ свѣдѣній о почвѣ и ея произведеніяхъ, также о мѣстныхъ родахъ хлѣбовъ, овощей, о мѣстныхъ звѣряхъ, домашнихъ животныхъ, рыбахъ и птицахъ, причемъ дѣлаетъ собственныя естество-историческія замѣчанія и указанія, пріобрѣтенныя собственнымъ наблюденіемъ. Въ отдѣлѣ «о подземностяхъ» Татищевъ задаетъ вопросы не только о различныхъ родахъ металловъ и менераловъ, но и о различныхъ ископаемыхъ окаменѣлостяхъ, напр. желаетъ знать: «находятся ли нашихъ животныхъ кости въ землѣ, въ какой глубинѣ, какой великости, или тягости и цвѣта; нѣтъ ли какихъ окаменѣлыхъ вещей, или при рѣкахъ обрѣтенныхъ, яко: разныхъ видовъ раковины, рыбы, деревья и травы, или подобныя каменья коимъ либо плодамъ, яко яблокамъ, грушамъ и сѣменамъ, и т. п., таковые собирать и въ академію сообщать», и т. д. Зачатокъ реальнаго направленія мысли выразился и въ томъ убѣжденіи Татищева, что исторія безъ географіи не мыслима: «исторія — замѣчаетъ онъ — безъ землеописанія (географіи) совершеннаго удовольствованія къ знанію намъ подать не можетъ [5]). Но всего доказательнѣе зародышъ естествопознавательной мысли выразился въ естество-испытательной мысли Ломоносова. Это былъ собственно первый русскій есте-

---

1) Пекарскій I. 488.
2) Отрывокъ изъ письма Дм. Кантеміра, отъ 23 ноября 1719 г. Пекарскій, I, 571.
3) Пекарскій, I, 578.
4) Сатиры и др. соч. Кантеміра. 1762 г.
5) Н. Поповъ, „Татищевъ и его время“, М. 1861, 664—676.

ствоиспытатель. Отъ него ведетъ свое начало, свою генеалогію генерація нашихъ національныхъ натуралистовъ, естествоиспытателей[1]). Ломоносовъ уже не только зналъ математику, физику, химію, астрономію, метеорологію и пр., но и самъ, первый въ Россіи, производилъ физико-химическіе опыты и разныя естественно-научныя наблюденія. Это былъ первый русскій натуралистъ, который выработалъ кое-какія свои новыя, какъ онъ выражался, ѳеоріи, или сдѣлалъ нѣкоторыя открытія и вообще выработалъ свою систему физической химіи. Такъ напр. онъ немного раньше Франклина и потому независимо отъ него объяснилъ разныя явленія воздушнаго электричества и дошелъ до своей «громовой ѳеоріи». Первенство Ломоносова въ этихъ открытіяхъ признавали нѣкоторые современные ученые его товарищи, и побудили его высказать въ «словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ», читанномъ 26-го ноября 1753 г., слѣдующее объясненіе: «погруженію и восхожденію атмосферы кратко коснулся славный господинъ Франклинъ въ своихъ письмахъ; однако, что я въ моей теоріи о причинѣ электрической силы въ воздухѣ ему ничего не долженъ, изъ слѣдующаго явствуетъ. Вопервыхъ, о погруженіи верхняго воздуха я уже мыслилъ и разговаривалъ за нѣсколько лѣтъ; Франклиновы письма увидѣлъ впервые, когда моя рѣчь была почти готова, въ чемъ я ссылаюсь на своихъ господъ товарищей. Вовторыхъ, погруженіе верхней атмосферы Франклинъ положилъ только догадкою въ нѣсколькихъ словахъ. Я свою теорію произвелъ изъ наступающихъ внезапно великихъ морозовъ, т. е. изъ обстоятельствъ въ Филадельфіи, гдѣ живетъ Франклинъ, неизвѣстныхъ. Втретьихъ, доказалъ и выкладкою, что верхній воздухъ въ нижнемъ не токмо погрузиться можетъ, но иногда и долженъ. Вчетвертыхъ, изъ сего основанія истолкованы мною многія явленія, съ громовою силою бывающія, которыхъ у Франклина нѣтъ и слѣду. Все сіе не того ради здѣсь прилагается, чтобъ я хотѣлъ себя ему предпочесть; но послѣдовало изволеніе господъ товарищей, которые сіе къ моему оправданію присовокупить мнѣ приговорили[2]). И дѣйствительно, въ томъ же самомъ словѣ о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ, гдѣ Ломоносовъ излагаетъ свою теорію грома, онъ высказалъ много такихъ мыслей или выводовъ, которые видно что добыты были отчасти и его собственными размышленіями, опытами и наблюденіями, какъ напр. о вліяніи морей и континентовъ на климатъ, подтверждаемомъ метеорологическимъ наблюденіемъ въ Россіи и Сибири, о происхожденіи внезапныхъ морозовъ зимой, вслѣдствіе погруженія или ниспусканія воздуха изъ среднихъ слоевъ атмосферы въ нижніе, о вліяніи природы веществъ или тѣлъ на

[1]) Поповскій выразилъ это значеніе Ломоносова такимъ стихомъ:

> Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
> Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ, Ломоносовъ.

[2]) Сочин. Ломоносова, изд. 1803 г. ч. III, стр. 64.

ющеніе тепловыхъ лучей, объ испытаніи съ электрическимъ прибо-
ь чувствительности къ электрической силѣ американскаго растенія
sitiva, для дознанія вліянія электрической силы, производимой сол-
ными лучами въ воздухѣ, на раскрытіе днемъ листьевъ у нѣкото-
ъ растеній и т. п.[1]). Въ «словѣ о происхожденіи свѣта, новую
ію о цвѣтахъ представляющемъ», читанномъ 1-го іюля 1756 года,
юносовъ ясно высказалъ идею единства силъ природы относи-
ьно электрической силы, теплоты и свѣта, слѣдовательно доходилъ
нея своимъ умомъ, самостоятельно, задолго до разработки этой идеи
юни, Карно, Майеромъ, Грове, Фарадеемъ и Гельмгольцемъ. Ломоно-
ь, опровергая теорію Ньютона и Гассенди о происхождніи свѣта
ь текучаго, на подобіе рѣки разливающагося движенія отъ свѣтя-
ся тѣлъ тончайшей жидкости, отнюдь не осязаемой матеріи», вы-
залъ такую свою теорію, что свѣтъ, теплота и электричество суть
то иное, какъ разныя формы частичнаго (молекулярнаго) движенія
тѣлахъ. «Доказано мною въ разсужденіи о причинѣ теплоты и стужи,—
оритъ Ломоносовъ, — что теплота происходитъ отъ коловратнаго
женія частицъ, самыя тѣла составляющихъ. Желѣзо, когда куютъ,
рѣвается; собственная его матерія, стѣсняясь треніемъ и обращеніемъ
тицъ, разгорается. Когда мѣдь или другой металлъ въ крѣпкой водкѣ
творяется, или известь водою будетъ помочена, тогда безъ всякаго
рѣвающаго тѣла теплота въ нихъ производится сама собою... И такъ
лотворная матерія принята произвольно... Изъ животныхъ безпрестанно
лота простирается, и нагрѣваетъ приближенныя къ нимъ вещи. Многія
оныхъ никогда теплой пищи не принимаютъ. Поборники и защитники
лотворной матеріи, истолкуйте, какою дорогою входитъ она въ жи-
ныхъ нечувствительно, чувствительно выходитъ?.. Всѣ сіи затруд-
ія, или, лучше сказать, невозможности уничтожаются, когда поло-
мъ, что теплота состоитъ въ коловратномъ движеніи нечувствительныхъ
тицъ, тѣла составляющихъ. Не нужно будетъ странное и непонятное
лотворной нѣкоторой матеріи изъ тѣла въ тѣло перехожденіе, которое
токмо не утверждено доказательствами, но ниже ясно истолковано
ь можетъ. Коловратное движеніе частицъ на изъясненіе и доказа-
ьство всѣхъ свойствъ теплоты достаточно. Для большаго о семъ увѣ-
ія отсылаю охотниковъ къ разсужденію моему о причинахъ теплоты
тужи и къ отвѣтамъ на критическія противъ оной разсужденія»[2]).
тѣе, Ломоносовъ, объясняя свои выводы о явленіяхъ теплоты и свѣта,
съ различныхъ видоизмѣненіяхъ или формахъ движенія, точно также,
механической точки зрѣнія, разсуждалъ о происхожденіи свѣта:
казавъ невозможность текущаго эѳирнаго движенія, безъ сомнѣнія
нять мы должны зыблющееся его движеніе за причину свѣта. Напри-
ъ всѣмъ знающимъ извѣстно, что круглая жидкая капля послѣ удару
твердое тѣло трясется, сжимаясь и расширяясь; такимъ образомъ

[1]) Сочин. Ломоносова, ч. III, стр. 58—60, 66—67, 69—77.

[2]) Сочин. Ломоносова, ч. III, стр. 160—163.

приводитъ эѳиръ въ трясущееся движеніе, которое свѣтъ рождаетъ. Такъ свѣтитъ фосфоръ и другія ему сродныя матеріи, безъ жару сіяющія». Механическими законами движенія Ломоносовъ объяснялъ и всѣ явленія въ нервной сферѣ человѣка и животныхъ. Высказавъ свою идею «о совмѣстныхъ или сцѣпляющихся другъ съ другомъ нечувствительныхъ первоначальныхъ частицахъ, тѣла составляющихъ», и о частицахъ «несовмѣстныхъ или несцѣпляющихся и недвижущихся», Ломоносовъ дальше говоритъ: «вообразивъ сіе основаніе, ясно себѣ представить можете всѣхъ чувствъ дѣйствіе и другихъ чудныхъ явленій и перемѣнъ въ натурѣ бывающихъ. Жизненные соки въ нервахъ таковымъ движеніемъ возвѣщаютъ въ голову бывающія на концахъ ихъ перемѣны, сцѣпясь съ прикасающимися имъ внѣшнихъ тѣлъ частицами. Сіе происходитъ нечувствительнымъ временемъ для безпрерывнаго совмѣщенія частицъ по всему нерву отъ конца до самаго мозгу. Ибо по механическимъ законамъ извѣстно, что многія тысячи такихъ шаровъ или колесъ, когда они стоятъ въ совмѣстномъ сцѣпленіи безпрерывно, должны съ однимъ повернутымъ внѣшнею силою вертѣться, съ остановленнымъ остановиться, и съ нимъ вмѣстѣ умножать или умалять скорость движенія. Такимъ образомъ кислая матерія, въ нервахъ языка содержащаяся, съ положенными на языкъ кислыми частицами сцѣпляется, перемѣну движенія производитъ, и въ мозгѣ оную представляетъ. Такимъ образомъ рождается обоняніе. Такъ происходятъ химическіе растворы, спуски, кипѣнія. Симъ путемъ или орудіемъ электрическая сила дѣйствуетъ, и ясно представлена, и истолкована и доказана быть можетъ, безъ помощи непонятнаго вбѣгающихъ и выбѣгающихъ безъ всякой причины противнымъ движеніемъ чудотворныхъ матерій. Представимъ только, что чрезъ треніе стекла производится въ эѳирѣ коловратное движеніе его частицъ, отмѣнною скоростію, или стороною отъ движенія прочаго эѳира. Отъ поверхности стекла простирается оное движеніе по удобнымъ къ тому, особливо водянымъ или металлическимъ скважинамъ. Не требуется здѣсь непонятное текущее движеніе частицъ эѳира, но токмо легкое вертѣніе оныхъ... Электрическая искра и чувство болѣзни, громовые удары и другія явленія и свойства по бывшимъ нынѣ толкованіямъ еще больше чудны, нежели ясны остались. По сей системѣ совмѣщенія частицъ (или коловратнаго движенія совмѣстныхъ частицъ) представляются легко, понятнымъ механическимъ образомъ» [1]). Много оригинальныхъ мыслей Ломоносовъ высказалъ также въ своей теоріи цвѣтовъ, въ «словѣ о рожденіи металловъ отъ трясенія земли», чит. 6 сентября 1757 г., въ «разсужденіи о большей точности морскаго пути», чит. 8 мая 1759 г., гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ, «о составленіи истинной магнитной ѳеоріи», «о сочиненіи ѳеоріи морскихъ теченій», «о предсказаніи погодъ, а особливо вѣтровъ», въ «словѣ о явленіи Венеры на солнцѣ, наблюденномъ въ с.-петербургской академіи наукъ мая 26 дня 1761 г.», и пр. Но для насъ достаточно извлеченныхъ мыслей его, чтобы убѣдиться,

1) Тамъ же, 169—172.

о въ умѣ Ломоносова дѣйствительно былъ уже зародышъ раціональной гествоиспытательной мысли. И мысль эта такъ живо проникала и эргично двигала его умъ, что онъ былъ въ то же время первымъ, къ сказать, публицистомъ или пропагандистомъ естествознанія. Онъ рвый читалъ русской публикѣ курсъ экспериментальной физики. И ждое слово его о природѣ, — раскрывалъ ли онъ программу своихъ бличныхъ чтеній по физикѣ, или говорилъ слово о пользѣ, химіи, ово о происхожденіи свѣта и пр., — каждое его слово начиналось одушевленнымъ, энергическимъ призывомъ русскаго общества къ гествознанію, убѣжденіемъ его не только въ пользѣ, пріятности, но и святости естествознанія. Только мыслитель, самъ всецѣло проникнутый гествопознавательною мыслью и глубокою любовью къ естествознанію,— лько такой мыслитель могъ отъ всей души, отъ всего сердца призыть общество—полюбить естественныя науки, «испытаніе натуры».

Но если математическая и естествопознавательная мысль и зародись въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, то она была еще эмбріольна, зачаточна, и потому крайне не зрѣла, не самостоятельна и не слѣдовательна, и потомъ зародилась она еще только въ весьма неюгихъ умахъ, а массѣ общества и народа была еще попрежнему вершенно чужда. Во-первыхъ, воспитанный вѣковой, исключительно изической работой народа въ сферѣ природы, непосредственно-натуральій сенсуалистическій умственный складъ народа, не вооруженный льнымъ, философскимъ мышленіемъ, послѣ вѣковой запущенности или ковой эксплуатаціи теоретическаго развитія высшихъ мыслительныхъ особностей народа, оказался на первыхъ порахъ крайне малоспособнымъ математическому и естественно-научному мышленію и теоретизму. лѣдствіе вѣкового господства непосредственно-натуральной наблюдальности или воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ надъ логическою, ıслительною переработкою чувственныхъ данныхъ,—русскіе на первыхъ рахъ естественно только глазѣли, видѣли и осматривали разные предты и явленія природы, но мыслью, умомъ не углублялись въ сущность ъ и не понимали ихъ значенія. Ученики и путешественники, ѣздившіе и Петрѣ Великомъ «въ науку за море», при видѣ, напримѣръ, естественноучныхъ музеумовъ, анатомическихъ театровъ и т. п., только глазами опали, а сути, естественно-научнаго смысла, интереса и значенія ихъ понимали. Напримѣръ, одинъ неизвѣстный по имени русскій путеэственникъ, бывшій на западѣ въ 1697 и 8 годахъ, съ удивительнымъ зпристрастіемъ и безразличіемъ описываетъ подъ-рядъ и совершенно инаковымъ тономъ и штуки какого-нибудь фокусника и замѣчательныя оизведенія природы. Осмотрѣвши замѣчательный анатомическій кабитъ Рюйша, онъ ограничился однимъ поверхностнымъ видѣніемъ ѣхъ физическихъ достопримѣчательностей его, и все, что видѣлъ, зъ всякой идеи и мысли записалъ въ свой дневникъ: «видѣлъ — ворить онъ — у доктора анатоміи кости, жилы, мозгъ человѣческій, ıлеса младенческія и какъ зачинается во чревѣ и родится; видѣлъ рдце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень;

и вся внутренняя разнята разно, и жила та, на которой легкое живетъ, подобно какъ тряпицы старой; жилы, которыя въ мозгу живутъ: видѣлъ пятьдесятъ тѣлесъ младенческихъ въ спиртусахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны; видѣлъ, какъ тѣло мужское и женское четырехъ лѣтъ возраста нетлѣнно, и кровь знать, глаза бѣлы и тѣла мягки, а лежатъ безъ спиртусовъ; у женскаго пола внутренняя, сердце и печень поднято; кишки, желудокъ — все нетлѣнно; видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще бараньей, и кожа, которая на мозгу живетъ—вся въ жилкахъ; косточки маленькія будто молоточки, которыя въ ушахъ живутъ; животныя отъ многихъ лѣтъ собраны и нетлѣнны въ спиртусахъ; мартышки и звѣрки индѣйскіе, змѣи предивныя, лягушки, рыбы морскія и многія птицы разныя, зѣло удивительныя: крокодилъ — змѣй съ ногами, главы долгія; змѣй о дву головахъ. Звѣря тутъ же видѣлъ, который родится чрезъ естество, собою въ большую мышь, безъ шерсти, а родитъ отъ себя подобну себѣ скотину, и видѣлъ тутъ же многихъ маленькихъ, половина вышла больше двадцати; тутъ же жуки предивные и бабочки великія собранныя, зѣло изрядныя» [1]). Видѣть «предивные» естественные предметы и описывать ихъ номенклатуру древне-русскимъ языкомъ, наподобіе межевыхъ записей, еще могли; но понимать естественные предметы, понимать естественныя науки, особенно тѣ, которыя наиболѣе требовали развитого, сильнаго мышленія, какъ математика,—это уже большею частію было не подъ силу русскимъ умамъ. «Наука опредѣлена мнѣ самая трудная,—такъ писалъ, напр., изъ-за границы въ 1711 г. кн. Мих. Голицынъ,—послали изучать математико-навигацкія науки: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ» [2]). И удивительна ли эта первоначальная непонятливость русскихъ умовъ, особенно при изученіи математики, когда вѣковое господство примитивнаго, непосредственно-натуральнаго сенсуализма до того исключало развитіе мыслительныхъ способностей народа, что умъ его, наконецъ, оказывался вовсе неспособнымъ ни къ какому абстрактному, отвлеченному процессу мышленія и соображенія. Дошло до того, что безъ наглядки, безъ помощи рубежей и счетовъ большая часть русскихъ вовсе не умѣла считать. По свидѣтельству капитана Перри, до XVIII вѣка у насъ всѣ математическія выкладки въ присутственныхъ мѣстахъ и частныхъ дѣлахъ производились на счетахъ. Перри по этому случаю затѣйливо описалъ наше старинное математическое орудіе, и добавилъ, что въ его время въ Россіи людей, знавшихъ ариѳметику, было весьма мало; они считались остроумнѣйшими головами, одаренными блестящими способностями [3]). Поэтому же, когда стали въ Россіи въ XVII вѣкѣ издаваться переводныя ариѳметики,—грамотники русскіе воздавали дань удивленія остроумію и замысловатости ариѳметическихъ правилъ: «составлено дивное, — говорилось, напр., въ

[1]) Пекарскій, I, 149.
[2]) Тамъ же, 143.
[3]) „Etat présent de la Russie", 1717, 258—259. Пекарскій, I, 269.

едисловіи къ одной ариѳметикѣ XVII вѣка, — дивное и премудрое итаніе тройное... Книга сія по истинѣ разумѣніемъ и вымышлеемъ дальнимъ учинена и предана» [1]). Вообще, вслѣдствіе кового преобладанія верхоглядного сенсуализма и по неразвитости)ретической мыслительности, или способности размышленія, русіе, безъ помощи сенсуальныхъ, наглядныхъ показаній обсерваторій, бораторій, почти еще вовсе не могли понимать теоретическаго ученія гественныхъ наукъ, напр., теоретической механики и т. п. Поэтому, ужившій въ академіи наукъ профессоръ оптики и механики I. Г. Лейтнъ далъ такой отзывъ о русскихъ ученикахъ: «въ 1731 году прислали тѣ русскаго, Петра Ремезова, знающаго по-русски и по-нѣмецки: онъ ился у меня теоретической механикѣ; болѣе не нашлось желающихъ у ня учиться конечно потому, что наука моя требуетъ ізмышленія, упражненія и лабораторіи [2]).

Поверхностное сенсуалистическое воззрѣніе на предметы природы це вполнѣ преобладало надъ научнымъ изслѣдованіемъ ихъ не только немногихъ любителей «натуралій», но и въ самой академіи наукъ, въ ученомъ персоналѣ. Научнаго взгляда напр. на собранія зоологическаго ібинета еще не было. На нихъ смотрѣли еще или какъ на поразительныя ія глазъ «диковины», «раритеты» и «куріозы», и для этого бирали преимущественно рѣдкіе, необычайные, аномальные и искусвенно передѣланные предметы природы, или же особенно выдающіяся іатураліи» разсматривали какъ «диво» или «чудо Божіе» [3]). Вообще,) словамъ Брандта, до 1742 года или даже до Палласа (1766) на зоологическій музеумъ при академіи наукъ смотрѣли еще какъ на собраніе)стопримѣчательностей, раритетовъ и курьезовъ; научныхъ работъ и іслѣдованій при помощи академическаго кабинета до 1742 г. еще вовсе : было, даже ни разу еще не былъ публикованъ каталогъ зоологическаго зеума, хотя коллекція его уже вполнѣ заслуживала научнаго вниманія взгляда, такъ какъ въ зоологическомъ кабинетѣ въ 1742 г. было уже 2 млекопитающихъ, 755 птицъ, 900 амфибій, 470 рыбъ, 218 раковъ и)угихъ морскихъ животныхъ и нѣсколько тысячъ насѣкомыхъ [4]). Точно

---

1) Пекарскій, I, 265.

2) „Атеней", 1858 г., ч. II. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи. П. 383.

3) „Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg", t. VII, № 4:)n F. Brandt, Das zoologische Museum, S. 11. Именно Брандтъ говоритъ: Man zu iner Zeit dieselben (Sammlunger zoologischer Gegenstände) gewöhnlich nur als ərkwürdigkeiten anstaunte und bizarren, anomalen oder künstlich verzerrten Formen ınz besondere Aufmerksamkeit schenkte, so dass die Sammlungen mehr ergötzliıen Unterhaltung als zur Belehrung dienten, oder die auffallenden Objecte ərselben als göttliche Wunder angeschaut wurden.

4) Брандтъ такъ характеризуетъ первый періодъ существованія зоологич. зеума академіи наукъ: Die erste Periode umfasst den Zeitraum, wo sie (zoologischen ımmlungen) offenbar nur als Merkwürdigkeiten angesehen wurden. Sie repräsentirten so zu jener Zeit einen Verein von Raritäten, kein eigentliches Museum im nne der Neuzeit. Auch wurde damals, so viel bekannt, über dieselben noch keine issenschaftliche Arbeit, ja nicht einmal ein Catalog publicirt. Ibid., S. 24.

также однимъ верхоглянымъ, поверхностнымъ взглядомъ пользовались коллекціи минералогическаго кабинета, заключавшія въ себѣ въ 1760 г. до 4,098 штукъ однихъ не-русскихъ минераловъ и до 266 штукъ разныхъ камней, и древнѣйшіе гербаріи Рюйша и Аммана, изъ коихъ послѣдній содержалъ въ себѣ 4,676 видовъ: только уже въ 1745 г. составлены и изданы были первые печатные каталоги минералогическаго и ботаническаго музеевъ [1]). Далѣе, вѣковое господство внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ, непосредственно-эмпирическаго сенсуализма надъ раціональнымъ теоретизмомъ до того развило въ умственномъ складѣ русскаго народа привычку ограничиваться верхоглядным, непосредственно чувственнымъ міросозерцаніемъ, что умы русскіе и не чувствовали потомъ, въ эпоху введенія въ Россію естественныхъ наукъ, никакой наклонности и потребности углубляться въ сущность и причины физическихъ явленій. Вслѣдствіе этого представителямъ юной естествопознавательной мысли въ Россіи въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, да и послѣ, необходимо было еще возбуждать, воспитывать въ обществѣ потребность и наклонность къ умственному углубленію въ предметы и явленія природы, нужно было раскрывать и доказывать, что одного поверхностнаго чувственнаго созерцанія природы не достаточно, что необходимъ глубокій разсудочный анализъ предметовъ и явленій природы: что при «чувственномъ окѣ», какъ выражался Ломоносовъ, необходимо еще «зрѣніе разсужденія, око остроумія» [2]). Въ программѣ публичнаго чтенія на русскомъ языкѣ физики съ опытами въ 1750 году, Ломоносовъ говорилъ публикѣ: «Смотрѣть на роскошь преизобилующей натуры, слушать тонкій шумъ трепещущихъ листовъ и внимать сладкому пѣнію птицъ— есть чудное и духъ восхищающее увеселеніе. Но хотя и эти истинныя блаженства рода человѣческаго и безпорочныя преимущества столь пріятны, вожделѣнны, полезны и святы, однако могутъ быть приведены въ несравненно высшее достоинство, чего должны искать въ подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самыхъ вещей, отъ которыхъ сіи блаженства и преимущества происходятъ. Кто знаетъ свойства и смѣшенія малѣйшихъ частей, составляющихъ чувствительныя тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы,—коль вящшее увеселеніе имѣетъ онъ предъ тѣмъ, кто только на внѣшній видъ вещей смотритъ и вмѣсто самихъ почти одну тѣнь оныхъ видитъ... Изъ всего сего явствуетъ, что блаженства человѣческія увеличены и въ высшее достоинство приведены быть могутъ только яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ натуры, котораго источникъ есть натуральная философія, обще-называемая физика. Она раздѣляетъ смѣшеніе, различаетъ сложеніе частей, составляющихъ натуральныя вещи, усматриваетъ въ нихъ взаимныя дѣйствія и союзъ, показываетъ ихъ причины, описываетъ непоколебимые естественные уставы

---

[1]) „Bulletin de l'Acad. de Scienc. de St.-Pet.“, t. VII, № 4: Zur Geschichte der Museen der Kaiser. Acad. der wissensch. von Ruprecht und von Ad. Goebel.

[2]) Сочиненія Ломоносова, III, 147—148.

въ умѣ воображаетъ, что отъ чувствъ нашихъ долготою времени, дальностью разстоянія или дебелостью великихъ тѣлъ закрыто, ли по безмѣрной тонкости чувствамъ не подвержено. Сей столь олезной и достохвальной науки основаніемъ суть надежные и достовѣрые опыты надъ тѣлами и ихъ дѣйствіями, изъ которыхъ вывоятъ и поставляютъ мысленныя физическія предложеія (теоріи), показываютъ и доводами утверждаютъ причины натуральыхъ перемѣнъ и явленій. Того ради императорская академія наукъ, по законенію премудраго основателя ея, желающихъ учиться натуральной илософіи на физическіе опыты призываетъ, ничего иного отъ нихъ не елая, какъ только постояннаго слушанія» [1]). Чтобы еще яснѣе и убѣительнѣе раскрыть русскому обществу всю ограниченность и мелкость іросозерцанія, сообщаемаго одними внѣшними чувствами и простою паятью, и показать безмѣрное преимущество міросозерцанія, выработаннаго стествоиспытательною мыслью, Ломоносовъ противопоставляетъ безсмыіенному и малопамятному верхогляду-дикарю глубокомысленный и многоъемлющій умъ натуралиста, или мыслителя-естествоиспытателя. «Предавьте разность обоихъ въ мысляхъ вашихъ,—говоритъ онъ.—Представьте, го одинъ человѣкъ не многія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда редъ глазами его обращающіяся, только назвать умѣетъ; ругой—не токмо всего, что земля, воздухъ и воды рождаютъ, имена, ойства и достоинства языкомъ изъясняетъ, но и чувствамъ наимъ отнюдь не подверженныя понятія ясно и живо слоомъ изображаетъ. Одинъ выше числа перстовъ своихъ въ счетѣ проходить не умѣетъ; другой не токмо чрезъ величину тягость безъ вѣсу, резъ тягость величину безъ мѣры познаетъ, не токмо на землѣ неприупныхъ вещей разстояніе издалека показать можетъ, но и небесныхъ ѣтилъ ужасныя отдаленія, обширную огромность, быстротекучее двиеніе и на всякое мгновеніе ока перемѣнное положеніе опредѣляетъ. динъ лѣтъ своей жизни, или краткаго вѣка дѣтей своихъ показать знаетъ; другой не токмо прошедшихъ временъ многоразличныя и очти безчисленныя приключенія, въ натурѣ и въ обществахъ бывшія, лѣтамъ и мѣсяцамъ располагаетъ, но и многія будущія предвозщаетъ» и пр. [2]). Послѣ вѣкового господства одного «чувственнаго ка» въ созерцаніи природы, Ломоносовъ призывалъ умы русскіе стремить «очи остроумія и разужденія» на испытаніе приинъ физическихъ явленій, и какъ бы ни было это на первыхъ рахъ трудно для «зрѣнія разсужденія», все-таки онъ настоятельно ебовалъ умственнаго труда въ дѣлѣ познанія природы. «Какъ чувственное ко—говорилъ онъ въ словѣ о свѣтѣ—прямо на солнце смотрѣть не можетъ, къ и зрѣніе разсужденія притупляется, изслѣдуя причины происжденія свѣта и раздѣленіе его на разные цвѣты. Что-жъ намъ, оставить надежды? Отступить ли отъ труда? Отдаться ли въ отчаяніе о успѣхахъ

[1]) Соч. Ломон. 1803 г. ч. III, стр. 1—7.
[2]) Ibid., стр. 9—11.

Никакъ! Поднявшись выше всякаго мрака предупрежденныхъ мыслей, устремимъ, сколько возможно, остроумія и разсужденія очи для испытанія причинъ происхожденія свѣта и раздѣленія его на разные цвѣты» [1]). Наконецъ, вслѣдствіе вѣкового преобладанія непосредственно-натуральнаго верхоглняднаго сенсуализма надъ умозрительною силою интеллигенціи, — русскіе хотя и видѣли вокругъ себя богатыя сокровища естественной экономіи русской земли, наприм. богатыя золотомъ горы, но сами своимъ умомъ, безъ помощи западной интеллигенціи, ничего не могли открыть и добыть. Одинъ изъ отличнѣйшихъ знатоковъ горнаго дѣла въ свое время, де-Геннинъ писалъ Петру Великому о русскихъ заводчикахъ Строгоновыхъ, просившихъ у него совѣтовъ и изученія въ горномъ дѣлѣ: «Строгоновы, видя нынѣ, что Богъ открылъ много руды, а прежде сего жили они, какъ танталусъ весь въ золотѣ и огорожены золотомъ, а не могли достать, въ такомъ образѣ, что жили они въ мѣди, а голодны, и нынѣ просили меня, чтобъ я съ ними товарищъ былъ и показалъ имъ, какъ плавить и строить» [2]). Рудопріискатели — справедливо замѣчаетъ г. Н. Поповъ—мало обращали вниманіе на природу, среди которой кипѣла ихъ дѣятельность. Они знали только, что горный кряжъ, идущій изнутри Башкиріи до самаго Верхотурья, состоитъ изъ горъ не очень дикихъ, прикрытыхъ черноземомъ, хорошими травами и лѣсомъ; что кряжъ, уходившій на сѣверъ отъ Верхотурья, гдѣ замѣтнѣе другихъ вершинъ были Косвинскій и Павдинскій Камни, состоялъ изъ горъ чрезъ мѣру высокихъ, голыхъ и дикихъ, отчасти поросшихъ мхомъ, отчасти малымъ лѣсомъ; что всѣ рѣки, бѣгущія изъ Каменнаго пояса въ полуденную сторону, прошли въ Сибирь, а текущія на полночь, ушли въ Русь, что въ первыхъ нѣтъ ни раковъ, ни форели, а во вторыхъ и тѣ и другія водятся» [3]). Слѣдовательно всѣ физико-географическія знанія о природѣ новооткрытыхъ странъ ограничивались сенсуально-поверхностнымъ обозрѣніемъ и представленіемъ однихъ видимыхъ, осязаемыхъ и невольно выдающихся на взглядъ предметовъ уральско-сибирской природы.

Далѣе, вслѣдствіе вѣкового господства внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ и вѣкового отсутствія постепеннаго развитія раціональной мыслительности,—народъ русскій логически послѣдовательно не приготовленъ былъ къ убѣжденію въ пользѣ естественныхъ наукъ, къ умственному примиренію съ ихъ раціонализмомъ. Вслѣдствіе вѣкового пееобладанія вѣры и суевѣрья надъ разумомъ и мыслью, психопатическое, сенсуально-галлюцинаціонное міросозерцаніе никакъ не могло согласоваться съ раціональнымъ, естественно-научнымъ міросозерцаніемъ. Поэтому, старое, сенсуально-галлюцинаціонное, суевѣрно-религіозное предубѣжденіе противъ естественныхъ наукъ въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи господствовало еще въ высшей степени и сильно мѣшало развитію національной, естествопознавательной мыслительности. Въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи

[1]) Ibid., 147,—148.
[2]) Н. Поповъ, „Татищевъ и его время, 45.
[3]) Ibid, 135.

кругомъ множество было людей, которые, подобно осмѣиваемымъ въ сатирѣ Кантеміра «на хулящихъ ученіе»—Критону и Сильвану, «съ чотками въ рукахъ ворчали—вздыхали, что сѣмя естественныхъ наукъ вредно», что «испытывать строй міра и вывѣдывать вещей перемѣну или причину, мало подая вѣры освѣщенному чину», грѣхъ и сумасшествіе. Люди эти, вовсе не понимая своимъ неразвитымъ умомъ теорій естественно-математическаго ученія, съ фанатической злобой роптали и возставали противъ распространенія въ Россіи дотолѣ вовсе невѣдомыхъ и немыслимыхъ новыхъ естественно-научныхъ теорій, системъ и открытій. Такъ ханжи нападали на переводъ сочиненія Гюйгенса—Cosmoteros: возвѣщенная въ немъ система Коперника казалась русскихъ читателямъ еретическою, противною св. писанію, поэтому, переводъ снабженъ былъ предисловіемъ, гдѣ говорится: «и не буди читателю россійскому чюжо (странно), что нашъ земный глобусъ, купно съ прочими тремя малыми планетами Марсомъ, Венусомъ и Меркуріемъ, такъ зѣло малыми зернышками, примѣромъ противъ солнца почитая, представлены суть; луна же убо такова мала и незнатна, что едва видѣть возможно... Всѣ астрономическія обсерваціи и изъ иныхъ произведенные геометрическіе доводы необманно даютъ знать, якоже онымъ, иже искусство во ариѳметикѣ и геометріи имѣютъ, легко показати возможно, прочіимъ же общей пословицы (людямъ простого сословія) чтобъ искусному и обученному художнику въ его ремеслѣ или художествѣ вѣрити, держаться надлежитъ, и того для стерещися, дабы таковыя ихъ понятію или выразумѣнію трудныя дѣла не за смѣхъ, или басни почтены были». Изъ этихъ словъ видно, что русскому обществу или первому послѣ-петровскому поколѣнію казалось даже еще странною, чюжею аксіома, что земля наша есть не болѣе, какъ зернышко, песчинка въ космической системѣ, и вообще вся система Коперника, трудная понятію или выразумѣнію русскаго общества, не знавшаго математики, казалась смѣшною и баснословною. И несмотря на примирительное предисловіе «книга мірозрѣнія» въ свое время считалась самою богопротивною и противъ нея въ рукописяхъ извѣстны жестокія выходки нашихъ ханжей[1]). Точно также западныхъ ученыхъ, распространявшихъ у насъ математическія и естественныя науки, русскій народъ считалъ чернокнижниками. «Извѣстна репутація Брюса въ Россіи XVIII столѣтія, какъ чернокнижника и астролога,—говоритъ г. Пекарскій. Такъ напр. легенда сохранила, что «Брюсъ, умирая, вручилъ Петру склянку съ живой и мертвой водой, съ тѣмъ, что если онъ пожелаетъ видѣть его ожившимъ, то велѣлъ бы вспрыснуть его трупъ этою водою. Прошло потомъ нѣсколько лѣтъ, и Петръ вспомнилъ о завѣщанной Брюсомъ склянкѣ, велѣлъ разрыть могилу его; къ ужасу присутствовавшихъ оказалось, что покойникъ лежалъ въ могилѣ какъ живой, и у него даже отросли длинные волосы на головѣ и бородѣ и ногти на рукахъ. Царь былъ такъ пораженъ этимъ, что велѣлъ скорѣе зарыть могилу, а склянку разбилъ». «Подобная же легенда нѣсколько короче сообщена о Брюсѣ въ «Очеркѣ морского кадет-

[1]) Пекарскій, I, 283.

скаго корпуса» [1]). Вообще, предубѣжденіе противъ естествознанія, являющееся естественнымъ слѣдствіемъ вѣкового преобладанія до Петра Великаго внѣшнихъ чувствъ надъ раціональнымъ мышленіемъ и слѣпой вѣры надъ развитіемъ разума, было столь сильно въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, что Ломоносовъ долженъ былъ всякими доводами доказывать не только пользу, но и безгрѣшность естествознанія. Одни считали «испытаніе природы продерзостнымъ испытаніемъ таинъ и дѣлъ Творца», и въ несчастномъ пораженіи Рихмана при производствѣ опытовъ надъ громоотводами видѣли подтвержденіе своего предразсудка. Поэтому Ломоносовъ, говоря слово о воздушномъ электричествѣ, долженъ былъ такимъ образомъ защищать естествоиспытателей отъ этого суевѣрнаго нареканія: «Когда употребленіе наукъ—говорилъ онъ—не токмо въ добромъ управленіи государства, но и въ обновленіи, по примѣру Петра Великаго, весьма пространно: того ради истиннымъ симъ доказательствомъ увѣреннымъ намъ быть должно, что оныхъ людей, которые бѣдственными трудами, или паче исполинскою смѣлостію тайны естественныя испытать тщатся, не надлежитъ почитать продерзкими, но мужественными и великодушными, ниже оставлять изслѣдованія натуры, хотя они скоропостижнымъ рокомъ житія лишились... Не думаю, чтобы внезапнымъ пораженіемъ нашего Рихмана натуру испытущіе умы устрашились и електрическія силы въ воздухѣ законы извѣдывать перестали; но паче уповаю, что все свое раченіе на то положатъ съ пристойною осторожностію, дабы открылось, коимъ образомъ здравіе человѣчества отъ оныхъ смертоносныхъ ударовъ могло быть покрыто. Посему и мнѣ о електрическихъ явленіяхъ на воздухѣ предлагающему и вамъ слушающимъ много меньше опасаться должно... Симъ предпріятіемъ не уповаю, слушатели, чтобы въ васъ негодованіе или боязнь нѣкоторая родилась. Ибо вы вѣдаете, что Богъ далъ и дикимъ звѣрямъ чувство и силу къ своему защищенію; человѣку сверхъ того прозорливое разсужденіе къ предвидѣнію и отвращенію всего того, что жизни его вредить можетъ... Посему должно ли тѣхъ почитать дерзостными и богопротивными, которые для общей безопасности къ прославленію Божія величества и премудрости величіе дѣлъ его въ натурѣ молніи и грома изслѣдуютъ? Никакъ, мнѣ кажется, что они еще особливою его щедротою пользуются, получая пребогатое за труды свои мздовозданіе, то есть, толь великихъ естественныхъ чудесъ откровеніе. Отворено видимъ святилище его по открытіи електрическихъ дѣйствій въ воздухѣ, и мановеніемъ натуры во внутренніе входы призываемся. Еще ли стоять будемъ у порога, и прекословіемъ неосновательнаго предувѣренія удержимся? Никоею мѣрою: но напротивъ того, сколько намъ дано и позволено, далѣе простираться не престанемъ, осматривая все, къ чему умное око проникнуть можетъ» [2]). Другіе вообще убѣждены были, что «испытаніе натуры»—грѣхъ, противно вѣрѣ, откровенію, св. писанію. Поэтому Ломоносовъ доказывалъ, наоборотъ, что «испытаніе натуры свято» и нисколько не противно откровенію

[1]) Ibid, I, 289—290.
[2]) Соч. Ломоносова, 52, 108—110.

и вѣрѣ. «Испытаніе натуры трудно, слушатели,—говорилъ онъ,—однако пріятно, полезно, свято»[1]). «Природа и вѣра никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ. Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая — видимый сей міръ, вторая — св. Писаніе. Въ оной книгѣ сложенія видимаго сего міра, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ св. Писанія пророки, апостолы и церковные учители... Не здраво разсудителенъ и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтирѣ можно научиться астрономіи и химіи»[2]). Наконецъ, борясь съ народнымъ преубѣжденіемъ противъ естествознанія, Ломоносовъ раскрывалъ умственно-просвѣтительное значеніе естественныхъ наукъ и необходимость ихъ для разсѣянія народныхъ суевѣрій и предразсудковъ. «Сіе рѣдко случающееся явленіе—говорилъ онъ въ разсужденіи о явленіи Венеры — требуетъ двоякаго объясненія. Первымъ должно отводить отъ людей непросвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ всякія неосновательныя сомнительства и страхи, кои бываютъ иногда причиною нарушенія общаго покоя. Нерѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ, и съ ужасомъ внимаютъ, что̀ при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ о имени Астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь... Но сіе больше касается до простонародья, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ. Крестьянинъ смѣется астроному, какъ пустому верхогляду. Астрономъ чувствуетъ внутреннее увеселеніе, представляя въ умѣ, коль много знаніемъ своимъ его превышаетъ, человѣка себѣ подобно сотвореннаго. Второе изъясненіе простирается до людей грамотныхъ, до чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само по себѣ похвально, если бы иногда не препятствовало излишествомъ своимъ высокихъ наукъ приращенію. Читая здѣсь о великой атмосферѣ около планеты Венеры, скажетъ кто: сіе де надобно Коперниковой системѣ, противно де закону. Отъ таковыхъ размышленій происходитъ споръ о движеніи и стояніи земли. Но сей споръ имѣетъ начало отъ идолопоклонническихъ, а не христіанскихъ учителей... Коперникъ возобновилъ солнечную систему, коя его имя нынѣ носитъ; показалъ преславное употребленіе ея въ астрономіи, которое послѣ Кеплеръ, Ньютонъ и другіе великіе математики и астрономы довели до такой точности, какую нынѣ видимъ въ предсказаніи небесныхъ явленій, чего по земностоятельной системѣ отнюдь достигнуть не возможно»[3]).

Далѣе, вѣковое преобладаніе физической, промышленной работы надъ дѣятельностью интеллектуальной, рабочихъ, промышленныхъ интересовъ

---

[1]) Слово о происх. свѣта, стр. 146.
[2]) Ibid., 350—352.
[3]) Соч. Ломоносова, 342—346.

надъ потребностями умственными, непосредственно-чувственной воспріимчивости надъ теоретическою мыслительностью, во время введенія въ Россіи физико-математическихъ наукъ и реальныхъ, промышленныхъ искусствъ западныхъ, естественно отозвалось наибольшею склонностью народа къ рабочимъ, промышленнымъ, практически прикладнымъ наукамъ, чѣмъ къ теоретическимъ — къ чистой математикѣ и т. п. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 25-го августа 1719 г. (№ 18) объявлено было, что когда устроены были фабрики шпалерныя, подъ вѣдѣніемъ французскихъ мастеровъ, мануфактуры шелковыя, штофныя, ленточныя, чулочныя и шерстяныя, «къ работамъ на эти фабрики и мануфактуры съ 200 человѣкъ охотныхъ робятъ для науки записалось, и простой народъ къ симъ наукамъ особливую охоту показуетъ» [1]. Такъ наглядные образцы практически-полезныхъ, промышленныхъ приложеній естествознанія гораздо больше согласовались съ сенсуалистическимъ умонастроеніемъ народа и больше возбуждали въ немъ охоту, чѣмъ теоретическія физико-математическія науки. Фактъ этотъ показываетъ, что рабочій народъ нашъ съ надлежащимъ успѣхомъ и скорѣе всего можетъ быть введенъ въ область естествознанія только путемъ практическаго, нагляднаго, промышленнаго примѣненія естествознанія, путемъ физическихъ, реальныхъ работъ на фабрикахъ и заводахъ, на практикѣ земледѣлія, скотоводства и т. д. Потому-то и Петръ Великій, геній котораго представлялъ прототипъ народнаго сенсуально-реалистическаго умственнаго склада, былъ, по выраженію Руссо, génie imitatif [2], и который самъ изучалъ европейскія науки по нагляднымъ образцамъ, разсматривая разныя машины, модели, натуральные музеи и кабинеты, а также наглядные физическіе и химическіе опыты, — вводилъ въ Россіи преимущественно тѣ естественныя и математическія науки, которыя наиболѣе приложимы были къ практическимъ, хозяйственнымъ потребностямъ государства и народа, которыя относились напримѣръ къ устройству необходимыхъ въ практическихъ работахъ машинъ, къ архитектурѣ, къ торговлѣ и промышленности, къ мореплаванію и рѣчному судоходству, къ сельскому хозяйству и т. п., и такимъ образомъ практическимъ реальнымъ путемъ, указаніемъ наглядныхъ образцовъ практическаго приложенія естествознанія, вводилъ народъ въ область теоретическаго естествоиспытанія или физико-математическихъ наукъ. «Монархъ, къ великимъ дѣламъ рожденный, — говоритъ Ломоносовъ, — тогда усмотрѣлъ ясно, что ни полковъ, ни городовъ надежно укрѣпить, ни кораблей построить и безопасно пустить въ море нельзя, не употребляя математики; ни оружія, ни огнедышащихъ машинъ, ни лекарствъ безъ физики приготовить, словомъ ни во время войны государству надлежащаго защищенія, ни во время мира украшенія безъ вспоможенія наукъ не возможно... Того ради ввелъ въ Россіи математическія и естественныя науки. Коль

---

[1] Пекарскій, II, 464.

[2] Pierre avait *le génie imitatif*, — говоритъ Руссо. Contrat Social du peuple Livr. II, C. VIII.

ликія употребилъ иждивенія на пріобрѣтеніе вещей драгоцѣнныхъ, гогообразною натуры и художества хитростію произведенныхъ, котоля къ распространенію науки въ отечествѣ удобны ыть казались. И такъ, когда употребленіе наукъ не токмо въ добмъ управленіи государства, но и въ обновленіи, по примѣру Петра эликаго, весьма пространно, — того ради намъ должно быть увѣренными тиннымъ симъ доказательствомъ, что оныхъ людей, которые съ испонскою смѣлостію тайны естественныя испытать тщатся, не надлежитъ читать продерзкими, но мужественными и великодушными, ниже остаять изслѣдованія натуры, хотя они скоропостижнымъ рокомъ живота шились» [1]. Потому же, и самъ Петръ Великій смотрѣлъ на естественля науки больше съ практической точки зрѣнія, какъ на реальныя кусства, и потому называлъ ихъ «художествами»; напримѣръ—«художева математическое, механическое, хирургическое, архитектуръ-цивилисъ, таническое» и т. п. [2]. Съ другой стороны, вслѣдствіе того же вѣкового еобладанія практическихъ работъ и интересовъ народа надъ умственными требностями и теоретическою мыслительностью и любознательностью, родъ не имѣлъ досуга и охоты углубляться въ изученіе теоретическихъ тественныхъ наукъ. Къ тому же, реформа Петра Великаго прибавила наду множество новой практической работы. Поэтому, и самъ Петръ Векій, повелѣвая переводить и издавать для народа математическія и тественныя книги, въ то же время заботился о сокращеніи этихъ книгъ, обы понапрасну не отвлекать народъ отъ работъ и не отбить у читаюаго класса послѣдней охоты къ изученію переводныхъ естественныхъ игъ. Такъ, напримѣръ, Петръ Великій, просматривая въ 1724 г. переводъ иги Land und Feld и собственноручно сокративъ въ ней одинъ трактатъ я примѣра переводчикамъ, писалъ: «трактатъ о хлѣбопашествѣ выпралъ и для примѣра посылаю, дабы посему книги переложены были безъ лишнихъ разсказовъ, кои время только тратятъ и чтущимъ оту отъемлютъ» [3]. Поэтому, и переводчики заботились о краткости даваемыхъ книгъ, чтобы тоже не отвлекать слишкомъ читателей отъ ъ практическихъ трудовъ. Напримѣръ, въ «Географіи или краткомъ мнаго круга описаніи», напечатанной въ Москвѣ въ 1710 г., на стр. 104 азано: «сіе краткое описаніе сотворихомъ точію на пользу таковымъ, же охоту къ вѣдѣнію расположенія круга и частей его и государствъ нихъ содержащихся имутъ; но толикаго времени, за трудами оего званнаго чина, къ прочитанію великихъ книгъ е имѣютъ; егда же сіе, аще и малое, имутъ прочитати внятно, возжно по малу и о иныхъ искусство воспріяти, и со всякимъ пришельцемъ жусно о всякой странѣ разговоры имѣти» [4]. Точно также издатель Іауки Статической или механики», напечатанной въ 1722 г., въ предиовіи оговаривался: «здѣ краткое нѣкое истолкованіе онаго художества;

---

1) Сочин. Ломоносова, 49—52.
2) П. С. З. VII № 4,438.
3) Пекар., I, 214.
4) Ibid., II, 240.

здѣ пространное истолкованіе оставлено, дабы въ науку художества сего вникающимъ многословіемъ охоты не отнять»[1]. Наконецъ, по преобладанію въ народѣ практическаго, промышленнаго умонастроенія, и всѣ первые любители естествознанія въ Россіи доказывали обществу преимущественно практическую пользу естественныхъ наукъ. Ломоносовъ, чтобы возбудить и воспитать въ обществѣ любовь къ глубокому теоретическому познанію естественныхъ наукъ, въ одно и то же время доказывалъ обществу, что основательное и глубокое изученіе «натуральной науки» или «испытаніе натуры»—причинъ, связи и свойствъ «натуральныхъ вещей» сколько доставляетъ умственное наслажденіе, столько же приноситъ и практическую пользу. «Испытаніе натуры трудно, слушатели,—говорилъ онъ,—однако пріятно, полезно. Чѣмъ больше таинствъ ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ далѣе раченіе наше въ испытаніи натуры простирается, тѣмъ обильнѣе собираетъ плоды для потребностей житейскихъ»[2]. Въ программѣ публичныхъ чтеній физики Ломоносовъ говорилъ: «кто мысленныя разсужденія о натуральныхъ вещахъ въ гражданскихъ или домостроительныхъ предпріятіяхъ въ дѣйствіе производитъ, того надежда объ окончиваемыхъ его дѣлахъ тѣмъ тверже есть и увеселительнѣе, тѣмъ безопаснѣе и полнѣе есть его удовольствіе по окончаніи оныхъ вещей»[3]. Слово о пользѣ химіи, говоренное Ломоносовымъ 6-го сентября 1751 года, все есть ничто иное, какъ доказательство практической пользы не только химіи, но математики, физики, геометріи, механики, оптики и даже медицины [4].

Наконецъ, и зародившаяся уже въ немногихъ передовыхъ умахъ математическая и естествопознавательная мысль, въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи была еще весьма не зрѣла, малосильна, одностороння и непослѣдовательна. Вся сила ея заключалась еще только въ убѣжденіи въ пользѣ естественныхъ наукъ, а самостоятельная разработка наукъ еще и не мыслима была. Одинъ только Ломоносовъ, какъ мы видѣли, начиналъ самостоятельно работать въ области химическаго и физическаго испытанія природы. Но и онъ не могъ обходиться безъ западныхъ физическихъ руководствъ: публичныя лекціи физики онъ читалъ по руководству экспериментальной физики Вольфа. И самостоятельныя его химико-физическія разсужденія, часто выводимыя a priori, нерѣдко отзываются парадоксальностью, незрѣлостью, схолатицизмомъ. Господствующій взглядъ его на природу, конечно, сообразно съ духомъ времени и съ умонастроеніемъ русскаго общества—былъ натуръ-философическій, или иногда даже физико-теологическій. Наконецъ, Ломоносовъ, несмотря на то, что былъ натуралистъ, естествоиспытатель, химикъ, все-таки не былъ строго-послѣдовательнымъ, полнымъ реалистомъ. Въ Словахъ о природѣ, о пользѣ химіи, о свѣтѣ, о

[1] Пекар., II, 569.
[2] Соч. Ломоносова, 146.
[3] Ibid., 4.
[4] Ibid., 9—46.

воздушномъ электричествѣ и пр. онъ былъ реалистъ естествоиспытатель, хотя отчасти съ примѣсью физико-теологическихъ воззрѣній на природу; въ такихъ одахъ, или поэмахъ, какъ ода о пользѣ стекла, онъ то же является реалистомъ; но въ высокоторжественныхъ одахъ и вообще во всемъ своемъ стихотворствѣ онъ является идеалистомъ [1]). И вообще, отъ естествоиспытательной мысли, отъ открытій и теорій Ломоносова еще слишкомъ далеко было доростать русской естествопознавательной мысли до геніевъ, теорій и открытій Ньютоновъ, Кеплеровъ, Галилеевъ, Лейбницевъ, Эйлеровъ и пр. Къ тому же юная естествопознавательная мысль русскихъ умовъ, на первыхъ порахъ, была еще столь не зрѣла и не самостоятельна, что очень легко ошибалась въ выборѣ для изученія естественно-научныхъ книгъ на западѣ. Хотя Петръ Великій большею частію съ тактомъ и умѣньемъ выбиралъ и указывалъ книги для перевода, но все-таки не всѣ книги удачно были выбраны. Такъ напр. переводъ астрономіи Гюйгенса только тѣмъ развѣ и полезенъ былъ, что въ ней принята и изложена система Коперника. Но затѣмъ она исполнена странныхъ мечтаній, наприм. объ обитаемости звѣздъ, о звѣздахъ, созданныхъ будто-бы для человѣка и т. п. Вообще, по свидѣтельству Деламбра, это одно изъ слабѣйшихъ сочиненій Гюйгенса, написанное имъ уже въ старости. Потомъ, еще неудовлетворительнѣе выборъ былъ въ переводѣ геологической книги Томаса Борнета—Telluris theoria sacra. Она тѣмъ только и заслужила вниманіе, что впервые вводила въ Россіи идею геологіи. Ляйель такъ говоритъ объ этой книгѣ: «заглавіе этого сочиненія какъ нельзя лучше характеризуетъ вѣкъ Борнета (1690): «Священная теорія земли», содержащая описаніе происхожденія земли и всѣхъ общихъ измѣненій, которымъ она подвергалась и которымъ должна будетъ подвергаться до скончанія всѣхъ вещей». Самъ Мильтонъ въ своей поэмѣ не увлекался такъ сильно воображеніемъ, какъ увлекся Борнетъ при описаніи картинъ Творенія и Потопа, Рая и Хаоса. Онъ объяснялъ, почему первобытная земля наслаждалась непрерывною весною до потопа, показывалъ, какъ кора земного шара давала разсѣлины отъ «солнечныхъ лучей», и прорвавшись наконецъ, дала дилювіальнымъ водамъ свободный выходъ изъ предполагаемой центральной бездны. Не довольствуясь этимъ, онъ заимствовалъ изъ разныхъ авторитетовъ

---

[1]) Ломоносовъ, какъ видно, не сочувствовалъ скептико-критическому раціонализму Вольтера. Посылая Шувалову стихи Вольтера, написанные въ 1751 г. къ Фридриху II—Au Roi de Prusse, Ломоносовъ писалъ къ меценату 3-го окт. 1752 года: „не могу преминуть не прислать Волтеровой музы новаго исчадія, которое объявляетъ, что онъ и его государь безбожникъ. Приличнѣе примѣра найти во всѣхъ Волтеровыхъ сочиненіяхъ невозможно, гдѣ бы виднѣе было его полоумное остроуміе, безсовѣстная честность и ругательная хвала, какъ въ сей панегирической пасквилѣ" (Зап. Акад. Наук. 1862 г., т. I. кн. прил. стр. 23). Впрочемъ, надобно замѣтить, что въ то время „такой знаменитый европейскій математикъ, какъ Эйлеръ, въ письмахъ своихъ—Lettres à une princesse d' Allemagne sur quelques sujets de physique et de philosophie (3 T. Petersb. 1768—1772) и въ сочин. „Rettung der Offenbarung gegen die Einwürfe der Freygeister" (Berlin 1874) являлся защитникомъ спиритуализма. Поэтому Д'Аламберъ о немъ говорилъ: „нашъ другъ — великій аналистъ, но довольно плохой философъ". (Зап. Ак. Н. 1864, т. VI, 60—707).

воззрѣнія на будущіе перевороты земного шара, изображалъ страшную картину разрушенія міра огнемъ, доказывалъ, что новое небо и новая земля возникнутъ изъ второго хаоса—и что засимъ наступитъ благословенный милленніумъ... О мѣстонахожденіи рая (надъ облаками) Борнетъ трактуетъ съ должною важностью. Ботлеръ осмѣялъ эту мечту въ своей сатирѣ. Пересчитывая многочисленныя совершенства Гудибраса, онъ говоритъ:

Онъ вѣдалъ мѣстонахожденье рая,
И могъ сказать, подъ какимъ онъ градусомъ лежитъ;
А еслибъ захотѣлъ, то доказалъ бы,
Что ниже онъ луны, или даже и надъ ней.

Слогъ «Священной теоріи» Борнета краснорѣчивъ, и вся книга выказываетъ необыкновенную изобрѣтательность ума. Въ сущности, она ничто иное, какъ прекрасный историческій романъ, каковымъ впослѣдствіи Бюффонъ и назвалъ ее. Но при жизни автора она считалась за сочиненіе глубоко ученое, и была воспѣта Адиссономъ въ латинской одѣ, между тѣмъ какъ Сталь восхвалялъ въ журналѣ «Spectator» [1]). Даже и «Ариѳметики», притомъ, лучшія, были еще не совсѣмъ удовлетворительны, не возбуждали мысли, силы разсужденія. Наприм. г. В., подробно разсматривая ариѳметику Магницкаго (1703), замѣчаетъ: «методъ изложенія истинъ науки у Магницкаго довольно ясный, но, по нашимъ понятіямъ, неудовлетворительный: авторъ учитъ только производить дѣйствія, не представляя причинъ, почему такъ, а не иначе дѣлается; почти не разсуждаетъ самъ и не даетъ возможности учащемуся сознательно узнать и вполнѣ убѣдиться въ непреложности математической истины. Въ геометріи изложены только самыя необходимыя и поверхностныя свѣдѣнія» [2]).

III

Во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи естествопознавательная мысль развилась уже въ большемъ числѣ умовъ, приняла болѣе научный характеръ, имѣла больше способовъ для своего развитія, но тоже еще далеко не проникла общественный смыслъ и нисколько не привилась къ массамъ рабочаго народа. Развитіе ея обусловливалось, вопервыхъ, развитіемъ естественныхъ наукъ въ первомъ русскомъ университетѣ—московскомъ, основаномъ 12 января 1755 года. Здѣсь, вскорѣ по основаніи университета, рядомъ съ западно-европейскими профессорами — Шаденомъ, Дильтеемъ, Ростомъ, Керштенсомъ, Эразмусомъ и многими другими,— являются первые русскіе натуралисты, получившіе естественно-научное образованіе заграницей, какъ-то: Афонинъ, Зыбелинъ, Веніаминовъ, Анич-

[1]) Ляйель, „Основныя начала Геологіи", т. I, стр. 35—36.

[2]) „Моск. вѣдом." 1857 г., №№ 68, 69 и 74: „первая печатная ариѳметика въ Россіи".

кинъ, Антонскій, Сохацкій и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Афонинъ и Карамышевъ, изучали естественныя науки у знаменитыхъ натуралистовъ XVIII вѣка—у Линнея и Валлерія и отъ нихъ перенесли въ русскій университетъ первое сѣмя естествознанія [1]). Естественно, что съ самаго начала молодые русскіе умы еще не могли самостоятельно разработывать естественныя науки и должны были еще только усвоять ихъ по западнымъ руководствомъ. Такъ напр. Афонинъ читалъ минералогію, ботанику съ гербаризаціей въ лѣтнее время и зоологію, слѣдуя во всемъ Линнею. Веніаминовъ читалъ врачебное веществословіе и теоретическую химію, съ химическими опытами, по Фогелю. Зыбелинъ преподавалъ анатомію по Винслову, а хирургію—по Лудвигію. Аничковъ и потомъ Арщеневскій читали геометрію и тригонометрію по Вейдлеру. Кандидатъ Сибирскій по Лудвигію преподавалъ патологію, терапію, діететику, физіологію спеціальную и физіологическую семіотику. Для физики употребляли сначала Крафтовы praelectiones in Physicam, физику Винклера, профессора, который въ Лейпцигѣ славился въ то время, «подражая своими электрическими опытами молніи и грому», и опытную физику Ноллета. Въ 1769 году Винклеровы Institutiones physices замѣнены были Кригеровымъ сокращеніемъ физики (Epitome), и профессоры заботились о переводѣ этой книги іа русскій языкъ [2]). Съ $179^{2}/_{3}$ г. опытную физику преподавалъ Страховъ, ю руководству Бренсона. Естественныя науки преподавались на философ:комъ и медицинскомъ факультетахъ. Въ философскомъ факультетѣ преıодаваніе математическихъ и частію естественныхъ наукъ сначала соедиıено было вмѣстѣ съ науками философскими, словесными и историче:ками. Къ замѣчательнымъ явленіямъ, обнаруживающимъ успѣхъ естествоıознавательной мысли (въ періодъ времени отъ 1778 до 1796 г.) принадлежатъ: ›тдѣленіе математики, какъ единственной философіи природы, отъ метафиıической философіи, которыя передъ тѣмъ изучалъ и преподавалъ одинъ ıрофессоръ (Аничковъ)—ариѳметику, геометрію и тригонометрію по Вейдıеру, и вмѣстѣ съ тѣмъ—логику и метафизику по Баумейстеру, введеніе ›стественной исторіи, какъ науки, независимой отъ медицинскихъ и фило:офскихъ наукъ; расширеніе сравнительной анатоміи введеніемъ анатоміи различныхъ животныхъ и вивисекціи [3]). Молодые русскіе натуралисты начинали уже упражняться въ производствѣ физическихъ опытовъ, какъ напр.

[1]) Афонину Линней далъ такой аттестатъ: Studiosum Nobilem D-m Matth Aphonin, Ruthenum Dissertationen de U s u H i s t o r i a e n a t u r a l i s i n v i t a c o m m u n i, meo sub moderamine, die XVII Maji praesentis anni, in Academia Upsaliensi ad Auditorum omnium vota et plausum strenue defendisse et vindicasse testor, ut que laborum durissimorum justa reportet praemia ipsi animitus exopto. 1766 d. 10 junii Car. von Linne. Валлерій далъ такой аттестатъ Афонину и Карамышеву: Nobilissimos, eggregiae spei studiosos, juvenes, Dom. Matth Aphonin et Alex. Karamyschew, Russos, mea privata usos fuisse opera, in Docimasticis, Metallurgicis atque Chemicis, plurimumque exinde utilitatus in vita communi, eosdem cum tempore praestare posse, scio, atque hisce, in eorum laudem, testari volui et debui. 18 julii 1766 an. Joh. Gotsch. Vallerius „Исторія московск. унив.", стр. 144.

[2]) „Ист. моск. унив.", 145—149, 186—189.

[3]) Шев., 230—238.

докторъ медицины Политковскій, только что возвратившійся изъ-за границы, приступая къ преподаванію натуральной философіи, обѣщалъ произвести опыты надъ разными газами и особенно надъ водородомъ. Для полученія ученыхъ степеней и каѳедръ при университетѣ, молодые русскіе ученые начинали уже представлять и защищать свои естественно-научныя диссертаціи. Напр. въ 1766 г. 17-го мая, Афонинъ защищалъ въ упсальскомъ университетѣ свою диссертацію: «о приложеніи естественной исторіи къ общественной жизни» и получилъ одобрительные аттестаты отъ знаменитаго Линнея и Валлерія. Въ 1791 г. кандитатъ медицины Барсукъ-Моисеевъ защищалъ диссертацію о дыханіи и первый получилъ право доктора медицины [1]. Нѣкоторые русскіе профессоры-натуралисты иногда переводили и издавали кое-какія книги и руководства по естественнымъ наукамъ. Напр. профессоръ Аничковъ перевелъ съ латинскаго языка Ариѳметику. Алгебру, Геометрію и Плоскую Тригонометрію Вейдлера и издалъ въ 1765 году: эти книги расходились потомъ многими изданіями. Съ 1788 г. профессоръ Антонскій былъ главнымъ редакторомъ «Магазина Натуральной Исторіи, Физики и Химіи». Профессоръ Десницкій перевелъ англійское сочиненіе практическаго эконома Томаса Боудена и напечаталъ его въ 1780 году подъ заглавіемъ: «Наставникъ Земледѣльческій или краткое англійскаго хлѣбопашества показаніе въ приготовленіи земли новымъ способомъ подъ хлѣбъ» [2]. Значительная степень возбужденности естествопознавательной мысли выразилась также въ публичныхъ рѣчахъ первыхъ русскихъ натуралистовъ. Усвояя естественныя знанія изъ западныхъ естественно-научныхъ источниковъ, русскіе натуралисты старались, по возможности, распространять ихъ и въ обществѣ. Рѣчи ихъ направлены были или къ естественно-научному раціонализированію народнаго міросозерцанія, къ разсѣянію предразсудковъ народнаго невѣжества, враждебныхъ естествознанію и вредныхъ въ жизни, или къ естественно-научному раціонализированію и улучшенію общественной и народной жизни по отношенію къ гигіенѣ, хозяйству и т. п. Такъ наприм. профессоръ медицины Зыбелинъ, съ цѣлію разсѣять нѣкоторые предразсудки народнаго невѣжества и обратить вниманіе на общественную гигіену, говорилъ публичныя рѣчи: о пользѣ прививной оспы и о преимуществѣ оной предъ естественною, съ моральными и физическими доказательствами противъ неправомыслящихъ; о вредѣ, проистекающемъ отъ содержанія себя въ теплотѣ излишней; о правильномъ воспитаніи съ младенчества въ разсужденіи тѣла, служащемъ къ размноженію въ обществѣ людей; о сложеніяхъ тѣла человѣческаго и способахъ, какъ оныя предохранить отъ болѣзней; о способѣ предупрежденія, немаловажной, между прочимъ, причины медленнаго умноженія народа, состоящей въ неприличной пищѣ, даваемой младенцамъ въ первые мѣсяцы ихъ жизни, гдѣ профессоръ

[1] „Истор. моск. унив.", 255.
[2] Ibid., 240, 257.

ıагаетъ, между прочимъ, совѣты полезные для содержанія младенцевъ, ɜанные на свойствахъ развитія человѣческой природы. Въ рѣчи о дѣй- и воздуха въ человѣкѣ и о путяхъ, которыми въ него дитъ (1766), Зыбелинъ указывалъ на необходимость связи между позна- › природы и медициною. Профессоръ Афонинъ говорилъ рѣчь: о пользѣ, ıіи, собираніи и расположеніи чернозема, особенно въ хлѣ- . шествѣ. Профессоръ Антонскій—о началѣ, успѣхахъ и совре- ıомъ значеніи естественныхъ наукъ (1791). Политковскій 30-го іюля г. читалъ публичную рѣчь: о происхожденіи и о пользѣ уральной исторіи; другая его рѣчь—о связи натуральной əріи съ физикою, химіею и медициною. Профессоръ Си- ıій произнесъ химическое разсужденіе о сгораемыхъ тѣлахъ, эствомъ и искусствомъ произведенныхъ (1778). Въ 1799 30-го іюня, профессоръ Брянцевъ сказалъ слово: о всеобщихъ ıавныхъ законахъ природы; ясно изложилъ ихъ по Лейб- , Картезію, Бильфингеру и Мендельсону. Профессоръ математики :евичъ говорилъ обширное слово: о подлинной цѣли мате- ическихъ наукъ, и о сообразномъ ей расположеніи ıражненіи въ оныхъ (1792); другой профессоръ математики :невскій читалъ рѣчь: о началѣ, связи и взаимномъ по- и математическихъ наукъ и пользѣ оныхъ (1794) [1]. о же время и иностранные профессоры-натуралисты, преподававшіе ственныя науки въ московскомъ университетѣ, точно такими же ственно-научными рѣчами возбуждали и воспитывали юную естество- ıвательную мысль русскую. Такъ, профессоръ анатоміи, Эразмусъ, днявшійся въ полученіи труповъ для анатомированія и замѣчавшій бществѣ и народѣ предубѣжденіе противъ анатоміи, сказалъ, въ зерженіе этого предразсудка, двѣ латинскія рѣчи, переведенныя на ій языкъ: 1) «о противностяхъ анатомическаго ученія, увеселеніемъ икою онаго пользою несравненно превышаемыхъ», и 2) «о нынѣшнемъ яніи врачебной науки въ Россіи». Кромѣ того, Эразмусъ въ 1762 году ıъ діететическую книгу: «наставленіе, какъ каждому человѣку вообще ɜсужденіи діэты, а особливо женщинамъ въ беременности, въ родахъ ɜлѣ родовъ себя содержать надлежитъ». Онъ же перевелъ и напеча- въ университетской типографіи «анатомическія таблицы Шааршмидта». реобладанію практическихъ вопросовъ и потребностей въ Россіи надъ эсами теоретическими, — и иностранные профессоры-натуралисты, мотрѣвшіеся къ физико-климатическимъ условіямъ. Россіи и къ фи- :кому быту русскаго народа, часто невольно давали естествознанію ладное, практическое значеніе. Напримѣръ, профессоръ Керштенсъ августа 1769 г. произнесъ замѣчательную рѣчь, содержащую «на- ıенія и правила врачебныя для деревенскихъ жителей, служащія къ женію недовольнаго числа людей въ Россіи». Подъ этимъ заглавіемъ вышла тогда на русскомъ языкѣ и была пущена въ народѣ. Про-

[1]) „Ист. моск. унив.", 301.

фессоръ обращалъ вниманіе на причины, вредящія умноженію русскаго народонаселенія, и на то ужасное явленіе, что четвертая часть младенцевъ умираетъ въ Россіи. Всѣ наблюденія врача надъ нравами и обычаями народа служатъ только введеніемъ къ изслѣдованію болѣзней, особенно господствующихъ въ русскомъ народѣ, и къ предписанію врачебныхъ пособій, которыя врачъ указываетъ въ мѣстныхъ же средствахъ народной жизни. Керштенсъ, между прочимъ, хвалитъ нашу баню, простоквашу, квасъ съ мятой, пищу изъ тертаго хлѣба. Травы, полезныя во врачебномъ отношеніи, наименованы здѣсь латинскими и народными русскими названіями [1]). Профессоръ Ростъ, воспользовавшись изслѣдованіями современныхъ ему ученыхъ Роберта Бойля, Гамбергера и другихъ, говорилъ рѣчь «о проницательномъ дѣйствіи малѣйшихъ частицъ, которыя изъ тѣлъ, особливо животныхъ, проистекаютъ», гдѣ давалъ полезные совѣты о благоустройствѣ жилищъ въ городахъ и домахъ, объ удаленіи кладбищъ изъ городовъ, изъ оградъ церковныхъ и т. п. Онъ же, зная, какъ важно въ Россіи производство соли, говорилъ рѣчь: «о удобнѣйшемъ приготовленіи лучшей соли изъ соляныхъ источниковъ» (1769). Съ 177²/₈ академическаго года Ростъ читалъ публичный курсъ экспериментальной физики по руководству Кригера и, кромѣ студентовъ, приглашалъ всѣхъ постороннихъ— «всякаго званія и обоего пола любителей и рачителей наукъ къ слушанію лекцій и къ смотрѣнію чинимыхъ физическихъ опытовъ». Судя по продолжительности этого курса, онъ имѣлъ успѣхъ въ публикѣ, возбуждалъ, если не серьезную любознательность, то простое любопытство [2]). Наконецъ, возбуждалась мало-по-малу и въ студентахъ естествопознавательная мысль. Такъ, на актѣ 30-го іюня 1769 года, студентъ Ив. Сибирскій читалъ по-латыни свое разсужденіе—«опытъ минералогической технологіи, о тѣлахъ сгараемыхъ, искусствомъ произведенныхъ, выкапываемыхъ изъ земли». Студентъ Окуловъ въ 1781 г. читалъ на французскомъ языкѣ разсужденіе «о свойствѣ и силѣ воздуха, о Коперниковой системѣ міра и о движеніи и расположеніи небесныхъ тѣлъ по оной» [3]). О зачаткахъ потребности математическаго знанія свидѣтельствуетъ отчасти и тотъ фактъ, что въ гимназіи при московскомъ университетѣ наибольшее число учениковъ обучалось въ математическихъ классахъ, а именно 311 [4]). Что касается до естественно-научнаго просвѣщенія массы народа, то въ учрежденныхъ, по уставу 5-го августа 1786 года, въ главныхъ народныхъ училищахъ преподавались, кромѣ ариѳметики и архитектуры, общія основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и начала космографіи или географіи общей и русской. Въ то же время комиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ 1782 года изданы для нихъ нѣкоторые учебники по естественнымъ наукамъ, напр., руководство къ механикѣ 2-ое изд. 1790 г., краткое руководство къ физикѣ 1787 г. Содержаніе этихъ книгъ было отчасти

---

[1]) Ibid., 154.
[2]) Ibid., 190.
[3]) Ibid., 165, 251—252.
[4]) Ibid., 580.

приспособлено къ понятіямъ и потребностямъ народа. Напримѣръ, физикѣ давалось такое опредѣленіе: «физика есть сколько пріятная, столько и полезная наука, толкующая свойства предметовъ, насъ окружающихъ; она просвѣщаетъ нашъ разумъ, освобождаетъ отъ суевѣрій, заблужденій, страха и ужаса, происходящаго отъ ложнаго понятія о вещахъ: такъ не почитаемъ теперь уже болѣе кометъ за предвѣстниковъ всякихъ несчастій, не вѣримъ вліянію аспектовъ на дѣла человѣческія; затменія не предъявляютъ болѣе гнѣва Божія, но случаются по законамъ, въ самомъ естествѣ основаннымъ». Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ и нерадѣніе общественныхъ приказовъ были причиною того, что народныя училища и устроивались съ трудомъ и учебными пособіями по естественнымъ наукамъ снабжались крайне скудно. То и дѣло встрѣчались жалобы, что напр. классъ математическій не имѣетъ барометра и термометра, классъ естественной исторіи не имѣетъ не только кабинета, но ни одной изъ натуральныхъ вещей; классъ географіи не имѣетъ ландкартъ. Рѣдко были отрадныя извѣстія вродѣ того, что для народнаго училища куплены приказомъ общественнаго призрѣнія: натуральный кабинетъ, воздушный насосъ, Эпинусовъ микроскопъ, электрическая машина, барометръ, термометръ, магнитъ и компасъ, а также книги: Путешествіе Палласа, Гмелина и Лепехина, Зрѣлище природы, естественная исторія графа де-Бюффона [1]). Но при всемъ томъ и народныя училища хотя нѣсколько воспитывали естествопознавательную мысль. Въ нѣкоторыхъ лучшихъ народныхъ училищахъ, въ третьемъ классѣ ученики изучали геометрію, физику, географію, и «изъ зрѣлища вселенныя выучивали три главы, да выучивали на память изъ зрѣлища вселенныя двѣ главы по-нѣмецки, изъ естественной исторіи проходили до вопроса: сколько нужно пищи для тѣлъ органическихъ» и т. п. [2]). Изъ нѣкоторыхъ народныхъ училищъ изрѣдка выходили даже извѣстные натуралисты, какъ, напр., изъ вологодскаго народнаго училища вышелъ Мудровъ—извѣстный медикъ-натуралистъ, профессоръ московскаго университета [3]).

Далѣе, возбужденію естествопознавательной мысли и усиленію интереса къ естественнымъ наукамъ много способствовали, не только во второмъ, но еще болѣе въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, знаменитыя естественно-научныя экспедиціи XVIII вѣка: 1) экспедиція датскаго естествоиспытателя доктора Даніеля Готлиба Мессершмидта изъ Данцига, 2) экспедиція Беринга, Штеллера, Гмелина и Крашенинникова; 3) великая сѣверная экспедиція или экспедиція для съемки всего сѣвернаго берега Сибири, въ которой участвовали Павловъ, Муравьевъ, Скуратинъ, Сухотинъ, Малыгинъ, Селифонтовъ, Овцынъ, Мининъ, Кошелевъ, Стерляговъ, Прончищевъ, Харитонъ Лаптевъ, Шербининъ; 4) знаменитая экспедиція Палласа, Фалька, Георги, Лепехина, Рычкова со студентами Соколовымъ,

---

[1]) Учил. и народное образованіе въ Черниговъ. губерн. г. Сухомлинова, „Ж. м. н. п.“, 1864 г. ч. CXXI, отд. III, стр. 16.

[2]) Ibid., 12.

[3]) „Ист. моск. унив.“, 253.

Зуевымъ, Кошкаревымъ, Озерецковскимъ и др. Всѣ эти экспедиціи были естественно-историческимъ результатомъ и выраженіемъ начинавшаго созрѣвать сознанія того коренного умственнаго недостатка древней Россіи, который былъ главною, основною причиною умственно-экономическаго безсилія ея въ борьбѣ съ природой или физической экономіей русской и сибирской земли, — именно недостатка физико-географическаго и естественно-историческаго самопознанія Россіи. Составляя, такимъ образомъ, капитальный, многознаменательный фактъ въ умственной жизни Россіи XVIII вѣка, — всѣ эти естественно-научныя экспедиціи, въ то же время были новымъ живымъ импульсомъ къ возбужденію и дальнѣйшему развитію юной естественно-научной мысли въ Россіи. Онѣ впервые практически возбуждали интересъ къ естествознанію и, въ частности, къ всестороннему естественно-научному или, по выраженію Палласа и его сотрудниковъ «физикальному» самопознанію Россіи. «Путешествія,—говоритъ К. Риттеръ въ «Землевѣдѣніи Азіи»,—путешествія, которыя, вслѣдствіе Мессершмидтова, Петербургская академія не щадя издержекъ устроивала для науки и политики, при вспомоществованіяхъ Императрицъ Анны и Елисаветы (1741—1762) и послѣдующихъ государей, до императрицы Екатерины II, въ теченіе столѣтія, должно причислить къ самымъ блестящимъ и благоуспѣшнымъ предпріятіямъ для науки, просвѣщенія и народнаго благополучія Россіи. Это обширное государство только посредствомъ такихъ путешествій могло достигнуть до самопознанія и самосознанія своихъ частей, природныхъ силъ и ихъ благотворнаго употребленія для своихъ поданныхъ» [1]. Съ путешествіемъ Мессершмидта по Сибири впервые возсіяла въ Россіи заря самостоятельныхъ естественно-научныхъ изслѣдованій на русской землѣ. Мессершмидтъ съ изумительнымъ успѣхомъ одинъ изслѣдовалъ въ Сибири: 1) географію страны, 2) натуральную исторію, 3) медицину, лекарственныя растенія и эпидемическія болѣзни, 4) сибирскую этнографію и филологію, 5) памятники и древности и 6) вообще все достопримѣчательное. Онъ первый и до сихъ поръ одинъ только изслѣдовалъ такія страны въ Сибири, куда послѣ него не заходилъ ни одинъ ученый, напр. страну по Нижней Тунгускѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ много минералогическихъ открытій, какъ напр. подъ 63° и 62° 2′ с. ш. открылъ графитъ, или черный пишущій мѣлъ (Schwarzerkreide oder weichen Schreiberschiefer grauer Kreide), подъ 60° 27′ с. ш. открылъ пласты или толщи каменнаго угля (Steinkohlenbrocken), ключи и источники поваренной соли (Cochsalzquellen), мраморъ (Marmor) и пр. Какъ велики были труды Мессершмидта, можно судить по одному образчику: одни наблюденія его надъ птицами—Mantissa ornithologica составляютъ 18 томовъ in 8 [2]). Обширныя и богатыя естественно-научныя изслѣдованія Мессершмидта, хотя относятся по времени къ первому послѣ-петровскому поколѣнію, но стали оказывать свое дѣйствіе на духъ естествоизслѣдованія уже со временемъ Палласа, который и пользовался ими.

[1]) „Землев. Азіи", т. II, 344.

[2]) „Neue nordische Beiträge zur physical. Naturgesch.", von Pallas. S.-Petersb. 1782. Bd. III: Messerschmidt's siebenjahrige Reise in Sibirien, S. 97—158.

ілѣе, экспедиція Беринга, Штеллера, Гмелина и Крашенинникова также ачительно способствовала расширенію естествопознавательнаго кругозора юй научной мысли русской и доставила много новыхъ естественноучныхъ идей и знаній для возбужденія и развитія естествопознавательной ісли въ Россіи. Не говоря о знаменитомъ открытіи Беринга, скажемъ лько словами Бэра о заслугахъ другихъ естествоиспытателей, участвовшихъ въ экспедиціи Беринга. «Много новыхъ знаній пріобрѣтено,—говотъ Бэръ,—и для естественныхъ наукъ трудами Гмелина, Штеллера и рашенинникова. Ученый міръ въ первый разъ услышалъ о неравномъ раседѣленіи температуры подъ однимъ и тѣмъ же параллельнымъ кругомъ. еоконченная, къ сожалѣнію, сибирская флора (Flora sibirica) Гмелина ла довольно точное и подробное понятіе о растительномъ царствѣ Сибири. браны свѣдѣнія о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ сибирскихъ животныхъ, особенности о пушныхъ звѣряхъ. Труды Штеллера не такъ обширны, зато они заключаютъ въ себѣ навсегда упроченный интересъ. Штелръ имѣлъ случай долго наблюдать большое морское млекопитающее itina Stelleri), вскорѣ потомъ истребленное и не видѣнное съ тѣхъ поръ е ни однимъ естествоиспытателемъ; кромѣ того, онъ изучалъ образъ ізни многихъ породъ тюленей, дотолѣ никогда не возмущаемыхъ присутвіемъ людей. Изъ его наблюденій узнали, что животныя вдали отъ людей ѣютъ что-то вродѣ общественнаго быта, который не замѣченъ у животхъ постоянно преслѣдуемыхъ и угнетаемыхъ» [1]). Съемка всего сѣверго берега Сибири, гдѣ еще никогда не появлялся секстантъ, составляетъ е одно изъ величайшихъ, если не величайшее, географическое предятіе всѣхъ временъ. Въ этой экспедиціи прославились умственною энерю и дѣятельностью до 16 русскихъ дѣятелей. Бэръ, воздавши всю справливость неимовѣрнымъ лишеніямъ, трудамъ и мужеству русскихъ, іѣчаетъ: «за исключеніемъ Шелагскаго носа, весь сѣверный берегъ наго отечества, отъ Архангельска до Шелагскаго носа, снятъ, несмотря на іичайшія трудности, подъ надзоромъ Беринга, такъ вѣрно, что наблюпія, сдѣланныя черезъ 100 лѣтъ г.г. Бережнымъ, Врангелемъ, Анжу и ддендорфомъ, послужили только къ незначительнымъ поправкамъ на тавленныхъ тогда картахъ... Еслибы собранныя тогда свѣдѣнія были іародованы, то извѣстія о природѣ на крайнемъ сѣверѣ обогатили бы зическую географію и заслуги экспедиціи были бы оцѣнены тогда же, съ оцѣнены онѣ теперь, когда не опредѣленъ еще, послѣ столькихъ потокъ, сѣверный берегъ Америки» [2]). «Не ослѣпляясь пристрастіемъ,— іѣчаетъ Врангель,—мы невольно должны признаться, что подвиги лейантовъ Прончищева, Ласиніуса, Харитона и особенно Дмитрія Лаптекъ заслуживаютъ удивленіе потомства» [3]). Наконецъ, знаменитая эксиція Палласа, Фалька, Георги, Лепехина, Озерецковскаго и другихъ,

[1]) „Зап. Геогр. Общ." 1849 г. кн. III, стр. 244: о заслугахъ Петра Великаго по ти распространенія въ Россіи географ. знаній. Здѣсь подробно разсмотрѣны резульы экспедиціи Беринга.

[2]) Ibid, 245—246.

[3]) Врангель, „Путеш. по сѣв. берегу Сибири", ч. I, стр. 83.

доставивши новую массу знаній и открытій въ области естественныхъ и антропологическихъ наукъ въ Россіи, весьма возбудительно импульсировала юную естественно-научную мысль русскую. Это самый блистательный фактъ въ исторіи нашей естествопознавательной мысли въ XVIII вѣкѣ, фактъ, богатѣйшій и плодотворнѣйшій по результатамъ. По справедливости, всѣ съ восторгомъ привѣтствовали новую эпоху въ умственной исторіи Россіи въ этомъ стремленіи «познать физическія силы Россіи и знаніе это благотворно обратить къ счастью народа» [1]. «Physikalische Reisen» и «дневныя записки путешествій» натуралистовъ, подробно изслѣдовавшихъ тогда физическую экономію, географію, геогнозію и естественную исторію Россіи и Сибири, представляютъ новое, поучительнѣйшее естественно-научное чтеніе для публики. «Physikalische Reisen» тогда же или вскорѣ по выходѣ переведены были на русскій языкъ. Одинъ Палласъ, этотъ знаменитѣйшій естествоиспытатель XVIII вѣка, стоящій наряду съ Бюффономъ, Соссюромъ, Жюссье, Лапласомъ, Линнеемъ, Ламаркомъ, Кювье и пр.,—одинъ Палласъ обогатилъ естественныя науки массой новыхъ фактовъ и открытій, особенно по части естественной исторіи и, въ частности, зоологіи и ботаники, по части геологіи и палеонтологіи, этнологіи и этнографіи. Палласъ открылъ эгагра, разработалъ географическое распредѣленіе животныхъ и растеній, открылъ законъ образованія горныхъ цѣпей первичныхъ породъ, открылъ замѣчательный геологическій фактъ отступленія Каспійскаго моря и пр. Его записка объ ископаемыхъ въ Сибири обратила вниманіе ученыхъ на одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій геологіи: онъ открылъ цѣлаго носорога, съ кожей и мясомъ, въ мерзлой почвѣ сѣверной Сибири, и пр. [2]). Zoographia rosso-asiatica», главный плодъ путешествія Палласа, составляетъ, можно сказать, эпоху въ исторіи зоологическихъ знаній въ Россіи. Наконецъ, его «Путешествіе по Россіи и Сибири» составляетъ поучительнѣйшее и занимательнѣйшее чтеніе для публики, сообщающее массу знаній и новыхъ идей, тѣмъ болѣе, что оно написано довольно популярно. Самъ Палласъ въ предисловіи къ своему путешествію говоритъ: «Въ выборѣ примѣчаній, чтобы сдѣлать ихъ пріятными и полезными читателямъ всякаго званія, я не полагалъ слишкомъ строгихъ ограниченій, но записывалъ вѣрно все то, что только казалось достопримѣчательнымъ. Кто найдетъ что-нибудь въ замѣчаніяхъ лишнее, тотъ долженъ разсудить, что найдется не мало и такихъ читателей, для которыхъ подробности

[1]) Напр., одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ и сотрудниковъ этой экспедиціи, Георги говоритъ: Der auf Veranlassung Astronomischer Verschikungen gefasste Akademische Entschluss, einen Theil der in aller Absicht merkwürdigen, nach ihren Naturschätzen nicht genug bekannten Staaten des Russischen Reichs durch Naturforscher bereisen zu lassen und die von einigen Herren von der Akademie freywillige Uebernahme dieses gleich nüsslichen und schweren, auch wie der Erfolg gezeigt, mislichen, Geschäfts, ist nach dem Urtheile der Welt der Epoche Katharinens, Ihres Beyfalls und Ihrer Unter stüzzung würdig gewesen. Diese Physikalische Reisen gehören zu den Denkmählern der Eifers des grossen Kayserin, Ihre Monarchie nach ihren innern Kräften zu kennen, und diese Kenntnisse zum Glücke der Völker wohlthatig anzuwenden и пр. Georgi, „Bemerkungen einer Reise in Russ. Reichs“, 1775, Bd 1.

[2]) Ляйель, „Основн. нач. Геологіи“, I, 50.

моихъ замѣтокъ могутъ быть не безполезны. Напротивъ того, я сообщилъ по крайней мѣрѣ все самое достопримѣчательное изъ естественныхъ рѣдкостей, и имѣлъ счастіе открыть много и такого, чего прежде меня путешественникамъ не удалось примѣтить» [1]. Подъ руководствомъ Палласа развивались и потомъ самостоятельно занимались естествознаніемъ и природные русскіе натуралисты—Лепехинъ съ Озерецковскимъ и студенты Зуевъ, Кошкаревъ и Соколовъ. Достойно замѣчанія, что Полласъ съ похвалой отзывался о самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ этихъ студентовъ-натуралистовъ, которыя онъ поручалъ имъ во время своего съ ними путешествія, и реляціи или отчеты ихъ внесъ въ свои записки. Наконецъ, всѣ эти естественно-научныя экспедиціи, и особенно Палласовская, возбудительно подѣйствовали и вообще на духъ естественно-научнаго изслѣдованія и на развитіе интереса къ естествознанію въ Россіи. Недаромъ, къ концу XVIII вѣка и въ началѣ XIX-го и профессоры московскаго университета особенно часто заговорили публичныя рѣчи о важности естественной исторіи и т. п. Зоологическими, ботаническими и минералогическими изслѣдованіями Палласа и Фалька особенно возбужденъ былъ интересъ къ естественной исторіи. Благодаря богатымъ естественно-научнымъ матеріаламъ, собраннымъ учеными экспедиціями натуралистовъ, уже въ періодъ времени съ 1742 до 1822 г. появилось 161 сочиненіе по однимъ зоологическимъ, анатомическимъ, физіологическимъ, сравнительно-анатомическимъ и палеонтологическимъ вопросамъ естествознанія [2].

Наконецъ, и великое, могуче-двигательное философско-натуралистическое движеніе западнаго разума въ XVIII вѣкѣ не могло не отразиться возбудительнымъ импульсомъ на развитіе естествопознавательной мысли въ Россіи. То былъ вѣкъ не только Вольтера, Руссо, Гельвеція, Кондильяка, Локка, Канта и пр., но и вѣкъ Бюффона, Линнея, Жюссье, Гаю, Ламарка, Кювье, Лапласа, Лавуазье, Сентъ-Илера и т. д. Постоянное и все болѣе и болѣе внимательное устремленіе русскихъ умовъ на западъ, въ страну міровыхъ естественно-научныхъ геніевъ и открытій, однажды навсегда установленное геніемъ Петра Великаго, дѣлало неизбѣжнымъ вліяніе западно-европейскаго естествоиспытательнаго разума. И самъ по себѣ могучій напоръ философско-натуралистическихъ идей XVIII вѣка былъ неотразимъ. Естествознаніе тогда тѣмъ болѣе дѣйствовало возбудительно на умы, что оно отпечатлѣвало на себѣ общій, философскій типъ времени, именовалось «Натуральной Философіей». По примѣру «Principia mathematica philosophiae naturalis» Ньютона, Ламаркъ свои зоологическія изслѣдованія озаглавилъ: «Philosophie zoologique», Сентъ-Илеръ свою анатомію — «Philosophie anatomique», Лавуазье свою химію — «Philosophie chemique» и т. п. Подъ вліяніемъ такого философско-натуралистическаго движенія западнаго естествоиспытательнаго разума, не могла не импульсироваться и юная естествопознавательная мысль русская. Переводческій департаментъ при академіи наукъ (1767—1783) и другіе любители европей-

---

[1] Pallas, „Reise", I, S. 1—2.
[2] „Bulletin de l'Academie", t, VII. № 4, suppl. II, стр. 20—21.

скихъ наукъ, въ числѣ 60 западныхъ писателей, переводили и произведенія европейскихъ натуралистовъ и математиковъ, напр. Бюффона и др. Далѣе постоянныя и живыя сношенія русскихъ ученыхъ съ западными натуралистами и математиками поддерживали связь юной естественно-научной мысли русской съ могучею естествоиспытательною мыслью запада. Еще во времена перваго послѣ-петровскаго поколѣнія западные учители, образовавшіе первыхъ русскихъ натуралистовъ, давали знать членамъ с.-петербургской академіи наукъ о своихъ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ [1]. Знаменитые натуралисты Линней и Галлеръ вели естественно-научную переписку съ Гмелинымъ старшимъ, бывшимъ членомъ с.-петербургской академіи наукъ съ 1728 по 1747 годъ, авторомъ сочиненія «Flora Sibirica». Линней въ письмахъ своихъ сообщилъ чрезвычайно любопытныя мнѣнія о нѣкоторыхъ вопросахъ естествознанія, нынѣ частію уже рѣшенныхъ, частію же и теперь еще занимающихъ ученый міръ, какъ, напр., вопросъ о томъ, происходятъ ли виды изъ помѣси разновидныхъ растеній, или же черезъ постепенное образованіе новыхъ отличительныхъ признаковъ,— вопросъ, по которому еще Линней допускалъ гипотезы, подобныя тѣмъ, на которыхъ въ новѣйшее время Дарвинъ основалъ свою знаменитую теорію. Но особенную важность для науки и ближайшимъ образомъ для флоры Россіи представляютъ замѣчанія Линнея и Галлера о сибирскихъ растеніяхъ, которыя Гмелинъ присылалъ имъ въ свѣжемъ или въ сушеномъ видѣ; эти замѣчанія и въ настоящее время могутъ служить драгоцѣннымъ пособіемъ для вѣрнаго обозначенія растеній «сибирской флоры» номенклатурою нынѣшней системы [2]. Кромѣ сообщенія такихъ идей и замѣчаній, Линней былъ однимъ изъ главнѣйшихъ сѣятелей въ Россіи перваго сѣмени естествознанія, образовалъ нѣсколько русскихъ натуралистовъ, какъ, напр., Афонина, Карамышева и др., и система его долгое время была единственнымъ руководствомъ въ университетскомъ преподаваніи. Ученикомъ Линнея въ натуральной исторіи былъ и П. Г. Демидовъ, извѣстный собиратель предметовъ натуральной исторіи, пользовавшійся также знакомствомъ съ Добантономъ и Бюффономъ. Зоологія обязана Демидову вѣрнымъ опредѣленіемъ корсака, животнаго, котораго Линней, по опредѣленію Демидова, внесъ въ систему природы [3]. Точно также знаменитый европейскій математикъ Эйлеръ имѣлъ вліяніе на возбужденіе и развитіе русской математической мысли. Когда онъ былъ въ берлинской академіи, его наставленіями въ Берлинѣ пользовались русскіе математики

---

[1] Напр., Христіанъ Вольфъ 14 ноября 1734 года писалъ Шумахеру: ich versehe mich bald einer geneigten Antwort, und da ohne dem wegen Fortsetzung meiner philosophischen Werke an die Sammlung physikalischer Materie gedenken und die bei Zeiten zum voraus untersuchen muss; so werde Gelegenheit haben auch an andere Materien zu gedenken, ob ich gleich hauptsächtlich die theoriam vegetationis und deren applicatio ad agri et horti culturam zu excoliren, mir vorgenommen. „Bulletin de l'Acad impériale des sciences de St. Pétersbourg", t. VI, № 3, p. 323.

[2] „Записки" с.-петербургской акад. наукъ, 1862 г. т. I, кн. I, стр. 24—25.

[3] „Ист. моск. унив.", 369.

ıовскій и Котельниковъ, а молодой графъ Разумовскій даже жилъ въ домѣ. Григ. Тепловъ, сопутствовавшій Разумовскому въ его заграничъ путешествіи, въ одномъ французскомъ письмѣ къ Шумахеру писалъ кду прочимъ: «г. Эйлеръ, вполнѣ заслужившій пріобрѣтенную имъ ѣстность, дѣлаетъ наше пребываніе въ Берлинѣ чрезвычайно пріятнымъ олезнымъ» [1]). Такое же воспитательное вліяніе оказывали на юную ествопознавательную мысль русскую и многіе другіе знаменитые адные естествоиспытатели.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, главныя условія, средства и успѣхи витія естествопознавательной мысли во второмъ послѣ-петровскомъ олѣніи. Успѣхи были несомнѣнны, но, съ другой стороны, они были весьма недостаточны. Несмотря на всѣ замѣтные успѣхи, все-таки но еще, что естествопознавательная мысль укоренилась еще въ весьма ногихъ умахъ и была очень не зрѣла и не самостоятельна. Только ногіе натуралисты московскаго университета и академіи наукъ и подживали и воспитывали ее. Но и сами эти натуралисты были еще, кно сказать, младенцы, дѣти по отношенію къ европейскимъ естествоытательнымъ умамъ и къ европейской наукѣ естествознанія. Естествонавательная мысль ихъ всецѣло руководствуется пѣстунствомъ западхъ натуралистовъ, воспитывается подъ вліяніемъ западныхъ естественночныхъ источниковъ, выражается словами и ученіемъ западнаго ествознанія. Это былъ еще періодъ буквальнаго усвоенія западнаго ественно-научнаго ученія. И всѣ наши Афонины, Зыбелины, Веніамиы, Аничковы, Антонскіе, а также Крашенинниковы, Лепехины, Озерецскіе были еще только ученики Линнея, Лудвигія, Винклера, Крафта, игера, Палласа и пр. Довольно сравнить «Дневныя Записки Путешествія пехина» и «Physikalische Reisen» Палласа, чтобы видѣть, какъ не зрѣла, глубока и не самостоятельна была естествопознавательная мысль русго натуралиста въ сравненіи съ естествопознавательною мыслью знамегаго европейскаго натуралиста. Не говоря о неодинаковой глубинѣ и овательности естественно-научныхъ мнѣній и теорій Лепехина и Палса, замѣтимъ только, что самъ Лепехинъ, — разсматривалъ ли напр. кого-нибудь зоофита или описывалъ природу какой-либо мѣстности, лѣдованной и Палласомъ,—во всякомъ случаѣ полагался на авторитетъ лласа, утверждался въ своемъ мнѣніи заключеніемъ этого «весьма иснаго наблюдателя и не находилъ ничего больше сказать, что бы учемъ перомъ г. профессора Палласа не было замѣчено». Мало того, Лепенъ въ нѣкоторомъ отношеніи былъ даже ученикомъ Палласа, пользоіся его наставленіями относительно путевыхъ наблюденій природы ской земли. Съ этою цѣлью онъ, во время путешествія, остался даже овать въ Симбирскѣ вмѣстѣ съ Палласомъ. «Сообщество довольно проавившагося въ ученомъ свѣтѣ мужа г. профессора Палласа—говоритъ пехинъ — побуждало и меня переѣхать въ Симбирскъ, дабы въ зимнее

[1]) „Зап. акад. наукъ", 1864 г.. т. VI, 60—61.

время пользоваться его наставленіями» [1]. Далѣе, во всемъ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи не было еще ни одного замѣчательнаго русскаго естествоиспытателя, который бы ознаменовался какимъ-нибудь открытіемъ и имѣлъ европейское значеніе. Притомъ, юная естествопознавательная мысль русская была еще такъ малосильна и малообъемлюща, что не успѣвала слѣдить за быстрымъ прогрессивнымъ движеніемъ естественныхъ наукъ на западѣ, не успѣвала усвоять всѣ новыя естественныя открытія и произведенія западныхъ естествоиспытателей. Говорилъ ли рѣчь русскій натуралистъ конца XVIII вѣка, какъ напр. Брянцевъ въ 1799 году, о всеобщихъ и главныхъ законахъ природы,—онъ излагалъ ихъ, вопервыхъ, несамостоятельно, не по своимъ изслѣдованіямъ и обобщеніямъ, а по руководствамъ западныхъ изслѣдователей, и вовторыхъ—не по новымъ западнымъ изслѣдованіямъ и открытіямъ, напр. Бюффона, Ламарка, Лавуазье, Лапласа и т. п., а по давнишнимъ западноевропейскимъ источникамъ—по Лейбницу, Картезію и т. п. На русскомъ языкѣ до первыхъ годовъ XIX столѣтія не было самыхъ капитальныхъ естественно-научныхъ произведеній западныхъ естествоиспытателей, какъ-то: химіи Лавуазье, Небесной механики Лапласа, «Principia Mathematica» Ньютона, астрономіи и геометріи Біо, геометріи Монжа и многихъ другихъ. Даже въ библіотекѣ московскаго университета до начала XIX столѣтія не было многихъ первоклассныхъ естественно-научныхъ твореній западныхъ геніевъ XVIII вѣка. «Съ давняго времени,—писалъ въ 1803 году Муравьевъ, попечитель московскаго университета,—библіотека университетская оставалась въ скудномъ состояніи, и университетъ лишенъ былъ единственнаго способа соразмѣрять постепенные успѣхи свои съ распространеніемъ наукъ въ Европѣ. Въ библіотекѣ университета не было еще новѣйшихъ великихъ писателей, которые распространили въ краткое время предѣлы человѣческихъ знаній въ химіи, высокой геометріи и экономіи политической [2]. Астрономія преподавалась единственно въ теоріи. Обсерваторіи не было. Не было необходимыхъ астрономическихъ инструментовъ, наприм. Грегоріанскаго телескопа Керіевой работы, Арнольдова хронометра и пр., и студенты математики еще не пріучались къ употребленію астрономическихъ орудій. Не было химической лабораторіи. Физическій кабинетъ университета былъ обиленъ машинами и снарядами, но всѣ они требовали радикальныхъ перемѣнъ, сообразныхъ съ новыми открытіями и улучшеніями на западѣ» [3]. Такъ еще недостаточно владѣла естественно-научная мысль русская самыми европейскими способами экспериментальнаго естествоиспытанія. Ей необходимо было еще пѣстунство и покровительство попечителей. Далѣе, незрѣлость естествопознавательной мысли второго послѣ-петровскаго поколѣнія видна еще изъ того, что реальное направленіе естественно-научной мысли русскихъ натуралистовъ еще не

[1] Путеш. Лепехина, Спб. 1795, ч. I, 238, также 26, 527.

[2] Внизу написаны имена: Лавоазьера, Фуркруа, Лаланда, Монжа, Прони, Смита, Стюарта, Бентама и прочихъ.

[3] „Ист. моск. унив.“, 328—329, 348.

было строго послѣдовательное, вполнѣ выдержанное. Напр. профессоръ Аничковъ, нѣсколько лѣтъ читавшій чистую математику, на званіе ординарнаго профессора написалъ разсужденіе изъ Натуральнаго Богословія: о началѣ и происшествіи натуральнаго богопочитанія, въ которомъ выразилъ нѣсколько мыслей, противныхъ будто-бы религіи. Разсужденіе это, хотя и пропущено было факультетской цензурой, въ засѣданіи университетской конференціи 24-го августа 1769 г., осуждено было профессорами—Дильтеемъ, Керштенсомъ, Ростомъ, Барсовымъ, Рейхелемъ и Лангеромъ. И Аничковъ послѣ того отказался отъ своихъ мыслей и старался загладить вину своего перваго увлеченія весьма строгимъ религіозно-нравственнымъ воззрѣніемъ на свою науку. Будучи профессоромъ математики, онъ потомъ говорилъ публичныя рѣчи: 1) «о томъ, что міръ сей есть яснымъ доказательствомъ премудрости Божіей» (1767); 2) «о невещественности души человѣческой и изъ онаго происходящемъ ея безсмертіи» (1777); 3) «о разныхъ способахъ, тѣснѣйшій союзъ души съ тѣломъ изъясняющихъ» (1783). Почти сплошь и рядомъ, и рѣчи другихъ профессоровъ-математиковъ и натуралистовъ проникались взглядами мистико-религіозными, физико-теологическими, или вообще спиритуалистическими [1]). Въ литературѣ второго послѣ-петровскаго поколѣнія естествопознавательная мысль еще менѣе привилась. Журналистика тогдашняя еще и не помышляла серьезно возбуждать и воспитывать ее въ обществѣ. Если въ нѣкоторыхъ журналахъ, какъ напр. въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» Миллера, и помѣщались иногда статьи естественно-научныя, то онѣ почти незамѣтно терялись въ безсвязномъ сборникѣ всякихъ другихъ статей, и въ томъ числѣ даже музыкальныхъ, живописныхъ и т. п. Въ предисловіи къ «Ежемѣсячнымъ Сочиненіямъ» такъ выражено содержаніе ихъ: «предлагаемы будутъ здѣсь всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни токмо разсужденія о собственно такъназывамыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ, въ мануфактурахъ, въ механическихъ рукодѣльяхъ, въ архитектурѣ, въ музыкѣ, въ живописномъ и разномъ художествахъ, и въ прочихъ, како ни есть, новое изобрѣтеніе показываютъ, или къ поправленію чего-нибудь поводъ подать могутъ... Мы за должность свою признаемъ писать не только для пользы, но и для увеселенія читателей». Поэтому, рядомъ съ реальными, естественно-научными описаніями, допускались въ изданіе, между прочимъ, и сны [2]). Послѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» Миллера и журнала Рейхеля, лучшія ученыя статьи по естественнымъ наукамъ и географіи являлись еще только въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» (1778—1781); но тутъ же помѣщались также извѣстія о танцахъ, о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ и т. п. [3]).

При такомъ состояніи естествопознавательной мысли въ наукѣ и

---

[1]) Ibid., 142, 155, 199, 245 и др.

[2]) „Ежемѣс. Сочин." 1755 г. 1, 4, 5, 8.

[3]) „С.-Петерб. Вѣстн.", 1779, окт., 252, а также авг. и сент.

литературѣ, понятно, что въ обществѣ и народѣ она еще менѣе могла привиться. Вопервыхъ, старый, до-петровскій исключительно сенсуалистическій умственный складъ, лишенный силы теоретической мыслительности, способности, умственнаго углубленія въ сущность предметовъ и явленій природы, — и теперь представлялъ еще столь грубую кору, сквозь которую съ трудомъ могла проникать теоретическая естествопознавательная мысль. Вѣковое господство внѣшнихъ чувствъ надъ теоретическимъ разумомъ сопровождалось, съ одной стороны, грубостью чувственныхъ представленій, не обработанныхъ и не осмысленныхъ теоретической силой чистаго разума, съ другой стороны — галлюцинизмомъ и ложностью многихъ чувственныхъ представленій, не провѣренныхъ критикой чистаго разума. Поэтому профессоры московскаго университета находили необходимымъ обращать вниманіе общества, съ одной стороны, на воспитаніе чувствъ, съ другой на ограниченіе излишней довѣрчивости къ однимъ непосредственно-чувственнымъ познаніямъ. Такъ профессоръ Шаденъ въ публичныхъ рѣчахъ своихъ училъ, что въ Россіи нужно дѣйствовать на чувства воспитаніемъ, образованіемъ, потому что у народовъ сѣвера груба чувствительность. Профессоръ Аничковъ считалъ нужнымъ протестовать передъ русскимъ обществомъ противъ «излишняго упованія на чувства» въ дѣлѣ познанія, и поэтому въ 1779 году говорилъ рѣчь: «о превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія, возлагаемаго на чувства». Точно также въ рѣчи: «о разныхъ причинахъ, не малое препятствіе причиняющихъ въ продолженіи познанія человѣческаго» (1774), онъ указывалъ на обманы чувствъ, какъ на препятствія науки въ стремленіи къ истинѣ [1]. Несмотря, однакожъ, на такіе доводы, еще и во второй половинѣ XVIII вѣка, и притомъ въ средѣ знаменитаго «Дружескаго общества Новикова» — нашей первой народообразовательной ассоціаціи, были люди, которые стояли за одно поверхностное, верхоглядное, непосредственно-чувственное созерцаніе природы и почти отрицали всѣ усовершенствованные экспериментальные способы познанія природы, какъ-то: химическія лабораторіи, тигли и т. п. Невзоровъ, напримѣръ, несмотря на то, что изучалъ медицину за границей, высказывалъ предубѣжденіе противъ эксперименталього метода и признавалъ достаточнымъ одно поверхностное, непосредственно-чувственное созерцаніе природы: «въ публичныхъ школахъ и университетахъ — говорилъ онъ — болѣе гораздо стараются знать природу, нежели то, что нужно для общежительнаго состоянія. Чтобы созерцать славу Божію и видѣть таинства Его творенія, для сего не нужно великихъ издержекъ стоющія лабораторіи и пышные химическіе снаряды. Иди, безъ всего смотрѣть, какъ сѣмя, брошенное въ землю, гніетъ, возрождается, растетъ и дѣлается новымъ сѣменемъ; поди всякій съ пастушьимъ посохомъ къ муравью, пчелѣ, бобру и другимъ животнымъ, и смотри, какъ всеобщій промыслительный отецъ всякой твари далъ свой смыслъ и способ-

[1]) „Истор. моск. унив.“, 159, 198, 245.

сть свойственнымъ себѣ образомъ пещись о своемъ благосостояніи и опитаніи; поди ко всякому насѣкомому и смотри, какъ оно родится яйцѣ, дѣлается червякомъ, личинкою, получаетъ крылья и въ пре- асномъ видѣ и нарядѣ летаетъ по воздуху» [1]). Съ другой стороны, и та сть публики, которая во второй половинѣ XVIII столѣтія уже безъ едубѣжденія шла на публичныя лекціи и опыты, напр. по физикѣ, еще все не проникалась серьезнымъ, глубоко-сознательнымъ умственнымъ тересомъ къ естествознанію, а просто увлекалась верхоглядным любо- тствомъ, шла посмотрѣть на физическіе опыты, какъ на поразительные я глазъ фокусы: въ теоріяхъ или въ теоретическихъ истинахъ большая сть публики вовсе не нуждалась. Поэтому, вѣроятно, профессоръ Ростъ, тая съ 177²/₃ академическаго года публичный курсъ эксперименталь- й физики по руководству Кригера, иногда отдѣлялъ опыты отъ лекцій: оретическій, объяснительный курсъ читалъ для желающихъ до обѣда, а ыты предлагалъ послѣ обѣда, вѣроятно, для той публики, которая соби- лась только посмотрѣть на опыты, какъ на диковинки [2]). Публика обила созерцать «куріозныя и удивительныя штуки, которыхъ дѣйствія къ удивительны, что всѣхъ зрителей устрашаютъ, куріозныя само- йствующія машины, въ родѣ самодѣльной канарейки, удивительныя гуки — весьма куріозные эксперименты великолѣпной электрической шины, движущихся лягушекъ и разныя движущіяся и перемѣняющіяся сьма куріозныя, чрезвычайныя и удивительныя картины и фигуры» [3]). лѣдствіе преобладанія реально-сенсуалистическаго умонастроенія надъ оретико-естествопознавательнымъ, — и въ высшемъ, наиболѣе образо- нномъ классѣ общества, обладавшемъ большими средствами для занятія гественными науками, сенсуально-верхоглядная склонность къ собиранію глядныхъ физическихъ или натуральныхъ образцовъ развилась прежде рьезнаго теоретическаго изученія естественныхъ наукъ, и страсть къ бираніи этихъ наглядныхъ образцовъ или рѣдкостей—минералогическихъ, ологическихъ и ботаническихъ еще преобладала надъ способностью и ремленіемъ къ систематическому и глубоко-основательному изученію гественныхъ наукъ. И во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи еще льшинство не понимало и не любопытствовало знать естественно-науч- го значенія всѣхъ этихъ коллекцій физическихъ предметовъ или образ- въ, а смотрѣло на нихъ просто какъ на диковины, удивительныя ритеты или рѣдкости и куріозы, какъ выражались и люди пе- овскаго времени [4]). По словамъ Брандта, еще и въ это время даже нѣ-

[1]) Галаховъ „Истор. русск. литер.", I, 569—570.

[2]) „Истор. моск. унив.", 190—191.

[3]) „Московск. Вѣдомости", 1759 г. №№ 11 и 23.

[4]) Между собирателями коллекцій физическихъ или натуральныхъ образцовъ и едметовъ и составителями натуральныхъ кабинетовъ, въ періодъ времени 1762— 0 г., извѣстны, между прочимъ: вологодскій помѣщикъ Засѣцкій—собиратель рѣд- къ произведеній природы, титулярный совѣтникъ Стариковъ, подарившій свое нералогическое собраніе московскому университету въ 1794 г., князь Яблоновскій— ератель „Натуральнаго кабинета", пожертвованнаго потомъ тоже университету,

которые «мужи науки смотрѣли на зоологическія собранія не болѣе к на куріозитеты» и зоологическій музеумъ при Академіи «еще напоми старый *Curiositäte-Cabinetten*» [1]). Точно также, и сенсуалистическій умъ стого народа, если теперь изрѣдка и начиналъ соприкасаться съ облас естествознанія, то, во-первыхъ, проникалъ въ сферу естествознанія силою теоретическаго мышленія и знанія, а путемъ непосредственно-ственной наглядности. и проникалъ не въ самую глубину теоретиче области естествознанія, не въ сферу физико-математическихъ теоремъ. теоретическихъ истинъ, объясненій и обобщеній, а въ сенсуально-демонс тивную, чувственно-наглядную и осязательную область естествознанія, н но въ область предметовъ и наружныхъ феноменовъ, наглядныхъ образ и чувственно-уловимыхъ практическихъ приложеній и изобрѣтеній естес знанія. Такъ, Кулибинъ видѣлъ европейскія машины и разнаго рода м низмы, и по наглядкѣ научился дѣлать ихъ, сталъ даже самъ изобрѣта устроять кое-какіе механизмы; но отчетливо-теоретически или физико-м матически онъ не зналъ и не могъ объяснить тѣхъ теоремъ или исти формулъ механики и физики, которыя самъ на практикѣ безсознате или безотчетно осуществлялъ въ устраиваемыхъ имъ механизмахъ. К бинъ самъ говоритъ, что дѣлалъ разные механическіе приборы по дѣннымъ образцамъ. «По случаю увидѣлъ я—електри скія силы машину, и, по согласію съ товарищемъ купцемъ М. А. строминымъ, таковую же електрызацыю сдѣлалъ. По случаю получи для посмотрѣнія зрительный телескопъ съ металными зе лами англинской работы, который разобравъ какъ въ стеклахъ, такъ і зеркалахъ, сталъ искать къ солнцу зажигательныя точки, и снимать даленную отъ тѣхъ зеркалъ и стеколъ до зажигательныхъ точекъ м по которымъ бы можно было познать, каковой вогнутостію и выпу стію для стеколъ и зеркалъ потребуется сдѣлать мѣдныя формы для ченія на пескѣ зеркалъ и стеколъ оныхъ, и со всего того те скопа сдѣлалъ рисунокъ, потомъ сталъ дѣлать опыты, какъ противъ того составить металлъ въ препорцію; а когда твердості бѣлостію сталъ выходить на оный сходственъ, и изъ того по разцу налилъ зеркалъ и сталъ ихъ точить на пескѣ, на реченных уже сдѣланныхъ выпуклистыхъ формахъ, и изъ тѣхъ точеныхъ зер

графъ А. С. Строгоновъ—составитель анатомическаго и зоологическаго кабинета Вк. Демидовъ, который самъ съ необыкновеннымъ стараніемъ собралъ гербарій жертвованный женой его въ 1789 г. московскому университету, Ак. Ник. Демидо составитель минералогическаго кабинета, состоявшаго изъ 6,000 штукъ, П. Г. Д довъ и кн. А. А. Урусовъ—собиратели богатѣйшихъ музеевъ натуральной ист оцѣненныхъ до 450,000 р., Дашкова, составившая въ теченіе 30 лѣтъ кабинетъ н ральной исторіи и другихъ рѣдкостей, въ которомъ было 12,125 предметовъ, въ числѣ: животныхъ, натуральныхъ и ископаемыхъ 4,806, растеній сухихъ, плодовъ 765, камней и рудъ 7,924, антиковъ-отпечатковъ 1,636 и др. Изъ всѣхъ этихъ со телей натуральныхъ предметовъ или образцовъ наиболѣе знакомы были съ естес ными науками развѣ только П. Г. Демидовъ—ученикъ Линнея и другъ Добан и Бюффона, и А. А. Урусовъ—авторъ „Опыта естественной исторіи“ (1780).

[1]) „Bulletin de l'Akademie“, t. VII, № 4. Suppl. II, p. 24.

.чалъ дѣлать опыты, какіемъ бы способомъ найти такую же чистую по-
[ровку, въ чемъ и продолжалось не малое время. И выпробовалъ одно
ркало въ полировкѣ изъ мѣдной формы, натирая оную сожженымъ оло-
мъ и деревяннымъ масломъ, и такъ тѣмъ опытомъ изъ многихъ сдѣ-
.нныхъ зеркалъ вышло одно большое зеркало и другое противное малое
› препорцыю, и помощіею Божіею сдѣлалъ такой же телескопъ» [1]). Въ
тальной массѣ рабочаго народа, и посредствомъ чувственной наглядности
осязательности, посредствомъ созерцанія и осязанія разныхъ реальныхъ,
аглядныхъ образцовъ, примѣненій и изобрѣтеній естествознанія, напр. на
абрикахъ и заводахъ, все-таки не могла еще пробудиться естествопозна-
ательная мысль, именно — вслѣдствіе крайней неразвитости мыслитель-
эсти. Купецъ-писатель Фоминъ совершенно справедливо поэтому гово-
алъ въ 1772 г. о нашихъ самоучкахъ-промышленникахъ, «одними гла-
ами перенимавшихъ въ XVIII вѣкѣ западныя реальныя знанія и искус-
тва». «Я открываюсь беззазорно, — говорилъ онъ, — что не прива-
:енныя еще ни малымъ просвѣщеніемъ къ отдѣленію
дей понятія нашихъ промышленниковъ и слѣдующая изъ
ого неспобность къ точному проницанію истинныхъ при-
инъ творимаго иностранными промышленниками каждаго дѣйствія и,
лѣдовательно, употребленія такъ же орудій и снастей съ ихъ препорціею,
:рѣпостію и прочими свойствами, заграждаютъ нашимъ промышленни-
:амъ стези къ основательной переимчивости и неошибоч-
ıому подражанію: и сіе загражденіе неразумѣніемъ иностранныхъ
азыковъ и, слѣдственно, непонятіемъ изъясненій еще болѣе за-
гемняется. Они одними глазами пріобрѣтаютъ переимчивость
и потому рановременно на себя надѣются» [2]).

Далѣе, вѣковое развитіе исключительно чувственнаго, сенсуалистическаго умонастроенія, не соединенное и не осмысленное равносильнымъ развитіемъ теоретической умозрительности и мыслительности, послѣ ознакомленія съ блестящею на взглядъ и пріятною для ощущенія внѣшностью европейской роскоши и чувственности, породило во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи наибольшую наклонность къ тому, что пріятно было для чувствъ, а не къ европейскимъ естественнымъ и математическимъ наукамъ. Вслѣдствіе исключительно чувственнаго, сенсуалистическаго увлеченія обаятельною для чувствъ внѣшностью европейской роскоши и матеріальной жизни, старое, до-петровское суевѣрно-религіозное отрицаніе европейскихъ естественныхъ наукъ въ большей части общества замѣнилось грубо-матеріалистическимъ, чувственно-эпикурейскимъ индифферентизмомъ къ естествознанію, предпочтеніемъ естественнымъ наукамъ чувственныхъ удовольствій, «нѣжностей тѣлесныхъ», «созерцанія преизящныхъ предметовъ» и т. п. Одна барыня въ «Живописцѣ» Новикова такъ выражаетъ это грубо-сенсуалистическое, чувственное умонастроеніе и предубѣжденіе противъ естественно-научныхъ изысканій: «не за безуміе ли

[1]) Матеріалы о Кулибинѣ въ „Чт. общ. ист.“, 179—180.
[2]) Лепехина, „Путеш.“ 1805 г., ч. IV, 362.

должно почесть,—разсуждаетъ она,—если данныя намъ очи обозрѣвать всѣ преизящныя творенія потупимъ мы въ землю, устроенную для разсматриванія подлымъ хлѣбопашцамъ? Не слѣдуетъ ли всему естественному вещей порядку превратиться, если органамъ, которыми одарены для собственной нашей пользы, мы запретимъ дѣйствовать? Сіе-то называется дойти до крайняго невѣжества» [1]). Большинство молодого поколѣнія, увлекаясь только созерцаніемъ внѣшней красоты и ощущеніемъ чувственныхъ благъ, желая только того, что пріятно дѣйствовало на чувства, и, по неразвитости раціональной, теоретической силы мышленія и пониманія, не понимая теоретической силы и практической пользы естественно-научныхъ знаній, цинически отрицало всѣ математическія и естественныя науки, считая ихъ безполезными и ненужными для себя. «Что въ наукахъ, — говоритъ напр. Наркисъ въ «Живописцѣ» Новикова: астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? нѣтъ: на что же мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ? нѣтъ: чортъ ли въ ней? Физика изобрѣтетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? нѣтъ: куда она годится? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе? нѣтъ: такъ она и недостойна моего вниманія. Прочія всѣ науки могутъ ли произвесть чудо, чтобы красавицы въ меня влюблялись? нѣтъ: это невозможность; слѣдовательно для меня всѣ онѣ безполезны» [2]). Тогда какъ въ настоящее время, благодаря могучей силѣ естествознанія, мы видимъ уже и въ Россіи появленіе женщины-естествоиспытательницы,—во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи женщины русскія еще презрительно отрицали естественныя науки, нисколько не сознавая естествопознавательнаго призванія и достоинства своего разума, а чувствуя только одну чувственную обаятельность своей физической, плотской красоты. Въ томъ же «Живописцѣ» Новикова «Щеголиха» говоритъ: «какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самые прекрасные лѣта погубляютъ. Ужесть какъ смѣшны ученые мужчины; а наши сестры ученыя — о! онѣ-то совершенныя дуры. Безпримѣрно, какъ онѣ смѣшны. Не для географіи одарила насъ природа красотою; не для математики дано намъ острое и проницательное понятіе; не для физики вложены въ насъ нѣжныя сердца. Для чего же одарены мы сими преимуществами? Чтобы: быть обожаемы. Въ словѣ — умѣть нравиться всѣ наши заключаются науки» [3]).

Наконецъ, первоначальная умственная тупость и непонятливость, какую обнаруживало первое послѣ-петровское поколѣніе при изученіи физико-математическихъ наукъ, вслѣдствіе преобладанія грубаго, верхоглядпаго сенсуализма надъ разсудочною силою или теоретическою мыслительностью, во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи обратилась въ грубое полупониманіе естественныхъ наукъ, въ моду на умы и «натуру», въ недоумство въ области естествознанія. Явились въ обществѣ

[1]) Новикова, „Живописецъ" 1772—1773, изд. 7, стр. 70.
[2]) Ibid., 15.
[3]) Ibid., 19—20.

свои доморощенные недоумы-натуралисты, которые, не занимаясь сами серьезнымъ изученіемъ природы и не будучи способны раціонально, естественно-научно отвѣтить на требованіе объясненія необычайныхъ явленій жизни законами природы, безотчетно и голословно твердили по модѣ: натура! Эта мода на «натуру» была первымъ протестомъ незрѣлой естествопознавательной мысли «недоумовъ» противъ стараго допетровскаго супранатурализма ханжей. Поэтому Ханжихина, въ комедіи Екатерины Великой, съ чувствомъ суевѣрной антипатіи говоритъ этимъ недоумамъ-натуралистамъ: «такъ вы ничему нынче не вѣрите: у васъ все натура!» У другихъ, даже передовыхъ мыслителей и писателей второго послѣ-петровскаго поколѣнія недоумство въ области естествознанія и модное резонерство относительно естественныхъ наукъ доходило даже до странныхъ понятій и разсужденій о естественно-научныхъ вопросахъ, открытіяхъ и теоріяхъ. Юная естествопознавательная мысль русская, въ большинствѣ мыслящихъ людей этого поколѣнія, переживала психопатическій фазисъ средневѣковой схоластики и мистики и, далеко еще не доразвившаяся и не укрѣпившаяся въ своей рассудочно-философской или теоретической силѣ мышленія, она естественно не понимала новыхъ открытій естествознанія и отставала отъ нихъ, заблуждаясь въ области верхоглядного сенсуализма и старыхъ сенсуально-галлюцинаціонныхъ и натуръ-философскихъ бредней. Модные русскіе натуръ-философы-недоумы, не постигая внѣшними чувствами и не понимая умовъ новыхъ открытій въ физикѣ, химіи, астрономіи и пр., самоувѣренно стали ихъ отрицать. Новиковъ, не понявши высокихъ теорій естествознанія, отъ сенсуалистическаго реализма ударился въ мистическую схоластику, и еще съ большею силою, чѣмъ Невзоровъ, Лопухинъ и другіе, сталъ отвергать новыя открытія въ астрономіи, физикѣ и химіи. «Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ, — писалъ онъ въ 1814 году къ Карамзину, — они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина — что̀ не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наилѣнивѣйшую планету бездѣйственную, ибо что̀ не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія... Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыхъ Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій, за то только, что по ихъ высокой наукѣ что̀ можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? Не письмами, а фоліантами развѣ можно описать ихъ» [1]). Какъ Невзоровъ, вслѣдствіе преобладанія до-петровскаго верхоглядного сенсуализма надъ экспериментальнымъ естественно-научнымъ

[1]) Первое письмо къ Карамзину, 1814 г.

раціонализмомъ, представлялъ излишнимъ усиленіе экспериментал
способовъ изученія природы и защищалъ поверхностное непосредств
чувственное созерцаніе природы, — такъ другіе франмасонскіе мысли
вслѣдствіе стараго, до-петровскаго преобладанія памяти и вообра
надъ разумомъ и сенсуально-галлюцинаціонныхъ видѣній и ощу
надъ раціонально-реалистическимъ мышленіемъ, стояли за сенсу
галлюцинаціонныя и психопатическія откровенія средневѣковой ми
и схоластики и отвергали современныя открытія естествоиспытк
разума. Отвергая современную астрономію и химію, они свято по
и чтили средневѣковую астрологію и алхимію. Вмѣсто philosophie
mique Лавуазье, philosophie zoologique Ламарка, philosophie anato
Сентъ-Илера, небесной механики Лапласа они изучали «Химиче
Псалтирь» Парацельса (1784), «Герметическую науку — Алхимію»,
общую христіанскую медицину и химію» и т. п. Цѣлый отдѣлъ есте
знанія захваченъ былъ въ сферу масонскаго общества. Шварцъ рек
довалъ «Дружескому ученому обществу» обратить особенное вниман
«значеніе качествъ и свойствъ вещей въ природѣ и употребленіе хи
Но, устремивши свою любознательность на природу, члены Новиков
общества хотѣли пытать ее въ духѣ среднихъ вѣковъ и выпытыватъ
нея двухъ чудесныхъ откровеній: всеобщаго лекарства и философ
камня, посредствомъ котораго всѣ металлы обращаются въ золото. Г
тическая наука или алхимія ихъ занималась претвореніемъ однихъ м
ловъ въ другіе и объясняла всѣ естественныя дѣйствія тремя глав
факторами — солью, сѣрой и ртутью [1]). Вообще, супранатуралистич
заблужденія, порожденныя средневѣковыми психопатіями, галлюцина
чувствъ и вообще господствомъ внѣшнихъ чувствъ, памяти и вообра
надъ разумомъ, до того омрачали и ослабляли юную естествопознавател
мысль во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, что вызывали справедл
и здравую критику со стороны тѣхъ немногихъ русскихъ мыслителе
торые наиболѣе усвоили европейское естествопознавательное умонастр
и болѣе вѣрили въ экспериментальный, индуктивный методъ естест
знанія. Въ Тулѣ, въ 1790 году напечатано было «изслѣдованіе кн
заблужденіяхъ и истинѣ», которая колебала тогда юную, незрѣ
неглубокую и шаткую естествопознавательную мысль русскую,—и въ п

---

[1]) Особенному нареканію подвергалась въ обществѣ анатомія. Проф. ан
Эразмусъ въ 1766 1767 годахъ неоднократно требовалъ труповъ, но просьбы
удовлетворяли. Въ обществѣ господствовало предубѣжденіе противъ анатоміи. По
Эразмусъ, въ рѣчи: о противностяхъ анатомическаго ученія, у
леніемъ и превеликою онаго пользою несравненно превы
мыхъ, долженъ былъ нападать на тѣхъ невѣжественныхъ враговъ науки, ко
сравнивали анатомовъ съ живодерами и мясниками, и защищать ее противъ
хулителей, которые медиковъ называли безбожниками, приводя трактаты ра
врачей, доказывавшихъ бытіе Божіе изъ премудраго устройства разныхъ орг
тѣлесныхъ: Ф. Гофмана — изъ устроенія всего тѣла, Гамбургера — изъ разсмо
сердца, Тиммія—изъ разсмотрѣнія спины, Донатовъ способъ—изъ руки, Штурм
изъ глаза, и т. д. „Ист. моск. унив.“, 154—155.

ловіи къ этому изслѣдованію высказанъ былъ такой протестъ противъ аллюцинаціи чувствъ и воображенія въ области естествоиспытанія, съ ащитой экспериментальнаго изученія природы: «никогда — говорили вторы въ «предувѣдомленіи» — благоразумный и чтущій справедливость римѣчатель не будетъ вмѣсто дѣяній натуры, многократными испытаніями твержденныхъ, предлагать свои увѣренія, не получившія, такъ сказать, лейма истины, неопровержимыми доказательствами на нихъ наложенаго... Обладающій справедливымъ ученіемъ ничего безъ вѣрнѣйшихъ бъясненій, учинившихся долговременными наблюденіями несомнѣнными ощутительными, не предлагаетъ; но мечтающій умствователь, гордясь ымышленными своими мудроположеніями, повелѣваетъ читателямъ припимать ихъ за истинныя пружины всего естества, несмотря на то, что ущество онаго и текущее его обращеніе не воображеніемъ познаваемо ыть можетъ, но вопрошеніемъ рачительнѣйшаго испытанія натуры, которая отрицаетъ всякое откровеніе въ себѣ пустомысленности, изображающейся пустословіемъ, но обнаруживаетъ себя токмо тѣмъ, кои прилежаніемъ и трудолюбіемъ тщатся проникнуть въ творенія ея». Изслѣдователи основывались въ своихъ разсужденіяхъ на мысляхъ Бэля, Локка, Ньютона, Коперника, Бюффона и многихъ другихъ [1]). Несмотря, однакожъ, на эти опроверженія, мистико-натуралистическое направленіе мысли, развившееся въ франмасонскомъ обществѣ, какъ реакція противъ грубаго, исключительно физическаго воспитанія молодыхъ поколѣній, состоявшаго въ одномъ питаніи, и противъ грубаго матеріализма нравственности, и потомъ направленное вообще противъ матеріализма идей, понятій, развиваемыхъ естествознаніемъ,—съ 90-хъ годовъ, и потомъ особенно съ 1810 года мало-по-малу обратилось въ общее реакціонерное направленіе, которое было особенно враждебно свободному движенію естествоиспытательной мысли и развитіемъ котораго заправляли потомъ Жозефъ де Местръ, Руничъ и Магницкій.

IV

Такимъ образомъ въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи естествопознавательной мысли пришлось воспитываться и развиваться большею частію во времена постепеннаго и сильнаго развитія реакціи, которая, изъ боязни матеріализма, сильно стѣсняла свободное развитіе естественныхъ наукъ. Наиболѣе простора и способовъ для развитія естественно-научной мысли дано было только въ началѣ XIX столѣтія, до 1810 г., когда въ общественной атмосферѣ ощутительны были еще principes libérales императора Александра I, который до вступленія на престолъ и самъ мечталъ естествознаніе предпочесть самодержавію. И дѣйствительно, естествопознавательная мысль наша въ первыя 10 лѣтъ нынѣшняго столѣтія какъ-бы спѣшила запастись и гарантироваться нѣкоторыми новыми силами и средствами, чтобы потомъ легче вынести тяжелое для нея иго реакціи и, если

[1]) Галаховъ, „Истор. русск. литер.“, 565.

не подвинуть свое развитіе, то, по крайней мѣрѣ, отстоять свое существованіе. Во-первыхъ, развитіе ея усилено было приливомъ новыхъ естествоиспытательныхъ умовъ съ запада. Въ сферѣ русскихъ умовъ естественно-научная мысль еще столь мало находила умственныхъ силъ для самостоятельнаго развитія, что нужно было еще, съ одной стороны, призывать съ запада преподавателей натуралистовъ, съ другой стороны — посылать молодыхъ русскихъ натуралистовъ за границу для приготовленія на физико-математическія кафедры русскихъ университетовъ, которыхъ въ періодъ воспитанія и дѣйствованія третьяго послѣ-петровскаго поколѣнія было уже 6. Въ 1804 году явились вызванные изъ чужихъ краевъ въ московскій университетъ профессоры-математики и натуралисты: изъ Геттингена проф. Иде для высшей геометріи, проф. Рейсъ для химіи; изъ Майнца извѣстный учеными трудами своими и путешествіями проф. Фишеръ для зоологіи и сравнительной анатоміи; изъ Геттингена Гофманъ для ботаники; изъ Лейпцига Г. Гольбахъ для астрономіи. «Всѣ сіи профессоры,—замѣчалъ попечитель моск. университета Муравьевъ въ своемъ отчетѣ за 1804 годъ,—выгодно извѣстные въ ученомъ свѣтѣ, одушевлены были живѣйшею ревностью сообщить знанія свои юношеству россійскому» [1]). Проф. Иде, ученикъ Кестнера, извѣстенъ объясненіемъ солнечной системы Лапласа. Рейсъ показалъ себя въ опытахъ животно-химическихъ и гальваническихъ. Гофманъ приглашенный для ботаники, занималъ уже отличное мѣсто между знатоками этой науки: особенно онъ извѣстенъ своими изслѣдованіями о тайнобрачныхъ растеніяхъ. Его германская флора, его «Plantae lichenosae» тоже были въ большой славѣ. Астрономъ Гольбахъ издалъ «Небесный Атласъ» и работалъ иногда вмѣстѣ съ знаменитымъ берлинскимъ астрономомъ Боде. Призывая иноземныхъ натуралистовъ, попечитель московскаго университета Муравьевъ весьма заботился и о скорѣйшемъ воспитаніи и образованіи своихъ, природныхъ русскихъ натуралистовъ. Въ запискахъ своихъ онъ замѣчалъ: «иначе нельзя завести своихъ профессоровъ, какъ посылая ихъ въ чужіе краи, чтобы они выучились тамъ своимъ правамъ, трудолюбію и должностямъ». И дѣйствительно, въ то же время (въ 1805—1806 г.) въ числѣ 26 русскихъ, посланныхъ за границу, для изученія разныхъ наукъ, 6 молодыхъ русскихъ ученыхъ были натуралисты, именно: Грузиновъ изучалъ анатомію, Чеботаревъ—технологію, Жуковъ—высшую геометрію, Двигубскій—натуральную исторію и химію, Мудровъ—хирургію и клинику, Озеровъ—лѣсоводство. Въ 1828 году, въ числѣ 16 молодыхъ ученыхъ, возвратившихся изъ-за границы, было 6 натуралистовъ и медиковъ. Въ теченіе 1834—1841 г. отправлено было за границу изъ московскаго университета тоже до 6 русскихъ ученыхъ для изученія разныхъ отраслей естественныхъ наукъ. Въ 1862 году, въ числѣ 60 молодыхъ русскихъ ученыхъ, отправлено было за границу для приготовленія къ университетскимъ каѳедрамъ по физико-математическимъ факультетамъ до 19 молодыхъ русскихъ натуралистовъ и математиковъ. За границей, молодые русскіе натуралисты уже въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія начинали обращать на себя

1) „Ист. моск. унив.“, 337.

вниманіе западныхъ естествоиспытателей. Парижскіе натуралисты одобрили предпріятіе Двигубскаго издавать русскую фауну и избрали его керреспондентомъ парижскаго академическаго общества наукъ. Молодые русскіе натуралисты уже съ мыслью, съ толкомъ обозрѣвали за границей различныя заведенія по части естественныхъ наукъ. Напр., тотъ же Двигубскій писалъ, между прочимъ, въ своемъ отчетѣ: «особенно понравилось мнѣ собраніе минераловъ французскихъ. Въ огромной залѣ, опредѣленной единственно для произведеній собственныхъ Франціи, можно однимъ взглядомъ обозрѣть все то, что во Франціи достаютъ изъ нѣдръ земныхъ. Вся зала раздѣлена по числу департаментовъ и въ каждомъ отдѣленіи лежатъ всѣ земли, камни и руды одного извѣстнаго департамента; въ другомъ отдѣленіи произведенія другого и т. д. Я не имѣю надобности писать о пользѣ подобныхъ заведеній, которыхъ не много сыщется въ Европѣ. Я съ удовольствіемъ воспоминаю, что будучи еще въ Москвѣ имѣлъ случай видѣть въ богатомъ кабинетѣ г. Татищева особенное отдѣленіе для камней, окаменѣлыхъ раковинъ и пр., вокругъ Москвы находящихся. Въ ганноверскихъ владѣніяхъ я замѣтилъ садъ, въ которомъ разводятъ одни только растенія своей земли. Въ кассельской академіи собираютъ всѣ образцы изъ разныхъ фабрикъ—суконныхъ, полотняныхъ и пр., находящихся во владѣніяхъ кассельскихъ. 11 профессоровъ преподавали натуральную исторію. Кабинетъ ея выстроенъ среди ботаническаго сада и расположенъ систематически.. Въ саду есть особенное отдѣленіе, опредѣленное для разведенія растеній, какъ природныхъ, такъ и иностранныхъ, полезныхъ для Франціи, и которыхъ сѣмена каждаго года разсылаются во всѣ департаменты безденежно. По представленію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, Шанталя, отведено въ предмѣстіи парижскомъ обширное мѣсто, гдѣ сѣютъ сосны, ели, кедры, дубы и другія нужныя деревья, которыя послѣ развозятъ для разсадки въ разные департаменты, смотря по приличной почвѣ земли» [1]). Весьма замѣчателенъ также выработанный проф. медицины Мудровымъ въ Парижѣ, Берлинѣ и Геттингенѣ «Чертежъ практическихъ врачебныхъ наукъ, взятый съ главныхъ училищъ Германіи и Франціи» [2]). Въ этомъ чертежѣ Мудровъ особенно энергично возстаетъ, какъ увидимъ дальше, противъ идеальныхъ методовъ въ изученіи природы и доказываетъ необходимость введенія экспериментальнаго метода въ медицину. Заграничные отчеты новѣйшихъ русскихъ натуралистовъ представляютъ еще болѣе живую и убѣдительную лѣтопись успѣшнаго развитія европейской естественно-научной мысли въ молодомъ русскомъ поколѣніи [3]). А многочисленныя и разнообразныя работы молодыхъ русскихъ натуралистовъ, наполняющія иностранные естественно-научныежурналы, доказываютъ уже значительную зрѣлость самостоятельной рабочей силы русской естествоиспытательной мысли [4]). Во-вторыхъ, вмѣстѣ съ приливомъ новыхъ естествоиспытатель-

---

[1]) Ibid., 346—347.

[2]) Напеч. въ „Чтен. моск. общ. исторіи“.

[3]) См. эти отчеты и письма въ „Журн. мин. народн. просвѣщ.“ 1862 и 1863 г.

[4]) „Натур.“ 1866 г.: „разборъ диссертацій русскихъ натуралистовъ“.

ныхъ силъ съ запада, пріобрѣтались оттуда и новые средства и способы для саморазвитія естественно-научной мысли въ Россіи. Въ отчетѣ за 1803 г. попечитель московскаго университета Муравьевъ писалъ: «я не преминулъ препроводить въ библіотеку новѣйшихъ великихъ писателей, которые распространили въ короткое время предѣлы человѣческихъ знаній въ химіи, высокой геометріи и экономіи политической (именно: Лавуазье, Фуркруа, Лаланда, Монжа, Прони, Смита, Стюарта, Бентама и прочихъ)... Между тѣмъ доставилъ я въ университетъ удобный для большихъ астрономическихъ наблюденій Грегоріанскій телескопъ, Керіевой работы, выписалъ изъ Лондона Арнольдовъ хронометръ и заказалъ у Бержа, искуснаго художника астрономическихъ орудій, большой регуляторъ и полный кругъ, величиною три фута въ діаметрѣ. Профессору смѣшанной математики Панкевичу поручилъ двухъ питомцевъ для пріученія ихъ къ употребленію астрономическихъ орудій». Точно также Муравьевъ принималъ дѣятельныя мѣры къ устройству астрономической обсерваторіи и химической лабораторіи, къ обогащенію физическаго кабинета, доставляя ему нѣкоторыя новыя машины, гальваническій аппаратъ, Гюйтонову переносную лабораторію, Атвудовъ снарядъ для показанія ускорительнаго паденія тѣлъ и пр., и заботился о снабженіи клиники при медицинскомъ факультетѣ новыми хирургическими и анотомическими орудіями, въ которыхъ тамъ былъ крайній недостатокъ, такъ какъ они выписаны были еще въ 1766 году, и съ тѣхъ поръ сдѣлались вовсе неупотребительными. Потомъ, въ періодъ времени съ 1812 по 1830 годъ, весьма изобильно обогащены были въ московскомъ университетѣ, какъ музей натуральной исторіи, такъ и кабинеты—физическій, астрономическій, анатомическій, химическій, аптекарскій и технологическій [1]). Въ періодъ времени 1826—1855 года вновь устроены: въ 1828 г. астрономическая обсерваторія съ павильономъ для магнитныхъ наблюденій, въ 1834 году кабинеты сравнительной анатоміи и физіологіи, въ 1846 г. анатомо-патологическій и сельско-хозяйственный кабинеты [2]). Въ то же время, сначала по порученію того же Муравьева, молодые русскіе натуралисты переводили замѣчательныя естественно-научныя произведенія западныхъ естествоиспытателей, какъ напр., «Principia mathematica» Ньютона, геометрію Монжа, геометрію и астрономію Біо и др. Въ-третьихъ, въ университетахъ дано было болѣе свободное и самостоятельное распредѣленіе и развитіе физическимъ и естественнымъ наукамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько возрасла самодѣятельность естественно-научной русской мысли и особенно замѣчательно развилась и проявилась математическая мыслительность. Весь циклъ реальныхъ, естественныхъ наукъ въ университетахъ совмѣщенъ былъ въ двухъ самостоятельныхъ отдѣленіяхъ, обособленныхъ теперь и отъ наукъ философско-метафизическихъ. Именно: въ отдѣленіи физи-

---

[1]) См. подробности въ „Исторіи моск. университета“, 433—439.

[2]) Ibid., 520—541. Точно также постепенно улучшались и пополнялись натуральные музеи или кабинеты и въ другихъ университетахъ. Напр., въ кіевскомъ университетѣ особенно содѣйствовали улучшенію ихъ Гофманъ—профессоръ минералогіи и геогнозіи (1834—1842) и Бессеръ—профессоръ ботаники и энтомологіи—создатель замѣчательнаго ботаническаго сада (1834—1838). „Истор. универс. св. Владим.“, 212—221.

ческихъ и математическихъ наукъ преподавались: 1) теоретическая и опытная физика; 2) чистая математика; 3) прикладная математика; 4) астрономія; 5) химія; 6) ботаника; 7) минералогія и сельское домоводство; 8) технологія и науки, относящіяся къ торговлѣ и фабрикамъ, и 9) натуральная исторія. Въ отдѣленіи врачебныхъ или медицинскихъ наукъ: 1) анатомія, физіологія и судебная врачебная наука; 2) патологія, терапія и клиника; 3) врачебное веществословіе, фармацея и врачебная словесность; 4) хирургія; 5) повивальное искусство; 6) скотолеченіе. Что касается до самой разработки естественныхъ наукъ въ нашихъ университетахъ, то въ этомъ отношеніи естествопознавательная мысль русская еще и въ третьемъ поколѣніи была большею частію малосильна и несамостоятельна, исключая успѣховъ математическаго анализа. Только нѣкоторые профессоры-натуралисты начинали составлять свои записки и руководства и изрѣдка издавать свои естественно-научныя изслѣдованія. Такъ въ московскомъ университетѣ Двигубскій въ 1830—1832 г. читалъ физику по своей книгѣ: въ 1801 г. 14 іюня онъ защищалъ свое латинское сочиненіе: Опытъ московской фауны, гдѣ исчислилъ и описалъ животныхъ, находящихся въ окрестностяхъ Москвы. Чумаковъ читалъ механику по своей книгѣ и Пуассону, а оптику по Лакалю. Денисовъ—технологію, сначала по книгѣ Двигубскаго, потомъ съ 1818—1819 г. частную по руководству Поппе, общую по своей. Павловъ преподавалъ минералогію по Фишеру, сельское хозяйство по своей земледѣльческой химіи и по книгѣ Альбрехта Теэра, физику (съ 1827—1828) по руководству Двигубскаго и Біо, а также по Гей-Люссаку и Пулье. Щепкинъ читалъ высшія вычисленія, аналитическую геометрію, дифференціальное и интегральное исчисленіе и высшую алгебру по Франкеру; Перевощиковъ—раціональную и сферическую астрономію по сочиненію Шуберта, а съ 1827—1828 года теоретическую астрономію по своей книгѣ, теорію планетъ и кометъ по своему же руководству; Ловецкій читалъ минералогію по Фишеру и Гаю, потомъ по своему сочиненію, руководился также Беданомъ и Соколовымъ, сельское хозяйство по Теэру и Павлову, съ 1834 г. зоологію по своей книгѣ съ дополненіями изъ Кювье и Сентъ-Илера, и пр. [1]). Въ кіевскомъ университетѣ преподаватель математики Гренковъ читалъ алгебру и аналитическую геометрію по собственнымъ запискамъ, которыя извлекалъ изъ лекцій своего учителя Остроградскаго и изъ сочиненій Гречины и Бурдона; проф. астрономіи Ѳедоровъ тригонометрію излагалъ по собственнымъ запискамъ, составленнымъ преимущественно изъ лекцій дерптскаго проф. М. Бартельса; популярную астрономію по собственнымъ же запискамъ, основаннымъ на руководствѣ В. Брандеса [2]). Уже изъ этого перечня видно, что русскіе профессоры-натуралисты, хотя еще мало, но все-таки начинали уже составлять свои руководства. Умственная производительность профессоровъ по части естественныхъ наукъ тоже начинала проявляться въ изданіяхъ кое-какихъ естественно-научныхъ и особенно математическихъ сочиненій. Такъ свѣтило математическаго факуль-

---

[1]) „Истор. моск. унив.“, 546—552.

[2]) „Истор. унив. св. Владиміра“, 135—147.

тета харьковскаго университета, проф. чистой математики Т. Ѳ. Осиповскій (изъ воспитанниковъ владимірской семинаріи) издалъ курсъ математики въ 2-хъ томахъ, представилъ къ изданію и третій томъ—о дифференціальныхъ, интегральныхъ и варіаціонныхъ исчисленіяхъ, состоящій изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ одной, изданной впослѣдствіи, находится анализъ вообще взятый, а въ другой приложеніе его къ кривымъ линіямъ и поверхностямъ. Онъ также перевелъ на русскій языкъ «Небесную Механику» Лапласа, съ присовокупленіемъ поясненій относительно предлагаемыхъ въ ней исчисленій. Кромѣ того онъ написалъ сочиненія: о дѣйствіи силъ на гибкія тѣла и о происходящемъ отъ того равновѣсіи; объ астрономическихъ преломленіяхъ; о теоріи движенія тѣлъ, бросаемыхъ на поверхности земной; о томъ, что астрономическія наблюденія надъ тѣлами солнечной системы надлежитъ поправлять по времени прохожденія отъ нихъ «свѣта» и другія. По свидѣтельству академика Остроградскаго, математическія сочиненія Осиповскаго обратили на себя вниманіе французской академіи наукъ. Изъ другихъ профессоровъ харьковскаго университета издали: Стойковичъ—руководство къ физикѣ и физической географіи, Газе—всеобщую химію, въ 5-ти частяхъ. Въ казанскомъ университетѣ былъ замѣчательнымъ профессоромъ теоретической астрономіи Румовскій, изъ учениковъ невской семинаріи, образовавшійся у знаменитаго берлинскаго математика Леонарда Эйлера. Онъ «дѣлалъ обсерваціи, которыхъ и славные астрономы не безъ осторожности ожидали» [1]). Рядомъ съ университетскими математиками, два знаменитыхъ русскихъ академика—Остроградскій и Сомовъ многочисленными сочиненіями и открытіями своими особенно обогатили разныя отрасли математическаго анализа. Еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія «блестящія дарованія Остроградскаго обратили на него особенное вниманіе величайшихъ французскихъ математиковъ: такъ знаменитый Коши, въ издаваемыхъ имъ въ то время сочиненіяхъ, многократно съ похвалою отзывался о трудахъ и открытіяхъ молодого русскаго геометра; съ другой стороны, въ то время, когда во Франціи было столько отличныхъ математиковъ, нашъ соотечественникъ удостоился рѣдкаго для иностранца отличія, получивъ профессорское мѣсто въ коллегіумѣ Генриха IV. Написанное имъ тогда (1826) сочиненіе «Sur la propagation des ondes dans un bassin cilindrique» было представлено парижскому институту и удостоено помѣщенія въ собраніи мемуаровъ постороннихъ ученыхъ». Въ теченіе 33-лѣтней дѣятельности онъ написалъ: 48 сочиненій, читанныхъ имъ въ засѣданіи с.-петербургской академіи наукъ и напечатанныхъ въ ея изданіяхъ, 3 сочиненія, представленныя парижской академіи наукъ и напечатанныя въ ея изданіяхъ, 9 разборовъ физико-математическихъ сочиненій; отдѣльно издалъ: «Руководство начальной геометріи» (СПб. 1855 г.) для военно-учебныхъ заведеній и «Программу и конспектъ тригонометріи» для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (СПб. 1851). Кромѣ того, два читанныхъ Остроградскимъ курса были записаны и изданы подъ слѣ-

[1]) Матеріалы для истор. просвѣщенія въ Россіи—Сухомлинова. „Журн. мин. нар. просв.", 1865 г., окт., стр. 64. 84—85.

ющими заглавіями: 1) «Cours de mécanique céleste» (1831); курсъ этотъ, тоящій изъ 12 лекцій, продолжался съ ноября 1829 по мартъ 1830; лекціи алгебраическаго и трансцендентнаго анализа, читанныя въ мормъ кадетскомъ корпусѣ: ч. I: рѣшеніе алгебраическихъ уравненій; ч. II: рія алгебраическихъ функцій (СПб. 1837)[1]. Въ московскомъ университѣ, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія изъ природныхъ русскихъ уралистовъ наиболѣе извѣстны своими сочиненіями: адъюнктъ Успенй—разсужденіемъ о коровьей оспѣ (1801); докторъ Андреевй—изданіемъ введенія въ анатомію животныхъ; Двигубскій—томъ московской фауны (1801), двукратнымъ изданіемъ физики, опиніемъ животныхъ и китовъ, которые водятся въ прелахъ россійскаго государства, изображеніемъ и опиніемъ животныхъ россійской имперіи, начальными осноніями естественной исторіи (1812—1825); Озеровъ—переводомъ нковой технологіи; Чумаковъ—переводомъ курса математики Беллавеня. многіе другіе московскіе профессоры-натуралисты болѣе или менѣе извѣы какими-нибудь сочиненіями по своимъ предметамъ, или переводами, же сотрудничествомъ въ обществѣ испытателей природы и въ обществѣ ико-медицинскомъ. Г. Шевыревъ такъ характеризуетъ нѣкоторыхъ дашнихъ русскихъ натуралистовъ московскаго университета, включая то число и нѣкоторыхъ иностранныхъ профессоровъ: «въ отдѣленіи ико-математическомъ—говоритъ онъ—Фишеръ раскрывалъ болѣе общеэнную дѣятельность науки чрезъ ученыя связи со всѣми просвѣщенми странами земного шара и притягивалъ этою силою къ университету ровища естествознанія; Гофманъ и Гольдбахъ образовывали у насъ отегвенныхъ ботаниковъ; въ сферѣ чистой математики выступили два дароыхъ профессора изъ молодого поколѣнія: Перевощиковъ преподавалъ ематику вдохновенно, какъ поэтъ, какъ-бы создавая ее во время излоція, со страстною любовью къ ней, которую сообщалъ и своимъ слушамъ; Щепкинъ проходилъ науку хладнокровно и медлительно, любя ее треннею сосредоточенною любовію, но не торопясь къ ея свѣтлымъ и азительнымъ результатамъ, и заслужилъ отъ своихъ современниковъ званіе Фабія Кунктатора. Увлекателенъ былъ Павловъ, по возвращеніи -за границы озарившій новымъ блескомъ область естествовѣдѣнія. Во чебномъ отдѣленіи Мудровъ стемился воплотить въ студентахъ идеалъ юкратова врача; нравственное вліяніе его на учениковъ было огромно; деніе за больными при постели ихъ образцовое. Мухинъ многосторони свѣдѣніями и неутомимою дѣятельностью одушевлялъ студентовъ. подавая анатомію по собственному руководству, а физіологію по Блубаху, съ присовокупленіемъ потомъ руководствъ Прохаски и Ленгоса, онъ дѣлалъ опыты надъ животными для объясненія нѣкоторыхъ еній, происходящихъ въ живомъ человѣческомъ тѣлѣ. Новое поколѣніе

[1] Отчетъ по физико-матем. и историко-филолог. отд. „Зап. Акад. Наукъ", 1862 г., кн. 1, стр. 3, 46—50. О многочисл. и замѣчательн. математич. изслѣдованіяхъ Сок см. подробный отчетъ тамъ же, 90—93.

умножало силы факультета, которыя не оскудѣвали. Альфонскій выступилъ достойно по слѣдамъ своего наставника Гильдебрандта и въ короткое время пріобрѣлъ себѣ имя своими операціями. Рихтеръ, довершивъ свое ученіе за границей, по слѣдамъ отца, уже доканчивавшаго свое поприще, двигалъ впередъ науку (особенно ученіемъ о дѣтскихъ болѣзняхъ). Бунге принесъ основательное и глубокое изученіе ветеринарной медицины. Ризенко, Страховъ, Эвеніусъ, Терновскій вносили въ факультетахъ добросовѣстное изученіе науки въ разныхъ ея отрасляхъ [1]). По введеніи новаго университетскаго устава, съ начала 1836 года, не было уже того вреднаго для разработки науки безпрерывнаго колебанія ученыхъ натуралистовъ между разными науками, которое господствовало во всей предъидущей исторіи преподаванія. Науки теряютъ уже вовсе энциклопедическій характеръ и во всѣхъ университетахъ было уже значительное число спеціальныхъ русскихъ ученыхъ натуралистовъ. Не было уже новаго открытія, опыта, мысли, которыя бы прошли неизвѣстными для русскихъ натуралистовъ. И въ академіи наукъ работы естествоиспытательной мысли гораздо болѣе оживились и усилились, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Тогда какъ съ 1742 по 1822 г., въ теченіе 80 лѣтъ, издано было академиками, напр., по зоологическимъ наукамъ только 161 сочиненіе,—въ XIX столѣтіи, въ теченіе послѣднихъ 34 лѣтъ, натуралисты-академики сообщили 324 сочиненія по отдѣлу зоологіи, анатоміи, физіологіи, біологіи, исторіи развитія, зоологической географіи, палеонтологіи, краніологіи и пр.; вообще, сочиненія эти, по словамъ Брандта, разработывали такія отрасли науки, которыхъ прежде еще вовсе на касались [2]).

Далѣе, съ начала XIX столѣтія усилены были средства и способы, съ одной стороны, для возбужденія и проявленія естественно-научной самодѣятельности русскихъ натуралистовъ, съ другой—для воспитанія естествопознавательной, реальной мысли въ обществѣ. Съ этою цѣлью, учреждены были теперь нѣкоторыя естественно-научныя общества, тогда какъ прежде устраивались только общества словесно-литературныя. Такъ, 2-го января 1804 года открыло свои дѣйствія Высочайше утвержденное при московскомъ университетѣ общество соревнованія медицинскихъ и практическихъ наукъ. Цѣль его опредѣлена троякая: 1) распространять въ Россіи всякаго рода полезныя знанія, касающіяся до физики и врачебной науки; 2) тщательно возбуждать, питать и подкрѣплять любовь къ симъ наукамъ, какъ между его сочленами, такъ и между всѣми прочими любителями естествознанія; 3) обогащать новыми открытіями, опытами и замѣчаніями физику и врачебную науку. Съ этою цѣлью предположено было обществомъ издавать медико-физическій журналъ. Въ томъ же 1804 году, сентября 26, основано при университетѣ «Общество испытателей природы». Цѣль въ уставѣ его показана троякая: 1) «усовершать свѣдѣнія въ естественной исторіи обширной россійской имперіи;

[1]) „Ист. моск. унив.". 451—453. Характеристику профессоровъ-математиковъ и натуралистовъ кіевскаго универс. см. въ „Ист. универс. св. Владим.", 135—147.

[2]) „Bulletin de l'academie impériale", t. VII, № 4. Supl. II, p. 21.

?) собрать по географическому порядку всѣ произведенія Россіи, по части иинералогіи, ботаники, зоологіи, земледѣлія и промышленности; 3) прилокить стараніе къ открытію такихъ произведеній, которыя могутъ составить новую вѣтвь россійской торговли». Хотя оба эти общества не оказали обширнаго и ощутительно-плодотворнаго вліянія на воспитаніе естествоюзнавательной мысли въ обществѣ русскомъ, но все-же они поддерживали принципъ реальнаго, естественно-научнаго направленія и развитія русской иысли. Члены общества испытателей натуры, между прочимъ, изслѣдовали фауну, флору и минеральныя произведенія Московской губерніи и составили собраніе минераловъ и растеній Московской губерніи. «Общество испытателей природы—говоритъ г. Шевыревъ—совершило много новыхъ открытій во всѣхъ трехъ ея царствахъ; умножило посредствомъ членовъ своихъ собранія университетскаго музея; напечатало шесть томовъ своихъ записокъ на французскомъ и латинскомъ языкахъ; обогатило свою библіотеку многими приношеніями своихъ членовъ. Общество физико-медицинское напечатало три части трудовъ своихъ подъ заглавіемъ: «Commentationes», на латинскомъ и другихъ языкахъ, и два тома на русскомъ» [1]). Въ 1812 году учреждено общество наукъ при харьковскомъ университетѣ съ отдѣленіемъ естественныхъ наукъ, къ которому причислялись и врачебныя и другія, основывающіяся на испытаніи природы. Цѣль общества—распространеніе естественныхъ наукъ и знаній, какъ посредствомъ ученыхъ изслѣдованій, такъ и посредствомъ изданія въ свѣтъ общеполезныхъ сочиненій [2]). Далѣе, принципъ естественно-научнаго, реальнаго направленія и развитія русской мысли поддерживался отчасти и немногими естественно-научными и технологическими журналами, какіе выходили въ періодъ воспитанія и дѣйствованія третьяго послѣ-петровскаго поколѣнія, именно: «періодическимъ изданіемъ о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, ремеслахъ и художествахъ», которое издавалъ въ 1806 и 1807 годахъ директоръ Дружининъ при московской губернской гимназіи подъ покровительствомъ Муравьева, «Новымъ магазиномъ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ», издававшимся Двигубскимъ съ 1820 по 1830 годъ, потомъ замѣнившимъ его «Вѣстникомъ естественныхъ наукъ», который издавалъ (съ 1820 г.) [П]овскій, позднѣе Рулье, «Московскимъ врачебнымъ журналомъ», издававшимся Евеніусомъ и Полунинымъ, и «Записками по части врачебныхъ и естественныхъ наукъ», издававшимся П. Дубовицкимъ въ 1842—1846 г. Наконецъ, для возбужденія и воспитанія въ обществѣ интереса къ естествознанію весьма полезны были публичные курсы и рѣчи по предметамъ естественныхъ и вообще реальныхъ наукъ. Такъ, въ 1803—1804 году съ сентября до 1-е мая открыты были три курса для московской публики. Политковскій читалъ натуральную исторію, пользуясь при этомъ сокровищами натуральнаго кабинета кн. Яблоновскаго; Страховъ предлагалъ опытную физику съ показаніемъ новѣйшихъ опытовъ надъ газами, гальванизмомъ и пр.; Геймъ—систематическое обозрѣніе торговли съ пріобщеніемъ подробныхъ свѣдѣній

---

[1]) „Ист. моск. унив.“, 457.

[2]) „Труды общества наукъ“ при харьковскомъ унив., т. I, 1817.

о монетахъ. Карамзинъ въ «Вѣстникѣ Европѣ» 1803 года изъявлялъ, по поводу этихъ курсовъ, радость, что наука, облекшись въ доступную для всѣхъ форму, начинала свое вліяніе на общежитіе, и такъ говорилъ: «Счастливое избраніе предметовъ для сихъ публичныхъ лекцій доказывается числомъ слушателей, которые въ назначенные дни собираются въ университетской залѣ. Любитель просвѣщенія съ душевнымъ удовольствіемъ видитъ тамъ знатныхъ московскихъ дамъ, благородныхъ молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ, студентовъ заиконоспасской академіи и людей всякаго званія, которые въ глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устремляютъ глаза на профессорскую каѳедру. Можно было предвидѣть, что лекціи опытной физики привлекутъ болѣе слушателей, нежели другія. Не мое дѣло сравнивать таланты достойныхъ господъ профессоровъ; но феномены силы электрической, гальванизма, опыты аэростатическіе и пр. сами по себѣ столь любопытны, и г. Страховъ изъясняетъ ихъ столь хорошо, столь вразумительно, что публика находитъ отмѣнное удовольствіе въ слушаніи его лекцій. Вообще должно отдать справедливость ревности и талантамъ гг. московскихъ профессоровъ, которые, не имѣвъ донынѣ случая преподавать науки публично, столь успѣшно начали и продолжаютъ свои лекціи. Г. Политковскій, слѣдуя Линнеевой системѣ, проходитъ царства натуры, изъясняетъ ученыя слова и наименованія, еще новыя въ языкѣ русскомъ, и замѣчая все достойное удивленія, какъ въ общемъ планѣ творенія, такъ и въ особенныхъ существахъ, старается возбудить въ слушателяхъ любовь къ великой наукѣ природы» [1]). Затѣмъ извѣстны также публичныя лекціи популярной астрономіи Перевощикова, физики—Спасскаго, зоологіи—Рулье, сельскаго хозяйства—Павлова и др. Съ тою же цѣлью возбужденія въ обществѣ естествопознавательнаго интереса и стремленія, довольно часто говорились публичныя рѣчи о пользѣ математическихъ и естественныхъ наукъ и о разныхъ предметахъ естествознанія. Такъ, 31 августа 1801 года молодой профессоръ Барсукъ-Моисеевъ въ публичной рѣчи своей раскрывалъ публикѣ вліяніе воздуха, временъ года и метеоровъ на человѣческое здоровье и предлагалъ діететическіе правила, какія должно наблюдать по различному его состоянію. Аршеневскій въ словѣ своемъ: о связи чистой математики съ физикою показалъ ясно значеніе математики, какъ единственно возможной философіи физики (31 авг. 1802). Слово Двигубскаго: о нынѣшнемъ состояніи земной поверхности (1806) было явленіемъ новымъ въ литературѣ русской науки по части геологіи и едва-ли не въ первый разъ сообщало русскому обществу современныя геологическія знанія, выработанныя европейской наукой [2]). Проф. Грузиновъ въ рѣчи: о новооткрытомъ мѣстѣ происхожденія голоса въ человѣкѣ и другихъ животныхъ (1811) съ основательнымъ знаніемъ сообщилъ результаты современной сравнительной анатоміи и физіологіи и присовокупилъ собственные добросовѣстные опыты и наблюденія. Вообще, темы публичныхъ рѣчей, направленныя къ возбужденію и воспитанію

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1803 г., № 12.

[2]) „Періодич. сочин. о успѣхахъ народн. просвѣщ.", 1806 г., № XV.

ествопознавательнаго умонастроенія во второмъ послѣ-петровскомъ поко-
нiи, были большею частью сообразныя съ умственнымъ состояніемъ и
гребностями общества, именно слѣдующія: «о пользѣ математики; объ
iѣхахъ, сдѣланныхъ Россіею въ математикѣ; объ истинной цѣли каби-
говъ, состоящихъ изъ достопамятныхъ предметовъ натуры, и о пользѣ
ь для народнаго просвѣщенія; объ успѣхахъ, которые русскіе натура-
:ты сдѣлали въ изслѣдованіи естественныхъ произведеній въ Россіи;
и: о физическомъ воспитаніи дѣтей; о причинахъ, дѣлающихъ воздухъ
:пособнымъ для дыханія, и о средствахъ предохраненія его отъ порчи;
ютаническихъ врачебныхъ садахъ; о внезапныхъ пожарахъ, ихъ зако-
къ и причинахъ (химическое разсужденіе—Рейса); о способѣ учить и
иться медицинѣ практической; о необходимыхъ средствахъ къ подкрѣ-
:нію слабаго младенческаго возраста для размноженія въ отечествѣ
немъ народа; о сѣдалищѣ и дѣйствіи чувствительности; о сибирской
зѣ; о метаморфозѣ тѣлъ органическихъ; объ исторіи садоводства и бота-
ки въ предѣлахъ Россіи» и т. п. Наконецъ, что касается до народнаго
разованія, то по уставу гимназій и училищъ 1804 года, въ нихъ, какъ
идимъ дальше, усилено было преподаваніе реальныхъ физико-математи-
:кихъ наукъ и увеличены были способы естественно-научнаго ученія
ошества. Со времени преобразованія училищной части въ имперіи до
)9 года изданы были главнымъ правленіемъ училищъ слѣдующія книги:
·еобщее землеописаніе, для употребленія въ гимназіяхъ, опи-
ніе всѣхъ частей свѣта—для уѣздныхъ училищъ, краткое
млеописаніе россійскаго государства для уѣздныхъ учи-
цъ, физика, технологія, краткое начертаніе минера-
гіи, россійскій атласъ и пр. [1]).

Столько было благопріятныхъ пособій для воспитанія естественно-
/чной мысли въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи или съ начала
X столѣтія до 40 и 50-хъ годовъ, не упоминая еще о нѣкоторыхъ дру-
къ способахъ, какіе представляли для развитія реальнаго, естественно-
/чнаго мышленія разныя спеціальныя учебныя заведенія, въ родѣ меди-
іской академіи, агрономическаго, технологическаго, лѣсного институтовъ
:. п., а также ученая дѣятельность академіи наукъ. Но, съ другой сто-
іы, къ сожалѣнію, много было и неблагопріятныхъ условій для развитія
ой естественно-научной мысли.

Вопервыхъ, вслѣдствіе воспитаннаго вѣками сенсуалистическаго склада
:твенныхъ способностей русскаго народа, вслѣдствіе вѣкового преобла-
ія поверхностной сенсуальной воспріимчивости надъ теоретическою
'бокомысленностью, естествопознавательная мысль русская и въ третьемъ
:лѣ-петровскомъ поколѣніи была еще большею частью очень поверхностна
далеко не способна къ самостоятельной выработкѣ глубокомысленныхъ
ественно-научныхъ теорій и обобщеній. Вѣковое преобладаніе поверх-
:тнаго непосредственно-чувственнаго верхоглядства въ созерцаніи и наблю-
іи природы и слабое развитіе теоретической умозрительности и сообра-

[1]) Сухомлинова, „Матер. для истор. просвѣщ.“, 130—131.

зительности было одною изъ существенныхъ причинъ того факта, что и многіе наши натуралисты до позднѣйшаго времени отличались верхоглядствомъ. Магистръ естественныхъ наукъ Тихановичъ 2-й въ одномъ заграничномъ письмѣ своемъ замѣчаетъ: «тогда какъ у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ спеціализмъ доходитъ до странности,—у многихъ русскихъ (натуралистовъ) до болѣзненности развито верхоглядство. Мнѣ приходилось слышать, что по химіи въ настоящее время не слѣдуетъ работать, потому что въ этой наукѣ все уже можно предвидѣть» [1]. Этимъ верхоглядствомъ отличалось большинство нашихъ натуралистовъ прежняго поколѣнія, особенно до 30-хъ годовъ, исключая немногихъ, преимущественно математиковъ, какъ-то Осиповскаго, Румовскаго и въ особенности Остроградскаго, и медиковъ, какъ-то Пирогова и т. п. Вслѣдствіе вѣкового отсутствія генеративно-послѣдовательнаго развитія теоретической мыслительности и вѣкового преобладанія непосредственно-сенсуальной наблюдательности, естество познавательная мысль русская и въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи гораздо болѣе способна была только къ сенсуальнымъ физическимъ наблюденіямъ, къ сенсуальнымъ демонстраціямъ, чѣмъ къ глубокимъ теоретическимъ комбинаціямъ, выводамъ и обобщеніямъ. Напр. до 30-хъ годовъ XIX столѣтія почти всѣ наши натуралисты еще только освоялись съ сенсуально-демонстративною частью естествознанія, изучали на западѣ искусство препарированія труповъ, искусство производства физическихъ и химическихъ опытовъ, искусство астрономическихъ обсервацій и т. п. и дома большею частію рабски-подражательно производили только эти видѣнныя на западѣ чисто сенсуальныя операціи изслѣдованія и наблюденія, напр. чисто сенсуальныя анатомическія демонстраціи, чисто сенсуальные физическіе опыты, чисто сенсуальныя «астрономическія обсерваціи» и т. п. По преобладанію сенсуальной наблюдательности надъ теоретическою умозрительностью, сообразительностью и изобрѣтательностью мысли они далеко не могли еще самостоятельно и свободно, съ магическимъ Вирховскимъ или Гельмгольцевскимъ искусствомъ владѣть теоретической, потенціональной сферой экспериментаціи и разнообразнымъ регулированіемъ опытовъ и наблюденій, и потому рѣдко кто изъ нихъ производилъ новые, оригинальные и самостоятельные опыты и наблюденія, напр. по физикѣ, химіи, анатоміи, физіологіи и т. п., и потому никто неизвѣстенъ новымъ открытіемъ или новымъ обширнымъ обобщеніемъ въ области естествоиспытанія. Напротивъ, почти всѣ наши природные русскіе натуралисты, какіе были до 30-хъ годовъ, большею частію рабски-подражательно производили еще только такія сенсуальныя анатомическія демонстраціи, физическіе и химическіе опыты, астрономическія обсерваціи, которыя были первыми сенсуальными, наглядными показаніями и доказательствами естественно-научныхъ истинъ или теорій, давно уже открытыхъ или выработанныхъ западными естествоиспытателями. Наконецъ, и производили они эти чисто сенсуальныя естественно-научныя демонстраціи большею частію еще только въ тѣхъ предѣлахъ или съ тою цѣлью, чтобы посредствомъ ихъ сенсуально, наглядно

[1]) „Ж. м. н. просв.“, ч. CXVIII, 127.

осязательно показать сначала самимъ себѣ, а потомъ и слушателямъ тѣ отовые выводы, истины или теоріи, которые излагались въ западныхъ стественно-научныхъ руководствахъ, напр. Бриссона, Зёммеринга, Блуенбаха, Пленка, Жакена, Боде и т. п. И самые кабинеты, напр. физиескіе, еще мало давали способовъ къ новымъ научнымъ опытамъ. Напр. ъ кіевскомъ университетѣ физическій кабинетъ былъ весьма скуденъ, да тотъ профессоръ физики Абламовичъ держалъ въ безпорядкѣ. По словамъ . Шульгина, «посредствомъ имѣвшихся физическихъ приборовъ произвоимы были опыты, относящіеся только къ подтвержденію разныхъ положеній науки во время лекцій; опыты же съ научною цѣлью не могли быть ще производимы» [1]). Точно также въ естественно-научныхъ сочиненіяхъ изслѣдованіяхъ русскихъ натуралистовъ первой четверти XIX столѣтія, а исключеніемъ немногихъ математиковъ, описаніе непосредственно сенуальныхъ наблюденій или чувственныхъ воспріятій и впечатлѣній еще ильно преобладало надъ научно-теоретической обработкой этого непосредтвенно-сенсуальнаго матеріала. Напр. фауна Московской губерніи ли изображенія и описанія животныхъ Россійской Имеріи Двигубскаго представляетъ только простой перечень и наглядное писаніе видѣнныхъ или разсмотрѣнныхъ имъ животныхъ Россійской имеріи и, въ частности, Московской губерніи, но такого глубокомысленнаго аучно-теоретическаго взгляда на предметъ, какое представляетъ напр. Philosophie zoologique» Ламарка, или «Philosophie anatomique» Е. Ж. С.-Илера, ы вовсе не найдемъ въ книгѣ Двигубскаго. Профессоры-натуралисты ольше занимались еще только собираніемъ и накопленіемъ сенсуальнаго атеріала, наглядныхъ образцовъ или предметовъ естественной исторіи, но е вырабатывали еще изъ этого сенсуально-конкретнаго матеріала никаихъ теоретическихъ выводовъ и новыхъ идей, даже часто не разрабаывали его съ самыхъ элементарныхъ научныхъ сторонъ. Напр. посланный ъ 1824 г. для изслѣдованія флоры Московской губерніи кандидатъ Максиовичъ ограничился только собраніемъ болѣе 800 растеній. Или въ гербаіумѣ Московскаго университета въ первой четверти нынѣшняго столѣтія акоплено было 20,000 экземпляровъ растеній,—но научная обработка ихъ, аже раціональная классификація ихъ по видамъ не сдѣлана была не только о 1820 года, но и послѣ, и только уже въ 1855 году въ гербаріѣ показано ыло 12,000 видовъ [2]). Въ кіевскомъ университетѣ кабинеты естественной сторіи точно также долгое время представляли простое безобразное зрѣище самаго безпорядочнаго склада предметовъ природы, въ смѣшеніи съ азными раритетами, и притомъ зрѣлище, гораздо менѣе привлекавшее зоры и вниманіе, чѣмъ какой-небудь мюнцъ-кабинетъ, и вообще до такой тепени мало возбуждали и привлекали серьезную естественно-научную юбознательность, что долгое время вовсе не были разсмотрѣны и разобраны трого-научнымъ образомъ, такъ что напр. въ минералогическомъ кабинетѣ, о разбору проф. Гофмана, произведенному уже въ 1838 году, изъ 19,362 штукъ

---

[1]) „Истор. унив. св. Владим.", 212.

[2]) „Истор. моск. унив.", 435, 528.

оказались годными только 3,242 предмета, а остальныя 16,120 штукъ частію представляли только забавное или диковинное для глазъ собраніе раритетовъ, рѣдкостей, а частію были вовсе негодны; въ зоологическомъ кабинетѣ изъ 2,347 видовъ негодныхъ экземпляровъ уже въ 1834 году оказалось 1,962; между тѣмъ, какъ мюнцъ-кабинетъ былъ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ коллекцій университета св. Владиміра и заключалъ въ себѣ въ 1839 году 23,648 монетъ и медалей [1]). По недостаточному развитію теоретической мыслительности и по преобладанію надъ нею сенсуальныхъ способностей—внѣшнихъ чувствъ и памяти зрительной, слуховой и пр., и у многихъ профессоровъ-натуралистовъ непосредственно-сенсуальныя практическія знанія и память именъ или видѣнныхъ предметовъ преобладали надъ теоретическою силою или ученою точностью и основательностью естествоиспытательной мысли. Въ лекціяхъ ихъ номенклатура преобладала надъ мыслью, надъ идеей. Напр., г. Шульгинъ въ исторіи университета св. Владиміра говоритъ о профессорѣ зоологіи: «профессоръ Андржеіовскій (1834—1840) не получилъ правильнаго ученаго образованія въ естественныхъ наукахъ. Онъ изучилъ одну часть ихъ—ботанику и то болѣе практически въ экскурсіяхъ и, такъ сказать, самоучкою. Такой образъ предварительнаго приготовленія къ профессурѣ отражался въ преподаваніи г. Андржеіовскаго и въ ученыхъ трудахъ его—отсутствіемъ ученой точности и основательности. Студенты, несмотря на громкія ученыя имена (Ламарка, Кювье, Бленвиля, Астрейля, Мильнъ-Эдвардса, Кобреза и многихъ другихъ), которыми Андржеіовскій обставлялъ лекціи, скоро разгадывали своего учителя» [2]). Таковъ же былъ въ кіевскомъ университетѣ профессоръ физики Абламовичъ (1834—1838), у котораго, по словамъ г. Шульгина, «физическое развитіе остановило развитіе умственное», положительныхъ знаній было весьма мало, а страсть къ воспринятію всякихъ уличныхъ впечатлѣній и память всего видѣннаго и слышаннаго на улицѣ, совершенно преобладали надъ естественно-научною мыслью [3]). Если, такимъ образомъ, въ самихъ представителяхъ и воспитателяхъ естественно-научной мысли сенсуально-эмпирическая поверхность еще преобладала надъ теоретическою глубиною и обширностью естествоиспытательной мысли, то понятно, что въ молодомъ поколѣніи и въ обществѣ естествоиспытательная мысль была еще сенсуальнѣе и поверхностнѣе. Вслѣдствіе вѣкового отсутствія предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго развитія теоретическихъ мыслительныхъ способностей и вѣкового преобладанія поверхностнаго сенсуализма,—полупонятливость въ естествознаніи, недоумство и мода на умы и натуру, отличавшія второе послѣ-петровское поколѣніе временъ фонъ-Визина, въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи превратились въ крайнее верхоглядство въ естествознаніи, въ роскошь полузнаній, въ стремленіе къ познаніямъ легкимъ и поверхностнымъ, въ равнодушіе къ занятіямъ, требую-

1) „Истор. унив. св. Владиміра", 213, 219, 225.
2) Шульгинъ, „Истор. кіевск. унив.", 146.
3) Ibid., 139.

гъ умственнаго труда и непрерывнаго упражненія, въ антипатію къ гвенному углубленію въ сущность наукъ. Лучшіе профессоры-матеики, вообще, не лестно отзывались объ умственномъ развитіи тогдаіго студенчества. Извѣстный профессоръ теоретической астрономіи, зшій потомъ попечителемъ въ казанскомъ учебномъ округѣ, Румовй, такъ отзывался о студентахъ казанскаго университета: не ю я, отъ чего казанскіе воспитанники толь высокія о себѣ ьютъ мысли, и думаютъ, что къ полученію званія магистра или юнкта ничего больше не надобно, какъ только побыть нѣсколько мени въ университетѣ, не показавъ особливыхъ успѣховъ и способтей для полученія ученаго званія. Небезъизвѣстно мнѣ, что моло: люди требуютъ одобренія; но ежели одобренія дѣланы будутъ по предразсудкамъ и по высокимъ о себѣ мыслямъ, то они, возмечъ о достоинствахъ своихъ, «перестанутъ напрягать силы раіа своего и останутся на вѣкъ полуучеными»[1]). Медицині факультетъ въ московскомъ университетѣ, по словамъ попечителя равьева, «оставался безъ дѣйствія по малой склонности студентовъ сему ученію»[2]). Извѣстный профессоръ математики Бартельсъ, по еводѣ изъ Казани въ Дерптъ, по собственному его признанію, не рѣтилъ въ тамошнемъ молодомъ поколѣніи ни дарованій, ни любви математикѣ, и долженъ былъ ограничиться преподаваніемъ элеменной математики[3]). Такъ мало еще развиты были мыслительныя ы и въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, вслѣдствіе вѣкового тствія предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго изощренія и преобладанія поверхностнаго сенсуализма. Неудивительно, поіу, что въ началѣ XIX столѣтія нужно было еще пріучать юную естеінно-научную мысль молодого поколѣнія къ самой первоначальной эетической самодѣятельности; молодыхъ натуралистовъ нужно было пріучать къ сочиненію естественно-научныхъ учебниковъ посредэмъ упражненія ихъ переводами западныхъ сочиненій по естественіъ и математическимъ наукамъ. Попечитель московскаго университ Муравьевъ, какъ мы сказали уже, такъ это и дѣлалъ. «Весьма ательно, — писалъ онъ въ 1805 году, — чтобы молодые наши магиы и кандидаты заблаговременно пріучились къ сочиненію нужныхъ ученія книгъ и чтобы упражненіемъ достигли они до нѣкоторой ы въ искусствѣ писанія. Съ симъ намѣреніемъ поручилъ я магиу Загорскому переводъ Монжевой представительной геометріи; Жуу—Біотову геометрію; Николаеву — Біотову астрономію; Воинову — на философическія Невтона; Озерову — Функову технологію и пр.[4]). смотря, однакожъ, на такія упражненія, естественно-научная, физикоематическая мысль молодого поколѣнія вообще туго развивалась и

---

[1]) „Ж. м. н. просвѣщ.", 1865 г., № X, стр. 123.

[2]) „Истор. моск. унив.", 329.

[3]) Ibid., № X, 123.

[4]) „Истор. моск. унив.", 348.

притомъ въ разныхъ университетахъ съ неодинаковымъ успѣхомъ. Но достойно замѣчанія то, что въ молодомъ русскомъ поколѣніи теперь прежде всего стала развиваться математическая мыслительность, которая дотолѣ съ такимъ трудомъ развертывалась. Такъ Бартельсъ, первостепенный ученый своего времени, войдя въ первый разъ въ математическую аудиторію казанскаго университета, желалъ ознакомиться съ своими слушателями и предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ изъ математики: полученные отвѣты привели его въ восторгъ; онъ сказалъ, что для такихъ студентовъ надобно профессору готовиться къ лекціи, поклонился и ушелъ. Въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ Бартельсъ говоритъ о блестящихъ математическихъ способностяхъ первыхъ студентовъ казанскаго университета, образовавшихъ цѣлую математическую школу, изъ которой вышло много даровитѣйшихъ преподавателей для гимназій и даже для университетовъ. Но тотъ же Бартельсъ, по переводѣ въ Дерптъ, какъ мы видѣли, не нашелъ въ тамошнемъ молодомъ поколѣніи ни такихъ дарованій, ни такой любви къ математикѣ, какія одушевляли его казанскихъ слушателей. Въ Казани онъ читалъ многочисленной аудиторіи лекціи о высшемъ анализѣ; въ Дерптѣ слушателей было гораздо менѣе, и профессоръ долженъ былъ ограничиваться элементарною математикою[1]). Точно также и въ наиболѣе образованной части русскаго общества естественно-научная мысль была еще очень не глубока. Извѣстный путешественникъ, берлинскій докторъ Эрманъ въ 1828 г. писалъ о русскихъ: «если говорить о научномъ развитіи образованной части русской націи, то нужно сказать, что хотя легко возбудимый, но поверхностный жаръ благопріятствуетъ быстрому схватыванью необходимыхъ началъ извѣстнаго знанія и легкому усвоенію научныхъ результатовъ, однакожъ рѣдко можно найти у нихъ глубоко-основательное и сильное стремленіе къ истинѣ, которое одно только и можетъ побуждать къ неутомимымъ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Преимущественно можно встрѣтить у русскихъ любовь и нерѣдко талантъ къ математическимъ знаніямъ, и это направленіе наиболѣе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ посредствомъ трудовъ адмирала Гамалеи различныя части этой науки нашли счастливое выраженіе на русскомъ языкѣ и основанное на нихъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ практическое образованіе сдѣлалось живѣе. Если же теперь здѣсь вообще склонность къ положительнымъ и абсолютнымъ знаніямъ можно встрѣтить гораздо чаще, чѣмъ сомнѣніе, которое одно только побуждаетъ къ изслѣдованію, то, съ другой стороны, съ этимъ умственнымъ направленіемъ находится въ очень близкомъ соотношеніи религіозное состояніе разсматриваемой части, такъ что даже трудно рѣшить, которое изъ двухъ направленій должно разсматривать какъ преобладающее»[2]). И дѣйствительно, математическое знаніе наиболѣе развивалось въ нашемъ обществѣ, но

---

[1]) „Матер. для истор. просвѣщ въ Россіи“ Сухомлинова въ „Ж. м. нар. просвѣщ.“, 122.

[2]) Erman, „Reise“, I, S. 88—89.

главнымъ образомъ въ военномъ сословіи. Въ этомъ отношеніи, нѣсколько поколѣній моряковъ, артиллеристовъ, инженеровъ и педагоговъ обязаны одному знаменитому математику М. В. Остроградскому основательностью пріобрѣтенныхъ ими математическихъ познаній, а многіе изъ его учениковъ уже и сами въ свою очередь успѣли заслужить себѣ почетную извѣстность, какъ преподаватели и профессоры математики[1]. Но въ большинствѣ общества физико-математическія знанія были еще весьма мало распространены, и весь интересъ къ естествознанію большею частію выражался только въ сенсуально идиллическомъ наслажденіи природою, въ созерцаніи прекрасныхъ видовъ природы, въ обозрѣніи звѣринцевъ, зоологическихъ и ботаническихъ садовъ и кабинетовъ и музеумовъ натуральной исторіи, въ собраніи и составленіи коллекцій естественныхъ произведеній, въ поверхностно-практическомъ ознакомленіи съ нѣкоторыми отраслями или предметами естествознанія, напр., на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ, при разведеніи нѣкоторыхъ породъ животныхъ и растеній и т. п. Повидимому, даже нѣкоторые купцы и купеческія дѣти любили собранія рѣдкихъ физическихъ предметовъ. Такъ, купеческія дѣти Алексѣевы пріобрѣли собраніе насѣкомыхъ и растеній, составленное профессоромъ Адамсомъ во время путешествія по разнымъ мѣстамъ Россіи, и подарили его музею натуральной исторіи московскаго университета; купчиха Кулакова имѣла минералогическій кабинетъ изъ 1500 кусковъ и въ 1826 — 1827 году подарила его московскому университету[2]. Потребность нагляднаго сенсуально-эмпирическаго ознакомленія съ предметами природы и въ настоящее время въ нашемъ обществѣ преобладаетъ. Усиливающійся въ немъ интересъ къ естествознанію выражается въ возрастающемъ стремленіи непосредственно созерцать разнообразныя произведенія природы. Такъ, въ 1863 г. зоологическій, анатомическій и минералогическій музей академіи наукъ посѣтили 10,595 человѣкъ, въ 1864 году — 13,369, въ 1865 — 17,472, въ 1866 г. — 24,180, въ 1867 — 25,216 человѣкъ. Слѣдовательно въ короткій періодъ времени съ 1863 по 1867 годъ число созерцателей произведеній природы удвоилось[3]. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе посѣщали музей уже съ серьезнымъ интересомъ къ естествознанію, но несомнѣнно и то, что едва ли не большинство ограничивается поверхностнымъ сенсуальнымъ обозрѣніемъ «натуралій». Наконецъ, и въ простомъ народѣ интересъ къ естественно-научнымъ занятіямъ физическимъ, механическимъ, химическимъ и пр. возбуждался единственно вслѣдствіе увеличивавшейся возможности непосредственнаго разсматриванія на фабрикахъ и заводахъ, также при производствѣ разныхъ искусственныхъ работъ, разнообразныхъ практическихъ приложеній и проявленій физики, механики, химіи, технологіи и пр. Поэтому въ XIX вѣкѣ и самоучки — механики, химики, физики, технологи, астрономы и т. п.,

---

[1] „Записки акад. наукъ", 1862, т. I, кн. 1, стр. 3.
[2] „Истор. моск. унив.", стр. 433, 525.
[3] „Спб. вѣдом." 1868 г., № 68.

вродѣ химика Власова, механика Калашникова, Соболева, Демьянчука и многихъ другихъ, являлись все чаще и чаще. Въ людяхъ низшаго класса сталъ даже пробуждаться интересъ къ наиболѣе доступнымъ и легкимъ реальнымъ описаніямъ, каковы, напр., физико-географическія, физико-этнологическія и т. п., именно къ описаніямъ такихъ предметовъ природы, которые непосредственно подлежали внѣшнимъ чувствамъ и не требовали особеннаго умственнаго углубленія и сложныхъ теоретическихъ соображеній. Поэтому, г. Срезневскій въ общемъ собраніи с.-петербургскаго географическаго общества 22 мая 1856 года заявлялъ: «приглашая къ участію всѣхъ желающихъ, безъ различія званія и образованія, географическое общество возбуждаетъ вниманіе и сочувствіе къ вопросамъ науки и тамъ, гдѣ эти вопросы, какъ могло бы казаться, не будутъ и поняты. И, между тѣмъ, отвѣты получались и получаются въ значительномъ большинствѣ, въ особенности по части этнографіи Россіи, отъ лицъ, принадлежащихъ не къ высшему образованному обществу, а къ среднему и низшему классу, отъ сельскихъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, отъ учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, отъ мѣщанъ и селянъ, отъ сельскихъ писарей, отъ учениковъ семинарій и т. п. Что именно такія лица, а не другія, болѣе знакомыя съ нуждами науки, вчитываются въ программы общества, вдумываются въ ихъ содержаніе и пользу отвѣтовъ на нихъ, по силамъ заботятся о сообщеніи обществу этихъ отвѣтовъ, и сообщаютъ отвѣты все болѣе и болѣе удовлетворительные, — этимъ, думаю, достигается двойственная, высокая цѣль общества: служить наукѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ благотворно дѣйствовать на образованіе народное» [1]). Необразованные русскіе люди, по простой наглядкѣ, составляли иногда дѣльныя географическія описанія, которыми не пренебрегали даже такіе ученые географы, какъ Риттеръ и Семеновъ. «Между необразованными очевидцами, проникавшими для торговыхъ цѣлей во внутреннюю Азію, — говоритъ г. Семеновъ, — были, хотя весьма рѣдко, и русскіе, и первое мѣсто между ними занимаетъ, безспорно, по отчетливости сообщенныхъ имъ свѣдѣній, переводчикъ Путинцевъ въ 1811 году посѣтившій самые цвѣтущіе города Джунгаріи: Кульджу и Чугучакъ. Реляція его путешествія была напечатана въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», переведена Клапротомъ и послужила для Риттера однимъ изъ важныхъ источниковъ при ученой разработкѣ географіи этой страны. Кромѣ Путинцева, мы можемъ назвать еще въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка: рудокопа Снѣгирева, проѣхавшаго изъ Алтая въ Тарбагатай до окрестностей Чугучака для отысканія золотыхъ розсыпей. Краткій отчетъ его напечатанъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» Спасскаго». Кромѣ того, г. Семеновъ нашелъ въ Семипалатинскѣ краткій маршрутъ купца Бубенчикова, въ 1821 году ѣздившаго изъ Семипалатинска въ Кашгаръ. По краткости и скудости показаній онъ, впрочемъ, ничѣмъ не лучше тѣхъ маршрутовъ, которые уже были обнаро-

[1]) „Вѣстн. географ. общ." 1856., кн. IV. смѣсь, стр. 26.

дованы и разработаны Гумбольдтомъ и Риттеромъ[1]). Просматривая «дорожники» плѣнныхъ русскихъ казаковъ въ средней Азіи, между Бухарою, Коканомъ, Ташкентомъ и пр. (1840—1859 г.), — нельзя не удивляться особенному, почти исключительному выраженію въ нихъ памяти и непосредственно сенсуальной наблюдательности. Каждый казакъ хорошо помнилъ и въ послѣдовательномъ порядкѣ исчислялъ въ своемъ дорожникѣ туркменскія названія 38 и 45 ночлеговъ и при нихъ рѣкъ и другихъ урочищъ, а также число верстъ между ними, и потомъ въ особыхъ примѣчаніяхъ отмѣчалъ только то, что видѣлъ, осязалъ и обонялъ. Напр., Пшеничниковъ, изъ государственныхъ крестьянъ Пермской губерніи, кромѣ подробнаго сообщенія туркменскихъ названій 39 ночлеговъ и числа верстъ между ними, въ дорожникѣ своемъ далъ такого рода чисто сенсуальныя особыя примѣчанія: «Дорога гористая, идетъ по ущелью вдоль берега ручья, текущаго черезъ Джизахъ; грунтъ дороги каменистый. Небольшая крѣпость Уомъ, 10 верстъ, вода изъ ключа, дорога ровная, есть подножный кормъ, но мало. Городокъ Коны-Бодонъ, въ горахъ, 28 верстъ. Мѣста вездѣ ровныя, вблизи р. Сыра, ширина этой рѣки здѣсь до 150 саженъ, фарватеръ идетъ подъ правымъ берегомъ, у лѣваго же очень мелко, лѣсу нигдѣ нѣтъ по рѣкѣ, берега мѣстами песчаны. Урочище Кара-Теня, 30 верстъ, 4 колодца и вырытый прудъ, вода пахнетъ тиною и горька», и т. п. Несмотря на такую сенсуальную поверхностность, дорожники русскихъ плѣнныхъ казаковъ напечатаны въ Запискахъ географическаго общества, какъ не лишній матеріалъ для географіи Средней Азіи[2]). Послѣ нагляднаго ознакомленія съ тѣми или другими наиболѣе доступными для глазъ физическими инструментами, напр., барометрами и термометрами, возможны стали для простыхъ, неученыхъ людей и другія непосредственно-сенсуальныя физическія наблюденія, напр., метеорологическія, и представляютъ иногда тоже драгоцѣнныя данныя для естественно-научныхъ выводовъ. Такъ, Миддендорфъ счелъ долгомъ выдвинуть на первый планъ почтенную личность сибирскаго торговца, Невѣрова, производившаго въ Якутскѣ въ теченіе 26 лѣтъ метеорологическія наблюденія и доказавшаго своимъ примѣромъ, что и неученый человѣкъ можетъ въ Сибири пріобрѣсти себѣ имя незабвенное въ наукѣ и при одномъ лишь постоянствѣ и добросовѣстности наблюденій доставить драгоцѣнныя данныя для ученыхъ выводовъ[3]). Наконецъ, даже раскольники, вслѣдствіе постояннаго разсматриванія на фабрикахъ и заводахъ машинъ, химическихъ продуктовъ и т. п., начинаютъ иногда выражать потребность преподаванія своимъ дѣтямъ физики, механики, химіи, географіи и пр.

Но, съ другой стороны, крайняя неразвитость раціональной мыслительности и вѣковое преобладаніе односторонняго и поверхностнаго непо-

---

[1]) „Землевѣд. Азіи“, II, 7.

[2]) Записки географич. общества, по отдѣл. этнограф. 1867, т. I, стр. 73—94.

[3]) „Зап. акад. наукъ“, 1862 г. кн. 1, стр. 7.

средственно сенсуальнаго эмпиризма и памяти суть главныя причины того, можно сказать, ежедневнаго факта, что въ умахъ простыхъ рабочихъ людей сплошь и рядомъ совмѣщаются въ одно и то же время и самыя реальныя идеи или знанія, и самыя мистико-фантастическія бредни и упорная память старины. Напр., недавно въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» сообщали о замѣчательномъ представителѣ старообрядческаго поморскаго согласія, Морозовѣ, что въ торгово-промышленномъ и въ старообрядческомъ міру онъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность двумя предметами: съ одной стороны, химико-этнологическимъ нововведеніемъ — усовершенствованіемъ ситцевой окраски, съ другой—мистико-фантастическими умствованіями—обширными свѣдѣніями по вопросу объ антихристѣ: за первое онъ получилъ медаль на парижской всемірной выставкѣ; за послѣднія справедливо и православные, и старообрядцы называли его «профессоромъ по части антихриста» [1]). Павелъ Любопытный въ своемъ Библіографическомъ словарѣ о нѣкоторыхъ старообрядческихъ писателяхъ замѣчаетъ, что они «были усердные любители и собиратели физическихъ предметовъ натуры, и въ то же время еще болѣе усердные и отличные любители и собиратели священныхъ предметовъ древности и предковъ своихъ догматовъ, преданій и суевѣрій» [2]). По причинѣ крайней неразвитости теоретической мыслительности и отсутствія теоретическихъ знаній о природѣ, при одномъ непосредственно-натуральномъ, верхоглядномъ сенсуализмѣ, милліоны рабочихъ людей нашихъ, вѣчно вращаясь въ сферѣ природы, на каждомъ шагу соприкасаясь съ замѣчательными ея силами и явленіями, бродятъ, однакожъ, какъ слѣпые ощупью подъ огородомъ. «Вездѣ и во всѣхъ слояхъ общества—замѣчаетъ г. Бекетовъ—есть много охотниковъ, напримѣръ, до птицъ; но какая разница между богатымъ лабазникомъ, слушающимъ по цѣлымъ часамъ заключеннаго въ клѣткѣ соловья, и ученымъ орнитологомъ, считающимъ рулевыя перья и чешуйки на ногахъ своихъ чучелъ! Скажемъ еще: какая разница между этимъ ученымъ и, напримѣръ, Одюбономъ! Цѣль перваго—отыскать возможно рѣзкіе признаки для отличенія одной птицы отъ другой; цѣль второго—представить портретъ и жизнеописаніе каждой птицы, показать связь тѣлеснаго сложенія птицъ съ окружающимъ ихъ міромъ, мѣсто, занимаемое каждою изъ нихъ въ ряду всѣхъ созданій, въ цѣлости природы» [3]).

Не можемъ здѣсь не сказать кстати, что и вообще, вслѣдствіе вѣкового преобладанія пассивно-физической работы надъ дѣятельностью интеллектуальной, внѣшнихъ чувствъ и памяти надъ разумомъ и мышленіемъ, вслѣдствіе вѣкового исключительно поверхностнаго, пассивно чувственнаго отношенія къ природѣ, безъ послѣдовательнаго, генеративно-историческаго развитія умственной привычки разумно-отчетливо размышлять о природѣ, изучать ее, умственно углубляться въ сущность предметовъ и явленій природы, наконецъ, вслѣдствіе вѣкового нашего умственнаго воспитанія подъ

[1]) „Спб. вѣд.“ 1868 г., № 73.
[2]) „Чтен. общ. истор.“ 1864, кн. 3, Отд. II, стр. 1—177
[3]) Жизнь птицъ. „Атеней“, ч. II, стр. 232.

ніемъ мистико-идеалистическаго міросозерцанія, и не одинъ рабочій. ышленный народъ, а и большая часть такъ-называемаго образованнаго эства характеризуется этимъ умственнымъ притупѣніемъ, безчувствіемъ івнодушіемъ къ живымъ явленіямъ и впечатлѣніямъ природы. Город общества, кажется, еще болѣе, чѣмъ сельское, земледѣльческое, скотоіеское, морепромышленное, рыболовческое и звѣропромышленное насее, удалены отъ природы, чужды живого умственнаго сочувствія къ юдѣ, умственной связи съ нею. Правда, городскимъ обществамъ болѣе іственна и болѣе возможна раціональность, разумность физическаго воззрѣнія, чѣмъ въ селахъ и деревняхъ, гдѣ суевѣріе преобладаетъ надъ 'мнымъ миросозерцаніемъ. Въ городахъ ютится и вырабатывается и ональное опытное естествознаніе. Но, съ другой стороны, сжатость, пюченность городского рабочаго населенія въ тѣсныхъ, душныхъ маіскихъ, подъ узкимъ горизонтомъ городскихъ улицъ, часто даже при 'тствіи въ городахъ садовъ, парковъ и рощей, далѣе буржуазноыстолюбивое, аршинно-ограниченное мѣщанско-купецкое умственное ітѣніе къ магазинамъ, лавкамъ, погребамъ и подваламъ, наполнен- ъ часто искусственнымъ извращеніемъ произведеній природы, дыша- ъ неестественнымъ воздухомъ буржуазнаго обмана, проникнутымъ фигерскимъ, буржуазно-спекуляторскимъ міросозерцаніемъ, затѣмъ, аро-умственное бумажно-дѣловое чиновничье тяготѣніе съ портфелями ократическаго міросозерцанія къ департаментамъ, къ палатамъ уголовъ, къ губернскимъ правленіямъ и т. п., преисполненнымъ изсушающимъ голько грудь, но и умъ архивнымъ воздухомъ и міросозерцаніемъ, накоь—великосвѣтское, салонное, идеалистически-эстетическое міросозеріе, господствующее въ этихъ каменныхъ дворцахъ и палатахъ, въ теаъ и пр.,—вотъ все это въ городахъ болѣе развиваетъ умственное охланіе или притупленіе къ природѣ, разрывъ постоянной и живой умственсвязи съ нею. И вообще, всѣ мы не-натуралисты большею частію слѣпы, ы и глухи къ природѣ, умственно тупы, равнодушны, безчувственны эя повсемѣстнымъ, ежеминутнымъ и ежечаснымъ впечатлѣніямъ и явлеъ. По-настоящему, все воспитаніе наше и потомъ вся дѣятельная, труія, рабочая жизнь наша должна быть практическимъ развитіемъ естеэзнанія, осмысленнымъ, разумно-сознательнымъ осуществленіемъ и уясне- ъ законовъ природы, такъ какъ вся жизнь наша, на каждомъ шагу, каждое дыханіе, въ каждый моментъ, вращающаяся въ сферѣ природы, результатъ природы, проявленіе ея законовъ и силъ. Мы же, наоотъ, большею частію тотчасъ послѣ дѣтства, а часто и въ дѣтствѣ еще, отомъ въ нашихъ отвлеченно-схоластическихъ и большею частію прямо гиво-естественныхъ школахъ, каковы, напр., бурсы, институты, забиваемъ ебѣ всякое живое естественное чувство природы, прерываемъ умственную ь съ природою, притупляемъ къ ней не только мысль, но и всѣ свои ства. Природа родитъ насъ и стремится воспитывать, такъ сказать, ественными физиками, химиками, ботаниками, зоологами, астрономи, — вообще природными натуралистами, естествоиспытателями. А наперекоръ природѣ, выходимъ супранатуралистами, спиритуали-

стами, идеалистами, схоластическими теологами, классиками, юристами-архиваріусами, законниками, враждебными законамъ природы, антифизіологическими аскетами-отшельниками отъ природы, нерѣдко даже фанатическими противниками естествознанія, или безсмысленными промышленными потребителями благъ и произведеній природы и т. п. Мы даже въ физическомъ отношеніи, вслѣдствіе неправильнаго, уродливаго физическаго воспитанія и вслѣдствіе незнанія законовъ природы, выходимъ большею частію врагами природы, по частому нарушенію большею частію всѣхъ законовъ природы въ воспитаніи и образѣ жизни, или въ частности, напр., законовъ гигіены воспитанія, брака, питанія, дыханія и пр. И за то, вотъ, за эту вражду съ природой съ дѣтства и наказываемся разными болѣзнями и страданіями. Оттого-то большею частію мы и патологичны, и физически и морально. Отсюда же происходятъ и всѣ существенныя, коренныя аномаліи и болѣзни нашего соціальнаго строя. Стоя по умственному развитію выше тунгуса, бурята и чукча и въ то же время будучи поставлены въ такое же близкое отношеніе къ природѣ, какъ и эти дикари, мы должны бы по-настоящему настолько же быть выше ихъ и по умственному отношенію къ природѣ или, по крайней мѣрѣ, настолько же всѣмъ своимъ умомъ и сердцемъ быть близкими, сродными, симпатичными съ природой, столько же тяготѣть къ ней разумно сознательною мыслью, сколько привязаны къ природѣ всѣми своими физическими чувствами тунгусъ и бурятъ. Дикари эти, въ нѣкоторомъ отношеніи, ближе насъ къ природѣ, по крайней мѣрѣ всѣми своими внѣшними, физическими чувствами. «Чувство природы, смутное, ужасающее чувство единства силъ природы, — говоритъ Гумбольдтъ, — сродно и дикому. То, что у дикаря является зачаткомъ естественной религіи, то у мыслящихъ людей становится источникомъ натуральной философіи». Но мы не только чужды возвышенныхъ идей натуральной философіи — этихъ philosophiae naturalis principia mathematica Ньютона, chemie philosophique Лавуазье, philosophie anatomique Этьена Ж. С. Илера и т. д., но еще заглушаемъ, забываемъ въ себѣ даже и это живое естественное чувство природы, какое свойственно и дикому. И могло ли, и можетъ ли быть иначе? Отъ начала нашей умственной и физической исторіи, мы привыкали только глазами смотрѣть на природу, ощупью осязать ея предметы, ушами слушать ея звуки, но не привыкали, не пріучались смотрѣть на природу умственнымъ глазомъ, не привыкли даже разумно-отчетливо размышлять о природѣ, а тѣмъ болѣе естествоиспытательною мыслью изслѣдовать, изучать, испытывать природу. И такъ умственно притупѣли къ природѣ. «Созерцать природу — говоритъ Гумбольдтъ — не значитъ еще наблюдать, т. е. соображать предметы ихъ сравненіемъ». А мы только созерцаемъ природу, и то большею частію слѣпо, и оттого не наблюдаемъ ее и не знаемъ. Вообще, вслѣдствіе того, что русскій народъ цѣлые вѣка смотрѣлъ на природу однимъ органомъ зрѣнія, а не смотрѣлъ на нее своимъ умственнымъ глазомъ, развивалъ или изощрялъ одну реально-познавательную способность внѣш-

нихъ чувствъ и памяти, одну поверхностно-чувственную наблюдательность, а не развивалъ свою теоретическую, естествоиспытательную мысль, — вслѣдствіе того онъ и не выступилъ самъ на путь естественно-научнаго интеллектуальнаго развитія, а тѣмъ болѣе не ознаменовалъ себя великими открытіями въ области высшаго естествоиспытанія. Оттого же онъ подвергся пѣстунству и опекѣ въ самомъ естественно-научномъ образованіи своемъ, при самомъ введеніи естественно-математическихъ наукъ въ Россіи.

Далѣе, вѣковое отсутствіе предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго развитія теоретической мыслительности до XVIII вѣка, обусловленное вѣковымъ преобладаніемъ поверхностнаго, непосредственно-натуральнаго сенсуализма, и неизбѣжно послѣдовавшее затѣмъ медленное и сенсуалистически-поверхностное развитіе самой естествопознавательной мысли со времени Петра Великаго были коренными причинами и того печальнаго факта, что юная естественно-научная мысль русская, въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, легко уступила анти-натуралистической реакціи. Старая, византійская супра-натуралистическая доктрина, совершенно устранившая развитіе естествопознавательной мысли, въ древней Россіи, видоизмѣнившись потомъ, къ концу XVIII вѣка, подъ вліяніемъ западнаго мистицизма, въ непріязненную для опытнаго естествоиспытанія мистико-масонскую доктрину компаніи Новикова, — наконецъ, съ 1810 года превратилась въ систематическую мистико-ортодоксальную и мистико-католическую реакцію, весьма враждебную развитію естествоиспытанія. Предводителями и проповѣдниками этой доктрины были: горячій приверженецъ папы и католичества графъ Жозефъ де Местръ, попечитель с.-петербургскаго университета Руничъ, попечитель казанскаго университета Магницкій и др. Де Местръ убѣждалъ министра народнаго просвѣщенія Разумовскаго запретить въ Россіи преподаваніе естественныхъ наукъ. Особенно вооружался онъ противъ геологіи и физики земли, противъ ученія о физическомъ образованіи земли; «Библіи — говорилъ онъ — совершенно достаточно, чтобы знать, какимъ образомъ произошла вселенная; подъ предлогомъ же различныхъ теорій о происхожденіи міра будутъ наполнять молодыя головы космогоническими бреднями новѣйшаго издѣлія; уже и теперь ходитъ здѣсь по рукамъ напечатанная брошюра, въ которой говорится, что человѣкъ и обитаемая имъ планета есть продуктъ естественнаго броженія стихій; этотъ ядъ проникаетъ къ вамъ отовсюду, не открывайте же сами новыхъ ему путей»[1]). Въ 1819 году, по мысли министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына, во всѣхъ русскихъ университетахъ введена особенная каѳедра богословія. Вообще этотъ министръ образованіе направлялъ въ духѣ началъ священнаго союза, и въ числѣ сотрудниковъ его по главному правленію училищъ встрѣчаемъ имена: Магницкаго, Рунича, Лаваля, Стурдзы, Фитингофа и др. Мистическое на-

---

[1]) Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre, précédés d'une notice biographique par son fils le comte Rodolphe de Maistre. Paris 1851, t. II, 300—303, 318—320. „Ж. м. н. п.“ 1865, № 10.

правленіе, замѣчаемое во главѣ министерства и въ членахъ главнаго правленія училищъ, состояло въ ближайшей связи съ пропагандой баронессы Криднеръ, пріобрѣтавшей все болѣе и болѣе вліяніе и послѣдователей. Братъ ея Фитингофъ и зять Беркгеймъ состояли при министерствѣ народнаго просвѣщенія [1]). Вмѣсто умноженія естественно-научныхъ обществъ и реальныхъ школъ, повсюду въ Россіи распространялись библейскія общества и проникали даже въ университеты и въ среднія учебныя заводенія; такъ ученики пензенской гимназіи устраивали христіанскія и литературныя бесѣды, на которыхъ читались псалмы и разсужденія о догматахъ религіи и о жизни святыхъ мужей; «дѣти внѣшняго ришельевскаго лицея» учредили между собою библейское общество для снабженія сверстниковъ своихъ книгами божественными. Каково было это направленіе для развитія естественно-научной мысли, можно судить по одному примѣру. Такъ, въ казанскомъ университетѣ Магницкій, инквизиторски осудивъ профессора Куницына за преподаваніе «естественнаго права», отравилъ всѣ науки супранатуралистическимъ мистицизмомъ. Напр., «Естественное Право», въ сущности, есть наука естественная, тѣсно связанная съ физіологіей, антропологіей, патологіей, психіатріей и пр. Магницкій изгналъ эту науку изъ университета и противопоставилъ ей какую-то философію или метафизику супранатуральнаго права. Въ рѣчи къ казанскому университету 15 сентября 1825 года онъ съ восторгомъ говорилъ: «въ то самое время, какъ лжеименная философія, отравляя всѣ науки и даже словесность и самыя искусства тлетворнымъ своимъ ядомъ, бѣснуетъ умы на Бога и царей, — въ университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. Воспитанники ваши, путеводимые благочестивымъ Несторомъ вашего сословія, твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права и, съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ, изощряютъ природное свое остроуміе насчетъ славнѣйшихъ его апостоловъ. Вмѣсто тѣхъ буйныхъ мечтаній нѣкоторыхъ германцевъ, кои возникли съ своевольствомъ лютеровой реформы, и такъ лживо называются нынѣ философіею, мечтаній, въ углу Сѣверной Германіи распространенныхъ такими людьми, коихъ и именъ на другомъ краю Европы никто не знаетъ, вмѣсто сихъ мечтаній принята у васъ та здравая, истинная, богатѣйшая философія, которая прямитъ и изощряетъ умы, съ которою жили счастливо отцы наши, вѣрные Богу и царямъ, въ которой воспитаны и образовались отличнѣйшіе мужи нашего отечества, свѣтила нашей церкви» [2]). Благодаря вліянію естествознанія въ самомъ началѣ XIX столѣтія уже начинали и у насъ сознавать и харьковскій университетъ выразилъ мысль о родствѣ или связи историческихъ наукъ съ естественными. Поэтому въ харьковскомъ университетѣ учители политической экономіи и философіи должны

---

[1]) „Матеріалы для исторіи просв. въ Россіи“ Сухомлинова въ „Ж. м. н. п.“ 1865 № 10.

[2]) Рѣчь Магницкаго въ казанск. унив. 15 сент. 1825 г. въ „Чтен. общ. истор.“ 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 160.

или слушать физику, а учители всеобщей исторіи естественныя науки [1]). Но Магницкій, въ казанскомъ университетѣ, убилъ эту мысль въ самомъ зародышѣ и естественно-научную разработку исторіи замѣнилъ теологическимъ и санктологическимъ воззрѣніемъ на міровыя событія. «Въ преподаваніи исторіи всеобщей — продолжалъ онъ въ рѣчи — былъ я обрадованъ тѣмъ, чего всегда желалъ, не предвидя возможности исполненія, чего даже не смѣлъ и надѣяться. Извѣстная рѣчь Боссюета, безсмертный памятникъ сего генія, удивленіе потомства, представляя общій взглядъ ума необыкновеннаго, взирающаго съ неба на судьбы, движеніе и паденіе царствъ земныхъ, была дана въ руководство преподавателю всеобщей исторіи; но что онъ сдѣлалъ съ нею? Онъ изъ простого очерченія Боссюетова сдѣлалъ картину всемірныхъ происшествій, освѣтилъ ее тѣмъ незаходимымъ свѣтомъ, внѣ котораго всякое просвѣщеніе человѣческое тьма густая. Онъ исполнилъ въ преподаваніи своемъ то, что въ высочайше-утвержденной инструкціи ректору нашего университета предписано; онъ смѣлою рукою свергнулъ тѣ идолы языческаго величія, предъ коими весь ученый міръ, преклоня колѣны, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ. Въ житіяхъ святыхъ церкви православной показалъ онъ тѣ высокіе примѣры всѣхъ добродѣтелей, предъ коими меркнетъ и исчезаетъ, какъ тѣнь, слава Брутовъ и Лукрецій. Онъ сорвалъ вѣнцы съ гордаго чела языческой древности и почтительно положилъ ихъ на окровавленные прахи Колизея, къ стопамъ святыхъ мученическихъ ликовъ» [2]). Вообще, съ 1815 г. и особенно съ 1820 года до 50-хъ годовъ, господствующимъ церковно-правительственнымъ тономъ времени была болѣзнь западнаго матеріализма. А съ нимъ вмѣстѣ, естественно, не долюбливались и естественныя науки, и, въ ущербъ имъ, поощрялись и поддерживались доктрины мистико-идеалистическія. «Противодѣйствуя матеріализму запада,—замѣчаетъ г. Шевыревъ въ исторіи московскаго университета, — освящать весь храмъ народнаго просвѣщенія Божіимъ престоломъ, крестомъ и молитвою — вотъ одна изъ основныхъ задачъ, которыя рѣшались въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ (до 50-хъ годовъ) въ исторіи образованія нашего отечества» [3]). При такомъ господствѣ анти-матеріалистическаго направленія и предубѣжденія противъ философскихъ выводовъ естествознанія, и византійско-догматическое умонастроеніе такъ же боялось естественныхъ наукъ, какъ анти-теологическихъ, безбожныхъ. Поэтому, еще и въ XIX вѣкѣ, подобно Ломоносову, утверждавшему, что изученіе природы не только полезно, но свято, — профессоры математическихъ наукъ должны были доказывать, что знаніе силъ и законовъ природы не подрываетъ религіи, а, напротивъ того, приводитъ къ ней. Такъ, напр., профессоръ казанскаго университета Ни-

---

[1]) „Матер. для исторіи просвѣщ." Сухомлинова въ „Ж. М. Н. П." 1865 г., № 10, с. 122.

[2]) „Чт. общ. ист." 1861, кн. 2, отд. V, стр. 161.

[3]) „Ист. моск. унив.", 469- 470.

кольскій доказывалъ, что механика, разсуждающая о равновѣсіи тѣлъ земныхъ и небесныхъ, о коренныхъ, движущихъ міромъ силахъ, о постоянныхъ и непремѣнныхъ законахъ, не отрицаетъ участія силы всемогущаго зиждителя, а убѣждаетъ въ присутствіи ея и т. п. [1]). Наконецъ, страхъ гоненія за матеріализмъ, мистическая диктатура Руничей и Магницкихъ, а часто и мистико-идеалистическое умонастроеніе самихъ профессоровъ-натуралистовъ были причиной того, что и естественно-научныя лекціи многихъ профессоровъ проникнуты были мистико-теологическими сентенціями и чувствованіями. Напр., г. Шевыревъ сообщаетъ: «Во врачебномъ отдѣленіи Московскаго университета Мудровъ стремился воплотить въ студентахъ идеалъ Гиппократова врача, возвышенный христіанствомъ. Проф. анатоміи Лодеръ, стоя передъ препаратомъ нашего бреннаго тѣла, отъ изслѣдованія чудной связи въ его частяхъ и дивнаго ихъ отправленія въ процессѣ нашей жизни, возносилъ умъ слушателей ко Всеблагому Творцу, познаваемому здѣсь во всемъ его величіи» [2]). Въ казанскомъ университетѣ, профессоръ Никольскій, какъ мы видѣли, даже математику превратилъ въ мистическую символику «священныхъ истинъ, христіанскою вѣрою возвѣщаемыхъ». Въ кіевскомъ университетѣ профессоръ астрономіи Ѳедоровъ на торжественномъ актѣ университета въ 1838 году произнесъ и потомъ напечаталъ рѣчь «о мнимомъ противорѣчіи между истинами, явствующими изъ познанія неба видимаго, вещественнаго, и истинами, въ которыхъ открывается человѣку небо невидимое, духовное». Тамъ же профессоръ физики Чеховичъ помѣщалъ духовныя статьи въ «Воскресномъ Чтеніи». Такъ, натуралисты наши иногда вовсе выходили изъ своей области и становились теологами [3]). Между тѣмъ, представители физико-математическаго реализма были изгоняемы изъ университетовъ. Такъ, извѣстный математикъ Осиповскій былъ уволенъ изъ университета, по настоянію попечителя, человѣка съ мистическимъ направленіемъ, за замѣчаніе, сдѣланное Осиповскимъ на экзаменѣ студенту, состоящее въ томъ, что говоря о Богѣ умѣстнѣе употребить выраженіе с у щ е с т в у е т ъ, нежели живетъ» [4]).

Наконецъ, крайняя сенсуалистическая поверхность и теоретическая слабость естественно-научной мысли были естественной причиной еще и того факта, что ее легко стала подавлять система классическаго и филолого-археологическаго образованія, усилившаяся въ одно время съ мистико-супранатуралистической реакціей. При неразвитости теоретической силы естественно-научной мысли и преобладаніи сенсуальныхъ способностей — внѣшнихъ чувствъ и памяти зрительной и слуховой, филолого- и нумизматико-археологическое изученіе древностей греческихъ,

[1]) Слово о пользѣ математики, говоренное въ казанск. универс. 5 іюля 1816 г. проф. Никольскимъ.

[2]) „Ист. моск. унив.“, 452.

[3]) Шульгинъ, „Истор. кіев. унив.“, 161.

[4]) „Ж. м. н. п.“ 1865, кн. X, стр. 85.

римскихъ и славянороссійскихъ, напр., древнихъ нумизмъ, монетъ, медалей и памятниковъ, было наиболѣе доступно для внѣшнихъ чувствъ и памяти, особенно при существовавшихъ тогда богатыхъ мюнцъ-кабинетахъ, и потому легко могло взять перевѣсъ надъ болѣе труднымъ изученіемъ физико-математическихъ наукъ, особенно при скудости тогдашнихъ кабинетовъ физическихъ и естественно историческихъ, при неустройствѣ химическихъ лабораторій, астрономическихъ обсерваторій и пр. И потому, филолого-археологическое и классическое образованіе съ успѣхомъ и систематично вводилось почти въ одно и то же время, въ ущербъ естественнымъ наукамъ. Въ то время, какъ Жозефъ де Местръ изгонялъ изъ сферы преподаванія естественныя науки, а министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ водворялъ мистико-теологическое направленіе, — другіе вожди и попечители народнаго просвѣщенія мечтали учредить въ Россіи Общество Латинское, Лицей и Пританей, изученіе древностей россійскихъ соединить съ древностями греческими, римскими и даже египетскими, министръ народнаго просвѣщенія Разумовскій вводилъ въ университетѣ преподаваніе славянской филологіи и археологіи, а министръ Шишковъ воспитывалъ школу славянофильства. И въ то время, какъ проектированное въ 1811 году общество математиковъ не состоялось, — общество исторіи и древностей россійскихъ, основанное первоначально въ 1804 году, усердно возобновлено и, кромѣ того при московскомъ же университетѣ, въ томъ же 1811 году учреждено общество любителей россійской словесности, наконецъ въ московскомъ университетѣ въ большихъ размѣрахъ преподавалась археологія [1]), и въ то же время студенты университетовъ и воспитанники Ришельевскаго Лицея устраивали общества любителей и соревнователей россійской словесности. Въ частности, въ то же самое время, какъ Жозефъ де Местръ совѣтовалъ министру Разумовскому запретить въ Россіи преподаваніе естественныхъ наукъ, — попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, извѣстный любитель классицизма, С. С. Уваровъ съ 1811 года при томъ же министрѣ народнаго просвѣщенія сталъ проводить мысль объ усиленіи классическаго образованія въ ущербъ реальнымъ наукамъ, которыя дотолѣ преобладали въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ. И затѣмъ, по его идеѣ, новымъ росписаніемъ гимназическаго курса 27 марта 1819 года вовсе исключены были изъ гимназическаго преподаванія технологія, коммерческія науки, политическая экономія и усилено преподаваніе древнихъ языковъ — латинскаго и греческаго. Далѣе, новымъ уставомъ гимназій и училищъ 8 декабря 1828 года, въ составленіи котораго участвовали, между прочимъ, и классикъ Уваровъ и славянофилъ Шишковъ, изъ гимназическаго курса исключены естественныя науки, кромѣ физики, и всѣ части прикладной математики, а чистая математика ограничена курсомъ до коническихъ сѣченій включительно, и въ замѣнъ того съ новою силою распространено преподаваніе греческаго и особенно латин-

[1]) „Ист. моск. унив.“. 350—351. 401 и др.

скаго языковъ. Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго реализма, въ основу образованія, болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ, положено было усиленное изученіе классическихъ языковъ. Если математика, физика и географія и пощажены были уставомъ, зато на математику въ гимназіяхъ съ коэффиціентомъ греческаго языка назначено было только 15 уроковъ, съ однимъ учителемъ, на географію 10 уроковъ, а на физику только 4 урока въ недѣлю, и по одному преподавателю, — тогда какъ на одинъ латинскій языкъ назначено было два преподавателя и 26 уроковъ[1]). Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго реальнаго направленія гимназіи получили филологическій характеръ. Въ такомъ видѣ уставъ этотъ существовалъ неизмѣнно до 1849 года. Только въ 1839 г., въ видѣ исключенія, издано высочайше утвержденное 29 марта положеніе о реальныхъ классахъ при учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, на первый разъ учрежденныхъ въ Тулѣ, Курскѣ и Вильнѣ при гимназіяхъ и въ Ригѣ и Керчи при уѣздныхъ училищахъ. Опредѣлено было въ нихъ преподавать практическую химію, практическую механику, рисованіе и черченіе, примѣнительно къ искусствамъ и технологіи. Тогда же утверждены положеніе и штатъ новой гимназіи въ Москвѣ — третьей реальной. Министерскимъ распоряженіемъ 15 декабря 1845 года дано было новое распредѣленіе математики въ гимназіяхъ, по которому исключены изъ гимназическаго курса аналитическая и начертательная геометрія, а обученіе математической и физической географіи возложено на учителя математики. Далѣе, постановленіемъ 21 марта 1849 года, по идеѣ министра юстиціи графа Панина, а также и Уварова, бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія, и по программѣ извѣстнаго юриста Неволина, рядомъ съ классическими языками, въ ущербъ естественнымъ наукамъ, введенъ новый элементъ — законовѣдѣніе[2]). Только съ 1851 года, вслѣдствіе отчасти боязни идей классическаго республиканства, а частію и вслѣдствіе начинавшагося въ обществѣ запроса на естественныя науки, запроса неоднократно и убѣдительно выраженнаго университетскими профессорами естественныхъ наукъ, — начинается незначительный поворотъ на сторону естественно-научнаго образованія. Такимъ образомъ до пятидесятыхъ годовъ надъ естественно-научнымъ реализмомъ преобладалъ археологизмъ и классицизмъ, надъ естествовѣдѣніемъ преобладало законовѣдѣніе. Понятно, что при такихъ условіяхъ не могла съ большимъ успѣхомъ развиваться естествопознавательная мысль, а вмѣсто нея больше изощрялась антикварно-археологическая, филолого-историческая и сводо-законная память, память старины, древностей славянороссійскихъ, греческихъ и римскихъ и 15,000 статей Свода Законовъ, да воспитывался археолого-нумизматическій, мюнцъ-кабинетный сенсуализмъ. Въ московскомъ университетѣ,

---

[1]) Матер. для исторіи и статист. нашихъ гимназій. „Ж. м. н. просвѣщ.“ 1864 г. ч. CXXI, Отд. II, стр. 141—161.

[2]) „Журн. мин. народ. просвѣщ.“, ч. LXXIII, Отд. I, стр. 10, министерское циркулярное предписаніе отъ 6 мая 1849 года.

въ періодъ времени 1825—1836 года, по физико-математическому отдѣленію окончило курсъ только 119 человѣкъ, а по историко-филологическому отдѣленію 783[1]). И литература до Бѣлинскаго и Гоголя пропитана была археологизмомъ и классицизмомъ. Въ поэзіи русской даже для такихъ даровитыхъ писателей, какъ Пушкинъ, послѣ эстетическаго идеализма, не оставалось ничего желать, какъ только или перевода какого-нибудь лучшаго классическаго произведенія, или какой-нибудь древне-русской исторической поэмы. Напр., Пушкинъ въ 1825 году писалъ къ Гнѣдичу: «Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ отечествѣ. Но, отдохнувъ послѣ Иліады, что̀ предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ генія, возмужавъ въ храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра. Я жду отъ васъ эпической поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая,—писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту»[2]). Въ журналахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ тоже историко-археологическое направленіе совершенно преобладало надъ естественно-научною мыслью. Напр., изъ всѣхъ 323 статей, помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1818 — 1825 г., только 8 статей посвящено естественно-научнымъ предметамъ, каковы, напримѣръ: естественное описаніе Бессарабской Области, сочин. Д. Соколова — о металлоносныхъ пескахъ, его же сочиненіе о костяхъ четвероногихъ животныхъ, погребенныхъ въ землѣ, и преимущественно о тѣхъ, которыя находятся въ Россіи, о войнѣ моржей съ сивучами въ нашихъ американскихъ колоніяхъ, отрывки изъ медико-топографическаго, физико-химическаго и врачебнаго описанія кавказскихъ минеральныхъ водъ и т. п.[3]). «Вѣстникъ Европы», основанный Карамзинымъ и существовавшій 29 лѣтъ (1802—1830), на 150 или еще болѣе статей историко-археологическихъ, сообщилъ только 4 статейки по естественнымъ наукамъ. Именно, по части естествознанія, «Вѣстникъ Европы», въ теченіе 29 лѣтъ, сообщалъ только такого рода статьи: о костяхъ неизвѣстнаго звѣря, найденныхъ въ Ярославской губерніи, рѣчь, произнесенную въ публичномъ собраніи московск. общества испытателей природы 18 сент. 1807 года Карамзинымъ, по случаю представленія нѣсколькихъ окаменѣлостей, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Москвы, о пелоріи — растеніи, найденномъ въ 20 верстахъ отъ Москвы, и т. п.[4]). Отчетовъ и извѣстій о новыхъ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ русскіе журналы почти вовсе не сообщали. Вслѣдствіе всего этого, интересъ къ естествознанію дотого былъ подавленъ, что общество русское не только не знало, что̀ дѣлалось на за-

---

[1]) „Истор. моск. унив.", 572.

[2]) Матер. для ист. литературы и общества въ „Соврем. Обозр." 1868, № 1, стр. 144.

[3]) „Отеч. Записки" 1818 г., стр. 134. 1823 г., ч. XIII, № 34. 1823 г., ч. XIV, № 36; ч. XV, № 39; ч. XVII, № 46; ч. XVII, № 46; стр. 305; ч. XXI, № 58.

[4]) „Вѣстникъ Европы", ч. 6, № 21, стр. 38—42; ч. 35, № 20, стр., 241; ч. 70 № 16, стр. 276; ч. 76, № 24, стр. 285.

падѣ въ области естественно-научныхъ открытій, но и не замѣчало или оставляло безъ вниманія и то, что, хотя изрѣдка, появлялось замѣчательнаго въ русскихъ естественно-научныхъ или географическихъ изслѣдованіяхъ. Такая незамѣченность постигла, напр., знаменитое путешествіе Врангеля по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, совершенное съ 1820 по 1824 годъ, и поставившее имя Врангеля наряду съ именами Парри, Россовъ и Франклиновъ. Не многія путешествія, совершенныя русскими мореплавателями, обращали на себя такое всеобщее, европейское вниманіе, какъ путешествіе Врангеля. Переведенное съ русской рукописи нашего путешественника на нѣмецкій языкъ Энгельгартомъ, путешествіе Врангеля было издано въ 1839 году въ Берлинѣ, подъ смотрѣніемъ и съ предисловіемъ извѣстнаго германскаго географа Риттера. Въ 1840, съ нѣмецкаго перевода переведено оно было на англійскій языкъ супругою извѣстнаго британскаго путешественника Сабина, который самъ и былъ издателемъ англійскаго перевода, и англійская публика почтила его такимъ вниманіемъ, что первое изданіе книги немедленно разошлось и въ томъ же году печаталось второе, а между тѣмъ съ перваго изданія книга переводилась и на французскій языкъ. У насъ же «Путешествіе Врангеля» съ 1827 или 1828 по 1840 годъ валялось въ рукописи, было вовсе неизвѣстно публикѣ и самая рукопись была забыта, пока не обратилъ на нее вниманіе предсѣдатель ученаго комитета морского министерства Голенищевъ-Кутузовъ, и она вышла въ свѣтъ уже въ 1841 году, послѣ нѣмецкаго и англійскаго переводовъ [1]).

Какъ, однакожъ, ни подавляла естественно-реальную мысль классическая и филолого-археологическая доктрина, но она не могла ее искоренить. Принципъ реальнаго, естественно-научнаго направленія и развитія русской мысли, узаконенный геніемъ Петра Великаго, генеративно утвержденный и унаслѣдованный тремя или четырьмя послѣ-петровскими поколѣніями, глубоко коренился и въ природномъ сенсуально-реалистическомъ умственномъ складѣ русскаго народа. Какъ ни затруднялъ развитіе теоретическаго, естествоиспытательнаго мышленія этотъ непосредственно-натуральный народный сенсуализмъ, не раціонализированный всеобщею самодѣятельностью теоретической мыслительности, но все-же онъ былъ естественнымъ, физіологическимъ залогомъ естественно-реалистическаго умонастроенія русскаго народа. Благодаря этому, такъ сказать, природному преобладанію въ умственномъ складѣ русскаго сенсуально-реалистическаго направленія, Петръ Великій вводилъ въ Россіи преимущественно реальныя, прикладныя физико-математическія «художества» или науки и учреждалъ школы реальныя — математико-навигацкія, хирургическія и т. п., и самъ рабочій, простой народъ уже при Петрѣ Великомъ особливую охоту показалъ къ наукамъ фабрикъ [2]). Потомъ когда учреждены были, по уставу училищъ 5 авг.

[1]) См. Предисловіе къ путеш. Врангеля. Спб. 1841 г.,
[2]) „Ж. м. н. п.“, ч. CXXI, отд. II, стр. 131—132, отд. III, 12—14.

1786 года, главныя народныя училища, и въ нихъ отразился преобладающій народный умственый типъ — сенсуально-реалистическій. Главныя народныя училища по своему курсу скорѣе подходили къ реальнымъ училищамъ, чѣмъ къ гимназіямъ. Все высшее, существенное преподаваніе въ нихъ ограничивалось реальными науками — ариѳметикой, алгеброй, геометріей, механикой, физикой, естественной исторіей, началами всеобщей и русской географіи математической и гражданской новѣйшей, или космографіей и гражданской архитектурой. По наставленію, приложенному къ учебникамъ народныхъ училищъ, учениковъ должно было вводить въ мѣста, гдѣ производились работы машинами и т. д. [1]). По словамъ плана университета 1787 года, воображеніе «юношей оживлено и напитано было естественною наукою, обогащено вещами». Далѣе, и по уставу гимназій и народныхъ училищъ 5 ноября 1804 года, реально-практическое, естественно-научное направленіе тоже преобладательно выдавалось и въ новооткрытыхъ гимназіяхъ. Здѣсь положено было преподавать: чистую математику, т. е. алгебру, геометрію и плоскую тригонометрію, прикладную математику, опытную физику, естественную исторію, начальныя основанія наукъ, относящихся къ торговлѣ и технологіи, коммерческія науки и политическую экономію. Въ «Правилахъ» для пансіона при петербургской гимназіи постановлено было: «дабы соединить теоретическія познанія воспитанниковъ съ практическими, учители будутъ во время вакацій показывать воспитанникамъ мастерскія и фабрики, здѣсь находящіяся, объяснять имъ употребительнѣйшія гидравлическія машины, мельницы и пр.; также посѣщать съ ними кабинетъ естественной исторіи и дѣлать иногда ботаническія прогулки; учитель же математики будетъ наставлять ихъ въ нужнѣйшихъ частяхъ практической геометріи». Преобладаніе реальнаго, естественно-научнаго и практическаго направленія въ нашихъ первоначальныхъ гимназіяхъ примѣчали и современники иностранцы. Нѣмецкій ученый Роммель, бывшій нѣкоторое время профессоромъ харьковскаго университета, въ воспоминаніяхъ своихъ, относящихся къ 1806—1815 годамъ, замѣчаетъ, что въ тогдашнемъ гимназическомъ курсѣ преподаванія греческіе и римскіе классики занимали не много мѣста, а реальнымъ наукамъ, математикѣ, физикѣ и даже политической экономіи дано было слишкомъ много простора. Роммель сообщилъ свои замѣчанія объ этомъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому, который въ отвѣтѣ своемъ такъ объяснялъ идею, какой держалось правительство при введеніи плана преподаванія: «гимназіи назначены для дѣтей всѣхъ сословій—дворянъ, купцовъ, ремесленниковъ и пр., но далеко не всѣ изъ учащихся поступаютъ въ университеты, многіе оканчиваютъ ученіе въ гимназіи и въ ней должны пріобрѣсти пригодныя для нихъ свѣдѣнія изъ политическихъ наукъ, технологіи и пр.». «Вообще,—говоритъ Роммель,—высказывалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, зато пониманіе высшей фи-

[1]) „Ж. м. н. п.“, ч. CXXI, отд. II, стр. 131—132, отд. III, 12—14.

лософіи и филологіи имъ почти не доступно» [1]). И весьма естественно было это преобладающее стремленіе русскаго народа къ реальнымъ, практически-прикладнымъ естественно-математическимъ наукамъ. У него, какъ у народа, по преимуществу, такъ сказать, климатически и физически рабочаго, торгово-промышленнаго, практическаго, живущаго въ странѣ, гдѣ самый климатъ и всѣ физическія условія необходимо обусловливають преимущественное требованіе физическаго труда въ реальной сферѣ природы и вообще рабочей, промышленной, экономической дѣятельности въ области естественной экономіи русской земли,—у него естественно и умственыя потребности получали характеръ по преимуществу экономическій, рабоче-промышленный, практическій, и ему естественно прежде всего и больше всего нужно было изучать науки реальныя, прикладныя физикоматематическія науки. Къ этому собственно и вела его, какъ увидимъ дальше, вся его умственно рабочая жизнь и сенсуально-реалистическая умственная структура. Поэтому, по училищному уставу 1804 года, не только вообще усиленъ былъ естественнонаучно-реальный элементъ въ гимназическомъ курсѣ преподаванія, со введеніемъ въ него даже наукъ коммерческихъ, политической экономіи и промышленной технологіи, но еще учреждены были двѣ гимназіи спеціальныхъ коммерческихъ наукъ въ Одессѣ и Таганрогѣ. Здѣсь, кромѣ наукъ, назначенныхъ общимъ уставомъ гимназій, преподавались: бухгалтерія. коммерческая географія, коммерція, познаніе фабрикъ и товаровъ, исторія коммерціи, коммерческія и морскія права и естественная исторія произведеній трехъ царствъ природы, входящихъ въ торговлю: латинскій языкъ вовсе не преподавался [2]). Надобно замѣтить, что политико-экономическія, промышлен-

---

[1]) Матер. для истор. и статист. гимназій. „Ж. м. н. п.", CXXI, 140.

[2]) Ibid., 139. Даже въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ тогда усилено было преподаваніе реальныхъ наукъ. Напр., въ новомъ планѣ преподаванія наукъ въ александро-невской академіи, составленномъ въ 1804 году, сказано было: „какъ физика по обширности своей не можетъ быть достаточно изъяснена съ философіей: то она составитъ особый классъ, гдѣ преподаваемы будутъ ея теоретическія и экспериментальныя части. Для надлежащаго же разумѣнія механическихъ частей физики нуженъ курсъ чистой математики. Наконецъ, въ пособіе физикѣ и врачебной наукѣ присовокупляется естественная исторія". По росписанію учебныхъ предметовъ по классамъ, во второмъ классѣ преподавалась ариѳметика до степеней уравненія: въ третьемъ классѣ—ариѳметическія степени и пропорціи и введеніе въ геометрію: въ четвертомъ классѣ—математическая географія; въ пятомъ классѣ—всеобщая географія и естественная исторія, а также врачебныя науки; въ шестомъ классѣ—геометрія и тригонометрія, физика теоретическая и практическая и медицина: въ седьмомъ классѣ—геометрія и тригонометрія и физика. Уроки физики преподаваемы были по учебникамъ, составл. и одобреннымъ для народныхъ училищъ и поясняемы были. сколько возможно, опытами съ употребленіемъ инструментовъ. Естественная исторія преподавалась по руководству, изданному Озерецковскимъ и Севергинымъ. Въ 1802 г. въ общій курсъ академическаго и семинарскаго ученія введена была врачебная наука. Въ александро-невской академіи порядокъ уроковъ по медицинѣ и анатоміи былъ такой: 1) полное свѣдѣніе о врачебной наукѣ вообще, принадлежностяхъ и ея раздѣленіи; 2) анатомія по методѣ г. Пленка во всѣхъ ея 7 частяхъ, изъ которыхъ первая подробно показываема была ученикамъ на скелетѣ; прочія же 6 частей о связкахъ, мышцахъ, внутренностяхъ, сосудахъ, чувственныхъ жилахъ и

ныя идеи, въ царствованіе Екатерины Великой и въ началѣ XIX столѣтія, занимали и само правительство и университеты. Вслѣдствіе этого, въ 1765 году учреждено было въ С.-Петербургѣ «Вольное Экономическое Общество». Цѣль его выражена была такъ: «нѣтъ удобнѣйшаго къ приращенію во всякомъ государствѣ народнаго благополучія, какъ стараться приводить экономію въ лучшее состояніе, показывая надежнѣйшіе способы, какимъ образомъ естественныя произращенія съ вящшею пользою употребляемы и прежніе недостатки поправляемы быть могутъ». Члены Экономическаго общества обязывались «соединенными силами обращать свои труды на распространеніе въ отечествѣ о земледѣліи и домостроительствѣ знаній». Екатерина Великая дала обществу свой девизъ, съ надписью: «полезное». Лучшимъ выраженіемъ и доказательствомъ утилитарно-реальной дѣятельности служатъ «Труды Вольнаго Экономическаго Общества»—журналъ, издававшійся съ 1765 года [1]. Далѣе, комитетъ, образованный избранниками императора Александра I (Новосильцевымъ, Кочубеемъ, Чарторижскимъ), положилъ издать на русскомъ языкѣ нѣсколько иностранныхъ сочиненій по части политической экономіи. По порученію его переведены: Стюарта «Recherches sur l'économie politique», также «Bibliothèque de l'homme publique» par Condorcet и «Economie politique» par Verri [2]. Въ университетахъ преподавались многія реальныя, практическія науки, относящіяся къ народной экономіи. Такъ въ московскомъ университетѣ профессоръ Двигубскій читалъ по своей книгѣ технологію; потомъ по своей же книгѣ преподавалъ эту науку Денисовъ въ 1814—1815 году, присовокупивъ къ ней въ 1818—19 г. сельское домоводство. Адъюнктъ Чеботаревъ, по возвращеніи изъ-за границы въ 1807—1808 году, преподавалъ для русскихъ фабрикантовъ основанія бѣлильнаго, красильнаго и набивальнаго искусства съ опытами, для того нужными, а потомъ основанія политехнологіи или химіи, приноровленной къ искусствамъ, по руководству Шанталя. Щеголевъ въ 1809—1810 г. читалъ экономическую ботанику, приспособивъ ее къ растительнымъ

железахъ изъясняемы было вкратцѣ съ помощью Конферовыхъ таблицъ; 3) врачебные матеріалы по россійской фармакопеѣ: причемъ какъ простыя. такъ и сложныя вещества, входящія въ составленіе лекарствъ, показываемы были въ натурѣ; 4) основанія діететики по новому учебнику г. Пленка, съ дополненіемъ собственныхъ замѣчаній наставника (штабъ-лекаря Книпера): 5) послѣ того преподаваемы были уроки о скоропостижныхъ случаяхъ, съ указаніемъ на все то возможныхъ средствъ къ удержанію жизни, а также практическое упражненіе въ оспопрививаніи. Былъ даже особый классъ архитектурный, въ которомъ показываемы были начальныя основанія гражданской архитектуры, виды пропорцій и черченіе орденовъ тосканскаго, дорическаго и іоническаго, снятіе и черченіе легкихъ плановъ и фасадовъ подъ руководствомъ одного изъ архитекторскихъ помощниковъ. Впослѣдствіи все это было отмѣнено. Подробное преподаваніе анатоміи и медицины Книперомъ отмѣнено было уже въ 1808 г. (Чистовича, „Истор. с.-петерб дух. академ.", 107—120).

[1]) См. обзоръ статей „Трудовъ" въ соч. г. Муллова: „Заботы объ улучш. быта крестьянъ, во второй полов. XVIII в.", Казань 1859.

[2]) Сухомлинова. „Матер. для истор. просвѣщ. въ Россіи" въ „Ж. м. н. пр." 1865 г., № X, 21.

произведеніямъ Россіи, полезнымъ въ хозяйствѣ. Павловъ въ 1821 году преподавалъ сельское хозяйство по собственнымъ запискамъ, обработаннымъ по началамъ Теэра и Трутмана, съ примѣненіемъ къ Россіи. Онъ же говорилъ рѣчь: «о побудительныхъ причинахъ совершенствовать сельское хозяйство въ Россіи, преимущественно передъ другими отраслями народной промышленности, и о мѣрахъ существенно къ тому относящихся». Профессоръ Геймъ въ теченіе 18 лѣтъ читалъ технологическую химію для фабрикантовъ, привлекая къ себѣ слушателей изъ дворянства, купечества и крестьянства. Онъ же въ 1803—1804 г. въ публичныхъ лекціяхъ изложилъ «систематическое обозрѣніе торговли, съ присовокупленіемъ подробныхъ свѣдѣній о монетахъ. По вопросамъ народнаго хозяйства и труда въ университетахъ задавались даже темы на соисканіе преміи. Напр., нравственно - политическое отдѣленіе харьковскаго университета представило въ 1811 году задачу на соисканіе преміи: «защищаемая Адамомъ Смитомъ неограниченная свобода въ производствѣ ремеслъ дѣйствительно ли есть единственное средство, которымъ можетъ обезпечиться продолжительное и возрастающее благосостояніе народа; если же свобода производства ремеслъ должна быть ограничена, то объяснить, на какомъ основаніи и въ какомъ объемѣ можетъ быть допущено это ограниченіе» [1]). Говоря о направленіи университетской ученой мысли, не можемъ не замѣтить здѣсь, что самая естественно-научная мысль русская, сообразно съ общимъ сенсуально-реалистическимъ складомъ русскаго народа, чѣмъ больше и правильнѣе развивается, чѣмъ больше принимаетъ строго научный характеръ, тѣмъ болѣе стремится къ реализму, даже въ самыхъ теоретическихъ своихъ изслѣдованіяхъ, и становиться болѣе реальною, чѣмъ мысль, напримѣръ, какого-нибудь американскаго натуралиста. Г. Бекетовъ такъ выразилъ эту мысль въ наглядномъ примѣрѣ, въ сравнительной характеристикѣ орнитологическихъ сочиненій знаменитаго американскаго натуралиста Одюбона и нашего—г. Н. Сѣверцова: «оба автора—говоритъ Бекетовъ—не могли не познакомиться и не ознакомить читателя съ природою, среди которыхъ дѣйствуютъ ихъ лица (птицы), и тутъ каждый изъ нихъ проявляется съ своими особенностями: Одюбонъ, рисуя свои картины, настрояетъ душу читателя на тотъ ладъ, на который была настроена его собственная поэтическая душа, въ минуту того или другого восторженнаго наблюденія; Сѣверцовъ старается охарактеризовать мѣстность и климатъ, помощью геологическихъ, ботаническихъ и метеорологическихъ данныхъ. Въ Одюбонѣ видна жажда познать то, что такъ ему мило, что такъ возвышаетъ духъ его, видно преобладаніе поэтическаго элемента, стремленіе къ идеальному: въ Сѣверцовѣ жажда разрѣшить задачу,—преобладаніе научнаго начала, стремленіе къ реализму» [2]). Наконецъ, реально-естественно-научное и даже реально-практическое, торгово-промы-

[1]) „Ж. м. н. пр." 1865 г. октябрь, стр. 116.
[2]) Бекетова, Жизнь птицъ. „Атеней" 1858 г., II, 233.

шленное направленіе вызвало цѣлый рядъ ежемѣсячныхъ или періодическихъ изданій съ практическимъ, естественно-научно-реальнымъ направленіемъ, которыя преемственно появлялись съ 1755 по 1828 или 1830 г., до времени усиленія классицизма и археологизма. Такъ, въ XVIII столѣтіи «Ежемѣсячныя сочиненія» (1755—1764) наполнялись статьями реальнаго, естественно-научнаго, экономическаго и мануфактуро-промышленнаго содержанія. Въ «предувѣдомленіи» къ нимъ прямо было объявлено: «предлагаемы будутъ здѣсь всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни только разсужденія о собственно такъ называемыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ, въ мануфактурахъ, въ механическихъ рукодѣльяхъ, въ архитектурѣ, въ живописномъ и рѣзномъ художествахъ и въ прочихъ, како ни есть новое изобрѣтеніе, показываютъ или къ поправленію чего-нибудь поводъ подать могутъ» [1]). Въ 1762 г. профессоръ московскаго университета Рейхель предпринялъ періодическое изданіе, которое тоже имѣло практическое направленіе и касалось предметовъ, болѣе потребныхъ для жизни. Именно онъ издавалъ четыре раза въ годъ: «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія или смѣшанную библіотеку о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожъ до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ». Главными матеріалами для его изданія служили физика и экономія. Въ 1806—1807 г. директоръ Дружининъ при московской губернской гимназіи, подъ покровительствомъ Муравьева, издавалъ «періодическое изданіе о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, ремеслахъ и художествахъ». Въ 1820—1830 г. Двигубскій издавалъ «Новый магазинъ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ». При такомъ невольномъ первоначальномъ выраженіи во всѣхъ сферахъ науки и литературы преобладающихъ реальныхъ, практическихъ интересовъ народа, естественно ожидать такого же утилитарно-практическаго, реальнаго воззрѣнія и на самыя теоретическія науки. Народъ, у котораго интересы практическіе, рабоче-промышленные, экономическіе цѣлые вѣка преобладали надъ потребностями чисто умственными, надъ соображеніями и стремленіями чисто теоретическими и сенсуальная воспріимчивость и наблюдательность преобладали надъ логическою силою пониманія и обобщенія,—такой народъ и въ пользѣ теоретическихъ естественныхъ наукъ могъ убѣждаться не иначе, какъ посредствомъ нагляднаго, практическаго показанія и осязательныхъ доказательствъ реальной, практической, жизненной пользы естественныхъ наукъ. Поэтому, и въ началѣ XIX столѣтія представители и приверженцы естественно-научнаго реализма убѣждали общество полюбить теоретическія естественныя науки доказательствомъ ихъ практической, торгово-промышленной, вообще житейской и даже иногда мѣстной пользы. «Что суть науки?—говорилъ, напр., одинъ профессоръ при торжественномъ открытіи казанскаго универ-

[1]) „Ежемѣсячныя сочиненія" 1755 г., 4—5.

ситета 5 іюля 1814 года:—на сей вопросъ знаменитый Бюффонъ отвѣчалъ: онѣ суть познаніе природы. Отъ сего зависитъ наше здоровье, наше душевное спокойствіе, словомъ наше счастіе или несчастіе. Люди жалуются на болѣзни, на краткость жизни; но гораздо справедливѣе они могли бы жаловаться на свое невѣжество. Мы, жители Казани, обитаемъ въ климатѣ суровомъ и, что несравненно гибельнѣе, въ климатѣ сыромъ и удивительно перемѣнчивомъ; книги метрическія показываютъ, что въ Казани ежегодно умираетъ людей болѣе, нежели родится. Посему, намъ-то особенно должно искать въ наукахъ естественныхъ средствъ для предохраненія и продолженія нашей жизни. Кто не желаетъ имѣть многихъ разнообразныхъ удовольствій и снискать себѣ богатства? Науки естественныя, соединенныя съ математическими, подаютъ къ тому вѣрнѣйшія средства: мануфактуры, торговля, всѣ ремесла и художества, доставляющія намъ безчисленныя выгоды и удовольствія, не могли бы существовать безъ наукъ естественныхъ и математическихъ» [1]). Съ такою же цѣлью и въ такомъ же смыслѣ профессоръ московскаго университета Денисовъ говорилъ рѣчь: о вліяніи химіи на успѣхи мануфактурной промышленности (1822). Попечитель харьковскаго университета графъ Северинъ Потоцкій, въ рѣчи при открытіи харьковскаго университета, указывая на необходимость математическихъ наукъ, доказывалъ ее невозможностью остановленія научно-жизненнаго, торгово-промышленнаго прогресса: «нельзя—говорилъ онъ—ни одному государству остановиться въ своемъ ходѣ; остановиться есть то же, что подаваться назадъ—приближаться къ прежнему ничтожеству; если когда позволительно это, то развѣ только по отношенію къ завоеваніямъ, но такое прекращеніе дѣятельности невозможно въ разсужденіи наукъ, искусствъ, мореходства, ремеслъ, торговой промышленности, землѣдѣлія, словомъ всего того, что обезпечиваетъ за народомъ если не превосходство, то по крайней мѣрѣ равенство его передъ всѣми просвѣщенными народами [2]).

Изъ такого исторически выразившагося преобладанія сенсуально-реальнаго, утилитарно-практическаго направленія умственныхъ интересовъ и потребностей русскаго народа необходимо вытекаютъ два слѣдствія: вопервыхъ—неизбѣжная необходимость полнаго, обширнаго или преимущественнаго введенія въ систему всенароднаго ученія наукъ утилитарно-реальныхъ, именно естественно-математическихъ, вовторыхъ,—насущная необходимость устройства всей системы реальнаго, естественно-научнаго ученія русскаго народа на основаніяхъ утилитарно-практическаго, рабоче-промышленнаго, вообще экономическаго приложенія физико-математическихъ наукъ, или на началахъ прикладного естествознанія и естествоиспытанія. Въ силу сенсуально-реалистическаго и утилитарно-практическаго умонастроенія русскаго народа, воспитаннаго, въ теченіе всей его

[1]) Рѣчь проф. Перевощикова, говоренная при торжествен. открытіи казанскаго университета 5 іюля 1814 года: о пользѣ наукъ вообще и въ особенности о пользѣ казанскаго университета.

[2]) Рѣчи при открытіи харьков. университета въ 1806 г. „Ж. м. н. пр.“ 1865 г. № X, стр. 114—169.

исторіи, климатическими и вообще физико-географическими условіями русской земли и рабоче-хозяйственнаго быта народа, — никакой классицизмъ и идеализмъ не могъ и не можетъ глубоко укорениться въ умственной жизни русскаго народа, не могъ и не можетъ даже на одно полустолѣтіе всецѣло водвориться въ системѣ образованія русскаго народа и устранить реальныя, естественныя науки. Въ теченіе 23-хъ лѣтъ, съ 1828 по 1851 годъ, благодаря систематическимъ регламентарно-репрессивнымъ мѣрамъ классицизмъ еще могъ царствовать надъ естествознаніемъ, но дольше не могъ господствовать неограниченно. Реальная сила, сила вещей сильнѣе классической дряхлости. Не смогло или не нашло нужнымъ и само правительство дольше 23 лѣтъ поддерживать, напрягать старческія силы классицизма противъ новаго, могучаго естественно-научнаго ученія. Профессоры естественныхъ наукъ въ университетахъ стали неоднократно и убѣдительно заявлять просьбы министру народнаго просвѣщенія о необходимости введенія естественныхъ наукъ въ гимназическій курсъ. И вотъ 6 октября 1851 года министръ народнаго просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, въ которомъ изъяснилъ, что, «удостовѣрившись личнымъ обозрѣніемъ при посѣщеніи значительнаго числа гимназій, онъ признавалъ не только полезнымъ, но и необходимымъ, упразднивъ въ 31 гимназіяхъ обученіе греческому языку, замѣнить этотъ предметъ введеніемъ въ гимназическій курсъ наукъ естественныхъ, которыя, составляя потребность современнаго образованія, преподаются въ сокращенномъ объемѣ не только въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но даже въ состоящихъ подъ покровительствомъ государыни императрицы институтахъ для воспитанія дѣвицъ». Посему министръ полагалъ «въ помянутыхъ 31 гимназіяхъ жалованье старшихъ учителей греческаго языка обратить къ производству старшимъ учителямъ естественныхъ наукъ, стараясь вводить преподаваніе послѣднихъ и въ тѣ гимназіи, гдѣ вовсе не обучали греческому языку, если только откроются къ тому денежныя средства». По мнѣнію министра, «съ допущеніемъ этой мѣры не только довершилась бы полнота образованія учениковъ, намѣревающихся прямо изъ гимназій поступить въ гражданскую службу, но и ощутительно облегчилось бы подробное и основательное изученіе естественныхъ наукъ для студентовъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ, о чемъ неоднократно и убѣдительно просили профессоры естественныхъ наукъ» [1]. Мы всѣ свидѣтели, какъ, вслѣдствіе этого перваго поворотнаго полушага къ естествознанію, сдержанный дотолѣ интересъ къ естественнымъ наукамъ живо проявился, къ концу 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, въ возрастаніи числа студентовъ на физико-математическихъ факультетахъ, въ изданіи многочисленныхъ книгъ по естественнымъ наукамъ, въ живомъ словѣ литературы о естествознаніи, въ быстромъ увеличеніи числа посѣтителей музеевъ естественной исторіи и пр. Старая боязнь этого естественно-реальнаго направленія и оживленія русской мысли, неизбѣжно вытекавшаго, какъ есте-

[1] „Ж. м. н. пр.", CXXI, отд. II, стр. 168—169.

ственное требованіе сенсуально-реалистическаго умственнаго склада русской націи, боязнь естественно-научнаго реализма, какъ нигилизма или матеріализма, потомъ опять стала туманить и морочить классицизмомъ. Но сила вещей, сила реальная, при помощи сенсуально-реалистическаго умственнаго склада русскаго народа, рано или поздно проявитъ законъ природы и естественной исторіи народа—законъ реальнаго развитія. Если русскій народъ, рабочій, промышленный, практическій, пойметъ пользу наукъ, захочетъ ученія и училищъ, то онъ непремѣнно, въ силу своего преобладающаго сенсуально-реалистическаго самовоспитанія въ своеобразной физико-географической и климатической сферѣ естественной экономіи русской земли, въ силу своего рабочаго, утилитарно-практическаго, промышленнаго смысла, ухватится за естественно-математическія науки, какъ наиболѣе подходящія къ физическимъ требованіямъ русской земли и народной промышленной работы и экономіи, какъ наиболѣе согласующіяся съ естественнымъ сенсуально-реалистическимъ смысломъ и утилитарно-практическимъ, экономическимъ, рабоче-хозяйственнымъ тактомъ и направленіемъ русскаго народа. А чтобы народъ русскій скорѣе понялъ пользу теорій естественныхъ наукъ и скорѣе захотѣлъ и сталъ учиться естественнымъ наукамъ, скорѣе сталъ устроять реальныя, естественно-научныя школы повсюду, не только по всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, но и по всѣмъ волостямъ, селамъ, слободамъ и деревнямъ, — для этого, опять въ силу того же сенсуально-реалистическаго умственнаго склада русскаго народа, въ силу его утилитарно-практическаго, рабоче-промышленнаго умонастроенія и стремленія, ему необходимо показывать сенсуально-ощутительно, на опытѣ, на практикѣ силу, пользу, убѣдительность и умственно-образовательное значеніе теорій естественно-математическихъ наукъ. Слѣдовательно, настоятельно необходимо устройство системы всенароднаго естественно-научнаго ученія на основаніяхъ нагляднаго и осязательнаго рабоче-промышленнаго, экономическаго естествознанія и естествоиспытанія. Т. е. необходимо въ одно и то же время: вопервыхъ—сенсуально-ощутительное, наглядное и осязательное обнаруженіе и доказательство передъ рабочимъ народомъ отвлеченныхъ теорій естественно-математическихъ наукъ на практикѣ народной работы и экономіи, сначала въ этихъ, такъ сказать, естественныхъ училищахъ, обсерваторіяхъ и лабораторіяхъ практическаго промышленнаго естествознанія—на земледѣльческихъ поляхъ, на мануфактурно-промышленныхъ фабрикахъ и заводахъ, въ этихъ естественныхъ зоологическихъ, ботаническихъ и минералогическихъ музеяхъ и садахъ—на скотныхъ дворахъ, овчарняхъ, конскихъ заводахъ, въ лѣсахъ, садахъ и огородахъ, при горныхъ промыслахъ. однимъ словомъ на практикѣ земледѣлія, луговодства, винодѣлія, лѣсоводства и огородничества, на практикѣ скотоводства, звѣроловства, пчеловодства, шелководства, рыбоводства, птицеводства, на практикѣ фабрикъ и заводовъ и т. д. Вовторыхъ — предлагаемыя естественно-математическими науками и дознанныя практической экспериментаціей, опытами практическаго, рабоче-промышленнаго естествоиспытанія теоріи математическихъ и естественныхъ наукъ необходимо преподавать дѣтямъ рабо-

чаго народа — всѣмъ молодымъ рабочимъ поколѣніямъ въ естественно-научныхъ школахъ земледѣлія во всѣхъ его видахъ, въ естественно-научныхъ школахъ скотоводства и вообще зоологическаго хозяйства, въ естественно-научныхъ школахъ разныхъ фабрикъ и заводовъ, съ нагляднымъ и осязательнымъ показаніемъ этихъ естественно-математическихъ теорій на практикѣ раціональнаго, естественно-научнаго земледѣлія, лѣсоводства, огородничества, садоводства и пр., на опытѣ естественно-научнаго скотоводства, на практикѣ естественно-научныхъ операцій фабрикъ и заводовъ и т. п. Наконецъ, необходима дальнѣйшая разработка естественно-математическихъ наукъ и умноженіе ресурсовъ или шансовъ для новыхъ открытій путемъ рабоче-практическаго, экономическаго или хозяйственно-промышленнаго естествоиспытанія, т. е. необходимо, чтобы естественно-научно совершаемыя работы, промыслы и всѣ промышленныя занятія въ сферѣ природы были въ то же время естественно-научными опытами и наблюденіями, направленными къ открытію или выработкѣ и обнародованію въ земскихъ журналахъ и газетахъ новыхъ естественно-научныхъ истинъ и теорій. Вотъ, по нашему мнѣнію, естественно-историческій путь, который предстоитъ русскому народу. Въ слѣдующей главѣ мы подтвердимъ это и всей экспериментаціей нашей исторіи въ сферѣ физической экономіи русской земли. Здѣсь же замѣтимъ только, что если не собственное, добровольное сознаніе и рѣшеніе общества, то грозныя силы природы, жестоко-поучительные уроки физической экономіи русской земли рано или поздно вынудятъ наше общество и нашъ народъ—взяться за умъ и начать устроивать искомую всей нашей исторіей новую систему всеобщаго, всенароднаго естественнонаучно-реальнаго ученія. Заключимъ эту мысль справедливыми словами г. Неручева, высказанными имъ въ сельско-хозяйственныхъ замѣткахъ по поводу нынѣшняго, почти повсемѣстнаго неурожая: «нѣтъ ни одной страны, въ которой бы теоретическія знанія, несмотря на всю ихъ силу, постоянно возрастающую, оказывали такую малую помощь практикѣ, какъ это у насъ. Ни помощь науки, ни улучшеніе въ нашемъ хозяйствѣ, ни увеличеніе производительности не будутъ для насъ возможны, пока не будетъ солидныхъ мѣръ въ видахъ распространенія знаній, не будетъ школъ, способныхъ доставить почву для всевозможныхъ начинаній,—школъ, одинаково доступныхъ для всѣхъ участвующихъ своимъ трудомъ въ оборотахъ земледѣльческаго промысла. Наше крестьянство, представляющееся въ видѣ десятковъ милліоновъ рукъ, дѣятельность которыхъ исключительно направлена къ занятію хозяйствомъ, не можетъ не возбуждать вниманія. Эти милліоны рукъ представляютъ собой такой факторъ, разумное примѣненіе котораго должно оказать огромное вліяніе на земледѣліе. Не одними только машинами и многоразличными изобрѣтеніями поднялась промышленность хозяйствъ западныхъ,—она есть слѣдствіе развитія рабочаго, котораго не можетъ замѣнить никакой изъ остроумнѣйшихъ механизмовъ; не въ сѣвооборотѣ заключается успѣхъ земледѣльческой культуры въ западномъ хозяйствѣ, а въ разумномъ примѣненіи труда; не породы скота играютъ роль элементовъ производящихъ въ заграничномъ хозяйствѣ, а умѣнье и знаніе того, чѣмъ опредѣляется про-

дуктивность животныхъ. Не временнымъ сочувствіемъ къ несчастію и временными пособіями, только, исправляются народныя бѣдствія, а путемъ дѣйствія на основныя причины и искорененіемъ самой возможности появленія бѣдствій. Дѣйствовать же на эти причины могутъ знаніе, школа» [1]).

V

Втретьихъ, вѣковое отсутствіе предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія мыслительныхъ способностей русскаго народа, всеобщей разсудочной силы мышленія и вѣковое исключительное, генеративно-историческое воспитаніе и преобладаніе низшихъ познавательныхъ способностей—внѣшнихъ чувствъ, памяти и воображенія сопровождалось и въ новой, послѣ-петровской педагогической системѣ отсутствіемъ или неустановленностью истиннаго, положительнаго метода развитія народнаго и общественнаго мышленія. Во всѣхъ сферахъ научнаго мышленія и знанія—говоритъ Кондорсе — познаніе метода, употребляемаго для изысканія истинъ, гораздо важнѣе познанія самыхъ истинъ, такъ какъ въ немъ заключается зародышъ всего того, что остается еще имѣющимъ быть открытымъ [2]). Методъ—это, по выраженію Ларомигьера, орудіе, рычагъ ума, или, по словамъ Жокура, архитекторъ интеллектуальнаго, научнаго развитія [3]). Клодъ Бернаръ говоритъ: L'idée, c'est la graine: la méthode, c'est le sol qui lui fournit les conditions de se développer, de prospérer et de donner les meilleurs fruits suivant sa nature... Seulement les bonnes méthodes peuvent nous apprendre à développer et à mieux utiliser les facultés que la nature nous a dévolues, tandis que les mauvaises méthodes peuvent nous empêcher d'en tirer un heureux profit. C'est ainsi que le genie de l'invention, si précieux dans les sciences, peut être diminué ou même étouffé par une mauvaise méthode, tandis qu'une bonne méthode peut l'accroître et le développer. En un mot, une bonne méthode favorise le développement scientifique et prémunit le savant contre les causes d'erreurs si nombreuses qu'il rencontre dans la recherche de la vérité; c'est là le seul objet que puisse se proposer la méthode expérimentale («Introduction à l'étude de la médecine expérimentale». Paris. 1865, 60—62). Слѣдовательно, отъ выработки и установки правильнаго метода зависитъ истинное и плодотворное интеллектуальное развитіе и направленіе. И на западѣ этотъ истинный методъ умственнаго развитія открытъ давно, впервые указанъ еще въ «Novum Organon» Бакона и въ «Discours sur la méthode» Декарта, потомъ утвержденъ Амперомъ, Контомъ и всей новой исторіей интеллектуальнаго развитія Европы. Но недораз-

---

[1]) „Спб. вѣдом." 1868 г. № 71.

[2]) Condorcet, „Eloge de Lientand" въ „Eloges des Academiciens", изд. 1797, т. II.

[3]) Ларомигьера „Leçons de philosophie", изд. 2, т. I, стр. 57. Жокуръ въ статьѣ Méthode въ „Encyclopedie methodique". Исидоръ Жоффруа С. Илеръ—общая Біологія ч. II, стр. 265—276: глава о методѣ.

витый русскій мозгъ, вслѣдствіе вѣкового преобладанія низшихъ интеллектуальныхъ способностей надъ высшими мыслительными силами и вслѣдствіе вѣкового вліянія византійской педагогической доктрины не могъ ни самъ додуматься до истиннаго, вѣрнаго метода интеллектуальнаго развитія и такимъ образомъ, съ самаго начала или со времени умственно-образовательной реформы Петра Великаго, стать на настоящую прямую дорогу умственнаго движенія и прогресса, не могъ ни взяться самъ съ перваго же раза, во время введенія европейскихъ наукъ, за выработанный европейскими геніями методъ сенсуально-логическаго или реально-теоретическаго развитія мышленія. Хотя преобразователь или возродитель умственной жизни русскаго народа—Петръ Великій вводилъ въ систему интеллектуальнаго развитія русскаго народа реальный, физико-математическій методъ, но неразвитое русское общество, проникнутое супранатуральнымъ міросозерцаніемъ, воспитанное византійской педагогіей, по неразвитости своихъ мыслительныхъ способностей, не способно было понять идеи Петра Великаго. Неразвитый общественный смыслъ не только не способенъ былъ самъ задаться вопросомъ и додуматься, какъ и чему начать учиться, но и не способенъ былъ съ самаго начала умственно-образовательной реформы въ Россіи ухватиться за указанный Петромъ Великимъ сенсуально-логическій, реальный методъ физико-математическаго ученія. Вслѣдствіе этой первоначальной неустановленности метода развитія, указаннаго опытомъ западной Европы, со временемъ Декарта и Бакона, и Петромъ Великимъ, мысль русская стала потомъ блуждать по трущобамъ всякаго рода антиреализма и доселѣ не нашла, не установила истиннаго метода своего развитія.

Неустановленность истиннаго метода интеллектуальнаго развитія была существенною причиною медленнаго пробужденія и большею частію неправильнаго направленія русской мысли. Вмѣсто естественнаго, цѣльнаго, сенсуально-логическаго развитія, вмѣсто положительно-философскаго или индуктивно-теоретическаго метода мышленія, и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ, даже въ университетахъ, долгое время преобладалъ методъ дедуктивно-идеалистическій и даже мистико-фантастическій. Вмѣсто развитія положительной научной мыслительности посредствомъ совокупнаго пользованія и сенсуально-логической, экспериментальной индукціей или опытомъ и наблюденіемъ, и теоретическимъ, научно-раціональнымъ, философскимъ мышленіемъ, вмѣсто цѣльнаго сенсуально-логическаго развитія мышленія и самое университетское ученіе наше долгое время направлено было только къ развитію низшихъ интеллектуальныхъ способностей—памяти, воображенія и поверхностной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ. Въ университетахъ преобладали науки археологическія, историко-филологическія, этико-юридическія, философско-идеалистическія, эстетическія науки, развивающія больше память, воображеніе и фантастически-идеалистическое и произвольно-измѣнчивое метафизическое мышленіе. Въ московскомъ, напр., университетѣ, въ періодъ времени 1814—1826 г., науки историко-археологическія, археолого-филологическія и философско-юридическія преподавали около 25 профессоровъ, а физико-математическія науки

не болѣе 15 профессоровъ [1]). Потомъ въ теченіе 1836—1854 г. первыя преподавали около 45 профессоровъ, а физико-математическія не болѣе 25 профессоровъ [2]). Воспитывавшееся въ университетахъ молодое поколѣніе больше изучало юридическія науки, чѣмъ физико-математическія. Даже въ 1864 году на естественныхъ факультетахъ было еще только 15% изъ общаго числа студентовъ, а на юридическомъ чуть не половина—43%. Въ десятилѣтіе 1853—1863 г. числительность молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ университетахъ на факультетахъ физико-математическомъ и юридическомъ, представляется слѣдующими цифрами:

	Физико-математ.	Юридическ.
Въ С.-Петербургскомъ университетѣ	1,88	5,94
» Московскомъ »	2,76	4,57
» Казанскомъ »	1,76	6,92
» Харьковскомъ »	3,23	4,70
» Кіевскомъ »	1,21	1,79
» Дерптскомъ »	1,02	2,02
Слѣдовательно среднимъ числомъ во всѣхъ университетахъ:	1,92	3,99

И если получаемое студентами кандидатство хоть сколько-нибудь можетъ служить мѣркой успѣховъ студентовъ въ наукахъ, то и въ этомъ отношеніи успѣхи по историко-филологическимъ наукамъ оказываются выше успѣховъ по наукамъ физико-математическимъ: потому что во всѣхъ университетахъ болѣе всего окончило курсъ кандидатами по историко-филологическому факультету; за нимъ уже слѣдуетъ физико-математическій. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Университеты:	Историко-филологич. Кандидатовъ.	Историко-филологич. Дѣйствительныхъ студентовъ	Физико-математич. Кандидатовъ.	Физико-математич. Дѣйствительныхъ студентовъ
С.-петербургскій	97	3	81	19
Московскій	61	39	74	26
Казанскій	72	28	57	43
Харьковскій	64	36	54	46
Кіевскій	62	38	55	45
Дерптскій	55	45	74	26
Среднимъ числомъ во всѣхъ	69	31	66	34

А въ дерптскомъ университетѣ окончило курсъ даже гораздо больше на богословскомъ факультетѣ, чѣмъ на физико-математическомъ, именно на богословскомъ факультетѣ 211 воспитанниковъ, а на физико-математическомъ только 84 [3]).

1) Шевырева, „Истор. москов. универс.", 441—445, 448—450.
2) Ibid., 558—562.
3) „Ж. м. н. просвѣщ.", ч. CXVIII, стр. 175—178.

Самыя естественныя науки, долгое время не разрабатывавшіяся самостоятельно русскою мыслью, а преподававшіяся по руководствамъ западныхъ натуралистовъ—напр., Фогеля, Гегенія, Вейдлера, Эйвера, Галлера, Линнея, Блуменбаха, Боде, Кригера, Бриссона и пр., излагались большею частію только теоретически, идеально, безъ опытовъ, или даже всецѣло проникнуты были философско-идеалистическимъ и мистическимъ духомъ. И потому онѣ не столько развивали экспериментально-логическое, реальное мышленіе, сколько память, воображеніе и идеалистическое, или схоластико-метафизическое мышленіе. Професс. анатоміи и хирургіи Мудровъ, изучившій развитіе медицинскихъ наукъ заграницей, понялъ ложность такого развитія и въ «Чертежѣ практическихъ наукъ, снятомъ съ главныхъ училищъ Германіи и Франціи», такъ отзывался объ этомъ философско-идеалистическомъ преподаваніи, напр., патологической науки: «хотя сія наука современна той наукѣ, какъ начали пристальнѣе замѣчать ходъ натуры, но снова объ ней позабыли, пустившись въ строеніе теорій. Ослѣпившись блескомъ высокопарныхъ умствованій, рожденныхъ въ нѣдрѣ идеальной философіи, молодые врачи ищутъ нынѣ причинъ болѣзней въ строеніи вселенной и, не хотя сойти съ эмпирейскихъ высотъ безвещественнаго міра, не видятъ того, чтó подъ ихъ глазами и что подвержено прямому здравому смыслу... Но врачебная наука ведетъ насъ прямо въ вещественный храмъ натуры. Научись—говоритъ она—прежде употреблять твои чувства: осяжи и виждь» [1]). О преподаваніи медицинскихъ практическихъ наукъ въ московскомъ университетѣ и въ медико-хирургической академіи Мудровъ писалъ: «Упражненіе въ препарированіи труповъ (что есть главная вещь въ анатоміи) было для насъ самою трудною вещію. Прозекторъ не только сего не дѣлалъ, но еще препятствовалъ намъ заниматься разсѣканіемъ труповъ, или давалъ протухлые трупы, или не впускалъ въ «анатомію»; или ее не топилъ, или не давалъ инструментовъ. Ножи всегда были старые, а самимъ купить было не на что. Нельзя молчать объ этомъ: это причина несчастія многихъ. Проф. Рихтеръ читалъ хирургію превосходно; но можно ли тому повѣрить, что онъ не показалъ ни одной операціи ни на живомъ, ни на кадаверѣ? И мы ни одной не сдѣлали. Можно ли тому повѣрить, что онъ словами и мѣломъ дѣлалъ операціи, не показавъ строенія оперируемой части на кадаверѣ? И мы учились танцовать, не видавши, какъ танцуютъ... Учащіеся, ко всеобщему удивленію, на репетиціяхъ и экзаменахъ читали всю анатомію наизусть. Но что же? кромѣ остеологіи, они знали всю анатомію по бомуткамъ, а не по тѣлу человѣческому... Г. Бумъ имѣлъ чрезвычайныя свѣдѣнія въ литературѣ анатоміи и хирургіи, не взирая на несовершенство россійскаго языка, читалъ хирургію, какъ ораторъ. Въ лекціяхъ его все было собрано, что было извѣстно до тѣхъ поръ. Но что же? Разсказывая хорошо разные методы операціи, оперировать не умѣли. Такъ-то красное слово не совмѣстно съ дѣломъ» [2]). Какъ не возбудительно и, такъ сказать, не пита-

[1]) „Чт. общ.“ 1863 г., кн. 2, отд. V, 47—48.
[2]) „Чт. общ.“ 1863 г., кн. 2, отд. V, 27—29

тельно было для мысли такое умозрительно-идеалистическое преподаванie реальныхъ наукъ и какъ, напротивъ, оно давало просторъ и пищу только памяти и воображенiю, Мудровъ объ этомъ такъ замѣчаетъ: «плоды памяти и воображенiя, собранные въ кабинетѣ, сколь ни казисты на профессорскомъ стулѣ, обманываютъ только голодъ учащихся, а не питаютъ, т. е. не даютъ ни роста, ни силы» [1]). Но до новѣйшаго времени преподаванie естественныхъ наукъ въ нашихъ учебныхъ заведенiяхъ большею частiю было поверхностно и развивало больше память, а не мышленie. Напр. проф. Брандтъ говоритъ: «преподаванie натуральной исторiи въ нашихъ учебныхъ заведенiяхъ, даже въ высшихъ, слишкомъ поверхностно, несмотря на то, что положительное изученie естественныхъ наукъ, особенно практическое, образуетъ не только специалистовъ, но чрезъ постоянное разсматриванie и сближенie различныхъ органическихъ формъ, чрезъ умственное углубленie въ малѣйшiя подробности, въ высшей степени развиваетъ въ молодыхъ людяхъ мышленie и любознательность, и слѣдовательно можетъ быть полезно и для другихъ отраслей человѣческихъ знанiй. Одно чтенie лекцiй безъ практическихъ изслѣдованiй, безъ анатомическихъ доказательствъ только отягчаетъ память, но не даетъ юношѣ знанiй» [2]). Въ прежнiя же времена, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, а тѣмъ болѣе ранѣе, преподаванie естественныхъ наукъ, даже въ университетахъ, будучи проникнуто или идеализмомъ, или мистицизмомъ, либо эстетикой, еще болѣе питало и развивало память, воображенie или мистико-идеалистическое настроенie мысли, а не точное, индуктивно-реальное мышленie. Нѣкоторые медицинскiе профессора не чужды были и классико-эстетическаго идеализма или мистицизма. Напр., въ московскомъ университетѣ профессоръ Лодеръ, по словамъ г. Шевырева, «внесъ въ изученie анатомiи изящное латинское изложенie и, стоя предъ препаратомъ нашего бреннаго тѣла, являлся какимъ-то художникомъ и возносилъ уму слушателей ко всеблагому творцу» [3]). Профессоръ минералогiи Павловъ (1821 и слѣд.) «вносилъ въ естествовѣдѣнie идеалистическiя умозрѣнiя Шеллинговой философiи, вовсе неумѣстной въ положительной наукѣ природы, требующей изслѣдованiя самаго опредѣленнаго, точнаго и не признающей надъ собой никакой другой философiи, кромѣ математики» [4]). Въ кiевскомъ университетѣ ординарный профессоръ химiи Зѣновичъ (1834—1839) изобрѣлъ свою мистико-идеалистическую теорiю органической химiи, которая придавала ему характеръ настоящаго Парацельса XIX вѣка. Сообщая свою новую теорiю, этотъ согбенный, добродушный старикъ, представлявшiй оригинальный умственный типъ, приходилъ въ какой-то паѳосъ; голосъ его получалъ необыкновенную силу и звучность, вся личность его оживлялась,—и онъ въ своей лабораторiи, окруженный внимательными

---

[1]) Ibid., 67.

[2]) Замѣч. къ статьѣ Ричарда Овена о Зоологiи въ „Руководствѣ къ ученымъ изысканiямъ для путешественниковъ“. Спб. 1861 г., ст. XI, 17—18.

[3]) „Истор. моск. университета“, 452.

[4]) Ibid., 451—452.

ушателями, являлся какимъ-то средневѣковымъ алхимикомъ-чародѣемъ. гъ образчикъ его химической теоріи: «въ теоретической части органикой химіи—говорилъ онъ—было показано мною существованіе пятаго видимаго органическаго начала и его дѣйствіе на атомы тѣлъ и теплоръ; дано понятіе о связи органической, о теплотѣ и жизни; далѣе было казано различіе между животными и прозябаемыми, изъяснены феноны чувственности, отдохновенія, совершеннаго сна, сновидѣнія, безсонцы, зимоваго сна; по отношенію къ человѣку, въ особенности показано этое невидимое начало—душа, отличающая его отъ другихъ животныхъ; лѣдованы качества души и показано, что мудрость или знаніе прошедго, настоящаго и будущаго происходитъ отъ дѣйствія одной души, иннктъ—отъ дѣйствія одного органическаго духа, а умъ происходитъ отъ окупнаго ихъ дѣйствія, причемъ показано, отъ чего умъ бываетъ разный въ людяхъ». «О, то великая и важная есть наука хэмыя!—заклюъ и не разъ повторялъ профессоръ своимъ слушателямъ:—и этую хэмыю ывали барбары ars sine arte, cujus principium est mentire, medium laborare, s mendicare» [1]. И этотъ алхимикъ-профессоръ представилъ еще въ 7 г. въ с.-петербургскую академію наукъ разсужденіе «о необходимости нѣненія общихъ основаній наукъ, всѣхъ теорій и системъ, чтобы издать ованную на предъидущемъ сочиненіи новую теорію химіи», и хотѣлъ имъ образомъ быть реформаторомъ наукъ. Не лучше были въ кіевскомъ иверситетѣ и профессора другихъ естественныхъ наукъ. Напр., послѣ офессора физики Абламовича (1834 г.), у котораго физическое развитіе іа, по словамъ Шульгина, остановило развитіе умственное и который подавалъ больше съ кафедры разный сумбуръ болтовни и городскихъ етней, чѣмъ физику [2],—заступившій его мѣсто преподаватель Чехоъ читалъ физику въ томъ физико-теологическомъ духѣ, въ какомъ она подавалась въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, и помѣщалъ богоскія статьи въ «Воскресномъ чтеніи» [3]. Профессоръ астрономіи Феовъ «сквозь видимое небо созерцалъ небо невидимое, духовное», и, какъ сказали уже, напечаталъ рѣчь «о мнимомъ противорѣчіи между истии, явствующими изъ познанія неба видимаго, вещественнаго, и истии, въ которыхъ открывается человѣку небо невидимое, духовное» [4]. кія мистико-идеалистическія тенденціи и ученія, очевидно, больше пии воображеніе, чѣмъ развивали основательное и строго послѣдователь- реалистическое мышленіе, такъ же какъ одно чтеніе лекцій безъ ктическихъ изслѣдованій, одна естественно-научная номенклатура и минологія и, наконецъ, одно перечисленіе громкихъ именъ естествоисгателей обременяли только память. И нѣтъ ничего удивительнаго послѣ го, если при такомъ слабомъ развитіи и вліяніи университетскаго естеенно-научнаго образованія въ молодыхъ русскихъ генераціяхъ слабо

[1] „Истор. кіевск. университета", 141—142.
[2] Шульгина. „Истор. универс. св. Владим", стр. 146, 137.
[3] Ibid. 139 и 161.
[4] „Истор. кіевск. унив.", 161.

развивалось и высшее, философско-реалистическое мышленіе и плох
рабатывалось и распространялось положительное, реальное міросозері
Неудивительно, что физико-математическіе факультеты наши до сихъ
мало образовывали и выпускали какъ замѣчательныхъ естествоисп
телей-теоретиковъ, такъ и замѣчательныхъ практическихъ дѣятелей
ственно-научной экономіи, дѣятелей практическаго, экономическаго
ствознанія. Послѣ всего этого естественно и понятно, почему другія-
алистическія, эстетическія, метафизико-философскія науки нашихъ
верситетовъ, уже совершенно отдѣленныя отъ почвы положительнаго
шленія и изслѣдованія, еще больше развивали память, воображеніе
содержательно отвлеченное, метафизическое и мистико-фантасти
умонастроеніе.

Историко-археологическія науки, господствовавшія въ нашихъ
начальныхъ умственныхъ работахъ, въ университетахъ и ученой л
турѣ до 50-хъ годовъ, по преимуществу развивали память и археолог
рическое, традиціонное умонастроеніе. Послѣ многовѣкового исключ
наго господства византійской мистико-теологической доктрины и су
турально-спиритуалистическаго міросозерцанія,—старинное, византійс
нографическое міросозерцаніе смѣнилось новымъ, историко-археол
скимъ настроеніемъ умовъ. Цѣлое столѣтіе историко-археологическія
владычествовали надъ русскими умами, опредѣляли характеръ и
вленіе нашей интеллектуальной дѣятельности. Это была, можно с
эпоха нашего всеобщаго умственнаго увлеченія—историко-археологи
мономаніи, эпоха, породившая цѣлый сонмъ знаменитыхъ археол
палеографовъ, библіографовъ, исторіографовъ, филологовъ, нумиз
и т. п. «Въ маѣ мѣсяцѣ 1804 г.—говоритъ историкъ московскаго уні
тета г. Шевыревъ—Высочайше утверждено при московскомъ универ
Общество исторіи и древностей россійскихъ». Главнымъ трудомъ для
ства опредѣлено «критическое, то-есть, вѣрнѣйшее и исправнѣйшее
оригинальныхъ древнихъ о Россіи лѣтописей, съ пріобщеніемъ къ
нужнѣйшихъ примѣчаній, дабы то и другое могло служить основан
сочиненіи подлинной россійской исторіи». Вслѣдствіе того, Высоча
указомъ, даннымъ св. Синоду 6 іюня 1804 года, повелѣно доставлят
ству всѣ оригинальныя лѣтописи и хронографы, изъ государств
архива иностранныхъ дѣлъ, изъ с.-петербургской академіи наук
патріаршей и типографской синодальной библіотекъ, изъ троицкой
и другихъ монастырей... Попечитель московскаго университета графъ
вьевъ мечталъ соединить изученіе Русскихъ Древностей съ изуч
всеміросныхъ. «Изысканіе Древностей россійскихъ—говорилъ онъ—прив
къ себѣ нѣкоторое время вниманіе публики. Можно, послѣ Милле
честію упомянуть Шлецера, Стриттера и Новикова, который посл
бы болѣе отечеству, оставшись въ предѣлахъ ученія древносте
Вивліофика есть національное сокровище, изъ котораго любоп
нѣмцы будутъ когда-нибудь черпать. Вольное Россійское Соб
помѣстило также въ трудахъ своихъ нѣкоторые отрывки древност
можно ли бы было соединить съ древностями россійс

з есь округъ древностей греческихъ, римскихъ, египетнихъ и такъ далѣе?» Послѣдняя мысль принадлежала къ числу любихъ мыслей Муравьева. Древняя филологія увлекала его. Онъ думалъ въ »весномъ отдѣленіи московскаго университета основать «Латинское общео». Вотъ его мысль (§ 26 учебнаго распоряженія): «подъ предсѣдательомъ декана Словесныхъ наукъ составится Латинское общество, къ котоу приглашаются магистры, кандидаты и студенты. И сами профессоры, дшествуя имъ примѣромъ, могутъ показать имъ путь къ образованію я сочиненіями въ искусствѣ писанія на латинскомъ языкѣ. Засѣданія ѣтъ два раза въ мѣсяцъ». Увлекаясь своими греко-латинскими идеями, лологъ-попечитель хотѣлъ и академическую гимназію переименовать въ цей, а благородный университетскій пансіонъ назвать пританеемъ и вн аго надзирателя его пританомъ [1]). Вообще, археологизмъ греко-лаіскій и славяно-россійскій, «древности», можно сказать, рѣшительно тавляли господствующую idea fixa нашего научно-изслѣдовательнаго настроенія съ начала нынѣшняго столѣтія до 40-хъ или 50-хъ годовъ. главѣ этого историко-археологическаго и филолого-библіографическаго троенія и воспитанія умовъ стоятъ такіе воскресители и истолкователи вностей, старины, какъ Миллеръ, Шлецеръ, Тунманъ, Кругъ, Куникъ, рсъ, Розенкампфъ, Карамзинъ, Востоковъ, кіевск. митр. Евгеній, протоіер. нъ Григоровичъ, русскій Шафарикъ славянистъ проф. Григоровичъ, айдовичъ, Строевъ, Бередниковъ, Каченовскій, Малиновскій, Тимковскій, ыдовъ, Маттеи, Бекетовъ, Погодинъ, Болдыревъ, Крюковъ, Кубаревъ, ѣйшіе классики—Леонтьевъ, Катковъ и множество другихъ—учениковъ ослѣдователей ихъ. Меценатами этого сонма тружениковъ археологориковъ, ревнителями и покровителями этого историко-археологическаго илолого-библіографическаго умственнаго углубленія въ древности славо-русскія и греко-римскія являются графы—Муравьевъ, Уваровъ, Муъ-Пушкинъ, Толстой, Румянцевъ. Послѣдній особенно прославился во вѣ этого историко-археологическаго умонастроенія и изслѣдованія, такъ всю эту историко-археологическую эпоху называли румянцевскою хою и имя Румянцева считали «безсмертнымъ» [2]). Вслѣдствіе такого орико-археологическаго настроенія духа изслѣдованія основывались: мѣ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, лицей и таней классическихъ древностей, археологическое общество, археограеская коммиссія и пр., издавались: Древняя Россійская Вивліофика, еологическія записки, классико-археологическія эфемериды, библіограеские листы, разнаго рода историко-археологическіе «Архивы», вродѣ орусскаго архива, Сѣвернаго архива, Архива юридическихъ свѣдѣній, скія достопамятности, Памятники XII вѣка, Русская старина Мартыа, Полное собраніе русскихъ лѣтописей, Собраніе государственныхъ

[1]) „Истор. моск. унив.“, 350—351.

[2]) Терещенко, „Опытъ жизнеописанія сановниковъ, управлявшихъ дѣлами въ сіи“, ч. II, стр. 257, „Чт. общ.“, 1864, кн. 2, стр. 1—92: переписка протоіерея І. Гривича съ гр. Румянцевымъ, а также и митр. Евгеніемъ, вся состоящая изъ исто-археологическихъ и библіографо-филологическихъ писемъ.

грамать и договоровъ, Акты историческіе, Акты археографической коммиссіи и дополненія къ нимъ, Описаніе рукописей румянцевскаго музеума, Описаніе рукописей и старо-печатныхъ книгъ библіотеки графа Толстого, Опытъ библіографіи Сопикова, Пропилеи и много другихъ многотомныхъ и мелкихъ историко-археологическихъ и библіографическихъ изданій. Подобно естественно - научнымъ экспедиціямъ предпринимались или снаряжались обширныя археологическія экспедиціи или путешествія, для отысканія разныхъ славянскихъ древностей, вродѣ экспедицій Ходаковскаго, Строева и Бередникова [1]). И до того господствовало это историко-археологическое умонастроеніе, что даже въ высшемъ обществѣ главнымъ предметомъ разговоровъ были вопросы историко-археологическіе. Напр., Калайдовичъ въ запискахъ своихъ такъ характеризуетъ тогдашнія бесѣды въ обществѣ: «января 14 дня былъ я съ 9-го часу по 12-й у графа Сергѣя Петровича Румянцева. Графъ принялъ меня съ отличнымъ расположеніемъ, чего я не ожидалъ отъ столь знатнаго барина; но я не столько удивлялся сему, сколько особеннымъ его свѣдѣніямъ въ исторіи русской. Онъ показывалъ мнѣ Кенигсбергскаго Нестора, исписаннаго собственными примѣчаніями, между которыми я замѣтилъ, что Сѣверяне и Древляне названы отъ рѣкъ Сѣверы и Дравы, протекающихъ гдѣ-то въ Славоніи; что въ Швейцаріи есть одна деревня, ежели не ошибаюсь, при рѣкѣ Русѣ, которой жители образомъ жизни и поступками отъ тамошнихъ обывателей отличны, и кои вѣроятно зашли туда во время норманскихъ набѣговъ на Европу. Къ сожалѣнію я не могу припомнить всего нашего разговора, изъ коего содержу въ памяти, что слово к у н а, вѣроятно, есть попорченное: «pecunia», подобно в е в ѣ р и ц ѣ, взятой съ какого-то латинскаго слова, что о й д и д ъ и л а д о, извѣстная припѣва, въ коей находятъ славянскихъ боговъ, есть ничто иное, какъ извѣстный греческій припѣвъ: о й т и т и д л л о, подобный вошедшему при Татарахъ о й л ю л и, о й л ю л и, извѣстному и теперь у нихъ и въ Турціи, и ничего не значатъ, какъ и французское т р а л л а л а; что Финны и теперь, указывая на забалтійскій берегъ, при вопросѣ, кто живетъ тамъ, отвѣчаютъ Р у с м а л е й н ъ. Графъ предложилъ мнѣ на разрѣшеніе два сомнѣнія, находящіяся въ кенигсбергскомъ спискѣ Нестора о высаженіи Судислава изъ поруба и о томъ, что, когда Ярославъ возвратился съ мнимой побѣды надъ Болеславомъ, было ему 28 лѣтъ. Румянцевъ не вѣритъ пѣсни Игоревой, почитая ее подложною, основываясь на томъ, что въ ней встрѣчается имя Солтаново, появившееся незадолго предъ XII вѣкомъ, названіе народа Венедици и мѣстоимѣніе к о т о р ы й, неприличное будто-бы тому времени. О имени Солтана и Венедицъ должно справиться, а въ доказательство, что въ древнихъ сочиненіяхъ встрѣчаются слова, совершенно похожія на новыя, приводилъ я Его Сіятельству слово батогъ, находящееся у Нестора по древнѣйшему Лаврентьевскому списку. Первымъ отдѣленіемъ издаваемыхъ мною «Русскихъ достопамятностей» графъ былъ очень доволенъ, и долго говорилъ, о нѣкоторыхъ піэсахъ, въ ней помѣщенныхъ. Января 16 дня, отобравши 14 важнѣйшихъ книгъ, взятыхъ мною изъ синодальной

[1]) „Вѣстникъ Европы“ ч. 113, № 17 и 18.

библіотеки, я поѣхалъ къ графу. Графъ пріѣхалъ въ 11-мъ часу и съ любопытствомъ разсматривалъ привезенныя мною книги, изъ коихъ особенно показались ему достойными вниманія: 1) переводъ книги Іоанна Дамаскина о небесной іерархіи, сдѣланный по всѣмъ вѣроятіямъ въ X вѣкѣ и тогда же писанный Іоанномъ, Эксархомъ Болгарскимъ. 2) Уставъ церковный, писанный, думать надобно, въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ. 3) Четыре слова на Аріаны Аѳанасія, архіепископа александрійскаго, переводъ, къ тому же времени относящійся. 4) Шестодневъ Василія Великаго, принадлежащій къ переводамъ X вѣка Іоанна, Эксарха Болгарскаго. 5) Евангеліе, писанное въ 1144 году. 6) Опись книгъ, въ разныхъ монастыряхъ находящихся, для вѣдѣнія при исправленіи оныхъ во время Никона. 7) Книга, писанная въ Болгаріи въ первой половинѣ XIV вѣка и содержащая статьи о письменахъ черноризца Храбра и исповѣданіе вѣры Кирилла, славянскаго учителя. 8) Библіографія, въ коей исчислены всѣ сочиненія, переведенныя на русскій, рукописныя или печатныя, которыя дошли до свѣдѣнія сочинителя, и 9) Подлинная на греческомъ языкѣ грамата объ избраніи Іова московскимъ патріархомъ. 11 февраля былъ у Н. М. Карамзина. Много переговорили; между прочимъ онъ сказалъ, что на вопросъ, предложенный графомъ С. П. Румянцевымъ: когда внесенъ въ Россію праздникъ перенесенія мощей св. Николая (мая 9)? онъ отвѣчалъ, что праздника сего нѣтъ въ греческихъ святцахъ, а въ русскія онъ внесенъ Ефремомъ, епископомъ переяславскимъ, тѣмъ самымъ, который теперь очень сдѣлался извѣстнымъ по жаркому спору о Банномъ строеніи» (упоминаемомъ у Нестора). «Это отыскано въ каталогахъ архіереевъ, находящихся при нѣкоторыхъ рукописныхъ лѣтописяхъ. Я замѣтилъ съ своей стороны, что сего праздника нѣтъ въ уставѣ церковномъ, хранящемся въ Синод. библ. и писанномъ по всѣмъ вѣроятіямъ въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ, между тѣмъ какъ онъ помѣщенъ въ Евангеліи, тамъ же хранящемся—1144 года и писанномъ, кажется, близъ Дуная. Н. М. замѣтилъ, что въ 1-й изданной части государственныхъ граматъ и договоровъ находится одна грамата, данная В. К. Василіемъ Іоанновичемъ Смольнянамъ по взятіи сего города будто 1-го дня, не припомню мѣсяца, но Смоленскъ сдался л҃ (30) числа. Ошибка вѣроятно произошла отъ того, что лѣвая черта буквы люди изгладившись была похожа на 1. Въ заключеніе Н. М. просилъ меня поискать въ греческихъ и старыхъ русскихъ требникахъ молитвы при постриженіи волосъ. 13-го февраля: отъ Романа Ѳедоровича Тимковскаго я возвращаюсь всегда съ новыми силами, с ъ новымъ стремленіемъ къ русскимъ древностямъ. Проф. Тимковскій показывалъ мнѣ слово паломникъ въ 3 ч. продолж. Древн. Росс. Вивл., изд. въ С.-Петерб., въ статьѣ: Уставъ Владиміра, въ числѣ церковныхъ людей. Въ изданіи сей піэсы, помѣщенной Новиковымъ въ Древн. Росс. Вивл., вмѣсто паломникъ напечатано нищій. Р. Ѳ. производитъ сіе слово отъ ломоть съ соединеніемъ предлога по (или па), какъ человѣка питающагося мірскимъ подаяніемъ. Онъ отыскалъ для меня мѣсто о смерти Симеона 1-го, тверского епископа, котораго я недавно отыскалъ отвѣтъ, данный полоцкому князю Константину. Смерть сего епископа упоминается въ Никон. Лѣтоп. подъ 1288 годомъ».

«Въ русскомъ времен., при описаніи Ледскаго пораженія при Алекс. Яросл. Невскомъ, упоминаются шкуны, бывшіе у нѣмцевъ. Прощаясь г-нъ профессоръ очень желалъ, чтобы я приготовилъ до отъѣзда, который свершится или нѣтъ, вторую часть издаваемыхъ мною русскихъ достопамятностей, и скорѣе отпечаталъ первую. Онъ по своей ко мнѣ дружбѣ беретъ на себя трудъ изданія второй книги. Г-нъ Тимковскій просилъ меня написать къ гр., А. П. М. Пушкину, чѣмъ онъ руководствовался при объясненіи пѣсни Игоревой, и почему такъ, а не иначе нѣкоторыя слова? вѣрно ли напечатана рукопись и не дѣлано ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописаніе? какъ поступали издатели при знакахъ препинанія? почему слово Олегъ поставлено въ скобкахъ и другія? еще нѣсколько вопросовъ, въ разсужденіи сего несравненнаго сочиненія, онъ обѣщалъ мнѣ доставить письменно. 19 февраля обѣдалъ я у Н. М. Карамзина и съ большимъ удовольствіемъ, какъ и всегда, провелъ время въ сладостной съ нимъ бесѣдѣ. Я привозилъ ему два древнихъ требника, переведенные съ греческаго, — извѣстный Ѳеогностовъ и другой, хранящійся въ одной съ первымъ Синод. библ. въ 4° подъ № 552, въ коихъ помѣщена молитва на постриганіе волосъ, по крещеніи. 20 февраля былъ я у графа Сергѣя Петровича и просидѣлъ отъ 11 часу до 3-хъ. Много переговорили. Его Сіятельство показывалъ мнѣ свои выписки народныхъ обычаевъ, взятыя изъ житій святыхъ отцовъ, описанныхъ въ Патерикѣ печерскомъ; очень любопытны потому, что на сей предметъ историки наши мало обращаютъ вниманія. Читая въ лѣтописяхъ описаніе нравовъ своего народа, они совсѣмъ не замѣчаютъ явнаго несходства съ нынѣшними. Между прочимъ изъ одного мѣста, въ которомъ упоминается, что какой-то архіерей, чтобы скорѣе поспѣть къ освященію церкви печерской, гна борзо на конѣ, онъ открываетъ, что духовныя особы въ то время ѣзжали верхами. Въ жизни Ѳеодосія, игумена печерскаго, упоминается, что сей преподобный, однажды ѣдучи отъ князя, самъ сѣлъ на конь, между тѣмъ какъ отрокъ, должный бы сидѣть на лошади, покоился въ телѣжкѣ, слѣдовательно, въ то время ѣзжали точно такъ, какъ нынѣ чухна, замѣчаетъ графъ Румянцевъ. 21 февраля былъ я утромъ у професс. Тимковскаго. Разговаривали о новомъ сочиненіи: Краткое разсужденіе объ изданіи полнаго собранія русскихъ Дѣеписателей, помѣщенномъ въ 7 № «Сына Отечества» 1814 года. 22 февраля обѣдалъ я у Василья Назарьевича Каразина. Мы съ нимъ согласны въ словесности, а въ его предметы я рѣдко вступаюсь. 24 февраля, Дм. Н. Б. Каменскій показывалъ мнѣ записную книжку своего отца, которую А. Ѳ. Малиновскій хотѣлъ причислить къ архивской библіотекѣ... Въ ней я замѣтилъ, что въ Архив. столбцахъ часто встрѣчается такая подпись $\frac{З|Д}{П|В}$, значащая: За приписью Дьяка Прокопья Возницына. 25— былъ я утромъ на короткое время у графа С. П. Румянцева. Говорили о 1-й части трудовъ Историческаго Общества, доставленной ему мною. Къ числу прежнихъ сомнѣній подлога пѣсни Игоревой графъ

іелъ, что образъ богоматери, привезенный Пирогощею, въ 1160 году несенъ былъ изъ Кіева во Владиміръ (какъ сказано въ примѣчаніи ,телей), то какъ Игорь Святославичъ, возвратившійся въ 1185 году плѣна половецкаго, могъ идти молиться въ Кіевъ Богородицѣ Пищей? Самое рожденіе его въ 1151 году еще болѣе сіе запутываетъ. не могши ничего припомнить, согласился было съ нимъ, но г. Каінъ, съ коимъ я на другой день видѣлся, сказалъ мнѣ, что все іѣніе графа произошло отъ смѣшенія двухъ различныхъ иконъ, Пищиной и писанной евангелистомъ Лукою, коей перенесеніе изъ ;а должно дѣйствительно полагать въ 1160 году, что не противно тъ неподверженному сомнѣнію мѣсту сему въ пѣсни Игоревой. Это кно изслѣдовать. Графъ замѣтилъ, что икона, выдаваемая въ моск. енскомъ сборѣ за письмо евангелиста Луки, писана маслеными ;ками, между тѣмъ какъ искусство сіе появилось гораздо позже въ ліи. Графъ простился со мною, снова давши слово сдѣлать все, отъ него зависитъ въ Петербургѣ, въ мою пользу. 6 марта былъ профессора Тимковскаго. Разговоръ перешелъ къ любимой маі и. Г-нъ Тимковскій повторилъ свою просьбу о Даніилѣ (заточѣ); я отвѣчалъ, что уже давно писалъ о семъ къ Евгенію. Онъ, ;ду прочимъ, сказалъ мнѣ новое, что въ какой-то лѣтописи имъ най) извѣстіе о поученіи Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ. Р. Ѳ.)дитъ описаніе портрета Святославова очень невѣрно переведеннымъ, бъясненнымъ еще хуже. Я просидѣлъ у профессора отъ 5-го часа дня до 11-го. Онъ угостилъ меня... по-профессорски. Обѣдалъ съ Дм. Б. Каменскимъ у князя... Трубецкого, добраго и прямодушнаго челоа, котораго любезные дѣти служатъ при Архивѣ, а княгиня любитъ)рію — особенно русскую и хорошо о ней судитъ. 17 марта, на имеахъ у Малиновскаго, между гостями шла такая же живая бесѣда ;ревностяхъ. Николай Михайловичъ Карамзинъ сказывалъ, что его былъ Капнистъ; разговаривая о старинѣ, Капнистъ, между іимъ, затѣтилъ,—сказывалъ Карамзинъ,—что у грековъ «славяне» от) назывались Σχλαβηνοι, что они не могли выговаривать слога сла.)ктября былъ я у Р. Ѳ. Тимковскаго. Въ разговорѣ о «рѣкахъ» замѣтилъ, что во многихъ изъ нихъ видно славянское названіе, р., «Днѣпръ» означаетъ «прющее дно» (что и справедливо), «Двиимѣетъ началомъ своимъ глаголъ «двинуть», «Десна» сокращено сто «десная», лежащая вправо отъ Кіева, и пр. Г. профессоръ, імаясь уже нѣсколько времени разборомъ филологическимъ пѣсни ревой, сдѣлалъ весьма важное открытіе, нашедши другое подобное іненіе. Это есть пѣснь о побѣдѣ Димитрія Донского надъ Мамаемъ, денная имъ въ одной книгѣ, содержащей много піэсъ историчехъ. Начинается она воззваніемъ къ неизвѣстному лицу, можетъ ь сочинителю пѣсни Игоревой, такимъ образомъ: Повѣдай Уранъ, нчивается: а Владиміръ есть глава всѣмъ градомъ рус-імъ. 19 октября былъ я у графа С. П. Румянцева утромъ и просидѣлъ ι три. Говорилъ ему о новомъ открытіи, онъ не вѣрилъ. Онъ го-

ворилъ мнѣ, что походъ Игоря на половцевъ описанъ піитически и у Татищева. Говоря объ исправленіи въ нашихъ церковныхъ книгахъ, онъ замѣтилъ, что вмѣсто понтійскаго Пилата въ символѣ вѣры должно поставить: Pilatus Pontius. Пораженіе княземъ Димитріемъ Мамая онъ называетъ стычкою и Пересвѣта и Ослябя относитъ къ бабьимъ сказкамъ. Странно! Объ Славянахъ разсказываетъ, что они всегда были данниками другимъ народамъ и какъ рабы таскались вслѣдъ за Ерманарикомъ, сопутствовали какъ рабы бичу Атиллы, повиновались Аварамъ, снесли пораженіе Варягъ, были подъ игомъ Татарскимъ, а далѣе были жертвою Польскихъ нападеній. Хотя это и справедливо, но не должно писать такимъ образомъ Исторію Отечества. Славяне — говоритъ онъ — не имѣли у себя извѣстныхъ вождей, между тѣмъ какъ ихъ имя слышно по всей трети Европы. 19 октября обѣдалъ у Н. М. Карамзина. Говорилъ ему о новомъ открытіи: оно ему нѣсколько извѣстно, но видно изъ другого неполнаго списка. Г. Карамзинъ сказывалъ мнѣ, что онъ нашелъ у графа Толстого весьма важный псковскій лѣтописецъ, простирающійся далѣе всѣхъ ему извѣстныхъ, и писанный въ XVI вѣкѣ. Николай Михайловичъ подарилъ мнѣ экземпляръ своего стихотворенія «Освобожденіе Европы», — слабое произведеніе, не достойное имени Карамзина, въ коемъ одно только предисловіе сносно. Н. М. много словъ, находящихся въ пѣсни Игоревой, встрѣчаетъ въ найденной имъ волынской лѣтописи. 23 октября былъ у Р. Ѳ. Тимковскаго. Г. профессоръ просилъ меня приложить всѣ старанія о сысканіи другого списка Пѣсни о побѣдѣ Димитрія и объ изъясненіи семи словъ для него непонятныхъ въ пѣсни Игоревой: 1) зегзица, 2) ортьма, 3) папорози, 4) стрикусы, 5) тлековица и 7) шереширы. Также онъ желалъ бы имѣть вѣрное извѣстіе о Плѣнскѣ (Плѣньскѣ), — стр. 23: «врани възграяху у Плѣсньска ў дебри Кисани»,—и Дудуткахъ, бывшихъ гдѣ-то близъ Новгорода: «Всеславъ съ Дудутокъ пустился, какъ волкъ, до Немиги». 23 октября былъ я у Н. М. Карамзина. Онъ на радостяхъ: у него родился сынъ Андрей; Николай Михайловичъ показывалъ мнѣ рукописную лѣтопись синодальной библіотеки, въ коей помѣщено описаніе сраженія кн. Димитрія съ Мамаемъ, сходное съ найденнымъ профессоромъ Тимковскимъ. Только въ немъ пропущены первыя слова: Повѣдай Уранъ, и послѣднія о Владимірѣ, и не находятся лучшія піитическія мѣста» [1]).

Справедливость требуетъ сказать, что это почти полустолѣтнее историко-археологическое и филолого-библіографическое направленіе русской мысли и изслѣдованія, поглотившее много умственнаго энтузіазма, энергіи и талантовъ, открыло въ архивахъ русскихъ древностей и разработало много богатыхъ матеріаловъ для нашего историческаго самопознанія и было многотрудной и достопамятной предуготовительной работой для будущихъ историко-соціологическихъ изслѣдованій и работъ. Это былъ первый благотворный результатъ интеллектуальной реформы Петра

[1]) „Лѣтоп. рус. литер. и древн." 1859—60 г. кн. 6. Записки Калайдовича, 81—113.

Великаго, зародышъ и признакъ интеллектуальнаго возрожденія русскаго народа и пробужденія русской мысли — сознаніе потребности всесторонняго, основательнаго, критическаго самопознанія. Рядомъ съ иниціативой физико-географическаго, естественно-историческаго и физіолого-этнологическаго самопознанія Россіи, блистательно исполненной естественно-научными экспедиціями Мессершмидта, Беринга, Штеллера, Гмелина, Крашенинникова, Палласа, Фалька, Георги, Лепехина и т. д., рядомъ съ разработкой матеріаловъ для нашего естественно-историческаго самопознанія, — необходима была энергическая и всесторонняя разработка и матеріаловъ для нашего соціально-историческаго и историко этнографическаго самопознанія. Въ то время, какъ Мессершмидты, Гмелины, Палласы, Лепехины и пр. изслѣдовали физико-географическую и физико-этнографическую среду нашего интеллектуальнаго развитія, — въ то же время Миллеры, Шлецеры, Карамзины, Тимковскіе, Калайдовичи, Востоковы и др. должны были изучать историческія условія нашего умственнаго и общественнаго развитія. Да тогда и силы юной русской мысли еще не созрѣли до самостоятельной разработки другихъ, наиболѣе многотрудныхъ и многосложныхъ вопросовъ знанія, какъ, напр., высшихъ вопросовъ физико-математическаго естествоиспытанія. Юная научная мысль русскаго народа съ самаго начала и естественно должна была преимущественно сосредоточить свои незрѣлыя силы на болѣе легкихъ работахъ и изысканіяхъ, каковы изслѣдованія историко-археологическія. Но, при всемъ томъ, есть, съ другой стороны, и невыгодная сторона въ этомъ слишкомъ долговременномъ и крайне одностороннемъ направленіи нашей прежней умственной дѣятельности. Оно даже доведено было у насъ до степени болѣзненной, почти психопатической умственной мономаніи. Да и самое направленіе историко-археологическихъ работъ и изысканій основано было на односторонней, узкой идеѣ, и потому во многихъ отношеніяхъ было ошибочно и не вполнѣ плодотворно. Вопервыхъ, надобно замѣтить то, что и собственно въ сферѣ нашего историко-національнаго самопознанія, историко-археологическое направленіе изслѣдованія и мышленія, чуждое реальнаго, естественно-научнаго метода, лишенное прочныхъ естественно-научныхъ основъ, было односторонне, малосильно, малоплодно, и даже часто ложно. Оно и само не имѣло прочныхъ, реальныхъ основъ, не оживлялось и не проникалось идеями точнаго, положительнаго мышленія, знанія и міросозерцанія, да и въ цѣлыхъ поколѣніяхъ историко-археологическаго воспитанія и направленія большею частію подавляло, убивало и то реальное мышленіе и міросозерцаніе, какое хотя понемногу вырабатывалось подъ вліяніемъ естественныхъ и математическихъ наукъ. Въ частности, долговременная, можно сказать, столѣтняя разработка у насъ историко-археологическихъ матеріаловъ не подготовляла прочной почвы для разработки точнаго историко-соціологическаго и историко-этнологическаго самопознанія нашего, которое должно быть основано на точныхъ началахъ и законахъ естествознанія, выработано при помощи естественныхъ наукъ, или по методу естественно-научному. Совершая нумизматическія и ар-

хеологическія экспедиціи для разрытія древнихъ могилъ, роясь въ архивахъ, подвалахъ и монастырскихъ книгохранилищахъ, копаясь въ курганахъ, отыскивая рукописи какъ-бы для самыхъ рукописей, русскіе археологи, безъ свѣточа и указанія естественныхъ наукъ, не могли, да и не догадывались вовсе изучать, изслѣдовать, напр., подобно Брока или Богданову, по вѣкамъ, по мѣстностямъ и по племенамъ сравнительную краніологію, краніометрію, этнологію, антропологію. Они и не догадывались и не могли изслѣдовать этихъ естественно-историческихъ и физико-этнологическихъ источниковъ и лѣтописей русской исторіи — краніологическихъ и анатомическихъ матеріаловъ, заключающихся въ древнихъ курганахъ и кладбищахъ. Равнымъ образомъ они не догадывались изслѣдовать подробно древней естественной исторіи и географіи русской земли, особенно не изслѣдовали, напр., древне-русской фауны или зоологіи, древне-русской гидрографіи, естественно-историческихъ или геологическихъ измѣненій поверхности русской земли, рѣчныхъ береговъ, географическаго распредѣленія лѣсовъ, озеръ, болотъ и т. п.: исторіи болѣзней и медицины и пр. Въ самомъ началѣ XIX столѣтія въ харьковскомъ университетѣ высказана была мысль о родствѣ историческихъ наукъ съ естественными, и учители всеобщей исторіи обязаны были изучать естественныя науки, такъ же какъ учители политической экономіи и философіи должны были слушать физику [1]). Но односторонній, буквоѣдный археологизмъ, въ связи съ мистико-философскимъ или схоластико-маетафизическимъ идеализмомъ, заглушилъ и эту счастливую мысль. Вслѣдствіе этого въ настоящее время натуралистъ, анатомъ, какъ, напр., г. Богдановъ, совершенно вновь и впервые начиная разрабатывать и изучать, напр., краніологію курганнаго племени въ Россіи и, при этомъ цитируя замѣчанія Брока объ этнологической краніологіи, невольно долженъ былъ съ нѣкоторымъ упрекомъ сказать нашимъ археологамъ и историкамъ: «эти цитаты я привожу не для антропологовъ, для которыхъ онѣ выражаютъ самую элементарную и давно извѣстную истину, но для археологовъ, между которыми встрѣчаются и теперь еще, даже между замѣчательными учеными, такіе, которые считаютъ значительное число череповъ излишнею роскошью... Я убѣжденъ, что собранный мною краніологическій матеріалъ для курганнаго періода въ Московской губерніи заинтересуетъ своею полнотою и новизною антропологовъ; но мнѣ хотѣлось бы окончить эту замѣтку, что эта коллекція (череповъ московскаго курганнаго племени) и хотя не многіе приведенные здѣсь факты также получатъ нѣкоторое значеніе и въ глазахъ историковъ, и что они не откажутся принять на первыя страницы московской исторіи курганное племя; это сдѣлать имъ тѣмъ легче, что вѣдь эти страницы остаются до сихъ поръ чистыми и нетронутыми» [2]). Точно также Бэръ и Шифнеръ въ своей замѣткѣ «о собираніи доисторическихъ древностей въ Россіи для этнографическаго музея» выразили

---

[1]) Сухомл. „Мат. для истор. просв. въ Россіи“ въ „Ж. м. н. пр.“ 1865 г. октябрь

[2]) „Натур.“ 1866 г. № 15 и 16: кург. племя Моск. губ. г. Богданова.

такой, совершенно справедливый, упрекъ нашимъ прежнимъ археологамъ за пренебреженіе историко-антропологическими и палеонтологическими изслѣдованіями въ Россіи: «что касается Россіи, — говорятъ они, — то у насъ со временъ Карамзина ревностно занимаются тою частію отечественной исторіи, которая основывается на письменныхъ памятникахъ; но колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности, представляетъ еще сырой, неразработанный матеріалъ. Разрывались у насъ курганы, писались объ нихъ всевозможные отчеты; но дѣло въ томъ, что, во 1-хъ, всѣ эти отчеты не подведены подъ общія точки зрѣнія, а, во 2-хъ, нѣтъ общаго и достаточно обширнаго собранія всѣхъ родовъ найденныхъ доисторическихъ предметовъ. Такіе предметы, если они не состоятъ изъ благородныхъ металловъ, часто даже и не сберегаются или по крайней мѣрѣ не вносятся въ общее собраніе. У насъ даже не рѣшено, какъ называть тѣ или другіе предметы. Между тѣмъ всѣ тѣ изъ иностранныхъ ученыхъ, которые серьезно интересуются изслѣдованіемъ древнѣйшей исторіи человѣческаго рода, ждутъ съ нетерпѣніемъ возможно полныхъ извѣстій изъ Россіи, послужившей переходною станціею для древнѣйшихъ образовательныхъ началъ» [1]). Не сдѣлавши такимъ образомъ вполнѣ удовлетворительной и плодотворной разработки историко-археологическихъ матеріаловъ, вслѣдствіе своего односторонняго направленія и отсутствія естественно-научнаго метода, — долговременное преобладаніе историко-археологическаго умонастроенія и мышленія, научныхъ работъ и изслѣдованій, и вообще, было не выгодно для интеллектуальнаго развитія русскаго общества. Можно даже сказать, что все это полустолѣтнее преобладающее историко-археологическое направленіе научныхъ работъ и изслѣдованій, сравнительно съ современнымъ ему движеніемъ естествоиспытующаго разума западной Европы, въ сравненіи съ современными ему открытіями и изслѣдованіями, начиная съ Лавуазье, Лапласа, Уатта, Кювье до Гумбольдта, Дарвина, Либиха и пр., было даже въ нѣкоторомъ отношеніи археологическимъ застоемъ общественнаго интеллектуальнаго развитія, не экономнымъ расходомъ и тратой умственныхъ силъ, археологическимъ воспитаніемъ умовъ въ духѣ древностей, старины, стараго до-петровскаго міросозерцанія. Недаромъ славянофильство развилось и окрѣпло въ это время, особенно со времени управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія Шишкова, который требовалъ, чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ, вмѣсто развитія научнаго мышленія, «высокій славянскій языкъ» и классическо-россійская словесность повсемѣстно были вводимы и одобряемы. Исключительно историко-археологическое направленіе научныхъ изслѣдованій мало развивало въ молодыхъ поколѣніяхъ силу научнаго мышленія, научной интеллигенціи, не выработывало въ умахъ молодыхъ поколѣній точнаго положительнаго міросозерцанія, реальнаго и положительно-критическаго мышленія. Напротивъ, оно больше воспитывало и развивало въ нихъ память, и притомъ большею частію только пассивно-археологическую, рабскую память древ-

[1]) „Записки акад. наукъ“ 1862, т. I, кн. I, стр. 119—120.

ности, старины, безъ раціональной, разсудочной критики давно-отжившихъ принциповъ этой древности и старины. Такимъ образомъ, ультра-археологическое воспитаніе и настроеніе умовъ молодыхъ поколѣній, отвлекая ихъ отъ свѣтлаго горизонта естественно-научнаго міросозерцанія, отъ положительнаго, физико-математическаго, реальнаго мышленія и всецѣло унося и посвящая ихъ въ темную, безжизненную, мертвую область до-исторической миѳологіи и исторической археологіи, не раскрывая при этомъ даже никакой органической, живой связи давно прошедшей древности съ настоящимъ міромъ,—невольно отодвигало, такъ сказать, и общественную умственную жизнь и мыслительность назадъ, въ археологическій мракъ старины, воспитывало общественное умонастроеніе въ духѣ старины, традиціи, преданія и древняго міросозерцанія, замыкало умы въ душную, мертвящую темницу давно прошедшаго, давно отжившаго преданія старины, отвлекая ихъ отъ свѣта новыхъ открытій, отъ животрепещущаго движенія, развитія и жизнедѣятельности естествоиспытательнаго разума. Недаромъ прежніе археологи, зная какъ пять пальцевъ, напр., то или другое мѣсто въ древнемъ рукописномъ требникѣ, или окладъ Мстиславова евангелія, либо «банное строеніе», упоминаемое въ лѣтописи Нестора, и т. п., большею частію ничего не хотѣли знать о новѣйшихъ открытіяхъ въ области естественно-научнаго прогресса. Недаромъ они умственно оставались въ древности, какъ одинъ русскій церковный историкъ—старецъ второй половины XVIII столѣтія, «яко старикъ, остававшійся при старыхъ дѣлахъ». Даже такихъ передовыхъ писателей, какъ Карамзинъ, занимали больше «великіе мужи грамматики», чѣмъ дѣйствительно великіе мужи естествоиспытанія—Лавуазье, Кювье, Уаттъ, Гумбольдтъ, Риттеръ, Либихъ. Вмѣсто того, чтобы отдаться всѣми своими молодыми силами изученію всего того, что тогда живило, двигало и развивало европейскую мысль и жизнь, умы русскіе съ полнѣйшимъ увлеченіемъ занимались, напр., «филологическими догадками о происхожденіи слова «красный», производя его отъ латинскаго слова «grăciae», «историческими справками о крестныхъ ходахъ въ Новодѣвичій монастырь», археологическими находками, вродѣ «набалдашника съ булавы» и т. п., или ихъ занимало и они сообщали публикѣ, для назиданія, «нѣчто о долгихъ и короткихъ слогахъ, о русскихъ гексаметрахъ и ямбахъ», «нѣчто о прошедшихъ временахъ глаголовъ и, какъ костырь, исписывали цѣлыя книги о буквахъ ъ и ь» и т. д. [1]). Наконецъ, ультра-археологическое и палеографическое направленіе умовъ, подавляя въ молодомъ поколѣніи даже и естественное реальное умонастроеніе, природную естественно-научную любознательность, создавало странные археологически-интеллектуальные типы, обращая въ археологовъ молодыхъ людей, рожденныхъ быть естествоиспытателями. Таковъ, напр., былъ знаменитый въ лѣтописяхъ археологіи Калайдовичъ, потомъ умственно разстроившійся. Археологизмъ, можно сказать, заѣлъ, забилъ въ немъ природный естествоиспытательный талантъ. Въ запискѣ, составленной однимъ

[1]) „Вѣстн. Европы", ч. 8, № 7, стр. 200—212, ч. 36, № 23, стр. 199, ч. 124, № 14 и 16, ч. 100, № 15, ч. 130, № 13.

изъ сотоварищей и сверстниковъ Калайдовича по университету, сказано: «духъ любознательности обнаруживался въ немъ еще въ юности. Замѣчательное почему-нибудь ископаемое или насѣкомое, игра природы (lusus naturae), старинная книга или деньга, надгробные памятники—все возбуждало въ немъ любопытство. Онъ занимался минералогіею, ходилъ по берегамъ Москвы рѣки, собиралъ окаменѣлости, имѣлъ гербаріумъ и, вмѣстѣ съ братомъ, составилъ зоологическій кабинетъ, подъ названіемъ Collectio insectorum provinciae mosquensis... Но къ положительнымъ наукамъ и къ изученію иностранныхъ языковъ онъ не прилагалъ особеннаго старанія, что̀ впослѣдствіи много затрудняло его. Это онъ самъ чувствовалъ въ археологическихъ изслѣдованіяхъ... Не столько повинуясь понужденію, онъ, казалось, самъ искалъ предназначеннаго ему поприща, наконецъ нашелъ его и со славою прошелъ по нему» [1]. И какое же было это предназначенное поприще, на которое увлекло замѣчательный талантъ Калайдовича господствовавшее тогда историко-археологическое умонастроеніе, заглушивши въ немъ первоначальное естественное влеченіе къ естественно-научнымъ изслѣдованіямъ? Вмѣсто открытій въ области естествознанія, которыми, быть можетъ, могъ бы ознаменоваться такой сильный умъ, какъ умъ Калайдовича, вслѣдствіе невольнаго увлеченія его господствующимъ потокомъ археологическаго направленія,—лѣтопись русской археологіи и библіографіи возвѣщала ученому міру, какъ о величайшихъ открытіяхъ, составляющихъ эпоху въ исторіи умственнаго развитія въ Россіи, объ открытіи Калайдовичемъ, напр., въ 1813 г. твореній Іоанна Экзарха Болгарскаго, а также твореній Кирилла Туровскаго, приписки на апостолѣ изъ слова о полку Игоревѣ и пр.; изданіе твореній Іоанна Экзарха Болгарскаго названо было «знаменитымъ произведеніемъ», за которое Калайдовичъ осыпанъ былъ привѣтственными письмами отъ корифеевъ археологіи и палеографіи, пожалованъ даже изъ Дворца золотою съ живописью на финифти табакеркою, брильянтовымъ перстнемъ съ цвѣтнымъ камнемъ и пр. [2]). Когда мы это говоримъ, то отнюдь не хотимъ уронить весьма важныхъ въ своей области заслугъ замѣчательнаго историко-археологическаго таланта Калайдовича: онъ открылъ, издалъ и разработалъ необходимые источники и для будущихъ изслѣдованій по русской исторіи. Но мы хотимъ сказать только то, что господствовавшій тогда археологизмъ убивалъ въ талантахъ и природную наклонность къ естествознанію. Нѣкоторые профессора-натуралисты бросали занятіе естественными науками и, увлекаясь общимъ умонастроеніемъ, предавались историко-археологическимъ изысканіямъ. Напр., профессоръ Максимовичъ, въ Москвѣ занимавшійся, по его собственнымъ словамъ, естествознаніемъ, при неизмѣнной помощи философіи,—въ Кіевѣ, увлеченный общимъ потокомъ, страстно предался археологіи и словесности, занялся съ особеннымъ умственнымъ углубленіемъ разборомъ старинныхъ памятниковъ, особенно слова о полку Игоревѣ, рѣшеніемъ историко-архео-

---

[1]) „Чт. общ." 1862 г. кн. III, стр. 9—10.

[2]) Матеріалы для жизнеоп. К. Ѳ. Калайдовича—„Чт. общ." 1862 г. книга III, стр. 1—208.

логическихъ вопросовъ, вродѣ того: «откуда идетъ русская земля?» [1]). Вообще, чрезмѣрное увлеченіе археологіею, какъ славяно-русскою, такъ и классическою, подавляло развитіе реальнаго мышленія и, увлекая умы въ область прошедшаго, въ область древности, питало память и уму сообщало археологическое, антикварное настроеніе. «Учащіеся—по выраженію плана университета 1787 года—напитывались духомъ древняго міра, привыкали дышать съ древними и подобно имъ» [2]). Классическій греко-латинскій археологизмъ, уже совершенно отрѣшенный отъ жизни и умственныхъ интересовъ русскаго народа, въ особенности питалъ только память, воображеніе и эстетическое чувство, эксплуатировалъ реальное мышленіе и изслѣдованіе и создавалъ самые странные, даже уродливые умственные типы археолого-классическіе. Таковъ, напр., былъ Якубовичъ, профессоръ греческихъ и римскихъ древностей въ кіевскомъ университетѣ. Высокій, сухой, дряхлый старикъ, съ рѣдкими сѣдыми волосами и безпрестанно мигающими глазами, онъ совершенно преображался и приходилъ въ юнѣйшій энтузіазмъ, чуть только заходило дѣло о какомъ-нибудь древнемъ словѣ или оборотѣ римскаго писателя, о какомъ-нибудь варіантѣ стиха Виргиліева или Гораціева. Тутъ вся фигура его приходила въ судорожное движеніе и слова лились рѣкою, погоняя другъ друга. Изсушивъ свой умъ въ классико-археологической мертвечинѣ, онъ и въ молодомъ поколѣніи студентовъ и даже въ своемъ любимомъ сынѣ воспитывалъ только классико-археологическую память. Положительныхъ свѣдѣній изъ его грамматическихъ и филологическихъ лекцій студенты, по словамъ Шульгина, вынесли не много. Потерявъ любимаго сына, старый археологъ-классикъ, обливаясь слезами, говорилъ: «что за мальчикъ былъ! 12 лѣтъ зналъ наизустъ двѣ книги Энеиды!» [3]). Вотъ какіе типы воспитывались господствомъ археологическаго направленія въ университетскомъ образованіи. Не говоримъ уже о томъ, какъ такое археологическое воспитаніе и направленіе русскихъ умовъ, развивая больше память старины, чѣмъ живое научное мышленіе, порождало полное забвеніе не только животрепещущихъ вопросовъ современныхъ естественныхъ наукъ и открытій, но и всѣхъ животрепещущихъ вопросовъ современной жизни политической, экономической и народной, погребая умы въ четырехъ стѣнахъ археологическихъ кабинетовъ, въ сводахъ архивовъ, въ подвалахъ и чердакахъ библіотекъ древнихъ монастырей и пустыней. Въ особенности, отжившій классицизмъ, пріучая «дышать съ древними и подобно имъ», отучалъ дышать и жить новою, современною умственною жизнью, порождалъ «мертвыя души», негодныя для живого современнаго дѣла, для животрепещущей реальной современности, училъ—держась за древнихъ—отставать отъ усвоенія новыхъ, безпрерывно возрастающихъ животрепещущихъ идей, потребностей и силъ живого, современнаго прогресса. Сосредоточивая умы на изученіи этихъ лингвистическихъ окаме-

---

[1]) Шульгинъ, 157—158.
[2]) Сухомлин., „Матер. для ист. просв. въ Россіи“, 56.
[3]) Шульг., 121.

нѣлостей—«мертвыхъ языковъ», классицизмъ отвлекалъ отъ изученія живыхъ новыхъ языковъ—этихъ живыхъ силъ и дѣйствующихъ орудій современной и будущей цивилизаціи, отвлекалъ отъ изученія живыхъ, могущественно-прогрессивныхъ произведеній современнаго разума. Уча мыслить идеями Платона, Аристотеля, Цицерона и пр., классицизмъ разучалъ мыслить своимъ природнымъ умомъ, разучалъ мыслить согласно съ идеями Гумбольдтовъ, Дарвиновъ, Тиндалей, Вирхововъ, Гельмгольцевъ, Контовъ, Боклей, убивалъ естественное, свободное и живое саморазвитіе мышленія, убивалъ жизнь и творчество свободной, самостоятельной мысли. Уча дѣйствовать, какъ дѣйствовали Периклы, Демосѳены, Платоны, перипатетики, классицизмъ разучаетъ быть современными гражданами дѣятелями, создаетъ только Максимиліановъ, Юрьевичей, Якубовичей и Катковыхъ, а не Уаттовъ и Аркрайтовъ, не Лассалей и Шульце-Деличей, внушаетъ идеи не реальныхъ политехническихъ школъ, а идеи классическихъ Пританеевъ и Ликеевъ и т. п. «Nous sçavons dire: Cicero dict ainsi! Voilà les moeurs de Platon! Ce sont les mots mesmes d'Aristotel! Mais nous, que disons nous mesmes? que jugeons nous? que faisons nous? Autant en dirait bien un perroquet». Эти слова, сказанныя Монтанемъ [1]) давно, во время близкое къ возстановленію и распространенію классицизма, еще болѣе идутъ къ нашему времени и, въ частности, къ нашимъ учителямъ и гражданамъ-классикамъ.

Далѣе, точно также и такъ-называемыя эстетическія науки развивали преимущественно воображеніе, большею частію ложный, эстетическій вкусъ, фантастическое и идеалистическое направленіе мысли, и подавляли естественное, натуралистическое развитіе реальнаго мышленія и реальной критики. Такое воспитательное значеніе имѣли, напр., въ университетахъ: «Піитика и теорія поэзіи», преподававшаяся Мерзляковымъ въ московскомъ университетѣ съ 1813 г. до половины 1830 г.; «Эстетика и эстетическая археологія», или теорія и исторія изящныхъ искусствъ, читанная съ 1814 до 1817 г. Каченовскимъ по Эшенбуру, Зульцену и Милленю, потомъ Гавриловымъ съ 1825 до 1835 г., съ прибавленіемъ эстетической археологіи по Винкельману; «теорія поэзіи и теорія краснорѣчія» Давыдова (съ 1830 г.); «теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ» Шевырева; лекціи о народной поэзіи и словѣ о полку Игоревѣ—Максимовича, который, по словамъ Шульгина, умѣлъ внушить слушателямъ любовь къ прекрасному и дѣйствовалъ на эстетическое развитіе молодыхъ людей [2]). Въ проектѣ харьковскаго университета предполагалось даже учрежденіе особаго факультета, подъ названіемъ «Отдѣленіе изящныхъ художествъ» [3]). Эстетика преподавалась даже въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Тамъ, при крайнемъ недостаткѣ и даже почти совершенномъ отсутствіи физико-математическихъ наукъ, эстетика, въ связи съ мистико-

---

[1]) „Essais", I. I. chap. 24: „мы только умѣемъ говорить: такъ сказалъ Цицеронъ! Вотъ обычаи Платона! Таковы подлинныя слова Аристотеля! Но мы сами, что скажемъ мы? Какъ мы думаемъ? Что мы дѣлаемъ? А то можетъ сказать и попугай".

[2]) Шев., 448—449, 552—554; Шульг., 122.

[3]) Сухомлиновъ, „Матер. для истор. просвѣщ." въ царств. Александра I. „Ж. м. нар. просвѣщ." 1865, окт., 65—66.

идеалистической и схоластико - метафизической философіей, совершенно забивала реально-раціональное мышленіе. Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ эстетику преподавали даже монахи. Такъ, архимандритъ Леонидъ (1811—1813) начерталъ подробную программу эстетики. Онъ раздѣлялъ ее на теоретическую и практическую. Для характеристики приведемъ здѣсь вкратцѣ положеніе этой длиннѣйшей и сложнѣйшей программы эстетики. Послѣ введенія къ всеобщей теоріи изящнаго, гдѣ изъясняются различныя положенія касательно изящнаго, излагается постоянная точка для началъ изслѣдованій объ изящномъ и опредѣляется понятіе эстетики. послѣ плана теоріи, гдѣ открывается ходъ разныхъ эстетиковъ въ изложеніи правилъ вкуса, въ первомъ отдѣленіи эстетики трактуется: 1) о раздробленіи первоначальной потребности человѣческой интересоваться чѣмъ-либо, о троякомъ эстетическомъ интересѣ—физическомъ, умственномъ и нравственномъ, о различіи между интересомъ свободнымъ и несвободнымъ; 2) о доказательствахъ эстетическаго чувства, о его отличіи отъ вкуса, о мнѣніяхъ разныхъ писателей о вкусѣ, о точкѣ, съ которой начинается чувство прекраснаго; 3) объ опредѣленіи прекраснаго или о прекрасномъ въ отдаленнѣйшемъ смыслѣ; 4) объ отношеніи прекраснаго къ интересному, объ отвратительномъ и эстетическомъ цинизмѣ; 5) объ отношеніи чувства прекраснаго къ фантазіи; 6) о различіи между правильною и неправильною красотою, о томъ, что умозрительная правильность не есть признакъ красоты, и что интереснаго не должно смѣшивать съ неправильною красотою: 7 и 8) объ эстетической формѣ; 9) о граціи, о томъ, что она только чувствуется, и о граціи древнихъ грековъ общежительной, искусственной (артистической), чувственной, нравственной, важной, шутливой; 10) о красотѣ естественной и идеальной. Во второмъ отдѣленіи говорится: о достоинствѣ эстетической формы вообще, объ изящности оптическихъ формъ, объ изящности формъ пластическихъ и акустическихъ, объ эстетической формѣ мыслей и характеровъ. Въ третьемъ отдѣленіи трактуется о высокомъ всякаго рода. Въ практической эстетикѣ излагаются начала красоты артистической относительно ко всѣмъ изящнымъ искусствамъ, происхожденіе и постепенные успѣхи поэзіи и подробно говорится о поэзіи дидактической. эпической, драматической, пастушеской и, наконецъ, о прозаической словесности, краснорѣчіи, витійствѣ и ораторствѣ и пр. Видно, что о. архимандриту не нужно было жалѣть уединенія, времени и бумаги на длиннѣйшую метафизико-идеалистическую ткань своей эстетики [1]). Вообще, вмѣсто того, чтобы воспитывать и развивать въ молодомъ русскомъ поколѣніи глубокое чувство и живую потребность естественной истины, раскрывать ему и всей русской публикѣ великое, благотворное и могущественное вліяніе естественныхъ наукъ на умственное и соціальное развитіе и возбуждать потребность къ серьезному, естественно-научному умственному труду, воспитатели русской мысли, профессора эстетики отвлекали общественную мысль отъ реализма, обольщали ее, какъ, напр., Шевыревъ

[1]) „Истор. с.-петерб. дух. акад.“ И. Чистовича, 201—204.

іами: «о вліяніи поэзіи и краснорѣчія на счастіе гражданскихъ обществъ» [1]), і забавляли русское юношество и общество, какъ Мерзляковъ и Измайловъ, рхъ лекцій, рѣчами и статьями объ изящной словесности и ея пользѣ, ъ изящномъ, о пріятномъ, забавномъ и простодушіи», «объ изящномъ і объ выборѣ въ подражаніи» и т. п. [2]). Это эстетическое воспитаніе ›въ до того, наконецъ, подавляло серьезное положительное, реальное шленіе, что многія самыя естественно-научныя истины приносились въ ртву эстетическому чувству. И въ наше время, «высокообразованныя ıы», вслѣдствіе забитости эстетическимъ воспитаніемъ здраваго, положительнаго мышленія и глубокаго чувства истины, не понимая и не чувуя истинно-изящнаго въ истинахъ и законахъ природы, вмѣсто точнаго, ическаго суда естествоиспытующаго разума, признаютъ критеріемъ ;удьей естественно-научныхъ выводовъ-истинъ свое эстетическое чувство готовы не соглашаться съ точными, положительными, фактическими водами естествознанія потому только, что они не гармонируютъ съ ихъ іным, субъективнымъ и условнымъ эстетическимъ чувствомъ [3]).

Наконецъ, философскія науки, въ нашихъ университетахъ и духовхъ учебныхъ заведеніяхъ, сколько, съ одной стороны, развивали теореіескую или логическую силу мышленія своимъ абстрактно-теоретичеімъ глубокомысліемъ, силою логики и логическою системою умозриьныхъ или теоретическихъ идей, столько же, съ другой стороны, своимъ :тико-идеалистическимъ или метафизико-трансцендентальнымъ умозрѣмъ эксплуатировали и устраняли развитіе индуктивно-логическаго, льнаго мышленія. На ранней зарѣ пробужденія русской мысли и зачатъ наукъ въ Россіи, въ юношески-пылкій и всеувлекающійся возрастъ ой русской мысли, занесена была къ намъ въ университеты германская лософія. Преподавалась она тогда въ самомъ обширномъ объемѣ; читали ику, психологію, метафизику, этику или нравственную философію, филоіію естественнаго права, исторію философіи. Иностранные профессора лософіи Якобъ и Шадъ въ харьковскомъ университетѣ, Буле въ москов›мъ, Паротъ въ дерптскомъ, Фесслеръ въ с.-петербургской дух. академіи іи главными проводниками у насъ нѣмецкой философіи. Всѣ они были :лѣдователями геніальнаго философа Канта, произведшаго въ то время. выраженію Шлоссера, «революцію въ философіи», создавшаго, можно ізать, особую, новую философскую науку «Kritik der reinen Vernunft», ѣ глубокомысленно объясняются законы и границы чистаго разума. «Kritik der practischen Vernunft», гдѣ объясняются законы свободы высшаго блага человѣка, законы практическаго, дѣятельнаго разума. обще, юной русской мысли, послѣ тысячелѣтняго, восточно-византійскаго оицанія мысли, преобладанія вѣры надъ разумомъ и мышленіемъ, для иболѣе возбудительной импульсаціи и пробужденія ея вѣчно-спящихъ

[1]) „Вѣстникъ Европы", ч. 128, № 8.

[2]) „Вѣстн. Евр." 1813 г., ч. 68, № 7, ч. 69, № 11, стр. 190 и др.

[3]) „Одна высокообразованная дама,—говоритъ Беръ,—которой я разсказалъ, что перь въ обычаѣ производить человѣка отъ обезьянъ, воскликнула: какъ это не :тетично!" „Натур." 1865 г., № 24.

силъ, выпалъ историческій жребій возрождаться и пробуждаться въ «великій философскій вѣкъ», XVIII-й, подъ могучимъ импульсомъ и вліяніемъ западнаго разума, западной философіи. Иначе, въ другое время она бы и не пробудилась. Всѣ привѣтствовали, прославляли XVIII вѣкъ вѣкомъ разума, «вѣкомъ философскимъ». Самъ Кантъ говорилъ: «Unser Zeitalter ist das eigentliche Zeitalter der Kritik der reinen Vernunft» [1]). Философы, мыслители, натуралисты торжественно, въ академіяхъ наукъ, передъ королями, привѣтствуютъ и величаютъ XVIII вѣкъ вѣкомъ философскимъ, вѣкомъ разума, указываютъ на философію, какъ просвѣтительницу міра, на силу разума, который рано или поздно преодолѣетъ всѣ преграды, воздвигаемыя темнымъ невѣжествомъ, провозглашаютъ, что владычество разума есть самое сильное, самое знаменитое и не подверженное перемѣнамъ. И у насъ, когда шведскій король, Густавъ III, подъ именемъ графа голландскаго, прибылъ въ Петербургъ (1777) и посѣтилъ академію наукъ, директоръ ея Домашневъ произнесъ на французскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь, содержаніемъ которой было (по объявленію тогдашнихъ вѣдомостей) «доказательство философскаго титла, каковымъ вѣкъ нашъ славится». «Эпоха наша—говорилъ Домашневъ—удостоена названія философской, потому что философскій духъ сталъ духомъ времени, священнымъ началомъ законовъ и нравовъ» [2]). По примѣру иностранныхъ профессоровъ, и русскіе ученые и писатели увлекались философіей вообще и, въ частности, философіей Канта [3]). О философіи заговорили съ восхищеніемъ какъ профессора, такъ и студенты первыхъ временъ университетовъ. Одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей ея называетъ философію наукою, имѣющею величайшее вліяніе не только на всѣ прочія науки, но и на нравы человѣческіе, и предлагающею начала всеобщія, на которыхъ, какъ на основаніи, утверждается всякое изысканіе истины, и дѣйствія не только лицъ, но и цѣлыхъ народовъ. Профессоръ патологіи и терапіи говорилъ: «между всѣми науками по справедливости первое мѣсто можно назначить философіи. Она подаетъ свѣтъ разуму, открываетъ истину и самой волѣ предписываетъ законы. Она развиваетъ понятія гражданскаго общества, опредѣляетъ права и обязанности каждаго, производитъ согласіе между цѣлымъ и его частями. Если деспотизмъ не можетъ терпѣть ея, зато доброму правительству свѣтъ ея всегда любезенъ. По сей-то причинѣ папа Григорій VII употреблялъ всѣ усилія къ ея притѣсненію, напротивъ того Петръ I-й и Фридрихъ II поддержать ее старались». Молодой авторъ-студентъ обращался къ философіи съ восторженнымъ воззваніемъ: «о философія, божественная наука! Ты имѣешь благодѣтельное вліяніе на развитіе дарованій

---

1) „Kritik der reinen Vernunft". Leipzig 1853 г. S. 544.

2) „Истор. рус. лит." Галахова, стр. 399.

3) Профессоръ философіи с.-петербургской дух. академіи фонъ-Хорнъ, наслѣдовавшій Фесслеру, около 1814 года писалъ въ своемъ философскомъ конспектѣ: praecipue secta phanatica eorum, qui systema Kantii sequuntur, postquam risui pariter ac contemtui exposita et argumentis invictis refutata fuit in Germania a viris doctis, et postquam principes Germaniae eam fere extirparunt, efflorescere rursus incipit et vero initare scere in Ruthenia. „Чист. Истор. с.-пб. акад." стр. 200.

я познаній человѣческихъ, ты учишь познавать причины и дѣйствія вещей, зникать въ сущность ихъ; ты усугубляешь наши удовольствія, притупляешь юстріе скорби, одна ты сильна даровать смертныхъ роду истинное счастіе и чистыя удовольствія» и т. д. [1]). Въ частности, философія Канта впервые юзбуждала серьезную борьбу русскихъ умовъ, серьезное упражненіе и ізощреніе ихъ въ теоретической силѣ мышленія [2]). Между тѣмъ какъ одни обвиняли дерзновеннаго Канта, утверждавшаго, что законъ: «нѣтъ дѣйствія безъ причины» есть законъ человѣческаго разума, а не природы, и что потому нельзя и доказывать бытіе верховной причины изъ разсматриванія природы,—другіе защищали систему Канта. Разсматривая различныя философскія системы, русскіе защитники Канта говорили: «нѣкоторые осуждаютъ систему Канта, утверждая, будто она клонится къ подорванію нравственности и религіи, и называютъ Канта безбожнымъ. Но вотъ ея содержаніе: всею строгостью разсматриваются доказательства ума о бытіи Бога безсмертіи души и признаются недостаточными для совершеннаго убѣжденія, потому что умъ руководствуется въ нихъ одними подлежательными началами (законами мышленія), а не предметными... Неужели это значитъ подрывать религію и нравственность, значитъ быть безбожнымъ? напротивъ, критикой чистаго разума указываются предѣлы чистаго разума» [3]). Этико-политическій факультетъ московскаго университета (въ періодъ времени 1807 — 1810 г.) предложилъ задачу для медалей: «какое вліяніе произвело преобразованіе Кантовой философіи не токмо на свободныя науки и ихъ изученіе, но притомъ особенно на всѣ установленія, жизнь и на нравы народные» [4]). Въ литературѣ высказывались мнѣнія, что глубокомысленный Кантъ впервые представилъ незыблемыя основанія нравственности разумныхъ существъ, скрывавшіяся до того времени во мракѣ невѣдѣнія. Сочиненіе Канта о метафизикѣ нравовъ переведено было на русскій языкъ и посвящено Мордвинову, человѣку, извѣстному благородным и независимымъ образомъ мыслей и дѣйствій [5]). Словомъ, полюбило съ самаго начала молодое мыслящее поколѣніе русское философію вообще и, въ частности, философію Канта. И дѣйствительно нужно отдать справедливость этому юношескому увлеченію философскимъ мышленіемъ.

---

[1]) Рѣчь професс. Эрдмана на годич. торжеств. каз. универс. 5 іюля 1815 года: о выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ. Сочин. студентовъ и вольнослушающихъ харьков. унив., читан. въ собр. словеснаго отдѣл. 10 іюля 1817 г. „о истинномъ счастіи" и пр.

[2]) Профес. филос. спб. дух. акад., Фонъ-Хорнъ, смѣнившій послѣдов. Канта Феслера, около 1814 года писалъ въ своемъ философскомъ конспектѣ: praecipue secta и пр.

[3]) Противъ Канта—Перевощиковъ въ рѣчи о пользѣ наукъ вообще, говорен. при открытіи каз. унив. 5 іюля 1814 г.; Лубкинъ — въ рѣчи „возможно ли нравоученію имѣть твердое основаніе независимо отъ религіи", читан. на годичн. торж. каз. универ. іюля 1815 г. и др. За Канта — Срезневскій — въ рѣчи, произн. въ казанск. универс. іюля 1817 года: „о разныхъ системахъ нравоученій, сравненныхъ по ихъ началамъ" и пр.

[4]) „Ист. моск. универ." 398.

[5]) Кантово основаніе для метафизики нравовъ, перев. Як. Рубаномъ. Николаевъ 1803 года.

Оно составляетъ естественный, исторически-необходимый, воспитатель моментъ въ исторіи русской мысли. Послѣ тысячелѣтняго, непосредстве натуральнаго воспитанія и господства низшихъ интеллектуальныхъ собностей—внѣшнихъ чувствъ, памяти, воображенія и вѣрованія над зумомъ и мышленіемъ,—необходимо было, наконецъ, пробужденіе и изо ніе высшей, теоретической или отвлеченно-логической, философской мышленія. Такое предварительное изощреніе теоретической мыслитель необходимо было для приготовленія русской мысли къ успѣшной и дотворной работѣ во всѣхъ областяхъ наукъ и въ особенности въ сти наукъ физико-математическихъ. Такое философское горнило искуп и изощренія прошла и всеобщая европейская мысль. Европейскіе умы чала тоже, такъ сказать, искусились въ горнилѣ философскаго мыш прошли путь метафизической философіи и потомъ вступили въ храм новой, великой, истинной и міропросвѣтительной философіи, которую дали: геній Ньютона въ его «Philosophiae naturalis principia mathema геній Лавуазье въ его «Philosophie chemique», Ламаркъ въ его «Philos zoologique», Сентъ Илеръ въ его «Philosophie anatomique», Контъ «Philosophie positive», Амперъ—въ «Philosophie des Sciences», Гумбольд въ философіи Космоса и пр. Такъ и юные русскіе умы, только-что р шіеся и, такъ сказать, крестившіеся во имя европейскаго разума Х вѣка, только-что прерывавшіе органическую, родственную связь съ во нымъ, финскимъ, турко-татарскимъ и монгольскимъ умонастроен и вступавшіе въ родственный союзъ съ западно-европейскимъ разу и въ область европейскихъ идей и наукъ, — сначала должны были ститься, искуситься въ горнилѣ философіи, утончить, изощрить ея г комысліемъ свои мыслительныя силы, чтобы потомъ съ укрѣплен и развитыми силами вступить въ область реальнаго, естествоиспыта наго мышленія и изслѣдованія. Въ такомъ только процессѣ самоизощ восточный складъ русской мысли могъ возродиться въ высокій, мо интеллектуальный типъ европейскаго разума. Русскимъ умамъ сна нужно было еще учиться у западно-философской мысли, на первой самому процессу мышленія, мыслительной работы, нужно было пр отвлеченно мыслить, упражнять, изощрять силу чистаго, логиче разсудочнаго мышленія, нужно было приучаться къ серьезной, г ной, разсудочной работѣ, хотя, на первыхъ порахъ, готовыми ло скими выводами западнаго разума, западной мысли и философіи. І падная философія comme une excellente gymnastique de l'esprit, по н женію Клода Бернара, была лучшимъ для этого средствомъ. Фило по опредѣленію Канта, какъ метафизика природы и свободы («Meta der Natur und der Freiheit»), какъ раціональная космологія и раціона физіологія (der rationalen Kosmologie und der rationalen Phisiologie), до была заразъ открыть и освѣтить русскимъ умамъ, во всей абстрак умозрительной цѣлости и общности, весь космо-антропологическій, фи соціальный кругозоръ міросозерцанія—все безпредѣльное, космическое идей и изслѣдованій разума, должна была, такимъ образомъ, затрону мысли всѣ основные, животрепещущіе міровые вопросы пытливой че

кой мысли. Тогда могъ возбудиться и въ русскихъ умахъ тотъ духъ гливости и разумнаго сомнѣнія, какой создавалъ и создаетъ міровой грессъ европейскаго разума. Тогда могъ и восточный умственный складъ скаго народа, апатичный, застойчивый, возродиться въ живой, поіжной, прогрессивный европейскій интеллектуальный типъ. Новыя, евроскія умственныя свойства русскаго народа, его умственная самостояьность и подвижность — говорилось съ университетскихъ каѳедръ въ іодъ господства у насъ европейской философіи — должны вырабатыъся подъ вліяніемъ началъ, которыми неизбѣжно проникается цивилиія новыхъ, западныхъ народовъ, каковы были начала философіи XVIII са [1]). И дѣйствительно, затрагивая общіе и великіе вопросы, къ котомъ нельзя остаться равнодушнымъ, при первой работѣ мышленія, фиофія сводила умы русскіе въ новую и высшую сферу мысли, чуждую плостей и предразсудковъ, располагала къ умственному труду и пріуа цѣнить и уважать его. Для того, чтобы отдаться вполнѣ умственной отѣ, чтобы посвятить себя, въ обществѣ полуобразованномъ, восточномъ, бомъ, ученому труду, изслѣдованіямъ, надо было дѣлать усилія, напряъ мысль, выдержать трудную борьбу, — и на эту славную, трудную ьбу вызывала философія своимъ ученіемъ о противорѣчіи идеала и дѣйнтельности, о достоинствѣ и правахъ человѣческаго разума. Одинъ алъ философа, — по изображенію Канта, — какъ законодателя разума, альнаго учителя, пользующагося выводами этихъ, такъ сказать, учеовъ мастеровъ и работниковъ разума (Vernunft-Künstler)—математиковъ, уралистовъ, логиковъ, одинъ идеалъ философіи, какъ законодательства овѣческаго разума, объясняющаго законы природы и законы свободы, іи эти идеалы должны были до энтузіазма возбуждать на первой порѣ ую русскую мысль [2]). И вотъ почему, они съ самаго начала такъ сильно іеклись германскою философіею.

Но, съ другой стороны, все ли хорошо, все ли полезно было для звитія русской мысли въ этомъ философскомъ увлеченіи русскихъ умовъ? сожалѣнію, утвердительно нельзя сказать. При недостаткѣ предвариьнаго, генеративно - историческаго и самостоятельнаго философскаго

[1]) Рѣчи, произн. въ торж. собр. Харьковск. универс. 17 января, 1812 г. „Geist der rarischen Cultur des Orients und Occidents“, von Reicht.

[2]) Мы позволяемъ себѣ здѣсь выписать подлинныя слова Канта о значеніи лософа: „Der Philosoph ist nicht ein Vernunftkünstler, sondern der Gesetzgeber r menschlichen Vernunft... Der Mathematiker, der Naturkündiger, der Loer sind, so fortrefflich die ersteren auch überhaupt im Vernunfterkenntnisse, die iten besonders im philosophischen Erkenntnisse Fortgang haben mögen, doch nur rnunftkünstler. Es gibt noch einen Lehrer im Ideal, der alle diese ansetzt, als Werkzeuge nutzt, um die wesentlichen Zwecke der menschlichen Vernunft zu ördern... Die Gesetzgebung der menschlichen Vernunft (Philosophie) hat nun zwei genstände, Natur und Freiheit, und enthält also sowohl das Naturgesetz, auch das Sittengesetz, anfangs in zwei besondern, zuletzt aber in einem einen philosophischen System. Die Philosophie der Natur geht auf Alles, was da ist, der Sitten nur auf das, was da sein soll („Kritik der reinen Vernunft“. Leipzig, 3. S. 594—595).

развитія и укрѣпленія русской мысли—метафизическая, трансцендентальная философія въ незрѣлыхъ русскихъ умахъ воспитывала большею частію только схоластико-идеалистическое умонастроеніе и мышленіе. А вслѣдствіе вѣкового воспитанія русской мысли въ духѣ византійскаго схоластическаго мистицизма она давала только схоластическую опору мистико-метафизической реакціи противъ только-что возникавшей реальной мысли и критики. Идеальная, метафизическая философія, возвѣстившая словами Шеллинга принципъ: «размышлять о природѣ значитъ создавать природу», или узаконившая въ ученіи Канта «Metaphysik der Natur», по которой даже Naturwissenschaft (physica) enthält synthetische Urtheile a p r i o r i als Principien in sich, такая трансцендентальная, метафизическая философія воспитывала въ нашихъ молодыхъ поколѣніяхъ одно абстрактно-идеалистическое и схоластико-метафизическое мышленіе. Таково было философское воспитаніе русской мысли подъ руководствомъ нѣмецкихъ профессоровъ Якоба, Шада и особенно Фесслера. У насъ, при незрѣлости реальнаго мышленія, оно было тѣмъ вреднѣе, что не только русское юношество, но и сами профессора часто не понимали вполнѣ и перетолковывали германскихъ философовъ въ своемъ смыслѣ. Русскіе профессора философіи, внося въ свои философскія системы натурфилософскія и трансцендентально-идеалистическія идеи Канта, Шеллинга, идеи Кантовой н а у к и о п р и р о д ѣ (Naturwissenschaft) и Шеллинговой ф и л о с о ф і и о п р и р о д ѣ (Philosophie der Natur или Naturphilosophie), такимъ образомъ отучали русскіе умы отъ строго-реалистическаго, положительнаго, экспериментальнаго мышленія и познанія. Шеллингъ, напримѣръ, философствовалъ, что «только та теорія можетъ быть исключительно истинна, которая дознана или построена a priori», что природа возможна только при абсолютной тожественности съ разумомъ, присущимъ намъ (nicht nur ausdrücke, sondern selbst realisire), что природа есть ничто иное, какъ видимое осуществленіе нашего ума (absolute Identität), что размышлять о природѣ значитъ создавать природу (über die Natur philosophiren heisst die Natur schaffen), что природа есть реализація, отраженіе, копія или физическое выраженіе мыслей божественнаго ума и пр. Такія идеи, увлекавшія умы и русскихъ философовъ-нѣмцевъ и даже нѣкоторыхъ натуралистовъ, подрывали или отрицали самый принципъ экспериментальнаго метода мышленія и познанія, который и безъ того не получилъ еще надлежащаго приложенія и развитія въ русской наукѣ. Нѣкоторые наши профессора-натуралисты, вродѣ Павлова, вмѣсто строго-экспериментальныхъ изслѣдованій при помощи математики, вдавались въ идеалистическія умствованія о природѣ a priori, по метафизическимъ идеямъ Шеллинговой натуръ-философіи. Но особенно затемняла русскіе умы и отдаляла ихъ отъ реальнаго мышленія мистико-идеалистическая философія, вродѣ туманной мистической философіи Фесслера, профессора с.-петербургской дух. академіи (1810). Такъ какъ схоластико-метафизическій мистицизмъ Фесслера у насъ былъ довольно распространенъ, особенно въ духовномъ ученомъ сословіи, то мы изложимъ здѣсь, для примѣра, главныя мысли этого философа. «Подъ именемъ философіи—говоритъ онъ—понимаю я очевидное знаніе разума и дѣятельнѣйшую жизнь духа;

ючитаю религію свѣтомъ сей жизни и живоносным началомъ; совершство духа полагаю во внутреннемъ гармоническомъ согласіи между умомъ, разсудкомъ, воображеніемъ и внутреннимъ чувствомъ. Совершеню философіи поставляю я въ полномъ единеніи и сообразности съ единою, іною и божественною религіею І. Христа. Я точно и рѣшительно различаю умъ (ratio) отъ разсудка (intellectus), идеи (idea) отъ понятій (conceptus). езъ разумъ я понимаю ту силу или способность, которой все дѣло соитъ въ идеяхъ и которая изъ первоначальной всеобщей врожденной и Бога произрождаетъ свои общія идеи и отражаетъ ихъ въ разсудкѣ зъ зеркало сознанія. Разсудкомъ я называю ту силу или способность, орая отраженіе идей разума, равно какъ и представленія чувственныя, согласіи постигаетъ, объемлетъ, преображаетъ въ понятія. Врожденной уму, вѣчной и первоначальной идеѣ о Богѣ безконечномъ и всецѣломъ риписываю подлежательную и предметную вещественность (realitatem). тоту и очевидность въ отношеніи къ разуму; а понятіямъ, образуемымъ , нея чрезъ разсудокъ, принадлежитъ, по моему мнѣнію, только условная щественность и истина. Предметъ непосредственной дѣятельности для ерцательнаго разума есть міръ невидимый, вѣчный, божественный, ля отвлекающаго и умозаключающаго разсудка міръ только чувственный. лософія моя прямо направляется къ раскрытію и истолкованію внунней связи, которая находится между религіей и философіей, между гочестіемъ и образомъ мудрованія. Она разсматриваетъ идеи о Богѣ, вободѣ, о безсмертіи не какъ простые постуляты практическаго разсудка, поелику они суть очевидное знаніе созерцающаго разума, который вѣчивается въ образовавшихся изъ онаго понятіяхъ и составляетъ ую сущность внутренней жизни человѣка, какъ въ разсужденіи ея ерцательности, такъ и въ разсужденіи дѣятельности». Фесслеръ раздѣлъ свою философію на двѣ части: теоретическую и практическую. Въ тавъ первой отнесены: логика и метафизика природы, или система неодимыхъ и всеобщихъ началъ и законовъ, касающихся до идей разума до существъ, которыя составляютъ предметы представительной филоіи; части ея суть: умственная онтологія, физіологія природы, умственная мологія, умственное богопочтеніе и эмпирическая психологія. Практикую часть составляли всѣ тѣ науки, которыя разсматриваютъ разумъ съ благоразуміе (consilium) и волю, начало дѣятельное, именно — нравенная метафизика (metaphisica morum) и этика и естественное право [1]).

Такъ отъ недостатка или неустановленности истиннаго метода разія мышленія и научнаго изслѣдованія мысль русская уклонялась отъ ественнаго экспериментальнаго или реальнаго развитія. Не было цѣльо, гармоническаго воспитанія и развитія всѣхъ интеллектуальныхъ, навательныхъ способностей—и внѣшнихъ чувствъ, и памяти, и воображнія, и мышленія. Въ археологизмѣ преимущественно изощрялась и упражлась память, въ метафизикѣ—схоластическое мышленіе, въ эстетикѣ—ображеніе и т. п. Между тѣмъ, по естественному закону и ходу мышленія

---

[1]) Чистовича „Истор. с.-петербург. дух. академ.“, стр 193—196.

и познанія, какъ говоритъ Изидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ, всѣ три момента нашего мышленія и источники познанія, раздѣленные и обозначенные Бакономъ—память, объясняющая исторію, воображеніе, создавшее поэзію, и разумъ, выработавшій философію, «стремятся одинъ къ другому, смѣшиваются и часто даже совершенно сливаются, такъ что часто факты добыты наблюденіемъ, мысль создана воображеніемъ и выводъ полученъ мышленіемъ, и всѣ вмѣстѣ суть только части одной и той же общей истины, составляютъ данныя какъ-бы одного и того же умозаключенія. И нѣтъ такой теоріи, внѣ круга наукъ математическихъ, которая не основывалась бы какъ на познаніяхъ памяти, такъ и на познаніяхъ разума и въ которой не выражалось бы въ большей или меньшей степени участіе третьяго источника—воображенія» [1]. У насъ еще далеко не было этой цѣльности интеллектуальнаго воспитанія и развитія, и память и воображеніе, увлекая разумъ въ археологическій мракъ древности, въ заоблачныя сферы эстетики и въ фантастически-идеалистическія абстракціи трансцендентальной философіи, эксплуатировали естественное, реальное воспитаніе, направленіе и развитіе мысли. Г. Шульгинъ, такъ, напр., характеризуетъ общее направленіе интеллектуальнаго развитія молодого поколѣнія въ кіевскомъ университетѣ, въ періодъ времени 1834—1840 г.: «вообще изъ разсказовъ студентовъ современниковъ видно, что умственная дѣятельность студентовъ отличалась по преимуществу философскимъ и отчасти чисто-литературнымъ направленіемъ. Это становится понятнымъ, если сообразимъ, что въ молодыхъ людяхъ, выносившихъ изъ первоначальнаго воспитанія довольно бѣдный запасъ положительныхъ свѣдѣній, возбуждена была пытливость ума философскими лекціями и вообще университетскимъ преподаваніемъ, которое не только въ словесномъ, но и въ юридическомъ факультетѣ отличалось философскимъ характеромъ. Профессоры: Новицкій, Неволинъ и Богородскій, которые тогда пользовались особенною славою у студентовъ, были главными двигателями этого направленія. Далѣе, во второмъ отдѣленіи философскаго факультета, въ лекціяхъ профессора Зеновича по химіи преобладало направленіе болѣе метафизическое, нежели опытное. Любовь къ изящной словесности и упражненія въ чисто-литературныхъ произведеніяхъ навѣяны были лекціями и критическими разборами профессора Максимовича. Ни одинъ изъ послѣдующихъ выпусковъ не былъ такъ богатъ филологами, какъ первый и второй; но труженики-филологи работали особнякомъ, не принимая участія въ общей литературной дѣятельности студентовъ. Ихъ можно назвать не произведеніемъ университета, но результатомъ той классической латыни, которая такъ долго господствовала въ западно-русскомъ краѣ. Вообще въ своихъ учено-литературныхъ бесѣдахъ и въ своихъ сочиненіяхъ соціальными вопросами студенты не интересовались. Да оно и понятно: соціальное направленіе, которымъ сильно стала отзываться въ то время наука и литература западной Европы, въ Россіи извѣстно было только по слуху, да и то въ столицахъ, а въ здѣшнюю глушь вовсе не проникало. Профессоры исторіи въ универ-

[1] „Общая біологія", ч. I, стр. 205.

ситетѣ св. Владиміра [1]) едва-ли были знакомы съ общественными движеніями запада. Лучшія сочиненія, поданныя студентами перваго отдѣленія философскаго факультета въ періодъ съ 1834 до 1840 годъ, поименованныя въ офиціальныхъ отчетахъ, были слѣдующія: 1) Мих. Тулова: «о значеніи и достоинствѣ логики»; 2) Кондр. Страшкевича: «de contextu Iliadis et Odyssea»; 3) Валер. Гирша: «de Romanorum satira»; 4) Ник. Шаверновскаго: «de diis graecorum epicis» и т. п. [2]).

Во времена такого преобладанія филолого-археологическаго и метафизико-идеалистическаго направленія, только немногіе мыслители, стоявшіе во главѣ научной мыслительности въ Россіи, вполнѣ понимали истинное умственно-образовательное значеніе положительнаго, реальнаго и аналитическаго метода научнаго мышленія и изслѣдованія. И эти-то немногіе приверженцы и представители индуктивнаго анализа и реализма рѣшительно отстаивали принципъ аналитическаго и экспериментальнаго метода, твердо стояли за реалистическое направленіе и развитіе мышленія и возстали противъ всякихъ идеалистическихъ уклоненій мысли въ наукѣ. Во-первыхъ, въ самой области философіи, профессоръ философіи Шаденъ сильно возсталъ противъ односторонности метафизико-идеалистическаго умозрѣнія въ наукѣ. Разбирая оба способа мышленія и изслѣдованія, аналитическій и синтетическій, философъ утверждалъ, что одинъ безъ другого недостаточенъ, и совѣтовалъ начинать съ анализа и переходить къ синтезу. Противъ односторонности метафизико-идеалистическаго умозрѣнія въ наукѣ онъ говорилъ: «повѣрьте, и доднесь бы человѣческій родъ стеналъ подъ симъ столь мучительнымъ суетнаго умозрѣнія бременемъ, если бы, въ изслѣдованія вещей и природы вникнувъ, испытаніе не воздвигало Баконовъ Картезіевъ, Невтоновъ, Лейбницевъ, Вольфіевъ... Препираются философы, законоучители препираются, прѣнія врачи творятъ,—единственно математики въ необуреваемомъ и тихомъ пристанищѣ наслаждаются покоемъ». Въ области естествознанія философико-метафизическій идеализмъ еще болѣе былъ не умѣстенъ. Такъ, со стороны естественныхъ наукъ, профессоръ медицины Мудровъ возсталъ за умственно-воспитательныя и познавательныя права внѣшнихъ чувствъ и разума, за реалистическое, экспериментальное развитіе мышленія и знанія и вооружился противъ преобладанія памяти и воображенія, противъ фантастически-идеалистическаго направленія научной мысли. «Идеальное знаніе—говоритъ онъ—пріобрѣтается чтеніемъ и исчезаетъ со звономъ въ ушахъ слушателей за порогомъ школы. Существенное или предметное ученіе есть изслѣдованіе вещи чувствами въ порядкѣ умозрѣнія, соотвѣтственномъ вещи. Глаза, руки и орудія должны строить зданіе онаго въ головѣ, а не память, не воображеніе, которыя строятъ фантомы. Плоды памяти и воображенія, собранные въ кабинетѣ, сколь ни казисты на профессорскомъ стулѣ, обманываютъ только голодъ учащихся, а не питаютъ, т. е. не даютъ ни росту,

---

[1]) Страшкевичъ, Левандовскій, Шаверновскій, Петрашкевичъ, Винницкій, Черный.
[2]) „Истор. унив. св. Владим.“, 195—197.

ни силы» [1]). Въ «Чертежѣ практическихъ наукъ, снятомъ съ училищъ Германіи и Франціи», Мудровъ постоянно повторялъ, подобно Клоду Бернару, такія мысли и требованія относительно раціонально-эмпирическаго, эксперимитальнаго метода изслѣдованія въ области медицины: «Въ госпиталяхъ надо пріучать глаза, руки, умъ и сердце учащихся... чувствами видѣнія и осязанія должно изслѣдовать и излагать механическія причины поврежденій въ строеніи важныхъ частей тѣла... Будучи поучаемъ ежегодными перемѣнами модныхъ теорій, я не вижу другой дороги добиться истины, кромѣ строгаго изслѣдованія болѣзненныхъ произведеній. Оно мнѣ представляется единственнымъ средствомъ, могущимъ разогнать мракъ, въ коемъ погружена патологія хирургическая... Между выгодами, кои обѣщаетъ намъ сіе ученіе, по справедливости можно считать поправленіе теорій. Онѣ вскружили всѣмъ голову. Ибо гораздо легче умничать, чѣмъ работать надъ данными, и несравненно пріятнѣе ткать блистательныя умозаключенія, чѣмъ признаваться въ незнаніи... Надъ трупомъ мы будемъ ближе подходить къ истинѣ, изслѣдывая произведеніе болѣзни и сравнивая минувшія явленія съ существомъ оной. Разбогатѣвъ въ сихъ данныхъ истинахъ, кои суть награды безпрестанныхъ трудовъ, мы дойдемъ со временемъ до важныхъ открытій, кои полезнѣе будутъ, чѣмъ всѣ теоріи... При множествѣ пустыхъ книгъ, коими наводненъ свѣтъ, нѣтъ другого способа освободиться отъ грезъ и упрямыхъ споровъ, какъ только спрашиваться у натуры, никогда не ложной. На сей дорогѣ мы сначала проиграемъ въ многоучености, которая вездѣ была врагомъ трудолюбія и всегда жила чужимъ умомъ, но вѣрные результаты, почерпнутые изъ свѣтлаго источника натуры, обильнѣе вознаградятъ современемъ труды, съ терпѣніемъ понесенные» [2]). Какъ Мудровъ стоялъ за сенсуально-логическое, раціонально-реалистическое, экспериментальное мышленіе и изслѣдованіе въ сферѣ практическихъ медицинскихъ наукъ,—такъ профессоръ математики въ харьковскомъ университетѣ, Осиповскій, во имя высшаго идеала сокращеннаго и обобщеннаго математическаго мышленія и вычисленія, во имя истинъ вѣчныхъ, существенно-отвлеченныхъ, безотносительныхъ, непреложныхъ истинъ математическихъ,—возсталъ противъ метафизико-идеалистическаго воспитанія и направленія мышленія. Представитель строгаго реализма въ университетской наукѣ и самаго точнаго, положительнаго метода мышленія—математическаго, Осиповскій, подобно нѣкоторымъ другимъ профессорамъ физико-математическихъ факультетовъ, смѣло усумнился во всѣхъ авторитетахъ философіи, даже въ авторитетѣ Канта и, во имя экспериментальнаго и математическаго мышленія и анализа, возвысилъ смѣлый критически-отрицательный голосъ противъ идеализма, поддерживаемаго философіею. Въ лицѣ Канта, какъ вождя новой философіи, произведшей революцію въ умахъ, смутившей цѣлое поколѣніе, онъ осуждалъ возвращеніе къ древнему идеализму, разсѣянному великими откры-

[1]) Письмо отъ 30 дек. 1805 г. къ попеч. моск. уч. окр. Муравьеву. „Чт. общ.“ 1862 г., кн. II, отд. V, стр. 67.

[2]) „Чт. общ.“ 1862, кн. II, отд. V, стр. 36, 48, 50—51 и 52.

тіями геніальныхъ умовъ. Опровергая динамическую систему Канта и его ученіе о пространствѣ и времени, Осиповскій говоритъ: «если прочтемъ изложеніе мнѣній и ученій древнихъ греческихъ философовъ, то увидимъ, что нравственныя и математическія ихъ сужденія были вообще хороши, но сужденія ихъ о разныхъ явленіяхъ природы большею частію странны и даже смѣшны. Отъ чего же это происходило? Отъ того, что они искали всѣхъ познаній единственно въ самихъ себѣ. И дѣйствительно, довольно только познать намъ самихъ себя, чтобы потомъ, чрезъ приложеніе своихъ чувствованій къ другимъ, почерпнуть почти всѣ правила нравственности изъ самихъ себя. Но дабы познать законы какого-либо явленія природы, для сего надлежитъ сперва разсматривать его въ разныя времена, въ разныхъ видахъ, въ разныхъ отношеніяхъ къ другимъ явленіямъ, имѣющимъ дѣйствительное или видимое только вліяніе на него, въ коихъ оно оказывается наиотдѣльнѣе отъ прочихъ совмѣстныхъ явленій, а потомъ уже и дѣлать свои о немъ заключенія. Въ древнихъ философахъ находится множество неосновательныхъ заключеній, изъ которыхъ нѣкоторыя перешли и въ европейскія училища и преподаваемы были въ нихъ какъ законы. Благодаря вразумленіямъ Баконовъ, Декартовъ и другихъ, системы эти мало-по-малу теряли свою довѣренность, и ученые Европы радовались, видя освобожденіе отъ раболѣпственнаго къ нимъ вниманія. Но съ недавняго времени духъ древнихъ греческихъ философовъ опять началъ возникать въ Германіи; опять начали умствовать о природѣ a priori; и опять начали появляться системы одна другой страннѣе» [1]. Желая предостеречь легкоувлекающуюся русскую мысль отъ философскаго идеализма и обратить ее на путь положительнаго, реальнаго мышленія, Осиповскій нападалъ на русскихъ профессоровъ философовъ-идеалистовъ. О сочиненіи проф. Шада Осиповскій отзывается слѣд. образомъ: «Логика Шада, раздѣленная на чистую и прикладную, состоитъ болѣе въ трансцендентальномъ умствованіи о мірѣ, Богѣ и душѣ нашей, нежели въ изложеніи законовъ ума. Умъ человѣческій, по ученію Шада, имѣетъ двѣ степени: разумъ (intellectus) и разсудокъ (ratio). Разумъ занимается только тѣмъ, что намъ представляютъ чувства, и судитъ о немъ такъ, какъ представляютъ чувства, т. е. видитъ одни различія предметовъ и, находя въ нихъ нѣкоторыя сходства, приводитъ ихъ въ виды и роды и наконецъ доходитъ до категорій, какъ послѣдняго своего произведенія, до коего достигнуть можетъ. Разсудокъ занимается только самъ съ собою и судитъ о вещественности предметовъ по возможности ихъ бытія, такъ что гдѣ находитъ совершенную возможность, тамъ увѣряется и въ дѣйствительности существованія предмета. А для большей увѣренности въ заключеніяхъ, Шадъ предпологаетъ существующее между мыслію и вещественностію предопредѣленное согласіе (harmonia praestabilita), такъ что если что есть въ мысли, тому уже соотвѣтствуетъ вещественность, и обратно.

---

[1] Осиповскаго: о пространствѣ и времени—рѣчь въ собраніи харьковск. универс. 30 августа 1807 г.; разсужд. о динам. системѣ Канта—рѣчь въ собр. харьк. унив. 30 авг. 1813 года.

Разумъ видитъ и сноситъ разногласія, но разсудокъ разногласія не терпитъ и ищетъ во всемъ согласія. Умъ человѣческій, обращенный на міръ, видитъ въ немъ (по разуму) двѣ главныя противности—тѣлесность и духовность, а разсудокъ, не терпя противоположностей, внушаетъ ему, что сіи противоположности только видимыя, а въ самомъ дѣлѣ составляютъ тождество, и что должно быть absolutum, въ которомъ находится основаніе тождества и причина противоположностей. Изъ absolutum истекаютъ двѣ коренныя силы, раздѣленныя въ разныхъ составныхъ частяхъ міра въ разной пропорціи и черезъ то производящія разныя постепенности сихъ частей, возвышающія ихъ отъ самой грубой матеріальности до высшей духовности. Силы сіи производятъ въ природѣ эволюцію, переводя ее всегда изъ низшаго состоянія въ высшее; нѣкогда камень будетъ животнымъ, а потомъ человѣкомъ и т. д. Каждый изъ философовъ нѣмецкихъ, какъ будто для хвастовства, отличался отъ прочихъ бо̀льшимъ или меньшимъ количествомъ странностей въ мысляхъ, но каждый отличался своими странностями, а нашъ философъ, принявъ подъ свой покровъ странности всѣхъ, прибавилъ къ нимъ еще столько же своихъ» [1]).

Наконецъ, долговременное преобладаніе замкнуто-отвлеченнаго, эстетическаго, антикварно-археологическаго и въ особенности метафизико-идеалистическаго воспитанія и направленія умовъ крайне односторонне и невыгодно было еще въ томъ отношеніи, что оно еще больше отдаляло отъ высшей, мыслительной жизни, отъ наукъ и знаній темную массу рабочаго народа, и безъ того уже de facto и de jure исключенную изъ общечеловѣческой области науки и мысли. Какъ метафизико-схоластическій идеализмъ, по самой отвлеченности своей, чуждъ, недоступенъ для массы народной и для живыхъ интересовъ реально-практической жизни народной, такъ и эстетическій идеализмъ, по преобладанію въ немъ чувства личности (personnalité), слишкомъ эгоистиченъ, индивидуаленъ, тогда какъ экспериментальное знаніе безлично (impersonnelle), всеобще, всенародно, представляетъ существенный всеобщій, такъ сказать, соціально-демократическій принципъ. Клодъ Бернаръ такъ выражаетъ эту мысль: «La méthode expérimentale puise en elle-même une autorité impersonnelle qui domine la science... Pour les arts et lettres, la personnalité domine tout... Un poète contemporain a caractérisé ce sentiment de la personnalité de l'art et de l'impersonnalité de la science par ces mots: l'art, c'est moi; la science, c'est nous» [2]). Какъ эстетическій идеализмъ, уже вслѣдствіе преобладанія въ немъ субъективности, личности, не представляетъ всеобщаго, всенароднаго образовательнаго начала, такъ вообще всякое не реальное, идеалистическое ученіе не имѣетъ универсальнаго, общеобразовательнаго значенія, также большею частію лично, субъективно и потому произвольно и не всеобще, не всенародно. И опытъ умственнаго воспитанія русскаго общества въ періодъ археологическаго, эстетическаго и схоластико-идеалистическаго направленія русской мысли какъ нельзя болѣе фактично подтвердилъ эту

[1]) „Журн. мин. нар. просвѣщ." 1865 г., октябрь, стр. 111—112.

[2]) „Introduction à l'étude de la médecine experimentale", p. 74—75.

мысль. Отрѣшаясь отъ реальнаго міра и отъ реальныхъ наукъ, погребаясь въ давно отжившей старинѣ археологіи и палеографіи, уносясь на высокопарныхъ крыльяхъ абстрактнаго умозрѣнія въ заоблачныя высоты трансцендентальной философіи, метафизики, онтологіи и эстетики, или въ непостижимый супранатуральный, спиритуалистическій міръ ученой системы теологіи, и замыкаясь, обособляясь въ ученыхъ кабинетахъ, архивахъ, музеумахъ, кунстъ-камерахъ, монастырскихъ книгохранилищахъ и т. п., все это антикварно-археологическое и метафизико-идеалистическое направленіе ученой мысли неизбѣжно становилось, такъ сказать, монопольно-аристократичнымъ, или аскетично - отрѣшеннымъ отъ реальнаго міра и жизни, замкнуто-кабинетнымъ и архивнымъ. Оно, такимъ образомъ, еще болѣе увеличивало ту демаркаціонную пропасть между наукой и жизнью, между научно-мыслящимъ классомъ и массой рабочаго народа, которая и безъ того уже почти непроходимо проведена была всѣмъ прежнимъ археологическимъ и идеалистическимъ направленіемъ исторіи. Замкнуто-архивный археологизмъ и метафизическій и эстетическій идеализмъ были китайской стѣной преграды между наукой и жизнью, между научно-мыслящимъ классомъ и рабочимъ народомъ, и еще болѣе дѣлали науки и интересы мысли недоступными, непонятными и чуждыми народу, рабочей массѣ. Вообще, вслѣдствіе такого направленія научнаго мышленія, умственная, мыслительная жизнь еще болѣе становилась, какъ мы сказали, аристократичною и чуждою массѣ народа, тогда какъ реальное, естественно-научное мышленіе, образованіе и міросозерцаніе, по самому существу своему, всенародно, демократично. И свѣтъ науки, такимъ обраомъ, во тьмѣ не свѣтился, и массы рабочаго народа все болѣе и болѣе отрѣшались отъ свѣта высшаго ученія и, такъ сказать, физіологически-наслѣдственно закоснѣвали въ упорномъ отчужденіи отъ наукъ, воспитывались въ своемъ заколдованно-замкнутомъ кругѣ миѳологическаго суевѣрія и невѣжества. И буддійскій хогосолъ или пропасть между научною мыслью и работой, — напр., между идеей Добантона или Дарвина и работой звѣролова, пастуха или скотовода, между идеей Линнея, Декандоля и Либиха и работой земледѣльца и садовода и т. д., все болѣе и болѣе увеличивалась, наполняясь метафизико-идеалистическимъ міромъ эстетиковъ, метафизиковъ, археологовъ, палеографовъ и всякаго рода идеалистовъ, схоластиковъ и систематиковъ. Оттого-то, и самый насущный, роковой вопросъ о научномъ раціонализированіи физическаго, экономическаго и соціальнаго міросозерцанія рабочаго народа всегда оставался и доселѣ остается вопросомъ совершенно чуждымъ этому отвлеченному міру метафизиковъ, эстетиковъ, археологовъ и идеалистовъ. Вообще, преобладаніе отвлеченнаго, метафизико-идеалистическаго направленія научной мысли такъ очевидно эксплуатировало умственное развитіе массы народа, лишало его свѣта и благъ наукъ, что даже нѣкоторые нѣмцы-профессора стали примѣчать и обличать это зло. Такъ, въ московскомъ университетѣ профессоръ философіи Шаденъ, нападая на односторонность умозрѣнія въ наукѣ, говорилъ въ одной своей публичоой рѣчи «Ученость уподобляться должна солнцу. Какъ оно все озаряетъ, все творитъ плодоноснымъ, оживляетъ, по свойству каждаго тѣла, природою дарованнаго,

и ободряетъ: равномѣрно такъ просвѣщеніе и науки должны своими лучами всѣхъ проницать, всѣхъ возбуждать сердца въ высоту, и прохлаждать всѣхъ увеселеніемъ, по мѣрѣ званія каждаго: а отъ празднаго умозрѣнія возможно ли сего уповать? Не ожидайте. Оно поелику возгордѣвшись въ ѳѳирной своей крѣпости засѣдаетъ, и не радѣя или еще презирая вещей естества или природы, новыя соплетаетъ съ помощью своего вѣрнаго приспѣшника воображенія роскошнаго, и намъ, хваля ихъ, представляетъ, какъ откровенія: то отъ общей чувствительности и отъ любви къ благу народному толико неотмѣнно удаляется, что никто почти его правилъ и наставленій постигнуть не можетъ. И то не чудесно, когда уже само себя не разумѣетъ. Какъ же просвѣтитъ, какимъ образомъ исправитъ другихъ» [1]).

VI

Въ-четвертыхъ, вѣковое преобладаніе низшихъ познавательныхъ способностей—чувствъ, памяти и воображенія и вѣковое отсутствіе предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія раціональной, теоретической силы мышленія, въ связи съ восточно-византійскимъ консервативнымъ умственнымъ складомъ русскаго народа, были причиною того, что русская мысль никогда сама въ себѣ не вырабатывала и не испытала того могучаго духа сомнѣнія и скептицизма, какой всегда является предтечей духа изслѣдованія и критики и служитъ могучимъ мотивомъ къ неутомимымъ самостоятельнымъ умственнымъ изысканіямъ и работамъ. Въ естественномъ процессѣ и развитіи раціональной мыслительности, какъ извѣстно изъ психическихъ опытовъ и какъ показала исторія интеллектуальнаго развитія Европы, весьма могучій, прогрессивно-двигательный импульсъ составляетъ это особенное состояніе или возбужденіе мысли, извѣстное подъ названіемъ «духа сомнѣнія, духа скептицизма». Безъ него не мыслимъ прогрессъ, движеніе впередъ, а господствуетъ вѣчный застой, китаизмъ и рутина мыслей и культуры. То общество, которое не испытываетъ, не переживаетъ этого интеллектуальнаго состоянія или процесса сомнѣнія и скептицизма, которое неспособно скептически, или съ критическимъ анализомъ сомнѣнія отнестись къ своему умственному и соціальному міросозерцанію и строю, къ своимъ историческимъ традиціямъ и понятіямъ, къ своимъ вѣрованіямъ и всему образу мыслей и жизни,—то общество обречено быть вѣчнымъ Китаемъ и Монголіей. Критическій скептицизмъ, раціональное сомнѣніе—это историческій отчетъ разума народовъ или обществъ, критика прожитой исторіи и добытыхъ ею результатовъ міросозерцанія, это острый ножъ разсудка противъ предразсудковъ рутины и застоя. Кантъ такъ характеризуетъ этотъ естественно-историческій ходъ развитія человѣческаго разума: «Первый шагъ въ развитіи чистаго разума, обозначающій его дѣтство, есть догматическій. Это періодъ догмати-

[1]) „Ист. моск. универс.", 160—161.

ческаго деспотизма надъ разумомъ. Второй шагъ въ развитіи разума есть шагъ скептическій, показывающій критическую предосторожность и предусмотрительность изощренной опытомъ силы разсудка. Но теперь необходимъ еще третій шагъ, который проходитъ уже только зрѣлая и мужественная сила разсудка, имѣющая въ основаніи твердыя и по своей всеобщности непреложныя, прочныя максимы. Именно эта сила разсудка подвергаетъ оцѣнкѣ не facta разума, но самый разумъ съ его силами и способностями къ познаніямъ a priori, она составляетъ не цензуру, а критику разума, посредствомъ которой должны быть доказаны не предположительно, но принципами, законами, должны быть показаны не просто сдержки и преграды, но опредѣленныя границы, предѣлы разума, не просто безсиліе или невѣдѣніе его въ той или другой части, но въ отношеніи всѣхъ возможныхъ вопросовъ извѣстнаго рода. Скептицизмъ есть только временное тихое пристанище для человѣческаго разума, гдѣ онъ опознается послѣ своего догматическаго странствованія и заблужденія, обсуждаетъ, осмысливаетъ его и дѣлаетъ обзоръ и очеркъ той области, гдѣ онъ находится, чтобы потомъ избрать себѣ дальнѣйшій путь впередъ, съ наибольшею разсчетливостью и вѣрностью. Скептицизмъ отнюдь не есть остановочное мѣсто для постояннаго пребыванія и застоя разума; потому что постояннаго мѣстопребыванія, отечества разумъ тогда только можетъ достигнуть съ полною достовѣрностью, когда онъ достигнетъ или познанія самыхъ предметовъ, или границъ, въ которыя заключены всѣ наши познанія о предметахъ» [1]). Европейскій разумъ уже не одинъ разъ путемъ скептицизма, сомнѣнія пролагалъ себѣ новые и широкіе прогрессивные пути интеллектуальнаго развитія. Всѣмъ извѣстно огромное вліяніе на духъ изслѣдованія, естествоиспытанія и, вслѣдствіе того, на ходъ прогресса того знаменитаго философскаго сомнѣнія, съ котораго началъ мыслить и искать истину Декартъ въ XVI в. [2]). Всѣмъ извѣстенъ также второй, всемірно-историческій шагъ скептицизма, сомнѣнія, критики чистаго разума въ XVIII вѣкѣ, породившій великія изслѣдованія и открытія въ области естественной философіи и въ области соціологіи или соціальной философіи. Тотъ же Кантъ, глубочайшій мыслитель XVIII вѣка, замѣтилъ объ этомъ скептицизмѣ великаго философско-натуралистическаго вѣка: «Это есть плодъ зрѣлой разсудочной силы вѣка, это ничто иное, какъ критика чистаго разума... Нашъ

---

[1]) „Kritik der reinen Vernunft", S. 554. Leipzig. 1853. Эту глубокомысленную идею Канта о скептицизмѣ мы передадимъ здѣсь читателю въ подлинныхъ словахъ великаго философа: Der erste Schritt in Sachen der reinen Vernunft, der das Kinderalter derselben auszeichnet, ist dogmatisch. Der eben genannte zweite Schritt ist skeptisch, und zeugt von Vorsichtigkeit der durch Erfahrung gewitzigten Urtheilskraft... So ist der Skepticismus ein Ruheplatz für die menschliche Vernunft, da sie sich über ihre dogmatische Wanderung besinnen und den Entwurf von der Gegend machen kann, wo sie sich befindet, um ihren Weg fernerhin mit mehrerer Sicherheit wählen zu können, aber nicht ein Wohnplatz zum beständigen Aufenthalte; denn dieser kann nur in einer völligen Gewissheit angetroffen werden, es sei nun der Erkenntniss der Gegenstände selbst, oder der Grenzen, innerhalb denen alle unsere Erkenntniss von Gegenständen eingeschlossen ist. См. также S. 6.

[2]) Tennemann, „Gesch. der Philos." Bd. X. S. 218.

вѣкъ есть собственно вѣкъ критики, которой все должно подвергнуться. Ни религія съ ея святостью, ни законодательство съ его величествомъ не могутъ избѣжать критическаго суда разума» [1]). Тотъ же Кантъ, произведшій, по словамъ Шлоссера, революцію въ философіи, является законодателемъ разума, создаетъ новую философскую науку о разумѣ—«Kritik der reinen Vernunft» и «Kritik der praktischen Vernunft». Локкъ, Гельвецій тоже издаютъ философскіе трактаты о Разумѣ. Вольтеръ свой философскій словарь озаглавилъ la Raison. Гёксли весьма выразительно изображаетъ это безпокойное движеніе умовъ въ эпохи критическаго скептицизма и сомнѣнія: «въ каждомъ вѣкѣ—говоритъ онъ—встрѣчаются одинъ или два безпокойныхъ ума, одаренныхъ способностью созидать лишь на прочныхъ основахъ, или только одержимыхъ духомъ мучительнаго скептицизма: такіе умы не въ состояніи идти избитой и покойной дорогой своихъ праотцевъ и современниковъ и, не взирая на терніи и камни преткновенія, пролагаютъ себѣ новые пути. Скептики впадаютъ въ безвѣріе и объявляютъ задачу неразрѣшимою, или вдаются въ атеизмъ, отрицающій возможность какого-либо правильнаго прогресса и законности въ природѣ; а производительные геніи предлагаютъ рѣшенія, изъ которыхъ возникаютъ то богословскія, то философскія системы; или же,—облекаясь въ мелодическіе звуки, въ которыхъ болѣе намековъ, нежели указаній,—принимаютъ форму поэзіи данной эпохи. Каждый изъ такихъ отвѣтовъ на великій вопросъ непремѣнно объявляется послѣдователями проповѣдника или самимъ проповѣдникомъ, окончательнымъ и послѣднимъ рѣшеніемъ, и считая таковымъ въ продолженіе одного, двухъ, а не то—и двадцати столѣтій; но съ теченіемъ времени непремѣнно оказывается, что такой отвѣтъ былъ только нѣкоторымъ подобіемъ истины, удовлетворительнымъ лишь въ силу невѣжества тѣхъ людей, которые его приняли, и вовсе не удовлетворяющимъ ихъ преемниковъ, успѣвшихъ уже расширить свои познанія. Есть одна старая, избитая метафора, въ которой проводится параллель между жизнью человѣка и превращеніемъ гусеницы въ мотылька: но сравненіе это будетъ и вѣрнѣе и новѣе, если мы примѣнимъ его къ умственному развитію человѣчества. Исторія показываетъ намъ, что умъ человѣческій, постоянно питаемый новыми пріобрѣтеніями науки, отъ времени до времени такъ возрастаетъ въ объемѣ, что прежнія теоретическія оболочки становятся для него тѣсны и онъ, разрывая ихъ, является въ

[1]) Jetzt, nachdem alle Wege vergeblich versucht sind, herrscht Überdruss und gänzlicher Indifferentismus, die Mutter des Chaos und der Nacht in Wissenschaften, aber doch zugleich der Ursprung, wenigstens das Vorspiel einer nahen Umschaffung und Aufklärung derselben, wenn sie durch übel angebrachten Fleiss dunkel, verwirrt und unbrauchbar geworden... Sie ist offenbar die Wirkung der gereiften Urtheilskraft des Zeitalters, und dieser ist kein anderer als die Kritik der reinen Vernunft selbst... Unser Zeitalter ist das eigentliche Zeitalter der Kritik, der sich Alles unterwerfen muss. Religion durch ihre Heiligkeit und Gesetzgebung, durch ihre Majestät, wollen sich gemeiniglich derselben entziehen. Aber alsdann erregen sie gerechten Verdacht wider sich, und können auf unverstellte Achtung nicht Anspruch machen, die die Vernunft nur demjenigen bewilligt, was ihre freie und öffentliche Prüfung hat aushalten können („Kritik der reinen Vernunft", S. 6—7).

новой формѣ, какъ питающаяся и растущая личинка скидаетъ по временамъ свою узкую шкурку и надѣваетъ другую, также временную. Правда, что до состоянія полнаго развитія человѣку повидимому еще страшно далеко, но каждая перемѣна шкурки есть все-таки шагъ впередъ, и такихъ шаговъ сдѣлано уже не мало. Со времени возрожденія наукъ, поставившаго племена западной Европы на тотъ путь къ истинному знанію, который открытъ былъ греческими философами, но впослѣдствіи почти палъ въ теченіе долгихъ вѣковъ умственнаго застоя или по крайней мѣрѣ колебанія, личинка человѣческая получала обильную пищу и возрастала соразмѣрно. Порядочную шкурку перемѣнила она въ XVI вѣкѣ, потомъ другую въ концѣ XVIII-го, а въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ чрезвычайное развитіе всѣхъ отраслей физическихъ наукъ доставило намъ умственный кормъ такого питательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждающаго свойства, что кажется слѣдуетъ ожидать новаго линянія. Но процессъ этотъ нерѣдко сопровождается многими мучительными усиліями, болѣзненными припадками, ослабленіемъ организма и даже быть можетъ болѣе важными поврежденіями; при такихъ обстоятельствахъ каждый добрый гражданинъ обязанъ чѣмъ-нибудь облегчать эту операцію, и если въ его распоряженіи ничего нѣтъ кромѣ анатомическаго ножа, то хоть этимъ ножомъ долженъ онъ, по крайнему своему разумѣнію, помочь вскрытію надтреснувшейся оболочки» [1]). Наконецъ, сомнѣніе составляетъ существенно-необходимый руководительный принципъ въ естествоиспытаніи, въ экспериментальномъ развитіи знаній. Клодъ Бернаръ развиваетъ эту мысль такъ: «первое условіе, которое долженъ соблюдать естествоиспытатель, при изслѣдованіи естественныхъ явленій,—это полнѣйшая свобода разума, основанная на философскомъ сомнѣніи (doute philosophique)». Не должно быть совершеннымъ скептикомъ: должно вѣрить въ науку, въ знаніе, или въ послѣдній выводъ; въ абсолютное и необходимое соотношеніе вещей, какъ въ явленіяхъ, свойственныхъ живымъ существамъ, такъ и во всѣхъ другихъ; но необходимо въ то же время быть убѣжденнымъ, что это соотношеніе болѣе или менѣе приблизительное, и что теоріи, которыми мы обладаемъ, далеки до непоколебимыхъ, неизмѣнныхъ истинъ. Великій принципъ опыта (experience) есть сомнѣніе, сомнѣніе философское (doute philosophique), представляющее разуму его свободу и его инипіативу. Сомнѣніе — это главное, основное, руководительное начало экспериментальнаго метода; оно заключается или выражается въ томъ положеніи, что заключеніе нашего мышленія или сужденія всегда должно оставаться сомнительнымъ, пока точка отправленія или принципъ—не абсолютная истина. Мы знаемъ, что абсолютная истина существуетъ только въ математическихъ началахъ; въ явленіяхъ естественныхъ точки, отъ которыхъ мы отправляемся, и заключенія, къ которымъ приходимъ, представляютъ только относительныя истины. Слѣдовательно экспериментаторъ впадетъ въ ошибку, если будетъ увѣренъ, что знаетъ то, чего еще не знаетъ, и если относительныя истины будетъ принимать за истины абсолютныя. Такимъ образомъ единственное

[1]) Гёксли, „О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ“, 65—66.

и основное начало изслѣдованія сводится къ сомнѣнію, что уже впроч прежде провозглашено было великими философами» [1]).

При такомъ высокомъ развитіи и господствѣ скептико-философск критическаго разума на западѣ, что было въ нашей умственной жи: У насъ никогда не было самостоятельнаго и непрерывно-послѣдоват наго развитія скептицизма, духа сомнѣнія и критики чистаго раз Потому что у насъ долгое время не развивалось и самое мышлені сомнѣніе или скептицизмъ возникаетъ только тогда, когда достаточно зрѣваетъ сила разсудка, сила раціональной мыслительности и въ до точной мѣрѣ вооружится точными, положительными знаніями. Одинъ глубочайшихъ западныхъ наблюдателей умственной жизни Россіи, , торъ Эрманъ такъ характеризуетъ интеллектуальный типъ нашего трет: послѣ-петровскаго поколѣнія, живущій еще и доселѣ почти во всей н мѣнности. «Если—говоритъ онъ—произнести общій судъ о лучшей, обр ванной части русской націи по отношенію ея къ наукѣ, то должно зать, что хотя легко возбуждаемый, но поверхностный жаръ русск умовъ благопріятствуетъ быстрому схватыванію общихъ точекъ зр: (Standpunktes), благопріятствуетъ легкому усвоенію научныхъ резул товъ, но зато рѣдко находится въ нихъ то глубокое и сильное чувс жажда истины, стремительности къ изысканью, которое одно тол: можетъ побуждать къ постояннымъ собственнымъ, са стоятельнымъ изслѣдованіямъ. Вообще въ русскомъ общес склонность къ положительнымъ и абсолютнымъ догматическимъ знані встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ сомнѣніе (Zweifel), вызываюı къ собственнымъ, самостоятельнымъ изслѣдованіямъ съ этимъ умственнымъ направленіемъ, кажется, можно сказать поло тельно, находится въ тѣснѣйшей внутренней связи религіозное состо разсматриваемой части націи, такъ что даже трудно рѣшить, которое двухъ умственныхъ направленій должно разсматривать какъ главно преобладающее» [2]). Этотъ отзывъ иностраннаго писателя о нашемъ интел. туальномъ характерѣ исторія русской мысли вполнѣ подтверждаетъ. XVIII вѣкѣ, когда впервые пробуждалась русская мысль, подъ вліяні могучихъ философско-скептическихъ идей западнаго разума, повидим сталъ зарождаться скептицизмъ и въ юныхъ русскихъ умахъ и пре всего, естественно, въ области религіи, въ той сферѣ, гдѣ много вѣк всецѣло заключена была русская мысль. Но какой это былъ скептици: Вмѣсто глубокаго, серьезнаго философско-критическаго мышленія и изсл: ванія истины, господствовала, по словамъ фонъ-Визина, «одна мода умы». А потому, вмѣсто истиннаго, самостоятельнаго критическаго мнѣнія, господствовало одно модное, легкомысленное и поверхност увлеченье волтерьянствомъ и т. п. Сомнѣвались, такъ сказать, чуж сомнѣніемъ, легкомысленно, безотчетно, вѣтренно и только до первой п

---

[1]) M. Claude Bernard, „Introduction à l'étude de la médecine experimentale", главѣ de l'idée a priori et du doute, 63—88.

[2]) Erman, „Reise", I, 88—89.

самаго мистическаго увлеченья. Весь скептицизмъ состоялъ въ заученныхъ модныхъ фразахъ богохульства и кощунства. Не было и зачатковъ, въ глубинѣ мысли, самостоятельной скептической критики чистаго разума. Фонъ-Визинъ говоритъ: «лучшее препровожденіе времени въ обществѣ (одного князя, молодого писателя) состояло въ богохуленіи и кощунствѣ... Въ кощунствѣ я и самъ не послѣднюю роль игралъ; ибо всего легче шутить надъ святыней, а въ аристократіи грубый матеріализмъ, сладострастіе смѣшивались съ атеизмомъ» [1]). Про одного графа фонъ-Визинъ пишетъ: «Сей графъ былъ человѣкъ знатный по чинамъ, почитаемый умнымъ человѣкомъ, но погрязшій въ сладострастіе. Онъ былъ уже старыхъ лѣтъ и все дозволялъ себѣ, потому что ничему не вѣрилъ... Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей или, лучше сказать, свое безбожіе при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при прислугахъ. Разсужденія его были софистическія, но со всѣмъ тѣмъ поколебали мою душу... я, терзаемъ будучи мыслями, посѣянными въ меня безбожническою бесѣдою, подумавъ хорошенько и призвавъ Бога на помощь, хотѣлъ опредѣлить систему мою въ разсужденіи вѣры. Съ сего времени считаю я вступленіе мое въ совершенный возрастъ; ибо началъ чувствовать дѣйствіе здраваго разсудка. Итакъ отправился я въ Царское село въ твердомъ намѣреніи упражняться въ богомысліи. Тамъ, читая Библію на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, каждое утро ходилъ я въ садъ размышлять. Въ саду встрѣтился со мной Тепловъ и указалъ для разъясненія сомнѣній книгу Кларка—„Доказательство бытія Божія и истины христіанской вѣры» [2]). Изъ этого признанія фонъ-Визина видно, какъ слабы, несостоятельны и шатки были даже лучшіе русскіе умы XVIII вѣка, какъ слабо и несамостоятельно было въ нихъ мышленіе и какъ не глубоки, не тверды, измѣнчивы были ихъ скептическія убѣжденія. Потомъ самъ же фонъ-Визинъ хорошо понялъ на опытѣ всю мелкость скептицизма русскихъ мыслителей. «Я вижу,—говоритъ онъ,—что безбожники раздѣляются на нѣсколько классовъ: одни суть невѣжды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не разсматриваютъ, а, прочитавъ Вольтера и не понявъ его, отвергаютъ бытіе Божіе для того, что полагаютъ себѣ славою почитаться выше всѣхъ предразсудковъ... Есть еще родъ безбожниковъ, кои умствуютъ и думаютъ доказать доводами, что Богъ не существуетъ». Тепловъ подтвердилъ отзывъ фонъ-Визина о модности и поверхностности атеистическаго вольномыслія русскихъ скептиковъ-вольтерьянцевъ: «сіи людишки—говорилъ онъ—не невѣруютъ, а желаютъ, чтобы ихъ считали невѣрующими; ибо вмѣняютъ себѣ за стыдъ не быть съ Вольтеромъ одного мнѣнія. Вѣрьте мнѣ, что для развращенія юношества нѣтъ нужды ни въ Вольтеровомъ умѣ, ни въ его дарованіяхъ. Графъ, у котораго вы обѣдали, сдѣлалъ въ Россіи не менѣе разврата Вольтерова, имѣвъ голову довольно ограниченную. Я знаю, что молодого, слабенькаго человѣка можетъ развратить такой, кто еще ограниченнѣе графа... На сихъ дняхъ случилось мнѣ быть у одного

[1]) „Полн. собр. соч. фонъ-Визина", 511.
[2]) „Чистосерд. призн." Соч. фонъ-Визина, 1852, 519—527.

пріятеля, гдѣ видѣлъ я двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ. Они имѣли между собою большое преніе: одинъ утверждалъ, другой отрицалъ бытіе Божіе. Отрицающій кричалъ: «нечего пустяки молоть: а Бога нѣтъ». Я вступился и спросилъ его: «да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?» «Петръ Петровичъ Чеб..... вчера на гостиномъ дворѣ», отвѣчалъ онъ. «Нашелъ и мѣсто», сказалъ я» [1]). Даже въ обществѣ женщинъ были скептическія бесѣды. По изображенію Екатерины, Ханжихина, на требованіе объясненія необычайныхъ явленій жизни законами природы, отвѣчала: «такъ вы ничему нынче не вѣрите; у васъ все натура!» [2]). Появились у насъ и отрицатели откровенной религіи. На это указываютъ слова одного изъ русскихъ писателей, который самъ заплатилъ дань французской философіи: «отступники откровенной религіи доселѣ дѣлали болѣе вреда Россіи, нежели непризнаватели бытія Божія—атеисты: таковыхъ у насъ мало» [3]). Изъ первыхъ наиболѣе твердъ былъ въ своихъ раціоналистическихъ убѣжденіяхъ проф. моск. университета Мельманъ. Въ дѣлѣ объ немъ сказано, что «въ бытность свою у митрополита Платона обнаружилъ хульныя нѣкія и оскорбительныя свои мысли противъ христіанской религіи, и когда призванъ былъ приватно къ куратору Хераскову для испытанія его системы и образа мыслей, и въ присутствіи старшихъ четырехъ профессоровъ не только явно обнаружилъ развратныя свои мысли противъ самаго основанія откровенной религіи, но даже торжественно сказалъ, что онъ долгомъ своимъ считаетъ сообщать сіе и другимъ, за что для предупрежденія всякаго разврата для обучающагося юношества немедленно былъ исключенъ изъ университета». Митрополитъ Платонъ доносилъ: «Мельманъ вызвался, что религія христіанская должна основываться на разсудкѣ человѣческомъ и на философіи; я, напротивъ, не опровергая разсудокъ человѣческій, утверждалъ, что паче, или единственно надлежитъ утверждаться на словѣ Божіемъ. Но Мельманъ, напротивъ, хотя не показался совсѣмъ отвергать слово Божіе, однако не иначе, какъ если оно сходно съ разсудкомъ и философіею, причемъ утверждалъ, что просвѣщенія къ нравоученію можно болѣе почерпнуть изъ языческихъ писателей, нежели изъ церковныхъ учителей» [4]).

Таковы были слабые зачатки скептицизма въ русскихъ умахъ. Они были не глубоки, не зрѣлы и не тверды. Въ русскихъ умахъ невырабатывался и не могъ вырабатываться послѣдовательно, генеративно, путемъ напряженной и глубокомысленной умственной работы, самостоятельный и глубокомысленный скептико-критическій складъ мысли. Для устойчивой и могучей силы скептическаго духа, критическаго отрицанія недоставало въ русскихъ умахъ ни силы мышленія, разума, ни научной и въ особенности естествоиспытательной умственной подготовки. «Чувствительность или чувствованія преобладали надъ силою холодно-разсудочнаго мышленія. Въ восторженныхъ, исполненныхъ чувствительности рѣчахъ своихъ, совре-

[1]) „Чист. призн.“, 523—524.
[2]) Гал., 438.
[3]) Гал., 532.
[4]) „Чт. общ.“ 1859 г., кн. IV, смѣсь, стр. 199—200.

менники обыкновенно говорили: «Позвольте пройти молчаніемъ, гдѣ силы разума моего великость чувствъ нашихъ обнять не могутъ» [1]). Головы русскія были еще не твердыя мышленіемъ и пустыя по познавательному содержанію. По словамъ фонъ-Визина, русскіе «набивали пустыя головы чужимъ умомъ». А поэтому все и, слѣдовательно, это скептически-отрицательное направленіе мыслей навѣяно было извнѣ, съ запада, а въ глубинѣ русскихъ умовъ не имѣло никакихъ корней и основъ. Всѣ вольнодумныя, скептическія идеи были пылкимъ, юношескимъ увлеченьемъ юныхъ, несамостоятельныхъ умовъ, а не были зрѣлымъ плодомъ самостоятельнаго, критическаго мышленія, изслѣдованія и изученія, не были твердыми, вполнѣ обдуманными, основательными логическими выводами, выработанными многотруднымъ, многосложнымъ процессомъ самостоятельной мыслительной работы и борьбы. И вотъ прошло немного времени,—и весь этотъ скептицизмъ сталъ жалко вывѣтриваться изъ легкомысленныхъ русскихъ головъ, при первомъ вѣтрѣ новаго потока мыслей. Почти всѣ, кто въ 60—80-хъ годахъ увлекся скептическимъ движеніемъ разума, послѣ 90-хъ годовъ стали раскаяваться, отрицать свой прежній скептицизмъ. Мы видѣли, какъ фонъ-Визинъ въ «Чистосердечномъ признаніи своемъ» мучился и раскаявался послѣ своего увлеченья атеистическимъ скептицизмомъ. Лопухинъ въ запискахъ своихъ тоже сознается: «Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу «Systéme de la Nature», съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ Устава натуры (Code de la Nature). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣевать его въ рукописяхъ. Но только-что дописалъ первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадь, и черновую. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ-бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и пр., которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 году. Сіе происходило года за два до вступленія моего въ общество (Масонское, мартинистовъ). Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовному, были: извѣстная «О Заблужденіяхъ и Истинѣ» и Арндта «О истинномъ христіанствѣ». И самъ же Лопухинъ объясняетъ намъ причину такой умственной шаткости и измѣнчивости своей, когда говоритъ о своемъ воспитаніи: «воспитанъ я въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи... Если я что знаю, то подлинно самоучкою» [2]). Въ 1810 г. одинъ помѣщикъ, воз-

[1]) „Чт. общ." 1860 г., кн. II, отд. V, стр. 64.

[2]) Зап. Лопухина. „Чтен. общ." 1860 г., кн. 2, отд. 1, стр. 14 и 15.

ставая противъ освобожденія крестьянъ, пишетъ своему губернатору: «Признаюсь, мысли мои въ то время (около 1790 г.) были весьма различны отъ нынѣшнихъ. Я не избѣжалъ тогда соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, который не токмо до губерніи нашей, но и до глубины самой Сибири, простеръ свое вліяніе на молодые умы. Естественно было поколебаться всѣмъ намъ, воспитаннымъ въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія. Обманутое наше воображеніе носилось въ мечтательномъ мірѣ, который никогда не былъ и, вѣроятно, никогда не будетъ подлиннымъ,— въ мірѣ, который предполагаетъ людей совершенными, слѣдовательно, достойными вольности неограниченной и власть дѣлаетъ только выраженіемъ общей воли. Разсѣялась сія мечта для всѣхъ и для меня: власть, въ умахъ, самыхъ предубѣжденныхъ противъ нея, стала тѣмъ, чѣмъ была искони, т.-е. однимъ изъ первѣйшихъ средствъ, употребляемыхъ Провидѣніемъ для нашего счастія, возможнаго на сей землѣ, изліяніемъ самого Божества... По-истинѣ, должно удивляться, что нѣкоторые слѣды прошедшаго изступленія имѣютъ еще и понынѣ мѣсто. Люди, впрочемъ почтенные, признавая необходимость монархіи въ большихъ массахъ, продолжаютъ отвергать оную въ меньшихъ (помѣщичьихъ), изъ коихъ первыя состоятъ. Какъ будто могутъ быть въ одномъ и томъ же отношеніи вещей между собою начала различныя!» [1]) Другой, неизвѣстный авторъ, возражая на книгу гр. Стройновскаго объ условіяхъ съ крестьянами и тоже отрицая свободу крестьянъ, выражаетъ уже какую-то боязнь и фанатическое предубѣжденіе противъ разума. «Довольно, скажутъ мнѣ,—говоритъ онъ,— довольно здраваго смысла и разума, чтобы понять ясно всѣ пользы, долженствующія проистечь изъ свободнаго состоянія крестьянъ. Но развѣ не видѣли мы царства разума во Франціи? Развѣ не подъ его владычествомъ ниспроверженъ престолъ, разрушены вѣра, законы, родство? Развѣ не во имя разума милліоны французовъ отреклись отъ сознанія Всевышняго, дѣти отъ признательности родителямъ, а сіи отъ вѣчной обязанности противъ ихъ, расторглись всѣ связи общежитія, пали всѣ узы, соединяющія людей... Все сіе было и происходило въ глазахъ нашихъ. Кто осмѣлится сказать: нѣтъ!» [2]).

Извѣстно, что каждый интеллектуально развивающійся человѣкъ, каждый, особенно даровитый мыслящій юноша, въ извѣстный періодъ своего умственнаго развитія, переживаетъ болѣе или менѣе тяжелую борьбу, пытку, ломку своихъ мыслей, при началѣ склада своего умственнаго типа, умственной индивидуальности, умственнаго характера. Такъ и цѣлыя мыслящія поколѣнія историческихъ народовъ, въ извѣстныя эпохи своего умственнаго роста, тоже переживаютъ эти умственные кризисы и переломы. Для многихъ тяжка, мучительна, даже болѣзненна бываетъ эта переходная умственная борьба. Счастливъ и плодотворенъ исходъ этой умствен-

[1]) „Практ. защищ. противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности съ всеобщими началами монархич. правленія и государств. полиціи, а также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества". Въ „Чтен. общ. истор.", стр. 136.

[2]) Возраж. неизвѣстнаго на книгу, соч. гр. Стройновскимъ объ условіяхъ съ крестьянами 1811 г. въ „Чтен. общ.-истор.".

ной борьбы у того юнаго ума, у того юнаго мыслящаго поколѣнія, у котораго развиты, крѣпки, могучи мозговыя, интеллектуальныя силы, у котораго шла передъ тѣмъ напряженная, глубокая, сильная самостоятельная умственная работа, у котораго, слѣдовательно, была выработана предварительная, широкая, богатая умственная подготовка, сложенъ богатый мозговой запасъ силъ, энергіи, критики, знаній. Счастливы Декарты, Руссо и Вольтеры, счастливы европейскія поколѣнія этихъ penseurs libres XV и XVI вв., этихъ гуманистовъ, что произвели, по выраженію Гизо, insurrection de la raison. Напротивъ, злополученъ, несчастливъ и болѣзненъ исходъ этой умственной борьбы въ тѣхъ юныхъ умахъ, въ тѣхъ юныхъ мыслящихъ поколѣніяхъ, у тѣхъ націй, гдѣ не было предварительнаго, многовѣковаго, генеративно-послѣдовательного развитія силъ мозговыхъ, мысли, разума, гдѣ не было, слѣдовательно, прочной умственной подготовки и устойчивости. Патологическими умственными явленіями кончается или сопровождается здѣсь эта тяжелая борьба мыслей. И горе потомъ будетъ отъ ума, если здѣсь, въ этотъ первый критическій моментъ умственнаго испытанія и борьбы юные умы юнаго мыслящаго поколѣнія не смогутъ, не совладаютъ съ напоромъ сомнѣнія и скептицизма, не выработаютъ устойчивой критики чистаго разума, не устоятъ въ движущихъ началахъ разума, не выйдутъ побѣдоносно изъ борьбы съ анти-раціональными началами и не пойдутъ дальше твердымъ, самостоятельнымъ путемъ излѣдованій и критики чистаго разума. Умственныя болѣзни, реакція, тяжелая реакція, и долговременное умственное усыпленіе, безсиліе и рабство—вотъ несчастье этой умственной импотенціи въ первой борьбѣ скептицизма. Къ несчастію, мы, русскіе, испытали это горе отъ ума. Да, первое испытаніе юной русской мысли кончилось не совсѣмъ удачно и плодотворно. Значитъ, еще не доросли, не дозрѣли русскіе умы до степени европейской интеллектуальной силы и крѣпости. И не могло быть иначе въ поколѣніи умственныхъ недорослей, недоумовъ.

Печальный исходъ перваго скептическаго настроенія русской мысли, въ европейскомъ смыслѣ и направленіи, сопровождался весьма невыгодными умственными отступленіями съ прямого пути европейскаго, критическаго интеллектуальнаго движенія и тяжелымъ, мрачнымъ умственнымъ патологизмомъ. Началась умственная реакція. Во-первыхъ, принципъ нравственныхъ истинъ и началъ, при слабости русской критической мысли, направленъ былъ въ ущербъ развитію научнаго, теоретическаго разума и мышленія, въ ущербъ развитію истинъ и началъ умственныхъ. Тогдашніе, особенно реактивные русскіе умы вовсе не понимали того закона умственнаго развитія, что нравственныя истины и убѣжденія сами въ себѣ не заключаютъ зерна для развитія и силы для осуществленія, что развиваются одни умственныя истины и начала, что умственныя теоріи или истины создаютъ, вырабатываютъ нравственныя истины, нравственную практику, такъ, что качества и направленія умственной теоріи обусловливаютъ качества и направленія нравственной практики, что, однимъ словомъ, одни умственныя знанія и истины обусловливаютъ развитіе нравственныхъ истинъ и убѣжденій. Не понимая этого, они, въ отпоръ теоріи западной

философіи, требовали развитія одного нравоученія. Теоретическая сила русской мысли, сила разсудка, способность сравненія, отвлеченія, обобщенія и выводовъ, вообще способность мышленія и безъ того была слаба, не развита, не зрѣла, не самостоятельна и не тверда. А тутъ еще робкіе умы и ея убоялись, смутились и ударились въ мрачный умственный расколъ. Раздался голосъ противъ теорій, противъ теоретическаго развитія мысли. Духъ раціональнаго сужденія и теорій запрещался, вмѣсто него предписывалась строгая мораль; вмѣсто умственныхъ истинъ требовалось преуспѣвать въ одной добродѣтели, въ однѣхъ истинахъ нравственныхъ. Новиковъ въ «Утреннемъ Свѣтѣ» возвѣстилъ: «сколько полезно нравоученіе, столько безполезны теоріи». Митрополитъ Платонъ предписывалъ воспитателямъ юношества: «чтобъ ученики не въ наукахъ, а болѣе въ добродѣтели преуспѣвали». Учителямъ и проповѣдникамъ онъ завѣщалъ: «чтобы они ѳеоретическихъ мыслей подальше себя вели, чтобъ не заблудиться, а больше держались бы нравоученія»[1]. Вслѣдствіе боязни и отрицанія теоретическаго мышленія, неизбѣжно поднята была особенно-фанатическая полемика противъ философскихъ теорій, философскаго скептицизма, противъ критики чистаго разума, противъ критическаго отрицательнаго направленія философской теоретической мысли. Такіе духовные авторитеты нравственно-теологическаго воспитанія умовъ, какъ митрополиты Платонъ, Анастасій Братановскій и другіе, стали во главѣ этой оппозиціи противъ вольномыслія и скептицизма. Послѣдній духовный писатель, съ цѣлію подорвать ученіе философовъ XVIII вѣка, перевелъ съ французскаго языка двѣ книги: «Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія» (1799 г.) и «Истинный Мессія или доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ Іисуса Христа и его божествѣ» (1801). Въ то же время появилась тьма переводовъ и сочиненій противъ вольномыслія, каковы, напримѣръ: «Безсмертіе души, основательно противъ безбожниковъ и скептиковъ доказанное» (1779 г.); «Посрамленный безбожникъ и натуралистъ» (1787 г.); «Торжество вѣры надъ невѣрующими и вольномыслящими» (1792); «Вольтеръ обнаженный» (1787), «Вольтеръ изобличенный» (1792), «Вольтеровы заблужденія» и пр. Вслѣдствіе такой реакціи, въ Москвѣ остановлено было въ 1789 г. изданіе всѣхъ сочиненій Вольтера. Въ 1796 г. уничтожены частныя вольныя типографіи, дозволенныя указомъ 1783 года, ограниченъ ввозъ иностранныхъ книгъ и въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при Радзивиловской таможнѣ учреждены цензуры. Наконецъ, вслѣдствіе преобладанія нравственно-созерцательнаго настроенія разума, многіе юные русскіе умы не смогли въ области теоретическаго философскаго мышленія и, оказавшись безсильными въ области положительной философіи и науки, въ сферѣ естествоиспытанія, впали въ отчаяніе и погрузились въ нравственно-созерцательный мистицизмъ, или, по выраженію Екатерины Великой, «сдурачились»[2]. Дѣйствительно, Новиковъ, напримѣръ, эта честнѣйшая личность второго послѣ-петровскаго поколѣнія,

[1] Жизн. митр. Платона.

[2] Письмо къ Циммерману 1787 г.

этотъ знаменитый основатель «Дружескаго ученаго общества» и первой въ Россіи народообразовательной ассоціаціи, основатель вольной типографіи и типографской компаніи, этотъ первый незабвенный въ нашей исторіи пропагандистъ народнаго образованія, не щадившій ни денегъ, ни жизни для безмезднаго учрежденія народныхъ училищъ, библіотекъ, аптекъ, первый популяризаторъ ученыхъ книгъ въ Россіи, первый истинный другъ университетской молодежи и всего русскаго юношества, наконецъ, этотъ русскій любвеобильный хлѣбодаръ, раздававшій бѣднымъ хлѣбъ во время неурожаевъ, какъ глубоко палъ умственно этотъ незабвенный, знаменитый нашъ Новиковъ! [1]). На самой ранней утренней зарѣ русскаго разума, увидѣвши въ себѣ и въ другихъ безсиліе юнаго русскаго ума въ области философскаго мышленія и естествоиспытанія, Новиковъ съ компаніею отчаялся въ силахъ разума. Въ журналѣ «Вечерняя Заря» онъ говоритъ: «Вечерняя Заря—это слабый свѣтъ нашего разума въ сравненіи съ полдневнымъ свѣтомъ мудрости, которымъ блисталъ праотецъ человѣковъ Адамъ. Потемненный паденіемъ Адама, человѣческій разумъ тремя степенями восходитъ до лучезарнаго полдневнаго свѣта: самопознаніемъ, познаніемъ природы и чтеніемъ св. писанія». Всю энергію своего мистическаго разстроеннаго ума Новиковъ съ компаніею устремилъ на полемику противъ вольномыслія и на распространеніе нравственно-мистическихъ заблужденій. «Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ — говоритъ сотоварищъ Новикова Невзоровъ — было противопоставлено адской волѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій». «Причиною предпріятія «Московскаго изданія» (1781 г.) — говоритъ самъ Новиковъ въ предисловіи— было сострадание, которое всякій мыслящій чувствуетъ, что люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружаясь остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольномысленныхъ мудрецовъ». Вслѣдствіе сознанія въ себѣ безсилія скептицизма и натурально-философскаго мышленія, отвергая теоретическій разумъ, масонскіе мыслители утончали въ себѣ нравственно-созерцательный разумъ, проповѣдывали, какъ, напр., Лопухинъ въ «Нравоучительномъ катихизисѣ истинныхъ ф—къ м—въ», наставленія, какъ «умерщвлять чувства лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ, въ наукѣ видѣть тайны царствія Божія и правды его» и т. п. До тяжелаго нервно-мозгового патологизма доходило умственное движеніе нашихъ масонскихъ мыслителей. То патологическое или психологическосе настроеніе умовъ, какое Европа

[1]) О заслугахъ Новикова по части книжной торговли, между прочимъ, Карамзинъ говоритъ: „25 лѣтъ назадъ (до 1802 г.) въ Москвѣ было 2 книжныхъ лавки, теперь ихъ 20. Новиковъ въ Москвѣ былъ главный распространитель книжной торговли, онъ взялъ на откупъ университетскую типографію, издавалъ, переводилъ книги, завелъ книжныя лавки и въ другихъ городахъ; прежде расходилось „Московскихъ Вѣдомостей“ только 600 экземпляровъ; Новиковъ обогатилъ, оразнообразилъ ихъ содержаніе, выдавая при Вѣдомостяхъ „Дѣтское Чтеніе“; черезъ 10 лѣтъ число подписчиковъ возросло до 4000; съ 1797 г. въ Вѣдомостяхъ печатались Высочайшіе указы, и число подписчиковъ возросло до 6000 („Вѣст. Евр.“ 1802 г., ч. 3, № 9, стр. 57—64).

пережила съ VIII до XV вѣка, новорожденное мыслящее русское поколѣніе пережило теперь, въ лицѣ Лопухина, Новикова и его компаніи. Недаромъ, московскіе масоны и тяготѣли умственно къ средневѣковымъ алхимическимъ и астрологическимъ авторитетамъ и знаніямъ. Не въ силахъ будучи идти и работать въ уровень съ тѣмъ великимъ умственнымъ движеніемъ и переворотомъ, какое въ то время произвели въ Европѣ Ньютонъ, Лапласъ, Лавуазье—эти великіе отцы новаго европейскаго поколѣнія, основоположители новыхъ началъ умственной и матеріальной цивилизаціи Европы,—наши масонскіе мыслители, въ безсиліи и отчаяніи, отступились далеко назадъ къ темнымъ временамъ Парацельса и алхиміи. Оказавшись несостоятельными въ области умозрительныхъ теорій и въ области положительныхъ, точныхъ изслѣдованій природы, масонскіе мыслители хотѣли пытать природу по примѣру средневѣковыхъ алхимиковъ и выпытывать изъ нея двухъ чудесныхъ откровеній: всеобщаго лекарства, которое бы дѣлало всѣхъ здоровыми, и философскаго камня, посредствомъ котораго всѣ металлы обращались бы въ золото. Съ этою цѣлью переведена была Парацельсова «Химическая Псалтирь». Отвергая астрономію и химію, они вѣрили астрологіи и алхиміи. Парацельсъ былъ для нихъ выше Лавуазье, Бемъ или Пордеджъ—выше Кеплера, Коперника или Лапласа. Нельзя безъ печали, безъ глубокой грусти вспомнить это тяжелое, мрачное, патологическое настроеніе русскихъ умовъ, въ то время, когда на западѣ геніи Лавуазье, Лапласа, Кювье, Пуассона, Уатта, Вольтера, Руссо, Фурье и многихъ другихъ развивали въ высокоразвитомъ западномъ умственномъ типѣ новыя интеллектуальныя качества и силы и передавали ихъ въ генеративное наслѣдство новымъ могучимъ естествоиспытательнымъ генераціямъ—геніямъ Гумбольдтовъ, Либиховъ, Дарвиновъ, Контовъ и т. п. Тамъ, на западѣ, какая страшная наступила реакція, послѣ великаго революціоннаго движенія разума! Геній же, выразившій глубокое уваженіе генію Лапласа, Лагранжа, Монжа и Бертоле, геній Наполеона I-го съ громомъ и молніею Марса пронесъ по Европѣ императиву реакціи противъ идей Разума 93 года. А палъ ли, остановился ли разумъ въ своемъ всемірно-историческомъ движеніи? Нисколько. А у насъ еще не успѣлъ дорости до высоты европейской интеллигенціи юный русскій умъ, не успѣлъ сдѣлать ни одного открытія въ области естествоиспытанія, даже не успѣлъ еще развить въ себѣ естествоиспытательныхъ силъ и способностей,—и уже сейчасъ же, при первомъ испытаніи, при первомъ обнаруженіи своего безсилія въ области чистаго мышленія и естествоиспытанія, приходилъ въ отчаяніе, падалъ и отступалъ далеко назадъ. Ясно, какъ еще слабы, неразвиты были молодыя силы русскаго ума, какъ еще глубоко было ему проникать до той глубины мысли и пониманія, какъ высоко еще было ему доростать и досягать до той высоты интеллигенціи и проницательности и, наконецъ, достигать до той широты умственнаго взгляда и міросозерцанія, какія свойственны были разуму западному. На первомъ же трудномъ шагу скептицизма, при первой реакціи, онъ спотыкался, изнемогалъ и заблуждался. Оказавшись безсильнымъ къ глубоконаучному естествоиспытанію, къ самостоятельной выработкѣ великихъ

естественно-научныхъ теорій и обобщеній, заблудившійся умъ русскій сталъ даже отрицать глубоко-научное экспериментальное изслѣдованіе и изученіе природы. Одни масонскіе мыслители находили ненужнымъ, излишнимъ употреблять въ дѣлѣ изученія природы всѣ тѣ искусственныя средства, какія въ теченіе вѣковъ выработали европейскіе геніи, напр., телескопы, лабораторіи, тигли и другіе химическіе снаряды. Они возвращались къ старымъ способамъ непосредственно-натуральнаго, чувственно-мистическаго міросозерцанія. «Нѣтъ спору,—говорилъ, напр., Невзоровъ,—что натуру должно испытывать и познавать для двухъ особливо причинъ: вопервыхъ, чтобы познаніемъ ея открывать и доставлять себѣ способы жить въ мірѣ, въ которомъ мы находимся, и таковымъ образомъ другъ другу помогать; во-вторыхъ, для созерцанія славы Божіей и таинствъ его творенія. Что касается до перваго, то въ публичныхъ школахъ и университетахъ болѣе гораздо стараются знать природу, нежели то нужно для общежительнаго состоянія. Что касается до второго, то прежде всего знать и непрестанно памятовать должно, что въ злохудожную душу не входитъ премудрость, что, слѣдовательно, прежде всего должно, по Закону Божію, познать и исправить себя въ духѣ и очистить отъ страстей. Чтобы созерцать славу Божію и видѣть таинства его творенія,—для сего не нужны великихъ издержекъ стоящія лабораторіи и пышные химическіе снаряды... Исправь себя, откинь всѣ злыя склонности, брось гордость, самолюбіе, алчность къ пріобрѣтеніямъ и грубую чувственность и изъ злохудожной души сдѣлай добрую: тогда вся природа явится тебѣ въ новомъ видѣ, и милліоны откроются таинствъ ея». Новиковъ, какъ мы видѣли уже, еще больше, чѣмъ Невзоровъ, Лопухинъ и другіе, отступилъ отъ новѣйшаго шага естественныхъ наукъ назадъ, къ средневѣковой старинѣ. Онъ отвергалъ новыя открытія въ астрономіи и химіи, называя ихъ бредомъ, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ его писемъ къ Карамзину (1814 г.). Великія, космическія открытія въ области астрономіи— «Principia mathematica» Ньютона, Кеплеровы «Законы», «Небесная механика» Лапласа составляютъ кодексъ непреложныхъ, несомнѣнныхъ истинъ естествознанія, а Новиковъ все это называлъ «бреднями». Трудами фонъ-Гельмонта, открывшаго газы въ воздухѣ, опытами Бойля и Гука, многими наблюденіями Галеса, послѣдовательными открытіями угольной кислоты Блэкомъ, гидрогена Кавендишемъ, кислоты селитреной, кислоты соляной и аммоніака Пристлеемъ, кислорода Лавуазье, а потомъ разложеніемъ воды Варлтиромъ, Кавендишемъ, Уаттомъ и Лавуазье, — разумъ однажды навсегда уничтожилъ древнее ложное понятіе о четырехъ стихіяхъ, ослѣплявшее много вѣковъ самые сильные умы и вводившее ихъ въ заблужденіе. А Новиковъ, глумясь надъ современнымъ открытіемъ Лавуазье, Пристлея и Уатта, какъ надъ «слѣпотою и нищенскимъ понятіемъ о стихіяхъ», упорно держался стараго, допотопнаго ученія о четырехъ стихіяхъ. Повтореніе, а тѣмъ болѣе защита этого ложнаго понятія, въ устахъ Новикова, служитъ печальнымъ отголоскомъ умственныхъ понятій какого-нибудь Кирилла Транквилліона, услаждавшагося въ своемъ «Зерцалѣ Богословія» еще въ 1618 г. пустословіемъ о четырехъ «легкихъ и суб-

тильныхъ, тяжелыхъ и грубыхъ стихіяхъ». Отсюда видно также, какъ плохо еще усвоялись русскими умами тѣ новыя умственныя качества, тѣ идеи и понятія, какими характеризуется непрерывно-движущійся впередъ европейскій умъ и какія завѣщалъ усвоять геній Петра Великаго. И неудивительно, когда умственные недоросли не могли переварить теорій, отрицали ихъ, когда недоставало научной подготовки и силы въ умахъ. Новиковъ самъ о себѣ отзывался: «я невѣжда,—писалъ онъ Карамзину,—не знающій никакихъ языковъ, не читавшій и никакихъ школьныхъ философовъ». Вслѣдствіе незнанія истиннаго, реальнаго метода мышленія, мистическіе мыслители руководствовались въ своихъ умствованіяхъ не экспериментальнымъ мышленіемъ и опытомъ, а однимъ воображеніемъ. Вслѣдствіе этого, въ умственномъ патологизмѣ, или разстройствѣ, они изобрѣтали свои мистическія науки. «Вдругъ, за обѣдомъ—пишетъ Лопухинъ—пришла мнѣ мысль о Духовномъ Рыцарѣ. Отобѣдавши, тотчасъ пошелъ я прогуливаться, въ прогулкѣ составилъ весь планъ, и я скорыми шагами воротился домой, принялся писать, почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ шесть, и кончилъ сіе сочиненіе. Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты Герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали» [1]). Вмѣсто изученія положительной медицины и химіи, они предлагали какую-то всеобщую нравственную медицину и химію. Невзоровъ, издававшій журналъ «Другъ юношества» (1810 г.), въ предисловіи къ «Разговору Натуры, Меркурія и Алхимика», говоритъ: «Истинная всеобщая медицина есть школа христіанская, гдѣ учатъ людей съ помощью Божіею исправлять свою дурную природу, побѣждать страсти, не поддаваться самовольно чувственности, питающейся всякими развратами и тѣмъ самымъ становящейся источникомъ всѣхъ болѣзней, самими нами добываемыхъ, и прося помощи свыше умѣть при ней употреблять и пользоваться врачевствомъ самымъ простымъ, которое можно сыскать и въ большихъ городахъ и въ малыхъ деревняхъ. Что касается до авторовъ, писавшихъ о химіи, то лучшіе между ними, для извѣстныхъ имъ причинъ, въ сочиненіяхъ своихъ скрыли аллегорію нравственности человѣческой и подъ видомъ химическихъ операцій разумѣли ходъ и обороты исправленія и усовершенствованія человѣческаго духа». Такимъ образомъ, будучи неспособны къ строго-разсудочному реальному мышленію, мистическіе русскіе мыслители, по преобладанію такой низшей познавательной способности, какъ воображеніе, вырабатывали свои идеи не реальнымъ, положительно-научнымъ мышленіемъ, а воображеніемъ. Поэтому люди, сохранявшіе здравый реальный смыслъ, упрекали ихъ за фантастическіе вымыслы воображенія, стояли за разсудокъ, за реальное мышленіе, за опытное познаніе и испытаніе природы. Такъ, неизвѣстный авторъ комедіи «Мнимый мудрецъ» (1786 г.) говоритъ: «почтимся обуздывать свое воображеніе, здравый разсудокъ предпочтительнѣе сброду разженнаго воображенія, какъ бы ни облекался онъ въ высокопарныя изреченія». Общество про-

---

[1]) Зап. Лоп., 30.

винціальныхъ любителей наукъ, успѣвшихъ познакомиться съ идеями Бэля, Локка, Шталя, Ньютона, Коперника, Бюффона и другихъ, также, какъ мы видѣли, отрицало въ области мысли господство воображенія и стояло за господство разсудка и опыта.

И не въ новиковское только время, а и послѣ недоразвитая русская мысль, вслѣдствіе разсудочнаго малосилія, еще не способна была къ тому серьезному и плодотворному, обобщающему духу сомнѣнія и отрицанія, какимъ отличались Декартъ, Вольтеръ и т. п. Только въ 1815—16 годахъ, послѣ трехлѣтней заграничной компаніи, вслѣдствіе невольнаго сравненія тихо-невозмутимой, застойчивой, пустой и праздной общественной жизни русской съ шумной и дѣедвигательной жизнью западныхъ обществъ, всколышенной революціоннымъ движеніемъ,—только съ этого времени впервые зародилось у насъ, преимущественно въ молодомъ поколѣніи побывавшихъ за границей, офицеровъ, а также въ университетскомъ молодомъ поколѣніи, нѣчто похожее на скептицизмъ. Именно зародилось то безпокойное, разочарованное настроеніе умовъ, которое не удовлетворялось ни существующимъ строемъ русской общественной и народной жизни, ни этими principes liberales администраціи перваго десятилѣтія XIX вѣка. Но и этотъ скептицизмъ больше походилъ на пустую хандру и скуку отъ бездѣлья, чѣмъ на серьезную, глубокую общественную критику. Для глубокаго, критическаго скептицизма мысль русская еще была слишкомъ мелка и слаба. Молодое русское поколѣніе еще только мечтало о дѣйствительномъ разборчивомъ сомнѣніи. Студенты харьковскаго университета, устроившіе въ 1819 г. общество любителей словесности, въ «Трудахъ» своихъ высказывали такіе умственные порывы и благожеланія: «разборчивое сомнѣніе есть шагъ къ истинѣ; будемъ взвѣшивать все на вѣсахъ нашего разума, но не вѣрить другимъ слѣпо или самимъ себѣ съ поспѣшностью; мы желаемъ имѣть самое вѣрное средство къ чувствованію истины и избѣжанію предразсудковъ; посвятимъ же время и труды наши на упражненіе въ искусственной логикѣ, и желаніе наше совершится», и т. д. [1]). Но искусственная логика не могла возбудить, создать интеллектуальной способности разборчиваго сомнѣнія, потому что не была еще развита сильная естественная логика, не были развиты естественныя разсудочныя силы для сомнѣнія, не было глубокой научной умственной подготовки для критики. И вотъ, цѣлое поколѣніе, въ періодъ Пушкинскихъ и Лермонтовскихъ героевъ разочарованія, представляло жалкую пародію или карикатуру европейскаго глубочайшаго, космополитическаго скептицизма, выразившагося, напр., въ титаническомъ типѣ геніевъ Байрона и Гейне. Влѣдствіе роскоши полузнаній и склонности къ легкому и поверхностному усвоенію общихъ идей, въ цѣломъ поколѣніи пассивно развивался большею частью безсознательный, безотчетный поверхностный духъ отрицанія и скептицизма, подъ вліяніемъ нецензурной, апокрифической, рукописной и печатной литературы, подъ вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ, гувернеровъ, а потомъ подъ влія-

[1]) „Ж. м. н. просвѣщ.". 119—120.

ніемъ идей Гегеля, Штрауса, Фейербаха, Бюхнера и др. Какъ во времена второго послѣ-петровскаго поколѣнія модно было «вольтерьянство» и названіе недорослыхъ скептиковъ «вольтерьянцами», такъ теперь въ «ходу» были сначала «principes liberales», потомъ «гегельянство», «гегельянцы», «либерализмъ» и т. п. О русскомъ юношествѣ и обществѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія о. Морошкинъ въ своей книгѣ о «іезуитахъ въ Россіи» замѣчаетъ: «это были не русскіе юноши, а французы съ ногъ до головы, самыя вѣрныя копіи и снимки съ ихъ гувернеровъ и учителей—съ французскимъ невѣріемъ и кощунствомъ, съ французскимъ невѣжествомъ въ русской исторіи, русской жизни, наконецъ, русскомъ языкѣ». «Нигдѣ въ Европѣ — говоритъ біографія Свѣчиной — ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ не говорили столько о злоупотребленіяхъ высшей власти и не защищали съ такимъ жаромъ достоинства человѣческаго, общей свободы умовъ и народовъ, какъ въ Петербургѣ. Отецъ мой (Свѣчиной) обладалъ всѣми качествами своего времени и раздѣлялъ всѣ его иллюзіи. Онъ былъ благороденъ, либераленъ, горячо сочувствовалъ всякому общественному улучшенію, но безъ знанія и опыта, утопистъ и совершенный невѣръ. Воспитаніе—своей дочери онъ далъ въ томъ же духѣ». Безъ знанія и опыте всѣ эти либеральныя и скептическія иллюзіи, естественно, очень скоро и улетучивались. «Наши невѣры бояре и ихъ жены—продолжаетъ о. Морошкинъ—послѣ нѣсколькихъ лѣтъ невѣрія и разврата, послѣ оргій петербургскихъ и парижскихъ, дѣлались самыми благочестивыми дѣтьми латинской церкви и летѣли въ ея распростертыя объятія» [1]). И въ 20-хъ и 30-хъ годахъ незрѣлые русскіе скептики «привозили» съ запада однѣ только «вольнолюбивыя мечты», ограничивавшіяся «восторженными рѣчами». Пушкинъ въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» такъ изображалъ этотъ типъ русскихъ скептиковъ своего времени:

Съ душою прямо геттингенской
Поклонникъ Канта и поэтъ,
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь...

Вообще, при неразвитости и поверхностности мысли, скептицизмъ русскій съ жаждой, полной вѣрой и удовлетворенностью усвоялъ чужія, готовыя, хотя бы самыя поверхностныя, скептическія идеи, но самъ не работалъ и не старался критически провѣрить эти заимствованные скептическіе выводы или отрицанья, не усиливался съ холодно-разсудочной критикой и энергіей изслѣдовать основанія своихъ скептическихъ увлеченій. Неглубокомысленные и малооснователъные русскіе скептики съ полной вѣрой читали такія скептическія сочиненія о Россіи, какъ, напр., «La Russie et les Russes» Тургенева, сочиненія о Россіи Кюстиня, Коля, Шницлера и т. п., и подъ вліяніемъ ихъ исполнялись духомъ отрицанія и либерализма отно-

[1]) О. Морошкинъ, „Іезуиты въ Россіи“. 266—267.

ительно внутренняго состоянія Россіи. Но никто изъ нихъ не волновался, е мучился такимъ сильнымъ, глубокимъ и серьезнымъ скептицизмомъ, тобы съ неодолимымъ рвеніемъ, съ предварительнымъ запасомъ всѣхъ еобходимыхъ положительныхъ знаній взяться за серьезное, глубокое аучно-критическое изслѣдованіе и изученіе внутреннихъ основъ и началъ усской общественной жизни, и на основаніи такого изученія выработать эквивалентный отрицанію раціональный, глубоко-обдуманный идеалъ оваго лучшаго соціальнаго строя, и такимъ образомъ утвердить свои скептическіе выводы, отрицанія и убѣжденія на прочныхъ началахъ реально-логической философіи. Этой-то сложной и трудной логической работы мысли и едоставало мелкому, поверхностному скептицизму русскому, при поверхностномъ развитіи мысли и при роскоши полузнаній. Въ катакомбахъ учшихъ студенческихъ кружковъ, не погрязшихъ въ пошлый, грубый, инический матеріализмъ вслѣдствіе праздности ума и бездѣйствія умственныхъ способностей,—въ этихъ лучшихъ кружкахъ студенчества 30-хъ 40-хъ годовъ чуть теплилась и зарождалась искра горячаго, честнаго, о тоже не глубокомысленнаго и не самостоятельнаго скептицизма, подъ ліяніемъ апокрифическихъ статей о Россіи и сочиненій Гегеля, Штрауса, ауера, Фейербаха, Бюхнера и др. Въ духѣ этого же скептическаго увлеченья списывались, переписывались, читались и перечитывались рукописныя статейки, вродѣ «письма Бѣлинскаго къ Гоголю» или статей Герена и т. п. Въ лирическомъ энтузіазмѣ отрицанья пѣлись въ катакомахъ студенческихъ либеральныя пѣсни, напр., Рылѣева и другихъ: «по увствамъ братья», «свобода гордыхъ вдохновенье» и т. п. А подъ-конецъ, огда стало зарождаться и мучить сознаніе умственной пустоты или поерхностности знанія и развитія, праздности и бездѣйствія умственныхъ пособностей, невольно пѣлась уныло и эта печальная циническая пѣсня кептическаго самообличенія: «и я студентъ, студентъ повѣса» и т. д.

Въ литературѣ, вслѣдствіе той же мелочности и поверхностности мысли знаній, вслѣдствіе невыработанности и отсутствія не только въ обществѣ, о и въ передовыхъ мыслителяхъ истиннаго, глубокаго скептическаго уха, въ литературѣ также высказался мелкій, поверхностный, неопредѣнный и большею частью даже ложный скептицизмъ русской мысли. усскіе журналы 20-хъ и 30-хъ годовъ характеризуются вообще восточымъ самоуспокоеніемъ и самообольщеніемъ. Въ «широкой масляницѣ», апримѣръ, они видѣли символъ и знакъ благоденствія Россіи подъ сѣю мира, какъ Булгаринъ въ «Сѣверной Пчелѣ» [1]), или восхищались, акъ «Сынъ Отечества», тѣмъ, что россійскіе сыны отечества, укрѣпляясь ознаніями, трудами промышленности, богатствами торговли, устройствомъ азличныхъ частей государственнаго управленія, съ незыблемой скалы юей Имперіи преспокойно смотрѣли на бури и волненія Европы. Журлы русскіе, какъ, напр., «Сѣверная Пчела» и другіе, осыпая ругательвами русскихъ эмигрантовъ, «подкупныхъ космополитовъ, недостойныхъ ыновъ россійскихъ, какъ преступныя души, непріемлемыхъ нѣдрами земли»,

[1]) „Сѣверн. Пчела“, 1836 г., № 48.

равнымъ образомъ ругая заграничныя сочиненія о Россіи, въ которыхъ «разбираются или, лучше сказать, раздираются наша новѣйшая исторія, указы Императора и вообще внутреннее положеніе дѣлъ въ Россіи»,— вполнѣ надѣялись на общество сыновъ отечества, что «никто изъ русскихъ не увлечется злоцѣльными умствованіями такихъ книгъ, наполненныхъ парадоксами и софизмами» [1]). Ультра-патріотическіе журналы русскіе защищали отъ нападковъ западныхъ не только русскіе нравы, суевѣрія и предразсудки, но и «прелестныя русскія печи, сани, войлочные сапоги» и т. п. Все то, что отзывалось критикой «разума», принципами «пользы» или нравственности, логически вытекавшей изъ естественныхъ законовъ эгоизма, все такое было пугаломъ, страшилищемъ для консервативно-патріотической журналистики. Булгаринъ, имѣвшій у своей «Сѣверной Пчелы», по свидѣтельству Шевырева, до 10,000 подписчиковъ, старался внушить имъ отвращеніе отъ всякаго утилитаризма и реализма, нападалъ на «раціонализмъ и грубую полезность». Литературная критика также не способна была съ разборчивымъ сомнѣніемъ анализировать достоинства сочиненій. Она искала въ сочиненіяхъ не идеи и точнаго, раціонально-положительнаго направленія мысли, любовалась не новою, свѣжею и живою реальною мыслью, а «любовью къ отечеству, коею проникнутъ былъ, напр., романъ», или «правильнымъ, яснымъ и легкимъ слогомъ, раздѣляя его на низкій, средній и высокій». Обыкновенную тенденцію и характеристику большей части журналовъ Булгаринскаго времени составляли не одна только боязнь всякой умственной тревоги, сомнѣнья, не одна восточная самоувѣренность и самообольщенность, но и положительное противодѣйствіе всѣмъ реформаціоннымъ идеямъ, заносимымъ къ намъ съ Запада. На писателей, въ которыхъ отражалась хоть тѣнь критическаго скептицизма и сомнѣнья, съ злостью нападали, какъ, напр., на Гоголя, Пушкина, Грибоѣдова и потомъ особенно на Бѣлинскаго, Булгаринъ нападалъ даже на «англійское своеволіе книгопечатанія». Деспотизмъ литературныхъ авторитетовъ вполнѣ преобладалъ надъ свободою, самостоятельностью и критикою литературнаго разума. Передъ литературными авторитетами и корифеями благоговѣли безъ малѣйшаго сомнѣнія, и если какой-нибудь скептикъ дерзалъ высказать свое сомнѣніе относительно кумировъ, на него возставали съ негодованіемъ. Напр., когда Арцыбашевъ написалъ критическія замѣчанія на историческую статью Карамзина объ Изяславѣ I. то нѣкто М. вооружился противъ него, упрекалъ Арцыбашева въ неуваженіи трудовъ исторіографа и говорилъ о Карамзинѣ: «нашъ Ливій не можетъ подлежать критикѣ» [2]). Самъ Карамзинъ отрицалъ значеніе критики, какъ воспитательнаго, исправительнаго, регулирующаго и развивающаго средства мысли. Говоря о критикѣ, онъ совѣтовалъ издателю быть не столько осторожнымъ, сколько человѣколюбивымъ. «Точно ли критика научаетъ писать?—говорилъ онъ:—не гораздо ли сильнѣе дѣйствуютъ образцы и примѣры! И не вездѣ ли та-

[1]) „Сѣверн. Пчела“ 1836 г., №№ 1 и 2, № 55.
[2]) „Отеч. Зап.“ 1825 г., ч. XXIV. № 67, 316.

іты предшествовали ученому строгому суду? Пиши, кто умѣетъ писать оошо: вотъ самая лучшая критика на дурныя книги. Глупая книга есть большое зло въ свѣтѣ. У насъ же такъ мало авторовъ, что не стоитъ пугать ихъ. Что принадлежитъ до критики, то мы не считаемъ ее гинною потребностью нашей литературы... Хорошая критика есть росшь литературы» [1]). Критика стремилась угодить, по наивному сознао Измайлова, издателя «Вѣстника Европы» въ 1814 году. При отрицаі критики, въ этомъ же журналѣ, какъ мы видѣли, доказывалась пьза цензуры.

При такомъ направленіи литературы, очевидно, въ ней невозможно ло развитіе критики чистаго разума и могучей силы истиннаго филофскаго сомнѣнья. Разъ, правда, послѣ «вольтерьянства» конца прошлаго начала XIX столѣтія, въ періодъ романтизма, исполненнаго незрѣлой сской мыслью до мистической меланхоліи, хандры и балладъ Жуковаго, повѣялъ на русскіе умы «духъ бурный, мятежный»—со стороны убочайшаго, космополитическаго духа скептицизма, Чайльдъ-Гарольда йрона. Многочисленными переводами Байрона русская литература стала спринимать этотъ новый духъ скептицизма, облетѣвшій и воодушевившій тогда всю мыслящую Европу. Но какъ поняли и усвоили его верхностные и неразвитые русскіе умы? Они, по причинѣ мелочности и верхностности своей мысли, поняли только внѣшность, но не глубину мірой скептической идеи Байрона. Умы русскіе, разумѣется, не могли, какъ ій Байрона, орлинымъ взоромъ обозрѣть, обнять и осмыслить всю громадность событій революціоннаго движенія Разума—генія истины и своды, и потомъ реакціонернаго движенія заблужденія—генія войны и десгизма, не могли обобщить всю эту громадность событій въ одну цѣлью, глубокую идею умственнаго стремленія Европы, не могли уразумѣть, злчить и познать въ этой великой драмѣ всемірной исторіи ни мрака стоящаго, ни идеала будущаго, изъ обобщенія которыхъ создался этотъ ганическій «Чайльдъ-Гарольдовскій» образъ и типъ глубочайшаго, космопитическаго скептицизма человѣческаго разума. И вотъ, вслѣдствіе уразумѣнія, вслѣдствіе своей поверхностности, русскіе умы не только не воили и не могли усвоить всей глубины Байроновскаго и Чайльдъ-Гарольвскаго, общечеловѣческаго духа скептицизма, но и обезобразили его оей мелкой и односторонней скептической мыслью. Онѣгины, Печоринымарины—это пародіи и даже карикатуры того величаваго, гордаго, могуго и глубочайшаго духа скептицизма, который выразился въ этомъ глукомысленнѣйшемъ, геніальномъ скептическомъ типѣ «Чайльдъ-Гарольда» ги самого Байрона. Весь скептицизмъ, выраженный въ типѣ Онѣгина, стоитъ въ неопредѣленномъ, безотчетномъ разочарованіи, не сознавшемъ но сферы отрицанія и идеала, безсильномъ на оппозицію—теоретическую практическую, въ лордскомъ самообольщеніи, не знавшемъ вполнѣ, что ужно отрицать, и отрицавшемъ, презиравшемъ «чернь». И дотого не-

[1]) „Вѣстн. Европы", 1802 г. № 1, 1803 г., № 23, стр. 227. Въ періодъ времени 01—1806 года на 10 или 11 книгъ приходилось 1 рецензія (Шторхъ).

глубокъ, неопредѣлененъ былъ этотъ скептицизмъ, что послѣ самъ Пушкинъ, не чувствуя силъ развить его глубже и шире, до степени глубокаго отрицанія и глубокаго идеала, отвернулся совсѣмъ и отъ своего прежняго типа скептическаго и, приступая къ изданію «Современника», по выраженію «Пчелы», «князь мысли сталъ рабомъ толпы» [1]). Скептицизмъ Печорина былъ еще мельче и грубѣе; это разочарованье и сомнѣнье не отъ критическаго глубокомыслія и познанія лжи общественной жизни, а разочарованье — отъ безмыслія и лжи собственной грубой и пошлой чувственно-офицерской жизни. Это не скептицизмъ вовсе, а какая-то восточная, чувственная пресыщенность или неудовлетворенность, восточная безсодержательность, апатія и праздность мысли, безотчетная тоска, хандра и мука отъ умственной пустоты и бездѣлья, отъ «изсушенья ума наукою безплодной», отъ отсутствія серьезныхъ и глубокихъ убѣжденій, вообще отъ неразвитости истинной, здоровой жизни и дѣятельности мысли. По изображенію точной, реальной критики «Современника», этотъ скептикъ Печоринскаго типа—ничто иное, какъ «русскій офицеръ 40-хъ годовъ, поклонникъ дикихъ страстей народа дикаго»—черкесовъ, слѣдовательно, съ восточной жаждой дикаго чувственнаго услажденья и несдержанности страстей, а не съ европейской жаждой точнаго, положительнаго, реальнаго знанія и изслѣдованія или раціональной идеедвигательной борьбы; это, далѣе, ничто иное, какъ офицеръ-денди, чуть-чуть не англійскій лордъ, слѣдовательно, скептикъ, не только не отрицающій аристократической монополіи крови, лордства, но еще обращающій особенное вниманіе на породистость; это, въ добавокъ, чисто восточный, гаремный герой страстный, но еще болѣе чувственный убійца Белы, Вѣры, княжны Мери, восточный гаремный чувственникъ до болѣзненной импотенціи и разочарованья; это, наконецъ, герой-скептикъ, ненавидящій фальшивый лоскъ, но въ то же время не отрѣшившійся отъ предразсудковъ лордства и породистости и не обращающій вниманія на все то, что просто, естественно, и потому не видящій народа за блескомъ мундировъ и т. п. Или, вотъ, напр., резонирующій скептицизмъ Сенковскаго – этого корифея русской журналистики 30-хъ годовъ. Несмотря на оригинальный, даровитый умъ, снабженный даже запасомъ естественныхъ знаній,—какой это, однакожъ, неустановившійся, неопредѣленный, безразличный, даже ложный и вредный скептицизмъ, именно вслѣдствіе невыработанности системы и энергіи убѣжденій, вслѣдствіе отсутствія умственной, математической очерченности круга отрицанія и круга идеала, во имя котораго направлялось бы отрицаніе. «Скептицизмъ Сенковскаго,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Пятковскій,—поверхностный и мало основательный, распространялся одинаково на всѣ предметы, на всѣ теоріи и убѣжденія; все сливалось передъ нимъ въ одинъ пестрый хаосъ, гдѣ тонули, рядомъ съ туманной нѣмецкой философіей (Зеленецкаго), всѣ практическія попытки общественныхъ преобразованій, рядомъ съ Гоголемъ—Кузьмичевы и Орловы. Попадался подъ перо Кювье—доставалось и Кювье, заходила рѣчь

[1]) „Пчела“ 1836 г., № 162.

о первыхъ попыткахъ въ сравнительной анатоміи—осмѣяны и онѣ. На расчищенной такимъ образомъ почвѣ могли устоять только тѣ кумиры, которые защищались Сенковскимъ купно съ Булгаринымъ. Критическій отдѣлъ «Библіотеки для Чтенія», всегда бранчивый, расхваливалъ «Дѣтскаго Карамзина» — эту уродливую передѣлку и безъ того неудовлетворительнаго оригинала «Лѣтописи россійской славы», романы вродѣ «Скопина Шуйскаго» и т. п. произведенія» [1]). До чего мелокъ, неразборчивъ былъ скептицизмъ Сенковскаго, можно видѣть еще изъ того, что онъ возставалъ противъ В. Гюго, Гоголя и автора «Горе отъ ума», а восхвалялъ Подолинскаго, Бенедиктова, Тимофѣева и т. п. Въ политической и соціальной критикѣ скептицизмъ Сенковскаго былъ даже просто фанатическимъ слугою реакціи. Въ «Большомъ выходѣ у Сатаны» всѣ соціальныя реформы, политическія движенія, революціонныя и преобразовательныя идеи, волновавшія тогда западные умы, представляются «сатанинскими исчадіями, сатанинскими выдумками и коварными обманами»; «даже парламентскій билль о реформѣ въ Англіи этотъ сатана отрицанія считаетъ своей выдумкой и предвѣстіемъ чудесной бури». Вообще, восточно-апатичнымъ безразличіемъ, нетерпимостью и фанатизмомъ отзывается весь этотъ «сатанинскій» скептицизмъ Сенковскаго. И публика русская, страдавшая наповалъ легкомысліемъ и праздностью ума, не любившая «углубляться въ наукахъ», а любившая наслаждаться празднымъ зубоскальствомъ и беззаботнымъ смѣхомъ, отличавшаяся совершеннымъ безразличіемъ и положительнымъ тупымъ равнодушіемъ, индифферентизмомъ и даже фанатическою нетерпимостью, антипатіею и боязнію идей западнаго «лжеименнаго разума», — публика россійская, какъ беззаботное дитя, не знавшее мукъ сомнѣнья и борьбы, предовольно надрывала всѣ свои животы отъ безразличныхъ смѣхотворныхъ остротъ Брамбеусовскаго скептицизма и преспокойно, крѣпко засыпала. «Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ — писалъ Гоголь по поводу выхода первой книжки «Библіотеки для чтенія» за 1834 годъ—читаютъ Сенковскаго и надрываютъ бока отъ смѣха. Офицеры читаютъ и говорятъ: «какъ хорошо пишетъ!» Помѣщики покупаютъ, подписываются и вѣрно читать будутъ». И спасенье русской мысли и литературѣ, что скоро явился Бѣлинскій и зажегъ въ ней дѣйствительную, жгучую искру истиннаго, реально-критическаго скептицизма, поднявши смѣлый голосъ сомнѣнья и критическаго суда и отрицанья не только противъ этихъ ложныхъ, мнимыхъ скептиковъ Брамбеусовъ и т. п., но и противъ ослѣпительно-блестящихъ авторитетовъ и кумировъ русской мысли, какъ одописецъ Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ, Булгаринъ и даже Карамзинъ и Пушкинъ. Небо россійской литературы стало расчищаться, и искра скептицизма не угасала. «На литературу—говорилось въ «Сѣверной пчелѣ» [2]) — находитъ школьный туманъ: критика прежняя

[1]) „Современ.". 1865 г., № 3: „Очеркъ изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ", 94.

[2]) 1837 г., № 5.

веселая, вострая хохотунья, по справедливости заснула». «Наша критика— говорилъ «Сынъ Отечества»—стала насмѣшлива, неуважительна, оскорбительна: литератора называетъ лжецомъ, Іудою искаріотскимъ. Кто теперь ею не осмѣянъ, не освистанъ, не оскорбленъ...

Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ...“

Такъ вопіяли обскуранты противъ Бѣлинскаго и противъ «Телескопа» и «Молвы», гдѣ выступалъ Бѣлинскій съ своей новой, реально-скептической критикой. И старое поколѣніе, физически изнемогшее и умственно заспавшееся послѣ эпикурейскихъ оргій, пировъ, кутежей и разврата, отъ тоски и скуки послѣ всеобщаго бездѣлья,—патологически, болѣзненно чувствовало свою отжилость и изнеможеніе и, оказавшись неспособнымъ къ бодрому, смѣлому и свободному умственному мужеству скептицизма, съ грустью, съ патологической меланхоліей и хандрой встрѣчало новое направленіе русской мысли и реально-скептической критики. Представители старой поэзіи съ чувствомъ замиранья пѣли:

„Обломки старыхъ поколѣній,
Вы, пережившіе свой вѣкъ,
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пѣней
Неправый праведенъ упрекъ!
Какъ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
Навстрѣчу солнцу и движенью
За новымъ пламенемъ брести!“

Но все-таки неразвитость въ нашей общественной мыслительности, способности критики и раціональнаго, реально-философскаго сомнѣнья чувствуется въ высшей степени. И можетъ ли быть въ нашемъ общественномъ разумѣ высоко развитая сила раціонально-критическаго, реально-философскаго сомнѣнія, когда предварительно цѣлыя столѣтія не воспитывалась и не развивалась генеративно-послѣдовательно, естественно-исторически общественная и народная мыслительность. И индивидуальные умы у насъ рѣдко переработываютъ критическимъ анализомъ философскаго сомнѣнія свой образъ мышленія, свое міросозерцаніе. Большинство изъ насъ пассивно отпечатлѣваетъ на себѣ на всю жизнь умственный типъ той доктрины, того міросозерцанія, того учебнаго заведенія, подъ вліяніемъ которыхъ слагался нашъ умственный и нравственный характеръ. Большинство изъ насъ, съ какими понятіями и убѣжденіями, съ какимъ умственнымъ складомъ и міросозерцаніемъ выйдетъ въ 20—25 лѣтъ изъ того или другого учебнаго заведенія—бурсы или семинаріи, изъ университета или военнаго училища, съ тѣмъ умственнымъ складомъ и міросозерцаніемъ остается и прозябаетъ потомъ и всю жизнь и умираетъ. А во многихъ умахъ, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, въ общественный омутъ рутины, суевѣрія, обскурантизма и традиціи, погасаетъ и та сла-

бая искра сомнѣнія и критики, какая еще теплилась при свѣтѣ науки,— и вѣра въ рутину, въ общую догматику общественнаго метафизическаго и суевѣрнаго міросозерцанія мало-по-малу беретъ перевѣсъ, и съ лѣтами, съ практикой житейской, развивается въ прочную схоластическую доктрину или систему, и въ такомъ видѣ передается потомъ отъ отцовъ дѣтямъ. Рѣдко кто, въ позднюю пору жизни, испытываетъ мучительно-тревожную борьбу сомнѣнія, ломку своего прежняго умственнаго склада. Рѣдко кто въ 30 — 35 лѣтъ усумнится во всѣхъ своихъ знаніяхъ, во всемъ своемъ міросозерцаніи и образѣ мышленія, какія установились въ 20—25 лѣтъ. Рѣдко кто способенъ всю жизнь сомнѣваться, сознавать и исправлять свои ошибки или заблужденія, неутомимо работать критическою мыслью и съ полною философскою свободою разума доискиваться истины. Мало такихъ личностей у насъ, оттого и мало умственнаго движенія. Напротивъ, множество у насъ умовъ, особенно между записными учеными метафизической, теологической и классической доктрины, которые, какъ дубовые столбы, стоятъ упорно, неподвижно in statu quo въ своей idea fixa. Оттого, и такія идеи, какъ, напр., идеи Аскоченскаго, Каткова и т. п., такъ же упорно и неподвижно держатся въ общественномъ сознаніи, какъ упорно и фанатично отстаиваются онѣ этими столбоставцами и тормазами народнаго интеллектуальнаго движенія.

VII

Вообще, какъ въ индивидуальномъ, такъ и общественномъ самовоспитаніи нашемъ въ настоящее время необходимо обращать особенное вниманіе, между прочимъ, на такое развитіе мыслительныхъ способностей, чтобы онѣ не были дремлющими, покоящимися, инертными силами, а были силами свободными, живыми, дѣятельными, были бы постоянными и энергическими факторами соціальными, необходимо обращать вниманіе на развитіе этого могучаго умственнаго возбудителя и двигателя—критическаго, философскаго сомнѣнія. Для этого наука должна вырабатывать и раскрывать, а литература должна популяризировать и пропагандировать тѣ точныя, положительныя знанія или истины, которыя однѣ могутъ служить прочными основами нормально-прогрессивнаго общественнаго и индивидуальнаго мышленія, міросозерцанія и соціальнаго строя. Распространеніе естествознанія вообще и, въ частности, особенное раскрытіе тѣхъ естественно-научныхъ истинъ, которыя служатъ существенными основами или законами соціальной жизни, основательное экспериментальное изученіе и раскрытіе природы или естественной экономіи русской земли и природы, исторіи и экономіи русскаго народа,—вотъ, по нашему мнѣнію, одни изъ главныхъ, ближайшихъ средствъ для воспитанія въ молодыхъ поколѣніяхъ и въ общественномъ разумѣ того умственно-возбудительнаго и дѣятельнаго духа критики, анализа и раціональнаго сомнѣнія, который является однимъ изъ самыхъ могучихъ мотивовъ интеллектуаль-

наго движенія впередъ. Если на естественную исторію экономіи и культуры русскаго народа смотрѣть, съ точки зрѣнія экспериментальнаго метода, какъ на экспериментальное, реально-физическое обнаруженіе и постепенное развитіе и выраженіе, въ физическомъ самовоспитаніи русскаго народа въ сферѣ естественной экономіи русской земли, умственной несостоятельности народа безъ свѣта и помощи естествознанія и естественно-исторической необходимости естествоиспытанія или знанія силъ и законовъ физической экономіи, то и эта реальная исторія, какъ итогъ вѣковой фактической всенародной экспериментаціи, можетъ a posteriori привести ко многимъ плодотворнымъ соціологическимъ выводамъ и соображеніямъ, можетъ заставить общественный разумъ невольно усумниться во многомъ, что нынѣ пользуется полнѣйшей общественной вѣрой, что создано было прежнимъ узко-схоластическимъ или метафизическимъ образомъ мышленія a priori. Но самое лучшее средство для развитія въ индивидуальномъ и общественномъ разумѣ раціонально-критическаго, философскаго сомнѣнія представляетъ, безъ сомнѣнія, экспериментальный методъ мышленія и изслѣдованія естественно-соціальныхъ явленій. Въ настоящее время, еще и во всей Европѣ, гражданскія общества состоятъ изъ двухъ діаметрально-противоположныхъ интеллектуальныхъ классовъ или разрядовъ, характеризующихся своимъ существенно-отличительнымъ образомъ мышленія, своимъ міросозерцаніемъ, именно: одни—схоластики или систематики-метафизики, другіе—экспериментаторы. И вездѣ классъ схоластиковъ и метафизиковъ численно еще сильно преобладаетъ надъ классомъ экспериментаторовъ. Въ нашемъ же обществѣ классъ экспериментаторовъ еще слишкомъ ограниченъ и малочисленъ, а классъ схоластиковъ или всякаго рода метафизическихъ систематиковъ еще повсюду составляетъ преобладающій и большею частью деспотически господствующій классъ. Кажется, ни въ одномъ европейскомъ обществѣ такъ не господствуютъ метафизическія идеи, идеи a priori, догматы политическіе, умственные, нравственные, хозяйственные, юридическіе, религіозные и пр., вообще схоластико-метафизическій образъ мышленія и міросозерцанія, какъ въ нашемъ русскомъ обществѣ. Всѣ мы пропитаны схоластикой, метафизикой, абсолютизмомъ. И въ этомъ-то и заключается вся бѣда, вся метафизическая схоластичность, произвольность, ложь и неподвижность нашего соціальнаго міросозерцанія и соціальнаго строя. Поэтому-то, нашему индивидуальному и общественному разуму и не знакома могучая интеллектуальная сила философскаго, раціонально-критическаго сомнѣнія. А по-настоящему каждый гражданинъ долженъ быть экспериментаторомъ. Онъ долженъ экспериментально изучать и познавать какъ явленія и законы природы, такъ и явленія и законы соціальной жизни, изучать, въ частности, соціальную физику, соціальную физіологію, гигіену, экономію и біологію, соціальное естественное право и т. п. Тогда естественно будетъ развиваться въ немъ и эта живая, движущая сила разума и прогресса, это primum movens—критическое, философское сомнѣніе. Потому что сомнѣніе составляетъ существенный принципъ экспериментальнаго метода: le grand principe expérimental,—какъ выражается Клодъ Бер-

ъ,—est le doute, le doute philosophique qui laisse à l'esprit sa liberté son initiative... Ce précepte général, qui est une des bases de la méde expérimentale, c'est le doute. Только человѣкъ, мыслящій по меу экспериментальному, способенъ сомнѣваться во всемъ, что не соглатся съ дѣйствительными фактами или законами природы или жизни, основывается на догматѣ или идеѣ a priori, что не вытекаетъ естеэнно изъ реальныхъ фактовъ или законовъ природы или жизни, какъ бходимый логическій постулятъ въ силлогизмѣ, что не выдерживаетъ льной критики, какъ строго-послѣдовательный, реально-логическій логизмъ законовъ природы или жизни. Въ этомъ отношеніи, намъ, жданамъ, нужно особенно учиться мыслить у экспериментаторовъ, по оду экспериментальному, или лучше—всѣмъ намъ должно быть саъ, въ большей или меньшей степени, экспериментаторами науки и зни. Тогда мы способны будемъ сомнѣваться въ своемъ схоластичемъ, метафизическомъ міросозерцаніи и доискиваться положительной, периментальной истины теоретической или научной и практическойіальной. «Экспериментальный образъ мышленія или разсужденія — эритъ Клодъ Бернаръ — совершенно противоположенъ разсужденію ластическому. Схоластика ищетъ всегда положительную и несомнѣн) точку отправленія, но не находя ее ни во внѣшнихъ предметахъ, въ разумѣ, она заимствуетъ ее изъ какого-нибудь нераціональнаго ationel) источника: какъ, напр., изъ откровенія, изъ традиціи, или условнаго или самопроизвольнаго авторитета. Найдя точку отпранія, схоластикъ или систематикъ дѣлаетъ логически изъ нея всѣ выы, приводя даже наблюденіе и опытъ надъ фактами, какъ доказаьства, когда они говорятъ въ его пользу, съ единственнымъ услоъ, чтобы точка отправленія оставалась неподвижной и не мѣнялась, бразно съ опытами и наблюденіями, чтобы факты были истолкованы способительно къ точкѣ отправленія. Экспериментаторъ, напротивъ, огда не признаетъ непоколебимой точки отправленія; принципъ его ъ постулятъ, изъ котораго онъ дѣлаетъ логически всѣ выводы, но никогда не принимаетъ его за абсолютную истину и безъ доказаьствъ опыта. Простыя тѣла химиковъ до тѣхъ поръ остаются проми, пока не доказано противнаго. Всѣ теоріи, которыя служатъ точотправленія физику, химику и еще болѣе физіологу, до тѣхъ поръ оятны, пока не открыты факты, которыхъ они не замѣчали или орые имъ противорѣчатъ. Когда эти противорѣчивые факты будутъ эльно прочно установлены, экспериментаторъ, вмѣсто того, чтобы ѣгать опыта, какъ дѣлаетъ схоластикъ или систематикъ для спасесвоей точки отправленія, поспѣшитъ, напротивъ, измѣнить свою тео. потому что онъ знаетъ, что это единственный способъ подвигаться редъ и дѣлать успѣхъ въ наукахъ. Экспериментаторъ сомнѣвается да, даже въ своей точкѣ отправленія; умъ его по необходимости тическій, сдержанный и уступчивый, и противорѣчіе принимаетъ единственно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы оно было ему доказано. ластикъ же или систематикъ, — что одно и то же, — не сомнѣвается

никогда въ своей точкѣ отправленія, къ которой онъ хочетъ подвести все: у него умъ гордый, нетерпѣливый или чуждый духа терпимости и не принимающій противорѣчія, потому что онъ увѣренъ, что его точка отправленія не можетъ измѣниться. Ученый систематикъ измышляетъ и навязываетъ свою идею, между тѣмъ, какъ ученый экспериментаторъ всегда только выдаетъ такъ, какъ она есть. Наконецъ, другая существенная черта, отличающая мышленіе опытное отъ мышленія схоластическаго, это — обиліе одного и безплодность другого. Схоластикъ, воображающій, что владѣетъ безусловной истиной, не приходитъ ни къ чему: дѣйствительно, съ своимъ безусловнымъ принципомъ онъ становится внѣ природы, въ которой все относительно, все въ связи. Напротивъ, экспериментаторъ, всегда сомнѣвающійся и не вѣрящій въ возможность обладанія безусловной точностью ни въ чемъ, дѣлается господиномъ явленій, которыя его окружаютъ, и распространяетъ свое могущество надъ природой. Человѣкъ peut donc plus qu'il ne sait, и истинное экспериментальное знаніе дѣлаетъ его могущественнымъ тогда, когда обнаруживаетъ его незнаніе. Ученый экспериментаторъ не гоняется за абсолютной истиной: ему нужна увѣренность въ соотношеніи явленій между собой. Нашъ умъ дѣйствительно такъ ограниченъ, что не знаетъ ни начала, ни конца вещей, но мы можемъ постигать средину, т.-е. то, что непосредственно насъ окружаетъ»[1]).

И наука и литература русская, намъ кажется, должны въ настоящее время общими усиліями воспитывать и развивать въ русскомъ обществѣ эту умственно-двигательную, прогрессивную силу критическаго мышленія и разумнаго сомнѣнія. Потому что вся наша интеллектуальная и соціальная застойчивость и неподвижность происходитъ отъ недостатка или отсутствія этой умственно-возбудительной и соціально-двигательной силы общественнаго разума. Не скептицизмъ, все отрицающій, ни во что не вѣрующій, намъ нуженъ, а необходима свобода общественнаго разума отъ предразсудковъ, критика общественной системы понятій и жизни, раціональное, философское сомнѣніе въ томъ, что въ общественномъ міросозерцаніи и строю ложно, нераціонально, суевѣрно, вредно, рутинно и пр. Соціальный строй нашего общества исполненъ предразсудковъ и аномалій умственныхъ, экономическихъ, юридическихъ, семейныхъ, нравственныхъ, соціально-физіологическихъ и т. п. — и общественный разумъ нашъ неспособенъ разобрать, анализировать ихъ раціональной критикой сомнѣнія. И потому эти аномаліи господствуютъ въ невозмутимомъ, неизмѣнномъ покоѣ, какъ истинные принципы, какъ законы соціальные, — и общественный организмъ страдаетъ отъ нихъ разными патологическими недостатками, или задерживается въ своемъ прогрессивномъ ростѣ и развитіи. Вникните, напр., въ систему господствующаго въ Россіи общественнаго и народнаго міросозерцанія — метафизико-догматическаго или метафизико-схоластическаго. Довольно

[1]) M. Claude Bernard, „Introduction à l'étude de la médecine expérimentale", въ главѣ de l'idée a priori et du doute, p. 63—88.

ı поверхностно прослѣдить историческіе успѣхи воспитательнаго влія-
этого міросозерцанія на русскій народъ, сравнивши, напр., умствен-
состояніе и міросозерцаніе темныхъ массъ народа въ XVI и XVII
ѣ съ умственнымъ состояніемъ и міровоззрѣніемъ ихъ въ XIX столѣ-
— и вы въ правѣ будете усумниться въ воспитательномъ достоин-
ѣ метафизико-догматическаго метода народнаго воспитанія и міросозер-
ія, особенно, если представите, сколько оно породило въ темной массѣ
ода самыхъ мрачныхъ суевѣрій и заблужденій, самыхъ дикихъ сектъ
р. Если только вы прослѣдите всю хаотическую и безплодную борьбу
гъ и расколовъ въ Россіи, представите весь мракъ ихъ заблужденій,
паутинную путаницу ихъ словопреній, толковъ и ученій, то вы
часъ же усумнитесь въ народообразовательномъ значеніи того схола-
ко-догматическаго направленія и воспитанія народнаго мышленія, ка-
доселѣ господствовало. Недаромъ же, въ прошломъ столѣтіи, мо-
вскій митрополитъ Платонъ совѣтовалъ даже духовнымъ проповѣдни-
ъ и учителямъ «подальше себя держать отъ схоластико-ѳеоретиче-
хъ мыслей, чтобы не заблудиться». Далѣе, если вы дадите себѣ
огій отчетъ въ годовомъ мѣсяцесловѣ русскаго общества и народной
зни, разсмотрите годовой образъ жизни, годовой циклъ уставно-обряд-
ъ чувствованій, вѣрованій и движеній русскаго народа и общества,
читаете всю трату умственныхъ и физическихъ силъ въ разные го-
ные періоды времени — напр., въ святки, масляницы, филиповки, пе-
вки, четыредесятницы и т. п., если вы раціонально, критически раз-
ете весь смыслъ годовой народной обыденной физіологіи и гигіены
зни, то едва-ли вы сохраните вѣру въ достоинство того народнаго
бщественнаго міросозерцанія, которое породило и свято хранитъ этотъ
овой мѣсяцесловъ или уставъ нашей народной и общественной жизни.
молимая, неотвратимая логика фактовъ невольно наводитъ духъ со-
нья или скорбнаго раздумья даже въ той области невозмутимо-стоя-
) міросозерцанія, гдѣ царюетъ вѣра и догматика. Покойный с.-пе-
бургскій митрополитъ Григорій въ письмѣ къ одному епархіальному
ерею скорбно писалъ: «дисциплина повсюду упадаетъ. Мы всячески
раемся поддержать ее. Но духъ, идущій отъинуду, сильнѣе насъ» [1]).
конецъ, можно ли не усумниться въ жизненности и плодотворности
) мистико-схоластическаго міросозерцанія, которое цѣлое тысячелѣтіе
одится in statu quo, безъ всякаго развитія, не возбуждаетъ ника-
ъ живыхъ идей въ умахъ народныхъ, которое, вѣчно ограничиваясь
оконъ вѣка установленнымъ супранатурально-метафизическимъ взгля-
ъ на физическій міръ, никогда не давало и не даетъ ни одного ра-
но-отчетливаго и жизненно-плодотворнаго отвѣта ни на одинъ изъ
ь мучительно-тревожныхъ вопросовъ, какіе постоянно, на каждомъ
у, задаетъ природа и жизнь. Крестьянинъ, вѣчно полагаясь на одинъ
ебенъ, вѣчно ограничиваясь однимъ церковнымъ взглядомъ на дождь
бездождіе, вѣчно вѣруя только въ цѣлебную силу св. воды или

---

[1]) Письмо въ „Чтен. общ. истор."

елеопомазанія, въ теченіе тысячелѣтія не прибавилъ изъ византійско-метафизическаго ученія къ своему суевѣрному громовнику ни одного раціональнаго метеорологическаго понятія, въ свой лечебникъ не внесъ ни одного здраваго физіологическаго, гигіеническаго и медицинскаго знанія. Воспитанное въ духѣ метафизико-догматическаго міросозерцанія, крестьянское общество, какъ, напр., села Парасковеи въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, по случаю постановленія земскаго собранія объ истребленіи овражковъ, ежегодно уничтожающихъ тамъ болѣе половины засѣваемаго хлѣба, подняло въ прошломъ году бунты или, по выраженію корреспондентовъ, «овражковыя революціи», единственно на основаніи того предразсудка, что овражковъ выливать грѣхъ, что это ниспосланная на нихъ кара Божія, противъ которой дѣйствительны только молитва и молебны [1]). Всѣ эти мысли и множество другихъ фактовъ не должны ли возбуждать въ общественномъ разумѣ духъ критическаго сомнѣнія относительно народнаго міросозерцанія? А между тѣмъ, въ обществѣ нашемъ нѣтъ почти и зачатковъ критическаго анализа и отрицанія господствующаго общественнаго и народнаго міросозерцанія. Оттого и весь умственный складъ, вся жизнь нашего общества и народа такъ же неподвижны и метафизико-догматичны, какъ неподвижно и схоластико-догматично и это міросозерцаніе. Византіей и Китаемъ отзывается оно. Оттого общественный разумъ нашъ и не способенъ додуматься до иниціативы радикальной реформы народнаго міросозерцанія посредствомъ естественно-научнаго раціонализированія его. Далѣе, заглянемъ ли мы въ соціально-физіологическую жизнь нашего общества и народа,—сколько здѣсь мы увидимъ вѣковыхъ, застарѣлыхъ аномалій. Физическое воспитаніе молодыхъ народныхъ поколѣній, даже помимо бурсъ, казармъ, общественныхъ пріютовъ, браки и вообще взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ, народное питаніе или продовольствіе, народное здоровье, преступленія и, въ частности, такія раскольничьи секты, какъ морельщики, скопцы и т. п., — все это вопіющимъ образомъ свидѣтельствуетъ о безчисленныхъ и жизнеубійственныхъ нарушеніяхъ нашимъ обществомъ и народомъ законовъ природы, законовъ физіологіи и гигіены. И нашъ общественный разумъ не въ состояніи критически анализировать физико-физіологическихъ основъ такого соціальнаго быта, не въ состояніи усумниться въ ихъ внутреннемъ достоинствѣ. Вотъ, напр., въ одномъ городѣ, считающемся прогрессивнымъ и либеральнымъ, оспа и горячки отъ міазматическихъ зараженій наповалъ валятъ и дѣтей и взрослыхъ, истребляютъ цѣлыя семейства, бѣшеныя собаки во множествѣ бѣгаютъ по улицамъ, возбуждаютъ въ обществѣ толки о случаяхъ смертоноснаго укушенія, — общество этого города не способно усумниться въ полицейско-гигіеническомъ благоустройствѣ своего города, не способно подумать объ общественной гигіенѣ, о распространеніи оспопрививанія, объ очищеніи городскихъ улицъ или предмѣстій отъ развивающихъ и распространяющихъ міазматическія зараженія

[1]) „С.-петер. вѣдом.“, 1867 г., № 211.

нечистотъ, о мѣрахъ противъ бѣшеныхъ собакъ и т. п. Напротивъ, большинство общества самоуспокоительно вѣритъ, что одна воля Божія— причина оспы, горячекъ и пр., и ни за что не усумнится въ этомъ вѣрованьи. Вообще, соціально-физіологическая жизнь наша исполнена анти-гигіеническихъ аномалій. Напр., въ исходѣ прошлаго года министръ внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ начальникамъ губерній о наружномъ благоустройствѣ городовъ и вообще населенныхъ мѣстъ объявлялъ: «если состояніе большей части нашихъ городовъ не удовлетворяетъ и тѣмъ требованіямъ, какія съ такою точностью выражены въ законѣ и объ исполненіи коихъ много разъ правительствомъ дѣлались напоминанія губернскимъ начальствамъ, нерѣдко по Высочайшимъ повелѣніямъ, то еще больше неудовлетворительнымъ представляется состояніе ихъ съ тѣхъ сторонъ, о коихъ законъ умалчиваетъ и развитіе коихъ правительство предоставляетъ иниціативѣ мѣстныхъ начальствъ и заботливости самихъ обывателей городовъ. Это тѣ простыя первоначальныя требованія гигіены, которыя понятны каждому сколько-нибудь образованному человѣку, не лишенному чувствъ зрѣнія и обонянія, а именно чистота и опрятность городовъ и разведеніе садовъ, скверовъ, бульваровъ и вообще растительности. Первое, т.-е. чистота, у насъ мѣстами еще соблюдается на улицахъ, но во дворахъ нигдѣ; сады и скверы встрѣчаются весьма рѣдко, и вообще губернское начальство мало интересуется этимъ предметомъ. Замѣчается напротивъ почти вездѣ отсутствіе всякаго попеченія съ этой стороны» [1]). Или около того же времени Санитарная Комиссія заявляла въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербург. Городской Полиціи»: «по случаю наступившаго времени продажи во множествѣ фруктовъ, овощей и ягодъ, неумѣренное употребленіе коихъ весьма вредно, а также во вниманіе къ продолжающемуся въ народѣ употребленію воды въ пищу и питье изъ каналовъ, Высочайше утвержденная Санитарная Комиссія считаетъ долгомъ своимъ, въ видахъ охраненія народнаго здравія, вновь предупредить, что употребленія недозрѣлыхъ плодовъ, притомъ въ сыромъ видѣ, слѣдуетъ избѣгать, такъ какъ подобное употребленіе ихъ весьма нерѣдко можетъ влечь за собою разнаго рода болѣзни, даже смертельныя. Вмѣстѣ съ симъ Комиссія напоминаетъ, что вода каналовъ также очень вредна для питья и пищи, такъ какъ въ нее вливаются разнаго рода нечистоты въ большомъ обиліи, отравляющія воды» и пр. [2]). И сколько подобныхъ уклоненій отъ законовъ гигіены можно насчитать въ нашей соціально-физіологической жизни. И однако-жъ, безотчетный, безсмысленный русскій «авось» во всей силѣ господствуетъ въ гигіеническихъ понятіяхъ нашего общества. Какъ въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ, «на улицахъ и переулкахъ, по свидѣтельству актовъ, изъ дальнихъ окольныхъ дворовъ возили и валили между жилыми дворами стерво и всякій скаредный пометъ» [3]), какъ Палласъ и Лепехинъ, объѣзжая

[1]) „С.-петерб. вѣдом.“, 1867 г., № 196.
[2]) Ibid, № 218.
[3]) Акт. отн. до юрид. б., № 64, стр. 463.

русскую землю въ прошломъ столѣтіи, во многихъ городахъ замѣчали вопіющіе анти-гигіеническіе недостатки и неудобства, или какъ въ XVII вѣкѣ русскіе, по свидѣтельству иностранцевъ, вонючую и протухлую рыбу предпочитали свѣжей, ржаной и притомъ затхлый хлѣбъ считали здоровѣе чистаго пшеничнаго хлѣба и т. п., такъ и доселѣ не только сельскій, но и городской народъ нашъ по большей части съ полнѣйшею вѣрою соблюдаетъ ту же самую до-петровскую, домостроевскую систему гигіены. И общественный разумъ доселѣ не способенъ усумниться въ достоинствѣ этой вредной, допотопно-рутинной народной гигіены, вообще не способенъ усумниться во множествѣ анти-физіологическихъ и анти-гигіеническихъ началъ своего соціальнаго быта. Далѣе, можно ли не усумниться въ правильной организаціи соціальнаго строя и народнаго труда и образованія въ томъ обществѣ, гдѣ, напр., населеніе еще до такой степени не отвыкло отъ анти-соціальнаго, кочевого и бродячаго быта, или до такой степени не находитъ въ обществѣ необходимаго довольства, обезпеченія и соціальнаго протяженія, что, напр., бродячее населеніе, отчасти находящееся въ постоянныхъ передвиженіяхъ, отчасти имѣющее полуосѣдлость безъ приписки (въ батракахъ, пастухахъ, лѣсныхъ сторожахъ и т. п.), порождаетъ время отъ времени то—постепенное образованіе 140-тысячнаго крѣпостного населенія, большею частью изъ бродягъ, бѣглецовъ и самовольныхъ переселенцевъ, въ міусскомъ округѣ, то ссылку въ Сибирь въ одно 20-лѣтіе (1827—1846 г.) 48½ тысячъ лицъ, уличенныхъ въ бродяжничествѣ, то случаи появленія, по введеніи въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 года, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ цѣлыхъ семействъ, уже давно числившихся въ бѣгахъ и исключенныхъ изъ послѣдней ревизіи: гдѣ господствуетъ сословный антагонизмъ и одно сословіе тормозитъ интеллектуальное и экономическое развитіе и благосостояніе другого сословія, гдѣ духовные учители народа и первые капиталисты, купцы 1-й и 2-й гильдіи, представляютъ классъ людей самый непроизводительный въ интеллектуальномъ прогрессѣ народа; гдѣ купецъ 2-й гильдіи и дворянинъ часто платитъ на земскія повинности только по 6 р. въ годъ, а крестьянинъ—по 25 р.; гдѣ хищническая наклонность жить насчетъ плодовъ чужого труда и чужого имущества господствуетъ до такой степени, что воровство преобладаетъ надъ всѣми другими преступленіями, представляя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ½ всѣхъ преступленій и пр.? Могутъ ли не рождаться въ умѣ разныя сомнѣнія относительно соціальнаго склада этого общества? А общественный смыслъ нашъ и не думаетъ, однако-жъ, съ критическимъ сомнѣніемъ анализировать соціально-юридическій и экономическій строй русскаго общества, организацію народнаго труда, распредѣленіе собственности и т. п. Онъ, напротивъ, самообольстительно вѣритъ во внутреннее благоустройство и процвѣтаніе русскаго общества, или, лучше сказать, не даетъ себѣ никакого отчета о своемъ внутреннемъ, соціальномъ складѣ, безсознательно покоится на изстаринныхъ гнилыхъ, рутинныхъ основахъ, преспокойно живетъ «по старинѣ и по пошлинѣ». Или, загляните еще въ соціально-экономическій бытъ русскаго народа и общества. Вспомните, напр., что у насъ, при несмѣтныхъ богатствахъ естественной экономіи,

всѣхъ цѣнностей производства земледѣльческой, горнозаводской и фабричной промышленности приходится на каждаго жителя только около 38 р. въ годъ, т.-е. около 10 коп. въ день, на 1-го собственника считается 10 или 11 несобственниковъ и во многихъ губерніяхъ каждому жителю приходится всего имущества цѣною только отъ 40—20 р.; годовой приходъ крестьянина часто бываетъ только около 30 р., а расходъ превышаетъ 40 руб., а на однѣ земскія повинности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ платитъ до 25 р., или гдѣ нерѣдко, за уплатою государственныхъ и земскихъ повинностей, крестьянину остается изъ его бюджета на свои собственныя нужды всего 2 р. въ годъ, гдѣ заработная плата, особенно рабочихъ женщинъ, часто бываетъ до чрезвычайности низка, напр., по 60 коп. за 7 или 8 дней самой усидчивой работы за шитьемъ, напр., мѣшковъ при своихъниткахъ и т. п., и дѣйствительная экономія отъ рабочаго дня сплошь и рядомъ составляетъ только отъ 3 до 7 коп. и пр. Вспомните, что сырой матеріалъ у насъ еще слишкомъ преобладаетъ надъ интеллектуальной продукціей индустріальнаго труда, такъ что, напр., изъ товаровъ, отпускаемыхъ изъ Россіи за границу, 93% состоятъ изъ грубыхъ сырыхъ продуктовъ, и что фабричнозаводская промышленность у насъ большею частью годъ отъ году упадаетъ, а не развивается, такъ что въ три года съ 1860 по 1863-й число фабрикъ уменьшилось на 2,325, а число рабочихъ на 181,060 человѣкъ, т.-е. тѣхъ и другихъ слишкомъ на 20%, или, въ частности, вмѣсто 450 свеклосахарныхъ заводовъ, дѣйствовавшихъ въ началѣ 1861 года, къ періоду 1865—1866 г. дѣйствовали уже только 249 заводовъ, а прочіе упали по многимъ экономическимъ причинамъ и, между прочимъ, по недостатку въ заводскомъ персоналѣ свѣдущихъ людей и по отсутствію механическихъ заводовъ. Вспомните, что въ Россіи, называющейся по преимуществу страною земледѣльческою, при неизмѣримомъ обиліи хлѣбородной почвы, при существованіи 90 милл. десятинъ черноземной почвы, часто бываетъ недостатокъ въ хлѣбѣ, рѣдкій годъ не бываетъ неурожаевъ. «Нигдѣ въ Европѣ—говоритъ Реденъ—урожай не подверженъ такимъ случайностямъ и измѣненіямъ, какъ въ Россіи. Въ Европѣ не бываетъ такихъ урожаевъ, которые давали бы хлѣба въ излишествѣ, но зато не встрѣчается и противоположныхъ крайностей. Это поразительное разнообразіе русскихъ урожаевъ обусловливается не однѣми только физическими причинами, не одна почва и климатъ виноваты въ немъ, въ немъ виновато незнаніе, какъ справиться съ производительными силами почвы, неумѣнье увеличивать или ослаблять ихъ по мѣрѣ надобности. Земледѣліе ведется въ настоящее время въ Россіи на такихъ же точно началахъ, какъ за 300 лѣтъ тому назадъ»[1]. И можно ли исчислить здѣсь бѣгло всѣ аномаліи нашего экономическаго быта? А сообразивши всѣ эти аномаліи, можно ли не усумниться въ правильности нашего соціально-экономическаго строя, въ достоинствѣ индустріальной интеллигенціи и экономическихъ понятій и знаній народа, въ цѣлесообразности существующей системы нашего соціально-экономическаго образованія? А между тѣмъ нашъ общественный разумъ преспокойно вѣруетъ во всю эту

[1] „Russlands Kraftelemente“, 84.

допотопную догматику народной экономіи. Исторія русская ясно показала, что народъ русскій оттого и не развитъ, суевѣренъ, бѣденъ и политически не самостоятеленъ, что онъ всегда былъ пассивнымъ рабомъ въ области естественной экономіи, былъ только работникомъ въ области природы русской земли, а не былъ въ то же время внимательнымъ, разумно-пытливымъ ученикомъ ея, не былъ хозяиномъ-естествоиспытателемъ въ области физической экономіи русской земли, работалъ слѣпо и ощупью, только топоромъ, косой и сохой, а не изслѣдуя ее въ то же время разумомъ, не изучая и не зная природы. И въ настоящее время повсюду въ Россіи и Сибири, въ области разнообразной естественной экономіи русской земли, какъ муравьи копошатся и работаютъ только милліоны однихъ что ни есть самыхъ темныхъ рабочихъ массъ народа, нисколько не знающихъ естественныхъ наукъ или великой науки экономіи природы, какъ будто однимъ только темнымъ рабочимъ массамъ и предназначена и нужна экономія природы. Молодыя поколѣнія, получающія высшее образованіе и долженствующія представлять интеллигентныхъ, раціональныхъ экономическихъ дѣятелей—новозиждителей естественно-научныхъ основъ народной экономіи, вождей и просвѣтителей рабочихъ массъ,—эти молодыя поколѣнія по большей части вовсе не готовятся быть экономическими дѣятелями, основоположителями новой естественно-научной системы народной экономіи и практическими учителями, просвѣтителями рабочихъ массъ. Они не идутъ по той прямой дорогѣ экспериментальнаго метода, по которой зоветъ ихъ и исторія и экономія русскаго народа прямо въ область естественной экономіи русской земли, на великое дѣло естественно-научнаго возсозданія русской земли и естественно научнаго просвѣщенія русскаго народа. Наши высшія учебныя заведенія даютъ гораздо больше юристовъ, филологовъ, классиковъ, теологовъ и т. п., чѣмъ тѣхъ дѣятелей и учителей народа, какихъ требуетъ естественная экономія русской земли и естественно-экономическая, реальная исторія русскаго народа. По экспериментально-фактической логикѣ русской исторіи, теперь великимъ очереднымъ вопросомъ является вопросъ о выступленіи въ область естественной экономіи русской земли и въ область народной экономіи, или народнаго труда, въ темную массу рабочаго народа, людей естественно-научной интеллигенціи, разума, естествознанія—химиковъ, физиковъ, ботаниковъ, зоологовъ, минералоговъ, агрономовъ, техниковъ, механиковъ, словомъ—натуралистовъ, естествоиспытателей. Потому что рабочій народъ русскій, какъ могъ, сдѣлалъ свое основоположительное историческое дѣло, совершилъ свою вѣковую, архитектоническую работу: распространилъ, расчистилъ и разработалъ изъ-подъ лѣсовъ и болотъ, обстроилъ и колонизовалъ русскую землю, обзавелъ ее селеніями, пашнями, скотомъ и пр., пріобрѣлъ и расчистилъ обширную область естественной экономіи земли—плодородной почвы, пріобрѣлъ обширную область зоологической экономіи въ звѣроловныхъ лѣсахъ, въ скотоводческихъ степяхъ, въ рыболовныхъ, пчеловодныхъ и шелководныхъ угодьяхъ, пріобрѣлъ Уралъ, Алтай, Нерчинскія горы, Енисейскую тайгу,—эти богатыя сокровищницы или резервуары минеральныхъ произведеній и пр. Исторія русская всею фактическою экспериментаціею своей, всею суммою, всею логикою своихъ главныхъ,

основныхъ фактовъ какъ нельзя болѣе ясно доказала, отчего народъ русскій былъ безсиленъ въ обладаніи всею этою обширною и разнообразною физическою экономіею русской земли, чего ему недоставало, въ чемъ заключался ключъ ко всѣмъ естественнымъ фабрикамъ, лабораторіямъ и сокровищницамъ естественной экономіи Россіи и Сибири. Вся исторія народной колонизаціи, культуры и экономіи, въ основныхъ принципахъ своихъ, есть ничто иное, какъ фактическое, экспериментальное обнаруженіе умственнаго безсилія русскаго народа въ борьбѣ съ природой, въ пользованіи естественною экономіею русской земли, и въ то же время—постепенное фактическое, экспериментальное развитіе и выраженіе естественной потребности естествознанія, или знанія физической экономіи европейской Россіи и Сибири,—потребности, окончательно созрѣвшей къ концу XVII вѣка и особенно ясно высказавшейся въ XVIII вѣкѣ, въ великую эпоху первыхъ естественно-научныхъ экспедицій и первыхъ зачатковъ естественно-научнаго самопознанія Россіи. Всѣ историческія ошибки и заблужденія русскаго народа въ направленіи его экономіи и міросозерцанія, по экспериментальному указанію или выводу русской исторіи, проистекали главнѣйшимъ образомъ отъ незнанія природы вообще и, въ частности, природы русской земли. И ключъ къ естественной экономіи русской земли и свѣточъ къ великому училищу природы—это искомое всей исторіи народной экономіи и народнаго міросозерцанія, по тому же экспериментальному указанію русской исторіи, заключается въ естествознаніи. Слѣдовательно, первое призваніе всѣхъ молодыхъ поколѣній, получающихъ высшее образованіе, или первый, новый естественно-историческій завѣтъ имъ есть тотъ, чтобы со всею умственною энергіею, какъ можно глубже, серьезнѣе и основательнѣе изучать естественныя науки и съ свѣточемъ ихъ итти въ обширную область естественной экономіи русской земли и въ область труда и экономіи рабочаго народа, и тамъ, основывая свою экономическую дѣятельность на началахъ естествознанія, основывая разнообразныя естественнонаучно-экономическія ассоціаціи, естественнонаучно-раціональныя фабрики и заводы и пр. и такимъ образомъ закладывая новые, естественно-научные починки или основы народной экономіи, устроять, вслѣдствіе того, и свое счастье или благосостояніе, въ то же время самимъ дальше развиваться, просвѣщаться путемъ дальнѣйшихъ практическихъ упражненій, опытовъ и наблюденій въ области практическаго, экспериментально-экономическаго естествоиспытанія и, наконецъ, посредствомъ всего этого наглядно, практически указывать мало-по-малу и рабочимъ массамъ новыя, естественно-научныя основы экономіи, устроять такимъ образомъ счастье или довольство и просвѣщеніе и массъ рабочихъ, наглядными, практическими образцами новой, естественно-научной экономіи привлекать, располагать молодыя рабочія поколѣнія и къ свѣту естественнаго ученія и къ постепенной естественно-научной реформѣ всей системы народной экономіи. Рабочій народъ русскій архитектонически, путемъ колонизаціи, можно сказать, создалъ, обработалъ и обстроилъ русскую землю, основалъ на ней первичныя, непосредственно-натуральныя колоніи или рабочія общины. Молодыя, естественнонаучно-просвѣщенныя поколѣнія должны теперь начинать есте-

ственно-научно возсозидать русскую землю, колонизовать или обстраивать ее новыми естественнонаучно-экономическими колоніями, ассоціаціями естественно-научнаго труда и экономическаго естествоиспытанія или преобразовывать, возсозидать на раціональныхъ, естественно-научныхъ основахъ существующія рабоче-промышленныя общины городскія и сельскія. Такія мысли, такіе послѣдніе выводы внушаетъ логика или экспериментація физико-экономической исторіи русскаго народа. И что же однако-жъ? Общественный смыслъ нашъ, несмотря на всю логичность этого послѣдняго вывода нашей исторіи, не только не способенъ додуматься до иниціативы раціональнаго, естестественнонаучно-экономическаго возсозданія и преобразованія рабоче-промышленныхъ общинъ, но и не способенъ нисколько усумниться въ достоинствѣ и нормальности существующаго доселѣ изстариннаго земскаго строенія, характеризующагося не развитіемъ и жизнью разума, интеллигенціи и естествознанія, а, такъ сказать, перегноемъ до-петровскаго домостроя, обскурантизма и суевѣрія. И эта безсознательность, недодумчивость и апатія нашего общественнаго разума тѣмъ анахронистичнѣе, что та же естественно-экономическая исторія русскаго народа практически предначертала отчасти и самую схему или форму соціальнаго развитія въ Россіи хотя въ грубыхъ зародышахъ, но зато практически, de facto вырабатывала и предуказывала и самую идею естественнонаучно-экономическихъ общинъ. Сама природа русской земли, дикая, невоздѣланная, суровая по климату, скупая на произведенія, естественно научала русскій народъ организовать естественно-рабочія общины и артели, чтобы собча, совокупными, коллективными силами побороть и покорять дикую и суровую природу культурѣ. Чѣмъ труднѣе была физическая работа въ борьбѣ съ природой, чѣмъ труднодоступнѣе была естественная экономія русской земли, тѣмъ необходимѣе было общинное, кооперативное или коллективное напряженіе и сосредоточеніе рабочихъ силъ въ борьбѣ съ природой. И вотъ, въ эпоху первоначальной, колонизаціонной борьбы съ природой черныхъ, дикихъ лѣсовъ, въ эпоху «посаженья и поставленья починковъ и деревень на лѣсѣхъ», основывались во-первыхъ, общины земледѣльческія, и сообща «старосты съ крестьянами, поговоря всѣмъ міромъ, называли въ общины людей» — работниковъ. И каждый членъ каждой общины обязывался исполнять, сообща съ другими членами, общинное, земское дѣло первоначальнаго покоренія дикой лѣсной природы культурѣ земледѣльческой—«лѣсъ рубить и ронить, дѣлать роздѣль, росчисть, устроять бортные и другіе ухожаи, пашни распахивать и хлѣбъ сѣять». Община или волость всякому вольному охочему человѣку, вступавшему въ составъ ея или «поряжавшемуся въ крестьянство», «лѣсъ давала» для росчисти и роздѣли, и онъ «давалъ на себя запись старостѣ и всѣмъ крестьянамъ всей волости»—«въ томъ дикомъ лѣсу ходить, дѣлать росчисть, роздѣль, распахивать пашню, знамя дѣлать, насѣять землю и впустѣ не оставлять отведеннаго общиннаго участка земли, а посадить на нее жильца—новаго работника» [1]). Уставными граматами

[1]) „А. Юр.“, № 6, № 187, 176. Бѣляева, „О крестьянахъ на Руси“, 84—93.

объ излюбленномъ общинномъ самоуправленіи общины обязывались «на пустыя мѣста дворовыя на посадѣ, и въ станахъ, и въ волостяхъ, въ пустыя деревни и въ пустоши и на старыя селища сообща хрестьянъ называть, чтобы дикую, не воздѣланную природу лѣсовъ коллективными силами, сообща, успѣшнѣе покорять земледѣльческому топору, косѣ и сохѣ, чтобы пустошь обращалась въ хлѣбныя, производительныя села»[1]. Всѣ члены общины, какъ только приходили въ зрѣлый возрастъ, пріобрѣтали необходимую физическую и умственную рабочую силу, обязывались общинной уставной граматой сообща покорять природу, извлекать изъ естественной экономіи все, что нужно для жизни, ловить птицъ, звѣрей и рыбъ, собирать ягоды и грибы: «а которыхъ земскихъ людей дѣти или племянники, а будетъ поспѣли промышлять звѣря, и птицу и рыбу ловить, и ягоды и грибы брати, — и на тѣхъ староста и всѣ крестьяне клали, по разсужденью, кто чего достоинъ»[2]. Почувствовалась необходимость изслѣдовать минералогическую экономію и продукцію русской земли,—и рудознатцы русскіе совокуплялись въ артели, и общими, кооперативными усиліями разыскивали «по горамъ, межъ горъ и по инымъ мѣстамъ золотую и серебряную и мѣдную и желѣзную и иныя всякія руды, и сѣру горючую, и краски, и слюду, и всякое узорочное и простое пригодное каменье ломали» и пр.[3]. Повреждали ли что-либо въ тѣхъ или другихъ земскихъ учрежденіяхъ физическія силы, напр., «вѣтромъ лѣсъ сломало и завалило дорогу», всѣ уѣздные жилецкіе люди общиной «досматривали тотъ завальной всякой лѣсъ», изслѣдовали, сколько могли, топографическія, гидрографическія и вообще естественныя условія мѣстности и, на основаніи досмотра или изслѣдованія, пролагали новую дорогу: «и та новая дорога, по отчету общины, выходила вычищена прежней дороги прямѣе и лучше, а прежняя дорога была зимнимъ путемъ и весною по рѣкѣ больше 15 верстъ, и та рѣка зимою мало мерзла, а по инымъ рѣкамъ объѣздъ дальній, и наледь бываетъ во всю зиму,—и весною тѣ рѣки проходятъ вскорѣ, а лѣтомъ подлѣ рѣки по берегу и переѣздъ черезъ рѣки нужный, и потому новая дорога проложена лучше и прямѣе прежней»[4]. Совершали ли рѣки свои могучія, геологическія дѣйствія, размывали, напр., берега и образовывали новыя, наносныя формаціи—«новоприсадныя мѣста и пески»,—опять общины «повальнымъ обыскомъ» всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ земскихъ людей «досматривали тѣ новоприсадныя мѣста и пески, что присадило и присыпало рѣкою вново, или бокомъ смежно съодиначило», отмѣчая при этомъ подробно всѣ формы гидрографическихъ и почвенныхъ осадковъ, промоинъ и новообразованій. Само правительство даже еще въ XVII в. сплошь и рядомъ полагалось на опытныя, непосредственно эмпирическія наблюденія и знанія общинъ. Общины, по ука-

---

1) „А. А. Э.“, т. I, № 234.
2) „А. А. Э.“ т. I. № 269.
3) Доп. VII, № 10.
4) Доп. VI, № 119.

замъ его, обязаны были сыскивать и описывать «лекарственныя травы и иныя вещи» [1]). Общины, зная по опыту, напр., мѣстонахожденія тѣхъ или другихъ древесныхъ породъ, или естественныя условія водныхъ путей и пр., давали правительству въ этомъ отношеніи свои мірскіе совѣты и сказки. Напр., въ 1667 г. всѣ земскіе люди Кикинской волости Вяземскаго уѣзда въ одинъ голосъ говорили: «обыскано на судовое дѣло лѣсу краснаго сосноваго самаго большого 50 деревъ, длиною по 5 и по 6 и по 7 саженъ и больше, и тотъ лѣсъ Угрою рѣкою до Оки рѣки въ низъ въ 200 верстахъ, и вешнею полою большою водою, послѣ скрою, можно плавить до Оки рѣки плотами, и тому судовому лѣсу на меляхъ задержанья и судовому дѣлу мотчанья не будетъ, а только великій государь укажетъ тотъ лѣсъ везти стругами меженною водою, и тому лѣсу на меляхъ будетъ задержанье и судовому дѣлу мотчанье: то наша мирскихъ людей и сказка» [2]). Требовались ли точныя наблюденія надъ прибылью или убылью воды въ судоходной рѣкѣ, надъ состояніемъ погоды и пр., или нужно было діагнозировать какого-либо больного, который, напр., страдалъ «падучею болѣзнью и въ той болѣзни говорилъ завираючи забывая въ умѣ», или нужно было собрать свѣдѣнія о свирѣпствовавшемъ въ той или другой мѣстности моровомъ повѣтріи, — опять всѣ подобные естественные вопросы предлагались на изысканіе и рѣшенье общинъ, предписывалось «сыскать, досмотрѣть и дознать» то или другое естественное явленіе «всякими людьми накрѣпко посадскими и уѣздными лучшими, середними и молодчими всякихъ чиновъ людьми» [3]). Слѣдовательно, по естественному ходу русской исторіи, по естественному образованію общинъ, обусловленныхъ многотрудной борьбой съ суровой сѣверной природой, силой самыхъ вещей всѣ члены земскихъ общинъ необходимо побуждались «досматривать и сыскивать», слѣдовательно постоянно болѣе или менѣе наблюдать, изслѣдовать и познавать, хотя поверхностно, тѣ или другія физическія явленія и условія, неотвратимо дѣйствовавшія на общинную жизнь, на общинное хозяйство, здоровье и благосостояніе. Ясно, что экспериментальное, или эмпирическое, непосредственно-натуральное естествознаніе необходимо было каждому члену общины. Но какъ древне-русскія естественно-рабочія общины не обладали этой могучей силой въ борьбѣ съ природой—научнымъ естествоиспытаніемъ и, въ частности, не способны были къ естественно-научному изслѣдованію, открытію и покоренію продуктивныхъ силъ естественной экономіи русской земли, то правительство взяло на себя заботу удовлетворять этой естественной потребности общинъ—потребности познанія, изслѣдованія, открытія и разработки разнообразной продукціи естественной экономіи русской земли. Оно призвало западныхъ рудознатцевъ и естествоиспытателей. И съ XVIII вѣка начались обширныя и непрерывныя естественно-научныя экспедиціи—

[1]) Дополн. VI, № 127.
[2]) Доп. V, № 46, стр. 224.
[3]) Доп. VI. 261—262. „Чт. общ. ист.", 1859 г., кн. 2: Короченск. акты, № 67, стр. 52

ершмидта, Штеллера, Гмелина, Крашенинникова, Палласа, Лепехина, ка и т. д. Этотъ вѣковой, многознаменательный фактъ естественнаго самопознанія Россіи, изслѣдованія физической экономіи разыхъ областей былъ естественно-историческимъ правительственнымъ омъ на ту естественно-историческую потребность досмотра, изслѣдои познанія природной экономіи русской земли, которая собно и вызвала въ древней Россіи натурально-рабочія общины для совоой, кооперативной борьбы съ природой, и постоянно выражалась ими ѣхъ земскихъ досмотрахъ и обыскахъ относительно тѣхъ или другихъ твенныхъ явленій, неотразимо дѣйствовавшихъ на общинную жизнь. къ какъ все безсиліе и всѣ аномаліи древне-русской, непосредственноальной общинной экономіи проистекали главнымъ образомъ отъ отсутестественно-научнаго знанія физической экономіи русской земли, то юху естественно-научнаго изученія естественной экономіи Россіи и ри сознана была также и потребность поправленія всѣхъ прежнихъ татковъ общинной или народной экономіи посредствомъ распростра недостававшихъ древнимъ общинамъ знаній. Эту потребность такимъ юмъ выразило учрежденное въ 1765 г. «Вольное экономическое обще: «Нѣтъ удобнѣйшаго средства къ приращенію въ государствѣ народблагополучія, какъ стараться приводить экономію въ лучшее состопоказывая надежнѣйшіе способы, какимъ образомъ естественныя проценія съ вящшею пользою употребляемы и прежніе недостатки равляемы быть могутъ, и для того соединенными сии обращать свои труды на распространеніе въ отечествѣ о земледѣліи мостроительствѣ знаній...» Такимъ образомъ, по естественному ходу ой исторіи, если первоначально, для борьбы съ дикой и суровой сѣй природой, для извлеченія необходимыхъ жизненныхъ произведеній бласти естественной экономіи русской земли, естественно составлялись ны, непосредственно-натуральныя ассоціаціи физическихъ и умствен рабочихъ силъ, и общины эти естественно побуждались «досмавать и сыскивать», изслѣдовать и познавать тѣ или другія естеныя явленія, обусловливавшія или окружавшія общинную жизнь, то ѣдуетъ ли отсюда, по самой логикѣ нашего естественно-историческаго цина, что естественно-научныя экономическія ассоціаціи или общины топія, а естественно-историческое требованіе физической экономіи и іи русской земли, что, слѣдовательно, и въ настоящее время естено-исторически необходимо дальнѣйшее развитіе этого естественноическаго же принципа общинъ, созданнаго и завѣщаннаго намъ и одой и исторіей русской земли. Если на борьбу съ природой лѣсовъ, ы, рѣкъ, горъ и пр. составлялись общины и артели, и если эти общины, ладая научнымъ естествознаніемъ, боролись только коллективными ческими силами съ лѣсами, звѣрями, рѣками, болотами, волоками и т. п. осматривали и сыскивали» естественныя явленія только крайне поностно, то въ настоящее время, располагающее уже богатыми силами эдствами научнаго естествознанія, не должны ли тѣмъ болѣе наши ія общины, городскія и сельскія, преобразоваться въ раціональныя,

естественнонаучно-экономическія общины? Не должны ли всѣ члены этихъ общинъ также коллективными, только уже не однѣми физическими, а и естественно-научными силами бороться съ природой, разрабатывать естественную экономію русской земли, общими силами содѣйствовать развитію соціальной физики, соціальной гигіены, соціальной агрономіи, соціальной технологіи и пр. Не должны ли всѣ члены каждой общины общими силами изслѣдовать и познавать силы и законы физическіе, метеорологическіе, химическіе и другіе, постоянно и разнообразно проявляющіеся въ тѣхъ или другихъ сферахъ народной экономіи и жизни, и, вооружаясь силами и средствами современнаго естествознанія, итти уже не просто на борьбу съ черными дикими лѣсами, съ разливами или мелями рѣкъ, съ поверхностными пластами рудныхъ горъ и т. п., а на борьбу съ сокровенными силами природы, физическими, химическими и пр. Если въ древне-русскихъ непосредственно-натуральныхъ общинахъ преобладала ассоціація физическихъ рабочихъ силъ въ борьбѣ съ природой, и всѣ члены общины навыкали только поверхностно «досматривать и сыскивать» тѣ или другія естественныя явленія, вродѣ «новоприсадныхъ песковъ» или сваленнаго вѣтромъ лѣса и т. п., то въ новыхъ, естественнонаучно-экономическихъ общинахъ не должна ли преобладать ассоціація интеллектуальныхъ, естествоиспытательныхъ рабочихъ силъ, и также всѣ члены общины не обязаны ли поголовно уже не просто «досматривать и сыскивать» или «дозирать» тѣ или другія естественныя явленія, а глубоко, основательно изучать естественныя науки, чтобы уже не поверхностно «досматривать», а глубоко, естественнонаучно, экспериментально испытывать, изслѣдовать и познавать природу или тѣ естественныя явленія, силы и законы, какіе могущественно и постоянно дѣйствуютъ на общественную жизнь, на общественное хозяйство, здоровье, благосостояніе и міросозерцаніе. Да, такъ, намъ кажется, слѣдуетъ быть по логикѣ нашей естественно-экономической исторіи, и рано или поздно придетъ время, когда исторія докажетъ и подтвердитъ эту истину еще яснѣе, ощутительнѣе фактами современной народной исторіи и экономіи. Но сознаетъ ли, начинаетъ ли сознавать нашъ общественный разумъ эту истину теперь? Чуть-чуть, развѣ только, и то инстинктивно и весьма немногими умами. Въ соціальной структурѣ и экономіи нашего общества и народа еще во всей силѣ господствуютъ, какъ истинные принципы, какъ соціальные законы, тѣ традиціонныя, историческія установленія, которыя являлись въ естественной исторіи русскаго народа, какъ необходимыя слѣдствія или экспериментально-фактическія выраженія, свидѣтельства и доказательства главнаго умственнаго недостатка древней Россіи—отсутствія знанія природы вообще и, въ частности, знанія естественной экономіи русской земли. Въ естественной исторіи русскаго народа такія традиціонныя установленія или такіе факты, какъ, напр., господство суевѣрія надъ естествоиспытательнымъ разумомъ, господство анти-физіологическихъ и анти-гигіеническихъ началъ въ общественномъ организмѣ, крайняя неразвитость раціональныхъ основъ агрономіи, скотоводства, фабрикъ и заводовъ, вѣковая неразвитость металлическихъ и минералогическихъ производствъ, сильное развитіе правительственной инціативы

аментаціи и указности въ дѣлахъ естественной народной экономіи, въ жденіи системы народнаго реальнаго образованія—агрономическаго, ологическаго, медицинскаго и т. д., преобладаніе надъ раціональными, ственно-научными, физико-метеорологическими и медицинскими рукотвами въ случаѣ, напр., бездождія, засухъ, градобитій, моровыхъ поій и пр., такихъ церковныхъ мѣръ, какъ молебны, крестные ходы п., бѣдность народа при обиліи естественной продукціи русской и и т. п., такія общественныя явленія суть только историческія слѣдı прежняго дѣтскаго или младенческаго неразумія народа въ сферѣ оды, слѣдствія незнанія и нарушенія тѣхъ основныхъ законовъ прит, которые всегда дѣйствовали и дѣйствуютъ въ естественной экои русской земли и потому и въ естественной экономіи русскаго народа. —экспериментальное, фактическое выраженіе и доказательство той ны, что общественныя, экономическія и т. п. установленія и дѣйствія тическаго разума или смысла русскаго народа, въ періодъ дѣтско-безательнаго его состоянія, вслѣдствіе умственной неразвитости его и тствія естественныхъ знаній, часто не соотвѣтствовали естественнымъ аніямъ и законамъ природы или физической экономіи русской земли. только вѣковое, исторически-экспериментальное доказательство той ны, что выработанный русскою исторіею естественно-историческій ципъ всеобщей, кооперативной или общинной борьбы народа съ трудноупной физической экономіей сѣверной природы, съ тяжкими климаскими и вообще физико-географическими условіями русской земли, принципа естественно-научнаго, безъ силъ и средствъ естествознанія, азвивался вполнѣ соотвѣтственно съ физическими требованіями русземли, почему и общины подчинились опекѣ правительственной реглааціи, и что для усиленія и дальнѣйшаго развитія его необходимо было намъ естествознаніе и естествоиспытаніе. Но общественный разумъ ъ, не дающій себѣ отчета ни въ этихъ фактически-экспериментальныхъ заніяхъ исторіи, ни въ постоянныхъ, естественныхъ требованіяхъ фиской экономіи русской земли, или не руководствующійся ни экспентаціей исторіи, ни экспериментаціей естествознанія, никакъ не етъ усумниться въ естественности и здоровости такихъ началъ обвенной жизни и экономіи, которыя порождены прежнимъ народнымъ ѣньемъ справиться съ естественной экономіей русской земли. Обвенный смыслъ нашъ не можетъ сознать, что всѣ эти традиціонисторическія начала сохраняются исторіей только какъ неизбѣжныя рическія, экспериментальныя слѣдствія и свидѣтельства прежняго, енческаго умственнаго безсилія и заблужденія русскаго народа въ сти физической экономіи занятой имъ земли, и какъ, въ то же я, отрицательныя исторически-экспериментальныя указанія, въ зрѣ возрастѣ народа, на необходимость положительнаго, естественнонаго метода самовоспитанія и саморазвитія русскаго народа въ облаестественной экономіи русской земли. Вслѣдствіе этого, общественразумъ нашъ никакъ не можетъ усумниться въ той лжи и анод, какая до настоящаго времени господствуетъ въ нашемъ соціально-

экономическомъ строѣ во всей силѣ. Всѣ интеллигентные люди нашего общества въ настоящее время очень хорошо понимаютъ, что никто изъ насъ не можетъ жить и развиваться на русской землѣ внѣ ея физической экономіи, внѣ природы, безъ ежеминутнаго дѣйствія ея на нашъ желудокъ и мозгъ, на нашу жизнь и мысль, безъ ежеминутнаго опытнаго или экспериментальнаго и часто горько-страдальческаго. тяжко-карательнаго обнаруженія нашего незнанія и нарушенія законовъ природы и. въ частности, законовъ естественной экономіи русской земли. И исторія русской народной экономіи давно ясно и ощутительно показала, что общины, естественно-исторически основавшіяся для коллективнаго познанія и покоренія культурѣ и колонизаціи силъ естественной экономіи русской земли, оттого и вышли пассивными, рабскими, крѣпостными и бѣдными, оттого и не могли сами, безъ иниціативы правительства изслѣдовать, познавать и покорять естественную экономію русской земли. хотя такъ, какъ изслѣдовали ее правительственныя естественно-научныя экспедиціи Мессершмидта, Палласа, Миддендорфа, Бэра и т. д., однимъ словомъ, оттого и исполнены всякихъ противоестественныхъ аномалій и недостатковъ, соціально-экономическихъ и пр., что лишены были силы и могущества естествознанія. Но, несмотря на это, общественный разумъ нашъ, по неразвитости критическаго мышленія и самопознанія, преспокойно вѣруетъ, какъ въ вѣчное, роковое предопредѣленіе промысла Божія. въ ту соціально-экономическую аномалію и ложь, что и доселѣ и впредь. какъ было и до Петра Великаго, только одни лишь милліоны самыхъ темныхъ рабочихъ массъ народа обречены и должны копошиться и работать за всѣхъ въ области естественной экономіи, и притомъ безъ всякаго луча и пособія естествознанія, словно муравьи, лишенные естествопознавательнаго разума, и что чѣмъ обширнѣе, разнообразнѣе и труднодоступнѣе физическая экономія русской земли и чѣмъ меньше въ пользованіи и оборотѣ народной экономіи продуктивныхъ силъ и средствъ физической экономіи русской земли, чѣмъ, вообще, бѣднѣе весь русскій народъ жизненными продуктами природы и безсильнѣе въ экономическомъ пользованіи физическими силами, тѣмъ исключительнѣе и наиболѣе въ ней должны работать, безъ всякаго совѣта естествознанія, одни эти милліоны самаго темнаго рабочаго народа, а естествознанію должны учиться только какіе-нибудь десятки однихъ привилегированныхъ или записныхъ натуралистовъ-теоретиковъ. Такой сложно-запутанный соціально-экономическій софизмъ мы фактически переживаемъ въ настоящее время. И нашъ общественный разумъ доселѣ не можетъ усумниться въ этомъ софизмѣ и путемъ экспериментальнаго метода рѣшиться искать соціально-экономической истины. Дикой, парадоксальной, химерической кажется ему та простая истина, что всякій человѣкъ, всякій парень деревенскій, какого только природа производитъ на свѣтъ Божій, естественно, такъ сказать, физико-физіологически обязанъ раціонально учиться, воспитываться у матери-Природы, долженъ изучать, познавать, какіе физическіе силы и законы дѣйствуютъ внѣ его, въ природѣ внѣшней, какіе дѣйствуютъ въ немъ и на него, или въ природѣ человѣческой, вообще, по какимъ физи-

ческимъ законамъ онъ самъ живетъ, развивается и дѣйствуетъ или работаетъ въ той или другой сферѣ физическихъ предметовъ и силъ и что такое тѣ предметы или произведенія природы, которыми онъ живетъ и орудуетъ въ естественной экономіи природы и пр. Тѣмъ болѣе химерой кажется нашему общественному смыслу тотъ дальнѣйшій выводъ этой простой истины, что, запасшись и вооружившись такимъ образомъ основательнымъ естествознаніемъ, каждый русскій человѣкъ, всякій житель городской и сельскій долженъ потомъ жить, развиваться, просвѣщаться и раціональной работой въ сферѣ природы возвышать свое благосостояніе и, наконецъ, самъ просвѣщаясь познаніемъ природы или естественной экономіи русской земли и естественнонаучно-раціональнымъ трудомъ увеличивая физическія средства своего благосостоянія, съ тѣмъ вмѣстѣ содѣйствовать и общему, всенародному, соціальному просвѣщенію и благосостоянію, путемъ постепеннаго естественно-научнаго раціонализированія труда и міросозерцанія, какъ своего собственнаго, такъ и своихъ ближнихъ, путемъ постепенной и совокупной выработки и новаго, естественнонаучнаго общественнаго міросозерцанія и новой, естественно-научной, общественной экономіи. Дикой химерой кажется нашему общественному смыслу та простая истина, что, по естественному праву и по естественной, физико-физіологической обязанности, каждый деревенскій парень долженъ въ молодости изучать естественныя науки, чтобы потомъ быть раціональнымъ земледѣльцемъ-экспериментаторомъ или сельскимъ хозяиномъ-естествоиспытателемъ, что естествознаніе такъ же жизненно, практически необходимо земледѣльцу, бабѣ деревенской, воздѣлывающей огородъ, пастуху стадъ, скотоводу, производителю и продавцу жизненныхъ продуктовъ, фабричному рабочему и пр., какъ теперь необходимо оно записнымъ химикамъ, физикамъ, механикамъ, вообще натуралистамъ. Наконецъ, исторія физико-географическаго, колонизаціоннаго самораспространенія русскаго народа по русской и сибирской землѣ, исторія народной колонизаціи и культуры и физическая географія русской земли давно ясно показали, какая трудная для развитія культуры и экономіи физикогеографическая область естественной экономіи досталась русскому народу, въ сѣверо-восточномъ приполярномъ углу Европы и Азіи и въ поясѣ Ледовитаго моря, въ суровомъ климатѣ, на огромномъ пространствѣ лѣсовъ, тайги, степей и тундръ, среди скупой на дары природы. И однако-жъ нашъ общественный разумъ доселѣ не можетъ усумниться въ той idea fixa, что въ такой холодной и суровой сѣверной странѣ, какъ Россія и Сибирь, вмѣсто естествознанія нужно усиленіе преподаванія латинскаго и греческаго языка, что въ Россіи нужно основывать классическіе пританеи, итоны и ликеи, а не реальныя, политехническія школы, и образовывать какъ можно болѣе классиковъ, филологовъ, юристовъ и т. п., а не экономическихъ дѣятелей-борцовъ съ труднодоступной физической экономіей русской земли, вооруженныхъ основательнымъ естествознаніемъ. Общественный смыслъ нашъ не можетъ доселѣ убѣдиться, что молодыя поколѣнія наши, учившіяся въ университетахъ, въ академіяхъ—агрономической, медико-хирургической, технологической, а тѣмъ болѣе—духов-

ной, доселѣ учились естественнымъ наукамъ большею частью крайне плохо, несоотвѣтственно съ требованіями физико-географической среды и естественной экономіи русской земли, вообще крайне недостаточно готовились на экономическую борьбу съ природой русской земли, на предстоящее имъ многотрудное дѣло новаго земскаго строенія въ области естественной экономіи русской земли. А тѣмъ болѣе нашъ общественный разумъ никакъ не можетъ усумниться въ рутинѣ и несправедливости нынѣшняго монопольно-привилегированнаго ученья естественнымъ наукамъ немногихъ, преимущественно дворянскихъ генерацій. И вслѣдствіе того никакъ онъ не можетъ сознать ту истину, что по экспериментальному указанію исторіи народной экономіи въ области природы русской земли и по труднодоступности физической экономіи европейской Россіи и Сибири, насущно-необходимо, чтобы не только нынѣшнія привилегированныя поколѣнія, но и всѣ простонародныя, рабочія молодыя поколѣнія усиленно, серьезно и основательно изучали естественныя науки и такимъ образомъ съ полной подготовкой выходили на общее многотрудное дѣло экономическаго и культурнаго покоренія суровой сѣверной природы и на созданіе естественно-научныхъ, раціональныхъ основъ народной экономіи. Никакъ онъ не можетъ убѣдиться, что чѣмъ многотруднѣе, суровѣе природа или физическая экономія русской земли, тѣмъ сильнѣе и всенароднѣе въ Россіи должно быть естественно-научное ученье, какъ единственное могучее средство въ борьбѣ съ суровой природой. Не воспитавшись въ этихъ идеяхъ, не ассимилировавши ихъ въ плоть и кровь общественную, въ общественное сознаніе и убѣжденіе, нашъ общественный разумъ естественно, никакъ не можетъ додуматься до идеи, а тѣмъ болѣе до практической инициативы и способовъ всеобщаго, всенароднаго естественно-научнаго ученія, до идеи и инициативы энергическаго распространенія свѣта естествознанія по всѣмъ городамъ, по всѣмъ селамъ, деревушкамъ и мѣстечкамъ, по всѣмъ фабрикамъ и заводамъ, по всѣмъ полямъ, однимъ словомъ—во всѣхъ сферахъ физической экономіи, гдѣ только вращается народная экономія и работа. Напротивъ, нашъ общественный смыслъ не можетъ еще усумниться вполнѣ даже въ томъ старомъ заблужденіи, завѣщанномъ метафизикою крѣпостного права, что парней деревенскихъ, крестьянъ и вообще простонародныя молодыя поколѣнія учить высшимъ естественнымъ наукамъ не нужно и вредно, не соотвѣтствуетъ ихъ званію и пр.

Физическое и антропологическое міросозерцаніе и соціальное развитіе русскаго общества

I

На низшей, первобытной степени развитія человѣческаго мозга и ума, при господствѣ постояннаго возбуждающаго дѣйствія и неудержимо-рефлективнаго проявленія фетишическаго страха таинственныхъ силъ природы,—не было и зачатковъ высшаго отвлеченнаго мышленія, такъ какъ не были еще настолько развиты и высшія мыслительныя нервныя клѣтки корковаго слоя большихъ полушарій мозга. Тогда, при постоянной тревогѣ всеобщаго страха таинственныхъ силъ природы, дѣятельность нервно-мозговой способности усиливанія рефлексовъ головного мозга, существенно необходимая для обширнѣйшаго распространенія невольныхъ и неудержимо-стремительныхъ мышечныхъ движеній и дѣйствій съ цѣлію самосохраненія,—естественно, вполнѣ преобладала надъ дѣятельностью нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, при которой только и возможна самососредоточенная всеобщая самодѣятельность абстрактнаго мышленія. Вслѣдствіе этого, сенсуальная, чувственная воспріимчивость и впечатлительность, постоянно возбуждаемая и усиливаемая повсюду преслѣдовавшимъ первобытнаго человѣка фетишическимъ страхомъ таинственныхъ силъ природы и постоянно подстрекаемымъ имъ инстинктомъ самосохраненія,—эта сенсуальная, пассивно-чувственная воспріимчивость и впечатлительность еще вполнѣ преобладала надъ центрально-мозговой, сосредоточенно-отвлеченной выработкой общихъ идей изъ отдѣльно-конкретныхъ впечатлѣній. Оттого-то, вотъ, на низшей степени развитія человѣческаго мозга и ума, ничто такъ не поражаетъ насъ, какъ отсутствіе или крайній недостатокъ общихъ, отвлеченныхъ понятій и полнѣйшее преобладаніе сенсуальности, ономатопичности, образности не только въ понятіяхъ, но и въ словахъ первобытныхъ народовъ. Возьмите, напримѣръ, такія общеизвѣстныя теперь общія понятія, какъ идеи *рода* и *вида*. Въ мозгу или умѣ первобытныхъ людей и ихъ еще не существовало,

а, на мѣсто ихъ, были только сенсуально-конкретныя понятія «семейства» и «формы», т.-е. фигуры предметовъ. Точно также, и у нынѣшнихъ дикарей, напр., австралійскихъ или южно-американскихъ, по единогласному свидѣтельству путешественниковъ, тоже почти вовсе нѣтъ еще общихъ, отвлеченныхъ понятій, въ-родѣ цвѣта, звука, числа, рода и вида, справедливости или несправедливости, добродѣтели или порока. Даже и у насъ. въ Сибири, многія инородческія племена еще не развили въ своемъ мозгу настолько способности задерживанія его рефлексовъ, чтобы быть способными вырабатывать абстрактною мыслью общія, отвлеченныя идеи. Наблюдая, напримѣръ, умственное и лингвистическое развитіе туруханскихъ инородцевъ, я нашелъ, что общихъ, отвлеченныхъ, или обобщительныхъ понятій и словъ недостаетъ въ языкѣ какъ остяковъ, такъ и тунгусовъ. Напримѣръ, нѣтъ общихъ словъ: животное, растительность или растеніе, міръ, природа, вещество, теплота, ясность, красота, удивленіе, нравственность, справедливость, истина и т. п. Только нѣкоторые слабые оттѣнки или элементарные зародыши такихъ общихъ, отвлеченныхъ понятій и словъ у нихъ выражаются большею частію посредствомъ именъ прилагательныхъ, нарѣчій и глаголовъ. Напримѣръ, у тунгусовъ—«кòмнома» значитъ и черный и чернота, «нòпчу»—не чисто и нечистота, «ургопча̀»—тяжелый и тяжесть, «ачинъ тукшу»--свѣтло, ясно и свѣтлость, ясность, или буквально: «нѣтъ морока, нѣтъ темнаго» и т. п. Ни у тунгусовъ, ни у остяковъ нѣтъ даже точно-опредѣленнаго слова «человѣкъ». У тунгусовъ «*боё*» значитъ собственно мужикъ, мужчина и одинаково прилагается какъ къ самцамъ или нòрозамъ-оленямъ, такъ и къ человѣку. У остяковъ «кэтъ» или «чэтъ»—означаетъ собственно «людъ, собраніе людей, весь народъ», а потомъ—«мужикъ».—Но всего болѣе доказывается неразвитость способности отвлеченнаго мышленія, на низшей степени развитія нервной системы человѣка, почти совершеннымъ отсутствіемъ или крайнею ограниченностью у дикарей мыслительной способности счисленія. Если и есть у дикихъ народовъ кое-какіе зачатки счисленія, то и они едва-едва выработаны длиннымъ процессомъ мозгового напряженія, путемъ такъ называемой въ физіологіи зрительно-мышечно-осязательной ассоціаціи непосредственно-конкретныхъ сенсуальныхъ впечатлѣній. Джонъ Лёббокъ, присовокупляя наблюденія Тэйлора, сообщаетъ, напримѣръ, такіе факты: «ни одинъ изъ дикихъ народовъ не умѣетъ считать до десяти. Ни въ одномъ австралійскомъ языкѣ не считается дальше четырехъ. Даммары и абепоны не умѣютъ считать дальше трехъ; нѣкоторые бразильскіе племена считаютъ только до двухъ. Во многихъ случаяхъ, гдѣ система счисленія нѣсколько болѣе развита, она носитъ на себѣ признаки туземнаго и новѣйшаго происхожденія. У весьма многихъ племенъ сѣверной и южной Америки и западной Америки мы находимъ слѣдующія числовыя выраженія: вмѣсто «пять»—*цѣлая рука*, вмѣсто «шесть»—*одинъ палецъ отъ другой руки*, вмѣсто «десять»—*двѣ руки*, вмѣсто «одиннадцать»—*одинъ палецъ отъ ноги*, вмѣсто «двадцать»--*одинъ индѣецъ*, вмѣсто «двадцать одинъ»—*одинъ палецъ отъ руки другого индѣйца*, или вмѣсто «одиннадцать» — *нога одинъ*, вмѣсто «двѣнадцать»—*нога два*, вмѣсто «двадцать» — *одинъ индѣецъ*

(*одинъ человѣкъ*) *весь кончился*. Напротивъ, у жалкихъ туземцевъ Вандименовой земли число пальцевъ одной руки, «пять», называется «*пуганна*», т.-е. человѣкъ-вандименовецъ. Стоитъ только представить себѣ дикаго, считающаго по пальцамъ, и проникнуться мыслью, что онъ при этомъ описываетъ эти слова, и мы поймемъ, что употребляемыя имъ при счетѣ мышечныя *числительныя движенія* должны наконецъ сдѣлаться числовыми названіями. Ни одинъ языкъ не сравнится въ этомъ отношеніи съ языкомъ племени Зюли. Считая по пальцамъ, они начинаютъ всегда съ маленькаго пальца лѣвой руки. Дойдя такимъ образомъ до числа «пять», они называютъ его «*цѣлая рука*»; потомъ берутъ они палецъ другой руки и, согласно употребляемому при этомъ движенію, говорятъ: tatisitupa, т.-е. «*беру большой палецъ*»: это и значитъ «шесть» и т. д. Кромѣ того. — присовокупляетъ Лёббокъ,—извѣстно, что во многихъ языкахъ дикихъ народовъ вовсе нѣтъ такихъ словъ, какъ цвѣтъ, звукъ, дерево и др., ибо у нихъ есть названія для каждаго вида дерева, каждаго вида цвѣта, но нѣтъ словъ для выраженія общаго понятія». (Соврем. вопр. антропол. Спб. 1868, стр. 28—30). Такъ, на низшей степени развитія человѣческаго мозга, грубый, элементарно-конкретный сенсуализмъ долго вполнѣ преобладалъ надъ способностью отвлеченнаго мышленія.—И вотъ, соотносительно съ такимъ преобладаніемъ пассивной сенсуальной воспріимчивости надъ активностью абстрактной мысли, на низшей степени состоянія нервной системы человѣка, развитіе органовъ чувствъ и сенсуальной воспріимчивости преобладало надъ развитіемъ центральнаго нервнаго органа - головного мозга. Фетишическій страхъ таинственныхъ силъ природы, постоянно возбуждая инстинктъ самосохраненія и живѣйшую, пантофобическую воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, естественно, всего болѣе благопріятствовалъ развитію органовъ чувствъ и преобладанію грубаго сенсуализма надъ абстрактною мыслью. Первобытный человѣкъ, повсюду и постоянно возбуждаемый страхомъ таинственныхъ силъ природы, трепетно преклонявшійся передъ каждою непонятною вещью,—невольно съ робкою, но усиленною внимательностью присматривался къ каждому предмету, къ каждому, особенно странному образу въ природѣ, съ трепетною боязливостью, но чутко прислушивался къ каждому звуку, шороху и шелесту, съ робкимъ любопытствомъ осязалъ каждую, особенно рѣзко-выдающуюся форму физическихъ тѣлъ, словомъ, онъ долженъ былъ постоянно быть насторожѣ всѣми своими внѣшними чувствами. И вотъ, такимъ образомъ, онъ невольно упражнялъ и развивалъ свои органы чувствъ. Вслѣдствіе этого, зрѣніе и другія чувства уже и у первобытныхъ людей, по всей вѣроятности, приблизительно такъ же были развиты, какъ развиты они обыкновенно у всѣхъ дикарей. «Плохое развитіе зрѣнія и другихъ чувствъ у европейцевъ, по сравненію съ дикарями,—говоритъ Дарвинъ,—безспорно, есть результатъ малаго упражненія, вліяніе котораго скоплялось и передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ренгеръ разсказываетъ, что онъ неоднократно наблюдалъ, какъ европейцы, воспитанные и всю жизнь проведшіе между дикими индѣйцами, все-таки не могли сравняться съ ними въ остротѣ чувствъ. Тотъ же естествоиспытатель нашелъ, что полости въ

черепѣ, назначенныя для размѣщенія органовъ чувствъ, у американскихъ аборигеновъ обширнѣе. чѣмъ у европейцевъ, что безъ сомнѣнія указываетъ на соотвѣтственное различіе въ объемѣ самыхъ органовъ. Блуменбахъ также замѣтилъ, что у череповъ американскихъ аборигеновъ чрезвычайно велики носовыя отверстія, и сопоставляетъ этотъ фактъ съ ихъ замѣчательно-тонкимъ обоняніемъ. Палласъ говоритъ, что монголы сѣвероазіатскихъ равнинъ обладаютъ удивительнымъ совершенствомъ зрѣнія и чутья; а Причардъ полагаетъ, что необыкновенная ширина ихъ череповъ происходитъ именно отъ высокаго развитія органовъ чувствъ». (Дарвинъ, О происх. челов., I, 166—167).—Что же касается до развитія большихъ мозговыхъ узловъ или нервныхъ клѣтокъ корковаго слоя мозговыхъ полушарій, то оно, на низшей степени человѣческаго состоянія, сравнительно съ развитіемъ органовъ чувствъ, было весьма ограниченно. Правда, постоянныя усиленныя возбужденія мозга, подъ вліяніемъ импульсовъ фетишическаго страха и вслѣдствіе усиленной дѣятельности его въ миѳологическомъ творчествѣ и въ изобрѣтеніи первыхъ зачатковъ искусствъ, необходимо должны были усиливать измѣненія мозга. Извѣстный англійскій натуралистъ Уэллесъ, почти въ одно время съ Дарвиномъ додумавшійся до гипотезы естественнаго подбора, въ одной запискѣ своей, читанной въ лондонскомъ антропологическомъ обществѣ въ 1864 году, ясно показываетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ началъ достигать и постепенно достигалъ той степени развитія ума, которая предполагается употребленіемъ орудій, одежды и т. д., съ тѣхъ поръ возникло стремленіе къ замѣщенію измѣненій тѣла измѣненіями мозга: мозгъ сталъ измѣняться гораздо болѣе, чѣмъ тѣло. (Спенс., Осн. біол., I, 352.; Дарв., О происх. чел., I, 227—228). Вслѣдствіе этого, и очертаніе черепа и объемъ его болѣе или менѣе измѣнялись. «Нѣкоторые черепа,—говоритъ Дарвинъ,—несомнѣнно относящіеся къ глубокой древности, какъ, напр., знаменитый черепъ изъ Неандерталя, уже довольно хорошо развиты и вмѣстительны». (I, 209). Но при всей несомнѣнности первобытнаго прогресса человѣческаго мозга и черепа,—несомнѣнно и то, съ другой стороны, что, въ періодъ господства фетишизма, даже на той, сравнительно высшей степени умственнаго развитія, какую представляютъ существующіе доселѣ дикари, мозгъ человѣческій былъ еще почти болѣе, чѣмъ на 30 процентовъ меньше мозга современнаго цивилизованнаго человѣка. Дикари, доселѣ существующіе въ разныхъ странахъ свѣта и переживающіе еще почти первобытный фазисъ господства фетишическаго страха таинственныхъ силъ природы, безъ сомнѣнія, представляютъ намъ образчики развитія мозга и черепа, во многихъ отношеніяхъ аналогичные со степенью развитія мозга и черепа въ послѣднія времена господства древняго общечеловѣческаго фетишизма. А какъ низка степень развитія ихъ череповъ въ сравненіи съ черепами новѣйшихъ европейцевъ! Тогда какъ объемъ или вмѣстимость черепа англичанъ, французовъ и германцевъ простирается уже отъ 1465 до 1573 кубич. центиметровъ,—вмѣстимость череповъ австралійцевъ, полинезцевъ, готтентотовъ и другихъ подобныхъ дикарей простирается только отъ 1228 до 1230 кубическихъ центиметровъ (Karl Voigt, Vorlesungen über die Men-

ı, I. 104—109). По изслѣдованіямъ Граціоля и Маршалля, строеніе мозга ıена почти совершенно равняется строенію мозга низшихъ животныхъ четырерукихъ. (Маудсли, I, 55). Такъ низка даже самая высшая сте- развитія, какой мозгъ человѣческій достигъ въ періодъ господства ıшическаго страха таинственныхъ силъ природы.

Въ слѣдующій за нимъ фазисъ умственнаго развитія человѣка, именно еріодъ господства политеизма, когда умъ человѣческій впервые до- ъ значительной степени самосознанія въ сферѣ природы, развитіе вѣческаго ума и мозга усилилось, и у нѣкоторыхъ передовыхъ расъ игло уже весьма значительныхъ размѣровъ. По мѣрѣ того, какъ а первобытнаго, фетишическаго страха таинственныхъ силъ при- ı съуживалась, ограничивалась сферою политеизма, или сферою ха уже не каждаго отдѣльнаго предмета природы, а немногихъ, щенныхъ, сгруппированныхъ въ общія отвлеченныя комбинаціи таин- ıныхъ силъ природы,—по мѣрѣ того люди все болѣе и болѣе пере- али неудержимо-рефлективно, безъ всякаго размышленія, трепетно лоняться, по рефлексу фетишическаго страха, передъ каждымъ отдѣль- ь предметомъ природы, какъ фетишемъ, переставали эксцентрично, ƒузивно расходовать всю энергію нервно-мозговой силы въ обширныхъ женныхъ мышечныхъ движеніяхъ. И вотъ, съ тѣхъ поръ въ высшихъ рахъ человѣческаго мозга все болѣе и болѣе развивалась способность рживанія рефлексовъ головного мозга, а съ нею вмѣстѣ и центрально- овая, логическая способность отвлеченнаго мышленія. Не вдругъ, ко-жъ, развивалась эта способность абстрактнаго мышленія даже и у ıхъ передовыхъ народовъ древности. Вслѣдствіе этого, долго даже и еческихъ философовъ не было выработано многихъ, теперь общеизвѣст- ь, общихъ понятій. «Мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Гротомъ,—гово- Льюисъ въ своей «Исторіи философіи»,—что въ настоящее время не- димо употребить нѣкоторое усиліе ума, чтобы уразумѣть важность рѣтенія такихъ общеизвѣстныхъ понятій, каковы понятіе рода, опре- нія единицъ, заключающихся въ родѣ, того, что такое каждая вещь какому роду она принадлежитъ. За 4 столѣтія до Рождества Хри- а эти выраженія являлись результатомъ процессовъ мышленія, о кото- до Сократа весьма немногіе имѣли ясное, опредѣленное понятіе. ı людей какъ говорящихъ, такъ и внимающихъ, какъ творческихъ ъ, такъ и воспріимчивой массы, группировались скорѣе подъ вліяніемъ енія чувствъ, поэтическаго и риторическаго разсказа или описанія, ли вслѣдствіе методическаго обобщенія, научнаго отвлеченія и на ваніи индуктивныхъ или дедуктивныхъ доказательствъ. Рефлексія, ющая людей способными понимать, сравнивать и повѣрять свои соб- нные умственные процессы, была еще въ зародышѣ. Учители реторики вые начали разбирать составныя части публичныхъ рѣчей и предло- и нѣкоторыя правила для образованія сносныхъ ораторовъ. Сомнительно, ребляль ли кто до Сократа, напримѣръ, такія слова, какъ родъ и ъ (имѣвшія первоначально смыслъ семейства и формы), въ томъ фило- комъ значеніи, въ которомъ исключительно они употребляются теперь.

Въ то время еще не существовалъ ни одинъ изъ терминовъ, которые обозначаютъ принятые во вниманіе различные моменты процесса мышленія и которые даютъ намъ возможность анализировать этотъ процессъ по частямъ. Всѣ эти общія, отвлеченныя понятія и названія впервые возникли уже въ школахъ Платона, Аристотеля и послѣдующихъ философовъ. Въ то же время въ первый разъ уяснились въ сознаніи человѣческомъ и такія понятія, какъ понятія рода, подчиненныхъ ему видовъ и особей, составляющихъ виды. Первое требованіе напряженія и логичности мышленія и первое нововведеніе точности выраженія были даже непріятны всѣмъ тѣмъ, которые были еще неспособны или непривычны къ отвлеченному мышленію и точному выраженію мыслей въ словѣ. Аристотель говоритъ, что въ его время считалось признакомъ дурного вкуса ἡ ἀκριβολογία μικροπρεπής, а Тимонъ силлографъ называетъ саркастически Сократа однимъ изъ ἀκριβολόγων, какъ будто точность языка составляла недостатокъ». (Льюнсъ, Истор. философ.. стр. 149—151). При всей, однакожъ, тугости и медленности развитія умственной способности отвлеченія и обобщенія,—отчасти уже древніе, восточные народы, но всего болѣе греки, можно сказать, впервые почувствовали и сознали въ человѣческомъ мозгу функцію ума, мысли, которую первобытные люди долго представляли дѣйствіемъ особаго внутренняго духа или фетиша и локализировали во всемъ тѣлѣ. Греческіе философы, въ восторгѣ отъ этого первоначальнаго умственнаго самосознанія, первые объявили умъ, мысль или, какъ они говорили, νοῦς, νόησις и νόημα, источникомъ не только идей, знанія, но и самыхъ познаваемыхъ реальностей природы Платонъ идеи человѣческаго разума призналъ прототипомъ вещей. Галенъ, знаменитый анатомъ древности, назвалъ головной мозгъ «владычественною силою души»—ἡγεμονικὴ δύναμις ψυχῆς. Вотъ это-то первое, восторженное сознаніе человѣческой мысли и породило первоначальное господство апріористической дедукціи, чистаго умозрѣнія. Греческая философія, начиная съ Ѳалеса и кончая александрійской школой, была первымъ періодомъ энергическаго возбужденія и воспитанія чисто умозрительнаго, отвлеченнаго мышленія, апріорической дедукціи, періодомъ восторженныхъ философско-метафизическихъ игръ мысли, подобныхъ олимпійскимъ играмъ мышечной силы, періодомъ приготовленія ума человѣческаго къ высшей, позитивной индукціи и дедукціи.—Греческая школа математическаго анализа была также блистательнымъ выраженіемъ первоначальнаго преобладающаго развитія апріорическаго мышленія, дедукціи. Тогда какъ, въ первобытный період развитія человѣческаго мозга, люди не знали еще чиселъ больше 2, 5 или, много, 20 и учились считать по пальцамъ и другъ-по-другу,—древніе эллины, вслѣдъ за восточными народами, съ восторгомъ привѣтствовали зарожденіе и расцвѣтъ человѣческой способности счисленія или математическаго мышленія, какъ даръ высшихъ, божественныхъ силъ. Пиѳагоръ съ восторгомъ возвѣщалъ: «числа суть начала вещей»: τοὺς ἀριθμοὺς αἰτίους εἶναι τῆς οὐσίας. Титанъ Эсхила, ученика Пиѳагора, съ гордымъ самосознаніемъ хвалился передъ человѣчествомъ тѣмъ, что онъ открылъ людямъ «число»—мудрѣйшую изъ наукъ: καὶ μὲν ἀριθμὸν ἔξοχον σοφισμάτων ἐξεῦρον αὐτοῖς (Льюнсъ. Ист. фил.. 25). И дѣйствительно, велико было это заро-

ніе и развитіе числительнаго, математическаго мышленія. Между тѣмъ метафизико-дедуктивная греческая мысль, закончивши свой жизнен-воспитательный процессъ, вмѣстѣ съ александрійской школой выроди-. не могши дойти до сознанія истинныхъ методовъ человѣческаго ленія и познанія,—математико-дедуктивное мышленіе, блистательно вившееся въ умахъ Пиѳагора, Эвклида, Архимеда, Эратосфена и лонія изъ Перги, воспитало въ умѣ человѣческомъ способность къ ѣдующему высшему фазису развитія человѣческаго мышленія и къ му, опредѣленному сознанію самыхъ процессовъ и методовъ человѣче- мышленія и познанія. Новые народы, германскіе и славянскіе, до и такъ называемаго возрожденія наукъ, благодаря Платону и Аристо-, Эвклиду, Гиппарху, Эратосфену и Птоломею, также предварительно жняли только способность отвлеченнаго мышленія, апріорической кціи. Во всѣхъ этихъ средневѣковыхъ схоластическихъ преніяхъ номина-а и реализма, во всѣхъ этихъ интерпретаціяхъ и комментаріяхъ Платона, стотеля или Эвклида, развивались новыя поколѣнія такъ называемыхъ теровъ мыслей», magistrorum sententiarum. А затѣмъ близко было уже я не только Рошеровъ Баконовъ, Джордано Бруно, но и Бэкона, Де-а, Коперника, Галилея и Ньютона.—И вотъ, опять, соотносительно съ мъ развитіемъ умозрительныхъ способностей, апріорическаго мышленія, видимъ и соотвѣтственное развитіе человѣческаго мозга. Такъ, не ря о древнихъ грекахъ и римлянахъ, даже и у романскихъ и герман-ъ племенъ, въ періодъ начинавшагося расцвѣта ихъ схоластическаго ленія, объемъ черепа представлялъ уже гораздо большее развитіе, чѣмъ мъ черепа дикарей. Тогда какъ даже у наиболѣе развитыхъ перво-ыхъ или дикихъ племенъ вмѣстимость черепа простиралась еще ко отъ 1228 до 1230 кубическихъ центиметровъ,—у романскихъ и гер-кихъ расъ, уже въ періодъ времени отъ VIII-го по XII-ое столѣтіе, тимость череповъ, по изслѣдованіямъ Брока̀, достигала отъ 1409,81 до 98 кубич. центиметровъ.

Наконецъ, на высшей степени развитія нервной системы человѣка ю-мозговая способность задерживанія рефлексовъ головного мозга игла уже возможной доселѣ, высшей степени развитія, въ преобла- вполнѣ сосредоточеннаго индуктивнаго и позитивно-дедуктивнаго ленія. Въ мыслительныхъ нервныхъ центрахъ мозга древнихъ грече-ь философовъ и натуралистовъ еще не накопилось столько, какъ жаются современные физиологи, *мыслительныхъ слѣдовъ* отъ *самыхъ ссовъ мышленія* и логическаго наведенія, чтобы они могли со- самые способы мышленія, которыми пріобрѣтали эмпирическія я, могли сознать методы индукціи. Въ мозгу древнихъ фило-зъ и естествоиспытателей еще такъ мало было не только мысли-ныхъ слѣдовъ отъ самыхъ процессовъ эмпирическихъ наблюденій и овъ, но и самаго запаса опытныхъ или эмпирическихъ знаній, что въ ь ихъ неизбѣжно апріорическая или идеалистическая дедукція еще нѣ преобладала надъ реалистической, экспериментальной индукціей. отъ, на высшей степени развитія человѣческаго мозга, въ умахъ пе-

редовыхъ мыслящихъ людей, вслѣдствіе историко-традиціоннаго накопленія и воспріятія всей суммы прежнихъ эмпирическихъ знаній и вслѣдствіе особеннаго усиленія самостоятельныхъ опытныхъ изслѣдованій со времени Коперника, въ умахъ передовыхъ мыслящихъ людей уже накопилось столько мыслительныхъ слѣдовъ отъ самыхъ процессовъ или методовъ мышленія, наблюденія и опыта, что такіе мыслители, какъ Бэконъ и Декартъ, первые сознали и самые методы, которыми умъ человѣческій доходитъ до познанія истины, именно — индуктивный или дедуктивный методы. «Если бы,— говоритъ Милль, — напередъ не было найдено нѣсколько истинъ безъ сознательнаго соблюденія какого-либо научнаго метода, — мы никогда не узнали бы, какимъ процессомъ мы можемъ достигать истины». (Льюисъ, Ист. фил., 442—443).—Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ развитіемъ высшей способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, умъ человѣческій сталъ способенъ къ самому сосредоточенному, самому глубокому мышленію и высшему, изумительному дедуктивному творчеству. Тогда какъ у дикаря, при неразвитости нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, вся энергія возбужденія мозга тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ и ощущеніемъ обыкновенно тратится въ ничѣмъ не сдерживаемыхъ рефлексахъ головного мозга, въ реакціи наружу, въ обширныхъ рефлективныхъ мышечныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, — у высокоразвитаго мыслящаго человѣка, напр., у философа-натуралиста, вся энергія возбужденія мозговыхъ нервныхъ клѣтокъ обращается въ процессъ сосредоточеннаго мышленія, или въ рефлекторное дѣйствіе клѣтокъ большихъ мозговыхъ узловъ, во внутреннюю, центрально-мозговую реакцію одной клѣтки къ стимулу изъ сосѣдней клѣтки и въ послѣдовательную передачу дѣятельности отъ одной клѣтки къ другой. Дикарь, движимый только желудочнымъ голодомъ и не знающій голода нервно-мозгового, умственнаго, видя, напримѣръ, падающій съ дерева плодъ, съ неудержимою, рефлективною стремительностью бросался и схватывалъ яблоко: въ головѣ его не рождалось никакихъ размышленій, напримѣръ — о причинѣ паденія яблока. А Ньютонъ, у котораго запросы мозга пересиливали даже запросы желудка, по разсказамъ одной легенды, когда видѣлъ въ саду падающее съ дерева яблоко, не только не бросался за нимъ рефлективно но, сидя неподвижно, безмолвно, глубоко размышлялъ о причинѣ паденія тѣлъ, о силѣ тяжести, о законѣ тяготѣнія. Когда Ньютона спрашивали, какъ онъ дошелъ до своихъ великихъ, міровыхъ открытій, — онъ отвѣчалъ: «я постоянно размышляю, держу предметъ передъ своими мыслями и жду, пока первые проблески идеи, въ процессѣ мышленія, мало-по-малу не превратятся въ полный свѣтъ обобщенія». (Сборникъ Юманса, 310). Дикарь не можетъ составить общей идеи обитаемой имъ пещеры, а философъ Кантъ силою одного отвлеченнаго мышленія или «чистаго разума» выработалъ «Теорію Неба», которую потомъ Лапласъ математически подтвердилъ въ своей «Небесной Механикѣ». Дикарь не можетъ сосчитать кольевъ своего шалаша, а великій математикъ Эйлеръ, и при созерцаніи трагедіи въ театрѣ, вымѣривъ глазомѣромъ пространство и фигуру театра, мгновенно вычислялъ въ умѣ, какъ голосъ или звукъ доходитъ до слуха

вѣческаго, а Леверрье вычисленіемъ открылъ движущуюся въ глу-
хъ пространства планету, невидимую для человѣческаго глаза и рав-
щуюся почти 60-ти объемамъ земли. Дикарь не помнитъ, не знаетъ пре-
й дальше 3-хъ человѣческихъ возрастовъ или колѣнъ, а современный
огъ, какъ Ляйелль, углубляется почти въ недосягаемую «древность
вѣка», когда жили на землѣ обезьяно-подобные люди съ черепами,
ѣ Неандертальскаго или Энгисова, а современный историкъ-философъ,
ъ Бокль, открываетъ законы историко-традиціонной послѣдователь-
и умственнаго прогресса человѣчества. Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ
ѣ господства страха таинственныхъ силъ природы, восторженное чув-
удивленія чудесамъ природы съ новою, могущественнѣйшею силою
удило дѣятельность умозрительныхъ способностей человѣка,— съ тѣхъ
ь развитіе высшаго, естествоиспытательнаго, творческаго и научно-фи-
офскаго мышленія стало все болѣе и болѣе преобладать надъ развитіемъ
осредственно-натуральной познавательной силы органовъ чувствъ и
осредственно-натуральной чувственной воспріимчивости. «Исторія есте-
энныхъ открытій,— говоритъ Фирордтъ, — всего лучше доказываетъ намъ,
ъ мало воспріимчивы бываютъ одни органы чувствъ—зрѣніе, слухъ и
щеніе въ познаніи природы, и какъ необходима при этомъ могучая
а мышленія. Тысячу разъ проходятъ вещи передъ глазами даже уче-
ъ, пока, наконецъ, онѣ найдутъ своего открывателя, который часто
ьзовался тѣми же вспомогательными средствами, какъ и его предше-
нники. Отчего же не сдѣлали этого открытія раньше? Отвѣтъ
ма простъ: они не смотрѣли своимъ *умственнымъ глазомъ*, т.-е. не
тали въ надлежащей степени и силѣ мышленіемъ». (Рѣчь Фирордта о
ствѣ наукъ, «Загран. Вѣстн.», т. IV, стр. 320). «Только чрезъ мышленіе,—
ритъ Лапласъ—творецъ «Небесной Механики»,— только чрезъ мышле-
чрезъ сравненіе фактовъ между собою, чрезъ стремленіе улавливать ихъ
ношенія и посредствомъ ихъ восходить до явленій все болѣе и болѣе
ихъ, человѣкъ дошелъ, наконецъ, до познанія законовъ, управляющихъ
эніями и проявляющихся въ нихъ самымъ разнообразнымъ образомъ».
щая Біологія, Э. Ж. С.-Ил., II, 302). Самый экспериментальный методъ
ыслимъ безъ разума, безъ мышленія. «Опытъ, — говоритъ Клодъ Бер-
дъ,—есть привилегія разума, мышленія. Въ методѣ экспериментальномъ,
ь и во всемъ, единственный реальный критерій — это разумъ, мышле-
(Introd., 23, 93).

И вотъ, опять, соотносительно съ такимъ высшимъ развитіемъ
ы мышленія, современная краніологія открываетъ и высшее разви-
человѣческаго мозга, какое только доселѣ было возможно. На выс-
степени развитія нервной системы человѣка, — увеличеніе массы,
кности и дѣятельности большихъ нервныхъ центровъ не только
обладаетъ надъ развитіемъ органовъ чувствъ, но и все болѣе и болѣе
игаетъ такихъ размѣровъ, которые уже поразительно выдаются въ
вненіи съ объемомъ, строеніемъ и функціей большихъ мозговыхъ
въ у первобытныхъ людей или у дикарей. Вмѣсто первобытнаго выда-
гося развитія органовъ чувствъ и ихъ черепныхъ вмѣстилищъ,—все

болѣе и болѣе преобладаетъ развитіе общаго сѣдалища ума, мыслительныхъ нервныхъ центровъ или высшихъ клѣтокъ корковаго слоя большихъ полушарій мозга. Современная антропологія даже находитъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ развивается научно, чѣмъ глубже, самостоятельнѣе и напряженнѣе онъ мыслитъ,—тѣмъ больше въ его мозгу развиваются, размножаются и осложняются нервныя клѣтки большихъ мозговыхъ узловъ. «Правда—говоритъ замѣчательнѣйшій современный антропологъ - натуралистъ Маудсли,—правда, что философъ имѣетъ столько же органовъ чувствъ, какъ и дикій, но неоспоримо, что первый, т.-е. философъ, имѣетъ болѣе многочисленныя и сложныя извилины и, слѣдовательно, гораздо больше узловыхъ клѣтокъ въ центрахъ перваго порядка или мыслительныхъ. Хотя онъ пріобрѣтаетъ свѣдѣнія о внѣшнихъ предметахъ посредствомъ органовъ чувствъ, какъ и дикій, но, при своемъ развитомъ умѣ, онъ весьма много вліяетъ на органы чувствъ—чего не можетъ дѣлать дикарь: онъ строитъ инструменты, которые увеличиваютъ силу ихъ наблюденій; онъ какъ-бы пріобрѣтаетъ новые искусственные органы чувствъ, посредствомъ которыхъ темные до сихъ поръ отношенія внѣшней природы становятся для него ясными, и такимъ образомъ онъ вступаетъ съ нею въ болѣе частныя и сложныя сношенія. Если бы его корковыя клѣтки, стоящія по своему качеству выше, чѣмъ дикаго, не соотвѣтствовали дальнѣйшему усложненію и дифференцированію, то это было бы противно всей аналогіи органическаго развитія, а равно это была бы непонятная прихоть природы, которая скучила въ большихъ полушаріяхъ клѣтки, составляющія простое повтореніе другъ друга». (Маудсли, Физіолог. и патолог. души, I, 65). Современная высшая степень развитія мозгового вещества и его воспроизводительной способности представляетъ сумму всего предшествовавшаго естественно-историческаго развитія человѣческаго мозга и доказываетъ генеративно-послѣдовательное, органически-традиціонное увеличеніе и осложненіе, какъ воспроизводительной энергіи, такъ и самаго вещества большого мозга. Дѣти европейцевъ, можно сказать, уже въ утробѣ матерей наслѣдуютъ высшее строеніе мозга, чѣмъ дѣти дикарей. Одна научно-развитая, мыслящая женщина, занимавшаяся нѣкоторое время въ Иркутскомъ «Дѣтскомъ Саду» и ранѣе учившая разныхъ дѣтей въ Петербургѣ и здѣсь, въ Иркутскѣ,—пришла къ тому замѣчанію, что дѣти пріѣзжихъ изъ Россіи родителей, нѣмецкаго, наприм., происхожденія, и дѣти западно-европейскихъ уроженцевъ въ Петербургѣ, при равенствѣ возраста, при одинаковой непочатости какого-нибудь методическаго обученія, повидимому, уже по самой природѣ мозга, по врожденной силѣ мозговой воспріимчивости или пониманія, замѣтно оказывались развитѣе, нежели дѣти не только бурятъ, но и даже иркутскихъ мѣщанъ или казаковъ. Вообще, кажется, несомнѣнно, что нервно-мозговыя способности людей генеративно-послѣдовательно развиваются и усиливаются. Одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ физіологовъ, Эвальдъ Герингъ въ своей статьѣ «Физіологія памяти» такимъ образомъ разсуждаетъ объ этомъ генеративно-послѣдовательномъ возрастаніи воспроизводительной способности человѣческаго мозгового вещества: «Область тѣхъ мозговыхъ процессовъ и явленій сознанія,—говоритъ онъ,—которыя дѣ-

лаютъ человѣка человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, не имѣетъ за собою такого же длиннаго прошлаго. какъ область физическихъ потребностей... Духовная жизнь развивалась медленнѣе физической, полнѣйшій расцвѣтъ ея принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ исторіи развитія органической матеріи, и сравнительно только недавно нервная система выработалась въ обширный и богато-развитый мозгъ... Рядомъ съ устнымъ и письменнымъ преданіемъ, мы находимъ въ человѣчествѣ другого рода *память, именно воспроизводительную способность мозгового вещества*, которая постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, усиливалась и усиливается въ человѣческой природѣ, и безъ которой и слово и письменность были бы для дальнѣйшихъ поколѣній неговорящими знаками. Величайшія идеи, хотя бы онѣ тысячу разъ были увѣковѣчены и письмомъ и рѣчью, не имѣютъ никакого значенія для ума, *естественно-исторически неподготовленнаго къ нимъ*, какъ, наприм., для ума дикаго: недостаточно ихъ слышать только, надо имѣть *способность ихъ воспроизвести*. И если бы вмѣстѣ съ богатствомъ идей, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, не переходило бы наслѣдственно великое имущество возрастающаго внутренняго и внѣшняго мозгового развитія, если бы вмѣстѣ съ мыслями, сохраняемыми письмомъ, слѣдующимъ поколѣніямъ не сообщалась бы все усиливающаяся мозговая способность ихъ воспроизведенія, тогда и письмо и слова были бы безполезны». (Эвальдъ Герингъ, «Физіологія памяти», Знаніе, 1870, № 3, стр. 228—230). Вслѣдствіе этого, сила мозга какъ въ обыкновенныхъ образованныхъ людяхъ, такъ и въ геніяхъ, генеративно-послѣдовательно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, возрастаетъ и будетъ возрастать. «Не только первобытный дикарь, но и древній римскій гражданинъ, говоритъ Гексли, по складу своего ума и пониманія уже значительно разнится отъ современнаго мыслящаго европейца». «Дѣти наши,—говоритъ Либихъ,—имѣютъ о природѣ и происходящихъ въ ней явленіяхъ болѣе правильное понятіе, нежели имѣлъ Платонъ; они могли бы смѣяться надъ ошибками, сдѣланными Пливіемъ». (Письмо о химіи, I, 4). Какъ геній Ньютона, Лейбница, Эйлера, Лапласа и Гумбольдта былъ уже сильнѣе, развитѣе генія Платона, Аристотеля, Гиппарха и Эвклида,—такъ будущіе геніи, безъ сомнѣнія, будутъ еще могучѣе, еще развитѣе геніевъ Ньютона, Гумбольдта или Дарвина, или, если геніевъ не будетъ, то сила ихъ мозга перейдетъ на развитіе коллективной энергіи мозга массъ. Наконецъ, современныя краніологическія изслѣдованія несомнѣнно подтверждаютъ, что масса и строеніе человѣческаго мозга тѣмъ болѣе развиваются, чѣмъ болѣе человѣческая природа цивилизуется, чѣмъ болѣе увеличивается ея образованіе. Докторъ Бэрнардъ Дэвисъ доказалъ, съ помощью множества тщательныхъ измѣреній, что тогда какъ у американцевъ, азіатцевъ и австралійцевъ средняя емкость черепа равняется 87,5 и 87,1 кубическимъ дюймамъ,—у европейцевъ она равняется 92,3 кубическимъ дюймамъ. Профессоръ Брока нашелъ, что черепа, вырытые въ Парижѣ изъ могилъ XIX столѣтія, больше тѣхъ, которые найдены въ склепахъ XII столѣтія. Именно, черепа образованныхъ парижанъ XIX столѣтія имѣли вмѣстимость въ 1484 и даже до 1517 кубическ. центиметровъ,—тогда какъ черепа образованныхъ же парижанъ XII столѣтія имѣли вмѣстимость

еще только въ 1409 и 1496 кубич. центиметровъ. Точно также Причардъ путемъ подробныхъ сравненій пришелъ къ тому убѣжденію, что теперешніе обитатели Англіи обладаютъ несравненно болѣе обширными вмѣстилищами мозга, нежели древніе ея жители. (K. Voigt, Vorles. über die Menschen, I, 104, 109. Дарвинъ, О человѣкѣ, I, 208—209). И у современныхъ европейцевъ, чѣмъ развитѣе умственныя способности, тѣмъ больше и сложнѣе мозгъ. «Средній вѣсъ мозга людей образованнаго класса,—говоритъ Маудсли,—безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ такой же вѣсъ мозга людей необразованныхъ. Нѣкоторыя изъ тщательно-составленныхъ таблицъ замѣчательнаго сочиненія д-ра Турнама доказываютъ, что средній вѣсъ мозга обыкновеннаго европейца 49 унц., а у высокоразвитыхъ и особенно-даровитыхъ людей 54,6 унц.». (Маудсли, I, 55—56).

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, естественно-историческій путь развитія человѣческаго ума и мозга,—путь, часто омрачавшійся мрачными, грозными тучами и застилавшійся пургами и туманами всякаго рода мракобѣсія, инквизиторства и заблужденія, но неуклоннѣе всякихъ географическихъ путей ведшій и ведущій человѣчество туда, въ царство разума, истины, любви и правды, туда, куда предназначилъ его детерминизмъ Космоса.—На пути такого постепеннаго прогресса нервной системы человѣка, и особенно на высшей степени ея развитія, насъ невольно останавливаютъ теперь два, весьма важныхъ вопроса: во-первыхъ, шло ли, въ уровень съ развитіемъ нервной системы мужчины, и развитіе нервной системы женщины? Во-вторыхъ: не угрожаетъ ли, въ будущемъ, генеративно-послѣдовательное отставаніе умственнаго развитія темныхъ массъ народныхъ отъ интеллектуальнаго развитія образованныхъ классовъ общества, не угрожаетъ ли оно, какъ нѣкоторые думаютъ, будущимъ образованіемъ въ человѣчествѣ, такъ сказать, новыхъ двухъ племенныхъ разновидностей: разновидности темной, неразвитой черни и разновидности такъ называемой интеллигенціи обществъ, или — антропологическаго типа мужиковъ и антропологическаго типа Гумбольдтовъ и Дарвиновъ? Обратимъ вниманіе на эти вопросы, и сначала скажемъ о естественно-историческомъ развитіи современнаго настроенія нервной системы и умственно-соціальныхъ стремленій женщины.

II

Если, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, подтвердятся выводы современной анатоміи или краніологіи относительно степени развитія мозга женщины, то они ведутъ насъ къ прискорбнымъ мыслямъ. Одинъ изъ замѣчательныхъ натуралистовъ нашего времени, Карлъ Фохтъ такимъ образомъ резюмируетъ выводы современныхъ анатомовъ и краніологовъ относительно развитія женской головы: «По Велькеру, — говоритъ онъ, — женскій черепъ, какъ въ горизонтальной окружности, такъ и по величинѣ внутренней полости, меньше мужского, и это вполнѣ согласно съ меньшимъ вѣсомъ мозга у женщинъ. Минимумъ вѣса мозга для бѣлой расы,

редне-европейскихъ народовъ составляетъ *килограммъ* (2 фунта) для инъ и 900 граммовъ для женщинъ, или, по д-ру Бойду. вѣсъ мозга у ыхъ мужчинъ колеблется между 1366 и 1285 граммами, у взрослыхъ инъ—между 1231 и 1127 граммами, такъ что даже высшій вѣсъ жен- мозга не достигаетъ самаго низшаго вѣса мозга мужчины. На основа- Велькеровыхъ измѣреній, женскій черепъ относится слѣдующимъ омъ къ мужскому (принимая послѣдній во всѣхъ случаяхъ =100): кность =96.6, вмѣстимость =89,7; вѣсъ мозга =89,9. Форма женской ы мягче, закругленнѣе; личная часть, именно челюсти и черепное аніе развиты меньше и послѣднее сильно съужено въ заднемъ своемъ ѣ. При томъ, основаніе черепа болѣе вытянуто, сѣдельный уголъ е и обнаруживается замѣчательное стремленіе къ косозубости и оголовости. Вообще, можно сказать, что типъ женскаго черепа во ихъ отношеніяхъ подходитъ къ типу дѣтскаго, еще болѣе къ типу а низшихъ расъ, а съ этимъ обстоятельствомъ повидимому находится язи то замѣчательное явленіе, что разстояніе половъ, относительно ованія черепной полости, увеличивается съ совершенствомъ расы, что европеецъ гораздо болѣе превосходитъ европеенку, чѣмъ негръ тянку. Велькеръ подтверждаетъ этотъ выводъ Гушке своими сравни- ыми измѣреніями череповъ нѣмцевъ и негровъ, но, чтобы онъ могъ ить общее значеніе, нужны гораздо обширнѣйшія изслѣдованія. Если бы выводъ дѣйствительно подтвердился,— продолжаетъ Фогтъ, — то его о было бы считать интереснымъ указателемъ развитія расъ при посред- цивилизаціи и условій жизни. Давно уже было замѣчено, что у наро- идущихъ впередъ по пути цивилизаціи, мужчина опережаетъ женщину, напротивъ того, у народовъ, которые нисходятъ обратно съ высшей ии культуры, женщина находится впереди мужчины. Какъ въ нрав- омъ мірѣ женщина—хранительница старыхъ привычекъ и обычаевъ, ыхъ и семейныхъ преданій, сагъ и религій, такъ и въ матеріальной и она является хранительницею первобытныхъ формъ, которыя чрез- но медленно уступаютъ вліяніямъ цивилизаціи и измѣняющагося жизни. Различіе половъ является тѣмъ больше, чѣмъ больше раз- ъ цивилизація. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что ла тѣмъ болѣе сходны въ своихъ занятіяхъ и призваніи жизни, чѣмъ культурное состояніе народа. У австралійскихъ негровъ, бушменовъ и гихъ подобныхъ низшихъ народовъ, бродящихъ безъ жилищъ по ди- мѣстамъ, женщина переноситъ всѣ труды и тягости мужчины; кромѣ льной заботы о дѣтяхъ, она занимается, подобно мужчинамъ, охотой ной ловлей. Кругъ идей и занятій, въ которомъ движутся оба пола, енно одинъ и тотъ же. Напротивъ, чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ е и очерченнѣе раздѣленіе труда мужчины и женщины, какъ въ альномъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ. Вслѣдствіе этого, если ка- органъ отъ упражненія и дѣятельности крѣпнетъ и получаетъ боль- змѣръ и вѣсъ, то и мозгъ мужчины долженъ развиваться тѣмъ е мозга женщины, чѣмъ болѣе занятія мужчины обращаются къ мъ сферамъ пониманія». (K. Voigt, Über die Menschen, S. 88—89).

Къ такимъ выводамъ приходятъ, путемъ своихъ краніологическихъ изслѣдованій, многіе современные натуралисты. Быть можетъ, эти выводы ихъ не подтвердятся дальнѣйшими изслѣдованіями. Можно даже пожелать, чтобы они не подтвердились. Но вотъ что, во всякомъ случаѣ, печально: вся прошедшая исторія умственнаго развитія женщины полна такими фактами, при которыхъ, дѣйствительно, развитіе нервной системы женщины врядъ ли могло итти всегда въ уровень съ развитіемъ нервной системы мужчины. Какъ темныя массы рабочаго народа, съ тѣхъ поръ, когда всеобщій фетишическій страхъ господства мускульной силы или закона сильнѣйшаго обособилъ ихъ въ низшій, мускульно-рабочій классъ общества, стали отставать и доселѣ отстаютъ въ своемъ нервно-мозговомъ или умственномъ и нравственномъ развитіи отъ высшихъ, образованныхъ классовъ, — такъ и женщина, — вслѣдствіе историко-традиціоннаго, генеративно-послѣдовательнаго исключительно-генетическаго или полового развитія, и вслѣдствіе отчужденія отъ всѣхъ сферъ высшей нервной дѣятельности въ соціальной области умственнаго и физическаго труда, — неизбѣжно, повидимому, отставала и отстаетъ отъ мужчины въ нервно-мозговомъ развитіи. Въ особой статьѣ о развитіи генетической способности людей мы надѣемся сказать подробнѣе о развитіи человѣческой природы женщины. А здѣсь ограничимся немногими замѣчаніями.

На низшей степени развитія нервной системы человѣка, вслѣдствіе неразвитости нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, — грубое, животное половое чувство съ неудержимо-рефлективною стремительностью проявлялось въ грубомъ, животномъ общеніи половъ, и потому обусловливало самое жалкое положеніе женщины, какъ самки въ стадѣ. Легко понять, какъ такое положеніе женщины неблагопріятно было для нормальнаго развитія ея нервно-мозговой организаціи. Сначала, въ эпоху господства чисто-зоологической, стадной формы коммунальнаго или общиннаго брака, — женщина была самка группы мужчинъ, цѣлой воинственной дружины или общины, — и въ такомъ положеніи ея нервная сила всецѣло истощалась на утоленіе животной похоти этого цѣлаго стада мужчинъ. Затѣмъ, на переходѣ отъ коммунальной эксплуатаціи женщины къ эгоистически-патріархальному браку patris familias, почти повсемѣстно господствовавшее похищеніе женщины сильнѣйшими мужчинами сплошь и рядомъ сопровождалось всякими насиліями и истязаніями надъ ней и, между прочимъ, весьма обычными оглушительными ударами доуакомъ по головѣ, какъ это замѣчено у австралійскихъ дикарей Ольдфильдомъ, Коллинсомъ, Джоржемъ, Греемъ, Эйеромъ, у американскихъ индѣйцевъ—Гирномъ, Франклиномъ, Ричардсономъ и другими. И этотъ обычай оглушительныхъ ударовъ по головѣ и испещренія ея рубцами не могъ не отзываться ослабленіемъ нервно-мозгового развитія женщины у дикарей. Наконецъ, на низшей степени развитія нервной системы человѣка, при неразвитости нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ узловъ, соотносительныхъ высшимъ чувствамъ, — еще невозможна, немыслима была почти никакая сколько-нибудь человѣческая привязанность мужа къ женѣ, любовь мужчины къ женщинѣ. Вся энергія чисто-животнаго поло-

вого чувства, при неразвитости способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, съ неудержимо-рефлективною силою расходовалась только въ необузданномъ, ничѣмъ не сдерживаемомъ утоленіи животной страсти, не шла на развитіе нервной способности нравственнаго чувства любви къ женщинѣ, и потому-то, вотъ, многіе дикари доселѣ еще не знаютъ, что такое значитъ любить женщину. Лёббокъ приводитъ тому многочисленные примѣры для готтентотовъ, кафровъ, для племенъ, живущихъ около Нигера, для озаговъ и ирокезовъ сѣверной Америки, для гуаякуру Парагвая, для австралійцевъ и другихъ дикихъ народовъ. Племя индѣйцевъ Тиннэ не имѣло въ своемъ языкѣ даже словъ *любви*, алгонквины же и самаго глагола *любить*. (Кедровъ, Взаимн. человѣч. отнош., Дѣло 1872, кн. 2, 342). При такой неразвитости чувства любви къ женщинѣ, очевидно, и въ ея нервной системѣ не могли ничѣмъ возбуждаться ни умственныя, ни нравственныя, ни эстетическія способности. Она должна была, подъ игомъ суроваго обращенія мужчины, и физически чахнуть, сохнуть, брюзгнуть, и нравственно грубѣть, ожесточаться, тупѣть, и, вслѣдствіе всего этого, въ концѣ концовъ вырождаться. Недаромъ, южно-американскія индѣянки часто убиваютъ своихъ дочерей, чтобы избавить ихъ отъ общаго несчастнаго положенія женщинъ, попадающихъ подъ иго звѣрскихъ любезностей мужей (Azava, Reisen in S.-America, II, S. 63). Недаромъ, у большей части низшихъ племенъ женщинъ обыкновенно больше вымираетъ, чѣмъ мужчинъ, и потому и численность ихъ меньше, чѣмъ мужчинъ. Даже у нашихъ, сибирскихъ инородческихъ племенъ женское населеніе составляетъ только 39,38% мужского населенія. А почему? Главнымъ образомъ потому, что и у сибирскихъ племенъ положеніе женщины немного лучше ея первобытнаго или дикарскаго положенія. «По самоѣдскому разсужденію,—говоритъ Георги,—женскій полъ нечистъ: почему и поступаютъ самоѣды съ нимъ презрительно, а отчасти и безчеловѣчно. Жены претерпѣваютъ эту жестокость больше, нежели дочери, почему и упорство ихъ при выдаваніи замужъ не всегда бываетъ притворное. Пока жены родятъ еще дѣтей, до тѣхъ поръ все еще могутъ надѣяться на кое-какую пощаду, которая съ приращеніемъ ихъ старости вовсе пропадаетъ. Онѣ отнюдь не смѣютъ вмѣстѣ ѣсть съ своими мужьями, но питаются только тѣмъ, что послѣ нихъ останется. Въ юртѣ онѣ должны всегда сидѣть на своей, особой сторонѣ и никогда не ходить около огня; да, сверхъ того, мѣста, на которыхъ онѣ сидѣли въ юртѣ или въ саняхъ, и вещи, которыя онѣ употребляли, такъ же какъ и самихъ себя, онѣ должны окуривать надъ подожженнымъ оленьимъ волосомъ. Такое состояніе женскаго пола и суровый поясъ страны, конечно, и причиною тому, что онѣ малорослы и худо размножаются: ибо ничто другое ихъ приращенію не препятствуетъ». «У многихъ татарскихъ племенъ,—говоритъ тотъ же Георги,—женскій полъ тоже живетъ въ гнету, вѣчно сидя за работой, не выходя изъ избъ и юртъ, и оттого ростъ ихъ безпорядоченъ, и всѣ онѣ какъ будто копченыя». (Георги, Опис. народовъ въ Россіи, ч. III, стр. 10—11, 146). «Грубый остякъ,—говоритъ Палласъ,—смотритъ на женщину почти только какъ на необходимое домашнее животное и обременяетъ ее всѣми трудными работами». (Pallas, Reise, III, S. 53)

Удивительно ли послѣ этого, что женщина у сибирскихъ инородцевъ, вообще, и въ умственномъ отношеніи значительно меньше развита, болѣе дика и тупа, чѣмъ мужчина. Вообще, на низшей степени развитія нервной системы человѣка, при преобладаніи мускуловъ надъ мозгомъ, при неразвитости способности задерживанія рефлексовъ головного мозга или способности умственнаго и нравственнаго самообладанія, при отсутствіи нравственнаго чувства любви къ женщинѣ,—общая половая невоздержность, полнѣйшее рабство и угнетенность женщины дѣлали почти совершенно невозможнымъ ея нервно-мозговой, умственный прогрессъ, наравнѣ съ мужчинами.

На слѣдующей, болѣе высшей степени развитія нервной системы человѣка, въ періодъ господства политеистическаго страха таинственныхъ силъ природы, возникаютъ нѣкоторыя условія, болѣе или менѣе благопріятныя и для нервно-мозгового развитія женщины, но въ то же время появляются и такія новыя или видоизмѣненныя воззрѣнія, которыя по-прежнему препятствовали прогрессивному развитію мозга женщины. Съ тѣхъ поръ, какъ политеизмъ, ограничивши сферу боговъ въ природѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сферу первобытныхъ неудержимо-рефлективныхъ истощеній нервно-мозговой энергіи, въ реакціи наружу, значительно благопріятствовалъ, хоть еще далеко не полному, но все-таки весьма замѣтному развитію способности задерживанія рефлексовъ головного мозга или способности умственнаго и нравственнаго самообладанія, — съ тѣхъ поръ мы видимъ въ нервной системѣ человѣка, во-первыхъ, хотя еще и далеко не полные, но ясные зачатки нравственнаго или эстетическаго чувства любви къ женщинѣ, или, вѣрнѣе сказать, зачатки, на первый разъ, способности влюбчивости, т.-е. любви непостоянной, измѣнчивой, во-вторыхъ—видимъ первые зачатки нравственнаго или аскетическаго самовоздержанія отъ первобытнаго рефлективнаго удовлетворенія половой потребности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первые зародыши аскетическаго воззрѣнія на женщину.—Политеистическій «священный страхъ» таинственной обаятельной силы красоты, какъ особаго божества, впервые возбуждалъ эстетическое увлеченіе красотой женщины, какъ «богоподобнымъ образомъ» или формой небесной красоты. «Тѣ люди, говоритъ Платонъ, которые замѣтятъ богоподобный образъ или форму небесной красоты въ какомъ-нибудь на землѣ созерцаемомъ предметѣ, тѣ люди проникаются сначала священнымъ страхомъ, а потомъ, приближаясь, преклоняются передъ красотой, какъ передъ богомъ: они готовы ей воздвигнуть алтари и приносить жертвы». (Льюисъ, Ист. филос., 236). Такъ возникла, вмѣсто первобытнаго презрѣнія къ женщинѣ, религіозно-эстетическая идеализація и апотеоза ея очаровательной красоты, въ образѣ θεά πάρθενος (богини-дѣвы), въ образѣ Афродиты, Венеры, въ образѣ харитъ и грацій. А вмѣстѣ съ тѣмъ зародились и первые зачатки нравственно-эстетическаго очарованія красотой женщины и нравственнаго чувства любви къ женщинѣ. Греки уже до того были влюбчивы въ красивыхъ женщинъ, до того привязывались непостоянной, но пламенной страстью то къ одной красивой женщинѣ, то къ другой и третьей, что Платонъ въ своемъ «Государствѣ» желалъ уже ослабленія этой чрезмѣрной, страстной, но непостоянной, легко-

ысленной влюбчивости мужчинъ и женщинъ, и для этого предписывалъ имѣть общность женъ. (De Republ., V). Все-таки, благодаря, на первый разъ, такому зачаточному. легкомысленному благорасположенію мужчинъ, аѳинкія гетеры и римскія матроны уже и въ отношеніи нервно-мозгового, умтвеннаго развитія были гораздо выше, чѣмъ женщины первобытныя или икарскія. У грековъ возможно было уже появленіе, хоть одной, но великой женщины-поэта, Сафо. Но, съ другой стороны, и первобытныя, недержимо-рефлективныя влеченія половой страсти въ природѣ древнихъ историческихъ народовъ были еще такъ сильны, что то же политеистичекое вѣрованіе въ дѣвъ-богинь, въ Афродитъ и Венеръ породило религіозно-обрядовую санкцію первобытнаго, неудержимо-рефлективнаго удовлетворенія половой страсти. Такимъ образомъ произошли, напримѣръ, религіозно-эротическія оргіи, которыми древніе греки, финикіяне, а также вавилоняне. сирійцы и другіе народы чтили, по словамъ Григорія Назіанзина, Ἀφροδίτης πορνικὰ μυστήρια, или θεὰν πάρθενον, μαλακίαν καὶ θρασύτητα и т. п. При такой религіозной санкціи, половая страсть, со всею необузданностью воображенія, выражалась и въ изящныхъ искусствахъ. Сладострастныя картины ея изображали особые живописцы-порнографы, и даже такіе великіе художники, какъ Паргазій, Пракситель и другіе. Непостоянство, легкомысленность влюбчивости—зачаточнаго зародыша любви,—при слабомъ развитіи нервно-мозговой способности умственнаго и нравственнаго самообладанія, — до того было обычно и велико, что въ Римѣ, напримѣръ, женщина нерѣдко въ теченіе 5 лѣтъ перебывала замужемъ за 8-ю мужчинами. а иногда одна женщина перехватываема была 23 мужчинами, такъ же какъ одинъ мужчина имѣлъ, одну за другой, до 21 жены. Расторженіе брачнаго союза, diffoveatio, послѣ 593 года отъ основанія города Рима, было явленіемъ почти обыкновеннымъ. А при такомъ преобладаніи непостоянной, легкомысленной влюбчивости надъ твердымъ, неизмѣннымъ чувствомъ любви къ женщинѣ, — кто же не пойметъ, какъ возможны были эти Мессалины, Клеопатры, Клодіи, эти римскія togátae— публичныя женщины, носившія мужскую тогу, эти commilitiones Галіогабала и т. п. Когда, такимъ образомъ, санкціонированъ былъ половой развратъ, тогда, очевидно, сильно парализировалось и умственное и нравственное развитіе женщины, слѣдовательно, опять задерживался и ея нервно-мозговой прогрессъ. Наконецъ, при господствѣ невоздержности полового экстаза въ этихъ религіозно-эротическихъ оргіяхъ въ честь Ἀφροδίτης πορνικὰ μυστήρια, при неразвитости высшихъ нервныхъ свойствъ или элементовъ, соотносительныхъ высшимъ чувствамъ гуманности и справедливости, — и самое нравственное чувство любви и уваженія къ женщинѣ было еще такъ зачаточно, такъ мало развито, что надъ нимъ, можно сказать, еще вполнѣ преобладало чувство презрѣнія къ женщинѣ. Въ древнемъ Римѣ Катонъ Старшій считалъ женъ нечистою, богопротивною силою, отторгающею людей отъ боговъ, и проповѣдывалъ такія деспотическія правила относительно обращенія съ женщиной: обличивъ жену въ невѣрности, ты можешь ее убить; но обличивъ тебя въ томъ же, твоя жена не смѣетъ тебя тронуть и пальцемъ. (Зедергольмъ, стр. 50). У грековъ даже такой глубоко-

мысленнѣйшій философъ, какъ Антисѳенъ, по выраженію Шлоссера, «былъ рѣшительный ненавистникъ женщинъ, всегда отзывавшійся объ нихъ съ язвительной насмѣшкой» (Шлоссеръ, II, 258). По словамъ Аристотеля, женщина у грековъ тогда только пользовалась уваженіемъ, когда совершенно уединялась отъ общества и занималась только домашними дѣлами. Въ такой узкой умственной сферѣ, очевидно, умъ и, слѣдовательно, мозгъ женщины неизбѣжно должны были отставать въ своемъ развитіи отъ умственнаго и нервно-мозгового развитія мужчинъ. «Греческія женщины,— говоритъ Шлоссеръ,— не принимали никакого участія въ политическихъ стремленіяхъ и общественныхъ дѣлахъ мужчинъ; по господствовавшимъ тогда понятіямъ о приличіи и женской нравственности, онѣ жили вообще въ такомъ удаленіи отъ свѣта, что почти не выходили изъ дому, появляясь только на похоронахъ и на нѣкоторыхъ религіозныхъ торжествахъ. Поэтому, онѣ значительно отстали отъ мужчинъ въ образованіи; а это, при развитіи цивилизаціи, дало большое значеніе такъ называемымъ гетерамъ, которыя всѣ были иностранки. Природнымъ же греческимъ гражданкамъ законъ и общественное мнѣніе не позволяли вести такой свободный образъ жизни, какой могли вести гетеры». (Шлоссеръ, I, 417).—Такія античныя воззрѣнія на женщину, столь неблагопріятныя для ея умственнаго и нравственнаго развитія, въ дальнѣйшіе вѣка замѣнились аскетическимъ взглядомъ на женщину, какъ на діавольское орудіе соблазна и грѣха. Аскетическая ѳика, отрицая первобытное неудержимо-рефлективное проявленіе животнаго полового чувства, въ антитезъ древнимъ эротическимъ культамъ, чтившимъ Ἀφροδίτης πορνικὰ μυστήρια и т. п., съ пуристическою строгостью воспитывала въ людяхъ привычку къ задерживанію рефлексовъ полового чувства, къ обузданію половой страсти. Но при этомъ она впадала въ крайность, отрицала любовь къ женщинѣ, какъ дьявольское внушеніе, и требовала аскетическаго отвращенія отъ женщины. На западѣ, въ мрачные средніе вѣка, одинъ мудрецъ писалъ: «O uxores cujus genus non solum est luxuriosum, sed venenosum et anarissimum. Mulier enim est dux malorum, artifex scelerum, propter cujus incontinentiam tot adulteria et stupra nexantissima in civitatibus commituntur. Est enim origo peccati, mater delicti, arma diaboli, expulsio paradisi, induit homines ad confusionem et vocatur impedimentum viri, vas adulterii, animal pessimum, pondus gravissimum, aspis insanabilis, janua diaboli, cauda scorpionis, bestia insatiabilis, socilitudo continua, naufragium incontinentis viri, foetor continuus». На востокѣ, одинъ знаменитый византійскій ораторъ торжественно провозглашалъ: οὐδὲν τοίνυν θηρίον ἐν κόσμῳ ἐφάμιλλον γυναικὸς πονηρᾶς... Οὐκ ἔστι κακία ὑπὲρ κακίαν γυναικὸς πονηρᾶς... Ὦ τὸ κακὸν τοῦ διαβόλου καὶ ὀξύτατον ὅπλον... Ὦ κακὸν κακοῦ κάκιστον γυνὴ πονηρά (т.-е. нѣтъ въ мірѣ звѣря лютѣе, свирѣпѣе лукавой жены. Нѣтъ злобы сильнѣе злобы лукавой женщины. О злое острое орудіе діавола—лукавая женщина! О зло, злѣйшее всякаго зла—лукавая женщина). Такія доктрины, очевидно, не только не благопріятствовали умственному и нравственному развитію и возвышенію женщины, но онѣ даже положительно отрицали умственную равноправность или умственное равенство женщины съ мужчинами. Подобныя доктрины, очевидно, не только не благопріятствовали ни развитію нравственнаго

чувства любви и уваженія къ женщинѣ, ни умственному и моральному возвышенію женщины, но онѣ даже положительно отрицали умственную равноправность, или умственное равенство женщинъ съ мужчинами. Въ древнихъ византійскихъ апокрифахъ, въ доказательство того, что самый умъ женщины по природѣ своей ниже, малоспособнѣе ума мужчины, разсказываются особыя повѣсти о томъ, какъ одинъ премудрѣйшій въ мірѣ отрокъ вѣсилъ на деревянныхъ вѣскахъ песье кало съ женскимъ умомъ, и находилъ, что умъ женщины маловѣснѣе и того, и что, вообще, мужчину умнаго онъ находилъ одного въ тысячахъ людей, а женщины ни одной во всемъ мірѣ (Пам., III, 63, 56). Удивительно ли, послѣ этого, если какой-нибудь древній московскій протопопъ Аввакумъ, ученикъ византійской доктрины, безъ всякаго смущенія писалъ женщинамъ-боярынямъ: «да ужъ Богъ васъ проститъ: што на васъ и дивить: у бабы волосы долги, да умъ коротокъ». (Письма Аввакума—Русс. Арх., годъ 2-й, стр. 98—99). Удивительно ли, если по правиламъ какого-нибудь византійско-московскаго «Вождя по жизни», жена «княгиня молодая», какъ малоумная, не имѣла права ни о чемъ разсуждать своимъ умомъ, а могла «молвить только поклонъ отцу съ матерью: ино то не женское дѣло, о чемъ разсуждать, кого звать и кого чествовать, и какъ чему быть; да и не стать въ-слухъ при людяхъ своимъ умомъ наказывать: на это есть глава, мужъ законный; на то есть совѣтъ съ мужемъ, съ очей на очи». (Буслаева 1, 509). Такъ, и на болѣе высшей степени развитія нервной системы человѣка, какую представляли, напримѣръ, древніе греки и римляне, а потомъ и германскіе и славянскіе народы до эпохи ихъ реформаціоннаго и преобразовательнаго возрожденія,— чувство презрѣнія къ женщинѣ еще, можно сказать, вполнѣ преобладало надъ нравственнымъ чувствомъ любви и уваженія къ ней. И потому женщины не видно и не слышно было и тогда ни на форумѣ общественной дѣятельности, ни въ области науки и литературы, ни даже въ сферѣ изящныхъ искусствъ.

Но вотъ, наконецъ, съ тѣхъ поръ, какъ послѣ многотысячелѣтняго страха таинственныхъ силъ природы, восторженное чувство удивленія чудесамъ внѣшней и человѣческой природы возбудило въ передовой части человѣчества, послѣ аскетическаго страха женщины, какъ діавольскаго орудія и силы бѣсовской, восторженное чувство удивленія передъ женщиной, какъ чудеснѣйшимъ созданіемъ природы, — съ тѣхъ поръ въ нервной системѣ человѣка впервые стала развиваться нервно-мозговая способность высшаго нравственнаго чувства любви и уваженія къ женщинѣ и сознаніе умственныхъ и нравственныхъ правъ женщины. Съ тѣхъ поръ, во всѣхъ передовыхъ цивилизованныхъ обществахъ, короли, герцоги и всѣ образованные люди воздавали дань восторженнаго удивленія и восхищенія женщинамъ, въ-родѣ Христины Пизанской, Изабеллы Аррагонской, Ипполиты Сфорца, Біанки Эсте, Домиталлы Тривульціи и т. п. (Шлоссеръ, X, 378—379, 397). Поэты, въ родѣ славнаго итальянскаго поэта Анджело Поліціана, съ восторженнымъ удивленіемъ и восхищеніемъ восхваляли женщинъ, подобныхъ извѣстной женщинѣ-писательницѣ Кассандрѣ Феделе. Боккачіо написалъ цѣлыя 10 книгъ о судьбахъ знаменитыхъ

женщинъ (de casibus feminarum illustrium) и, сверхъ того, еще особую книгу «о славныхъ женщинахъ» (de claris mulieribus), гдѣ воспользовался истинными и чудесными или вымышленными исторіями для возвышенія славы и величія женщинъ. Точно также, и въ нашемъ отечествѣ, въ вѣкъ господства восторженнаго чувства удивленія чудесамъ природы внѣшней и человѣческой, всѣ люди, принадлежавшіе къ новому, «Петрову племени», какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, послѣ до-петровскаго аскетическаго страха женщины, какъ сѣти сатаниной, съ восторженнымъ чувствомъ удивленія восклицали: «О женщина! Какое она чудеснѣйшее созданіе природы! Какое совершеннѣйшее сотвореніе природы! Женщина – чудо природы!» (Живоп. Новикова, Русск. Арх.). И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ восторженное чувство удивленія женщинѣ, какъ чудеснѣйшему созданію природы, мало-по-малу породило истинное, разумное антропологическое пониманіе или сознаніе человѣческаго достоинства женщины,—съ тѣхъ поръ въ нервной системѣ человѣка впервые стала развиваться, во всей полнотѣ, высшая нервно-мозговая способность возвышеннаго нравственнаго чувства любви къ женщинѣ. Поэты, пѣвцы идеальной любви, въ-родѣ Гвидо Гвиничелли, восторженно восклицали: «любви не существовало, пока не являлось возвышенныхъ сердецъ, а пока не явилась любовь, не существовало высшей человѣческой природы». (Шлоссеръ, VIII, 225). Съ тѣхъ поръ, въ соціальныхъ отношеніяхъ двухъ половъ, въ бракахъ, въ поэзіи, драмѣ и литературѣ все болѣе и болѣе вырабатывались наиболѣе человѣчные, наиболѣе возвышенные нравственные мотивы и проявленія патетическихъ чувствъ любви къ женщинѣ. Такимъ образомъ, на высшей степени развитія нервной системы человѣка, вслѣдствіе наибольшаго усиленія способности задерживанія рефлексовъ головного мозга,—первобытныя, неудержимо-рефлективныя проявленія полового чувства все болѣе и болѣе стали сдерживаться головнымъ мозгомъ,—и вся энергія, тратившаяся прежде на нихъ, все болѣе и болѣе стала превращаться въ новые, возвышеннѣйшіе нравственные мотивы половой любви, въ способность умственнаго и нравственнаго самоуправленія въ движеніяхъ половой страсти, въ способность умственнаго, нравственнаго, эстетическаго и поэтическаго вдохновенія подъ вліяніемъ чувства любви и т. д. Вслѣдствіе этого, цивилизованный человѣкъ, съ развитымъ мозгомъ, и въ развитіи полового чувства ушелъ уже далеко впередъ отъ человѣка древняго и даже рѣзко сталъ отличаться отъ современнаго человѣка съ неразвитымъ мозгомъ. «Допустимъ,—говоритъ Маудсли,—что мы имѣемъ дѣло съ дурно-развитымъ мозгомъ во время пробужденія половыхъ стремленій. Что тогда послѣдуетъ? Ничто иное, какъ то, что наблюдается у низшихъ животныхъ: любовь будетъ простой похотью, и видъ самки возбудитъ желанія, переходящія въ неконтролируемыя усилія къ ихъ удовлетворенію. Съ другой стороны, посмотримъ на правильно устроенный и хорошо развитый мозгъ,—въ такомъ случаѣ половое возбужденіе подвергается сложному процессу развитія и доходитъ до нашего сознанія: изъ него развиваются всѣ тѣ нѣжныя, возвышенныя и прекрасныя чувства любви, которыя составляютъ тему для произведеній поэта и играютъ столь важную роль въ счастіи и печаляхъ жизни человѣка». (Маудсли, Физ. и пат. д., I, 153—154).

Итакъ, мы дошли до того фазиса развитія нервной системы женщины, когда ея нервная чувствительность все съ большею и большею напряженностью стала возбуждаться однимъ изъ самыхъ сильныхъ патетическихъ движеній человѣческой природы—страстными, аффективными волненіями нравственнаго чувства половой любви, когда все воспитаніе молодыхъ женскихъ генерацій стало мотивироваться преобладающимъ, страстнымъ, даже почти мономаническимъ стремленіемъ женщины къ наслажденіямъ страсти любви и къ эстетическимъ идеаламъ и обаяніямъ новаго типа грацій и харитъ, когда вся психическая жизнь, вся общественная ажитація женщины стала вращаться, можно сказать, около одного центра — любви, когда беллетристическія библіотеки, общественныя и частныя, стали завалены романами любви, когда, наконецъ, самый храмъ Таліи и Мельпомены сталъ храмомъ идеализированной Афродиты или Венеры, театромъ драмъ и трагедій любви. И вотъ, здѣсь-то, на этомъ пунктѣ современнаго преобладающаго возбужденія нервной системы женщины, мы невольно наталкиваемся на роковой вопросъ: выгодно ли, благопріятно ли для нормальнаго развитія и направленія нервной системы женщины это, господствовавшее доселѣ и сильно еще господствующее и теперь, почти всецѣлое возбужденіе и напряженіе нервной чувствительности женщины однимъ чувствомъ любви, хотя бы то и самымъ возвышеннымъ, глубоконравственнымъ? Къ прискорбію, современная физіологія и патологія нервной системы и души человѣческой находитъ это преобладающее общественно-воспитательное предназначеніе женщины къ одной любви, къ жизни одною любовью, весьма неблагопріятнымъ для вполнѣ-нормальнаго, здороваго, цѣльнаго и гармоническаго развитія нервной и душевной организаціи женщины. «Кто серьезно разсмотритъ,—говоритъ Фейхтерлебенъ,—женское воспитаніе нашихъ временъ (безъ сомнѣнія, partie honteuse новѣйшаго времени), тотъ найдетъ, что въ этомъ этіологическомъ отношеніи, въ предрасположеніи къ разстройствамъ и страданіямъ, оно имѣетъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ воспитаніе другого пола. Оно соединяетъ въ себѣ все, что можетъ повышать чувствительность, ослаблять силу воли, давать перевѣсъ половой сферѣ и освящать чувства и побужденія, относящіяся къ ней» (Маудсли, I, 249). По словамъ Кленке, отъ нынѣшняго женскаго воспитанія, характеризующагося преобладающимъ одностороннимъ напряженіемъ нервной чувствительности и крайнимъ недостаткомъ всесторонней, нервно-мозговой и нервно-мышечной активности, порождаются разнообразныя страданія тѣла и духа женщины—блѣдность крови, бездѣятельность слизистыхъ оболочекъ, переполненіе кровью венъ и нижней части туловища, причудливость, своенравныя идеи, фанатизмъ въ любви и религіи, истерическія страданія, нервозная, судорожная раздражительность и т. п. Наконецъ, исключительная или преобладающая сосредоточенность нервной системы женщины на половой страсти, на чувствѣ любви, неизбѣжно обусловливаемая ея современнымъ соціальнымъ положеніемъ, ея исключительнымъ или главнымъ предназначеніемъ къ замужеству и семейной жизни, ея совершенною отрѣшенностью отъ всѣхъ высшихъ сферъ общественнаго труда, умственнаго и физическаго, и полнѣйшею зависимостью въ средствахъ жизни и

самой психической дѣятельности отъ мужчины,—такая исключительная, почти всецѣлая возбуждаемость нервной чувствительности женщины половою страстью неизбѣжно должна парализировать въ ея нервной системѣ развитіе такой гармоніи умственныхъ и нравственныхъ силъ или психическаго тона, которая бы сообщала ей наиболѣе полную приспособленность къ трудностямъ жизни и наибольшую нервно-мозговую устойчивость въ борьбѣ съ жизнью. Вслѣдствіе этого, неудивительно, что женщины, по причинѣ меньшаго разнообразія и меньшей приспособленности ихъ психическаго развитія къ внѣшнимъ, физическимъ и соціальнымъ условіямъ, больше мужчинъ подвергаются нервнымъ разстройствамъ и страданіямъ. «Такъ какъ цѣль душевнаго развитія человѣка,—говоритъ Маудсли,—состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть болѣе близкихъ спеціальныхъ и сложныхъ отношеній съ остальною природою посредствомъ терпѣливыхъ изслѣдованій физическихъ законовъ, и соотвѣтственное внутреннее приспособленіе къ внѣшнимъ отношеніямъ,—то неудивительно, что женщины—болѣе слабый полъ—при настоящей соціальной системѣ, гораздо менѣе мужчинъ—болѣе сильнаго пола—приспособлены къ борьбѣ за жизнь, наиболѣе подвержены нервной психической неустойчивости и нервнымъ разстройствамъ всевозможныхъ родовъ. Вѣковое, почти совершенное лишеніе женщины работы, обширнѣйшихъ сферъ общественнаго труда, который бы могъ развивать и укрѣплять ея нервную систему и вообще физическую организацію въ борьбѣ за жизнь и отвлекать ее отъ исключительно-половыхъ влеченій, вѣковое главнѣйшее предназначеніе и воспитаніе женщины для половой жизни, для брака, обусловливавшее въ ея нервной системѣ преобладаніе половой страсти, одной изъ самыхъ сильныхъ страстей въ природѣ, и, вслѣдствіе всего этого, малая приспособленность физической и душевной организаціи женщины къ борьбѣ за жизнь и перенесенію послѣдствій неудовлетвореннаго полового инстинкта — вотъ обильные источники помѣшательства между женщинами». И неудивительно, послѣ этого, если, по наблюденіямъ того же Маудсли, женскій полъ, именно вслѣдствіе исчисленныхъ причинъ, болѣе наклоненъ къ помѣшательству, чѣмъ мужской полъ: изъ 106 человѣкъ, поступившихъ въ его заведеніе, было 50 мужчинъ и 56 женщинъ. По статистикѣ англійскихъ и валлійскихъ заведеній для умалишенныхъ: къ 1-му января 1855 г. было въ госпиталяхъ, въ общественныхъ и частныхъ заведеніяхъ 10,855 женщинъ и 9,608 мужчинъ, а къ 1-му января 1866 г.— 15,437 женщинъ и 13,988 мужчинъ, — числа, дающія перевѣсъ женщинамъ отъ 5 до 6 процентовъ. (Маудсли. Физіол. и Патолог. души, I, 241—242, 247). Всѣ эти печальные факты, кажется, достаточно показываютъ, какъ, на высшей степени развитія нервной системы человѣка, по общему физіологическому закону соотносительнаго и гармоническаго развитія всѣхъ частей и функцій человѣческой природы, физіологически-необходимо соотносительное и гармоническое развитіе и всѣхъ сторонъ или способностей нервной системы женщины. Изъ фактовъ этихъ мы можемъ также заключить, что чѣмъ дальше будетъ идти высшее развитіе нервной системы человѣка, параллельно съ относительнымъ развитіемъ или измѣненіемъ и всѣхъ другихъ системъ человѣческой природы,—тѣмъ неизбѣжнѣе должно

возбуждаться и все болѣе и болѣе усиливаться и невольное, естественное стремленіе женщины къ возможно-полному расширенію ея нервно-мозговой или умственной сферы развитія. Недаромъ, вотъ, ужъ и современная женщина, съ трепетнымъ сердцебіеніемъ волнующаяся чрезмѣрнымъ одностороннимъ возбужденіемъ своей утонченной нервной чувствительности, невольно, инстинктивно чувствующая и въ своей нервно-мозговой организаціи запросы современнаго фазиса развитія нервной системы человѣка, недаромъ она энтузіастично и возбудительно начинаетъ поднимать всеобщую тревогу женскаго міра, или роковой вопросъ о значеніи нервной системы женщины въ прогрессѣ человѣческой природы. Посмотрите, съ какою экзальтированною нервною возбужденностью, съ какимъ напряженіемъ нервной энергіи, съ какою энтузіастическою взволнованностью поднимаютъ тревожную агитацію современныя сѣверо-американскія женщины, движимыя невольнымъ нервнымъ возбужденіемъ, порождаемымъ современнымъ фазисомъ развитія нервной системы человѣка. Въ одной волнѣ сѣверно-американскаго женскаго движенія, вы увидите тысячи женщинъ, которыя до того разстроили свою нервную систему крайне одностороннимъ и безмѣрно-усиленнымъ напряженіемъ нервной чувствительности въ борьбѣ съ жизнью, что, вотъ, съ экзальтированнымъ воодушевленіемъ и бредомъ уносятся, вслѣдъ за какою-нибудь матерью Анною Ли или Елизаветою Дентонъ, уносятся въ мистическіе, галлюцинаціонные туманы ясновидѣнія, спиритизма и психометріи, — и, вмѣсто искомаго спиритическаго духовнаго міра, близко подходятъ къ міру сумасшедшихъ, а многіе и попадаютъ въ него. А тамъ, въ другой волнѣ сѣверно-американскаго женскаго движенія выступаютъ другія тысячи женщинъ, такъ же экзальтированно возбужденныя, съ такою же напряженностью и раздражительностью нервной системы, — но идутъ уже по тому пути, куда невольно влечетъ ихъ современный фазисъ развитія и требовательности нервной системы человѣка. Эти тысячи женщинъ организуютъ Общество распространенія равенства правъ обоихъ половъ, собираются на женскіе конгрессы, національные конвенты и парламенты о правахъ женщины, — и во главѣ ихъ такія женщины, какъ Бетси Каульсъ, Люси Стонъ, Лукреція Моттъ, Паулина Девисъ и другія, въ экзальтированныхъ, энтузіастическихъ рѣчахъ торжественно заявляютъ право женщины на равное съ мужчиной нервно-мозговое или психическое развитіе и проявленіе въ соціальной дѣятельности. Мало того: нервная организація женщины, въ современный фазисъ развитія нервной системы человѣка, до такой степени начинаетъ чувствовать всю односторонность и аномалію преобладающаго или мономаническаго увлеченія любовью, и до такой степени начинаетъ чувствовать невольные, инстинктивные порывы къ расширенію соціальной сферы нервно-мозговой стремительности и дѣятельности женщины, что тамъ же, въ Сѣверной Америкѣ, бѣдная, необразованная, но энтузіастическая женщина, Элиза Фаригамъ съ Статенскаго острова, основала даже особую школу «возстанія женщины противъ мужчины». И послушайте же, что̀ она провозглашаетъ. Съ крайне нервною раздражительностью, съ фанатическимъ негодованіемъ и озлобленностью она протестуетъ противъ историко-традиціонной, генеративно-по-

слѣдовательной гегемоніи разума мужчины. Въ экстазѣ своего нервнаго возбужденія и апріорической, вдохновенной дедукціи, она съ полнѣйшей самоувѣренностью провозглашаетъ свое новое, физіологическое ученіе о превосходствѣ мозга женщины надъ мозгомъ мужчины, о наибольшей утонченности нервной чувствительности женщины, чѣмъ нервной возбуждаемости и воспріимчивости мужчины, о превосходствѣ высшихъ умственныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ правъ женщины надъ правомъ любви. «Право женщины любить,—говоритъ она,—мелкая частность. Оно заключается въ другомъ, высшемъ правѣ. Женщина, по своей нервной или душевной организаціи, сродни херувимамъ и серафимамъ, а мужчина — собакѣ и жеребцу или гориллѣ и шимпанзѣ. Женщина полагается на свою нервную утонченность, на свое вдохновеніе, а мужчина на свой чистый разумъ (reine Vernunft). Разумъ — оплотъ мужчины, крѣпость, которую онъ выстроилъ для себя и въ которой живетъ одинъ. Да, разумъ — та почва, на которой онъ создалъ всѣ свои догматы и системы, всю свою поэзію, науку и миѳологію, которые онъ съ такимъ смертоноснымъ искусствомъ обращаетъ противъ подруги своей жизни. И что же, въ сущности, этотъ чистый разумъ мужчины? Онъ ничто иное, какъ грубый работникъ, обращающійся съ природой путемъ тупымъ, матеріальнымъ, подбирающій факты и года, отыскивающій причины и слѣдствія, выводящій законы изъ гармоніи. Что значитъ способность мужчины въ сравненіи съ благодатью женщины! Что значитъ методъ противъ силы! Женщина не нуждается въ методѣ. Она знаетъ фактъ, когда его видитъ, чувствуетъ истину, когда она невидима. Что мужчина созидаетъ впродолженіе цѣлаго поколѣнія, трудомъ, логикой, наблюденіемъ, то женщина схватываетъ однимъ взглядомъ. Для него умъ — тягостный и невѣрный руководитель, для нея—созерцаніе—легкое, непогрѣшимое небесное наитіе. Царство науки, царство разума мужчины закончено; царство высшей нервной чувствительности, царство спиритизма началось. Наука—исчадіе мужчины, спиритизмъ — продуктъ женщины. Первая — грубое, чувственное явленіе прошедшаго, второй — чистое, святое явленіе будущаго. Теперь евангеліе женщины обнародовано, наука мужчины перестаетъ руководить открытіемъ истины, объективный міръ скоро перейдетъ въ субъективный, и женщина, какъ высшее существо съ мозгомъ высшаго качества, озаренная внутреннимъ свѣтомъ, будетъ читать для насъ тайны природы и жизни, тайны неба и ада». (Диксонъ, Новая Америка, 303—305).—Вотъ до какихъ эксцентричныхъ, фантастическихъ высокопарностей доходитъ односторонняя напряженность и экзальтація утонченной нервной чувствительности женщины! А, между тѣмъ, не проглядываетъ ли хоть какая-нибудь доля истины, доля истиннаго профетическаго предвидѣнія и въ этомъ экзальтированномъ, патетическомъ нервно-мозговомъ возбужденіи женщины, въ этомъ превыспренне-заносчивомъ, профетическомъ вдохновеніи и умосозерцаніи дедуктивной мысли женщины? Намъ кажется, отчасти проглядываетъ. «Женщина, — говоритъ Элиза Фаригамъ, — полагается на свою утонченную нервную чувствительность, на свое вдохновеніе и созерцаніе, а мужчина на свой чистый разумъ. Что мужчина создаетъ впро-

женіе цѣлаго поколѣнія. трудомъ, логикой, наблюденіемъ, то женщина хватываетъ однимъ взглядомъ». Кто, хоть немного подумавши, не согласится, что въ этихъ словахъ женщины, въ этомъ антагонизмѣ апріористической дедукціи женщины съ метафизическимъ и индуктивнымъ разумомъ мужчины, въ этомъ антагонизмѣ теплосердечно-вдохновеннаго созерцанія женщины съ холодно-разсудочной абстракціей, reinen Vernunft мужчины, выражается инстинктивный вопль женщины о признаніи правъ дедуктивной силы женскаго ума въ области общечеловѣческаго интеллектуальнаго прогресса, въ области научной и соціальной дѣятельности? Въ настоящее время, не одна Элиза Фаригамъ, а и такіе глубокіе мыслители, какъ Милль и Бокль, также признаютъ преобладаніе въ женскомъ умѣ этой дедуктивной силы мысли, и совѣтуютъ мужчинамъ обратить на нее серьезное вниманіе. Да, дедукція ума женщины теперь, при нынѣшнихъ соціальныхъ условіяхъ ея умственнаго воспитанія, столь же апріористичная, столь же идеалистическая, какою нѣкогда была и дедукція древне-греческихъ умовъ и дедукція до-бэконовскихъ magistrorum sententiarum, — эта дедукція ума женщины ждетъ своей исторической череды. И вотъ уже наступаетъ пора, когда она начинаетъ экзальтированно вырываться изъ узковыхъ путъ и оковъ сдержаннаго, угнетеннаго, самососредоточеннаго нервно-мозгового напряженія, начинаетъ вырываться изъ оковъ монополистической гегемоніи «Reinen Vernunft», чистаго разума мужчины. И дѣйствительно, вмѣстѣ съ дедукціей ума женщины, въ умственный и нравственный міръ человѣчества должна привзойти новая, могучая прогрессивная сила человѣческой природы. Когда она всѣми признается и сама выйдетъ изъ своего средневѣкового состоянія, изъ состоянія дедукціи чисто апріористичной, идеалистической, вдохновенно-созерцательной, когда она станетъ дедукціей Ньютоновъ и Дарвиновъ, дедукціей индуктивной, или позитивной, — тогда она озаритъ міръ новымъ живительнымъ свѣтомъ мысли, удвоитъ сумму творческихъ силъ человѣческаго ума и прогресса, дастъ новые возбудительные импульсы къ вступленію человѣчества въ новый, высшій фазисъ антропологическаго прогресса, откроетъ человѣческимъ генераціямъ—этимъ чадамъ женщины — царство высшихъ человѣческихъ идей и чувствъ, царство не только научной истины, но и всеобъемлющей, всепримиряющей, всеоживляющей любви. Вмѣстѣ съ научной истиной, подъ вліяніемъ возбудительныхъ импульсовъ нервно-мозговой силы женщины, разовьется, расцвѣтетъ наука жизни, наука любви, правды и добра. Вмѣстѣ съ удвоеніемъ суммы силъ творческихъ, открывательныхъ и изобрѣтательныхъ, возвысится и энергія человѣческаго творческаго вдохновенія, возрастетъ количество и энергія высшихъ, благороднѣйшихъ человѣческихъ чувствъ, идей и стремленій, увеличится сумма наслажденій истинными человѣческими отношеніями, сумма наслажденій общежитія. Въ общественныхъ собраніяхъ людей будутъ другіе разговоры, другія бесѣды, интеллигентныя, научно-просвѣщенныя, оживленныя высшими идеями, воодушевленныя высшими, живѣйшими и благороднѣйшими чувствами.—Наконецъ, нужно ли распространяться, какъ, при расширеніи круга умственнаго развитія женщины, большая сумма ея нервно-мозго-

вого возбужденія, тратимая теперь почти въ однихъ аффективныхъ, нервозныхъ волненіяхъ половой страсти, превратится въ сумму силъ умственно-образовательныхъ, педагогическихъ. Не одни Песталоцци, Роховы и Фребели, но едва ли не всего больше женщины — эти матери человѣческихъ генерацій—въ будущихъ соціально-педагогическихъ кооперацiяхъ «Дѣтскихъ Садовъ» и «реально-гуманитарныхъ школъ» возьмутъ на себя великое дѣло умственнаго и нравственнаго порожденія новой, высшей породы человѣческихъ генерацій.— Далѣе, женщина рано или поздно можетъ найти обширнѣйшее поприще для вполнѣ-нормальнаго, цѣльнаго, гармоническаго развитія своей нервно-мозговой организаціи и путь спасенія отъ нервныхъ страданій въ осуществленіи физіологическаго закона соединенія мозгового и мускульнаго, или умственнаго и физическаго труда. «Женщинѣ,—говоритъ Кленке,—при ея нервномъ темпераментѣ, необходима работа, необходимъ трудъ умственный и физическій, чтобы избавиться отъ разнообразныхъ болѣзненныхъ возбужденій ея нервной чувствительности». Да, эту истину начинаетъ теперь сознавать и сама женщина. Одна юная сѣверно-американская реформаторша, миссъ Сузи Джонсонъ, на одномъ женскомъ конвентѣ въ городкѣ Провиденсѣ, въ Родъ-Айландскомъ штатѣ, восклицала: «я хочу, я готова работать со всякимъ мужчиной, женщиной или общиной, которые сдѣлаютъ первый практическій шагъ къ выработкѣ основъ высшей нравственности, строжайшей честности, лучшаго управленія и вообше высшаго существованія для всего человѣческаго рода. Я хочу работать, хочу видѣть другихъ готовыми на работу». (Диксонъ, 281). И дѣйствительно, мы не можемъ не вѣрить, что въ будущемъ нервная сила женщины должна будетъ привнести новую, могучую умственно-производительную силу и въ сферу человѣческаго труда. Когда разовьется, раскроется вся энергія или потенція нервно-мозговой силы женщины, доселѣ односторонне тратящаяся на одни аффективныя, страстныя проявленія генетическихъ чувствъ, тогда она не только должна вдохновлять и усиливать дѣятельность человѣческой мысли, но и оживотворять, электризировать и возвышать энергію и самаго физическаго, реальнаго труда людей. Вмѣстѣ съ выходомъ женщины изъ историко-традиціоннаго терема и гарема въ общечеловѣческій свѣтъ исторіи, на поле общественной дѣятельности, — смѣемъ вѣрить, разовьется, расцвѣтетъ эта, теперь еще для многихъ утопичная, воображаемая, но физіолого-психически естественная соціально-кооперативная ассоціація труда, предвозвѣщаемая Лассалями и Торнтонами, инстинктивно, шагъ за шагомъ, доискиваемая рабочими союзами и артелями. Исторія недаромъ сдѣлала синхронистическими вопросъ рабочаго труда и вопросъ труда женскаго. Недаромъ она отложила ихъ рѣшеніе до одного срока. Пробьетъ часъ рѣшенія рабочаго вопроса, и у насъ благословенно начатый великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ, пробьетъ этотъ будущій часъ,— и женщина — мать будущихъ человѣческихъ генерацій съ высшими человѣческими чувствами, — выйдетъ на поприще общественнаго труда, замѣститъ утвержденную мужчиной первобытную, чисто животную борьбу за существованіе, замѣститъ эту зоологичную, эгоистически-поработительную и эгоистически-пріобрѣта-

ьную борьбу антропологическимъ господствомъ высшихъ чувствъ со-
ıьно-кооперативной взаимности и просвѣщенно-человѣчной симпатіи,—
гривнеся съ собой въ соціальный міръ новыя умственныя и дѣятел.-
ı силы, составляющія цѣлую половину всей суммы интеллектуаль-
:ъ и активныхъ силъ человѣческой природы, породитъ, оживо-
›итъ человѣческую, соціально-кооперативную ассоціацію. Она вне-
ъ въ нее душу животворящую, внесетъ вдохновеніе, радость и примире-
въ сферу труждающихся на поляхъ, въ садахъ, въ зоологическихъ фер-
ѣ, на мануфактурахъ и т. д. Подъ ея вдохновительнымъ вліяніемъ,
ıастся радостная, гармоническая, одушевленная хоровая пѣсня при-
ы, истины, согласія, дружбы, и любви въ этомъ хороводѣ коопераціі
ікультурныхъ, гортикультурныхъ, зоолого-продуктивныхъ, мануфактур-
:ъ, химико-техническихъ и т. д.,—и трудъ тогда будетъ наслажденіемъ
эвѣческой природы. И какъ радостно, полножизненно и гармонично
ѣтъ волноваться и чувство самой женщины, когда ея утонченная нерв-
чувствительность будетъ возбуждаться и жить не одною любовью, но
кивою истиною и мыслью, сладостными умственными и нравствен-
ıи ощущеніями въ сферѣ общечеловѣческаго труда! Пусть же въ насто-
:е время женщина, только-что вступающая въ сферу высшей умствен-
жизни, все болѣе и болѣе познаетъ всю неудовлетворительность, всю
кость однихъ чувственно-возбудительныхъ, нравственно-разслабляющихъ
ьныхъ ощущеній и наслажденій одной половой страсти. Пусть она все
ѣе и болѣе проникается сознаніемъ, что высшія человѣческія возбу-
нія и наслажденія состоятъ далеко не въ однихъ обаяніяхъ чувствен-
красоты и любви, а въ величайшихъ наслажденіяхъ истины, добра,
шихъ идей и чувствъ человѣческой природы. Пусть женщина проник-
:я глубоко тою мыслью, что хотя въ природѣ женщины обаятельна и
ическая сила тѣлесной граціи и красоты, но несравненно обаятельнѣе
красота *психическая*, красота умственная и нравственная. Вліяніе жен-
ıы на сердца и умы мужчинъ, можно сказать, раздѣляется на двѣ
іени. Первая, болѣе низшая степень вліянія женщины на умы и чув-
ı есть степень преобладающаго зоолого-біологическаго значенія физиче-
і красоты женщины. Вторая, высшая степень вдохновительнаго или
зственно-очаровательнаго вліянія женщины есть высшая, истинно-антро-
›гическая степень преобладающаго могущества *психической* или ум-
нной и нравственной красоты женщины. Первую, обще-біологическую
ень вліянія женщины Гербертъ Спенсеръ характеризуетъ такъ: «зна-
:льнѣйшая доля того, что мы называемъ красотою, въ органическомъ
ı зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ отношенія половъ. И это спра-
иво не только относительно цвѣта и запаха цвѣтовъ, но также и от-
:тельно блистательнаго оперенія и пѣнія птицъ, которыя, по Дарвину,
ıбатываются путемъ полового подбора; и вѣроятно, что отчасти отъ
бныхъ же причинъ зависятъ и цвѣта болѣе рослыхъ насѣкомыхъ. И
особенно замѣчательно, это то, что эти признаки, возникшіе вслѣд-
: споспѣшествованія, которое встрѣчало себѣ произведеніе лучшаго по-
:тва, такъ какъ они естественно дѣлаютъ обладающій ими организмъ

прямо или косвенно, болѣе привлекательнымъ для другихъ,—суть вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ, которые, вообще, и для насъ наиболѣе привлекательны,—тѣ, безъ которыхъ поля и луга утратили бы половину своей прелести. Любопытно также, что и понятіе о человѣческой красотѣ порождается въ значительной степени такимъ же образомъ. И тотъ, извѣстный всѣмъ. фактъ, что элементъ красоты, который вытекаетъ изъ отношенія половъ. играетъ преобладающую роль въ эстетическихъ произведеніяхъ — музыкѣ, драмѣ, поэзіи,—получаетъ новый смыслъ, едва мы всмотримся, какъ глубоко эта связь проникаетъ всю органическую природу». (Основ. біологіи, II, 195—196). Такимъ образомъ, несомнѣнно, что высшее творчество эстетическихъ способностей и поэтическаго вдохновенія, почерпающее значительную долю своей силы и развитія изъ отношенія половъ, изъ чувства половой красоты и любви,—уже теперь, въ своихъ эстетическихъ произведеніяхъ—музыкѣ, драмѣ, поэзіи, представляетъ далекое прогрессивное отступленіе отъ первобытнаго, грубаго, чисто-животнаго полового чувства, а въ будущемъ, разумѣется, еще болѣе будетъ развиваться и принимать новыя, высшія формы. Но все-таки, что̀ значитъ и этотъ прогрессъ эстетическаго творчества человѣка, порождаемый однимъ физико-эстетическимъ вліяніемъ женщины, что̀ значитъ онъ въ сравненіи съ тѣмъ высшимъ, истинно-антропологическимъ возвышеніемъ и вдохновляющимъ, животворительнымъ могуществомъ психической—умственной и нравственной красоты женщины? Да, когда закрасуется во всемъ расцвѣтѣ и изяществѣ эта могущественнѣйшая, обаятельнѣйшая *психическая* красота женщины—сила и гармонія ея высшихъ душевныхъ способностей — ея генія, чувства и творчества, красота ея нѣжнаго, обильнѣйшаго, глубокаго, животворительнаго чувства, красота ея живого, роскошнаго природо-отражательнаго воображенія, красота ея быстро-проницательнаго, вдохновенно-мыслящаго дедуктивнаго ума, красота ея твердаго, нервно-живого характера, красота ея вдохновенія и вдохновительнаго могущества? Тогда, да, тогда только заблагоухаетъ соціальная жизнь наша всѣми живительными. вдохновляющими ароматами роскошной весны человѣческаго возрожденія, тогда только соціальная жизнь наша оживится всеобщею, кипучею и разнообразнѣйшею творческою производительностью высшихъ человѣческихъ силъ и способностей, наполнится истинными, высшими наслажденіями общежитія. Тогда и сама женщина не будетъ только въ одной гостиной залѣ, или въ театрѣ и клубѣ очаровывать мужчинъ одною своею физическою граціею и красотой. Тогда она вдохновенно и вдохновительно будетъ возвѣщать свои высшія убѣжденія, новыя истины и открытія, новыя идеи и стремленія въ Обществахъ Естествознанія, въ Обществахъ Антропологическихъ, въ Обществахъ Соціологическихъ, въ Обществахъ Эстетическихъ и литературныхъ и т. д. Она внесетъ жизнь, одушевленіе, вдохновеніе и поэзію ума и чувства, возвышенный, благороднѣйшій энтузіазмъ и очарованія высшихъ умственныхъ и нравственныхъ наслажденій,—внесетъ все это туда, гдѣ прежде царствовала сухость схоластицизма и доктринерства reinen Vernunft, мертвечина безжизненнаго археологизма, безжизненность идеи и черствая кропотливость сухого изысканія и т. п. Не въ

однихъ только клубахъ, театрахъ и пустопорожнихъ прохаживаньяхъ въ садахъ или изъ угла въ уголъ женщина будетъ искать половой симпатіи, а будетъ искать она и высшихъ умственныхъ наслажденій въ сферѣ природы, въ сферѣ естествено-научныхъ и соціологическихъ открытій, въ сферѣ энергическаго, всежизненнаго содѣйствія дальнѣйшему просвѣщенію человѣческаго міросозерцанія и увеличенію человѣческаго счастія, въ кооперативныхъ экскурсіяхъ и экспедиціяхъ съ цѣлію естествоиспытанія, съ жаждой этихъ, по выраженію Клода Бернара, величайшихъ изъ всѣхъ человѣческихъ радостей—радостей открытій для озаренія и облагодѣтельствованія человѣчества и т. д. Но что же нужно для того, чтобы достигнуть хоть когда-нибудь такихъ высшихъ наслажденій нервно-мозгового развитія женщины? Нужно прежде всего и болѣе всего, чтобы женщина, познавши наслажденіе развитія, познала вмѣстѣ съ тѣмъ и эту высочайшую человѣческую обязанность—нравственную обязанность развиваться, и не только сама бы развивалась, движимая жаждой наслажденія развитія. но и возбуждала бы мужчину къ наибольшему сознанію этой умственной обязанности. Потому что, соотвѣтственно съ высшимъ фазисомъ развитія нервной системы человѣка,—въ настоящее время и раціонально-разрабатываемая, антропологическая педагогика требуетъ, чтобы современный человѣкъ первымъ долгомъ развивалъ свой мозгъ посредствомъ усиленной умственной активности или самостоятельнаго умственнаго творчества. По требованію этой соціальной педагогики, не только дѣти, но и сами отцы и матери современныхъ поколѣній уже не должны ограничиваться однимъ школьнымъ образованіемъ и пассивнымъ воспринятіемъ готовыхъ идей, а должны сами постоянно работать мозгомъ, постоянно умственно воспитываться, развиваться, вырабатывать лучшія или высшія идеи, убѣжденія и чувства. Этого требуетъ физіологическое назначеніе мозга и его нормальная, гигіеническая жизнь. Мысль эту прекрасно разъясняетъ англійскій писатель Кингтомъ Клиффордъ въ своемъ біолого-антропологическомъ разсужденіи о нѣкоторыхъ условіяхъ умственнаго развитія, основываясь на теоріи Дарвина. «Какія главныя условія,—говоритъ онъ.—должны быть исполнены человѣческимъ умомъ, при его стремленіи къ высшему развитію? Ихъ два: одно положительное, другое отрицательное. Положительное условіе требуетъ, чтобы умъ дѣйствовалъ больше, нежели пріобрѣталъ, чтобъ въ немъ преобладало творчество надъ пріобрѣтеніемъ. Если умъ занятъ наукой, онъ не долженъ ограничиваться только изученіемъ существующихъ теорій или довольствоваться рутиннымъ изученіемъ фактовъ. Онъ долженъ дѣйствовать, создавать, отыскивать новыя силы, открывать новые факты и новые законы. Умъ долженъ создавать не однѣ только приносящія непосредственную пользу вещи... Нѣтъ ни ученой дѣятельности, ни технической ловкости, ни высокой критической способности, которыя могли бы обойтись безъ творчества, если умъ желаетъ исполнить свое назначеніе. Творческая способность не есть какая-нибудь врожденная статическая способность, вслѣдствіе которой одинъ человѣкъ долженъ творить непремѣнно то, чего другой никакимъ образомъ творить не можетъ; но она есть слѣдствіе развитія, расположенія и вкуса. Резуль-

татъ даетъ не то или другое *качество* ума, но то или другое его *стремленіе*. Слѣдовательно, первое условіе умственнаго развитія—то, чтобы умъ былъ въ расположеніи творить, а не пріобѣтать, или же, какъ прекрасно выразился кто-то, чтобы умственная пища служила къ образованію умственнаго мускула, а не умственнаго жира. Отрицательное условіе—составляетъ пластичность. Она требуетъ не допускать умственной и нравственной кристаллизаціи, прямо обусловливаемой средой. Сдѣлаться кристаллизованнымъ, оставаться неподвижнымъ при своемъ рутинномъ мнѣніи, какъ при чемъ-то непреложномъ, значитъ отказаться отъ человѣческой обязанности умственнаго развитія и отъ возможности приноровляться къ обстоятельствамъ. Рутинныя привычки и мнѣнія, рутинныя приличія составляютъ кристаллизацію личности и націи». (Совр. вопр. антропол. Спб. 1869, стр. 63—64).

III

Теперь обратимся къ другому вопросу; развиваются ли, соотвѣтственно современному высшему фазису развитія нервной системы человѣка, умственныя способности простого, рабочаго народа?

Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторой степени развивается и нервно-мозговая организація или умственная жизнь низшихъ классовъ передовыхъ, цивилизованныхъ расъ, соотносительно съ различными фазисами умственнаго развитія интеллигентныхъ классовъ. Полный застой, совершенная неподвижность ея невозможны, анти-физіологичны. Прежде всего, хоть какого-нибудь возбужденія требуетъ самая жизненность нервной системы народа. «Возбужденіе нерва,—говоритъ Кюне,—составляетъ одно изъ условій къ поддержанію его въ нормальномъ состояніи: только нервъ достаточно часто возбуждаемый сохраняетъ свои свойства, парализованный же какимъ-нибудь образомъ или не подвергающійся возбужденіямъ умираетъ даже при продолжающемся на него питательномъ вліяніи крови». (Кюне. Физіологич. Химія, вып. 2 и 3. стр. 426). «По особенной, до сихъ поръ не объясненной еще организаціи нервной системы,—говоритъ Сѣченовъ,—недостаточность упражненія нервныхъ аппаратовъ выражается всегда тоскливыми, томительными ощущеніями». (Рефлексы головного мозга, стр. 153). Вотъ въ силу этого физіологическаго свойства, и нервная система мужика такъ или иначе требуетъ необходимаго оживляющаго возбужденія. «Тоскливо чево-то, ребята», — говоритъ парень деревенскій въ праздникъ, когда бываетъ свободенъ отъ работы,—и идетъ хоть на площадь уличную или въ кабакъ, чтобы возбудить умъ хоть какими-нибудь впечатлѣніями. Недаромъ, извѣстные наши сектанты — «бѣгуны» жалобно восклицаютъ въ одной своей пѣснѣ: «душа томится, жаждетъ своей пищи, умъ томится, жаждетъ просвѣщенія». Далѣе, какъ ни были массы народныя отрѣшены отъ общаго историческаго движенія общечеловѣческаго прогресса, но все-же и онѣ такъ или иначе переживали послѣдовательные фазисы историко-

иціоннаго опыта. Если не научно-литературныя направленія, то госу-
гвенныя, политическія, юридическія и другія общественно-бытовыя
ажденія и нововведенія, сопровождающія и характеризующія тотъ или
ой фазисъ умственнаго развитія интеллигентныхъ классовъ, какъ
ільно-воспитательные способы, такъ или иначе отражаются и въ
венномъ развитіи и направленіи массы народной, хотя большею частію
рямо и непосредственно, а отдаленными или косвенными своими воз-
ствіями и послѣдствіями. Наконецъ, и непосредственно-жизненный
ризмъ или житейскій, практическій опытъ, хотя и пассивно-сенсуали-
ескій, поверхностный, также дѣйствуетъ болѣе или менѣе развиваю-
ь образомъ на умъ народный. Мысль эту весьма хорошо выразилъ
юлюбовъ въ своей статьѣ «Народное дѣло», по поводу распространенія
ствъ трезвости. «Говоря о народѣ,—говоритъ онъ,—у насъ сожалѣютъ,
новенно, о томъ, что къ нему почти не проникаютъ лучи просвѣщенія,
о онъ, поэтому, не имѣетъ средствъ возвысить себя нравственно, со-
ь право личности, приготовить себя къ гражданской дѣятельности и
. Сожалѣнія эти очень благородны и даже основательны; но они во-
не даютъ намъ права махнуть рукой на народныя массы и отчаяться
хъ дальнѣйшей участи. Не одно скромное ученье, подъ руководствомъ
ныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фра-
ая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ
шеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь — путь жизненныхъ
овъ, никогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ собы-
а событіемъ, неизбѣжно, неотразимо. Факты жизни не пропускаютъ
го мимо, они дѣйствуютъ и на безграмотнаго крестьянскаго парня, и
гупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента
ерситета. Холодъ и голодъ, отсутствіе законныхъ гарантій въ жизни,
шеніе первыхъ началъ справедливости въ отношеніи къ личности че-
ка — всегда дѣйствуютъ несравненно возбудительнѣе, нежели самыя
кія и высокія фразы о правдѣ и чести... Если богатый и свободный
цѣлъ человѣкъ жалуется на то, что тяжело жить на свѣтѣ, то изъ
› именно можно заключить, что бѣдному труженику еще тяжелѣе,
онъ, можетъ быть, и не умѣетъ такъ выразить свои страданія, по
статку образованности... Образованность именно ведетъ къ большей
меньшей ясности сознанія и, затѣмъ, къ умѣнью формулировать то,
сознается... Но и не формулированное страданіе, все-таки, страданіе.
ь оно таится, пусть не принимаетъ опредѣленнаго выраженія, это не
но обманывать насъ: есть предѣлъ, за которымъ оно можетъ ярко
начиться, и тогда безъ всякихъ книгъ, безъ всякихъ отвлеченныхъ
ажений, не говоря никакихъ фразъ, даже не принимая особаго
и для себя, оно проявится на самомъ дѣлѣ. Дѣйствительный фактъ,
вившись въ практической жизни дѣятельнаго, рабочаго человѣка,
дитъ тоже дѣйствительный фактъ, тогда какъ книжныя теоріи
едположенія образованныхъ людей, можетъ быть, такъ и оста-
я только теоретическими предположеніями». (Сочин. Добролюбова, т. 4,
71).

Но при всей несомнѣнности такого жизненно-эмпирическаго развитія умственныхъ и нравственныхъ способностей темныхъ массъ народныхъ,—исторія и этнографія самыми печальными фактами свидѣтельствуютъ, что массы простого народа, со времени окончательнаго и рѣзкаго обособленія ихъ въ низшій, чернорабочій классъ, всегда шли позади высшаго интеллигентнаго класса на пути умственнаго развитія, всегда отставали отъ него, потому что всегда лишались всѣхъ тѣхъ способовъ высшаго умственнаго развитія, какими монопольно овладѣло передовое, интеллигентное меньшинство человѣчества. Съ тѣхъ поръ, какъ образовались, по выраженію Маркса, «идеологическія состоянія», интеллектуально-дѣятельные классы общества,—масса народная, образовавши низшій классъ, простонародную, рабочую чернь, всегда болѣе работала мускулами, чѣмъ мозгомъ, и потому представляла, такъ сказать, мускулы или мышечную силу общественныхъ организмовъ, тогда какъ интеллигентное меньшинство или «идеологическія состоянія» представляли, такъ сказать, мозгъ соціальныхъ организмовъ. Уже вслѣдствіе одного этого общаго факта, низшіе, рабочіе народные классы, по естественному закону, не могли умственно развиваться въ уровень съ передовыми, интеллигентными классами.

Общая біологія, на основанія физіологическаго закона употребленія или неупотребленія органовъ, показываетъ намъ, что, вообще, крайне-ограниченное упражненіе мозга—органа умственныхъ способностей—сопровождается большимъ или меньшимъ уменьшеніемъ его массы и силы, слѣдовательно, естественно, физіологически — анти-прогрессивно. Фактъ этотъ испытанъ на животныхъ. Дарвинъ тщательно изслѣдовалъ размѣры, вмѣстимость череповъ и вѣсъ или величину мозга многихъ дикихъ и одомашненныхъ кроликовъ. Изъ всѣхъ своихъ краніометрическихъ изслѣдованій онъ извлекъ такой выводъ, что у одомашненнаго кролика, вслѣдствіе уменьшеннаго употребленія, мозгъ значительно уменьшился сравнительно съ мозгомъ дикихъ кроликовъ. Именно Дарвинъ говоритъ: «изъ всѣхъ изслѣдованій я замѣчаю, что мозгъ у всѣхъ давно одомашненныхъ кроликовъ никоимъ образомъ не увеличился пропорціонально увеличившейся длинѣ головы, или размѣрамъ тѣла,—что на самомъ дѣлѣ онъ даже уменьшился противъ того, какимъ долженъ бы быть, если бы эти животныя жили въ природномъ состояніи. Принимая въ соображеніе, что домашніе кролики, живя въ неволѣ, не имѣли возможности пускать въ ходъ свой умъ, инстинкты, чувства и произвольныя движенія, съ цѣлью избѣгать разныхъ опасностей и отыскивать себѣ пищу, мы имѣемъ полное право заключить, что мозгу ихъ представляется чрезвычайно мало упражненія, и что, вслѣдствіе того, развитіе его пострадало. Такимъ образомъ мы видимъ, что самый важный и сложный органъ во всей организаціи также подвергается общему закону уменьшенія массы, вслѣдствіе неупотребленія». (О прирученныхъ животныхъ. т. I, стр. 134, 327). Если, такимъ образомъ, у животныхъ уменьшенное или ограниченное употребленіе и упражненіе мозга (органа ума, смышлености) сопровождается уменьшеніемъ его массы и силы,—то, намъ кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что этотъ общій законъ

уменьшенія массы органа, вслѣдствіе неупотребленія, приложимъ и къ мозгу человѣческому. «И дѣйствительно, — говоритъ К. Фохтъ, — если каждый органъ вслѣдствіе дѣятельности крѣпнетъ и получаетъ бо̀льшій размѣръ и вѣсъ, — то и мозгъ долженъ развиваться тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе занятія человѣка обращаются къ высшимъ сферамъ пониманія (Intelligenz)». (K. Voigt, Vorlesung. über den Menschen, S. 89). Послѣ этого, весьма вѣроятными становятся, далѣе, и краніологическіе выводы Брока относительно, напримѣръ, череповъ образованныхъ и необразованныхъ парижанъ, похороненныхъ на разныхъ кладбищахъ Парижа, съ XII до половины XIX столѣтія. Именно, по изслѣдованію Брока, черепа бѣдныхъ классовъ, похороненныхъ на парижскомъ кладбищѣ des Innocents съ XII по XVIII столѣтіе, имѣли одну и ту же вмѣстимость — въ 1409,81 кубич. центиметровъ, а черепа бѣдныхъ, не развивавщихся умственно парижанъ XIX столѣтія представляютъ вмѣстимость *даже еще меньше*, именно въ 1403,14 кубич. центиметровъ, — тогда какъ черепа образованныхъ и богатыхъ парижанъ, имѣвшихъ всѣ средства упражнять свой умъ, уже въ XII стол. представляли вмѣстимость въ 1425.98 кубич. центиметр., а образованные парижане XIX столѣтія, похороненные въ частныхъ склепахъ, имѣли черепа съ вмѣстимостью даже до 1484,23 кубич. центиметровъ. (K. Voigt, Vorles. über d. Menschen, S. 104—109).

Мы не можемъ не вѣрить и такому компетентному антропологу-натуралисту, какъ Маудсли. А онъ въ своей «Физіологіи и патологіи души» утверждаетъ, что образованные и необразованные европейцы уже теперь значительно разнятся по степени развитія своего мозга, и что это различіе въ иныхъ случаяхъ уже такъ велико, что въ нервно-мозговомъ и умственномъ направленіи высшихъ, интеллигентныхъ классовъ общества часто оказывается уже неестественнымъ, чуждымъ то, что естественно и свойственно мозговой жизни и дѣятельности низшихъ классовъ. «У европейцевъ,— говоритъ Маудсли, —средній вѣсъ мозга людей образованнаго класса безъ сомнѣнія больше, чѣмъ такой же вѣсъ мозга людей необразованныхъ. Нѣкоторыя изъ тщательно составленныхъ таблицъ замѣчательнаго сочиненія д-ра Турнама доказываютъ. что средній вѣсъ мозга обыкновеннаго, необразованнаго европейца 49 унц., а высоко-развитыхъ людей 54,6 унцій... Поэтому,— продолжаетъ Маудсли,— когда врачъ призывается дать мнѣніе о нервно-мозговомъ разстройствѣ, вродѣ нравственнаго умопомѣшательства, то долженъ помнить, что индивидуумъ есть общественная единица, и потому разсмотрѣть его въ общественныхъ его отношеніяхъ. *Что почти естественно для лицъ низшихъ слоевъ общества и сообразно съ ихъ отношеніями, то можетъ быть уже совершенно неестественнымъ у человѣка, занимающаго высокое положеніе въ обществѣ*, и совершенно непримиримо съ его положеніемъ: напримѣръ, выраженія, указывающія въ человѣкѣ высоко-развитомъ на тяжелое душевное разстройство, могутъ быть принятыми за обыденныя въ низшихъ классахъ». (Маудсли, Физіологія и патологія души, I, 56, II, 373). На весьма печальныя мысли наводитъ и тотъ фактъ, что рабочія и, въ частности, сельскія массы, особенно въ дикихъ, глухихъ захолустьяхъ, повидимому, стремятся обособиться отъ болѣе

цивилизованныхъ и нормально-развивающихся интеллигентныхъ классовъ даже путемъ наиболѣе замѣчаемой между ними нервно-мозговой дегенераціи, которая, вообще, во многихъ отношеніяхъ представляетъ ниспаденіе нервной системы человѣка до первобытнаго, дикаго состоянія. «Даже въ Германіи,—говоритъ Эстерленъ, число душевно-больныхъ и преступниковъ больше въ деревняхъ, чѣмъ даже между самымъ безпорядочнымъ населеніемъ большихъ фабричныхъ городовъ. И если, вообще, *бѣднѣйшіе и необразованные классы доставляютъ наибольшій процентъ сумасшедшихъ и идіотовъ*, наибольшее число самоубійцъ, преступниковъ, пьяницъ и т. д., — то это опять-таки бываетъ *въ гораздо-большихъ размѣрахъ между сельскимъ населеніемъ*. Мало того: если бы городъ въ 5,000 жителей давалъ даже въ 10 разъ большее число преступниковъ, чѣмъ мѣстечко съ населеніемъ въ 1,000, — то все-таки положеніе дѣлъ въ первомъ было бы въ 5 разъ лучше, чѣмъ въ послѣднемъ. Многочисленныя наблюденія показываютъ, что изолированная и замкнутая жизнь, стѣсняя сферу нормальнаго и живого развитія ума и чувства, несравненно чаще дѣлается источникомъ умственнаго и нравственнаго разстройства и паденія, чѣмъ жизнь среди общества, чѣмъ даже самая шумная, тревожная жизнь нашихъ большихъ городовъ, и что ограниченная, сосредоточенная жизнь, какъ жизнь захолустныхъ сельскихъ массъ, гораздо опаснѣе, чѣмъ даже самая напряженная, безустанная дѣятельность, кипящая въ центрахъ нашей цивилизаціи. Самое бурное море все-таки лучше гніющаго болота. Мы понимаемъ теперь то состояніе отупѣнія и меланхоліи, религіознаго фанатизма и суевѣрія, которое безъисходно господствуетъ во всѣхъ уединенныхъ мѣстностяхъ: въ горахъ, лѣсахъ, на островахъ и т. д.» (Эстерлена, Человѣкъ и сохраненіе его здоровья, стр. 422). Далѣе, если вы, поживши, напримѣръ, въ естествоиспытательномъ міру Ньютоновъ, Гумбольдтовъ, Дарвиновъ, въ философскомъ, умозрительномъ міру Кантовъ и Контовъ, въ поэтическомъ міру Гёте, Шиллеровъ и Байроновъ, въ эстетическомъ міру Бетховеновъ, Моцартовъ и Рафаэлей, вообще — въ соціально-антропологическомъ міру высшей человѣческой интеллигенціи, — спуститесь потомъ въ низменные слои современныхъ цивилизованныхъ обществъ, въ темныя массы рабочаго народа,—то вы почти на каждомъ шагу будете поражаться уже теперь этими рѣзко-бросающимися въ глаза отличительными признаками двухъ слоевъ общества, словно двухъ новообразующихся племенныхъ варіететовъ или разновидностей. Тамъ, въ сферѣ высшаго антропологическаго типа, въ сферѣ научно-развитой интеллектуальной породы людей, вы читаете или слышите «Philosophiae naturalis principia mathematica» Ньютона или «Небесную Механику» Лапласа, слышите физико-математическія разсужденія объ единой, цѣлостной системѣ Космоса или звѣзднаго міра, о движеніи планетъ около солнца. А здѣсь, въ темной массѣ низшаго антропологическаго типа, въ сферѣ обскурантической породы людей, вы слышите допотопныя сказанія о семи небесахъ, о движеніи солнца около земли. «Астрономъ, — говорилъ еще нашъ геніальный Ломоносовъ, — астрономъ чувствуетъ внутреннее увеселеніе, представляя въ умѣ своемъ, какъ высоко превышаетъ онъ своимъ знаніемъ мужика, человѣка, себѣ подобно

юреннаго. А крестьянинъ, во весь свой долгій вѣкъ и объ имени юономіи не слыхавшій, смѣется астроному, какъ пустому верхоцу». Тамъ, въ сферѣ высшей интеллигентной породы людей, вы ите Гумбольдта, какъ онъ математически опредѣляетъ изотермы, еры и изохимены, стремится узнать температуру въ глубинахъ земли, цѣсь, въ низшей, обскурантической породѣ людей, какой-нибудь руслужилый, какъ машина, залѣзши, по приказу начальства и по жела- Гумбольдта, въ глубокій колодезь или шахту для передачи своего тересскаго ощущенія, не можетъ понять, какъ должно, и такого простого юса Гумбольдта: «что тамъ, тепло или холодно?» и отвѣчаетъ на этотъ юсъ машинально, безсмысленно: «какъ угодно, ваше высокоблагородіе!» ъ, въ высшей интеллигентной породѣ людей, Уатты постигаютъ тайны жущихъ силъ пара и изобрѣтаютъ чудесныя паровыя машины,—а здѣсь, темной, обскурантической породѣ людей, захолустный, за-таежный мужъ не можетъ иногда понять движенія колеса телѣги. Намъ разсказы- і, какъ въ одной какой-то деревнѣ по рѣкѣ Чюнѣ, впадающей въ Уду, будто бы нѣтъ телѣгъ, разъ завезена была телѣга: мужики, какъ ые ребята, съ удивленіемъ обступили глазѣть на нее, какъ на чудо, и поигрывать ею—взявши за оглобли, стали тащить ее, чтобы вывѣ- секретъ,—и что же имъ показалось непонятнымъ чудомъ? «Диво, та,—говорили они,—ну, понимаемъ таперича, отчего катятся передніято са, ихъ тащатъ за оглобли, а вотъ что мудрено, не возьмешь въ толкъ, ь заднія-то колеса катятся безъ оглоблей?». Тамъ, въ высшей, гуманноантропической породѣ людей, гдѣ, соотносительно съ наибольшимъ жненіемъ и дифференцированіемъ высшихъ нервныхъ клѣтокъ больъ мозговыхъ узловъ, господствуютъ высшія человѣческія чувства— інности, честности и справедливости, тамъ о людяхъ, подобныхъ Пестаци, Оуэну, Лассалю и т. п., говорятъ: какіе гуманные, справедливые, ные люди! А здѣсь, въ обскурантической разновидности людей, гдѣ о еще не развиты въ мозгу и самыя высшія нервныя клѣтки, соотнольныя высшимъ чувствамъ, здѣсь о подобныхъ людяхъ говорятъ: ъ дуракъ!» Тамъ говорятъ: homo interpretator et rex naturae, а здѣсь рятъ: «мужикъ — мѣшокъ», какъ говорилъ намъ въ одной деревнѣ тьянинъ, никакъ не могшій понять, что такое «человѣкъ». Тамъ, въ ллигентномъ классѣ, напр., хоть на какомъ-нибудь земскомъ собраніи Россіи, представители интеллектуальнаго класса, образованные дворяне исляютъ maximum и minimum приращенія земскаго капитала, разсуютъ о земскомъ банкѣ,—а представители обскурантической массы сельо населенія, не понимая самыхъ этихъ словъ интеллигентныхъ людей: *ximum, minimum, банкъ*»,—на вопросъ: о чемъ толковали на земскомъ аніи? отвѣчали: «все толковали о какомъ-то *Максимѣ Мининѣ*, хотятъ дить его въ *банку*». Вообще, уже въ настоящее время можно написать, алуй, цѣлые томы книгъ о разницѣ умственныхъ способностей, понячувствъ, желаній, о разницѣ міросозерцаній и, наконецъ, о разницѣ ыхъ лексиконовъ или словарей двухъ, такъ сказать, новообразующихся овидностей человѣческаго рода: разновидности интеллигенціи и раз-

новидности черни. Карлъ Марксъ въ своей книгѣ «Капиталъ» такимъ образомъ характеризуетъ «*умственное одичаніе*» молодыхъ рабочихъ поколѣній въ Англіи, представляя ихъ понятія и сужденія въ діалогахъ съ однимъ изъ слѣдственныхъ коммиссаровъ: Jeremias Haynes, 12 лѣтъ: «четырежды четыре—восемь, но четыре четвертки (4 fours) — 16. Король — это *тому*, кому принадлежатъ всѣ деньги и все золото. Говорятъ, что у насъ есть король, и что этотъ король — королева, и что его называютъ принцесса Александра. Говорятъ, что она вступила въ бракъ съ королевскимъ сыномъ. Принцесса—это мужчина». Wm. Turner, 12 лѣтъ: «я живу не въ Англіи. Думаю, что есть такая земля; но я ничего не слыхалъ о ней ранѣе». Iohn Morris, 14 лѣтъ: «слышалъ я, какъ нѣкоторые говорили, будто бы Богъ создалъ міръ и потомъ утопилъ весь народъ, кромѣ одного человѣка; слышалъ я, что этотъ одинъ человѣкъ былъ маленькая птичка». William Smith, 15 лѣтъ: «Богъ сдѣлалъ мужчину, а мужчина сдѣлалъ женщину». Edward Taylor, 15 лѣтъ: «я ничего не знаю о Лондонѣ». Henry Matthewman, 17 лѣтъ: «хожу иной разъ въ церковь... Тотъ человѣкъ, о которомъ они проповѣдуютъ, былъ какой-то Іисусъ Христосъ; никакихъ другихъ именъ я назвать не могу, да и о немъ ничего сказать не могу. Онъ не былъ умерщвленъ, а умеръ какъ и всѣ прочіе люди. Онъ былъ нѣкоторымъ образомъ религіозенъ, а другіе не есть религіозны. Чортъ—добрый человѣкъ. Я не знаю, гдѣ онъ живетъ. Христосъ былъ злой человѣкъ», и т. п. (К. Маркса, «Капиталъ», стр. 206). Такихъ невѣжественныхъ и часто даже идіотическихъ апоѳегмъ мы могли бы привести множество и изъ умственной сферы русскаго простонародья. Но считаемъ это излишнимъ. «Вообще,—говоритъ Марксъ,—*умственное одичаніе*, искусственно производимое обращеніемъ несложившагося еще человѣка въ простую машину для фабрикаціи прибавочной стоимости, которое надо отличать отъ естественнаго невѣжества, оставляющаго умъ подъ паромъ, не губя его способности развитія, его естественнаго плодородія,—дошло до того, что принудило, наконецъ, даже англійскій парламентъ постановить законнымъ условіемъ — во всѣхъ отрасляхъ промышленности, подчиненныхъ фабричнымъ законамъ—элементарное образованіе для «производительнаго потребленія дѣтей моложе 14 лѣтъ». (Ibid., стр. 353—354).

Вотъ, на основаніи всѣхъ представленныхъ нами фактовъ, мы невольно приходимъ къ тому заключенію, что крайне-ограниченное и стѣсненное употребленіе и упражненіе умственныхъ способностей, до сихъ поръ предоставленное на долю низшихъ классовъ, или простого, рабочаго народа, при совершенномъ лишеніи его способовъ высшаго умственнаго развитія,—если еще продлится долго,—можетъ, вѣроятно, сопровождаться и въ средѣ темной массы народной, какъ у одомашненныхъ, стѣсненныхъ неволею кроликовъ, общимъ уменьшеніемъ массы мозга, сравнительно съ массой мозга высоко-развитой, интеллигентной части человѣчества, и, слѣдовательно, остановкой развитія способности интеллигенціи и мышленія или образованіемъ особаго, пассивно-консервативнаго интеллектуальнаго типа людей. Да, это, намъ кажется, возможно. Мы знаемъ поразительные примѣры, какъ изъ одного и того же способнаго народа дѣйствительно

образовывались, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ столѣтій или 10 поколѣній, два совершенно разныхъ населенія, словно два разныхъ племени, вслѣдствіе того, что одна часть этого народа насильственно лишена была всякихъ средствъ для нормальнаго физическаго и умственнаго развитія, обречена была на самую бѣдственную жизнь въ невѣжествѣ, а другая часть того же народа поставлена была въ болѣе благопріятныя условія. Катрфажъ въ своей «Естественной исторіи человѣка» приводитъ, между прочимъ, слѣдующій разительный фактъ, разсказанный д-ромъ Галлемъ: «Вслѣдствіе войнъ 1641 и 1689 г. между Англіей и Ирландіей, огромныя толпы ирландцевъ были изгнаны изъ графствъ Армага и Доуна, и удалились въ гористую страну, которая простирается къ востоку отъ баронства Флевъ до моря; а изъ другихъ мѣстъ королевства ирландское племя было прогнано въ графства Лейтримъ, Слиго и Майо. Съ тѣхъ поръ эти населенія должны были почти постоянно находиться подъ гибельнымъ дѣйствіемъ голода и невѣжества—этихъ двухъ страшныхъ виновниковъ человѣческаго уничиженія. И что же? Въ настоящее время можно уже легко различить потомковъ этихъ изгнанныхъ отъ ихъ собратій, живущихъ, напримѣръ, въ графствѣ Меатъ и въ другихъ округахъ, гдѣ они не были поставлены въ подобныя неблагопріятныя условія. У первыхъ видимъ полуоткрытый и выдающійся впередъ ротъ, выставляющіеся зубы и десны, раздвинувшіяся челюсти, приплюснутый носъ. Всѣ ихъ черты носятъ печать дикости и варварства. Въ Слиго и въ сѣверной части Майо слѣдствія двухвѣковаго уничиженія обнаружились во всемъ физическомъ устройствѣ этихъ народонаселеній и исказили у нихъ не только черепъ и черты лица, но даже и самое сложеніе тѣла. Ростъ ихъ уменьшился до 5 англ. футовъ и 2 дюймовъ, вообще—они имѣютъ всѣ черты урода. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно,—прибавляетъ Галль, — что въ другихъ частяхъ Ирландіи, гдѣ народонаселеніе никогда не испытывало на себѣ дѣйствія невѣжества и голода, *то же самое племя* представляетъ высшій умственный типъ, вмѣстѣ съ физической и нравственной силой и бодростью, съ совершенно правильнымъ строеніемъ тѣла. Спрашивается, однако-жъ,—говоритъ дальше Галль: эти двѣ столь различныя группы, изъ которыхъ одна напоминаетъ собою самыя низшія населенія Австраліи, а другая выдерживаетъ сравненіе со всѣми народами бѣлаго племени, принадлежатъ ли къ одной и той же расѣ? Нѣтъ,—отвѣчаетъ Катрфажъ на слова доктора Галля: только ирландецъ изъ графства Меатъ представляетъ собою древній корень своего племени; а ирландецъ графства Флевъ образовалъ уже *новое племя*, происшедшее изъ первоначальнаго». (Катрфажъ, Естеств. исторія человѣка, стр. 199—200). Такъ насильственно-стѣсненное положеніе и неблагопріятныя условія могутъ до того ослабить не только нервно-мозговую, но и нервно-мышечную организацію и энергію народа, принадлежащаго даже къ наиболѣе развитой расѣ, что народъ этотъ ниспадаетъ даже до дикарства и варварства, до искаженія или уменьшенія не только мозга и черепа, но и роста и всего тѣлосложенія.

Вообще, каковы бы ни были приведенные нами факты, но не подлежитъ никакому сомнѣнію общій законъ уменьшенія или ослабленія массы

и силы мозга, вслѣдствіе его ограниченной, стѣсненной или ослабленной дѣятельности. А этотъ законъ кажется намъ первымъ достаточнымъ естественнымъ основаніемъ утверждать, что высшее умственное развитіе и высшая умственная дѣятельность составляютъ общечеловѣческую физіологическую потребность и обязанность, и что, напротивъ, отрицаніе или непризнаніе умственной равноправности низшихъ классовъ, равно какъ и женщинъ, противно закону анатомо-физіологическаго прогресса нервной системы человѣка. И вотъ почему, на высшей степени развитія нервной системы человѣка, какой она достигла въ настоящее время въ наиболѣе цивилизованныхъ расахъ человѣчества, историко-традиціонное рѣзкое умственное различіе интеллигенціи и черни уже до того становится печальной, вопіющей аномаліей и анахронизмомъ, тревожно волнующей умъ и чувство гуманно-филантропическихъ генерацій высшаго интеллигентнаго типа, что въ настоящее время надъ нимъ серьезно, глубоко стали задумываться не только такіе друзья рабочаго народа, друзья человѣчества, какъ Оуены, Лассали, Марксы, Милли, но и самые великіе естествоиспытатели. Въ то самое время, когда Прудоны, Марксы и Лассали стремятся реализировать, осуществить союзъ «науки и рабочихъ», объединеніе интеллигенціи съ трудомъ,—въ то самое время одинъ изъ величайшихъ естествоиспытателей нашего времени, Вирховъ въ собраніи натуралистовъ торжественно провозглашаетъ необходимость положить предѣлъ развивающемуся обособленію и антагонизму двухъ міросозерцаній двухъ разновидностей единаго нераздѣльнаго антропологическаго міра. «Я,—говоритъ Вирховъ въ собраніи естествоиспытателей,—я имѣлъ случай уже не разъ обращать ваше вниманіе на то странное явленіе, что два огромныхъ общества—общество католической массы народной и католическихъ собраній и общество естествоиспытателей, изъ которыхъ каждое считаетъ себя представителемъ большей части народа,—отличаются величайшимъ противорѣчіемъ въ дѣлѣ основныхъ началъ мышленія. Говорите сколько хотите про успѣхи естественныхъ наукъ, а все-таки какъ-то странно, рядомъ съ такими успѣхами, встрѣчать точно такія же представленія о небѣ, какія мы находимъ въ первой книгѣ Моисея... Да, дѣйствительно, въ этомъ есть много комичнаго, а между тѣмъ это въ высшей степени серьезное дѣло. По моему мнѣнію, въ мірѣ *не существуетъ даже ничего серьезнѣе* именно этого совмѣстнаго существованія двухъ діаметрально-противоположныхъ міровоззрѣній. Но съ чего начать, что дѣлать, чтобы успѣть въ соглашеніи? Какъ его начать, если естествоиспытатели постоянно сами становятся на слѣдующую исходную точку: мы будемъ себѣ покойно работать дальше, а массы пускай дѣлаютъ и думаютъ, что имъ угодно. Такое пассивное или отрицательное положеніе естествоиспытателей влечетъ за собою огромныя неудобства... Плодотворнаго развитія и быть не можетъ, если различные слои народа пользуются совершенно различными идеями. Потому, намъ и слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы наука сдѣлалась общимъ достояніемъ, и притомъ не только путемъ такъ называемой популяризаціи, но путемъ раціональнаго воспитанія. При современной разрозненности умственнаго

направленія естествоиспытательной интеллигенціи и обскурантической массы,—люди даже уже не понимаютъ идей другъ друга. Человѣку, неразвитому естественно-научно, католику чистой крови вы можете толковать, сколько вамъ угодно, что на солнцѣ горитъ водородъ, что это горѣніе обусловливаетъ возможность нашего существованія на землѣ,—это представленіе все же не найдетъ въ его міросозерцаніи никакой солидной почвы: онъ воспринимаетъ его, какъ нѣчто совершенно чуждое, если мнѣ позволятъ медицинское сравненіе—какъ какое-нибудь животное—*глисту*... Нашею задачею должно быть превращеніе знанія въ однородное, равномѣрное, вытекающее для всѣхъ изъ одного источника. А для этого необходимъ общій для всѣхъ методъ мышленія и извѣстная, однородная форма представленія и истолкованія явленій природы... Да, въ виду неумѣренности нашихъ противниковъ, мы еще разъ спрашиваемъ себя: можетъ ли счастливо сложиться національная жизнь, если у всѣхъ ея представителей не будетъ въ общемъ однородныхъ воззрѣній, если различные слои народа будутъ имѣть рѣзко-различныя міросозерцанія?» (Рѣчь Вирхова, произнесенная 20 сент. 1871 г. на съѣздѣ нѣмец. естествоиспытателей и врачей въ Ростокѣ, въ «Отеч. Зап.» за декабрь 1871 г.). Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, самъ же Вирховъ въ той же рѣчи своей требуетъ немедленнаго естественно-научно-воспитательнаго возвышенія темныхъ рабочихъ массъ на уровень общечеловѣческаго естественно-научнаго міросозерцанія. Такъ, на высшей степени развитія нервной системы человѣка, какая достигнута до настоящаго времени, самый законъ высшаго развитія человѣческаго мозга, все болѣе и болѣе возбуждаетъ, за-одно съ рабочимъ вопросомъ, и вопросъ о всенародномъ равноправномъ высшемъ умственномъ развитіи. Благодаря именно тому же современному фазису высшаго развитія нервной системы человѣка, благодаря наибольшему осложненію и дифференцированію въ человѣческомъ мозгу высшихъ нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ узловъ, соотносительныхъ высшимъ человѣческимъ чувствамъ гуманности, справедливости и соціально-кооперативной взаимности,—въ настоящее время, уже сами высшія, научно-интеллигентныя, просвѣщенно-филантропическія генераціи человѣчества, руководимыя Вирховыми, Лассалями и т. д., стремятся во что бы то ни стало сравнять съ собою, по крайней мѣрѣ въ общихъ началахъ міросозерцанія, и эту отсталую, темную, обскурантическую массу людей. Да, въ силу физіолого-психическаго закона соотносительнаго развитія высшихъ нервно-мозговыхъ клѣтокъ и высшихъ человѣческихъ чувствъ, они, эти интеллигентно-филантропическія передовыя генераціи, иначе, и сами до тѣхъ поръ не найдутъ въ своемъ высоко-развитомъ умѣ и чувствѣ полной, сладостной психической гармоніи чувствъ, убѣжденій и стремленій, не найдутъ ни въ себѣ, ни въ соціальномъ строѣ истиннаго успокоенія совѣсти, возвышеннѣйшихъ радостей и наслажденій истинными человѣческими отношеніями, истинно-соціальными, истинно-антропологическими благами общежитія, не найдутъ безтревожнаго, ничѣмъ не возмутимаго возвышеннѣйшаго утѣшенія и возбужденія умственнаго и нравственнаго. Они не найдутъ всего этого до тѣхъ поръ, пока не подадутъ

братскую руку помощи этой отсталой, обскурантической братіи своей, и не пошлютъ къ нимъ своихъ новыхъ Песталоцци, Роховыхъ и Фребе возрождать и поднимать ихъ, силою физико-антропологическаго воспита на степень высшаго интеллектуальнаго типа, пока не увидятъ ихъ в стѣ съ собой, въ общихъ университетахъ, въ общихъ соціально-кооп тивныхъ ассоціаціяхъ и т. д. [1]).

---

[1]) Напечатано документально точно съ рукописнаго оригинала, писа рукою самого А. П. Щапова. Заглавіе статьи не соотвѣтствуетъ ея содержа имѣется на отдѣльномъ листкѣ, быть можетъ попавшемъ не на свое мѣсто.—*В.*

росозерцаніе[1]), мысль, трудъ и женщина въ исторіи русскаго общества

ь XVIII вѣка до сороковыхъ годовъ XIX и съ сороковыхъ годовъ до настоящаго времени[2])

I

Міросозерцаніе

рвобытный фазисъ господства фетишическаго страха таинственныхъ силъ природы, петровскій фазисъ господства монотеистическаго страха „единой невидимой силы жьей" въ природѣ и вліяніе его на искорененіе первобытнаго фетишическаго страха инственныхъ силъ природы: зачатки удивленія чудесамъ природы. Послѣ-певскій фазисъ господства восторженнаго чувства удивленія „чудесамъ натуры" вліяніе его на измѣненіе первобытнаго и до-петровскаго взгляда на природу. Виды наго „натуралистическаго" или „натуръ-фавматологическаго" міросозерцанія, порожденные восторженнымъ чувствомъ удивленія чудесамъ натуры: міросозерцаніе сантиментально-натуралистическое, сантиментально-идиллическое, телеолого-оптимистическое, натуръ-философское или метафизико-идеалистическое. Взглядъ на человѣческую природу. Господство, въ первобытныя времена, фетишически-антропофагическаго и человѣкобоязненнаго взгляда на человѣческую природу. Господство, въ до-петровскія времена, богобоязненно-братолюбиваго возрѣнія на людей, какъ „братій и стеръ по Богѣ", и богобоязненно-аскетическаго страха человѣческой природы, какъ ѣховной. Съ XVIII вѣка, возбужденіе восторженнаго чувства удивленія „чудесному троенію человѣческой природы" и вліяніе на измѣненіе первобытныхъ и до-петровихъ возрѣній на человѣка: телеолого-оптимистическій, сантиментально-идиллическій, натуръ-философскій взглядъ на человѣческую природу. Господство сантиментально-филантропическаго взгляда на человѣческую природу.

Въ древнѣйшія времена, когда мракъ таинственнаго, неизвѣстнаго въ ласти природы, можно сказать, всецѣло преобладалъ надъ крайне-огра-ченнымъ кругомъ извѣстнаго, воспринятаго чувствами и познаннаго

[1]) Напечатано въ журналѣ „Отечественныя записки" за 1873 г., т.т. CCVI, CCVI CCIX, № 2, стр. 334—390; № 3, стр. 65—118; № 8, стр. 239—300 и за 1874 г., т. CCXIV 5—6, стр. 421—452.

[2]) Сокращенное извлеченіе изъ полнаго очерка исторіи русскаго общества, гдѣ зсматриваются и всѣ другія сферы общественной жизни, какъ-то: народная экомія или общественное обезпеченіе физіологической потребности пищи, жилища и ежды, общественныя санитарныя понятія и учрежденія, эстетическія понятія и увеченія, антрополого-этнографическія понятія и международныя отношенія и проч.

умомъ народнымъ,—чувство страха передъ таинственными силами природы было главнымъ источникомъ и стимуломъ народнаго физическаго міросозерцанія [1]). Во внѣшней природѣ люди тогда боялись всего, что было непонятно, во всемъ таинственномъ трепетали присутствія боговъ или демоновъ и, при всеобщемъ первобытномъ преобладаніи нервно-мозговой способности усиливанія рефлексовъ головного мозга, необходимой для самосохраненія въ случаяхъ невольныхъ, инстинктивныхъ побужденій чувства страха, надъ способностью задерживанія этихъ рефлексовъ, невольно, рефлективно падали ницъ, прекланялись передъ всѣми этими, апріорически-воображаемыми богами или духами таинственныхъ силъ природы. Боялись внезапнаго удара грома,—и покланялись богу грома—Перуну. Трепетно благоговѣли передъ непостижимо сіяющимъ на небѣ, теплотворнымъ солнцемъ, боялись зимняго лишенія его животворнаго вліянія на земную жизнь,—и молились богу солнца—Хорсу-Дажьбогу. Боязливо недоумѣвали при видѣ непонятной, таинственной силы огня,—и покланялись «Огню-Сварожичу». Съ трепетнымъ изумленіемъ и недоумѣніемъ смотрѣли на таинственную синеву небеснаго пространства, трепетали таинственнаго вліянія неба, звѣздъ небесныхъ,—и молились богу неба—Сварогу. Вообще, боялись всякаго внезапнаго, непонятнаго движенія или звука въ природѣ—скрипа дерева, крика птицъ или «вороннограя», рева звѣрей, «мышеписка», шелеста ползающаго червя или насѣкомаго и т. п.,—и вотъ съ боязливыми гаданіями вѣрили въ разныя примѣты. Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, первобытный фетишическій страхъ таинственныхъ силъ природы [2]).

Чтобы разсѣять этотъ страхъ нужно было, вообще, такъ сильно, такъ возбудительно отвлечь нервно-мозговую воспріимчивость первобытныхъ людей отъ впечатлѣній видимыхъ и осязаемыхъ предметовъ, возбуждавшихъ фетишическій страхъ, чтобы въ нервно-мозговой организаціи ихъ началась дѣятельность не одной способности усиливанія рефлексовъ головного мозга, но и способности задерживанія этихъ рефлексовъ, способности умственнаго самообладанія, разсудочнаго размышленія. Или, нужно было возбудить въ умахъ, вмѣсто фетишическаго страха видимыхъ, осязаемыхъ предметовъ природы, всеобщій страхъ единой невидимой силы, всемогущей, всеустрашающей, господствующей надъ всѣми силами природы. И вотъ, такою новою умственно-возбудительною силою было христіанское, монотеистическое чувство страха «единой невидимой силы Божьей», господствующей надъ всѣми таинственными силами природы. Навстрѣчу «сильнымъ мужамъ», богатырямъ грубой физической силы, навстрѣчу вѣдунамъ—выразителямъ фетишическаго страха таинственныхъ силъ природы, выходили другіе «сильные человѣки» [3])—богатыри силы нравственной, выходили проповѣдники христіанскаго, монотеистическаго боговѣдѣнія и

[1]) О физіолого-психологической естественности этого первоначальнаго фазиса міросозерцанія см. въ „Физіологіи и патологіи души“ Маудели, т. I, стр. 1—2.

[2]) Подробности см. въ моей статьѣ: „Первобытное міросозерцаніе“ въ „Дѣлѣ“ 1871 года, № 8.

[3]) Памятн. стар. русск. литер., IV, 187.

ха Божія, и, указывая на образъ страшнаго суда Божія, грозно воз- 'или фетишическому міру страхъ «единой невидимой силы Божіей». ›ашно было, братіе,—говорили устрашенные люди,—страшно было ви- › дивныя чудеса невидимой силы Божіей: великъ есть Богъ всесильный, ящій дивныя чудеса, и велики слуги его!» [1]). И богатыри, строители обытнаго міра, представители фетишическаго міросозерцанія, пали цъ этой «невидимой силой Божіей». Напрасно богатырь «Алеша По- чъ младъ» дерзновенно говорилъ: «подавай намъ силу нездѣшнюю, мы › тою силою, витязи, справимся!»

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явилась сила нездѣшняя...
Бросились на силу всѣ витязи:
Стали они силу колоть, рубить...
А сила все растетъ—да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ...
А сила все растетъ—да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя;
Уходилися ихъ кони добрые,
Притупились мечи ихъ булатные. .
А сила все растетъ—да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугалися могучіе витязи!
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры.
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ...
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси!

И вотъ, съ тѣхъ-то поръ начался новый фазисъ умственнаго развитія росозерцанія русскаго народа.

Вслѣдствіе усиленной проповѣди христіанскаго богословскаго ученія, обытный страхъ таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣ- ой мало-по-малу замѣнился монотеистическимъ чувствомъ страха ія [2]). Прежде всего, пришедшіе изъ Византіи церковные учители от-

[1]) Пам. I, 72—73.

[2]) Для устраненія всякихъ недоразумѣній, считаемъ необходимымъ замѣтить »едъ. что мы разсматриваемъ здѣсь чувство страха Божія не съ общей христіан- равственной или богословской точки зрѣнія, а въ томъ духовно-историческомъ зленіи его и въ той степени, въ томъ видѣ его развитія и направленія, какія »жны были, послѣ первобытнаго фетишизма, при до-петровскомъ умонастроеніи ца. И чувство страха Божія, какъ и всякое другое нравственное чувство, имѣетъ историческія степени развитія, сообразныя съ историческими фазисами умствен- и нравственнаго развитія людей и общественнаго ихъ состоянія. Глубина, сила ширность или, вообще, степень развитія чувства страха Божія какого-нибудь :яго „смерда", безъ сомнѣнія, разнится отъ глубины, силы и качествъ страха

вергли всѣхъ языческихъ боговъ природы и вразумили народъ не боят боговъ грома, солнца, вѣтра, огня и т. п., а отвращаться отъ нихъ. к отъ «прелестей діавола». «Люди, - учили они,—забывъ страхъ Божій, нач приносить жертву молніи и грому, солнцу и мѣсяцу, или Перуну. Хо виламъ, берегинямъ, или огню, камнямъ, рѣкамъ, источникамъ, лѣсам деревьямъ. О, злая діавольская прелесть! Если творящіи такъ не отступ отъ проклятой службы діаволу, то достойны будутъ огня неугасимаг смолы вѣчно-кипящей» [1]. Отвергши такимъ образомъ естественно-р гіозное чувство страха таинственныхъ силъ природы, учители церков внушительно возвѣстили народу ученіе о страхѣ Божіемъ, какъ осно начало новаго монотеистически-богобоязненнаго міросозерцанія. Вм боговъ природы, они поучали народъ познавать въ природѣ «непрелож уставы и повелѣнія Божіи» и изъ познанія ихъ научаться страху Бо «Первая заповѣдь есть бояться Бога,—поучало одно древнее «слово». страхомъ работать Богу, какъ бы видя лице Его, бояться словес О, братіе, сестры, отцы и матери! Какъ намъ не бояться Господа свое не трепетать словъ Его и не творить волю Его! Онъ сотворилъ небо и зе и море, и все, что въ нихъ есть; взявши отъ земли, сотворилъ наше т и не токмо тѣло, но и душу вдохнулъ и живыми насъ сотворилъ! сотворилъ и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды, и озера, и рѣки, и источн всѣ горы и холмы, вѣтры, снѣги и дожди, скотовъ, и звѣрей, и пт И все это боится Бога и трепещетъ, и не преступаетъ повелѣнія Ег все пребываетъ въ своемъ уставѣ, служа роду человѣческому. Не прест повелѣнія Божія, земля даетъ плоды свои въ достояніе людямъ: з траву, древа, цвѣты, плоды всякаго рода земныхъ овощей, намъ на по и на пищу скотамъ и звѣрямъ, птицамъ и гадамъ и всякому зем дыханію. Свѣтъ, освѣщая землю, исполняетъ повелѣніе Божіе. Со осіявая и грѣя всю землю, восходя и заходя и служа людямъ, также ис няетъ повелѣніе Божіе. А также луна и звѣзды стоятъ на стражѣ ночь, восходятъ и заходятъ, даютъ свѣтъ людямъ, показываютъ в путешествующимъ путь по морю, по рѣкамъ и по озерамъ; и видя м наши беззаконія, которыя мы сотворили передъ Творцомъ своимъ, не с Его, все это терпятъ, боясь Божія прещенія. Также и море, и озе рѣки, и источники служатъ людямъ: переносятъ ихъ на корабляхъ по ствомъ вѣтровъ, по повелѣнію Божію, изъ города въ городъ: слу путемъ, лѣтомъ черезъ море и рѣки перенося въ ладьяхъ и челна зимой на возахъ; напояютъ водами, кормятъ всякими рыбами, омыв насъ: такъ намъ служатъ, боясь Творца своего. Также и огонь тво повинуясь Господу, служа людямъ: грѣетъ, варитъ, печетъ, зноитъ, жа сушитъ, все совершая намъ на потребу, по повелѣнію Божію. Если

Божія современнаго высокоразвитаго богобоязненнаго человѣка. Мы и разсматри народное чувство страха Божія большею частію по народнымъ же памятникамъ, выраженіямъ чувствъ и понятій народныхъ, а не по догматическимъ или нравств богословскимъ источникамъ.

[1] Слова, направленныя противъ язычества. Лѣтоп. русск. литер. и древн. отд. III. Слово I, II и VII.

ɔ Господь не повелитъ сотворить, то все стоитъ въ уставѣ своемъ, не я ничего сотворить; если же чему Господь повелитъ что-либо произгп, то произведетъ по Божію повелѣнію и усмотрѣнію. А само по себѣ то не смѣетъ производить: ни земля, ни море, ни рѣки, ни озера, ни очники, ни кладези, ни горы, ни пропасти, ни огонь, ни звѣри, ни гады, рыбы, ни моръ, ни морозъ, ни снѣгъ, ни вѣтры и никакая тварь. Такъ , братіе, боится Бога и трепещетъ повелѣнія Его!» [1]). Вотъ, вслѣдствіе ихъ поученій, народъ, дѣйствительно, мало-по-малу переставалъ страться непонятныхъ для него силъ, предметовъ и явленій природы, а все ѣе и болѣе научался бояться единаго Творца и Вседержителя природы. угъ загремѣлъ, напримѣръ, громъ,—народъ уже не страшился его пожнему, какъ бога Перуна, а боялся въ немъ «невидимой силы Божіей», ажающей «силу нечистую». И это чувство страха Божія по-прежнему лективно выражалось въ невольныхъ мышечныхъ движеніяхъ—колѣноклоненіяхъ и молитвахъ, но уже въ новой византійско-церковной формѣ, формѣ, напримѣръ, такой молитвы: «Святъ, святъ, святъ, сѣдяй въ му, обладавый молніями, проливый источники на лице земли! О, Влако, страшный и грозный! Самъ суди окаянному діаволу съ бѣсы, а насъ шныхъ спаси, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь. Боже ашный, Боже чудный, живый въ вышнихъ, сѣдяй на херувимѣхъ, ходяй громѣ, самъ казни врага своего діавола» и проч. [2]). Вообще, и «посее, живущіе въ веси,—гласитъ одна древняя сѣверно-поморская повѣсть,— ли солнце и познавали присносущаго свѣта—Бога, видѣли небеса—разуш Творчу славу, землю зрѣли—внимали величеству Владычню, море ѣли—познавали силу владѣющаго Бога. Главизна же и начало ихъ прерости есть страхъ Господень: страхъ Божій полагали они въ сердцѣ емъ, ибо подобаетъ Зиждителя, животомъ и смертію владычествующаго, ѣющаго силу миловать и мучить, подобаетъ Его боятися, трепетати и тоговѣти предъ Нимъ» [3]).

Отвлекая такимъ образомъ умы отъ первобытнаго фетишическаго аха таинственныхъ силъ природы и отъ суевѣрно-боязливаго разсмаванія физическихъ предметовъ, которыхъ въ язычествѣ народъ стрался, какъ боговъ,—христіанское чувство страха Божія постепенно возило умы отъ первобытнаго грубаго, фетишическаго сенсуализма къ обоязненному умозрѣнію, отъ сенсуально-фетишическаго страха таиненныхъ силъ природы къ умозрительной, теологической идеѣ единой идимой силы Божіей. «Огнь,—читали народные грамотники въ духовхъ книгахъ, —огнь честнѣйши есть древа, злата и сребра, ибо жжетъ,

[1]) Правосл. Собес. 1858 г., № 1. Слово о постѣ и возстаніи церковнаго чина. По ткости нашего изложенія, мы оставляемъ вторую половину слова. Замѣтимъ только, дальнѣйшая часть его изобилуетъ образами и оттѣнками, которые имѣютъ связь фетишическими народными понятіями.

[2]) Рѣчь г. Буслаева „О народной поэзіи“, прилож. V, стр. 18. Сл. Новгород. ., IV, стр. 118—119.

[3]) Сборникъ Соловец. библіот., № 182. Житіе яренскихъ чудотворцевъ Іоанна и тина.

поѣдаетъ ихъ, но и огнь не есть богъ, ибо покоренъ есть водамъ; воды честнѣйши суть огня, ибо огнь одолѣваютъ и плоды земные услаждаютъ, но и воды нельзя называть богомъ, ибо воды подъ землею скопляются; посему водъ честнѣйши есть земля, ибо ихъ одолѣваетъ земное естество, но и землю нельзя называть богомъ, ибо и земля изсушается солнцемъ и людямъ на воздѣланіе учинена; солнце честнѣйши есть земли, ибо лучами своими просвѣщаетъ всю вселенную, но и солнце не есть богъ, ибо ночью тьмою помрачается; такъ же и мѣсяцъ и звѣзды не суть боги, ибо и ихъ свѣтъ по временамъ помрачается ночью. Итакъ, слыши, да изъ всего сего возвѣщу тебѣ единаго Бога, сотворившаго небо и землю, узлатившаго солнце, усвѣтловавшаго луну и съ нею звѣзды, изсушившаго землю посредѣ водъ многихъ». Вслѣдствіе установленія такой монотеистической точки зрѣнія на міръ, вся природа разсматривалась уже не съ первобытнымъ фетишическимъ страхомъ естественныхъ предметовъ, а съ богобоязненно-теологической точки зрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ древніе предки наши, отвлекаясь отъ фетишическаго страха предметовъ природы идеей единаго небеснаго Бога, привыкали спокойно и безбоязненно смотрѣть на всѣ окружающіе ихъ предметы и явленія, — въ нервно-мозговой организаціи ихъ естественно стали развиваться, во-первыхъ, способность задерживанія рефлексовъ головного мозга — сила умственнаго самососредоточенія, мышленія, и, во-вторыхъ, способность не одного страха, но и удивленія. Именно, послѣ первобытнаго преобладанія нервно-мозговой способности усиливанія рефлексовъ головного мозга надъ способностью ихъ задерживанія, христіанское чувство страха Божія, отвлекая умы отъ фетишическаго страха предметовъ и явленій природы, и сосредоточивая ихъ на умозрительной, отвлеченной идеѣ единаго Бога, такимъ образомъ, естественно, впервые сдерживало первобытное неудержимо-рефлективное проявленіе чувствъ и мыслей въ обширныхъ отраженныхъ мышечныхъ дѣйствіяхъ и пріучало умы къ самососредоточенію, къ мышленію. Богобоязненные предки наши теперь уже не тратили всей энергіи чувства и представленія въ реакціи наружу, въ обширныхъ отраженныхъ мышечныхъ движеніяхъ, безпрестанно вызывавшихся прежде фетишическимъ страхомъ таинственныхъ силъ природы и возбуждаемымъ имъ инстинктомъ самосохраненія, а сосредоточивали эту энергію чувства и представленія въ процессѣ монотеистически-теологическаго размышленія, въ «богомысліи». Они не падали теперь на землю рефлективно, отъ страха передъ каждымъ предметомъ и явленіемъ природы, а трепеща единаго Бога, сосредоточивались на мысли о единомъ Богѣ и, на основаніи монотеистической идеи, размышляли о предметахъ и явленіяхъ природы, какъ о «твари Божіей». Вмѣстѣ съ этимъ христіанское, монотеистическое чувство страха Божія, искоренивши въ умѣ народномъ фетишическій страхъ таинственныхъ силъ или предметовъ и явленій природы, такимъ образомъ мало-по-малу пріучало его разсматривать таинственные и особенно необычайно-поразительные предметы и явленія природы уже не только безъ фетишическаго страха, а съ новымъ чувствомъ, именно съ чувствомъ удивленія имъ, какъ «чудесамъ Божіимъ во вселенной». Въ XVII вѣкѣ передовые книжники на-

родные уже безъ всякаго фетишическаго страха, а только «со страхомъ и прославленіемъ Бога, съ боязнью коварства демоновъ, съ хуленіемъ еретиковъ, свидѣтельствомъ ветхаго и новаго завѣта и съ церковными святоотеческими поученіями» впервые съ удивленіемъ дерзали познавать чудеса Божіи во вселенной, какъ «удивительныя естественныя природы». Такъ кіевскій ученый Арсеній Сатановскій, вызванный въ Москву въ 1650 году, перевелъ большой сборникъ «о удивительныхъ природахъ, собранный отъ 120 творцовъ, греческихъ и латинскихъ, какъ внѣшнихъ философовъ, врачевъ, такъ и духовныхъ богословцевъ: а писано въ той книгѣ имена и свойства или естественныя природы различныхъ многихъ звѣрей четвероногихъ, птицъ, рыбъ удивительныхъ морскихъ, зміевъ и всякихъ пресмыкающихся, каменей драгихъ, бисеръ, древесъ всякихъ, моря, рѣкъ, источниковъ, лѣсовъ, четырехъ стихій, воды, земли, воздуха и огня; обрѣтаются еще въ той книгѣ повѣсти философовъ на всякую вещь, врачеваніе на многовидныя болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положеніе странъ, высокихъ горъ, различныя сѣмена, злаки травные и иное многое собранное и во едино мѣсто совокупленное. А сложено то все разумомъ и прикладомъ въ Троицѣ святой единому Богу, съ примѣненіемъ къ ангеламъ, къ человѣку и его добродѣтелямъ и злобамъ, а также и къ коварству демоновъ, къ похваленію святыхъ Божіихъ и къ хуленію еретиковъ, и все это писано съ удивительнымъ прировняніемъ и свидѣтельствомъ ветхаго и новаго завѣта, и съ толкованіемъ учителей церковныхъ приводится. И такими приводами и чуднымъ остроуміемъ сочинены поученія на цѣлый годъ, на всѣ недѣли и на праздники Господскіе и Богородичны и на святыхъ и на всю четыредесятницу по два и по три, всякое же поученіе таково есть пространно, что отъ всякаго можно два и три и четыре и пять поученій сдѣлать» [1]). Точно также, вмѣсто страха природы, возбуждало богобоязненное чувство удивленія ея чудесамъ переведенное въ 1784 году «Зрѣлище житія человѣка, въ немъ же суть *дивныя* бесѣды животныхъ, въ поученіе всякаго чина людямъ». «*Зѣло дивно* размышляти, — говорилось въ этой книгѣ, — како всемогущій Господь Богъ не точію каждому животному свойства и природу дарова, но въ нѣкоторыя изъ нихъ изрядные обычаи и нравы насадилъ есть» и проч [2]). Вообще, богобоязненная идея единаго Бога къ концу XVII вѣка уже до такой степени искоренила первобытный страхъ таинственныхъ силъ, предметовъ и явленій природы, что въ умахъ передовыхъ поколѣній стала зарождаться смѣлая наклонность къ познанію чудесъ природы. Въ сборникахъ для чтенія все чаще и чаще появлялись статьи «*о диковищахъ*», «о чудесныхъ земляхъ и островахъ, о чудесныхъ, дивныхъ звѣряхъ, птицахъ, камняхъ», «о дивныхъ, странныхъ людяхъ» и т. п. [3]). Въ Сибири казаки, по заказу царя, искали «*диковинъ*» природы [4]). Вообще, къ концу XVII вѣка по всему видно было,

[1]) Лѣтоп. русск. литер. и древн., т. IV.

[2]) Пекарскаго, Наука и литерат. при Петрѣ Вел., т. I, стр. 200.

[3]) Буслаева, Очерки стар. литер. и памятн., т. II (о „дивовищахъ“). Сборн. Солов. библ., № 860: о чудесныхъ островахъ, о пиѳикѣ-обезьянѣ, о химерѣ-звѣрѣ и др.

[4]) Доп. къ А. И. IV, стр. 121.

что скоро само московское правительство откроетъ народу кунсткамеру «чудесъ натуры» и призоветъ западнаго натуралиста нарочно для того, чтобы открыть и показать русскому народу въ природѣ «все, что во удивленіе человѣкамъ».

Такимъ образомъ, монотеистическое чувство страха «единой невидимой силы Божіей» въ природѣ, постепенно отвлекши умъ народный отъ первобытнаго фетишическаго страха таинственныхъ силъ, предметовъ и явленій природы къ умозрительной, теологической идеѣ единаго Творца и Вседержителя природы, мало-по-малу, незамѣтно пріучило его уже не только безъ всякаго страха Перуновъ, Стрибоговъ и Дажьбоговъ смотрѣть на всѣ отдѣльные предметы и явленія природы—на громъ, солнце, вѣтеръ, деревья, животныхъ и проч., но и при внезапномъ созерцаніи новыхъ, необыкновенно-поразительныхъ физическихъ явленій и предметовъ уже не страшиться ихъ, а только восторженно удивляться имъ, на первыхъ порахъ, какъ «чуду дѣлъ Божіихъ во вселенной». «Удивленіе—родня страху», какъ выразился нашъ извѣстный физіологъ Сѣченовъ [1]. И потому, естественно, тотчасъ послѣ вѣкового господства страха таинственныхъ силъ природы, благодаря монотеистическому отвлеченію умовъ отъ фетишическаго страха природы, въ народномъ міросозерцанія наступилъ фазисъ господства восторженнаго чувства удивленія чудесамъ природы. «Удивленіе предшествуетъ знанію», говоритъ Льюисъ; «только для первобытнаго невѣжества ничто неудивительно, потому что для ума въ этомъ состояніи нѣтъ заранѣе составленныхъ мнѣній, которымъ бы противорѣчить» [2]. «Послѣ благоговѣйнаго изумленія передъ чудомъ, — говоритъ Милль, — въ человѣческой природѣ остаются удивленіе чудесамъ природы и любовь къ ней, и это удивленіе часто достигаетъ своего высочайшаго предѣла въ то время, когда погасла необычайность, составляющая необходимое условіе чуда» [3]. Вотъ въ силу этого естественно-психологическаго закона, послѣ страха таинственныхъ силъ природы, соединеннаго съ изумленіемъ и породившаго древнее, пантофобическое міросозерцаніе,—удивленіе стало новымъ естественно-психологическимъ стимуломъ, возбудившимъ умъ народный къ выработкѣ новаго физическаго, антропологическаго и соціальнаго міросозерцанія.

Послѣ того, какъ Петръ Великій впервые указалъ русскому народу въ западно-европейскихъ натуральныхъ кабинетахъ и музеяхъ «Чудеса натуры» или «преузорочно презентующіяся преудивительныя, чудественныя, диковинныя и куріозныя штуки и натураліи» изъ всѣхъ трехъ царствъ природы, а также своимъ знаменитымъ указомъ 13-го февраля 1718 года предписалъ всему народу безъ всякаго страха доставлять въ новоучрежденную кунсткамеру «все, что очень чудное есть» въ природѣ, и послалъ западно-европейскаго естествоиспытателя Мессершмидта въ Сибирь «для изысканій и провѣдыванія всякихъ раритетовъ и куріози-

[1] Сѣченова, Рефлексы головного мозга. Спб. 1867.
[2] Льюиса, объ Аристотелѣ, стр. 212.
[3] Милля, „Обзоръ философіи В. Гамильтона“. Спб. 1860, стр. 512—514.

тетовъ, узорочныхъ звѣрей, птицъ и всякихъ вещей, которыя во удивленіе человѣкамъ» [1]), — послѣ того въ умахъ русскихъ, вмѣсто страха таинственныхъ силъ природы, мало-по-малу возбудилось уже восторженное чувство удивленія «чудесамъ натуры». Въ кунсткамерѣ, въ цѣломъ ряду кабинетовъ, вдругъ увидѣли русскіе разныя «диковинныя, пречудныя, преудивительныя натураліи»: «кабинетъ сдѣланъ изъ самаго добраго остъиндскаго кипариснаго дерева, въ немъ 72 ящика — всѣ диковинными раковинами изукладены, въ 1,000 и болѣе штукахъ: такихъ куріозовъ никто показать не можетъ; кабинетъ внутри першпективой украшенъ: въ немъ неизреченные, чудественные, странные звѣри, въ винномъ духѣ положенные для содержанія, преузорочно презентуются, о которыхъ мы отнюдь не слыхивали, и въ книгахъ не упоминалось; тутъ же есть всякихъ рукъ крокодилы, армодилы, лигансы, касмансы, гагедебы, саламандры, ленарды, летучія змѣи, летучія рыбы, полипусы, рекоры, морскія кошки, морскія мыши, морскіе черви, морскія чуда, тарантулы и превеликіе пауки; кабинетъ, въ немъ 22 ящика, въ нихъ съ тысячу европейскихъ папильоновъ (гадинъ) весьма удивительными фигурами, есть необычайно-великіе всякихъ разныхъ колеровъ и удивительныхъ фигуръ; ящикъ—въ немъ всякихъ рукъ старинныя птицы и иные рарицеты; ящикъ со всякими рѣдкоудивительными зельями» и проч. [2]). И вотъ, неожиданно видя такія, «пречудныя, преудивительныя, чудественныя диковины и куріозы натуры», русскіе люди, на первыхъ порахъ, съ такимъ же изумленіемъ и удивленіемъ смотрѣли на нихъ, съ какимъ страхомъ въ первобытныя времена слышали въ первый разъ громъ, или видѣли огонь, змѣю и т. п. Затѣмъ, вдругъ, неожиданно русскіе люди, по указу Петра Великаго, переводили и читали книги о чудесахъ натуры, вродѣ астрономической книги «Космотероса» Гюйгенса, и въ нихъ находили описаніе неслыханныхъ, неописанныхъ чудесъ неба и земли. Опять изумленіе, удивленіе! «Первое Бога вышняго писаніе, — говорили они, — есть пространный и толикимъ благолѣпіемъ украшенный свѣтъ сей, въ немъ же многая достойнѣйшая удивленію. Самое оное звѣздное небо что иное, какъ не единое очесамъ нашимъ ко удивленію со умиленіемъ предлагаемое видѣніе. Многіе любомудрцы ищутъ удивительныхъ вещей и, обрѣтши, сребромъ и златомъ купуютъ ихъ. Но что удивительнѣе, что чуднѣе чудесъ, зримыхъ на небѣ» [3]). Такъ возбудилось первое восторженное чувство удивленія чудесамъ природы. Съ тѣхъ поръ удивленіе это непрерывно и воодушевленно выражалось, во-первыхъ, въ предисловіяхъ русскихъ переводчиковъ къ астрономическимъ, математическимъ и другимъ книгамъ, какія переводились по указу Петра Великаго, во-вторыхъ, въ энергическомъ исканіи въ природѣ русской и сибирской земли «всякихъ куріозитетовъ и раритетовъ, которые, во удивленіе человѣкамъ, всякихъ чудесныхъ, рѣдкихъ, отмѣнныхъ и чрезвычай-

---

[1]) Г. Пекарскаго, „Матеріалы для исторіи науки и литературы при Петрѣ Великомъ“, т. I, стр. 356—359. Прилож. VI.

[2]) Пекарскаго, I, 558—561.

[3]) Пекарскаго, II, № 406, стр. 148—149.

ныхъ позорищъ естества», — исканіи, обнаружившемся, напримѣръ, въ «Путешествіяхъ» и естественно-научныхъ описаніяхъ Крашенинникова, Рычкова и Лепехина [1]), наконецъ, во всей литературѣ XVIII вѣка и до 30-хъ годовъ XIX столѣтія. Міросозерцаніе Ломоносова, перваго геніальнаго русскаго естествоиспытателя, всецѣло проникнуто было восторженнымъ чувствомъ удивленія. Онъ не только въ своихъ достопамятныхъ «словахъ» о природѣ, но и въ стихотвореніяхъ постоянно выражалъ восторженное чувство удивленія «предивнымъ и чудеснымъ дѣйствіямъ натуры». Напримѣръ, созерцая «величество небесъ и разность дивную невѣдомыхъ чудесъ», онъ восклицалъ:

Чудимся быстринѣ, чудимся тишинѣ,
Что Богъ устроилъ тамъ въ безмѣрной глубинѣ,
Въ ужасной скорости и купно быть въ покоѣ:
Кто чудо сотворитъ, кромѣ Его, такое?...
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь сложеніемъ дивитъ.
Стекломъ [2]) познали мы толики чудеса!
Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса! и проч. [3])

Въ первыхъ учено-литературныхъ русскихъ журналахъ, во всѣхъ разсужденіяхъ о природѣ, также господствовало восторженное чувство удивленія чудесамъ натуры. Такъ, напримѣръ, въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ за 1763 годъ, въ одной статьѣ русскіе читали, напримѣръ, такія разсужденія: «Поистинѣ, безконечны суть дѣла натуры! Насѣкомыя казались древнимъ презрительною частью тварей, недостойными ихъ разсужденія и примѣчанія. А нынѣ философы открываютъ чудеса въ несмѣтной разности строенія ихъ тѣлъ на удивленіе премудрости Творца, потому что изобрѣтеніе увеличительныхъ стеколъ привело насъ въ состояніе, чтобы примѣчать премудрое устроеніе ихъ членовъ... Едва начали мы озираться въ новомъ свѣтѣ, какія чудныя дѣла открыли намъ исправленныя электрическія машины. Весь свѣтъ разсуждаетъ о сихъ дѣлахъ съ удивленіемъ, и ежедневное о нихъ умноженіе обѣщаетъ намъ еще большія чудеса... Ахъ! сколь сильно сіяніе Божьихъ чудесъ въ натурѣ! Посмотримъ на славное зрѣлище натуры, восходя по лѣстницѣ вещей: въ минеральномъ царствѣ чувства человѣка не могутъ надивиться искусствомъ соединенія несложныхъ частицъ къ опредѣленному дѣйству. Видимъ мы преизрядную связь сихъ частицъ, изъ соединенія коихъ произошло чудное строеніе земного

[1]) Крашенинникова, Descriptiones *rariarum* plantarum въ Novi Commentar-Petropolit. Acad., t. I, p. 375. „Описаніе земли Камчатки". Спб., 1786 г., ч. II, стр. 185, 186, 269, 227—228. „Путешествіе Лепехина". Спб. 1795 г., т. I, стр. 5—6, 14, 25—26, 105, 132, 371, 412, 492, 502, 415—417; т. II, стр. 25—26, 102—107, и многіе другіе. Рычковъ въ 1757 году писалъ: „Я, по охотѣ моей, старался и всегда стараюсь достовѣрно развѣдывать и описывать, гдѣ что-либо *курьёзное* есть въ натурѣ". Торж. собр. академіи наукъ 29-го декабря 1865 г., Рѣчи, стр. 78.

[2]) То-есть телескопъ и микроскопъ.

[3]) Сочиненія Ломоносова. Спб. 1803 г., ч. II, стр. 10—27; ч. I, стр. 110, 112, 131.

шара. То камни на камняхъ громоздятся къ небу, и происходятъ высокія альпійскія горы, удивительнымъ своимъ видомъ въ изумленіе насъ приводящія. Но коль увеличивается изумленіе разсуждающаго человѣка, когда онъ устремляетъ свое вниманіе на опредѣленіе сихъ частей въ общемъ домостроительствѣ и въ разсужденіяхъ своихъ доступаетъ къ царству растеній. Въ семъ царствѣ натуры несказанно умножается удивительное. Не меньше красоты и порядка на удивленіе намъ открываетъ соединеніе царства растеній съ царствомъ животныхъ», и проч.[1]). Въ другой статьѣ говорилось: «Темный народъ взираетъ на чудныя сокровища натуры съ суетнымъ удивленіемъ. Астрономъ открываетъ намъ тамъ явленія, коимъ духъ изумляется. О, небо! Какой блистающій видъ, какое множество свѣтовъ! Какое несравненное согласіе! Коль хорошо, какъ неизрѣченно изрядно все сопряжено! Какъ премудры и правильны круговыя теченія толь удивительно великихъ тѣлъ, міровъ! Какъ бы желательно, чтобъ въ тонкость осмотрѣть сіе удивленія достойное зданіе въ цѣломъ его союзѣ! Какъ несчастливъ подлый народъ, который ничего о томъ не вѣдаетъ! Коль блаженъ мудрый! Является учитель натуры, и мы съ изумленіемъ познаемъ удивленія достойные и пріятнѣйшіе предметы во всѣхъ странахъ земли»[2]). «Вообще, мы для того одарены разумомъ и чувствами, — говорилось въ одной статьѣ,—чтобы разсуждать прилежно о чудесахъ натуры, приводящихъ насъ въ удивленіе, симъ разсужденіемъ увеселяться, и чрезъ то познавать и прославлять Бога»[3]). Наконецъ, въ одной статьѣ, въ «Изъясненіи знаній человѣческихъ», признавалась даже особая наука «*исторія чудообразнаго естества*» въ параллель съ «исторіей единообразнаго естества». «Исторія чудообразнаго естества,—сказано въ этой статьѣ,—должна слѣдовать тому же раздѣленію, какъ и исторія единообразнаго естества: естество можетъ производить чудеса въ небесахъ, въ воздухѣ, на поверхности земли и въ ея нѣдрахъ, во глубинѣ морей и проч., во всѣхъ и вездѣ»[4]). Далѣе, какъ Петръ Великій издалъ 13-го февраля 1718 года свой знаменитый указъ о собираніи чудесъ и рѣдкостей натуры, такъ и Екатерина Великая, 2-го октября 1762 года, объявила правительствующему сенату указъ: «во всѣ губерніи и провинціи и города послать указы и велѣть о всѣхъ находящихся тамъ *курьезныхъ родовъ* отличныхъ звѣряхъ и птицахъ, какія гдѣ находятся, съ описаніемъ оныхъ, прислать въ сенатъ вѣдомости». Въ частности, въ особой инструкціи каждому сотскому съ товарищи, 19-го декабря 1774 года двадцать-второю статьею предписывалось: «ежели гдѣ сотни вашей въ селеніяхъ родятся мужеска или женска пола, или отъ лошадей и рогатаго и прочаго мелкаго скота, и отъ звѣрей и отъ птицъ монстры или уроды, на подобіе чудовищъ, о таковыхъ съ обстоятельствомъ рапортовать въ канцелярію, а тѣ монстры и уроды приносить, а не утаивать, коимъ за приносъ платимы будутъ деньги изъ казны, а также и промы-

[1]) Ежемѣсячное сочиненіе и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ. Мартъ, 1763 г., стр. 250—360.

[2]) Ежемѣсячное сочиненіе. Январь, 1761 г., стр. 83—95.

[3]) Ежемѣсячное сочиненіе. Мартъ, 1762 г., стр. 374—387.

[4]) Ежемѣсячное сочиненіе. Августъ, 1763 г., стр. 138.

шленникамъ объявя, подтвердить о птицахъ и звѣряхъ куріозныхъ родовъ, когда такихъ куріозныхъ звѣрей и птицъ найдутъ, и изловятъ, объявлять въ канцелярію» [1]). Затѣмъ, издано было въ русскомъ переводѣ множество западно-европейскихъ книгъ, спеціально посвященныхъ разсмотрѣнію «чудесъ натуры». Такъ, напримѣръ, въ книгѣ «Чудеса натуры» (изд. 1787 и 1820 г.) разсматриваются все одни поразительныя, курьёзныя чудеса природы или «классъ удивительныхъ чудесъ натуры и чрезвычайныхъ приключеній, кои токмо рѣдко происходятъ, и по самой рѣдкости въ глазахъ простолюдиновъ кажутся быть чудомъ». Всѣ четыре части «Чудесъ натуры» наполнены такими «изумительными чудесами и рѣдкими удивительностями натуры» [2]). Въ книгѣ «Зритель дѣлъ Божіихъ во вселенной» (4 ч., изд. 2-е. 1820 г.) изображается или описывается въ природѣ все то, «что достойно удивленія, что удивительнѣе одно другого, что способно приводить въ изумленіе, или чему надивиться довольно невозможно». Во всѣхъ трехъ царствахъ природы съ восторженнымъ изліяніемъ чувства изумленія и удивленія разсматриваются прежде всего «чудеса натуры, удивительныя рѣдкости, чрезвычайныя достопамятности, чудесныя явленія въ царствѣ натуры». Напримѣръ, въ главѣ «нѣкоторыя рѣдкости въ царствѣ минералловъ» говорится: «Гораздо удобнѣе достигнемъ мы къ познанію чудесъ натуры, если по частямъ будемъ разсматривать красоты ея, останавливаясь сначала на видимыхъ явленіяхъ»,—и далѣе разсматриваются «удивительныя свойства магнита», «такія же удивленія достойныя свойства ртути», и «удивительный видъ поваренной соли» и т. п. [3]). Или глава «о достопамятностяхъ въ животномъ царствѣ» начинается такимъ же общимъ замѣчаніемъ: «въ царствѣ животныхъ находится больше чудеснаго, нежели въ прочихъ царствахъ натуры: удивляться многоразличнымъ побужденіямъ и способностямъ животныхъ есть восхитительное занятіе любителя натуральныхъ дѣлъ» [4]). Восторженное чувство удивленія возбуждали не одни величественныя, грандіозныя явленія природы, въ родѣ «чудесъ звѣзднаго неба», «чудеснаго устроенія земного шара» и т. п., но и «удивительныя мелочи въ натурѣ». «Въ самыхъ малѣйшихъ предметахъ и малозначущихъ дѣйствіяхъ натуры,—говоритъ «Зритель» чудесъ природы,—разумъ человѣческій можетъ находить множество достойнаго удивленія: такъ строеніе малой песчинки, разсматриваемое сквозь стекло, въ милліонъ разъ увеличивающее, есть уже такая вещь, которая величайшій духъ можетъ привесть въ изумленіе»,—и далѣе съ изумленіемъ описываются «разныя микроскопическія чудеса натуры, достойныя удивленія» [5]). Описываются ли трава съ цвѣтами на лугу,—описаніе начинается удивленіемъ: «уже и трава на лугу достойна удивленія»! [6]). «Описаніе красотъ весеннихъ» начинается такъ же: «нѣтъ

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. II, стр. 165.

[2]) Самыя статьи озаглавливаются такъ: „Удивительныя бури“, „Удивительный градъ“.

[3]) „Зритель дѣлъ Божіихъ во вселенной“, ч. I, стр. 91—94, гл. 23.

[4]) Ч. II, стр. 174—179.

[5]) Ч. I, 82—84.

[6]) Ч. II, стр. 17.

ничего достойнѣе удивленія, какъ измѣненіе шара земного весной» [1]). Или: «всячески удивляться мы должны, когда смотримъ на великое множество цвѣтовъ, цвѣтущихъ весною, лѣтомъ и осенью; но еще удивительнѣе кажется перемѣна и многоразличность, усматриваемая въ безмѣрномъ множествѣ ихъ» [2]). Приступая къ описанію «чудесныхъ свойствъ птицъ», «Зритель» начинаетъ: «ежели я сперва разсмотрю побужденія птицъ къ движенію,—найду и въ семъ много удивительнаго» [3]). Или, говоря объ «отрожденіи животныхъ» путемъ различныхъ «натуральныхъ легкихъ раздѣленій»,—«Зритель» восклицаетъ: «Здѣсь открывается новое зрѣлище чудесъ!» [4]). Или, описаніе «превращенія древеснаго червя» начинается такимъ восклицаніемъ: «превращеніе древеснаго червя въ бабочку есть одно изъ чудеснѣйшихъ дѣйствій натуры, и потому заслуживаетъ внимательнаго наблюденія». Точно также, съ восторженнымъ чувствомъ удивленія описываются чудеса натуры въ разныхъ физическихъ и химическихъ явленіяхъ. Напримѣръ, описывая «натуру и свойства воздуха, его тяжесть, силу давленія на каждое мѣсто величиною въ квадратный футъ, на тѣло человѣческое, силу расширенія и сжиманія» и проч., «Зритель» замѣчаетъ: «все сіе есть великія чудеса натуры и причины многихъ дивныхъ дѣйствій». Или, разсматривая физическій процессъ образованія снѣга,—«Зритель» не обходится безъ замѣчанія, что «устроеніе снѣга есть дивно». Вообще, чувство удивленія чудесамъ натуры до такой степени возбуждало и воодушевляло «Зрителя чудесъ вселенной», что онъ нерѣдко взывалъ къ читателю: «разсматривай и удивляйся, удивляйся и размышляй», или: «удивляйся, человѣкъ, чудному при разсматриваніи чудесъ въ натурѣ!» [5]). Далѣе, въ первыхъ естественно-научныхъ сочиненіяхъ русскихъ натуралистовъ, со временъ Ломоносова и до тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, также господствовало восторженное чувство удивленія чудесамъ натуры. Таковы, въ особенности, всѣ первыя естественно-историческія описанія или сочиненія, въ родѣ сочиненій Лепехина, Севергина, Двигубскаго, Рейпольскаго и другихъ. Такъ, напримѣръ, лекарь И. Рейпольскій, въ своемъ «Опытѣ естественной исторіи», изданномъ въ 1818 г., почти на каждой страницѣ, при разсматриваніи каждаго животнаго, выражаетъ восторженное чувство удивленія чудесамъ природы. Напримѣръ, описывая дыхательные органы рыбъ, онъ восклицаетъ: «неоспоримо, дыханіе рыбъ принадлежитъ къ величайшимъ чудесамъ природы!» Или, разсматривая «черепокожныхъ червей» (Testacea), авторъ восклицаетъ: «мы никогда не можемъ смотрѣть на сихъ червей безъ особеннаго удивленія: многоразличные ихъ виды, правильныя изображенія, драгоцѣнныя краски, кои не токмо на поверхности находятся, но и внутрь проницаютъ, неописанной красоты яркой, золотистый и серебристый блескъ, коимъ особливо отличаются раковины южныхъ морей, жемчужныя разки и алмазы, коими

1) Ч. II, стр. 25—27.
2) Ч. II, стр. 52—55.
3) Ч. IV, стр. 7—9.
4) Ч. IV, стр. 9—12.
5) Ч. I, стр. 32—33 и 39—101, 109—112; ч. II, стр. 121—123; ч. IV, стр. 76—79.

нѣкоторыя унизаны: все сіе напоминаетъ намъ о величіи, красотѣ и богатствѣ природы... Вступая въ пространнѣйшую область черепокожныхъ морскихъ животныхъ, мы чувствуемъ особенное удовольствіе, соединенное съ крайнимъ удивленіемъ. Какое несмѣтное богатство, какія неистощимыя сокровища открываемъ мы въ морскихъ безднахъ! Цѣлыя горы животныхъ стоятъ вознесены среди пучинъ океана, и цѣлыя столѣтія пребываютъ невредимы отъ разъяренныхъ волнъ бездны! Разумъ теряется въ безчисленномъ множествѣ сихъ тварей, когда онъ представляетъ себѣ, что въ трехъ лотахъ песку около 7000 находится раковинъ», и проч.[1]). Наконецъ, не говоря о журналахъ, издававшихся послѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій «Миллера до тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, не говоря о русской поэзіи «чудесной и пастушеской натуры», какая господствовала во второй половинѣ XVIII-го и въ первой четверти XIX-го столѣтія,—даже въ дневникахъ и путешествіяхъ не ученыхъ изслѣдователей, а простыхъ туристовъ, литераторовъ и въ «домовыхъ лѣтописяхъ» или запискахъ частныхъ людей также господствовало восторженное чувство удивленія чудесамъ природы. Такъ, напримѣръ. И. М. Долгорукій, во время своихъ путешествій въ 1810, 1813 и 1817 г. въ Нижній, Одессу и Кіевъ, повсюду въ природѣ и въ натуральныхъ кабинетахъ или библіотекахъ гимназій и народныхъ училищъ отыскивалъ только «физическихъ чудесъ естествословія», «рѣдкостей природы», и самъ часто выражалъ восторженное чувство удивленія разнымъ чудесамъ во внѣшней и человѣческой природѣ [2]). Или, сибирскій капитанъ Андреевъ въ своей «домовой лѣтописи», писанной въ 1789—1800 г., годъ за годомъ отмѣчалъ всѣ «чудные, удивительные, знаменитые и отмѣнные предметы и явленія въ природѣ», какія замѣчалъ съ 1750 по 1800 годъ, какъ-то: землетрясенія, разныя чудесныя физическія явленія въ солнцѣ, лунныя затмѣнія, чрезвычайныя метеорическія явленія, «чрезвычайности погодѣ», «чудное строеніе мизгирей», рожденіе удивительныхъ монстровъ или уродовъ, разныя «чудныя и удивительныя приключенія» и т. п. [3]). Даже въ письмахъ къ друзьямъ любознательные, образованные люди писали о чудесахъ натуры, о своемъ удивленіи имъ. Такъ, напримѣръ, Евгеній Болховитиновъ (впослѣдствіи митрополитъ кіевскій) въ письмахъ къ воронежскому пріятелю своему В. Н. Македонцу въ 1800—1803 г. писалъ: «іюля 1800 года по утру былъ я въ кунсткамерѣ: глаза всѣ растерялъ! Въ кунсткамерѣ *все для меня было чудесно*! 2 іюня 1802 г. ѣздили мы въ Кронштадтъ, *все чудесное* тамъ осмотрѣли: машину всемощную, каналы для починки кораблей преудивительные и пр. Или, проѣзжая по восточнымъ полуазіятскимъ краямъ, всю зырянскую землю до Печоры, я насмотрѣлся *преузорочной во всѣхъ предметахъ природы*

[1]) „Опытъ естественной исторіи, почерпнутый изъ самыхъ лучшихъ и новѣйшихъ иностранныхъ естествоиспытателей, для пользы и увеселенія читателей“, соч. лекаря Н. Рейпольскаго. 6 ч. М. 1818 г., ч. IV, стр. 5—14, 15, 16—17, 18—19; ч. VI, 5—7, 87—88 и мн. друг.

[2]) См. въ Чтен. москов. общ. истор. за 1869 и 1870 г. Дневн. путешест. Долгорукова въ Кіевѣ въ 1817 г., стр. 8, 123. Путеш. въ Одессу и Кіевъ въ 1810 г., стр. 15, 54, 56, 57, 80, 115—116, 119, 125. 131, 346 и друг.

[3]) Домов. лѣтоп. Андреевъ въ Чтен. общ. ист. 1870 г., кн. IV, стр. 63—174.

и набралъ цѣлый ящикъ рѣдкихъ раковинъ, кремней и окаменѣлостей» и т. п. [1]). Сперанскій въ письмахъ къ дочери писалъ о чудесахъ сибирской природы, и, по собственнымъ словамъ его, желалъ насмотрѣться въ Сибири чудесъ натуры [2]). Вообще, восторженное чувство удивленія чудесамъ и курьезамъ натуры часто уже само доходило до курьезнаго, и потому въ началѣ XIX столѣтія осмѣивалось сатириками. Такъ, напримѣръ, Крыловъ въ баснѣ «Любопытный» (1814) говоритъ:

Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?
— Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ:
Все видѣлъ, высмотрѣлъ! *Отъ удивленья*,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ *чудесъ палата*!
Куда на выдумки природа таровата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки!
Козявки, мушки, таракашки!
Одни какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!

Проникнувъ такимъ образомъ все умонастроеніе, всю науку и литературу послѣ-петровскихъ поколѣній, почти вплоть до тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ, восторженное чувство удивленія чудесамъ натуры мало-по-малу возбудило въ русскихъ умахъ, послѣ страха таинственныхъ силъ природы и боязни «естественнаго разума», первое «дерзновеніе къ испытанію натуры» или «разумъ къ вольнымъ наукамъ дерзающъ», какъ выражались писатели петровскаго времени [3]). Ломоносовъ, восторженно указывая на «неизвѣстныя чудеса натуры», съ живымъ воодушевленіемъ призывалъ послѣ-петровскія молодыя поколѣнія «дерзать» изслѣдовать эти чудеса, къ «удивленію вѣковъ». Онъ взывалъ:

Коль многи смертнымъ *неизвѣстны*
Творитъ натура чудеса!
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ!
Дерзайте нынѣ ободренны,
Вездѣ *изслѣдуйте* всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ.
Трудами *вѣки удивите*! [4]).

И вотъ съ этого времени, послѣ вѣкового страха испытанія природы, умы русскіе впервые съ восторженнымъ чувствомъ удивленія и «дерзновенія» устремились къ «смѣлому разсматриванію и испытанію натуры», и такимъ образомъ, послѣ вѣкового господства богобоязненно-спиритуальнаго, теолого-супранатуралистическаго міросозерцанія, впервые обратились къ

[1]) Русскій Архивъ, годъ 8-й, № 4 и 5, стр. 784, 816, 866.
[2]) Письма къ дочери изъ Сибири въ Руск. Архивѣ.
[3]) Пекарскаго, Наука и литерат. при Петрѣ Вел., т. I, 176; т. II, № 41.
[4]) Сочин. Ломоносова, ч. I, стр. 110, 122, 131; также т. III, стр. 146—148 и др.

«натурѣ» и стали вырабатывать естественно-научное «натуралистическое» міросозерцаніе, какъ выражались писатели XVIII-го вѣка. По словамъ одного доклада свят. синода, поданнаго императрицѣ Елисаветѣ въ 1757 году, «многіе русскіе умы стали наклонны къ *натурализму*» [1]. «Натура» стала, такъ сказать, въ модѣ. Въ комедіи Сумарокова, «Мать совмѣстница дочери», дворянка, Леонодора говорила: «нынѣ молодцы и многіе таковы: все-де *натура*; нынѣ это въ модѣ» [2]. Точно также Ханжахина въ комедіи Екатерины Великой говорила: «такъ вы, молодые, нынче ничему не вѣрите: у васъ все *натура*!» Въ «Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи» кн. Шихматова замѣчено: «въ царствованіе императрицы Екатерины Великой обнаружилось стремленіе, вмѣсто Бога вселенной, поставить въ предметъ всеобщаго благоговѣнія и поклоненія *натуру*» [3]. Наконецъ, по словамъ И. М. Долгорукаго, въ XVIII в. и въ первой четверти XIX стол. всѣхъ свободномыслящихъ людей у насъ называли «натуралистами» [4]. И вотъ, это-то «натуралистическое» міросозерцаніе, вначалѣ всецѣло проникнутое восторженнымъ чувствомъ удивленія чудесамъ природы, мало-по-малу радикально измѣняло взглядъ русскаго общества на внѣшнюю и человѣческую природу.

Во внѣшней, окружающей человѣка природѣ, умы русскіе, послѣ допетровскаго страха испытанія природы, впервые съ смѣлымъ «дерзновеніемъ» входили въ храмъ чудесъ натуры, и прежде всего безъ всякаго страха, съ восторженнымъ чувствомъ удивленія познавали всѣ тѣ явленія природы, передъ которыми въ первобытныя времена трепетали, какъ передъ богами. Такъ, послѣ первобытнаго страха грома, какъ Перуна, Ломоносовъ впервые призывалъ умы русскіе къ смѣлому испытанію такой таинственной силы природы, какъ электрическая сила, которою производится громъ, и впервые съ восторженнымъ чувствомъ удивленія и смѣлымъ испытаніемъ натуры объяснялъ физическія причины происхожденія грома. Зная, какой страхъ передъ громомъ господствовалъ въ русскомъ народѣ съ первобытныхъ временъ, Ломоносовъ еще въ письмѣ «о стеклѣ» въ 1752 году писалъ:

Что можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнія изъ облакъ блещетъ яра!
Услышавъ въ темнотѣ внезапной трескъ и шумъ,
И видя быстрой блескъ, мятется слабый умъ,
Отъ гнѣвнаго часа желаетъ, гдѣ-бъ укрыться,
Причины онаго изслѣдовать страшится.
Дабы истолковать, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ *грѣхомъ.*

[1]) Чтен. общ. истор. 1867 г., кн. I, смѣсь, стр. 7—8.

[2]) Сочиненія Сумарокова, изд. 1787 г., ч. VI, стр. 64.

[3]) Русскій Архивъ, годъ 6-й (1868), № 9, стр. 1336.

[4]) Напримѣръ, И. М. Долгорукій о себѣ говоритъ: „когда я былъ молодъ, меня въ публикѣ называли атеистомъ, *натуралистомъ*“. Дневн. путешест. въ Кіевъ въ 1817 г. въ Чтен. общ. истор. 1870, кн. 2, стр. 135. Потомъ о другомъ образованномъ русскомъ человѣкѣ онъ замѣтилъ: „Это—*натуралистъ сильный*“. Дневн. путеш. въ Нижній въ 1813 году въ Чтен. общ. истор. 1870 г., кн. I, стр. 38.

На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ отецъ намъ яростью своею.
Но какъ онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ онъ нагналъ!
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольной не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ такъ не разлился!
Подобно надлежитъ о громѣ разсуждать [1]).

Приступая къ сообщенію публикѣ своего блистательнаго объясненія грома и молніи и къ изложенію своихъ наблюденій надъ воздушнымъ электричествомъ, а также—опытовъ надъ громоотводами,—Ломоносовъ въ «Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ», произнесенномъ 26 ноября 1753 года, такимъ образомъ ободрялъ суевѣрно-боязливые умы русскіе къ смѣлому довѣрію естествоиспытателямъ: «Приступая къ объясненію предмета,—говорилъ онъ,—который не только самъ по себѣ многотруденъ, но сверхъ того, по случаю скоропостижнаго пораженія трудолюбиваго сообщника нашихъ трудовъ (Рихмана), многимъ можетъ казаться еще ужаснѣе прежняго,—я долженъ имѣть бо́льшую плодовитость остроумія, тончайшую проницательность разсужденія, изобильнѣйшее богатство слова, нежели вы отъ меня можете ждать, я долженъ имѣть эту энергію слова для того, чтобы разсѣять тотъ мракъ, который, какъ думаю, внесенъ въ ваши мысли этимъ смутнымъ рокомъ—несчастнымъ жребіемъ Рихмана». И далѣе, восторженно изобразивъ неустрашимыя и неутомимыя стремленія Петра Великаго къ водворенію естественныхъ, физико-математическихъ наукъ въ Россіи,—Ломоносовъ продолжалъ: «Итакъ, этимъ истиннымъ доказательствомъ мы должны быть увѣрены, что тѣхъ людей, которые бѣдственными трудами, или особенно исполинскою смѣлостью стараются испытать естественныя тайны, тѣхъ людей не должно, не надлежитъ почитать продерзкими, но должно почитать ихъ мужественными и великодушными, хотя они скоропостижнымъ рокомъ лишились жизни. Не устрашилъ ученыхъ людей Плиній, погребенный въ горячемъ пеплѣ огнедышащаго Везувія, не отвратилъ пути ихъ отъ шумящей внутреннимъ огнемъ крутости. Смотрятъ во всѣ дни пытливыя очи въ глубокую и ядъ отрыгающую пропасть. И такъ, не думаю, чтобы умы, испытующіе натуру, устрашились внезапнымъ пораженіемъ нашего Рихмана, и перестали изслѣдовать законы электрической силы въ воздухѣ; но паче увѣренъ я, что все свое стараніе употребятъ на то, чтобы открылось, какимъ образомъ человѣческое здоровье могло бы быть защищено отъ этихъ смертоносныхъ ударовъ. Поэтому, и мнѣ, когда я предлагаю вамъ, слушатели, о электрическихъ явленіяхъ въ воздухѣ, много меньше опасаться должно». Изложивши далѣе подробно свою теорію грома и приступая къ объясненію громоотводовъ,—Ломоносовъ опять увѣщевалъ слушателей не страшиться, не бояться его опытовъ и смѣлыхъ изслѣдованій: «Истолковавъ эти явленія,—продолжалъ Ломоносовъ,—надѣюсь, что я по возможности удовлетворилъ ваше любопытство своею громовою теоріею. И поэтому обращуся къ той части, въ которой постараюсь искать удобныхъ способовъ къ избавленію отъ

[1]) Сочинен. Ломоносова, изд. 1803 г., ч. II, стр. 25—26.

смертоносныхъ громовыхъ ударовъ. Не думаю, слушатели, чтобы этимъ предпріятіемъ родилось въ васъ негодованіе или боязнь какая-нибудь. Ибо вы знаете, что Богъ далъ и дикимъ звѣрямъ чувство и силу къ своей защитѣ, человѣку же, сверхъ того, далъ прозорливое разсужденіе къ предвидѣнію и отвращенію всего того, что можетъ вредить жизни. Не одни молніи устремляются на нее изъ нѣдръ преизобилующей натуры: повѣтрія, наводненія, землетрясенія, бури не менѣе намъ вредятъ, не менѣе устрашаютъ насъ. И когда мы обороняемся лекарствами отъ моровой язвы, плотинами отъ наводненій, крѣпкими основаніями отъ землетрясеній и отъ бурь, и притомъ не думаемъ, яко бы мы продерзостнымъ усиліемъ гнѣву Божію противились: то какую причину можемъ видѣть мы, которая бы запрещала намъ избавляться отъ громовыхъ ударовъ? Почитаютъ ли тѣхъ продерзкими и нечестивыми, которые ради прибытка переѣзжаютъ неизмѣримыя и бурями свирѣпствующія моря, зная, что имъ тоже удобно можетъ случиться, что прежде ихъ претерпѣли многіе или еще и родители ихъ? Никакой мѣрой; но похваляются, и сверхъ того, еще всенароднымъ моленіемъ препоручаются Божію покровительству. По сему, должно ли тѣхъ почитать дерзостными и богопротивными, которые, для общей безопасности, къ прославленію Божія величества и премудрости изслѣдуютъ величіе дѣлъ его въ натурѣ молніи и грома? Никакъ, мнѣ кажется, что они еще особливою его щедротою пользуются, получая пребогатое мздовоздаяніе за свои труды, то-есть открытіе столь великихъ естественныхъ чудесъ. Отворенныъ, открытымъ видимъ его святилище по открытіи электрическихъ дѣйствій въ воздухѣ, и мановеніемъ натуры призываемся во внутренніе входы. Еще ли стоять будемъ у порога, и прекословіемъ неосновательнаго предувѣренія или предубѣжденія будемъ задерживаться? Ни въ какомъ случаѣ, но напротивъ того, сколько намъ дано и позволено, не перестанемъ далѣе простираться, осмотрѣвъ все, къ чему умственное око можетъ проникнуть» [1]). Точно также, послѣ первобытнаго фетишическаго страха огня, какъ бога—Сварожича, и послѣ до-петровскихъ суевѣрно-боязливыхъ примѣтъ относительно его,—въ умахъ русскихъ впервые возбудилось восторженное чувство удивленія огню, какъ чудесной силѣ природы: «Ничто въ цѣлой натурѣ не превосходитъ силы огня,—читали они въ книгахъ о чудесахъ природы: дѣйствія, производимыя огнемъ во всѣхъ тѣлахъ, и несказанно-великая скорость, съ какою движутся его части, по справедливости разсматривать должно съ удивленіемъ» [2]). «Языческіе народы,—говорилъ Ломоносовъ,—огню божескую честь воздавали; но мы познаемъ тайну его изъ химіи, и едва ли что изъ естественныхъ вещей больше испытанія нашего достойно, какъ огонь—сія всѣхъ созданныхъ вещей общая душа, сіе всѣхъ чудныхъ перемѣнъ, во внутренности тѣлъ рождающихся, тонкое и сильное орудіе» [3]). Затѣмъ, подъ вліяніемъ восторженнаго чувства удивленія чудесамъ натуры, умы русскіе, послѣ до-петровскаго

[1]) Сочиненія Ломоносова, ч. III, стр. 52—53, 108—110.
[2]) „Зритель дѣлъ Божіихъ во вселенной", М. 1820 г., ч. IV, стр. 3—6.
[3]) Слово Ломоносова о пользѣ химіи.

страха таинственныхъ силъ природы, все больше и больше познавали «чудесныя силы и чудныя дѣйствія натуры», «чудесное устроеніе вселенной» и, въ частности, «земного шара», «удивительное единообразіе при многоразличности въ натурѣ», «удивительныя учрежденія натуры къ пользѣ и содержанію всѣхъ существъ», «чудеса единообразнаго естества», «чудности и удивительности чудообразнаго естества», т.-е.. исторію чудесъ или рѣдкостей природы, «чудесный планъ» и порядокъ совершенный (вмѣсто прежней «судьбы»). извѣковѣчную предустановленность и неизмѣнность уставовъ натуры, и т. п. Такое восторженно-фавмастическое созерцаніе природы или восторженное удивленіе чудесамъ натуры. впервые стало возбуждать въ русскихъ умахъ разнообразныя «размышленія о природѣ» и выработку разнообразныхъ «общихъ взглядовъ на природу».

Съ половины XVIII до тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ XIX столѣтія. въ передовой, наиболѣе мыслящей части общества развилось сначала. подъ вліяніемъ восторженнаго чувства удивленія чудесамъ натуры, сантиментально-натуралистическое и физико-телеологическое міросозерцаніе, выразившееся въ сантиментально-оптимистическомъ «прославленіи натуры», въ «любви къ созерцанію прекрасной натуры», въ «увеселеніи и услажденіи природой», въ сантиментально-идиллическомъ созерцаніи красотъ и прелестей сельской и пастушеской натуры», во всеобщемъ оптимистическомъ убѣжденіи, что «міръ сей есть совершеннѣйшій», въ сантиментально-эстетическомъ или романтическомъ міросозерцаніи и т. п. Именно, этотъ первоначальный видъ общественнаго физическаго міросозерцанія выразился уже и въ восторженныхъ словахъ о природѣ Ломоносова, который часто восклицалъ: «Коль чудное и духъ восхищающее увеселеніе доставляетъ созерцаніе чудесныхъ и преудивительныхъ дѣйствій натуры! Чѣмъ глубже разумъ проницаетъ въ чудеса прекрасной натуры, тѣмъ вящшее увеселеніе и услажденіе чувствуетъ сердце» и т. п. [1]). Сумароковъ въ «Письмѣ о красотѣ природы» такимъ образомъ выражалъ сантиментально-идиллическій взглядъ на природу: «оставь меня, мой другъ,—писалъ онъ,—въ моемъ уединеніи. Все, на что въ городѣ смотрятъ люди съ удивленіемъ, я нахожу въ сельской природѣ, не въ подражаніи, а въ естествѣ. Какое зданіе столько меня удивить можетъ, какъ огромная вселенная? Какой потолокъ прекраснѣе свода небеснаго, съ котораго раскаленное солнце освѣщаетъ и огрѣваетъ подсолнечную, съ котораго блистаетъ луна? Какія стѣны могутъ быть толь украшены, какъ рощи и дубравы? Какой полъ можетъ быть пріятнѣе зеленыхъ луговъ и мягкихъ муравъ, по которымъ извиваются шумящіе и прохлаждающіе источники? Какая музыка можетъ уподобиться пѣнію прославляющихъ свою свободу птичекъ? Сіи предвѣстники багряныя зари возбуждаютъ меня не шумомъ несогласнымъ и слуху досаждающимъ. Ближайшая къ естественной музыкѣ свирѣльная игра и простота пѣсней пастушекъ мнѣ златой вѣкъ изображаютъ. Во время полудни тѣнь сплетенныхъ древесъ даетъ мнѣ чувствовать едину пріятность полудни прохладнаго. Пріятный мнѣ вечеръ на бережкахъ жур-

---

[1]) Сочин. Ломоносова, ч. III, стр. 1—7, 146—195; ч. II, стр. 10—20 и мног. др.

чащихъ и по камышкамъ быстро текущихъ потоковъ сладко утомляетъ мысли и радостно возбуждаетъ сердце» [1]). По свидѣтельству князя Ад. Чарторыжскаго, «великій князь Александръ Павловичъ восторгался красотами природы; нерѣдко цвѣтокъ, зелень растенія, либо ландшафтъ какой-нибудь мѣстности восхищали его; онъ любилъ смотрѣть на простоту сельской природы, на сельскія работы, на грубую красоту крестьянокъ» [2]). Міросозерцаніе Карамзина, находившаго особенное, высшее «удовольствіе въ наслажденіи прекрасною природой», «въ восторгѣ цѣловавшаго землю», всецѣло было сантиментально-идиллическое и сантиментально-оптимистическое [3]). По міровоззрѣнію Сперанскаго, «чувствительность есть въ собственномъ смыслѣ способность человѣческаго духа понимать и услаждаться всѣмъ, что есть изящнаго (le beau) въ природѣ внѣшней и человѣческой, въ физическомъ и нравственномъ мірѣ» [4]). И. М. Долгорукій, во время своихъ путешествій по Россіи, также, по собственнымъ его словамъ, «приносилъ натурѣ свои поклоненія, изумлялся ей, дышалъ природою, предавался меланхолическимъ размышленіямъ о природѣ, въ сельской природѣ, гдѣ все есть—и горы, и долины, и утесы, и пологости, и цвѣты, и среди долины скотъ пасущійся подъ звукомъ сельской дудочки, среди ручьевъ, бѣгущихъ по лугамъ и освѣжающихъ ихъ, на-яву созерцалъ плѣнительные вымыслы Геснера, Томсона и Делиля—сихъ безсмертныхъ пѣвцовъ природы, съ идиллическимъ восхищеніемъ созерцалъ естественное зрѣлище сельскаго трудолюбія, благословляемаго природой, и любилъ погружаться въ сантиментальную задумчивость въ виду тѣнистыхъ меланхолическихъ овраговъ, меланхолическихъ прозябаній» и т. п. [5]). Еще яснѣе господство сантиментально-натуралистическаго міросозерцанія, съ преобладающимъ чувствительно-идиллическимъ направленіемъ, выразилось въ описаніяхъ такъ-называемыхъ «чувствительныхъ путешественниковъ», въ родѣ В. Измайлова (1773—1830) и кн. Шаликова (1768—1852), подражавшихъ Voyageur sentimental Верна и др., въ сантиментально-идиллическихъ описаніяхъ наслажденія природой во время прогулокъ въ полѣ, въ родѣ «утѣхъ меланхоліи» или «чувства пріятнаго» А. Орлова (1802 г.), и, наконецъ, въ пробужденіи въ обществѣ и преимущественно въ женщинахъ образованнаго класса наклонности къ эстетическому созерцанію природы, любви или моды къ цвѣтоводству и особенно къ разведенію «красивѣйшихъ и рѣдкихъ цвѣтущихъ растеній» [6]). Наконецъ, сантиментально-натуралистическое міросо-

[1]) Сочиненія Сумарокова, изд. 1790 г., ч. VI, 337—338.

[2]) Богдановича, Исторія царств. Александра I. Спб. 1869 г., I, 19.

[3]) Письма русскаго путешественника. См. также въ Русск. Арх. 1863 г., стр. 483: Письма Петрова къ Карамзину.

[4]) Письма къ дочери. Русск. Архивъ, годъ шестой, № II, стр. 1690.

[5]) Дневн. путеш. въ Нижній въ 1843 г., стр. 59, 70, 74, 107. Дневн. путеш. въ Одессу и Кіевъ въ 1810 г., стр. 90—91, 104, 109, 132. Дневн. путеш. въ Одессу въ 1817 г., стр. 42 и друг.

[6]) Такъ, напримѣръ, Вл. Измайловъ, издававшій въ 1810 г. „Руссовы письма о ботаникѣ“, писалъ: „Надѣюсь, что Руссовы письма о ботаникѣ принесутъ многимъ удовольствіе и пользу, особливо *въ нынѣшнее время, когда любовь къ цвѣтамъ сдѣлалась нѣкоторымъ образомъ общимъ вкусомъ, принесеннымъ модою*“ (Руссовы письма о

зерцаніе, съ нѣсколько прогрессивнымъ видоизмѣненіемъ, выразилось въ сантиментально-эстетической или романтической поэзіи природы. достигшей полнаго своего расцвѣта въ поэтическомъ созерцаніи и воспѣваніи природы Жуковскаго, Пушкина, Баратынскаго, Тютчева и другихъ. Поэты сантиментально-натуралистическаго міросозерцанія «съ природою одною жизнью дышали, и говоръ древесныхъ листовъ понимали», и чувствовали травъ прозябанье, и была имъ звѣздная книга ясна, и съ ними говорила морская волна; ревѣлъ ли звѣрь къ лѣсу глухомъ, трубилъ ли рогъ, гремѣлъ ли громъ, пѣла ли дѣва за холмомъ,—на всякій звукъ природы они откликались своимъ эстетическимъ или романтическимъ чувствомъ. откликались всею «жизнью своей души», внимали грохоту громовъ, и гласу бури и валовъ, и крику сельскихъ пастуховъ; шумѣлъ ли дикій сосновый лѣсъ, они и въ немъ чувствовали «сокрытыя думы и затаенную живую мысль», и, вообще, вдохновенно-эстетически созерцая природу, воспринимали изъ нея восторженную вѣру. что всѣ радости и утѣхи человѣка—въ природѣ, что «прекрасна вселенная, все небо намъ дало съ бытіемъ, все въ жизни—къ великому средство» и проч. Вообще, послѣ до-петровскаго страха природы, настала, по выраженію Пушкина и другихъ поэтовъ, «любовь къ природѣ»; пылкія натуры, по выраженію Гоголя, «съ изступленіемъ влюблялись въ природу» [1]).

Въ то же время, сантиментально-натуралистическое міросозерцаніе, вслѣдствіе господства восторженнаго чувства удивленія чудесамъ природы, всецѣло проникнуто было въ большой части умовъ сантиментально-оптимистическими и идеально-натуралистическими идеями. Эти идеи русскіе умы въ изобиліи заимствовали изъ такихъ переводныхъ книгъ, какъ «Штурміевы размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ натуры», «Картина всемогущества, премудрости и благости Божіей, созерцаемая въ природѣ», «Размышленія о дѣлахъ Провидѣнія въ царствѣ натуры», «Зритель дѣлъ Божіихъ во вселенной» и т. п. Изъ этихъ книгъ они усвоили, во-первыхъ, идею «благихъ и мудрыхъ учрежденій натуры». Въ нихъ русскіе читатели находили исполненныя восторженнаго чувства удивленія чудесамъ природы разсужденія «о учрежденіяхъ натуры къ питанію животныхъ», о «благихъ и мудрыхъ учрежденіяхъ къ питанію человѣка», «о кругломъ видѣ земли, какъ премудромъ учрежденіи къ выгоднѣйшимъ

ботаникъ. М. 1810 г., предисловіе). См. также Вас. Левшина: „Цвѣтоводство подробное или флора русская для охотниковъ цвѣтоводства, или описаніе донынѣ извѣстныхъ цвѣтовъ всякаго рода, съ подробнымъ наставленіемъ для разведенія" и проч. М. 1826 г. Въ предисловіи авторъ говоритъ: „Желая угодить *охотницамъ и охотникамъ до цвѣтоводства*, не могу обѣщать, чтобы собралъ я полное описаніе всѣхъ цвѣтущихъ растеній: сіе значило бы исчислить цѣлое ихъ царство; мое описаніе касается *только красивѣйшихъ и рѣдкихъ* растеній, кои всѣми знатоками признаны достойными украшать наши цвѣтники, оранжереи и теплицы. Я описалъ паче для цвѣтолюбцевъ".

[1]) Русскій Архивъ, годъ 4-й, стр. 1728—1729. Къ сожалѣнію, у насъ не было подъ руками стихотвореній г. Тютчева, въ которыхъ, сколько помнится, особенно живо и прекрасно выражалось такъ-называемое въ психологіи „физическое чувство" или „чувство природы".

жилищамъ всѣхъ тварей», «объ учрежденіи свѣта, проходящаго до насъ отъ солнца въ 7 или 8 минутъ», объ «удивительномъ учрежденіи многоразличія въ образованіяхъ человѣческихъ лицъ» и т. п. [1]). Во-вторыхъ, изъ телеолого-оптимистическихъ книгъ о «чудесахъ натуры» умы русскіе заимствовали идею «единообразія и многоразличія въ натурѣ», или идею «монархіи природы». «Дивная связь единообразности съ многоразличностью,— по словамъ книги «Зритель дѣлъ Божіихъ во вселенной»,— въ безконечность простирается въ натурѣ и составляетъ чудный порядокъ и красоту вселенной. Съ дивнымъ единообразнымъ учрежденіемъ каждаго рода тварей повсюду въ натурѣ мы видимъ безконечную многоразличность въ твореніи... Натура сдѣлала дивное дѣло красоты, устроивъ всѣ дѣйствія свои въ чудномъ сходствѣ и купно въ безконечномъ различіи. Всѣ растенія, отъ иссопа, растущаго въ каменной стѣнѣ, до ливанскаго кедра, имѣютъ одинакія главныя части. Былинка есть такое же растеніе, какъ и прекрасная роза или крѣпкій дубъ. Всѣ принадлежатъ къ одной монархіи натуры и имѣютъ одинакое устроеніе и одни всеобщіе законы роста, расположенія и размноженія. Но въ то же время, въ каждомъ родѣ есть удивительныя отличія и разнообразныя особенности. Какое богатство обнаруживается здѣсь въ правилахъ, перемѣнахъ и составленіи пропорцій» [2]). Въ-третьихъ, изъ тѣхъ же книгъ о чудесахъ дѣлъ Божіихъ въ натурѣ умы русскіе почерпнули идею «о пользѣ всѣхъ предметовъ и явленій въ натурѣ для человѣка и всѣхъ живущихъ тварей», напримѣръ, «о пользѣ отъ звѣздъ», «о великихъ выгодахъ отъ луны», «о пользѣ отъ горъ, о пользѣ отъ грозъ, о пользѣ отъ ядовитыхъ растеній и животныхъ, о пользѣ змѣй», «о неисчерпаемомъ богатствѣ въ натурѣ», «о пособствующихъ къ нашему благополучію средствахъ натуры», и т. п. [3]). Далѣе, умы русскіе усвоили изъ книгъ о чудесахъ дѣлъ Божіихъ во вселенной идею о предустановленности и предначертанности неизмѣнныхъ уставовъ, неизмѣннаго плана и совершеннѣйшаго порядка въ натурѣ. Подробнѣйшее развитіе этой идеи они находили, напримѣръ, во всѣхъ разсужденіяхъ «Зрителя дѣлъ Божіихъ во вселенной» и особенно въ главѣ «о порядкѣ въ теченіи натуры» [4]). Наконецъ, и первыя біологическія понятія русскихъ умовъ всецѣло проникнуты были тѣми же телеолого-оптимистическими идеями, какія проводились въ книгахъ о чудесахъ дѣлъ Божіихъ во вселенной. Согласно съ этими идеями, они во всей натурѣ видѣли строгое разграниченіе и различіе степеней, чиновъ, раздѣленія труда и жизненныхъ благъ. Въ книгѣ «Зритель дѣлъ Божіихъ во вселенной» они читали: «неизмѣримо есть царство животныхъ для разума человѣческаго, и однакоже ни одному животному не недостаетъ своего содержанія. Въ раздѣленіи родовъ, въ

[1]) „Зритель дѣлъ Божіихъ во вселенной", ч. I, стр. 8—11, 61, 165; ч. II, стр. 6—8 ч. III, стр. 70 и мн. др.

[2]) „Зритель", ч. I, стр. 96—99; ч. III, 61.

[3]) Взглядъ на природу, М. 1820 г., стр. 14—19, 39—41. Зритель, 1, 42, 44, 65—69, 74—77, 151—153; ч. II, 50—52, 141—143, 55—57; ч. III, 30—32, 151.

[4]) Ч. IV, 87—91; ч. I, 125—127 и др.

численныхъ пропорціяхъ, въ средствахъ пропитанія, во взаимныхъ отношеніяхъ животныхъ, во всемъ видимъ чудный точный размѣръ. Такъ и между человѣками есть точный размѣръ. Число мужчинъ противъ женщинъ всегда равно можно полагать 23 мужскаго пола противъ 26 женскаго. Въ человѣческомъ обществѣ дарованія толь чудесно раздѣлены, что какъ всякому не недостаетъ счастія по его состоянію, такъ и цѣлаго общества нужды удовлетворяются. Если бы отняты были у людей различныя склонности и способности къ тому или другому роду жизни, если бы уничтожена была различность въ нравахъ, въ образѣ мыслей, въ красотѣ, богатствѣ и другихъ наружныхъ обстоятельствахъ: коль скоро общество человѣковъ уподобилось бы печальной пустынѣ. Въ царствѣ или въ республикѣ животныхъ бо̀льшее количество малыхъ и слабыхъ подданныхъ подвержено меньшему числу благороднѣйшихъ и сильнѣйшихъ, а всѣ вообще покорены человѣку. Такъ и въ обществѣ человѣческомъ находится потребное число людей, и каждый на опредѣленномъ своемъ мѣстѣ», и проч. [1]). Такія провиденціально-телеологическія идеи о природѣ всецѣло проникали первоначальное телеолого-оптимистическое и идеально-натуралистическое міросозерцаніе русскихъ умовъ. Ломоносовъ, напримѣръ, въ «Словѣ о рожденіи металловъ отъ трясенія земли», сказанномъ 6 сентября 1757 года, послѣ до-петровскаго страха таинственныхъ силъ природы, производившихъ «трясеніе земли», впервые раскрывая русскому народу естественныя причины и геологическое значеніе землетрясеній, восторженно возвѣщалъ свой телеолого-оптимистическій взглядъ на природу. «Когда я представляю въ мысляхъ, слушатели, ужасныя дѣла натуры,— говорилъ онъ, то всегда принужденъ бываю думать, что нѣтъ ни одного изъ нихъ столь страшнаго, нѣтъ ни одного столь опаснаго и вреднаго, которое бы вмѣстѣ не приносило пользы и услажденія. Божественнымъ нѣкіимъ промысломъ, кажется, присовокуплены къ пріятнымъ вещамъ противныя, чтобы мы, разсуждая о противномъ, чувствовали бо̀льшее услажденіе въ употребленіи пріятнаго. Ужасаемся волнъ кипящаго моря, но вѣтры, которыми оно обуревается, приносятъ корабли, нагруженные богатствомъ, къ желаемымъ берегамъ. Несносна многимъ суровость здѣшней зимы, и намъ самимъ нерѣдко тягостна; однако ею удерживаются зараженныя повѣтріемъ испаренія; ядовитые соки и остроты тупѣютъ. Хотя же часто передъ нами бываютъ скрыты выгоды, происшедшія отъ противныхъ вещей, которыми мы пользуемся въ жизни своей, однако онѣ несомнѣнны и велики. Такъ много вѣковъ только трепетъ одинъ наносили человѣческому роду громы, и не иначе, какъ только устрашали всѣхъ, почитаясь бичемъ раздраженнаго божества. Но счастливые новыми открытіями естественныхъ тайнъ, дни наши дали намъ то утѣшеніе, что мы посредствомъ физики уразумѣли въ нихъ большее изліяніе щедроты, нежели гнѣва небеснаго отъ нихъ. Наги бы стояли поля и горы, лишенныя великолѣпія деревъ и травъ, красоты цвѣтовъ и изобилія плодовъ; желтѣющія нивы движеньемъ колосьевъ не увѣряли бы сельскихъ людей

[1]) Зритель, 1, 155—157; ч. III, 62—65; ч. IV, 14—17.

надеждою полныхъ житницъ; всѣхъ бы этихъ довольствъ намъ недоставало,—когда бы тучи, наполненныя громовою электрическою силою, не оживляли плодотворнымъ дождемъ и какъ-бы нѣкоторымъ одушевляющимъ дыханіемъ прозябанія растеній» и проч. [1]). Сумароковъ, излагая свое «основаніе естественнаго любомудрія», по собственнному его выраженію, «естественно метафизичествовалъ о премудромъ устроеніи всѣхъ дѣлъ и учрежденій въ натурѣ», о томъ, что «новыя и весьма малыя чудеса натуры, служащія участной пользѣ, являются не разрушеніемъ естественнаго порядка, но тѣми же естественными законами», что всякое зло въ природѣ имѣетъ благую цѣль, вызываетъ благія послѣдствія и т. п. [2]). Лепехинъ, во время путешествія своего по русской землѣ, «удивляясь отмѣннымъ, рѣдкимъ и чудеснымъ предметамъ и дѣйствіямъ натуры», также часто выражалъ телеолого-оптимистическій взглядъ на природу. Такъ, напримѣръ, «удивляясь множеству на поляхъ близъ Клязьмы полевыхъ пчелъ, ихъ просверливанію зеренъ въ колосьяхъ и превращенію въ куколки»,—онъ замѣчалъ: «сіе любопытное зрѣлище показываетъ во всѣхъ вещахъ равномѣрное устроеніе». Или, описывая свои «примѣчанія о увеселявшихъ его взоръ горностаѣ (mustela erminea) и ласкѣ (mustela nivalis), Лепехинъ замѣчаетъ: «Провидѣніе природы къ сохраненію жизни каждаго животнаго видно наиболѣе въ тѣхъ звѣряхъ, которые цвѣтъ шерсти своей въ разныя времена года перемѣняютъ, какъ, напримѣръ, горностай и ласка. Сія есть истинная причина прозорливой природы въ произведеніи перемѣны въ цвѣтахъ животныхъ; но отчего сія перемѣна бываетъ, не знаю» [3]). Такія же телеолого-оптимистическія возрѣнія на природу всецѣло проникали всѣ первые естественно-научные «опыты», «размышленія» и «руководства» русскихъ натуралистовъ, какъ, напримѣръ, видно изъ «размышленія о природѣ» А. Теряева (1802), гдѣ онъ разсуждаетъ «о соразмѣрномъ количествѣ растеній и животныхъ и о происходящемъ отъ того благоустроеніи природы вообще», а также «о должностяхъ, возложенныхъ отъ естества на животныхъ, ко всеобщему благу клонящихся», «о пользѣ естественныхъ произведеній для всѣхъ существъ» и т. п. [4]). Въ литературѣ, Карамзинъ съ восторженнымъ увлеченіемъ проводилъ идею о провиденціальной предустановленности въ природѣ совершеннаго порядка и благоустройства для всеобщаго блага и счастья. «Глядя на сапфирное небо, на цвѣтущую землю», Карамзинъ повсюду въ естественномъ мірѣ, «въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ земли» видѣлъ «не слѣпой слу-

[1]) Сочинен. Ломоносова. Спб. 1803, т. III, стр. 199—202.

[2]) Сочиненія Сумарокова, изд. 1787, ч. VI, стр. 266—270.

[3]) Дневн. Записки Путешеств. Лепехина. Спб. 1802 г., ч. I, 14, 283—284. Точно такъ же смотрѣлъ на природу и Крашенинниковъ. См. его „Описаніе земли Камчатки“. Спб. 1786 г., ч. II, стр. 310 и др.

[4]) „Размышленіе о природѣ или разсужденіе о естественныхъ тѣлахъ вообще“—сочин. Андрея Теряева, Профессора С.-Петербургской учительской гимназіи. Спб. 1802 г., гл. I и VI.

чай, не сцѣпленіе атомовъ, а благое и мудрое твореніе провидѣнія» [1]). Вообще, вдохновляемый идеями «Штурміевыхъ размышленій о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ натуры», Галлеровой поэмы о происхожденіи зла, Ѳеодицеи Лейбница, деистически-оптимистическихъ сочиненій Шефстбюри, Боннетова «Созерцанія природы» (Contemplation de la Nature) и др.,—Карамзинъ съ восторженнымъ сантиментализмомъ вѣрилъ и провозглашалъ, что «въ царствѣ природы все должно быть благо, а все злое—призракъ, исчезающій тогда, когда обозримъ планъ всего творенія», что «природа—любящая мать всего живущаго, устраивающая все ко благу живыхъ существъ», что «естественные мудрые законы основаны на общемъ добрѣ» [2]). И. М. Долгорукій, послѣ до-петровскаго народнаго страха судьбы, рока и Горя-Злочастья, восторженно провозглашалъ господство въ природѣ чуднаго плана и порядка совершеннаго:

Судьбы на свѣтѣ нѣтъ! Все слѣдствіе причинъ!
И случай лишь мечта—все промыслъ учредилъ!
Естественно весьма всему тому *дивиться*,
Что невѣдомой причиною творится.
Какъ будто *чудомъ* звать обязанность имѣемъ
Все то, чего началъ извлечь не разумѣемъ,
Такъ точно, какъ мужикъ, бросая къ небу взоръ,
За чудо изъ чудесъ считаетъ метеоръ...
Но время приведетъ,—и давъ разсудку власть,
Куда ни кинемъ взоръ, во множествѣ міровъ,
На нашъ ли шаръ земной, иль выше облаковъ,—
Во всемъ находимъ планъ, всему даны законы:
Небесныхъ и земныхъ огромныхъ тѣлъ мильоны,
Взаимной связью силъ вращаясь межъ собой,
Математической всѣ движутся чертой...
Рѣшительно сказать—физическій сей свѣтъ
Не есть случайности страдательный предметъ!
Все планъ въ немъ, все законъ, *порядокъ совершенный* [3]).

Наконецъ, студенты изъ университетовъ выносили такое же телеолого-оптимистическое убѣжденіе, что счастье всѣхъ существъ есть цѣль законовъ природы. Такъ, вольный слушатель московскаго университета Н. Киселевъ, издавшій въ 1822 году въ русскомъ переводѣ книгу «Картины природы», состоящую изъ сантиментально-идиллическихъ и физико-телеологическихъ разсужденій о природѣ Боннета, Томсона, Сенъ-Пьера, Руссо и другихъ, въ предисловіи къ ней говоритъ: «привлеченное внѣшними красотами природы вниманіе наше открываетъ во внутренности ея намѣренія Создателя, въ счастіи существъ состоящія. Изъ созерцанія природы мы очевидно усматриваемъ, что счастье сотворенныхъ существъ было цѣлью Творца при созданіи оныхъ, что законы, для нихъ учре-

[1]) Филалетъ къ Мелодору въ „Разговорѣ о счастіи“ (1794).

[2]) Такія мысли Карамзинъ развивалъ въ разныхъ статьяхъ „Московскаго Журнала“, въ „Вѣстникѣ „Европы“ за 1802 г., въ „Разговорѣ о счастіи“ (1794) и „Счастливѣйшемъ времени въ жизни“ (1803) и др.

[3]) Разсужденіе о судьбѣ. М. 1814.

жденные, суть средства, ведущія ихъ къ сему счастію» [1]). Въ народныхъ училищахъ, по словамъ А. Теряева, «во вступленіяхъ въ естественную исторію и во введеніяхъ въ каждую часть ея требовались обстоятельнѣйшія объясненія и показанія, сколь во взаимной связи всѣ естественныя произведенія находятся, и какая отъ нихъ для человѣка и во всемъ естествѣ польза» [2]). Въ училищахъ, по словамъ И. М. Долгорукова, было «школьнымъ предложеніемъ, что міръ сей есть совершеннѣйшій» [3]).

Въ концѣ концовъ, все это телеолого-оптимистическое міросозерцаніе, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, подъ вліяніемъ натуръ-философіи Шеллинга, видоизмѣнилось въ идеально-натуралистическое или идеально-оптимистическое міросозерцаніе. Наши доморощенные натуръ-философы восторженно говорили: «любомудріе творитъ чудеса! оно вдругъ вводитъ насъ въ міръ идей» [4]). Въ университетахъ, Велланскій и Павловъ были главными представителями натуръ-философскаго, идеологическаго міросозерцанія. Вмѣсто «чудесъ натуры» они стали умозрительно созерцать въ природѣ «всеобщія, абсолютныя идеи, абсолютныя начала, живые универсы, субъективную и объективную сущность природы» и т. п. «Вѣчная и безпредѣльная сущность физическаго и психическаго міра,—училъ Велланскій,—состоитъ въ *возможныхъ идеяхъ*, усматриваемыхъ *только умозрѣніемъ*... Глубокомысленный взглядъ на природу увидѣлъ ея сущность и показалъ въ ней значеніе человѣка, изложенное геніальными философами нашего вѣка—Шеллингомъ и Стеффенсомъ». Затѣмъ, всѣ явленія физическаго и біолого-антропологическаго міра Велланскій объяснялъ не реальными законами природы, познаваемыми положительнымъ, экспериментальнымъ изслѣдованіемъ, а чисто умозрительными предвзятыми сентенціями, подводя ихъ подъ апріорическія «возможныя или абсолютныя идеи» чистаго разума [5]). Въ то же время, Павловъ, вмѣсто «чудесъ натуры», съ натуръ-философской точки зрѣнія, идеалистически созерцалъ въ природѣ «силы» (δύναμις и λόγος), именно—«силы планетныя вещественныя въ явленіи и ихъ идею», силы планетныя невещественныя въ явленіи и ихъ идею, и, наконецъ, планетный процессъ въ явленіи и его идею» [6]).

Возбудивши такое прогрессивное движеніе въ сферѣ физическаго міросозерцанія,—восторженное чувство удивленія чудесамъ природы въ то же время породило прогрессивное возбужденіе умовъ и въ сферѣ міросозерцанія антропологическаго. Чтобы яснѣе и нагляднѣе представить всю историко-логическую послѣдовательность и важность идей о человѣкѣ, какія возникли въ міросозерцаніи русскаго общества съ XVIII столѣтія,—мы

---

[1]) „Картины Природы". М. 1822 г.

[2]) Теряева, „Размышленіе о Природѣ" гл. I.

[3]) Дневн. путеш. въ Кіевъ и Одессу въ 1828 г. въ Чтен. общ. истор. 1869 г., кн. 2, стр. 49.

[4]) „Атеней", издав. М. Павловымъ. М. 1828 г., ч. I, № 1: Разговоръ о взаимномъ отношеніи свѣдѣній умозрительныхъ и опытныхъ.

[5]) Велланскаго, „Основное начертаніе общей и частной физіологіи или физики органическаго міра". Спб. 1836 г.

[6]) „Основанія физики" М. Павлова. М. 1836 г., ч. 2.

должны предварительно вспомнить первобытныя и до-петровскія воззрѣнія русскаго народа на природу человѣческую.

Въ первобытныя времена, предки наши какъ во внѣшней природѣ боялись всякихъ таинственныхъ, непонятныхъ явленій и съ фетишическимъ трепетомъ покланялись имъ, какъ богамъ,—такъ и въ человѣческой природѣ они боялись всякаго непонятнаго внутренняго или внѣшняго проявленія, и невольно, рефлективно покланялись особымъ духамъ—фетишамъ человѣческой природы: боялись, напримѣръ, таинственной силы, управляющей тайной рожденія человѣка и предопредѣлявшей «рокъ рожденій», судьбу цѣлаго рода—и покланялись «роду и рожаницѣ»; боялись непонятнаго проявленія внезапнаго чиханья, миганья глазъ, звона въ ушахъ, сотрясенія какой-нибудь мышцы какъ дѣйствія какого-то внутренняго фетиша—бога или демона,—и съ суевѣрнымъ страхомъ вѣрили въ «чохъ», въ «окомигъ», въ «ухозвонъ», въ «подрожаніе мышцы» и т. п. Боялись всякихъ необычайно-поразительныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ особенностей человѣческой природы, напримѣръ, страннаго и внезапнаго вида людей «одноглазыхъ, разноглазыхъ, черноволосыхъ, рыжеволосыхъ», или рѣзко выдававшагося «вѣщаго ума», необыкновеннаго возбужденія нервной системы,—и со страхомъ и трепетомъ заговаривались отъ «людей одноглазыхъ, разноглазыхъ, рыжеволосыхъ, отъ злыхъ вѣдуновъ и вѣдуней, колдуновъ и колдуней».—и съ суевѣрно-боязливымъ страхомъ вѣрили въ волшебство, вѣдунство. Боялись «необычайной силы человѣческой»—и покланялись «богатырской головѣ», покланялись, жертву приносили богатырямъ— «воинамъ сильнымъ и храбрымъ», какъ необыкновеннымъ посланникамъ боговъ [1]); боялись могучей ручной силы или кулака «сильныхъ мужей», «кулащиковъ», съ суевѣрно-боязливымъ недоумѣніемъ примѣчали, что въ человѣческомъ тѣлѣ «правая рука» преобладаетъ во всѣхъ дѣлахъ и, въ частности, въ кулачной расправѣ, въ «тяжбѣ» или оттягиваніи изъ чужихъ рукъ имущества,—и вотъ отсюда выводили первобытное грубое понятіе о правдѣ, о правомъ дѣлѣ, какъ кулачномъ правѣ [2]). Вообще, при всеобщемъ страхѣ

[1]) Подробное, фактическое подтвержденіе всего вышесказаннаго см. въ моей статьѣ: „Первобытное міросозерцаніе", въ „Дѣлѣ" 1871 г., № 8.

[2]) Извѣстный ученый изслѣдователь древнихъ народныхъ понятій, г. Аѳанасьевъ, въ одной филологической статьѣ своей говоритъ: „*Рука*, какъ орудіе, которымъ дѣйствуетъ человѣкъ, становится въ народныхъ понятіяхъ символомъ права, силы; чтобы овладѣть извѣстнымъ предметомъ, присвоить его себѣ, надо было прежде схватить его рукою, и такимъ образомъ фактически заявить свое господство. Воззрѣніе это принадлежитъ отдаленной старинѣ и ярко высказывается въ юридическихъ обычаяхъ различныхъ народовъ. Такъ, напримѣръ, у римлянъ, если споръ былъ, напримѣръ, о принадлежности раба, то истецъ налагалъ на него свою руку, въ присутствіи претора, и какъ бы присвоялъ его себѣ, а отвѣтчикъ, не желавшій уступить своему противнику, также схватывалъ раба рукою и произносилъ: „я утверждаю, что этотъ человѣкъ мой". Въ обычаяхъ русскаго народа *тяжба* на то же намекаетъ: истецъ и отвѣтчикъ *тянули* къ себѣ спорную вещь, и тотъ, кто осиливалъ на судѣ, получалъ вещь въ свое *стяжаніе*. Древнее выраженіе „*быть подъ рукою*" значитъ быть подручнымъ, подвластнымъ. Въ частности, особенно важное значеніе въ понятіяхъ народныхъ имѣла *правая рука*. Въ юридическомъ актѣ поруки нужно подавать *правую руку*, а не лѣвую.

боговъ, господствовалъ антропофагическій и человѣкобоязненный взглядъ на человѣческую природу. Первобытные предки наши, для умилостивленія страшныхъ таинственныхъ силъ природы или боговъ, производящихъ, при излишкѣ нарожденія дѣтей, скудость жизненныхъ средствъ и голода, дарующихъ жизнь родамъ и безпощадно доводящихъ ихъ до вымиранія,—безжалостно, безчеловѣчно закалали въ жертву богамъ своихъ сыновъ и дочерей, юношей и дѣвицъ; по свидѣтельству лѣтописца, «привожаху сыны своя и дщери и жряху богамъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровми земля русска: рѣша старцы и боляре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на него же падетъ, того зарѣжемъ богамъ» [1]). Въ нервно-мозговой организаціи ихъ еще нисколько не развиты были нервныя свойства, соотносительныя человѣческимъ чувствамъ гуманности или человѣколюбія. Вслѣдствіе этого, звѣрское безчеловѣчіе, жестокосердіе, человѣкоубійство и волшебно-зелейническая порча людей господствовали въ высшей степени, были обыкновенными явленіями въ сферѣ человѣческой природы и даже считались иногда требами боговъ. Въ то время, когда въ нервныхъ клѣткахъ мозга еще возможна была идея антропофагіи или человѣческихъ жертвоприношеній, естественно, немыслимы были еще никакіе зачатки высшихъ чувствъ человѣчности. Только страхъ «сильныхъ мужей», какъ зловредныхъ враговъ личныхъ, семейныхъ и родовыхъ, и трепетная боязнь естественнаго, личнаго страданія при видѣ страданія единокровнаго человѣка—отца, матери, брата или сестры,—вотъ только этотъ страхъ и эта боязнь порождали первые зачатки, на первыхъ порахъ, чисто-животной, эгоистически-родовой, единокровной симпатіи, при полнѣйшемъ отсутствіи нервно-мозговой немыслимости симпатіи общечеловѣческой, любви къ чуждымъ ближнимъ, ко всѣмъ людямъ. Да и эта грубая кровнородственная первобытная симпатія еще сплошь и рядомъ нарушалась жесточайшей родовой враждой, господствомъ грубѣйшаго «матерняго лаянья, сквернословія» и отсутствія всякаго «стыдѣнія» въ родствѣ и—еще болѣе—безче-

во-первыхъ, потому, что правая рука есть по преимуществу орудіе человѣческой дѣятельности („онъ моя правая рука"), а во-вторыхъ потому, что слово *правый* синонимично съ реченіями *право, правда*. Правое соединялось съ солнечной стороной, съ стороной верховнаго божества солнца, о которомъ говорилось: „*деснуетъ* солнце". (Библ. для чтен. 1865 г., № 7).

[1]) Особенно замѣчательна въ Амастрійской легендѣ характеристика языческой Руси IX вѣка. Легенда эта гласитъ: inhumani sunt factis Barbari Rhos: ipso aspectu crudelitatem manifestantes; nulla earum rerum, quibus ceteri mortales oblectari videntur, praeter caedes. Crudeliter caedentes omnem sexum atque aetatem, nulla senum infantiumque commiseratione, sed promiscue contra omnes sanguinolentam armantes manum, pernicem inferre quam citissime contendebant... Taurica illa vetus hospitum caedes ab iis renovata: adolescentium jugulatio, tam marium quam feminarum etc. То-есть: „варвары руссы безчеловѣчны дѣлами: въ самомъ лицѣ ихъ обнаруживается жестокость: убійство самое обыкновенное ихъ дѣло. Они безжалостно, жестоко убиваютъ людей всякаго возраста и пола, юношей и старцевъ. Они возобновили древнее таврическое жертвенное человѣкоубійство, удушеніе юношей, мужей и женъ". Записки академ. наукъ, 1862 г., т. I, стр. 60. Левъ Діаконъ тоже писалъ о руссахъ временъ Святослава: ἄνδρας καὶ γύναια ἐπ᾽ αὐτοῖς κατὰ τὸν πάτριον νόμον ἐναποσφάξαντες: то-есть: „мужчинъ и женщинъ, по закону своихъ отцовъ, задушаютъ". Ibid. 62.

ловѣчными семейно-родовыми человѣческими жертвоприношеніями—удушеніемъ и закаланіемъ родныхъ дѣтей для умилостивленія страшныхъ боговъ. Вотъ, въ короткихъ чертахъ, первобытный взглядъ на человѣческую природу.

Въ слѣдующій затѣмъ фазисъ міросозерцанія, когда монотеистическій страхъ единой невидимой силы въ природѣ смѣнилъ первобытный фетишическій страхъ предметовъ и явленій природы,—существенно стали измѣняться и первобытныя воззрѣнія на человѣческую природу. Прежде всего, послѣ первобытной боязни таинственныхъ силъ человѣческой природы, страхъ Божій внушалъ богобоязненное представленіе о непосредственныхъ таинственныхъ дѣйствіяхъ Божіихъ въ самомъ составѣ и отправленіяхъ человѣческой природы. Древнее «слово святыхъ отецъ о постѣ», возвѣщая народу страхъ Божій въ природѣ, поучало: «если, братія, изъ внѣшняго міра не научаетесь бояться Бога, то помыслите и разгадайте о своемъ тѣлѣ, чего въ нашемъ тѣлѣ нѣтъ: въ нашемъ тѣлѣ—огнь, холодъ, глисты, черви, и все это лежитъ недвигомо, боясь Бога, не смѣя ничего причинить нашему тѣлу; если же повелитъ Господь чему-либо встать въ насъ или прійти въ дѣйствіе недугу, какой есть въ насъ, то великую болѣзнь сотворитъ нашему тѣлу, и смерть причинитъ Божіимъ повелѣніемъ: ибо все, братіе, боится Бога и трепещетъ повелѣнія его» [1]. Вслѣдствіе такого представленія, на тѣло человѣческое смотрѣли съ богобоязненно-аскетической точки зрѣнія и боялись разсматриванія человѣческихъ скелетовъ и труповъ [2]. Далѣе, послѣ первобытныхъ антропофагическихъ и человѣкобоязненныхъ воззрѣній, монотеистическое чувство страха Божія впервые внушало богобоязненно-человѣколюбивый взглядъ на человѣческую природу. Послѣ звѣрскихъ или противочеловѣчественныхъ чувствъ, обусловливавшихъ первобытное господство антропофагіи или человѣческихъ жертвоприношеній, послѣ первобытнаго взаимнаго страха людей, впервые возбуждалась идея человѣколюбія, «братства», но возбуждалась еще не самодѣятельнымъ логическимъ процессомъ, не внутренними психическими побужденіями или ассоціаціями идей и чувствъ, естественно-логически клонившихся къ самостоятельному нервно-мозговому образованію и возбужденію разумно-сознательной идеи человѣколюбія, человѣчности, а единственно побужденіями страха Божія, въ силу ассоціаціи идей и чувствъ богобоязненныхъ теологическихъ, внушенныхъ страхомъ казней Божіихъ и страшнаго суда [3]. «Богъ заповѣдалъ,—учили церковные наставники,— Богъ заповѣдалъ людямъ любить, а не снѣдать другъ друга, аки звѣрье: понеже вси есьми создани рукою Божіею, вси плоть едина, и вси единымъ

---

[1]) Правосл. собесѣдн. 1858 г., кн І, стр. 154.

[2]) О богобоязненно-аскетическомъ взглядѣ на тѣло или на трупъ человѣческій. См. въ статьѣ гр. Уварова въ Русск Архивѣ, годъ 2-й, стр. 36—37. О боязни человѣческаго скелета или анатомическихъ препаратовъ человѣческаго тѣла. См. въ Путеш. Олеарія въ Чтен. общ. истор. 1868 г., кн. 3, стр. 166—167. О боязни трупа человѣческаго см. Характеристическій примѣръ въ А. А. Э. IV, № 57.

[3]) Потому-то христіанская идея человѣколюбія и проводилась большею частію въ поученіяхъ „о казняхъ Божіихъ“ и „страшномъ судѣ“.

крещеніемъ крестихомся, и вси равно кровію Христовою искуплени, и вси равно въ руцѣ Господни, и на страшномъ судищѣ Божіемъ не будетъ ни раба, ни свободнаго, вси единъ родъ и племя Адамово» [1]. Послѣ первобытнаго господства звѣрскаго, антропофагическаго безчеловѣчія къ чуждымъ людямъ, особенно къ плѣннымъ чужеплеменникамъ—врагамъ, и послѣ первоначальнаго развитія одной чисто животной симпатіи—кровной привязанности только къ сродичамъ, единокровнымъ дѣтямъ, братьямъ и сестрамъ,—христіанское чувство страха Божія впервые внушало любовь къ чуждымъ ближнимъ, какъ братьямъ и сестрамъ по Богѣ. Такимъ образомъ, первобытное, исключительно-кровное братолюбіе впервые расширялось до степени всеобщаго, богобоязненно-общечеловѣческаго братолюбія. Эта идея замѣщенія первобытнаго зоолого-генетическаго чувства братолюбія братолюбіемъ христіанско - общечеловѣческимъ ясно выражена была въ особомъ сказаніи «*о братствѣ*», или «указѣ о братотвореніи, како сотвори Господь Богъ *братство крестное*, еже назватися между собою *братіею всякому православному христіанину*». Сказаніе это, наглядно представляя примѣръ заключенія братства съ человѣкомъ самимъ Іисусомъ Христомъ, оканчивалось такими словами: «Господь вземъ хартію и рукою своею написа *братство*, и рече неложными усты своими: проклятъ есть человѣкъ той, иже сотвори *брата* и не вѣрова въ него: *братство* сотворити хощу и возлюбити ближняго, яко самъ себѣ. *Сіе убо братство болье братства рожденнаго!*» (То-есть общечеловѣческое братство болѣе братства единокровнаго) [2]. Точно также, первобытная идея правды, какъ праворучной кулачной расправы или мускульнаго права сильнаго, подъ вліяніемъ христіанскаго чувства страха Божія, впервые замѣнялась идеей права нравственной силы, идеей «правды Божіей», евангельской и «правды княжей», т.-е. идеей правыхъ и неправыхъ дѣлъ, разграниченныхъ и указанныхъ положительными заповѣдями Божіими или расправой и управой князей. Слѣдовательно, все-таки, и теперь еще идея правды и справедливости имѣла въ умахъ народныхъ крайне-ограниченный смыслъ и проистекала еще не изъ внутренней психической ассоціаціи идей о свойствахъ дѣлъ существенно добрыхъ, правыхъ и существенно злыхъ, неправыхъ, а изъ побужденій страха Божія или страха княжеской расправы, изъ богобоязненнаго усвоенія положительнаго, предписаннаго разграниченія правыхъ и неправыхъ дѣлъ, какое начертано и заповѣдано было въ законѣ Божіемъ, въ священномъ писаніи, вслѣдствіе предварительной, историко-традиціонной выработки его предшествовавшимъ общечеловѣческимъ процессомъ мышленія, или какое внушено было страхомъ княжеской расправы, указано «княжеской правдой», подъ вліяніемъ византійскаго Номоканона, византійской юриспруденціи. Потому-то идея правды, какъ и идея человѣколюбія, и возвѣщалась, подъ страхомъ казней Божіихъ и страшнаго суда, въ грозныхъ церковныхъ словахъ о казняхъ Божіихъ и страшномъ судѣ Божіемъ. Въ такомъ именно богобоязненномъ, теолого-моралистическомъ

[1] Памятн. стар. литер., IV, стр. 205. Никонов. лѣт., т. IV, стр. 16.
[2] Памятн., I, 123—124.

мыслѣ идея правды выражена была въ особомъ сказаніи «*о правдѣ и неправдѣ*», гдѣ правда представляется «сотворенною отъ Бога и борющеюся въ людяхъ съ неправдою», какъ какое-то объективное, свыше ниспосланное, богосозданное существо, а неправда изображается сотворенною отъ діавола, какъ злое начало,—и къ правдѣ описаны такія дѣла или свойства человѣческой природы, какихъ требовало христіанское чувство страха Божія, а къ неправдѣ отнесены всѣ дѣла или свойства человѣческой природы, какія проистекали изъ первоначальнаго господства грубой физической силы и животно-эгоистическихъ наклонностей, и которыя въ первобытныя времена считались правыми, какъ, напримѣръ: разбой, человѣкоубійство, татьба, блудъ и т. п. [1]). Таковы были, съ одной стороны, воззрѣнія на свойства человѣческой природы, внушенныя монотеистическимъ чувствомъ страха единой невидимой силы Божіей въ природѣ. Затѣмъ, послѣ первобытнаго фетишическаго страха непонятныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ проявленій и потребностей, выражавшагося въ необузданномъ теургическомъ удовлетвореніи плотскихъ страстей и похотей, — монотеистическій страхъ Божій внушилъ богобоязненно-аскетическую боязнь человѣческой плоти и души, какъ источниковъ грѣховныхъ страстей и орудій особыхъ «духовъ непріязненныхъ», враждебныхъ Богу и влекущихъ человѣка къ душевной погибели. Отсюда проистекало аскетическое умерщвленіе плоти и похотей тѣлесныхъ и отвращеніе отъ «скверны плотскія и душевныя», «отвращеніе очесъ отъ лѣпыхъ и доброты чуждой», «уклоненіе ушесъ отъ слышанія душевреднаго», аскетическая заповѣдь Нила Сорскаго — «дыханіе держати, елико мощно, да нечасто дышеши», дабы глубже было умственное самососредоточеніе въ мысленной молитвѣ,—вообще, аскетическое воспитаніе нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ животныхъ тѣлесныхъ чувствъ и страстей, напримѣръ, потребности желудка и полового чувства, которыя, въ первобытныя времена проявлялись съ необузданною усиленною рефлективностью. Вмѣсто первобытныхъ боговъ-фетишей, производившихъ каждое проявленіе человѣческой природы, напримѣръ, миганіе глазъ, чиханіе, голодъ и т. д.,—теперь, съ богобоязненно-спиритуалистической точки зрѣнія, въ человѣческой природѣ боялись присутствія особыхъ духовъ, управлявшихъ ея отправленіями, а также и возбуждавшихъ страсти: «первый духъ, — учили византійскіе книжники,— первый духъ—животъ, съ нимъ же похоть зачинается, второй духъ—видѣніе, отъ котораго бываетъ помышленіе, третій духъ—слышаніе, съ которымъ дается ученіе, четвертый духъ—обоняніе, пятый духъ—вкушеніе, съ

[1]) См. слово „о правдѣ и неправдѣ“ въ Пам. старин. русск. литер. вып. IV. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и первобытное семейно-родовое срамословіе искоренялось. Учители церковные внушали народу: „Отцы и братія о Христѣ! Како убо смѣемъ рещи брату своему, либо человѣку христіанскія нашея вѣры, матернее лаяніе, еже есть блядинъ сынъ? Ино то мы не брату своему сіе гнусное и скаредное глаголемъ слово, но Господу Богу своему досаждаемъ, и тѣмъ негодованіе на себя отъ Бога наводимъ. Тѣмъ же подобаетъ намъ боятися и трепетати, еже рещи брату своему матернее лаяніе, или иное какое-нибудь скверное слово. Ибо лаяніе сіе есть не плотское, но духовное убіеніе брата аще не оружіемъ, но языкомъ, злѣе меча“. Пам., IV, 189- 191.

которымъ бываетъ помышленіе о яденіи и питіи. седьмой духъ—сѣянья и зачатья, съ которымъ сходитъ любопохотный грѣхъ; а съ сими духами совокупляются духи прелестные: первый—блудный духъ, второй—духъ несытости въ утробѣ, третій—духъ вражды въ сердцѣ, четвертый—духъ презорства, гордости и тщеславія и т. д., вообще, каждою страстью завѣдывалъ особый духъ или демонъ прелестный [1]). Далѣе, природа человѣческая, послѣ ея первобытной звѣрской грубости и животно-чувственной распущенности, съ аскетически-богобоязненной точки зрѣнія, представлялась «естественно злою». «Кто дерзнетъ чистъ быти отъ грѣха,—говорили древніе моралисты: нѣсть истины въ насъ: худши и грѣшнѣе всѣхъ на земли человѣкъ» [2]). «Человѣческое сердце,—говорили народные писатели,—человѣческое сердце немысленно и неуимчиво, ино *зло племя человѣчеcкое*» [3]). Вообще, глубоко укоренилось богобоязненно-аскетическое убѣжденіе, что «бѣдный человѣкъ—пища червей, земля, пепелъ, калъ, трава, сѣно и яко ничто» [4]). Страхъ Божій и аскетическая боязнь грѣха внушали чувство уничиженія человѣческой природы. Вслѣдствіе этого, всякое возвеличеніе ея считалось «зѣло дерзостнымъ» и смиреніе признавалось высочайшею добродѣтелью [5]). Наконецъ, страхъ Божій, отрицая языческій страхъ «рода», внушалъ вѣру, что рожденіе и рокъ человѣка зависятъ отъ таинственнаго предопредѣленія судебъ Божіихъ: «не родъ,—утверждали книжные люди,—не родъ, сидя на воздусѣ, мечетъ на землю груды и тѣмъ рождаются дѣти, но всѣмъ людямъ творецъ есть единый Богъ, а не родъ» [6]). Точно также первобытный фетишическій страхъ «рожаницы» замѣнился богобоязненнымъ представленіемъ особаго «ангела материна» [7]). Вообще, богобоязненная вѣра въ судьбы Божіи искореняла языческую вѣру въ судьбу, въ рокъ человѣческій. «Безумные люди, — говорилось въ спискѣ отреченныхъ книгъ,—съ вѣрою волхвуютъ, ища рока рожденія и житія, не вѣдая судебъ Божіихъ». Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» выражено было всеобщее убѣжденіе: «ни хитру, ни горазду, ни птицѣ гораздой суда Божія не миновати». Вмѣсто вѣры въ «рокъ», на роду предопредѣлявшій «полученіе сановъ» и долю людей, страхъ Божій внушалъ вѣру въ богоустановленную предопредѣленность доли и «разнства людей». Антропологическая идея равнаго человѣческаго достоинства еще и немыслима была. Книжники народные изъ апокрифическихъ книгъ извлекали такое убѣжденіе: «Господь отъ начала вѣка повелѣлъ измѣрить и росписать разнство во всемъ: лѣто лѣта честнѣе есть, день дня и часъ часа, такожде и человѣкъ человѣка честнѣе

[1]) Памятн. III, 33—34.

[2]) Пам. III, 131.

[3]) Пам. I, стр. 1: стихи о Горѣ и Злочастьи.

[4]) Русск. Арх., годъ 2-й, стр. 345.

[5]) Такъ московскій игуменъ Илія обличалъ протопопа Лаврентія Зизанія: „Что въ твоей книгѣ написано о божествѣ и человѣчествѣ, то дерзостно зѣло и смѣло: когда ты разсуждаешь о человѣкѣ, ты уничижаешь божество передъ человѣчествомъ“. Лаврентій отвѣчалъ: „то мнѣ спростовалось, прости Бога ради“. Лѣт. русск. литерат. и древн., 43—44 (Преніе).

[6]) Архивъ, изд. г. Калачевымъ, кн. 2, стр. 21.

[7]) Костомаровъ, „Очеркъ нравовъ великорусскаго народа“.

овъ имѣнія ради, инъ ради премудрости сердечныя, а инъ ради просто ѣнія устеннаго; токмо никто же болѣе боящагося Бога: боящіися Гос- славни будутъ во вѣки» [1]). Наконецъ, во взаимныхъ человѣческихъ шеніяхъ до-петровскаго общества, при часто обнаруживавшемся недо- чномъ дѣйствіи чувства страха Божія, еще сильно проявлялся перво- ый человѣконепріязненный, нерѣдко даже звѣрскій взглядъ на чело- :кую природу, выражавшійся въ господствѣ первобытной грубой физи- й силы—человѣкоубійственной, разбойнической, хищнической, пора- ельной, въ господствѣ кулачнаго права. «Злоба возобладала нами,— лъ одинъ проповѣдникъ XIII вѣка,—ненависть вселилась въ сердца , не даетъ намъ человѣколюбивымъ быть, ненасытимая любостяжатель- порaботила насъ, не даетъ намъ быть милосердыми къ сиротамъ, не сознавать естество человѣческое. Какъ звѣри алчутъ насытиться плотію, и люди не могутъ насытиться, какъ звѣри снѣдаютъ другъ друга, какъ , погубляютъ, убиваютъ, снѣдаютъ людей подобныхъ себѣ» [2]). «Братіе! ашалъ другой церковный учитель въ то же время,—неправда многая въ умножилась, зависть и гнѣвъ жируютъ въ васъ, возненавидѣлъ братъ и другъ друга завистію снѣдаетъ, а князья немилостивы, судьи не- дны, не избавляютъ худыхъ людей («худшихъ, меньшихъ») отъ руки ыхъ, и плачутъ вдовы и сироты, не имѣя заступника, ибо князья иряютъ злыхъ волостелей, а волостели не сжалятся, муча худшихъ й» [3]). Точно также остатки первобытнаго непріязненнаго взгляда на вѣческую природу проявлялисъ въ господствѣ человѣконенавистной, ловѣчной «порчи людей», въ жестокосердомъ обращеніи съ больными, нно страдающими душевными болѣзнями, сумасшествіемъ, во взаим- человѣкобоязненныхъ и зложелательныхъ «заговорахъ» другъ отъ а. До-петровскіе русскіе люди, вообще, до того еще боялись другъ друга бществѣ, что постоянно «заговаривались другъ отъ друга, на всякъ и на всяко время, на всякое сердце, на всякія очи, отъ всякаго го человѣка и супостата, отъ людей завистливыхъ, осудливыхъ, на- ивыхъ, отъ колдуновъ и колдуней, отъ еретиковъ и ересниковъ, ере- ъ и еретницъ, отъ чернецовъ и черницъ, отъ молодцовъ и молодицъ, князей, бояръ, тіуновъ, недѣльщиковъ и судей», вообще «отъ всего пра- вннаго христіанскаго міра». И въ заговорахъ этихъ выражали, напри- , такія зложеланія людямъ: «Кто меня, раба Божія, хочетъ осудить, ртить и всякими невѣрными силами достать, то у тѣхъ людей пусть отпадутъ по колѣнія, руки по локоть и голова по плечи съ ясными и, а меня самого, Господи, спаси своимъ покровомъ», и проч. [4]). Такъ о-петровскія времена, съ одной стороны, впервые внушались богобояз- о-братолюбивыя воззрѣнія на людей, какъ братій и сестеръ по Богѣ, а угой стороны, еще сильно господствовали и слѣды первобытнаго, антро- гическаго и человѣкобоязненнаго взгляда на человѣческую природу.

[1]) Пам. III, стр. 15.
[2]) Прибав. къ твор. св. отц. 1843 г., с. II, стр. 195, 196, 202.
[3]) Измарагдъ, рук. Солов. библ., № 270.
[4]) Чтен. общ. истор., 1867 г., кн. 4, стр. 162: Знахарство на Руси.

Вотъ послѣ такихъ-то древнихъ воззрѣній на человѣческую при вдругъ антропологическія науки открыли ея тайны русскимъ умам совершенно иномъ свѣтѣ. И вотъ, естественно, съ восторженнымъ ствомъ удивленія они стали познавать «чудесное устроеніе человѣч природы». Прежде всего, послѣ первобытнаго антропофагически-гр страха всѣхъ непонятныхъ проявленій и особенностей человѣче тѣла — такого или другого глаза, призора, «окомига», «чоха», звона», «подрожанія мышцы» и проч., потомъ — послѣ до-петров богобоязненно-аскетической боязни тѣла или «плоти», какъ и ника грѣховныхъ страстей и похотей, — умы русскіе съ восто нымъ чувствомъ удивленія познавали, изъ анатоміи и физіо во-первыхъ, «чудеснѣйшее устроеніе человѣческаго тѣла». Такъ естественно-научныхъ статей русскихъ журналовъ XVIII-го вѣка впервые усвояли такое воззрѣніе на человѣческое тѣло: «человѣч тѣло, во всей совокупности его произвольныхъ движеній разсматрива есть ничто иное, какъ такое сложеніе, коему *не можемъ довольно надив и коего еще большая часть убѣгаетъ отъ нашего удивленія*; самое же бол строеніе химіи, находящееся въ человѣческомъ тѣлѣ, и самое удивите орудіе есть мозгъ» [1]). Или, въ книгѣ «Картины природы», изданн 1822 году, читающая русская публика находила такое воззрѣніе на « вѣка, какъ существо тѣлесное»: «на верху лѣстницы нашего шара нахо человѣкъ, главное украшеніе земныхъ тварей. Созерцатели дѣлъ Все няго! Ваше *удивленіе* истощается при видѣ сего *чудеснаго творенія*. зительны сіи удивительныя соразмѣрности внѣшнихъ частей, очерта проявленій человѣческаго тѣла. А если мы вникнемъ потомъ во вну ность сего прекраснаго зданія, то *удивительное составленіе* многочислен частей его, *чудесная ихъ гармонія*, безконечное искусство въ ихъ располо повергнутъ насъ въ восхищеніе, изъ котораго мы выйдемъ только того, чтобы *сожалѣть о невозможности довольно удивляться толиким десамъ*». Далѣе, съ выраженіемъ удивленія изображаются «чудесныя ніи» и удивительныя отправленія костей, мускуловъ, нервовъ и кров жилъ, сердца, легкихъ, желудка, органовъ чувствъ, мозга [2]). Въ част съ восторженнымъ чувствомъ удивленія русскіе умы познавали, до-петровскаго страха «окомига», «ухозвона» и т. п., «дивное и наи нѣйшее строеніе глаза», «чудесное въ нашемъ зрѣніи», «чудесное ст уха и удивительнѣйшее дѣло слышанія», «дивное въ человѣческо лосѣ», «удивительное и неизреченное зданіе сердца», «удивительное у ніе человѣческаго желудка и чудеснѣйшее дѣло варенія пищи», «удив ную гибкость мускуловъ человѣческаго тѣла», «чудесное соревнованіе вѣческихъ рукъ трудамъ натуры», «чудную ловкость художнической

[1]) Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія. 1758 г., ф стр. 190.

[2]) „Картины природы“. М. 1822 г., I, 57—66. См. также въ сочин. Сум изд. 1798 г., ч. VI, стр. 269—270: „Какія чудеса въ составѣ человѣческаго и проч.

. п. [1]). Въ университетахъ, профессора анатоміи и физіологіи, раскры- премудрое устройство человѣческаго тѣла, согласное съ его назначе- ıъ, приводили трактаты врачей, доказывавшихъ премудрость Божію премудраго устроенія разныхъ органовъ тѣлесныхъ: Фр. Гофманна—изъ роенія всего тѣла, Гамбургера — изъ разсмотрѣнія сердца, Тиммія — изъ смотрѣнія спины. Донатовъ способъ—изъ руки, Штурміевъ—изъ глаза д., и, вообще. «отъ изслѣдованія чудной связи въ частяхъ препаратовъ ıего бреннаго тѣла и дивнаго ихъ отправленія въ процессѣ нашей жизни носили умы слушателей къ идеѣ чудесъ Божіихъ въ устроеніи человѣ- кой природы» [2]). Даже дѣвицамъ московскаго воспитательнаго училища, готовлявшимся къ званію наставницъ или классныхъ дамъ, предназна- о было познавать чудесное устроеніе человѣческаго тѣла по книгѣ 's merveilles du corps humain, par Jauffret» [3]). Въ психической природѣ овѣка, послѣ до-петровскаго страха «семи духовъ прелестныхъ», тая- хся въ душѣ человѣческой, восторженно удивлялись «чудесной силѣ ıи», чудеснымъ ея свойствамъ и способностямъ. Въ журналахъ XVIII а восторженно возвѣщалось: «кто познаетъ человѣческую душу, по- етъ вложенную въ нее силу творческаго изысканія, *чудесно* проявляю- ося въ изящныхъ художествахъ, тотъ *удивляться* долженъ ей, какъ ве- айшему дару природы» [4]). Нѣжность душевнаго сложенія, по словамъ ıамзина, «имѣетъ прелесть удивительнаго». И. М. Долгорукій воскли- ъ: «какъ чудесенъ союзъ души съ тѣломъ! Точно также исполненіе ıихъ намѣреній есть нѣчто чудесное. Ахъ! какъ не подивиться дѣламъ овѣческимъ!» [5]). Въ частности, послѣ до-петровской аскетической боязни трицанія страстей, какъ бѣсовскихъ проявленій человѣческой природы, ı русскіе съ восторженнымъ восхищеніемъ познавали и возвеличивали десность страстей» и благотворное ихъ значеніе въ психической жизни овѣка. «Не возмните въ восторгѣ разсудка,—говоритъ Радищевъ,— что кно разрушить корень страстей, что нужно быть совсѣмъ безстрастнымъ. ень страстей благъ и основанъ на нашей чувствительности самой при- ой. Страсти благую производятъ въ человѣкѣ тревогу, безъ которой онъ улъ бы въ бездѣйствіи. Безстрастный человѣкъ совершенный есть глу- ъ и истуканъ нѣмой, не возмогающій ни благого, ни злого... Корень хъ побужденій къ добродѣтелямъ благъ, даже такихъ, какъ тщеславіе юбочестіе. Сердце человѣческое благо и николи обмануть насъ не мо- гъ» [6]). Карамзинъ также прославлялъ «чудесную равновѣсность стра- й» [7]). Крыловъ въ посланіи о пользѣ страстей провозглашалъ:

[1]) Все это съ восторженнымъ чувствомъ удивленія описывается въ книгахъ чудесахъ натуры". См., въ частности, Зритель дѣлъ Божіихъ во вселенной, ч. I, 45—48, 127—131, 105—107, и мн. др. Также И. М. Долгорукаго. Дневн. путеш. въ кній въ 1813 г., стр. 31.

[2]) Шевырева, Истор. московск. университ., стр. 155, 452.

[3]) Русскій Архивъ, г. 8-й (1870), № 8 и 9, стр. 1479.

[4]) Ежемѣсячн. сочинен. и извѣст. о учен. дѣлахъ, 1764 г., октябрь, стр. 360—364.

[5]) Дневн. путеш. въ Одессу и Кіевъ въ 1810 г., стр. 135.

[6]) Путешествіе Радищева, изд. 1868 г., стр. 152—153.

[7]) „Ипокрена", 1799, ч. 4: Ода въ честь моему другу.

Пусть мудрецы, нахмуря смуры брови,
Журятъ весь міръ, кладутъ на всѣхъ посты...
Они страстей не знаютъ всей цѣны.
Повѣрь, тогда лишь люди стали жить,
Когда сталъ умъ страстямъ людей служить:
Тогда пути небесны намъ открылись,
Художества, науки воцарились,
Тогда корысть пустилась за моря...
Тщеславіе родило Александровъ,
Тамъ башни вдругъ, какъ будто великаны,
Встряхнулися и встали изъ земли,
Чтобъ вдаль блистать верхами златыми.
Разсталися съ звѣрями люди злыми
И нужды въ нихъ, роями разродясь,
Со прихотьми умножили ихъ связь...
Вотъ что, мой другъ, скажу я о страстяхъ!
Онѣ ведутъ науки къ совершенству,
Глупца ко злу, философа къ блаженству.
Хорошъ сей міръ, хорошъ, но безъ страстей
Онъ кораблю-бъ былъ равенъ безъ снастей [1]).

Въ частности, изъ страстей особенно прославляли, послѣ до-петровск
аскетическаго страха особаго демона корысти и славы, чудесную с
корыстолюбія и любочестія или славолюбія. Корыстолюбіе Радищевъ
зывалъ «могучимъ побудителемъ человѣческихъ дѣяній» [2]). Крыловъ
«посланіи о пользѣ страстей» высокопарно превозносилъ «корысть», к
магическую силу, производящую чудеса въ общественной жизни. «Вс
виной корысть,—говорилъ онъ,—я вкругъ себя зрю сокращенье свѣта,
сблизилось и все въ связи со мной, все движется и все живетъ мѣно
всему этому причиною корысть, причуды, роскошь, сластолюбіе». Т
также превозносили страсть къ славѣ или честолюбіе и славолюбіе.
чудесныхъ дѣяніяхъ «ироя славы»—Петра Великаго всѣ восторженно
влялись Gloriae triumphorum et trophaeorum. Славу изображали въ вел
ственныхъ, поразительныхъ аллегоріяхъ и символахъ. Служили «сл
монарховъ и монархинь», «славѣ имперіи». Ревнители наукъ, мецен
по словамъ поэта, «для славы только дышали». Въ письмахъ выражал
ame de votre gloire, zele de votre gloire [3]). Воздвигали «храмы славы
Слава, по словамъ Державина, вокругъ себя людей всегда толпами собира
дивиться ея блеску и величію [5]). О славолюбіи «естественно метафизичес
вали». Сумароковъ разсуждалъ: «самолюбіе всѣмъ—и добрымъ и худымъ
шимъ дѣяніямъ основаніе. Добродѣтель есть источникъ славолюбія, а т
славіе единый только видъ славолюбія имѣетъ и происходитъ отъ гордо
Всѣ достохвальныя дѣла отъ славолюбія рождаются, «славолюбивый челов
есть другъ ближняго, славный, достойнѣйшій слуга отечеству» и проч

[1]) Драматич. Вѣстн., Спб., 1808 г., ч. 5.
[2]) Путешествіе Радищева, 186.
[3]) XVIII вѣкъ, кн. II, стр. 443, 444.
[4]) Русскій Архивъ, годъ 5-й, стр. 675.
[5]) Сочиненія Державина, изд. 183, II, 109.
[6]) Сочиненія Сумарокова, VII, 340—341: Письмо о гордости.

ловъ восхвалялъ «страсть славы», какъ могучую силу человѣче-
) ума:

Великіе и сильные умы
Выходятъ вдругъ, плѣняся страстью славы
Иль удивить или плѣнить весь міръ.
Тамъ съ музами божественный Омиръ,
Горацій тамъ для шутокъ и забавы;
Тамъ Апеллесъ вливаетъ душу въ холстъ;
Тамъ Пракситель одушевляетъ камень...
У мудрецовъ возьми лишь славу прочь —
Замолкнутъ вдругъ Платоны, Аристоты,
И въ школахъ вмигъ закроются вороты.
Но страсти имъ движеніе даютъ;
Держась за нихъ, въ Храмъ Славы всѣ идутъ.

сть къ славѣ признавалась, вообще, могучею силою психическаго раз-
: человѣка, и до сумасшествія овладѣвала умами. Напримѣръ, Д. Б.
ваго въ запискахъ своихъ говоритъ: «воображеніе мое было воспламе-
честолюбіе, подстрекаемое успѣхами и всеобщимъ уваженіемъ, сдѣ-
ь во мнѣ страстью. Чувствуя въ себѣ непреодолимую склонность про-
иться добрыми дѣлами, готовъ я употребить на то не только трудъ
моего времени, но не пощадить и самой жизни. Если отнять у меня
оическія воображенія славы, я совсѣмъ несчастенъ. Мнѣ часто пред-
яется, будто слава ожидаетъ меня на краю совершенной погибели и
стія, и что тогда возродится слава моя и возгремитъ обо мнѣ. Сума-
твіе мое отъ страсти славы до такой степени простирается, что, желая
чь славы, какъ будто вижу состояніе нищеты и поруганія, и трепещу
го смотря. Слезы катятся изъ глазъ, прошу милосердія Божія, да
шлетъ мнѣ силы къ прославленію меня въ пользу потомковъ, мнѣ
мянныхъ» [1]). Слава признавалась самымъ могучимъ мотивомъ ко всѣмъ
мъ знатнымъ, достославнымъ, тріумфальнымъ», какъ говорили въ XVIII
Бецкій говорилъ: «Слава скоротекущихъ дѣлъ чаще упражняетъ
я величайшія души: въ ней находятъ онѣ и скорое подвиговъ своихъ
яніе, и новое къ онымъ поощреніе» [2]). Далѣе, даръ слова также впер-
рославлялся, какъ чудеснѣйшій даръ природы. Въ особенности уди-
сь образованію языка славянскаго, какъ чудесной загадкѣ. «По
ѣ,—писалъ Шишковъ,—языкъ нашъ есть нѣкая чудная загадка, по
еще темная и неразрѣшимая. Темно, неизвѣстно его древнѣйшее со-
іе, но вдругъ видимъ его возникшимъ съ вѣрою. Видимъ его пора-
цимъ силою слова, подобно какъ Геркулесъ поражалъ силою руки.
мся острымъ и глубокимъ мыслямъ, заключающимся въ словахъ его.
мся чистотѣ, согласію, важности, великолѣпію. Какъ будто умъ и ухо
цили все свое тщаніе на составленіе онаго» и проч. [3]). Но всего болѣе
ихической природѣ человѣка удивлялись силѣ и величію человѣче-

) Записки Д. Б. Мертваго, стр. 42, 142. Русскій Архивъ, годъ пятый, въ при-
іи.
) Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола, 1764 г., стр. 2.
) О превосходныхъ свойствахъ нашего языка, 1810 г.

скаго ума. Послѣ первобытнаго страха вѣщаго ума вѣдунства и послѣ до-петровской боязни «естественнаго разума», «невѣрія своему разуму»,— всѣ восторженно удивлялись человѣческому «предивному уму», «прелестямъ разума», «умамъ чрезвычайнымъ», всѣ «изумлялись, по выраженію Долгорукаго, надъ искусствомъ генія человѣческаго». Послѣ до-петровскихъ предостереженій — «не высокомудрствовать, любить простыню паче мудрости»,—съ восторженнымъ чувствомъ удивленія прославляли «мудрость», какъ чудеснѣйшее качество человѣческаго ума:

Что гдѣ прославляется яко *мудрость?*
Мудрость бо вся добро правити наставляетъ.
И такова есть умудряюща мудрость,
Яко никто изглаголати есть доволенъ,
Токмо удивленія бываетъ исполненъ! [1]).

Геній человѣческій возбуждалъ удивленіе, какъ miraculum miraculorum [2]). «Прелестями разума» восхищались. Карамзинъ въ 1793 году писалъ о себѣ и своемъ другѣ Петровѣ: «прелести разума казались намъ всего любезнѣе: ими плѣнялись мы, ими въ твореніяхъ великихъ геніевъ наслаждались, и нерѣдко съ Оссіяномъ, Шекспиромъ, Боннетомъ просиживали половину зимнихъ ночей» [3]). По словамъ В. А. Полѣнова, «на немногія рѣдкости такъ смотрѣли, какъ на умы, выдававшіеся изъ общаго уровня» [4]). Или, по словамъ Сперанскаго, «чуть оказывалась одна линія въ умѣ выше обыкновеннаго,— всѣ кричали: чудо!» [5]). Въ Москвѣ еще въ тридцатыхъ годахъ господствовало, по словамъ Чаадаева, «безусловное удивленіе и поклоненіе даровитому писателю» [6]).

Такое восторженное удивленіе чудесному устроенію человѣческой природы, естественно, прежде всего, послѣ первобытнаго антропофагически-человѣкобоязненнаго взгляда на человѣческую природу и послѣ до-петровскаго аскетически-человѣкобоязненнаго предубѣжденія противъ «злого естества человѣческаго», породило сантиментально-идиллическій и сантиментально-филантропическій взглядъ на человѣческую природу, какой господствовалъ въ поколѣніяхъ, жившихъ съ половины XVIII и до тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ XIX столѣтія. Вначалѣ, какъ во внѣшней природѣ съ удивленіемъ восхищались совершеннѣйшимъ, премудрѣйшимъ планомъ и порядковъ міровымъ, такъ и взглядъ на человѣческую природу проникнутъ былъ восторженнымъ сантиментально-оптимистическимъ энтузіазмомъ восхищенія. Послѣ до-петровскаго страха «злого естества» или «злого племени человѣческаго» и глубокой, естественной испорченности «людской натуры»,—вдругъ съ изумленіемъ услышали русскіе отъ западныхъ мыслителей — Лейбница, Вольфа, Локка, Мандевилля, Попе, Кондильяка, Плат-

[1]) Пекарскаго, Наука и литература при Петрѣ, I, 369.
[2]) Русскій Архивъ, годъ второй, стр. 561.
[3]) Цвѣтокъ на гробѣ моего Агатона, 1793 г., „Аглая", 2 кн. М. 1794 г.
[4]) Русскій Архивъ, годъ четвертый, стр. 1764.
[5]) Русскій Архивъ, годъ шестой, стр. 1111—1112.
[6]) Русскій Архивъ, годъ четвертый, стр. 1083—1085.

нера и Гарве, что природа человѣческая естественно блага и способна къ совершенствованію [1]). И вотъ, съ восторгомъ они восклицали:

Имѣемъ отъ младыхъ ногтей мы свѣтъ природный,
Который насъ ведетъ на путь блаженству сродный,
Имѣемъ сѣмена естественныхъ добротъ,
Которыя дать могли-бъ плоды своихъ красотъ [2]).

«Разумъ мой,— говорилъ Радищевъ,— воспрянулъ отъ мысли, что природа насъ создала на одно зло и страданіе, и сердце мое далеко оттолкнуло отъ себя сію мысль. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. Отъими завѣсу отъ очей природнаго чувствованія, — и блаженъ будешь! Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. И, о веселіе неизрѣченное! Я почувствовалъ, что возможно всякому человѣку быть соучастникомъ въ благополучіи себѣ подобнаго» [3]). Сумароковъ въ своемъ «Основаніи любомудрія» «естественно метафизичествовалъ» о томъ, что въ природѣ человѣческой все устроено премудро и ко благу людей: «долгота жизни равномѣрна составу нашего тѣла: каковъ составъ, вообще, человѣка, такъ долга и жизнь его, и по составу нашему она довольна. Что жизнь наша печалями и болѣзнями наполнена, сіе не милость Божія, в необходимость уставила. Печали большею частію мы получаемъ отъ самихъ себя, или другъ отъ друга, а болѣзни отъ бреннаго состава. Тѣло наше должно быть составлено изъ частицъ бренныхъ; ибо другого вещества къ тому и быть не могло. Вообще, хотя бы мы и не вошли въ самую глубину пространства небеснаго, но только бы до солнца зрѣніемъ возлетѣли,—и оттолѣ возвратившися, свой собственный составъ разсмотрѣли: какія чудеса и виды премудрости Божіей мы увидѣли бы! Разсмотримъ съ естествословами единый глазъ или единое ухо нашего состава: чувства наши и всѣ наши члены съ коликою премудростію ко крайней нашей пользѣ устроены!» [4]). Карамзинъ съ восторженною сантиментальностью прославлялъ величіе и безконечную усовершаемость человѣческой природы: «человѣкъ великъ духомъ своимъ! говорилъ онъ: — божество обитаетъ въ сердцѣ его. Родъ человѣческій возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству. Ахъ! съ какою нѣжностью обнимаемъ мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей отца небеснаго! Радость сіяетъ въ лицахъ нашихъ,—и свѣтлый ручеекъ, и зеленая травка, и алый цвѣточекъ, и поющая птичка—все, все насъ веселитъ. Природа кажется намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества» [5]). Въ самыхъ нестроеньяхъ и буряхъ общественныхъ, Карамзинъ восхищался

[1]) „Исторія философскихъ системъ", А. Галича, Спб., 1819 г., ч. II, стр. 149—161: „Система усовершенствованія".

[2]) Стихи профессора московскаго университета Поповскаго, переводчика „Опыты о человѣкѣ" — Попе.

[3]) Путешествіе Радищева, 67—68.

[4]) Сочиненія Сумарокова, ч. VI, стр. 267—270.

[5]) „Разговоръ о счастіи", сочин. Карамзина, изд. 3-е, т. 7.

чудной гармоніей человѣческой природы и стремленіемъ ея къ совершенству. «Сердце человѣческое, — говоритъ онъ, — есть изящнѣйшее твореніе божественной любви. Мы *удивляемся гармоніи въ мірѣ физическомъ, но надобно еще болѣе дивиться гармоніи нравственнаго міра...* Можетъ быть, и то, что смертному кажется въ немъ великимъ разстройствомъ, разрушеніемъ, есть *чудесное согласіе, совершеннѣйшее бытіе* для высшихъ существъ» [1]). Наконецъ, даже смерть казалась Карамзину не страшною, съ сантиментально-оптимистической точки зрѣнія. «Друзья мои,—писалъ онъ,—я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю. и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть враждебное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперь, въ сію самую минуту, надлежало мнѣ умереть, то я съ слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастію, что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой, когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ природы,—чувствую я то же и не нахожу въ смерти ничего страшнаго» [2]). Въ болѣзняхъ, съ оптимистической точки зрѣнія, также видѣли добро. Евгеній Болховитиновъ въ одномъ письмѣ 24-го октября 1806 года писалъ: «всякое зло клонится къ добру: лихорадка, напримѣръ, иногда поправляетъ здоровье. И это доказываетъ истину Попіева «опыта о человѣкѣ», что *все къ лучшему.* По крайней мѣрѣ, эта мысль утѣшительнѣе всѣхъ для страждущаго, и съ нею можно спокойно даже умереть» [3]). Точно также, великая княгиня Екатерина Павловна 20-го февраля 1813 года въ одномъ письмѣ писала: «L'optimisme me semblant être la seule façon d'expliquer des choses qui nous paraitraint sans cela non seulement étranges, mais encore fautives» [4]). Въ журналахъ проводился такой же сантиментально-оптимистическій взглядъ на человѣческую природу. Напримѣръ, въ журналѣ «Ипокрена» (1799—1801 г.) въ стихотвореніи Колоколова «Чувственность» выражена такая мысль:

Что врожденно—безпорочно,
Всякъ быть долженъ философъ.
Чувствамъ нашимъ что пристойно,
То не должно нарушать.
Въ свѣтѣ все благоустройно!
Что намъ свѣтъ перемѣнять?

И. М. Долгорукій также часто выражалъ въ стихотвореніяхъ своихъ мысль, что «природа всѣхъ равно рождаетъ къ наслажденью, что счастья своего самъ смертный господинъ» и т. п. Жуковскій выражалъ общее оптимистическое убѣжденіе, когда восклицалъ:

---

1) „Разговоръ о счастіи“.
2) „Письма русскаго путешественника“. 1789—1799.
3) Русскій Архивъ, годъ восьмой, № 4 и 5, стр. 852.
4) Русскій Архивъ, годъ восьмой, № 11, стр. 1976.

О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!
Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ!
Все въ жизни—къ великому средство!
И горе, и радость—все къ цѣли одной!

бще, послѣ древняго аскетическаго убѣжденія, что «бѣдный человѣкъ—
;а червей, земля, пепелъ, калъ, трава, сѣно и яко ничто», и послѣ до-
)овскаго «холопскаго» униженія человѣка, какъ «капустнаго червя»,
выраженію одной крестьянской челобитной XVIII вѣка,—во времена
юдства сантиментально-оптимистическаго удивленія чудесному устро-
) человѣческой природы, въ лучшихъ, передовыхъ умахъ впервые стала
ждаться, на первый разъ, сантиментально-оптимистическая и санти-
гально-филантропическая идея человѣческаго достоинства. Пнинъ въ
й одѣ «Человѣкъ» восторженно выражалъ такую идею:

Какой умъ слабый, униженный
Тебѣ дать имя *червя* смѣлъ?
То рабъ несчастный, заключенный,
Который чувства не имѣлъ;
Въ оковахъ тяжкихъ пресмыкаясь,
И съ червемъ подлинно равняясь,
Давимый сильною рукой,
Сначала въ горести признался,
Потомъ въ сихъ мысляхъ вѣкъ остался,
Что *человѣкъ есть червь земной!*
Прочь мысль презрѣнная! Ты сродна
Душамъ преподлыхъ лишь рабовъ,
У коихъ вѣкъ мысль благородна
Не озаряла мракъ умовъ...
Въ какомъ пространствѣ зрю ужасномъ
Раба отъ *человѣка* я!
Одинъ, *какъ солнце въ небѣ ясномъ,*
Другой такъ мраченъ, какъ земля!
Одинъ есть *все,* другой—ничтожность! [1]).

Такое восторженно-оптимистическое возвеличиваніе человѣка, въ
цатыхъ и особенно тридцатыхъ годахъ, послѣ первоначальнаго вос-
кеннаго удивленія чудесному устроенію человѣческой природы, видо-
знилось, соотвѣтственно господствовавшему въ это время натуръ-
)софскому физическому міросозерцанію, въ идеально-антропологическое
рѣніе. Этотъ взглядъ на человѣческую природу со всею полнотою вы-
лся въ физіологіи Велланскаго, именно въ его «антропологіи», изла-
щей сущность человѣка. Первоначальное восторженное чувство уди-
ія чудесному устроенію человѣческой природы породило теперь, въ
ръ-философской антропологіи, оптимистическую идеализацію «сома-
ской и психической сферы человѣка». «Человѣкъ есть, — училъ
ганскій,—центральное существо органическаго міра, равнозначительное
щу, составляющему центръ въ общемъ мірозданіи. Неизъяснимая

[1]) Журналъ россійск. словесности, издав. Н. Брусиловымъ, 1805, № 1.

лѣпота и несравненное устройство человѣческаго тѣла гармонируютъ съ универсомъ. Чувственная сторона соматической сферы человѣка основана на содержаніи индивидуальнаго организма съ универсальнымъ міромъ, которые оба суть произведеніе одной абсолютной идеи, составляющей душу вселенной. Слухъ и зрѣніе, по идеальному ихъ качеству, свойственны душевной сферѣ человѣка, представляющей абсолютную идею жизни, образующуюся человѣческою персоною, равнозначительною вселенной, которую человѣкъ слышитъ во внутренней ея вѣчности и видитъ въ наружной безпредѣльности. Человѣкъ, знаменующій идеальную сущность всеобщей жизни, равнозначителенъ универсу, представляемому въ его персонѣ. Психическое совершенство человѣка состоитъ въ сходствѣ идеальнаго его существа съ абсолютною идеею жизни. Умъ есть идея всеобщей жизни, являющаяся въ персональной формѣ человѣка» и т. д.[1].

Далѣе, какъ во внѣшней природѣ вначалѣ съ удивленіемъ восхищались очаровательными прелестями дикой «сельской и пастушеской натуры», такъ и въ человѣческой природѣ съ восторженною чувствительностью возвеличивали «простоту, естественность натуральной человѣчности» или «простоту природы натуральнаго человѣка». Такъ, Сумароковъ въ своихъ эклогахъ, въ лицѣ пастуховъ и пастушекъ, въ лицѣ Палемоновъ, Тирсиковъ, Аркасовъ, Ликистовъ, Кларисссъ, Каллистъ, Ирисъ, Филисъ и т. п., идеализировалъ естественную простоту психической, умственной и нравственной жизни людей, простое чувство восхищенія сельской природой и идиллическое наслажденіе страстью любви[2]). Карамзинъ въ «письмахъ» своихъ воздыхалъ о первобытной простотѣ человѣческой природы: «для чего,—писалъ онъ,—не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями? Я съ радостью отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, чтобы только возвратиться въ первобытное состояніе человѣка» [3]). По словамъ И. М. Долгорукаго, въ первой четверти XIX столѣтія, «наши чувствительные лирики, наши модные Геснеры, Виргиліи и Делили, въ восторгѣ чувствительности, въ идилліяхъ и эклогахъ прославляли «человѣка естественнаго, натуральнаго, работающаго въ потѣ лица своего, страдающаго подъ игомъ рабства и безконечнаго труда» [4]). Самъ Долгорукій въ свое время отдалъ дань сантиментально-идиллическому восхищенію человѣческою природою. Въ своемъ стихотвореніи «счастливый человѣкъ» онъ восклицалъ:

Скорѣй его искать рѣшуся,
Скорѣй найтить его польщуся
Въ степяхъ, у добрыхъ поселянъ[5]).

[1]) Велланскаго, „Основное начертаніе физіологіи", часть II, „Антропологія", стр. 147—244 и др.

[2]) Сочиненія Сумарокова, М. 1787 г., ч. IX, стр. 1—47.

[3]) Историч. Хрестоматія Галахова, стр. 48, прим. 16.

[4]) Дневн. путешеств. въ Кіевъ въ 1817 г., въ Чтен. общ. истор., 1870 г., кн. 2, стр. 29—31. Дневн. путеш. въ Одессу и Кіевъ въ 1810 г., въ Чтен. общ. истор., 1869 г., кн. 2, стр. 109.

[5]) „Бытіе сердца моего", М. 1808 г., стр. 228.

Или въ 1810 году Долгорукій восхищался психическимъ состояніемъ внутреннимъ самодовольствомъ бѣднаго сельскаго человѣка: «бѣдные восклицалъ онъ,—однако и они живутъ, да еще иногда и весело: о лучше искать доказательства, что удовольствіе наше состоитъ не ко въ наслажденіи внѣшними предметами, какъ въ насъ самихъ, бственныхъ силахъ нашего духа. Тихое сердце всегда къ радостямъ это, что-бъ ни входило въ наружныя двери нашего механическаго ана» [1]). Точно также въ 1813 году, во время путешествія своего въ ій-Новгородъ, Долгорукій замѣчалъ: «созерцая труды сельскихъ і на поляхъ, ничего нельзя сравнить съ симъ естественнымъ зрѣмъ трудолюбія, благословляемаго природою: колико превосходнѣе сія на тѣхъ живописныхъ полотняныхъ занавѣсокъ, изъ-за которыхъ итъ поддѣльный смѣхъ, или нажимаютъ сердце притворныя слезы» [2]). Изъ такого сантиментально-идиллическаго и восторженно-оптимискаго воззрѣнія на человѣческую природу естественно вытекалъ, ецъ, и этотъ самый многозначительный взглядъ на нее—сантимено-филантропическій, породившій въ XVIII вѣкѣ первые зачатки высшихъ соціальныхъ идей. Когда древній страхъ таинственныхъ природы замѣнился восторженнымъ чувствомъ удивленія чудесамъ ы, — тогда, послѣ первобытнаго звѣринаго безчеловѣчія, выражався въ антропофагическихъ жертвоприношеніяхъ, и послѣ до-петровскаго страха Божія внушеннаго *братства*,—восторженное чувство удиі чудесному устроенію человѣческой природы впервые стало возть въ самыхъ чувствахъ человѣческихъ, въ самой «чувствительности» і, естественные психическіе мотивы къ сантиментально-филантрокому воззрѣнію на человѣческую природу. Именно, въ поколѣніяхъ, ихъ съ половины XVIII-го до тридцатыхъ или даже сороковыхъ годовъ вѣка, восторженное чувство удивленія чудесному устроенію человѣчеприроды, послѣ до-петровскаго аскетически - человѣкобоязненнаго бѣжденія противъ «злого племени человѣческаго», породило сантимено-филантропическій взглядъ на человѣческую природу. Послѣ перво іго и до-петровскаго господства человѣкобоязненныхъ чувствъ и ѣконенавистной «порчи людей», оно впервые возбуждало «сантильную любовь къ человѣку», «чувствительность къ человѣческому , «уваженіе къ человѣчеству», прославленіе и возвышеніе достоинства ѣческой природы, «милосердіе къ удивленію всѣхъ людей», «благоложеніе, благосклонность и учтивство къ людямъ». Такія сантильно-филантропическія идеи о человѣческой природѣ возвѣщала атрица Екатерина Великая въ своемъ «Наказѣ» и въ извѣстной укціи Салтыкову о воспитаніи царевичей, провозглашалъ Бецкій въ ъ проектахъ о воспитательныхъ учрежденіяхъ, проводила въ сознаніе твенная литература, особенно со временъ Сумарокова и Карамзина. вѣколюбіе — говорили писатели XVIII вѣка — есть первая статья

[1]) Чтен. общ. истор., 1869 г., кн. 2, стр. 61.

[2]) Журн. путеш. въ Нижній въ 1813 г.. Чтен. общ. истор., 1870 г., кн. I. стр. 59.

добродѣтели и источникъ всякаго блага» [1]). Карамзинъ выше всего ставилъ въ человѣческой природѣ «чувствительность»—и требовалъ чувствительнѣйшаго описанія слезъ состраданія человѣческаго. «Описывая слезы, говорилъ онъ, — надобно описывать разительно причину ихъ, означать горесть не только общими чертами, которыя, будучи слишкомъ обыкновенны, не могутъ производить сильнаго дѣйствія въ сердцѣ читателя, но особенными, имѣющими отношеніе къ характеру и обстоятельствамъ писателя» [2]). Одинъ изъ самыхъ восторженныхъ послѣдователей сентиментально-филанторпическаго направленія, Подшиваловъ (1765—1813), такимъ образомъ прославлялъ филанторпическую чувствительность, мягкость и благотворительную доброту человѣческаго сердца. «О ты, вещь незнакомая и непонятная для людей обыкновенныхъ, чувствительное, доброе и благодѣтельное сердце!.. Ты можешь безпрепятственно изливать свои щедроты на людей, чувствующихъ цѣну твою, можешь и изъ камня извлекать для нихъ пищу, можешь и въ пустынѣ, въ нѣдрахъ натуры дѣлать ихъ счастливыми. *Чувствительное сердце*! Благословляю тебя! Благословляю твою волшебную силу, утѣшающую родъ человѣческій, возвышающую радости, услаждающую наши прискорбія. Гдѣ только дѣйствуешь ты, цвѣтетъ величественная натура и упояетъ чувства нектаромъ простоты, непринужденности, легкой и сладостной жизни. Несчастливъ братъ мой, сердце мое рвется помочь ему, утѣшить его, и въ этомъ стремленіи ощущает неизъяснимое веселіе. Я люблю—чувствительнымъ сердцамъ любить свойственно, и пламенная любовь моя переселяетъ меня въ край благодѣтельныхъ и учитъ таинствамъ грацій... Чувствительное сердце! О, сколь драгоцѣнно ты! Въ самое то время, когда мы, кажется, отъ тебя злополучны, ты умножаешь наше счастіе. Горе нечувствительнымъ! Горе управляемымъ силою одного механизма!.. *Мягкое сердце*! Не имѣя тебя, человѣкъ, подобный намъ, равнодушно смотритъ на злополучія, насъ обременяющія; не имѣя тебя, сильный давитъ слабаго, со стономъ передъ нимъ извивающагося; не имѣя тебя, тигръ-воинъ терзаетъ съ лютостію непріятеля, молящаго о пощадѣ; не имѣя тебя, доброе, мягкое сердце, безчеловѣчный судья мыслитъ только о своей корысти и умножаетъ строгость законовъ, лихоимецъ грабитъ ближняго... Горе жестокосердымъ!.. *Доброе сердце*! Руководствуй всегда мною! Ахъ, я чувствовалъ небесное наслажденіе, съ твоими изліяніями сопряженное. Согласившись одинъ только часъ быть добрымъ человѣкомъ, легко всякій увѣрится, что нѣтъ ничего пріятнѣе въ свѣтѣ, какъ быть всегда добрымъ. Доброе сердце! Руководствуй моими мыслями и дѣлами» и т. д. [3]). Вообще, сантиментально-филантропическій взглядъ на человѣческую природу въ концѣ XVIII и въ первой четверти XIX столѣтія до того былъ распространенъ въ наиболѣе мыслящей части русскаго общества, что И. М. Долгорукій въ 1813 году назвалъ его «филантропическою заразой нынѣшняго вѣка» [4]). Взглядъ этотъ впервые пробуждалъ въ

[1]) Сочин. Сумарокова, ч. VI, стр. 236.

[2]) Предисловіе ко второй книжкѣ Аонидъ, 1797 г.

[3]) Пріятное и полезное препровожденіе времени, 1794—1798 г., ч. I.

[4]) Дневникъ путешеств. въ Кіевъ, стр. 19.

вѣческой природѣ, въ самыхъ чувствахъ и убѣжденіяхъ послѣ-петров-ъ поколѣній побужденія къ филантропическимъ, гуманнымъ дѣламъ. а какъ до-петровская мораль только страхомъ казней Божіихъ могла ждать людей любить ближняго,—новая, сантиментально-филантропи-ая мораль, вытекавшая изъ идеи «чувствительности къ человѣческому », основывала свои правила гуманности на чувствахъ «жалости и вѣколюбія». «Невозможно,—писалъ Сумароковъ,—ради единаго страха ія, любить ближняго; и ежели кто симъ страхомъ не будетъ участни-ь злодѣянія, такъ будетъ участникомъ зломышленія, что хотя и меньше ѣянія, но добродѣтелью никогда не наречется: такой человѣкъ подо-окованному звѣрю, не вредящему только по причинѣ препятствія ъ. И тако должны мы не дѣлати ближнему зла не для того, что за ѣчная мука опредѣлена, но для того, что мы повинуемся, очистивъ ца наши, добродѣтели, и любимъ ближняго, *пріучивъ душу свою къ жа-ги и человѣколюбію»* [1]).

Вообще, со временъ Сумарокова и особенно со временъ Карамзина симентально-филантропическое воззрѣніе на человѣческую природу стало одствующимъ и породило потомъ сантиментально-психологическій или антическій взглядъ на «жизнь души человѣческой». Бѣлинскій такимъ зомъ охарактеризовалъ историческое значеніе этого сантиментально-антическаго взгляда на человѣческую природу: «Будучи не совсѣмъ за-нымъ качествомъ,—говоритъ онъ,—и сантиментальность лучше одере-ѣлаго состоянія въ грубой корѣ животной естественности,—и потому массѣ тогдашняго общества прежде всего должно было пробудить сан-ентальность, какъ первый выходъ изъ одеревенѣлости. Европейская тиментальность, составлявшая одну изъ заднихъ сторонъ XVIII вѣка, ривитая Карамзинымъ къ русской литературѣ, была смягчающимъ сред-омъ для современнаго ему общества, мало знакомаго съ грамотою... амзинъ внесъ въ русскую литературу элементъ сантиментальности, ко-ая—ничто иное, какъ пробужденіе ощущенія (sensation), первый моментъ буждающейся духовной жизни. Въ сантиментальности Карамзина ощу-іе является какою-то отчасти болѣзненною раздражительностью нер-ъ. Отсюда это обиліе слезъ и истинныхъ, и ложныхъ. Какъ бы то ни о, эти слезы были великимъ шагомъ впередъ для общества: ибо кто етъ плакать не только о чужихъ страданіяхъ, но и вообще о страда-ъ вымышленныхъ, тотъ, конечно, больше человѣкъ, нежели тотъ, кто четъ тогда только, когда его больно бьютъ... Назначеніе сантименталь-ги, введенной Карамзинымъ, было—расшевелить общество и пригото-ь его къ жизни сердца и чувства. Затѣмъ, явленіе Жуковскаго вскорѣ лѣ Карамзина уже очень понятно и вполнѣ согласно съ законами по-еннаго развитія литературы, а черезъ нее—общества. Равнымъ обра-ъ понятенъ путь, которымъ Жуковскій привелъ къ намъ романтизмъ... антизмъ—это міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ щеній и вѣрованій, міръ порываній къ безконечному, міръ таинствен-

[1]) Сочиненія Сумарокова, М. 1798 г., ч. II, стр. 278–279.

ныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ... Почва романтизма—не исторія, не жизнь дѣйствительная, не природа и не внѣшній міръ, а таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ и вѣчности, о судьбѣ личнаго человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія... Горе тому, кто, увлеченный одною внѣшностью, дѣлается и самъ внѣшнимъ человѣкомъ: нѣтъ ему убѣжища въ самомъ себѣ отъ бурь жизни; нѣтъ въ немъ ни глубокихъ нравственныхъ началъ, ни вѣрнаго взгляда на дѣйствительность; внутри его и холодно, и сухо, и жестоко; онъ не можетъ любить; онъ гражданинъ, онъ воинъ, онъ купецъ, онъ все, что хотите, но онъ никогда—не «*человѣкъ*»... Итакъ, чтобы начать жить полною, цѣльною жизнью человѣческой души, начать развивать, совершенствовать высшую, душевную жизнь человѣческой природы,—прежде всего нужно было развить въ себѣ романтическіе элементы. Надобно было, чтобъ они возобладали надъ нашимъ духомъ, возбудили въ насъ восторженность и фанатизмъ... Развитіе романтическихъ элементовъ есть первое условіе нашей *человѣчности*. И вотъ великая заслуга Жуковскаго»[1]). И дѣйствительно, психолого-антропологическое міросозерцаніе, какое проводилъ въ особенности Жуковскій въ своей поэзіи, направлено было главнымъ образомъ къ психической культурѣ, къ возбужденію высшей, душевной жизни, къ психологическому самоусовершенствованію человѣческой природы. Съ точки зрѣнія этого міросозерцанія, первымъ требованіемъ психической культуры Жуковскій и другіе сантиментально-романтическіе писатели полагали обязанность психическаго, нравственнаго саморазвитія, обязанность «воспитанія въ себѣ привычки къ добродѣтели». Жуковскій указывалъ для этого три стадіи: 1-я стадія—узнать въ себѣ дурное, 2-я—дать себѣ вѣрное слово дѣйствовать противъ дурного, 3-я и всѣ слѣдующія стадіи—борьба съ дѣйствующимъ недостаткомъ. Послѣдняя стадія—привычка къ добродѣтели. На этой дорогѣ общечеловѣческаго душевнаго самоусовершенствованія, говоритъ Жуковскій, всѣ равны. «Къ дѣятельной жизни—по психологической морали его—надобно придти съ запасомъ психическихъ силъ, во-первыхъ, съ запасомъ въ *сильной волѣ*, то-есть въ томъ великомъ могуществѣ души, которымъ мы побѣждаемъ наши желанія всякій разъ, когда они противятся нашему долгу; во-вторыхъ, съ запасомъ въ *знаніи*, то-есть въ томъ истинномъ просвѣщеніи ума, которымъ всѣ наши понятія, всѣ наши свѣдѣнія приведены, такъ сказать, къ одному знаменателю—къ знанію нашего долга вообще и къ знанію нашего назначенія въ особенности. Средство скопить такой запасъ силъ состоитъ въ привычкѣ: съ одной стороны, въ привычкѣ дѣйствовать собственнымъ умомъ (относительно пріобрѣтенія знаній), съ другой — въ привычкѣ дѣйствовать своею волею (относительно учрежденія нашего въ доброй нравственности). Для пріобрѣтенія привычки нужны рѣшимость, самопознаніе»[2]). Высшій идеалъ человѣческаго прогресса или антрополого-психическаго

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, т. VI, стр. 32, 44—46; т. VIII, стр. 182.

[2]) Русск. Архивъ, годъ 5-й, стр. 1391—1396. Письма Жуковскаго.

-итанія общества Жуковскій полагалъ въ требованіи, «чтобы все, что авляетъ жизнь души человѣческой, развивалось безъ всякаго утѣсне-
И лучшаго средства для этого, при господствѣ сантиментально-эсте-скаго міросозерцанія, онъ не зналъ, кромѣ воспитанія или развитія тва эстетическаго, чувства изящнаго. «Чтобы было въ государствѣ оденствіе,—говорилъ онъ,—необходимо нужно, чтобы все, что соста-тъ *жизнь души человѣческой*, цвѣло безъ всякаго утѣсненія. Изящныя сства украшаютъ жизнь; чувство изящнаго есть одно изъ высокихъ ствъ души человѣческой: безъ этого чувства человѣкъ глухъ, нѣмъ и ъ посреди великаго Божьяго міра. Изящное необходимо всякому че-ку» [1]). Вообще, вопреки обыкновенному смыслу и характеру обыден-общественной жизни, состоявшей въ безпрестанной односторонне-эго-ческой суетливости, въ бюрократическомъ, буржуазномъ, меркантиль-ъ съуживаніи психическаго существованія и развитія человѣческой ости, въ этой бездушности, безсердечности общественной взаимности—этихъ разговорахъ безъ интересу, въ этихъ свиданіяхъ безъ радости разлукахъ безъ сожалѣнія, въ этихъ состраданіяхъ безъ искренняго тва» и т. п.—вотъ вопреки такой бездушности человѣческихъ отно-ій въ обществѣ, сантиментально-романтическіе писатели требовали без-ывной психической борьбы съ эгоистическими помыслами, чувствами бяніями, требовали полнѣйшей, цѣльной жизни души, чувства или ьной жизни, мысли, чувства, дѣла» [2]). Кромѣ Жуковскаго, Батюшковъ поэзіи также анализировалъ «жизнь души». Баратынскій размышлялъ «общей участи или судьбѣ ума и души человѣка» [3]). Далѣе, сантимен-но-романтическіе умы впервые силою антрополого-психологическихъ возбуждали и воспитывали въ обществѣ соціальныя чувства человѣ-ой природы—чувства дружбы, любви, состраданія, сочувствія, спра-ивости. Когда взаимныя отношенія между людьми въ русскомъ обще-еще большею частію проникнуты были грубою, черствою безчувствен-ью, безсердечностью холоднаго, бюрократическаго, военно-начальни-аго и буржуазнаго эгоизма, или основаны были «на внѣщнихъ прили-ъ, тонкихъ разсчетахъ и своекорыстныхъ уваженіяхъ»,—тогда, есте-нно, необходимо было пробуждать эти соціальныя, гуманныя человѣ-ія чувства. И вотъ, вслѣдъ за Жуковскимъ, Пушкинъ «чувства доб-людей пробуждалъ» и, въ частности, воспѣвалъ «чувства дружбы и зи» [4]). Веневитиновъ, Баратынскій, Батюшковъ и другіе поэты также ѣвали чувство дружбы и любви. Многія стихотворенія ихъ такъ и лавливались «любовь и дружба» [5]) или «къ друзьямъ» и т. п. Веневи-въ чувство дружбы, «мирную жизнь и дѣятельность съ вѣрными друзь-ставилъ выше и славы военныхъ подвиговъ, и страсти къ богатству,

[1]) Русск. Арх., годъ 5-й, стр. 1399—1400.
[2]) Русск. Арх., годъ 2-й, стр. 900.
[3]) Русск. Арх., годъ 5-й, стр. 257.
[4]) Русск. Арх., годъ 2-й, стр. 975; годъ 4-й, стр. 1109.
[5]) „Любовь и дружба", Баратынскаго, въ журн. „Благонамѣренный" за 1819 г.

и «шумящаго роя веселій» [1]). Было время, когда цѣлые сборники
твореній посвящались «дружбѣ и любви». Въ письмахъ литератор
особенномъ изобиліи изливались чувства дружбы [2]). Вслѣдствіе так
бужденія соціальныхъ чувствъ дружбы, единодушія, сочувственнаго
дѣйствія и проч., естественно развивалось, какъ увидимъ далѣе
мленіе къ ассоціаціи умственныхъ и нравственныхъ силъ, къ друж
ной совокупной дѣятельности на поприщѣ общественнаго развитія.
нецъ, сантиментально-романтическое воззрѣніе на человѣческую п
всецѣло проникнутое сантиментально-филантропическими идеями
ствами, впервые возбуждало и воспитывало въ обществѣ чувство
ческаго достоинства. Только съ этихъ поръ, когда антрополого-п
гическія размышленія о человѣческой природѣ, возбуждавшіяся са
тально-романтическимъ самоуглубленіемъ умовъ, впервые пробужд
нихъ человѣческое самосознаніе, чувство человѣчности, человѣческ
стоинства,—только съ этихъ поръ умы русскіе впервые начали
и глубоко сознавать идею человѣческаго достоинства, все глубже и
проникаться чувствами гуманности, человѣчности и съ живымъ
кимъ убѣжденіемъ и сознаніемъ повторять эти слова Жуковска

При мысли великой, что *я человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою! [3]).

Основываясь на разумно-сознательномъ чувствѣ человѣческаго д
ства, Жуковскій и весь свой антрополого-соціологическій идеалъ п
въ томъ, чтобы «безъ потрясенія возводить народъ въ опредѣлен
него свыше *человѣческое* и гражданское достоинство» [4]). Вмѣстѣ
ствомъ человѣческаго достоинства, антрополого - психологическо
углубленіе и размышленіе сантиментально-романтическихъ умовъ в
послѣ господствовавшаго въ XVIII вѣкѣ удивленія «дѣламъ слав
буждало и воспитывало соціально - филантропическое чувство
ливости. Періодъ «*славы*» прошелъ, и съ сороковыхъ годовъ, въ
мыслящаго меньшинства, наступалъ періодъ «*справедливости*». Жу
провозглашалъ: «въ наше время нужны уже не дѣла славы, но *дѣла*
благодѣтельной для всѣхъ и каждаго» [5]).

---

[1]) Сочиненія Веневитинова. М. 1821 г., ч. I, стр. 1—2, 6.
[2]) Русскій Архивъ, годъ 4-й, стр. 225.
[3]) „Теонъ и Эсхинъ", Вѣстн. Европы, 1815 г., л. 15.
[4]) Русск. Архивъ, годъ 5-й, стр. 1413—1414. И царственному воспитанник
Жуковскій пророчески завѣщевалъ:

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать.

[5]) Русск. Архивъ, годъ 5-й, стр. 1412.

II

Взглядъ на общество

одство фетишическаго страха и человѣкобоязненнаго воззрѣнія на человѣческую оду въ первобытномъ общественномъ міросозерцаніи и строѣ. Человѣкобоязненно-гонистическій страхъ общества. Господство монотеистическаго страха Божія и, дной стороны, богобоязненно-братолюбиваго воззрѣнія на людей, какъ братій и еръ по Богѣ, а съ другой—богобоязненно-аскетическаго взгляда на человѣческую оду въ до-петровскомъ общественномъ міросозерцаніи и устройствѣ. Богобоязненно-тическій и богобоязненно-заговорный страхъ общества. Вліяніе западно-европей-ъ общественныхъ впечатлѣній и богобоязненное воспринятіе ихъ. Съ XVIII вѣка, одство восторженнаго чувства удивленія во взглядѣ на общество и общественныя жденія. Восторженное восхищеніе идеей человѣка, какъ существа общественнаго, іяніе его на понятія объ обществѣ и общественной жизни. Вліяніе сантимен-но-филантропическаго взгляда на человѣческую природу, порожденнаго удивле-ъ ея чудесному устроенію, на общественное развитіе и учрежденія. Сантимен-но-филантропическая любовь къ обществу, любовь къ отечеству. Сантиментально-антропическій принципъ общественныхъ учрежденій. Сантиментально-филантропическая идея „правъ человѣчества“ и „правосудія“ и значеніе ея.

Возбудивши сантиментально-филантропическое и идеально-оптимическое воззрѣніе на человѣка, восторженное чувство удивленія чудесу устроенію человѣческой природы было, въ то же время, послѣ етровскаго страха таинственныхъ силъ человѣческой природы, новою хически-возбудительною силою всего общественнаго обновленія и преазованія. Чтобы яснѣе видѣть это, разсмотримъ напередъ предшествоіе фазисы общественнаго развитія.

Въ первобытныя времена, фетишическій страхъ таинственныхъ силъ роды и грубой физической силы человѣческой былъ первымъ естеенно-психологическимъ мотивомъ къ соединенію первоначальныхъ физіо-о-генеалогическихъ, родовыхъ союзовъ въ гражданское общество, на вый разъ, въ формѣ первобытныхъ общинъ. Сколько можно приблизиьно гадать, этотъ первоосновный, общинно-устроительный процессъ соверся такимъ образомъ. При всеобщемъ страхѣ такихъ невѣдомыхъ, сокроныхъ силъ природы, которыя обусловливали, напримѣръ, неудачу въ щнической войнѣ, въ звѣриныхъ и другихъ промыслахъ, въ обезпеченіи сохраненіи жизни, или порождали голодъ, холодъ, болѣзни, моръ, либо онятными инстинктивными побужденіями и внезапно наводили на людей щныхъ звѣрей и хищную чудь и т. п.,—при всеобщемъ страхѣ такихъ остижимыхъ силъ и предопредѣленій природы, разрозненные славянскіе ы, жившіе въ лѣсахъ, все болѣе и болѣе чувствовали потребность въ ихъ, взаимно-вспомогательныхъ средствахъ сохраненія и обезпеченія ни. Именно, они чувствовали потребность, во-первыхъ, въ наиболѣе омъ и удобномъ выборѣ такихъ вѣдуновъ и вѣдуній, которые бы умѣли оваривать» ихъ отъ разныхъ зловредныхъ таинственныхъ силъ приы или отъ другихъ зловредныхъ колдуновъ и колдуній, и предсказы-и бы имъ удачу или неудачу звѣриныхъ и другихъ промысловъ. Во-вто-

рыхъ, имъ необходимо было наибольшее число такихъ «сильныхъ му «храбрыхъ воиновъ», богатырей, которые бы защищали, охраняли и сали ихъ отъ разныхъ, сильно устрашавшихъ ихъ «чудовищъ» лѣс водныхъ и горныхъ, отъ страшныхъ хищныхъ звѣрей, отъ татей и р никовъ, отъ чуди бѣлоглазой, обровъ, аваровъ, хозаръ и т. п. Нак они чувствовали потребность въ выработкѣ и знаніи такихъ «при относительно здоровья, промысловъ и благосостоянія людей, которь обходимо было тогда всѣмъ знать. А все это—и лучшій выборъ ну: вѣдуновъ и вѣдуній, и наибольшее число «сильныхъ мужей»—бога: и распространеніе знанія разныхъ предохранительныхъ примѣтъ, воз были только при соединеніи всѣхъ отдѣльно-разрозненныхъ род общины, съ цѣлію совокупнаго взаимнаго содѣйствія и вспомоществ въ случаѣ какого-либо страха и опасности. И вотъ, вслѣдствіе т естественныхъ побужденій, разрозненные роды, дѣйствительно, н соединяться въ общины, въ міры. Въ общинахъ они всегда имѣли во ность выбирать лучшихъ «излюбленныхъ» вѣдуновъ и вѣдуній и. свидѣтельствуетъ одинъ древній памятникъ, «съ вѣрою, приходя къ волхвовали, желая узнать рокъ рожденій своихъ, бѣдственныхъ нап: различныхъ смертей и казней, а также въ промыслахъ искали рока, п вали на помощь боговъ, волхвовали, не вѣдая судебъ Божіихъ» [1]. Устра общину какое-либо чудовище—звѣрь лютый, не дававшій людямъ ни ходу, ни проѣзду, или «въ озерѣ лютое чудо о трехъ головахъ, поѣд многихъ людей»—міряне, «людины» искали во всемъ своемъ мір всякъ день кличъ кликали», чтобы боги послали такого «храбраго вѣка», который бы въ озерѣ чудо извелъ,—и въ общинномъ многолю легко находили такихъ сильныхъ, храбрыхъ мужей, которые изба ихъ отъ общаго страшилища—губителя людей: и за то силачамъ «весь міръ покланялся» [2]. Въ общинѣ, въ міру не страшно было з въ дикомъ черномъ лѣсу, среди страшныхъ хищныхъ звѣрей: на смерть была красна. Люди той или другой общины съ изумлен любопытствомъ шли въ лѣсъ смотрѣть, когда изъ среды ихъ нах какой-нибудь храбрѣйшій силачъ, преодолѣвавшій самыхъ страшныхъ ныхъ звѣрей. «Людіе града многіе—гласитъ эпосъ народный—поид дальные темные лѣса смотрѣть преславнаго того чудесе, какъ младый хотѣлъ имѣть звѣриную дерзость: многіе люди поидоша с храбрости его и дерзости, и видя, какъ онъ сразу преодолѣвалъ въ лѣсу не только лося и медвѣдя, но и самаго лютаго звѣря, всѣ д чудеси его, какъ дарова ему Богъ силу надъ всѣми храбрыми ными» [3]. Въ общинѣ, всѣ старѣйшины родовъ, всѣ «старцы, мужи сѣдинами» сходились вмѣстѣ съ своими сродичами на уличныя или вѣча, и здѣсь «повѣствовали о звѣряхъ, о коняхъ, о птицахъ давали молодымъ людямъ свои «примѣты», повѣрья, былины, а

[1]) Сборн. Соловецк. библ., л. 913: Списокъ отреченныхъ книгъ.
[2]) Пам. II, 336—337.
[3]) Пам. II, 384.

«мірскія басни», сказки, пословицы, миѳы и т. п. [1]). Далѣе, страхъ грубой физической силы такихъ «сильныхъ мужей», какъ богатыри-разбойники, тати и убійцы, былъ новымъ естественнымъ побужденіемъ, вызвавшимъ «маломочныхъ смердовъ» къ соединенію въ общины, къ основанію «вервей», «міровъ». И въ то же время страхъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ естественныхъ мотивовъ къ распространенію общинной колонизаціи по сѣверо-востоку Европы, колонизаціи такъ-называемыхъ «черныхъ земель» или «черныхъ дикихъ лѣсовъ». Страхъ насилія сильныхъ мужей—татей и разбойниковъ, страхъ постоянныхъ вражьихъ нападеній аваръ, хозаръ и другихъ варваровъ невольно заставлялъ славянъ искать убѣжища въ лѣсахъ и жить въ безпрестанномъ тревожномъ ожиданіи насилія, грабежа, разбоя, хищничества. «Оттого у нихъ — говоритъ Маврикій - недоступныя жилища въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякой опасный случай, необходимыя вещи скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружу, но живя, какъ разбойники, вообще живутъ большею частію въ страхѣ» [2]). Когда такимъ образомъ господствовалъ всеобщій паническій страхъ преобладающей физической силы «сильныхъ мужей», безпощадно порабощавшихъ, грабившихъ и убивавшихъ людей «маломочныхъ», тогда, естественно, всѣмъ этимъ маломочнымъ людямъ не оставалось никакого другого спасенія, никакого другого средства самосохраненія и самообезпеченія отъ насилія сильныхъ мужей, какъ только уходить въ черные дикіе лѣса и тамъ собираться, соединяться въ общины и совокупными, общими силами бороться съ деспотической, порабощающей, хищнической и разбойнической силой «сильныхъ мужей». И вотъ, въ эпоху разложенія родового быта и естественнаго взаимнаго отчужденія многихъ отдѣльныхъ родовыхъ линій или поколѣній, въ эпоху усилившейся розни родовъ и умноженія «изгоевъ» – людей, отчужденныхъ отъ рода-племени, когда, вообще, «вставалъ родъ на родъ», сильные мужи часто устрашали весь міръ, въ лѣсахъ и по дорогамъ умножились «станишники и разбойники», когда всякій стремился быть «страшнымъ въ битвѣ въ полѣ» и шла всеобщая ожесточенная борьба за существованіе,— вотъ въ эти-то времена полнѣйшаго господства грубой физической силы и права сильнаго созидались общины, міры. Страхъ убійственной, порабощающей, хищнической и разбойнической силы невольно заставлялъ всѣхъ разрознившихся «людей» или «людиновъ», всѣхъ маломочныхъ смердовъ заключать между собою согласіе, миръ и такимъ образомъ составлять общины, міры, или, по выраженію «Русской Правды», «вкладываться въ виру, изъ дружины прикладываться къ вирѣ, къ людямъ», къ міру, съ тѣмъ, чтобы всею «дружиною, всѣмъ вложившимся въ виру людямъ» сообща, общими силами искать всякаго зловреднаго сильнаго человѣка—«убійцу или разбойника или татя» и выдавать его «всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленье» [3]). Въ то же время, общины или «верви»,

[1]) Слова, направленныя противъ язычества въ Лѣтопис. русск. литерат. и древн., т. IV, слово VIII.

[2]) Φοβῶ μάλλον ἤ Σῶρος εικοντες.

[3]) Русская Правда, по изд. г. Калачева, ст. LXXXVIII—XC, LXXXIX, LXXI.

поговоря межъ себя, всѣмъ міромъ обязывались сообща, совокупными силами охранять отъ хищничества и разбоя свои общинныя естественно-промышленныя угодья—звѣриные ловы, борти, рыбныя ловли, пашни, межи на поляхъ, сѣти и т. п. [1]). Наконецъ, тотъ же страхъ хищнической и разбойнической силы и права сильнаго побудилъ общины, въ концѣ концовъ, покориться охранительной силѣ и расправѣ варяжскихъ князей. И вслѣдствіе этого, всѣ общинныя обязанности относительно расправы съ татями и разбойниками утверждены были потомъ первымъ славяно-русскимъ законоположеніемъ—«Русской Правдой». Именно, въ «Русской Правдѣ» утверждена была, во-первыхъ, общинная расправа съ убійцами, татями и разбойниками: «иже будетъ кто убилъ въ сводѣ или въ пиру явлено—ему платити по вервинѣ (то-есть по складу общины, міра); а иже убьютъ огнищанина въ разбои и убійцы не ищутъ, то вирное платити, въ ней же вирѣ (верви) голова начнетъ лежати», то-есть той общинѣ, гдѣ найдутъ убитаго. Точно также «Русская Правда» предписывала общинамъ совокупными силами или всѣмъ міромъ охранять отъ хищнической и разбойнической силы свои общинныя угодья: «аще будетъ разсѣчена земля, или на земли знаменіе есть, имъ же ловимо, или сѣть, то по верви (міромъ) искати въ собѣ татя; аще кто украдетъ бобръ или сѣть, или разломаетъ борть, или посѣчетъ древо на межи, то по верви (міромъ) искати татя въ собѣ» и т. п. [2]).

Далѣе, вслѣдствіе страха таинственныхъ силъ внѣшней природы и антропофагически-человѣкобоязненнаго взгляда на природу человѣческую,—и весь первобытный общественный строй проистекалъ изъ побужденій этого страха и антропофагически-человѣкобоязненнаго умонастроенія. Фетишическій страхъ «рода» и «рожаницы» санкціонировалъ физіолого-генетическій, родовой складъ первобытной общины. Фетишическій страхъ «необычайной силы сильныхъ мужей», «богатырской головы» и «рода» вынуждалъ поклоненіе и покорность слабаго сильному, младшаго старшему. Младшій въ родѣ боялся старшаго, слабый боялся сильнаго. Старшіе родоначальники старѣйшихъ родовъ, сильнѣйшіе родовые или племенные князья, какіе были, напримѣръ, у древлянъ, постоянно усиливались побороть и вытѣснить младшихъ и слабѣйшихъ родоначальниковъ: такимъ образомъ «вставалъ родъ на родъ», была безпрерывная междуусобная борьба родовыхъ или племенныхъ князей, и необходимо было призваніе иноплеменныхъ посредниковъ — варяжскихъ князей для ограниченія звѣрскихъ проявленій права сильнаго, для примиренія и объединенія разрозненныхъ родовъ, для установленія «наряда и княжей правды». Вообще, при полнѣйшемъ преобладаніи животно-эгоистическихъ чувствъ и наклонностей, — каждый боялся зла и кровной мести со стороны ближнихъ, всѣ трепетали господства грубой физической силы — хищнической, разбойнической, поработительной и человѣкоубійственной: отсюда проистекало первобытное господство всеобщаго страха общества, всеобщихъ волшебныхъ заговоровъ отъ всякихъ лихихъ людей и злыхъ супостатовъ, отъ порчи,

---

[1]) Русская Правда. CXXIX по синодальному списку.

[2]) Русская Правда. Лешкова. „Русскій народъ и государство", стр. 164.

отъ призора или сглаживанья, отъ слѣда людского, отъ вѣдуновъ и вѣдуній, колдуновъ и колдуній и проч.; отсюда проистекали всеобщія стремленія «быть страшнымъ въ битвѣ въ полѣ», «портить людей» всякими зелейническими лиходѣйствами, звѣрски «кусаться» и т. п. Наконецъ, всѣ боялись внезапнаго набѣга и грабежа хищной «бѣлоглазой чуди—сыроядцевъ», обровъ, аваръ, хозаръ и т. п.; отсюда проистекало господство войны, воинственныхъ, богатырскихъ подвиговъ и дружинъ, битвеннаго дѣла въ полѣ и необходимость воинственно-защитительной и охранительной силы князей.

Вотъ, послѣ такого всеобщаго фетишическаго страха природы, порождавшаго антропофагически-человѣкобоязненныя отношенія людей, и послѣ этой паники буйнаго разгула грубой физической силы,—христіанская проповѣдь вдругъ грозно и громогласно возвѣстила страхъ Божій, какъ основу, какъ начало новаго общественнаго строя. «О, людіе, слышите! возгласили проповѣдники христіанства. Тако глаголетъ Господь: Азъ Богъ вашъ, вы же не работаете Мнѣ, какъ Богу. Неправда многая въ васъ умножилась, зависть и гнѣвъ жируютъ въ васъ, злоба возобладала вами, возненавидѣлъ братъ брата и другъ друга завистію снѣдаетъ, а князья немилостивы, судьи неправедны, не избавляютъ худыхъ (то-есть «худшихъ») меньшихъ людей отъ руки сильныхъ, и плачутъ вдовы и сироты, не имѣя заступника, ибо князья не смиряютъ волостелей, а волостели не сжалятся, муча худшихъ людей... Ненависть и злоба вселилась въ сердца ваша, не даетъ быть милосердыми къ сиротамъ, не даетъ сознавать естество человѣческое. Какъ звѣри алчутъ насытиться плотію, такъ люди алчутъ и не перестаютъ алкать, какъ бы всѣхъ погубить, убить, ограбить. Звѣри ѣдятъ и насыщаются, а люди не могутъ насытиться, снѣдая другъ друга, какъ звѣри... И будутъ знаменія въ солнцѣ и лунѣ, и голодъ во всѣхъ странахъ, и туга племенамъ, и молва въ городахъ. Вложу ярость въ сердца князей вашихъ: будутъ частыя рати, не упочіетъ вставая родъ на родъ, отецъ пойдетъ съ оружіемъ на сына, и братъ на брата оружіе скуетъ. Наведу на страну вашу рати иноплеменныя, и предамъ васъ въ плѣнъ поганымъ: осквернены будутъ дочери ваши и поработятся поганымъ дѣти ваши, а кровь ваша, какъ сильная вода, прольется; храбрые падутъ отъ меча, и плоть ваша будетъ пищей звѣрямъ и птицамъ, а кость ваша на позоръ всякому животному. Городъ сегодня пустъ, а завтра плѣненъ будетъ: изъ десяти городовъ сойдутся жить въ одинъ городъ. Небо не дастъ росы, а земля плода своего, опустѣетъ земля ваша: если кто посѣетъ сто мѣръ, то произращу одну. Опустѣетъ красота селъ вашихъ, и наведу на поля ваши пруги и гусеницы, хрусты и сѣрины поѣдятъ остатки плодовъ вашихъ. Звѣрей злыхъ наведу на васъ, да поѣдятъ скоты ваши, и не будетъ стадъ пасомыхъ. Не воспоетъ земледѣлецъ на нивѣ своей, и волъ на выѣ своей не понесетъ ярма. Не будетъ жителей въ селахъ вашихъ, и родятъ нивы ваши былье, великія долины станутъ пусты, а пути терніемъ поростутъ. И обращу праздники ваши въ плачъ, а игрища въ рыданія. И плоть ваша почернѣетъ отъ голода, а дѣвичья красота исчезнетъ. Не будетъ тогда дома, гдѣ бы не было мертвеца, и некому будетъ погребать мертвыхъ... О, бра-

тіе, покайтеся, и живите во страхѣ Божіемъ!» [1]). И вотъ, вслѣдствіе такихъ сильныхъ внушеній страха Божія, подъ вліянемъ богобоязненно-братолюбивыхъ воззрѣній на людей, какъ братій и сестеръ по Богѣ, началось искорененніе первобытнаго господства грубой физической силы и водвореніе богобоязненно-братолюбивыхъ общественныхъ отношеній.

Прежде всего, всѣ богобоязненные члены юнаго русскаго общества со страхомъ Божіимъ стали замѣнять первобытное господство «сильныхъ» богобоязненною «милостію», защитой слабыхъ и немощныхъ отъ руки сильныхъ, призрѣніемъ бѣдныхъ, вообще, богобоязненными дѣлами христіанскаго милосердія и братолюбія. Такъ какъ въ первобытныя времена сильные сплошь и рядомъ отнимали у малосильныхъ кормъ, пищу и питье, обижали слабыхъ женщинъ и вдовицъ, убивали отцовъ и матерей и дѣтей ихъ, «отроковъ», «чадъ» брали себѣ въ рабство, безчеловѣчно ослѣпляли соперниковъ въ силѣ на томъ основаніи, что «нельзя слѣпу сильну быти», и такимъ образомъ, вообще, умножали въ обществѣ число нищныхъ, бѣдныхъ, калѣкъ, слѣпыхъ, сиротъ и т. п., — то св. Владиміръ, вотъ, тотчасъ же по принятіи христіанства, прежде всего, по внушенію страха Божія, явился, по словамъ лѣтописи, «истиннымъ отцомъ бѣдныхъ и слабыхъ», роздалъ убогимъ, прежде ограбленнымъ, много имѣнья, выдавалъ нищимъ и убогимъ всякую потребу, питье и яствы, велѣлъ развозить по улицамъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ. По церковнымъ уставамъ Владиміра и Ярослава, церковной охранѣ переданы были: «богадѣльни, больницы, странноприимницы, гостиницы, слѣпцы, хромцы, задушные рабы или, вообще, задушные человѣцы, вдовицы, нищіе, лечцы» и т. п. Вообще, послѣ первобытнаго господства грубой физической силы или звѣрскаго насилія отъ руки сильныхъ, впервые наступило господство богобоязненной «милости», «богадѣльни». И на первыхъ порахъ эта «милость», какъ явленіе совершенно новое, невѣдомое первобытному, антропофагическому міру, изумляла темную массу маломочныхъ смердовъ, какъ чудо Божіе, «яко дивитися всѣмъ человѣкомъ, яко такой милости никтоже не могъ сотворити прежде». Съ начала распространенія христіанства до XVI вѣка, богобоязненная благотворительность состояла главымъ образомъ въ защитѣ слабыхъ отъ сильныхъ и въ удовлетвореніи физическихъ нуждъ бѣдныхъ, порожденныхъ первобытнымъ господствомъ хищнической гегемоніи сильныхъ, именно — въ кормленіи нищихъ, въ снабженіи ихъ одеждой и кровомъ и т. п. Такъ Владиміръ Мономахъ поучалъ дѣтей: «будьте отцами сиротъ, судите вдовицъ сами, не давайте сильнымъ губить слабыхъ; я не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ обиду сильнымъ» [2]). Другіе богобоязненные князья и княгини также постоянно «кормили убогія, велѣли по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное больнымъ и нищимъ на потребу» [3]). Съ XVI вѣка, когда богобоязненная благотворительность была

---

[1]) Измарагдъ, рукоп. Солов. библіот., № 270. Прибавл. къ твор. св. отцевъ 1843 г., т. 2, стр. 195, 196, 202. Православн. собесѣдн., 1858 г., іюль, стр. 475—480.

[2]) Ист. Госуд. Росс., 133.

[3]) Ипат. 6, 75. 102, 106, 112 и мн. др.

знана государственнымъ дѣломъ и богадѣльни подчинены были вѣству Приказа Большого Дворца, общественное «братолюбіе», не оставляя эты о физическомъ обезпеченіи слабыхъ и неимущихъ, начинало прораться и на удовлетвореніе умственныхъ и нравственныхъ нуждъ негоятельныхъ членовъ общества. По установленію Стоглава, въ богаьняхъ «учили и наказывали нищихъ страху Божію, а которые могли отать. тѣхъ побуждали трудиться рукодѣльемъ» [1]). Богобоязненные люди лжныхъ изъ работы окупали. сиротъ грамотѣ и рукодѣлію учили, мужкой полъ женили, а женской замужъ выдавали, умирая. отпускали раъ на волю» и т. п. [2]). Наконецъ, къ исходу XVII вѣка, богобоязненное ство братолюбія. въ сферѣ общественнаго благоустройства, стало мало-поу возбуждать потребность человѣколюбивыхъ учрежденій «по еуропмъ обычаямъ». Такъ. по указу 1682 года, въ Москвѣ построены были штальни по еуропскимъ обычаямъ», которыя впервые предуготовляли цество къ будущимъ «человѣколюбивымъ обществамъ» и другимъ фитропическимъ учрежденіямъ [3]).

Во-вторыхъ, по внушенію страха Божія, подъ вліяніемъ богобоязненнотолюбиваго взгляда на людей, духовенство и общество стали энергично емиться искоренить первобытное господство грубой физической силы удѣльно-вѣчевомъ общественномъ управленіи, прекратить первобытную истически-родовую борьбу старѣйшихъ и сильнѣйшихъ князей съ младми и слабѣйшими и замѣнить первобытное экстенсивное господство бой физической силы страхомъ интенсивной, единодержавной силы «крѣпкой и высокой десницы и державы великихъ князей и самојжцевъ всея Русіи». И въ этомъ отношеніи страхъ грозной силы Божіей ъ сильнымъ орудіемъ во власти духовенства къ пресѣченію первобыт борьбы грубой физической силы. съ новою энергіею проявившейся въ жескихъ междоусобіяхъ, къ сосредоточенію всѣхъ разрозненныхъ льно-вѣчевыхъ силъ въ единодержавной силѣ, въ «крѣпкой рукѣ и жавѣ московскихъ самодержцевъ» и къ побужденію «великихъ князей дарей» искоренять въ обществѣ первобытное господство грубой физичей силы законами правды. Первобытный, религіозно-языческій страхъ зической силы духовенство мало-по-малу перевоспитало въ страхъ силы кіей и силы животворящаго креста Господня. внушивъ убѣжденіе, что сподь Богъ разрѣшаетъ мощь ручную и даетъ силы творить правду» [4]). ъ что, вслѣдствіе этого и богатыри, эти представители первобытной зической силы, стали теперь называться «человѣками Божіими», полуощими силу отъ Бога [5]). И сильнѣйшіе князья, еще постоянно говоря о

[1]) Стоглавъ, гл. LXXIII.

[2]) Домострой, М. 1849 г., гл. VII, X, XI. XII, LXIV.

[3]) Берха, Истор. царствов. Өедора Алексѣев., I, 86. Рихтера, Исторія медицины Россіи, II, 354.

[4]) Пам. II, 35, 36.

[5]) П. С. Лѣт. II, подъ 1148 годомъ; князь Мстиславъ Изяславичъ говорилъ богырю Демьяну Кудежвичу: *„человѣкъ Божій“*, теперь время Божіей помощи и престыя Богородицы.

своей физической силѣ, въ то же время стали уже страшиться всепревозмогающей силы Божіей и животворящей силы креста, постоянно говорили: «боюсь Бога и страшнаго Божія суда, боюсь преступленія силы крестной». Вслѣдствіе этого, когда въ княжескомъ родѣ, по смерти Ярослава I, возобновилась древняя, дорюриковская борьба физической силы старѣйшихъ или сильнѣйшихъ князей съ младшими или менѣе сильными,—духовенство прежде всего усиленно старалось прекратить эту борьбу, какъ навожденіе отъ діавола, страхомъ силы Божіей и силы животворящаго креста Господня, страхомъ нарушенія крестнаго цѣлованія. «Мы, говорили владыки церковные, мы приставлены отъ Бога на русской землѣ удерживать, востягивать васъ, князи, отъ кровопролитья» [1]). И лѣтописецъ, какъ учитель страха Божія, по случаю первой же усобицы между Ярославичами, обвиняя князя Изяслава за нарушеніе крестнаго цѣлованія, и Всеслава Полоцкаго одобряя за вѣрность силѣ крестной, грозой казней Божіихъ увѣщевалъ князей бояться силы крестной, какъ силы Божіей, не нарушать крестнаго цѣлованія и не начинать усобицъ: «вотъ Богъ проявилъ силу крестную, говоритъ онъ,—ибо Изяславъ, цѣловавъ крестъ, нарушилъ его, заключилъ Всеслава: за то на него Богъ навелъ поганыхъ, а Всеслава явно избавилъ крестъ честный, ибо въ день Воздвиженія честнаго креста Всеславъ, вздохнувъ, сказалъ: «крестъ честный! Какъ я въ тебя вѣровалъ, такъ ты и избавилъ меня отъ рва сего (плѣна и тюрьмы). Богъ показалъ силу крестную на показаніе землѣ русской, дабы князья не преступали честнаго креста, цѣловавъ его: если же преступитъ кто, то и здѣсь приметъ казнь, и въ будущемъ вѣкѣ ему будетъ казнь вѣчная» [2]). Точно также и впослѣдствіи, когда междуусобная борьба удѣльныхъ князей достигла высшей степени ожесточенія, церковные учители страхомъ Божіимъ унимали ихъ отъ кровопролитія [3]). И дѣйствительно, страхъ суда Божія и крестнаго цѣлованья, хотя не всегда, но все-таки значительно сдерживалъ грубую эгоистически-родовую борьбу физической силы князей. Такимъ образомъ, когда сильнѣйшіе и богобоязненнѣйшіе князья, благодаря своей преобладающей силѣ, но въ то же время съ постояннымъ богобоязненнымъ выраженіемъ чувства страха Божія и надежды на силу Божію и животворящую силу креста, мало-по-малу стали одерживать верхъ надъ всѣми менѣе сильными князьями,—духовенство страхомъ Божіимъ поддерживало и утверждало это преобладаніе сильнѣйшихъ князей, какъ «предповелѣнныхъ самимъ Богомъ» для воздержанія всего міра, для пресѣченія первобытнаго господства въ обществѣ грубой физической силы и водворенія правды Божіей. Оно тѣмъ усерднѣе поддерживало этихъ князей, что они, при преобладающей силѣ, въ то же время представляли большею частью отрасль самую богобоязненную и благовѣрную въ княжескомъ родѣ, тогда какъ одолѣваемые ими менѣе сильные князья нерѣдко глумились надъ крестомъ Господнимъ, называя его ничего не значущимъ, безсильнымъ «маленькимъ крестикомъ».

1) Ипатьев. лѣт., стр. 145.
2) П. С. Лѣт., I, 73.
3) А. И., I, № 12.

или, по словамъ лѣтописей, «чинъ священническій не почитали, постовъ не хранили, чего ради у народа мало любимы были» [1]). Такъ, во время же самаго ожесточеннаго усиленія и разгара родовой борьбы грубой физической силы князей, духовенство прежде всего стало на сторону перваго сильнѣйшаго и наиболѣе богобоязненнаго изъ князей, великаго князя Владиміра Мономаха, который, по словамъ лѣтописей, будучи «крѣпокъ тѣломъ, силенъ вельми, въ воинствѣ вельми храбръ и хитръ на устроенье воинской силы, въ то же время имѣлъ всегда страхъ Божій въ сердцѣ, со смиреніемъ полагался на силу Божію, плакался передъ Богомъ о насиліяхъ, причиняемыхъ другими князьями» [2]). Митрополитъ ефесскій Неофитъ возложилъ на Мономаха царскій вѣнецъ и назвалъ его «царемъ», кіевскій митрополитъ, грекъ Никифоръ въ посланіи къ Мономаху называлъ его «доблею главою всей христіанской земли, его же Богъ издалека проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освѣти и помазавъ, отъ царской и княжеской крови смѣсивъ» [3]). И общины, согласно съ духовенствомъ, постепенно научались вѣровать въ божественную санкцію княжеской власти и все болѣе и болѣе склонялись на сторону сильнѣйшихъ и богобоязненнѣйшихъ великихъ князей. Духовенство поучало ихъ: «тако глаголетъ Господь: князи Азъ учиняю, священни бо суть; безъ Божія повелѣнія не бѣ княженія; князь есть небо земное, а душа его престолъ Христовъ; по Соломону, князи боги суть на земли, по Павлу, слуги Божіи: Богъ, вмѣсто себя, избралъ васъ, князи, на земли и посади на престолѣ судити судъ правый» [4]). Подъ вліяніемъ такого ученія, общины все съ большимъ и большимъ страхомъ и благоговѣніемъ начинали смотрѣть на князей, какъ на боговъ земныхъ, предназначенныхъ для суда праваго и защиты слабаго отъ сильнаго, и особенно любили и почитали «благовѣрную отрасль» перваго сильнѣйшаго князя «царской и княжеской крови» — племя Владиміра Мономаха, и такимъ образомъ постоянно поддерживали сильнѣйшихъ князей изъ этого племени, величали ихъ своими «царями и господинами». А при этомъ, и прежній страхъ грубой физической силы, постоянно поддерживаемый въ общинахъ княжескими междуусобіями, боярскими насиліями, нашествіями сосѣднихъ народовъ—половцевъ, литвы, татаръ и проч.,—этотъ страхъ также естественно возбуждалъ въ общинахъ потребность положить конецъ бѣдственному, невыносимому игу всякой физической силы, и потому невольно побуждалъ ихъ, согласно съ ѳеократическимъ ученіемъ духовенства, покориться защитительной силѣ тѣхъ сильнѣйшихъ князей, которые, подобно Владиміру Мономаху, были, съ одной стороны, «богобойны», по выраженію пастырей церкви, и любили правду Божію, а съ другой — были «вельми сильны», обладали большею ратною силою, слѣдовательно, въ силахъ были прекратить, наконецъ, грубую, бѣдственную междуусобную и международную борьбу физической

[1]) Татищ. II, 313.
[2]) П. С. Л. I, 130, 131. Татищ. II, 229.
[3]) Русск. Достопам. I, стр. 61
[4]) Пам. IV, 184. Сказан. о велик. кн. Алекс. Невскомъ.

силы. Кіевляне и черные клабуки говорили одному князю на вѣчѣ: «к сила у Владимірка, князя галицкаго, велика, а у тебя дружины ты тогда намъ князь, когда силенъ будешь, и мы тогда съ тоб теперь не твое время, поѣзжай прочь» [1]). Постоянно страшась то «сı паго и гордаго нрава» недобрыхъ князей и великой тягости отъ то страшныхъ, кровопролитныхъ и опустошительныхъ усобицъ сосѣ удѣльныхъ князей и внезапнаго ихъ нападенія на свои города и с общины и сами, по словамъ лѣтописца, рады были поддерживать и в охотно призывали къ себѣ тѣхъ наиболѣе сильныхъ и богобоязнен князей, которыхъ храбрости ради всѣ князья боялись и почитали, ко были наиболѣе «мужественны и сильны въ брани», въ силахъ были держивать миръ между князьями, полагаясь на силу Божію и жив рящаго креста, судомъ Божіимъ и преобладающею ратною силою живали верхъ надъ особенно неспокойными удѣльными князья черниговскими, смоленскими и другими, и въ то же время «любили п упражнялись въ совѣтахъ и расправѣ земской». Далѣе, страхъ на «сильныхъ мужей»—бояръ и тіуновъ, часто вынуждавшій общины со особыя «вѣча на бояръ», опять невольно заставлялъ ихъ соедин между собою и выбирать на вѣчахъ того сильнѣйшаго князя, ко обѣщался, согласно съ богобоязненными внушеніями духовенства, обе ихъ отъ обидъ бояръ, мечниковъ, тіуновъ и другихъ сильныхъ л разбирать дѣла между ними, давать людямъ «княжу правду». Стр «сильныхъ мужей»—бояръ, общины поневолѣ закладывались «за нѣйшихъ князей» и за нихъ только и стояли, а не за бояръ, и то въ только случаѣ, если князья избавляли ихъ отъ «злыхъ бояръ». Гор говорили князю на вѣчѣ: «выдай злыхъ бояръ, за нихъ мы не стоять, а за тебя станемъ биться: если же не выдашь ихъ, то от городскія ворота, и тогда промышляй о себѣ». Вообще, по вну духовенства, въ народѣ распространено было убѣжденіе, что «богобойный князь» можетъ охранять отъ грубой силы и расправы сильныхъ мужей, какъ тіуны или волостели, что «аще будетъ богобоинъ, жалуетъ людей, любитъ правду, то и тіуна или коего во избираетъ мужа богобойна, страха Божія полна, разумна, праве закону Божію все творяща и судъ вѣдуща; буде же князь безъ Божія, христіанъ не жалуетъ, сиротъ не милуетъ и вдовицъ не защи то и тіуна или волостеля поставляетъ человѣка зла, Бога не боя суда не разумѣющаго, людей не щадящаго» [2]). Вслѣдствіе убѣжденія, общины естественно склонялись на сторону такихъ бо енныхъ князей, которые, по внушенію страха Божія, обуздывали физическую силу сильныхъ мужей. Такъ, Владиміра Мономаха кі община особенно любила за то, что онъ «сильнымъ не давалъ о ни худого смерда, ни убогой вдовицы, и самъ оправливалъ люд неправды сильныхъ». Наконецъ, постоянный, естественный и богобоя

[1]) П. С. Л. II, 52.
[2]) Пам. IV, 185

христіанскій страхъ нашествія «злобожныхъ и поганыхъ языковъ»—половцевъ, татаръ и проч. также побуждалъ общины покорятся тѣмъ сильнѣйшимъ и богобоязненнѣйшимъ князьямъ, которые обладали наибольшею физическою и нравственною силою, для того, чтобы оберегать православное христіанство, христоименитое людство Господне» отъ постоянныхъ набѣговъ некрещеныхъ «поганыхъ» половцевъ, татаръ, литвы, нѣмцевъ и пр. и, наконецъ, совершенно освободить общины отъ вѣкового, тяжкаго ига бусурманскаго». Кіевляне часто изъ-за одного страха половцевъ призывали князя: «ступай въ Кіевъ, говорили они ему,—чтобы насъ не взяли половцы: ты намъ князь, пріѣзжай». Вообще, изъ-за одного страха хищныхъ …дъ, общины однихъ князей изгоняли, какъ, напримѣръ, кіевляне Изяслава I, не дававшаго оружія и не хотѣвшаго идти на половцевъ, а другихъ сами избирали, любили и прославляли, какъ защитниковъ ихъ отъ поганыхъ и злобожныхъ племенъ, какъ, напримѣръ, Владиміра Мономаха, Андрея Боголюбскаго, Всеволода III, Мстислава Храбраго, Александра Невскаго, Димитрія Донского и другихъ, которые были грозой для половцевъ, литвы, нѣмцевъ и татаръ и предпринимали противъ нихъ, какъ противъ злобожныхъ, невѣрныхъ и поганыхъ враговъ креста Христова, крестовые походы со всѣми церковными регаліями и обрядами, съ цѣлью избавить православное христіанство отъ хищныхъ набѣговъ враговъ креста Христова. Даже наиболѣе самостоятельныя, вѣчевыя общины, не въ силахъ будучи сами собой обороняться отъ страшныхъ сосѣднихъ народовъ, поневолѣ покорялись сильнѣйшему изъ князей—великому князю московскому: «обижены мы,—говорили, напримѣръ, псковичи князю московскому,—обижены мы отъ поганыхъ нѣмцевъ, водою, землею и головами, церкви Божіи по-…жены погаными»,—и били челомъ, чтобъ великій князь «жаловалъ и печаловался своею вотчиною, мужами псковичами, добровольными людьми и обороняль бы ихъ отъ поганыхъ нѣмцевъ». Къ концу татарскаго ига, когда всѣ стали ожидать, что Богъ «перемѣнитъ орду», избавитъ православный народъ отъ ига «безбожныхъ бесерменъ»,—всѣ надѣялись на однихъ сильнѣйшихъ князей — московскихъ самодержцевъ — потомковъ богобоязненнѣйшей и благовѣрной отрасли Мономаха, желая лучше быть въ подданствѣ одного «благовѣрнаго великаго князя русскаго», чѣмъ въ подданствѣ хана безбожнаго, бесерменскаго. И всѣ только отъ сильнѣйшаго тогдашняго князя и царя московскаго и ожидали такого великаго «общаго добра для всего православнаго Христіанства», какъ избавленіе отъ ига татарскаго. Пастыри церкви сильно убѣждали послѣднихъ удѣльныхъ князей—покориться сильнѣйшему московскому великому князю, самодержцу всея Руссіи, и съ покорностью итти вмѣстѣ съ нимъ съ ратною силою противъ татаръ, «ибо, если великій князь московскій,—писалъ московскій митрополитъ,—получитъ верхъ надъ безбожными татарами, это будетъ общее добро для всего нашего православнаго Христіанства». И вотъ вслѣдствіе такого-то постояннаго, опаснаго и тревожнаго положенія общинъ между двухъ огней — съ одной стороны, между первобытнымъ насиліемъ сильныхъ мужей—бояръ и неспокойныхъ, задорныхъ и свирѣпыхъ удѣльныхъ князей, а съ другой—между первобытными хищническими набѣгами поганыхъ

злобожныхъ сосѣднихъ народовъ, и вслѣдствіе возбужденнаго богобоя нымъ чувствомъ и внушеніемъ духовенства всеобщаго энергиче стремленія къ прекращенію въ обществѣ первобытнаго господства г физической силы и грубыхъ эгоистическихъ наклонностей, — вотъ в ствіе всего этого и въ общинахъ неизбѣжно развилось постеп предрасположеніе покориться, въ концѣ концовъ, одному тому сил шему великому князю, который окажется наиболѣе сильнымъ въ реренеіи первобытнаго господства грубой физической силы и, въ части въ охраненіи и защитѣ общинъ отъ насилія бояръ и другихъ силь людей и отъ набѣговъ враждебныхъ и «зловѣрныхъ» народовъ — т литвы, нѣмцевъ и шведовъ. И вотъ, наконецъ, общины невольно, неиз покорились московскимъ великимъ князьямъ, оказавшимся, въ концовъ, сильнѣйшими самодержцами русской земли. И когда эти нѣйшіе великіе князья изъ благовѣрной отрасли Мономаховой, утв шись на сѣверѣ русской земли, въ московскомъ княжествѣ, при п не только духовенства, но и «ханскаго царскаго пожалованія», окончат одержали верхъ надъ всѣми слабѣйшими удѣльными князьями и самыми непокорными общинами—новгородскою и псковскою, заст ихъ держаться передъ собою «честно и грозно» по примѣру хановъ ордынскихъ, распространили «свой улусъ», по образцу ханскому, называться «царями», «государями» или «великими государями земс самодержцами всея Руссіи» [1]. — тогда и духовенство окончател торжественно запечатлѣло, утвердило ихъ царственное единодеј страхомъ Божіимъ. Въ грозномъ посланіи къ Шемякѣ оно возвѣ догматъ о богоустановленности царской власти, царственнаго единодер и за противленіе московскому самодержцу угрожало отлученіемъ отъ отъ церкви Божіей, отъ православно-христіанской вѣры, и вѣ проклятіемъ. Точно также, и всему «христо-именитому людству», общинамъ московскій митрополитъ Іона грозно предписывалъ «би ломъ и покориться единому сильнѣйшему великому князю—моско царю и самодержцу всея Руссіи, великому земскому государю». «Пи вамъ,—писалъ онъ къ общинамъ,—пощадите себя, посылайте бить ч къ своему господарю великому князю о жалованіи, какъ ему положитъ на сердце. Если же не станете бить челомъ своему госп и прольется отъ того кровь христіанская, то вся эта кровь взыщет Бога на васъ, за ваше окаменѣніе и неразуміе: будете лишены м Божіей, своего христіанства, благословенія и молитвы нашего см да и благословенія всего великаго священства Божія не будетъ н въ землѣ вашей никто не будетъ больше именоваться христіанино одинъ священникъ не будетъ священствовать, но всѣ Божія цер творятся отъ нашего смиренія» [2]. И вотъ, съ тѣхъ поръ, въ наро ренено было убѣжденіе, что «Богъ поставилъ царей, равно какъ и власти, для воздержанія міра», для обузданія грубой физической с

[1] Собран. госуд. грам. и договор. 1, № 52. А. И. 1, № 57, № 60 и 65.
[2] Д. И. 1, № 43.

ествѣ: «Занеже,—били челомъ царю обидимые сильными,—господине ъ великій, намъ, твоимъ нищимъ, нечѣмъ боронитися противу обидящихъ ъ, но токмо, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею и твоимъ, одине, жалованіемъ нашего господина и государя» [1]). Всему народу шено было, что «ради страха Божія должно бояться и царя, какъ бога земи», что «Богъ сотворилъ благовѣрныхъ царей и великихъ князей для возжанія міра, для печалованія объ общемъ народѣ и сохраненія его отъ руки ьныхъ и обидящихъ» [2]). Вслѣдствіе такого убѣжденія, съ XVI в. и до ца XVII столѣтія всѣ отношенія общинъ къ царю состояли или вызались главнѣйшимъ образомъ въ челобитныхъ объ искорененіи перво наго господства грубой физической силы и грубыхъ эгоистически- еловѣчныхъ наклонностей. Во-первыхъ, били челомъ общины объ орененіи первобытнаго господства грубой физической силы—хищнической и разбойнической, о предоставленіи имъ права преслѣдовать, казнить, оренять татей, разбойниковъ и всякихъ лихихъ людей [3]). Во-вторыхъ, прерывно били челомъ сельскія и посадскія общины объ искорененіи вобытнаго господства эгоистической пріобрѣтательной, хищнически аботительной гегемоніи «сильныхъ имѣніемъ надъ маломочными», буя общинныхъ окладовъ земскихъ людей «въ Божію правду, по нгельской заповѣди» [4]). Въ-третьихъ, били челомъ общины о пресѣченіи вобытнаго господства животно-эгоистической, семейной родовой гегеіи «небогобоязливыхъ» сильнѣйшихъ родовъ, стремившихся «съ своимъ омъ и племенемъ и семьями въ тяглѣ быть въ великой льготѣ, отчего «боязливымъ и страшливымъ» середнимъ и молодымъ людямъ передъ ними ю тяжело, не въ мочь однимъ несть на себѣ все тягло» [5]). Наконецъ, били чеъ общины и противъ первобытнаго господства безчеловѣчной «порчи лю», били челомъ посадскіе и крестьяне, что «у нихъ нѣкоторые лихіе люди Христа Бога и отъ животворящаго Его креста отрекались, а вѣруютъ волу, православной христіанской вѣры чужи, вѣруютъ сатанѣ и діавольми словами творятъ «порчу на людей» и нѣкоторыхъ испорчивали до рти». Вообще, били челомъ общины объ искорененіи первобытнаго подства въ обществѣ грубой физической силы и закона сильнѣйшаго кратической силой и закономъ единодержавной власти. И вотъ такимъ азомъ, вмѣсто первобытнаго экстенсивнаго проявленія и господства ической, мускульной силы сильнѣйшихъ и физіолого-генеологической, овой гегемоніи старѣйшихъ родоначальниковъ, развилась и укоренилась енсивная, централизаціонная гегемонія нравственной силы единодерной-государственной власти, возвысилась и укрѣпилась ѳеократическая жава «крѣпкой руки и высокой десницы» московскихъ самодержцевъ, я воздержанія всего міра», для обузданія первобытнаго господства грубой

---

[1]) А. И. 1, № 32.
[2]) Инока Вассіана.
[3]) А. А. Э. 1, №№ 192, 194, 330 и ст.
[4]) А. А. Э. 1, № 269.
[5]) А. А. Э. IV, № 6, III, № 105. Дон. IV, № 92.

физической силы и животно-эгоистическихъ наклонностей. И, к
первобытнаго закона сильнѣйшаго, кулачнаго права, послѣ первой «Р
Правды», появились «правыя граматы», «уставныя граматы», царскіе
ники и государственное Уложеніе. Наконецъ, съ прекращеніемъ м
усобной борьбы грубой, эгоистически-родовой физической силы и съ со
точеніемъ всѣхъ разрозненныхъ особно-областныхъ силъ въ единодерж
десницѣ московскихъ самодержцевъ,—страхомъ Божіимъ и богобояз
ѳеократическими убѣжденіями санкціонированъ былъ и весь центр
ціонный государственный строй, направленный къ пресѣченію пер
наго господства грубой физической силы и животно-эгоистических
мленій. Теорія самодержавной, монархической, царской власти въ
ныхъ посланіяхъ церковныхъ іерарховъ, въ объясненіяхъ самого
Ивана Васильевича Грознаго въ полемикѣ съ Курбскимъ, въ разсуж
Юрія Крыжанича о московскомъ государствѣ, въ положеніяхъ моск
церковнаго собора 1667 года и, наконецъ, въ «Правдѣ воли мон
основывалась на монотеистической идеѣ страха Божія, и страхъ
страхъ царской опалы выводился изъ страха гнѣва Божія. Устан
Приказовъ и воеводствъ для областного управленія также мотивиро
въ основныхъ убѣжденіяхъ, богобоязненно-ѳеократическими идея
XVI вѣкѣ инокъ Вассіанъ Косой писалъ: «Богъ сотворилъ не само
человѣка, а уставилъ царей и князей и прочія власти, давъ имъ, мі
властямъ, волости съ христіаны. Гдѣ не будетъ власти царски
водъ, тамъ и Божіей милости нѣтъ. Всѣмъ владѣти уставлено
всемъ въ мірѣ и вездѣ заповѣдати повелѣно царскимъ и княж
властямъ» [1]).

Вмѣстѣ съ развитіемъ ѳеократическаго государственнаго стро
общаго страха единодержавной царской власти,—и первобытныя о
древнія «верви» или «міры», подъ вліяніемъ христіанскаго страха
мало-по-малу преобразовывались въ «міры православные», въ «хри
нитыя Господни людства», въ «земли св. Софіи или св. Спаса», въ цер
приходы. Какъ въ первобытныя времена главнымъ стимуломъ
внутреннему самоустройству былъ фетишическій страхъ таинств
силъ природы и страхъ грубой физической силы сильнѣйшихъ
теперь главнѣйшей нравственной силой ихъ внутренняго самоуст
сталъ христіанскій страхъ Божій. Такъ, напримѣръ, въ «словѣ о
такія грозныя заповѣди возвѣщались общинамъ: «Такъ глаголетъ
Богъ: послушайте, люди Мои, Моего наказанія, и разумѣйте сіе
словесъ Моихъ: уже вамъ, окаяннымъ, по многія лѣта и времена з
отъ Меня много бываетъ, уже страшный судъ готовится. И вы, б
люди, поживите въ совѣтѣ и въ любви, и воскресеніе Христово ч
также среду и пятокъ. Если же кто въ воскресеніе Христово труд
гаетъ, хочетъ себѣ прибыли, тотъ человѣкъ погубитъ у себя вс
дней въ недѣлѣ, ибо воскресеніе Христово, среду и пятокъ Богъ

[1]) Инока Вассіана, О неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами.

мъ и скотамъ. и рабамъ и рабынямъ на покой. Если же, окаянные, ные люди. словъ писанія Моего не послушаете, не станете чтить ресенія Христова. среды и пятка и праздниковъ Господскихъ. и не ете въ церкви Божіи приходить и въ посты поститься. то Я напущу асъ много народовъ невѣрныхъ. и пролію кровь вашу, еще пущу на голода большіе и морозы студеные. трусъ и огнь палящій. и моръ юдей и на скотовъ. и еще, безумные люди, пущу на васъ жажду и амъ воды на землѣ. изсушу рѣки и источники водные. Если же вы, мные люди. видя такой гнѣвъ Мой. не воспокаетесь, то Я не пущу дождя емлю и теплоты солнечной во время плодовъ земныхъ, отверзу всѣ мъ небесъ и пущу на васъ каменіе горящее и воду кипящую за ваши аконія. Какъ хотите отъ руки Моей укрыться или убѣжать отъ всещаго ока Моего! И еще пущу на васъ звѣрей ядовитыхъ, и змѣй крылаъ, и тотчасъ поѣдятъ сердца и плоти ваши. А если, видя, каковъ гнѣвъ, опять не воспокаетесь. и еще пущу на васъ звѣрей двуглавыхъ зы у нихъ львовы, а крылья орловы, и еще пущу на васъ тьму великую» д. [1]). И вотъ, устрашаемые такими угрозами гнѣва Божія, со страхомъ іимъ сходились общины на мірскіе сходы, и сами собою устанавлии такія, напримѣръ. церковно-обрядовыя, «мірскія уложенья»: «се язъ оста тавренской волости Антонъ Ивановъ сынъ, да Василій Юрьевъ ъ кузнецъ... и всѣ крестьяне тавренской волости ильинскаго приходу, оворились сами промежъ собою, по благословенію отца своего духовнаго инскаго священника Ефрема Иванова сына, и учинили заповѣдь на года, отъ рождества Николы чудотворца августа въ 23 день до того же августа. что намъ въ праздникъ воскресенія Христова дѣла не дѣлати акого, ни паснаго, ни силоваго, ни бѣлки не лѣсовати... а въ пятницу толчи, ни молотити, ни каменія не жечь, проводити съ чистотою и ювію, ни женамъ въ воскресеніе Христово ни шити, ни брати. И кто нашей тавренской волости сію заповѣдь порушитъ, станетъ въ воскреіе Христово дѣло дѣлати, каково ни есть, и доведутъ его людьми рыми,—и на томъ заповѣди доставити соцкому, по мірскому уложенью, эмь алтынъ денегъ на церковное строенье, а двѣ деньги соцкому, кой етъ править» [2]). Такимъ образомъ, въ христіански-возрожденныхъ инахъ. мускульная сила и дѣятельность, прежде съ необузданною, нержимо рефлективною стремительностью проявлявшаяся въ непрестанъ воинственно-битвенныхъ богатырскихъ подвигахъ, въ хищной звѣроческой охотѣ, въ разбойническомъ и хищническомъ разгулѣ, въ ненаимо-жадномъ, эгоистически-пріобрѣтательномъ «иманьи и собираньи щества»,—теперь впервые страхомъ Божіимъ регулировалась, сдержиась. подчинялась правиламъ—богобоязненнымъ, церковно-обрядовымъ скимъ уложеньямъ». Подобныя, богобоязненно-церковно-обрядовыя скія уложенья» установляли у себя. по внушенію страха Божія, и дскія. посадскія общины на своихъ мірскихъ сходахъ, особенно въ

[1]) Пам. III, стр. 150—151.
[2]) Акты юрид., № 358.

тѣхъ случаяхъ, когда ихъ устрашали какія-нибудь «казни Божіи», мѣръ, моровое повѣтріе, голодъ и т. п. [1]).

Далѣе, вмѣсто первобытнаго, антропофагически-человѣкобояз страха общества, порождавшагося всеобщею боязнью грубой физи силы сильнѣйшихъ и физической «порчи людей» зелейничествомъ и христіанское чувство страха Божія, на основаніи богобоязненно-ас скаго взгляда на человѣческую природу, внушало нравственно-че боязненный или богобоязненно-аскетическій страхъ «міра», порож боязнью и отрицаніемъ первобытнаго господства грубыхъ, животн стическихъ чувствъ, страстей и наклонностей, какъ діавольски шеній и прелестей. «Окаяненъ міръ сей,—вопіялъ древній русскій ас какъ море, невѣренъ, мятеженъ, пропастью пакостей нечистыхъ, какъ вѣтрами, волнуется губительно, горекъ лжами, трясется и навѣтами діавольскими, вѣяньемъ грѣховъ свирѣпствуетъ и сму тщится погрузить міролюбцевъ, всюду плоти и пагубы свои простир Все зло общественное, какое обусловливалось первобытнымъ госпо грубыхъ животно-эгоистическихъ наклонностей и страстей, и как писывалось прежде вліянію таинственныхъ зловредныхъ силъ п внѣшней и человѣческой, теперь приписывалось внушенію діавол Вмѣсто первобытнаго страха грубой физической силы сильныхъ м татей и разбойниковъ, лихихъ зелейниковъ, портившихъ людей и теперь все болѣе и болѣе усиливался страхъ нравственно-зловредно нравственно-зловреднаго вліянія грѣшниковъ, еретиковъ, шепот клеветниковъ, лжецовъ и всякихъ злокозненныхъ людей. И, вмѣсто бытнаго противодѣйствія силѣ силой, порчѣ—порчей, вмѣсто волш заговоровъ отъ всякихъ лихихъ людей, теперь признавались лучши ствами противодѣйствія всякимъ зловреднымъ людямъ страхъ смиренномудріе и смиреніе, постоянное богобоязненное бодрствова собой и молитва. «Братіе,—поучали церковные моралисты,—да им себѣ всегда страхъ Божій и страхъ суда Божія страшнаго: ибо мно бѣсовскія всюду простерты, и отовсюду уготованы уловленія діа на всѣхъ людей, на всякъ часъ, днемъ и ночью. Много намъ пре страха и боязни въ настоящемъ семъ житіи отъ сѣтей діавольски злыхъ людей, отъ шепотниковъ, клеветниковъ, лжецовъ, еретиковъ, ховъ и всякихъ злокозненныхъ людей. И такъ, намъ потребно вни трезвеніе всегдашнее. Тѣмъ же, внимайте и трезвитеся, пребыв смиренномудріи о Христѣ и молитеся, дабы прежде всего избавит сѣтей діавольскихъ: молитва есть лучшее оружіе на діавола и козни его» [3]). Вслѣдствіе такихъ представленій, вмѣсто первобытн обузданнаго, неудержимо-рефлективнаго проявленія въ дѣйствіяхъ

[1]) См. подобное мірское уложенье, постановленное, по случаю моровогo всѣмъ міромъ, по приговору всѣхъ посадскихъ людей въ городѣ Вологдѣ „Православн. собесѣдн." 1858 г., іюнь, стр. 305—307.

[2]) Житіе преподоб. Трифона Печенгскаго, по рукописи Соловецкой би

[3]) Пам. IV, 144—149, 204.

ныхъ животно-эгоистическихъ страстей и похотей, и особенно потреб- ки пищи и полового чувства,--теперь, подъ вліяніемъ богобоязненно- тическаго страха и отрицанія плоти, плотскихъ страстей и похотей, ъ источниковъ грѣха, впервые стала развиваться и воспитываться но-мозговая способность задерживанія страстныхъ рефлексовъ, способ- ъ умственнаго и нравственнаго самообладанія и самовоздержанія въ летвореніи плотской потребности пищи, полового чувства и т. п. Такимъ зомъ, послѣ первобытнаго всеобщаго, неудержимо-рефлективнаго увле- н животно-чувственными пирами въ честь «бога чрева» и оргіями въ ь «богини-дѣвы»,—возникло аскетическое стремленіе къ умерщвленію и, къ «чистотѣ цѣломудренной, дѣвственной жизни», къ воздержанію ищѣ и въ питьѣ, къ сдержкѣ всѣхъ тѣлесныхъ страстныхъ рефлек- ъ постами и молитвой и, вообще, къ отреченію отъ міра, отъ общества, мленіе къ пустынножительству, иночеству, монашеству. Вмѣсто бога- я физической силы первобытныхъ временъ, выступалъ богатырь силы вственной, пустынножитель, отшельникъ отъ міра, подвижникъ-аскетъ, обный чудотворцамъ Ѳеодосію Печерскому, Сергію Радонежскому, иллу Бѣлозерскому, Димитрію Вологодскому, Антонію Сійскому, арію Унженскому, Пафнутію Боровскому, Іосифу Волоколамскому, имѣ и Савватію Соловецкимъ, Трифону Печенгскому, Никодиму Коже- скому и множеству другихъ. Общимъ слѣдствіемъ такого богобоязненно- этическаго умонастроенія и стремленія было то, что монашество, въ ѣ іерарховъ и игуменовъ, стояло во главѣ не только ѳеократическаго ударственнаго строя, умственнаго движенія и нравственнаго воспитанія етровскаго общества, но и во главѣ колонизаціоннаго земскаго устроенья. онастырь былъ не только «спасенымъ путемъ», тихимъ пристанищемъ бури и хаоса первобытной борьбы грубой физической силы и животно- истическихъ страстей, не только разсадникомъ церковной іерархіи, все- цимъ училищемъ народа, средоточіемъ до-петровской, всецѣло церковной о преимуществу иноческой литературы, и даже крѣпостью или твер- ней московскаго государства, житницей бѣднаго народа, но и разсад- омъ колонизаціи. Монастырская и владычня колонизація по ту и по тую сторону сѣверныхъ уваловъ, какъ въ области сѣверо-поморской, менско-двинской, новгородской рѣчной системы, такъ и въ предѣлахъ жско-камской системы, въ области ростовско-суздальской и москов- й, преобладала надъ колонизаціей боярской и даже великокняжеской, ъ что каждая географическая область, какъ колонизаціонная перво- ова отшельниковъ, подвижниковъ, чтила своего мѣстнаго святого, его мѣстнаго подвижника-отшельника, какъ осново-положителя ея воначальнаго колонизаціоннаго земскаго устроенья [1]). Наконецъ, монаше- во представляло господствующій интеллектуальный классъ общества, ъ что простолюдины, рабочіе люди говорили: «книги чести есть черне- кое, а не наше дѣло» [2]).

[1]) См. статью: „Великорусскія области“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1861 г.
[2]) „О книжномъ почитаніи“ въ древней Руси. „Правосл. Собесѣдн.“, 1858 г., іюнь, 175—176.

Съ другой стороны, при остаткахъ первобытнаго антропофоб воззрѣнія на человѣческую природу. въ темной массѣ народа по-п сохранялся еще первобытный человѣко-боязненный страхъ людей общества. но только уже въ видоизмѣненномъ выраженіи. Именн бытный грубый, антропофагически-человѣкобоязненный страхъ превращался въ нравственный, богобоязненно-предохранительный «міра православнаго». Вмѣсто первобытныхъ волшебныхъ загово зловредныхъ людей общества, народъ сталъ ограждаться отъ ни боязненно-предохранительной молитвой и упованіемъ на защиту кровъ силы небесной. Теперь маломочный смердъ охранялся. на такою молитвою: «Господи, благослови! Отче, Господи Інсусе Хри Божій, помилуй мя грѣшнаго! Научи насъ дѣлъ добрыхъ творити. нас, Боже! Какъ сталъ свѣтъ и заря, и солнце, и луна. и звѣзд взошло красное солнце на ясное небо и освѣтило всѣ звѣзды и скую землю. и священныя церкви, и митрополитовъ, и владыкъ. новъ, и священниковъ, и весь міръ и всѣхъ христіанъ. Святый Спасъ и святый государь архистратигъ Михаилъ! Помилуй, Гос грѣшнаго: освѣти, Господи. меня князьямъ, и боярамъ, и вла тіунамъ и недѣльщикамъ. и ихъ дворянамъ, и гостямъ. и му женамъ, и всему православному христіанству, что нареклось на сем и на всякъ часъ, и на всяко время, и на всякое сердце, и на вс моему сердцу, отъ всякаго зла и отъ злыхъ очей, закрой, государь архангелъ, своею ризою нетлѣнною раба Божія». «А входить во дв редъ лѣвою ногою въ порогъ. а какъ отворятъ ворота, то опер правую верею воротъ правымъ плечемъ, и молвить всю сію молит креститься и молвить: святый Спасъ и святый архистратигъ Закрой, Господи. отъ лиха человѣка и супостата на всякъ ча всяко время, сохрани Господи отъ всякаго злодѣйскаго супостата лихаго человѣка, семдесятъ-семь именъ, отъ всего міру право христіанскаго и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь!» [1]).

Наконецъ, въ силу богобоязненной вѣры въ непреложность п дѣленій уставовъ судебъ Божіихъ, весь изстаринный, историко-тр ный строй общества, утвержденный и санкціонированный богобо аскетическими, условно-обрядовыми и церковно-каноническими у признанъ былъ во вѣки неизмѣннымъ, богоустановленнымъ учреж «Города и веси,—училъ, напримѣръ, инокъ Зиновій Отенскій,—ни отличаются отъ монастырей относительно исполненія заповѣдей нихъ. И которая страна имѣетъ свой обычай по особому ея строен солнечнаго ради обхожденія и воздушнаго пошествія. Посему, ни возможно всѣ страны ввести въ одинъ обычай единаго гражданств лій Великій говоритъ, что одежда и пища постящихся должна обычаю каждой страны. Такъ и во всемъ разныя страны не устроеніе отъ Бога имѣютъ» [2]). На основаніи такого ученія, дре

---

[1]) Буслаева II. 44—45. „Знахарство на Руси": Чтен. общ. истор. 18 стр. 160, 162.

[2]) „Истины показаніе"—кн. Зиновія. Ркп. Солов. библ.

и народа, со временъ устройства московскаго государства и до конца II вѣка, постоянно повторяли, со словъ стоглаваго собора, и напоми-и народу, какъ догматъ, что изстаринные, первобытные обычаи и уставы аны должны быть священны, неизмѣнны и нерушимы: «въ коейждо анѣ,—учили они,—свои обычаи, и не приходитъ чужой законъ въ дру-) страну, но каждая своего обычая законъ держитъ» [1]). Въ «книгахъ эха Праведнаго», сообщавшихъ божественный завѣтъ общественнаго оя и распредѣленія, народные грамотники читали такой строгій зарокъ: эоклятъ укоряяй твари Господни и глядаяй разсказати уставы и пре-ъ отецъ своихъ. Все сіе въ мѣрилѣ и въ книгахъ изобличится въ день а великаго. Никто же не можетъ разсказати рукописанія Господня. Да лѣдуете ставило свѣта во вѣки, и будетъ вамъ въ достояніе покоя» [2]). этопопъ Аввакумъ въ короткихъ словахъ выразилъ всеобщее вѣрованіе петровскаго общества въ неизмѣнность историко-традиціоннаго строя цественнаго: «не должно прелагать предѣлъ вѣчныхъ,—говорилъ онъ: насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ» [3]). Попъ Лазарь также ивалъ къ самому царю Алексѣю Михайловичу въ своемъ посланіи «о убленіи правовѣрныхъ государей власти»: «Царю благородный! Како цеши вново устроити государство мудрыми философами, разсуждающими а небесе и земли. Ни, ни! Ветхій законъ стѣнь благодати есть: егда законѣхъ отеческихъ неотступно пребываху, того ради вся благая отъ а пріимаху; а егда въ законахъ отеческихъ блудствоваху, того ради злая бываху имъ. Подобаетъ ти, царю благовѣрный, заповѣдати благо-нымъ чадамъ своимъ, да пребываютъ въ законахъ отеческихъ неот-іно» [4]). Изъ такихъ убѣжденій естественно проистекала старообрядче-я боязнь всякихъ общественныхъ нововведеній и преобразованій, какъ вшествъ антихристіанскихъ».

Съ другой стороны, если до-петровскіе умы и осмѣливались вводить ія-либо «новшества», то и самая идея этихъ новшествъ, идея церков-и гражданской реформы проистекала первоначально также изъ по-деній чувства страха Божія и напередъ санкціонирована была бого-зненно-церковными исправленіями. Наиболѣе просвѣщенное, разумно-ательное чувство страха Божія, вполнѣ отрѣшившееся отъ фетишиче-го поклоненія великимъ внѣшнимъ предметамъ, прежде всего возбу-о идею богобоязненно-духовной, церковной реформы, и церковными овведеніями санкціонировало идею государственныхъ и гражданскихъ овведеній. Страхъ Божій внушалъ благочестивую потребность благо-іннаго устроенія храмовъ Божіихъ,—и такимъ образомъ, усвоеніе запад-хъ искусствъ началось прежде въ сферѣ церковной архитектуры, такъ зать, съ благословенія пастырей церкви, санкціонировано было, со вре-ни призванія болонскаго художника Аристотеля Фіоравенти, построе-

[1]) Окружн. посланіе патріарха Іосифа. По рукописи В. Н. Григоровича.
[2]) Пам. III, 16.
[3]) Житіе протопопа Аввакума. Въ лѣтоп. русск. литер. и древн.
[4]) Русск. расколъ старообряд. Казань, 1859 г., стр. 94.

ніемъ, по западнымъ архитектурнымъ образцамъ, великолѣпныхъ хр
Божіихъ, а потомъ и примѣромъ самихъ святителей церкви, строи
у себя, по западнымъ образцамъ, «палаты пречюдныя», заводившимъ
самозвонные и преухищренные» и т. п. Далѣе, страхъ Божій тре
искорененія господствовавшаго въ темной массѣ народа грубаго,
сказать, фетишическаго поклоненія церковнымъ предметамъ—трехпер
или осьмиконечному кресту, просфорамъ, богоявленской водѣ и не
щенному «хлѣбу», требовалъ искорененія всѣхъ остатковъ первобы
фетишическихъ суевѣрій, образцовъ, предразсудковъ, пѣсней, игръ, и
погрѣшностей, вкравшихся въ церковныя книги и обряды. И вот
ковная реформа патріарха Никона предшествовала государственно-гра
ской реформѣ Петра Великаго, богобоязненно-церковной санкціей пр
товляла умы къ ней, и граматы царскія и патріаршія объ искор
остатковъ языческихъ суевѣрій предшествовали введенію европей
знаній, наукъ, просвѣщенія, предуготовляли умы къ раціональной кр
науки. Затѣмъ, страхъ Божій, отвлекши умы отъ фетишической
въ тѣлѣ человѣческомъ «чоха», окомига, ухозвона, бога чрева, «тр
и т. п., прежде всего въ самихъ, наиболѣе мыслящихъ учителяхъ ц
ныхъ сталъ возбуждать безбоязненную потребность смѣлаго познанія
человѣческаго и леченья болѣзней. И вотъ, въ 1650 г. ученый инокъ
фаній Славинецкій перевелъ, по повелѣнію, напримѣръ, Никона,
врачевскую анатомію Андрея Вессалія Брукселенска», и самъ Н
сталъ заниматься западной «врачевской наукой». Другой ученый и
проникнутый глубокимъ чувствомъ страха Божія и строгій ревнител
вославія, именно Максимъ грекъ первый, еще въ XVI вѣкѣ, указ
дѣтямъ русскихъ бояръ путь «въ науку за море». «Тамъ Паризія,—
щалъ онъ русскимъ въ XVI вѣкѣ,—Паризія—городъ нарочитый и
человѣчный въ Галліи, которая нынѣ зовется Франза—держава ве
и преславная, богатящаяся безчисленными благами, изъ коихъ пер
высшее благоученіе богословское и философское, даромъ преподав
рачителямъ его, всѣмъ вмѣстѣ. Тамъ найдешь всякое художест
только философію, но и всякія внѣшнія науки, и всякія ученія та
ководятъ рачителей до совершеннаго достиженія, а рачителей этихъ
множество многочисленное. Туда отовсюду стекаются, изъ западн
сѣверныхъ странъ собираются въ великомъ городѣ Паризіи всѣ же
словесныхъ художествъ, не только дѣти простѣйшихъ людей, но
самихъ царей, королей, и дѣти боярскаго и княжескаго сана: у
сыновья, у другихъ—братья, у иныхъ внучата и другіе сродники
текутъ туда, проводятъ довольно времени, упражняясь въ ученіяхъ
вращаются въ свои страны просвѣщенными, преисполненными всяк
мудрости и разума, и являются украшеніемъ своего отечества. Т
добно стремиться, тамъ надобно заимствовать свѣтъ просвѣщенія и
боярамъ и ихъ сыновьямъ» [1]. И вотъ, по такому предварительно
занію и побужденію богобоязненно-просвѣщенныхъ церковныхъ учи

[1]) Максимъ грекъ, по рукоп. Солов. библіот., № 495, л. 551.

ло потекли русскіе юноши на Западъ, и тамъ, на первыхъ порахъ, на чудеса природы, искусства и цивилизаціи смотрѣли съ богобоязненной ки зрѣнія, какъ на «созданія Божіи». О молодыхъ людяхъ, подобно у знаменитаго Ордина-Нащокина, начинавшихъ уже рваться и убѣгать Западъ, царь Алексѣй Михайловичъ съ утѣшеніемъ говорилъ отцамъ: ловѣкъ молодой созданія Владычня и творенія руки Его хощетъ видѣть ь, въ европейскихъ странахъ» [1]).

Наконецъ, не распространяясь о томъ, до какой степени проникнуты и богобоязненными чувствами и воззрѣніями и всѣ антрополого-этнофическія народныя понятія и самыя международныя и дипломатиче- отношенія,—скажемъ только, въ заключеніе, что и самое географиское сближеніе московскаго государства съ западомъ первоначально ивировалось или проникалось также богобоязненными чувствами и ставленіями. Завоеваніе городовъ, служившихъ преддверіемъ къ за-, по чувству страха Божія, приписывалось волѣ Божіей и Пресвятой родицѣ. Такъ, напримѣръ, посламъ, отправленнымъ въ Польшу, царь сѣй Михайловичъ давалъ такой совѣтъ: «милость Божія да умножится ами, великими послами, и молитва Пресвятыя Богородицы да помо- вамъ во всякомъ усердіи вашемъ: да послужить бы вамъ святой очной церкви и намъ, государю, и приложить бы къ промыслу про-къ, стоять бы за Полоцкъ крѣпко образа ради Пресвятыя Богородицы имірскія, и чудесъ, содѣянныхъ отъ него въ видѣніи орли во время шествія того образа во градъ Полоцкъ, удержать бы Полоцкъ. Если не южно удержать Полоцка и Динабурга, буди воля Божія и Пресвятыя родицы, сдѣлается это по волѣ Божіей, а не отъ васъ» [2]). Точно се съ богобоязненными чувствами внушалъ царь Алексѣй Михайло- Ордину-Нащокину промышлять и выговаривать шведовъ корабель- пристани на рѣкѣ Невѣ, «какъ его Богъ наставитъ». Заключался союзъ западными государствами, благопріятный для сближенія русскаго на- съ западными націями,—царь говорилъ о статьяхъ договора: «статьи ны Богу на небесахъ и отъ созданія руку Его и намъ грѣшнымъ: ъ—превеликое богоугодное дѣло». Начало политическихъ сношеній и овъ съ западомъ богобоязненно приписывалось волѣ Божіей. Царь рилъ: «посольство совершается по праведной волѣ Божіей, Господь ь даруетъ между государями и государствами святой покой» [3]). И если какимъ-нибудь западнымъ государствомъ дипломатическія сношенія инались позднѣе, чѣмъ съ другими европейскими государствами, то приписывалось премудрой волѣ Божіей: «любительныя и спомочныя іки съ иноземскими государствами устрояются волею всесильнаго Бога, ящаго все непостижимо въ ожиданіи лучшаго времени»; такъ писалъ въ посольской граматѣ въ Испанію, въ 1678 году [4]).

1) Изъ письма къ Ордину-Нащокину.
2) Соловьева, исторія Россіи, т. XI, стр. 228—229.
3) Соловьева, XI, 257.
4) Тамъ же, т. XII, 250.

Вотъ вслѣдствіе всѣхъ такихъ богобоязненыхъ чувствъ и возз
когда страхъ Божій, отвлекши умы отъ фетишической боязни всег
ваго и поразительнаго, подготовилъ ихъ къ безбоязненному восп
всякихъ новыхъ, необычайно поразительныхъ впечатлѣній въ об
внѣшней и человѣческой природы, — предки наши мало-по-малу нач
уже безъ страха и съ удивленіемъ слышать разныя извѣстія и раз
о дивныхъ чудесахъ западныхъ странъ. «Тамъ,—писалъ одинъ русск
ловѣкъ, путешествовавшій на Западъ уже въ XV вѣкѣ,—тамъ есть
великіе, каменные, какихъ нѣтъ у насъ; тамъ въ городахъ есть п
чудныя, мы такихъ не видывали, и дивились; тамъ есть города
дивные, поля, горы вокругъ великія, сады прекрасные, палаты чуд
позолоченными верхами: товара въ нихъ много всякаго, воды пров
по городу, текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иные изъ сто
студены и сладки. Тамъ есть мудрость недоумѣнная и несказанная:
напримѣръ, чудное колесо на рѣкѣ, само воду беретъ изъ рѣки и пу
во всѣ стороны... Тамъ, въ Люнебургѣ городѣ, среди города уст
столпы изъ мѣди позолоченной, чудесные! у каждаго столпа люди
жены тоже мѣдные, текутъ изъ нихъ всѣхъ воды сладкія и холодн
у иного изо рта, у другого изъ уха, а у третьяго изъ глаза, текутъ
точно изъ бочекъ... Проведенье водъ этихъ очень хитро и стеканіе
занно! Тамъ, въ Брауншвейгѣ городѣ, крыши на домахъ дивныя, крыт
досками изъ камня мудренаго, который много лѣтъ не рушится. А
хитръ, чуденъ и дивенъ городъ Нюренбергъ.—сказать недоумѣнно н
мысленно! Но городъ Флоренція еще чуднѣе и дивнѣе, умъ недоумѣ
какъ тамъ все мудрено, хитро и дивно!» Въ 1659 году отправленъ
въ Италію, къ флорентинскому герцогу Фердинанду Медичи посломъ
рянинъ Лихачевъ. Какъ только прибылъ онъ изъ Архангельска во
ренцію, обогнувши моремъ западную Европу, — его сразу поразили
природы и искусства въ отечествѣ Медичи: «на княжескомъ дворѣ,—
онъ,—палаты объ осьми жильяхъ, числомъ ихъ 250, во всѣхъ запо
рогія, столы аспидные, писаны золотомъ травы, палаты подписаны
томъ, чернильница золотая, фунтовъ 30; а вмѣсто песка руда сере
кресла крыты бархатомъ. На томъ же княжемъ дворѣ садъ рыбный
живыя, вода вверхъ возведена сажени съ четыре, устроенъ Іордань,
Іордани сажени съ двѣ вверхъ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя
къ солнцу, что камень хрусталь. А около княжаго двора деревья кедр
кипарисныя, и благоуханіе великое, о Крещеньи жара великая какъ
объ Ивановѣ дни; яблоки великіе и лимоны родятся по дважды в
а зимы во Флоренціи не бываетъ ни одного мѣсяца». Герцогъ велѣ
готовить для посланника театральное представленіе, стоивше 8,000
ковъ; посолъ нашъ чудился дивамъ театральныхъ декорацій: «княз
казалъ играть, объявились палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ
было 6 перемѣнъ: да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море ко
волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; а вверху
небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака съ людьми
опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ

ы; а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялись вверхъ. спустился съ неба же изъ облака человѣкъ въ каретѣ, да противъ въ гой каретѣ прекрасная дѣвица. а аргамачки подъ каретами какъ быть зы, ногами подрягиваютъ; а князь сказалъ, что одно солнце, а другое яцъ. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ-за занавѣса золотѣ и танцуютъ» [1]).

Когда, такимъ образомъ, уже до Петра Великаго русскіе люди съ мленіемъ видѣли чудеса западной цивилизаціи,—то, понятно, съ какимъ вленіемъ они должны были смотрѣть на цѣлую массу западно-евроскихъ чудесъ, какую вдругъ открылъ всему русскому народу геній гра Великаго въ западно-европейскихъ нововведеніяхъ и преобразовахъ московскаго государства. И вотъ, дѣйствительно, наступилъ, накоцъ, настоящій «вѣкъ чудесъ», «вѣкъ изумленья чудесамъ бога Россіи».

Прежде всего, неожиданное появленіе такого «чрезвычайнаго, предиво» ума, такого рѣдкаго антропологическаго феномена, какъ геній Петра ликаго, и произведенныя имъ невиданныя и неслыханныя въ древней сіи радикальныя государственныя и общественныя преобразованія. лѣ до-петровскаго страха «новшествъ», возбудили всеобщее восторжене чувство изумленія и удивленія, какъ «чудеса Юпитера или Марса», съ «фавмазіи бога Россіи». Въ геніи Петра Великаго увидѣли вначалѣ только съ изумленіемъ, но даже еще со страхомъ чудо естества. Разпась ода удивленія ему по всей Россіи, и эхо ея долго оглашало слухъ родный. Поэты XVIII вѣка восторженно восклицали:

Какъ, планеты, вы стояли,
Какъ Петра во свѣтъ встрѣчали?
О премудро Божество!
Отъ начала перва вѣка
Такого человѣка
Не видало естество [2]).

Точно также и великія государственно-преобразовательныя нововвенія Петра Великаго иначе и не прославлялись, какъ «чудеса ироя», чуа премудрѣйшаго государя. И дѣйствительно, послѣ вѣкового до-петровго однообразія и застоя византійско-татарскихъ основъ московскаго ударства, послѣ вѣковой «непреложности, неизмѣнности предѣлъ вѣчхъ и уставовъ отеческихъ», могло ли русское общество не удивляться, съ чуду, быстрой, гигантской реформѣ Петра Великаго, быстрому, маческому возсозданію московскаго государства въ европейскую имперію? режденіе европейскихъ коллегій и Сената, созданіе флота, устройство улярнаго войска, изданіе разныхъ регламентовъ и уставовъ, основаніе вой столицы, учрежденіе губерній, введеніе мореплаванія, основаніе факъ и заводовъ, учрежденіе ассамблей,—вся эта громада, все это разноазіе и величіе учрежденій, вся эта невиданная и неслыханная новость антскаго созданія всероссійской имперіи, дѣйствительно, не могли не

[1]) Соловьевъ, т. XII, стр. 255.
[2]) Сочиненія Сумарокова, ч. II, стр. 3—4.

изумлять русскій народъ, какъ чудеса человѣческаго генія. Или вдругъ озарившій русскіе умы свѣтъ раціонализма европейской на[у] математики, физики, астрономіи, географіи, медицины и проч. и срав этотъ свѣтъ съ тьмою до-петровскаго невѣжества, суевѣрія, вѣду чернокнижія и страха ереси,—могли ли русскіе умы не восторгаться мленіемъ и удивленіемъ? Внезапное раскрытіе «преудивительныхъ ч натуры» въ кунсткамерѣ, внезапное возсіяніе «премудрыхъ преди наукъ въ навигацко-математическихъ и хирургическихъ школахъ, в деміи наукъ и, потомъ, въ университетѣ московскомъ, внезапное щеніе неслыханнаго ученія Коперниковъ и Ньютоновъ, наконецъ—н данное открытіе чудесъ западныхъ искусствъ и художествъ, фабри заводовъ,—все это тѣмъ болѣе должно было изумлять и удивлять р умы, какъ чудеса, что въ обществѣ цѣлыя 7 или 8 столѣтій передъ господствовалъ страхъ «буйства и киченія дмящагося разума», боя предубѣжденіе противъ «естественнаго разума и хитрости художе И вотъ, всѣ оды, всѣ похвальныя слова, даже письма и мемуары XVI столѣтія и первой четверти XIX-го исполнены были разнообразнѣй изліяній восторженнаго чувства удивленія всѣмъ этимъ невиданнымъ слыханнымъ въ древней Россіи нововведеніямъ. Піиты временъ Петр ликаго, изумленные чудесами преобразованія, истощая все свое «рито и поэтицкое искусство», «витійственно» выражали всеобщее удивлені мудрымъ учрежденіямъ преобразователя Россіи:

Кто не дивится, толику мудрость царя зрящъ,
Ею же упремудри Россію толико,
Яко и врагъ нашъ долженъ есть рещи:
Не чаяхъ, Россія, такову тебе быти!
Не слышахъ такова въ тебѣ обученія,
Яко нынѣ дивна зрю заведенія;
Не видѣхъ прежде у тебя наукъ гражданскихъ,
Ниже регулярныхъ обхожденій воинскихъ.
Нынѣ же плодъ свободныхъ наукъ предивно цвѣтетъ
И въ веліе удивленіе спѣшно растетъ.
Регулярство же войскъ всѣмъ странамъ славно.
О царь богомудрый! Кто ти не дивится!
Не точію же всякъ дивится, но и страшится![1].

Затѣмъ, не только въ первой, но и во второй половинѣ XVIII лѣтія, высокоторжественныя оды и похвальныя слова неумолкно тр о всеобщемъ удивленіи чудесамъ учрежденій Петра Великаго. Ломон въ «Похвальномъ словѣ Петру Великому», «сколько есть духа и го прославлялъ чудеса преобразователя въ обновленіи государства, «въ распространенія славы наукъ», художествъ, оружія, флота и проч. дое государственное учрежденіе «бога Россіи», «ироя славы» Ломон восхвалялъ какъ чудо миѳологіи, изумлявшее, удивлявшее не тольк скій народъ, но и всю Европу. Сумароковъ въ «торжественной од похвалу Петру Великому воспѣвалъ:

[1]) Пекарскаго, Наука и литер. при Петрѣ Великомъ, I, 369.

Петръ природу премѣняетъ,
Новы души въ насъ влагаетъ...
Прежде жили мы въ темницахъ:
Днесь живемъ во храмахъ мы.
Крылась красота въ дѣвицахъ,
Въ мужахъ крылися умы:
Нынѣ разумъ нашъ сіяетъ,
Красота плѣняетъ око...
Умножаются доходы,
Торги начали цвѣсти,
Тщатся разныхъ странъ народы
Разны вещи къ намъ нести.
Земледѣлецъ не лѣнится,
Рукомесленникъ трудится,
Богатѣетъ мѣщанинъ.
Больше дворянинъ не тужитъ,
Что отечеству онъ служитъ!...
Быстро Петръ тебя прославилъ,
О блаженная страна!
Россы! шествуйте въ храмъ славы:
Расцвѣтетъ Петромъ нашъ вѣкъ! [1]).

Затѣмъ. новый восторженный энтузіазмъ удивленія и восхищенія воз-
цали «чудеса Минервы» — новыя. многочисленныя и разнообразныя
жденія императрицы Екатерины Великой. Какъ въ геніи Петра Ве-
.го. такъ и въ геніи Екатерины Великой съ изумленіемъ видѣли чудо
оды. Одинъ панегиристъ. описывая чудесныя черты Екатерины Ве-
ій, между прочимъ. говоритъ: «самое устроеніе чувствъ ея. напримѣръ,
а. имѣло нѣчто необыкновенное. Она имѣла въ себѣ много электриче-
силы. такъ что изъ платковъ съ головы ея и изъ простынь. при
кѣ ихъ. вылетали искры съ трескомъ. Мы находимъ въ ней и дру-
чудесность. которой осталось еще много свидѣтелей. Именно. всѣ жи-
ыя вообще ее любили и выражали поразительные. чудесные знаки
и. покорности и ласки къ ней. Вообще. весь составъ ея казался со-
еннымъ изъ огня. отъ коего малѣйшая искра въ силахъ произвести
аленіе» [2]). Дашкова въ одномъ письмѣ къ Екатеринѣ писала: «мое *уди-*
е (mon admiration) и благоговѣніе къ вамъ были главнѣйшимъ услажде-
ь моей жизни» [3]). Бецкій въ 1767 году тоже писалъ къ Екатеринѣ: «*уди-*
ься невѣроятнымъ трудамъ вашимъ для славы имперіи и блаженства под-
ыхъ—справедливо можетъ назваться верховнымъ человѣческой жизни
енствомъ» [4]). Вообще, по выраженію Державина. «на великую царицу
смотрѣли *изумленными взглядами, съ изступленнымъ взоромъ* созерцали
е ея красотъ и чудесъ» [5]). При такомъ восторженномъ удивленіи чудес-
личности Екатерины, еще восторженнѣе изливалось чувство удивле-

[1]) Сочин. Сумарокова, т. II, стр. 8. 10.
[2]) „Русскій Архивъ", годъ 8-й, 1870, № 11, стр. 2078—2079.
[3]) „Русскій Архивъ", годъ 2-й, стр. 572—573.
[4]) „Русскій Архивъ", годъ 4-й, стр. 1568.
[5]) Сочиненія Державина. Спб., 1831 г., ч. II. стр. 19, 43, 64.

нія «чудесамъ» ея государственныхъ учрежденій. Державинъ, въ восторгѣ удивленія, вызывалъ чуднаго Рафаэля изобразить чудеса мудрости, щедроты, правосудія, милосердія Фелицы, возбуждавшія всеобщее удивленіе и восхищеніе въ водвореніи правосудія, въ новомъ благоустройствѣ судовъ, въ начертаніи новыхъ законовъ, въ учрежденіи разныхъ человѣколюбивыхъ заведеній—воспитательныхъ домовъ, больницъ, приказовъ общественнаго призрѣнія и т. п. [1]). Въ частности, такія громкія, славныя дѣла императрицы Екатерины Великой, какъ учрежденіе воспитательныхъ домовъ и училищъ, изданіе Наказа, собраніе депутатовъ для сочиненія проекта новаго Уложенія и т. п., рѣшительно изумляли недоумѣвающихъ современниковъ. Бецкій, въ преизбыткѣ восторженнаго, энтузіастическаго чувства удивленія и восхищенія, по поводу учрежденія воспитательныхъ домовъ и училищъ, восклицалъ: «свѣтъ будетъ *удивляться* великости и премудрости намѣреній вашихъ, всемилостивѣйшая государыня!» [2]). «Наказъ» Екатерины, послѣ до-петровскаго страха грозныхъ, жестокихъ уставовъ и каръ судебниковъ и уложеній, возбуждалъ всеобщій энтузіазмъ изумленія и восхищенія. Въ собраніи депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія, 13-го августа 1768 года, маршалъ депутатскій отъ лица всѣхъ представителей восторженно восклицалъ: «все велико, *все удивляется*, и все превосходитъ простое смертныхъ понятіе... Ставъ дѣлами твоими *удивленіе* свѣта, будешь Наказомъ твоимъ, государыня, наставленіе обладателей и благодѣтельница рода человѣческаго». Депутаты говорили: «Наказъ есть *удивленіе* не только всей Европы, но и цѣлаго земного шара» [3]). Вообще, вѣкъ Екатерины прославлялся, «какъ вѣкъ чудесъ». И. И. Дмитріевъ въ стихотвореніи «Екатерина Вторая» восторженно восклицалъ:

Чѣмъ минувшій вѣкъ такъ славенъ?
Что гордится старина?
А Суворовъ.... а Державинъ!
А великая жена!
А побѣдъ и музы звуки!
А скрижали нашихъ правъ!
Дѣти! Вѣкъ Екатерины
Вѣкъ величья и чудесъ!
Люди были исполины!
Взоръ орлиный, силы львины,
А полетъ ихъ до небесъ!
Какъ Синаи въ день грозной славы,
Величавый зрѣлся тронъ!...
Мы привыкли всѣ измлада
Къ громамъ славы, къ бурямъ сѣчъ! и проч. [4]).

Наконецъ, восторженное чувство удивленія новымъ государственнымъ учрежденіямъ, какъ чудесамъ мудрости и славы, не охладѣло еще и въ

[1]) Сочиненія Державина.
[2]) Генеральное учрежденіе о воспитательн. домахъ. 1767 г.
[3]) „Сборникъ историческаго общества“, т. IV, стр. 64, 210.
[4]) „Русскій Архивъ“, годъ 4-й, стр. 52—55.

·вованіе императора Александра I [1]). Державинъ, воспѣвая въ лицѣ ·ословеннаго царя такихъ чудесъ содѣтеля, какихъ не видывалъ сей ·. такого «избранника небесъ», который «въ образецъ вселенной твочудеса», съ пророчественною восторженностью предвозвѣщалъ, что ·кденія императора Александра «міръ въ удивленіе приведутъ» [2]). ·стный помѣщикъ александровскаго времени Каразинъ восхищался ·сами правленія», какія онъ видѣлъ въ учрежденіи министерствъ и ·арственнаго совѣта. На новое устройство сената, по словамъ Спе·скаго, многіе смотрѣли какъ на чудо. Карамзинъ тоже еще съ чув·ъ восторженнаго удивленія и восхищенія прославлялъ учрежденіе ·хъ училищъ, гимназій и университетовъ [3]). Дамы прославляли благо·ннаго императора, какъ moderne David, non assez admiré, plus grand ·ien du siècle [4]). Вообще, въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка въ рус·ъ обществѣ еще сильно господствовало восторженное чувство уди·ія славѣ новыхъ государственныхъ учрежденій.

Такое восторженное удивленіе «чудесамъ» государственныхъ и обще·нныхъ преобразованій, подъ вліяніемъ сентиментально-филантропиче·о воззрѣнія на человѣческую природу, порожденнаго восторженнымъ ·твомъ удивленія ея чудесному устроенію, мало-по-малу стало возбу·ть въ умахъ такія новыя идеи, чувства и потребности, которыя суще·нно измѣняли до-петровскія общественныя понятія. Во-первыхъ, послѣ ·тровскаго страха «всего міра православнаго» и общественной взаим·боязни людей, восторженное чувство удивленія чудесамъ общественнаго ·разованія, подъ вліяніемъ сентиментально-филантропическаго воззрѣнія ·еловѣческую природу, породило восторженно-радостный взглядъ на ·ство и любовь къ обществу. Сначала, послѣ вѣкового до-петровскаго ·ха общества, выражавшагося въ аскетической боязни «повсюду рас·тертыхъ сѣтей бѣсовскихъ» и въ суевѣрно-боязливыхъ заговорахъ ·всего міра православнаго», отъ разныхъ враждебныхъ и страшныхъ ·лъ неустроеннаго общества, — вдругъ русскіе люди съ изумленіемъ ·дѣли на западѣ такія общества, которыя не возмущалъ никакой ·хъ, а напротивъ проникало всеобщее спокойствіе, общее веселое на·еніе общественнаго духа. И вотъ они съ удивленіемъ возвѣщали сво·соотечественникамъ, какъ поразительную, невѣдомую имъ новость, ·тамъ, въ западныхъ обществахъ «люди ни отъ кого ни въ чемъ ни·го страху не имѣютъ, всякой дѣлаетъ по своей волѣ, что хочетъ, и ·утъ они всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху, безъ обиды и безъ ·стныхъ податей, что въ тѣхъ государствахъ самое лучшее основаніе

[1]) На одно восшествіе на престолъ и на коронацію Александра I написано было ·ше 57 одъ, стиховъ, гласовъ, жертвъ, пѣсней, эпистолъ, преисполненныхъ востор·наго чувства удивленія и восхищенія. „Русскій Архивъ", годъ 4-й, стр. 987.

[2]) Сочин. Державина, ч. II, стр. 204, 302.

[3]) „Вѣстникъ Европы", 1803 г., № 5: О новомъ образованіи народнаго просвѣще·ъ Россіи.

[4]) „Русскій Архивъ", годъ 5-й, стр. 1038—1043.

есть, что не властвуетъ тамъ зависть и страхъ сильныхъ міра сего» [1]). Вслѣдствіе этого, первыя послѣ-петровскія поколѣнія преисполнены были чувствомъ удивленія чудесамъ западно-европейской общественности, и особенно восторженно увекались общественною жизнью Парижа. Это увлеченіе въ значительной степени проявлялось еще и въ XIX вѣкѣ. Далѣе, московское государство, пересозданное Петромъ Великимъ въ европейскую имперію, мало-по-малу все болѣе и болѣе принимало видъ европейскаго государственнаго общества. Послѣ до-петровскихъ грозныхъ царствованій, въ родѣ царствованія Іоанна Грознаго, немилосердно-карательной грозы Уложенія,—вдругъ русское общество увидѣло сравнительно «человѣколюбивое царствованіе» Екатерины Великой и услышало кроткое, человѣколюбивое благовѣстіе «Наказа». Подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, въ государствѣ впервые стало признаваться значеніе личности человѣческой, и до-петровскій страхъ царской опалы смягчался болѣе «кроткимъ духомъ правленія». «Екатерина Великая,—говоритъ Карамзинъ,—уважила въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни. Петръ Великій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей; Екатерина хотѣла обходиться съ нами какъ съ людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единаго слѣпого повиновенія, не даетъ отчета въ путяхъ своихъ: гремитъ и смертные упадаютъ въ прахъ ничтожества, не дерзая воззрѣть на всемогущество. Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину... Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Счастливые россіяне нашего вѣка! Вы уже не помните строгихъ, опасныхъ временъ, когда страшно было наименовать вѣнценосца; но имя Екатерины, съ самаго ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ; всѣ души успокоились; всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: «монархиня! мы не боимся тебя, ибо мы любимъ тебя» [2]). И вотъ, опять, подъ вліяніемъ такихъ восторженно-оптимистическихъ очарованій, съ изумленіемъ и сантиментально-идиллическимъ восхищеніемъ заговорили русскіе люди объ исчезновеніи древняго страха общества, о водвореніи, вмѣсто него, общественнаго «веселія, счастія, блаженства». «О блаженное время, опредѣленное благополучію нашему началомъ!—говорилъ Сумароковъ въ высокоторжественномъ словѣ на день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II,—мы и все съ нами въ имперіи перемѣнилося и новымъ облеклося благополучіемъ. Плодоносныя нивы, цвѣтами испещренные луга, быстро текущія рѣки, журчащіе источники, лѣса, рощи, горы и долины

[1]) Пекарскаго. I, 148, 154.
[2]) Похвальное слово Екатеринѣ II (1802 г.).

соотвѣтствуютъ радости нашей и, обогащая насъ, приносятъ намъ изобиліе; земля разверзаетъ намъ нѣдра свои и драгоцѣнные проливаетъ металлы; науки и художества возрастаютъ; и кажется, будто мы не въ томъ же, а въ блаженнѣйшемъ обитаемъ мірѣ: то же сіяетъ солнце, та же блистаетъ луна, но блаженство наше не сообразно состоянію предковъ нашихъ... Восхищенны мысли наши, восхищенъ духъ нашъ! Дивимся величію дѣлъ монархини! Таковыхъ дѣлъ не могли предвидѣть предки наши. Но если бы они проснулися, не возопіяли-ль бы они: почто мы не дожили дней сихъ! А мы, соучастники дней сихъ, торжествуемъ, управляемые премудростію и благоденствующіе правосудіемъ»[1]). Въ высокоторжественныхъ одахъ на восшествіе императрицы Екатерины Великой, Сумароковъ съ сантиментально-идиллическою восторженностью воспѣвалъ искорененіе въ обществѣ всякаго страха и водвореніе покоя и блаженства:

Да будетъ радость наша явна,
Вездѣ, гдѣ солнце пролетитъ...
Се фортуна обновляетъ
Спокойствіе и тишину!
Златые дни возстановляютъ...
Законы тверды нынѣ стали,
Грабители вострепетали.
Исчезнетъ лихоимства трудъ.
Въ порфирѣ правосудье блещетъ:
Страшна вина, не страшенъ судъ,
Судимъ невинный не трепещетъ.
Лучемъ багрянымъ землю кроя,
Судьба являетъ чудеса!.
Спокойно земледѣлецъ пашетъ
И въ нивахъ желты класы жнетъ,
Въ покоѣ по трудахъ прилежныхъ
Спитъ цѣлу ночь безъ сновъ мятежныхъ.
Тревогъ ему въ день цѣлый нѣтъ.
Пастухъ среди всего пріятства...
Миръ сладкій воспѣваетъ.
Не видя птички бранной казни,
Не слыша стона, безъ боязни
Гласятъ покой по всѣмъ мѣстамъ.
Прозрачныя струи катятся...
Сладчайшій миръ изображаютъ
И прославляютъ нашъ покой...
Что часто дѣлалося страхомъ,
Въ насъ дѣлать будетъ то любовь[2]).

Точно также Державинъ, Карамзинъ и многіе другіе писатели екатерининскаго и александровскаго времени съ восторженнымъ удивленіемъ и восхищеніемъ прославляли счастіе и блаженство русскаго общества, наступившее послѣ до-петровскаго страха и гнета. Вообще, съ того времени, какъ зародился сантиментально-филантропическій и оптимистическій

---

[1]) Сочиненія Сумарокова, М. 1787 г., ч. II, стр. 283—286.
[2]) Сочиненія Сумарокова, ч. II, 31, 46—47, 70.

взглядъ на людей и на общество, каждый восторженный почитатель «Наказа», слыша иностранцевъ, утверждавшихъ, что въ русскомъ обществѣ «всѣ боятся другъ друга», съ полнымъ самодовольствомъ отвѣчалъ имъ такъ же, какъ писала сама императрица Екатерина въ разборѣ книги Шаппа: «Неправда, что въ Россіи общественность стѣсняется правительствомъ, что въ русскомъ обществѣ всѣ боятся другъ друга. Я имѣю честь быть русскимъ, но я никого не боюсь; я знаю, что пока я исполняю мои обязанности, мнѣ бояться некого, и я убѣжденъ, что не я одинъ такъ думаю» [1]. И. М. Долгорукій также радостно провозглашалъ, что новыя государственно-общественныя «Судьбины»

Щедротъ умножили залогъ:
Нашъ духъ почувствовалъ блаженство,
Позналъ дней мирныхъ совершенство:
Чего бояться? съ нами Богъ!..
Блаженъ, кто самъ въ себѣ умѣетъ
Свое спокойство находить...
Кто любитъ честь и правду,
Кто смѣлы взоры на лукавыхъ
Равно бросаетъ, какъ на правыхъ.
Кому не страшна злобы месть:
Чего, чего ему бояться?
Какихъ напастей устрашаться?
Предъ нимъ сѣть міра—ничего:
Онъ нища, сира не обидѣлъ,
Онъ ближняго не возненавидѣлъ,
Свое чужимъ не умножалъ,
Подобно тигру разъяренну,
Людей безсильныхъ не терзалъ [2].

Такой безбоязненный, радостный, оптимистически-филантропическій взглядъ на общество, послѣ первоначальныхъ сантиментально-идиллическихъ восторговъ, сталъ мало-по-малу возбуждать въ обществѣ уже не страхъ «міра православнаго», а восторженное восхищеніе «прелестями общежитія», восхищеніе самымъ принципомъ общественности и гражданскую, патріотическую любовь къ обществу. Во-первыхъ, восторженно-радостное, оптимистическое чувство удивленія чудесамъ общественнаго обновленія и преобразованія, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣка, какъ на существо общественное, породило, послѣ до-петровскаго страха повсюду распростертыхъ въ обществѣ сѣтей бѣсовскихъ и аскетическаго стремленія къ пустынножительному уединенію отъ общества, восторженное восхищеніе самымъ принципомъ общественности и первое разумное сознаніе важности общежитія и общественнаго развитія людей. Въ западно-европейскихъ книгахъ, въ родѣ книги «Картины природы», русскіе образованные люди съ восхищеніемъ усвояли такое, напримѣръ, изображеніе «человѣка въ обществѣ»:

[1] XVIII-й вѣкъ, кн. 4-я, стр. 389.
[2] „Бытіе сердца моего“, М. 1808 г., стр. 53, 222—223.

«Превосходство разума человѣческаго сіяетъ еще съ новымъ блескомъ въ учрежденіи обществъ или тѣлъ политическихъ: тамъ добродѣтель, честь, страхъ и польза, различно располагаемыя или сопряженныя, содѣлываются источникомъ мира, счастія и порядка; всѣ недѣлимые, взаимно связуемые, шествуютъ правильнымъ и стройнымъ движеніемъ. Въ обществѣ подъ сѣнью законовъ государь, князь, судья, употребленіемъ ввѣренной имъ власти, поощряютъ добродѣтель, исправляютъ порокъ и распространяютъ повсѣмѣтно благотворныя дѣйствія своего управленія. Въ обществѣ, какъ въ ясномъ и плодоносномъ климатѣ, произрастаютъ и развиваются таланты различныхъ родовъ. Тамъ процвѣтаютъ механическія и свободныя искусства. Тамъ рождаются поэты, ораторы, историки, врачи, философы, судовѣдцы, богословы. Тамъ образуются сіи благородныя души, сіи мужественные воины, сіи великіе военачальники, твердѣйшія подпоры государства» и проч. [1]). Подъ вліяніемъ такихъ идей Сумароковъ писалъ: «Человѣкъ силенъ и преимуществуетъ надъ всѣми животными только обществомъ, общественнымъ просвѣщеніемъ... Общественныя дѣла несравненно похвальнѣе частныхъ» [2]). Карамзинъ въ 1790 г. оптимистически выражался: «всякое гражданское общество есть святыня для добрыхъ гражданъ, и въ самомъ несовершеннѣйшемъ обществѣ *надобно удивляться чудесной гармоніи*, благоустройству, порядку» [3]). И. М. Долгорукій такимъ образомъ описывалъ «прелести общежитія» и преимущества «человѣка общественнаго надъ человѣкомъ естественнымъ»: «жизнь украшается прелестями общежитія: сама природа указала путь къ общежитію и на законахъ ея учредилось общество. Изъ человѣка естественнаго произведенъ я, человѣкъ общественный. Вмѣстѣ съ развитіемъ способностей человѣка общественнаго, умножались и его потребности. Естественный человѣкъ хотѣлъ быть только сытъ; общественный хотѣлъ поѣсть со вкусомъ. Тотъ пилъ изъ ручья для прохлады; этотъ искалъ пріятности въ простомъ утоленіи жажды. Дикарь одѣвался въ грубый посконный холстъ; общественный, образованный человѣкъ пожелалъ мягкой и покойной одежды. Тотъ валялся на травѣ, среди кустовъ дикаго бурьяна; этотъ попробовалъ отдохнуть на мягкой постели, подъ тонкимъ завѣсомъ. И въ обществѣ все стало необходимостью. Общественный человѣкъ скоро увидѣлъ пользу въ размноженіи садовъ, виноградныхъ лозъ, въ искусствѣ разныхъ тканей, въ построеніи мельницъ и во многихъ подобныхъ рукодѣліяхъ, которыми украсилась жизнь все еще простого поселянина. Устройство городовъ и роскошь городская—дальнѣйшій шагъ впередъ общественнаго человѣка. Потомъ соединеніе людей между собой показало имъ необходимость управленія и распорядка гражданскаго. Построились села; размноженіе ихъ положило начало городамъ. Сталъ нуженъ прикащикъ, судья, сторожъ, учитель, и протянулась широкая лѣстница чиноначальства... Явилось кораблеплаваніе, торговля, промыслы,

---

[1]) „Картины природы", М. 1822 г., ч. I, стр. 57—66.
[2]) Сочин. Сумарокова, ч. VI, стр. 232—259.
[3]) Письма русскаго путешеств. 1790 г.

учреждены судилища и школы, заведены забавы. Роскошь отворила двери въ огромныя залы для тѣлесныхъ движеній, воздвигла театры для обольщенія чувствъ и наслажденія ума. Все это не было въ природѣ, но сдѣлалось полезнымъ, потому что ходъ самой природы приводилъ людей къ новой, общественной жизни, требующей новыхъ нуждъ и удовольствій» [1]. Вслѣдствіе такого восторженнаго восхищенія принципомъ государственной общественности и перваго разумно-отчетливаго сознанія важности общественнаго благоустройства, умы русскіе впервые стали разсуждать не только о происхожденіи общества, но и о лучшихъ формахъ его устройства и развитія. Всѣ мыслящіе умы смѣло выражали мысль, что пришло время и служить государству не изъ-за одного только страха царя, а для блага общественнаго, и въ то же время безбоязненно, свободно разсуждать о формахъ государственнаго устройства, объ образѣ правленія и т. п. «Уже прошло то время въ Россіи,—говорилъ Карамзинъ,—когда одна милость монарха могла быть наградою за добродѣтели государственнаго дѣятеля въ теченіе его жизни; теперь лестно и славно заслужить и любовь просвѣщенныхъ россіянъ, которые чувствуютъ достоинства знаменитыхъ патріотовъ и цѣну ихъ усердія къ отечеству» [2]. «Вѣкъ лжи и лести,—говорилъ профессоръ царскосельскаго лицея Куницынъ,—кажется, оканчивается; нынѣ о царяхъ судятъ съ благоговѣніемъ, но въ то же время уже и по чистотѣ сердца» [3]. Профессоръ санктпетербургскаго университета Арсеньевъ, излагая критическую или, по его выраженію, «мыслящую» статистику россійскаго государства, свободно разсуждалъ о происхожденіи правленія и особенно необходимости такой государственной конституціи, въ которой народъ признавался бы выше государства или важнѣе правительства и не существовало бы произвола монарховъ. Другіе профессора санктпетербургскагоу ниверситета впервые разумно-сознательно, критически объясняли первобытное господство силы и значеніе ея въ первоначальныхъ основахъ государствъ и обществъ, въ образованіи власти, сословій и т. п., вообще впервые пытались раціонально понять и объяснить первобытный генезисъ историко-традиціонныхъ началъ общественнаго строя. Наконецъ, Сперанскій, какъ извѣстно, до такой степени смѣло критиковалъ и осуждалъ правительство, что подвергся даже гоненію, и, несмотря на то, въ письмѣ изъ Перми къ императору Александру I, все-таки смѣло оправдывалъ свои свободныя сужденія о правительствѣ. Вообще, къ двадцатымъ годамъ XIX столѣтія всѣ передовые умы впервые стали разумно-сознательно и серьёзно помышлять о лучшемъ направленіи общественнаго развитія [4]. Но на первыхъ порахъ, послѣ

[1] Дневникъ путешествія въ Кіевъ, 1817 г., стр. 83—84. Воспитатели дѣтей и профессора университетовъ „излагали великій вопросъ о происхожденіи общества". „Руcскій Архивъ", годъ 4-й, стр. 83.

[2] „Вѣстникъ Европы", 1802, № 19.

[3] „Руcскій Архивъ", годъ 4-й, стр. 1091.

[4] Г. Сухомлинова: „Матеріалы для исторіи образованія при Александрѣ I". Г. Пыпина: „Общественное движеніе при Александрѣ I". Г. Пятковскаго: „Журналистика при Александрѣ I".

›го господства идеи московскаго государства, они, очевидно, не еще дойти до идеи соціальной реформы, а, переживая фазисъ ırственнаго преобразованія, фазисъ возсозданія московскаго госуа въ имперію всероссійскую. на первый разъ, естественнно, могли › помышлять о лучшемъ «планѣ государственнаго благоустройства» деѣ конституціоннаго устройства государственнаго общества. Таковъ ъ государственнаго преобразованія» Сперанскаго, таковы же проекты рственной конституціи Новосильцева, Муравьева и Пестеля [1]). Далѣе, ствіе возбужденія экзальтированно-оптимистическаго восхищенія ъ благоустройствомъ и спокойствіемъ общества, а также «чудесною іею и прелестями общежитія», передовые умы, послѣ до-петровскаго ческаго стремленія къ пустынножительному отреченію и уединенію бщества, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго возна человѣческую природу, стали энергично отрицать мизанеское отчужденіе отъ общества и требовали филантропической занности и любви къ обществу. Такъ, И. М. Долгорукій, въ году, писалъ: «Слово *уединеніе* есть слово пустое, смыслъ его— › безъ сущности. Человѣкъ самой природой призванъ не къ нію, а къ обществу. Человѣкъ въ обществѣ есть уже существо дѣяе, словесное, мыслящее, и съ сими свойствами уединяться не моонъ *для людей, люди для него*. Сама натура сей законъ поставила. имся, что нынѣ *уединеніе* значитъ удалиться отъ суетъ большого скрыться въ деревнѣ, жить въ природѣ, окружась безпрестанными десами, и въ нихъ полагать основаніе своему собственному, новому, бному міру. Согласимся на этотъ восторгъ пылкаго воображенія. Но, и сей самой очаровательной мечты, увидимъ, что человѣкъ не есть тво уединенное: онъ ищетъ міра, но такого, который бы сходствоъ его вкусомъ; онъ ищетъ общества, но расположеннаго по его про-. Только человѣкъ самолюбивый, гордый мизантропъ ищетъ уедида и онъ уединяется не отъ людей вообще, а только отъ такого-то › общества такой-то страны, въ которомъ не уживается. Вообще же, имъ, человѣкъ есть существо живое, мыслящее, дѣятельное. Всѣ сіи ойства требуютъ общества и людей. Уединеніе не есть его стихія. юбивая гордость одна заставляетъ его предпочитать мертвый и безый кругъ мысленно-искомыхъ людей сообществу живыхъ и глаголитварей. И въ доказательство сей истины мы ежедневно видимъ на , что уединенный человѣкъ почти всегда мизантропъ. Никогда я не алъ въ пустынѣ человѣка счастливаго, довольнаго, сердца, согрѣтаго оленіемъ себѣ подобнымъ, ума, озареннаго тихимъ свѣтомъ истинной фіи. Самолюбіе насъ дѣлаетъ дикими. Когда мы спокойны, намъ не въ тягость» [2]). Далѣе, послѣ до-петровскаго преобладанія семейноıхъ-эгоистическихъ чувствъ и наклонностей надъ общественными

См. подробности въ книгѣ г. Пыпина: „Общественное движеніе при АлекI-. Спб., 1871 г.

Дневникъ путешеств. въ Кіевъ въ 1817 г. въ Чтен. общ. истор., стр. 42—44.

интересами, передовые умы, возбужденные сантиментально-филантропической идеей общественности, впервые стали требовать *общественнаго* воспитанія людей, развитія въ нихъ общественныхъ чувствъ и стремленій, подчиненія «семейственнаго эгоизма» общественнымъ интересамъ. Такъ, въ «Періодическомъ изданіи общества любителей словесности» на 1804 годъ, въ статьѣ В. Попугаева, сказано было: «Общественное воспитаніе должно быть выше воспитанія семейственнаго. Даже и тогда, когда бы просвѣщеніе было удѣломъ цѣлости народовъ, семейственное воспитаніе можетъ научить токмо людей быть добрыми отцами, супругами, родственниками, но никогда совершенными гражданами. Эгоизмъ, удѣлъ всѣхъ людей, и, можетъ быть, не токмо необходимый, но и полезный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, будетъ ихъ всегда отдалять отъ чувства общественности. Ибо люди, воспитанные въ семействахъ, почитаютъ себя обществу ничѣмъ не одолженными; привычка къ выгодамъ общественнымъ дѣлаетъ имъ непримѣтнымъ благо, неоцѣненной связью гражданскихъ выгодъ на нихъ изливаемое: они во всемъ видятъ одни условія, уже данныя временемъ, въ которое они живутъ, и не мало не думаютъ, сколько вѣковъ и сколько напряженія геніевъ стоило природѣ, дабы образовать связь благодѣтельнаго сообщества, и потому какимъ пожертвованіемъ сіе каждаго обязываетъ къ пользѣ онаго. Одно общественное воспитаніе, одно такое воспитаніе, направленное къ моральной цѣли, даетъ гражданину чувствовать съ самаго его младенчества, что государственное общество печется о его благѣ, что оно ему не менѣе благодѣтельствуетъ, но еще болѣе, чѣмъ самые родители, ибо родители показываютъ ему токмо выгоды семейственныя, кои сами основаны на выгодахъ общественныхъ, въ то время, когда общественное воспитаніе показываетъ ему все назначеніе, коимъ онъ обязанъ къ согражданамъ за тѣ блага, кои соединеніе ихъ на него изливаетъ» [1]. И. М. Долгорукій точно также настоятельно доказывалъ необходимость любить общество, вслѣдствіе недостаточности семейной замкнутости и естественной потребности общественнаго взаимнаго самообразованія. «Многіе скажутъ,—говоритъ онъ,—вмѣсто общества, можно довольствоваться своимъ семействомъ. Нѣтъ, я и на это не согласенъ. Семейство доброе, кроткое, изъ сколькихъ бы лицъ ни составлялось, есть какъ одинъ человѣкъ: мысли, правила у каждаго одни и тѣ же съ другимъ его членомъ. Взаимные ихъ разговоры такъ притерлись отъ привычки одинаково видѣть вещи и судить объ нихъ, какъ мелкая монета въ торгу. Для нихъ нѣтъ ничего новаго; а гдѣ однообразность, тамъ и скука; это такъ точно; а для чего оно такъ? Спросите натуру! Никакая эстетика этого не изъяснитъ. Человѣкъ любитъ сообщать свои мысли другому. Мыслить заставляютъ насъ предметы. Видя одни одно и то же, мы не находимъ пищи для бесѣды. Чтобъ не быть вовсе уединеннымъ, потребно общество, а семья своя его не составитъ. Сторонній человѣкъ видѣлъ то, чего я не видѣлъ: онъ мнѣ разсказываетъ, я ему, и вотъ гдѣ повѣствованіе получило свое начало. Отъ повѣсти родятся размышленія. Я гляжу на предметъ съ одного боку, тотъ съ другого: вотъ

[1]) Г. Пятковскаго, „Русская журналистика при Александрѣ I“, въ „Дѣлѣ“.

и разговоръ. Въ общественной бесѣдѣ раскрывается истина, и люди пріобрѣтаютъ общимъ умомъ полезныя правила для будущности: Du choc des idées nait la lumière. Правило непреложное! Итакъ, одно свое семейство не составляетъ общество. Оно пріятно для сердца, оно необходимое благо для души, оно сокровище дней мирныхъ. Такъ, точно такъ! Но сему внутреннему міру потребенъ и внѣшній, дабы въ самомъ разнообразіи общества найти оцѣнку домашняго счастія и самому, наслаждаясь имъ, имѣть удовольствіе дѣлить его съ другими. Люди! люди! Чувствую, что безъ васъ обойтись нельзя, хоть часто съ вами тяжело жить вмѣстѣ: но неужели же никогда не выходить на воздухъ, для того, что бываетъ непогода! Дождись солнца краснаго, и тогда шествуй безъ боязни и плаща подъ покровъ яснаго неба» [1]). Наконецъ, вслѣдствіе возбужденія сантиментально-филантропической идеи общественности, всѣ передовые умы съ энтузіазмомъ стали требовать живѣйшей любви къ родному, отечественному, государственному обществу, «любви къ отечеству», «службы любезному отечеству», патріотической любви къ своей народности. Послѣ до-петровскаго преобладанія эгоистическихъ наклонностей надъ чувствомъ общественнаго долга, такое требованіе «любви къ отечеству» было естественно и необходимо. И вотъ почему идея «любви къ отечеству», «службы любезному отечеству», идея патріотизма и гражданства, на первыхъ порахъ, вполнѣ преобладала надъ идеей человѣка, надъ выраженіемъ сознанія и уваженія равнаго человѣческаго достоинства. «Хорошій гражданинъ,—писалъ императоръ Александръ I, будучи еще воспитанникомъ, въ одной своей учебной тетради,—хорошій гражданинъ уважаетъ законы и управленіе своей страны. Простительно дикому равнодушіе къ своей родинѣ и къ своимъ соплеменникамъ; но тотъ, кто имѣлъ счастіе родиться въ средѣ образованнаго народа, у кого подъ рукою были всѣ средства образовать умъ, усовершенствовать разсудокъ, тотъ, кого судьба покровительствуетъ законами и гражданскими учрежденіями, не будетъ ли неблагодарнѣйшимъ изъ людей, если не возлюбитъ своего отечества. Какъ цѣлью всякаго добраго гражданина должно быть благоденствіе общества, къ которому онъ принадлежитъ, то люди самолюбивые никогда не могутъ ее достигнуть. Желательно было бы для образумленія себялюбцевъ, чтобы общество лишило ихъ своего покровительства: тогда они почувствовали бы необходимость трудиться въ его пользу; тогда выраженія: *отечество, отечественное благо* для нихъ уже не были бы пустыми словами» [2]). Въ воспитаніи молодыхъ поколѣній идея «любви къ отечеству» или идея «гражданина», «сына отечества» преобладала надъ идеей человѣка и человѣческаго достоинства и права. Въ книгѣ «О должностяхъ человѣка и гражданина» ни слова не говорится о сознаніи или чувствѣ и уваженіи человѣческаго достоинства и права, а о любви къ отечеству, объ обязанностяхъ гражданина трактуется въ нѣсколькихъ главахъ, или въ большей части книги. Таковы, напримѣръ, статьи 1-я: «о любви къ отечеству вообще», статья 2-я: «что подъ именемъ отечества и

[1]) Дневн. путеш. въ Кіевъ 1817 г., стр. 44—45.
[2]) Г. Пятковскаго, Журнал. при Александрѣ I, въ „Дѣлѣ“.

любви къ отечеству разумѣется?», статья 3-я: «отъ чего происходит бовь къ отечеству?», статья 4-я: «чѣмъ надлежитъ являть любовь к честву вообще?», статья 5-я: «чѣмъ долженствуютъ являть любовь к честву простой народъ и мѣщане?», статья 6-я: «чѣмъ должны являт бовь къ отечеству духовенство, дворянство и военные люди?» и пр «Воспитаніе — провозглашалъ Шишковъ — должно быть отечеств должно состоять въ возбужденіи отечественныхъ чувствъ, любви къ ству» [2]). Вообще, въ воспитаніи, по выраженію князя Горчакова (1756– старались «любви къ отечеству влить въ сердце жарки чувства». И словамъ поэта Марина (1775—1813):

Служи отечеству! твердятъ всѣ съ юныхъ лѣтъ,
Люби отечество! твердитъ все бѣлый свѣтъ!

Въ литературѣ, «любовь къ отечеству перомъ водила», и не написано было множество статей или размышленій о любви къ оте о патріотизмѣ, о долгѣ гражданина, въ родѣ статей Карамзина, Ши и др., но и цѣлые журналы спеціально осмысливались и озаглавли идеей и титломъ «любви къ отечеству», каковы, напримѣръ, был тріотъ», «Сынъ Отечества», «Отечественныя Записки»—Свиньина Критика требовала, чтобы даже въ романахъ основной идеей была « къ отечеству». Вообще, на первыхъ порахъ, при господствѣ сантимен филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, всѣ требова не столько развитія идеи «человѣка» вообще и сознанія идеи человѣческаго достоинства и права, а требовали преимущественно обра и умноженія «хорошихъ гражданъ», патріотовъ, человѣколюбивыхъ никовъ, справедливыхъ и милосердыхъ судей, честныхъ чиновниковъ дѣтельныхъ купцовъ, человѣколюбивыхъ воиновъ и т. п. И въ то когда, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропической «чувствите къ человѣческому роду» и «любви къ отечеству», мало-по-малу ста буждаться на первый разъ филантропически-юридическое сознаніе человѣчества»,—въ то время даже лучшіе филантропы выражали жалѣніе, что въ русскомъ обществѣ начали пробуждаться, вмѣсто нихъ, до-петровскихъ своенародно-гражданскихъ добродѣтелей, д тели общечеловѣческія. Карамзинъ сѣтовалъ: «должно согласиться, съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ утратили гражданскі дѣтели древнихъ россіянъ... Мы стали гражданами міра, но пе быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи» [3]). Вслѣдствіе возбужденія патріотически-соціальныхъ, «отечественныхъ чувствъ ственно возникли двѣ общественныя школы, одинаково проникну лантропическимъ чувствомъ любви къ народу, къ отечеству, но шенно различно понимавшія эту любовь: школа отечественно-на національно-филантропическая, славянофильская, и школа обще

[1]) О должностяхъ челов. и гражданина. Спб. 1796 г., 110—142.
[2]) Разсужденіе о любви къ отечеству. 1811 г.
[3]) Записки о древней и новой Россіи. 1811 г.

-народная, филантропически-соціальная, такъ называемая западни-
я. Одни умы, вслѣдствіе преобладанія идеи отечества и любви къ
ству, «отечественное начало» признали основнымъ принципомъ обще-
наго развитія. Такъ разсуждалъ уже Шишковъ (1754—1841). Потомъ,
-тыхъ годовъ, идея отечественнаго, своенароднаго начала, подъ влія-
филантропически-оптимистическаго и идеально-антропологическаго
ѣнія на человѣческую природу, умозрительно выводилась изъ натуръ-
:офскаго ученія Шеллинга объ абсолютныхъ идеяхъ племенъ и націо-
:остей [1]). Такъ послѣдователь философіи Шеллинга, Веневитиновъ въ
ъ проектѣ журнала «Московскій Вѣстникъ» развивалъ такую идею:
ому человѣку, одаренному энтузіазмомъ, знакомому съ наслажденi-
ысокими, представляется естественный вопросъ: для чего поселена
съ страсть къ познанію и къ чему влечетъ насъ непреоборимое же-
дѣйствовать? Къ *самопознанію*,—отвѣчаетъ намъ книга природы. Само-
ніе—вотъ идея, одна только могущая одушевлять вселенную; вотъ
и вѣнецъ человѣка... Съ сей точки зрѣнія должны мы взирать на
ый народъ, какъ на лицо отдѣльное, которое къ самопознанію на-
яетъ всѣ свои нравственныя ученія, ознаменованныя печатію осо-
го характера. Цѣль развитія сихъ ученій или самопознанія народа
га степень, на которой онъ даетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и
ѣляетъ сферу своего дѣйствія. Изъ самопознанія народнаго вытекаетъ
народнаго, *отечественнаго начала* общественнаго развитія». Вотъ изъ
:о общей идеи «отечественнаго начала» славянофилы 20-хъ и 30-хъ
ь и выводили свою патріотически-филантропическую идею народ-
. Другіе умы, также основываясь на идеально-антропологической,
ъ-философской идеѣ «человѣчности» (die Menschlichkeit) и «общаго»
ловѣческой природѣ, на основаніи идеально-антропологическаго воз-
і на человѣческую природу, требовали не одной національно-патріо-
кой сантиментальной любви къ отечеству и своей народности, а
:—разумно-сознательной, раціонально-филантропической критики об-
еннаго развитія своего отечества или разумной любви къ отечеству.
Чаадаевъ, въ антитезъ славянофиламъ, писалъ: «Повѣрьте, я больше,
кто-либо изъ васъ, люблю свое отечество, желаю ему славы, умѣю
ъ высокія качества своего народа; но справедливо также, что па-
іческое чувство, меня одушевляющее, создано не совсѣмъ по тому
у, какъ то, чьи крики разрушили мое спокойное существованіе...
умѣю любить свое отечество съ закрытыми глазами, съ преклонен-
оловой, съ запертыми устами. Я нахожу, что можно быть полезнымъ
:тву только подъ условіемъ ясно его видѣть; я думаю, что время
хъ амуровъ прошло, что теперь прежде всего мы обязаны отечеству
ой. Я люблю свое отечество такъ, какъ научилъ меня любить его
Великій. Признаюсь, у меня нѣтъ этого блаженнаго (béat) патріо-

См. въ „Антропологіи“ Велланскаго главу: „племена рода человѣческаго, раз-
ваемыя по ихъ происхожденію и раздѣленію, различію и сходству, въ общемъ со-
іи, особомъ положеніи и въ отношеніи оныхъ къ внѣшней природѣ“, стр. 371—453.

тизма, этого лѣниваго патріотизма, который устраивается такъ, чтобы видѣть все въ лучшую сторону, который засыпаетъ за своими иллюзіями, и которымъ, къ сожалѣнію, въ наше время страдаетъ много нашихъ хорошихъ умовъ» [1]). Литературная борьба такъ называемыхъ западниковъ съ славянофилами. особенно разгорѣвшаяся съ 30-хъ до половины 50-хъ годовъ, болѣе или менѣе извѣстна всякому, хоть сколько-нибудь знакомому съ исторіей русской литературы.

Далѣе, восторженное чувство удивленія «чудесамъ» новыхъ государственно-общественныхъ преобразованій и учрежденій, послѣ до-петровскаго страха «новшествъ» и всякихъ измѣненій общественныхъ уставовъ и обычаевъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу и общество, впервые возбудило энтузіазмъ къ «лучшимъ и человѣколюбивымъ учрежденіямъ» государственнымъ, и вообще, породило сантиментально-филантропическій принципъ общественнаго міросозерцанія. Въ царствованіе императрицы Екатерины Великой впервые стало замѣтно господство чувствительно-человѣколюбивыхъ идей о человѣческой природѣ. И вотъ, въ это время впервые проявился восторженный энтузіазмъ къ разнымъ человѣколюбивымъ, филантропическимъ учрежденіямъ. Таковы, напримѣръ, были: изданіе «Наказа», учрежденія воспитательныхъ домовъ, народныхъ училищъ, приказовъ общественнаго призрѣнія, гражданскихъ больницъ и т. п. Сама императрица Екатерина Великая съ гордостью сознавалась, что ея учрежденія были «человѣколюбивыя и лучшія». Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ генералъ-прокурору кн. А. А. Вяземскому, сравнивая свой Наказъ съ лифляндскими законами, она писала: «чтобы лифляндскіе законы лучше были, нежели наши будутъ, тому статься нельзя: ибо наши правила само *человѣколюбіе* писало, а ихъ узаконенія наполнены варварствами, не выведены изъ таковыхъ человѣколюбивыхъ правилъ» [2]). Филантропическія увлеченія Екатерины, желавшей вполнѣ осчастливить народъ русскій «лучшими человѣколюбивыми учрежденіями», и въ государственныхъ сотрудникахъ ея возбуждали такой же восторженный оптимистически-филантропическій энтузіазмъ государственно-учредительнаго соревнованія. Этимъ соревнованіемъ проникнуты были всѣ лучшіе депутаты въ собраніи коммисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія. Вице-Канцлеръ (кн. А. М. Голицынъ) въ рѣчи своей къ депутатамъ говорилъ: «со стороны ея императорскаго величества въ достопамятномъ манифестѣ сказано уже, что ея желаніе есть видѣть свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство простираться можетъ на сей землѣ... И такъ, начинайте и вы сіе великое дѣло (сочиненіе проекта новаго уложенія), и помните, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было наше радѣніе о общемъ добрѣ и блаженствѣ рода человѣческаго, о введеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія, о

[1]) Г. Пыпина, „Характерист. литературн. мнѣній“ Вѣстникъ Европы, 1871 г., № 12, стр. 498.

[2]) XVIII вѣкъ, кн. III, стр. 388—389.

тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ. Вы имѣете случай прославить себя и нашъ вѣкъ. Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечные народы: очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ!» [1]). Депутаты также провозглашали, что «взаимное человѣколюбіе есть основаніе общественнаго спокойствія и государственныхъ добрыхъ дѣлъ», что «Начало Наказа научаетъ насъ непремѣнному правилу человѣколюбія—взаимно дѣлать другъ другу добро, естественное же право подтверждаетъ, что мы столько добра другому желать должны, сколько его себѣ желаемъ» и т. п. [2]). Государственные сановники тоже съ восторженнымъ чувствомъ удивленія учрежденіямъ Екатерины представляли ей проекты и планы разныхъ филантропическихъ, «человѣколюбивыхъ учрежденій», въ родѣ проектовъ Бецкаго объ учрежденіи воспитательныхъ домовъ и училищъ, или проектовъ кн. М. Волконскаго «о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ и о раздѣленіи имперіи на губерніи» [3]). Частные люди, также подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическихъ идей и чувствъ, составляли свои проекты объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, объ облегченіи солдатской службы, объ учрежденіи лучшаго судопроизводства, о вѣротерпимости и т. п. [4]). Затѣмъ, оптимистически-филантропическій энтузіазмъ къ учрежденіямъ съ наибольшею энергіею проявился въ царствованіе Александра I, въ послѣдній фазисъ господства восторженнаго чувства удивленія «чудесамъ правленія». Самъ императоръ Александръ, въ первые годы своего царствованія, до энтузіазма проникнутъ былъ сантиментально-филантропическими идеями и чувствами. Вслѣдствіе этого, всѣ его государственныя и общественныя учрежденія проистекали изъ человѣколюбивыхъ побужденій, проникнуты были филантропическимъ духомъ. Таковы въ особенности были всѣ «публичныя учрежденія», основанныя на иждивеніи приказовъ общественнаго призрѣнія и, въ частности, основаніе императорскаго Человѣколюбиваго Общества (1802 г.). «Всѣ наши подобныя учрежденія,—писалъ И. М. Долгорукій въ 1810 году,—можно назвать образчиками филантропіи» [5]). Карамзинъ ничѣмъ такъ не восхищался въ учрежденіяхъ императора Александра I, какъ ихъ человѣколюбивымъ духомъ, и ничего такъ не желалъ, какъ только «правъ, согласныхъ съ человѣколюбіемъ». «Государь,—писалъ онъ,—желаетъ просвѣтить россіянъ, чтобы они могли пользоваться его

---

[1]) Сборн. русск. историч. общ., т. IV. Русск. Арх., годъ 5-й, стр. 363—364.

[2]) Сборн. русск. историч. общ., IV, стр. 100, 169, 188.

[3]) XVIII-й Вѣкъ, кн. I, стр. 160—161.

[4]) Радищева, Путеш. Спб. 1868 г., стр. 25, 44, 60. Русск. Арх., годъ 5-й, стр. 265—266: Записки Д. Б. Мертваго. Высшею общественною, гражданскою добродѣтелью считалось устройство филантропическихъ, человѣколюбивыхъ заведеній. Въ XVIII вѣкѣ не только богатые купцы, но и вельможи ознаменовывали свою жизнь „монументами филантропіи“. Шереметьевы строили странноприимные дома, Куракины богадѣльни, Голицыны больницы, Демидовы осыпали золотомъ юный московскій университетъ и только что созданный Екатериною Воспитательный домъ, Разумовскій жертвовалъ 35 червонныхъ за рѣшеніе задачи о назначеніи земли подъ крестьянское тягло и т. п. XVIII-й Вѣкъ, кн. 2, стр. 492—493.

[5]) Путешествіе въ Одессу и Кіевъ 1810 г. Чтен. общ. истор. 1869 г., кн. 2, стр. 12.

человѣколюбивыми уставами. Предупредимъ гласъ потомства, судъ историка и Европы, скажемъ, что *всѣ новые законы наши человѣколюбивы*. И мы желаемъ пользоваться единственно такими правами, которыя *согласны съ человѣколюбіемъ* и общимъ благомъ государства»[1]. И дѣйствительно, государственныя или гражданскія учрежденія Александра I мотивировались филантропическими идеями, какъ можно видѣть, напримѣръ, изъ манифеста объ учрежденіи министерствъ 8 сентября 1802 г., изъ манифеста объ открытіи государственнаго совѣта и рѣчи императора Александра по этому поводу въ особомъ торжественномъ собраніи 1 января 1803 г., изъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ 1803 года, вызваннаго, по словамъ императора и графа С. П. Румянцева, «чувствительностію сердца» и т. п.[2]). Возбужденные филантропическими идеями и чувствами императора, государственные дѣятели также съ восторженно-либеральнымъ увлеченіемъ сочиняли проекты и записки о новыхъ «лучшихъ и человѣколюбивыхъ учрежденіяхъ». Въ особомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ самыхъ приближенныхъ къ государю сановниковъ, говорились восторженныя филантропическія рѣчи, читались филантропическіе проекты и записки объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, о смягченіи деспотическаго «произвола нашего правленія», о филантропическомъ дарованіи народу конституціи и т. п. Сперанскій, по собственнымъ словамъ его, раздѣлявшій съ императоромъ Александромъ свои телеолого-оптимистическія и филантропическія идеи «о высокомъ предназначеніи человѣческой природы, о законѣ всеобщей любви, яко единомъ источникѣ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго»,—Сперанскій также воодушевленъ былъ филантропическимъ энтузіазмомъ «къ лучшимъ человѣколюбивымъ учрежденіямъ». Подъ вліяніемъ его, онъ сочинилъ свой знаменитый «планъ государственнаго преобразованія» или «планъ конституціонной монархіи» для наилучшаго облагодѣтельствованія народа благоденствіемъ. Вообще, Сперанскій, можно сказать, до мистицизма проникнутъ былъ филантропическими принципами государственныхъ учрежденій. Такъ, въ письмѣ къ императору Александру 6 января 1816 года, онъ указывалъ на необходимость приложенія христіанско-филантропическихъ началъ къ государственнымъ учрежденіямъ, напримѣръ, во имя христіанскаго человѣколюбія, требовалъ смягченія «весьма жестокой полиціи и уголовныхъ законовъ, улучшенія образа содержанія колодниковъ и устройства темничнаго, пресѣченія жестокаго обращенія «низшихъ правительствъ съ преступниками, уже наказанными и долгъ свой правосудію заплатившими», усиленія «христіанскихъ утѣшеній» людей, заключенныхъ въ тюрьмахъ», далѣе, желалъ облегченія народа отъ податей, указывая на необходимость «скораго разсмотрѣнія уравнительнаго распредѣленія государственныхъ податей и тяжестей и проч.[3]). Точно также, и другіе либерально-мыслящіе умы александровскаго времени съ

---

[1]) О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи 1803 г.

[2]) См., напр., „Записку С. П. Румянцева о вольныхъ земледѣльцахъ“ въ Русск. Арх., годъ 7-й (1869), № XI, стр. 1954—1966.

[3]) Русскій Архивъ, годъ 5-й, стр. 451—452, 454.

энтузiастическимъ увлеченiемъ помышляли о новыхъ «лучшихъ человѣколюбивыхъ учрежденiяхъ» государства. Такъ какъ идея государственно-общественнаго члена, гражданина, патрiота тогда еще преобладала надъ идеей человѣка,—то и въ государственно-гражданскихъ понятiяхъ всѣхъ тогдашнихъ либеральныхъ умовъ филантропическая идея лучшаго, наиболѣе благодѣтельнаго для народа государственнаго устройства, идея «конституцiи» еще вполнѣ преобладала надъ реально-научной, антропологической идеей соцiальной реформы. Всѣ они помышляли и говорили о государственной конституцiи. «Прiѣзжающiе русскiе,—писалъ тогда Форнгагенъ фонъ Энзе,—говорятъ о необходимости конституцiонныхъ учрежденiй, которая чувствуется въ Россiи... Вся русская аристократiя, какъ говорятъ, въ полномъ броженiи, потребность и желанiе имѣть конституцiю простираются очень далеко... Движенiе 14 декабря было сильнѣе и глубже, чѣмъ хотятъ признаться... Всѣ кричали о конституцiи». И эти конституцiонныя идеи и стремленiя, въ свою очередь, также всецѣло проникнуты были патрiотически-филантропическими мотивами. По словамъ оффицiальнаго «донесенiя» по дѣлу декабристовъ, авторы устава «Союза благоденствiя» объявляли именемъ основателей его, что цѣль ихъ есть одно благо отечества, и въ первой отрасли предметовъ дѣятельности было *человѣколюбiе*: она должна была имѣть надзоръ за всѣми благотворительными заведенiями, увѣдомляя начальство ихъ и самое правительство о злоупотребленiяхъ и безпорядкахъ, какiе могли въ нихъ оказываться, а также о средствахъ ихъ исправленiя и усовершенствованiя. Во второй отрасли его дѣйствiй заключалось умственное образованiе народа, заведенiе школъ, особенно ланкастерскихъ, все отечественное, въ третьей—исправленiе судовъ и т. п. [1]).

Вообще же, благотворнѣйшими слѣдствiями сантиментально-филантропическаго воззрѣнiя на человѣческую природу и общество были не одни только «образчики филантропiи», но и зачатки сантиментально-филантропической идеи «права человѣчества» или разумно сознательной идеи справедливости. Восторженное чувство удивленiя чудесному устроенiю человѣческой природы, побудившее умы къ смѣлому антропологическому или физiолого-психологическому ея познанiю, послѣ до-петровской византiйской идеи о «разнствѣ людскаго достоинства», предначертаннаго отъ сотворенiя человѣка, впервые возбуждало убѣжденiе, что человѣческая природа равна во всѣхъ людяхъ, что всѣ люди имѣютъ равное человѣческое достоинство и право. Съ половины XVIII-го столѣтiя, всѣ передовые мыслящiе умы впервые стали все болѣе и болѣе сознавать ту физiолого-психологическую и соцiально-антропологическую истину, что «во всѣхъ людяхъ, и въ свободныхъ и въ холопахъ, течетъ та же кровь, та же плоть, тѣ же кости», что «безразсуды» до-петровскаго времени должны всякiй день по два раза разсматривать кости господскiя и крестьянскiя, чтобы увидѣть, что нѣтъ разницы между господиномъ и крестьяниномъ, что «всѣ люди имѣютъ равную

[1]) Г. Пыпина, Обществ. движенiе при Александрѣ I. Также его статья въ Вѣстникѣ Европы, 1869 г., № 12, стр. 757—770.

душу, равныя чувства и страсти», что «пахарь и вельможа равны въ с
что «саны различны, а права людей равны», что «всѣ состоянія до
быть равны передъ закономъ», что

Законовъ подъ одною чертою
Равенъ вельможа и пастухъ [1]).

И вотъ вслѣдствіе зарожденія такихъ идей, сантиментально-ф
тропическая идея «правъ человѣчества», какъ выражался извѣстный за
вѣдъ XVIII вѣка Полѣновъ, и «чувствительность къ человѣчеству»
ственно-психологически вели къ первымъ зачаткамъ сантимента
филантропической идеи справедливости, хотя, на первый разъ, еи
легально-юридическомъ смыслѣ. Такимъ образомъ, послѣ первобытна
нятія о правдѣ, какъ кулачномъ правѣ или праворучной расправѣ
нѣйшихъ, и послѣ до-петровской богобоязненно-ѳеократической идеи «п
Божіей» и «правды княжей» или «царской», какая внушалась стр
правосудія Божія и страхомъ княжеской или царской десницы и держа
подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на чел
скую природу, впервые стала развиваться въ самомъ нравственномъ
ствѣ русскихъ людей и въ разумномъ сознаніи ихъ, на первый
филантропически-юридическая идея справедливости. Такъ, напр., Г
(1772—1805) восторженно прославлялъ справедливость, въ филантропич
юридическомъ смыслѣ «Правосудія»:

О правосудіе! Тобою
Хранится только смертныхъ родъ. . .
Гдѣ ты—тамъ царствуютъ законы,
Тамъ человѣкъ всегда почтенъ,
И къ правдѣ путь не загражденъ,
Тамъ истина безъ страха ходитъ. . .
Гдѣ ты—тамъ равными правами
Граждане пользуются всѣ. . .
Гдѣ ты—тамъ вопль не раздается
Несчастныхъ брошенныхъ сиротъ;
Всѣмъ нужна помощь подается,
Не раболѣпствуетъ народъ.
Тамъ земледѣлецъ не страшится,
Чтобъ насильствомъ могъ лишиться
Имъ въ потѣ собранныхъ плодовъ. . .
Гдѣ ты—тамъ геній просвѣщенья
Ведетъ на путь прямой людей,
Тамъ духъ зиждительной свободы,
Проникнувъ таинства природы,
Сторично собираетъ плодъ [2]).

Когда же, такимъ образомъ, зародились первые зачатки разу
сознательной, филантропически-юридической идеи «права человѣчест

[1]) Сочиненія Кантеміра, изд. 1836 г., т. I, стр. 35, 41 и 42. Сочиненія Сумарок
изд. 1787 г., ч. VI. Радищева. Путешеств., изд. 1868 г., стр. 60. Сочиненія Держави
Спб. 1831 г., ч. 2, стр. 27.

[2]) Журналъ россійской словесности, 1805, № 10.

и справедливости, тогда, естественно, возможно и необходимо стало и зарожденіе сантиментально-филантропической идеи наиболѣе человѣчнаго и наиболѣе справедливаго благоустройства общества. Чтобы яснѣе видѣть всю силу историко-логической послѣдовательности и необходимости такой перемѣны общественныхъ идей,—вспомнимъ вкратцѣ, какъ, сначала, первобытные предки наши, «жившіе въ лѣсу звѣринскимъ образомъ», преслѣдуемые страхомъ звѣрской силы и праворучной расправы сильнѣйшихъ мужей, при господствѣ антропофагически-человѣкобоязненнаго взгляда на человѣческую природу, создали самый несправедливый, съ современной точки зрѣнія, антропофагически-человѣкобоязненный, животно-эгоистическій родовой строй общества, въ которомъ господствовали грубая физическая сила — человѣкоубійственная, хищническая, разбойническая, воинственно-поработительная и междуусобно-враждебная, или кулачное право, право сильнаго, порча людей, междуусобная звѣрски-ожесточенная борьба старѣйшихъ и сильнѣйшихъ родичей съ младшими и слабыми, человѣкоубійства и даже антропофагія въ видѣ человѣческихъ жертвоприношеній. Далѣе, вспомнимъ, какъ до-петровскіе предки наши, возбужденные христіанскимъ чувствомъ страха Божія къ обузданію первобытнаго господства грубой физической силы и къ воспитанію мистико-теологической, богобоязненной любви къ ближнимъ, какъ братьямъ и сестрамъ по Богѣ,— при возникновеніи идеи христіанскаго «братолюбія» или «братства людей», мало-по-малу преобразовывали первобытный, антропофагически-человѣкобоязненный, междуусобно-враждебный родовой строй общества въ богобоязненно-братолюбивый, ѳеократически-государственный, въ которомъ при замѣнѣ междуусобной розни и борьбы грубой физической и физіолого-генеративной, «братоненавистной» родовой силы единодержавною «крѣпкою рукою и высокою десницею» московскихъ самодержцевъ, впервые зарождалась и воспитывалась богобоязненная идея общественнаго союза людей, какъ братій и сестеръ по Богѣ, но въ то же время еще сильно проявлялось и первобытное господство грубой физической силы и животно-эгоистическихъ наклонностей, напр., въ сохраненіи остатковъ кулачнаго права, «битвы въ полѣ», «порчи людей», звѣрскаго человѣкоубійства и т. п. Вспомнимъ все это,—и мы поймемъ, какъ, въ силу историко-логической послѣдовательности и преемственности идей, естественно и необходимо было, за тѣмъ, это дальнѣйшее движеніе развитія, именно—развитіе сантиментально-филантропической идеи или основы наиболѣе человѣчнаго и наиболѣе справедливаго общественнаго устройства. Оно неизбѣжно, естественно-психологически требовалось тогда, когда, подъ вліяніемъ восторженнаго чувства удивленія чудесному устроенію человѣческой природы, развилось сантиментально-филантропическое воззрѣніе на нее и на общество, когда въ умахъ, воспитанныхъ предварительно подъ вліяніемъ богобоязненной идеи любви къ ближнимъ, сантиментально-филантропическое воззрѣніе на человѣческую природу, сосредоточивши умы на идеѣ человѣка, впервые порождало сантиментально-филантропическую идею любви къ человѣку, уваженія человѣческаго права и достоинства. Теперь во всѣхъ сферахъ общественной жизни, новыя радикальныя преобразованія государственныя

и общественныя, послѣ до-петровскаго страха новшествъ, естественно возбуждали восторженное чувство удивленія, какъ чудеса геніевъ Петра Великаго и Екатерины Великой, какъ чудеса человѣческой природы, и подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, естественно порождали новыя, наиболѣе антропологичныя, сантиментально-филантропическія общественныя идеи и требованія. Не касаясь въ настоящемъ очеркѣ всѣхъ частныхъ сторонъ общественной жизни, напримѣръ, общественнаго обезпеченія физіологической потребности пищи, жилища и одежды, общественныхъ санитарныхъ или медицинскихъ понятій и учрежденій, эстетическихъ понятій и увеселеній, антропологоэтнографическихъ понятій и международныхъ отношеній,—мы прямо перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ преобразованій и нововведеній, какія произошли въ сферѣ общественнаго и умственнаго развитія, въ сферѣ общественнаго труда и въ сферѣ общественнаго положенія женщины, вслѣдствіе новыхъ идей, возбужденныхъ восторженнымъ чувствомъ удивленія чудесамъ природы внѣшней и человѣческой и сантиментально-филантропическимъ воззрѣніемъ на человѣческую природу.

III

Общественная мысль

Первобытный страхъ вѣщаго ума, вѣдунства и преобладаніе нервно-мозговой способности усиливанія рефлексовъ головного мозга надъ способностью ихъ задерживанія или надъ способностью мышленія.—До-петровское развитіе нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, или способности мышленія.—До-петровская боязнь разума и господство „смиренномудрія“.—Послѣ-петровское восторженное чувство удивленія уму человѣческому и премудрости, славѣ и пользѣ наукъ, и вліяніе его на возбужденіе умственной дѣятельности, на распространеніе наукъ и развитіе литературы.—Усиленное развитіе нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга или способность отвлеченной мысли.—Вліяніе сантиментально-филантропическаго взгляда на умъ и чувство человѣка на возбужденіе и развитіе въ обществѣ высшихъ человѣческихъ идей и чувствъ.—Сантиментально-филантропическая идея всеобщаго, всенароднаго умственнаго развитія.

Въ сферѣ умственнаго развитія общества, науки, введенныя Петромъ Великимъ, и умы, ими просвѣщенные, вначалѣ возбуждали восторженное чувство удивленія, какъ чудеса генія человѣческаго, и потомъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу и на «права человѣчества», впервые порождали филантропическую идею и потребность всеобщаго, всенароднаго умственнаго и нравственнаго развитія и просвѣщенія. Чтобы яснѣе видѣть, какъ совершился такой поворотъ идей въ умственной сферѣ,—бросимъ сначала бѣглый взглядъ на общій ходъ предшествовавшихъ фазъ умственнаго развитія.

Въ первобытныя времена, въ сферѣ умственной жизни, фетишическій страхъ внезапныхъ и страшныхъ проявленій таинственныхъ силъ природы, постоянно возбуждая инстинктъ самосохраненія и потребность въ самосохранительныхъ дѣйствіяхъ, въ родѣ бѣгства, крика и т. п., естественно

обусловливалъ, съ одной стороны, преобладаніе сенсуальной воспріимчивости или развитія органовъ чувствъ надъ развитіемъ высшихъ мыслительныхъ, нервно-мозговыхъ центровъ, надъ силою мысли, а съ другой стороны—господство нервно-мозговой способности усиливанія рефлексовъ головного мозга надъ способностью ихъ задерживанія. Отсюда, естественно проистекало преобладаніе грубаго, пассивнаго сенсуализма въ міросозерцаніи и господство неудержимо-рефлективныхъ, инстинктивно-самосохранительныхъ мыслей, чувствъ и желаній въ теургическихъ, идолопоклонническихъ, обрядовыхъ дѣйствіяхъ. Страхъ таинственныхъ силъ природы неудержимо, рефлективно выражался въ звукоподражательномъ омопотоническомъ языкѣ, въ возбужденно-нервическихъ манипуляціяхъ, наговорахъ и заклятіяхъ вѣдунства, волшебства, въ идолопоклонническихъ колѣнопреклоненіяхъ и мольбахъ, въ теургическихъ пляскахъ, играхъ, пѣсняхъ, въ уличныхъ сборищахъ и повѣстяхъ о звѣряхъ и птицахъ, въ природобоязненныхъ гаданьяхъ и примѣтахъ, вообще—въ идолопоклонническомъ культѣ и миѳологическомъ эпосѣ. Нервно-мозговая сила почти вся расходовалась въ реакціи наружу,—и отъ того мысль была крайне неразвита. Въ слѣдующій за тѣмъ фазисъ, когда христіанская проповѣдь страха Божія и образъ страшнаго суда произвели на нервную систему нашихъ предковъ сильное возбудительное впечатлѣніе,—моноѳеистическое чувство страха единой невидимой силы Божіей въ природѣ, отвлекая умы отъ фетишически-боязливаго, пассивно-сенсуальнаго созерцанія предметовъ природы къ умозрительному богомыслію, и удерживая ихъ нервно-мозговую способность усиливанія рефлексовъ головного мозга отъ первобытнаго, неудержимо-рефлективнаго проявленія фетишическаго страха въ усиленныхъ мышечныхъ движеніяхъ, такимъ образомъ естественно развивало въ нихъ нервно-мозговую способность задерживанія рефлексовъ головного мозга, впервые сосредоточивало умы въ отвлеченной самодѣятельности мысли въ сферѣ умозрительнаго богомыслія. Чтобы совершенно отвлечь умы отъ первобытнаго фетишическаго страха предметовъ и явленій природы, учители церковные усиленно сосредоточивали ихъ на богомысліи и богопознаніи. Они возбранили старикамъ народнымъ «повѣствовать на уличныхъ сборищахъ о звѣряхъ, о коняхъ, о птицахъ», называя такія повѣсти «скверною и пагубою душъ, отводящею отъ Бога», и заповѣдывали, вмѣсто того, толковать о единомъ истинномъ Богѣ, о пророкахъ и апостолахъ и т. п. [1]). Такъ какъ древне-греческія, «еллинскія» естественно-научныя книги проникнуты были языческими воззрѣніями на міръ, то учители церковные строго возбраняли изучать по нимъ природу, считая такое изученіе «еллинскихъ книгъ душевнымъ грѣхомъ» [2]). «Тѣ преобидятъ божественное писаніе,—училъ въ XV-мъ вѣкѣ Козма Индикоплавтъ,—которые стараются познать міръ по ученію внѣшнихъ, еллинскихъ философовъ: невозможно оставаться истиннымъ христіаниномъ тому, кто хочетъ изучать еллинскія

---

1) Лѣтоп. русск. литерат., VI. Слово, VIII.

2) „А се душевніи грѣси—учитися астрономіи и еллинскимъ книгамъ“. Ibid. Слово, VI.

книги о мірозданіи, ибо всѣ ихъ мудрованія не истинны, льстивны»[1].
Вообще, какъ еллинскія, такъ и арабскія и латинскія книги о природѣ казались православнымъ учителямъ отводящими умы отъ страха Божія къ первобытному языческому страху таинственныхъ силъ природы,—и потому строго возбранялись. Максимъ грекъ поучалъ русскихъ: «не подобаетъ внимати ученію латинъ, прельстившихся книгами арабскими и еллинскими, не подобаетъ и переводить ихъ на русскій языкъ. Берегитесь отъ нихъ, какъ отъ гангрены и злѣйшей коросты. Ибо заповѣдано—высшаго себя не изыскивать, ни уставлять, о чемъ открыто отъ вѣка единому Богу»[2]. Въ частности, отвращаясь отъ первобытнаго фетишическаго страха природы, боялись и всѣхъ наукъ о природѣ, какъ «богомерзостныхъ». «Богомерзостенъ предъ Господомъ Богомъ,—говорили грамотники,—всякій любяй геометрію»[3]. Астрономію также считали «богоотметною»[4]. Боялись всякаго пытливаго разсматриванія звѣзднаго неба: «знаменія небесныя,—говорили,—бываютъ всякими различными образами, и о томъ разсуждать никому не пригоже: небесное знаменіе, тварь Божія, ему Творцу и работаетъ, и разсуждать про то никому не удобно»[5]. И вообще, послѣ первобытнаго страха вѣдунства, знахарства, внушался страхъ «естественнаго разума», вникающаго въ «естественныя вины (причины) вещей». До-петровскій учитель—педагогъ разсуждалъ: «обхуждается непокорство Божію Слову того естественнаго разума, который, будучи изощренъ художествомъ, хитростію, на естественныя вины взираетъ. Та мудрость міра сего, буйство есть у Бога: ибо величайшее есть начало заблужденія, когда хотятъ божественныя и умъ человѣческій превосходящія вещи мѣрою человѣческаго разума измѣряти: это подобно тому, какъ еслибы сова хотѣла судить о свѣтѣ солнца, всеконечно силу зрѣнія ея превосходящаго. Лучше къ небу умы обращайте и клоните, дабы не земное зрѣть и не о земномъ мудрствовать, а о небесномъ»[6]. Вслѣдствіе такого воззрѣнія на «естественный разумъ», внушалось: «братіе, не высокомудрствуйте, но въ смиренномудріи пребывайте: аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты рцы ему: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни съ мудрыми философами и астрономами не бывахъ, но учуся токмо книгамъ благодатнаго закона. Люби простыню премудрости, учися держати умъ, высочайшаго себя не изыскивай, а глубочайшаго тебя не испытуй, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе—то содержи»[7]. Также вѣковыя предостереженія умовъ отъ предметовъ, возбуждавшихъ въ древнія времена фетишическій страхъ, съ одной стороны, совершенно отвлекли умы отъ фетишически-боязливыхъ представленій о предметахъ природы; но въ то же время, есте-

[1]) Пекарскаго, Наука и литер. при Петрѣ Велик., т. I. стр. 333.
[2]) О Люцидаріусѣ., Лѣт. литер., 1859, кн. I. 35—37.
[3]) Сборн. Солов. библ., № 225 и 25—26.
[4]) Пам. стар. литер., III. стр. 19: „о острономіи“.
[5]) Ист. Росс., Соловьева, т. IX, стр. 149.
[6]) Лавровскаго, Памятн. Старин. воспитанія въ Чтен. общ. истор. 30—44.
[7]) Пекарскаго, I. стр. 3. Сборн. Солов. библ., № 295, л. 66—68, см. также Пам. IV, стр. 214—215.

ственно, пріучили ихъ къ смиренномудрію, къ безхитростной простотѣ, къ невѣдѣнію мудрости. И вотъ, послѣ всего этого, понятно, какое впечатлѣніе должна была произвести на нихъ вдругъ открытая имъ, вмѣстѣ съ чудесами натуры, премудрость наукъ.

Сначала самыя науки, введенныя геніемъ Петра Великаго, возбуждали всеобщее восторженное удивленіе «мудрости высокозрительнаго и остромысленнаго разума, дивнымъ и премудрымъ вымышленіямъ, неоцѣненному сокровищу мудрости». Такъ ариѳметика сначала всѣхъ удивляла «дивнымъ и премудрымъ считаніемъ»: «составлено дивное и премудрое считаніе,—говорили переводчики книгъ петровскаго времени,—хваленія достойно дивное и премудрое считаніе тройное, еже считается въ три перечни, и рожаетъ собою четвертый перечень. Яко на нѣкоемъ драгоцѣнномъ тканіи чудные и различные цвѣты испещрены, или паки дивныя пестротныя изображенія изящнѣйшихъ художествъ, еже бываетъ хитрымъ начертаніемъ украшено и различіе учинено,—тако поистинѣ и въ книгѣ сей дивныя считанія разумѣніемъ и вымышленіемъ дальнимъ учинена и предана» [1]). Высшей математикѣ, астрономіи и другимъ физическимъ наукамъ еще болѣе удивлялись, какъ «пречуднымъ, предивнымъ премудростямъ, достойнѣйшимъ чести и уваги, и самымъ блаженнѣйшимъ, послѣ богословія, знаніямъ» [2]). Послѣ до-петровскихъ, исключительно церковныхъ повѣстей и сказаній, публику русскую, на первыхъ порахъ, изумляли и удивляли всякія описанія или изображенія предметовъ природы и исторіи. Такъ, въ предисловіи къ описанію «преславнаго торжества 1704 года», авторъ говорилъ: «мню, удивитися, православный читателю, яко не отъ божественныхъ писаній, но отъ мірскихъ исторій вещь намѣренную изобразуемъ: сіе же не мни быти буйствомъ нѣкіимъ и киченіемъ разума, написаннымъ нами, читатель, не дивися, не ревнуй невѣгласамъ, ничего нигдѣ не видѣвшимъ, не слыхавшимъ, которые егда ни во что у себя видятъ, удивляются и ужасаются, но ты благосердымъ окомъ смотри на сіи описанія» [3]). Точно также писатели или переводчики книгъ петровскаго времени, потомъ особенно Ломоносовъ, съ восторженнымъ чувствомъ удивленія прославляли пользу и славу распространенія наукъ [4]). Общимъ слѣдствіемъ такого восторженнаго удивленія премудрости, пользѣ и славѣ наукъ, было первое пробужденіе общественной мысли, послѣ до-петровскаго ея застоя и усыпленія, и первое, энергическое введеніе и распространеніе наукъ въ Россіи. Удивленіе премудрости наукъ, послѣ до-петровскаго предпочтенія «простыни ума» и «смиренномудрія», впервые возбуждали, по выраженію писателей петровскаго времени, «храбромудрство» и «разумъ къ вольнымъ наукамъ дерзающимъ»:послѣ до-петровскаго «дурачества», какъ выражались сатирики XVIII-го вѣка, началась, по выраженію Фонъ-Визина,«мода на умы», явились,

[1]) Пекарскаго, „Наука при Петрѣ Великомъ", I, 265.

[2]) Пекарскаго, II, № 406, стр. 148—149 и др. Точно также съ удивленіемъ приступали къ изученію „Ѳеатрона или позора историческаго". Пекарскаго, I, 330—331; II, № 562, стр. 619.

[3]) Пекарскаго, „Наука при Петрѣ", т. II, № 81, стр. 96.

[4]) Тамъ же, т. I, стр. 273—274, 264.

по словамъ Крылова, «философы по модѣ»; послѣ до-петровскаго страха «естественнаго разума», мало-по-малу развилось такое «дерзновеніе умовъ», что обнаружились даже первые зачатки «вольнодумства», вольномыслія, хотя на первый разъ большею частію легкомысленнаго, поверхностнаго и нетвердаго [1]). Восторженное удивленіе пользѣ наукъ [2]) возбудило энергическую заботу о введеніи наукъ въ Россіи, первоначально путемъ преимущественнаго распространенія практически-утилитарныхъ знаній. Науки вводились, какъ полезныя художества, какъ «художество математическое, художество механическое, художество анатомическое и хирургическое, художество ботаническое, художество архитектуръ-цивилисъ» и т. п. [3]). Математика усвоялась прежде всего по причинѣ ея пользы и необходимости для кораблестроенія, архитектуры и математико-навигацкихъ школъ [4]). Астрономія сначала принимаема была, какъ наука, необходимая для мореплаванія и астрономо-географическихъ съемокъ или опредѣленій мѣстностей, а также для узнанія солнечнаго и луннаго затменія, для составленія календарей и т. п. Минералогія предназначалась для горнаго дѣла. Анатомія, физіологія, ботаника и, вообще, естественная исторія вводились первоначально, какъ науки, въ высшей степени полезныя и необходимыя для медицины, для разумнаго веденія дѣлъ въ аптекахъ и госпиталяхъ [5]). Химія вводилась первоначально, преимущественно, какъ аптекарская наука, и послѣ Ломоносова, до конца XVIII-го вѣка разрабатывалась главнымъ образомъ аптекарями, въ родѣ Моделя, Биндгейма и др. [6]). Наконецъ, восторженное удивленіе славѣ распространенія наукъ [7]) вызвало энергическую заботу о распространеніи наукъ въ Россіи, учрежденіе академіи наукъ, математико-навигацкихъ и хирургическихъ школъ, основаніе московскаго и потомъ другихъ университетовъ, учрежденіе народныхъ училищъ и гимназій, изданіе журналовъ, «къ пользѣ и увеселенію служащихъ», во-

---

[1]) Пекарскаго, „Наука и литература при Петрѣ", I, 273—274. 275, 264, 266, 19; II. № 41, стр. 449, 447. „Сочиненія Фонъ-Визина", Спб. 1852 г., стр. 511, 523—524: Чистосердечное признаніе. „Живописецъ", 1774 г., Новикова, стр. 34. „Сочиненія Ломоносова", III, 146—148. Признаніе Елагина о вольномысліи: „Дерзнулъ я забыть и вѣру и страхъ Божій, увлекшись писаніями Вольтера, Гельвеція, Руссо" и проч. „Русскій Архивъ", годъ 2-й, стр. 524—602. „Записки Лопухина", 14—15.

[2]) Прославленіе пользы геометріи или землемѣрія, простирающейся такъ далеко, „что ничего въ свѣтѣ есть, еже бы не возмогло художествомъ симъ преодолѣно и сдѣлано быть". Пекарскаго, I, 275. Тамъ же, о пользѣ ариѳметики, I, 264, 273—274.

[3]) Прославленіе пользы наукъ вообще и, въ частности, обширнѣйшей пользы химіи въ „Сочиненіи Ломоносова", III, 8—12, 23—40: Слово о пользѣ химіи. Рѣчи профессоровъ московскаго университета о пользѣ наукъ. „Исторія московск. унив.", 247.

[4]) Полн. Собр. Закон., VII, № 4, 438.

[5]) Рихтера, „Исторія медицины въ Россіи", М. 1820 г.

[6]) Ежемѣсячн. сочин., 1763 г., ноябрь, стр. 442—453. Биндгейма, „Опытъ химическаго изслѣдованія прозябаемыхъ, составляющ. человѣч. пищу", 1794 г.

[7]) „Похвальное слово Петру Великому", сочин. Ломоносова, ч. II, стр. 372—376; ч. I, Ода 8-я и 16-я. Восхваленіе славы распространенія наукъ въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ, ч. II, стр. 325—332. Въ одной одѣ Ломоносова, всѣ науки, и астрономія, и геометрія, и географія, механика, химія, и „наука легкихъ метеоровъ" провозглашаютъ славу распространенія наукъ. Ч. I, стр. 130—133. Тамъ же, стр. 102—103.

це, развитіе журналистики и, въ частности, обличительной литературы, правленной противъ «дурачества» и «недоумства» до-петровскихъ временъ; даніе разныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, учрежденіе разныхъ эныхъ обществъ, сначала по части словесности, потомъ по части естезознанія и т. д. И всѣ эти нововведенія и учрежденія въ сферѣ умственй жизни общества, въ свою очередь, опять долго привѣтствовались иославлялись въ высокоторжественныхъ одахъ и похвальныхъ словахъ, къ новыя, чудесныя явленія. Такъ, напримѣръ, Кантеміръ писалъ о всецемъ удивленіи новоучреждавшимся учебнымъ заведеніямъ:

Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы,
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны:
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны:
Вотъ завтра ученія высоки начнутся,
Вотъ ужъ и учители заморски сберутся! [1]).

Ломоносовъ прославлялъ Елисавету за учрежденіе московскаго униэситета:

Твой университетъ
О имени твоемъ подъ солнцемъ процвѣтетъ:
Коль чудныя дѣла Елисаветъ являетъ!

Сумароковъ еще восторженнѣе выражалъ удивленіе славѣ учрежденія иверситета:

Промчится въ превеликихъ звукахъ
О нашихъ слава тамъ наукахъ
И всю Европу удивитъ...
Въ Россіи Локка и Невтона
И всѣхъ премудрыхъ оживитъ [2]).

Какъ славѣ распространенія наукъ, такъ и славѣ и величію умовъ, освѣщенныхъ науками и полагавшихъ основаніе или дававшихъ тонъ и правленіе русской литературы, всѣ удивлялись, какъ рѣдкости или чуду ироды. Послѣ первобытнаго природобоязненно-миѳологическаго эпоса и -петровскаго церковно-славянскаго слова о страхѣ Божіемъ, о кончинѣ а, о постѣ и т. п., всеобщее чувство удивленія чудесамъ натуры и предрости, пользѣ и славѣ наукъ, рефлективно выражаясь въ восторженнодушевленномъ словѣ о чудесахъ природы, естественно возбуждало въ ахъ живое, радостное чувство и сознаніе важности, величія общественго слова, какъ органа радостнаго, восторженнаго выраженія новаго общеенннаго міросозерцанія. Живое, восторженно-вдохновенное слово о чудеъ природы и о чудесахъ преобразованій россійскаго государства, обильно иваясь въ торжественныхъ «словахъ» о чудесахъ природы и въ высокоторственныхъ одахъ и похвальныхъ словахъ, послѣ до-петровской монополіи ковно-славянскаго слова, могущественно возбуждало, потрясало и изу-

[1]) Пекарскаго, „Наука и литература при Петрѣ", I, 63.
[2]) Сочинен Сумарокова, ч. II, стр. 17—18.

мляло умы новыми идеями и чувствами, новыми оборотами рѣчи, новой терминологіей. И вотъ почему на первыхъ порахъ съ восторженнымъ удивленіемъ прославляли «благогласіе и изящность россійскаго слова, преизящное краснорѣчіе, гражданское витійство, заслуги о россійскомъ слогѣ, славу словесными науками стяжаемую», и энергично основывали прежде всего «общества любителей россійскаго слова», «вольное россійское собраніе», словесное «общество россійской словесности». Ломоносовъ, послѣ Петра Великаго, былъ первымъ проповѣдникомъ естествознанія, просвѣтителемъ общественнаго ума и первымъ творцомъ или преобразователемъ общественнаго слова. И вотъ, Радищевъ и Поповскій восторженно прославляли Ломоносова. «Мы,—говорилъ Радищевъ,—соплетемъ вѣнецъ насадителю россійскаго слова, мы воспоемъ пѣснь заслугъ его обществу. Слово твое, Ломоносовъ, живущее присно и во вѣки въ твореніяхъ твоихъ, слово россійскаго племени, тобою въ языкѣ нашемъ обновленное, перелетитъ въ устахъ народныхъ за необозримый горизонтъ столѣтій... Ты былъ первый въ славѣ просвѣщенія общаго ума и въ славѣ обновленія народнаго слова, и слава твоя есть слава вождя. Се, природа, твое торжество! Пріявъ отъ природы неоцѣненное право дѣйствовать на своихъ современниковъ, пріявъ отъ нея силу творенія, великій мужъ могущественно дѣйствуетъ на среду народную. Да, вы, доселѣ безплодно трудившіеся надъ познаніемъ существенности души и, какъ сія дѣйствуетъ на тѣлесность нашу,—вѣщайте, какъ душа дѣйствуетъ на душу, какая есть связь между умами. Если вѣдаете, какое дѣйствіе имѣетъ разумъ великаго мужа надъ общимъ разумомъ, повѣдайте еще, что великій мужъ можетъ родить великаго мужа. Се, вѣнецъ твой, о Ломоносовъ! Ты создалъ витійство гражданское! Послѣ древняго господства языка церковно-славянскаго, ты первый научилъ общество слову россійскому, витійству гражданскому. Ты произвелъ Сумарокова» и т. д. [1]). Поповскій также прославлялъ Ломоносова:

Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію;
Что въ Римѣ Цицеронъ, и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Послѣ Ломоносова, который, на первый разъ, почти исключительно открывалъ обществу чудеса внѣшней природы, чудеса астрономіи, физики и химіи,—Карамзинъ первый въ болѣе обновленномъ и усовершенствованномъ словѣ восторженно возвѣщалъ послѣ до-петровскаго аскетически-человѣкобоязненнаго, сантиментально-филантропическій взглядъ на человѣческую природу и общество. И вотъ, и уму Карамзина долго удивлялись, какъ рѣдкости природы. Напримѣръ, въ 1797 г. В. А. Полѣновъ писалъ: «Я видѣлъ Карамзина, видѣлъ и говорилъ съ нимъ: на немногія рѣдкости смотрѣлъ я съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ смотрѣлъ на сочинителя

[1]) Путешествіе Радищева, 232—252.

«Бѣдной Лизы», и если-бы судьба вручила мнѣ кисть Апеллесову или рѣзецъ Праксителевъ, я изобразилъ бы Карамзина въ совершенной точности, смотрѣвши на него 4 или 5 часовъ» [1]). Въ тридцатыхъ годахъ молодые писатели и студенты точно также съ удивленіемъ смотрѣли на Пушкина, представителя эстетико-романтическаго направленія литературы. «Имя Пушкина,—говоритъ одинъ мемуаристъ того времени,—овладѣло тогда всѣми юными воображеніями и у всѣхъ было на кончикѣ языка: всякій, нѣсколько грамотный, читалъ и твердилъ наизусть его стихи, эпиграммы и цитировалъ его острыя, мѣткія слова. Я думаю, что это обаяніе, какое распространялъ Пушкинъ на своихъ современниковъ, можетъ быть объяснено его чисто народнымъ геніемъ, равно и положеніемъ русскаго общества, которое, за неимѣніемъ политическихъ и гражданскихъ интересовъ, каждало наслажденій искусства» [2]). Вообще, слава распространенія изящной словесности такъ же удивляла и увлекала современниковъ, какъ и слава распространенія наукъ и художествъ. По словамъ Жуковскаго, «Пушкинъ принадлежалъ *славѣ* царствованія Николая, какъ Державинъ *славѣ* Екатерины, а Карамзинъ *славѣ* Александра» [3]).

Вслѣдствіе такого удивленія литературнымъ умамъ, выдававшимся надъ общимъ уровнемъ, естественно, литература все болѣе и болѣе становилась могучимъ органомъ общественнаго направленія и развитія, и усиливала свое вліяніе на воспитаніе общественнаго ума и чувства. Сначала, послѣ до-петровскаго страха таинственныхъ силъ природы и господства невѣжества, суевѣрія, восторженное удивленіе чудесамъ натуры, премудрости, пользѣ и славѣ наукъ, естественно, все болѣе и болѣе возбуждало прежде всего потребность искорененія первобытнаго страха природы, до-петровскаго невѣжества и суевѣрія, потребность просвѣщенія общественнаго ума и міросозерцанія свѣтомъ науки. И потому, вотъ, съ начала и до второй половины или даже до конца XVIII столѣтія, господствовали два направленія литературы: естественно-научно-просвѣтительное, во главѣ котораго стоялъ Ломоносовъ, и обличительное, возникшее въ сатирахъ Кантеміра, въ обличительныхъ словахъ Феофана Прокоповича и достигшее полнаго своего расцвѣта въ сатирическихъ журналахъ екатерининскаго времени, особенно въ журналахъ Новикова, въ родѣ «Живописца», «Трутня» и другихъ, а также въ комедіяхъ фонъ-Визина, Сумарокова и Екатерины. Естественно-научныя слова Ломоносова о чудесахъ натуры разсѣевали до-пе-

1) Русскій Архивъ, годъ 4-й, стр. 1,764. Жуковскій 18-го февраля 1816 года писалъ о Карамзинѣ: „Здѣсь (въ Петербургѣ) всѣ жаждутъ его узнать... Что же касается до меня, то мнѣ весело необыкновенно объ немъ говорить и думать. Я благодаренъ ему за счастіе особеннаго рода: за счастье знать и тѣмъ еще болѣе чувствовать настоящую ему цѣну. И можно сказать, что у меня въ душѣ есть особенное хорошее свойство, которое называется *Карамзинымъ*; тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и лучшаго... Лучшей души земля не видала. Оцѣнкой генія Карамзина должно заняться съ благоговѣніемъ“. Русскій Архивъ, годъ 4-й, стр. 1,629—1,630, 1,639, 1,640. Карамзина не дозволялось критиковать. Рус. Арх., годъ 4-й, стр. 1,692.

2) Русскій Архивъ, годъ 2-й, стр. 981.

3) Русскій Архивъ, годъ 2-й, стр. 984.

тровскій страхъ таинственныхъ силъ природы. Сатирическая литература осмѣивала и бичевала до-петровское невѣжество и суевѣріе, какъ «дурачество», «недоумство», «ханжество» и т. п. Затѣмъ, когда, подъ вліяніемъ удивленія чудесамъ природы и премудрости, пользѣ и славѣ наукъ, почувствовалась потребность наиболѣе глубокаго и живого воздѣйствія науки не только на умъ, но и на соціальныя чувства общества, потребность возбужденія высшихъ соціально-нравственныхъ, общественно-человѣколюбивыхъ чувствъ, послѣ древняго господства человѣко-боязненныхъ и животно-эгоистическихъ чувствъ и наклонностей,—тогда естественно стали преобладать три слѣдующія формы литературы: сантиментально-критическая, наиболѣе прогрессивно проявившаяся въ соціологическихъ или публицистическихъ разсужденіяхъ Радищева, сантиментально-оптимистическая и сантиментально-филантропическая, наиболѣе рельефно выраженная Карамзинымъ, и наконецъ эстетико-романтическая, созданная Жуковскимъ и доведенная до своего апогея Пушкинымъ.

Далѣе, восторженное чувство удивленія чудесамъ природы внѣшней и человѣческой, сильно возбудивши умственныя способности молодыхъ поколѣній, порождало въ нихъ «жажду размышленій» и, слѣдовательно, дальнѣйшее развитіе преобладанія нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга надъ господствовавшею въ первобытныя времена нервно-мозговою способностью усиливанія этихъ рефлексовъ и, затѣмъ, вело къ замѣткамъ критики мысли какъ въ наукѣ, такъ и въ литературѣ. Вначалѣ, послѣ первобытнаго и до-петровскаго преобладанія сенсуальности надъ мышленіемъ, молодыя поколѣнія съ восторженнымъ чувствомъ удивленія и восхищенія привѣтствовали рожденіе отвлеченной философской мысли въ Россіи, какъ ясное выраженіе начавшагося преобладанія нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга надъ способностью ихъ усиливанія. Профессора университетовъ заговорили восторженныя рѣчи о философіи, прославляя чудеса, какія она производитъ въ умственной жизни человѣчества. Студенты университетовъ восклицали: «о божественная наука, философія! Ты научаешь насъ мыслить и познавать!» и т. п. Всѣ передовые умы страстно полюбили философію, какъ возбудительницу мышленія, и съ энтузіазмомъ увлекались метафизическими умозрѣніями. Уже Сумароковъ, по собственнымъ словамъ его, «метафизичествовалъ естественно». Карамзинъ просиживалъ ночи, вырабатывая свои «первыя метафизическія понятія», и въ концѣ XVIII вѣка съ энтузіазмомъ увлекался «законами чистаго разума Канта», въ метафизическомъ умонастроеніи «былъ полонъ вѣры, что люди, увѣряясь въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности и насладятся *истинными* благами жизни» [1]. Д. В. Дашковъ въ одномъ критическомъ разсужденіи своемъ (1811 г.) замѣчалъ: «страсть къ системамъ увлекаетъ насъ отъ умствованія къ умствованію, отъ софизма къ софизму». Макаровъ, издатель московскаго Меркурія, говорилъ

[1]) Цвѣтокъ на гробѣ моего Агатона (1793). Аглая, 2 кн. М. 1794. Матеріалы для характеристики Карамзина—г. Пыпина въ Лѣтоп. рус. литерат., т. II, 12.

о новомъ мыслящемъ поколѣніи русскихъ: «въ отношеніи къ понятіямъ мы теперь совсѣмъ не тотъ народъ, который составляли наши предки: мы хотимъ *умствовать*, какъ французы, какъ нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы» [1]). Въ 1809 г. Н. Н. Дмитріевъ писалъ къ А. Н. Тургеневу: «теперь молодые люди, вмѣсто увлеченій чувственности или страсти, хотятъ *мыслить*» [2]). Вообще, высшая благороднѣйшая потребность человѣческой природы, потребность мысли, умственной жизни и дѣятельности, потребность наслажденія развитіемъ, впервые сознана была, какъ такая же насущная, физіологическая потребность мозга, ума, психической жизни человѣка, какъ пища физіологически необходимая для желудка, для физической, тѣлесной жизни организма. Такъ, кн. П. Вяземскій въ 1827 году писалъ къ Н. Н. Дмитріеву: «законное право излагать свои мысли есть насущный хлѣбъ образованнаго поколѣнія. Оно не прихоть, а необходимость и, слѣдовательно, въ числѣ коренныхъ условій народнаго существованія. Бѣда въ томъ, что многіе изъ желудковъ высшаго званія не признаютъ потребности того хлѣба насущнаго, какой заключается въ знаніи или мысли для ума, и могутъ голодать въ богатырскомъ умерщвленіи духовной плоти». Вслѣдствіе такихъ понятій, и въ наукѣ, и въ литературѣ, дѣйствительно, выразилась потребность мышленія, «жажда размышленій». Въ области науки, первое побужденіе отвлеченнаго мышленія, умозрительныхъ способностей со всею пылкостью юношескаго увлеченія проявилось въ первоначальномъ, естественно-психологическомъ господствѣ натуръ-философскаго мышленія. Появились въ Россіи сначала свои «философы по модѣ», «вольтерьянцы», жаркіе послѣдователи Ж. Ж. Руссо, потомъ возникла своего рода secta kantiana, затѣмъ, явились шеллингисты, гегеліанцы, и т. д. По выраженію Сперанскаго, любознательные, мыслящіе умы «съ модой изученія философіи проходили путь умозрѣнія» [3]). Съ другой стороны, ясные зачатки сосредоточенной работы мысли выразились въ потребности размышленій о природѣ и въ требованіи усиленнаго, внимательнаго наблюденія природы. Впервые появилась въ Россіи особая литература «размышленій о природѣ», въ родѣ «размышленія о природѣ» Теряева (1802), «мыслей о таинствахъ натуры изъ высочайшихъ философовъ для размышленія»—Подшивалова (1811), «мыслей о происхожденіи и образованіи міровъ»—Ертова (1805 г.) и т. п. Наиболѣе мыслящіе, передовые умы не ограничивались одними общими, умозрительными «размышленіями о природѣ», а требовали усиленнаго наблюденія и опытнаго познанія природы. Профессора университетовъ, Шаденъ, Мудровъ и Осиповскій первые требовали, вмѣсто метафизическихъ, натуръ-философскихъ умозрѣній, аналитическаго, опытнаго изслѣдованія природы. Но понятно, что на первыхъ порахъ, послѣ до-петровскаго страха испытанія натуры, не вдругъ могла развиться въ умахъ русскихъ смѣлость и способность экспериментальнаго изслѣдованія природы. Вначалѣ долго нужно было еще

---

[1]) Московск. Меркурій, 1805 г., № 12.
[2]) Русск. Архивъ, годъ 5-й, стр. 1073.
[3]) Русскій Архивъ, годъ 5-й, стр. 1682.

убѣждать умы—не бояться испытанія натуры. Ломоносовъ увѣщевалъ русскую публику не страшиться гнѣва Божія за испытаніе натуры. «Ежемѣсячныя сочиненія» Миллера, извѣщая о новыхъ физическихъ опытахъ академика Эпинуса и другихъ, находили необходимымъ предупреждать публику отъ суевѣрно-боязливыхъ предубѣжденій противъ этихъ опытовъ [1]. Потомъ послѣ страха испытанія натуры, восторженное чувство удивленія чудесамъ природы, сосредоточивши умы на идеѣ «натуры», введши ихъ въ область «натурализма», на первыхъ порахъ, вслѣдствіе до-петровскаго полнѣйшаго господства пассивнаго сенсуализма, породило преобладаніе сенсуально-фавмастическаго, пассивно-чувственнаго созерцанія чудесъ или «куріозитетовъ и раритетовъ натуры», «преузорочныхъ вещей всякихъ колеровъ» и т. п. Пассивно-эмпирическое созерцаніе и наблюденіе чудесъ натуры, поэтому, долго преобладало надъ активно-экспериментальнымъ изслѣдованіемъ законовъ природы. Еще въ началѣ XIX-го столѣтія издавались отдѣльными брошюрами подробныя правила для элементарныхъ сенсуально-эмпирическихъ наблюденій природы—физическихъ, метеорологическихъ, естественно-историческихъ и технологическихъ, и съ конца XVIII-го вѣка до 35-тыхъ годовъ XIX-го издавались первые словари минералогическіе и ботаническіе, первые руководства и опыты по части математики, физики, химіи, естественной исторіи и другихъ наукъ, которыя, на первыхъ порахъ, возбуждали въ русскихъ умахъ потребность раціональнаго познанія природы, потребность наблюденія и опыта, и впервые знакомили ихъ съ естественнонаучной терминологіей и классификаціей [2]. Точно также, и въ области нравственныхъ наукъ сначала господствовало удивленіе чудесамъ человѣческой природы, и потомъ мало-по-малу возбуждалась мысль, идея. Такъ было, напримѣръ, въ области исторіи. Первые издатели учебныхъ книгъ по всеобщей исторіи приписывали ей чудесное значеніе: «Чтеніе исторіи,—говорили они,—совершаетъ чудеса, удивительно исцѣляетъ болѣзни тѣла и духа: Фердинандъ, владѣтель сицилійскій, и Альфонсъ испанскій, будучи такъ больны, что отъ нихъ отказались всѣ доктора, заставили читать себѣ—одинъ Тита Ливія, другой—Квинта Курція, и оба получили отъ того исцѣленіе: такое же чудесное дѣйствіе имѣла исторія на Лаврентія Медици» [3]. На исторію человѣчества сначала смотрѣли, какъ на Theatrum historicum, на зрѣлище чудесныхъ событій въ судьбахъ человѣческой природы. Потомъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, отъ исторіографовъ требовали «чувствительности къ человѣческому роду», или прославленія героевъ добродѣтели, осужденія тирановъ и чувствительнаго изображенія бѣдствій и страданій человѣческихъ. Изученіе исторіи признавалось полезнымъ для гражданъ «единою нравственностію» и притомъ

[1]) Ежемѣсяч. сочин., 1763 г., іюнь. стр. 537—541. Сочин. Ломоносова (1803) III, 47—53. 108—110, 342—354.

[2]) Подробности см. въ моей статьѣ: „Естественно-психологич. условія умств. развитія русскаго общества". Отечеств. записки 1870 г., № 12.

[3]) Пекарскаго, Наука и литерат. при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 14, 19.

полезнымъ только для «умовъ чрезвычайныхъ». Въ «Періодическомъ изданіи любителей словесности» 1804 года говорилось объ исторіи: «исторія требуетъ для начертанія пера великаго и, можетъ быть, и героя. Надобно непремѣнно, чтобъ историкъ чувствовалъ совершенно всю цѣну великаго дѣла, надобно, чтобъ перо его пылало сердечнымъ жаромъ, когда онъ описываетъ то, что служило къ возвышенію благоденствія народовъ, чтобы онъ проливалъ слезы, описывая бѣдствія человѣческія» [1]). Въ такомъ духѣ именно и зародилась русская исторіографія въ «исторіи россійскаго государства» Карамзина, которая, вслѣдствіе господствовавшаго тогда сентиментально-филантропическаго и телеолого-оптимистическаго воззрѣнія на человѣческую природу и преобладанія идеи государственнаго гражданства, любви къ отечеству, всецѣло проникнута была сантиментально-филантропическимъ и оптимическимъ взглядомъ на гражданско-человѣческія и государственныя дѣянія и идеей любви къ отечеству [2]). Затѣмъ, послѣ романтически-филантропической «исторіи русскаго народа» Полевого, «наиболѣе мыслящіе умы стали чувствовать потребность наиболѣе раціональнаго, философскаго пониманія исторіи, объясняли идею о философіи исторіи, возникшую въ новѣйшее время, показывая различіе между ею и историческимъ прагматизмомъ, и разсматривая въ главныхъ чертахъ тѣ сочиненія, которыя содержатъ въ себѣ первые опыты такой философіи исторіи» [3]). Вначалѣ философско-историческая мысль наша, естественно, не могла миновать метафизическаго направленія, и въ такомъ именно видѣ она выразилась въ историческихъ трудахъ 30-тыхъ и 40-выхъ годовъ. Какъ въ политическихъ общественныхъ понятіяхъ, при преобладаніи идеи гражданина и государственнаго дѣятеля надъ идеей человѣка, идея государственнаго конституціонализма преобладала надъ идеей общественной реформы, такъ и въ исторіографіи идея государственности, государственнаго развитія преобладала надъ идеей развитія общественнаго.

Въ литературѣ также восторженное чувство удивленія чудесамъ внѣшней и человѣческой природы было господствующимъ стимуломъ возбужденія умовъ, мысли и литературныхъ произведеній. Удивленіе красотамъ слога, краснорѣчію и силѣ выраженія, а также филантропическому и патріотическому духу сочиненій—«любви къ отечеству, человѣколюбію, милостынѣ писателей» вначалѣ предшествовало раціональной критикѣ. Такъ, напр., М. А. Дмитріевъ въ мемуарахъ своихъ говоритъ: «Когда Херасковъ напи-

---

[1]) Г. Пятковскаго, „Русская журналистика при Александрѣ I", въ „Дѣлѣ".

[2]) Согласно съ духомъ времени, „Исторія государства россійскаго" встрѣчена была съ восторженнымъ чувствомъ удивленія и восхищенія. Батюшковъ, напримѣръ, такъ обращается къ творцу исторіи государства россійскаго:

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ и проч.

Стихотвореніе это Батюшковъ приложилъ въ письмѣ къ А. Н. Тургеневу, съ замѣчаніемъ: „чувствомъ удивленія лечу желчь мою". Рус. Арх., годъ 4-й, стр. 653.

[3]) Современникъ, 1846 г., № 3, стр. 411.

салъ Россіаду, нѣсколько петербургскихъ литераторовъ и любителей литературы собирались нѣсколько вечеровъ сряду у Н. И. Новикова, чтобы обдумать и написать разборъ поэмы, но не могли: тогда еще было не по силамъ обнять столь большое произведеніе поэзіи. Оставалось одно *безотчетное удивленіе* и похвала восторга!» [1]). Или Н. Н. Дмитріевъ въ 1816 году писалъ къ Тургеневу: «вы требуете отъ меня критики: можно ли искать недостатковъ въ слогѣ въ такомъ родѣ сочиненія, которое дышетъ *человѣколюбіемъ и милостынею*» [2]). Господство восторженнаго чувства удивленія естественно обусловливало въ литературѣ долговременное преобладаніе одъ, и особенно одъ высокоторжественныхъ, восторженныхъ. «Встарину, — замѣчаетъ М. А. Дмитріевъ,—всѣ писали оды, оттого, что оды выражали господствовавшее тогда чувство удивленія и восторга» [3]). Вообще, вслѣдствіе господства восторженнаго, вдохновеннаго чувства удивленія, восхищенія, экстаза и восторга, поэзія преобладала надъ прозой, предшествовала преобладанію научно-критической литературы. И въ поэзіи преемственно господствовали: сначала восторженныя оды, главными творцами которыхъ были Ломоносовъ и Державинъ, потомъ — сантиментально-идиллическая поэзія, представителями которой были поэты школы Карамзинской, затѣмъ сантиментально-романтическая и эстетико-идеалистическая поэзія, во главѣ которой стояли Жуковскій и Пушкинъ [4]). Наконецъ, къ 40-вымъ годамъ, когда Гоголь основалъ «натуральную школу» поэзіи и литературы, по словамъ Хомякова,

Предъ хладнымъ утромъ размышленья,
Увялъ поэзіи вѣнецъ.

И въ литературѣ уже съ 20-тыхъ годовъ стала возбуждаться «жажда размышленій». Веневитиновъ (1805—1827) первый возсталъ противъ господства страсти къ стихотворству, сталъ изучать нѣмецкихъ критиковъ и философію Шеллинга и, послѣ восторговъ удивленія, почувствовалъ потребность спокойнаго, холодно-разсудочнаго размышленія, — и самъ о себѣ говорилъ:

Открой глаза на всю природу!
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ . . .
Когда минуты удивленья
Какъ сонъ туманный пролетятъ,
То тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ [5]).

Пушкинъ также начиналъ чувствовать «жажду размышленья», преобладаніе нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного

[1]) М. А. Дмитріева, „Мелочи изъ запаса моей памяти". М. 1869 г., стр. 31—32.
[2]) Русск. Архивъ, годъ 5-й, стр. 1085.
[3]) Дмитріева, Мелочи изъ зап. моей пам. 45, 54.
[4]) Вообще, долго господствовала восторженная страсть къ стихотворству, или по выраженію кн. Вяземскаго, господствовалъ „стихотворный грѣхъ", „стихами давились". Русск. Архив., годъ 4-й, стр. 1700.
[5]) Стихотворенія Веневитинова, I, 84—85.

мозга, потребность самососредоточеннаго мыслительнаго труда и «пріученіе ума къ вниманью долгихъ думъ». Такъ, въ письмѣ къ Чаадаеву въ 1821 году онъ писалъ:

Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и *жажду размышленья!*
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ [1]).

Вмѣстѣ съ возбужденіемъ жажды размышленья, которое на первыхъ порахъ было наиболѣе метафизико-идеалистическое, мало-по-малу стали развиваться, послѣ первоначальнаго «дерзновенія къ вольнымъ наукамъ» и энтузіастическаго увлеченія «вольтерьянствомъ», первые зародыши холодно-разсудочнаго, философско-критическаго сомнѣнія и раціонально-скептической, реальной критики, первымъ представителемъ которой, какъ увидимъ далѣе, явился Бѣлинскій.

Какъ въ сферѣ мысли, такъ и въ сферѣ чувства, вслѣдствіе возбужденія сосредоточенной умственной дѣятельности, подъ вліяніемъ восторженнаго чувства удивленія чудесамъ природы и премудрости наукъ,—естественно, мало-по-малу развивалась нервно-мозговая, нравственная способность самообладанія, саморазвитія и сосредоточенная энергія чувства. Послѣ первобытнаго и до-петровскаго преобладанія усиленныхъ психическихъ рефлексовъ или неудержимо-рефлективныхъ мышечныхъ проявленій животно-эгоистическихъ чувствъ и страстей въ реакціи наружу,—теперь, вслѣдствіе развитія мысли, мало-по-малу, естественно, наступало господство нервно-мозговой способности задерживанія усиленныхъ психическихъ рефлексовъ — страстныхъ чувствъ и влеченій. Разсудокъ, въ лучшихъ людяхъ, все болѣе и болѣе начиналъ преобладать надъ чувствомъ и страстями. Такъ, Карамзинъ разсуждалъ: «Я имѣю способность мыслить и могу управлять моими склонностями. Когда желанія и потребности мои находятся въ счастливомъ согласіи, когда разумъ мой повелѣваетъ чувствами, тогда я существую нравственно. Гнушаясь сладострастіемъ, презирая суетное честолюбіе, живу въ спокойствіи духа. Человѣкъ сотворенъ быть не ученымъ, а благоразумнымъ. Умъ есть фаросъ жизни его, умъ, который велитъ мнѣ сносить терпѣливо несправедливость людей, запрещаетъ мстить, усмиряетъ всякое сердечное волненіе и приводитъ страсти мои въ то пріятное равновѣсіе, которое называется добродѣтелію» [2]). Разсудокъ Карамзинъ признавалъ главнымъ критеріемъ нравственности. Признавая личное благо, наслажденіе однимъ изъ существенныхъ стремленій нравственной жизни, Карамзинъ въ то же время разсудку приписывалъ регулирующую, критическую роль въ анализѣ и выборѣ лучшихъ, наиболѣе нравственныхъ наслажденій, согласныхъ съ законами природы. «Сердце,—говоритъ онъ,—велитъ искать удовольствій, а разсудокъ—однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами природы. Природа дала намъ чувства, чтобы услаждать ихъ, дала страсти для того, что онѣ необходимы

[1]) Сынъ Отечества 1821 г., № 35.
[2]) Изъ Смѣси Московскихъ Вѣдомостей 1795 г. „разсужденія философа".

для дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Но она дала намъ также и разсудокъ, чтобы выбирать лучшія наслажденія и сдерживать страсти. Страсти въ своихъ границахъ благодѣтельны, внѣ границъ пагубны: границы долженъ назначать разсудокъ» [1]). Далѣе, при развитіи нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, естественно, усиливалась нравственная сосредоточенность чувства, и вся энергія нервно-мозговой, психической силы, тратившаяся прежде въ неудержимо-рефлективныхъ мышечныхъ проявленіяхъ животно-эгоистическихъ чувствъ и страстей,—теперь все болѣе и болѣе начала превращаться въ сосредоточенную энергію нравственнаго чувства. Вслѣдствіе этого, новая мораль, всецѣло проникнутая сантиментально-филантропическими идеями и чувствами, возвѣщая господство разсудка надъ чувствами и страстями, въ то же время прежде всего требовала развитія въ людяхъ сосредоточенной, живой энергій чувства или возбужденія «чувствительности». Сантиментальная проповѣдь «чувствительности», провозглашенная Карамзинымъ, была явленіемъ вполнѣ естественно-психологическимъ въ послѣдовательномъ развитіи человѣческой природы русскихъ людей. Во-первыхъ, по причинѣ общей медленности распространенія возбужденій по нервамъ, неизбѣжно обусловливаемой холоднымъ сѣвернымъ климатомъ, и проистекавшей отъ того общей грубости, притупленности и медленности нервно-мозговыхъ процессовъ сенсуальной и умственной воспріимчивости, возбуждаемости и дѣятельности,—въ нервно-мозговой организаціи русскихъ людей прежде всего необходимо было энергическое возбужденіе и воспитаніе чувствительности. И вотъ, вслѣдъ за Карамзинымъ, всѣ передовые умы требовали развитія чувствительности, живой, энергической воспріимчивости къ впечатлѣніямъ. Даже дочь Сперанскаго разсуждала о чувствительности. И самъ Сперанскій, отвѣчая на эти разсужденія дочери, въ письмахъ своихъ къ ней изъ Сибири, писалъ: «разсужценіе твое о чувствительности прекрасно и даже весьма основательно. Упражняйся, любезная, чаще въ своихъ размышленіяхъ; но упражняйся съ перомъ въ рукѣ... мысли твои такъ заманчивы, что я не могу не прибавить къ нимъ нѣсколько своихъ. Чувствительность, въ собственномъ смыслѣ, есть способность духа человѣческаго понимать и услаждаться всѣмъ, что есть изящнаго (le beau) въ природѣ и дѣяніяхъ человѣческихъ, въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Низшія степени чувствительности принадлежатъ всѣмъ существамъ мыслящимъ; но высшія даны немногимъ. И остякъ имѣетъ свою музыку и увеселяется корольками и стеклярусомъ; но высшія степени чувствительности зависятъ отъ устройства органовъ, отъ усовершенствованія ихъ и нравственнаго образованія; а еще болѣе они зависятъ отъ обилія и полноты живущаго въ насъ духа... Душа изнѣживается отъ недостатка впечатлѣній, подобно какъ тѣло безъ труда и безъ воздуха. Истинная чувствительность есть способность не только принимать, но и выдерживать впечатлѣнія, бороться съ ними и побѣждать ихъ внутреннею силою» [2]). Далѣе.

[1]) Разговоръ о счастіи, 1797.
[2]) Русск. Архивъ 1868. № 11, стр. 1690, 1721.

слѣ вѣкового господства въ до-петровскихъ нравахъ грубой, звѣрской ;чувственности, когда люди въ отношеніи другъ къ другу были безсер-чно-жестоки «аки звѣрье», опять, весьма естественна была эта санти-нталистическая проповѣдь «чувствительности къ роду человѣческому», авственнаго чувства симпатіи къ людямъ. Чувствительность, по ученію ітиментализма, есть самая плодотворная почва для насажденія и развитія бхъ высшихъ, соціально-взаимодѣйственныхъ чувствъ и добродѣтелей ювѣческихъ—гуманности, честности, справедливости и проч. «Блаженъ,— юритъ Карамзинъ,—кто успѣетъ хотя единое плодоносное сѣмя добро-гели вложить рукою любви въ сердце чувствительныхъ». «Чувстви-іьное сердце,—по словамъ Подшивалова,—есть обильный источникъ со-іаданія къ страдающимъ, человѣколюбивой жалости и справедливости іьнаго къ слабому, богатаго къ бѣдному, милосердія воиновъ къ побѣ-еннымъ, справедливости и кротости судьи къ подсудимымъ и т. д.» [1]. конецъ, энергическая проповѣдь «чувствительности» необходима была і возбужденія и воспитанія въ обществѣ нравственной, психической,)вно-мозговой способности къ соціально-кооперативной взаимности въ ѳрѣ общественной дѣятельности. Послѣ вѣкового господства первобыт-хъ животно-эгоистическихъ чувствъ и наклонностей,—необходимо было)буждать въ людяхъ, въ обществѣ, высшія человѣческія чувства про-)щенно-человѣчной симпатіи и соціально-кооперативной взаимности. И ъ, во времена господства сантиментально-филантропическаго взгляда на ювѣческую природу, начали зарождаться первыя требованія развитія въ дяхъ психической, нравственной способности сочувственнаго взаимо-ѣйствія и союзности въ общественной жизни и дѣятельности. Карамзинъ італъ высшимъ идеаломъ нравственнаго общенія людей или «гармоніей» цежитія симпатичное, сочувственное нравственное взаимодѣйствіе раз-цительности и чувствительности, или «чувствительныхъ и холодныхъ)актеровъ». Эту мысль онъ выразилъ въ своей повѣсти «Чувствительный холодный», въ лицѣ Эраста и Леонида, и въ «Цвѣткѣ на гробъ моего атона» (его друга—Петрова). «Чувствительный и холодный характеры,— юритъ Карамзинъ,—въ нравственномъ взаимодѣйствіи и саморазвитіи іностей оба необходимы другъ для друга—одинъ чувствительностью, угой—разсудительностью! Соединеніе этихъ двухъ умственныхъ и нрав-;енныхъ особенностей составляетъ гармонію общественной нравствен-:ти, ибо разные тоны составляютъ гармонію, всегда пріятную для слуха; нотонія бываетъ утомительна—и два человѣка совершенно одинаковыхъ йствъ всего скорѣе наскучатъ другъ другу» [2]. Еще яснѣе выразились іатки психической, нравственной потребности соціально-кооперативной імности въ обществѣ не только въ этой изобильной поэзіи «любви и ужбы», но и въ прямыхъ заявленіяхъ «артельныхъ друзей» литератур-хъ обществъ. Такъ, въ послѣднемъ протоколѣ 20-го засѣданія Арзамас-іго литературнаго общества, бывшаго въ 1817 году, выражено было

[1] Карамзина—„разговоръ о счастіи". Подшивалова размышленіе: „къ сердцу".
[2] Аглая, 2 кн. М. 1794, 2-е изд. 1796.

такое возваніе къ «артельнымъ друзьямъ» объ усиленіи дружеской взаимности, совокупности и общности въ сферѣ нравственно-общественнаго труда: «Ближе, друзья! Чтобы видѣть другъ друга въ лицо и, сливши пламень души, неприступной хладу убійственной жизни. *вмѣстѣ* сохранять, посреди измѣненья. первое благодостоинство человѣческое (если ужъ счастья нельзя). *Вмѣстѣ*! Великое слово! *Вмѣстѣ*! Твердитъ унывая сердце, жадное жизни, томяся безплоднымъ стремленьемъ. *Вмѣстѣ*!.. что мы розно? Одинъ въ мелкихъ заботахъ. въ рабствѣ. другой новаго зданія строить не смѣетъ. *Вмѣстѣ*! При немъ—этомъ «вмѣстѣ»—благодатная бодрость; намъ оно—это «вмѣстѣ»—безопасный пріютъ судьбы вѣроломной: съ нимъ — этимъ «вмѣстѣ»—награда, не шумная почесть, гремушка младенцевъ, но священное чувство достоинства, внятный немногимъ голосъ души; съ нимъ—этимъ «*вмѣстѣ*»—жизнедательный трудъ съ безкорыстною цѣлью для пользы; съ нимъ—просвѣщенье. свобода» и проч. [1]).

Наконецъ, возбудивши, такимъ образомъ, мысль и чувство, всеобщее восторженное восхищеніе славой распространенія наукъ и славой просвѣщенныхъ умовъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу и «права человѣчества», впервые порождало мысль о необходимости всеобщаго, всенароднаго умственнаго развитія и просвѣщенія, мысль объ общечеловѣческомъ достояніи науки. о всеобщности естественной, нервно-мозговой потребности умственнаго развитія, о правѣ каждаго человѣческаго ума на высшее, научное развитіе, объ общечеловѣческой обязанности умственнаго саморазвитія. Какъ «слава наукъ», такъ и эта филантропическая мысль съ восторженнымъ чувствомъ восхищенія была привѣтствуема и возвѣщаема, при самомъ ея зарожденіи. Всѣ передовые умы восторженно предвозвѣщали зарю всеобщаго, всенароднаго просвѣщенія. Ломоносовъ радостно привѣтствовалъ будущія поколѣнія:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ!
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать [2]).

Мерзляковъ съ восторженнымъ вдохновеніемъ пророчилъ наступленіе среди «россовъ», послѣ славы побѣдъ, славы распространенія наукъ:

Гдѣ, гдѣ не слышно имя россовъ?
Какъ буря, міръ они прошли!
Въ сто лѣтъ побѣдныхъ сто колоссовъ
Во всѣхъ краяхъ имъ возрасли!
Куда еще имъ бросить громы?

[1]) Русскій Архивъ, годъ 6-й, стр. 831—835.
[2]) Сочиненія Ломоносова, I, 112.

Постойте пламенные сонмы!
Вамъ новый къ славѣ путь открытъ:
Пусть россъ наукой, просвѣщеньемъ
Въ другой разъ міръ сей побѣдитъ!

Такое восторженное восхищеніе славой распространенія наукъ, подъ яніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую ıроду, на «права человѣчества» и вслѣдствіе восторженнаго удивленія ıовѣческому уму и мудрости, какъ чудеснѣйшимъ дарованіямъ человѣ-:кой природы, естественно возбуждало мысль, что и умъ простого на-(а не долженъ быть униженъ презрѣннымъ невѣжествомъ, позорнымъ ;ймомъ «дурачества», какъ выражались въ XVIII вѣкѣ. И вотъ, всѣ ıшіе, передовые умы общества стали возбуждать сознаніе всеобщихъ, народныхъ умственныхъ правъ на общечеловѣческое интеллектуальное ıвитіе. Такъ, Сумароковъ писалъ: «многіе думаютъ, будто просвѣщеніе ıько однимъ начальникамъ имѣти надобно; но блаженство общества :тоитъ не въ начальникахъ однихъ, и не въ однихъ знатныхъ госпо-ιъ. Когда-де, говорятъ, люди всѣ просвѣщенны будутъ, такъ не будетъ зиновенія и, слѣдовательно, никакого порядка. Сія система принадле-ıтъ малымъ душамъ и безмозглымъ головамъ. Сдѣлаемъ новое общество, вообразимъ, что оно все состоитъ изъ Сократовъ мудрыхъ. Захочетъ ли о видѣти не породою и не достоинствомъ кого себѣ государемъ, когда ъ самъ долженъ будетъ черпать ему воду? Собралися бы Сократы, и, совѣтовавъ, выбрали себѣ, конечно, или государей, или государя. Мо-рхическое правленіе, — я не говорю, деспотическое, — есть лучшее: такъ ı Сократы, посовѣтовавъ, изберутъ себѣ государя, вельможъ и началь-ковъ, которымъ они еще больше повиноваться будутъ, имѣя здравый зсудокъ; предпишутъ они ненарушимые законы, свяжутъ и себя, и льможей тѣми законами, которые они сами уставили. Сократъ истоп-ıкъ не будетъ имѣть презрѣнія; ибо онъ почтенъ отъ того, кому онъ печи то-:тъ, и тѣмъ онъ его только меньше, что начальникъ его больше, нежели ъ, трудится; онъ топитъ печи, а тотъ судитъ и распоряжаетъ. Сверхъ го, могутъ люди всѣ быть просвѣщенны, но качества просвѣщенія суть зноличны. Тотъ законникъ, тотъ піитъ, тотъ воинъ, тотъ живописецъ, гъ астрономъ, и такъ, хотя разумъ и равенъ у людей, но уже и каче-ва просвѣщенія дѣлаютъ различіе между ними. Говорятъ же не о равно-сіи разума, но о просвѣщеніи: такъ не только равнаго просвѣщенія, но и ра-ма, да и ничего на свѣтѣ равнаго нѣтъ. Такъ сія глупая система, боящаяся освѣщенія всѣхъ людей, сама себя опровергаетъ, ко стыду толь недобро-тельно мыслящихъ, и если они не отъ невѣжества и привязанной ему эдости такъ разсуждаютъ, такъ, конечно, отъ нечестія». Возвѣщая та-мъ образомъ идею всеобщаго умственнаго и нравственнаго развитія, мароковъ, въ то же время, для развитія въ людяхъ высшихъ добродѣ-ıльныхъ человѣческихъ чувствъ и стремленій, требовалъ именно просвѣ-:нія физико-математическаго. «Казалось бы,—говоритъ онъ,— что физи-:кое и математическое разсужденіе для добродѣтели было ненужно; да многіе физисты и математисты честности и не знаютъ; однако, тогда

основанія физическихъ и математическихъ разсужденій иначе и не употребляются, какъ только къ профессіямъ сихъ физистовъ и математистовъ. Сіи двѣ обширныя науки, физика и математика, и съ ними логика, суть орудія къ изысканію истины; а добродѣтель безъ снисканія истины ни вкорениться, ни утвердиться не можетъ. Словесныя науки, имущія основанія на логикѣ, нужнѣе еще и физики, и математики къ пріобрѣтенію добродѣтели. Вообще, какъ мука еще не хлѣбъ и, слѣдовательно, не пища еще, такъ и воспитаніе безъ науки еще недостаточно для добродѣтели; воспитаніе становится пищею добродѣтели только тогда, когда оно устанавливается просвѣщеніемъ, безъ котораго оно подобно орѣху, неимущему еще ядра, иля яйцу, непроизведшему еще цыпленка» [1]). Вслѣдствіе сантиментально-филантропическаго убѣжденія, что «всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце»,—филантропы конца XVIII и начала XIX столѣтія громко провозглашали, что всѣ люди могутъ наслаждаться благами наукъ и искусствъ, что безчеловѣчно не давать этого наслажденія низшимъ классамъ. Карамзинъ съ филантропической точки зрѣнія высказалъ такую мысль: «Не думайте, власти, чтобы какое-нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ. *Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце: слѣдовательно, всѣ могутъ пользоваться плодами наукъ* и искусствъ, и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ» [2]). Воодушевляемый такою филантропическою идеей, Карамзинъ съ чувствительною благодарностью привѣтствовалъ указъ императора Александра I отъ 24-го января 1803 года объ учрежденіи гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и новыхъ университетовъ. Въ учрежденіи этомъ онъ видѣлъ «новый человѣколюбивѣйшій уставъ монарха, сильнѣйшее доказательство небесной благости его». «Предупредимъ гласъ потомства,—писалъ онъ,—предупредимъ судъ историка и Европы: скажемъ, что всѣ новые законы наши человѣколюбивы, но что сей уставъ народнаго просвѣщенія есть сильнѣйшее доказательство небесной благости монарха, который всѣхъ своихъ подданныхъ равно любитъ и всѣхъ считаетъ людьми». Другіе мыслящіе люди, возбуждаемые примѣромъ правительственной филантропіи въ дѣлѣ учрежденія народныхъ училищъ на иждивеніи приказовъ общественнаго призрѣнія, показывали образцы частной филантропически-педагогической дѣятельности. Такъ, напримѣръ, Измайловъ (1773—1830), глубоко проникнутый идиллически-филантропическими идеями и чувствами, восторженно увлекался филантропически-педагогическими идеями Руссо и старался проводить ихъ въ воспитаніе русскаго юношества. Въ 1804 году онъ издавалъ журналъ для воспитанія «Патріотъ». Не довольствуясь теоріей воспитанія, онъ задумалъ приложить ее къ самому дѣлу, и, съ этою цѣлью, въ идиллически-филантропическомъ увлеченіи, завелъ въ своемъ сельскомъ жилищѣ пансіонъ для бѣдныхъ крестьянскихъ дѣтей. Кн. Шаликовъ, посѣтивъ однажды Измай-

[1]) Сочиненія Сумарокова, ч. VI, стр. 240—241, 232.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1803 г., № 5: „о новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи“.

лова въ его сельскомъ домикѣ, говорилъ о немъ слѣдующее: «онъ былъ окруженъ своими питомцами, которыхъ любитъ болѣе, нежели отцы и матери, которыхъ образуетъ какъ Руссо, какъ Песталоцци, которымъ посвящаетъ жизнь свою въ такихъ лѣтахъ, когда жизнь требуетъ всѣхъ удовольствій личности. Я находилъ удивительное сходство между симъ любимцемъ музъ и Ж. Ж. Руссо: тѣ же чувства, тѣ же вкусы, тотъ же образъ жизни и мыслей; подобно женевскому философу, онъ имѣетъ своего Эмиля—одного изъ питомцевъ, который неразлученъ съ нимъ и котораго онъ учитъ столярному ремеслу» [1]). Точно также, учрежденное въ 1802 году въ Ригѣ «вольное общество словесности и практики», подъ вліяніемъ филантропическихъ идей вѣка, поставило своею обязанностію — «обучать въ тишинѣ людей низкаго рода тому, что можетъ быть для нихъ полезно, обращать вниманіе свое на физическое и нравственное воспитаніе гражданъ низшаго класса, которые находятся въ пренебреженіи, и стараться пріучать ихъ размышлять самихъ собою» [2]). Общимъ слѣдствіемъ такихъ филантропическихъ идей и чувствъ были всѣ эти народообразовательныя учрежденія правительственной филантропіи — гимназіи и приходскія и уѣздныя училища, въ уставахъ и учебникахъ которыхъ впервые выражено было филантропическое стремленіе очистить или избавить умъ народный отъ до-петровскихъ суевѣрій и предразсудковъ, какъ источниковъ народнаго заблужденія и несчастія [3]). И вообще, вплоть до сороковыхъ годовъ, филантропическіе мотивы къ возбужденію идеи о всенародномъ образованіи предшествовали требованіямъ справедливости. Еще въ половинѣ сороковыхъ годовъ въ «Современникѣ» замѣчено было, по поводу разбора книги о духовномъ образованіи земледѣльческаго класса: «Нельзя не замѣтить, что *филантропическая идея объ образованіи людей низшаго класса* у насъ болѣе и болѣе развивается. Это очень естественно: чѣмъ просвѣщеннѣе становится высшій рядъ общества, тѣмъ чаще изъ него всматриваются въ положеніе тѣхъ, которые судьбою поставлены внизу» [4]).

---

[1]) Аглая, 1808, ноябрь: „Любимцу музъ“.

[2]) Періодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, т. I, стр. 52—59. „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія“, т. I, № 8, стр. 22—27.

[3]) Это стремленіе искоренить *суевѣріе* и просвѣтить *разсудокъ* простого народа прямо выражено было въ уставахъ приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, а также въ предисловіяхъ учебниковъ, напримѣръ, по физикѣ, технологіи и проч. „Сборникъ постановленій министерства народнаго просвѣщенія“, т. I.

[4]) „Современникъ“, 1846, г. № 6, стр. 353.

IV

Общественный трудъ

Господство физическаго страха и богатырской, хищнической, разбойнической, воинственной и поработительной мускульной дѣятельности въ сферѣ первобытнаго труда.— Происхожденіе рабства, богатства и бѣдности въ сферѣ труда.—Первобытная форма кооперацiи въ дружинахъ богатырски-воинственныхъ, хищническихъ и разбойническихъ: кооперацiи грубо-мускульныя.—Господство моноѳеистическаго страха Божія, богобоязненно братолюбивыхъ воззрѣній на рабочихъ людей и остатковъ первобытныхъ эгоистически-пріобрѣтательныхъ и хищнически - поработительныхъ наклонностей въ сферѣ до-петровскаго общественнаго труда.—Богобоязненно-братолюбивый взглядъ на рабство, и ѳеократическая санкція историко-традиціоннаго принципа рабства. — Богобоязненно-церковно-обрядовая форма до-петровскихъ коопераній—церковныхъ дружинъ иконописцевъ, храмостроителей, церковныхъ братствъ: кооперацiи нравственно-мускульныя. — Богобоязненныя понятія о трудѣ и господство труда первобытно-грубаго, простого, безъискусственнаго.—Богобоязненное предуготовленіе къ усвоенію западныхъ художествъ въ сферѣ труда.—Восторженное чувство удивленія чудесамъ художествъ и машинъ, и вліяніе его на развитіе послѣ-петровскаго общественнаго труда.—Преобладаніе художественнаго, искусственнаго труда надъ первобытнымъ до-петровскимъ трудомъ безъискусственнымъ. — Сантиментально-филантропическая идея улучшенія быта рабочихъ.—Послѣ до-петровскаго богобоязненно-аскетическаго отрицанія страсти корыстолюбія, какъ порожденія особаго „демона сребролюбиваго“ или „прелестнаго духа несытости“,—прославленіе страсти корыстолюбія и вліяніе его на государственное поощреніе и возвышеніе коммерціи, на развитіе преобладанія капитала надъ трудомъ.—Сантиментально-филантропическія идеи благотворительности богачей и раціонально-филантропическія идеи Канкрина о наиболѣе справедливомъ распредѣленіи богатства. — Восторженное чувство удивленія „славѣ геройскихъ и знатныхъ дѣлъ“, и возвышеніе общественной дѣятельности дворянства, сопровождавшееся равномѣрнымъ униженіемъ „подлаго народа“. —Восторженное прославленіе филантропической славы царей, и сантиментально-филантропическая идея освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.—Возникновеніе сантиментально-филантропической идеи кооперацiи въ сферѣ земледѣлія и особенно въ сферѣ умственнаго труда и нравственно-общественной дѣятельности.—Восторженное восхищеніе идеей кооперацiи и развитіе нравственныхъ чувствъ соціально-кооперативной взаимности.

Въ первобытныя времена, и въ сферѣ труда, страхъ таинственныхъ силъ природы и грубой физической силы былъ главнымъ источникомъ всѣхъ первобытныхъ проявленій мускульной дѣятельности человѣческой и первоначальныхъ понятій о трудѣ. Прежде всего, возбуждая инстинктъ самосохраненія, онъ неудержимо рефлективно выражался въ постоянной, обширной мускульной дѣятельности и порождалъ всеобщее животно-эгоистическое стремленіе къ самообезпеченію, какъ требѣ боговъ «живота», къ застрахованію себя на счетъ «чужого труда», или, по древнему выраженію, «отъ чужой силы». Сильный, несмотря на свою могучую силу, все-таки боялся таинственныхъ силъ природы, могшихъ вдругъ лишить его нахватаннаго имущества и уморить голодною смертью, — и вслѣдствіе такого опасенія, съ ненасытною жадностью застраховывалъ себя—подвизался въ похищеніи чужого имущества, въ захватѣ произведеній или добычи чужого труда. Отсюда проистекало первобытное сильнѣйшее развитіе страсти любостяжательности, корыстолюбія, какъ

гребы боговъ «живота». Отсюда проистекало господство насильственной эгоистически-пріобрѣтательной дѣятельности и преобладаніе подвига богатырскаго. труда воинственнаго, оккупаторскаго. хищническаго. порабо-:ительнаго надъ трудомъ мирнымъ. человѣколюбиво-промышленнымъ. Маломочный смердъ», трепеща передъ «богатырской головой» и мускульной илой, страшась «необычной», преобладающей насильственно-поработи-ельной силы «сильныхъ мужей», невольно поклонялся и покорялся имъ подъ руку», по словамъ древнихъ памятниковъ, «черпалъ и подавалъ імъ воду, какъ холопъ господамъ», вообще, работалъ на нихъ. На войнѣ. іалосильные люди, «малая чадь», «отроки» также невольно отдавались ъ руки «сильнымъ мужамъ». Такимъ образомъ, рождалось первобытное іабство въ сферѣ труда [1]). Далѣе. всѣ боялись таинственныхъ силъ ірироды,—и со страхомъ и трепетомъ рѣшались на каждый трудъ и іромыселъ: вслѣдствіе этого, звѣроловъ покланялся разнымъ зооморфи-ескимъ божествамъ, звѣрямъ и самымъ орудіямъ звѣроловнымъ, а также і лѣсу; пастухъ покланялся «скотьему богу—Велесу». земледѣлецъ юкланялся «матери—сырой землѣ», плугу и хлѣбу [2]); вѣдунъ, знахарь со :трахомъ и трепетомъ шелъ искать клада, сокровищъ въ горахъ, боясь Змѣя-Горынчища» [3]). Въ то же время, страхъ таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой полагалъ первоначальное основаніе раздѣленія людей на богатыхъ и бѣдныхъ. Съ одной стороны, всеобщій страхъ таинственныхъ силъ природы, постоянно угрожавшихъ внезапнымъ лишеніемъ всѣхъ средствъ жизни, нищетою и голодною смертью, невольно и сильно побуждая всѣхъ, для застрахованія и обезпеченія своей жизни, всѣми силами добывать и пріобрѣтать средства жизни. во всеобщей эгоистически-пріобрѣтательной борьбѣ за существованіе, другъ съ другомъ соперничать въ ловлѣ звѣрей, въ грабежахъ и разбояхъ, въ хищническихъ набѣгахъ на чужія владѣнія,—такимъ образомъ порождалъ

---

[1]) Памятн. стар. русск. литер., вып. II, стр. 328. Подробности см. въ моей статьѣ въ „Дѣлѣ" за 1871 г., № 8.

[2]) Первобытный религіозный обычай поклоненія „Хлѣбу", повидимому, долго сохранялся въ народѣ. Патр. Никонъ на соборѣ 1655 года говорилъ: „людіе, въ церкви приходяще, неосвященному *хлѣбу божескую честь воздають, покланяются и припадающе молятся хлѣбамъ*, аки невѣти пѣніе странновѣрствующіе и *хлѣбопоклонники*". Впрочемъ, на это Павелъ Коломенскій возражалъ: „возможно ли помыслить, яко бы шестисотый въ россійской церкви обычай, чужевѣрный *хлѣбопоклонническій чинъ* содержали донынѣ". Раскольничья церковная исторія XIX вѣка, 1859 г., ч. III, л. 55, въ библіот. Казан. дух. академіи.

[3]) Въ горахъ боялись Змѣя-Горынчища, и только волхвы, вѣдуны или богатыри дерзали добывать изъ горныхъ сокровищъ золото и серебро: „Зашелъ Добрыня въ пещеры бѣлокаменны, гдѣ жилъ Змѣй-Горынчище, нашелъ въ тѣхъ пещерахъ бѣлокаменныхъ у лютаго Змѣя-Горынчища много злата, серебра". (Древн. россійск. стих. стр. 349). И впослѣдствіи, долго, никто, кромѣ волхвовъ или вѣдуновъ, не дерзалъ первый рыться въ горахъ, искать руды. Юрій Крыжаничъ говоритъ: „къ обрѣтенію руды Камскія бяше призванъ нѣкій волхвъ, и онъ указалъ ово мѣсто, гдѣ копати, якоже и есть копано, но съ малою корыстію". О Москов. государ. 4-й „о рудахъ" стр. 59—60.

первобытное раздѣленіе людей на «имущихъ и неимущихъ». Сильнѣйшіе, удачнѣе другихъ ловившіе или, по древнему выраженію, «имавшіе» звѣрей, захватывавшіе или «поимавшіе» чужое имѣніе на войнѣ, или въ грабежахъ и разбояхъ, естественно оказывались и назывались «сильными имѣніемъ», «имущими» (отъ глаг. «имать»), т.-е. имѣвшими силу захватить, набрать много имѣнья; а малосильные, не обладавшіе достаточною силою для захвата и «собиранія имѣнья», естественно становились и назывались «неимущими» или «немощными имѣніемъ». Первые, какъ щедро надѣленные богами силы и изобилія, какъ любимцы или избранники боговъ, назывались «богатыми» (отъ слова «боги»), а «немощные имѣніемъ», нищіе, какъ обдѣленные богами силы и изобилія, бывшіе въ немилости у боговъ, названы были «убогими»: ибо, по древней пословицѣ, «гдѣ смердъ думалъ, тамъ богъ не былъ» [1]). Съ другой стороны, всеобщій страхъ преобладающей эгоистически-пріобрѣтательной физической силы—воинственной, хищнической и разбойнической нерѣдко невольно побуждалъ самихъ маломочныхъ людей приносить свое имѣніе въ жертву «сильнымъ мужамъ», «храбрымъ воинамъ и бойцамъ», дабы умилостивить ихъ и избавиться отъ ихъ страшнаго истязанія. Маломочные всегда терпѣли, по выраженію древнихъ памятниковъ, «бѣды или бѣдности» отъ сильнѣйшихъ, все силой отнимавшихъ у нихъ и заставлявшихъ ихъ бѣдствовать; и отъ того произошло первоначальное названіе ихъ «бѣдными» [2]). Таковы были существенныя начала первобытнаго народнаго труда и пріобрѣтенія.

Въ слѣдующій за тѣмъ фазисъ, когда первобытный фетишическій страхъ природы замѣнился моноѳеистическимъ страхомъ единой невидимой силы Божіей въ природѣ и въ сферѣ труда народнаго, высшимъ основнымъ началомъ сталъ этотъ моноѳеистическій, христіанскій страхъ Божій. Такъ богобоязненными убѣжденіями утверждено было общественное значеніе и положеніе рабочаго народа. Съ одной стороны, богобоязненная вѣра въ предопредѣленіе «неисповѣдимыхъ судебъ и уставовъ Божіихъ», укоренивши убѣжденіе, что «Господь попустилъ есть овому господствовать, овому же работати», что «Богъ не самовластно человѣка сотворилъ, а уставомъ и царей, и князей, и прочія власти для воздержанія міра, и далъ властямъ волости съ христіаны» [3]).—эта богобоязненная вѣра въ «попущеніе Божіе» такимъ образомъ незыблемо утверждала историко-традиціонное установленіе рабства и господства—первооснову развитія крѣпостного права. Вслѣдствіе укорененія такихъ убѣжденій Русской правдой утверждено было первобытное холопство или рабство, образовавшееся путемъ первобытнаго пріобрѣтенія рабовъ или холоповъ

[1]) Буслаевъ.

[2]) Въ одной челобитной XVII вѣка сохранилось первобытное значеніе слова „бѣдность“, именно въ такомъ выраженіи: „видимъ надъ собою такую *бѣдность*, что боярскія дѣти со многими дворовыми людьми учали у насъ силой кожи изъ озера волочити и насъ бить“. Въ Чтен. Москов. общ. истор. и древн. росс.

[3]) Памятн., IV, 205. Инока Вассіана разсужд. о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами. Въ Чтен. общ. истор., стр. 12—16.

іной, насильственнымъ захватомъ «отроковъ» и «маломочныхъ, молод-хъ людей», кабалой и т. п., и, въ то же время, узаконены были обя-ельныя рабочія отношенія «ролейныхъ закуповъ» къ «господинамъ» —рамъ, или отношенія колонистовъ-земледѣльцевъ къ колонизаторамъ-левладѣльцамъ. Затѣмъ, когда колонизаціонная обстройка русской ли, географическое, колонизаціонное распространеніе и распредѣленіе еленія, требовавшее его разбродчивости, «броженія врознь», свободнаго ехода, въ главныхъ основаніяхъ были заключены, когда княжескія и рскія вотчинныя земли были значительно заселены и, вслѣдъ за рас-страненіемъ христіанства, вслѣдъ за пожалованіемъ духовенству об-рнѣйшихъ земель, вслѣдъ за обращеніемъ поганой, некрещеной Чуди, ли, Корелъ и другихъ финскихъ племенъ въ «христіанъ или хресть-ъ», вслѣдъ за колонизаціонно-іерархическимъ распространеніемъ на къ «волости» или власти духовной, образовались новыя «волости» настырскія, владычни и церковныя,—тогда, тотчасъ послѣ совершенія тралазаціоннаго, единодержавно-государственнаго процесса «собиранія» хъ этихъ разрозненныхъ, «особныхъ», удѣльно-вѣчевыхъ вотчинныхъ оній въ одно цѣлое московское государство, подъ одну «крѣпкую руку сковскихъ самодержцевъ всея Русіи»,—тогда, говоримъ, естественно со-шилось и прекращеніе свободнаго перехода крестьянъ, прикрѣпленіе ихъ землѣ, и учрежденъ былъ особый «холопій» и «сыскный» приказъ. Указами 2—1597 годовъ и свободные крестьяне стали обращаться въ прикрѣплен-хъ къ землѣ рабочихъ рабовъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ работать своихъ «господиновъ» особыми указами и уставными граматами. Ука-ми 1598—1640 г. и уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича усилено ло стремленіе къ прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ и, наконецъ, пер-ми ревизіями во всей силѣ развито было крѣпостное право.

Съ другой стороны, богобоязненно-братолюбивое воззрѣніе на человѣ-кую природу, утвердивши убѣжденіе, что «вси единымъ крещеніемъ стихомся, вси равно кровію Христа искуплени и вси равно, рабы и бодные, на страшномъ судищѣ предстанемъ»,—впервые порождало и вну-ло заповѣдь «не порабощать силою рабовъ, быть милосердымъ и чело-колюбивымъ къ рабамъ», «господствующимъ князьямъ и боярамъ печа-заться объ общемъ народѣ, Господня ради страха», «не нудить нищихъ работу» и т. п. Послѣ первобытнаго господства воинственно-поработи-льнаго насилія «сильныхъ мужей»,—учители церковные увѣщевали бояръ, жившихъ въ воинахъ, укрощать свою воинственную силу и оказывать тголюбивое милосердіе къ подвластнымъ имъ крестьянамъ и рабамъ. ласти, — говорилъ инокъ Вассіанъ Косой, — даны свыше отъ Бога скимъ властямъ, и вѣрнымъ воинамъ подобаетъ въ воинахъ быти царскаго повелѣнія и стояти противъ враговъ креста Христова ѣлко, неподвижно, а къ своевѣрнымъ и въ домахъ своихъ быти откимъ, щедрымъ, милостивымъ, и ихъ не бити, ниже мучити, и гра-ленія не чинити, женъ и дѣвицъ не сквернити, вдовицъ и сиротъ и всѣхъ авославныхъ христіанъ ничѣмъ не изобидѣти. Подобаетъ въ воинахъ ти и помнити всегда смертный часъ со всякою добродѣтелью къ Богу.

Также, подобаетъ труждающихся въ волостяхъ, крестьянъ любить, какъ братій по Бозѣ, снабжать всѣмъ лучшимъ и полезнѣйшимъ, лучшими яствами и питьями» и т. п.[1]). Іосифъ Волоцкій писалъ особыя посланія къ боярамъ, въ которыхъ увѣщевалъ ихъ милосердо обращаться съ рабами, достаточно снабжать ихъ пищей и одеждой, учить ихъ страху Божію, отпускать на волю для постриженія въ иночество. Въ XVII в. «Слово о Правдѣ» поучало облегчить крестьянъ въ земскихъ повинностяхъ и работахъ, и т. п.[2]).

Точно также и первобытныя, эгоистически-пріобрѣтательныя стремленія корыстолюбія, въ сферѣ труда, существенно смягчались и измѣнялись христіанскими богобоязненными чувствами. Послѣ первобытнаго господства грубаго, немилосердаго корыстолюбія и хищничества, богобоязненные люди стали бояться страсти корыстолюбія, какъ особаго демона сребролюбиваго. Въ книгахъ читали: «демонъ сребролюбивый будетъ яко человѣкъ лицемъ, очію отъ очію испущаетъ, чернъ яко муринъ, по обоимъ раменамъ его вмѣсто рукъ змія виситъ, уста у него львовы, чрево же его всякой пищи изнурительнѣйшее, все влагаемое спаляетъ» и проч.[3]). Вслѣдствіе такого взгляда на страсть корыстолюбія,—проповѣдники церковные, искореняя въ народѣ первобытное господство ненасытимаго хищничества и грабежа, сильно вопіяли противъ этого господства грубой, хищнической любостяжательности. Напримѣръ, одинъ проповѣдникъ въ «Словѣ о берущихъ многа имѣнія», устрашая народъ страшнымъ судомъ и казнями Божіими, вопіялъ: «безъ ума мятется всякъ человѣкъ и собираетъ имѣнія, и не вѣсть, кому собираетъ: ибо мятется, суетится, собирая богатство: одному богатство, а другому печаль, одинъ алчетъ, а другой добромъ его насыщается, тотъ стонетъ, а иные имѣніемъ его обогащаются: одинъ у другого имѣніе похитилъ, а другой у иного землю отнялъ, многіе крадутъ и разбойничаютъ, а все потому, что жаждутъ собрать имѣнье. Богъ далъ намъ богатство, а мы еще отнимаемъ у убогихъ и насилуемъ сиротъ»[4]). По внушенію страха Божія, послѣ первобытнаго необузданнаго господства насилія въ отнятіи пищи и всякаго имѣнія, послѣ первобытнаго ненасытимаго хищничества «сильныхъ имѣніемъ», неизбѣжно сопровождавшагося умноженіемъ бѣдныхъ, нищихъ, голодныхъ и т. п.,—всѣ богобоязненные люди, какъ мы видѣли, стали раздавать кормъ, яства и питья и всякое имѣнье этимъ нищимъ, бѣднымъ и голоднымъ, вообще, послѣ первобытнаго звѣрскаго жестокосердія, стали творить милостыню. Съ другой стороны, страхъ Божій внушилъ убѣжденіе, что «богатство Богъ намъ далъ есть», что «Господь Богъ егоже хощетъ обогащаетъ, и егоже хощетъ обнищеваетъ»[5]). Вслѣдствіе этого, моралисты поучали народъ «въ купляхъ и продажахъ вѣдать судьбы Божіи», а не обращаться

[1]) Разсужд. Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами.

[2]) Пам. IV, 191—192. Голосъ древн. русск. церкви объ улучшеніи быта людей несвободныхъ въ Правосл. Собесѣдн., 1858 г., январь.

[3]) Изъ рукописи В. Ив. Григоровича.

[4]) Правосл. Собес., 1858, іюль, стр. 481—483.

[5]) Памятн., IV, 205. III, 15.

къ волхвамъ съ гаданьями. Гости или купцы побуждались страхомъ Божіимъ соблюдать «правду Божію въ вѣсахъ и мѣрахъ». Св. Владиміръ въ своемъ церковномъ уставѣ, искореняя первобытное безсовѣстное грабительство, объявилъ мѣру и вѣсы чѣмъ-то священнымъ и передалъ наблюденіе за ними надзору церковной власти, епископовъ, говоря: «а мѣру и вѣсы святителямъ блюсти». Первые торги, въ родѣ торга при церкви св. Іоанна (XII в.), охранялись и освящались церковной санкціей. Слагались легенды, что гостей и купцовъ обогащала уже не сила, а сама Богородица, «убожествамъ обогатительница», или обогащалъ самъ Богъ. Такъ какъ многіе, по внушенію аскетическаго страха Божія, стали смотрѣть на богатство, какъ на зло, то церковные наставники поучали: «братіе, вѣдите, яко богатство нѣсть зло, аще добро творимъ; аще кто нищеты ради отходитъ въ монастырь, то уже не для Божіей любви отходитъ, но чреву своему угодіе творитъ; не спасутъ насъ черныя ризы, аще въ лѣности начнемъ жити, не губятъ же и бѣлыя ризы тѣхъ, аще кто богатъ, но творитъ Господни заповѣди». Наконецъ, и на самое пріобрѣтеніе богатства и на улучшеніе торговли «съ примѣру стороннихъ чужихъ земель» смотрѣли съ богобоязненной точки зрѣнія, какъ на «богоданную радость христіанъ». Знаменитый Ординъ-Нащокинъ, издатель торговаго устава, утверждалъ: «всегда отъ Бога данная христіанамъ радость, чтобы они въ покоѣ и въ умноженіи торговыхъ прибытковъ пребывали» [1]).

Далѣе, самыя понятія о трудѣ всецѣло проникнуты были страхомъ Божіимъ. Во-первыхъ, страхъ Божій возбранялъ первобытное проявленіе рабочей силы человѣка — хищническое и разбойническое. Церковь угрожала татямъ и разбойникамъ страхомъ суда страшнаго и проклятія церковнаго, отлучала ихъ отъ церковнаго общенія, возбраняла принимать отъ нихъ всякія «чары» или приношенія въ храмы Божіи, поучала князей казнями искоренять первобытное разбойничество. Вообще, послѣ первобытнаго господства труда воинственнаго, хищническаго и разбойническаго,—страхъ Божій побуждалъ и пріучалъ къ труду мирному, братолюбиво-промышленному, богобоязненному. Древнее поученіе, подъ заглавіемъ: «Слово о лѣнивыхъ и похвалы дѣлателямъ» поучало земледѣльцевъ, «рукодѣльниковъ», пастуховъ или скотоводовъ, гостей или торговцевъ и женъ мирно трудиться, работать усердно, и часть отъ трудовъ своихъ удѣлять нищимъ и Богу или церквамъ, но отнюдь не заниматься разбоемъ и татьбою, и отъ разбойниковъ и татей не принимать никакихъ приношеній въ церкви [2]). Во-вторыхъ, послѣ первобытнаго фетишическаго страха таинственныхъ силъ природы во всѣхъ сферахъ промышленнаго труда и волшебныхъ гаданій объ удачѣ или неудачѣ промысловъ, христіанское чувство страха Божія внушало убѣжденіе, что не сила ручная, не хитрость искусства дѣлаютъ успѣшнымъ всякій трудъ, а единственно молитва къ Богу. На такой мысли

[1]) Памятн., I, 133. Лешкова, русскій народъ и государство. Правосл. Собесѣдн., 1858 г., декабрь, стр. 512. Исторія Россіи Соловьева, XII, 247.

[2]) Измарагдъ, рукоп. Солов. библіот. № 270.

основана была древняя повѣсть «о двухъ швецахъ» или сапожникахъ, которая кончалась такимъ поученіемъ: «се же, братіе, слышаще, теките къ церкви, дѣло оставльши, да Господь помилуетъ вы: аще бо и много труждаемся, дѣлающе что или куплю дѣюще, а отъ Бога не будетъ дано, то не успѣемъ ничтоже, самый хитрый рукодѣльникъ ничего не сдѣлаетъ, не будетъ богатъ отъ своего хитраго ремесла»[1]). Вслѣдствіе такихъ богобоязненныхъ воззрѣній на трудъ, сочинены были особыя молитвы при началѣ всякаго труда, и даже особые «молитвенники» промышленные, въ родѣ находящагося у насъ рукописнаго «молитвенника бортниковъ» или пчеловодовъ, похожаго на цѣлый молебенъ. Во всѣхъ сферахъ труда, въ области земледѣлія, огородничества, скотоводства и рыболовства, признаны были покровителями и помощниками особые святые[2]). Въ-третьихъ, богобоязненныя понятія внушили убѣжденіе, что не человѣческая хитрость или умственная изобрѣтательность, мускульная ловкость и художественное творчество научили и научаютъ людей разнымъ ремесламъ, а «Христосъ Богъ всѣмъ учителямъ мастерамъ ремесла даетъ», что «умилосердился Господь, послалъ сперва архангела Іоиля отлучити седьмую часть земли отъ рая и подалъ Адаму и Еввѣ на воздѣланіе, потомъ пришелъ архангелъ Гавріилъ и наставилъ Адама на дѣла ручная, и дастъ имъ пшеницу и медъ»[3]). Общимъ слѣдствіемъ такихъ убѣжденій было предпочтеніе труда богобоязненно-скромнаго, безъискусственнаго, труду художественному, изобрѣтательно-индустріальному. Древнее сказаніе о богобоязненномъ дровосѣкѣ — «о старцѣ, низведшемъ дождь съ небесе», который «отъ чужой силы никогда не бралъ хлѣба и не ѣлъ даромъ ни у кого, а только рубилъ въ лѣсу дрова и на своихъ плечахъ носилъ ихъ въ городъ на продажу и тѣмъ пищу себѣ покупалъ», — это древнее сказаніе представляло религіозную санкцію труда своеручнаго и, въ то же время, самаго простого, безъискусственнаго и богобоязненнаго[4]). И этотъ-то идеалъ труда, можно сказать, вполнѣ достигался въ древней Руси наибольшею частію рабочаго народа. Трудъ изъ-за куска хлѣба, трудъ чисто «кормовой» и самый безъискусственный, всецѣло преобладалъ надъ трудомъ искусственнымъ, раціонально-индустріальнымъ, художественно-творческимъ. Самыя безъискусственныя «кормовыя» и «бродячія» работы и промыслы преобладали надъ мастерствами и работами, хоть сколько-нибудь требовавшими умственнаго развитія и ученья. Многіе «кормились походя роботою», или «кормились роботою ходя по наймамъ». Одни «кормились топоромъ», другіе — «ветошьемъ», или — «отъ озера»[5]). Иные, послѣ отцовъ бродя по многимъ мѣстамъ, кормились «веселымъ промысломъ — скоморошествомъ», или «скрипкою». Въ самой Москвѣ, въ Мѣщанской слободѣ, въ 1677 году, изъ 634 промышленныхъ и ремесленныхъ людей, только человѣкъ 8 занимались такими

---

[1]) Пам., І, 87—88.
[2]) См. историческій любопытный народный календарь въ Чт. общ. истор.
[3]) Буслаева, II, стр. 180. Пам., III, 2.
[4]) Памят., I, 86—87.
[5]) А. А. Э. IV, № 38.

ремеслами или промыслами, которые хоть сколько-нибудь требовали умственнаго развитія и ученья, какъ, напримѣръ: ученьемъ дѣтей въ школѣ, печатаньемъ листовъ, книжной торговлей, перепиской книгъ, дѣланьемъ органовъ и насосовъ, садоводствомъ, и на каждое изъ этихъ ремеслъ приходилось только по одному человѣку. Между тѣмъ, однимъ «мясомъ промышляли» въ той же Мѣщанской слободѣ до 52 человѣкъ, рыбой болѣе 20, хлѣбомъ печенымъ и калачами до 24, разнымъ другимъ харчемъ до 11 человѣкъ, «ветошнымъ» 13 человѣкъ, «сырьемъ» 4 или 5, «переулошнымъ товаромъ» 14, черною работою кормилось 18 человѣкъ [1]). И всѣ эти ремесла и промыслы, вмѣстѣ съ повѣрьями и суевѣрьями, передавались по наслѣдству изъ рода въ родъ, отъ отцовъ и дѣдовъ къ дѣтямъ и внукамъ, по старинѣ и пошлинѣ. Многіе рабочіе такъ и въ дѣловыхъ бумагахъ писались изъ рода въ родъ: «въ такомъ-то дѣлѣ сынъ или внукъ силу знаетъ, какъ и родители его въ томъ же дѣлѣ силу знали»; или: какъ дѣдъ и отецъ писался «свѣшникомъ», «масленникомъ», «холшевникомъ» и т. п., такъ и сынъ и внукъ писался: «сынъ свѣшникъ, сынъ масленникъ, сынъ холшевникъ» и т. п. [2]). Вообще, первобытный, историко-традиціонный, безъискусственный трудъ до того преобладалъ до Петра Великаго надъ трудомъ изобрѣтательно-творческимъ, что въ народѣ укоренилось убѣжденіе, будто не только первобытные люди, но и ихъ потомки безъ власти Божіей никогда не могли и не могутъ изобрѣсти ни одного вида труда искусственнаго. Эту мысль народные грамотники выразили въ слѣдующемъ «разговорѣ о дѣтяхъ праотца, како жили»: «братъ, сынъ Феофилактовичъ! Благополучно здравствуй! Писалъ ты на походѣ своемъ прошеніе нѣкое о написаніи къ тебѣ что-нибудь. Я то помню и думаю, что писать, и пришло мнѣ на мысль помянуть вкратцѣ прадѣда нашего житіе: диковинка не малая подумать, какъ онъ заводъ свой заводилъ — хоромное строеніе и хлѣбную пашню, рыбную ловлю, сѣнные покосы и прочее. Сталъ онъ прежде избу строить: гдѣ бревна? Смѣчены и несѣчены. Сѣчь чѣмъ? Топоромъ? А топоръ не кованъ, а топорище не сдѣлано. Ахъ, бѣда! прежде избы надобно кузницу строить, а желѣзо изъ земли не выкопано, а и копать чѣмъ, не умѣетъ, уголья не жжены, и жечь не знаетъ. Еще лѣсъ стоитъ на корени; что тутъ въ началѣ завесть — желѣзные заводы, иль сѣченіе лѣсовъ? Пашню ли пахать, аль сохи, бороны дѣлать? Плотники не рождены, кузнецы не зачаты, прочіе мастера всѣ еще на свѣтъ не поспѣли и хитрецы не вышли... Безконечное слово о томъ, да пора окончить. Видно намъ безъ власти Божіей ничего не сдѣлать, а Богъ въ семь дней все сотворилъ для насъ» [3]). Вслѣдствіе такого безсилія первобытнаго, безъискусственнаго труда, маломочные смерды неизбѣжно съ древнѣйшихъ временъ оказывались безсильными во всѣхъ сферахъ труда на пути своего колонизаціоннаго самоустройства среди дикой, суровой природы сѣверной и сѣверо-восточной Европы. Долго они боялись Змѣевъ Горынчищей и не

---

[1]) Чтен. общ. истор., 1860 г., кн. 2, отд. V, стр. 1—20.
[2]) Дополн. къ А. И. VI, 132, 185.
[3]) Изъ рукоп. XVIII в. Лѣтоп. рус. литер. и древн. 1859 г., т. II, отд. III, стр. 72.

умѣли добывать желѣзо изъ горъ, не умѣли ковать сошниковъ, косъ, топоровъ и проч.; съ трепетомъ уповая на скотьяго бога Велеса и потомъ на святого Власія и Георгія, не умѣли разумно вести скотоводства; со страхомъ голодовъ поклоняясь «хлѣбу», не умѣли разумно обработывать поля и проч., -- и вотъ поневолѣ, съ древнѣйшихъ временъ и вплоть до XVII-го вѣка, сами шли «поряжаться въ ролейные закупы, въ крестьяне» «господинамъ боярамъ», «господинамъ архимандритамъ, игуменамъ, владыкамъ», изъ-за ссуды сохи, топора и косы, изъ-за ссуды рабочей лошади и коровы, изъ-за «денежной и хлѣбной подмоги», и такимъ образомъ выработывали себѣ крѣпостное рабство. Точно также, часто, единственно вслѣдствіе нераціональности, безъискусственности труда, самыя цвѣтущія общины древней Руси не имѣли прочной экономической силы, самобытности, устойчивости, и поневолѣ подчинялись крѣпкой рукѣ и опекѣ московскихъ самодержцевъ. Съ XI-го вѣка народъ позналъ догматическую истину, что «Богъ наводитъ по грѣхамъ на куюждо землю гладомъ или моромъ, или вёдромъ, или иною казнію, а человѣкъ не вѣсть ничтоже» [1]). На основаніи такой догматической истины, народъ сталъ объяснять всѣ физическія явленія въ сферѣ своей хозяйственной дѣятельности, въ области природы, однимъ непостижимымъ закономъ — волею Божіею. По словамъ древнихъ народныхъ памятниковъ, «волею Божіею вставала буря и вѣтромъ лѣсъ ломало; волею Божіею приходила вешняя большая вода; волею Божіею или попущеніемъ Божіимъ, по грѣхамъ нашимъ, была засуха; Божіимъ посѣщеніемъ ниспадалъ градъ, Божіимъ промысломъ и повелѣніемъ бываетъ теплота воздушная и молитвъ ради пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ великихъ чудотворцевъ даруетъ Господь Богъ снѣгъ и мразъ; Божіимъ промысломъ и повелѣніемъ рожь цвѣтетъ, а цвѣту не прибиваетъ мразомъ молитвами пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ; Божіимъ наведеніемъ бываетъ изсохновеніе земли» и т. д. [2]). Само по себѣ это догматическое убѣжденіе непреложно. Но до-петровскіе предки наши выводили изъ него то одностороннее, ложное умозаключеніе, что «человѣкъ не вѣсть ничтоже», что «познавать естественныя вины явленій естественнымъ разумомъ есть буйство у Бога, непокорство слову Божію», что трудъ человѣческій безсиленъ въ борьбѣ съ природой. И вотъ, вслѣдствіе такихъ убѣжденій, естественно, до-петровскія общины никакъ не могли додуматься до того, что для наиболѣе разумнаго, правильнаго и прочнаго саморазвитія имъ необходимы были во всѣхъ сферахъ труда раціональныя основы естествознанія, что рано или поздно общины должны были бы сами собою преобразовываться изъ непосредственно-натуральныхъ. естественно-рабочихъ общинъ въ общины раціонально-рабочія, естественно-научно-экономическія, что рядомъ съ «излюбленными ихъ мірскими головами и старостами» имъ еще болѣе необходимы были, вмѣсто вѣдуновъ и знахарей, такія мірскія, общинныя излюбленныя головы, которыя бы изслѣдовали и раскрывали имъ законы природы во всѣхъ сферахъ труда и

[1]) Лаврент. лѣтоп., 63—64.
[2]) Пам., I, 277—278 и мног. друг. источн.

общинной экономіи, что, наконецъ, рядомъ съ вѣчами и мірскими думами имъ необходимы были общинныя думы или согласія естество-познавательныя, рядомъ съ общинными, мірскими избами необходимы были общинныя естество-испытательныя лабораторіи, естественно-научныя училища и т. п. Напротивъ, древне-русскія общины, со страхомъ казней Божіихъ, пассивно подчинялись всѣмъ силамъ природы, дѣйствовавшимъ на ихъ общинный трудъ, хозяйство и благосостояніе,—и, вслѣдствіе того, неизбѣжно или разрушались до основанія, или влачили самое бѣдственное, «страдомое» существованіе. Такъ, напримѣръ, вѣковымъ опытомъ познавали общины, что земли постоянно «выпахивались», какъ выражались встарину, и что за истощеніемъ почвы неизбѣжно слѣдовали неурожаи и голода; но изслѣдовать силы и законы почвы боялись, считали это богопротивнымъ, дерзкимъ искушеніемъ воли Божіей, и потому до изысканія новыхъ, лучшихъ способовъ удобренія полей не могли и додуматься: «хлѣбъ родится, рожь цвѣтетъ или цвѣту въ ней не прибываетъ промысломъ и повелѣніемъ Божіимъ», — такъ говорили встарину новгородцы; «хлѣбъ въ Божіей волѣ».—такъ въ одинъ голосъ отвѣчали и всѣ земскіе люди, когда на земскомъ соборѣ 1660 года поднятъ былъ вопросъ о причинахъ «хлѣбныхъ недородовъ» или дороговизны. И вотъ, вслѣдствіе одного «изсохновенія» или «выпахиванья почвы» и «хлѣбнаго недороду», самыя богатыя, многолюдныя общины, по словамъ лѣтописей и писцовыхъ книгъ, «расходились врознь», испытывали отъ неурожаевъ постоянное «горе великое, тугу и страхъ», страдали, во время голодовъ, страстною розныю, несогласіемъ и «братоненавидѣніемъ», и, наконецъ, поневолѣ утрачивали свою свободу и самую способность самостоятельнаго развитія. Не богатъ ли, не могучъ ли былъ въ древней Руси Новгородъ великій съ его вѣчемъ, при его союзѣ съ европейскими ганзеатическими городами? А палъ, со страхомъ гнѣва Божія за грѣхи покорился грозному страху московскихъ самодержцевъ. И естественною, физическою причиною его паденья и покоренья было именно истощенье, «изсохновенье новгородской земли». Во-первыхъ, давнишнее, постепенное изсохновеніе и выпахиваніе новгородской почвы все болѣе и болѣе усиливало «хлѣбные недороды», крайній недостатокъ и дороговизну хлѣба на торгу, и, вслѣдствіе этого, естественно, постепенно доводило вольную общину до такого внутренняго изнеможенія, несогласія, междоусобія и «братоненавидѣнія», что вѣча стали только выраженіемъ общиннаго несогласія и крамолъ; множество народонаселенія вымирало съ голодовъ и, по свидѣтельству лѣтописи, «братъ брату хлѣба не уламывалъ»; потребители ржаного хлѣба возставали противъ потребителей пшеничнаго, какъ измѣнниковъ — московскихъ сторонниковъ; новгородскіе торговцы и покупщики хлѣба враждовали съ «низовыми», великокняжескими «мукобрянами». А между тѣмъ, московскіе самодержцы, такъ же какъ и князья тверскіе, стали задерживать привозъ хлѣба въ Новгородъ изъ своихъ низовыхъ хлѣбородныхъ земель и такимъ образомъ, не только силою оружія, но и голодомъ заставляли вольную общину покориться московскому государству. Затѣмъ, въ частности, новое, чрезвычайное «изсохновеніе новгородской земли», случившееся какъ разъ

въ тотъ самый роковой годъ, когда великій князь московскій Іоаннъ III шелъ окончательно покорить Новгородъ великій, съ одной стороны произвело такое «изсохновеніе болотъ и мѣстъ, прежде непроходимыхъ», что московская рать, прежде всегда только зиму находившая удобною для походовъ на Новгородъ, на этотъ разъ легко подступила къ Новгороду и лѣтомъ, черезъ высохшія рѣки и болота, а съ другой стороны, произвело такой сильный «хлѣбный недородъ» въ новгородской землѣ, такую скудость и дороговизну ржи на торгу, что новгородцы и отъ голоду не могли выдержать московской осады и поневолѣ покорились московскому государству [1]). И вотъ, лѣтописецъ, исполненный чувства страха Божія, съ полною покорностью волѣ Божіей, указывалъ на это «изсохновеніе почвы новгородской» не какъ на слѣдствіе естественныхъ, климатическихъ вліяній и вѣкового невѣжественнаго выпахиванья почвы, а какъ особенное, нарочитое дѣйствіе или попущеніе гнѣва Божія за грѣхи новгородцевъ, наведенное прямо съ цѣлію покоренія ихъ московскимъ царемъ. «Тако бо, — говоритъ лѣтописецъ,—на нихъ (новгородцевъ),—*Господь изсохновеніе земли наведе имъ неправды ихъ ради, смиряя ихъ подъ крѣпкую руку благочестивому князю, государю нашему русскія земли»* [2]). Вообще, и въ послѣдующія времена, общины почти на каждомъ шагу оказывались безсильными въ сферѣ своего безъискусственнаго труда, и поневолѣ во всемъ подчинялись опекѣ московскаго правительства. Не могли выдѣлывать на мѣстахъ достаточнаго количества сошниковъ, косъ, топоровъ, — и царь долженъ былъ высылать эти орудія труда изъ Москвы въ отдаленныя области. Чувствовался въ какомъ-нибудь городѣ недостатокъ воды, нуженъ былъ колодезь, а колодезника не было,—и вотъ били челомъ царю о присылкѣ изъ Москвы колодезника [3]). Такъ во всемъ, и особенно въ горномъ дѣлѣ [4]), безсиленъ былъ до-петровскій безъискусственный трудъ. Нужно было призвать нѣмецкихъ мастеровъ-учителей, нужно было западное ученье искусствамъ и художествамъ въ сферѣ труда.

И вотъ, наконецъ, и это, самое первое дерзновеніе до-петровскихъ умовъ къ изученію искусствъ и художествъ у передовыхъ цивилизованныхъ народовъ Запада возникло прежде всего не иначе, какъ изъ побужденій того же чувства страха Божія и сначала именно только въ сферѣ богобоязненныхъ, церковныхъ искусствъ. Прежде всего умъ народный пріучался къ богобоязненному созерцанію художествъ въ сферѣ церковной архитектуры и иконописной живописи. Пастыри русской церкви, со страхомъ Божіимъ воздвигая великолѣпные церковные храмы и палаты святительскія, первые подавали примѣръ богобоязненнаго усвоенія церковныхъ художествъ въ сферѣ труда. И первые художники, появлявшіеся исключительно въ церковной сферѣ, всецѣло проникнуты были страхомъ Божіимъ и отличались богобоязненнымъ художественнымъ творчествомъ.

[1]) П. С. Л., IV, 127—129, 239—242. VI, 1—15, 191—194. Никон., VI, 16—33.
[2]) Софійск. Лѣтоп., I, стр. 9—10.
[3]) Дополн. къ А. И., VI, № 83. Юрія Крыжанича, раздѣлъ III, стр. 41—43. 50.
[4]) Доп. къ А. И., т. VIII, стр. 296—297.

Такъ, напр., повѣсть о Евфиміи епископѣ новгородскомъ гласитъ: «создавъ многіе чудные, пресвѣтлые храмы Божіи, блаженный Евфимій помыслилъ палату каменную воздвигнути, не по пристрастію какому-либо, но ради успокоенія святителей Божіихъ. Имѣлъ онъ и духовнаго нѣкоего инока казначея, хитра сущаго и художника къ умышленію чудныхъ зданій, именемъ Θеодора, который великъ былъ предъ Богомъ, о которомъ и самъ архіепископъ свидѣтельствовалъ, что онъ истинный человѣкъ Божій. Сей-то художникъ, по призванію святителя, создалъ палаты пречудныя, которыя тамъ и индѣ имѣли переходы и врата, подобныя городскимъ улицамъ, одни тамъ, другія же индѣ, иныя горнѣйшія, а другія дольнѣйшія, одни переднія, другія среднія, иныя же иначе, такъ что всего въ писаніи сказать не мочно, а надобно самому видѣть своими очами: шарами же и подписаньями украсилъ ее, также и кельи рукодѣльникамъ, поварню и хлѣбню, и все каменное устроилъ: также и столбъ каменный высочайшій устроилъ, посреди сада на высокомъ мѣстѣ водрузилъ, а на верху устроилъ часы предивные, которые весь міръ оглашаютъ» [1]). Затѣмъ, богобоязненное усердіе къ построенію благолѣпныхъ храмовъ Божіихъ мало-по-малу внушало мысль о призваніи мастеровъ-художниковъ съ запада. Такъ приглашенъ былъ знаменитый итальянскій мастеръ-художникъ Аристотель Фіоравенти. У новгородскихъ владыкъ между церковными мастерами нерѣдко были и нѣмцы. Такимъ образомъ, христіанское чувство страха Божія, возбуждая богобоязненную потребность въ церковныхъ художествахъ, путемъ приложенія западныхъ искусствъ, западной архитектуры къ такому богоугодному и богобоязненному дѣлу, какъ построеніе и украшеніе благолѣпныхъ храмовъ Божіихъ, постепенно возбуждало въ до-петровскихъ умахъ смѣлую воспріимчивость къ художествамъ западнымъ. Отъ потребности церковныхъ художествъ они мало-по-малу перешли и къ потребности художествъ гражданскихъ. Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ владыки церковные первые показали народу и такую западную хитрость, какъ «часы предивные, преухитренные, самозвонные, пречудные» и т. п.,—съ тѣхъ поръ умы русскіе уже перестали бояться художнической хитрости западныхъ, «злобожныхъ и поганыхъ» народовъ, и на первыхъ порахъ, даже до времени Кулибина, мастера русскіе съ увлеченіемъ учились «первому ученью,—дѣлу указныхъ часиковъ» [2]). Наконецъ, послѣ первоначальнаго богобоязненнаго усвоенія западныхъ художествъ для устроенія и укрѣпленія церквей, церковныхъ палатъ и часовъ,—и московскіе цари стали все сильнѣе и сильнѣе чувствовать потребность въ усвоеніи западныхъ художествъ, необходимыхъ и въ гражданской жизни. Такъ царь Борисъ Θедоровичъ Годуновъ далъ послу Бекману, отправленному въ Любекъ съ граматою къ тамошнему правительству, особую «память» или инструкцію, въ которой предписывалъ ему стараться о прісканіи и вызовѣ въ Россію разныхъ художниковъ, суконныхъ мастеровъ, рудознатцевъ, часовниковъ, «которые бы умѣли дѣлать часы боевые стоячіе, съ бои и перечасьи, и

---

[1]) Пам., II. 20.

[2]) А. И., I, №№ 242, 244.

съ планитами, и съ алманаками, которые бы били передъ часы перечасья во многіе колокола, какъ-бы пѣли многими гласы, и въ тѣ поры выходили люди» [1]).

И вотъ, когда, такимъ образомъ, въ до-петровскомъ обществѣ стала зарождаться безбоязненная потребность усвоенія западныхъ искусствъ, вдругъ Петръ Великій открылъ передъ взорами русскихъ чудеса всѣхъ западныхъ художествъ. Послѣ вѣковой привычки народа къ труду первобытно-грубому, простому, безъискусственному, —вдругъ Петръ Великій сталъ пріучать русскихъ людей къ труду искусственному, художественному. И вотъ, естественно, всѣ невиданныя и неслыханныя въ древней Руси нововведенія западноевропейскаго изобрѣтенія и творчества въ сферѣ общественнаго труда возбуждали вначалѣ восторженное чувство удивленія, какъ «чудеса генія человѣческаго», а потомъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго взгляда на человѣческую природу, на права человѣчества и на физическій и умственный трудъ, мало-по-малу порождали новыя, сантиментально-филантропическія идеи относительно лучшаго, наиболѣе человѣколюбиваго и наиболѣе справедливаго общественнаго распредѣленія и благоустройства труда. Вначалѣ, послѣ до-петровскаго господства труда самаго простого, безъискусственнаго, всѣ восторженно удивлялись чудесамъ западныхъ художествъ, которыя Петръ Великій первый ввелъ въ сферу русскаго промышленнаго труда. Всѣ съ удивленіемъ разсматривали «дивныя, пестротныя изображенія изящнѣйшихъ художествъ» и прославляли «предивныя художническія руки», «изумлялись надъ искусствомъ генія человѣческаго» и «дивились чудесному соревнованію человѣческихъ рукъ трудамъ натуры» [2]). Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1764 года такъ восхвалялись художества и художническая, творческая способность человѣческой души: «Художество и естество имѣютъ одно намѣреніе, и оба преславныя свойства Божіи являютъ. Человѣческая душа съ своими безприкладными силами есть, безпрекословно, дѣло, показывающее величество своего создателя. Мы должны такъ ее познавать, но она нигдѣ не являетъ себя лучше, какъ въ художествахъ и рукодѣльяхъ, которыя день ото дня приращеніе свое получаютъ. Не говоря о механическихъ художествахъ, довольно посмотрѣть на одно простое тканье полотна: кто доселѣ смотрѣлъ на сіе дѣло безъ всякаго примѣчанія, тотъ пусть потрудится сравнить льняную стебель съ самымъ тончайшимъ полотномъ и подумаетъ, какъ возможно, чтобъ одно произошло отъ другого,—и онъ подлинно долженъ будетъ удивиться силѣ изысканія, вложенной въ душу человѣческую. Итакъ, когда мы отъ малаго къ великому заключимъ, то какъ же велика должна быть передъ нашими глазами Божія благость, премудрость и сила, когда мы такимъ образомъ разсмотримъ всѣ прочія, кольми паче благороднѣйшія и знатнѣйшія художества, и ихъ великую пользу для человѣческаго благополучія разсу-

[1]) А. И., II, № 34.

[2]) Пекарскаго, Наука и литер. при Петрѣ Великомъ, I. Долгорукаго, журн. путеш. въ Кіевъ въ 1817 г., стр. 107.

іъ!» [1]). Не только въ XVIII вѣкѣ, но даже еще и въ первой четверти X столѣтія русскіе съ изумленіемъ разсматривали за границей чудеса :усства. Напримѣръ, Батюшковъ, обозрѣвая въ Парижѣ художественныя изведенія скульптуры, восклицалъ: это не мраморъ—богъ! Это чудо :усства! Чтобы восхищатся имъ, надобно только чувствовать. Этому (у искусства изумлялись и простые солдаты» [2]). Слѣдствіемъ такого івленія художествамъ было то, что искусственный, художественный 'дъ съ XVIII-го вѣка сталъ все болѣе и болѣе преобладать и выше нться, чѣмъ первобытный, до-петровскій безъискусственный трудъ. ивленіе «преузорочнымъ, изящнѣйшимъ художествамъ и предивнымъ (ожническимъ рукамъ» порождало въ промышленномъ классѣ живѣйе увлеченіе художественнымъ трудомъ, искусственнымъ производствомъ юбуждало къ основанію фабрикъ и заводовъ. И во введеніи фабричноводскаго производства, прежде всего, увлекались искусственной обра'кой такихъ предметовъ, которые придавали болѣе блеска и славы теріальной жизни людей, служили къ наиболѣе блестящему и комфор'ельному удовлетворенію физіологической потребности пищи, жилища, :жды и увеселеній. Одни, по свидѣтельству лѣтописи россійской торвли, устраивали на европейскій манеръ, по европейскимъ образцамъ, сія заведенія, которыя возбуждали и удовлетворяли потребности евроіскаго комфорта или вели къ улучшеніямъ въ пищѣ и питьѣ, каковы, прим., европейскіе «кофейные дома и трактиры», склады или магазины фабрики вывозимой изъ-за моря «дворянской провизіи» и вообще разхъ иностранныхъ съѣстныхъ припасовъ, фруктовъ, конфектъ, фабрики заводы сахарные и другіе [3]). Другіе, въ то же время, подражая европеймъ промышленникамъ, съ энергическою предпріимчивостью устраивали брики и заводы, выработывавшіе, по европейскимъ образцамъ, новые и лучшіе матеріалы для одежды, каковы, наприм., были «фабрики или (ожества всякихъ матерій и парчей», или фабрики шелковыя, шерстяя, полотняныя, шляпныя, «фабрики для выдѣлки кожъ и обуви на анцузскій манеръ» и проч. [4]). Третьи заводили фабрики для производка разныхъ орудій и матеріаловъ, необходимыхъ для украшенія или іщнаго убранства жилищъ, для наиболѣе изящной отдѣлки матерій і одежды, какъ, напр., «фабрики для дѣланья разныхъ красокъ, подобя иностраннымъ» и т. п. Вообще, послѣ до-петровскаго безъискусственго труда, внезапно открытыя Петромъ Великимъ совершенно новыя и умительныя для русскихъ операціи и производства западно-европейаго мануфактурно-фабричнаго труда возбудили въ первыхъ послѣ-петровнхъ поколѣніяхъ «особливую охоту къ наукѣ фабрикъ». Такъ, уже въ 19 году, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ публиковалось: «Наши дѣла

[1]) Ежемѣс. сочинен. и изв. о учен. дѣлахъ, октябрь, 1761 г., стр. 360--364: знаніе художествахъ.

[2]) Рускій Архивъ, годъ 5-й, стр. 1462.

[3]) Исторія россійской торговли. М. 1788 г., стр. 71, 102, 154, 176, 243, 253, 258, 303.

[4]) Истор. росс. торговли, стр. 69, 70, 71—73, 76, 81, 108, 142.

мануфактурныя и коммерческія зѣло успѣваютъ: къ работамъ на фабрикахъ шпалерныхъ, подъ вѣдѣніемъ французскихъ мастеровъ, на мануфактурныхъ шелковыхъ, штофныхъ, ленточныхъ, чулочныхъ и шерстяныхъ съ 200 человѣкъ охотныхъ робятъ для науки записались, и простой народъ къ симъ наукамъ особливую охоту показуетъ» [1]). Или въ бергъ-регламентѣ 1739 года возвѣщалось: «партикулярные люди, имѣя фабрики и заводы въ своемъ собственномъ владѣніи, для лучшей своей пользы стараніе прилагали всякими удобно-возможными способами тѣ заводы и фабрики распространить, и на заводахъ заводили всякія фабрики и дѣлали всякія вещи къ употребленію домашнему, отъ чего тѣ фабрики въ государствѣ размножались и въ лучшее состояніе приходили» [2]). Возбужденное вначалѣ энтузіастическое чувство удивленія «преузорочному, пестротному художеству, изяществу и блеску» произведеній западнаго мануфактурно-фабричнаго труда, мало-по-малу, порождало и въ русскомъ промышленномъ классѣ стремленіе къ выработкѣ изъ грубаго сырого матерьяла изящныхъ произведеній. «Россійское купечество постигаетъ уже—писалъ Георги—что приведенные выработкою въ изящество товары несравненно общеполезнѣе продаются, нежели сырыя произведенія природы, и что для сего весьма нужно умножить число фабрикъ и заводовъ, пользуясь на то правами, дарованными мѣщанству и городамъ, да и самому дворянству» [3]). Вообще, искусственный трудъ до того обольщалъ умы промышленниковъ, что его стали предпочитать всѣмъ старымъ видамъ или отраслямъ простого, безъискусственнаго труда. «Часто случалось мнѣ видѣть — писала императрица Екатерина Великая — какъ обыкновенно больше любятъ послѣдніе и новѣйшіе вымыслы художествъ и мануфактуръ: отъ сего происходитъ, что земледѣліе пренебрегается и наименѣе покровительствуемо потому только, что оно всѣхъ промышленныхъ трудовъ старѣе» [4]). И дѣйствительно, трудъ художественный, искусственный наиболѣе былъ покровительствуемъ и поощряемъ. «Нужно—писала Екатерина Великая—чтобы художества были покровительствуемы правительственнымъ дарованіемъ привиллегій и вольностей тѣмъ только мастерамъ, коихъ работы требуютъ особенныхъ знаній и способностей, и въ семъ случаѣ нужно ограничиться только отличнѣйшими мастерами, художниками, не распространяя отнюдь такихъ же ободреній на прочихъ маловажныхъ мастеровъ и работниковъ. Несправедливо было бы, напримѣръ, на фарфоровомъ заводѣ работнику, который кидаетъ въ печку дрова, давать такія же отличія, какъ и живописцу и модельмейстеру» [5]). Вслѣдствіе такихъ воззрѣній на художественный трудъ, правительство и общество поощряли его всякими мѣрами. Учреждена была особая мануфактуръ-коллегія, долженствовавшая «имѣть стараніе о заведеніи въ

[1]) Пекарскаго, II, стр. 461 и 464.
[2]) Полн. Собран. Закон., т. XI, №. 8571.
[3]) Георги, описаніе народовъ Россійской Имперіи. Спб., 1799 г., ч. IV, стр. 157.
[4]) Русскій Архивъ, годъ 3-й, стр. 504.
[5]) Русскій Архивъ, годъ 3-й, стр. 503.

:сіи мануфактуръ и иныхъ *курьезныхъ художествъ»* [1]). Основана (въ 8 году) академія художествъ. Частныя лица, въ родѣ горнаго завод- :а Турчанинова, по словамъ Палласа, «первые въ Россіи доводили, удивленію иностранцевъ, до совершенства высокія и прекрасныя про- еденія изъ различныхъ металловъ, подражая самымъ лучшимъ европей- :мъ и азіатскимъ произведеніямъ, и вообще очевидно доказывали худо- :твенный вкусъ и достохвальную ревность о распространеніи славы щныхъ художествъ въ своемъ отечествѣ» [2]). Далѣе, при удивленіи «пре- рочнымъ и курьёзнымъ художествамъ», еще болѣе удивлялись вна- ѣ «чудеснымъ самодѣятельнымъ машинамъ». Публика съ удивленіемъ трѣла на «курьёзныя самодѣятельныя машины», въ родѣ «удивитель- : машины, которая однимъ разомъ 6 лентъ вдругъ тчетъ, такъ что іхъ отъ 18-ти до 20-ти дюймовъ въ минуту поспѣваетъ» [3]). Издавались быя книги «о чудесныхъ дѣйствіяхъ машинъ» [4]). Даже еще въ началѣ Х вѣка на машины съ удивленіемъ смотрѣли, какъ на рѣдкости. Долго- ій, въ дневникѣ путешествія въ Одессу и Кіевъ въ 1810 году, говоритъ: ;дкостью осмѣлюсь назвать видѣнные мною два камня нарочитой вели- ;ы изъ чистаго бѣлаго мрамора. Но еще удивительнѣе двѣ мишины, устро- ыя при адмиралтействѣ, выдумки какого-то механика, англичанина га. Одна удивительная машина посредствомъ двухъ лошадей приво- ъ въ движеніе до 6-ти различныхъ станковъ, изъ коихъ одинъ мѣдь рлитъ, другой ее точитъ, и всѣ эти разнородныя работы, по волѣ каж- о мастерового, могутъ, независимо одна отъ другой, прекращаться вдругъ. :анизмъ этотъ очень любопытенъ» [5]). Вслѣдствіе такого взгляда на іины, съ восторженнымъ удивленіемъ восхваляли преимущества машин- о производства и мышечной ловкости машиннаго работника. Ломоно- ъ съ восторженнымъ энтузіазмомъ разсуждалъ о прогрессѣ механиче- й или мышечной ловкости цивилизованныхъ людей, произведенномъ іинами, сравнивая ее съ неловкостью дикаря, неразумно тратящаго ю грубую мускульную силу. «Представьте — говорилъ онъ въ одномъ вѣ о природѣ—представьте разность обоихъ въ мысляхъ вашихъ: поставьте :аря, поднимающаго съ земли случившійся камень или дерево для своей (иты отъ непріятеля, поставьте его рядомъ съ человѣкомъ европейскимъ, бженнымъ свѣтлымъ и острымъ оружіемъ и молніи и грому подобными іинами! Поставьте дикаря, съ большимъ потомъ едва претирающаго за- реннымъ камнемъ тонкое дерево, при европейскомъ образованномъ чело- ѣ, употребляющемъ сильныя и хитро сложенныя махины къ движенію існыхъ тягостей, къ ускоренію долговременныхъ дѣлъ и къ точному из- іенію и раздѣленію величины, вѣса и времени! Не ясно ли увидите, что нъ едва только отъ безсловесныхъ животныхъ разнится, а другой почти

[1]) Полн. собр. Закон., № 4, 378-й.
[2]) Палласа, Путешествіе, изд. 1770 г., кн. 1-я, стр. 176.
[3]) Московскія вѣдомости, 1756 г., № 14-й.
[4]) XVIII-й вѣкъ, кн. 1-я, стр. 431.
[5]) Путеш. въ Кіевъ и Одессу въ 1810 г., стр. 116.

выше жребія смертныхъ поставленъ. Толь великую приноситъ ученіе пользу. толь свѣтлыми лучами просвѣщаетъ человѣческій разумъ!» [1]). Съ такимъ же восторженнымъ чувствомъ удивленія видѣли, какъ поразительную новость. первые зачатки развитія механической ловкости или лучшаго соподчиненія сложныхъ движеній въ машинныхъ операціяхъ. Напримѣръ, тотъ же Долгорукій, обозрѣвая въ 1810 году одну фабрику, въ 12-ти верстахъ отъ Николаева, въ Богоявленскомъ селѣ, особенно удивлялся механической ловкости ткача и въ «дневникѣ» своемъ писалъ: «есть тутъ машина, посредствомъ которой одинъ ткачъ очень легко отдѣлываетъ сукно въ три аршина слишкомъ ширины; онъ не ломается, какъ другіе неискусные, простые ткачи, а просто одною кистью руки шевеля рукоятку, посылаетъ челнокъ съ удивительною скоростью съ края стана на другой» [2]). Общимъ слѣдствіемъ такого удивленія механическимъ художествамъ было то, что оно, мало-по-малу, возбуждало потребность распространенія необходимыхъ знаній въ сферѣ труда художественнаго и промышленнаго. Почувствовалась потребность въ школахъ художественныхъ, ремесленныхъ, технологическихъ, фабричныхъ. Потребовалось заведеніе училищныхъ фабрикъ, распространеніе машинъ въ разныхъ производствахъ. Издавались руководства по части технологіи, фабрикъ и художествъ [3]).

Наконецъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическихъ идей и чувствъ, съ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія, просвѣщенно-человѣколюбивые люди впервые стали обращать вниманіе и на улучшеніе быта рабочаго народа или, по крайней мѣрѣ, возбуждать первую зачаточную мысль о немъ. Такъ, въ Атенеѣ 1828 года, съ цѣлью возбужденія въ обществѣ мысли объ улучшеніи быта мануфактурныхъ рабочихъ, сообщались такія мысли и извѣстія по поводу устройства нью-ланаркской бумагопрядильни въ Шотландіи: «Читая часто о новыхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ мануфактурныхъ работахъ, рѣдко видимъ, чтобы они улучшили жребій работника, еще рѣже, чтобы не дѣлали оный тягостнѣйшимъ. Умъ изобрѣтателей, дѣйствуя въ кругу собственной пользы, не имѣетъ, кажется, причинъ согласовать ее съ пользою работниковъ. Этимъ объясняется противорѣчіе: отчего съ возрастающею промышленностью, напримѣръ, въ Англіи, возрастаетъ и число бѣдныхъ, и съ заведеніемъ новыхъ мануфактуръ распространяются и селенія Ботани Бея. Болѣе любви къ людямъ, нежели ума, надобно, чтобы открыть этому причину. Явленія, слишкомъ опредѣленныя, скоро послѣдовавшія за причиною, ясно показали, чего должно ожидать отъ подобнаго хода обстоятельствъ. Однѣ только дѣятельныя мѣры просвѣщенной филантропіи могли и могутъ сдѣлать ихъ рѣже; но, къ сожалѣнію, рѣдко бываетъ соединеніе идеи со средствами и еще рѣже въ душѣ прекрасной, рожденной и обра-

[1]) Сочиненія Ломоносова, изд. 1803 г., ч. III, стр. 8 12.

[2]) Чтен. общ. истор., 1869 г., кн. 3, стр. 188.

[3]) Отечественныя записки 1823 г., № 37-й: историческій очеркъ нѣкоторыхъ фабрикъ. Технологія, изданная главнымъ правленіемъ училищъ, 4-е изд., 1817 г. Извѣстія о школѣ горнозаводскихъ наукъ и проч. Спб., 1838 г. Лѣтописи открытій и изобрѣтеній касательно искусствъ и проч. Спб., 1829 г.

і для добра. Немного людей, которые благополучіе ближняго і прямою дорогою къ собственному: эгоизмъ есть болѣзнь нашего Заведеніе Овена весьма замѣчательно въ семъ отношеніи, какъ дное цѣлебное средство отъ этого нравственнаго недуга и тѣмъ гельнѣйшее, что не требуетъ большихъ пожертвованій. Примѣръ асъ: надобно прежде нѣсколько позаботиться о тѣхъ, которые збавляютъ насъ отъ заботъ о самихъ себѣ!» [1]).

то же время, вслѣдствіе прославленія страсти корыстолюбія, какъ ка процвѣтанія торговли, въ XVIII-мъ вѣкѣ болѣе, чѣмъ когда-али превозносить славу распространенія коммерціи. Въ литературѣ, › и Долгорукій восторженно прославляли корысть, какъ чудесную цвѣтанія торговли, фабрикъ и заводовъ. Крыловъ въ посланіи «о трастей» (1808 г.) провозглашалъ:

Какія мы ни видимъ перемѣны
Въ художествахъ, въ наукахъ, въ ремеслахъ —
Всему виной корысть!
На что-бы намъ огромныя палаты,
Плоды, вино и ткани дальнихъ странъ,
Коль не было-бъ корысти?..
На что-бы плыть за грозный океанъ
Торговлею соединять народы?
Повѣрь, мой другъ! Нашъ вѣкъ златой!
Тогда лишь люди стали жить,
Когда корысть пустилась за моря,
И въ ней весь міръ избралъ себя царя...
Для щегольства намъ нуженъ казимиръ,
Голландское бѣлье для прочной носки;
Въ Америкѣ трудится бездна рукъ,
Изъ тростника даря пріятны соки,
И сахаромъ въ Европу шлетъ оброки,
Чтобъ нашихъ баръ умножить пухлый тукъ.
Я вкругъ себя зрю сокращенье свѣта!
Тамъ вижу вкусъ французскаго корнета,
Тамъ англійской кареты слышу стукъ.
Все сблизилось и все въ связи со мной,
Все движется и все живетъ мѣной,
Въ которой намъ указчикъ первый страсти,
Куда взгляну—торговлю вижу я,
Дальнѣйшіе знакомятся края,
Знакомщикъ ихъ — причуды, роскошь, сласти [2]).

слѣдствіемъ такого восхищенія чудесной силой корыстолюбія бужденіе энергическаго увлеченія «славой распространенія ком-усиленное поощреніе развитія торговли, возвышеніе обществен-ченія купечества и общее улучшеніе коммерціи. Правительство прежде такъ не поощряло торговли, какъ въ XVIII-мъ вѣкѣ вой четверти XIX столѣтія [3]). Послѣ Петра великаго, графъ Е. Ф.

ченей, издав. М. Павловымъ, 1828 г., № 19, стр. 239—256.
раматич. Вѣстн., ч. 5. Спб. 1808.
торія россійской торговли. М. 1788 г., стр. 103, 167, 258, 287, 171—175 и друг.

Канкринъ явился новымъ преобразователемъ въ сферѣ торгов. одномъ журналѣ такъ прославлялись его заслуги для русской і ціи: «Оживленная, распространенная, возвышенная и, такъ сказат гороженная въ своемъ положеніи и въ отношеніяхъ своихъ р торговля сообщила благопріятный свѣтъ и тому сословію, которое д поръ не вполнѣ выставлено было на общее вниманіе и уваженіе. Ос учрежденіе выставки издѣлій отечественной промышленности по характеръ и политическую значительность купечества. Дѣйствител капиталомъ и въ его кругу уже начали быть признаваемы нравств достоинства, какъ-то: наибольшая довѣренность къ имени, равно стремленіе къ соревнованію производимыхъ вещей, аристократическая въ словѣ и дѣлѣ. Затѣмъ, Канкринъ въ своемъ министерствѣ основал садники соціально-экономическихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ возі технологическій институтъ, училище торговаго мореплаванія, высші мерческій пансіонъ и множество другихъ училищъ по разнымъ п тамъ»[1]). Другимъ слѣдствіемъ восторженнаго прославленія страсти ко любія и возвышенія славы распространенія коммерціи было усилені подства капитала надъ трудомъ и преобразованіе до-петровскаго моско класса «гостей суконной и другихъ сотенъ» въ европейскій классъ шенныхъ купцовъ» или, по выраженію Сперанскаго, en véritable bou gentilhomme. Буржуазно-коммерческій духъ формулированъ былъ «правами и регулами» европейской буржуазіи. Вслѣдствіе этого, въ ствѣ замѣтно стало усиливаться господство буржуазіи, купечеств вообще, класса капиталистовъ надъ классомъ рабочимъ. По словам Долгорукаго, «купцы стали любочестивы и ничего не щадили, *чтобъ талы свои прославить*, богачи хотѣли, чтобъ *имъ дивились*: они с великолѣпные дома и давали роскошные пиры, *чтобы изумлять с добныхъ*»[2]). «Богатые мужики, по словамъ Д. Б. Мертваго, будучи ч желали отличиться и удивить общество своими новыми коммерч предпріятіями»[3]). «Кто богатъ,—говорилось въ одномъ журналѣ X вѣка,—тотъ, какъ божокъ, почитается. Въ нынѣшній вѣкъ богачъ все то дѣлать, что ему вздумается, потому что всѣ только о его д стараются: всѣ его слова и разговоры *удивительными* пріемлются, и в его взоръ награждается низкими поклонами, ласкательство слѣд его стезями»[4]). «Вслѣдствіе такого превознесенія богачей, капита болѣе и болѣе усиливалъ и особыми регулами» утверждалъ свое гос надъ трудомъ, что особенно стало замѣтно уже въ XVIII вѣкѣ на

[1]) Современникъ, 1846 г., № 4, стр. 53—57: графъ Е. Ф. Канкринъ.

[2]) Журн. путешеств. въ Нижній въ 1813 г., стр. 8. Дневн. путеш. въ 5 1817 г., стр. 64. Вообще, Долгорукій съ одобреніемъ распространялся о раз подства эгоистически-пріобрѣтательной „монополи" купцовъ, капиталистовъ путеш. въ Одессу и Кіевъ въ 1817 г., стр. 86—88.

[3]) Русск. Арх., годъ 5-й, стр. 151, 154: Записки Мертваго.

[4]) Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія. Спб., 175 стр. 493.

ь и заводахъ, особенно горныхъ. Не только моралисты-филантропы, но ікіе естествоиспытатели, какъ Палласъ и Лепехинъ, подробно описыı страданія и тягости горно-заводскихъ рабочихъ отъ эксплуатаціи италистовъ, хозяевъ заводовъ [1]). И недаромъ фабрично-заводскіе рабочіе XVIII вѣкѣ неоднократно бунтовали. Въ то время, какъ слава капитаовъ-фабрикантовъ все болѣе и болѣе блистала и удивляла роскошью ликолѣпіемъ,—въ то время фабричные работники слагали и пѣли свою ıическую пѣсню уничиженія:

Кричитъ пава:
Гдѣ ваша слава?
Молодцы вы, фабричники!
— Наша слава запропала.
Гдѣ ваши до́мы?
Наши до́мы — круты горы и проч. [2]).

И при недостаточномъ развитіи идеи справедливости, при господствѣ хъ сантиментально-филантропическихъ чувствъ,—отъ капиталистовъ ство требовало только человѣколюбія и милосердія, а не справедлиı. въ отношеніи къ бѣднымъ рабочимъ классамъ. Карамзинъ ничего ше не желалъ, какъ только того, чтобъ «богачи воздвигали монументы творенія, были отцами-благодѣтелями бѣдныхъ и превращали въ нихъ тво зависти въ чувство любви и благодарности» [3]). И дѣйствительно, ıые купцы только и «воздвигали монументы благотворенія» на удиіе массы бѣднаго рабочаго народа. Недаромъ, въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ ь особеннаго возвышенія коммерціи, впервые говорились надгробныя альныя слова въ честь знаменитыхъ купцовъ, въ которыхъ прославись ихъ «монументы благотворенія». Такъ, напримѣръ, въ одномъ надномъ словѣ, говоренномъ 17-го марта 1800 года, при погребеніи одвеликоустюжскаго 1-й гильдіи купца іереемъ Іосифомъ Самуилоъ, между прочимъ, говорилось: «что за плачевный позоръ зрю я съ священно-возвышеннаго мѣста! Дѣти земли! Вы оплакиваете знамеьго сочлена своего. И не долженъ ли по справедливости градъ Устюгъ оплакивать жребій свой, лишившись сего толь великаго, почтеннаго, толь знаменитаго, толь любимаго всѣми именитаго очтеннаго своего члена! Престаните отъ слезъ! Онъ былъ мужъ одѣтельный. Когда благотворительная рука Всевышняго ущедı его временными благами, когда земля, повинуясь велѣнію Творца го, издавала изъ нѣдръ своихъ сокровища для обогащенія его, то размышлялъ: если мнѣ благотворитъ Богъ, то и я долженъ благотво› другимъ. И потому всѣ просящіе у него вспоможенія и пособія въ

---

[1]) Лепехина, Дневн. зап., путеш., Спб., 1802 г., ч. II, 124—128, 282—283. Палласа, еш., изд. 1786 г., ч. 2, кн. 1, стр. 162, 235, 299, 313. Отзывъ Екатерины о капитаахъ-монополистахъ. Русск. Арх., г. 4-й, стр. 61.

[2]) Русск. Архивъ, годъ 4-й, стр. 373.

[3]) „Пріятные виды, надежды и желанія нашего времени". „Вѣстн. Европы", г., № 12.

своихъ нуждахъ не отходили изъ его благословеннаго дома безъ удовольствія... Престаните отъ слезъ! ибо онъ былъ другъ искренній человѣчества: онъ былъ вездѣ пріятенъ, вездѣ его уважали съ ласковостію, никто отъ него не опасался никакихъ дурныхъ послѣдствій, и потому никто къ нему не приближался безъ любви и почтенія. Все сіе сколь было восхитительно! И такъ, провожайте въ гробъ сего знаменитаго сочлена, не оплакивая, но ублажая. Почтенный сынъ! Къ тебѣ я обращаю рѣчь мою: ты яко отъ благаго корене благая вѣтвь подражай добродѣтелямъ родителя твоего, и будешь ты паче и паче благословенъ отъ Бога: онъ взираетъ съ небесъ, съ коликимъ благоговѣніемъ и почестію отдаютъ послѣдній долгъ родителю твоему, коликія тысящи бѣдныхъ окружаютъ ежедневно домъ твой, ежедневно получаютъ пропитаніе изъ сокровищъ твоихъ. Богъ за сіе усугубитъ блаженство родителя твоего», и проч. [1]).

Но съ другой стороны, и не одними «монументами благотворенія» купеческаго выразились господствовавшія въ XVIII вѣкѣ сантиментально-филантропическія идеи и чувства. Въ началѣ XIX-го столѣтія, при поощреніи умноженія купеческаго богатства, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическихъ идей, впервые зарождалась мысль и о возможно-равномѣрномъ распредѣленіи богатства или благосостоянія во всемъ народѣ. Тотъ же графъ Канкринъ, въ 1821 году, издалъ сочиненіе: Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirtschaft (всемірное богатство, народное богатство и государственное хозяйство). Начала, изложенныя въ этомъ сочиненіи, проникнуты были филантропическими стремленіями. «Благосостояніе людей, каждаго въ частности, а не умноженіе общаго государственнаго дохода, должно быть непремѣнною задачею управленія. Умѣренный, по возможности, одинаковый достатокъ всего народа, а не огромный итогъ доходовъ, при которомъ половина народонаселенія иногда нищенствуетъ»— вотъ идеалъ Канкрина. «Независимое, обезпеченное существованіе,—говоритъ онъ, — есть главная цѣль народа, и этой цѣли должно служить и народное богатство» [2]).

Далѣе, при восторженномъ прославленіи страсти славолюбія и честолюбія, при господствѣ восторженнаго удивленія «Славѣ», «Фаумѣ», всѣ удивлялись «чудесамъ дѣлъ оружія», «чудесамъ иройской славы», «дивамъ храбрости», gloriae triumphorum et trophaeorum, «дѣламъ чрезвычайнымъ и чудеснымъ», «дѣламъ и мыслямъ знатнымъ, отмѣннымъ» и т. п. [3]). Равнымъ образомъ, всѣ удивлялись вновь введеннымъ Петромъ Великимъ «честямъ графскимъ, баронскимъ и прочимъ, славнымъ, высокимъ титуламъ—сіятельствамъ (Erlaucht), свѣтлостямъ (Durcherlaucht), превосходитель-

[1]) Изъ рукописнаго Сборника начала XIX столѣтія, сообщеннаго мнѣ иркутскимъ чиновникомъ С. С. Поповымъ.

[2]) Русскій Архивъ, годъ 4-й, стр. 121—122: графъ Е. Ф. Канкринъ.

[3]) См., напримѣръ, „Храмъ славы россійскихъ ироевъ", П. Ю. Львова, 1803 г. Панегирики Меншикову и Потемкину: Пекарскаго, Наука и литер. при Петрѣ, т. II, стр. 328—330. Сочиненія Державина, ч. II, стр. 111—112, 185, 75, 213—216 и мног. др. Русскій Архивъ, годъ 5-й, стр. 674—694. Оды и похвальныя слова Ломоносова, Сумарокова и другихъ, въ честь „ироевъ славы".

ямъ (Excellence), кавалерскимъ орденамъ, особу украшавшимъ», и т. п. [1]) слѣдствіе такого удивленія блеску славы и чиновъ, естественно произо- о особенное общественное возвышеніе дворянства и его дѣятельности, и, по выраженію дворянскихъ депутатовъ Коммиссіи 1767 года, «отмѣнное ичіе его всею полнотою блеска, какъ особливаго рода чести и славы», имущественно предназначеннаго для военнаго и гражданскаго чинона- ьническаго служенія отечеству [2]). Манифестомъ 18-го февраля 1762 года верждено было это государственное возвышеніе дворянства дарованіемъ у свободы и вольности. И дворянство съ восторженнымъ чувствомъ явленія и восхищенія прославляло за это императора Петра III. Такъ, примѣръ, въ 1762 году графъ И. Т. Чернышевъ писалъ къ И. И. Шу- лову: «милости нашего августѣйшаго государя приводятъ всѣхъ въ сторгъ: какъ онъ начинаетъ осыпать насъ благодѣяніями прежде, чѣмъ ѣлъ онъ случай видѣть все наше усердіе къ нему — къ драгоцѣнной ови Петра Великаго! Я восхищенъ этимъ милосердіемъ; никогда госу- ъ такъ ярко и такъ широко не обнаруживалъ онаго. Любезные дворяне! злоупотребляйте этимъ милосердіемъ и покажите вселенной, что если нархъ вашъ снялъ съ васъ узы, тѣмъ не менѣе вы сами на вѣкъ свя- эте себя другими, гораздо сильнѣйшими узами вѣрноподданническаго га и привязанности. Нѣтъ, повторяю, никогда государь даже не окан- валъ царствованіе такъ славно, какъ началъ оное неподражаемый нашъ тръ. Вы знаете, мой другъ, мою восторженность; судите же, какъ на ня подѣйствовала эта новость, какъ я плакалъ, получивъ ее, и притомъ орѣе *слезами удивленія*, нежели радости... Осчастливить сто тысячъ, и тысячъ дворянъ! День этотъ долженъ быть благословенъ во вѣки! ликій Боже! Какое величіе! Не думайте, чтобъ я одинъ такъ смотрѣлъ это благодѣяніе; скоро вся Европа огласится великолѣпнѣйшими по- лами нашему монарху, вызванными милостію, столь же *удивительною*, къ и неожиданною. Сохрани намъ его, Всемогущій!» [3]). Болотовъ слѣ- ющими словами своихъ записокъ изображаетъ впечатлѣніе, произве- нное манифестомъ на дворянство: «Не могу изобразить, какое неопи- нное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ шего любезнаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, бла- даря Государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему дписать указъ сей». Сенатъ въ полномъ своемъ составѣ отправился къ ператору съ просьбой о разрѣшеніи соорудить ему золотую статую. ичковъ, въ преизбыткѣ радости, говорилъ, что «слѣдовало бы воздвигнуть только золотую, но и брилльянтовую статую его императорскаго вели- ства на жемчужномъ подножіи». Піиты воспѣвали императора: напи- но и поднесено было ему нѣсколько восторженныхъ одъ восхва-

---

[1]) Полн. Собр. Закон., № 4,831, 5,016, 5,017. „Дворянство въ Россіи"—изслѣдованіе Романовича-Славатинскаго. Спб., 1870 г., стр. 32—40.

[2]) Сборникъ русск. историч. общества, т. IV, стр. 206, 150—152, 190—191, 205, 207 7, 193, 153.

[3]) Русскій Архивъ, 1869 г. (годъ 7-й), № XI, стр. 1824—1825.

ленія [1]). Вслѣдствіе такого возвеличенія дворянства, вмѣсто до-петровской общественной гегемоніи духовенства и преимущественно монашества, основанной на господствѣ богобоязненно-ѳеократическихъ идей, возникла теперь общественная гегемонія дворянства и особенно вельможества, гегемонія, естественно проистекавшая первоначально изъ восторженнаго чувства удивленія «чудесамъ иройскихъ и знатныхъ дѣлъ», основанная на чувствѣ чести [2]). Какъ въ до-петровскомъ обществѣ духовенству и, особенно. монашеству принадлежала ѳеократическая гегемонія въ установленіи основныхъ началъ общественнаго устройства—юридическихъ, умственныхъ, нравственныхъ и даже хозяйственныхъ, такъ теперь дворянство стало пользоваться высшими умственными и гражданскими правами, завѣдывать общественнымъ образованіемъ, пользоваться трудомъ крѣпостного народа, составлять іерархію правительства, исправлять всѣ высшія государственныя должности--военныя, административныя, судебныя, участвовать въ законодательствѣ и т. п. [3]). Вслѣдствіе этого, при увеличеніи и осложненіи государственныхъ дѣлъ, почувствовалась потребность въ усиленіи государственно-служебной дѣятельности дворянства. Императоръ Павелъ вызывалъ всѣхъ праздныхъ дворянъ къ службѣ, и этотъ вызовъ, какъ поразительная новость, по словамъ современниковъ, «приводилъ всѣхъ въ удивленіе и живость, какъ электрическій ударъ, произвелъ сильное потрясеніе, шумъ и движеніе въ государствѣ» [4]). Далѣе, вслѣдствіе господства преимущественнаго удивленія «чудесамъ славы иройскихъ дѣлъ», «чудесамъ храбрости иройской», естественно развилась въ XVIII в. государственная гегемонія дворянства военнаго, общественная предпочтительность военной службы и военныхъ чиновъ передъ гражданскими. Такое предпочтеніе военной дѣятельности дворянства гражданской выразилось, напримѣръ, въ одѣ графу Потоцкому (1803 г.), въ которой говорилось:

Нельзя, нельзя не восхищаться!..
Когда ты смѣлою рукою
Толь добро правду начерталъ,
Дворянства цѣлаго въ защиту...
А вы, что противъ насъ возстали,
Приказный родъ, въ корню гнилой,
Крапивы вредно сѣмя?
Не вы Россію защищали,
Не ваша кровь текла рѣкой,
Не ваше мужество и сила
Низвергли стѣны Измаила,
Стамбулъ надменный потрясли;
Не вы прямые россіяне;
Но, жизнью жертвуя, дворяне,
Россіи славу вознесли, и проч. [5]).

---

[1]) См. А. Романовича-Славатинскаго „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостн. права“. Спб., 1870 г., стр. 195—196.

[2]) Сборн. рус. истор. общ., IV, 152.

[3]) См. подробности въ сочин. г. Романовича-Славатинскаго.

[4]) Русскій Архивъ, годъ 2-й, стр. 714, 697.

[5]) Рус. Арх., годъ 7-й, № 9, стр. 1,380—1,382.

Вслѣдствіе такихъ воззрѣній, и въ обществѣ долго потомъ господствовало предпочтеніе военной службы гражданской. Въ петербургскомъ обществѣ, по словамъ Эрмана, даже о достоинствѣ человѣка судили по тому, военный или гражданскій онъ былъ, и спрашивали: «что онъ—мундиръ или фракъ?» [1]).

Наконецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, или, по мѣрѣ того, какъ возвышалось дворянство, увеличивался блескъ его великолѣпія и славы, возвеличивалось его благородство,—по мѣрѣ того, для поддержанія блеска и роскоши дворянства, усиливалось крѣпостное право, усиливались извлеченія дворянскихъ доходовъ изъ труда крѣпостныхъ крестьянъ. И такимъ образомъ, одновременно и сопутственно съ прославленіемъ и возвеличеніемъ благороднаго россійскаго дворянства, неизбѣжно доходило до крайности, до вынужденія «Пугачевщины» угнетеніе и униженіе крѣпостного народа и, вообще, презрѣніе «низкаго, подлаго народа, черни». «Достоинство дворянское,—говорилъ одинъ депутатъ въ собраніи Коммиссіи 1767 года,—считается у насъ чѣмъ-то священнымъ, отличающимъ одного человѣка отъ прочихъ. Оно даетъ ему и его потомкамъ *право владѣть себѣ подобными* и заботиться о ихъ благосостояніи» [2]). Въ «Трутнѣ» 1769 года Новиковъ такъ характеризуетъ воззрѣніе его превосходительства г. Недоумова на простой народъ: «Сей вельможа ежедневную имѣетъ горячку величаться своею породою. Онъ производитъ свое потомство отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего, по крайней мѣрѣ, за 500 лѣтъ доказать не могутъ: съ такими онъ говорить гнушается. Тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, если кто передъ нимъ упомянетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ: онъ ихъ въ противность моднаго мнѣнія не удостоитъ даже имени подлости. Онъ желаетъ, чтобы простой народъ былъ совсѣмъ истребленъ и чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ» [3]). «Г. Безразсудъ, по словамъ Новикова, боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о томъ онъ знаетъ только потому, что они крѣпостные его рабы: онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую оброкъ. Никогда съ ними не только что не удостоиваетъ слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они, по восточному обыкновенію, передъ нимъ по землѣ распростираются» [4]). Вообще, съ возвышеніемъ дворянства до степени вельможества екатерининскаго времени, крѣпостное рабство, униженіе и угнетеніе рабочаго народа достигло того пункта, той степени своего развития [5]), за которыми неизбѣжно должны были слѣдовать ужасы пугачевщины, возникновеніе и усиленіе сектъ рабочаго народа, въ родѣ селивановщины или людей Божіихъ, бѣгуновъ и т. п., сложеніе новаго, крѣпостного народнаго эпоса и проч. А съ другой стороны, всѣ просвѣщенные умы, проникнутые сантимен-

[1]) Erman, Reise.
[2]) Сборн. истор. общ., IV, 205.
[3]) Трутень, изд. 3-е, стр. 139.
[4]) Трутень, стр. 147.
[5]) См. подробности въ „Исторіи крестьянъ на Руси", соч. Бѣляева.

тально-филантропическими идеями XVIII вѣка, неизбѣжно должны были сознать, что крѣпостное право — «ужаснѣйшее зло», что необходимы «человѣколюбивыя учрежденія» для облегченія несноснаго ига крѣпостного рабства. «Если мы, — писала императрица Екатерина Великая, — если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго рабскаго положенія, то и противъ нашей воли крестьяне сами рано или поздно возьмутъ свою волю».

И вотъ, при всеобщемъ удивленіи чудесамъ художествъ, славѣ коммерціи, блеску и славѣ «знатныхъ, отмѣнныхъ дѣлъ» дворянства въ сферѣ общественнаго труда, передовые умы, проникнутые филантропическими идеями и чувствами, съ восторженнымъ восхищеніемъ привѣтствовали и первое зарожденіе идеи уничтоженія крѣпостного труда, какъ «сильнѣйшее блистаніе славы царей». Беарде Делабей, представившій для напечатанія въ «Трудахъ» вольнаго экономическаго общества статью о дарованіи вольности и собственности крѣпостному рабочему народу, писалъ: «Когда мы съ удивленіемъ взираемъ на *чудныя дѣла*, произведенныя Петромъ Великимъ въ его земляхъ, то вдругъ покажется, что преемники его, подобно сыну Филиппа Македонскаго, могли бы сказать, что онъ ничего великаго сдѣлать имъ не оставилъ. Но, какъ Александръ въ подвигахъ своихъ знатно превзошелъ отца, такъ равномѣрно предоставлено было безсмертной Екатеринѣ содѣлать еще *большія чудеса*, одушевляя, просвѣщая и даруя новую жизнь безчисленному множеству рабовъ, чувствующихъ только половину своего бытія, и преображая такимъ образомъ многія тысячи самодвижущихся машинъ. Богатство славно только въ рукахъ свободнаго. Богатство, принадлежащее рабу, подобно брякушкамъ серебрянымъ, у собаки на ошейникѣ висящимъ: все принадлежитъ господину... Когда *слава царей* должна быть причисляема къ преимуществамъ государства, то не можетъ она получить сильнѣйшаго блистанія, какъ отъ дарованія вольности рабамъ. О, цари! Вы умножите могущество ваше въ единое мгновеніе стами тысячъ человѣкъ, если вы даруете вольность стамъ тысячамъ невольниковъ» [1]). Въ то же время, извѣстный законовѣдъ XVIII вѣка Полѣновъ, впервые возвѣщая сантиментально-филантропическую идею «правъ человѣчества», также въ «Славѣ народа» указывалъ побужденіе къ улучшенію участи крѣпостныхъ крестьянъ. «Для славы народа, — говорилъ онъ, — нужно вывесть производимый человѣческою кровію безчеловѣчный торгъ» [2]). Такимъ образомъ, послѣ первобытнаго порабощенія «маломочныхъ смердовъ сильными мужами», обусловленнаго страхомъ грубой физической силы, послѣ до-петровскаго ѳеократическаго утвержденія первобытнаго историко-традиціоннаго принципа рабства и господства на основаніи богобоязненнаго убѣжденія, что «Господь Богъ попустилъ есть овому господ-

---

[1]) Труды вольнаго экономическаго общества, ч. VIII, 1768 г. Русскій Арх., годъ 2-й, стр. 783. Такое восторженное возвѣщеніе идеи освобожденія крестьянъ, какъ чудеснаго дѣянія царей, принято было съ изумленіемъ, и авторъ первой статьи о вольности рабовъ (Беарде Делабей) награжденъ былъ 100 червонцами и золотою медалью.

[2]) Русскій Архивъ, годъ 3-й, стр. 522.

ювати, овому же работати и далъ князьямъ и боярамъ волости съ ıстіаны». и, наконецъ, послѣ до-петровской богобоязненно-аскетической ;и «неприличія монастырямъ владѣть вотчинами» и богобоязненно-толюбивой идеи милосердія къ рабамъ, внушаемой богобоязненно-толюбивымъ воззрѣніемъ на человѣческую природу,—послѣ всего этого, тѣхъ поръ, какъ восторженное чувство удивленія чудесному устрою человѣческой природы возбудило сантиментально-филантропическій лядъ на нее, впервые возможно стало зарожденіе идеи уничтоженія ства, какъ «ужаснѣйшаго бѣдствія и безчеловѣчнаго ига». Именно, торженное чувство удивленія «чудесному устроенію человѣческой при-;ы» и психологически-вытекавшая изъ него сантиментально-филантро-ıеская «любовь и чувствительность къ человѣчеству», возбудивши ра-тное чувство «правъ человѣчества», филантропически-юридическую идею ıаведливости или «правосудія», сантиментально-идиллическое восхище- «поселянами и сельскими работами» и сантиментально-филантропиче-е сознаніе «уважительности всякаго ободренія достойныхъ земледѣль-ъ и поселянъ» [1],—впервые порождали сантиментально-филантропиче-ю идею освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Всѣ проекты и предпо-кенія, впервые возбуждавшіе эту идею, имѣли источникомъ своимъ ;нно филантропическую «чувствительность къ роду человѣческому», бужденную сантиментально-филантропическимъ воззрѣніемъ на человѣ-кую природу. Такъ, прежде всего, сама императрица Екатерина Вели-ı, глубоко проникнутая филантропическими понятіями о человѣческой ıродѣ, видя страданія и недовольство помѣщичьихъ крестьянъ, выра-:а филантропическое благожеланіе «человѣколюбивыхъ учрежденій» въ ;рѣ крѣпостного права. Въ 1775 г. она писала въ письмѣ къ генералъ-курору кн. А. А. Вяземскому: «Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ та-ю критическое, что, окромѣ *человѣколюбивыхъ учрежденій* и тишины, ıѣмъ избѣгнуть неможно. Мы должны согласиться на уменьшеніе же-кости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія» [2]). Точно :же, извѣстный законовѣдъ XVIII вѣка Полѣновъ, представившій въ льное экономическое общество» свой трактатъ объ улучшеніи быта ;постныхъ крестьянъ, основывая свою идею объ освобожденіи крестьянъ идеѣ «правъ человѣчества», въ пониманіи этихъ правъ руководился лантропически-юридическими понятіями «о безчеловѣчномъ правѣ рабо-ıдѣнія, о конечномъ унынiи и угнетеніи людей, лишенныхъ всѣхъ правъ ıовѣчества, о бѣдственномъ состояніи нашихъ крестьянъ, о преимуще-вахъ собственности» и т. п. Разсужденіе его о бѣдственномъ состояніи шихъ крестьянъ глубоко проникнуто тѣми филантропическими чув-зами соболѣзнованія и чувствительности къ человѣчеству, какія въ время воспитывались подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго :ляда на человѣческую природу. «Бѣдственное состояніе нашего кре-ьянства,—говорилъ онъ,—на такой степень взошло, что они, лишившись

---

[1]) Г. Пыпина, „Общ. движ. при Александрѣ I", стр. 88—90.
[2]) XVIII вѣкъ, кн. 3, стр. 390.

всѣхъ почти, такъ сказать, приличныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величины своего несчастія и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ. Крестьяне по самой справедливости заслуживаютъ, чтобы имѣть о нихъ всевозможныя попеченія, и для приведенія ихъ въ хорошія обстоятельства не должно щадить ни труда, ни времени. Поистинѣ сказать, сколь много мы должны быть обязаны нашимъ крестьянамъ за ихъ защиту отечества, за ихъ тяжкіе труды и безпокойствія для нашего изобильнаго питанія, за ихъ лишенія и безотрадныя упражненія единственно для пріумноженія посторонней пользы. Но мы, ежели искренно признаться, позабывъ всѣ сіи великія благодѣянія, вмѣсто почтенія платимъ крестьянамъ презрѣніемъ, вмѣсто благодаренія воздаемъ обиды, вмѣсто попеченія ничего, кромѣ разоренія, не видно. Ничто человѣка въ бо́льшее уныніе привести не можетъ, какъ лишеніе соединенныхъ съ человѣчествомъ правъ. Наши крестьяне печальнымъ своимъ примѣромъ могутъ показать, сколь пагубно конечное угнетеніе для людей. Итакъ, прежде всего должно помышлять, чтобы для славы народа и пользы отечества вывесть производимый человѣческою кровію торгъ. Я не разумѣю здѣсь конечное запрещеніе; но кто намѣренъ продавать, то долженъ продавать все вмѣстѣ, и землю, и людей, а не разлучать родителей съ дѣтьми, братьевъ съ сестрами, пріятелей съ пріятелями: ибо, не упоминая о прочихъ несходствахъ, отъ сей продажи порознь переводится народъ, и земледѣліе въ ужасный приходитъ упадокъ. Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ, не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни, обидамъ и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, словомъ, представляютъ плачевное, печальное и нашего сожалѣнія достойное позорище» [1]). Точно также, Радищевъ, по собственному его сознанію, возбужденъ былъ къ начертанію своего проекта объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ единственно «сожалѣніемъ объ участи крестьянскаго жребія» [2]). Въ царствованіе Александра I, когда сантиментально-филантропическое воззрѣніе на человѣческую природу достигло высшей степени развитія, съ новымъ энтузіазмомъ возбудились филантропическія разсужденія объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. Самъ императоръ Александръ главными побужденіями къ образованію свободнаго земледѣльческаго сословія признавалъ «тѣ благородныя движенія *чувственнаго сердца*, которыя во всѣ времена созидали благо человѣчества». Графъ С. П. Румянцевъ въ «Запискѣ о вольныхъ земледѣльцахъ» прославлялъ уничтоженіе рабства, какъ величайшее или чудеснѣйшее дѣяніе «чувствительности сердца» монаршаго: «Всемилостивѣйшій государь!—писалъ онъ [3]), — указъ вашего императорскаго величества, распространяющій право земской собственности на

[1]) „Русскій Архивъ“, годъ 5-й, стр. 511—540.
[2]) Радищева, Путешеств. Спб., 1868 г., стр. 28, 44.
[3]) По поводу указа 12-го декабря 1801 года, даннаго сенату, о предоставленіи купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ пріобрѣтать покупкою земли. Полн. Собр. Закон., т. XXVI, № 20,075.

всѣ свободныя состоянія государства, есть учрежденіе такой важности и пользы, что можетъ быть оно поставлено въ числѣ тѣхъ, кои не къ лѣтописямъ частнаго народа, но всего человѣчества, такъ сказать, принадлежатъ. Преддверіемъ оно будетъ у насъ преобразованія, превышающаго учиненное Петромъ Великимъ. Тогда истреблялось насильственнымъ образомъ невѣжество, состояніе, о которомъ еще могутъ быть пренія; теперь же, всемилостивѣйшій государь, нечувствительно и безъ всякаго опасенія начаться можетъ постепенное уничтоженіе и самаго рабства, которое иное ли что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе... Нѣтъ сомнѣнія, всемилостивѣйшій государь, что вскорѣ *чувствительность сердца* вашего будетъ утѣшена частыми и совсѣмъ безмятежными перехожденіями изъ состоянія рабскаго въ вольноземледѣльческое» [1]). Такимъ образомъ, по выраженію гр. Румянцева, «движеніями чувствительности» вызванъ былъ указъ объ образованіи вольныхъ хлѣбопашцевъ, и мотивирована была сантиментально-филантропическая идея освобожденія крестьянъ. Точно также восторженно привѣтствовали зарожденіе идеи освобожденія крестьянъ, какъ плодъ филантропической «чувствительности къ роду человѣческому», всѣ филантропы александровскаго времени. «Что можетъ быть, писалъ тогда одинъ «россіянинъ», по поводу правительственнаго намѣренія освободить крестьянъ,—что можетъ быть и справедливѣе, и согласнѣе съ закономъ Божіимъ, съ закономъ человѣколюбія, желанія обезпечить благосостояніе, собственность и даже жизнь себѣ подобныхъ? Что болѣе опредѣляетъ истинную любовь къ отечеству, какъ не попеченіе о благосостояніи согражданъ? Да воздадимъ хвалу и благодареніе Всевышнему за то, что благость его пріуготовила, наконецъ, сердца нѣкоторыхъ согражданъ нашихъ къ принятію спасительныхъ лучей свѣта любви и правды! Распадется, наконецъ, чудовищное зданіе предразсудковъ, рабства. Хвала тебѣ, царю россійскій, отверзающій преддверія храма правосудія въ освобожденіи крестьянъ» [2]). Вотъ, вслѣдствіе такихъ-то «движеній чувствительности къ роду человѣческому», сантиментально-филантропическое воззрѣніе на человѣческую природу все болѣе и болѣе возбуждало идею освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного рабства,—и постепенное зарожденіе этой идеи ясно выразилось, напримѣръ, въ извѣстной задачѣ «Вольнаго экономическаго общества» о надѣленіи помѣщичьихъ крестьянъ поземельною собственностью, въ разсужденіи Полѣнова о дарованіи крестьянамъ права собственности и свободы, въ проектѣ Радищева объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, въ указѣ о вольныхъ хлѣбопашцахъ 1803 года, въ мнѣніяхъ Строгонова, Кочубея и Чарторыжскаго о необходимости уничтоженія такого «ужаснаго (si horrible) зла», какъ крѣпостное право, и о необходимости «великаго дѣла»—освобожденія крестьянъ, въ краткихъ пред-

---

[1]) Русскій Архивъ, годъ 7-й (1869), № XI, стр. 1,953—1,962: Записка графа С. П. Румянцева о вольныхъ хлѣбопашцахъ.

[2]) Отвѣтъ сочинителю рѣчи о защищеніи права дворянъ на владѣніе крестьянами, писанной въ Москвѣ 1-го апрѣля 1818 г., древнему россійскому дворянину и проч.

положеніяхъ Сперанскаго о планѣ уничтоженія крѣпостного права. въ запискѣ Канкрина объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости, составленной въ 1818 году, по повелѣнію императора Александра I, въ мнѣніи смоленскаго помѣщика объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ (около 1820 года) и друг.

Вмѣстѣ съ идеей освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, возникла впервые и филантропическая мысль объ обновленіи или лучшемъ устройствѣ сельской общины. Такъ, наприм., въ «мнѣніи смоленскаго помѣщика объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости» (1820 г.) выражены были такія желанія: «желательно, чтобы *обществамъ* поселянъ предоставлено было право принимать къ себѣ въ общину людей изъ другихъ сословій, которымъ покажется выгоднѣе пристать къ онымъ. Желательно также, чтобы общинамъ симъ предоставлено было въ то же время право покупать земли *цѣлымъ обществомъ*. Управленіе сихъ обществъ остается по народному обыкновенію избирательное. Староста и головы распоряжаются въ ежедневныхъ случаяхъ, въ важныхъ—рѣшаетъ міръ или громада. Общинное владѣніе крестьянъ, при нѣкоторыхъ неудобствахъ, имѣетъ и большія выгоды. Всѣ частныя дѣйствія въ общинахъ направлены духомъ общественности, и при ономъ не можетъ быть почти нищихъ. Всякой сохраняетъ свое право на участокъ земли, какъ бы ни увеличивалось населеніе, а тунеядцевъ общественная власть принуждаетъ къ работѣ» [1]).

Въ то же время, восторженное чувство удивленія чудесамъ человѣческой природы, возбудивши, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическихъ воззрѣній на человѣческую природу, первые зачатки сантиментально-филантропической идеи соціально-кооперативной взаимности въ сферѣ человѣческой дѣятельности, впервые порождало наиболѣе разумную идею кооперацiи въ сферѣ труда. Чтобы лучше понять, какъ дошли умы русскіе до этой идеи, мы должны, хоть бѣглымъ взглядомъ, представить предшествовавшія формы кооперацiи. Въ первобытныя времена, когда господствовалъ фетишическій страхъ таинственныхъ силъ природы и грубой физической силы, при антропофагически-человѣкобоязненномъ взглядѣ на человѣческую природу, вмѣстѣ съ общинами или дружинами для поимки татей или разбойниковъ, для самоохраненія родовъ отъ грубой физической силы—человѣкоубійственной, хищнической, поработительной и междоусобно-воинственной, впервые возникли и нѣкоторыя другія дружины, и, такимъ образомъ, впервые зародилось начало кооперацiи въ сферѣ мускульной дѣятельности. Кооперацiя эта, на первыхъ порахъ, естественно, была исключительно мускульная и воинственно-хищническая. Именно, страхъ хищныхъ звѣрей и хищныхъ народовъ и вызванное этимъ страхомъ господство грубой физической силы—звѣроловческой, хищнической, воинственной и разбойнической были первыми естественными побужденіями къ звѣроловческой и воинственно-хищнической кооперацiи. Такимъ образомъ, для наиболѣе смѣлой и удачной борьбы со звѣрями возникали дружины или артели звѣроловческія; для борьбы съ чуждыми враждебными наро-

[1]) „Русск. Архивъ“, стр. 555—556.

ги и для хищнически-воинственнаго набѣга на нихъ устраивались дружины воинскія, «дружины сильныхъ мужей»—богатырей или «воиновъ» брыхъ; для хищнической наживы на чужой счетъ составлялись дружины разбойническія и воровскія [1]). Возникновеніе такихъ коопераций въ рѣ первобытной мускульной дѣятельности было естественно и согласно фактами общечеловѣческаго развитія. «Участіе коопераціи въ сферѣ да,—говоритъ одинъ глубокомысленнѣйшій современный изслѣдователь итико-экономической исторіи.—можетъ быть наблюдаемо уже при саъ началѣ человѣческой культуры. Такъ, мы встрѣчаемъ ее у охотьихъ народовъ и въ индійскихъ земледѣльческихъ общинахъ, но во хъ этихъ случаяхъ она основывается, съ одной стороны, на общинномъ дѣніи средствами производства, а съ другой стороны—на томъ, что ѣльный индивидуумъ такъ же мало успѣлъ оторваться отъ пуповины, зывавшей его съ его племенемъ или общиною, какъ отдѣльная пчела своего улья. Оба эти обстоятельства отличаютъ эту первобытную му коопераціи отъ коопераціи послѣдующей» [2]). Далѣе, во времена восанія, вмѣсто первобытнаго фетишическаго страха таинственныхъ силъ роды, христіанскаго чувства страха единаго Творца и Вседержителя роды,—вслѣдствіе замѣны первобытнаго антропофагически-человѣкозненнаго взгляда на человѣческую природу богобоязненно-братолюбивымъ зрѣніемъ на людей, какъ «братій и сестеръ по Богѣ», подъ вліяніемъ обоязненной идеи «братства» и «братолюбія», смѣнившаго древнюю ропофагію и боязнь людей, естественно, первобытная зооморфическироловческая и воинственно-хищническая форма коопераціи въ сферѣ да мало-по-малу преобразовывались въ форму коопераціи богобоязненножинной или богобоязненно-артельной, мирнопромышленной. Вмѣсто вобытныхъ воинственно-хищническихъ «дружинъ», основывались друны церковно-ремесленныя, напримѣръ—упоминаемыя въ лѣтописяхъ и ахъ «дружины иконописцевъ», «дружины храмостроителей», а также рковныя братства» или монастырскія «общежительства» съ общимъ содничествомъ братіи [3]). Въ частности и самыя первобытныя, звѣроловкія дружины, подъ вліяніемъ чувства страха Божія, мало-по-малу преазовывались въ мирнопромышленныя «артели», проникнутыя богобоязными чувствами и поддерживавшія въ себѣ кооперативную взаимность обросовѣстность въ артельномъ трудѣ богобоязненно нравственными праами. Таковы, напримѣръ, были новыя звѣропромышленныя артели въ

[1]) О существованіи разбойническихъ и хищническихъ дружинъ въ первобытныя мена несомнѣнно можно заключить и изъ существованія такихъ дружинъ въ подующія времена. Такъ одна древняя повѣсть гласитъ: „человѣкъ нѣкій жилище я во градѣ Псковѣ, Василій именемъ, зовомый Тѣсныя-Очи: человѣкъ не той лютъ о, и *со многою дружиною ходяше на злое свое дѣло—на кражу, разбой и губленіе челоѣкъ безъ милости*". Памятн., IV, стр. 109.

[2]) К. Маркса, Капиталъ, стр. 288.

[3]) Наприм., въ лѣтописяхъ сказано: „бѣша старѣйшины и начальницы иконодамъ, *а прочіе ихъ дружина*". Карамзина IV, примѣч. 372. Или: „Псковичи наяша геровъ и *дружину* побивати церковь свинцомъ", Псковск. лѣт., II, стр. 23, подъ годомъ. См. также Новгород. лѣт., стр. 78. Стоглавъ. гл. 43.

Сибири. Крашенинниковъ описывалъ ихъ такимъ образомъ: «собирались промышленные люди артелью, въ которой бывало по 50 и по 60 человѣкъ. Общимъ трудомъ дѣлали они каучи или лодки, нарты, лыжи, уледи и прочія вещи, общими силами заготовляли и отправляли на мѣста промысловъ разные припасы—хлѣбъ, бурню, наквасу и прочее, общими силами строили зимовья въ лѣсу или на мѣстахъ соколинаго промысла, вообще, все дѣлали сообща. Одного изъ среды своей, больше бывалаго на промыслахъ, выбирали всею артелью въ передовщики: онъ раздѣлялъ артель на чуницы или отдѣльныя партіи и снаряжалъ на промыслы. Какъ рѣки ставали и наступало способное къ соболиному промыслу время, то главный передовщикъ собиралъ всю артель въ зимовье и, *помолясь Богу*, отправлялъ каждую чуницу въ назначенную ей дорогу. Отпуская артельщиковъ, онъ отдавалъ имъ приказъ, чтобы въ началѣ самый первый станъ въ лѣсу рубили *во имя церквей*, которыя онъ сказывалъ всякому, а въ слѣдующіе дни рубили бы станы *во имя тѣхъ святыхъ*, которыхъ образа съ собой имѣютъ. И первыхъ-бы соболей, которые попадутся *въ церковныхъ станахъ*, мѣтили отправить, по возвращеніи, *въ церкви*: такіе соболи назывались у нихъ *Божіими* или приходскими; а которые соболи сперва попадутся въ станахъ рубленыхъ на имя святыхъ, тѣ доставались тѣмъ промышленникамъ, которые имѣли при себѣ *образа оныхъ святыхъ*. Притомъ, наказывалось каждой артельной чуницѣ на́-крѣпко, чтобъ промышляли онѣ правдою, (по сущей евангельской заповѣди, какъ говорилось въ другихъ артельныхъ записяхъ), ничего бы про себя не таили, и тайно бы ничего не ѣли. За нарушеніе этихъ наказовъ должны были опасаться «дѣкованья соболей», какъ наказанья. Когда вся артель возвращалась съ промыслу, то разбирали, кто согрѣшилъ противъ артельныхъ правилъ; воровъ наказывали, къ столбу ставили и, какъ другіе ѣсть начинали, велѣли имъ кланяться и, объявляя вину свою, говорить: простите, молодежь, воровъ лишили надѣлу. Изъ уловленныхъ соболей, Божіихъ или церковныхъ отдавали въ церкви, а прочихъ дѣлили между собою поровну» [1]). Такъ церковно-обрядны были артели до-петровской формаціи. Наконецъ, съ тѣхъ поръ, какъ, послѣ до-петровскаго страха таинственныхъ силъ природы, вслѣдствіе монотеистическаго отвлеченія умовъ отъ фетишическаго и политеистическаго страха предметовъ и явленій природы, возбудилось восторженное чувство удивленія чудесамъ натуры, съ тѣхъ поръ, какъ послѣ до-петровскаго «смиренномудрія» и страха естествоиспытательнаго разума, возбудился «разумъ къ вольнымъ наукамъ дерзающъ» и началось восторженное удивленіе премудрости, пользѣ и славѣ наукъ, съ тѣхъ поръ, какъ сантиментально-филантропическій взглядъ на человѣческую природу, порожденный удивленіемъ ея чудесному устроенію, впервые сталъ возбуждать сантиментально-филантропическія идеи и чувства просвѣщенно-человѣчной симпатіи и соціально-кооперативной взаимности въ сферѣ человѣческой общежительности и дѣятельности, съ тѣхъ поръ и кооперація въ сферѣ труда стала расширяться и преобразовываться въ сантиментально-филантро-

[1]) Крашенинникова „Описаніе земли Камчатки". Спб. 1736 г. II, стр. 238—257.

ическомъ духѣ. Именно, съ тѣхъ поръ, послѣ первобытныхъ грубо-мус-
ульныхъ, воинственно-хищническихъ, звѣроловческихъ и разбойнически-
›гатырскихъ дружинъ, послѣ до-петровскихъ богобоязненныхъ «братствъ»,
эрковно-ремесленныхъ дружинъ и богобоязненно-промышленныхъ артелей,
›же еще ограничивавшихся сферою мускульнаго, физическаго труда,—
иервые начала развиваться идея филантропической кооперацiи въ сферѣ
›уда умственнаго и нравственно - общественнаго. Такъ, восторженное
дивленiе чудесамъ природы въ области земледѣлiя прежде всего возбудило
этребность въ интеллигентной, просвѣщенно-научной кооперацiи въ сферѣ
эоретическаго и соцiально-экономическаго развитiя земледѣлiя. Въ
.VIII-мъ вѣкѣ, и въ «земледѣльствѣ» искали чудесъ природы. Такъ,
апримѣръ, одинъ авторъ «писемъ о земледѣльствѣ» говоритъ: «и въ нашемъ
ынѣшнемъ земледѣльствѣ, хотя оно и подъ клятвою, со многимъ трудомъ
ь потѣ лица производится, со всѣмъ тѣмъ еще множество находится въ
емъ всего того, отъ чего мы *можемъ приходить въ великое удивленiе*. Если
ы кто изъ знатныхъ и ученыхъ людей возъимѣлъ тщанiе и трудъ
азсмотрѣть и о всякомъ хлѣбѣ изслѣдовать, какимъ образомъ въ ро-
ценiи и умноженiи его Божiимъ повелѣнiемъ дѣйствуетъ натура, то бы
ремя отъ времени всегда открывались намъ новыя и *чудесныя таинства на-
уры къ великому удивленiю*» [1]). И вотъ, вслѣдствiе такого возбужденiя умовъ
чудесами натуры въ земледѣльствѣ», въ 1765 году учреждено было въ
.-Петербургѣ «вольное экономическое общество»—первая кооперацiя
мственныхъ силъ, направленныхъ къ совокупному стремленiю членовъ
соединенными силами обращать свои труды къ распространенiю въ оте-
ествѣ о земледѣлiи и домостройствѣ знанiй» [2]). Такую же умственно
ѣятельную кооперацiю, въ сферѣ земледѣлiя, представляло основанное въ
ачалѣ XIX в. московское «общество земледѣлiя и механическихъ
удожествъ» [3]). Во-вторыхъ, восторженное чувство удивленiя «славѣ рас-
ространенiя наукъ», возбудивши въ передовыхъ людяхъ общества «разумъ
ъ вольнымъ наукамъ дерзающъ», потребность знанiя, невольно побуждало
ь дружному, кооперативному сотрудничеству и взаимному содѣйствiю
ь дѣлѣ изученiя и распространенiя наукъ. Такъ, въ 1782 году съ востор-
:еннымъ чувствомъ удивленiя чудесамъ Божiимъ во вселенной и въ пре-
бразованiяхъ Россiи привѣтствовалось особой, высокоторжественной одой
чрежденiе первой филантропической, умственно образовательной коопе-
ацiи — «ученаго дружескаго общества», основаннаго Новиковымъ съ то-
арищами [4]). Въ объявленiи объ основанiи этого общества впервые выра-
:ено было разумно-сознательное чувство потребности кооперацiи для
блегченiя умственнаго и нравственнаго саморазвитiя личностей и созна-

[1]) Сочиненiя и переводы, къ пользѣ и увеселенiю служащiе. Спб. 1758 г., iюнь,
:р. 429, 547, 548.

[2]) См. о „Трудахъ“ вольнаго экономич. общества въ сочин. г. Муллова: „Заботы
ъ улучшенiи“ быта крестьянъ во второй полов. XVIII в. Казань, 1859.

[3]) Богдановича, Истор. царствован. Александра I, т. I, стр. 166—167.

[4]) Ода ученому дружескому обществу, соч. членомъ его Ѳ. П. Ключаревымъ
ноября 1782 г. Русс. Архивъ, 1863 г., стр. 206—215.

нія преимущества кооперативнаго труда надъ трудомъ индивидуальнымъ. Именно, тамъ сказано было: «Къ просвѣщенію себя и къ приведенію въ большее совершенство много способствуютъ вспомоществованія въ томъ отъ друзей, ихъ примѣры, совѣты и добрыя качества. Ибо что трудно одному, никѣмъ не подкрѣпленному, то весьма удобно производится соединенными силами. Сіе самое побудило насъ, учинивъ выборъ друзей, знаменитыхъ разными дарованіями и добродѣтелями, составить общество, и симъ способомъ подкрѣпить себя взаимною помощію, дабы тѣмъ удобнѣе трудъ и упражненіе свободнаго времени обратить въ пользу и къ свѣдѣнію многихъ, что̀ все внѣ нашего союза было бы слабо и осталось бы тьмою неизвѣстности покрыто. Итакъ, ученое общество, подъ именемъ «Дружескаго», составлено изъ разныхъ мужей и юношей, знаменитыхъ благородствомъ, и другихъ, испытанныхъ въ наукахъ, въ ревности къ распространенію просвѣщенія и въ отличныхъ своихъ дарованіяхъ. Сихъ различествующихъ другъ отъ друга лѣтами, образомъ жизни, разностію упражненій и дарами счастія, соединило между собою драгоцѣнное употребленіе въ пользу празднаго времени, любовь къ наукамъ и общее и частное благо. Взаимный между ними союзъ, взаимная благосклонность и взаимныя добрыя качества производятъ имъ взаимную пользу, взаимныя услуги и взаимныя совершенства. Такъ, иной посредствомъ сего общества возбуждается и поощряется къ полезнымъ обществу дѣламъ; другой умягчаетъ свои нравы, или, будучи робокъ, навыкаетъ быть смѣлымъ; иной дѣлается учтивѣе или извѣстнѣе своими дѣлами; другого добродѣтели въ общемъ союзѣ дѣлаются полезнѣйшими; иному подается нужная помощь, дабы чрезъ то могъ приносить вящшую пользу; наконецъ, всѣ дѣлаются полезнѣйшими и дѣятельнѣйшими» [1]). Точно также, въ манифестѣ по случаю изданія новаго регламента академіи наукъ, со стороны самого правительства, торжественно провозглашена была идея коопераціи въ сферѣ умственнаго труда: «всѣ просвѣщенные народы, — сказано тамъ,—въ разныя времена испытали, колико споспѣшествуетъ успѣхамъ наукъ соединеніе многихъ ученыхъ, одушевленныхъ единою ревностію къ усовершенствованію оныхъ. Учрежденныя въ ихъ нѣдрахъ ученыя общества, обративъ соединенную дѣятельность членовъ своихъ къ единой цѣли, предпринимали и совершали важныя дѣла и обогатили науки открытіями, которыя безъ того счастливаго соединенія ревности и знаній, можетъ быть, невозвратно бы погибли для рода человѣческаго. Такъ и Россія раздѣляетъ съ ними славу распространенія предметовъ наукъ» [2]). Когда, такимъ образомъ, сознана была потребность коопераціи, на первый разъ, въ сферѣ умственнаго труда, — тогда энергично стали основываться разнообразныя умственно-образовательныя кооперативныя общества—естественно научно-практическія и соціально-филантропическія. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Александра I основаны были, сверхъ спеціальныхъ филантропическихъ или «человѣколюбивыхъ обществъ»: «вольное общество люби-

---

[1]) Русскій Архивъ. 1863 г., стр. 207—210.

[2]) Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. I, № 20.

телей наукъ, словесности и художествъ» (15-го іюля 1801 г.), «вольное общество словесности и практики въ Ригѣ», нѣчто въ родѣ литературно-практической народообразовательной кооперацiи (1802), «общество соревнованія медицинскихъ и практическихъ наукъ» (2-го января 1804 г.), «общество испытателей природы» (26-го сентября 1804 г.), «общество математиковъ» (1811 г.), «харьковское общество наукъ» (ноября 1812 г.), петербургское минералогическое общество, арзамасское литературное общество, союзъ благоденствія и друг. [1]). Восторженными чувствами восхищенія проникнуты были всѣ эти первоначальныя коопераціи въ сферѣ умственнаго труда и нравственно-общественной дѣятельности. «Восхищенному духу членовъ общества,—говорилось, наприм., въ «планѣ» одного изъ подобныхъ обществъ, — представляется счастливѣйшее будущее время!» «Ближе, друзья! провозглашалось въ другомъ обществѣ: *вмѣстѣ*! Великое слово: *вмѣстѣ*: съ нимъ—этимъ «вмѣстѣ»—жизнедательный *трудъ* съ безкорыстною цѣлью, для пользы общественной; съ нимъ—просвѣщенье, свобода», и т. д. Филантропическія идеи и стремленія, на первыхъ порахъ, преобладали въ большей части этихъ интеллектуально-кооперативныхъ обществъ. Такъ, напримѣръ, не говоря о спеціальныхъ филантропическихъ дѣйствіяхъ «человѣколюбивыхъ обществъ»,—рижское «вольное общество словесности и практики», въ составъ котораго входили не только ученые, но и художники и ремесленники, по словамъ его программы, «ограничивало славу свою обученіемъ въ тишинѣ людей низкаго роду тому, что̀ можетъ быть для нихъ полезно, и трудами въ пользу физическаго и нравственнаго воспитанія гражданъ низкаго рода или низшаго класса, вмѣстѣ съ пріученіемъ ихъ къ лучшимъ способамъ работъ» [2]). Точно также, «въ первой отрасли предметовъ дѣятельности» филантропической коопераціи—«союза благоденствія» было *человѣколюбіе*, т.-е. успѣхи частной и общей благотворительности и т. п. [3]). Вообще, прежде практическаго сознанія ассоціацій или кооперативныхъ артелей въ сферѣ совокупнаго умственнаго и реальнаго труда, напередъ необходимо было психическое, нравственное развитіе высшихъ человѣческихъ чувствъ соціально-кооперативной взаимности, дружбы, единодушія и взаимодѣйственности. И вотъ, ассоціаціи въ сферѣ умственнаго труда предварительно и выполняли эту естественно-психологическую функцію соціальнаго развитія и подготовляли умы и чувства передовыхъ генерацій къ сознанію идеи высшей, антропологической соціально-кооперативной ассоціаціи, въ которой бы и умственный и мускульный трудъ соединились бы въ одно органическое цѣлое, какъ того требуетъ и физіолого-психологическій законъ соотносительнаго развитія человѣческой природы. Предварительныя научно-литературныя ассоціаціи въ сферѣ умственнаго труда и нравственно филантропической дѣятельности пробуждали и воспитывали соціально-гуманныя чувства единодушія, согласія, дружбы; вмѣсто господствовавшихъ

[1]) См. наприм. Богдановича, Истор. царств. Александра I, т. I. Сборникъ постановл. по Минист. Народн. Просвѣщ., т. I, № 154, 200, 291. Истор. Москов. Университ., стр. 457.
[2]) Сборн. постанов. по Министерству Народн. Просвѣщ., т. I, № 8.
[3]) Г. Пыпина, Общ. движ. при Александрѣ I, стр. 393.

въ обществѣ «взаимныхъ отношеній безъ взаимныхъ сочувствій, свиданій безъ радости, разлукъ безъ сожалѣнія, тонкихъ разсчетовъ и своекорыстныхъ уваженій, чувства добрыя людей пробуждали», воспитывали въ нихъ психическую, нравственную способность къ любви и дружбѣ, къ соціально-кооперативной взаимости и взаимодѣйственности, чтобы такимъ образомъ приготовить умы и чувства передовыхъ поколѣній къ взаимодѣйственному, соціально-кооперативному облегченію и осчастливливанію въ жизни, въ трудѣ, въ умственномъ и нравственномъ развитіи, въ общественной дѣятельности. Это стремленіе ясно выразилось, какъ мы сказали уже, не только въ изобильной поэзіи «любви и дружбы», но и въ прямыхъ заявленіяхъ «*артельныхъ друзей*» литературныхъ обществъ, какъ, напримѣръ, въ протоколѣ 20-го «артельнаго» засѣданія арзамасскаго литературнаго общества, бывшаго въ 1817 году, и особенно въ «*посланіи къ артельнымъ друзьямъ*» Мещевскаго (1817 г.)[1]).

Такимъ образомъ, идея новой артели зародилась, но до осуществленія ея еще было далеко. Передовые умы восторженно привѣтствовали ея зарожденіе, но въ то же время и скорбѣли, что до полнаго расцвѣта ея было еще далеко. Тѣмъ не менѣе, они полны были восторженной, пламенной вѣры въ ея будущій роскошный и плодотворнѣйшій расцвѣтъ, какъ въ неизбѣжный расцвѣтъ весны. Такъ, Мещевскій въ «посланіи къ артельнымъ друзьямъ» въ 1817 году писалъ:

Друзья! Вотъ стонъ души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта златая раннихъ дней
Еще отъ насъ далеко!
Еще въ туманѣ скрыта цѣль
Возлюбленныхъ желаній!
Кто-жъ благотворную артель,
Источникъ всѣхъ мечтаній,
Высокихъ чувствъ и сновъ златыхъ,
Для счастія отчизны,
Кто, въ шумѣ радостей пустыхъ,
Мнѣ замѣнитъ ее... въ сей жизни...
Но часъ пробьетъ! Услышимъ мы
Отечества призванье, —
Тогда появится изъ тьмы
Душъ пламенныхъ желанье!
Сплетенныя рука съ рукой
На путь мы ступимъ жизни
И пылкой полетимъ душой
Ко счастію отчизны и проч.[2]).

Въ то же время, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго восхищенія идеей братскаго сотрудничества людей, умы русскіе впервые съ восторгомъ описывали всякую общину, поражавшую ихъ дружною общинностью труда. Такъ, В. В. Измайловъ, въ своемъ путешествіи въ полу-

[1]) Русскій Архивъ, годъ 6-й, стр. 938—939, 831—835.
[2]) Записки адмирала Шишкова въ Чтен. общ. истор. 1868 г., кн. 3, стр. 102.

ную Россію (1799 г.), писалъ: «торжество человѣческихъ обществъ есть, ечно, общество евангелическое, котораго братья поселились у насъ на егахъ Сарпы. Здѣсь семейство людей есть семейство братій. По улицамъ встрѣтите на каждомъ шагу хозяйство трудолюбія. Здѣсь каждый титъ долгъ свой общежитію трудиться и покупать пропитаніе трудами съ своихъ. Послѣ обѣда весь городокъ колонистовъ есть одна мастерія, одна рабочая. Пятьсотъ рукъ находятся въ движеніи. Дѣятельность ь душа міра. Кажется, что во время работъ Сарепта еще счастливѣе и елѣе. Здѣсь надобно воображать себѣ истинно счастливаго человѣка, тораго изображаетъ Руссо» [1]). И. М. Долгорукій въ своемъ путешествіи Нижній въ 1813 году такимъ образомъ описывалъ женскую коопераную общину въ Арзамасѣ: «въ общинѣ до 100 дѣвушекъ разнаго состоя находятъ пристанище и насущный хлѣбъ: онѣ трудятся въ разныхъ кодѣльяхъ. Дѣвушки вступаютъ въ общину безъ всякой иной обязанти, кромѣ общей нравственной: вести себя хорошо, скромно и не таться. Онѣ не постригаются, носятъ платье общее. Столъ у нихъ общій. гутъ выключаться изъ общины, когда захотятъ. Надзирательницей нихъ пожилая дворянка, на отвѣтственности которой лежитъ весь внунній порядокъ и благочиніе. Цѣль этой общины достойна похвалы. вицы бѣдныя работаютъ и пріучаются къ трудамъ полезнымъ. Это не водитъ ихъ отъ связей общественныхъ. Онѣ не заключаются, подобно нахинямъ ханжамъ. Онѣ не обязываются тутъ вѣковать, не стригутся, живутъ праздно, полезны себѣ и ближнимъ трудами благородными, ія, что работа собственная рукъ нашихъ ничего подлаго не имѣетъ сама бою. Желательно было бы, чтобы, вмѣсто монастырей женскихъ, заволись лучше подобныя общины женскаго пола» [2]).

Наконецъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго возънія на человѣческую природу, прежде всякой лучшей соціальной оргаизаціи труда, напередъ необходимо и естественно было общее возбуденіе сознанія важности труда въ жизни и развитіи человѣческой природы. тературныя общества восторженно призывали молодыя поколѣнія къ изнедательному труду для пользы общественной». Жуковскій въ одномъ сьмѣ писалъ: «Трудъ — великій волшебникъ, онъ всемогущій властиль настоящаго. Какими бы глазами ни смотрѣло на насъ это настоящее, ужелюбными или суровыми, трудъ заговариваетъ, заглушаетъ печали ловѣка, даетъ значительность и прочность его радостямъ. И въ Курганѣ волшебство труда равно дѣйствительно, какъ на берегахъ Рейна. удъ—великій благотворитель человѣческой души, очарователь и живоритель настоящаго» и проч. [3]).

---

[1]) Путешеств. въ полуденную Россію. Вл. Измайловъ. М. 1805 г., 4 части.

[2]) Журналъ путешествія въ Нижній въ 1813 г., въ Чтен. общ. истор., стр. 48—49.

[3]) Русскій Архивъ, годъ 5-й, стр. 851.

V

Взглядъ на женщину

Первобытное порабощеніе женщины и первобытный взглядъ на нее.—До-петровскій взглядъ на женщину; до-петровское рабство женщины—умственное, нравственно-юридическое, семейное и общественное.—Взглядъ на любовь къ женщинѣ, какъ на „бѣсовское чувство".—Послѣ-петровскій взглядъ на женщину.—Восторженное чувство удивленія женщинѣ, какъ „чудеснѣйшему созданію природы".—Сантиментально-филантропическій взглядъ на женщину, порожденный восторженнымъ удивленіемъ ей, какъ чудесному произведенію природы, и общимъ сантиментально-филантропическимъ воззрѣніемъ на человѣческую природу.—Зачатки уваженія къ женщинѣ, признанія ея умственныхъ правъ, сантиментальнаго состраданія общественнымъ страданіямъ женщины.—„Искусство нравиться и плѣнять" и величественная, поражающая удивленіемъ страсть любви", порожденная восторженнымъ удивленіемъ женщинѣ, какъ чудеснѣйшему созданію природы.—Слѣдствія исключительнаго или преобладающаго воспитанія женщины для любви.

Въ сферѣ общественныхъ отношеній обоихъ половъ и соціальнаго положенія женщины, подъ вліяніемъ восторженнаго чувства удивленія чудесному устроенію человѣческой природы и порожденнаго имъ сантиментально-филантропическаго взгляда на нее, произошли весьма важныя, существенныя измѣненія и преобразованія, такъ же какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ общественной жизни. Чтобы опять яснѣе была историко-логическая послѣдовательность развитія новыхъ воззрѣній на женщину, возникшихъ съ XVIII вѣка, мы должны и здѣсь напередъ взять въ соображеніе предшествовавшія историко-традиціонныя воззрѣнія на женщину.

Въ первобытныя времена, когда, вмѣстѣ съ фетишическимъ страхомъ таинственныхъ силъ природы, господствовалъ также фетишическій страхъ грубой физической силы, выражавшійся въ поклоненіи «богатырской головѣ» и богатырямъ—храбрымъ воинамъ, какъ богамъ,—въ тѣ отдаленныя времена и понятія о женщинѣ проникнуты были суевѣрнымъ фетишическимъ страхомъ и грубыми животно-эгоистическими чувствами. Древнѣйшіе предки наши боялись непостижимой силы, производящей роды женщины, и на женщину-родильницу съ боязнью смотрѣли, какъ на существо, подверженное особенному вліянію «рожаницы». Съ суевѣрно-боязливымъ недоумѣніемъ смотрѣли они на непонятную силу половой потребности, какъ на «требу» боговъ и богинь генетической способности и чадородія, и, «умыкая» (похищая) дѣвицъ, удовлетворяли половую похоть, на игрищахъ между селами и на свадьбахъ, съ теургическими оргіями и мольбами, какъ «требу» боговъ половой сферы и генезиса, «богини-дѣвы», «Лада и Лады». Маломочная женщина, боясь превозмогающей хищнической и поработительной силы «сильныхъ мужей», невольно покорялась имъ «подъ руку», или, послѣ «рукобитья», «обручаясь съ ними въ лѣсу, вкругъ ракитова куста», невольно становилась ихъ «подручницей», «хотьюо», въ значеніи самки: такимъ образомъ происходило первобытное порабощеніе женщины. Эпосъ народный такъ изображаетъ это древнее порабощеніе женщины:

На днѣпровскихъ лугахъ стоитъ бѣлъ шатеръ,
Въ томъ шатру опочивъ держитъ красна дѣвица...
Наѣзжалъ тутъ Дунай, молодой богатырь,
Вымалъ онъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынулъ калену стрѣлу,
А и вытянулъ лукъ за ухо...
Взвыла, спѣла тетивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго...
Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра, будто угорѣлая.
А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Скочилъ онъ, Дунай, со добра коня,
И гораздъ онъ со дѣвицею дратися.
Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ...
Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чингалище булатное,
А и хочетъ взрѣзать груди бѣлыя.
Въ та поры дѣвица взмолилася:
„Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
Не коли ты меня, дѣвицу, до смерти,
Я у батюшки, сударя, отпрашалася:
Кто меня побьетъ въ чистомъ полѣ,
За того мнѣ дѣвицѣ замужъ итьти“.
А и туто Дунай сынъ Ивановичъ
Думаетъ себѣ разумомъ своимъ:
Нонѣ я нашолъ въ чистомъ полѣ
Обручницу, сопротивницу!
И тутъ они обручалися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися! [1])

Въ древнѣйшія времена, когда господствовалъ самый бгрубый фети-
:кій страхъ передъ непонятной силой половой потребности, какъ
ы» боговъ и богинь генетическихъ органовъ, половое чувство выра-
:ь въ чисто зоологической формѣ общенія половъ, по словамъ бы-
народной, «братъ сестру за себя поималъ» [2]). Потомъ, когда испы-
была наибольшая привлекательность отважнаго похищенія дѣвицъ
ужихъ родовъ, отъ половыхъ союзовъ съ которыми и дѣти родились
лѣе сильные и плодовитые [3]).—возникло поклоненіе «дѣвѣ-богинѣ»

) Древн. россійск. стихотвор., стр. 94—96.
) Тамъ же, стр. 388.
) „Множество фактовъ доказываетъ,—говоритъ Дарвинъ,—что дѣти отъ роди-
не родственныхъ между собою, болѣе сильны и плодовиты, чѣмъ дѣти отъ
родственныхъ между собою родителей. Вслѣдствіе этого, всякое легкое чувство
даемое новостью или другой причиной, которая бы побуждала скорѣе къ бра-
перваго рода, чѣмъ къ бракамъ второго, было бы непремѣнно усилено есте-
ымъ подборомъ и стало бы такимъ образомъ инстинктивно; потому что тѣ
которыя имѣли бы врожденное предпочтеніе къ чуждымъ семействамъ, стали
змножаться быстрѣе прочихъ. Повидимому, съ большею вѣроятностью можно
, что именно этимъ путемъ развилось у грубыхъ дикарей безсознательное
деніе отъ кровосмѣсительныхъ браковъ, нежели предположить, что чувство
вилось у нихъ вслѣдствіе разсужденія и наблюденія дурныхъ результатовъ
ыхъ браковъ“. Прируч. животн. Спб., 1868, т. II, стр. 133.

и въ честь ея съ теургическими обрядами совершалось «умыканіе» или похищеніе дѣвицъ [1]). «Древляне, радимичи, вятичи и сѣверяне,—говоритъ лѣтописецъ,—жили въ лѣсу звѣринскимъ образомъ, какъ всякій звѣрь, и брака у нихъ не было, а было похищеніе дѣвицъ: сходились на игрища между селами, на плясанье, и тутъ умыкали себѣ женъ, съ какой дѣвицей кто соглашался; имѣли же по двѣ и по три жены» [2]). Наконецъ, когда изъ-за похищенія дѣвицъ часто сталъ «вставать родъ на родъ», передовые славянскіе роды, вышедшіе изъ лѣса въ поле, оставившіе первобытный «звѣринскій образъ жизни», поселившіеся въ городахъ и почувствовавшіе потребность въ мирѣ и согласіи, въ устройствѣ мирныхъ «дружинъ» или «міровъ-вервей», страшась вражды чуждыхъ родовъ изъ-за похищенія ихъ дѣвицъ, стали молить бога Лада и богиню Ладу о благоустройствѣ мирныхъ брачныхъ согласій или полюбовныхъ брачныхъ договоровъ съ чуждыми родами. Такъ было у полянъ кіевскихъ [3]). Но не вдругъ, однакожъ, и у нихъ укоренился обычай мирныхъ брачныхъ союзовъ. Еще самъ князь Владиміръ, въ язычествѣ, сначала добромъ сватался на Рогнѣдѣ, дочери Рогвольда Полоцкаго, сговоренной за его брата Ярополка, но когда получилъ отказъ со стороны невѣсты, не хотѣвшей выйти замужъ за «робынчича», сына рабы, то сильно разгнѣвался, тотчасъ же собралъ большое войско изъ варяговъ, новгородцевъ, чуди и кривичей и, напавши на Полоцкъ, убилъ Рогвольда съ двумя сыновьями, а дочь его Рогнѣду силой взялъ за себя замужъ, и впослѣдствіи покушался даже убить ее за то, что она не хотѣла добромъ выйти за него замужъ. И по преданію народной былины, Владиміръ, посылая могучаго богатыря съ большой дружиной къ отцу невѣсты, приказывалъ ему: «поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ-сватаньѣ, честью не дастъ, ты и силой бери!» При такомъ долговременномъ господствѣ насильственнаго порабощенія женщины, понятно, немыслимъ былъ человѣчный взглядъ на нее. На женщину смотрѣли со страхомъ, или съ суевѣрно-боязливымъ предубѣжденіемъ, какъ на злое существо, какъ на «ягу-бабу» или «лихую бабу-вѣдунью». На жену смотрѣли какъ на «хоть» или самку, какъ на «сподручницу-рабыню», которая должна была «разувать мужа» и покорятся ему, какъ богу. Въ языческія времена, вся жизнь женщины приносилась въ жертву мужчинѣ, какъ богу, такъ что, по смерти мужа, жена должна была слѣдовать за нимъ въ могилу: вдовъ сожигали на кострѣ, въ поминокъ души мужа, для умилостивленія къ нему боговъ подземныхъ.

[1]) Лѣтоп. русской литературы и древности, т. IV: слово противъ язычества 4-е, гдѣ сказано: „чтутъ богиню, сію же дѣву творятъ“. Вѣроятно, въ связи съ этимъ поклоненіемъ „богинѣ-дѣвѣ“ находится и позднѣйшее религіозное поклоненіе секты „людей Божіихъ“ дѣвицѣ, какъ богородицѣ, поклоненіе, соединенное, согласно съ древнимъ обычаемъ, съ „свальнымъ грѣхомъ на радѣньяхъ“, а также и ученіе секты „бѣгуновъ“, утверждающее, что „дѣвка сотворена отъ Бога, а баба отъ діавола“, что блудное общеніе съ дѣвицею есть „любовь Христова“.

[2]) Полн. собр. лѣт., I, 6. Переяслав. лѣтоп., 3—4.

[3]) Полн. собр. лѣт., II, 257.

И какъ Потокъ живучи состарѣлся.
Состарѣлся и переставился.
Тогда его Потока похоронили,
А его молоду жену Авдотью Лиховидьевну
Съ нимъ же живую зарыли во сыру землю:
И тутъ ему стала быть память вѣчная![1]

Наконецъ, первобытныя понятія о женщинѣ отразились и въ первомъ .вяно-русскомъ законоположеніи. Въ «Русской Правдѣ» не только утверено было издревнее ограниченіе имущественныхъ правъ женщины, но и ювѣческое достоинство и жизнь ея оцѣнены вдвое или даже втрое же личности и жизни мужчины: именно. за убійство «мужа княжаго» і «слуги княжаго» платилась убійцей двойная вира—80 гривенъ, за йство простого мужчины простая вира—40 гривенъ, а за убійство женны только полвиры—20 гривенъ[2].

Въ слѣдующій за тѣмъ фазисъ. когда. послѣ первобытнаго хищни:каго «умыканія» и насильственнаго порабощенія женщины, по внунію христіанскаго чувства страха Божія, установленъ былъ церковный .къ,—богобоязненно-братолюбивое воззрѣніе на людей, какъ братій и теръ по Богѣ, впервые стало порождать, подъ вліяніемъ страха Божія, 'обоязненное чувство почитанія и уваженія женщины, на первый разъ, ;ь только въ лицѣ «женъ богобоязненныхъ, добрыхъ, праведныхъ, пре(обныхъ и святыхъ». Когда, послѣ первобытныхъ миѳическихъ дѣвъ:тельницъ, вѣщихъ дѣвъ, лихихъ бабъ-вѣдуній и бабъ-ягихъ, вдругъ ли являться въ до-петровскомъ обществѣ женщины, исполненныя страха жія, чуждавшіяся игръ и увеселеній, умерщвлявшія свою «цвѣтущую ть и доброту тѣлесную» строгими постами, проводившія все время въ итвахъ и богоугодныхъ рукодѣльяхъ, благотворившія нищимъ и нецнымъ и, наконецъ, даже совершенно отрекавшіяся отъ міра,—то, по вамъ повѣсти объ Юліаніи Муромской, «всѣ дивились, како вселися такихъ женъ страхъ Божій», всѣ изумлялись ихъ богобоязненному уму и богобоязненной жизни. Пѣвцы духовные, вмѣсто первобытнаго атырскаго эпоса порабощенія женщины, впервые восторженно возвели:али и привѣтствовали такую женщину эпосомъ богобоязненно-церковиъ: «Радуйся! восклицали они ей, вмѣсто первобытнаго устрашенія и чаленія:—радуйся, обрадованная, святая, преподобная, божественная іа! Радуйся, преблаженная невѣста Христова! Блаженно рождество твое, женно воспитаніе твое, блаженъ трудъ твой, блаженны подвиги твои, з къ Богу... Радуйся, достохвальная жена! Яко въ женской главѣ свя:ъ мужей мудрость имѣла еси, яко отъ Бога имѣла еси даръ въ дѣвеннѣй юности недуги исцѣляти» и т. д.[3]). Послѣ первобытнаго страха женщинѣ «злаго естества», «злой силы»—рожаницы, теперь впервые

---

[1]) Древн. россійск. стихотвор., стр. 225.

[2]) Изслѣдов. о русской правдѣ г. Калачева, 1846. Подробности относительно вобытнаго положенія женщины см. въ моей статьѣ: „Первобытное міросозерцаи порабощеніе женщины", въ „Дѣлѣ" 1871 г., №№ 8 и 9.

[3]) Повѣсть о Февроніи Муромской.

евангельски оправдывали ее «отъ божественнаго писанія». «Рече сынъ къ отцу: отче, писаніе, свидѣтельствуя о проклятіи и покореніи мужу Еввы, въ то же время благовѣствуетъ: Богъ послалъ своему созданію архангела Гавріила къ дѣвѣ Маріи; онъ, вмѣсто древней печали Еввѣ, радость Богородицѣ дѣвѣ принесъ, сказалъ: радуйся, благодатная! Господь съ тобою, и благословенна ты въ женахъ! Эта радость сопротивна клятвѣ, и вмѣсто Еввы—благословенная Богородица Марія. Послѣдуя той же чистотѣ дѣвической, и жены по Христѣ мучились, разсѣкаемыя на члены, и ко Христу привелись. Поэтому, все ново стало, и женское племя благословенно, и жена добрая мужа своего и по смерти спасетъ, и дому строительница бываетъ, и какъ сладкія воды изъ устъ ея истекаютъ, сердце мужа своего услаждаетъ, бываетъ милосерда, чадолюбива къ своимъ дѣтямъ, и домъ свой всякими добродѣтелями наполняетъ, безкровныхъ покрываетъ, безпомощнымъ помогаетъ, бѣдныхъ призираетъ. И по писанному, всего сильнѣе жена бываетъ: ибо всякъ человѣкъ отъ жены рождается и сосцами ея питается. И прирекъ сынъ: не есть зло естество женское!» [1]). Самое чувство уваженія къ женщинѣ на первыхъ порахъ выражалось въ богобоязненно-богословской формѣ. Такъ, напримѣръ, протопопъ Аввакумъ писалъ къ одной боярынѣ: «Вѣмъ, другъ мой милый, Федосья Прокофьевна, жена ты боярская, знаменита ты въ Москвѣ, яко древняя Деввора во Израилѣ, яко Есфирь жена царя Артаксеркса. Когда ты молишися Господу Богу, слезы отъ очей твоихъ, яко бисеріе драгое, исходятъ; глаголы устъ твоихъ, яко каменіе драгое, удивительны передъ Богомъ и человѣки, персты же рукъ твоихъ тонкостны и дѣйственны: великій, меньшій и средній въ образѣ трехъ ипостасей божества, указательный же и великосредній—во образѣ двухъ естествъ—божества и человѣчества Христова; очи же твои молніеносны держатся отъ суеты міра, токмо на нищихъ и убогихъ призираютъ. О каменіе драгое, акинфъ, измарагдъ и аписъ! О трисіятельное солнце и немерцающая звѣзда! Кто не прославитъ терпѣніе твое Бога ради! Чудо! Да только подивиться чуду сему!» [2]). Наконецъ, Юрій Крыжаничъ, побуждаемый богобоязненно-человѣколюбивыми чувствами, требовалъ даже «изрядить ученье женщинамъ и дѣвицамъ», избравъ изъ среды ихъ же общину учительницъ [3]). Такъ смотрѣли на женщину въ до-петровскія времена, съ одной стороны подъ вліяніемъ богобоязненнаго чувства братолюбія. А съ другой стороны, подъ вліяніемъ чувства страха Божія, послѣ первобытныхъ животно-любострастныхъ оргій въ честь «дѣвы богини» и πορνικὰ μυστήρια,—богобоязненно-аскетическое воззрѣніе на человѣческую природу, отрицая первобытное поклоненіе «дѣвѣ-богинѣ» и богинѣ Ладѣ, породило страхъ жены, какъ «соблазна богоспасаемымъ, учительницы грѣхамъ и сѣти, сотворенной отъ діавола на прельщеніе человѣка». Вслѣдствіе этого книжники-аскеты, перетолковывая слова Іоанна Златоуста о лукавыхъ женахъ (περὶ γυναικῶν πονηρῶν), написали пространнѣй-

1) „Притча о женской злобѣ“.
2) Письмо Аввакума въ Русск. Арх., годъ 2-й, стр. 92—93.
3) Юрія Крыжанича, о Московскомъ государствѣ.

шія «слова о злыхъ женахъ» и «притчи о женской злобѣ», въ которыхъ безчисленными и унизительнѣйшими, всевозможными злохуленіями внушали страхъ и отвращеніе къ женщинѣ, какъ «сѣти сатаниной, какъ цвѣту діаволю, какъ змiѣ и аспидѣ, львицѣ и медвѣдицѣ», какъ «злой женѣ злѣйшей всякаго зла, лютѣйшей всякаго звѣря», и, вообще, доказывали, что «*естество женское вельми есть зло*» [1]).

Печальнымъ слѣдствіемъ такого сильно распространившагося аскетически-человѣкобоязненнаго убѣжденія, что «естество женское вельми есть зло», было дальнѣйшее и окончательное развитіе семейнаго и общественнаго рабства, униженія и безправія женщины. Вопервыхъ, отрицалось умственное равенство женщины съ мужчиною. Въ византійскихъ апокрифахъ, въ доказательство того, что умъ женщины, по самой природѣ своей, ниже, малоспособнѣе ума мужчины, разсказывались особыя повѣсти о томъ, какъ премудрѣйшій въ мірѣ отрокъ (Соломонъ) вѣсилъ на деревянныхъ вѣскахъ песій пометъ съ женскимъ умомъ, и находилъ, что умъ женщины маловѣснѣе и того, и что, вообще, мужчину умнаго онъ находилъ одного въ тысячѣ людей, а женщины ни одной во всемъ мірѣ [2]). Такъ же московскій протопопъ Аввакумъ, который такъ богословски прославилъ женщину, въ то же время писалъ знатнѣйшимъ женщинамъ-боярынямъ: «да ужъ Богъ васъ проститъ! Что на васъ и дивить! у бабы волосы долги, да умъ коротокъ» [3]). Вслѣдствіе этого, по правиламъ византійско-московскаго «вождя по жизни», «жена, княгиня молодая, какъ малоумная, не имѣла права ни о чемъ разсуждать своимъ умомъ, а могла только «молвить поклонъ отцу съ матерью»; ибо то не женское дѣло, о чемъ разсуждать, кого звать и кого чествовать, и какъ чему быть, да и не стать въ слухъ при людяхъ своимъ умомъ наказывать: на это есть глава, мужъ законный, на то есть совѣтъ съ мужемъ, съ очей на очи» [4]). Далѣе, женщина, какъ опасный «соблазнъ богоспасаемымъ и учительница грѣхамъ», какъ «сѣть, сотворенная отъ діавола на прельщеніе человѣка», исключена была изъ общества и осуждена на заточеніе въ терему, какъ бы на покаяніе. «Отъ младенческихъ лѣтъ, говоритъ Кошихинъ: — до замужества своего женщины живутъ у отцовъ своихъ въ тайныхъ покояхъ, и, опричь самыхъ ближнихъ родственниковъ, чужіе люди никто ихъ, и они чужихъ никого видѣть не могутъ, такъ же, какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому же люди видаютъ мало. Царевны, имѣя свои особые же покои разные, и живуще яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди, но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху, и лица свои слезами омываху» [5]). Въ теремахъ женщины-княгини и боярыни только и дѣлали, что вышивали убрусы и ширинки или эпитрахили и ризы церковныя. Понятно, до какой степени съуживало умственный и нравственный кругозоръ женщины это

[1]) Памятн., II, 461—470, „Притча о женской злобѣ“.
[2]) Пам., III, 63, 65.
[3]) Письма Аввакума, Рус. Арх., 2, 98, 99.
[4]) Буслаева I, 509.
[5]) Кошихина, 120.

теремное воспитаніе въ нихъ мономаническаго пристрастія къ убрусамъ и ширинкамъ. Недаромъ, царевна Ксенія Борисовна не умѣла иначе выразить въ пѣснѣ своего горя злосчастья, какъ только такимъ наивно-мелочнымъ сокрушеніемъ объ убрусахъ и ширинкахъ:

А всплачется на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
А свѣты мои браные убрусы!
Береза ли вами крутити?
А свѣты запаны ширинки!
Лѣсы ли вами дарити?
А свѣты яхонты-сережки!
На сучье ли васъ задѣвати!

Не говоря о крайнемъ ограниченіи имущественныхъ правъ женщины [1],—она не равна была съ мужчиною—и передъ закономъ. Бояринъ или князь, давая по себѣ запись царю, говорилъ въ ней, что въ случаѣ его измѣны или отъѣзда царь воленъ казнить, вмѣстѣ съ нимъ, и его жену. Женщинъ, даже беременныхъ, до 1637 года, безпощадно казнили смертью. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича относительно убійства жены мужемъ умолчало, или не давало никакого положительнаго установленія, а относительно жены установило самое немилосердое, самое жестокое законоположеніе, именно такое: «а буде жена учинитъ мужу своему смертное убійство, или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма, и ее за то казнити, живу окопати въ землю, а казнити ее такою смертью *безо всякія пощады*, хотя будетъ убитаго дѣти или иные кто ближніе роду его того не похотятъ что ее казнити, и *ей отнюдь не дать милости* и держать ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ она умретъ». (Улож., гл. 22, ст. 14).

Наконецъ, послѣ первобытнаго, чисто животнаго, неудержимо-рефлективнаго проявленія полового чувства, самая любовь у женщины, съ аскетической точки зрѣнія, казалась нечистою, грѣховною, бѣсовскою страстью. Для воспитанія въ нервно-мозговой организаціи нашихъ грубыхъ предковъ способности задерживанія рефлекса полового чувства, признаны были необходимыми, во-первыхъ, особые курьезные уставы для обузданія и ограниченія половыхъ сношеній мужа и жены, во-вторыхъ—строгая аскетическая заповѣдь дѣвства; и, наконецъ, запрещеніе «взирать на доброту или красоту женскую» и заповѣдь избѣгать любви, какъ огня бѣсовскаго. Написаны были ужасныя повѣсти «о дѣвицахъ, обыкшихъ танцовати и пѣсни пѣти», о женщинахъ, соблазнявшихъ мужчинъ «стучаніемъ сандаліями, помаваніемъ очима, вихляніемъ хребтомъ» и т. п. Даже въ повѣстяхъ о любовныхъ похожденіяхъ, въ этихъ до-петровскихъ романахъ, какіе впервые стали появляться въ русской литературѣ въ XVII вѣкѣ, любовь къ женщинѣ изображалась какъ «бѣсовское чувство». Такова, напримѣръ, «повѣсть зѣло предивная града великаго Устюга купца Ѳомы Грутцына о сынѣ его Саввѣ, какъ онъ даде на себе діаволу руко-

[1]) Г. Алексѣева, „Объ отношенія супруговъ въ поимуществу древней Руси". Чтен. общ. истор., 1868 г., кн. 2.

аніе и какъ избавленъ бысть милосердіемъ пресвятыя Богородицы ;анскія». Героиня этой повѣсти — молодая жена стараго мѣщанина)да Орла (Бажена Второго) — изображается въ повѣсти, какъ діаволья сѣть любовнаго уловленія; а герой повѣсти—юноша, сынъ богатаго южскаго купца, во всѣхъ его любовныхъ и служебныхъ геройскихъ ожденіяхъ, представленъ братомъ или другомъ діавола, бѣса, который)тлучно сопровождалъ его повсюду, водилъ по разнымъ городамъ, слуъ вмѣстѣ съ нимъ въ солдатахъ, ходилъ вмѣстѣ съ нимъ въ походы и, онецъ, главнѣйшимъ образомъ былъ орудіемъ въ его любовной связи. Таъ былъ, въ общихъ чертахъ, взглядъ до-петровскаго общества на женщину, шенный богобоязненно-аскетическимъ страхомъ и «злого естества челоескаго» и, въ частности, «весьма злого естества женскаго».

Но съ тѣхъ поръ, какъ русскіе умы впервые съ изумленіемъ познали книгъ о чудесахъ человѣческаго тѣла и изъ анатомическихъ преатовъ чудесное устроеніе человѣческой природы, впервые радикально ли измѣняться, гуманизироваться и воззрѣнія на женщину.

Послѣ вѣкового до-петровскаго заточенія женщины въ теремахъ, въ олѣ,—русскіе увидѣли прежде всего на западѣ женщину въ обществѣ, всемъ блескѣ ея эстетическаго обаянія, красоты, стройности, утонченти изящнѣйшихъ манеръ и общественной свободы. И они съ изумлеиъ извѣщали русское общество, какъ о «превеликой диковинкѣ», о ъ, что «женскій народъ тамъ зѣло благообразенъ, и строенъ, и тонокъ, юлитиченъ, и свободенъ, и веселится безпрестанно въ гуляньяхъ небранныхъ, незазорныхъ, открытыхъ»[1]). Потомъ, благодаря узаконенію ровскихъ ассамблей, и сама русская женщина стала выходить изъ тета и являться въ обществѣ, во всемъ блескѣ европейской наружности, опейскаго изящества. Такимъ образомъ, послѣ до-петровскаго аскетичеіго убѣжденія, что «естество женское вельми есть зло», что «жена ь сѣть сатанина, сотворенная отъ діавола на прельщеніе человѣка», ь вліяніемъ восторженнаго удивленія чудесному устроенію человѣчеі природы, всѣ съ изумленіемъ стали смотрѣть на женщину, какъ на *еснѣйшее произведеніе природы*». Одни,—по словамъ Новикова,—удивля- «красотѣ лица женщины, другіе хвалили руки, станъ или походку, пріятность голоса, иные превозносили нѣжность вкуса женщины въ дахъ, всѣ кричали: вотъ *чудесное произведеніе природы*! Вотъ *совершенная твореніе*!»[2]) Вдохновленные восторженнымъ чувствомъ удивленія щинѣ, какъ чудесному произведенію природы, передовые русскіе люди огли до-петровское убѣжденіе, что «естество женское вельми есть и, вмѣсто до-петровскихъ «словъ о злыхъ женахъ», съ восторымъ чувствомъ удивленія прославляли въ высокоторжественныхъ ъ даже и до-петровскихъ женщинъ. Ломоносовъ провозглашалъ:

Что въ вѣчности превыше звѣздъ
Сіяете уже богини

[1]) Пекарскаго, Наука и литер. при Петрѣ Вел., I, стр. 148.
[2]) Живописецъ, 1774 г., стр. 20, изд. г. Аѳанасьева.

О вы, россійски героини!
Вы, пола превышая свойство,
Явили мужеско геройство
Чрезъ славныя свои дѣла! [1])

А новыхъ, послѣ-петровскихъ женщинъ, особенно рельефно и блистательно выдававшихся въ XVIII вѣкѣ, съ удивленіемъ превозносили уже до небесъ, какъ «богинь» и «героинь», какъ чудеснѣйшее и совершеннѣйшее созданіе природы. Ломоносовъ же воспѣвалъ величіе одной изъ такихъ женщинъ:

Природа какъ тебя на свѣтъ производила,
На то истощена была ея вся сила,
Дабы ни одного таланта не отнять.
Богиня красотой, богиня ты породой,
Повсюду громкими дѣлами героиня! [2])

Вообще, на первыхъ порахъ, новому, европейскому типу женщины долго удивлялись, какъ чуду природы. Еще въ 1814 году, Батюшковъ, увидѣвши женщинъ парижскихъ, очарованъ былъ ими, какъ поразительными рѣдкостями. «Ни слова о другихъ рѣдкостяхъ,—писалъ онъ изъ Парижа 25 апрѣля 1814 года: — ни слова о великолѣпной картинной галлереѣ, ни слова о рѣдкостяхъ парижскихъ. Но позвольте хоть мимоходомъ похвалить женщинъ парижскихъ. Нѣтъ, онѣ выше похвалъ, даже самыя прелестницы:

Предъ ними истощаетъ
Любовь златой колчанъ.
Все въ нихъ обворожаетъ:
Походка, легкій станъ,
Полунагія руки
И полный нѣги взоръ,
И устъ волшебны звуки,
И страстный разговоръ.
Все въ нихъ очарованье!
А ножка... милый другъ,
Она харитъ созданіе,
Кипридовыхъ подругъ.
Для ножки сей—о вѣчны боги!
Усѣйте розами дороги
Иль пухомъ лебедей!
Самъ Фидій передъ ней
Въ восторгѣ утопаетъ,
Поэтъ—на небесахъ! и проч. [3]).

Встрѣчая въ обществѣ поразительно-выдававшуюся своими достоинствами женщину, восторженно писали объ ней въ письмахъ: «чудо въ женскомъ родѣ!» или «женщина—чудо!» [4]). Сначала, послѣ до-петровскаго

[1]) Сочин. Ломоносова ч. I, стр. 139.
[2]) Сочин. Ломоносова, ч. I, стр. 270, 272.
[3]) Русск. Архивъ, годъ 5-й, стр. 1462.
[4]) Русск. Архивъ, 1870 г., № 8 и 9, стр. 1720, № 7, стр. 1280—1281, 1304—1305.

аскетическаго страха «женской доброты и лѣпоты», какъ «діавольской сѣти пресыщенія», съ восторженнымъ чувствомъ удивленія преимущественно прославляли, какъ «диковинку», какъ чудо природы, физическую красоту, грацію женщины [1]). Даже еще Державинъ главнымъ образомъ воспѣвалъ физическую красоту, грацію женщины. Главнымъ, естественно-отличительнымъ свойствомъ и силой вліянія женщины онъ признавалъ красоту. Таковы, напримѣръ, его стихотворенія: «Приношеніе красавицамъ», «Къ Граціямъ», «Побѣда красоты», «Хариты», «Рожденіе красоты», «Мои Граціи», «На красавицу» и много другихъ. Въ стихотвореніи «Къ женщинамъ» онъ говоритъ:

Зевесъ быкамъ далъ роги,
Копыта лошадямъ,
Проворны зайцамъ ноги,
Зубасты зѣвы львамъ;
Способность плавать рыбамъ,
Пареніе орламъ,
Безстрашный духъ мужчинамъ;
Но что-жъ онъ далъ женамъ?
Чѣмъ все то замѣнитъ?
Красой ихъ надѣляетъ:
Огонь, и мечъ, и щитъ
Красавица сражаетъ [2]).

Потомъ восторженное чувство удивленія женщинѣ, какъ «чудесному созданію природы», простиралось и на психическія ея качества, на душевную красоту женщины. Поэты воспѣвали женщину:

Но прелести-ль одни меня столь *удивляютъ!*
Твои достоинства почтеніе рождаютъ,
Какъ прелести въ тебѣ, такъ добродѣтель зрима...
Ты взорами орлица,
Душею голубица,
Достойная вѣнца:
Въ тебѣ пріятности дивятся
Уму и красотамъ [3]).

Тотъ же Державинъ, преимущественно воспѣвая физическую красоту женщины, въ то же время прославлялъ и ея душевныя достоинства. Напримѣръ, въ стихотвореніи: «къ добродѣтельной красавицѣ» онъ возглашалъ:

Тѣлесна красота, душевна добродѣтель
Являютъ мудрому единую мѣту:
Коль зритъ у первой онъ согласіе въ чертахъ,
А правду у другой и въ мысляхъ и въ дѣлахъ:
То видитъ въ двухъ одну прямую красоту...

---

[1]) Сочиненія Сумарокова. М., 1787 г., ч. V, стр. 204, 296.
[2]) Сочинен. Державина, Спб., 1831 г., ч. III, стр. 67.
[3]) Живописецъ, Новикова, стр. 89—90. Сочиненія Державина, III, 117.

Коль то не вымыслы и не мечты пустыя,
То ужъ конечно ты.
Одна изъ геніевъ, иль ангельскихъ міровъ,
Таланты чьи, дѣла, умъ, тѣла красоты
Приводятъ духъ въ восторгъ, во нѣжны чувства кровь,
И въ философію и въ старость льютъ любовь [1]).

Въ частности, въ душевной природѣ женщины съ удивленіемъ прославляли «рѣдкія дарованія», «изумительное остроуміе», «декламацію и вкусъ», который признавался выше всего въ природѣ человѣка, и особенно «чувствительность», а также изящество въ танцахъ, манерахъ, любезностяхъ и пріятностяхъ въ бесѣдѣ, артистическія достоинства и т. п. [2]). Наконецъ, всѣ восторженно удивлялись, какъ «чудесамъ Минервы», первому появленію въ обществѣ новаго, благовоспитаннаго поколѣнія женщинъ. Такъ, напримѣръ, въ «Стихахъ» госпожамъ дѣвицамъ, воспитаннымъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на присутствіе ихъ въ первый разъ въ Лѣтнемъ саду 20-го мая 1773 года, выражено было всеобщее восторженное удивленіе впервые увидѣннымъ благовоспитаннымъ дѣвицамъ:

Не нимфы ли богинь предъ нами здѣсь предстали,
Что и сердца всѣхъ зрителей пленили!
Одежда бѣлая невинность значитъ въ нихъ,
А каждая ихъ рѣчь таланты означаетъ!
Какъ солнечны лучи, такъ взоры ихъ сіяютъ,
Съ красой небесною краса сихъ нимфъ равна,
Съ незлобьемъ сердца ихъ невинность ихъ явна.
Конечно, божество они въ себѣ являютъ! [3])

Такое восторженное удивленіе женщинѣ, какъ «чудесному произведенію природы», породило, во-первыхъ, моралистическое оправданіе и возвышеніе женщины въ глазахъ общества, во-вторыхъ—сентиментально-симпатичное и филантропическое сострадание къ общественнымъ несчастіямъ женщины, въ-третьихъ—зачатки нравственнаго уваженія женщины и признаніе ея умственныхъ, особенно эстетическихъ и общественныхъ правъ, наконецъ — развитіе нравственныхъ мотивовъ любви къ женщинѣ и восторженно-патетическое воспѣваніе любви, какъ чудеснѣйшей силы въ природѣ, и т. д.

Послѣ вѣковыхъ проклятій и злословій до-петровскихъ «словъ о злыхъ женахъ» и «притчей о женской злобѣ», восторженное чувство удивленія женщинѣ, какъ «чудесному произведенію природы и совершен-

---

1) Сочиненія Державина, III, 148.

2) Сочиненія Сумарокова, ч. VI, стр. 243—244. И. М. Долгорукова, Путеш. въ Нижній-Новгородъ въ Чтен. общ. истор. 1870 г., кн. I. стр. 10. Дневн. путеш. въ Одессу и Кіевъ въ 1810 г. въ Чтен. общ. истор. 1869 г., кн. 2, стр. 54—55, 134. Дневн. путеш. въ Кіевъ 1817 г., ст. 113, 120, 143, 146—147. Бытіе сердца моего. М., 1808 г., стр. 44. 159, 168. Русск. Арх., 1868 г., № XI, стр. 1875. 1917. Сочиненія Державина 1873 г., ч. I, стр. 123. 125, 148.

3) Живописецъ. 298—299. Державина, III, 15.

ему ея сотворенію», породило восхваленіе и прославленіе женщины, твенное оправданіе ея въ глазахъ общества. И. М. Долгорукій въ и сердца своего» писалъ:

Ничто не можетъ такъ нашъ умъ образовать
И самый жесткій нравъ къ добру располагать,
Какъ женщинъ милыхъ намъ пріятны убѣжденья.
Что можетъ постоять противу ихъ внушенья?
Ни въ школахъ мудрецы, на каѳедрѣ монахъ—
Не въ силахъ произвесть того въ людскихъ умахъ,
Что женщина творитъ однимъ нерѣдко словомъ ...
Лишь чуть возникнетъ въ комъ хоть маленькій порокъ,—
Онъ женщины стыдится, и самъ къ себѣ жестокъ.
Упрямъ ли онъ—она его всегда смягчаетъ;
Сердитъ ли—безъ труда на милость преклоняетъ.

е поэтъ изображаетъ, какъ умственное и нравственное вліяніе щины исправляло «горячихъ игроковъ въ бостонъ, пьяницъ многихъ, ихъ, мотовъ, повѣсъ» [1]). Державинъ, какъ мы сказали, также воспѣ не одну красоту, но и душевныя качества женщины, ея умъ и во, и въ нихъ признавалъ благотворно-вдохновительное вліяніе жен на мужчинъ. Напримѣръ, въ образѣ «Всемилы» онъ воспѣвалъ щину:

Какая непонятна сила
Изъ устъ твоихъ и изъ очей
Плѣняетъ, юная Всемила!
Царица ты души моей.
Такъ красота владѣетъ міромъ;
Сердца—ей тронъ и алтари;
Ее чтутъ мудрые куміромъ,
И покланяются цари.
Прочти дѣянія великихъ:
Всѣ къ нѣжности склоняли слухъ;
Причина подвиговъ толикихъ
Ихъ вкусъ къ добру, ихъ пылкій духъ.
Почто-жъ, о милое творенье!
Грустишь и тонешь такъ въ слезахъ,
Когда царей и царствъ правленье
Въ твоихъ содержится рукахъ?
Увы! Прекрасна грудь вздыхаетъ;
Въ слезахъ твердишь ты: „все мечта!"
Такъ! добродѣтелью бываетъ
Сильна лишь женщинъ красота! [2])

нскій, по поводу «размышленія» его дочери «о твердости души характера», опровергалъ мнѣніе, что женщины, будто бы, малодушнѣе инъ, и доказывалъ, напротивъ, что женщинамъ, при высшей сте-

---

[1]) Бытіе сердца моего. М. 1808, стр. 109—111.
[2]) Державина, III, 123. Также 148, 165. Нравственное вліяніе женщины отражало е, неудержимо-рефлективные, эротическіе помыслы мужчинъ. Державина,

пени чувствительности, свойственна и твердость, даже едва ли еще и болѣе, чѣмъ мужчинамъ. Въ другомъ письмѣ къ дочери (5-го мая 1820 г.) Сперанскій опровергалъ несправедливое обвиненіе женщинъ въ томъ, будто онѣ были причиною вѣтренности и легкомысленности молодыхъ мужчинъ, и утверждалъ, что вовсе не женщины, а исключительно скороспѣлое воспитаніе и преобладаніе воинственныхъ наклонностей суть главныя причины пустоты и вѣтренности мужчинъ [1]).

Далѣе, чувство удивленія женщинѣ, какъ чудесному созданію природы, послѣ до-петровскаго униженія ея умственныхъ способностей, возбуждая восторженное восхищеніе ея «рѣдкимъ дарованіемъ, изумительнымъ остроуміемъ и вкусомъ», и вслѣдствіе того, впервые стало внушать не только уваженіе къ женщинѣ [2]), но и зачатки признанія ея умственныхъ и общественныхъ правъ. Бецкій, съ восторженнымъ воодушевленіемъ учредивъ первое воспитательное училище для женщинъ, первый же выразилъ протестъ противъ господствовавшаго дотолѣ эгоистическаго стремленія мужчинъ лишать женщинъ умственныхъ правъ, правъ разума и самообразованія. «Мы, мужчины, писалъ онъ въ уставѣ воспитательнаго дома, въ главѣ объ обученіи женскаго пола:—мы, мужчины, столь тщеславимся превосходствомъ въ крѣпости силъ своихъ, столь горды и при томъ упрямы и неправосудны, что и въ пріобрѣтеніи наставленій, къ просвѣщенію разума потребныхъ, препятствуемъ такому полу, которому мы одолжены за первую помощь и сбереженіе, за первое пропитаніе, за первыя наставленія и за первую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся» [3]). Въ началѣ XIX столѣтія нѣкоторые писатели довольно ясно сознавали и выражали необходимость удовлетворенія умственныхъ правъ и потребностей женщины. Такъ, издатель «Московскаго Меркурія» признавалъ за женщинами полное право не только на занятія литературой, но и на изученіе высшихъ наукъ. «Француженки XIX вѣка, говорилъ онъ:—посѣщаютъ лицеи, смотрятъ музеумы, слушаютъ лекціи профессоровъ, читаютъ, переводятъ и сами сочиняютъ. У насъ нѣтъ ни лицеевъ, ни дружескихъ ученыхъ собраній, но все это было бы, если бы женщины захотѣли... Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ, тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ только ключницу или няньку): я тебя умнѣе! И почему не быть женщинѣ столько же ученою, сколько и мужчинѣ. Способности ея превосходятъ нашихъ и требуютъ только развитія. Женщины всегда были и будутъ первою (хотя иногда и невидимою) пружиною человѣческихъ дѣяній, причиною всего изящнаго и великаго» [4]). Остолоповъ, приступивъ къ изданію «Любителя Словесности» (1806), просилъ сочинительницъ и пере-

[1]) Русскій Архивъ, годъ 6-й, стр. 1604—1605, 1751: Письма Сперанскаго къ дочери изъ Сибири.

[2]) О которомъ И. М. Долгорукій, напримѣръ, писалъ: „уважать женщину—что законъ, почитать обязаны ихъ всегда". Бытіе сердца моего, стр. 239.

[3]) См. статью о Бецкомъ въ „Дѣлѣ" г. Пятковскаго.

[4]) Нѣкоторыя мысли издателя „Меркурія", № 1.

ницъ украшать его журналъ своими произведеніями. «Мы знаемъ, лъ онъ:— что и посредственное сочинение женщины имѣетъ болѣе нашимъ поломъ дѣйствія, нежели даже примѣрное произведеніе чины». У княгини К. А. Волконской (въ Рязани) были устроены ратурныя бесѣды. На одной изъ нихъ Воейковъ читалъ рѣчь «о вліяженщинъ на изящныя искусства». Въ рѣчи онъ говорилъ: «Нѣтъ его невозможнаго для смертныхъ,—сказалъ Горацій; нѣтъ ничего неожнаго для женщинъ,—скажемъ мы. Француженки любили свою есность, ободряли писателей, говорили по-французски, и французы, кая мало-по-малу отъ латинскаго языка, образовали свой отеченный. Почти всѣ англичанки знаютъ, но никогда не говорятъ поцузски. Неужели русскій языкъ хуже и французскаго, и англійо? Неужели россіянки менѣе француженокъ и англичанокъ любятъ отечество? Вы, женщины, должны учить насъ языку и вкусу. наши времена вамъ не нужно быть мученицами за вѣру, не нужно црять воиновъ къ сраженію съ непріятелемъ; въ наши времена народы внуютъ другъ другу въ успѣхахъ просвѣщенія; государства хотятъ славны открытіями и пережить вѣка въ произведеніяхъ изящныхъ жествъ. Посему и вы, женщины, должны принять дѣятельное участіе движеніи этого умственнаго развитія» [1]. Точно также стремленіе къ знанію умственныхъ правъ женщины и призваніе ея къ соучастію общественной интеллектульной дѣятельности выразилось, хотя часто односторонним сантиментализмомъ, во многихъ журналахъ начала вѣка, каковы, напримѣръ: «Журналъ для милыхъ» (1804), «Аглая» 8—1812), «Дамскій журналъ» (1823—1833), «Кабинетъ Аспазіи» (1815) ругіе. Въ то же время, передовые умы, послѣ до-петровскаго теремнаго ченія женщинъ, требовали расширенія ихъ общественнаго горига, требовали участія ихъ во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. ъ, когда, по случаю открытія иностранцемъ Lequain академіи музыки Москвѣ, нѣкоторые члены собранія заявили, чтобы входъ въ него ли имѣть одни мужчины,—И. М. Долгорукій написалъ особое стихореніе «За женщинъ», въ которомъ говорилъ:

Давно-ль вамъ вздумалось, мужчины,
На женщинъ всуе разсердясь,
Пустыя сыскивать причины —
Разрушить съ ними вашу связь?
Давно-ль на умъ взошло желанье
Такое учредить собранье,
Въ которомъ не было бы дамъ?..
Куда безъ женщинъ мы годимся?
Блаженство наше все
Во счастьи женщинъ намъ драгихъ.
Безъ нихъ пріятныя бы чувства
Совсѣмъ оледенѣли въ насъ,
Изчезли-бъ всѣхъ родовъ искусства,

[1]) Галахова, Истор. русск. литерат., т. II, стр. 131—133.

Ума бы пламенникъ погасъ:
Мы стали-бъ дики, своенравны,
Одной жестокостію славны;
Повсюду зрѣли бы раздоръ,
Какъ звѣри, пищу восхищая,
Другъ друга тишины лишая,
То зло бы дѣлали, то вздоръ...
Нельзя безъ женщинъ обойтиться...
Пускайте-жъ ихъ въ свои собранья,
Притутствіе ихъ ставя въ честь [1]).

Точно также, по внушенію сантиментально-филантропическихъ чувствъ, начинало возникать и требованіе развитія въ женщинѣ привычки и способности къ самодѣятельности. Сперанскій, въ письмѣ къ дочери, 4-го февраля 1820 года, писалъ: «Наука ходить на своихъ ногахъ, разбирать собственныя свои чувства, соображать ихъ съ другими и дѣйствовать — сія наука и сей навыкъ нужны въ практической жизни женщины. Отчего женщины большею частію слабы, нерѣшительны? Оттого, что долго ходили на помочахъ, долго въ самыхъ мелочахъ опирались на другихъ. Сіе выгодно для мужчинъ, но совсѣмъ невыгодно для женщинъ. Для устойчивости и самостоятельности и женщинѣ нужно имѣть въ запасѣ и въ привычкѣ крѣпость души и силу чувства» [2]).

Но какъ ни важны всѣ эти зачаточныя стремленія къ признанію умственныхъ и общественныхъ правъ женщины, все-таки, на первыхъ порахъ, надъ ними еще вполнѣ преобладало восторженное чувство удивленія женщинѣ, какъ чудесному произведенію природы, созданному только для половой любви и «семейственнаго счастія». И оно породило сантиментально-эстетическое и чувствительно-романтическое восхищеніе любовью къ женщинѣ, какъ чудеснѣйшею силою въ природѣ, преобразивъ до-петровскую грубую, чисто-животную половую любовь въ возвышенное нравственное чувство, соединенное съ уваженіемъ къ женщинѣ, или, по выраженію Георги, въ «величественную страсть, поражающую удивленіемъ» [3]). Въ такомъ нравственномъ, психическомъ значеніи, половая любовь, можно сказать, впервые зарождалась въ русскомъ обществѣ. И потому, поэты посторженно привѣтствовали, по выраженію Державина, «рожденіе любви», какъ «дивное явленіе изъ міра рѣдкихъ чудесъ». И. М. Долгорукій съ живѣйшимъ чувствомъ удивленія прославлялъ любовь, какъ чудеснѣйшую силу въ природѣ [4]).

Какъ въ первобытныя времена, въ богатырскомъ эпосѣ прославлялась грубая физическая сила «сильныхъ мужей», порабощавшихъ женщину, и воспѣвались подвиги этихъ сильныхъ мужей въ хищническомъ и насильственномъ покореніи женщины,—такъ теперь въ «поэзіи любви»

[1]) Бытіе сердца моего, стр. 230—233.
[2]) Русскій Архивъ, годъ 6-й, стр. 1736.
[3]) Георги, Описаніе народовъ россійской имперіи, въ главѣ о „россіянахъ", въ характеристикѣ русскихъ женщинъ XVIII-го вѣка, ч. IV, стр. 153.
[4]) Бытіе сердца моего, стр. 110, 334.

оржено привѣтствовалось и воспѣвалось начало преобладанія и торства нравственно-эстетической силы женщины, какъ чудеснѣйшаго анія природы, надъ грубою физическою силою природы, торжество зи къ женщинѣ надъ первобытнымъ, воинственно-хищническимъ мленіемъ къ порабощенію женщины, какъ самки. Чудесная сила любви женщинѣ стала побѣждать Геркулесовъ, Марсовъ, львовъ и тигровъ. щины, по словамъ Державина:

Скромныхъ взглядами очей
Сердца героевъ поражають
И въ плѣнъ влекутъ богатырей.
Эротъ, красами удивленный,
„Не царство-ль", рекъ: „я зрю мое!"

бще, первое сознаніе общественнаго преобладанія нравственной ı любви къ женщинѣ надъ первобытною ищнически-поработительгегемоніей грубой физической силы «сильнхыхъ мужей» Державинъ ктеристично выразилъ въ стихотвореніяхъ «Геркулесъ», «Побѣда оты» и друг. Такъ, въ послѣднемъ стихотвореніи онъ провозглашалъ:

Какъ храмъ Ареопагъ Палладѣ,
Нептуна презря, посвятилъ:
Притекъ къ аѳинской левъ оградѣ
И ревомъ городу грозилъ.
Она копья непобѣдима
Къ ополченью не взяла,
Противу льва неукротима
Съ Олимпа Гебу призвала.
Пошла,—и подъ оливой стала,
Блистая легкою броней;
Младую Нимфу обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтвей.
Левъ шелъ,—и подъ его стопою
Приморскій влажный брегъ дрожалъ,
Но встрѣтясь вдругъ со красотою,
Какъ солнцемъ пораженный, сталъ,
Вздыхалъ, и палъ къ ногамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызалъ,
И чувства кроткія, умильны,
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.
Стыдливо дѣва улыбалась,
На молодого льва смотря;
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣринаго царя.
Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть;
Цвѣточной цѣпью привязала
И отдала любви во власть.
Не разъ потомъ уже случалось,
Что умъ смирялъ и ярость львовъ;
Красою мужество сражалось,
И побѣждала все любовь...

Теперь не стыдно и герою
Повиноваться красотамъ;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварамъ, не намъ[1]).

Точно также любовь впервые воспѣвалась, какъ такая чудесная сила природы, которая сдерживала первобытныя, чисто-животныя неудержимо-рефлективныя проявленія половой страсти. Какъ въ первобытныя времена, когда нервно-мозговая способность задерживанія рефлексовъ головного мозга или способность умственнаго самообладанія была еще почти нисколько не развита, половое чувство съ неудержимою рефлективною стремительностью и силою проявлялось только въ животномъ удовлетвореніи половой похоти, и эпосъ народный представлялъ такія насилія «сильныхъ мужей», такъ теперь, когда сантиментально-натуралистическія размышленія о чудесахъ природы значительно развили нервно-мозговую способность задерживанія рефлексовъ головного мозга или способность умственнаго самоуглубленія и самообладанія,—поэзія любви къ женщинѣ, вдохновляемая сантиментально-филантропическимъ воззрѣніемъ на ея человѣческую природу, впервые воспѣвала ту нравственно-сосредоточенную, психическую силу чувства любви къ женщинѣ, которая, какъ чудесная сила природы, сдерживала первобытно-животное неудержимо-рефлективное ея выраженіе. Теперь самая сильная страсть любви къ женщинѣ выражалась уже не въ грубомъ, рефлективно-животномъ актѣ, а въ поэтическомъ вдохновеніи, въ воспѣваніи любви. «Я, говоритъ И. М. Долгорукій:—когда встрѣчалъ взоръ обожаемой женщины, поневолѣ писалъ стихи любовные, въ родѣ такихъ:

Лишь ты на свѣтѣ семъ одна
Въ восторгѣ божества на то сотворена,
Чтобъ міру дать познать, въ отрадахъ *изумленья*,
Неизъяснимыя сердечны восхищенья[2]).

Державинъ выразилъ идею сдержки страстнаго рефлекса любви въ стихотвореніи «Пинѣ»:

Не лобызай меня такъ страстно,
Такъ часто, нѣжный, милый другъ!..
Не падай мнѣ на грудь въ восторгахъ,
Обнявъ меня, не обмирай.
Нѣжнѣйшей страсти пламя скромно;
А ежели чрезъ мѣру жжетъ,
И удовольствій чувство полно:
Погаснетъ скоро и пройдетъ.
И, ахъ! тогда придетъ въ мигъ скука,
Остуда, отвращенье къ намъ.
Желаю-ль цѣловать стократно,
Но ты цѣлуй меня лишь разъ.

[1]) Державина, сочин. III, 19, 102, 60—61, 67.
[2]) Журналъ путеш. въ Нижній, стр. 23.

И то пристойно такъ, безстрастно,
Безъ всякихъ сладостныхъ заразъ,
Какъ братъ сестру свою цѣлуетъ:
То будетъ вѣченъ нашъ союзъ [1]).

Вслѣдствіе этого, и въ лучшей части общества, послѣ до-петровскаго грубаго выраженія любовныхъ чувствъ «помаваніемъ очима», «поиманіемъ за тайные уды», «вихляніемъ хребта» и т. п., впервые входили въ моду и обычай болѣе облагороженныя формы выраженія любовной страсти. «Все, что хорошею жизнію нынѣ называется, писалъ Болотовъ:—тогда (до 1750 года) только что вводилось, равно какъ входилъ въ народъ и тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ соединенными пѣсенками, тогда получила первое только надъ молодыми людьми господство, и помянутыхъ пѣсенокъ было не токмо еще очень мало, но они были *въ превеликую еще диковинку*, и буде гдѣ копія появляется, то молодыми барынями и дѣвушками съ языка были не спускаемы» [2]).

Далѣе, восторженное восхищеніе любовью, какъ чудесною силою природы, въ связи съ удивленіемъ женщинѣ, какъ чудесному созданію природы, впервые возбуждало, послѣ до-петровскаго жестокосердія къ женщинѣ, какъ «злой женѣ», чувствительно-сочувственное, сантиментально-филантропическое состраданіе къ личнымъ, семейнымъ и общественнымъ несчастіямъ, обидамъ и страданіямъ женщины. Надобно замѣтить, что вначалѣ, когда господствовало восторженное чувство удивленія однѣмъ тѣлеснымъ прелестямъ, физической красотѣ или граціи женщины, и до-петровское грубое выраженіе любовныхъ отношеній «помаваніемъ очима» и т. п. только что смѣнялось болѣе облагороженнымъ проявленіемъ, въ родѣ «превеликой диковинки — любовныхъ пѣсенокъ», — женщина еще сплошь и рядомъ страдала отъ грубыхъ, жестокосердыхъ «обольстительныхъ сѣтей мужчинъ», отъ «россійскихъ Фениксовъ, Марсовъ, Адонидовъ и Купидоновъ», или «идоловъ женскихъ душъ». Тогда, по словамъ сатириковъ, господствовало еще искусство «плѣнять» женщинъ, «дурачиться», «умѣть присамиться, блистать красотою, какъ *диковинкою, къ удивленію солнца, къ прославленію природы*», казаться, для обольщенія женщины, «презорочнымъ, алмазнымъ камышкомъ, бурмицкимъ жемчугомъ», «любить и адорировать женщину ради сластолюбія или ради тщеславія» и т. п. [3]). Вслѣдствіе такого отношенія мужчинъ къ женщинамъ, естественно, множество было женщинъ «несчастныхъ», обольщенныхъ, обманутыхъ, оскор-

[1]) Сочин. Державина, III, 122. Въ стихотвореніи „воспитанницамъ дѣвичьяго монастыря" Державинъ изображаетъ, какъ дѣвицы новаго поколѣнія, съ невинностью питаютъ хладъ безстрастія въ крови, „какъ, сокрывшись въ листья, въ гроты, и облекшись въ темну ночь, мѣтятъ тщетно въ нихъ эроты, и летятъ съ досадой прочь".

[2]) Записки Болотова, гл. V, стр. 32.

[3]) „Кошелекъ", сатир. журн. Новикова 1774 г. М. 1858, стр. 74—76. „Живописецъ" Новикова, изд. г. Афанасьева, стр. 19, 21, 22—23. Сочиненія Сумарокова, ч. V, стр. 117, 200, 204, 252, 345. Ч. VI, 9, 44.

бленныхъ, униженныхъ, страдающихъ. И вотъ, въ защиту ихъ-то и возникла особая сентиментально-филантропическая, сочувственная литература въ концѣ XVIII и въ первой четверти XIX столѣтія, когда сентиментально-филантропическое воззрѣніе на человѣческую природу глубже проникло въ общественныя понятія. Такимъ образомъ, сострađаніе къ личнымъ, семейнымъ и общественнымъ несчастіямъ и страданіямъ женщины выразилось во множествѣ повѣстей, написанныхъ, по выраженію Карамзина, «для однихъ чувствительныхъ сердецъ, вѣрующихъ въ симпатію душъ», въ родѣ «Бѣдной Лизы» самого Карамзина, «Бѣдной Маши» А. Измайлова (1801), «Обольщенной Генріеты» Ив. Свѣчинскаго (1801), «Несчастной Маргариты» (1803), «Исторіи бѣдной Марьи» (1805) и друг. Вообще, сентиментально-филантропическая сострадательность къ женщинѣ страдающей, печальной, меланхолической составляла господствующій мотивъ повѣстей, романовъ, драмъ и трагедій. Она часто возбуждала также сентиментально-симпатическія, «чувствительныя размышленія о женщинахъ», въ родѣ, напримѣръ, чувствительно-трогательнаго размышленія кн. Шаликова «о слезахъ женщины въ тихія, нѣжныя минуты вечера, при блѣдномъ свѣтѣ луны, при томныхъ звукахъ фортепьяно, производимыхъ женщиною въ слезахъ».—«Ничего не знаю трогательнѣе такого зрѣлища, говоритъ онъ.—Ахъ! какія магическія чувства овладѣваютъ душею и сердцемъ вашимъ при видѣ женщины въ слезахъ за фортепіаномъ. Образъ счастія и горести, надежды и отчаянія въ сліянныхъ чертахъ представетъ вашему воображенію... О сердце! О любовь!.. Одной изъ дамъ моихъ обязанъ я сладостью теперешнихъ моихъ чувствъ и мыслей. Ея фортепіано и слезы—слезы женщины за фортепіаномъ—вообразите еще разъ! имѣли несказанную прелесть для души и сердца моего. Ахъ! можетъ быть собственная душа и сердце ея въ сіи минуты были счастливѣе, нежели въ другія»[1]. При господствѣ сентиментально-идиллическаго восхищенія идеализированною простотою, естественностью поселянъ и поселянокъ, пастуховъ и пастушекъ,—сентиментально-филантропично восхищались и сельскими дѣвушками. Не говоря объ изліяніи сентиментальныхъ сочувствій къ сельскимъ дѣвушкамъ, какія выражалъ, напримѣръ, Радищевъ, вспомнимъ, какъ Державинъ идеализированно ихъ воспѣвалъ въ стихотвореніи «Русскія дѣвушки»:

Зрѣлъ ли ты, Пѣвецъ Тійскій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью пастушка!
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ,
И плечами говорятъ!
Какъ ихъ лентами златыми
Челы бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими

[1] Изъ „Чувствительнаго путешествія въ Малороссію“ кн. Шаликова 1803 г.

Груди нѣжныя дышатъ!
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневыя
Ямки врѣзала любовь!
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ.
Ихъ усмѣшка—души львины
И орловъ сердца разятъ!
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ.
Ты-бъ гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой эротъ прикованъ былъ.

Сантиментально идеализируя какую нибудь бѣдную, горюющую сельскую дѣвушку, облекая ее въ возвышенно-идиллическій образъ «Свѣтланы», «Хлои» и т. п., - поэты ничего такъ не желали, какъ разсѣянія горя, страданій, и оптимистически утѣшали страдающую женщину очарованьемъ счастья. Жуковскій, напримѣръ, взывалъ къ «Свѣтланѣ»:

Улыбнись, моя краса!..
Здѣсь не счастье —лживый сонъ.
Счастье пробужденье...
О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!..
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется:
Въ ней душа какъ ясный день!
Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука!
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла!..[1]).

Точно также, и первоначальное самосознаніе женщины, всецѣло проникнутое сантиментально-идиллическимъ міросозерцаніемъ, выражалось въ такомъ же чувствительно-сострадательномъ изображеніи страданій женщины и, вообще, внутренней, нравственно-психологической жизни ея. Таковы, например, романы Маріи Извѣковой: «Эмилія или печальныя слѣдствія безразсудной любви» (4 ч., 1806 г.), «Милена или рѣдкій примѣръ великодушія» (1809), «Торжествующая добродѣтель надъ коварствомъ и злобой» (3 ч., 1809); драма г-жи Титовой—«Торжествующая невинность» (1810), и, вообще, всѣ повѣсти, драмы и стихотворенія женщинъ, писавшихъ съ начала XIX-го столѣтія до 30-тыхъ или 40-выхъ годовъ. Какъ ни приторны были большею частью всѣ эти сантиментальныя изображенія психической жизни женщины, но все-таки и они, вмѣсто первоначальнаго «искусства плѣнять сердца безъ искренняго участія сердца въ любви», вмѣсто пошлаго «обольщенья» женщины, какое господствовало въ вѣкъ господ-

[1]) „Свѣтлана“ Жуковскаго 1813 г. „Вѣстн. Европы“, № 1 и 2.

ства чувства удивленія ея физическимъ прелестямъ, — мало-по-малу возбуждали и воспитывали въ обществѣ чувство уваженія къ женщинѣ. Вслѣдствіе этого, въ первыя два десятилѣтія XIX вѣка всѣ лучшіе, передовые умы уже рѣшительно отрицали «искусство плѣнять сердца», искусство «обольстительныхъ сѣтей» XVIII-го вѣка. Пушкинъ писалъ къ брату: «что касается до женщинъ, то замѣчу, что чѣмъ меньше любишь женщину, тѣмъ больше возможности обладать ею. Но такая потѣха можетъ быть удѣломъ *лишь старой обезьяны XVIII вѣка*» [1]).

Таковы были въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе благотворныя, прогрессивныя слѣдствія первоначальнаго восторженнаго чувства удивленія женщинѣ, какъ чудесному созданію природы. Но искореняя до-петровское убѣжденіе, что «естество женское вельми есть зло», и возбуждая первые зачатки признанія умственныхъ и нравственныхъ правъ женщины,— это восторженное удивленіе въ то же время породило и такія явленія въ сферѣ взаимныхъ отношеній половъ, которыя сильно препятствовали установленію нормальнаго общественнаго значенія женщины. Такъ, восторженно-идеалистическое удивленіе женщинѣ, какъ чудеснѣйшему созданію природы, какъ нимфѣ или богинѣ, и это экзальтированное, мономаническое стремленіе къ «страсти величественной, поражающей удивленіемъ», какъ къ единственному высшему идеалу жизни, до того ослѣпляли умы самихъ женщинъ, что онѣ долго не чувствовали и не сознавали въ себѣ никакихъ другихъ способностей и силъ, кромѣ магической, чудесно-очаровательной силы физической красоты и граціи. Отуманенныя и ослѣпленныя ѳиміамомъ восторженнаго удивленія мужчинъ ихъ чудесной красотѣ, тонкому стану, плѣнительному голосу, изящнымъ манерамъ и т. п., женщины русскія прежде всего сознали въ себѣ однѣ физическія достоинства, а не умственныя и нравственныя качества, и долго считали высшимъ идеаломъ своихъ стремленій не умственное развитіе, а одни внѣшнія, физическія совершенства—тонкій, стройный станъ, плѣнительный голосъ, граціозныя манеры, изящные наряды и т. п. Мономаническая страсть являться въ свѣтѣ чудесными созданіями природы, нравиться мужчинамъ, удивлять и плѣнять ихъ долго заглушала въ женщинахъ пробужденіе всякихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ и потребностей, такъ что онѣ долго даже глумились надъ науками и учеными людьми, особенно женщинами. Такъ, «Щеголиха» въ «Живописцѣ» Нови-

[1]) То же Пушкинъ повторилъ потомъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленныхъ дѣдовскихъ временъ.
Онѣгинъ, IV, 7.

зова говоритъ: «какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужесть, какъ смѣшны ученые мужчины, а наши сестры, ученыя женщины — о! онѣ-то совершенныя дуры. Безпримѣрно, какъ онѣ смѣшны! Не для географіи одарила насъ природа красотою лица; не для математики дано намъ острое и проницательное понятіе; не для исторіи вложены въ насъ нѣжныя сердца. Для чего же мы одарены сими преимуществами?—чтобы быть обожаемы. Въ словѣ *умѣть нравиться*—всѣ наши заключаются науки. Наукамъ ли въ насъ удивляются? За науки ли насъ любятъ? Нѣтъ, право нѣтъ. Пусть ученая женщина покажется въ ту бесѣду, въ которой будутъ всѣ наши щеголи, украшающіе мужской полъ; пусть она туда покажется: чортъ меня возьми! ежели тамъ съ нею хоть одно слово промолвятъ. А ежели она говорить начнетъ, то всѣ зѣвать станутъ, назовутъ ее ученой женщиной, педанткой. Прекрасная побѣда! Безпримѣрно, какъ славно. Ученая женщина! Фуй! Какъ это неловко! А вотъ, напротивъ того, ежели я пріѣду въ такое собраніе, то въ мигъ окружатъ меня всѣ мужчины. Станутъ наперерывъ хвалить меня: одинъ удивляется красотѣ лица моего, другой хвалитъ руки, третій восхищается тонкимъ станомъ моимъ, тотъ прославляетъ изящный нарядъ мой и т. д. Всѣ кричатъ: вотъ прекрасная, пріятная и любезная женщина! Вотъ чудесное произведніе природы! Вотъ совершенное ея сотвореніе! И не успѣю я осмотрѣться, какъ найду тысячу обожателей, которые изъ благородныхъ людей готовы сдѣлаться моими слугами, для того только, чтобы чаще на меня смотрѣть и удивляться». Если же новомодныя, великосвѣтскія женщины и начинали интересоваться чтеніемъ книгъ, то прежде всего онѣ читали только «любовные романы», изображавшіе «величественную, поражавшую удивленіемъ любовную страсть», и кромѣ этого ничего не хотѣли знать. Въ «Бригадирѣ» Фонъ-Визина совѣтница говорила сыну: «Боже тебя сохрани отъ того, чтобы голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ. Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ одни любовные романы просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться дурою». Сынъ отвѣчалъ: «мадамъ! вы говорите правду. О! Vous avez raison!» Такъ долго разсуждали русскія женщины, особенно провинціальныя. И могли ли онѣ иначе разсуждать, когда и сами «петербургскія чуда и россійскіе Фениксы и Купидоны», по умственному образованію, были большею частью Митрофанушками, недорослями и недоумами. Вообще, могли ли женщины скоро сознать свое человѣческое достоинство, свои умственныя и нравственныя способности, свои права и обязанности въ сферѣ общественнаго умственнаго и матеріальнаго труда, когда, при отсутствіи не только воспитательной выработки, но и раціональнаго знанія психической природы человѣка, и большинство мужчинъ первыхъ послѣ-петровскихъ поколѣній, обаявшись одною блестящею внѣшностью европейской матеріальной жизни, съ циническимъ индифферентизмомъ отрицало науки и все «людское достоинство полагало въ прелестномъ танцованьи, въ щегольскомъ нарядѣ, въ ангельскомъ пѣніи, въ величіи и славѣ Адонидовъ, Марсовъ» и т. п. «Послушаемъ, — говоритъ Новиковъ:—какъ молодые люди о наукахъ разсуждали. Что въ наукахъ,—

говоритъ Наркисъ: астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ?—Нѣтъ! На что-жъ мнѣ она? Физика изобрѣтетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію?—Нѣтъ! Куда же она годится? Исторія покажетъ ли мнѣ человѣка, который бы былъ прекраснѣе меня? Нѣтъ! Какая же въ ней нужда? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе? Нѣтъ! Такъ она и недостойна моего вниманія. Прочія всѣ науки могутъ ли произвесть чудо, чтобы красавицы въ меня влюблялись? Нѣтъ, нѣтъ: это невозможность; слѣдовательно, для меня всѣ онѣ безполезны. А о словесныхъ наукахъ и говорить нечего. Одна только изъ нихъ заслуживаетъ нѣсколько мое вниманіе: это стихотворство. Да и оно нужно мнѣ тогда только, когда захочется написать пѣсенку... О, Россія! Россія! Когда научишься ты познавать достоинства людскія? Такъ разсуждаютъ Наркисы. Достоинства ихъ слѣдующія: танцуютъ прелестно, одѣваются щегольски, поютъ какъ ангелы; красавицы почитаютъ ихъ Адонидами, а солюбовники Марсами, и всѣ ихъ трепещутъ; да есть чего и страшиться ибо они уже приняли нѣсколько уроковъ отъ французскаго шпагобойца. Къ дополненію достоинствъ Наркиса: играетъ онъ во всѣ карточныя игры совершенно, а при томъ разумѣетъ по-французски. Не совершенный ли онъ человѣкъ?» Или «Волокита» въ «Живописцѣ» Новикова разсуждалъ: «Къ чему мнѣ науки? Вся моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогающія бездѣлки, вздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану». Таковы были разсужденія обожателей и обольстителей женщинъ—«худовоспитанниковъ, волокитъ, молокососовъ, недорослей, недоумовъ и Кривосудовъ»—петербургскихъ чудъ, россійскихъ Фениксовъ, Адонидовъ, Купидоновъ и Марсовъ! И вотъ почему таковы же были и разсужденія женщинъ [1]).

Вообще первоначальное восторженное чувство удивленія женщинѣ какъ чудеснѣйшему созданію природы, породило долговременное преобладаніе внѣшняго, эстетическаго преобразованія женщины надъ умственнымъ ея развитіемъ. Дѣвушекъ, барышень учили только изящнымъ искусствамъ—танцамъ, пѣнью, музыкѣ, блестящему французскому разговору и т. п., но не учили ничему полезному и необходимому въ жизни, не развивали ихъ интеллектуально, научно. И вотъ отсюда проистекали новыя несчастія въ жизни для большей части женщинъ. И. М. Долгорукій такимъ образомъ описывалъ этотъ недостатокъ воспитанія женщинъ: «Я видѣлъ,—говоритъ онъ:—барышней, выпущенныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ изъ института, онѣ въ городѣ украшали балы и отличались въ танцахъ, а теперь живутъ въ деревнѣ у 30 душъ самъ-пятъ съ сестрами и братьями, и всѣ искусства пропали; вмѣсто козачка занимаются приспѣшной и поютъ отъ скуки. Глядя на нихъ, я подумалъ: на что бѣдныхъ дѣвушекъ обучаютъ разнымъ роскошнымъ художествамъ, когда ни состояніе ихъ, ни отношеніе, не готовятъ къ той жизни, въ которой столь пріятны преимущества тонкаго вкуса? Не убійство ли такое воспитаніе? Оно пріучаетъ

[1]) „Живописецъ" Новикова, изд. г. Аѳанасьевымъ, стр. 15—16, 21—22.

ько къ несчастью чувствовать свое превосходство предъ тѣми, съ кѣмъ ждены жить, познавать только неравенство состояній и зло, на нихъ ающее. Не лучше ли ихъ пріучить управлять веретеномъ, шить на пяльсъ? Музыка для нихъ заповѣдный товаръ: имъ негдѣ клавикордъ взять; щы—пустота; не во что одѣться, некуда ѣхать, не съ кѣмъ попрыгать, колько такихъ жертвъ показываютъ намъ ежегодно! Я всегда тужилъ нихъ, и дивлюсь, что до сихъ поръ тиранятъ нашихъ бѣдныхъ дочерей, акомливая ихъ съ такими наслажденіями, коихъ онѣ, по роду жизни, ь обстоятельствами предназначенному, нигдѣ не найдутъ. Одна, можетъ гъ, выскочитъ сегодня замужъ, а сотни ихъ помрутъ въ тоскливой моюсти. Разбери хорошенько всѣ наши учрежденія: вездѣ тщеславіе, ни- пользы!» [1]).

Наконецъ, и одностороннее, восторженно-идиллическое увлеченіе люью породило также одностороннее преобладаніе любовнаго взгляда на нщину надъ разумнымъ антропологическимъ пониманіемъ ея человѣчего достоинства и права. Во времена господства сантиментально-идиллиского и чувствительно-филантропическаго общественнаго міросозерца-, по словамъ журнала «Благонамѣреннаго», «всѣ мѣста заняты были любниками и любовницами: Лизы, Тани, Кати, Маши, со всѣми семействами знакомыми, отмежевали себѣ поля, горы, лѣса, долины, и уже некуда ло помѣстить любовниковъ новой повѣсти для памяти сердца или для мяти разсудка» [2]). Театръ, по выраженію Гнѣдича, былъ зрѣлищемъ одхъ любовныхъ приключеній [3]). Мерзляковъ и другіе поэты написали множество «пѣсенъ», посвященныхъ «любви», изливавшихъ «вздохи, стоны дца, крушенья влюбленныхъ», или скуку жизни безъ милой, либо безъ лаго и т. п. Лучшіе поэты не только второй половины XVIII-го вѣка, и 20-тыхъ и 30-тыхъ годовъ XIX столѣтія всѣ тоже воздали дань сней любви. Словомъ, любовь стала чуть не основной идеей всей санментально-романической литературы. И вотъ, понятно, почему женщина ская, послѣ до-петровскаго аскетическаго умерщвленія плоти цвѣтущей доброты «женской», вся отдалась страсти любви и мечтамъ объ одномъ мейномъ счастьи. «Очарованіе сердецъ,—говоритъ И. М. Долгорукій,— ло исключительною наукою женщины въ ея полѣ» [4]). Отсюда произошло, во-первыхъ, то, что молодыя женщины, дѣвицы, барышни воспитывась только для любви, какъ только «невѣсты», а женщины замужнія только слаждались любовью, какъ самки, или изнывали и чахли отъ неудовлетренности страсти и любви. «Страсть любви нерѣдко стала доводить жениъ, по словамъ Мертваго, до чахотки и кровохарканія» [5]). Другимъ пельнымъ слѣдствіемъ исключительнаго предназначенія и воспитанія женины для любви были частыя разочарованія ея изъ-за обманутой любви

[1]) Путешест. въ Кіевъ и Одессу 1817 г., стр. 26.

[2]) Галахова, Истор. русск. литерат., т. II.

[3]) Разсужденіе, читан. 2 января 1814 г. въ торжественномъ собраніи импер. бличн. библіотеки, по случаю ея открытія.

[4]) Дневн. путеш. въ Нижній 1813 г., сент. 10.

[5]) Русскій Архивъ, годъ 5-й, „Записки Мертваго", стр. 73.

въ благахъ общежитія и нерѣдкіе случаи удаленія отъ суетъ свѣта монастырь. Вотъ, напримѣръ, «воздыханіе огорченной суетою свѣта д цы», выраженное ею въ стихахъ въ 1790 году:

О ты, священная обитель,
Жилище непорочныхъ дѣвъ,
Гдѣ міръ, невинности губитель,
Не смѣетъ злыхъ посѣять плевъ!
Къ тебѣ я нынѣ обращаюсь,
Въ тебѣ всѣмъ сердцемъ водворяюсь,
Мой духъ смущенный успокой,
Душѣ озлобленной, несчастной,
Стѣсненной горестью ужасной
Пути къ спасенію открой.
Сколь свѣтъ обманчивъ и превратенъ,
Сему несчастный отвѣтъ я.
И сколь онъ злобенъ и развратенъ,
Докажетъ участь то моя.
Весь вѣкъ въ печаляхъ я стенаю,
И долго-ль мнѣ стенать, не знаю.
Отвсюду вижу злую страсть
На мой покой вооруженну,
Вездѣ невинность пораженну,
О коль велика злобы власть.
Скажите, мудрецы земные!
На что родится человѣкъ?
Не съ тѣмъ ли, чтобъ лѣта младыя
И весь въ блаженствѣ жить свой вѣкъ?
Но то ли въ жизни мы вкушаемъ?
Въ слезахъ живемъ и умираемъ;
Умъ, кажется, на то намъ данъ,
Чтобъ имъ печали познавали,
Въ вѣкъ плакали и унывали.
Къ сему-то, смертный, ты созданъ!
Ахъ! Что я мню! Я заблуждаю!
Чтобъ такъ создалъ благій Творецъ:
Я вѣчной жизни ожидаю,
Въ ней будетъ горестямъ конецъ! и проч. [1])

Но самымъ печальнымъ слѣдствіемъ исключительнаго или всеп воспитанія и предназначенія женщины только для любви было поя между женщинами сумасшествія отъ нервныхъ потрясеній любовной ст Тотъ же поэтъ (И. М. Долгорукій), который такъ восторженно восп любовь, какъ чудесную силу природы, первый написалъ сантимента меланхолическую элегію по случаю сумасшествія одной женщины отъ Вотъ стихи его, напечатанные въ Аглаѣ:

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
Плѣнявшая въ свой вѣкъ брега самой Невы?
Тебя ли видѣлъ я отшельницею нынѣ,

[1]) Изъ рукописнаго сборника, сообщен. мнѣ иркутскимъ чиновникомъ С. повымъ. Стихи эти, если не напечатаны въ Ежемѣсячн. Сочиненіяхъ за май то нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не изданы.

Безъ друга, безъ родни, отчаянну въ пустынѣ,
Куда, чтобъ испытать послѣднюю напасть,
Не вѣра привлекла, *обманутая страсть!*
Гдѣ дѣлась красота? Гдѣ дѣлся видъ прелестный,
Въ Россіи до тебя едва-ль кому извѣстный,
Которымъ божество, создавъ твои черты,
Хотѣло, чтобъ ему подобилася ты?
Что сталося съ твоей осанкой горделивой,
Сей вывѣской души невинной и счастливой?
Кто жаломъ острымъ стеръ, подобно злой пчелѣ,
Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
Потухъ всежгущій взоръ и пламенныя очи
Померкли какъ звѣзда въ туманахъ темной ночи,
Прелестны тѣ уста, гдѣ вся любви краса
Въ отверстьи нѣжномъ ихъ вмѣщала небеса,
И каждымъ словомъ духъ въ восторгахъ изумляла,
Безмолвная печать на вѣкъ ихъ нынѣ стала.
Куда ушли толпы вельможескихъ сыновъ,
Бѣгущихъ за тобой искать златыхъ оковъ,
Которыми ты ихъ опутывать любила,
Когда не сердцемъ ихъ, улыбкой лишь дарила?..
И ты лукавыхъ дней игралищемъ была,
Платила дань страстямъ и чувственно жила...
Такъ силился твой умъ изъ омута суетъ
Прочистить сердцу путь и выйти съ нимъ на свѣтъ;
Но бѣдный одолѣть свой рокъ сколь ни стремился,
Погибъ, и наконецъ всѣхъ дѣйствій онъ лишился,
Что дѣлать безъ ума? Жизнь—мука, свѣтъ—хаосъ;
Не внемлется совѣтъ; не страшенъ гласъ угрозъ... и проч.

ікъ, наканунѣ женскаго вопроса, наканунѣ новаго фазиса обще-ıго міросозерцанія, и русская женщина начинала страдать отъ моно-скаго увлеченья страстью любви, отъ неудовлетворенности всѣхъ ь высшихъ, умственныхъ и нравственныхъ потребностей человѣче-эироды.

Іаступало, по выраженію Хомякова, *хладное утро размышленья*», и на начинала размышлять, задумываться. Дочь Сперанскаго въ пись-ъ отцу все писала «размышленія» и, между прочимъ, *размышленіе женщинъ*. Начинала женщина размышлять, и въ думахъ ея чуть лась ей будущая слава женщинъ, а что она видѣла, что испыты-це вокругъ! Вокругъ, на дорогѣ къ своему будущему, она видѣла уды, непроходимыя развалины до-петровскихъ теремовъ, видѣла ыхъ мужей», вождей по жизни въ новомъ образѣ россійскихъ фе-ь и купидоновъ, слышала до-петровскій эпосъ сплетенъ «щеголихъ» нцузскомъ языкѣ и новомодномъ нарѣчіи, видѣла еще и въ мужчи-въ женщинахъ «ума и сердца пустоту». И вотъ, ее начинала угне-русть, тоска тяжелая», и только въ новомъ, сантиментально-роман-ɔмъ міросозерцаніи она смутно предвидѣла единственный отрадный

Путешеств. въ Одессу и Кіевъ, 1820 г. стр. 288.

проблескъ чего-то лучшаго будущаго. Да. къ сороковымъ годамъ стали являться такія русскія женщины, которыя, вмѣстѣ съ Юліей довской, вопіяли:

Меня гнететъ тоски недугъ.
Мнѣ скучно въ этомъ мірѣ, другъ!
Мнѣ надоѣли сплетни, вздоръ,
Мужчинъ ничтожный разговоръ.
Смѣшной, нелѣпый женщинъ толкъ,
Ихъ пышные бархатъ, шолкъ.
Ума и сердца пустота
И накладная красота...
Мірскихъ суетъ я не терплю.
Но Божій міръ душой люблю!
Но вѣчно будутъ милы мнѣ —
И звѣздъ мерцанье въ вышинѣ,
И шумъ развѣсистыхъ деревъ.
И зелень бархатныхъ луговъ,
И водъ прозрачная струя,
И въ рощѣ пѣсни соловья!

(Стихотв. Юліи Жадовской, изд. 1846 г

Да, и въ умъ русской женщины, наиболѣе развитой, передовой, нала закрадываться мысль, дума. И эта тяжкая, затаенная дума, ждаемая скептико-ироническимъ взглядомъ на положеніе женщи обществѣ и разъѣдавшая умъ горечью ироніи и грусти, все болѣе и начинала отдѣлять въ обществѣ и въ семьяхъ женщинъ, наиболѣе м щихъ, наиболѣе размышлявшихъ о своемъ общественномъ значені женщинъ, еще всецѣло переживавшихъ фазисъ романтическихъ оч ній любви, отъ женщинъ, всецѣло довольствовавшихся идеями «Жу для милыхъ» и т. п. Такъ, Жадовская же въ своемъ стихотв «Двѣ сестры» изобразила типъ женщины, начинавшей думать, и жен бездумной:

Одна была жива, рѣзва, безпечна,
На розовыхъ устахъ съ улыбкой вѣчной:
Въ ея разсѣянномъ, блестящемъ взорѣ
Слеза и горесть выражались рѣдко.
Въ осьмнадцать лѣтъ она была кокетка...
По плечамъ пробѣгалъ невольный трепетъ
У ней при звукахъ вальса иль кадрили,
И лесть мужчинъ, притворно-нѣжный лепетъ
Порою ей до сердца доходили.
Хоть имъ она не вѣрила...
Не отягчаясь грустной, тяжкой думой,
На жизнь она смотрѣла не угрюмо,
А весело, и въ розовомъ все цвѣтѣ
Ей представлялось... А другая
Сестра была мила, прекрасна тоже,
И только годомъ съ небольшимъ моложе.
Но... уста порою выражали
Иронію и *грусть*: она любила.
Когда тоска ей душу тяготила,

Одна остаться, погрузиться въ думы,
Съ отрадою она внимала шуму
Густыхъ деревъ и птицъ весеннихъ пѣнью,
Въ волнахъ любила неба отраженье,
Невольную слезу и трепетъ груди
Она всегда старалась скрыть... и люди
Ее не понимали... И случалось,
Когда *о лучшемъ въ жизни* ей мечталось,
Свою головку оперши на руки,
Она въ душѣ вдругъ обрѣтала звуки
Чудесные: ихъ выразить желала,
Но, *посмотрѣвъ вокругъ, вздыхала и молчала...*

)дна думала, вздыхала и молчала .. А другая, еще болѣе думавшая
пна уже не могла самососредоточенно вытерпѣть груза накипѣвшаго
шѣ женщины историческаго традиціоннаго «горя-злосчастья». «Предъ
ымъ утромъ размышленья», ей казался уже мрачнымъ туманомъ,
чивымъ миражемъ этотъ ѳиміамъ восторженнаго чувства удивленія,
курили россійскіе фениксы и купидоны передъ женщиной, какъ
ь чудеснѣйшимъ произведеніемъ природы, какъ передъ нимфой и
:й. Размышляла думающая женщина, и въ умѣ ея началъ заро-
ся червь сомнѣнья. И вотъ она взволнованно вопіяла, какъ вопіяла
нцу 30-хъ годовъ Зенеида Р....ва въ своей повѣсти «Идеалъ»: «Какой
'еній такъ исказилъ предназначеніе женщины? Теперь она родится
олько для того, чтобы нравиться, прельщать, увеселять досуги муж-
рядиться, плясать, владычествовать въ обществѣ, а на дѣлѣ быть
:нымъ царькомъ, которому паяцъ кланяется въ присутствіи зрителей,
ораго онъ бросаетъ въ темный уголъ наединѣ. Намъ воздвигаютъ
цествахъ троны; наше самолюбіе украшаетъ ихъ, и мы не замѣчаемъ,
ти мишурные престолы—о трехъ ножкахъ, что намъ стоитъ немного
ить равновѣсіе, чтобы упасть и быть раздавленной ногами ничего
збирающей толпы. Право, иногда кажется, будто міръ Божій созданъ
дпихъ мужчинъ; имъ открыта вселенная со всѣми таинствами; для
и слава, и искусства, и познанія, для нихъ свобода и всѣ радости
ı. Женщину отъ колыбели сковываютъ цѣпями приличій, опутыва-
жаснымъ: «Что скажетъ свѣтъ?» И если ея надежды на семейное
е не сбудутся, что остается ей внѣ себя? Ея бѣдное, ограниченное
ганіе не позволяетъ ей даже посвятить себя никакимъ важнымъ
ямъ, и она поневолѣ должна броситься въ омутъ свѣта, или до мо-
влачить безцвѣтное существованіе!.. Или избрать мечту и привя-
ı къ ней всей силой души, влюбиться заочно, посылать по почтѣ
овъ вздохи и изъясненія своему идеалу за двѣ тысячи верстъ и
ься этой платонической любовью. Не такъ ли?» (Сочин. Зенеиды
ı. Спб. 1873 г., 4 части).

О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ [1])

Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремле сибирскаго общества

Всякій, кто внимательно вникнетъ въ современный фазисъ разв человѣческой природы, съ радостнымъ убѣжденіемъ замѣтитъ, между чимъ, что высшее развитіе нервной системы и сознанія человѣка болѣе и болѣе выражается въ лучшей части человѣчества развиті высшихъ чувствъ гуманности, справедливости, честности, кооперати взаимности, сознанія и уваженія въ людяхъ равнаго человѣческаго до инства и всѣми вытекающими изъ нихъ высшими, благороднѣйш стремленіями. Вмѣстѣ съ этимъ, высшее развитіе нервной системы и знанія человѣка стремится устранить изъ исторіи и жизни людей гру зоологическую или животную борьбу за существованіе, наравнѣ съ гими законами природы подчинить разуму человѣческому самый за естественнаго подбора и борьбы за существованіе, уничтожить первобы преобладаніе грубыхъ эгоистическихъ наклонностей человѣческой прир и замѣнить его всеобщимъ развитіемъ высшихъ чувствъ соціально-ко ративной взаимности и просвѣщенно-человѣчной симпатіи. Этого и теперь требуетъ, а съ каждымъ будущимъ поколѣніемъ все бол болѣе будетъ требовать законъ высшаго развитія человѣческаго м «Высшія чувства — говоритъ Гербертъ Спенсеръ — высшія чувства, равенствѣ другихъ условій, соотносительны болѣе сложному мозгу, т же какъ болѣе многочисленныя, болѣе разнообразныя, болѣе общія и б абстрактныя мысли, потребность въ которыхъ для успѣшной жизни дол возрастать по мѣрѣ совершенствованія общества, при равенствѣ дру условій, также соотносительны большому мозгу» (Основ. біол., II, Да, чѣмъ болѣе развиваются высшіе нервные центры человѣческаго м тѣмъ болѣе развиваются въ людяхъ и высшія чувства; и, съ другой роны, чѣмъ болѣе развиваются въ человѣческой природѣ возвышен идеи и чувства справедливости, гуманности и честности, тѣмъ болѣе виваются въ человѣческомъ мозгу и нервныя клѣтки большихъ мозгов узловъ или, вообще, прибавляется нѣчто къ нервнымъ свойствамъ слѣд

---

[1]) Напечатано въ журналѣ „Отечественныя записки" за 1872 г., № 10, 459—504, т. CCIV.

ь поколѣній. Мысль эту прекрасно выражаетъ Маудсли въ своей «Фи-
)гіи и патологіи души». «Между врожденною нравственною природою
шо образованнаго человѣка и грубою природою дикаря. — говоритъ
—мы находимъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ образованіи и вос-
.ніи. различіе, не меньшее того, которое часто существуетъ между
ıмъ видомъ животныхъ и другимъ. Возвышенныя идеи о справедли-
и, добродѣтели. милосердіи, пріобрѣтаемыя съ развитіемъ истинной
ılизаціи и совершенно чуждыя дикарю, несомнѣнно прибавляютъ
ю къ нервнымъ свойствамъ слѣдующихъ поколѣній; въ устройствѣ ихъ
эвъ не только лежитъ возможность такихъ идей, которыхъ нѣтъ у
.ря. но у нихъ зарождаются даже инстинктивныя качества души.
расный тонъ чувствованій. возстающій противъ несправедливости
аго рода; у нихъ образуется возможность такъ-называемаго нравствен-
чувства... Нравственное чувство означаетъ усовершенствованныя
ства нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ узловъ, или высшій родъ
ныхъ элементовъ. качества. которыя являются вслѣдствіе надлежа-
ı развитія. Такая высота нервно-мозгового развитія достигается при
)шенствованіи человѣчества изъ поколѣнія въ поколѣніе. при прогрессѣ
низаціи. Напротивъ того, при упадкѣ и вырожденіи человѣческой
оды. однимъ изъ самыхъ раннихъ дурныхъ симптомовъ бываетъ потеря
)дѣтели и разрушеніе нравственнаго чувства или любви къ ближнему...
ı о добродѣтели и порокѣ. для которыхъ австралійскій дикарь вовсе не
тъ словъ въ своемъ языкѣ. до тѣхъ поръ не могутъ образоваться въ
мѣ. пока посредствомъ воспитанія цѣлыхъ поколѣній онъ не будетъ сдѣ-
образованнымъ человѣкомъ. или пока не будутъ наиболѣе развиты
фференцированы нервныя клѣтки его большихъ мозговыхъ узловъ»
дсли. 1. 166—167. 198). И дѣйствительно. не отвлекаясь за примѣрами
ко. вспомнимъ только. отчего. напримѣръ. бурятъ. остякъ. якутъ или
шенинъ. черемишанинъ и вотякъ, при обращеніи въ христіанство. не
лютъ глубоко. всѣмъ своимъ умомъ и чувствомъ. высшихъ идей и
твъ евангельской правды и любви къ ближнимъ? Отчего миссіи наши
ъ евангельское сѣмя большею частью совершенно безуспѣшно или
ко. по выраженію евангельской притчи. «на камени». то-есть поверх-
но? Оттого. что самые мозги или нервно-мозговыя способности бурятъ.
ковъ, чукчей или чувашъ. черемисъ и вотяковъ еще далеко не раз-
ı были настолько предварительно. генеративно-послѣдовательно. чтобы
ныя клѣтки ихъ были способны къ надлежащей ассимиляціи идей и
твъ. превышающихъ ихъ нервно-мозговую воспріимчивость и силу.
напередъ надобно гуманизировать. надобно развить ихъ мозги посте-
ымъ, генеративно-послѣдовательнымъ общечеловѣческимъ просвѣще-
ь.—и тогда возможна будетъ успѣшная пропаганда между ними вся-
› высшихъ идей и чувствъ. Оттого-то. и по свидѣтельству общей
ріи человѣчества. такія высшія идеи и чувства. какъ идеи и чувства
нности и справедливости. не могли развиться на низшихъ степеняхъ
но-мозгового состоянія человѣческой природы. а стали развиваться
ко съ высшимъ развитіемъ человѣческаго мозга.

Въ самомъ дѣлѣ, въ первобытныя времена на низшей степени развитія нервной системы человѣка, высшія человѣческія чувства гуманности и справедливости были еще и немыслимы вовсе. Симпатія человѣческая тогда ограничивалась, да и то не всегда во всей полнотѣ, одной своей семьей, потомъ своимъ родомъ или племенемъ, такъ же какъ и инстинктивная симпатія животныхъ ограничивается однимъ своимъ стадомъ. Въ первобытной лѣсной дичи сплошь и рядомъ было такъ, что родовыя орды близко жили другъ возлѣ друга и, однакожъ, не знали другъ друга. Отсюда-то и проистекаетъ, напримѣръ, эта несказанная разрозненность и разноголосица языковъ дикихъ индѣйцевъ, которая страшно затрудняетъ у нихъ каждый шагъ культуры: насчитывается отъ 500 до 600 американскихъ языковъ или нарѣчій у какихъ-нибудь 12—13 милліоновъ первобытныхъ жителей! (W. Roscher, 1, 22). Къ чуждымъ родамъ или племенамъ первобытные люди чувствовали только страхъ, антипатію, вражду и жажду мести. Страхъ чуждыхъ племенъ, особенно страшныхъ своею наружностью, силою и звѣрскою жестокостью, постоянно возбуждалъ и поддерживалъ только эгоистическія чувства инстинкта самосохраненія и, вслѣдствіе того, невольно, рефлективно проявлялся въ вѣчной ожесточенной борьбѣ со всѣми чуждыми племенами, въ неудержимыхъ порывахъ жестокой мести, въ звѣрскихъ, безпощадныхъ человѣкоубійствахъ. Такъ это доселѣ замѣчается путешественниками, напримѣръ, у нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ дикихъ племенъ, такъ это было нѣкогда и въ нашей Сибири. Со страхомъ и трепетомъ выходили первобытныя племена на ожесточенную борьбу съ чуждыми племенами, боясь не только враговъ, но и боговъ, дающихъ племенамъ силу, оружіе и храбрость или лишающихъ всего этого, дарующихъ побѣду и плѣнниковъ, или предающихъ самихъ въ плѣнъ врагамъ. И вотъ, какъ только они одерживали верхъ надъ какимъ-нибудь чуждымъ или враждебнымъ племенемъ и захватывали у него плѣнниковъ — тотчасъ же, въ рефлексѣ отъ изступленнаго ожесточенія и чувства мести, безпощадно задушали и закалали этихъ плѣнниковъ въ жертву богамъ, чувствуя въ собственномъ ожесточеніи мести невольную требу боговъ и побужденіе къ жертвоприношенію. Такимъ образомъ, вѣроятно, произошли эти противочеловѣчественные, звѣрскіе обычаи первобытныхъ временъ, какъ людоѣдство или антропофагія, каннибализмъ и ксеноктонія. Подобно тому, какъ одинъ родоначальникъ дикаго племени на островѣ Фиджи или Feejee-Islands, въ продолженіе своей жизни, пожралъ до 872 человѣкъ, — такъ, вѣроятно, и въ первобытныя времена дикари-герои, на своемъ вѣку, пожирали не меньше того людей. Даже мексиканцы, у которыхъ найдены слѣды значительно развитой культуры, отличались звѣрскою жестокостью антропофагіи. По свидѣтельству одной испанской хроники, они каждогодно приносили отъ 20 до 50,000 человѣческихъ жертвъ, или, по словамъ Torquemada Monarquia Indiana, они ежегодно закалали до 20,000 дѣтей (Roscher, 1, 493). Что касается до древнихъ историческихъ народовъ, то у многихъ изъ нихъ долго господствовалъ тотъ родъ человѣческой жертвы, который греки называли ξενοκτονία, то-есть закланіе въ жертву чужеплеменниковъ. Извѣстна прославленная Геродотомъ и Еврипидомъ

ταῦρων ξενοκτονία или безпощадное закланіе въ жертву богинѣ Артемидѣ всѣхъ иностранцевъ, пристававшихъ къ берегу древней Тавріи [1]). При такомъ долговременномъ господствѣ антропофагіи и человѣческихъ кровавыхъ жертвъ, на низшей степени развитія человѣческой природы — очевидно, долго не могли развиваться высшія идеи и чувства гуманности, справедливости и уваженія человѣческаго достоинства. Именно, въ самомъ мозгу дикаря еще не развита или не существуетъ такая нервная способность, нѣтъ такого нервнаго элемента, чтобы воспринять и уразумѣть идею гуманности и отвращенія отъ людоѣдства. «Въ нѣкоторыхъ языкахъ Полинезіи — говоритъ Джонъ Лёббокъ — однимъ и тѣмъ же словомъ выражаются понятія: хорошій и благо, дурной и зло, право и неправо. Потому миссіонеры никакъ не могли объяснить каледонійцамъ, что *безчеловѣчно, дурно ѣсть себѣ подобнаго. «Я увѣряю тебя, что это хорошо»,*— отвѣчали они почтенному епископу, усиливавшемуся разъяснить имъ, что это дурно» (Сборн. соврем. вопр. антроп., 28).

На слѣдующей, болѣе высшей степени человѣческаго развитія, въ періодъ господства политеистическаго страха таинственныхъ силъ природы, первобытныя, чисто звѣрскія чувства, породившія людоѣдство или каннибализмъ, замѣнились господствомъ чувствъ, хотя и менѣе противочеловѣчественныхъ, но также чуждыхъ идеи гуманности и справедливости. Послѣ господства безчеловѣчныхъ, антропофагическихъ чувствъ,—настало господство чувствъ и стремленій эгоистически-поработительныхъ. Политеизмъ, внушая вѣру въ вѣчную борьбу въ природѣ двухъ началъ — добраго и злого, — и въ природѣ человѣческой санкціонировалъ господство завоевательныхъ и эгоистически-поработительныхъ наклонностей, какъ роковой, неизбѣжный результатъ всеобщей борьбы противоположныхъ началъ въ природѣ. Греческій философъ Гераклитъ въ этой всеобщей борьбѣ силъ природы видѣлъ санкцію и войны и порождаемаго ею рабства. Именно онъ училъ: πόλεμος πάντων μὲν πατήρ ἐστι πάντων δὲ βασιλεύς, καὶ τοὺς μὲν δούλους ἐποίησε τοὺς δὲ ἐλευθέρους (Ист. фил. Льюиса, 71). Въ то же время, поли-

---

[1]) Григорій Назіанзинъ, въ своемъ словѣ о древнеязыческихъ религіозныхъ обрядахъ, называетъ этотъ родъ жертвоприношенія Ταύρων ξενοκτονία (Слово V). Наконецъ, до какой степени чужды были и древнимъ индогерманскимъ и славянскимъ племенамъ всякія чувства гуманности или человѣколюбія не только къ людямъ чуждыхъ племенъ, но и къ своимъ единоплеменникамъ и даже своимъ дѣтямъ и кровнымъ родственникамъ,—объ этомъ также свидѣтельствуетъ долговременное господство и у нихъ жестокихъ человѣческихъ жертвоприношеній. Такъ, напримѣръ, о языческой Руси IX вѣка въ амастрійской легендѣ говорится: „Crudeliter caedentes omnem sexum atque aetatem, nulla senum infantiumque commiseratione, sed promiscue contra omnes sanguinolentam armantes manum, perniciem inferre quam citissime contendebant... Taurica illa vetus hospitum caedes ab iis renovata: adolescentium jugulatio (удушеніе), tam marium quam feminarum. (Гедеонова, о варяж. вопр. въ Зап. ак. н., стр. 60). Левъ Діаконъ о руссахъ временъ Святослава говоритъ: „ἄνδρας καὶ γύναια ἐπ' αὐτοῖς κατὰ τὸν πάτριον νόμον ἀναποσφάξαντες“. (Edit. Bonn. 149). Наконецъ, въ нашей лѣтописи сказано о нашихъ предкахъ: „Привожаху сыны своя и дщери и жряху бѣсомъ. Рѣша старцы и боляре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на него же падетъ, того зарѣжемъ богомъ“ (Лав. 35).

теизмъ, возбуждая національныя войны во имя племенныхъ боговъ, также благопріятствовалъ развитію и господству эгоистически-поработительныхъ чувствъ и наклонностей. «Всѣ войны во времена политеизма, — говоритъ Льюисъ, излагая идеи Конта,—имѣли существенно религіозный характеръ. Боги были тогда существенно національны. Ихъ вражда необходимо шла объ-руку съ враждой племенъ. Они были участниками и торжествъ, и пораженій. Вслѣдствіе этого, политеизмъ прямо возбуждалъ духъ завоеванія и велъ къ замѣнѣ древняго людоѣдства рабствомъ. Война была главнымъ источникомъ рабства, а рабство вездѣ смѣняло антропофагію и принесеніе плѣнниковъ въ жертву» (Льюисъ и Контъ, 310). Такимъ образомъ, при всей несомнѣнности нѣкотораго прогресса въ такой перемѣнѣ антропологическихъ воззрѣній, все-таки и на болѣе высшей степени развитія человѣческой природы, какую представляли древніе греки и римляне, въ нервной системѣ человѣка еще не развиты были въ надлежащей степени такія нервно-мозговыя свойства, которыя бы естественно сопровождались развитіемъ высшихъ чувствъ гуманности, справедливости и уваженія равнаго человѣческаго достоинства. И потому, вотъ, эгоистически-поработительныя наклонности господствовали тогда со всей силой. Въ Греціи, влѣдствіе этого, почти 3/4 народонаселенія составляли совершенно безправныя лица, которыя считались предметомъ собственности, товаромъ. Аттика, самая образованнѣйшая страна древности, на пространствѣ 40 квадр. миль, при населеніи въ 500,000 человѣкъ, имѣла 365,000 рабовъ, то-есть 73%. Въ Римской имперіи половина населенія состояла изъ рабовъ, и при Августѣ были примѣры гражданъ, имѣвшихъ по 4,000 рабовъ. При переходѣ отъ республики въ имперію, городъ Римъ имѣлъ, сверхъ 50,000 перегриновъ (иностранцевъ), почти 1,000,000 рабовъ. И въ то время, какъ 40% населенія Рима состояло изъ рабовъ, а 29% изъ нищихъ, классъ рабовладѣльцевъ и собственниковъ не составлялъ и 1/2 % его населенія. Этотъ классъ собственниковъ захватилъ въ свое владѣніе обширнѣйшія земли (latifundia), и рабы, какъ рабочій скотъ, или, по выраженію римлянъ, какъ «говорящія машины», какъ instrumentum vocale, обречены были на каторжную обработку этихъ латифундій. Вообще численность и страшное иго рабовъ въ Римѣ были такъ велики и опасны, что Сенека восклицалъ: quantum periculum immineret, si servi nostri numerare nos coepissent (Clementia, 1,24). И вотъ, въ этомъ-то неестественно-одностороннемъ и чрезмѣрно-рабскомъ напряженіи мышечной силы общественнаго организма, въ ущербъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ общества, для обезпеченія только dulcis otii — сладкаго досуга немногихъ рабовладѣльцевъ-богачей, въ этомъ соціальномъ преобладаніи страдальческой рабской работы мускуловъ массы народной надъ здоровой нервно-мозговой выработкой высшихъ человѣческихъ чувствъ гуманности и справедливости,—вотъ въ этомъ-то, говоримъ, антиантропологическомъ общественномъ злѣ и заключался главный источникъ органическаго разложенія древняго міра. «Главною причиною разрушенія Римской имперіи,— говоритъ Мишле, — было общественное зло, источникъ котораго не могъ изсякнуть, пока новый человѣкъ не смѣнилъ древняго. Такимъ зломъ

было рабство» (Hist. de France. Paris. 1835, I, 90--97). Да, чрезмѣрное развитіе и вѣковое господство эгоистическихъ поработительныхъ чувствъ и наклонностей неизбѣжно доводило древняго человѣка до такого нравственнаго растлѣнія и психическаго вырожденія, что не только неизбѣжно было паденіе древнихъ обществъ. но и вполнѣ возможно было развитіе безотрадныхъ воззрѣній на достоинство человѣческой природы, на высшія идеи и чувства гуманности и справедливости. Пиѳагорейцы считали простолюдиновъ «животными» ζῶα. (Бабстъ. «Государ. мужи Греціи», стр. 10). «Циники, говоритъ Льюисъ въ своей исторіи философіи,—циники хулили и оскорбляли человѣчность» (Ист. фил., 181--182). Какъ идея о государствѣ, de republica, πολιτεία у греческихъ философовъ преобладала надъ идеей человѣчности, такъ и идея гражданина или государственнаго мужа. политика у нихъ преобладала надъ идеей человѣка. Аристотель утверждалъ. что человѣкъ по самой природѣ своей есть не что иное, какъ «политическое животное»: ὅτι ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῷον ἐστι. Вообще, человѣкъ въ древности, по выраженію Вебера, терялся въ гражданинѣ, или имѣлъ значеніе, по выраженію Бека, только какъ «мужъ закона» (Mann des Gesetzes). Идея справедливости также еще далеко не была ясно и точно понята даже самыми философскими греческими умами. Справедливость (δικαιοσύνη) у грековъ означала собственно судейское правосудіе, правду на судѣ ареопага. Софисты учили, что нѣтъ вѣчной истины и справедливости: τὸ δίκαιον καὶ τὸ αἰσχρόν οὐ φύσει ἀλλὰ νόμῳ: справедливость есть только справедливость каждаго города; то, что кажется справедливымъ и честнымъ для какого-нибудь города, справедливо и честно только для этого города; справедливость есть не что иное, какъ законъ, предписанный сильнѣйшею партіею въ государствѣ (Льюисъ, Ист. филос.). Скептикъ Карнеадъ въ одной рѣчи съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ восхвалялъ справедливость, а на слѣдующій день такъ же убѣдительно говорилъ противъ справедливости. и опровергъ всѣ свои доводы, которыми наканунѣ доказывалъ бытіе этой добродѣтели (Ibid., 301). У римлянъ также идеи справедливости и гуманности имѣли ограниченный смыслъ: первая означала правосудіе въ легально-юридическомъ смыслѣ (justitia), авторая обнимала только гражданъ римскихъ, и то только свободныхъ. «Граждане римскіе, — говоритъ современникъ паденія Римской имперіи Сальвіанъ,—граждане римскіе не имѣли справедливости и человѣколюбія и. не вынося сами несправедливыхъ притѣсненій, шли искать у варваровъ римскаго человѣколюбія (romanam humanitatem), потому что не могли перенести у римлянъ варварской безчеловѣчности. Гдѣ и у кого, какъ не у римлянъ, можно найти такое зло, какъ безчеловѣчность и несправедливость?—Чья несправедливость превышаетъ нашу (римскую несправедливость)? У римлянъ люди свободные обращаются въ рабовъ. И мы еще удивляемся, что варвары могутъ брать насъ въ плѣнъ. когда мы сами полонимъ своихъ братьевъ» (De Gubernatione Dei, см. извлеч. въ Истор. сред. вѣк. Стасюл., I, 86--94). Такъ, и на болѣе высшей степени развитія человѣческой природы, въ періодъ господства политеистическаго страха таинственныхъ силъ природы, мозгъ человѣческій еще не развилъ въ себѣ такихъ высшихъ нервныхъ свойствъ,

чтобы быть способнымъ выработать, во всей опредѣленности и полнотѣ высшія идеи и чувства гуманности, справедливости и сознанія равнаго человѣческаго достоинства.

Но вотъ, наконецъ, послѣ того, какъ евангельское ученіе возвѣстило не только по городамъ, но и по весямъ, величайшую заповѣдь о любви къ ближнему, о братствѣ людей, — послѣ того, на высшей степени развитія человѣческой природы, какая была доселѣ возможна, съ выработкой, въ новѣйшее время, высшихъ, разумно-сознательныхъ, научно-антропологическихъ понятій и убѣжденій, — умъ человѣческій впервые сталъ доходить до истиннаго, полнаго и точнаго сознанія идей гуманности, справедливости и равнаго человѣческаго достоинства. Высшія чувства, соединяемыя съ идеями гуманности и справедливости, возможны стали только съ высшимъ развитіемъ мозга. «Высшая человѣческая симпатія или гуманность,—говоритъ Дарвинъ, — кажется, есть одно изъ самыхъ послѣднихъ моральныхъ пріобрѣтеній. Мы не находимъ ея у дикарей. Какъ мало было знакомо высшее чувство гуманности древнимъ римлянамъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ возмутительныя гладіаторскія бойни. Самая идея гуманности была, насколько я могъ замѣтить, новостью для большей части пампасскихъ гаучосовъ. Эта добродѣтель, благороднѣйшая изъ человѣческихъ добродѣтелей, возникаетъ по мѣрѣ того, какъ наши симпатіи становятся нѣжнѣе и шире и охватываютъ собою, наконецъ, всѣ чувствующія существа. Въ настоящее время, какъ только проявляется эта добродѣтель въ нѣсколькихъ уважающихъ ее личностяхъ, то она быстро прививается къ юношеству путемъ воспитанія, примѣра и общественнаго мнѣнія» (Дарвинъ, «О происх. челов.». I. 141). Общее высшее развитіе ума и чувства, вслѣдствіе усиленія образовательнаго вліянія естествовѣдѣнія и антропологическаго ученія, все болѣе и болѣе сопровождается развитіемъ высшихъ чувствъ справедливости и честности. «Естествовѣдѣніе,—говоритъ Вирховъ,—освобождаетъ мысль съ каждымъ шагомъ своего развитія; оно открываетъ мысли новые пути и несетъ съ собою, кромѣ матеріальныхъ успѣховъ, кромѣ благороднаго стремленія впередъ и жажды къ дальнѣйшимъ научнымъ пріобрѣтеніямъ,—еще и для всякой отдѣльной личности путь уйти отъ лжи, отъ обмана чувствъ, отъ иллюзій, а слѣдовательно, и отъ вытекающаго отсюда безнравственнаго положенія относительно многихъ, сомнительныхъ вопросовъ жизни. Другими словами, оно даетъ возможность каждому быть въ полномъ смыслѣ *правдивымъ*. И по мѣрѣ того, какъ каждый научится правильно думать и познакомится съ большимъ кругомъ фактовъ, по мѣрѣ того, какъ все большая масса предметовъ будетъ включаться въ сферу его пониманія,—и нравственный уровень каждаго повысится. Я убѣжденъ, что въ научномъ развитіи каждый найдетъ источникъ нравственнаго совершенствованія, *будетъ стремиться къ правдѣ, честности и справедливости въ жизни*» (Рѣчь Вирхова, въ «Отеч. Зап.» 1871 г. № 12, стр. 317). Развитіе высшихъ чувствъ гуманности, справедливости, симпатіи и кооперативной общности въ соціальныхъ отношеніяхъ людей, все болѣе и болѣе возвышаетъ человѣческое достоинство и наслажденіе общежитія, и сообщаетъ человѣческой природѣ истинно-антропологическое совершенство. Чѣмъ бо-

лѣе развиваются въ людяхъ эти высшія чувства, тѣмъ болѣе они начинаютъ чувствовать наслажденіе истинными человѣческими отношеніями, наслажденіе своими соціальными обязанностями, соціальными дѣлами гуманности, справедливости и кооперативнаго сочувствія и содѣйствія, и тѣмъ болѣе развивается цѣльность и гармонія психической жизни личностей, согласіе ума, чувства, воли и страстей, убѣжденій и дѣйствій. «Если,—говоритъ великій воспитатель человѣческихъ поколѣній Песталоцци,—если гармонія душевныхъ силъ возстановлена посредствомъ исполненія человѣческихъ обязанностей, если существуетъ наслажденіе отъ истинныхъ человѣческихъ отношеній, тогда нравственная сила человѣка имѣетъ прочное основаніе» (Письма Песталоцци въ журналѣ «Дѣтскій Садъ», 1868 г. май и іюнь). Далѣе, чѣмъ болѣе общественное мнѣніе и сознаніе проникается высшими чувствами гуманности, справедливости и честности, тѣмъ легче и удобнѣе становится и отдѣльнымъ личностямъ проводить въ своей жизни и дѣятельности со всею строгою послѣдовательностью и выдержанностью высшія идеи и чувства, внушаемыя глубокими соціально-антропологическими убѣжденіями. Въ высоко-цивилизованныхъ обществахъ западной Европы, при наибольшей распространенности высшихъ человѣческихъ идей и чувствъ, все безпреткновеннѣе и шире становится соціальный просторъ для строго-выдержанныхъ, неуклоннопослѣдовательныхъ, честныхъ, справедливыхъ и гуманныхъ дѣйствій такихъ личностей, какъ Оуэны, Мадзини, Лассали и т. п.,—тогда какъ въ обществахъ, гдѣ еще крайне мало развиты высшія человѣческія убѣжденія и чувства, часто само общественное мнѣніе тормозистѣе и страшнѣе всякаго репрессивнаго контроля, и соціально-нравственное міросозерцаніе большинства общества представляетъ почти сплошную трущобу преткновеній для строгой выдержанности и послѣдовательности осуществленія въ жизни честныхъ, гуманныхъ и справедливыхъ правилъ и дѣйствій. Наконецъ, чѣмъ болѣе развиваются высшія человѣческія чувства справедливости, гуманности и соціально-кооперативнаго сочувствія и взаимодѣйствія, тѣмъ болѣе люди отрѣшаются отъ первобытныхъ, грубыхъ эгоистическихъ наклонностей, приравнивающихъ человѣка къ животнымъ, и тѣмъ болѣе вымираютъ въ человѣческой природѣ низшія, чисто животныя эгоистическія чувства и наклонности. Современныя антропологическія наблюденія показываютъ, что тѣ человѣческія поколѣнія, которыя, не развивая въ себѣ высшихъ чувствъ гуманности, справедливости, честности и соціально-кооперативной взаимности, съ чрезмѣрнымъ напряженіемъ мозга, всецѣло предаются только эгоистическимъ, своекорыстно-пріобрѣтательнымъ интересамъ и стремленіямъ буржуазнаго духа и бѣшеной ажитаціи корыстолюбія,—тѣ поколѣнія, какъ атавистическое или реверсивное отродье первобытнаго господства грубыхъ, чисто-животныхъ эгоистическихъ чувствъ и наклонностей,—наслѣдуютъ большею частію только задатки нервно-мозгового разстройства или душевнаго и физическаго вырожденія. Чрезмѣрное возбужденіе мозга, выражающееся въ эгоистической буржуазной борьбѣ за существованіе, въ ненасытимой жаждѣ обогащенія, въ чрезмѣрномъ, исключительномъ напряженіи ума и волненіи чувства одними эгоистическими, без-

совѣстно-пріобрѣтательными стремленіями, въ подавленіи всѣхъ высшихъ человѣческихъ чувствъ гуманности, честности и справедливости,—такое чрезмѣрное эгоистически-пріобрѣтательное возбужденіе нервной системы часто сопровождается, говоримъ, душевнымъ и физическимъ вырожденіемъ буржуазныхъ поколѣній. Въ высшей степени замѣчательны слѣдующія наблюденія и выводы англійскаго натуралиста Маудсли: «Можетъ быть,—говоритъ онъ,—особый и, безъ сомнѣнія, немаловажный изъ дурныхъ аффектовъ, происходящихъ изъ условій настоящей цивилизаціи и порождающихъ упадокъ и разстройство нервной системы, состоитъ въ господствующемъ въ буржуазномъ мірѣ страхѣ сдѣлаться бѣднымъ и въ страстномъ желаніи быть богатымъ. Практическое евангеліе этого міра, вездѣ свидѣтельствуемое вѣрою и дѣлами, состоитъ въ пріобрѣтеніи денегъ. Люди главнымъ образомъ цѣнятся и занимаютъ положеніе въ обществѣ по количеству ихъ богатства, и потому напрягаютъ всѣ свои силы для пріобрѣтенія его. Результатомъ этого является то, что въ высшія сферы торговли и коммерціи сильно проникаютъ спекуляціи всѣхъ родовъ, и что многіе держатся въ постоянномъ состояніи возбужденія и безпокойства колебаніями денежнаго курса. Въ низшихъ отрасляхъ торговли существуетъ тоже самое сильное желаніе пріобрѣтенія маленькихъ выгодъ, и постоянное поглощеніе ума этими маленькими пріобрѣтеніями порождаетъ мелкость ума и посредственность духа, если не ведетъ къ настоящей нечестности, которая нигдѣ не обнаруживается въ такой жалкой формѣ, какъ у нѣкоторыхъ мелкихъ торговцевъ. Занятія, которыми человѣкъ совершенно поглощается, конечно, измѣняютъ его характеръ, и жизнь, тратимая съ единственною цѣлію сдѣлаться богатымъ, оказываетъ весьма пагубное дѣйствіе. Это не значитъ, что колебанія возбужденія разстраиваютъ разсудокъ купца и ведутъ къ маніи, хотя иногда случается и это; это не значитъ, что неудача въ пароксизмѣ какого-нибудь кризиса разбиваетъ всю его энергію и дѣлаетъ его меланхоликомъ, хотя и это также иногда наблюдается; но значитъ, что исключительность его цѣли жизни и занятія чрезвычайно часто подрываетъ нравственный элементъ въ его природѣ, дѣлаетъ его крайнимъ эгоистомъ и отвратительнымъ человѣкомъ, и въ его лицѣ ухудшаетъ природу человѣчества. Что изъ этого слѣдуетъ? То, что крайне невѣроятно, чтобы такой человѣкъ произвелъ здоровыхъ дѣтей; напротивъ, весьма вѣроятно, что пріобрѣтенное ухудшеніе природы онъ передаетъ, какъ несчастное наслѣдство, своимъ дѣтямъ. Во многихъ случаяхъ, въ которыхъ отецъ съ большимъ трудомъ поднялся изъ бѣдности къ громадному богатству, съ цѣлію и надеждою основать родъ, я видѣлъ въ результатѣ душевное и физическое вырожденіе его потомства, которое шло впередъ до тѣхъ поръ, пока не угасалъ родъ въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ. Когда зло бываетъ не такъ велико, какъ помѣшательство или гибельный недостатокъ, то, при хорошемъ вліяніи матери, оно можетъ выразиться инстинктивной хитростью и двоедушіемъ, и крайнимъ самолюбіемъ, исключающимъ возможность развитія истинныхъ и нравственныхъ понятій, или чувства любви къ ближнимъ. Что бы ни думали другіе, болѣе опытные наблюдатели, я, послѣ

того, что замѣчалъ самъ, держусь того мнѣнія, что чрезмѣрная страсть къ пріобрѣтенію богатства, поглощая всю энергію жизни, предрасполагаетъ потомство къ душевному вырожденію—къ нравственнымъ недостаткамъ, или нравственной и интеллектуальной слабости, или къ положительному помѣшательству, смотря по условіямъ жизни» (Маудсли, Физіологія и Патологія души. I. 244—245).

Съ такими мыслями мнѣ невольно пришлось въ Сибири вдоволь насмотрѣться на нравственную жизнь и дѣятельность наибольшей части сибирскаго общества. Указывая на высказанныя сейчасъ общія соціально-антропологическія мысли, считаю нелишнимъ далѣе обратить вниманіе читателей на нравственныя чувства и стремленія наибольшей части сибирскаго населенія, сообщить нѣкоторыя свои наблюденія и сдѣлать изъ нихъ нѣсколько выводовъ, заслуживающихъ, думаю, серьёзнаго вниманія не только сибирскаго, но и всего русскаго общества. Прежде всего замѣчу, что сообщенное мною сейчасъ наблюденіе англійскаго натуралиста-антрополога Маудсли о душевномъ и физическомъ вырожденіи эгоистически-корыстолюбивыхъ поколѣній, вѣроятно, можетъ подтвердиться многими фактами и изъ жизни русскаго народа. Я укажу на одинъ фактъ, извѣстный мнѣ частію по личнымъ наблюденіямъ, частію по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ нѣкоторыми жителями изъ мелкихъ деревень. Въ Верхоленскомъ округѣ я знаю до 7 родовъ, изъ которыхъ одни принадлежали къ сословію такъ-называемыхъ на Ленѣ торгующихъ крестьянъ, другіе переписались въ купеческое сословіе, третьи числились крестьянами, но въ то же время занимались мелкими торговыми спекуляціями, и, наконецъ, одинъ родъ, принадлежавшій даже къ духовному сословію. Основатели этихъ родовъ и ихъ дѣти, вообще, до того заражены были всецѣло одною эгоистически-пріобрѣтательною страстью и своеобразно-буржуазною заботливостью о наживѣ, что, можно сказать положительно, утратили всякія человѣческія чувства совѣсти, человѣколюбія, честности и справедливости. Бѣдныхъ людей они эксплуатировали съ возмутительно-безпощаднымъ жестокосердіемъ. Одни, напримѣръ, закабаляя бѣдныхъ крестьянъ мелочными ссудами на годъ, на два, вынуждали ихъ весною строить свои барки для сплава хлѣба и разныхъ товаровъ въ Якутскъ и продерживали ихъ на этой работѣ до половины мая, вслѣдствіе чего бѣдные крестьяне пропускали время весенняго посѣва, или сѣяли яровые хлѣба уже около половины мая, такъ что хлѣбъ у нихъ, естественно, не успѣвалъ выростать и созрѣвать въ какіе-нибудь 70 дней, при выпаденіи раннихъ инеевъ на Ленѣ. Эти же богачи, безсовѣстно ссужая нуждающихся крестьянъ небольшими суммами денегъ подъ условіемъ уплаты за нихъ хлѣбомъ такимъ образомъ у многихъ изъ нихъ забирали хлѣбъ еще на корню и, вообще, пользуясь крайнимъ малоденежьемъ и отсутствіемъ заработковъ въ Ленскомъ краю, за безцѣнокъ скупали огромное количество хлѣба, въ ущербъ бѣдному мѣстному населенію. Другой родъ, проживающій въ такой непроходимой, недоступной лѣсной глуши, куда еще и дорога телѣжная не проложена, а ѣздятъ верхомъ по хребтамъ, съ трудомъ пробираясь мѣстами черезъ топи, трясины и болота,—этотъ захо-

лустный родъ своей потаенной, безпощадной эксплуатаціей довелъ до вымиранія большой процентъ послѣднихъ туземныхъ тунгусовъ, грабя въ то же время и другихъ бѣдныхъ ясачныхъ и русскихъ. Третьи безъ всякаго милосердія грабятъ и обижаютъ не только бѣдныхъ собратій-крестьянъ, но даже и своихъ ближайшихъ бѣдныхъ родственниковъ. Я нахожу излишнимъ разсказывать здѣсь извѣстные мнѣ возмутительные факты безчестности и жестокости буржуазнаго эгоизма этихъ родовъ. Но замѣчу вообще, что многіе изъ извѣстныхъ мнѣ ленскихъ кулаковъ-эксплуататоровъ до того прославились своимъ эгоистически-пріобрѣтательнымъ грабежомъ и наживой на чужой счетъ, что въ мѣстномъ населеніи разсказываются про нихъ разныя легенды, какъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ, будучи приказчиками у туземныхъ же крезовъ, скрадывали шкатулки съ тысячами рублей и, чтобы сразу же не обнаружить своего воровства, исподволь начинали плавать барками въ Якутскъ, и какъ будто бы по ночамъ огненный змѣй влеталъ въ трубу домовъ нѣкоторыхъ изъ этихъ богачей и приносилъ имъ деньги и всякаго рода имѣнье. И что же, какая судьба всѣхъ этихъ корыстолюбцевъ-эксплуататоровъ? Нѣкоторые изъ нихъ, богатѣйшіе роды, нѣкогда славившіеся по всему ленскому краю, напримѣръ, родъ Горбуновыхъ въ селѣ Биргольки, Манзурской волости, родъ Бѣлоусовыхъ въ одной деревнѣ близъ Верхоленска, родъ Кирилловыхъ въ деревнѣ Бутаковой при р. Малой Ангѣ и нѣкоторые другіе, послѣ крайняго нравственнаго, а частію и умственнаго упадка или душевнаго вырожденія, совершенно вымерли, не оставивши никакихъ наслѣдниковъ. Представитель одного изъ этихъ исчезнувшихъ родовъ, недавно умершій и закончившій собой вырожденіе своего рода, особенно поражалъ насъ своимъ нравственнымъ и умственнымъ извращеніемъ до степени дикарскаго или даже звѣрскаго одичанія, а въ концѣ жизни былъ настоящимъ сумасшедшимъ до бѣшенства. Изъ продолжающихъ же доселѣ свое существованіе, нѣкоторые роды,—достигшіе уже высшей степени душевнаго, нравственнаго вырожденія,—въ третьемъ колѣнѣ, повидимому, также клонятся и къ совершенному физическому вырожденію, вслѣдствіе вымиранія болѣзненнаго потомства или нерожденія дѣтей-наслѣдниковъ. Наконецъ, такова же судьба и упомянутаго нами духовнаго буржуазнаго рода. Представитель второго колѣна этого рода до того увлеченъ былъ нѣкогда буржуазно-эгоистической жаждой обогащенія своего потомства, что, несмотря на свой духовный санъ, былъ совершеннымъ купцомъ и промышленникомъ, даже ходилъ въ сюртукахъ и халатахъ, какъ купецъ или мѣщанинъ, торговалъ чаемъ и товарами, вмѣсто требъ приходскихъ, съ жаднымъ, страстнымъ увлеченіемъ занимался мѣхопромышленностью, такъ что въ иные годы, даже весь великій постъ и пасху, вмѣсто отправленія богослуженія, разъѣзжалъ по лѣснымъ, захолустнымъ деревнямъ и кочевьямъ инородческимъ за поборомъ, скупкой и вымѣномъ мѣховъ и т. п. И что же? И въ этотъ родѣ, несмотря на всѣ заботы отца второго колѣна увеличить и поддержать богатство своего потомства, дѣти, при общей болѣзненности и чахлости тѣлосложенія, или вымерли въ молодости отъ чахотки, хотя

отецъ ихъ обладалъ, повидимому, богатырскимъ здоровьемъ, или отличались идіотствомъ, малоуміемъ и, вслѣдствіе того, крайнею тупостью и безуспѣшностью въ школьномъ ученіи, и, при этомъ, какою-то глупою гордостью и презорливостью относительно дѣтей бѣдныхъ. И этотъ родъ, въ концѣ концовъ, въ третьемъ колѣнѣ видимо клонится къ совершенному вырожденію и вымиранію за отсутствіемъ наслѣдниковъ. Вотъ, и всѣ эти и подобные факты, мнѣ кажется, тоже свидѣтельствуютъ, какимъ психо-физическимъ растлѣніемъ и паденіемъ человѣческой природы сопровождается, при неразвитости мозга или ума, господство однихъ грубыхъ, эгоистически-пріобрѣтательныхъ наклонностей, всежизненное, всецѣлое напряженіе и возбужденіе мозга одною своекорыстною, буржуазною, эксплуататорскою жадностью къ деньгамъ и полнѣйшее отсутствіе всякихъ высшихъ человѣческихъ чувствъ и побужденій. А къ прискорбію, въ Сибири, особенно въ глуши ея дикихъ, лѣсныхъ захолустій, среди суровыхъ физико-экономическихъ условій существованія и труда, грубыя, эгоистически-пріобрѣтательныя наклонности цѣнятся еще, большею частію, какъ единственныя высшія человѣческія достоинства, и путемъ естественнаго подбора и наслѣдственности передаются изъ рода въ родъ.

Надобно замѣтить, что, сверхъ недостаточности нервно-мозгового или умственнаго развитія сибирскаго населенія, сверхъ тяжелой индивидуально трудовой борьбы его съ трудно-доступной природой въ добываніи средствъ жизни, сверхъ неблагопріятнаго нравственнаго вліянія азіатскаго, инородческаго элемента, — и самыя естественно-историческія условія хозяйственнаго и нравственнаго развитія сибирскаго населенія благопріятствовали сильному поддержанію и господству въ немъ эгоистически-пріобрѣтательныхъ, буржуазныхъ наклонностей. Извѣстно, что сибирская колонизація представляетъ два періода: во-первыхъ, періодъ звѣроловный, характеризующійся преобладаніемъ бродячаго, подвижнаго населенія и хаотическимъ смѣшеніемъ до-петровскихъ, животно-эгоистическихъ и общинныхъ наклонностей съ сибирскими звѣроловческими нравами,—и, во-вторыхъ, періодъ развитія городской, торгово-промышленной осѣдлости и жизни, отличающейся зачатками коммерческо-буржуазныхъ понятій и стремленій. Приблизительно, съ половины XVIII столѣтія, съ убылью соболя, первый, т.-е. звѣроловный, періодъ сибирской колонизаціи замѣтно сталъ прекращаться, и начался новый фазисъ экономическаго развитія сибирскаго населенія—фазисъ преобладающаго развитія торгово-промышленной, городской жизни, далеко, однакожъ, не завершившійся еще и теперь. Звѣровщики начали тогда выходить изъ тайги, съ хребтовъ на берега рѣкъ, даже по Илиму и Ленѣ; вмѣсто невыгоднаго промысла соболя, они занялись хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Отъ этого въ хлѣбѣ и скотѣ почувствовался такой избытокъ, что необходимо было выдѣлить изъ сельскаго населенія часть для занятія ремеслами въ городахъ. И мы видимъ, дѣйствительно, какъ крестьяне десятками стали переселяться въ города и записываться въ мѣщанское или купеческое сословіе. Въ Красноярскомъ архивѣ намъ попалось нѣсколько дѣлъ изъ

второй половины прошлаго столѣтія. въ которыхъ излагаются проше крестьянъ о дозволеніи имъ переселиться въ города, или остаться въ тѣ городахъ, гдѣ они раньше поселились и завелись хозяйствомъ и дома: такъ какъ по силѣ учрежденія о губерніяхъ и городового полож крестьянамъ запрещено было имѣть жительство и домообзаводство городахъ (таковы, напримѣръ, дѣло 1793 г., № 337, дѣло 178 № 354). Вообще. стремленіе поселянъ изъ лѣсовъ и деревень въ города наживой до того усилилось, что въ 1795 году семипалатинскій капит Андреевъ, сибирскій уроженецъ, въ своей «домовой лѣтописи» написа по поводу этого, особое длинное, какъ онъ выразился, «домашнее разм шленіе о хлѣбопашествѣ», въ которомъ съ уныніемъ жалуется на усил шееся въ крестьянахъ стремленіе къ городской жизни. къ пріобрѣте матеріальнаго благосостоянія хитростью и неправдой. со вредомъ ближнихъ. «Зло это,—писалъ онъ,—отъ того умствованія, что земледѣль суть будто бы люди самопослѣднѣйшіе. гнуснѣйшіе и подлѣйшіе, несмысл ные скоты рабочіе, что только тѣ суть люди, кто вникъ въ роскоши. надменныя понятія, въ хитрость. сплетающую всякія несправедливости и волочущую по судамъ и расправамъ по всякой неправдѣ. Роско переманила блескомъ своимъ земледѣльцевъ и разсѣяла по разны многочисленнымъ городамъ и принудила ихъ снискивать изобильное нас жденіе вкусными яствами и питьями во грѣхахъ, неправдѣ, ссорѣ и спокойствіи, со вредомъ ближнимъ. Вслѣдствіе этого. въ такомъ селен гдѣ считалось обывателей душъ до 300 мужескаго и женскаго пола. тамъ осталось настоящихъ пахарей только едва 40 или 50, и таки образомъ 1 работникъ вынужденъ сталъ обрабатывать хлѣбъ на 20 и 22 души, кромѣ собственнаго своего семейства» (Домовая лѣтопи Андреева, изд. въ Чтен. Московск. общ. истор. 1870 г., кн. IV. стр. 137 138). И вотъ. вслѣдствіе такого-то усиленнаго стремленія къ наживѣ у не въ лѣсахъ и на поляхъ. насчетъ звѣрей, скота и пашни. а въ го дахъ, насчетъ общества, насчетъ ближнихъ,—первобытныя эгоистическ пріобрѣтательныя наклонности, утрачивая своеобразныя черты звѣрол наго періода, все болѣе и болѣе принимали направленіе коммерчес буржуазное, мѣщанское-цеховое. Вмѣсто какихъ-нибудь старинныхъ со линыхъ артелей, въ родѣ витимскихъ.—въ городахъ и селахъ ста все болѣе и болѣе умножаться торгующіе монополисты, эксплуататор Въ тѣхъ мѣстностяхъ. гдѣ больше можно было поживиться кабалой, вольничествомъ и полономъ иноплеменныхъ людей, чѣмъ добычей пу ныхъ звѣрей.—въ тѣхъ мѣстностяхъ, вмѣсто охоты на звѣрей. вошла обычай и получила юридическое утвержденіе охота на людей, на иноро цевъ. Такъ, въ Иртышскихъ степяхъ цѣлыя артели или команды казач по свидѣтельству одного экстракта сибирской губернской канцеляр 1745 года, «соединясь всѣ обще, по 150, отправлялись въ улусы кирги кайсаковъ и калмыковъ на охоту за полономъ непріятельскихъ люд мужеска и женска пола, которыхъ забирали и считали наравнѣ съ жер цами, кобылами, лошаками и верблюдами». «И тотъ-де полонъ мужес и женска пола 42 человѣка,—сказано въ одномъ экстрактѣ.—за помощ

Божіею вывелъ сотникъ Дороховъ съ командою въ Омскую крѣпость во всякомъ благополучіи и въ добромъ здравіи. И требуетъ-де онъ, Дороховъ, рапортомъ, дабы повелѣно было вышеописанную *взятую имъ добычу людей, такожъ лошадей и верблюдовъ, отдать ему съ командою въ раздѣлъ, дабы-де впредь многіе вѣрноподданные къ поиску непріятельскихъ людей охоту и немалую ревность имѣли.* И сибирская губернская канцелярія, по силѣ указа 1735 года, велѣла взятыхъ въ полонъ людей, мужеска и женска пола, и ихъ багажъ и скотъ дѣлить, кто ихъ въ полонъ добылъ, и чтобъ, де, служилые люди и татары къ поиску и добычѣ непріятельскихъ людей и впередъ охоту имѣли» (Сибирскіе акты въ Чтен. общ. истор. 1867 г. кн. 1, стр. 145—146). Служилые люди, захватывая такимъ образомъ въ кабалу и невольничество малолѣтнихъ инородцевъ мужескаго и женскаго пола, оффиціально назывались ихъ «хозяевами» и торговали ими. Установлялись особыя цѣны за холоповъ изъ инородцевъ. Напримѣръ, за инородческую бабу 40 лѣтъ платили 12 рублей, за бухарца 30 лѣтъ съ бабой 30-же лѣтъ платили 1 мерина, 1 жеребенка да денегъ 16 рублей, за бурутку 7 лѣтъ—6 рублей, за бухаретина 12-ти лѣтъ—1 мерина да денегъ 1 рубль, за бухарку 12 лѣтъ — 1 мерина, за бухарку 16 лѣтъ — 12 рублей, за бухарку 25 лѣтъ — 1 кобылу, 1 жеребенка и 1 суконный зипунъ, за киргизку 40 лѣтъ—1 мерина и денегъ 6 рублей, за киргиза—10 рублей, за калмыковъ—мальчика и дѣвочку платили 2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверикъ крупъ (ibid, стр. 160—162). Въ тѣ же времена, въ Енисейскомъ краю, въ средоточіи богатѣйшихъ золотопромышленниковъ, практически образовалась и доселѣ существуетъ поговорка: «нынѣ гораздо выгоднѣе подстрѣливать горбачей, т.-е. людей идущихъ съ золотыхъ пріисковъ съ деньгами, чѣмъ какихъ-нибудь косачей или звѣрей». Во всѣхъ городахъ Сибири, все чаще и чаще стали появляться и доселѣ появляются богатые купцы, переписывавшіеся изъ звѣропромышленниковъ и крестьянъ, которымъ, по народнымъ сказаніямъ, огненные змѣи наносили деньги и рухлядь, т.-е. разныя неправды и мошенничества, въ родѣ грабежа обозовъ или кладей, непрерывно тянущихся по столбовой сибирской дорогѣ, въ родѣ убійства и обокражи хозяевъ или прикащиковъ съ шкатулками денегъ, или безпощаднѣйшей эксплуатаціи рабочихъ рукъ бѣднаго народа, и т. п. Вообще, въ сибирскомъ населеніи, повидимому, гораздо болѣе, чѣмъ въ великорусскомъ народѣ, замѣтно преобладаніе эгоистическихъ, своекорыстно-пріобрѣтательныхъ и семейно-родовыхъ чувствъ и наклонностей надъ нравственно-соціальными и гуманными чувствами и стремленіями. Трудность борьбы за существованіе и добываніе средствъ жизни въ сферѣ дикой, суровой, скупой на дары и труднодоступной физической экономіи Сибири, усиленное колонизаціонное стремленіе къ домоустройству и «домообзаводству» на новыхъ мѣстахъ Сибири, разнохарактерность и взаимная недовѣрчивость переселенцевъ, ссыльныхъ поселенцевъ, урожденныхъ русскихъ сибиряковъ, азіятцевъ или инородцевъ бродячихъ, осѣдлыхъ и ясачныхъ, наконецъ, общая умственная и нравственная грубость, неразвитость и диковатость сибирскаго населенія, — вотъ, кажется, главныя причины преобладанія въ сибирскомъ обществѣ эгоистическихъ, своекорыстныхъ

личныхъ и семейно-родовыхъ чувствъ и наклонностей надъ соціально-человѣческими чувствами справедливости, честности и гуманности. Вслѣдствіе этого, сибирскій народъ, почти по общему убѣжденію и молвѣ не только простонародныхъ европейско-россійскихъ поселенцевъ, но и образованныхъ людей, пріѣзжихъ изъ Россіи, слыветъ народомъ хитрымъ, грубымъ, своекорыстнымъ, немилосерднымъ, даже жестокосердымъ. Сколько мы ни разспрашивали ссыльныхъ изъ Россіи поселенцевъ о сибирякахъ,— они всегда единогласно говорили намъ: «сибиряки грубы, немилосерды, мошенники; противъ россійскихъ людей далеко не будутъ по добротѣ сердечной, они скупы безмѣрно, нежалостливы, безсердечны». И послѣ этихъ общихъ выводовъ и сужденій, поселенцы обыкновенно разсказывали намъ много фактовъ, какіе кто изъ нихъ самъ испытывалъ или наблюдалъ въ разныхъ сферахъ сибирской жизни и въ разныхъ мѣстахъ Сибири. И дѣйствительно, какъ ни преувеличены эти мнѣнія ссыльныхъ поселенцевъ о сибирякахъ, но въ нихъ есть большая доля правды: въ сущности, эти мнѣнія вѣрны и подтверждаются многими фактами. Сибиряки болѣе корыстны и буржуазны, чѣмъ великорусскій народъ. Интересы и стремленія эгоистически-пріобрѣтательные, своекорыстно-матеріальные, денежные и домохозяйственные суть, можно сказать, единственные стимулы ихъ умонастроенія, житейской дѣятельности и общественныхъ чувствъ и отношеній. Въ этомъ отношеніи сибирское населеніе замѣтно ассимилировалось съ такимъ сибирскими азіятцами, какъ татары, буряты и якуты. Какъ буряты, такъ и русскіе сибиряки весь умъ полагаютъ въ «хитрости», въ лукавствѣ, въ искусствѣ ловкаго буржуазнаго обмана и эксплуатаціи людей безхитростныхъ, простаковъ, въ ловкомъ шельмовскомъ перехитриваньи другъ друга въ дѣлахъ корысти и пріобрѣтенія. «Жить *умственно*» — по выраженію и понятію сибиряковъ значитъ разсчетливо думать только о наживѣ, не издерживать денегъ безъ прибыли, вообще хитро, ловко умѣть наживать деньги. «*Умственный*» или «*умѣющій человѣкъ*» на языкѣ ихъ значитъ хитрый и разсчетливый пріобрѣтатель, домохозяинъ. Самое «*добро*» на языкѣ и въ понятіи сибиряковъ значитъ «интересъ, польза, выгода». Они говорятъ: «Конь добрый, собака добрая, работникъ добрый»,—что значитъ въ переводѣ съ ихъ языка: сторожливая и полезная собака, дюжая и полезная рабочая лошадь, полезный или за малую плату большія выгоды приносящій работникъ. Гуманность, честность и справедливость наибольшей части сибиряковъ кажутся глупостью, простофильствомъ, исключительными свойствами и отличительными признаками дураковъ. Появлялся честный, нравственно высоко-развитый человѣкъ въ глуши сибирской деревни или даже въ городѣ, проводилъ въ своей жизни, въ своихъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ крестьянамъ или мѣщанамъ и казакамъ высшія начала гуманности, честности и справедливости, безкорыстно ссужалъ нуждающихся деньгами. И что же? Тѣ самые, которые пользовались благодѣяніями его высшихъ человѣческихъ чувствъ, отходя отъ него, за угломъ съ усмѣшкой говорили: «вотъ дуракъ!» Это—фактъ. И такихъ фактовъ мы знаемъ множество. Согласно съ нашимъ наблюденіемъ и авторъ описанія одного изъ селеній Восточной Сибири, села Коршунов-

скаго, совершенно справедливо писалъ: «начните говорить коршуновцу о безпристрастіи, безкорыстіи, нелицепріятіи передъ закономъ, и онъ посмотритъ на васъ какъ на сумасшедшаго или просто расхохочется вамъ въ лицо, сочтетъ чуть не сумасшедшимъ»... Понятія о нравственности не опредѣляются у этого люда культовъ законодательствомъ, или какими бы то ни было отвлеченными принципами; у него создался для нравственности своеобразный масштабъ, основывающійся на ощущеніяхъ удовольствія и страданія, и затѣмъ на экономическихъ потребностяхъ. Нерѣдки случаи, что сибирякъ, встрѣтивъ бродягу въ какой-нибудь лѣсной трущобѣ, не задумывается подстрѣлить его изъ винтовки и обобрать его скудный пожитокъ. «Бродягу все же выгоднѣе убить, чѣмъ бѣлку» — гласитъ народная поговорка:—«съ него всегда возьмешь не меньше рубля, а за бѣличью шкурку даютъ только 15 копѣекъ». Жены въ Сибири нерѣдко изводятъ нелюбимыхъ, ненавистныхъ мужей, чаще всего сулемой. При замѣтномъ увеличеніи въ Сибири такихъ преступленій, какъ воровство, грабежъ, убійство, проституція, обусловливаемомъ частыми голодами, возрастающей дороговизной и проч., —сибиряки не приходятъ въ негодованіе, напротивъ они извиняютъ или оправдываютъ ихъ. «Какъ ему не воровать, — говоритъ сибирскій мужикъ:—вѣдь онъ, смотри, дохнетъ съ голоду», или: «откуда же ей взять,—говорятъ о какой-нибудь проституткѣ: — вѣдь она сирота, бѣдная». Сплошь и рядомъ родители легко смотрятъ на развратъ своихъ дѣтей: «пусть погуляетъ дѣвка, пока молода, говорятъ они: — а если что лишнее заробитъ, то и слава Богу» [1]). Вообще, психическая природа сибиряка слишкомъ мало культивирована, нравственная сторона ея весьма слабо развита. Онъ большею частію такъ же дикъ, грубъ, хитеръ или лукавъ, двоедушенъ и эгоистически-своекорыстенъ, какъ и бурятъ или татаринъ и остякъ. Ничто такъ не поражаетъ и не печалитъ насъ при анализѣ психическихъ или нравственныхъ проявленій въ жизни сибиряка, какъ эта неразвитость, черствость, грубость его нравственнаго чувства, или, лучше сказать, крайній недостатокъ или отсутствіе нравственнаго сознанія человѣческихъ обязанностей относительно ближнихъ, чувствъ гуманности, справедливости и честности. Наибольшая часть сибиряковъ, знающихъ только одни своекорыстные интересы и дѣла, никакъ не могутъ понять, чтобы можно было даромъ, безплатно, безкорыстно сдѣлать какое-нибудь общественное дѣло, на пользу ближнимъ, усидчиво, усердно исполнить какую-нибудь работу для общественной пользы, особенно нравственно-соціальной. «Какой барышъ городу,—говорили, напримѣръ, члены иркутской городской думы, — какая прибыль давать даромъ деньги на публичную библіотеку. Ее надо закрыть, потому что она не оправдала себя». Когда одинъ изъ читавшихъ въ нынѣшнемъ году публичныя лекціи въ сибирскомъ отдѣлѣ географическаго общества часто усердно просиживалъ вечера за приготовленіемъ этихъ лекцій, то одна иркутская гражданка, замѣтивши это, спросила жену этого безкорыстнаго труженика: «что же,

[1]) „Коршуновцы", очеркъ изъ сельской жизни въ Сибири. „Дѣло", 1872 г., № 2.

должно быть, большая плата будетъ вашему мужу за эти лекціи, когда онъ такъ усердно просиживаетъ вечера за ними?» «Нѣтъ,—отвѣчала ей жена,—никакой платы не будетъ: лекціи эти читаются безплатно, для общественной пользы». «Какъ,—воскликнула иркутская гражданка:—ужели даромъ? Не можетъ быть! А а-а!» Въ массѣ сибирскаго общества, вмѣсто высоконравственныхъ общественныхъ чувствъ просвѣщенно-человѣческой симпатіи, благожелательности и справедливости, сплошь и рядомъ преобладають самыя печальныя, самыя грубыя эгоистическія чувства и наклонности. Такъ, зложелательство, ехидство, злость и безсердечная черствость, жестокость въ отношеніи къ ближнимъ суть, можно сказать, обыкновенныя нравственныя качества наибольшей части сибиряковъ, особенно нисколько не развитыхъ, простонародныхъ. Напримѣръ, узнають они, что вамъ вообще не нравится тотъ или другой поступокъ, оскорбительный или вредный, и они нерѣдко нарочно, съ ехиднымъ упрямствомъ, будуть продолжать этотъ поступокъ, безъ всякой необходимости. Напримѣръ, нарочно сдѣлають непомѣрный жаръ или угаръ въ вашей квартирѣ, пустятъ на васъ злыхъ собакъ, станутъ нарочно шумѣть и кричать, когда замѣтятъ, что это вамъ не нравится или мѣшаетъ что-нибудь дѣлать, вообще, по сибирскому же выраженію, склонны всячески «ехидно поперечить» ближнимъ. Попросите вы иныхъ сосѣдей или однодворцевъ не стучать, что есть мочи, безъ всякой нужды въ стѣну вашей квартиры, сообщая имъ, что такой стукъ зловредно дѣйствуетъ на сильно страдающую больную нервную женщину, не имѣющую возможности перемѣститься отъ этой стѣны, или попросите ихъ не приставлять къ той же стѣнѣ на ночь цѣлый табунъ безпокойныхъ лошадей, неугомонно бьющихся объ стѣны до потрясенія всего дома и своей возней и стукотней причиняющихъ невыносимое безпокойство, вѣжливо и добромъ указывая этимъ сосѣдямъ на много другихъ, болѣе удаленныхъ мѣстъ на ихъ широкомъ дворѣ и даже на существованіе особаго конскаго двора. И что же? Они только посмѣются надъ вами, сочтутъ васъ за сумасшедшаго и еще нарочно, съ ехидной злобой сильнѣе станутъ стучать объ стѣну, еще больше и ближе приставятъ лошадей. Наглое зубоскальство, злая насмѣшливость или пресмѣшливость, страсть къ пересудамъ, страсть осуждать ближнихъ, «сочинять сплетни», какъ говорятъ въ Сибири, привычка двоедушничать или «быть вашимъ и нашимъ» — вотъ и всѣ эти качества суть также самыя обыкновенныя нравственныя черты сибиряковъ, повидимому, гораздо болѣе развиты у нихъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи. Все, что дѣлается не по ихъ уму и понятіямъ, несогласно съ ихъ восточно-азіятскою церемонностью, уставностью и обрядностью,—все это просмѣивается, какъ глупость или сумасшествіе. Сами на себя сибиряки и сибирячки большею частію не любятъ оглядываться. Сами себя они не критикуютъ, не осуждають, сплошь и рядомъ безъ стыда творятъ ужъ дѣйствительно пресмѣшныя, простофильскія глупости, но всегда увѣрены, что они дѣлаютъ такъ умно, какъ всѣ на свѣтѣ люди во вѣки вѣковъ должны дѣлать. А въ ближнихъ своихъ, между тѣмъ, особенно въ людяхъ, не подходящихъ къ ихъ кругу, они все осуждаютъ, пересуживаютъ, зло, зубоскально просмѣиваютъ

›бще, въ отношеніи къ себѣ самимъ отличаясь, въ высшей степени, ıтскою самоувѣренностью, самодовольствомъ и хвастливостью, сибиси и сибирячки большею частію зло просмѣиваютъ и осуждаютъ всѣхъ. › не подходитъ подъ мѣрку ихъ своеобразно-домостроевскихъ понятій и ıвовъ, кто живетъ не по ихъ обычаямъ, а по своему уму и по лучшимъ ювѣческимъ нравственнымъ идеаламъ, кто несравненно развитѣе ихъ ственно и нравствено, кто бѣденъ, но въ высшей степени честенъ и авѣдливъ. Пусть будутъ у нихъ передъ глазами развитые, честные, роднѣйшіе люди, но бѣдные, не имѣющіе ни платья щегольскаго ı наряднаго, ни хорошихъ салфетокъ на столъ, ни хорошей поли и т. п., — они непремѣнно просмѣютъ этихъ людей. Самые дные сибиряки и особенно сибирячки, носящіе грязнѣйшее изорванное жнее бѣлье подъ блестяще-пестрымъ, цвѣтнымъ наружнымъ платьемъ, ı пробавляющіеся только вонючимъ омулемъ и кирпичнымъ чаемъ для 'о, чтобы на лишнія деньжонки накупить какой-нибудь цвѣтной матена щегольское платье,—и такіе, говоримъ, сибиряки и особенно сибиики обыкновенно зло просмѣиваютъ развитыхъ, честныхъ и благородѣйшихъ, но бѣдныхъ людей. Въ Иркутскѣ, между политическими ссыльми, есть личности высоко-образованнаго западно-европейскаго типа, съ вышеннѣйшими человѣческими идеями и чувствами, но въ крайне-плоі или не изящной одеждѣ, въ какомъ-нибудь сюртукѣ или пальто изъ стаго сѣраго сукна и т. п.,—и вотъ и ихъ самые бѣдные сибиряки и бенно сибирячки, несмотря на свои собственныя лохмотья, зло осмѣиотъ и презираютъ, не обращая никакого вниманія на то, что они неизримо выше ихъ по своему человѣческому достоинству. Мало того: сибиси нерѣдко склонны даже ни съ того ни съ сего нахально затрогивать орбительнымъ словомъ людей, не подходящихъ къ ихъ уровню или къ ь умственной и нравственной мѣркѣ. Проходя или проѣзжая мимо такъ людей, нисколько незнакомыхъ имъ и не знающихъ ихъ, они, безъ ıкаго повода, просто по самодурству, считаютъ иногда почему-то нужмъ вслухъ сказать такія, напримѣръ, нахально-задирательныя слова: ішь, большеволосый или большелобый чортъ, дуракъ, ишь какъ расхаваетъ, не видали что-ли мы этакихъ людей, дураковъ, эка диковинка!» г. п. Далѣе, ловко перехитрить недовѣрчиваго или осмотрительнаго и наго человѣка, обмануть человѣка довѣрчиваго или простодушнаго, асть, что обронено, забыто или плохо положено, солгать безъ зазрѣнія ѣсти, сочинить ловкую, хитрую и совершенно ложную отговорку для авданія своей очевидной и непростительной несправедливости и безчести, отнестись къ вопіющему несчастію и страданію ближняго безъ каго состраданія и жалости, взять или, по сибирскому выраженію, жилить, скоробить» свою копѣйку безъ милосердія и пощады съ челока бѣднаго и голоднаго, безпощадно эксплуатировать и обременять рай работника или работницу, когда они здоровы, и потомъ безжалостно, ь копѣйки денегъ, спровадить ихъ съ рукъ въ больницу или на проолъ судьбы, когда они захвораютъ, и т. д.,—вотъ всѣ такіе нравствене поступки въ большей части сибирскаго общества считаются дѣйстві-

ями не только не предосудительными, а даже умными и должными. Сп
и рядомъ они совершаются не только безъ стыда, безъ зазрѣнія сов
но еще съ самохвальствомъ и цинической усмѣшкой. Въ этомъ см
въ Сибири поется даже особая пѣсенка, начинающаяся словами: «Н
свѣтъ ужъ не таковъ, меньше стало дураковъ». «Дураковъ надо учи
говорятъ сибиряки, то-есть надо того обирать, кто добръ, милосе
благотворителенъ; у того надо красть, кто плохо кладетъ деньги или
нибудь цѣнное; того надо обманывать и осмѣивать, кто справедли
честенъ, и т. п. Такую нравственную философію мы часто слышал
разговорахъ съ сибирскимъ простонародьемъ, и еще чаще наблюдали
явленія ея въ нравахъ народныхъ. Раздобыться деньгами, нажить
что бы то ни стало, какими то ни было бы средствами—вотъ лозунгъ
каждаго не только неразвитаго, но и часто такъ или иначе образова
сибиряка. И какъ часто безъ всякаго осужденія сибиряки разсказыв
какъ фактъ самый обыкновенный, что тотъ или другой нажил
добромъ, а кражей или даже убійствомъ, что вотъ такой-то въ прош
году ходилъ бѣднякомъ, въ лохмотьяхъ, а нынѣ купилъ домъ въ 30
лей, завелъ лошадей и т. п., или вотъ тотъ-то назадъ тому нѣск
лѣтъ продавалъ метлы зимой или разбивалъ обозы съ чаями, а
купецъ первой гильдіи, имѣетъ большія торговыя дѣла и участвуе
компаніи какого-нибудь сибирскаго пароходства, закабаляетъ себ
100 и болѣе рабочихъ и проч. Къ такимъ наживаламъ относятся
большею частію съ уваженіемъ, какъ къ «хорошимъ людямъ». Жад
къ деньгамъ нерѣдко затмеваетъ разсудокъ сибиряковъ до непрости
ныхъ ошибокъ во вредъ ближнимъ, а иногда и самимъ себѣ. Гон
какой-нибудь иркутскій казакъ-извощикъ за копѣйками, или нанима
напримѣръ, за 1 рубль во что бы то ни стало догнать убѣжавшу
какого-нибудь богатаго жида лошадь, — и лошади этой не догоняет
между тѣмъ своего собственнаго послѣдняго конишка до того загоня
что онъ въ ту же ночь у него околѣваетъ. Или, весной въ нынѣшн
году, на одномъ иркутскомъ перевозѣ черезъ Ангару перевощики погнал
за лишними 70-ю копѣйками сбора, переполнили корбазъ возами и на
домъ,—и что же? Изъ-за 70 копѣекъ утопили не только корбазъ съ
шадьми и возами, но и людей 70 человѣкъ. Жадность къ деньгамъ ос
пляетъ или подавляетъ и нравственное чувство и притупляетъ чувствите
ность совѣсти. Постигло кого-либо несчастье, случилась болѣзнь жесток
нужна помощь посторонняя, нанимаются люди для помощи, — по мора
сибиряковъ, надо пользоваться счастливымъ случаемъ, брать деньги
больного безбожно и безчеловѣчно за малѣйшую услугу, вообще, извле
какъ можно больше корысти изъ крайности ближняго и, наконецъ, ес
можно, обобрать, обокрасть у него все, что можно. Одна весьма зажиточ
иркутская домохозяйка безъ зазрѣнія совѣсти говорила намъ: «во вре
скотскаго падежа занемогла у меня корова; всѣ люди и говорятъ: на
скорѣе продать мясникамъ на убоину, а то пропадетъ даромъ. Ну, я и са
думала своимъ умомъ: надо поскорѣе продать, выручить заплаченны
деньги». Да какъ же продавать? возразили мы ей: вѣдь не честно.

›вѣчно продавать на убой, на пищу людямъ больную скотину: люди гтъ захворать и умереть. «Ну, я и сама подумала,—отвѣчала буржуаз-баба: коровка-то ужъ, слава Богу, и окупила себя молочкомъ, съ вой дала тѣ денежки, что заплачены были за нее, много я отъ нея цала молочка, сметанки, творожку, ужъ какъ захворала-то она, такъ ія на три отъ нея продано было молочка: ну, и я думаю, поэтому зно не продавать, потому что она ужъ и безъ того окупила себя». Такъ ысть до того ослѣпляетъ умъ и заглушаетъ всякій голосъ совѣсти, не совѣстятся продать больную скотину на убой, на пищу людямъ, зредъ ближнимъ, и если и не рѣшаются продать такую больную ско-у,—что крайне рѣдко бываетъ, — то отнюдь не потому, что это безсо-тно, вредно для ближнихъ, а потому только, что скотина ужъ доста-а корысть, окупила себя. Сплошь и рядомъ богачъ-хозяинъ кормитъ ихъ рабочихъ вонючей, протухлой рыбой или говядиной, такъ что ужъ и рабочіе, при всей привычкѣ сибиряковъ къ «вонькимъ омулямъ», щутъ, не могутъ ѣсть такую пищу, заболѣваютъ отъ нея,—но хозяинъ рно, безъ зазрѣнія совѣсти, продолжаетъ ихъ кормить такой пищей, ›ритъ: «не бросать же цѣлыя бочки съ говядиной или рыбой, онѣ сто-денежекъ, лучше же ихъ скормить, чѣмъ бросать; нѣтъ, нады-ть прі-ь». Такихъ фактовъ мы могли бы привести множество. Но находимъ излишнимъ. А замѣтимъ только вообще, что буржуазная жажда корысти, егъ, наживы какими бы то ни было средствами, намъ кажется, значи-ьно сильнѣе развита въ сибирскомъ населеніи, чѣмъ въ великорусскомъ. ›сматривая реэстры красноярскаго архива, я пораженъ былъ особой рикой такъ-называемыхъ въ реэстрѣ «секретныхъ государственныхъ ъ», такъ и многочисленностью ихъ. Съ большимъ любопытствомъ загля-ъ я въ эти дѣла. И что же! Всѣ эти «секретныя государственныя а»—все отношенія да рапорты о денежномъ мошенничествѣ, о дѣланьи пшивыхъ ассигнацій въ 5, 10 и 25 рублей. Дѣлая моціонъ по иркут-мъ улицамъ, я пробовалъ, для курьезу, отмѣчать невольно, случайно ышанные громкіе разговоры прохожихъ,— и тутъ изъ 30 разъ 10 разъ лышалъ разговоры о какихъ-нибудь настойкахъ, о новыхъ и ста-ъ брюкахъ, или насмѣшливые пересуды и сплетни о комъ-нибудь,) разъ—о пріобрѣтеніи денегъ, о ловкомъ денежномъ обманѣ кого-ни-› и т. п.; буряты, по примѣру русскихъ, быстро, энергично преуспѣва-въ усвоеніи буржуазной юриспруденціи. Въ находящейся у меня подъ ıми запискѣ обрусѣлаго бурята г. Болдонова, учителя бурятскихъ дѣ-при балаганской степной думѣ, приведены подлинныя слова бурятъ бурятскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ) о значеніи образованія или готности въ настоящее время. «Нынѣ,—говорятъ буряты,—народъ сталъ -нчивый, хитрый, нѣтъ прежней простоты: надо все записывать, а то -нутъ на каждомъ шагу; нынѣ все нужны реэстры, подписки, условія, ъ не обманули». Вообще, и русскій колонистъ, и бурятъ другъ съ другомъ рничаютъ въ искусствѣ буржуазнаго обмана и взаимной эксплуатаціи.

Какъ эгоистически-пріобрѣтательныя, такъ и семейно-родовыя чувства ітересы въ сибирскомъ обществѣ, повидимому, болѣе преобладаютъ надъ

общественными чувствами и стремленіями, чѣмъ въ великорусскомъ нар
Въ велико-русскомъ народѣ, намъ кажется, нерѣдко можно замѣтить, н
что какой-нибудь степенный крестьянинъ, мѣщанинъ или даже ку
въ самыхъ заботахъ своихъ о семейно-родовомъ счастіи не забыв
иногда чувствъ и обязанностей общественнаго долга, наставляетъ св
дѣтей не столько пріобрѣтать имущество, сколько имѣть и проявлят
общежитіи и общественной дѣятельности чувства справедливости, ч
ности, человѣчности и благоразумной, разсудительной осторожн
Весьма характеристично и любопытно, напримѣръ, находящееся у
подъ руками письмо или наставленіе, писанное въ 1794 году од
устюжскимъ мѣщаниномъ къ сыну его, посланному въ Иркутскъ,
обученія коммерческимъ или купецкимъ дѣламъ», и помѣщенное въ р
писномъ сборникѣ разныхъ статей, принадлежащихъ одному иркутс
гражданину. Въ частности, достойно замѣчанія въ этомъ наставлені
что отецъ, устюжскій гражданинъ, посылая сына своего изъ Росс
Сибирь, въ Иркутскъ, для служенія въ прикащикахъ у сибирскихъ
цовъ, считалъ необходимымъ долгомъ дать ему особыя наставленія н
достереженія, какъ избѣгать въ Сибири хитрости, лжи и обмана
выхъ «безсовѣстныхъ и сребролюбивыхъ корыстожадцевъ», напом
сыну, что въ Иркутскѣ особенно чувствительно испытано имъ жал
кихъ людей. Такъ какъ это наставленіе или посланіе великорусскаго
столодина къ сыну представляетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, хар
ристическое своеобразное подражаніе знаменитому до-петровскому «Д
строю», только съ оттѣнками новаго, послѣ-петровскаго городского
и, въ частности, любопытно для характеристики той областной м
великорусскаго народа, которая принимала самое энергичное участ
первыхъ основахъ сибирской колонизаціи и культуры, выслала почт
всѣ страны Сибири первыхъ колонистовъ и промышленниковъ, — т
считаемъ не лишнимъ выписать здѣсь цѣликомъ нѣсколько пунктов
этого наставленія. Пунктъ 24: «Если достанется тебѣ когда быть пр
сударственныхъ или частныхъ людей коммерческихъ дѣлахъ, при ка
сужденіи или разбирательствѣ, то всячески старайся тяжущихся или
рющихся склонять къ миру, но безъ всякой корысти и съ безпристраст
чтобы доставить справедливой сторонѣ удовольствіе; буде же случ
съ тобою товарищъ безсовѣстный и сребролюбивый корыстожадецъ,
варный или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противн
наводить, и для того своихъ товарищей главныхъ или подчиненныхъ
вольно надобно сначала искусить и состояніе ихъ и нравы и совѣсти
знать твердо, чтобъ ты впредь нелѣпо не могъ быть ими обманутъ; о
кожъ съ главными и равными во вражду и явную ссору вступать и
нихъ протестовать и ни съ кѣмъ въ тяжбу вступать, елико возмо
всячески воздерживаться, ежели-жъ паче чаянія весьма необходимая ну
позволитъ, но и то со всякою осторожностію и правдою истин
ибо должно каждому обиженному справедливость доставить законную,
правосудію, защиту, оборону и удовольствіе». 25-й пунктъ: «Будучи
означенныхъ дѣлахъ, прилежи о ввѣренномъ тебѣ всеусердно и не

ностно, чтобъ представить себя государю по присяжной должности вѣрнымъ и усерднымъ рабомъ, и полезнымъ сыномъ отечества, начальникамъ же и товарищамъ, каждому и всѣмъ добрымъ другомъ, а страждущимъ помощникомъ и заступникомъ; но если помощь и добро сдѣлать не въ силахъ, то по крайней мѣрѣ покажи привѣтливость и сожалѣніе объ нихъ». 26-й: «Когда ты имѣть будешь, по благости Всевышняго, достаточное имѣніе, то, оставляя себѣ на благопристойное употребленіе и содержаніе, излишнее рукою щедрою раздавай бѣднымъ и неимущимъ всегда отъ чистаго сердца и съ охотою; а ежели ты, яко человѣкъ и неумышленно погрѣшить могущій, у кого что возьмешь къ присвоенію, отнюдь возврати четверицею, и за самую малѣйшую обиду ближняго старайся удовлетворить, дабы никто тобою обиженъ не былъ; наносимыя же тебѣ обиды, сколько возможно, переноси съ благодареніемъ и терпѣніемъ безъ ропота». 27-й: «Стыдися лгать и быть жаднымъ къ неправильному стяжанію имѣнія». 28-й: «Ищи всегда совѣта у просвѣщенныхъ науками, добрыхъ, благомыслящихъ и достаточно разумныхъ людей; убѣгай же злыхъ, завистливыхъ и развращенныхъ лицемѣровъ, яко повреждающихъ всякое благоразуміе... Разбирай совѣты благодѣтелей и друзей твоихъ съ прилежнымъ вниманіемъ и скоро въ нихъ не вдавайся, но посуди съ благопристойною осторожностію, чтобы ложь не помрачила истины, и отнюдь не послѣдуй ихъ ложнымъ и политическимъ ласкательствамъ: ибо я все то на себѣ испыталъ, наконецъ съ прискорбіемъ и собственныхъ моихъ поведеній съ глубочайшимъ раскаяніемъ гнушался и довольно насмотрѣлся во многихъ моихъ обращеніяхъ, какъ льстецы затмеваютъ истину и самые добродѣтельные нравы развращаютъ, наконецъ же въ презрительныя поведенія и бѣдность ввергаютъ. *А нѣкоторое въ Иркутскѣ и тебѣ видно и знакомо и мнѣ чувствительно*». 32-й: «Не допускай всячески поселиться въ тебѣ гордости, зависти, роскоши, празднолюбія и пьянства, всякой благомыслящій разсудокъ помрачающихъ и всякое зло производящихъ; ибо политическая ложь и ласкательство похваляютъ все то, что Божіимъ и народнымъ правиламъ противно и предосудительно; и ежели ты таковымъ обычаямъ послѣдуешь, то они же сами тебя наконецъ попрекать будутъ, и ты совсѣмъ оправдаться уже не въ состояніи и недостоинъ (будешь)». 33-й: «Убѣгай клеветниковъ, честь ближняго оскорбляющихъ, а наче законъ Божій и церковныя преданія раздирающихъ, и всячески остерегайся ихъ, какъ самаго смертоноснаго яда, но отнюдь и ни въ чемъ ихъ не попрекай, пусть они остаются при своихъ мнѣніяхъ, ты же, на Господа уповая, благонравія и правды держися, ибо они, яко ехидны, извиваясь, легко могутъ повредить хитростію своею всякую осторожность и мудрость. Они-то суть наглые похитители чести и покоя общежительства». 34-й: «Чужихъ пороковъ не обличай, и какъ ввѣренную тебѣ по должности тайну, такъ и своей собственной никому отнюдь не открывай». 35-й: «Елико возможно, старайся каждому и всѣмъ по силѣ и могуществу твоему показать вспоможеніе пристойное, вѣрность, почтеніе и добродѣтель, предпочитая праведное ложному». 36-й: «Возлагаемыя на тебя отъ честныхъ людей дѣла и должности всячески старайся исполнять съ прилежнымъ радѣніемъ безъ

малѣйшаго упущенія, въ счетахъ и разсчетахъ наблюдай честь и вѣрность и осторожную благопристойность, а чрезъ то можешь ожидать по принесенію плодовъ пристойной благодарности и награжденія, въ противномъ случаѣ поношеніе и презрѣніе». 37-й: «Берегись суевѣрія и всякихъ вредныхъ площадныхъ врачей, бабьихъ лекарствъ, какъ-то: наговоровъ, ворожей, шепотниковъ, сприскиванья, привѣсокъ и другихъ мнимыхъ забобоновъ: ибо всѣ сіи и тому подобныя кощунства и колдовства, сколько заповѣдямъ Божіимъ противны суть, столько и законамъ гражданскимъ и благомыслящимъ людямъ вредны и презрительны и ненавистны есть. Не принимай отъ такихъ вредныхъ людей никакихъ совѣтовъ, ни лекарствъ, сколько бы они тебя много къ тому ни принуждали и какъ вѣроятно на опыты свои ни ссылались, ибо что одинъ площадный врачъ повредитъ, то, почасту бываетъ, и десять искусныхъ лекарей поправить не въ состояніи, о чемъ довольно опытами и искусствомъ дойдено, и таковыхъ легкомысленныхъ изувѣровъ законами наказывать повелѣно» и проч. [1]). Съ такими нравственными правилами и наставленіями посылалъ иногда великорусскій народъ лучшихъ своихъ колонистовъ или промышленниковъ въ Сибирь, для содѣйствія ея только-что возникавшей гражданственности и культурѣ. Но сибирское населеніе, ставши въ сферу новыхъ, особенныхъ физико-географическихъ и этнографическихъ условій Сибири, частію вслѣдствіе усиленной борьбы за существованіе въ домообзаводствѣ при новыхъ физико-экономическихъ условіяхъ суровой и трудно-доступной сибирской природы, а частію и вслѣдствіе значительнаго физіолого-психическаго и сожительно-бытового объединенія съ сѣверными, сибирскими азіятцами, болѣе наклонно стало къ эгоистически-матеріалистическому умонастроенію, къ однимъ матеріальнымъ, чувственнымъ интересамъ жизни, или къ эгоистическимъ своекорыстно-пріобрѣтательнымъ и семейно-родовымъ стремленіямъ, а вовсе не къ какимъ-нибудь идеалистическимъ гражданственнымъ принципамъ или соціально-нравственнымъ чувствамъ и стремленіямъ, и гораздо охотнѣе усвояло эгоистически-матеріалистическую мораль или привычки жизни азіятцевъ, чѣмъ высшія человѣческія чувства и убѣжденія европейцевъ. Вообще, семейно-родовой эгоизмъ, исключительная забота отцовъ семействъ о буржуазномъ, торгово-промышленномъ счастіи и блаженствѣ своихъ семействъ, о пріобрѣтеніи и приращеніи капитала, барышей и славы богатства для себя, «для цѣлаго своего семейства», для своего дома или рода, стремленіе «показать себя людямъ», въ обществѣ, стать въ уровень со всѣми «хорошими людьми» пышными нарядами и выѣздами «съ шикомъ» супруга, супруги и дѣтокъ, всецѣлое устремленіе всѣхъ помысловъ и хлопотъ на матеріальное, чувственное довольство семействъ, на домоводство и домообзаводство, на запасы и припасы «всякой всячины на прокъ», на много годовъ, откармливанье и наряжанье дѣтей безъ всякаго разумно-нравственнаго воспитанія, всецѣлое поглощеніе всѣхъ помысловъ, желаній и чувствованій дочекъ, невѣстокъ, племянницъ, своячиницъ и проч. постоянныхъ

[1]) Извлечено изъ одного иркутскаго рукописнаго сборника начала XIX вѣка, сообщеннаго С. С. Поповымъ.

размѣриваньемъ и кроеньемъ разныхъ матерій—алыхъ, красныхъ, голубыхъ, разноцвѣтныхъ, шитьемъ «обновъ» и нарядовъ, всецѣлое замѣщеніе литературы, журналовъ и газетъ сплетнями и пересудами, да сказками и «прибаутками» приживалокъ старухъ—вѣдуній, празднованье на славу разныхъ семейныхъ или домашнихъ праздниковъ—крестинъ, именинъ, новоселій, стуколокъ по случаю счастливыхъ оборотовъ или исходовъ дѣлъ домашнихъ, коммерческихъ, промышленныхъ и проч., и проч.,—вотъ всѣ такія эгоистически-семейныя чувства, помыслы, заботы и дѣйствія всецѣло преобладаютъ надъ всякими общественными интересами и стремленіями. Намъ разсказывали, что когда вышло новое «городовое положеніе» и приступлено было въ Иркутскѣ къ организаціи городской думы по новому уставу, къ выбору членовъ изъ мѣстныхъ гражданъ, то нѣкоторые богатѣйшіе купцы города Иркутска будто бы плакали, какъ дѣти, и упорно отказывались отъ общественной службы, безъ всякаго стыда отговариваясь своими заботами о домашнихъ, семейныхъ дѣлахъ, о своихъ коммерческихъ, эгоистически-пріобрѣтательныхъ интересахъ. И въ пѣсняхъ сибирскихъ, послѣ любовной страсти, всего больше воспѣвается семья, рожденіе дѣтей, женитьба сына или выдача дочери замужъ и т. п. И пѣсни, поэтому, выходятъ самыя безсодержательныя: въ нихъ или просто только переименовываются или величаются по имени и отчеству «отецъ-свѣтъ Прокопій Степановичъ, мать-дорогая боярыня, свѣтъ Татьяна Васильевна, сынъ-свѣтъ Василій Прокопьевичъ, дочь-дорогая боярышня, свѣтъ Василиса Прокопьевна», и проч. Или во всей пѣснѣ просто-на-просто говорится только, что «у Михаила въ дому радость учинилась, молода его жена, свѣтъ Федосья душа, сына породила», или «свѣтъ Аннушку матушка родимая въ раннюю зарю породила, въ воскресенскую заутреню, малиною ее парила, молочкомъ умывала, а сама то приговаривала: ты рости, мое дитятко, ты умное дитя, разумное, да ты счастливое, таланливое, отцу матери на честь-похвалу, роду племени на завидость». Точно также голословно воспѣвается «радость, что сына женили, а дочь замужъ выдали», что «много роду, много племени, много братцевъ, сестрицъ, много дядюшекъ, тетушекъ» и проч. [1]). Наконецъ, при господствѣ эгоистическихъ семейно-родовыхъ чувствъ или интересовъ, въ Сибири нерѣдко можно находить спеціальныя письменныя изліянія чувствъ супружескихъ, родственныхъ, семейныхъ. Такова, напримѣръ, попавшая намъ въ руки въ Иркутскѣ «записка о прошедшей удовольственной жизни и сокрушеніяхъ моихъ по кончинѣ сердечнаго друга М... Ал...ны», содержащая подробное описаніе того, какъ авторъ записки, иркутскій гражданинъ, на одной трогательной бесѣдѣ въ гостяхъ за обѣдомъ о счастіи семейной жизни случайно услышалъ, вмѣстѣ съ похвалой одной дѣвушки, заботливыя благожеланія одного ея родственника на счетъ осчастливленія ея хорошимъ бракомъ, и тотчасъ же восчувствовалъ пламенное желаніе познакомиться съ этой дѣвушкой, какъ потомъ сведенъ былъ на свиданіе съ нею, какія трогательныя чувства при этомъ испыталъ, какъ затѣмъ счастливо женился, счастливо жилъ и бла-

[1]) Записки и замѣчанія о Сибири, Авдѣевой, М. 1837 г., стр. 99, 102, 123 и др.

женствовалъ съ женой, и. наконецъ. съ какими горестными сокрушенія лишился всей этой «удовольственной семейственной жизни», разлучивши на вѣки съ «сердечнымъ другомъ»—женой, которая, съ своей стороны. умирая. «съ трогательными чувствами говорила обо всѣхъ родныхъ. только живущихъ въ Иркутскѣ. но и отсутствующихъ». и проч. Изъ р сказа автора, между прочимъ, видимъ, что въ то время, когда онъ : нился, въ Иркутскѣ и «во время обѣдовъ въ гостяхъ, и въ продолж стола», велись трогательныя разсужденія о счастіи семейной жизни. ' какъ «удовольственно видѣть такія семейства, которыя сопровождак жизнь постоянную, безъ роскоши. сварливости и пересудовъ о сво знакомыхъ и ближнихъ. но живутъ въ мирномъ согласіи и любви». и і такихъ разговорахъ иной гость «вдругъ изъявлялъ откровенность сво чувствъ родственныхъ, семейныхъ» и проч. При такомъ преобладаніи семей родовыхъ чувствъ и интересовъ,—казалось бы, хоть въ узкомъ, замкнут кругу семейныхъ отношеній сибирскаго общества должны господствоват всей полнотѣ нѣжныя, искреннія чувства любви, истинной доброжелат ности и благосклонности. взаимнаго уваженія, честности, справедливост добросердечной взаимной помощи и благотворительности. Но нѣтъ. и сам семейно-родовой эгоизмъ сибиряковъ весьма часто проникнутъ бываетъ. опя личными эгоистическими интересами и чувствами. Сплошь и рядомъ семьяхъ жена, дочери, невѣстки тайкомъ крадутъ изъ домашняго дох или хозяйства и. что можно, продаютъ на сторону. каждая для себ тайкомъ другъ отъ друга. Это, по домашней эгоистичной морали сиби чекъ, называется «прикладывать для себя». Сыновья также часто скры отъ отцовъ и матерей добываютъ себѣ деньги насчетъ отцовскихъ пож ковъ. Отцы большею частію предпочтительно любятъ тѣхъ только сы вей, которые съ раннихъ лѣтъ обнаруживаютъ большія буржуазныя клонности и эгоистически-пріобрѣтательныя способности. Весьма ча бываетъ и то. что хотя бы самъ «родитель» ни гроша не далъ сыну воспитаніе и съ грѣхомъ пополамъ «вспоилъ-вскормилъ» его. и хотя взрослый сынъ какъ волъ работалъ на него. когда жилъ вмѣстѣ съ ним родитель. однакожъ, безпощадно требуетъ, чтобы сынъ и потомъ до гр «поилъ-кормилъ» его, отдавалъ бы ему хотя послѣднія свои средства жиз вообще, не обращая никакого вниманія на бѣдственное положеніе сам сына. его трудность добыванія средствъ самообезпеченія.—немилосер требуетъ отъ него помощи, «замѣны на старости лѣтъ»; иначе бьетъ (или жалуется на него начальству и непремѣнно проклинаетъ его. вѣ укоряя тѣмъ. что «поилъ-кормилъ его и воспитывалъ». Да. какъ. по димому, ни господствуютъ въ сибирскомъ обществѣ семейно-родовыя ч ства и привязанности, но и за ними въ большей части общества поч сплошь и рядомъ кроется корысть и личный эгоизмъ. Иной разъ. пови мому, до глубины души можно бы растрогаться, увидѣвши въ Сиби картину свиданія и угощенія ближайшихъ родственниковъ. Какихъ эпическихъ привѣтствій и ласковыхъ присловій ни услышите вы ту Бѣдные родственники умиляются отъ радости, ласки и радушія. Но v tibi gaudenti. quia mox post gaudium flebis! Разъ. у одного весьма богата

рестьянина, обладающаго большимъ капиталомъ, но не имѣющаго наслѣдиковъ, были въ гостяхъ ближайшіе родственники, бѣдные сироты: ончившій курсъ въ иркутской семинаріи сынъ пономаря и его сестры, находящіяся замужемъ за бѣднѣйшими крестьянами. Богачъ-родственикъ съ своей женой и мать его—«родная тетушка» гостей, повидимому, рады радешеньки были видѣть у себя въ домѣ бѣднѣйшихъ родственниовъ, неистощимо изливали передъ ними чувства соболѣзнованія, ласки и радушія. Самъ богачъ-родственникъ называлъ двоюродного брата семинаиста «любезнѣйшимъ братцемъ». Видя такое благорасположеніе родственниковъ, «любезнѣйшій братецъ»-семинаристъ поручилъ своему «братцу» огачу и «тетушкѣ» продать въ сосѣдней слободѣ свой старый отцовскій пономаревскій» домъ и вырученныя за него деньги раздѣлить поровну го сестрамъ, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить ихъ бѣдственное поожеціе, въ замужествѣ за бѣднѣйшими крестьянами. «Тетушка» и сынъ я, повидимому, съ величайшею радостью взялись сдѣлать доброе дѣло воимъ ближайшимъ бѣднымъ родственникамъ. «У насъ, — говорила тетушка»,—слава Богу, всего благодать, а наслѣдниковъ нѣту, такъ о омъ же намъ заботиться, какъ не объ васъ, родные вы наши сироточки! Какъ мы рады вамъ, гостеньки вы наши дорогіе, свѣты вы наши родимые, ласточки вы, косаточки вы, голубчики вы наши!» Но что же потомъ сдѣлали эти богатые родственники съ своими бѣднѣйшими родственниками-сиротами? Они продали отцовскій домъ ихъ за 120 рублей, но имъ, тѣмъ самымъ четыремъ сиротамъ, передъ которыми такъ недавно изливали наичувствительнѣйшія соболѣзнованія, едва-едва роздали, по мелочамъ, по 20 рублей, а 40 рублей утаили себѣ, сказавши, что продали домъ только за 80 рублей. Потомъ одна изъ этихъ родственницъ, у которой мужъ ушелъ на пріиски, оставивъ ее безъ куска хлѣба, пришла, по нуждѣ, погостить къ «тетушкѣ и братцу» и за то помочь имъ въ домашнихъ работахъ, но ее уже вовсе не ласкали, какъ «гостью дорогую», а заставляли работать, какъ стряпку или работницу, безъ всякой платы, за одну хлѣбъ-соль, да и тѣмъ корили. Мало того: даже въ матеряхъ своекорыстныя, эгоистически-пріобрѣтательныя наклонности подавляютъ иногда естественныя материнскія чувства любви къ дѣтямъ. Одинъ чиновникъ намъ разсказывалъ, какъ одна мать, и еще, кажется, матушка попадья, въ ту самую минуту, когда на ея ребенка, шедшаго позади ея, бросилась собака,—вмѣсто того, чтобы тотчасъ же, по рефлективному влеченію материнскаго чувства, броситься спасать ребенка, даже не оглянулась на него, а только закричала прохожему съ собакой: «заплатишь!»

До такой степени, къ прискорбію, въ большей части сибирскаго общества грубыя, эгоистически-корыстныя наклонности подавляютъ даже инстинктивныя чувства симпатіи! Нужно ли, послѣ этого, доказывать, какъ скорѣе необходима высшая, воспитательно-образовательная гуманизація человѣческой природы молодыхъ сибирскихъ поколѣній, чтобы воспитать изъ нихъ лучшее поколѣніе людей, возвысить человѣческое достоинство общественной жизни въ Сибири, внести въ сферу народнаго труда и экономическихъ отношеній высшія начала гуманности, честности, спра-

ведливости и кооперативной общинности и солидарности. Ужели еще не пора сказать, что въ Сибири скорѣе необходимъ университетъ, скорѣе необходимы городскія и сельскія школы гуманитарно-реальныя, физико-антропологическія? Не развивая собственныхъ мыслей относительно этого насущнѣйшаго сибирскаго вопроса,—я сообщу только, что въ настоящее время даже такой бурятъ, какъ сейчасъ упомянутый учитель Балаганской степной думы, г. Болдоновъ, уже довольно хорошо сознаетъ необходимость общечеловѣческаго, гуманитарно-реальнаго образованія своихъ соплеменниковъ. Въ своей запискѣ «о вліяніи русскихъ на бурятъ», высказывая свои pia desideria относительно устройства въ бурятскихъ вѣдомствахъ разныхъ училищъ -постоянныхъ, кочевыхъ и воскресныхъ школъ,— онъ, между прочимъ, съ простодушною искренностью и наивностью говоритъ: «Взявши въ соображеніо умственное и нравственное развитіе бурятъ,— нельзя ли будетъ ввести въ бурятскихъ училищахъ популярнаго чтенія физики, психологіи, медицины, всеобщей исторіи и географіи, для того, чтобы развивать въ бурятахъ здравый смыслъ и здравыя человѣческія понятія. Одна грамотность, одно чтеніе и письмо еще не могутъ развивать ихъ ума и давать имъ правильныя понятія о предметахъ. Это мы видимъ и на опытѣ. Нынѣ есть уже много бурятъ, обучавшихся въ приходскихъ училищахъ; но умственныя и нравственныя понятія ихъ столь ограничены, что они ничѣмъ не отличаются отъ безграмотныхъ. А если бы они выслушали и поняли популярное чтеніе физики, антропологіи, медицины, географіи, исторіи,—то, конечно, было бы не то. Вотъ почему мы,— продолжаетъ Болдоновъ,—желаемъ введенія въ бурятскихъ училищахъ подобныхъ (физико-антропологическихъ) чтеній. Можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, не философскій ли факультетъ мы желаемъ ввести тамъ, гдѣ преподается только первоначальное чтеніе и письмо? Нѣтъ – нисколько! мы желаемъ только, чтобы и въ бурятахъ развивался здравый смыслъ и распространялись здравыя, правильныя понятія о предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра - физической природы и внутренняго міра—духа человѣческаго. Только такое физико-антропологическое образованіе можетъ подорвать шаманство, образовавшееся изъ неправильныхъ понятій о внѣшней и человѣческой природѣ, и омрачающее бурятъ. Мы думаемъ,—прибавляетъ Болдоновъ,—что всего удобнѣе было бы предлагать бурятамъ подобныя физико-антропологическія чтенія въ формѣ публичныхъ популярныхъ бесѣдъ для вольныхъ слушателей, въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Наконецъ, мы увѣрены, что важность и занимательность предметовъ будетъ привлекать много слушателей, потому что разсказы о предметахъ природы и событіяхъ исторіи сильно интересуютъ бурятъ: они слушаютъ ихъ съ большимъ любопытствомъ».—Если же, такимъ образомъ, скромный бурятскій учитель, получившій образованіе въ иркутской семинаріи, какъ видите, довольно раціонально сознаетъ важность и необходимость для своего племени общечеловѣческаго, физико-антропологическаго образованія,— то не грѣшно и намъ, русскимъ, цивилизаторамъ сибирскихъ племенъ, подумать посерьёзнѣе о способахъ воспитательно-образовательной гуманизаціи сибирскихъ поколѣній, какъ русскихъ, такъ и инородческихъ.

ірежде всего нужно образовать и гуманизировать нравственную природу амихъ русскихъ колонистовъ, проводниковъ русской цивилизаціи среди зіятскихъ племенъ. Въ величайшей колоніи Западной Европы, въ Сѣверой Америкѣ, при ея 1,584 милліонахъ акровъ казенныхъ земель или 586 иилліоновъ русскихъ десятинъ—впередъ топора, косы и плуга, идетъ, по ути колонизаціи, школа, чтобы напередъ научить колонистовъ, какъ учше покорять дикую природу топору, косѣ и плугу. Тамъ дремучіе лѣса громадныя пустынныя земли уже теперь, въ размѣрахъ больше, чѣмъ 2 милліоновъ русскихъ десятинъ, еще прежде колонизаціи, прежде прихода населенія—скватеровъ и моверовъ Омахи, Индіаны, Иллинойса и т. д.,— же напередъ отведены на будущее обезпеченіе школъ, коллегій и униерситетовъ, какъ school-funds или school-sections. Но у насъ, въ громадой колоніи Россійской, въ Сибири, къ несчастію, сочтется еще сумасбродой мечтой, еслибы кто-нибудь, согласно съ авторомъ книги «О самоправленіи»—княземъ Васильчиковымъ, заговорилъ хоть объ отдаленномъ удущемъ обезпеченіи сибирскихъ школъ на счетъ этихъ безпредѣльныхъ ѣсовъ и земель Сибири, простирающихся на 260,000 квадр. миль, на счетъ обственныхъ ея school-sections, подобныхъ сѣверо-американскимъ. И усть будетъ это мечта. Пусть будетъ мечтой и учрежденіе особаго общетва вспомоществованія колонизаціи Сибири. Но вотъ что, намъ кажется, же вовсе не мечта: надобно же будетъ когда-нибудь, чтобы эти безпреывно тянущіяся по столбовой сибирской дорогѣ длинныя вереницы колыіагъ съ русскими колонистами—сибирскими скватерами и моверами, съ ъ кучами ребятъ малъ-мала-меньше, находили, наконецъ, за безпредѣльыми сибирскими лѣсами не одни кабаки, остроги, да часто угрожающую мъ судьбу таежныхъ пролетаріевъ, составляющихъ 11,8% восточно-сибиркаго населенія, а находили бы и свѣтъ лучшей жизни, путь не къ заблужденіямъ раскола, шаманства и дикаго буржуазнаго эгоизма, а путь къ новой, лучшей человѣческой культурѣ и цивилизаціи. А то, вѣдь, тѣ же колонисты русскіе часто несутъ съ собой въ Сибирь, за предшествующимъ ихъ колымагамъ образомъ, одни сѣмена самыхъ мрачныхъ заблужденій, или сами въ темныхъ лѣсахъ сибирскихъ заблуждаются въ такомъ же мракѣ суевѣрія и одичанія. Первые колонисты сѣверной Амеики, западные сектанты—пуритане шли въ дремучіе лѣса новаго свѣта скать просвѣщенія, и какъ только вступили на берега Массачузетскаго алива и основали первую колонію,—такъ тотчасъ же въ уставѣ этой колоіи 1647 года провозгласили, какъ одну изъ основъ своей гражданственюсти, твердую заповѣдь: «каждая община, коль скоро въ ней число двоювъ умножится до 22, должна имѣть своего учителя, на каждые 50 дворовъ олжна быть учреждена начальная школа, а на каждые 100 дворовъ среднее чилище». А зачѣмъ шли въ лѣса сибирскіе, вслѣдъ за искателями соболя золотой руды — вслѣдъ за служилыми, торговыми и промышленными юдьми,—зачѣмъ шли великорусскіе эмигранты-раскольники, бѣглые, наывавшіеся «людьми Божіими»? Они шли, по собственному ихъ признанію, скать Христа въ чернораменныхъ лѣсахъ Алтайскихъ, и какъ дикари родили тамъ, укрываясь по одному и по два человѣка въ гористыхъ и

каменистыхъ мѣстахъ, въ избушкахъ и землянкахъ «для прилаганія трудовъ и моленія Господу Богу», какъ говорили нѣкоторые изъ этихъ бѣглыхъ, «людей Божіихъ», пойманные въ 1760 году, а также и для воровства и разбоя, сопровождавшагося убійствами, для отгона лошадей у калмыковъ, уранхайцевъ и киргизовъ. (Чтен. общ. истор. 1867 г., кн. I. стр. 215—230: акты о бѣглыхъ въ Сибири). «Съ нѣкотораго только времени,— говоритъ Липранди, въ Сибири образовалась секта подъ названіемъ «Искателей Христа»: въ настоящее время ее полагаютъ уже чрезвычайно многочисленною, потому что, кромѣ туземцевъ, она ежедневно усиливается прибывающими изъ Россіи раскольниками и бродягами разныхъ состояній. Послѣдователи этого толка не признаютъ вовсе поповъ, а, рыская по разнымъ мѣстамъ и углубляясь въ сибирскіе лѣса, убѣждены, что найдутъ Христа, который и будетъ имъ проповѣдывать. Тотъ, кто откроетъ Его, ожидаетъ большихъ благъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной Сибири, каждый изъ послѣдователей секты «Искателей Христа», имѣя новый кусокъ холста, считаетъ возможнымъ достигнуть своего желанія: углубясь въ лѣсъ, сектаторы раскидываютъ свои куски холста и, легши на нихъ, ползутъ, приговаривая: «ползу, ползу по новому холсту къ истинному Христу: кто первый приползъ, того и холстъ». (Краткое обозр. русск. раскол. въ Чтен. общ. ист., стр. 165—167). Если еще счастье Сибири, что въ ней, вообще, при сильномъ развитіи и преобладаніи эгоистически-пріобрѣтательныхъ интересовъ и стремленій народа, при господствѣ холодно-разсудочнаго, практическаго напряженія ума въ борьбѣ съ суровой, труднодоступной физической экономіей Сибири, — у народа нѣтъ досуга и наклонности развивать разныя мистическія секты съ фанатическою ревностью великорусскихъ раскольниковъ,— такъ зато весьма печально, что тѣ же эгоистически-пріобрѣтательные интересы, при крайней умственной неразвитости, повсюду въ Сибири сильно предрасполагаютъ темный народъ къ вѣрованію въ шаманство бурятъ, остяковъ и другихъ инородцевъ. На Ленѣ крестьяне нарочно ѣздятъ въ бурятскіе улусы, чтобы шаманы предсказали имъ, по лопаткѣ бараньей, про удачу или неудачу ихъ промышленнаго предпріятія, про дороговизну или дешевизну хлѣба и т. п. Дьячки и пономари съ полнѣйшей вѣрой разсказывали своимъ дѣтямъ что имъ предсказывали шаманы бурятскіе насчетъ ихъ будущей судьбы. Въ при-байкальскихъ деревняхъ, въ родѣ Култука, проживающіе тамъ купцы и мѣстные жители, по словамъ одного миссіонера, на вышкахъ у себя держатъ шаманскихъ кумировъ или божковъ и сами тайкомъ шаманятъ о своемъ благополучіи или удачѣ въ торговлѣ, промышленной наживѣ и т. п. Таковъ русскій, народный цивилизующій элементъ сибирскаго населенія! Не ясно ли, что напередъ скорѣе нужно культивировать и развивать человѣческую природу самихъ русскихъ колонистовъ — цивилизаторовъ инородцевъ, чтобы они могли имѣть истинно-образовательное вліяніе на инородческія племена?— И въ этомъ отношеніи, намъ кажется, сверхъ гуманитарно-реальныхъ школъ, сверхъ умноженія хорошо устроенныхъ дѣтскихъ садовъ съ наибольшею выдержанностью педагогической системы Песталоцци, сверхъ постоянныхъ популярно-литературныхъ со-

ально-антропологическихъ публичныхъ чтеній или бесѣдъ и проч., —
ерхъ всего этого, для воспитательно-образовательной культуры и гума-
ізаціи сибирскихъ поколѣній ничто такъ не нужно, какъ постоянный
итокъ съ запада свѣжихъ, умственно-просвѣтительныхъ и нравственно-
кивляющихъ силъ интеллектуальныхъ и дѣятельныхъ, и усиленное пе-
ігогическое развитіе и укорененіе въ дѣтяхъ сибирскихъ высшихъ идеа-
въ и типовъ человѣческой природы, какіе представляетъ всеобщая исто-
я, антропологія и современная жизнь передовыхъ человѣческихъ націй.
осмотрите, какіе идеалы человѣческой природы созерцаетъ доселѣ си-
ірское населеніе, какими типами антропологическими оно вполнѣ доволь-
вуется! Для инородцевъ, повидимому, высшій идеалъ представляетъ тотъ
іассъ русскихъ цивилизаторовъ, которымъ они въ прежнія времена всего
лѣе были запуганы. Это классъ земскихъ чиновниковъ. Болдоновъ въ
оей запискѣ «О вліяніи русскихъ на бурятъ» съ нѣсколько-комичною
ивностью говоритъ: «Буряты нерѣдко имѣютъ сношеніе съ нѣкото-
ими чиновниками, особенно съ земскими. Можно надѣяться, что эти
спода чиновники снизойдутъ къ умственному и нравственному состоя-
ю бурятъ и будутъ всегда готовы содѣйствовать развитію въ нихъ здра-
ыхъ понятій при всякомъ удобномъ случаѣ. Буряты готовы слушать ихъ
ь дѣтскою простотою и довѣрчивостью. Для бурятъ ничто такъ не дорого,
акъ наставленіе ихъ земскихъ начальниковъ. Всякое внушеніе, сказанное
мскимъ чиновникомъ, они стараются передать другъ другу, сдѣлать
редметомъ общаго разговора и, наконецъ, обративъ какъ-бы въ священ-
ый текстъ, подтверждаютъ имъ ту или другую доказываемую истину.
Інѣ,—прибавляетъ Болдоновъ,—случалось быть свидѣтелемъ наставленія
урятъ въ одномъ улусѣ балаганскимъ исправникомъ г. Калининымъ. Бу-
яты слушали наставленіе своего начальника съ величайшимъ вниманіемъ
і старались запоминать все, что онъ говорилъ. Вотъ ихъ собственные
тзывы, какіе они потомъ говорили въ своихъ улусахъ: «какъ умно и хо-
ошо говорилъ нашъ начальникъ! Каждое его слово такъ и захватываетъ
а сердце и проходитъ по всѣмъ жиламъ и суставамъ нашимъ. Да, надобно
амъ дорожить наставленіемъ своего начальника: онъ наставляетъ насъ
обру! Такъ постараемся удержать въ памяти его слова и передать по-
омству». Вообще, прибавляетъ Болдоновъ, буряты ничего другого не ожи-
аютъ отъ своихъ начальниковъ, какъ только одного наставленія. Когда
нихъ побываетъ какой-нибудь чиновникъ, — они обыкновенно спраши-
іютъ другъ друга: «что, какое наставленіе далъ имъ такой-то началь-
икъ»! Точно также, продолжаетъ Болдоновъ, буряты съ особеннымъ вни-
аніемъ усвоили и съ особеннымъ почтеніемъ произносятъ такіе титулы
иновниковъ, какъ: шеленъ хазэнэ палатъ, галабна и обши параблёнъ,
прабникъ, тарактобой шадатьли или сидятиль, или духовныхъ сановъ:
хира́, портори, балгашина, миснеръ и т. п. Въ пѣсняхъ своихъ буряты
спѣваютъ прежнихъ балаганскихъ воеводъ, коммиссаровъ, или разбой-
иковъ, въ родѣ какого-то Матвѣя, прозваннаго ими Мандюханомъ и про-
авившагося своими подвигами по берегамъ Ангары». Таковы высшіе
деалы человѣческаго совершенства у бурятъ! А каковы высшіе умствен-

ные и нравственные образцы человѣческой природы для русскихъ си-
ряковъ! Въ простонародьи, напримѣръ, въ Иркутскѣ, вы часто услыш
дидактическую, внушительную фразу: «такъ водится то-то и то-то у
рошихъ людей». Кто бы, вы думали, эти «хорошіе люди»! По большей ча
только такіе человѣческіе типы, какіе изображаются въ «Темномъ н
ствѣ» Островскаго, въ «Мертвыхъ душахъ» или «Ревизорѣ» Гоголя
въ сатирахъ Щедрина. Присмотритесь къ уличнымъ дѣтскимъ играмъ
Сибири. Вы замѣтите, что дѣти всего больше играютъ, представляя т
говыхъ людей съ аршинами, вѣсами или въ особую, такъ-называе
игру въ «воры». Таковы, значитъ, воспитательныя впечатлѣнія общес
Вообще, Сибирь наша, глушь приполярная, азіятская, монголо-бурятс
крайне мало видитъ, мало знаетъ высшихъ, умственныхъ и нравственн
типовъ или идеаловъ человѣческой природы. Удивительно ли, по
этого, если лучшая часть сибирскаго общества, напримѣръ, въ Иркут
въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, можно сказать, была очарована
запнымъ появленіемъ среди ея образованныхъ поляковъ—людей высш
западно-европейскаго умственнаго и нравственнаго типа, людей ра
тыхъ, честныхъ, гуманныхъ и справедливыхъ. Такъ, повидимому, и
ціально-нравственные инстинкты лучшей части сибирскаго общества
вольно выражаютъ инстинктивную потребность соціально-нравствен
наслажденія высшими человѣческими интересами общежитія и необх
мость педагогическаго развитія людей съ высшими, благороднѣйш
человѣческими чувствами, убѣжденіями и стремленіями. А гдѣ мо
найти лучшій отвѣтъ на эту потребность, какъ не въ современной ан
пологической педагогикѣ, выработанной передовыми умами человѣчес
А эта высшая педагогика, основанная на антропологическихъ начал
на познаніи истинныхъ потребностей и законовъ человѣческой приро
требуетъ уже воспитанія не эгоистическихъ корыстолюбцевъ и честолюбц
а людей съ высшими, благороднѣйшими чувствами, убѣжденіями и ст
мленіями, относящимися къ высшему соціально-психическому прогр
человѣческой природы. Одинъ изъ величайшихъ мыслителей и дѣяте
нашего вѣка, Милль, въ своемъ глубокомысленномъ разсужденіи объ у
верситетскомъ воспитаніи, такимъ образомъ выражаетъ это требованіе
временной высшей педагогики: «Людей — говоритъ онъ—надобно пріуч
къ тому, чтобы они считали не только дѣйствительно дурное и дѣйст
тельную низость, но и отсутствіе благородныхъ цѣлей и стремленій,
просто достойными порицанія, но унизительными; чтобы они имѣли
знаніе того, какъ ничтожно одно человѣческое себялюбіе предъ
цомъ великой вселенной, собирательной массы имъ подобныхъ
committees

по несчастію, тѣ, кто окружаетъ насъ, не раздѣляютъ нашихъ стремленій, быть можетъ, даже порицаютъ наши дѣйствія, проводимыя этими стремленіями,—мы научаемся поддерживать себя идеальной симпатіей великихъ характеровъ въ исторіи, или даже въ поэзіи, и созерцаніемъ идеализированнаго потомства» (Сборн. Юманса, объ образованіи, стр. 65 — 66). Въ высоко-цивилизованныхъ обществахъ, гдѣ все сильнѣе и сильнѣе дѣйствуетъ такая высшая антропологическая педагогика, и гдѣ все болѣе и болѣе появляются высшіе типы умственнаго и нравственнаго развитія человѣческой природы, — тамъ нерѣдко уже въ дѣтяхъ зарождаются высшія человѣческія идеи, чувства и стремленія. Въ одно воскресенье, въ апрѣлѣ 1821 года, одинъ знаменитый мальчикъ, тогда еще 13-ти лѣтъ, гулялъ съ матерью и другомъ ихъ дома Гамбини по Strada Nuova въ Генуѣ. Вдругъ человѣкъ строгой и энергичной наружности, со взглядомъ, который мальчикъ этотъ никогда не могъ забыть, остановился передъ нимъ. Протягивая разложенный бѣлый платокъ, онъ проговорилъ тихо: «итальянскимъ изгнанникамъ!» Мать и Гамбини положили въ платокъ нѣсколько денегъ, и незнакомецъ пошелъ далѣе собирать подаянье. Вотъ въ этотъ день въ первый разъ въ умѣ маленькаго Джузеппе, будущаго великаго человѣка-филантропа, по собственнымъ словамъ его, блеснула энтузіастическая мысль и зажглась пламенная искра тѣхъ возвышенныхъ человѣческихъ идей, чувствъ и стремленій, осуществленію которыхъ онъ потомъ посвятилъ всю свою жизнь! Такъ дѣйствуютъ высшія антропологическія начала воспитанія человѣческой природы.

При воспитательно-образовательной культурѣ и гуманизаціи,—другою лучшею силою, противодѣйствующею развитію и господству эгоистически-пріобрѣтательныхъ наклонностей кулаковъ-монополистовъ и эксплуататоровъ, было бы основаніе и распространеніе въ Сибири рабочихъ ассоціацій или артелей, какъ лучшихъ разсадниковъ развитія въ народѣ высшихъ понятій и чувствъ кооперативной взаимности и солидарности. Я увѣренъ, что эти скромныя желанія наши не возмутятъ никого. Въ нихъ нѣтъ ничего утопичнаго, нѣтъ ничего несвойственнаго отчасти даже самой практикѣ и нравамъ русско-сибирскаго населенія. Рабочая артель — это изстариннное созданіе общиннаго духа русскаго народа — уже возникала нѣкогда и въ Сибири. Въ актахъ юридическихъ сохранились, напримѣръ, такъ-называемыя «складныя записи» торгово-промышленныхъ артелей въ Сибири, какія существовали въ XVII вѣкѣ. Крашенинниковъ въ своемъ «Описаніи Камчатки» подробно описываетъ звѣропромышленныя русскія артели, какія существовали въ прошломъ столѣтіи, въ районѣ витимскаго соболинаго промысла: каждая изъ этихъ артелей состояла тогда изъ 40 и даже 50 и 60 человѣкъ, подраздѣляясь на малые артельные союзы, называвшіеся «чуницами». Судя по общей нравственной суровости и дикости Сибири въ XVII вѣкѣ, можно бы подумать, что эти грубыя, первобытныя сибирскія ассоціаціи не развивали или не поддерживали въ своей средѣ ровно никакихъ честныхъ чувствъ и правилъ. И что же, однакожъ, оказывается на самомъ дѣлѣ? Вопреки баснословному буйному разгулу дикихъ эгоистическихъ страстей въ сибирскомъ населеніи XVII вѣка, вопреки

даже общимъ началамъ московско-сибирскаго нравственнаго міросозерцанія, порождавшимъ эту баснословную безчеловѣчность, несправедливость и безчестность большей части сибирскихъ воеводъ и служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, вопреки всѣмъ этимъ нравственнымъ безобразіямъ, въ витимскихъ звѣропромышленныхъ артеляхъ мы видимъ хотя элементарные, примитивные зародыши развитія лучшихъ человѣческихъ чувствъ кооперативной взаимности, вѣрности и солидарности. «Общимъ правиломъ этихъ артелей было — говоритъ Крашенинниковъ — чтобы артельщики промышляли правдою, ничего бы про себя не таили, тайно ничего бы не ѣли, дѣлали бы все сообща, поровну, каждый по своей силѣ, у промышленныхъ соболей, а также и вырученныя за нихъ деньги дѣлили бы между собою поровну, и чтобы чунишники, возвратившіеся съ промысловъ ранѣе другихъ, непремѣнно отправлялись на такъ-называемый «разметъ», то-есть взявъ изъ зимовья провіанту, разносили и раскладывали его по разнымъ станамъ, чтобы возвращавшіеся послѣ чунишники не могли терпѣть голоду. Если кто изъ артельщиковъ провинялся въ чемъ-либо противъ обычаевъ артели, то ему велѣли за общимъ столомъ кланяться всякому и, объявляя свою вину, говорить: «простите, молодежь!» (Крашенинниковъ, Опис. земли Камчатки, ч. 1, стр. 238—257). Наконецъ, намъ сообщалъ одинъ ленскій житель, что въ томъ же Верхоленскомъ округѣ между самими при-ленскими крестьянами возникаетъ, будто бы, стремленіе устраивать артели для сплава барокъ въ Якутскъ, именно съ тою цѣлью, чтобы избавиться отъ гнетущей эксплуатаціи и монополіи немногихъ мѣстныхъ богачей-барочниковъ. Если это вѣрно, то намъ ничего не остается, какъ только пожелать, чтобы мѣстные засѣдатели были настолько развиты, гуманны и справедливы и настолько уполномочены, конечно, или даже обязаны, чтобы могли всячески содѣйствовать развитію этихъ артелей, а не притѣснять бѣдныхъ крестьянъ и инородцевъ заодно съ такъ-называемою на Ленѣ (въ селѣ Качугѣ) «аристократіею», то-есть съ богатѣйшими мѣстными монополистами-барочниками, какъ это, къ сожалѣнію, замѣчалось еще въ недавніе годы. Но, къ несчастью, присмотрѣвшись ближе къ общественнымъ чувствамъ и понятіямъ сибирскаго населенія, къ господству тяжебныхъ наклонностей и ябедничества, къ преобладанію грубаго эгоистическаго своекорыстія и разрозненности интересовъ, — мы все-таки не можемъ безъ нѣкотораго скептицизма смотрѣть на нравственную возможность надлежащей соціально-кооперативной или артельной организаціи въ Сибири. Потому что мозгъ и вообще человѣческая природа сибирскаго населенія, особенно природнаго, туземнаго, намъ кажется, еще далеко не культивированы и не развиты такъ, чтобы оно могло вполнѣ сознать и понять не только экономическое, но и нравственно-педагогическое значеніе хорошо-устроенныхъ артелей. Высшія истинныя соціально-кооперативныя понятія и стремленія все болѣе и болѣе возможными становятся только тамъ, гдѣ человѣческая природа и, въ частности, высшія ея побужденія и чувства развиты частію значительно, а частію несравненно болѣе, чѣмъ въ дикой таежной и инородческой глуши Сибири. Какимъ контрастомъ, въ самомъ дѣлѣ, пора-

жаетъ насъ разница нравственнаго развитія человѣческой природы на крайнемъ сѣверовостокѣ и на крайнемъ западѣ! Въ западно-европейскихъ обществахъ, съ тѣхъ поръ, какъ высшія человѣческія чувства гуманности, справедливости и сознанія равнаго человѣческаго достоинства породили великую идею рабочаго вопроса и вызвали цѣлый рядъ высоко-развитыхъ двигателей и руководителей гуманно-соціальнаго прогресса,—тамъ, въ западныхъ обществахъ, въ противоположность эгоистически-пріобрѣтательнымъ стремленіямъ буржуазіи, мы видимъ не только выработку лучшихъ соціально-экономическихъ теорій на основаніи высшихъ человѣческихъ идей и чувствъ гуманности, справедливости и кооперативной взаимности, но и зачатки реальнаго, практическаго осуществленія этихъ высшихъ идей и чувствъ въ развитіи кооперативныхъ ассоціацій. Какъ бы ни были грубы, несовершенны эти ассоціаціи, но онѣ представляютъ «сѣмя горушно», discordium seminum rerum или первый зачатокъ будущаго соціально-антропологическаго возвышенія и равноправнаго развитія человѣческой природы бѣдныхъ, темныхъ «страдающихъ рабочихъ массъ человѣчества». Уже въ нихъ мы видимъ зачатки и плоды благотворнѣйшаго развитія и вліянія высшихъ человѣческихъ чувствъ соціальной кооперативной взаимности, справедливости и гуманности. Торнтонъ, въ своей книгѣ въ «Трудѣ», изображая результаты современнаго великаго соціальнаго движенія и представляя вдохновенную картину тѣхъ благодѣяній для человѣческаго общества, которыхъ можно раціонально ожидать отъ прогрессивнаго успѣха этого движенія, такимъ образомъ характеризуетъ первые зачатки развитія высшихъ человѣческихъ чувствъ и стремленій въ рабочихъ кооперативныхъ ассоціаціяхъ: «Рабочіе союзы, — говоритъ онъ, — безмолвно и почти безсознательно производятъ смягчающее и умиротворяющее вліяніе на своихъ членовъ. Уже одно то, что существуетъ союзъ, какая бы цѣль и направленіе его ни были, имѣетъ благодѣтельный педагогическій характеръ. Соединеніе всѣхъ въ одно цѣлое уже есть здравое, полезное подчиненіе индивидуальнаго интереса обществу. Склонность соединяться между собою для какой-нибудь общей цѣли побуждаетъ людей дорожить и гордиться этой цѣлью, какова бы она ни была, побуждаетъ ихъ приносить себя въ жертву для достиженія ея цѣли. Если эта цѣль состоитъ во взаимной поддержкѣ и защитѣ, то интересоваться этой цѣлью значитъ интересоваться другъ другомъ. Члены рабочихъ союзовъ, привыкая разсчитывать другъ на друга въ болѣзни, нуждѣ или старости, развиваютъ въ себѣ чувство взаимной привязанности, основанной на взаимной зависимости другъ отъ друга. Въ офиціальныхъ обращеніяхъ другъ къ другу они употребляютъ слово «братъ», и это слово не есть пустой звукъ, а прямо указываетъ на то отношеніе, которое они желаютъ, чтобы существовало между ними, а если они этого желаютъ, то, конечно, оно рано или поздно совершится. Ихъ сочувствіе съ каждымъ днемъ расширяется, а характеристическая черта всякаго нравственнаго развитія никогда не останавливается. Тѣ, которые, заботясь прежде лишь о себѣ, дошли до того, что заботятся о своихъ товарищахъ, конечно, не остановятся на полдорогѣ, а кончатъ тѣмъ, что будутъ заботиться о всѣхъ своихъ ближнихъ. Привязанность

къ своему классу окажется только ступенью между самолюбіемъ и
вѣколюбіемъ. Вліяніе рабочихъ союзовъ на нравственное развитіе н
бываетъ не только косвенное, посредственное, но нѣкоторыя изъ их
явленій прямо и непосредственно ведутъ къ возвышенію нравстве
уровня народа. До сихъ поръ главною ихъ заботой было оградить с
членовъ отъ матеріальнаго вреда и доставить имъ матеріальную п
но уже мало-по-малу высшія цѣли обращаютъ на себя ихъ вни
умственное и нравственное развитіе рабочаго класса начинаетъ в
гаться впередъ въ ряду занятій и стремленій союза. Въ отдѣленіяхъ
донскаго союза каменщиковъ строго воспрещено пьянствовать и уп
блять бранныя слова. Общество соединенныхъ плотниковъ заводитъ
сленныя школы. Ясные признаки съ каждымъ днемъ все болѣе и
указываютъ, куда повернулось теченіе общественнаго мнѣнія между
чими союзами. Быть можетъ, недалекъ тотъ день, когда соединенны
ханики или плотники будутъ такъ же гордиться своимъ союзомъ,
же свято хранить его честь и оберегать его отъ позора, какъ, напри
офицеры бенгальскихъ инженеровъ гордились тѣмъ, что принадле
къ этому по-истинѣ достойному учрежденію; и наравнѣ съ тѣмъ,
будутъ развиваться въ членахъ рабочихъ союзовъ подобныя чувств
всей вѣроятности станутъ исчезать неблаговидныя качества союзо
прошедшія насилія замѣнятся мирною умѣренностію, насколько это
возможно». Вотъ такихъ же благотворнѣйшихъ зачатковъ развитія
шихъ человѣческихъ чувствъ и стремленій можно было бы ожид
среди темныхъ массъ русскаго народа, и въ Сибири и въ Россіи, ес
только и здѣсь и тамъ, въ противодѣйствіе чрезмѣрному усиленію
стически-пріобрѣтательныхъ наклонностей буржуазныхъ эксплуатат
и монополистовъ, организовались рабочіе союзы или артели — эти, п
ряемъ, лучшіе соціально-педагогическіе разсадники среди темныхъ м
народныхъ высшихъ человѣческихъ чувствъ гуманно-кооперативной в
ности, честности и справедливости.

Итакъ, все, что́ я сказалъ и хотѣлъ сказать, заключу тѣмъ об
выводомъ, что развитіе высшихъ, благороднѣйшихъ идей и чувствъ
вѣческой природы, при равенствѣ другихъ условій, соотносительно р
тію высшихъ нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ узловъ нер
системы человѣка. Это физіолого-психическій законъ. Въ силу этого за
развитіе, воспитаніе высшихъ идей и чувствъ просвѣщенно-человѣ
симпатіи и соціально-кооперативной взаимности людей, въ насто
фазисъ развитія нервной системы человѣка, можно сказать, физіологич
обязательно для каждаго человѣка, не желающаго вырождаться или ди
подобно какому-нибудь бушмену, физіологически-обязательно для каж
народа или общества, не желающаго отставать отъ высшаго антропо
ческаго развитія, или вырождаться, подобно какимъ-нибудь сибирс
Омокамъ, Анюиламъ и Шелагамъ, австралійскимъ и американскимъ
рямъ, или разлагаться, подобно классическому, греко-римскому общ
Въ силу физіологическаго закона соотносительнаго развитія выс
чувствъ и высшихъ нервныхъ клѣтокъ, въ современный фазисъ выс

развитія человѣческаго мозга и обусловливаемаго имъ развитія высшихъ чувствъ и побужденій, съ каждымъ будущимъ поколѣніемъ, по мѣрѣ замѣщенія менѣе развитыхъ типовъ человѣческаго мозга типами мозга болѣе развитаго, болѣе сложнаго, неизбѣжно должна вырождаться нервно-мозговая, душевная и физическая жизнь тѣхъ поколѣній, которыя, путемъ реверсіи или атавизма, наслѣдуютъ еще древнее преобладаніе низшихъ, грубыхъ животно-эгоистическихъ чувствъ и наклонностей, соотносительныхъ съ низшею степенью величины, сложности и дѣятельности человѣческаго мозга. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдъ за вырожденіемъ низшихъ типовъ нервно-мозгового строенія и свойственныхъ имъ низшихъ, животно-эгоистическихъ побужденій, по мѣрѣ наибольшаго развитія въ человѣческомъ мозгу высшихъ нервныхъ клѣтокъ и соотносительныхъ имъ высшихъ чувствъ гуманности, справедливости и соціально - кооперативной взаимности, — неизбѣжно должна кончиться и эгоистически-пріобрѣтательная, индивидуально-трудовая борьба за существованіе, какъ остатокъ первобытной, чисто-животной борьбы за существованіе, и порожденіе низшей степени развитія человѣческаго мозга. А вмѣстѣ съ этимъ неизбѣжно должно начаться и высшее развитіе и господство гуманно-кооперативной человѣческой взаимности, какъ необходимый физіолого - психическій результатъ соотносительнаго развитія высшихъ чувствъ и высшихъ нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ узловъ. Какъ низшія человѣческія расы, у которыхъ мозгъ почти на 30 процентовъ меньше мозга европейцевъ, вымираютъ, вырождаются при соприкосновеніи съ высшими человѣческими расами, или какъ въ европейскихъ обществахъ необразованный человѣкъ, у котораго средній вѣсъ мозга равняется 49 унц., въ силѣ умственнаго творчества и нравственнаго сознанія, невольно уступаетъ человѣку высокоразвитому, у котораго средній вѣсъ мозга равняется больше, чѣмъ 54 унц.,— такъ и тѣ человѣческія поколѣнія, которыя не воспитываютъ въ себѣ высшихъ человѣческихъ чувствъ и стремленій и, слѣдовательно, не развиваютъ въ своемъ мозгу и соотносительныхъ имъ высшихъ нервныхъ клѣтокъ корковаго слоя, а развиваютъ и усиливаютъ въ себѣ одни низшія, грубыя животно-эгоистическія чувства и наклонности, соотносительныя низшему, меньшему осложненію и дифференцированію нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ полушарій,—такія поколѣнія не могутъ быть психически устойчивы и живучи. Они не переживутъ тѣхъ новыхъ, все болѣе и болѣе нарождающихся и размножающихся въ передовой части человѣчества генерацій, у которыхъ высшія человѣческія идеи, чувства и стремленія развиты соотносительно съ наибольшимъ осложненіемъ и дифференцированіемъ нервныхъ клѣтокъ высшихъ, центральныхъ мозговыхъ узловъ. Да, поколѣнія древняго, низшаго, отживающаго свой вѣкъ антропологическаго типа, исключительно—себялюбивыя, эгоистически-пріобрѣтательныя поколѣнія, у которыхъ, соотносительно съ низшими, грубыми животно-эгоистическими чувствами и побужденіями, преобладаетъ и низшая степень развитія нервныхъ элементовъ большихъ мозговыхъ полушарій, и которыя, въ лицѣ своего потомства, генеративно-послѣдовательно ухудшаютъ человѣческую природу,—тѣ поколѣнія рано или поздно выродятся душевно и

физически и вымрутъ. А, напротивъ, новыя, высшія гуманно-просвѣщенныя, соціально-филантропическія генераціи, представляющія собой современный фазисъ высшаго развитія нервной системы человѣка, обладающія и живущія богатствомъ и разнообразіемъ высшихъ человѣческихъ идей, чувствъ и стремленій и соотносительнымъ съ ними высшимъ развитіемъ и дифференцированіемъ нервныхъ клѣтокъ болѣе сложнаго мозга, — эти нравственно-могучія поколѣнія переживутъ и разовьютъ будущій, высшій антропологическій типъ, создадутъ будущій, высшій соціальной строй, основанный на высшихъ человѣческихъ идеяхъ и чувствахъ соціально-кооперативной взаимности, справедливости и просвѣщенно-гуманной симпатіи. Вмѣстѣ съ вырожденіемъ низшаго типа нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ узловъ нервной системы человѣка и соотносительнымъ ему психическимъ вырожденіемъ низшихъ, грубыхъ, животно-эгоистическихъ чувствъ и наклонностей,—все болѣе и болѣе безсильны будутъ и всѣ стремленія и притязанія эгоистически-пріобрѣтательныхъ генерацій и партій,— и придетъ время, когда падетъ, исчезнетъ буржуазное господство Беринговъ и Ротшильдовъ, не будетъ эгоистически-сословнаго раскола школъ и другихъ общественныхъ учрежденій, не будетъ однихъ только купеческихъ или другихъ какихъ-нибудь замкнуто-сословныхъ училищъ, клубовъ и т. д. А вмѣстѣ съ этимъ, съ усиливающимся прогрессомъ или увеличеніемъ массы, сложности и дѣятельности большихъ нервныхъ центровъ человѣческаго мозга, передовыя человѣческія генераціи все сильнѣе и сильнѣе, все безостановочнѣе и неудержимѣе, все смѣлѣе и побѣдоноснѣе будутъ заявлять усиливающійся запросъ на всецѣлое удовлетвореніе потребностей высшихъ человѣческихъ чувствъ гуманности, справедливости и соціально-кооперативной взаимности. И придетъ, наконецъ, время, когда во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ передовою частью человѣчества, разовьются, расцвѣтутъ общечеловѣческія соціально-кооперативныя ассоціаціи труда, взаимодѣйственнаго умственнаго и нравственнаго развитія и высшихъ соціальныхъ наслажденій общежитія, разовьются, расцвѣтутъ повсюду песталоццовскіе «Дѣтскіе сады», реально-гуманитарныя школы и физико-антропологическіе университеты, академіи, ассоціаціи, разовьются, расцвѣтутъ повсюду высшія соціально-эстетическія и соціально-увеселительныя ассамблеи и т. д. Да не мимо идетъ эта общечеловѣческая будущность когда-нибудь и для Сибири. И пусть же она не чуждается высшихъ человѣческихъ идеаловъ, какъ мечты, какъ утопіи, чтобы не закоченѣть, подобно тундрѣ ледовитой, самоѣдской; пусть не опускаетъ она этихъ оживляющихъ лучей и свѣточей изъ виду, какъ тунгусъ или муракъ-звѣроловъ не упускаетъ изъ виду въ темную зимнюю ночь въ тайгѣ полярную звѣзду. Пусть и сибирское общество, по мѣрѣ возможности, все болѣе и болѣе усвояетъ высшій соціально-антропологическій типъ передовыхъ европейскихъ обществъ, чтобы, иначе, не одичать, вмѣстѣ съ тунгусами или монголами, или не выродиться, подобно Омокамъ и Шелагамъ, а рано или поздно возродиться вмѣстѣ съ передовыми человѣческими обществами.

Сибирское общество до Сперанскаго

(СТАТЬЯ А. П. ЩАПОВА)

(По поводу книги г. Вагина: Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1822 годъ. Два тома. Спб. 1872)

Въ періодъ развитія государственной централизаціи и повсемѣстнаго введенія «единообразныхъ уставовъ», областная жизнь въ Россіи представляетъ мало особенностей мѣстнаго историческаго проявленія. Вообще, она характеризуется однообразіемъ и застойчивостью. Болѣе выдающееся, хотя и не особенно рѣзкое исключеніе, въ этомъ отношеніи, представляетъ на нашъ взглядъ мѣстная историческая жизнь сибирскаго общества. Областная своеобразность сибирскаго общественнаго строя, конечно, въ значительной степени обусловливалась географическими и этнологическими особенностями Сибири. Но существенно значили тутъ и мѣстныя историко-экономическія условія, въ связи съ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ сибирскаго населенія. Не вдаваясь, однакожъ, въ подробную исторію экономическаго и умственнаго развитія сибирскаго общества, въ настоящемъ очеркѣ мы хотимъ обратить вниманіе только на нѣкоторыя, наиболѣе характеристическія черты сибирскаго общества до Сперанскаго или до двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія, въ видѣ дополненія и поясненія къ недавно вышедшей книгѣ г. Вагина: «Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири въ 1819 по 1822 годъ». Книга эта весьма богата фактами и разумнымъ, основательнымъ разъясненіемъ ихъ. Потому, не занимаясь подробнымъ критическимъ разборомъ ея, мы только сообщимъ, въ видѣ введенія къ ней, нѣсколько дополнительныхъ и пояснительныхъ мыслей о сибирскомъ обществѣ до Сперанскаго, пользуясь преимущественно находящимися у насъ подъ руками нѣсколькими неизданными памятниками мѣстной сибирской письменности.

I

Одно изъ наиболѣе характеристическихъ, своеобразныхъ явленій въ позднѣйшей исторіи сибирскаго общества представляло, прежде всего, довольно рѣзкое проявленіе особеннаго развитія и общественнаго преобладанія въ сибирскихъ городахъ купеческаго сословія и его антагонисти-

ческое отношеніе къ мѣстному административному классу, чиновничеству. Эта своеобразная особенность историческаго склада и направленія сибирскаго общества во всемъ расцвѣтѣ проявилась въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, во времена Пестеля и Трескина, и была, можно сказать, коренной причиной, обусловившей необходимость ревизіи и реформы Сперанскаго въ Сибири. Потому и г. Вагинъ въ своей многосодержательной книгѣ по необходимости долженъ былъ въ первой же главѣ, въ сжатомъ, но живомъ очеркѣ, сообщить собранныя имъ въ высшей степени интересныя историческія свѣдѣнія объ этой характеристической борьбѣ купеческой и чиновничьей партій въ сибирскомъ обществѣ. Жаль только, что онъ весьма мало коснулся характеристики внутренняго состоянія сибирскаго общества до Сперанскаго и, говоря о предварительномъ развитіи въ сибирскихъ городахъ и, въ частности, въ Иркутскѣ демократическихъ началъ общиннаго самоуправленія, какъ отростковъ древне-новгородскаго колонизаціоннаго элемента, не раскрылъ, однакожъ, доказательно, фактически, точно ли Иркутскъ въ XVII и XVIII в. «отличался особеннымъ свободнымъ характеромъ», какъ онъ выражается, представлялъ своего рода «маленькую республику», стремился къ общинному самоуправленію, и дѣйствительно ли демократичны, народо-правны были оппозиціонные интересы и стремленія иркутской купеческой партіи въ борьбѣ съ губернскимъ чиновничествомъ и особенно съ Трескинымъ. Чтобы понять настоящій смыслъ и значеніе этой борьбы, намъ кажется, нужно предварительно вникнуть въ предшествовавшій историческій складъ сибирскаго общества. Борьба купечества и чиновничества въ сибирскомъ обществѣ, особенно рѣзко проявившаяся въ Иркутскѣ при Трескинѣ, напоминаетъ намъ отчасти бывшую нѣкогда въ древнемъ великомъ Новгородѣ борьбу Торговой и Софійской сторонъ или боярства и купечества. Въ новгородской вѣчной общинѣ, какъ извѣстно, борьба Боярской и Торговой стороны, не достигши сознательнаго развитія ни капиталистической, купеческой буржуазіи, ни административно-землевладѣльческой, дворянской аристократіи, въ XIII и XIV вѣкахъ повела къ зачаткамъ выдѣленія и обособленія отъ Боярской и Торговой стороны «меньшихъ черныхъ людей», «простой чади», холоповъ и чернорабочихъ, и къ образованію вольницы «молодцовъ-ушкуйниковъ», которая, равно антагонистично относясь и къ «вящшимъ людямъ» — боярамъ, и къ «купцамъ» или «гостямъ», инстинктивно и буйно порывалась, повидимому, не только къ разбойничьему или казачьему разгулу и грабежу, но и къ закладкѣ какихъ-то новыхъ общественныхъ зародышей въ отдаленныхъ колоніяхъ Новгорода, по украйнамъ, по Двинѣ, Камѣ и Волгѣ. Что бы вышло, въ концѣ концовъ, изъ всѣхъ этихъ discordia semina rerum, если бы они ясно созрѣли въ сознаніи вольно-вѣчевой новгородской общины, — неизвѣстно. Но то извѣстно, что вслѣдствіе бурнаго хаотическаго разлада, настроенья и вражды партій, вслѣдствіе преобладанія грубыхъ эгоистическихъ наклонностей надъ взаимно-общинными, соціальными стремленіями, новгородская община, разрозненная, по свидѣтельству лѣтописей, «братоненавидѣніемъ», «лихоиманіемъ» и крамолами партій, чуждая прогрессив-

ныхъ началъ общиннаго братолюбія, человѣколюбія, взаимнаго согласія и солидарности партій или концевыхъ и уличныхъ вѣчъ, не могла развиться въ прочную, внутренно-стройную, безсословную соціально-демократическую республику. И потому, покореніе Новгорода «подъ высокую и крѣпкую десницу московскихъ самодержцевъ» скоро подавило въ немъ въ корнѣ и самую борьбу Боярской и Торговой сторонъ и начавшееся чисто-демократическое обособленіе «простой чади», въ томъ фазисѣ ихъ зачаточнаго развитія, когда они еще не обозначились въ сознаніи народномъ ясно, опредѣленно и представляли хаотическую, безсознательную, инстинктивную борьбу грубой физической силы «меньшихъ и вящшихъ людей», бояръ, купцовъ и черни. Въ Сибири, въ колонизаціи которой вначалѣ, дѣйствительно, преобладалъ новгородскій элементъ, и именно въ иркутскомъ обществѣ, въ борьбѣ купеческой и чиновничьей партій въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. повторилось, повидимому, нѣчто подобное древне-новгородской борьбѣ Боярской и Торговой сторонъ, только въ самыхъ слабыхъ и видоизмѣненныхъ оттѣнкахъ, въ совершенно иной формѣ, сообразной уже съ государственно-общественными началами XVIII в.—эпохи образованія «всероссійской имперіи».

Первые задатки для развитія въ Сибири общественнаго преобладанія торгово-промышленнаго, купеческаго сословія и государственно-служилаго класса — чиновничества заключались уже въ самомъ первоначальномъ составѣ колонизаціонныхъ элементовъ Сибири. Извѣстно, что первыми дѣятелями на поприщѣ первоначальной колонизаціи и культуры Сибири были, съ одной стороны, служилые и приказные люди съ воеводами во главѣ, съ другой — торговые и промышленные люди, частію вольные, самостоятельные, частію «приказчики и передовщики» богатыхъ «гостей» разныхъ русскихъ городовъ. Послѣдніе большею частію были отважные выходцы изъ древнихъ новгородскихъ колоній, преимущественно изъ Устюга Великаго, Вологды, Тотьмы, Архангельска, вообще, изъ областей сѣверо-двинской и камской рѣчной системы. Сначала, при одинаковой борьбѣ съ «немирными неясачными иноземцами», приказнослужилые и торговопромышленные люди были болѣе или менѣе связаны между собою общностью, солидарностью интересовъ, одинаковой жаждой прибыли и наживы насчетъ сибирскихъ ясачныхъ племенъ, и потому часто дѣйствовали въ Сибири за-одно, сообща, союзными артелями. Собирались въ XVII в. служилые люди съ пятидесятниками казачьими для сбора ясака куда-нибудь, «на новую Удь рѣку» и т. п.,—туда же просились съ ними и промышленные люди: «били челомъ великому государю приказчики такого-то гостя и промышленные люди съ товарищи: идутъ де и они на соболиный промыселъ на новую Удь рѣку, и чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ быть съ служилыми людьми за-одинъ и ходить на немирныхъ, неясачныхъ людей и приводить ихъ подъ высокую царскую руку вмѣстѣ съ служилыми людьми». Ихъ велѣно было принимать въ казачью артель [1]). Въ 1681 г. одинъ казачій сотникъ доносилъ въ своей отпискѣ: «въ Оно-

[1]) Дополн. къ акт. Ист., т. VII, № 23, стр. 150.

дырскомъ острожкѣ промышленные люди вмѣстѣ съ служилыми людьми всякія службы служили, въ походы ходили, караулы караулили и рыбной кормъ на амакатовъ промышляли, и тѣ-де промышленные люди жили съ служилыми людьми лѣтъ по 30 и больше, и всѣ остарѣли» [1]). Такъ было до тѣхъ поръ, пока новыхъ «собольныхъ землицъ» и соболей въ Сибири было много. Но уже къ концу XVII в. все чаще и чаще стала высказываться и русскими и ясачными людьми жалоба, что соболь то тамъ, то здѣсь «опромышлялся» [2]). И вотъ, вслѣдствіе этого, торговые и промышленные люди стали все болѣе и болѣе выходить съ промысловъ и торговъ и собираться въ городахъ. До той поры колонизація сибирскихъ городовъ шла весьма медленно и населеніе ихъ было самое малолюдное. Оно состояло изъ служилыхъ и посадскихъ людей. Служилыхъ въ городахъ было по-малу, напр., въ Якутскѣ въ 1662 г. только 610 человѣкъ, въ 1675 г. 609, въ Охотскомъ острожкѣ—60 человѣкъ, въ другихъ острогахъ тоже по 80, по 60 и менѣе [3]). Посадскихъ людей было также мало. Въ прибавокъ къ нимъ присылались изъ русскихъ городовъ ссыльные посадскіе люди, человѣкъ по 10, по 15 и менѣе, для поселенія «вмѣсто смертной казни въ посадъ» [4]).

Съ тѣхъ же поръ, какъ торговые и промышленные люди стали выходить съ дальнихъ промысловъ въ города,--населеніе городское стало прибывать быстрѣе. Уже съ 80-тыхъ годовъ XVII столѣтія, воеводы все чаще и чаще стали извѣщать московское правительство объ этомъ выходѣ промышленныхъ людей съ промысловъ въ города. Такъ, напримѣръ, въ 1681 г. якутскій воевода Ив. Приклонскій доносилъ въ отпискѣ своей царю: «прежь сего, государь, отпусканы были изъ таможенной избы за море, на Индигирку и на Алазейку и на Ковыму рѣку многіе промышленные люди для соболиныхъ промысловъ и торговъ, и тѣ промышленные люди, на тѣхъ рѣкахъ, съ служилыми людьми на немирныхъ иноземцевъ въ походы ходили и подъ высокую царскую руку приводили ихъ за-одно съ служилыми людьми; а нынѣ, государь, съ тѣхъ дальнихъ рѣкъ многіе промышленные люди вышли въ якутской острогъ, и въ Илимской и въ Киренской уѣздъ, потому что, государь, на тѣхъ рѣкахъ соболиные промыслы стали худы и соболи выпромышлелись» [5]). Въ XVIII вѣкѣ, когда соболя еще стало меньше, торговые и промышленные люди все болѣе и болѣе оставляли бродячіе звѣроловные промыслы и устраивались прочною осѣдлостью въ городахъ. Здѣсь, одни изъ нихъ, на вырученные съ бродячихъ промысловъ и торговъ пожитки, скупали по деревнямъ хлѣбъ и заводили въ городахъ хлѣбную торговлю, другіе принимались за покупку и продажу разныхъ провозныхъ изъ Россіи и съ ярмарокъ товаровъ, третьи отыскивали разныя минеральныя произве-

---

[1]) Дополн. къ А. И., т. VIII, стр. 181.
[2]) Дополн. VIII, стр. 19 и мн. др.
[3]) Доп. къ А. И., т. IV, № 122. т. VI, № 136.
[4]) Дополн. къ А. И, т. VII. № 6, стр. 48—49.
[5]) Доп. къ А. И., т. VIII, стр. 183, т. VII, стр. 365, т. VI, № 136.

денія сибирской природы, устраивали различные заводы и промыслы—металлическіе, солеварные, слюдяные, селитренные, пороховые и т. п. Такимъ образомъ, періодъ бродячей звѣроловческой колонизаціи Сибири смѣнялся періодомъ установленія осѣдлой городской жизни, торговли и промышленности. Въ то же время, въ города все болѣе и болѣе переселялись и богатые крестьяне. Одни изъ нихъ наживались выгоднымъ вымѣномъ у инородцевъ пушнины на хлѣбъ и разные необходимые товары, другіе обогащались обычнымъ «кулачествомъ», «задолженіемъ бѣдныхъ крестьянъ», которые постоянно платили имъ долги за свои мелочные заборы, или своими дешево-запроданными работами приращали ихъ капиталы. И вотъ, всѣ эти разбогатѣвшіе всякими способами крестьяне переселялись въ города, переписывались въ купцы или мѣщане и заводили городскіе торги и промыслы. Въ числѣ богатыхъ купцовъ, проживавшихъ въ XVIII вѣкѣ въ сибирскихъ городахъ, были даже иногда и потомки первыхъ колонизаторовъ сибирскихъ селъ—такъ называемыхъ «слободчиковъ» или «крестьянскихъ садчиковъ», которые, по свидѣтельству актовъ, первые «строили и заводили въ Сибири слободы и вольныхъ, охочихъ, гулящихъ людей прибирали въ пашенные крестьяне, на государеву десятинную пашню». Наконецъ, торговыя и промышленныя выгоды Сибири постоянно привлекали изъ Россіи въ сибирскіе города новыхъ торгово-промышленныхъ людей. Такъ, въ одинъ Иркутскъ, въ теченіе XVIII столѣтія, переселилось нѣсколько купцовъ, преимущественно изъ поморскихъ городовъ—Устюга, Тотьмы, Каргополя, Вологды и другихъ, и основали здѣсь богатые, купеческіе дома. Въ числѣ ихъ были, между прочимъ, и такіе извѣстные купцы, какъ Шелеховъ, Барановъ, Киселевъ, Устюжаниновъ и многіе другіе. Вообще, корысть, прежде побуждавшая торговыхъ и промышленныхъ людей безъ устали гоняться за соболемъ по лѣсамъ и кочевьямъ инородческимъ, теперь, съ убылью соболя, стала заставлять ихъ изыскивать способы торгово-промышленной наживы въ городахъ. Надобно замѣтить, что въ Сибири, какъ у татаръ, бурятъ, чукчей и другихъ инородцевъ, такъ и у русскихъ пріобрѣтательныя, торговыя наклонности, повидимому, рано стали преобладать надъ изстаринными великорусскими народными привычками къ земледѣлію. Цѣлыхъ два или болѣе столѣтія привыкши торговать съ ясачными, русскіе, не только промышленные люди, но и пашенные крестьяне естественно развили въ себѣ эти буржуазныя, торговыя наклонности. Какъ бухарцы, татары, буряты, китайцы, по своему азіятскому вкусу, любили щеголять роскошью разноцвѣтныхъ товаровъ, азіятскимъ чванствомъ и пышностью торговой обстановки,—такъ и русскіе стали часто предпочитать обольстительную заманчивость коммерческой пріобрѣтательности и денежную прибыльность торговыхъ сдѣлокъ и оборотовъ грубой простотѣ и денежной маловыгодности земледѣльческой промышленности. Притомъ, изловчившись, навыкши въ вѣковой торговой эксплуатаціи инородцевъ, русскіе стали предпочитать самую эту коммерческую смышленность и ловкость, эксплуататорскую хитрость торговыхъ оборотовъ и спекуляцій грубой, безхитростной простотѣ земледѣльческаго умонастроенія, стали видѣть въ ней признаки образован-

ности ума [1]). Вотъ, вслѣдствіе такихъ-то побужденій, стремленіе крестьянъ къ городской торговой жизни съ половины XVIII вѣка усилилось до того, что въ благомыслящихъ сибирякахъ того времени возбуждало уже грустныя жалобы. Такъ, напримѣръ, семипалатинскій капитанъ Андреевъ въ своей «домовой лѣтописи» (1750—1800 г.) сѣтовалъ: «думается, что происходящее сіе зло вкореняется въ людей единственно отъ безполезныхъ умствованій, что они поставляютъ земледѣліе самопослѣднѣйшимъ и гнуснѣйшимъ и подлѣйшимъ упражненіемъ, приличнымъ только такимъ людямъ, которыхъ въ жизни ихъ почитаютъ не инако съ несмысленнымъ скотомъ въ разсужденіи трудовъ ихъ, иногда и неопрятства. Будто опредѣлено только тѣмъ трудиться, кто не вникъ въ роскоши, въ надменныя понятія, въ хитрость, сплетаемую всякими несправедливостями и волочащую ихъ самихъ по судамъ и расправамъ по всякой неправдѣ. Въ иномъ селеніи обитающихъ обывателей считается душъ 300 мужескаго и женскаго пола, а пріемлющихся за плугъ и соху едвали набраться можетъ 40 или 50. И сіи благословенные, можно сказать, люди, упражняющіеся въ земледѣліи, принужденными находятся, за выселеніемъ прочихъ въ города, обработывать для пропитанія обществомъ по 20 и по 22 на одного работника, кромѣ собственныхъ своихъ семействъ. А почему въ такомъ селеніи, гдѣ 300 душъ, очень мало пахарей? Принужденно откроюсь: роскошь переманила блескомъ своимъ изрядныхъ и добрыхъ земледѣльцевъ изъ ихъ, можно сказать, праведнаго и безгрѣшнаго пребыванія и разсѣяла по разнымъ многочисленнымъ городамъ, гдѣ ихъ принуждала снискивать пропитаніе въ изобильномъ наслажденіи не грубыхъ, но вкусныхъ яствъ и питаній, которые не иначе проживаютъ вѣкъ свой не только себѣ самимъ, но и прочимъ въ отягощеніе, отставши отъ истинной и правильной своей должности, принуждены снискивать себѣ пропитаніе во грѣсѣхъ, неправдѣ, сварѣ и неспокойствіи, чего поселенская жизнь лишена» [2]).

При такомъ постепенномъ умноженіи торгово-промышленнаго класса въ сибирскихъ городахъ, другія сословія въ нихъ водворялись медленно и слабо. Въ XVII вѣкѣ, когда торговые и промышленные люди бродили по отдаленнымъ окраинамъ Сибири и наживались соболиными промыслами и торгами, колонизація сибирскихъ городовъ, вообще, какъ мы сказали, была самая недостаточная. Великорусское боярство, игравшее такую дѣятельную роль въ колонизаціи великорусской земли, въ заселеніи Сибири не принимало почти никакого участія. Только дѣти боярскія наравнѣ съ крестьянами были иногда въ числѣ первыхъ такъ называемыхъ «слободчиковъ» или «садчиковъ и прикащиковъ крестьянскихъ» и «строили государевы пашенныя слободы». Вообще, кромѣ воеводъ и дѣтей боярскихъ,

[1]) И доселѣ еще въ сибирскихъ деревняхъ весьма часто молодые крестьянскіе парни чувствуютъ отвращеніе или презрѣніе къ хлѣбопашеству, какъ низкому, грубому мужицкому занятію, и обнаруживаютъ страстную, буржуазную наклонность „быть торговыми". Это мы особенно замѣтили въ деревняхъ Верхоленскаго округа, наприм. въ Качугѣ, Залогѣ, Бирюлькѣ и др.

[2]) Домовая лѣтопись Андреева. Чтен. общест. истор. и древн. росс. 1870 г., кн. 4, стр. 137—139.

въ Сибири дворянъ не было. Вслѣдствіе этого, въ составѣ сибирскихъ городскихъ обществъ не было дворянства. какъ особаго сословія. такъ называвшагося «дворянскаго корпуса», землевладѣльческаго класса, съ своими дворянскими институтами, собраніями и т. п. Дворяне были лишь командированы въ Сибирь на службу, и всего болѣе ихъ было только въ городахъ горнаго, пріалтайскаго округа. Семипалатинскій капитанъ Андреевъ въ своей «домовой лѣтописи» такъ писалъ о значеніи и составѣ дворянства въ сибирскихъ городахъ: «по времени взятія Сибирскаго царства атаманомъ Ермолаемъ Тимофеевымъ въ 1585 году, и по распространеніи въ ономъ Россійской власти. къ совершенному покоренію оставшихся еще непокоренныхъ въ Сибири народовъ отъ государей царей командированы бывали изъ россійскихъ городовъ на службы разные люди, и при оныхъ командирами опредѣляемы были изъ россійскихъ дворянъ молодые люди, которые по тогдашнимъ временамъ назывались изъ дѣтей боярскихъ, смотря по количеству врученныхъ имъ войскъ. подъ именемъ сотниковъ и пятидесятниковъ. А сверхъ того, при оныхъ командахъ довольно изъ Великой Россіи, вѣдая пространство и изобилованіе богатствами Сибирской страны, переходило по данной вольности разныхъ поколѣній людей, въ томъ числѣ и изъ числа россійскихъ дворянъ, кои и поселялись въ разныхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ онымъ выгоднѣе быть казалось. почему оные *привилегіи своего дворянства растратили*, такъ что, наблюдая свой покой, многіе уклонились въ хлѣбопашество и разные звѣриные промыслы, а чрезъ то наложили на себя иго крестьянства, положився въ подушный окладъ, и въ духовенство и въ разные степени, отъ чего многіе по родамъ ихъ жизни перемѣняли свои фамиліи, почему потомки ихъ о пріобрѣтеніи прежняго дворянства не старались. или до сего не доходили, да и свѣдѣнія никакого не имѣли... По прибытіи въ Сибирь губернатора Князя Якова Петровича Гагарина, въ первыхъ десяти годахъ XVIII столѣтія отъ сего губернатора было сенату доложено, что по Сибири тогда еще войска, кромѣ начинанія, регулярнаго еще не было, и потому весьма и чиновныхъ людей, кромѣ казацкихъ старшинъ и дѣтей боярскихъ, а потому не на кого было возлагать довѣренности въ отправленіи собираемыхъ съ сибирскихъ народовъ ясашныхъ мелкихъ рухлядей и въ казначейства и разныя начальства, просилъ о опредѣленіи штата дворянскаго. Просьба его принята въ уваженіе, почему онъ и разбиралъ, какъ бывшихъ на службѣ вольновыходцевъ россійскихъ дворянъ, какъ-то и нашлось: Черкасовы, Фефиловы, Нефедьевы, Андреевы, Хворовы, Албычевы и прочихъ фамилій, коимъ и учиненъ штатъ 40 человѣкъ сибирскихъ дворянъ, который и понынѣ есть» [1]).

При отсутствіи дворянства, въ сибирскихъ городахъ, естественно, преобладалъ классъ торгово-промышленный и ремесленный. Да и это сословіе долго не имѣло надлежащей общественной организаціи. Въ то время, когда торговые и промышленные люди еще бродили вмѣстѣ съ служилыми людьми по отдаленнымъ украйнамъ Сибири для соболиныхъ промысловъ и торговъ, осѣдлое, посадское торгово-промышленное

---

[1]) Домов. лѣтоп. Андреева. стр 63—64.

населеніе городовъ было самое малолюдное. Напримѣръ, въ Енисейскомъ посадѣ и уѣздѣ въ 1667 году было промышленныхъ людей всего до 1000 человѣкъ [1]). Въ Омскѣ еще въ 1747 г. было посадскихъ 33 при 1 купцѣ [2]). Самое большое число ихъ въ нѣкоторыхъ городахъ не превышало 250 душъ. Всѣ эти посадскіе, число которыхъ мало-по-малу восполнялось вольными прихожими изъ Россіи людьми, ссыльными разночинцами, крестьянами и т. п., съ введеніемъ цеховъ и учрежденіемъ магистратовъ и ратушъ, записаны были въ сословіе мѣщанъ и цеховыхъ. И этотъ низшій классъ сибирскихъ городскихъ обществъ долго также не имѣлъ правильнаго общественнаго устройства, отличался хаотическою смѣсью, неустановленностью и полукочевымъ броженьемъ населенія. Колонизаціонный составъ его былъ самый разнообразный. Такъ, напримѣръ: 230 енисейскихъ мѣщанъ и духовныхъ въ 1788 г. описывали составъ своего общества: «нѣкоторые изъ насъ поступили изъ синодальной команды, другіе изъ крестьянъ, но приписанныхъ съ 1764 года и въ послѣдующіе года къ городу, другіе же не изъ сущихъ крестьянъ, но изъ разночинцевъ и россійскихъ пришельцовъ, состоимъ въ цеху, довольствуемся же своими ремеслами, а не хлѣбопашествомъ». Изъ нихъ 36 мѣщанъ и цеховыхъ были пришельцы изъ городовъ Устюга, Ваги, Соли-Вычегодской, Архангельска и Вологды, а у одного мѣщанина «отецъ былъ языческаго поколѣнія изъ Курильскихъ острововъ, дворовой человѣкъ енисейскаго дворянина, записанный въ разночинцы и вышедшій въ цехъ въ 1782 году» и т. п. [3]). При такой разносоставности, сибирскія городскія общества съ трудомъ усвояли правильныя, благоустроенныя формы гражданской экономической жизни, бѣдствовали отъ неразвитости городскихъ искусствъ и ремеслъ, страдали отъ тягости двойныхъ городскихъ налоговъ и, сверхъ того, еще отъ разныхъ физическихъ золъ — пожаровъ, наводненій и т. п. Такъ, напримѣръ, енисейскіе же мѣщане и цеховые въ 1785 году въ прошеніи своемъ объ исключеніи ихъ изъ двойного оклада писали: «по прошедшей 1763 года ревизіи записалися мы, равно и предки наши, по имѣющимся разнымъ ремесламъ къ городу Енисейску въ цехъ, и такъ въ то званіе поступили мы и наши отцы изъ государственныхъ и экономическихъ крестьянъ, а иные изъ дѣтей сибирскихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, поповскихъ, причетническихъ, дворовыхъ, отставныхъ нерегулярныхъ казаковъ и другихъ родовъ, также изъ зашедшихъ по пашпортамъ крестьянъ другихъ городовъ: то, вслѣдствіе изданныхъ узаконеній, и платили, до нынѣ послѣдовавшей новой 4-й ревизіи, крестьянскую подать, т.-е. оброчныхъ 2 рубля и крестьянскихъ по 70 коп., съ добавленіемъ къ оному за право цеха по 50 коп., да на все то узаконеннаго плакату по $4^1/_2$ коп., всего съ каждой души и въ каждый годъ по 3 руб. $24^1/_2$ коп. Съ 1783 года и по 1786 годъ окладу вновь прибавлено было, такъ что пришлось платить съ

[1]) Дополн. къ А. И., т. V., стр. 168.

[2]) Словцова, историч. обозрѣн. Сибири, ч. II, стр. 41—42.

[3]) Дѣло изъ Красноярск. губерн. архива, 1788 г. по описи № 351. Срв. ссылки Щапова на дѣла Архива Красноярскаго Губернскаго Совѣта въ статьѣ „Историко-географическія замѣтки о Сибири“, стр. 74, 77 и 78. *В. С—жевъ*

каждой души по 9 р. 43¾ к. И сего платежа мы цеховые, по сущимъ нашимъ недостаткамъ и всепослѣдней скудости, платить силъ не имѣемъ въ разсужденіи слѣдующаго: что у нѣкоторыхъ дома въ бывшій въ городѣ Енисейскѣ прошлаго 1778 года іюля въ 29 число великой пожаръ со всѣмъ почти иждивеніемъ сгорѣли, на мѣстѣ коихъ по сгорѣніи другіе заводили и истощили на то всѣ свои изможеніи, а потомъ въ бывшее въ 1784 году великое же отъ разлитія рѣки наводненіе также домы и другое строеніе почти во всемъ городѣ размыло, а другіе и съ мѣстъ снесло, то на поправленіе оныхъ и паки труды же свои до конца употребили, къ тому же и по дороговизнѣ хлѣба, который продается по 45 к. пудъ, во всемъ обществѣ терпимъ и поднесь крайнюю скудость, къ пріобрѣтенію же на платежи означенныхъ податей удобнаго способу не находимъ, поелику въ здѣшнемъ городѣ проѣзжающаго народа бываетъ немного, но и то временно, а большая часть и изъ своихъ согражданъ отлучаются въ разные города, почему и *ремесла наши почти вовсе остановились*, такъ что и въ работу нанимались» [1]). Вслѣдствіе такой трудности городского экономическаго положенія, мѣщане и цеховые ремесленники, естественно, часто стремились бросать городскую осѣдлость и переселяться въ уѣзды. Между тѣмъ какъ крестьяне, наживавшіеся въ деревняхъ скупомъ и перепродажей хлѣба, а также эксплуататорскими торговыми сдѣлками съ окрестными инородцами и, вообще, «кулачествомъ», переселялись въ города и заводили здѣсь торги, — городскіе посадскіе люди откочевывали или въ улусы инородческіе для звѣриныхъ промысловъ и вымѣна мѣховъ, или въ деревни для занятія хлѣбопашествомъ. Такъ, напримѣръ, изъ Ачинска, около 1799 года, выселились въ деревни 1362 души мѣщанъ. Изъ Туруханска, въ началѣ XIX столѣтія, почти всѣ мѣщане откочевали на низъ Енисея для песцовыхъ промысловъ, заведши тамъ до 17 зимовей, и, по словамъ одного акта Мангазейской канцеляріи, «городъ совсѣмъ опустошили, такъ что въ немъ не стало никакого лавочнаго торгу и не было квартиръ для пріѣзжающихъ чиновниковъ».

Такая расплывчивость, кочевая разрозненность городскихъ обществъ, конечно, несообразна была съ видами правительственнаго благоустройства городовъ, особенно съ правилами «Городоваго Положенія». Поэтому, администрація старалась утвердить въ Сибири прочную установленность городской осѣдлости, собрать и сплотить разсѣянное городское населеніе въ болѣе или менѣе благоустроенныя городскія общества. Къ концу XVIII вѣка, въ силу «Городоваго Положенія», возникло множество дѣлъ о перечисленіи крестьянъ изъ городовъ въ деревни, а мѣщанъ изъ деревень въ города. Съ одной стороны, мѣщанъ собирали изъ деревень въ городъ для укомплектованія и концентраціи городскихъ обществъ, «ибо, — какъ сказано въ одномъ дѣлѣ, — по самымъ тогдашнимъ правиламъ общество должно считаться живущее только въ городѣ, а не въ уѣздѣ разсѣянно». Такъ, наприм., въ Ачинскѣ въ 1799 году, когда открыта была тамъ ратуша, мѣщанъ въ городѣ было только 406 душъ, а прочіе съ давнихъ временъ поселились

[1]) Дѣло Красноярск. губернск. архива, № 354, л. 20—21.

и жили въ уѣздѣ, въ разныхъ селеніяхъ, какъ-то: въ Шилинскомъ селеніи жило 332 души мѣщанъ, въ Сухобузинскомъ 289, въ Нахвальскомъ 269, въ Контатскомъ 136, въ Таловскомъ 165, въ Пороженскомъ 141 душа. Всѣхъ этихъ мѣщанъ потребовали къ возвращенію въ городъ Ачинскъ для образованія узаконеннаго состава городского общества. Но они такъ, однакожъ, отвыкли отъ городской жизни и тяготились ею, такъ не свычны были съ городскими промыслами и ремеслами, что общимъ прошеніемъ просились «по удобности и способности избавить ихъ отъ безвременнаго угнетенія ихъ вызовомъ изъ уѣзда въ городъ, кромѣ взысканія податей, другого прочаго городского послѣдствія удержаться, защитить ихъ отъ завѣдыванія ачинскимъ обществомъ, оставить на жительствѣ въ деревняхъ и только причислить ихъ къ городу Красноярску, подъ вѣдомство Красноярскаго магистрата». «Ибо, — писали они далѣе въ своемъ прошеніи, — въ уѣздѣ они заселились издавна и упражняются въ земледѣліи и хлѣбопашествѣ, пользуются всѣми выгодами крестьянскими, къ чему они издревле уже пріобыкли, *а по нынѣшнему роду ихъ городской промыселъ имъ совсѣмъ не свѣдомъ*, черезъ высылку же изъ уѣзда въ городъ ихъ, такого немалаго количества душъ, уничтожится дѣйствительныхъ земледѣльцевъ не менѣе 1000 человѣкъ, а по сему случаю легко можетъ послѣдовать возвышеніе на хлѣбъ цѣны и отъ того казна въ приготовленіи на винокуренные казенные заводы понесетъ неожиданный убытокъ, а мѣщанамъ отъ такого дальнѣйшаго ихъ изъ уѣзда въ городъ Ачинскъ переселенія навлечено будетъ имъ всекрайнѣйшее разореніе» [1]). Съ другой стороны, крестьянъ, поселившихся и торговавшихъ въ городахъ, но не записанныхъ въ мѣщане, правительство выселяло обратно въ деревни, или же побуждало переписываться въ мѣщанское и купеческое сословіе. Многіе крестьяне, поэтому, просились записаться въ мѣщане, чтобы остаться въ городахъ, гдѣ они обзавелись домами и торгами или другими какими-нибудь промыслами. Такъ, наприм., въ 1793 г. 33 красноярскихъ крестьянина подали прошеніе о запискѣ ихъ въ красноярскіе мѣщане: «въ прошедшія времена и донынѣ,—писали они,—жительствовали отцы, а по нихъ и мы обзаводство домостроительства имѣемъ въ городѣ Красноярскѣ; а по силѣ состоявшагося Высочайшаго о управленіи губерній учрежденія и по Городовому Положенію, крестьянамъ въ городахъ жительство воспрещено, а мѣщанамъ—въ уѣздахъ; и по содержанію онаго, и сего города Красноярска всѣ крестьяне, а въ томъ числѣ и мы переводимся къ обзаводству домовъ и жительству въ разныя уѣздныя селенія; а поелику, какъ мы имѣемъ въ семъ городѣ домовъ обзаводство, то, дабы въ переселеніи въ уѣздѣ не было затрудненія отъ того не понести себѣ убытку, возъимѣли мы намѣреніе поступать изъ крестьянъ въ званіе мѣщанское, такъ какъ по повелѣніямъ главныхъ правительствъ къ приращенію прибыли платежемъ въ казну податей двойственными окладами поступать изъ крестьянъ въ мѣщанское званіе позволяется». Имъ дозволено было записаться въ составъ городского общества [2]).

[1]) Дѣло 1799 г., № 154.
[2]) Дѣло изъ Красноярск. губерн. архива, 1793 г., № 337.

При такомъ общественномъ составѣ и развитіи сибирскихъ городовъ, при отсутствіи дворянскаго сословія и незначительности мѣщанско-цехового населенія, вслѣдствіе первоначальныхъ историческихъ задатковъ для общественнаго преобладанія торгово-промышленнаго и приказно-служилаго сословій,—легко было возникнуть и развиться въ сибирскихъ городскихъ обществахъ, съ одной стороны, господству торгово-промышленной, купеческой буржуазіи, богатаго купечества, а съ другой—своевольству служилаго чиновничества.

Географико-экономическія условія Сибири, вообще, въ значительной степени благопріятствовали особенному развитію и преобладанію коммерческой буржуазіи въ сибирскомъ обществѣ. Съ одной стороны, изобиліе дорогой пушнины и сосѣдство съ Китаемъ естественно вызывали развитіе мѣновой торговли съ китайцами и усиленіе торговавшихъ съ ними русскихъ купцовъ. Съ другой, географическое распредѣленіе народонаселенія, разбросанность его на огромныхъ пространствахъ необходимо требовали громадныхъ средствъ для снабженія его во всѣхъ частяхъ, во всѣхъ окраинахъ Сибири, необходимыми жизненными припасами и разными товарами, и такимъ образомъ обусловливали господство богатыхъ купцовъ-откупщиковъ, подрядчиковъ, поставщиковъ, коммиссіонеровъ, вообще монополистовъ. Наконецъ, съ распространеніемъ русской торговли, промышленности и колоній по сѣверовосточной Азіи и въ сѣверозападной части Америки, на Алеутскихъ и Курильскихъ островахъ, къ востоку отъ Кадьяка на 16_0 долготы или на 550 миль, — неизбѣжно сложилось изъ разныхъ промышленныхъ артелей особое, акціонерное купеческое общество, называвшееся «сословіемъ россійско-американской компаніи», и захватившее въ свои руки не только буржуазно-промышленное, но и политическое господство. Ко всему этому надо прибавить, что съ XVIII в. само правительство, въ видахъ «распространенія славы россійской коммерціи», стремилось возвысить общественное значеніе купечества, отличало именитыхъ купцовъ особыми привилегіями и почетными титлами, и такимъ образомъ невольно возбуждало въ богатѣйшемъ купечествѣ зарожденіе сначала инстинктивныхъ, а потомъ болѣе или менѣе и сознательныхъ буржуазныхъ стремленій. Не излагая всѣхъ новыхъ правительственныхъ установленій въ пользу коммерческаго сословія, мы приведемъ здѣсь только ближе относящійся сюда указъ императора Павла I отъ 27 марта 1800 года. Указомъ этимъ такія привилегіи и почетныя званія или права и должности давались богатѣйшимъ купцамъ и, въ томъ числѣ, иркутскому купцу Мыльникову: «Объемля монаршимъ промысломъ всѣ части государства на созиданіе истиннаго блага нашихъ вѣрноподданныхъ,—сказано въ указѣ,—съ самаго начала нашего царствованія простерли мы вниманіе на торговлю, вѣдая, что она есть корень, откуда обиліе и богатство произрастаютъ... Изъявляя Высочайшее благоволеніе наше торгующимъ, искусствомъ и знаніями въ торговлѣ къ общей пользѣ содѣйствующимъ, восхотѣли мы ознаменовать ихъ особеннымъ знакомъ монаршаго нашего къ нимъ уваженія, для чего симъ и утверждаемъ новый для нихъ классъ отличный, подъ названіемъ *коммерціи совѣтниковъ*, которому равняться съ осьмымъ классомъ службы

статской. А дабы нынѣ же показать имъ Высочайшую нашу милость всемилостивѣйше жалуемъ коммерціи совѣтниками именитыхъ купцовъ с.-петербургскихъ Кусова, Ольхина, московскихъ Зобина и Уварова, вологодскаго большого Лаптева, первенствующаго директора Американской Компаніи Булдакова и иркутскаго первой гильдіи купца той же Компаніи директора Мыльникова. Такимъ образомъ, установивъ для купечества нашего сіе отличіе, объявляемъ при томъ волю нашу, чтобъ по встрѣчѣ какихъ-либо нужныхъ перемѣнъ или дополненій къ улучшенію и распространенію торговли, равно какъ и начертанію новыхъ по оной учрежденій, управляющій коммерческою частію, по усмотрѣнію своему, когда востребуется, призывалъ ихъ для совѣта и соображенія предметовъ до торговли относящихся съ прочими государственными частями».

Вслѣдствіе такихъ благопріятныхъ условій для развитія и усиленія коммерческой буржуазіи, купечества, почти повсюду въ сибирскихъ городахъ со второй половины XVIII в. появились своего рода Крезы — богатѣйшіе купцы, и захватывали въ свои руки мѣстную торговлю, промышленность, а отчасти и самое общественное управленіе. Въ Тобольскѣ, Томскѣ и Енисейскѣ образовались особыя партіи купеческія, оппозиціонныя партіямъ чиновничьимъ. Повсюду думы и магистраты городскіе были, такъ сказать, олигархіей богатѣйшихъ купцовъ и буржуазно эксплоатировали общественныя суммы. Въ Енисейскѣ Дума не стыдилась даже красть или утаивать общественныя суммы, назначенныя на тамошнее училище. Такъ, въ архивѣ Красноярскаго губернскаго совѣта намъ попалось довольно большое дѣло (на 24 листахъ) 1807 года подъ заглавіемъ: «по сообщенію Томскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія о разсмотрѣніи поступка Енисейской градской Думы въ утаеніи ею общественнаго положенія объ отпускѣ на тамошнее училище ежегодно суммы по 200 рублей». Тамъ же въ Енисейскѣ магистратъ притѣснялъ и лишалъ жизненныхъ промысловъ бѣдныхъ мѣщанъ. То же дѣлали Томскій и Кузнецкій магистраты. Въ отдаленныхъ, захолустныхъ украйнахъ Восточной Сибири также повсюду господствовали надъ мѣстнымъ населеніемъ немногіе богачи купцы. Наприм., ленское, киренское населеніе жаловалось не на одниxъ исправниковъ, а также и на самодурство купцовъ. Киренскіе купцы считали на крестьянахъ огромные долги. Задолжавши разъ, жители постепенно дѣлались неоплатными должниками. Купцы немилосердно взыскивали съ нихъ эти долги, разъѣзжали по деревнямъ на крестьянскихъ подводахъ безъ платежа прогоновъ, нахально, безсовѣстно обманывали крестьянъ въ своихъ обязательствахъ поставлять имъ съѣстные припасы, притѣсняли и обидѣли инородцевъ условленною между купцами и чиновниками торговлею съ ясачными и т. п. Такъ было почти вездѣ въ Сибири. Но особеннымъ, преимущественнымъ средоточіемъ купеческаго владычества былъ, повидимому, городъ Иркутскъ, слывшій столицей Сибири. Здѣсь процвѣтала и властвовала надъ общественнымъ управленіемъ олигархія знатныхъ въ Сибири купцовъ — именитыхъ, почетныхъ гражданъ, коммерціи совѣтниковъ и т. п. Здѣсь особенно славны и могущественны были такіе богатые купцы, какъ: коммерціи совѣтникъ Н. Мыльниковъ, занимавшійся

торговлею пушными и китайскими товарами и бывшій директоромъ Россійско-американской Компаніи, А. Барановъ, устроившій въ Иркутскѣ стеклянный и водочный заводы, а также занимавшійся подрядами и откупами и, наконецъ, бывшій главнымъ правителемъ колоній Сѣверо-американской Компаніи, М. Сибиряковъ, имѣвшій главный промыселъ въ поставкѣ соли по нерчинскому краю и въ перевозкѣ съ нерчинскихъ заводовъ свинца, П. Солдатовъ, наживавшійся казенными подрядами и проч. Къ этимъ первымъ иркутскимъ гражданамъ—богатѣйшимъ и сильнѣйшимъ купцамъ, примыкали и многіе другіе именитые и богатые купцы, какъ. наприм., Трапезниковъ, Дударовскій, Киселевъ, Саламатовъ, Баснинъ, и другіе. Въ составъ этой купеческой партіи входилъ и откупщикъ Передовщиковъ. Это былъ купецъ изъ туруханскихъ ссыльныхъ (1788 г.): сначала онъ выписался въ крестьяне, а потомъ именнымъ указомъ 7 февраля 1798 г. былъ утвержденъ въ купеческомъ званіи, впослѣдствіи разбогатѣлъ, вошелъ въ откупа, сдѣлался коммерціи совѣтникомъ, пріобрѣлъ огромныя связи, и при торгахъ на четырехлѣтіе съ 1807 г. онъ взялъ на откупъ полъ-Россіи и всю Сибирь. Въ связи съ нимъ, а, быть можетъ, и съ иркутскими первыми купцами, былъ и могущественный тобольскій купецъ Андрей Полуяновъ. Вообще, въ Иркутскѣ богатое и сильное купечество въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія составляло, можно сказать, довольно могущественную буржуазную, капиталистическую олигархію. Оно направляло всѣми общественными дѣлами, составляло главную, господствующую силу городской думы и магистрата. Взаимная связь и солидарность буржуазныхъ интересовъ усиливали ихъ общественную гегемонію. Сибиряковъ имѣлъ родственныя связи со многими торговыми домами и особенно съ однимъ изъ самыхъ значительныхъ въ Иркутскѣ домовъ—Н. Мыльникова, и эти связи, конечно, расширяли сферу его общественной силы. У Передовщикова, такъ же какъ и у Сибирякова съ Мыльниковымъ, были родственники, знакомые, приверженцы, люди, связанные съ ними интересами. Пользуясь могущественнымъ вліяніемъ на общество, богатые и сильные купцы иркутскіе—Сибиряковы, Мыльниковы и другіе составляли именно нѣчто въ родѣ денежной, капиталистической олигархіи, и въ Думѣ Иркутской заправляли всѣми дѣлами по своимъ расчетамъ. Даже при Сперанскомъ Дума Иркутская не разъ упорно обнаруживала самодурство купеческой, буржуазной олигархіи. Проникнутая буржуазнымъ духомъ, она дорожила только интересами партіи крупныхъ капиталистовъ и совершенно чужда была интересамъ не только нашихъ рабочихъ классовъ городского общества, но и мелкихъ купцовъ. Съ мѣщанами и небогатыми купцами думская купеческая олигархія не была особенно солидарна въ интересахъ и потому безъ зазрѣнія совѣсти притѣсняла ихъ. Такъ, напримѣръ, въ 1820 г. Дума выбрала въ ратманы мѣщанина Овсянникова. Губернское правительство, по жалобѣ Овсянникова, нашло этотъ выборъ незаконнымъ и стѣснительнымъ для Овсянникова, отмѣнило его и назначило новый выборъ. Олигархи думскіе оскорбились такимъ распоряженіемъ и съ чувствомъ своей общественной силы протестовали, что общество съ существованія своего никогда не было еще подъ наблюде-

ніями, и правительство съ такою настоятельностію въ выборы общественные не входило, то сіе дѣло доселѣ еще не имѣло подобнаго событія»[1]. И дѣйствительно, было чѣмъ обидѣться имъ, избалованнымъ самоуправствомъ: до Трескина общественные выборы въ Иркутской Думѣ и въ магистратѣ вполнѣ зависѣли отъ капиталистической гегемоніи немногихъ богатѣйшихъ и сильнѣйшихъ купцовъ, и съ 1777 по 1808 г., въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ, выборы эти, по силѣ кумовства, сродства и буржуазной солидарности, все перетягивались на сторону одного сильнаго туза — М. Сибирякова, который въ теченіе этого періода времени почему-то то-и-дѣло оказывался особеннымъ «излюбленнымъ» выборнымъ иркутскаго общества, то въ качествѣ главнаго заправителя дѣлъ въ губернскомъ магистратѣ, то въ качествѣ головы городской Думы. Какъ въ выборахъ, такъ и въ общественной экономіи иркутская купеческая олигархія хотѣла быть вполнѣ самоуправною. Составляя городскую смѣту, Дума самовольно измышляла стѣснительныя и неопредѣленныя установленія, въ родѣ взиманія штрафа за какую-то потаенную торговлю съ купцовъ и иного званія людей. Въ силу этой статьи прикрывались незаконные поборы Думы, тягостные для небогатыхъ торгующихъ людей. Такъ, взыскивались пошлины съ крестьянъ, торгующихъ сельскими произведеніями, безъ всякаго законнаго основанія облагались сборомъ иногородные, поселившіеся въ городѣ, съ чего-то установлялся сборъ съ проѣзжающихъ извощиковъ и съ нагружающихся у рѣчного берега судовъ и т. п. Вводя незаконные и своекорыстные поборы, Иркутская городская Дума деспотически стѣсняла промышленную дѣятельность мѣщанъ. Такъ, напримѣръ, въ 1820 году, ссылаясь на Городовое Положеніе, оно просило губернское правительство запретить мѣщанину Третьякову судоходство по Ангарѣ и Байкалу. Губернское правительство отказало ей по силѣ законовъ, которыми мѣщанамъ именно позволено было судоходство. Дума все-таки упорно настаивала на своемъ: 10 марта 1820 г. просила Сперанскаго отмѣнить распоряженіе губернскаго правительства, «ограничить» Третьякова, но не получила отвѣта. Сперанскій, разсмотрѣвъ объясненія губернскаго правительства, нашелъ ихъ правильными и предложилъ правительству, чтобъ Третьякова въ рыбопромышленности не стѣснять. Между тѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда богатое купечество находило для себя выгоду въ поддержкѣ мелкихъ мѣщанскихъ торговъ и промысловъ, тогда Дума хлопотала за мѣщанъ: для успѣшнѣйшаго сбыта товаровъ богатѣйшихъ купцовъ, просила правительство подтвердить навсегда мѣщанамъ и гражданамъ мелочную торговлю въ городѣ и въ уѣздѣ разными товарами, *которыми снабжаетъ ихъ купечество*[2]. О нуждахъ бѣдныхъ классовъ народа Иркутская Дума, купеческая олигарія, вовсе не думала, даже упорно уклонялась отъ заботъ объ нихъ. Такъ, наприм., вопреки неоднократнымъ и настоятельнымъ предложеніямъ Сперанскаго завести частную, лавочную хлѣбную торговлю, Дума буржуазно стремилась завести только монополію думской хлѣбной торговли.

[1] Г. Вагинъ, истор. свѣд. о Сперанскомъ, т. 1, стр. 152.
[2] Ibid., 1.325.

и для блага городского общества, для обезпеченія продовольствія бѣдныхъ классовъ Иркутска никакъ не хотѣла принять на себя энергическую инiціативу устройства и распространенія вольной хлѣбной продажи по лавкамъ. Напротивъ, она заявляла губернскому правительству, что «народное продовольствіе, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, зависитъ отъ распоряженій начальства, котораго есть прямая въ томъ обязанность» [1]).

Далѣе, общественное господство купеческой буржуазіи въ сибирскихъ городскихъ обществахъ и въ особенности въ Иркутскѣ выразилось въ преобладаніи купеческой монополіи. Почти всѣ жизненныя средства народа находились въ рукахъ монополистовъ откупщиковъ. Хлѣбная торговля, поставка соли, торгъ мясомъ, винокуреніе — все захвачено было богатыми купцами откупщиками, поставщиками, подрядчиками. Въ частности, напримѣръ, право торговать мясомъ въ Иркутскѣ въ 1810 г. предоставлено было только тремъ купцамъ Ланину, Панову и Кузнецову. Въ контрактѣ они выговорили себѣ такое условіе: «никто, кромѣ насъ и тѣхъ, кому собственно отъ насъ дано будетъ сіе позволеніе, не долженъ торговать мясомъ въ городѣ ни въ мясномъ ряду, ни въ домахъ и нигдѣ, ни гуртомъ, ни въ розницу, полиція обязана поддерживать и охранять ихъ монополію». Въ слѣдующее трехлѣтіе городская Дума взяла на себя монополію торга мясомъ; мясо позволялось продавать только въ думскомъ мясномъ ряду. Также и рыбная продажа была въ рукахъ Думы. Когда купецъ Поповъ и мѣщанинъ Ланинъ открыли мясную продажу въ лавкахъ, устроенныхъ при собственныхъ ихъ домахъ, то городская Дума запрещала имъ эту продажу на томъ основаніи, что только Дума имѣетъ право продавать мясо въ Думскомъ ряду. Поставка соли по всему Забайкалью въ 1818—1831 г. находилась въ откупу иркутскаго купца Сибирякова. И вообще, въ Иркутской губерніи перевозка соли раздѣлена была между 12 подрядчиками. Доставка хлѣба изъ Верхнеудинскаго уѣзда на Лену отдана была на откупъ, безъ торговъ, подрядчикамъ Кузнецову и Малееву. Иркутскій купецъ 1-й гильдіи Свѣшниковъ просилъ о выдачѣ ему привилегіи на построенную имъ близъ Иркутска крупчатку и, кромѣ того, права отыскивать камни для жерновов, гдѣ бы они ни нашлись, безъ всякой платы за мѣсто, добычу и отдѣлку камней, и воспрещеніе другимъ лицамъ заводить новыя подобныя мельницы [2]). Вообще, разсказы иркутскихъ старожиловъ почти единогласно свидѣтельствуютъ, что до 20-тыхъ годовъ въ иркутскомъ обществѣ во всей силѣ господствовала монополія купеческая, эксплуатація буржуазная, хотя еще и самая патріархальная. Такъ, наприм., д. с. с. Н. П. Булатовъ разсказываетъ: «до 20-тыхъ годовъ *у насъ была страшная монополія*: всего два-три купца ѣздили на ярмарку и торговали привозными товарами. Мѣстныя произведенія были чрезвычайно дешевы: на пять рублей вы могли накупить припасовъ на двѣ недѣли; но цѣны на товары были ужасныя. По привозѣ съ ярмарки онѣ нѣсколько понижались. Такъ, напримѣръ, сахаръ вы могли сначала купить по 1 р. 50 коп. фунтъ (вспомните,

[1]) Г. Вагинъ, I, 325 353.
[2]) Ibid., I, 365, 366, 364, 328, 415.

что стоилъ тогдашній рубль). Богатые этимъ пользовались и закупали скорѣе годовую провизію. Черезъ недѣлю цѣна уже поднималась на 20, 25 коп. на фунтъ; черезъ два, три дня еще, еще... а черезъ мѣсяцъ доходила до 2 р. 50 коп. и такъ оставалась до новаго привоза. Бумажный носовой платокъ, какихъ-нибудь вершковъ въ шесть, съ набивными цвѣтами, уродливыми, какихъ не возьметъ нынче ни одна крестьянка, стоилъ 1 р. 50 к.; сукна почти не было,—сукно носили только самые знатные люди, а въ общемъ употребленіи была нанка. Я помню, что уже въ 23 или 24 году, сдѣлавшись столоначальникомъ въ общемъ управленіи, я въ первый разъ сшилъ себѣ суконную пару — синяго цвѣта: хотѣлъ пощеголять. Сукна я купилъ 4 аршина, по 15 руб. аршинъ, и что это за сукно! Вѣрно, ни одинъ жандармъ нынче такого не носитъ, толщиною въ палецъ, ворса какъ заячья шерсть, а вдобавокъ, если вы проносите это платье два часа, то надо было столько же времени отмываться: такъ сильно пачкало это сукно. И эти господа увѣряли, что они дешевле продавать не могутъ. Если вы короткій пріятель какому-нибудь купцу, то онъ, пожалуй, и уступитъ вамъ съ обыкновенной продажной цѣны процентовъ сорокъ, и будетъ увѣрять, что онъ продаетъ вамъ по покупной цѣнѣ, безъ всякаго барыша. Даже покажетъ торговыя свои книги: вы, дѣйствительно, видите, что вещь, которую пріятель отдаетъ вамъ, напримѣръ, за 10 рублей, была и куплена за 10 руб.—и остаетесь очень довольны. А между тѣмъ, вы и не подозрѣваете, что при этомъ онъ всетаки взялъ съ васъ барыша 18%. Дѣло было очень просто. Въ Сибири ходили исключительно ассигнаціи: серебро если и появлялось изрѣдка, то какъ товаръ, а не какъ монета: его покупали и продавали, какъ товаръ. И то были только одни рубли. Мелкой монеты здѣсь вовсе не водилось: до поѣздки въ Петербургъ въ 30 годахъ, я зналъ объ ней только по слуху. Между тѣмъ, во внутреннихъ губерніяхъ, какъ извѣстно, и монета, и ассигнаціи ходили съ лажемъ. Купецъ покупалъ на ассигнаціи и платилъ, напримѣръ, 10 рублей. Отъ него принимали ассигнаціи съ лажемъ за 11 р. 80 коп. и отпускали ему товару на эту сумму, а онъ записывалъ у себя, что платилъ за товаръ не 10, а 11 р. 80 коп. Намъ и въ голову не приходило, что насъ такъ обираютъ»[1]. Другіе современники Трескина и Сперанскаго, чиновники, купцы и мѣщане, также разсказываютъ довольно фактовъ, какъ богатые купцы, въ родѣ Расторгуева, Солдатова и т. п., заискивали у начальства казенныхъ подрядовъ и откуповъ, съ фальшивыми довѣренностями добивались взять подрядъ поставлять провіантъ на всю восточную Сибирь по одной цѣнѣ и т. п. Иркутяне, современники Трескина, единогласно свидѣтельствуютъ: «въ 1807—1808 годахъ *въ Иркутскѣ была оппозиціонная партія купцовъ*: само начальство, изъ своекорыстныхъ видовъ, раболѣпно потворствовало купечеству, особенно торговавшему пушниной. Наприм., купцы Кандинскіе держали весь нерчинскій край на откупѣ и дѣлали съ крестьянами и инородцами, что хотѣли. Давали промышленнику денегъ или товару, последній, конечно, по дорогой цѣнѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ имъ

[1]) Г. Вагинъ. I, стр. 570—571.

наприм., 1000 бѣлокъ, по 25 коп. ассигнац. за штуку; а сколько не доставитъ, за это долженъ былъ заплатить по продажной цѣнѣ, которая у нихъ быстро возвышалась и доходила отъ 50 коп. даже до 1 руб. ассигн. за штуку. Что и ставилось промышленнику на счетъ. Такимъ образомъ промышленникъ никогда не могъ выйти изъ долгу и весь промыселъ отдавалъ купцамъ даромъ. Стада лошадей, рогатаго скота и овецъ были у Кандинскихъ очень большія и сдавались скотникамъ и пастухамъ съ тѣмъ, чтобы доставить въ годъ извѣстное количество приплоду и масла. За недостаткомъ этого и убыль въ скотѣ скотники и пастухи отвѣчали, что и ставилось имъ на счетъ. Доходило до того, что мелкіе чиновники, забирая у Кандинскихъ товары впередъ по высокой цѣнѣ, предоставляли имъ получать свое жалованье изъ казначейства. Злоупотребленія Кандинскихъ остались необнаруженными и безнаказанными и при Сперанскомъ и продолжались до ревизіи сенатора Толстого, даже отчасти послѣ — до Муравьева. Купцы Черные въ Баргузинѣ дѣлали то же, за что впрочемъ пострадали отъ Сперанскаго. Въ Якутскѣ существовала тоже система грабежа подъ видомъ торговли, и это тянулось до временъ Муравьева. Система казенныхъ подрядовъ при Трескинѣ, сопряженная съ разграбленіемъ казны посредствомъ непомѣрныхъ подрядныхъ цѣнъ, часть которыхъ шла на взятки, конечно, доходила до крайности; но злоупотребленія эти не уменьшались и послѣ него: и реформа Сперанскаго ничего тутъ не сдѣлала, голова городской Думы при Трескинѣ, купецъ Ксенофонтъ Сибиряковъ, взявши подрядъ соли на 4 года за высокую цѣну, нажилъ отъ того до милліона серебромъ. Вообще, купцамъ тогда было не житье, а масленица» [1]).

Наконецъ, общественная гегемонія буржуазіи до того усилилась въ иркутскомъ обществѣ, что съ воеводскимъ самоуправствомъ запугивала народъ и стремилась подчинить себѣ и мѣстное правительство. Передъ ней нерѣдко раболѣпствовало и самое начальство. Купеческая партія въ значительной степени вынудительно содѣйствовала смѣнѣ многихъ главныхъ начальниковъ края, генералъ-губернаторовъ Селифонтова и Леццано. Мѣщане и мелкіе купцы трепетали передъ такимъ градскимъ головой, каковъ былъ, наприм., Ксенофонтъ Михайловичъ Сибиряковъ. Далѣе, высшіе начальники края иногда раболѣпно преклонялись и унижались передъ нимъ. Напримѣръ, одинъ купецъ, современникъ Трескина, разсказываетъ: «Голова, Ксенофонтъ Михайловичъ Сибиряковъ — тоже дикій былъ человѣкъ: какъ начнетъ чубукомъ махать—бѣда. А всетаки голова, защитникъ... Я разсказываю свою просьбу начальнику, а самъ взглядываю на голову, Сибирякова: думаю, бѣда, если что-нибудь не такъ, пожалуй и съ чубукомъ бросится при самомъ генералъ-губернаторѣ... Лавинскій былъ отличный генералъ-губернаторъ, тоже простой и добрый. Захворалъ какъ-то Сибиряковъ; я былъ у него, ушелъ и оставилъ его одного. Только сошелъ съ лѣстницы, смотрю,—навстрѣчу мнѣ Лавинскій,—и на лѣстницу. Я думаю,—что же, тамъ вѣдь никого нѣтъ,—и самъ потихоньку за нимъ

[1]) Г. Вагинъ, 1. 586—587.

поднялся. Вижу, Лавинскій вошелъ въ залу, — и остановился; не знаетъ, идти или нѣтъ въ залу. Я вошелъ, поклонился и стою. Онъ, кажется, узналъ, что я тотъ же, что попалъ ему навстрѣчу. Сдѣлайте одолженіе, говоритъ, доложите Ксенофонту Михайловичу обо мнѣ, — а говорилъ онъ всегда въ носъ, по-французски. Каково, — «доложите»! Это *у мужика-то генералъ-губернаторъ докладываетъ*. Я сказалъ Сибирякову, пустилъ Лавинскаго въ кабинетъ, подставилъ ему кресло, и ушелъ. Не знаю ужъ какъ онъ ушелъ оттуда. Помню еще,—были выборы. Упрашивали Сибирякова остаться головой на третье трехлѣтіе; онъ не соглашался. Вотъ и придумали послать депутацію къ Лавинскому—просить его помощи. Онъ принялъ и говоритъ: ахъ, очень хорошо; я самъ съ вами сейчасъ поѣду. Этого никто и не ожидалъ. Пріѣхалъ Лавинскій въ собраніе, просилъ всѣхъ сидѣть, подходитъ къ другому концу залы,—а биржевая зала была огромная,—гдѣ было, такъ сказать, присутствіе, и говоритъ: «Ксенофонтъ Михайловичъ! Знаю, милостивые государи», — это онъ ужъ обратился ко всѣмъ намъ: «что мнѣ, говоритъ, здѣсь не мѣсто, что я ни почему не долженъ быть здѣсь, только меня, говоритъ, просили, и я хочу просить Ксенофонта Михайловича не какъ генералъ-губернаторъ, а какъ простой гражданинъ». И принялся просить. Сибиряковъ крѣпился, крѣпился, да какъ фыркнетъ: «что, говоритъ, ваше высокопревосходительство: пріѣдешь къ начальству просить, просишь, — все обѣщаютъ, а пріѣдешь домой, глядь тебя и въ затылокъ!» Лавинскій такъ и опѣшилъ: ему въ глаза говорятъ такія вещи. А Сибиряковъ и давай фыркать: и то, и другое, и третье: только-что чубукомъ не машетъ, — оттого, что чубука-то не было. Мы смотримъ, да только и думаемъ: скоро ли тебя за рѣчку отправятъ. Слушалъ, слушалъ Лавинскій, да и говоритъ: успокойтесь, Ксенофонтъ Михайловичъ, успокойтесь; я здѣсь не генералъ-губернаторъ, а простой гражданинъ; я прошу васъ вмѣстѣ съ другими. Слышимъ, — Сибиряковъ, хоть и споритъ, только ужъ другимъ голосомъ—потише. Лавинскій и говоритъ: «я, говоритъ, господа, васъ оставляю: я увѣренъ, что Ксенофонтъ Михайловичъ согласится на общую просьбу», — и уѣхалъ. Мы приступили къ Сибирякову, — ну, говоримъ, теперь какъ знаешь: самъ генералъ-губернаторъ тебя просилъ. — Нечего, говоритъ, дѣлать: готовъ еще послужить» [1]).

Итакъ, на основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ, можно сказать утвердительно, что въ иркутскомъ обществѣ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія главною дѣйствующею силою была вовсе не демократическая сила массы городского населенія, а буржуазная олигархія довольно могущественной купеческой партіи. Что эта иркутская купеческая партія проникнута была тогда вовсе не демократическими стремленіями, не общенародными интересами, а чисто эгоистическими, буржуазно-коммерческими и отчасти буржуазно-политическими разсчетами,—это ясно обнаружилось также въ участіи и значеніи ея въ дѣлахъ Россійско-американской Компаніи. Въ основаніи Сѣверно-американской Компаніи выразился

[1]) Г. Вагинъ, 1, стр. 575—577.

можно сказать, полнѣйшій расцвѣтъ и плодъ буржуазныхъ стремленій иркутскихъ купцовъ—откупщиковъ и монополистовъ. Купецъ Шелеховъ въ Иркутскѣ и скончался. Барановъ, главный правитель россійскихъ колоній въ Америкѣ, былъ иркутскій купецъ: въ 1780 г. онъ переселился изъ Каргополя въ Иркутскъ и сначала, какъ мы сказали уже, завелъ здѣсь стеклянный и водочный заводы, а также занимался подрядами и откупами. Мыльниковъ, бывшій въ 1799—1800 г. директоромъ Компаніи, принадлежалъ къ персоналу самыхъ именитыхъ иркутскихъ купцовъ 1-й гильдіи. Киселевъ, соучастникъ Компаніи, былъ тоже иркутскій купецъ. Всѣ частныя артели, изъ которыхъ сложилась одна монополистическая Россійско-американская Компанія, были большею частію компаніи иркутскихъ купцовъ, и до такой степени проникнуты были стремленіями къ буржуазно-олигархической монополіи, что въ 1796 г. компаніи иркутскихъ купцовъ, производившія промыслы по грядѣ Алеутскихъ острововъ отъ Камчатки до Аляски, для усиленія наживы, соединились съ компаніею Шелехова и Голикова. Компанія эта, по обширной привилегіи, выхлопотанной ею у правительства, обладала не только торгово-промышленнымъ господствомъ, называясь «торговымъ обществомъ», но и въ значительной степени политическою или административною властью надъ сѣверо-американскими русскими колоніями. Барановъ, награжденный при императорѣ Павлѣ золотою медалью, а при Александрѣ I чиномъ коллежскаго совѣтника и орденомъ св. Анны 2-й степени, облеченъ былъ властію главнаго правителя русскихъ колоній въ Америкѣ. Пользуясь этой властью, онъ предписалъ потомъ и всѣ частныя, раздробленныя артели мелко-промышленныхъ людей—крестьянъ и мѣщанъ «соединить въ одну компанію и на одинаковомъ положеніи, чтобы всѣ промысла, прежде выдаваемыя мѣхами, поступали по одинаковой постоянной таксѣ въ компанію, а отъ оной уже платилось бы за нихъ деньгами». Такое самовольное распоряженіе, очевидно, эксплуатировало мелкихъ промышленниковъ и возбуждало въ нихъ неудовольствіе. «Сія новая система,—замѣтилъ даже біографъ-панегиристъ Баранова,—была выгоднѣе компаніи, чѣмъ промышленникамъ, и потому встрѣтила сильное сопротивленіе, которое стоило Баранову великихъ заботъ и многолѣтней переписки съ правленіемъ» [1]). Эгоистически-эксплуататорскій, буржуазный духъ Баранова выразился и въ его «жестокомъ управленіи» Компаніей. «Онъ, — писалъ Сперанскій къ гр. Гурьеву,—жестокимъ и вздорнымъ своимъ управленіемъ озлобилъ природныхъ жителей, далъ иностранцамъ поводъ показать имъ болѣе выгодъ роскошью своего обхожденія и, сверхъ того, совершенно обезславилъ Компанію. Я имѣю въ рукахъ неоспоримыя сему доказательства. Но вмѣсто всѣхъ доказательствъ, довольно прочитать статью, недавно въ «Сынѣ Отечества» (№ 13) г. Головинымъ напечатанную. Сей Барановъ, твердый и отважный, но пьяный и жестокій мужикъ, по семи лѣтъ оставлялъ собственныхъ нашихъ русскихъ промышленниковъ на необитаемыхъ

---

[1]) Жизнеописаніе А. А. Баранова, главнаго правителя россійскихъ колоній въ Америкѣ. Соч. Хлѣбниковъ. Спб. 1833 г., стр. 73.

островахъ безъ вѣсти и пропитанія. И теперь еще неизвѣстно, не томятся ли гдѣ подобные бѣдняки въ сихъ дикихъ пустыняхъ», и проч. [1]). Вообще, деспотическая и буржуазная монополія Компаніи засвидѣтельствована была въ 1804 г. и управителемъ Камчатки генералъ-маіоромъ Кушелевымъ. Въ Высочайшемъ докладѣ 4 авг. 1804 г., по рапорту Кушелева, между прочимъ сказано: «По прибытіи въ Камчатку генералъ-маіоръ Кушелевъ узналъ, что Американская Компанія производитъ тамъ совершенную монополію, захвативъ въ свои руки всѣ торговые обороты, даже до самой мелочной продажи, и что она одна привозитъ туда всѣ вообще товары, изъ самыхъ же купцовъ весьма немногіе. Такъ, напр., въ означенномъ случаѣ, товаровъ отъ Компаніи привезено 633 пуда, а у партикулярныхъ людей только 98 пудовъ. Отсюда непомѣрная во всемъ дороговизна, такъ что фляга водки (около 3 ведеръ) продается тамъ отъ 70 и до 100 рублей, масла пудъ 60 рублей и т. п. Вообще, Компанія употребляетъ во зло имя и покровительство своего Высочайшаго акціонера и, будучи подкрѣпляема вице-адмираломъ Фоминымъ, котораго агенты ея умѣли совершенно къ себѣ преклонить, производитъ тамъ всякія несправедливости: недостатокъ въ продовольствіи повсемѣстенъ, мелко-торгующіе купцы совершенно обижены, вещей прямо нужныхъ нѣтъ, а водки, столь пагубной для тамошняго края, Компанія привозитъ всегда довольно» [2]). Наконецъ, мелко-промышленные люди—мѣщане и крестьяне, а также рабочія компаніи терпѣли такой недостатокъ въ пищѣ и такія жестокія, невыносимыя притѣсненія отъ буржуазнаго правителя, иркутскаго купца Баранова, что въ 1809 г. въ Ситхѣ вспыхнулъ противъ него бунтъ. Промышленникъ Наплавковъ и крестьянинъ Поповъ стали составлять общество изъ недовольныхъ и угнетенныхъ, чтобы Баранова убить и на капиталы Компаніи основать новыя поселенія въ Америкѣ. Хотя заговоръ этотъ и не удался, но всетаки онъ показываетъ, до какой степени буржуазно-купеческая монополія Компаніи была враждебна интересамъ мелко-промышленнаго и рабочаго класса [3]). Вотъ какую борьбу между буржуазіей и рабочимъ людомъ порождалъ тотъ буржуазно-монополистическій духъ, какимъ проникнуты были выходцы изъ «маленькой иркутской республики» — купцы Барановы, Киселевы и вообще вся компанія иркутскихъ купцовъ.

При сознательномъ или безсознательномъ стремленіи богатаго купечества къ общественному, буржуазному преобладанію и при отсутствіи дворянства, никакой другой классъ общества въ Сибири не могъ выступить въ антитезъ купеческой буржуазіи и монополіи, кромѣ чиновничества, класса правительственно-служебнаго, административнаго. Какъ купеческая буржуазія развивалась изъ до-петровскаго сословія торговыхъ и промышленныхъ людей, такъ чиновничество въ Сибири преемствовало до-петровскому штату воеводъ приказныхъ и служилыхъ людей. Подобно торговымъ и промышленнымъ людямъ, и чиновничество въ Сибири, вслѣдствіе

[1]) Вагинъ, II, стр. 107.

[2]) Иркутскій рукописн. сборникъ начала XIX столѣтія, сообщен. мнѣ С. С. Поповымъ.

[3]) Жизнеописаніе Баранова, стр. 127—131.

общаго преобладанія торгово-промышленныхъ интересовъ, сильно склонно было къ занятію торговлею и промышленностью. Уже въ XVII в. приказные и служилые люди, сбирая ясакъ съ инородцевъ и завѣдывая ими, сплошь и рядомъ наживались отъ нихъ «посулами и поминками» — соболями и лисицами, а нерѣдко и торговали съ ясачными иноземцами. Такъ и въ XVIII в. чиновники сплошь и рядомъ, за одно съ крестьянами и мѣщанами, торговали съ инородцами. Земскіе исправники обвинялись въ торговлѣ съ инородцами собственными товарами подъ видомъ казенныхъ: коммиссіонерами у нихъ въ торговыхъ оборотахъ были иногда крестьяне. Нижнеудинскій исправникъ Лоскутовъ прославился въ торговлѣ съ Карагассами. Вообще, чиновничество въ Сибири, по общему преобладанію эгоистически-пріобрѣтательныхъ, торгово-промышленныхъ наклонностей, не менѣе купечества страдало недугомъ лихоимства, тѣмъ болѣе, что наибольшая часть чиновниковъ до Сперанскаго были природные сибиряки и потому въ буржуазныхъ наклонностяхъ, естественно, не уступали всѣмъ природнымъ сибирякамъ. После ревизіи Сперанскаго, Сибирскій комитетъ нашелъ, что главный предметъ обвиненій и слѣдствій, какъ въ отношеніи купцовъ, волостныхъ старшинъ и другихъ людей, такъ и въ отношеніи чиновниковъ, состоялъ въ лихоимствѣ, какъ-то: въ лихоимствѣ при хлѣбныхъ заготовленіяхъ и запасахъ, при устроеніи дорогъ и отправленіи земскихъ повинностей, при торговлѣ съ ясачными, при поселеніяхъ и проч. Вслѣдствіе такого буржуазнаго, торгово-промышленнаго направленія, чиновничество неизбѣжно должно было столкнуться въ своихъ интересахъ съ интересами купечества. Оно должно было или дѣйствовать съ купцами заодно, вступать съ ними въ союзъ, или же встрѣтить оппозицію со стороны купеческой монополіи и вести съ нею борьбу. Такъ, дѣйствительно, и было. Въ торговлѣ съ инородцами образовались двѣ антагонистическія партіи—купеческая и чиновничья. Сперанскій такъ охарактеризовалъ обѣ эти партіи: «въ Сибири, относительно торговли съ инородцами, существовали до 1819 года двѣ системы. Одну изъ нихъ можно назвать запретительною, другую--свободною. Запретительную систему вводили и при удобныхъ случаяхъ старались укоренить разные чиновники полицейскаго управленія. Системы свободной всегда просили, иногда въ своемъ домогательствѣ успѣвали—купечество, вообще промышленники, и сами инородцы. Полиція представляла, что торговцы и промышленники обманываютъ инородцевъ, пользуясь ихъ незнаніемъ цѣны вещей, продаваемыхъ или промѣниваемыхъ, что инородцы не умѣютъ защищаться противъ притѣсненій частныхъ людей, что при свободѣ торговли нельзя усмотрѣть, соблюдается ли опредѣленное въ законѣ запрещеніе ввозить къ инородцамъ горячіе напитки, нельзя ожидать, чтобъ инородцы платили въ казну ясакъ исправно, звѣрями окладными и лучшей доброты, и наконецъ, нельзя продавать инородцамъ хлѣбъ съ выгодою для казны изъ запасныхъ магазиновъ, и подобныхъ обстоятельствъ, въ законѣ опредѣленныхъ. Противъ сихъ предлоговъ мѣстной полиціи торговцы и промышленники представляли, что ограниченія въ торговлѣ съ инородцами могли быть допускаемы прежде, но не нынѣ, когда число торгующихъ уже не малое и, слѣ-

довательно, есть соревнованіе, что причины, побуждающія полицейскихъ чиновниковъ о запрещеніи, суть выгоды не казенныя, а ихъ собственныя, ихъ собственная торговля съ инородцами, и что, наконецъ, установленная сими чиновниками выдача билетовъ частнымъ лицамъ на проѣздъ въ кочевья инородческія для торговли есть ничто иное, какъ собственный ихъ корыстолюбивый расчетъ» [1]). Но съ другой стороны, едва ли не чаще чиновники, въ дѣлахъ торговли и промышленности, вступали въ союзъ съ мелко-торгующими купцами и крестьянами. У земскихъ исправниковъ въ торговлѣ съ инородцами, какъ мы сказали, коммиссіонерами иногда были крестьяне. Чиновники иркутскаго губернскаго правительства при Трескинѣ «имѣли прикосновенность къ дѣлу откупщика Передовщикова». Вообще, весьма обыкновенны были взаимныя стачки чиновниковъ съ мелкоторгующими купцами и наиболѣе зажиточными крестьянами. Въ этомъ отношеніи любопытно, напримѣръ, дѣло о крестьянинѣ Кокоринѣ. Онъ, нанимаясь у верхоленскихъ бурятъ содержать на Ольхонской станціи 1½ пары обывательскихъ лошадей, просилъ съ нихъ за 1816 г. 11,000 р., за 1817 г. 14,000 р. и за 1818 г. 12,000 р., тогда какъ казенная цѣна была 750 р. въ годъ. Буряты не согласились на эту несправедливую плату. Но засѣдатель Романовъ вынудилъ ихъ выдать ее Кокорину. Буряты не смѣли спорить и поневолѣ согласились. Затѣмъ, Кокоринъ немилосерднымъ образомъ взыскивалъ съ бурятъ платежъ денегъ, прибѣгая къ помощи бюрократіи. Засѣдатели и даже губернское правительство принимали его сторону. По распоряженію губернскаго правительства, засѣдатель описалъ даже у бурятъ сѣно—запрещенное къ описи по закону,—не спросивъ даже не только о справедливости, но и дѣйствительности долга [2]). Наконецъ, даже самъ Трескинъ, передъ пріѣздомъ Сперанскаго, «составилъ себѣ въ Иркутскѣ партію не только изъ всѣхъ чиновниковъ, съ которыми дѣлился, но даже изъ всѣхъ почти купцовъ, съ которыми сообща производилъ торговлю». Въ 1807 г. повѣренный совѣтника коммерціи Передовщикова по дѣламъ откупа иркутскихъ сборовъ, мѣщанинъ Андреянъ Третьяковъ, «найдя общій съ иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ интересъ», подалъ въ казенную экспедицію прошеніе о передачи иркутскихъ сборовъ, вмѣсто откупщика Передовщикова, настоящаго ихъ хозяина», иркутскимъ купцамъ Иванову и Забѣлинскому. Трескинъ, въ виду своихъ интересовъ, утвердилъ просьбу, хотя дѣло это, потомъ, и не состоялось [3]). Вообще, чиновники, или одни, сами по себѣ, или вмѣстѣ съ мелкоторгующими купцами, мѣщанами и крестьянами, постоянно соперничали, въ дѣлахъ торговли и казенныхъ поставокъ, подрядовъ и сборовъ, съ крупными капиталистами и промышленниками. Буржуазной партіи и монополіи купеческой, могучей силой капитала, они стремились противопоставить партію и монополію бюрократическую, чиновничью, снабженную силою власти, суда и законовѣдѣнія. Такъ какъ много было купцовъ, мѣщанъ

[1]) Г. Вагинъ, 1, стр. 321—322.
[2]) Г. Вагинъ, 1, 100—101.
[3]) Ibid., 1, 95, 559—560.

крестьянъ, которые тоже страдали отъ эксплуататорской монополіи итыхъ купцовъ, то неудивительно, что чуть не всѣ мелкоторгующіе цы также примкнули къ партіи чиновничьей, надѣясь на ея поддержку окровительство. Развитіе и усиленіе чиновничьей партіи и монополіи, ечно, не нравилось крупно-промышленной, капиталистической купечей партіи, противно было ея буржуазнымъ интересамъ и стремленіямъ, іятствовало успѣхамъ ея монополіи. И вотъ, отсюда неизбѣжно возникла озиція господствующей купеческой олигархіи и монополіи противъ тіи и монополіи чиновничьей. Въ Томскѣ образовались партіи купечея и губернаторская. Въ Иркутскѣ, противъ партіи и монополіи именитыхъ ильныхъ купцовъ—Сибирякова, Мыльникова, Передовщикова и мноь другихъ, Трескинъ составилъ партію изъ чиновниковъ и многихъ которгующихъ купцовъ. Началась борьба. Трескинъ, оффиціально лномоченный обширными правами власти, сталъ дѣйствовать круто, потически противъ монополіи и гегемоніи купеческой партіи. «Впрочемъ,— рритъ одинъ современникъ, д. с. с. Н. П. Булатовъ,—Трескина вынуили къ крутымъ мѣрамъ и самыя обстоятельства. Мѣстное купечество него было такъ сильно, что 5 или 6 губернаторовъ,—хорошо не знаю,— іи смѣщены по ихъ жалобамъ. Когда поступилъ Трескинъ, купцы чала присматривались, каковъ онъ будетъ: хорошъ—ладно, не хорошъ— жно смѣнить. Трескину необходимо было показать свою силу. Помy, при первомъ противорѣчіи купцовъ, онъ разослалъ ихъ въ разныя та: Сибиряковыхъ, Мыльниковыхъ, Дудоровскихъ, Одуевскихъ,—однимъ вомъ, всѣхъ, кто былъ противъ него. Тогда увидѣли, что съ Трескимъ нельзя спорить» [1]). Въ общемъ разсказѣ иркутянъ находимъ такое свидѣтельство: «Трескинъ, въ началѣ своего управленія, старался чтожить оппозиціонную партію купцовъ, образовавшуюся еще до его ѣзда, и кончилъ ссылкой Мыльникова и Мих. Сибирякова, какъ лю. болѣе другихъ опасныхъ; остальное иркутское городское общество вано ябеднической шайкой. Трапезниковы (купцы же) тоже были тивъ Трескина и ихъ подозрѣваютъ въ отправленіи Саламатова въ гербургъ съ доносомъ. Одно время, по подозрѣнію въ отправкѣ ими оса, къ дому ихъ приставленъ былъ караулъ. Письма подозритеськъ лицъ изъ Иркутска и въ Иркутскъ распечатывались» [2]). Наконецъ, во подданѣйшемъ рапортѣ Пестеля, составленномъ, конечно, Трескинымъ ѣлявскимъ, хотя страстно, преувеличенно, но въ сущности вѣрно изобраю было господство въ сибирскомъ обществѣ буржуазной купеческой паріи, вообще, сильное, чрезмѣрное развитіе и преобладаніе надъ соціальными ствами и общественными интересами эгоистически-пріобрѣтательныхъ, жуазныхъ страстей и наклонностей. «Едва только коснулся,—сказано этомъ рапортѣ,—раскрыть массу существеннаго зла и безпорядковъ, съ няго времени подавляющихъ здѣсь основанія нравственности, нарушаихъ спокойствіе мирной гражданской жизни и похищающихъ досто-

[1]) С. Г. Вагинъ, въ прилож. къ 1 т., стр. 572—573.
[2]) С. Г. Вагинъ, 1, 587.

яніе слабаго; едва примѣтны были дѣйствія мои не въ пользу корыстолюбцевъ, — какъ со всѣми усиліями обнаружились предпріятія (оппозиціонной купеческой партіи) въ многоразличныхъ видахъ къ клеветамъ и помраченію истины... Въ такомъ положеніи, всемилостивѣйшій государь, находился и нахожусь я въ краю отдаленнѣйшемъ, въ краю. опредѣленномъ для наказанія, гдѣ по естественной удобности существуютъ пороки, гдѣ правила благонравія, не имѣя еще и чреды своей, затмеваются злоупотребленіями, гдѣ порядокъ правосудія состоялъ только въ одной формѣ производства, и гдѣ, напослѣдокъ, никакъ не можетъ быть пріятно начальство, учреждающее спокойствіе въ общежитіи и охраняющее собственность каждаго отъ хищничества сильныхъ. Никакая черта не въ состояніи изобразить утонченность здѣсь хитрости къ изысканію способовъ на беззаконныя стяжанія. При всѣхъ невѣжествахъ и грубостяхъ, уловляются безъ упущенія всѣ случаи къ обогащеніямъ на счетъ простоты беззащитной, и можно изъяснить навѣрное, что доселѣ недостаточный и бѣдный не были допускаемы до состоянія средняго, а всегда повергались еще въ крайнѣйшую бѣдность и ничтожество. Подряды, откупа и перекупы запасовъ и продовольствія были захвачены въ одни руки, и при величайшихъ налогахъ малое число народа Сибирскаго края истощало избытки свои, въ крайности, за цѣну, опредѣляемую по произволу богатѣйшихъ, въ какомъ порядкѣ общежитія часто можно видѣть исправнаго гражданина и зажиточнаго поселянина въ короткое время наемникомъ у алчныхъ корыстолюбцевъ. Все сіе существовало въ превосходной степени и силится еще стремительно удержаться въ предѣлахъ своихъ разными происками и кознями людей, тѣмъ обогащающихся». Доселѣ въ рапортѣ изображалось общее развитіе и усиленіе буржуазно-эксплуатирующей народъ купеческой партіи. А затѣмъ, въ частности, такимъ образомъ характеризуется общественное самоуправство иркутской буржуазно-монополистической купеческой олигархіи: «Иркутское гражданское общество заключало въ себѣ съ давнихъ временъ извѣстное число безпокойныхъ и дерзкихъ людей, непокорныхъ начальству. Недовѣріе въ отправленіи иркутскими гражданами службъ общественныхъ побуждало уже и Правительствующій Сенатъ назначать къ исправленію почетныхъ должностей въ Иркутскѣ людей изъ другихъ городовъ. Но производившіе важнѣйшее вліяніе на общественное безпокойствіе, сосредоточивая собою всѣ безпорядки, уклонялись доселѣ отъ преслѣдованія вредныхъ ихъ предпріятій, а если когда и открывались лица дѣйствующихъ, то оныя находили черезъ хитрые свои происки защиту отъ цѣлаго общества, именемъ котораго располагали они и свои дѣйствія къ собственнымъ своимъ непозволеннымъ прибыткамъ и оправдывались въ случаѣ обнаруженнаго преступленія. Такимъ образомъ, малое число людей изъ иркутскихъ гражданъ по преимущественному ихъ состоянію, присвоивъ себѣ отличіе, вводили другихъ къ уваженію ихъ замысловъ, вооружаясь нерѣдко противъ безпорядковъ установленнаго надъ ними мѣстнаго начальства, пренебрегали дѣлаемыя съ нихъ взысканія и, поколебавъ умы низкаго сорта людей отважными своими предпріятіями, оставшимися по разнымъ въ пользу ихъ

стеченіямъ безъ должнаго взысканія, утвердили тѣмъ мнѣніе о необходимости во всегдашнемъ изъ числа ихъ кого-либо избраніи въ почетныя общественныя должности, и какъ весь кругъ сихъ безпокойныхъ и дерзкихъ людей завелъ между собою родственныя связи, то чрезъ занятіе однимъ изъ нихъ всегда выгодной должности соблюдается польза всѣхъ вообще единомышленниковъ... Главная промышленность первыхъ иркутскихъ гражданъ состоитъ въ подрядахъ, откупахъ и перекупахъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ; расположеніемъ ихъ въ оборотахъ таковой торговли такъ бываютъ искусны, что при бдительномъ надзорѣ всегда скрываютъ въ кругу давно заведенныхъ связей съ тѣми изъ поселянъ, кои, подобно имъ, обогащаются непозволительною торговлею, и всѣ сіи предпріятія не прежде открываются, какъ при совершенной крайности, когда ощутителенъ бываетъ недостатокъ въ продовольствіи: тогда необходимость заставляетъ прибѣгать къ пособію перекупщиковъ, установляющихъ цѣну по своему желанію; чему важнѣйшимъ доказательствомъ служить можетъ происшедшій недостатокъ въ заготовленіи хлѣба для продовольствія войскъ въ прошедшемъ году. Провіантскіе поставщики, упустивъ удобное время для закупки хлѣба, не получивъ въ назначенный срокъ по условіямъ своимъ отъ казны денегъ при всѣхъ пособіяхъ мѣстнаго начальства заимообразною выдачею денегъ и отпускомъ хлѣба изъ запасныхъ магазейновъ и изъ винокуренныхъ заводовъ—нашлись въ необходимости искать помощи у иркутскихъ купцовъ, изъ коихъ нѣкоторые, Сибиряковъ, Николай Баснинъ—учинили съ повѣренными поставщиковъ условіе на поставку знатнаго количества хлѣба по цѣнамъ, какія только можно установить въ необходимости, и когда уже не было никакихъ средствъ произвесть закупку у поселянъ, то у подрядившихся открылись совсѣмъ неизвѣстные прежде источники къ продовольствію. При столь вредныхъ склонностяхъ къ корыстямъ сказанныхъ иркутскихъ купцовъ, еще открылось, что всякое общественное собраніе оканчиваетъ согласіе свое въ выборахъ и рѣшеніяхъ разныхъ общественныхъ вопросовъ на уваженіи назначенія кого-либо изъ извѣстныхъ и считающихся въ числѣ первыхъ гражданъ. Наиболѣе отличается во всѣхъ предпріятіяхъ, именемъ общества, противъ дѣлаемыхъ со стороны правительства распоряженій купецъ Михайло Сибиряковъ, съ давняго времени и всѣми бывшими начальниками Иркутской губерніи замѣченный въ сильномъ стремленіи къ безпокойству, замѣшательствамъ и всегдашней склонности къ ябедамъ. Въ соучастіи съ нимъ не менѣе виновенъ подобнаго характера и склонности, тамошній же купецъ Николай Мыльниковъ; но этотъ, руководствуя перваго, а посредствомъ его и все иркутское общество, хитростію своею успѣваетъ во всякомъ случаѣ скрывать собственное лицо, и потому всегда остается свободнымъ отъ законнаго преслѣдованія и взысканія. Сибиряковъ же, по необузданной смѣлости и дерзновенію, многократно уже былъ судимъ за беззаконные поступки и освобождался отъ наказанія силою Всемилостивѣйшихъ манифестовъ, всегда получая подтвержденія даже и отъ Правительствующаго Сената о исправленіи поведенія своего—остался понынѣ съ прежнею предпріимчивостью къ возмущенію обще-

ственнаго безпокойствія». Далѣе, въ докладѣ представлены примѣры пристрастнаго предпочтенія иркутскимъ городскимъ обществомъ. въ выборахъ въ городскіе головы, «излюбленнаго» сильнаго купца М. Сибирякова менѣе значительному кандидату купцу Саватѣеву, выставленъ случай неповиновенія Иркутскаго городового магистрата и городской Думы законнымъ и нисколько не стѣснительнымъ для купечества требованіямъ казенной экспедиціи и губернскаго правительства «о бытіи одному изъ купеческаго общества для наблюденія за добротою и сортами при покупкѣ отъ казны товаровъ, нужныхъ для вымѣна у бухарцевъ ревеня, безъ всякой отвѣтственности приглашаемаго изъ купцовъ и притомъ не иначе, какъ только три или четыре раза въ годъ, по 3 или по 4 часа при каждомъ случаѣ, и, наконецъ, счислены всѣ преступленія, за которыя судился Сибиряковъ во время служенія его въ губернскомъ магистратѣ и въ бытность головой градской Думы, преступленія, большею частію проистекавшія изъ буржуазно-эксплуататорскаго произвола, хищничества и насилія и т. п. Въ заключеніи доклада, вообще, замѣчено о вліяніи Сибирякова на иркутское общество: «купецъ Сибиряковъ по разнымъ своимъ изворотамъ и дерзости, оказываемой противу начальства, имѣетъ не малое вліяніе на общество, изъ числа коего нѣкоторые съ нимъ въ связи по родству, другіе по разнымъ обязанностямъ, а многіе по единомыслію и склонности къ вреду, не менѣе и по предубѣжденію о его рѣшительныхъ противу начальства издавна оказываемыхъ поступкахъ—считаютъ его въ видѣ нѣкотораго ихъ руководителя и защитника; почему онъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ имѣя перевѣсъ, колеблетъ слабые умы и употребляетъ то въ свою пользу, со всегдашнимъ однакожъ противъ начальства возмущеніемъ къ неповиновенію; такъ и нынѣ произошло, что общество,—бывъ извѣстно о порочномъ состояніи Сибирякова, подвергнувшаго себя законопротивными поступками въ бытность его прежде головою отрѣшенію отъ сей должности, а общество подъ неоднократныя оштрафованія по указамъ Правительствующаго Сената,—не остановилось и въ настоящее время избрать его головою» [1]).

Окончательный исходъ борьбы купеческой и чиновничьей партій болѣе или менѣе извѣстенъ. Общее историческое значеніе ея теперь подлежитъ безпристрастному суду исторіи. Если бы кто спросилъ: которая же партія, купеческая или чиновничья, была болѣе справедлива и болѣе, такъ сказать, прогрессивна для сибирскаго общества по самому существу своему, -- то мы не обинуясь отвѣтили бы, что, по нашему мнѣнію, собственно обѣ партіи были несправедливы и вредны для нормальнаго общественнаго развитія, только въ неодинаковой степени и въ различныхъ отношеніяхъ.

Купеческая олигархія иркутскаго общества временъ Трескина вовсе не представляла какого-либо истиннаго, разумносознательнаго и справедливаго, честнаго гражданскаго стремленія къ общинному самоупра-

[1]) Г. Вагинъ, т. 1, стр. 543—546.

енію. Оппозиція Сибиряковыхъ, Мыльниковыхъ, скрѣпленная родствен-
ями и эгоистически-буржуазными связями, проникнутая вовсе не идеей
учшенія быта низшихъ, бѣдныхъ рабочихъ классовъ общества, не идеей
венства и солидарности интересовъ всѣхъ классовъ общества, не принци-
ми разумнаго, равноправнаго общиннаго самоуправленія и саморазвитія,
только идеей монополіи, откуповъ, подрядовъ, перекуповъ и поставокъ,
и, короче, «хищничествомъ сильныхъ корюстолюбцевъ»,—эта буржуазно-
печеская оппозиція въ сущности была ничто иное, какъ послѣдняя вспышка
-петровскаго обычнаго «учиненье сильными и непослушными» [1]), только
ставленная формами Городового Положенія и зачатками европейскаго
ржуазнаго духа въ азіятскомъ выраженіи. Въ концѣ XVIII и въ началѣ
IX столѣтія, партіи городскія, преимущественно купеческія, нужно ска-
ть, были и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ городахъ, наприм., въ Сара-
вѣ, Москвѣ и проч. Но эти партіи были большею частію старообрядче-
ія: старообрядцы добивались общественныхъ правъ, и въ Думахъ город-
ихъ головы, выбиравшіеся и изъ старообрядцевъ, стремились расширить
утвердить право старообрядческаго общества въ общественныхъ выбор-
ыхъ должностяхъ, въ участіи въ Думѣ. Въ Иркутскѣ же купеческая пар-
ія была чисто буржуазная, капиталистическая и притомъ въ значитель-
ой степени семейно-родовая. А такъ, «скопами и заговоромъ семьями
одомъ и племенемъ», составлялись эксплуататорскія партіи и въ до-пе-
ровской Руси, какъ въ городскихъ, такъ и въ сельскихъ обществахъ. Да
тогда, на земскихъ соборахъ высказывался протестъ со стороны земства
ротивъ такихъ «семейно-родовыхъ скоповъ и заговоровъ первыхъ прожи-
очныхъ людей». Въ XVII в. были такіе случаи и въ Сибири: «первые
рожиточные люди въ городахъ прибирали себѣ даже въ особыя слободы
вой родъ и племя и перезывали на льготу и другихъ тяглыхъ людей» [2]).
тремленіе къ низложенію губернаторовъ, неоднократно обнаруженное
ибиряковыми, Мыльниковыми и ихъ компаніею, также напоминаетъ го-
дскіе бунты XVII в. противъ воеводъ, но отнюдь не было разумно-со-
ательнымъ и истинно-общественнымъ стремленіемъ къ развитію и укрѣ-
енію равноправнаго и общиннаго самоуправленія въ Иркутскѣ. И, судя по
нѣшней степени умственнаго и нравственнаго развитія нашего купе-
ства, можно-ли даже a priori не сказать утвердительно, что въ XVIII
кѣ и въ началѣ XIX въ купечествѣ не только иркутскомъ, но и столич-
мъ невозможно, не мыслимо было развитіе разумнаго сознанія потребности
раведливѣйшаго общинно-равноправнаго соціальнаго строя и самоупра-
енія, а только возможно было и всецѣло преобладало развитіе эгоисти-
ски-пріобрѣтательныхъ буржуазныхъ наклонностей, по временамъ только
плачивавшихся, такъ сказать, отъ общества большими и меньшими
едротами филантропіи. По общимъ торгово-промышленнымъ условіямъ
ибирскаго края, естественно-обусловливавшимъ преобладаніе эгоистически-
ріобрѣтательныхъ, буржуазныхъ наклонностей, при отсутствіи интелли-

[1]) Обычное явленіе XVII в. и обычное выраженіе актовъ того времени.
[2]) Доп. къ А. И. IV, № 92, А. А. Э., III, № 105. VI, № 6.

гентнаго класса, болѣе или менѣе образованнаго дворянства. — не удивительно, что въ сибирскомъ обществѣ до-петровское сословіе гостей и торговыхъ людей гораздо быстрѣе преобразовывалось въ буржуазію, по «европейскимъ образцамъ и регуламъ», хотя съ своеобразными азіятско-китайскими оттѣнками. И какъ всегда буржуазія стремится къ общественному политическому господству, то не удивительно, что и въ сибирскомъ обществѣ, особенно въ Иркутскѣ, успѣвшая напередъ развиться купеческая буржуазія тоже стала стремиться къ своеобразной, если не политической, то общественной гегемоніи и силѣ, хотя въ чисто до-петровскомъ духѣ. Недаромъ купцы Мыльниковы, Сибиряковы, Барановы, Передовщиковы и подобные имъ всякими происками добивались почетнаго титла «первыхъ именитыхъ гражданъ», «совѣтниковъ коммерціи», кавалеровъ разныхъ орденовъ. Недаромъ компанія иркутскихъ, якутскихъ и другихъ купцовъ, соединившись въ одну Сѣверо-американскую Компанію, подъ управленіемъ иркутскаго купца Баранова, образовала особое «почетное сословіе» въ государствѣ, административно-торговое общество, уполномоченное огромными привилегіями и политическими правами. Въ 1822 г. правленіе Компаніи прямо утверждало и доказывало, что цѣль учрежденія Компаніи—политическая, а торговля ея—только средство для усиленія и распространенія ея политической силы [1]). Потому-то всемогущая сибирско-купеческая Компанія и стремилась распространить свою гегемонію не только на островахъ Тихаго океана и въ Америкѣ, но и по всей Сибири. Недаромъ, наконецъ, въ иркутскомъ городскомъ обществѣ «первый гражданинъ», сильный купецъ М. Сибиряковъ нѣсколько трехлѣтій сподрядъ выбираемъ былъ въ головы Думы и обладалъ такою силою въ безгласномъ, раболѣпномъ городскомъ обществѣ, что то скрывалъ дѣло объ убійствѣ, то за-одно съ провіантмейстеромъ покупалъ во вредъ казны провіантъ, то безъ всякаго осужденія со стороны общества дозволялъ себѣ обманъ при покупкѣ изъ казны съ купцомъ Щегоринымъ ревенной пыли и опилковъ, то производилъ фальшивое по векселямъ взысканіе денегъ съ иркутскаго купца Рогова въ пользу своего родственника и, вообще, съ буржуазнымъ разсчетомъ и самоуправствомъ заправлялъ всѣми дѣйствіями Иркутской городской Думы. Можно ли назвать такую купеческую партію прогрессивнымъ выраженіемъ того «свободнаго характера» и общиннаго самоуправленія, какимъ, по словамъ г. Вагина, «особенно отличался Иркутскъ», представлявшій будто бы изъ себя нѣкогда «маленькую республику» своего рода. Да и, вообще, были ли и могли ли быть въ купеческой партіи, особенно временъ Трескина, какіе-нибудь истинные задатки правильнаго развитія справедливѣйшаго общиннаго самоуправленія, основаннаго на справедливѣйшемъ, равноправномъ выборномъ началѣ! Мы утверждаемъ положительно, что никакое гражданское общество, основанное на капиталистической и семейно-родовой гегемоніи купечества, буржуазной олигархіи,— не можетъ имѣть ни правильной организаціи равноправнаго общиннаго самоуправленія, ни вообще истиннаго соціальнаго прогресса. Капитали-

[1]) Вагинъ, II, стр. 111—112.

стическое, буржуазное сословіе, хотя бы и просвѣщалось науками, всетаки по самому существу своему не можетъ допустить общественной равноправности и экономическаго равновѣсія низшихъ рабочихъ и промышленныхъ сословій, составляющихъ источникъ ихъ обогащенія, предметъ ихъ эксплуатаціи, основаніе капиталистической общественной пирамиды. Напротивъ, если бы такіе буржуазные люди, какъ Сибиряковы, Мыльниковы, Передовщиковы, и просвѣщались науками, то они и изъ наукъ старались бы извлекать и сплетать только паутину своей буржуазной софистики и метафизики, составлять свою хитросплетенную систему капиталистической науки. Они и въ области науки познавали бы только то, что сопряжено съ интересами крупнаго капитала и крупной промышленности. Такъ. Барановъ, по словамъ его біографа-панегириста, «обогатилъ себя многими такими необходимыми познаніями и сообщилъ нѣкоторыя свои хозяйственныя замѣчанія и опыты вольному экономическому обществу, которое за сіе избрало его въ свои члены въ 1787 году» [1]. Съ цѣлію сознанія идеи равнаго человѣческаго достоинства и общественно-экономической равноправности низшихъ рабоче-промышленныхъ классовъ, буржуазная купеческая олигархія никогда не займется науками, именно науками антропологическими и соціологическими. Ибо это значило бы собственное свое основаніе подкапывать. Недаромъ въ послѣднее время въ иркутскомъ купечествѣ былъ уже не одинъ примѣръ, что сыновья богатыхъ купцовъ, успѣвшіе получить посредствомъ университетскаго образованія дѣйствительное высшее умственное развитіе, отказывались не только отъ «аршиннаго обмана и грабежа», какъ выражался одинъ изъ нихъ, но и отъ капиталистической помощи отеческой. Такъ несовмѣстимо истинно-научное, гуманно-соціальное умственное и нравственное развитіе съ буржуазно-капиталистическимъ умонастроеніемъ.

Съ другой стороны, и чиновничья партія въ сибирскомъ обществѣ до Сперанскаго, да и послѣ него, была гораздо болѣе партіей регрессивной, чѣмъ прогрессивной. Въ противоположность купеческой буржуазіи, она стремилась образовать и усилить въ Сибири буржуазію казенную, чиновничью, съ монополіей, равносильной купеческой, и вдобавокъ съ сильнѣйшимъ деспотизмомъ. Вдали отъ взоровъ высшаго, петербургскаго правительства, въ глуши и дичи, въ захребетномъ, затаежномъ просторѣ Сибирскихъ окраинъ, буйный разгулъ чиновничьяго, буржуазно-полицейскаго самовластія и деспотизма проявлялся со всею необузданностью. Акты XVII в. исполнены ужасами воеводскаго самодурства. Дѣла XVII в. преизобилуютъ терроромъ чиновничьяго произвола и деспотизма. При открытіи въ Иркутскѣ Сибирскаго намѣстничества, по словамъ иркутскаго лѣтописца, «все чиноначаліе деспотствовало». Деспотствовало оно и въ началѣ XIX столѣтія, особенно во времена Трескина и Пестеля, до Сперанскаго, да и послѣ. Одинъ современникъ, близко знавшій тогдашнія отношенія высшихъ сибирскихъ властей къ подчиненнымъ, писалъ: «До 1819 года нигдѣ не было такой преклонности къ самовластію и жестокостямъ, какъ въ Сибири, у

[1] Выше упом. біографія Баранова.

нѣкоторыхъ начальниковъ. высшихъ и среднихъ. Всѣ они были посылаемы туда изъ внутреннихъ губерній, и казалось, что не только со вступленіемъ въ отправленіе имъ данныхъ въ семъ краѣ должностей, но непосредственно по переѣздѣ чрезъ Уралъ, въ нихъ исчезало всякое снисхожденіе къ ошибкамъ ближняго, всякое къ нимъ состраданіе». «Ужасными мѣрами уничтоженія непокорныхъ.—говоритъ другой современникъ,—при неограниченномъ довѣріи высшаго правительства къ представленіямъ Пестеля или, что все равно, Трескина, въ Иркутскѣ, наконецъ, всѣ части попали, если не въ формальную, то, по крайней мѣрѣ, въ политическую зависимость отъ губернатора, не исключая ни военной, ни даже духовной». Не могъ молчать даже и кроткій епископъ иркутскій Михаилъ. «Нечестіе и безстыдное притворство, — писалъ онъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. — дерзость и самонадѣянность съ деспотизмомъ, презрѣніе къ людямъ и страданіямъ ихъ, выборъ и отличіе чиновниковъ, дѣятельныхъ только въ разореніи поселянъ, и въ особенности бурятъ, система обогащать себя, и во всемъ монополія, — сіи черты отличаютъ здѣшнее правительство отъ внутреннихъ губерній Россіи» [1]). При такомъ деспотизмѣ, народъ не только не могъ имѣть никакихъ стремленій къ свободному общинному самоуправленію, но и положительно былъ запуганъ, деморализированъ до раболѣпія. Онъ чувствовалъ только настоятельную потребность вопіять жалобами къ высшему правительству, но «голосъ его, по выраженію кн. Щербатова, не былъ внушаемъ и слышимъ среди роскошей столичныхъ». Изстари, со временъ «собиранія русской земли въ московское государство», водворенія единодержавія и учрежденія воеводскаго управленія по областямъ, только «челобитныя» и были единственнымъ средствомъ народнаго протеста и кое-какой гласности. Въ XVII вѣкѣ и изъ Сибири отовсюду неслись въ Москву, въ Сибирскій Приказъ, къ царямъ челобитныя на воеводъ, приказныхъ и служилыхъ людей отъ посадскихъ, крестьянъ и инородцевъ. Въ XVIII вѣкѣ и «челобитныя» были уничтожены, запрещены. Но съ принципомъ ихъ свыкся русскій народъ. А въ Сибири, въ отдаленной глуши и дичи потаенныхъ и явныхъ злоупотребленій и злодѣяній, вопль челобитныхъ народу былъ особенно необходимъ. И вотъ, вмѣсто запрещенныхъ старинныхъ «челобитныхъ», изъ Сибири неслись къ царю «доносы». Доносовъ этихъ было такъ же много, какъ челобитныхъ въ XVII вѣкѣ. Но какъ челобитныя запрещены, то чиновники преслѣдовали и доносы, какъ челобитныя, и заклеймили ихъ названіемъ «ябедъ». И въ обществѣ сибирскомъ и, въ частности, въ иркутскомъ городскомъ обществѣ, въ этой «маленькой республикѣ», при всегдашнемъ деспотизмѣ воеводскаго и чиновничьяго управленія, такъ мало было или, лучше сказать, до такой степени не видно и вовсе не было предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго развитія духа общиннаго самоуправленія и гражданской независимости, что вся эта «самостоятельность общества», весь этотъ «свободный характеръ», вся эта «маленькая иркутская республика» сразу, такъ сказать, однимъ махомъ Тре-

[1]) Г. Вагинъ, т. I, стр. 31—32, 39.

ккинскаго деспотизма разлетѣлась въ пухъ и прахъ, оказалась нулемъ. Всѣ сословія приведены были въ ужасъ самовластіемъ губернатора, но птать не смѣли». Самъ, такъ сказать, президентъ или представитель аленькой иркутской республики», купецъ Сибиряковъ скоро дошелъ до кого раболѣпія, что называлъ Пестеля и Трескина «милостивыми отцами государями». Низшія сословія общества, мѣщане и крестьяне, до того ли запуганы, что, вообще, отличались «боязностью», самоуничиженіемъ редъ начальствомъ, и не смѣли взглянуть на большого чиновника. «Люди ı были маленькіе, такъ гдѣ тутъ, — говоритъ одинъ мѣщанинъ, совренникъ Трескина: прежде вѣдь народъ былъ смирный, не нынѣшній: нче такъ все высмотритъ да выглядитъ... А прежде народъ былъ осторожнѣе, боязный народъ. Только милости на прошеніе и ждали, гда пріѣхалъ Сперанскій и сталъ принимать прошенія. Народъ вѣдь къ скотъ: только пусти,—и полѣзетъ». «Худое управленіе,—писалъ Спенскій къ дочери, — сдѣлало изъ Сибири сущій вертепъ разбойниковъ. два вѣрятъ здѣшніе обыватели, что они имѣютъ хотя нѣкоторую степень юбоды и могутъ безъ страха и дозволенія собираться» [1]. Вотъ плоды ѣкового воеводскаго и чиновничьяго деспотизма въ Сибири.

Но отчего же, однакожъ, большая часть мелкоторгующаго купечества, рестьянства и мѣщанства, повидимому, охотнѣе приставала къ деспотической чиновничьей партіи и монополіи, чѣмъ буржуазной, олигархической упеческой партіи. Отчего почти всѣ современники Трескина хвалятъ о управленіе? Вникая въ послѣдствія деспотическаго хозяйничанья Трекина и чиновничьей партіи и въ разсказы современниковъ, мы невольно риходимъ къ тому заключенію, что хотя злоупотребленія чиновничьей артіи и купеческой олигархіи были одинаково зловредны и убійственны я нормальнаго общественнаго развитія, но все же въ кучѣ зла деспоическихъ дѣйствій чиновничества и особенно Трескина не мало было и кихъ установленій, которыя, по сознанію самихъ иркутскихъ гражданъ, ть сколько-нибудь да клонились ко благу народному, къ дѣйствительму улучшенію экономическаго и общественнаго быта массы народной. ескинъ хотя самъ и палъ, но сумѣлъ съ нѣкоторою энергіей героя уроть однажды навсегда, разрушить въ самомъ основаніи, подорвать въ рнѣ историко-традиціонный принципъ развитія въ сибирскомъ обществѣ ржуазной купеческой олигархіи. Съ тѣхъ поръ уже невозможно стало льнѣйшее развитіе и усиленіе общественной гегемоніи купеческой буразіи и олигархіи. Самое богатое и сильное купечество поставлено въ едѣлы общаго развитія и значенія буржуазіи въ Россіи,—развитія и аченія, далеко не имѣющаго шансовъ на успѣхи западной буржуазіи, противъ, окруженнаго многими общественными—экономическими и закодательными условіями, болѣе или менѣе клонящимися къ совершенному траненію или парализированію въ русскомъ обществѣ особеннаго эконоическаго усиленія и политическаго преобладанія буржуазіи. Подорвавши самомъ корнѣ историко-традиціонное развитіе общественной гегемоніи

[1]) Письма Сперанскаго къ дочери изъ Сибири. Въ Русск. Архивѣ.

купеческой буржуазіи въ Сибири. Трескинъ, по свидѣтельству современниковъ, искоренялъ или ослаблялъ такъ называемое «кулачество» въ сельскомъ населеніи—это величайшее историко-традиціонное зло въ сельскихъ обществахъ. Своекорыстно вводя казенную монополію въ закупкѣ хлѣба, заготовляя хлѣбъ на казенныя потребности не покупкою по цѣнамъ вольнымъ, но принужденъ самовластною раскладкою на обывателей по цѣнамъ, Трескинъ въ то же время не щадилъ казны, сыпалъ деньги въ народъ, который былъ тогда крайне безденеженъ, и такимъ образомъ невольно, самъ того не сознавая, содѣйствовалъ большему или меньшему искупленію безденежныхъ кабальныхъ должниковъ-крестьянъ отъ ига денежной олигархіи купеческой. Наконецъ, только рѣзкая деспотичность мѣръ совершенно помрачаетъ честь или крайне понижаетъ цѣну раціональныхъ и полезныхъ стремленій Трескина къ распространенію хлѣбопашества между бурятами, къ улучшенію внѣшняго благоустройства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гигіеническихъ удобствъ города Иркутска, къ заселенію пустынныхъ пространствъ Восточной Сибири. Вотъ почему инстинктъ массы народной, даже мелкоторгующаго купечества, повидимому, болѣе чувствовалъ добра на сторонѣ деспота Трескина, чѣмъ на сторонѣ купеческой олигархіи и буржуазіи. Сообразите весь ходъ историческаго развитія сибирскаго общества и послушайте разсказы современниковъ,—и вы принуждены будете еще нѣсколько пріостановиться въ выводѣ послѣдняго сужденія, призадуматься надъ произнесеніемъ окончательнаго приговора о дѣйствительномъ историческомъ значеніи въ иркутскомъ обществѣ дѣятельности Трескина и, вмѣсто прежняго категорическаго, нѣсколько скороспѣлаго, частію рьяно-либеральнаго, а частію и не безпристрастнаго (по семейнымъ воспоминаніямъ), злохульнаго приговора «лучшихъ сибирскихъ историковъ», пожелаете большаго собранія фактовъ и безпристрастнаго критическаго изслѣдованія о личности и дѣятельности Трескина. Но пока такого изслѣдованія нѣтъ,—послушайте эти въ высшей степени интересные и живые разсказы современниковъ Трескина, какіе записаны въ книгѣ г. Вагина. Вотъ, напримѣръ, взглядъ иркутянъ, современниковъ Трескина, на управленіе имъ Восточною Сибирью, по разсказамъ купцовъ Апрѣлкова, Баснина и частію Караулова: «купцы, современники Трескинскаго управленія, хвалятъ времена Трескина и не совсѣмъ довольны дѣйствіями Сперанскаго. Они говорятъ, что Трескинъ былъ истинный хозяинъ края, и если было зло, то зло это было съ пользой для края. Въ подтвержденіе этой, впрочемъ, односторонней мысли, они говорятъ, что земледѣліе при Трескинѣ процвѣтало, что до него буряты вовсе не умѣли пахать и не засѣвали ни одной десятины, что онъ принуждалъ ихъ заниматься хлѣбопашествомъ, сначала по наряду и въ опредѣленномъ количествѣ десятинъ, а потомъ уже посѣвы ихъ увеличивались добровольно: то же нужно сказать о поселенцахъ и частію о сибирскихъ крестьянахъ-старожилахъ. Запасы въ хлѣбныхъ магазинахъ были большіе; хлѣбъ для казны закупался съ осени, деньги за него выдавались впередъ и цѣна назначалась выше базарной, что имѣло вліяніе на поддержаніе рыночной цѣны, и хотя часть этой надбавки шла въ пользу чиновниковъ, но крестьянинъ все-

таки получалъ за свой хлѣбъ не ниже базарной цѣны, что тоже поддерживало земледѣліе, богатило крестьянъ и давало возможность уплачивать своевременно подати. Посѣвы назначались не только на старыхъ, но и на новыхъ земляхъ; за исполненіемъ этого должны были слѣдить земскіе чиновники, которые назначались Трескинымъ не иначе, какъ по испытаніи въ пригодности ихъ къ земской службѣ, и кромѣ того особые выборные изъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого хлѣбъ при Трескинѣ понизился съ 3 р. до 1 р. 60 к., а при Лавинскомъ палъ на 60 к. Пропивать сѣмена, выданныя на посѣвы, какъ это случалось впослѣдствіи, крестьяне не смѣли. Хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ продавался съ наложеніемъ % въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія. До Трескина Приказъ долженъ былъ разнымъ учрежденіямъ значительныя суммы, а въ его время составился въ Приказѣ капиталъ въ 1 милліонъ ассигн. Дороги исправлялись не въ страдную пору, и не выгоняли на эти работы по 2, по 3 тысячи крестьянъ заразъ во время страды, какъ это было не очень давно въ Канскомъ округѣ и въ другихъ мѣстахъ Восточной Сибири, а между тѣмъ дороги и мосты при Трескинѣ всѣ были поправлены и за почтовую гоньбу платили щедро, лишь бы лошади и экипажи были исправны. Продавать богатымъ мужикамъ хлѣбъ и сѣно на корню и пропивать эти деньги, какъ случается нынѣ, крестьяне тоже не смѣли и не были вынуждены свой же хлѣбъ и сѣно покупать послѣ у тѣхъ же мужиковъ-кулаковъ по дорогой цѣнѣ, да въ долгъ подъ новую траву. Такая продажа сѣна на корню существуетъ нынѣ въ Киренскомъ и другихъ округахъ, отчего въ волости благоденствуетъ только какой-нибудь десятокъ мужиковъ, а остальныя 2, 3 тысячи живутъ въ крайней бѣдности. Въ Трескинскія же времена бѣдность въ крестьянствѣ не существовала въ такихъ размѣрахъ и зажиточные мужики были не рѣдкость. Какъ ни одностороненъ и какъ ни ошибоченъ тотъ взглядъ на Трескинское управленіе сельскимъ хозяйствомъ, но въ немъ есть и доля правды въ защиту Трескина, особенно, если сравнить его управленіе съ послѣдующими, когда у мужиковъ отбирали хлѣбъ хуже чѣмъ даромъ, заставляя ихъ за половинную цѣну противъ базарной доставлять хлѣбъ за нѣсколько сотъ верстъ... Наконецъ, Трескинъ старался уничтожить оппозиціонную партію купцовъ, образовавшуюся еще до его пріѣзда». Почетный гражданинъ П. О. Катышевцевъ замѣчаетъ: «Трескинъ всетаки хозяинъ былъ, административный человѣкъ. Конечно—лихоимство. Онъ водворилъ хлѣбопашество у бурятъ даже. Жаль, не сошелся съ Сперанскимъ. Гордость какая-то... Трескинъ не жалѣлъ казны, въ народъ сыпались при немъ деньги, а послѣ сдѣлалось скуднѣе. При Сперанскомъ былъ даже застой». Иркутскій мѣщанинъ И. А. Сердюковъ въ письменномъ разсказѣ своемъ говоритъ: «какъ не сказать, что дай Богъ царствія небеснаго Трескину, здѣсь вѣдь чушь до него была, вѣдь это все—и улицы и... (эти слова нельзя разобрать въ чернов. зап. со словъ Сердюкова)... все это сдѣлалъ Трескинъ. До него вѣдь дома, стыдъ сказать — отходы (нужныя мѣста) на улицу были. Были десятники (полицейскіе) изъ своихъ же, по выбору: откупился—ладно, не откупился—палкой бьетъ. Трескинъ же завелъ полицейскихъ. Братскіе даже—на что ужъ! и тѣхъ пахать за

ставилъ. Словомъ, онъ ввелъ всю эту цифру. Ну и исправники у него были хорошіе, и засѣдатели». Д. с. с. Булатовъ разсказываетъ: «Трескина я глубоко уважаю, это былъ геніальнѣйшій администраторъ. Конечно, онъ дѣйствовалъ деспотически; но таково было время, таковъ былъ духъ. Кромѣ того, надо перенестись въ его время, влѣзть въ его кожу, посмотрѣть, что тогда было. Дичь была ужаснѣйшая... Весьма сильно и самоуправно было мѣстное купечество, и Трескину необходимо было показать свою силу, обуздать самоуправство купечества... Трескинъ былъ чрезвычайно энергиченъ, дѣятеленъ. Не знали, когда онъ спитъ. Его можно было встрѣтить во всякое время дня и ночи, и встрѣтить скорѣе всего тамъ, гдѣ не ожидаете. Какъ Гарунъ аль-Рашидъ, онъ въ частномъ платьѣ,—Трескинъ, впрочемъ, вообще не любилъ формы и часто даже принималъ въ халатѣ,—ходилъ по городу, заходилъ въ частные дома; замѣчалъ все. То смотритъ онъ на базарѣ калачи,—и горе калачницѣ, которая обвѣситъ хоть на золотникъ. Въ посты обыкновенно ѣли гороховый кисель съ сѣмяннымъ масломъ; прескверное кушанье,—однакожъ, оно было въ большомъ употребленіи. Трескинъ и въ этомъ зналъ толкъ: пробовалъ кисель и тотчасъ замѣчалъ, есть ли въ немъ какая-нибудь примѣсь, или дурно приготовленъ: тотчасъ и расправа. Трескинъ всюду заглядывалъ, напримѣръ, и въ огороды, и сильно побуждалъ жителей разводить овощи, особенно картофель. Иркутскъ до него былъ ни на что не похожъ. Весь представлялъ безобразную пропасть култуковъ. Не только ночью, но и днемъ даже мѣстный житель могъ заблудиться въ этихъ култукахъ и, блуждая по глухимъ улицамъ, наѣзжалъ то на заборъ, то на ворота. Дома строились безобразно, безъ всякаго порядка. Весь городъ былъ безпорядочно разбросанъ. Когда же Трескинъ укрѣпился, когда онъ увѣрился, что противодѣйствія ему не будетъ, онъ принялъ самыя энергичныя мѣры къ устройству города. Живо, по строгому, деспотическому требованію Трескина, весь городъ былъ распланированъ по улицамъ, и пошла перестройка домовъ, заборовъ и проч... Вообще, Трескинъ дѣйствовалъ дѣятельно, энергично. Правда, манеры у него были слишкомъ некрасивы: но что-жъ дѣлать? Деспотическій образъ дѣйствій былъ въ тогдашнихъ нравахъ». Иркутскій купецъ П. И. Обуховъ говоритъ: «Трескинъ былъ прекрасный, распорядительный начальникъ. Что до него-то было? Четыре лога помню въ Иркутскѣ, гдѣ до него тонули телята и поросята; одинъ логъ—нынѣ Думскіе ряды. А Хамаръ-дабанская дорога! Это было великое дѣло Трескина... Вообще, Трескинъ былъ человѣкъ дѣятельный. Конечно, съ казной онъ дѣлился порядочно. И насчетъ взятокъ тоже. Надо, впрочемъ, вспомнить тогдашнее время: никакого образованія не было; гимназія открыта только въ 1811 году (въ 1805 г.) Надо было взвѣсить и хорошія и худыя дѣла Трескина,—и потомъ судить». Почетный Гражданинъ П. М. Герасимовъ передаетъ: «Трескинъ не столько былъ бы виноватъ, если бы не Агнеса Федоровна. Она была маленькая, юркая, бойкая женщина, чрезвычайно сладострастная, никому спуску она не давала. Е. А. Кузнецовъ, Бѣлявскій,—а Волошиновъ только этимъ и держался. Она имѣла на мужа какое-то вліяніе и пользовалась этимъ. Она брала взятки и раздавала мѣста. У нея

ылъ подставной Третьяковъ... Большую силу имѣлъ также Бѣлявскій: онъ ылъ пьяница. А самъ Трескинъ былъ рѣдкій, отличный администраторъ. Онъ аселилъ губернію, онъ заставилъ бурятъ заниматься хлѣбопашествомъ. Быало, на базарѣ хлѣбъ по полтинѣ, а онъ посылаетъ Романова покупать хлѣбъ о рублю. Если сообразить то зло и добро, которое онъ сдѣлалъ, то, право, нъ не заслуживалъ такой строгой кары; я видѣлъ его въ 1834 г.,—а онъ воленъ въ 1819 г.,—онъ все еще былъ подъ судомъ». Наконецъ, по замѣчанію иновника В. И. Курбатова, «Трескинъ былъ добрый человѣкъ и бѣднымъ омогалъ: только купцовъ сильно тѣснилъ: все подписки да пожертвованья». Зообще, замѣчательно, что вѣсы общественнаго мнѣнія склонялись болѣе ъ пользу Трескина и чиновничьей партіи, чѣмъ на сторону купеческой лигархіи. Повидимому, и инстинктъ народный, общественный чувствовалъ, то администрація, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи, была все же лучше уржуазіи, что самый принципъ администраціи, чиновничьяго управленія, о существу своему, болѣе способенъ измѣнять и направлять дѣйствія иновничества къ лучшему, болѣе способенъ, болѣе потенціаленъ хоть къ коеакимъ общественнымъ реформамъ и улучшеніямъ, слѣдовательно, сравительно болѣе прогрессивенъ, чѣмъ принципъ генеративно-послѣдовательаго развитія семейно-родовой эгоистичности и капиталистической силы солидарности купеческой, буржуазной олигархіи. Нужно было только, тобы въ массѣ общества усилилось распространеніе общественныхъ умтвенно-образовательныхъ и соціально-гуманныхъ идей, чтобы высшее, униерситетское образованіе все болѣе и болѣе признавалось обязательнымъ словіемъ для чиновничества, чтобы, наконецъ, при пассивности общества, ысшее, центральное правительство какъ можно болѣе и чаще давало иновничеству импульсовъ къ лучшей дѣятельности, къ болѣе прогрессивэму направленію, болѣе возбуждало и развивало въ чиновничествѣ гражанскую интеллигенцію, энергію и честность своими недвумысленными, эсомнительными, необманчивыми, а дѣйствительными, искренними и неэыпными заботами о благѣ народномъ, о разумномъ и справедливомъ аправленіи свободнаго общественнаго саморазвитія. И вотъ, вслѣдствіе эего этого, даже и чиновничество неизбѣжно могло бы все болѣе и болѣе змѣняться къ лучшему и имѣть болѣе или менѣе прогрессивное общетвенное значеніе. Изъ чиновника все-таки могъ и можетъ выйти Сперансій—«другъ колодниковъ и черни», «великій филантропъ», организаторъ, оставитель «плана государственнаго преобразованія», а изъ буржуазнаго ибирскаго купца пока выходилъ только «пьяный и жестокій мужикъ—арановъ» [1], моритель, эксплуататоръ мелкопромышленнаго и рабочаго арода. Вообще, сравнительно говоря, чиновничество болѣе или менѣе юсобно превращаться, подъ вліяніемъ научнаго и гуманнаго развитія, въ пассъ честныхъ гражданскихъ дѣятелей, стремящихся къ справедливѣйей соціально-экономической реформѣ, къ уничтоженію анти-соціальнаго нтагонизма и борьбы богатства и бѣдности, а общественная гегемонія упечества, капиталистическаго сословія, даже при помощи науки, наи-

[1]) Выраженіе Сперанскаго.

большею частію и даже всегда способна и склонна только къ прогрессивному развитію буржуазіи и анти-соціальнаго контраста богатства и бѣдности, пролетаріата или пауперизма и плутократіи, капитала и труда, эксплуатаціи и честности, и проч. Чиновничество, хоть въ меньшинствѣ, достаточно проникнувшись высшими человѣческими идеями и чувствами — гуманности, честности и справедливости, можетъ глубоко, безпристрастно и честно сознать потребность соціально-экономической реформы, основанной на справедливости. А буржуазное купечество, вообще, даже усвоивши болѣе или менѣе идеи и чувства человѣколюбія и гражданской благотворительности, много—что вынуждено будетъ къ пожертвованіямъ на учрежденіе, напримѣръ, богадѣленъ, рабочихъ домовъ, ремесленныхъ или техническихъ школъ и т. п., вообще — къ пожертвованіямъ на учрежденія филантропическія, человѣколюбивыя, основанныя только на «милости», и, не уничтожая самого себя, не можетъ выйти изъ этого ограниченнаго круга филантропіи.

II

Разсмотрѣвши борьбу купеческой и чиновничьей партій въ иркутскомъ обществѣ, какая проявилась во всемъ разгарѣ во времена Трескина, — мы сообщимъ теперь находящіеся у насъ подъ руками нѣкоторые памятники иркутской письменности конца XVIII и начала XIX столѣтія. Памятники эти послужатъ отчасти и дополненіемъ или поясненіемъ всего предыдущаго нашего изложенія.

По сказанію самихъ современниковъ Трескина, въ обществѣ иркутскомъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. «была дичь совершеннѣйшая, образованія не было почти никакого». И это свидѣтельство, дѣйствительно, подтверждается фактами. Кромѣ существовавшихъ нѣкогда навигацкихъ школъ,—училищъ въ Иркутскѣ до начала XIX столѣтія не было никакихъ. Только по содѣйствію Трескина, въ 1816—1817 г. открыто было по Иркутской губерніи до 18 кое-какихъ приходскихъ училищъ; но до Сперанскаго, да и послѣ, существованіе ихъ было самое жалкое и непрочное. Крестьяне даже желали вовсе избавиться отъ училищъ, «какъ отъ нѣкоторой обременительной повинности». Не менѣе индифферентно было къ образованію и городское общество. Чиновники выше образованія ставили чинъ, канцелярскую службу и карьеру, а купечество все образованіе ограничивало развитіемъ практической, буржуазно-коммерческой смышленности, наживательной способности. Еще въ 1821 г. иркутскій губернаторъ Цейдлеръ писалъ: «Чиновники здѣшніе стараются только обучать дѣтей своихъ грамотѣ и спѣшатъ записывать въ канцелярскую службу для достиженія скорѣйшаго офицерскаго чина, и потому обучаются они безъ старанія и поступаютъ безъ свѣдѣній и малолѣтные на службу, и потому нѣтъ надежды, чтобы кто сыну своему предназначилъ трудный путь наукъ, и потому скоро развращаются и дѣлаются неспособными къ прилежанію и занятію трудною наукою; купечество, имѣя въ виду только пріобрѣтеніе богатства, ведетъ дѣтей своихъ особою дорогою, пріучая ходить съ обо-

зами, закупать въ Якутскѣ бѣлку, лисицъ, соболей, отвозить ихъ въ Ирбитъ, и ярмарочнымъ оборотамъ, и довольно, ежели 14-тилѣтній мальчикъ преодолѣваетъ трудности дороги дальней» [1]). При такомъ умственномъ индифферентизмѣ къ образованію и господствѣ чисто-чиновничьихъ и буржуазно-купеческихъ интересовъ, — въ обществѣ, очевидно, не могло быть энергическаго запроса на учебныя заведенія, на усиленіе индивидуальнаго и общественнаго воспитанія. Единственное, болѣе имѣвшее надеждъ на будущность, училище было—основанное въ 1804—1805 г. «губернское народное училище», преобразованное потомъ въ гимназію. Въ немъ преподавались элементарные начатки всѣхъ тѣхъ наукъ, какія положены были петербургскимъ главнымъ правленіемъ училищъ, по руководствамъ, изданнымъ коммиссіею о народныхъ училищахъ. Именно—преподавались географія, исторія, первоначальныя части математики, основанія физики и механики, естественная исторія.

Не касаясь успѣховъ преподаванія въ этомъ училищѣ, о которыхъ, впрочемъ, въ настоящее время едва-ли и возможно писать какую-нибудь исторію, такъ какъ архивъ иркутской гимназіи сгорѣлъ недавно,—скажемъ только о томъ, оказывала ли эта гимназія какое-нибудь вліяніе на иркутское общество. Повидимому, на первыхъ порахъ она занимала лучшую часть иркутской публики, но только весьма мало сообщала ей свѣта. Посторонніе посѣтители публичныхъ испытаній выносили изъ гимназіи ни болѣе, ни менѣе, какъ самыя дѣтскія понятія о наукахъ и о кое-какихъ вещахъ, особенно возбуждавшихъ ихъ вниманіе. Такъ, наприм., одинъ посѣтитель перваго публичнаго испытанія воспитанниковъ иркутскаго «губернскаго народнаго училища», бывшаго въ 1805 году, вынесъ и записалъ въ своемъ домашнемъ сборникѣ такое замѣчаніе: «1805 года іюля 3 дня было въ иркутскомъ губернскомъ народномъ училищѣ публичное испытаніе учениковъ, на которомъ спрашиваны были ученики первыхъ двухъ классовъ коротко, потомъ спрашивали географію африку исторически и географически, затѣмъ довольно спрашивали математической географіи, между прочимъ и о часахъ по солнечному разстоянію: въ Иркутскѣ 7-й часъ пополудни, въ Петербургѣ 2-й, въ Пекинѣ 8-й, въ Охотскѣ 9-й, а въ Камчаткѣ 11-й; а за симъ спрашивали часть механики, физики и оптики, потомъ японскому языку, и кончилось рѣчью». Рѣчи, сочиненныя учителями и говоренныя воспитанниками на публичныхъ испытаніяхъ и въ другихъ высокоторжественныхъ случаяхъ,—нѣкоторыми любознательными гражданами также вписывались въ домашніе сборники. Такъ, наприм., въ одномъ иркутскомъ сборникѣ начала XIX столѣтія помѣщена рѣчь, говоренная ученикомъ Вас. Калашниковымъ и сочиненная учителемъ титулярнымъ совѣтникомъ Степаномъ Бельгичемъ. Рѣчь эта характеристична только по тому общему восторженно-оптимистическому міровоззрѣнію, какое тогда вообще господствовало въ русской наукѣ и литературѣ. Именно, въ ней съ восторженнымъ восхищеніемъ восхваляются успѣхи наукъ, искусствъ, просвѣщенія въ исторіи человѣ-

[1]) Г. Вагинъ, приложеніе къ 23-й главѣ.

чества. Например, о начале наукъ говорится: «Кажется, первыя наши познанія родились отъ первыхъ нашихъ почувствованій: конечно, нѣтъ ничего въ умѣ, чего не бывало въ чувствахъ. Коль скоро человѣкъ увидѣлъ надъ собой сіяющія свѣтила, вокругъ себя разныя тѣла, онъ вышелъ, такъ сказать, изъ самого себя, захотѣлъ видѣть, наблюдать, знать. Отличные умомъ, памятью, знаніями обратили на себя вниманіе общества: имъ дали названіе мудрецовъ. Такимъ образомъ, со временъ, убѣгающихъ памяти историковъ, Египетъ имѣлъ своихъ волхвовъ, Персія маговъ, Вавилонъ халдеевъ». Далѣе говорится о томъ, какъ начались науки на востокѣ—астрономія, геометрія и другія, какъ онѣ потомъ развились, расцвѣтали въ Греціи, а съ паденіемъ Рима, съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ, опять погасли до такъ называемаго «возрожденія наукъ». Объ этомъ возрожденіи наукъ ораторъ иркутскій съ лаконическою краткостью перечня говоритъ: «разумъ человѣческій оживаетъ, компасъ становится извѣстнымъ, типографія изобрѣтена, сообщеніе умовъ стало легче, порохъ узнали, Коперникъ проповѣдуетъ истинную систему міра, Колумбъ открываетъ Америку, Васко-де-Гама—путь въ Индію, Кортецъ покоряетъ Мексику, Пизаръ—Перу, Магелланъ открываетъ южныя земли, Кукъ путешествуетъ вокругъ земного шара: все приходитъ въ движеніе. Всюду хотятъ распространить предѣлы: мореплаваніе, торговля, политика пріемлютъ новые виды, новыя произведенія природы, новыя богатства, новые предметы любопытства даютъ новую охоту знать. Протестанты объявляютъ свою независимость. Картезій переломалъ узы аристотелизма, показалъ путь къ испытанію природы, далъ свободу мыслить человѣческому уму—право за двѣ тысячи лѣтъ потерянное. Галилей открываетъ тяжесть атмосферы, упругость воздуха рѣшена, телескопъ изобрѣтенъ, компасъ—вожатый по морямъ, телескопъ—по небесамъ. Баконъ исчисляетъ знанія человѣческія. Ньютонъ открываетъ законъ тяготѣнія, анатомируетъ свѣтъ, даетъ теорію цвѣтовъ, науку вычисленія простираетъ въ безконечность. Левенгукъ, преслѣдуя вооруженнымъ окомъ природу, открываетъ убѣгающія зрѣнія твари, Гарвей—обращеніе крови въ животныхъ, Линней—полы въ растеніяхъ, Франклинъ похитилъ небесный огонь. Но я опасаюсь быть безконечнымъ. Науки и художества достигли до такой степени совершенства, какого никогда не видѣлъ человѣческій родъ. Естественная исторія отъ неприступныхъ скалъ высочайшихъ горъ до преисподнихъ моря все извѣдала, испытала, предала перу, планографіи и рѣзцу ваятеля. Механика произвела чудеса; химія, послѣдуя природѣ, созидаетъ и разрушаетъ; философія, опровергнувъ пустыя догадки, хочетъ ощутительныхъ истинъ; физика, вооружаясь искусными пособіями, съ пламенникомъ опытовъ и наблюденія преслѣдуетъ природу въ послѣднихъ ея окопахъ; астрономія, опредѣливъ видъ и величину земного шара, назначивъ знатнѣйшимъ мѣстамъ степень долготы и широты, вывела географію изъ неизвѣстности, умножила числомъ планетъ солнечную систему. Въ исторіи посредствомъ здравой критики научились различать ложь отъ истины. Словесность произвела очаровательныя сочиненія. Театръ —наставникъ нравовъ усовершенствованныхъ. Медицина притупила жало оспы, ослабила ядъ американ-

ской болѣзни. Кораблестроеніе, мореплаваніе доведены до высочайшей степени совершенства. Корабль, сія гордая машина, гора, громада, крѣпость движимая, влечетъ на себѣ тысячи ратниковъ и сто громовержущихъ жерлъ. Честь человѣческаго искусства—зодчество—воздвигло великолѣпныя зданія. Торговля влечетъ изобиліе и богатство со всѣхъ частей свѣта. Къ распространенію знаній просвѣщенные правители державъ утвердили повсюду академіи, университеты, гимназіи и разныя училища, не щадя на то иждивенія. Но ни одного монарха щедроты не могутъ равняться съ тѣми, какія всеавгустѣйшій нашъ государь, вселюбезнѣйшій отецъ народа оказываетъ наукамъ и художествамъ. Прими, скиптродержавный другъ человѣческаго рода, прими признательность изъ устъ отрока, незамараннаго еще мірскими нечистотами. Вамъ, знаменитые посѣтители, за благосклонное вниманіе приносимъ свою признательность». Вполнѣ удовлетворяясь такими голословно-фразистыми, но восторженными восхваленіями успѣховъ наукъ въ Европѣ, любознательнѣйшіе изъ иркутскихъ гражданъ, можно сказать, еще впервые только начинали интересоваться ими. И на первыхъ порахъ они начинали усвоять еще только самыя общія, самыя первоначальныя понятія о наукахъ. Такъ, наприм., одинъ иркутянинъ внесъ въ свой сборникъ выписку изъ книги «Новое краткое познаніе о всѣхъ наукахъ», изданное въ 1796 году. Умъ его нуждался еще въ самыхъ примитивныхъ, въ самыхъ элементарныхъ понятіяхъ о наукахъ и вполнѣ довольствовался такими, напримѣръ, общими опредѣленіями: «философія или любомудріе есть божественныхъ и человѣческихъ вещей знаніе, однимъ умомъ снисканное и человѣка къ истинному душевному, тѣлесному и внѣшнему благополучію ведущее. Къ философіи принадлежитъ логика—наука, которая учитъ, для познанія всякой истины умомъ, правильному употребленію силъ разума въ мысляхъ, разсужденіи и заключеніи. Къ философіи же принадлежитъ метафизика: она учитъ главнымъ человѣческаго познанія началамъ и первымъ всѣхъ доказательствъ основаніямъ и раздѣляется: 1) на онтологію или сущесловіе, 2) психологію или душесловіе, 3) пневматологію или духословіе, 4) естественную богословію. Къ философіи же принадлежитъ физика, раздѣляется на аерометрію и стереометрію, анатомію и естественную исторію, а сія раздѣляется на зоологію, ботанику и минералогію: зоологія учитъ о одушевленныхъ существахъ, ботаника учитъ о неодушевленныхъ и нечувственныхъ, минералогія о находимыхъ въ землѣ или въ водѣ каменьяхъ, металлахъ или рудахъ и прочихъ минералахъ или жидкостяхъ. Къ философіи же принадлежитъ химія: это есть наука вышняя физики: она научаетъ раздѣлять сложныя тѣла и опять приводить въ первобытное ихъ состояніе помощью огня, воды, каменья и проч. Космографія есть наука описанія міра или вселенной. Медицина раздѣляется на анатомію, физіологію, паѳологію и ѳерапевтику. Физіологія есть наука, изъясняющая употребленіе частей тѣла и какимъ средствомъ человѣкъ первоначально въ утробѣ матери зарождается, возрастаетъ и на свѣтъ происходитъ. Анатомія показываетъ составъ тѣла человѣческаго и раздѣляется на остеологію, синдесмологію, міологію, неврологію, гангіологію, спланхнологію:

остеологія или костесловіе показываетъ о сухихъ и свѣжихъ костяхъ; міологія или мышцесловіе есть наука, показывающая познавать мышцы, обыкновенно мускулами называемыя; гангіологія или сосудословіе показываетъ всѣ кровеносные сосуды или жилы; неврологія или чувствословіе описываетъ всѣ чувственныя жилы; спланхнологія или утробословіе показываетъ внутреннія части тѣла» [1]). Тотъ же гражданинъ иркутскій выписалъ откуда-то въ свой сборникъ самыя краткія свѣдѣнія о философахъ, ученыхъ и литераторахъ и рядомъ съ ними—о святыхъ и т. п. Въ этихъ выпискахъ особенно характеристична крайняя безразборность зачаточнаго умственнаго интереса и любознательности иркутскаго любителя знанія Трескинскихъ временъ. Въ нихъ безъ всякаго разбора перемѣшаны имена и св. Василія Великаго, и Вольтера, и Зосимы и Савватія Соловецкихъ, и Гомера, Коперника и Руссо и т. п. Такъ, наприм., за краткими выписками объ Анакреонѣ, который «въ жизни раздѣлялъ время между любовію и виномъ и воспѣвалъ стихами то и другое», объ Антисѳенѣ—«начальникѣ секты цыниковъ», объ Аристотелѣ—«начальникѣ философовъ», объ Ив. Семеновичѣ Борковѣ, бывшемъ переводчикомъ при С.-Петербург. академіи наукъ, ум. въ 1768 г., о Боссюэте, о св. Василіи Великомъ,—вслѣдъ за такими выписками, помѣщена замѣтка о Вольтерѣ: «Вольтеръ—камергеръ короля французскаго и прусскаго, род. 20 февраля 1694 г., ум. около 30 мая 1778 года, въ молодыхъ лѣтахъ за нѣкоторые противные его поступки два раза содержался въ Бастиліи и при выпускѣ изъ оной еще наказанъ тѣлесно; по возвращеніи изъ Англіи въ 1728 г. во Францію, упражнялся въ сочиненіи, король прусскій опредѣлилъ ему жалованья 2000 талер.». Затѣмъ, въ такомъ же сумбурѣ, идутъ выписки: «Гомеръ — отецъ греческаго стихотворца, Гераклитъ — плачущій греческій философъ. Епикуръ, св. Іоаннъ Златоустъ. Коперникъ Николай, урожденецъ Теронской изъ польской Пруссіи, ум. въ 1543 году, «славный астрономъ», Ликургъ—законодатель спартанскій, Ломоносовъ, Н. Н. Петровъ—«славный стихотворецъ». Пифагоръ - философъ. Рафаель — «первый живописецъ въ свѣтѣ». Руссо—«славный французскій лирическій стихотворецъ, умершій въ Брюсселѣ въ 1741 г. съ чувствомъ богопочитанія», Сумароковъ, Херасковъ, Щербатовъ, Еминъ. Рядомъ съ подобными выписками, въ одинъ и тотъ же сборникъ иркутскій гражданинъ вносилъ и сказанія или замѣтки о вселенскихъ соборахъ, и проповѣди, и описаніе чуда, какъ, наприм., Зосима и Савватій Соловецкіе въ 1800 году избавили одного мѣщанина отъ нечистыхъ духовъ, пребывавшихъ въ его утробѣ. Точно также, иркутскій гражданинъ, рядомъ съ разными подобными свѣдѣніями, вносилъ въ свой сборникъ и рецепты изъ простонародныхъ лечебниковъ, наприм., какъ лечить отъ удушья, какъ выводить клоповъ, и т. п. [2]). Вообще, надобно замѣтить,—суевѣрное умонастроеніе свойственно было всему

[1]) Рукописный сборникъ начала XIX столѣтія, составленный однимъ иркутскимъ гражданиномъ (кажется, купцомъ) и сообщенный мнѣ для просмотра С. С. Поповычъ, членомъ Сибирскаго Отдѣла.

[2]) Иркутск. рукописн. сборникъ.

иркутскому обществу. не исключая и тогдашнихъ образованныхъ людей. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и лѣтописи иркутскія. Такъ. напр., въ лѣтописи Тюменцова, домашняго секретаря Трескина, а впослѣдствіи дѣйствительн. статск. совѣтника и члена совѣта главнаго правленія, подъ 1819 годомъ записано: «Мая 21 докладывано губернатору, что нѣкошной въ старомъ генералъ-губернаторскомъ домѣ давилъ часового. Происшествіе случилось пополудни въ 6 часовъ. Солдатъ сказывалъ, что сначала приходили къ нему военный офицеръ. потомъ старикъ, который. попотчивавъ его табакомъ, просилъ сдѣлать на караулъ, часовой исполнилъ, но старикъ не былъ этимъ доволенъ и ударилъ его по щекѣ. Затѣмъ полѣзли изъ-за старика маленькіе безобразные чертенята. Они напали на бѣднаго солдата и издавили его. и онъ въ вечеру отправленъ въ лазаретъ. Преданіе говоритъ, что въ намѣстническомъ домѣ давно показывались разныя привидѣнія: то старикъ съ тремя глазами. то волкъ съ пламенною пастью, то криворотый паперецъ и т. п. Въ полночь отворялись двери, подъ поломъ бренчали кандалы, выходилъ Леццано и проч. Въ маѣ же часовой отъ казначейства видѣлъ въ старомъ намѣстническомъ домѣ носимую большую свѣчу съ огнемъ, а другой. стоявшій на противной сторонѣ, былъ осыпанъ камнями и видѣлъ человѣка въ бѣлой рубахѣ» [1]).

Иркутская духовная семинарія. какъ нынѣ. такъ и прежде, по своей замкнутости отъ общества и по схоластическому направленію науки, не имѣла и не могла имѣть живого вліянія на умственное развитіе иркутскаго общества. Но всетаки, въ прежнее время, при жалкомъ состояніи губернской гимназіи, при отсутствіи интеллигентнаго класса въ обществѣ, наиболѣе любознательные граждане иркутскіе, повидимому. интересовались нѣсколько и семинарскимъ ученіемъ. Впрочемъ, и тутъ для нихъ, кажется, только и были интересны какія-нибудь высокоторжественныя выраженія семинарскихъ музъ. или описанія какихъ-нибудь особенныхъ случаевъ, въ родѣ посѣщенія семинаріи сенаторомъ и т. п. Дѣйствительно, по случаю такихъ посѣщеній, довольно характеристично выказывалась наружу тогдашняя замкнутая жизнь и умственная дѣятельность семинарскихъ просвѣтителей иркутскаго духовнаго юношества. Тутъ высказывалась и муза семинарская виршами Симеона Полоцкаго. имѣя, въ то же время, претензію гремѣть и арфой Державина. Тутъ и риторика витійствовала высокопарнымъ слогомъ кіевскихъ проповѣдниковъ. И все это, за отсутствіемъ другой, лучшей умственной пищи. интересовало болѣе или менѣе и любознательнѣйшихъ гражданъ иркутскихъ. Такъ, наприм.. въ находящемся у насъ подъ руками иркутскомъ рукописномъ сборникѣ начала XIX столѣтія мы находимъ нѣсколько цѣликомъ вписанныхъ въ него церковныхъ словъ или проповѣдей, заимствованныхъ. конечно, отъ россійскихъ церковныхъ витій и отъ семинарскихъ богослововъ. Въ этомъ отношеніи достойно замѣчанія, что и въ иркутской семинаріи и въ проповѣдяхъ семинарскихъ богослововъ и вообще иркутскаго духовенства отразилось то общее восторженное чувство удивленія чудесамъ природы и жизни,

---

[1]) Въ прилож. къ 1 т. книги г. Вагина.

какое составляло тогда господствующій стимулъ всего нашего общественнаго міросозерцанія—физическаго, антропологическаго и соціальнаго. Такъ, наприм., въ вышеупомянутомъ иркутскомъ рукописномъ сборникѣ начала XIX столѣтія помѣщено, между прочимъ, «слово въ день рожденія Императора Александра Павловича», написанное въ 1801 году на текстъ: «удивися твой разумъ отъ мене» (Псал. 136, ст. 6). Въ словѣ этомъ выражено такое же восторженное чувство удивленія чудесному устроенію человѣческой природы, какое тогда обыкновенно изливалось въ книгахъ «о чудесахъ натуры» [1], и удивленіе это признано проповѣдникомъ, какъ сильнѣйшее побужденіе удивляться и Царю, Александру Благословенному, какъ рѣдчайшему, чудеснѣйшему человѣку. «Глубоко удивленіе наше! говоритъ проповѣдникъ, ибо мысль наша, зря на всѣхъ дѣлахъ безприкладнаго монарха нашего щедроты его, удивляется высотѣ разума его, удивляется чуднымъ средствамъ, возведшимъ Россію на верхъ благополучія и славы, удивляешься, яко онъ царствуетъ съ силою и судитъ съ кротостію, удивляется мысль наша его величественнымъ совершенствамъ. Поелику изъ всѣхъ твореній божескихъ нѣтъ удивительнѣе человѣка, то мы, торжествуя происхожденіе въ свѣтъ совершеннѣйшаго изъ человѣкъ, для усугубленія нашея любви къ Богу и благодарности разсудимъ о чудной премудрости Бога въ сотвореніи человѣка... Все въ твореніяхъ Божіихъ въ природѣ удивительно. Но несравненно, однакожъ, удивительнѣе премудрость Божія въ человѣкѣ, ибо человѣкъ есть конецъ и извлеченіе всѣхъ твореній, средоточіе всѣхъ созданныхъ отъ Бога существъ, союзъ естества тѣлеснаго съ духовнымъ есть, по изреченію мудрыхъ, малый міръ, ибо онъ по четверостихійному раствореніи тѣла своего сообщается съ бездушными, по желаніямъ плоти и чувственнымъ наклонностямъ равенъ съ безсловесными, по силамъ душевнымъ и быстротѣ оныхъ онъ подобенъ ангеламъ и даже сообразенъ самому Богу, ибо созданъ по образу и по подобію Божію. Земля онъ, но въ немъ сіяетъ образъ Вышняго; малъ онъ, но вмѣщаетъ въ себѣ великіе міры; слабъ онъ, но владычествуетъ надъ животными крѣпкими. Вообще, удивителенъ разумъ Творца въ сотвореніи человѣка! Онъ устроилъ изъ персти въ тѣлѣ человѣческомъ толикую красоту состава нашего, толикую размѣрность и стройность въ членахъ, толикое согласіе въ дѣйствіяхъ, толикое и толь разнообразное чувствованіе... Излишне описывать хитрое сложеніе сердца, чудное расположеніе источника чувственности мозга,—довольно превзойти все наше удивленіе единой способности, съ которою оное посредствомъ малой единицы быстро и неутомимо преходитъ безмѣрное разстояніе... человѣкъ! ты удивляешься высотѣ звѣздъ и глубинѣ морей, войди въ превыспреннюю души твоей, войди въ глубину ея,—и удивленіе твое усугубится болѣе. Взойди въ со-

[1] Книга „Чудеса натуры“, изданная вторымъ изданіемъ въ 1820 году въ 4-хъ частяхъ, есть и въ иркутской публичной библіотекѣ. Видно, что книга эта тогда же получена была въ Иркутскѣ, и читалась съ замѣтно большимъ усердіемъ и любопытствомъ, чѣмъ многія другія книги. Въ ней всѣ листы разрѣзаны и очень помяты, тогда какъ весьма многія другія книги того времени и доселѣ остались не разрѣзанными.

ıеніе души съ тѣломъ, и узришь великое чудо всесильнаго Бога. Муд-
;ъ свѣта! чувствуй это! Ни въ тѣлѣ человѣка не происходитъ движе-
, которыя не производили бы перемѣнъ въ душѣ, ни въ духѣ не бы-
тъ перемѣнъ, которыя бы не учиняли движеній въ тѣлѣ... Горестно,
ıстинѣ, со стороны бѣдности воззрѣніе на человѣка, но къ чему намъ
рать на него со стороны паденія, видя великія чудеса въ его сотво-
іи и естествѣ... Мы, о сынове Россіи, сверхъ общихъ со всѣми земно-
;ными, мы восприняли отъ Бога особенныя преимущественныя благо-
ıнія: произвелъ онъ въ сей день въ міръ благочестивѣйшаго великаго
ударя нашего Александра Павловича, совершеннѣшаго, чудеснѣйшаго
› человѣкъ» [1]). Вотъ точно также и въ риторскомъ витійствѣ и въ
тическомъ творчествѣ иркутскихъ семинарскихъ учителей и учениковъ
ражалось то же господство восторженнаго чувства удивленія и въ та-
:ъ же формахъ гиперболической поэзіи и рѣчи, какія тогда, вообще,
подствовали въ русской литературѣ. И въ такомъ же видѣ сочиненія
;утскихъ семинарскихъ риторовъ и піитъ, повидимому, интересовали и
ıболѣе любознательныхъ иркутскихъ гражданъ, такъ что и они вписы-
и ихъ въ свои умственно-образовательные сборники. Такъ, напр., одинъ
› нихъ внесъ въ свой сборникъ «разныя сочиненія по случаю посѣщенія
;утской семинаріи г. сенаторомъ 1 октября 1800 года» и описаніе этого
жественнаго случая. Въ описаніи читаемъ: «на встрѣчу г. сенаторамъ
ходятъ учителя съ учениками на крыльцо, учителя спускаются въ ниж-
рундукъ, ученики становятся на обѣ сторны крыльца, а пѣвчіе стоятъ
правой сторонѣ верхняго рундука. Какъ вступаютъ они на крыльцо,
ıтъ слѣдующій кантъ:

Пойте музы.
Рвите узы
Днесь молчанья,
И желанья
Усильте знаки,
Взоровъ зраки
Весело являя,
Виватъ припѣвая!

·гой кантъ:

Грядутъ се гости вожделѣнны!
Въ ихъ лицѣ монархъ!
Грядутъ въ домъ музамъ посвященный:
Срѣтаетъ іерархъ.
Пойте музы,
Рвите узы и проч.

едши внутрь семинаріи, идутъ въ классъ риторическій, гдѣ двое
учениковъ выходятъ на означенное мѣсто и начинаютъ разговоръ

[1]) Иркут. рукописн. сборн., л. 161—163.

«Урбана и Рустика» (который мы сообщимъ дальше). Выходятъ изъ он. класса, останавливаются въ грамматическомъ и выслушиваютъ стиш говоренные однимъ изъ учениковъ:

Что видѣть ваша предпріяла
Великодушна воля здѣсь,
Гдѣ видны лишь одни начала,
Умовъ уборъ являютъ весь!
Мы чуемъ счастье наше,
И благосклонность лобжемъ въ васъ.
Не можетъ время быть намъ краше,
Какъ сей вожделѣнный часъ.
Да будутъ ваши всюду входы
Благословенны съ высоты,
Да чтутъ предъ вышнимъ всѣ народы
Душевны ваши красоты.

Приходятъ въ классъ синтаксическій, гдѣ одинъ изъ учениковъ ворить латинскіе стихи (которые въ выпискѣ иркутскаго граждани пропущены). Оттуда — въ классъ піитическій, гдѣ самъ учитель говори піесу:

Огнепаримая фантазія!
Не махъ твоихъ волшебныхъ крылъ
Часы навѣялъ намъ златые,
Лице, умъ, сердце озарилъ.
Не идей пламенныхъ скопленье,
Феноменъ дивный вдругъ составя,
Обворажало въ насъ видѣнье
И оживило во устахъ.
Нѣтъ, се входъ благословенный
Достойныхъ славы алтарей,
Входъ кроткій, тихій, вожделѣнный
Сихъ всепочтеннѣйшихъ мужей!
Отъ трона въ лаврахъ усажденна,
Надъ коимъ быстръ орелъ паритъ,
Въ сѣни его полувселенна,
На жезлъ склонясь оливный, спитъ.
И въ видѣ ангела земнаго
Блаженство передъ нимъ стоитъ,
Изъ рогу полнаго златаго
Астреинъ райскій вѣкъ кропитъ.
Толь славнаго владыки трона
Небесна мудрость избрала
Въ ефоровъ правды и закона
И окомъ ихъ своимъ почла —
Васъ, коихъ въ храмъ наукъ срѣтая,
Привѣтственный глаголъ ліемъ,
Еврейскимъ дѣтямъ подражая,
„Осанна“ мы вамъ воніемъ.
Какъ въ утренній весны часъ мирный
По темной ночи царь планетъ,
Когда на крутизны ефирны
Вступя, разсыплетъ яркій свѣтъ,
Съ высоты безмѣрна горизонта

Мгновенно лучъ его слетѣлъ,
Живитъ улыбкой бездны понта,
Въ росѣ, въ рѣкѣ, въ волнахъ, межъ древъ
Кружится, зыблется, сверкаетъ.
Въ прелестный всю природу видъ,
Въ порфиру землю облекаетъ,
Златитъ, румянитъ и цвѣтитъ.
Янтарны рѣки подложенны
Текутъ колеблясь къ небесамъ.
Такъ вашъ приходъ къ намъ вожделѣнный
Различность чувствъ возжегъ въ сердцахъ:
То мысль внезапу восхищаетъ
И услаждаетъ почетъ,
То въ удивленье премѣняетъ,
То тихой радостью живитъ.
И музъ иркутскихъ малой сферѣ
Красы съ величьемъ придаетъ,
Равняетъ ту въ средмѣрной мѣрѣ
Съ мѣстами, гдѣ Нева течетъ.
За толь велико посѣщенье
Чѣмъ вамъ достойно воздадимъ?...
Хоть съ чистой Ангары струями
Чрезъ дивный Енисей туда,
Подъ льдистыми стѣнь водами,
Гдѣ зыблется морска вода,
Туда-бъ съ Иркутска геликона
Гласъ музы нашея достигъ
Для васъ, надзиратели закона...
О край Сибири отдаленный!
Тебя живитъ о Павлѣ слухъ,
Красуйся сими посѣщенный!
Здѣсь взоръ монаршій, здѣсь и духъ!
И ты, младенствующая, муза
Рости подъ кровомъ отчихъ крылъ,
Ищи арфъ большаго союза,
Чтобъ гласъ съ Омиромъ твой парилъ,
Парилъ, въ сердцахъ бы отзывался
Какъ эхо, громъ съ горы въ горахъ,
Рѣкой желаній проливался,
Шумѣлъ какъ Пиндаръ во устахъ,
Шумѣлъ, вѣщалъ въ грядущи вѣки,
Что, стоя имени боговъ,
Велики, рѣдки человѣки
Тебя примали въ ихъ покровъ.

нецъ, приходятъ въ классъ богословскій и садятся на стулѣ: выхо- двое изъ студентовъ, стаютъ на означенныхъ мѣстахъ, и первый нихъ начинаетъ рѣчь на латинскомъ языкѣ, а другой ту-жъ на россій- ь языкѣ говоритъ: «высокопревосходительнѣйшіе господа, достопо- ѣйшіе мужи! Во все теченіе дней нашихъ не можетъ быть толь счаст- ї минуты, какъ сія, въ которую мы имѣемъ счастіе въ училищѣ семъ олжнымъ высокопочитаніемъ открыть сердецъ нашихъ исполненныя йшей благодарности чувства вашимъ высокопревосходительствамъ. По-

сѣщеніе ваше, коимъ вы удостоить изволили сіе святилище наукъ, довольно открываетъ, какимъ благоволеніемъ и какою милостію удостоиваетъ упражняющихся въ ученьи. Но что прозорливость ваша достойнаго своего воззрѣнія на семъ юномъ вертоградѣ усмотритъ? Что мудрость ваша достойное своего вниманія въ семъ младенствующемъ еще музъ сословіи обрящетъ? Едва бдительнымъ попеченіемъ и неутомимыми трудами архипастыря нашего начала воздѣлываться сія нива, — и уже имѣетъ счастіе предстать мужамъ, украшеннымъ просвѣщеніемъ и высочайшею великаго въ свѣтѣ монарха довѣренностью почтеннымъ». Далѣе изъявляется «чувствительное изліяніе благодарности». Затѣмъ самъ Префектъ говоритъ подобное привѣтствіе въ нѣсколькихъ словахъ. Наконецъ, на отходѣ посѣтителей пѣвчіе пропѣли кантъ:

Ликуй, красуйся ты, блаженный
Эдемъ наукъ, теперь!
Гостей приходомъ озаренный
Отверзи сердца дверь,
Въ веселья восплесни всякъ дланьми
И, въ радости своей,
Воспламенись теперь желаньми
И такъ запечатлѣй:
Воспѣли музы,
Рвутъ всѣ узы
Днесь молчанья,
И желанья
Дали знаки,
Взоровъ зраки
Весело являя,
Многихъ лѣтъ желая.

Бѣдные семинаристы добрыхъ старыхъ временъ! Какъ кимвалы, они бряцали на пустозвонныхъ арфахъ гиперболической музы XVIII вѣка съ геликона иркутской бурсы. Сколько есть духу бурсаки — Омиры и Пиндары—напыжались предписаннымъ, выгнетеннымъ, напыщеннымъ паѳосомъ искусственнаго, псевдоклассически-риторскаго вдохновенія и восторга. А знали ли, думали ли эти «высокопревосходительнѣйшіе господа сенаторы — достойные имени боговъ рѣдкіе человѣки», — знали ли они, что всѣ эти «Омиры и Пиндары» бурсы съ голоду въ то время принуждены были прекурьезнѣйшимъ образомъ красть и скрывать въ богословскомъ классѣ свиней и куръ иркутскихъ гражданъ? Думали ли, обратили ли вниманіе сенаторы на то, что эти піиты, риторы и богословы, ученики фары и инфилы, при нихъ такъ черезъ силу — вдохновенно парившіе «огнепаримою фантазіею» вмѣстѣ въ Омиромъ и шумѣвшіе громче Пиндара, «рвавшіе всѣ узы молчанья», «дававшіе знаки желанья» и проч., — безъ нихъ, въ наготѣ и босотѣ, съ холоду и голоду, съ скрежетомъ зубовнымъ корпѣли надъ хріями афтоніанскими, надъ періодами крестообразными, надъ оккупаціями de pane, de calceis и т. п. Да, если когда, то именно въ тѣ времена, когда бѣдные бурсаки воспѣвали такіе восторженные канты передъ лицомъ сенаторовъ, именно въ

времена особенно многіе изъ нихъ ничего другого не могли желать, развѣ того только, чтобъ не звуки пхъ музы, а ихъ «горе — злоье» унеслось «съ чистой Ангары струями, подъ льдистыми стѣнъ ιи, чрезъ дивный Енисей туда... въ Ледовитое море».

Внѣ зачаточныхъ и убогихъ учебныхъ заведеній, само общество ир- :ое. до Сперанскаго, всего болѣе поучалось правительственными указами, ·укціями и уставами. И по преобладанію въ этомъ обществѣ купечеи буржуазно-коммерческихъ интересовъ, граждане его съ особенною ю читали и списывали для себя уставы коммерческіе, торгово-проιенные, да высочайшіе указы о привилегіяхъ купеческихъ и т. п. . наприм., въ разсматриваемомъ нами иркутскомъ рукописномъ сборвписаны правила кяхтинской торговли. правила и привилегіи Сѣверо- іканской торгово-промышленной Компаніи. вѣдомость о вымѣнѣ въ ѣ изъ-за границы и объ оптовой торговлѣ китайскими товарами года, акты, относящіеся къ дипломатическимъ договорамъ съ Китаболѣе или менѣе соприкосновенные съ интересами торговли, указъ ›атора Павла 27 марта 1800 года о пожалованіи нѣсколькихъ купи. въ томъ числѣ, иркутскаго 1-й гильдіи купца, директора Америкой Компаніи Мыльникова, званіемъ коммерціи совѣтника, и т. п. бныя же статьи преобладаютъ и въ другомъ находящемся у насъ руками сборникѣ кяхтинскихъ купцовъ Крюковыхъ (1786—1834). це, въ иркутскомъ городскомъ обществѣ до того преобладали интересы во-промышленные, буржуазные, что составляли главную тему домонной мѣстной поэзіи. Въ высокоторжественныхъ одахъ воспѣвалось зѣтаніе кяхтинской торговли, прославлялись Иркутскъ и Кяхта, какъ точія «азійскаго торга», восхвалялись «грузомъ полные корабли ›о-американской Компаніи», и отчасти изображались успѣхи земле- ι въ даурскихъ странахъ, въ Забайкальи. Вотъ, наприм., отрывокъ изъ на коронованіе ихъ величествъ, сочиненной кяхтинскимъ титулярнымъ тникомъ Протопоповымъ въ 1804 году»:

Миръ съ истиной себя лобзаютъ,
Торговъ, начальства и границъ
Соединеніемъ десницъ
Взаимно дружество являютъ,
Ермій при Кяхтѣ въ дружбѣ твердъ,
Въ Майматчинѣ ставъ ласкосердъ
Снимаетъ пышности личину,
Всѣ наш чутуть благой судьбину,
Что въ Александрѣ намъ дана.
Сердца отважны, бодры, смѣлы,
Съ отчизной оставляя родъ,
Текутъ сквозь лютости погодъ,
Иль сушей иль чрезъ волны бѣлы
Тамъ съ дальной ближатся землей,
И здѣсь градовъ пришельцы многихъ
Чинятъ размѣнъ въ разсчетныхъ строгихъ,
Избытокъ сей и той страны
Для пользы гражданъ и казны,

Спѣши Америка восточна,
Спѣшите Ситха и Кадьякъ
Представить службы вашей знакъ.
Страна далека и ужасна
Отважностью близка въ-дали!
Ужъ грузомъ полны корабли
Текутъ ко пристани россійской,
Европы торгъ и торгъ азійской
Иркутскомъ, Кяхтою полны.
Монархъ! ты суши царь и волнъ!..
Отеческая вѣрно жалость
Подвигла твой великій духъ;
Когда тебя коснулся слухъ,
Что твой народъ заботитъ малость
Здѣсь нужныхъ жизненныхъ потребъ,
То былъ единъ искусъ судебъ.
Церера нынѣ пробудилась
И съ плугомъ на поля пустилась,
Успѣхи зря въ текущій годъ,
Сторичный обѣщаетъ плодъ.
Сама смотря на желты нивы,
Съ утѣхой движетъ въ даль стопы.
Но вдругъ, Кубански [1]) зря снопы,
Воскликнула: о дни счастливы!
Въ поляхъ даурскихъ то растетъ,
Что степь кубанская даетъ;
Зрю домоводства здѣсь охоту.
Но отброшу впредь дремоту
И ударю забвенную часть:
Такъ мнѣ велитъ монарша власть!..
Возможно-ль при твоей державѣ,
Монархъ любезный небесамъ,
Быть бѣднымъ отечества сынамъ,
Когда къ богатству, къ чести, къ славѣ
Открыты всѣмъ тобой пути!..
Народъ труды къ трудамъ приложитъ,
Благословитъ Всевышній ихъ,
И мудрый странъ правитель сихъ
Въ немъ ревность съ знаніемъ умножитъ;
Прославятъ царствія вѣнецъ
И земледѣлецъ и купецъ! [2])

И не въ однѣхъ одахъ прославлялись успѣхи купеческой, торгово-промышленной дѣятельности, или восхвалялась общественная экономическая гегемонія богатѣйшихъ купцовъ. Даже въ кучѣ церковныхъ проповѣдей любознательные иркутскіе горожане съ особенной охотой любили отыскивать и вносить въ свои сборники такія проповѣди, которыя курили

[1]) Въ иркутск. рукоп. сборникѣ къ этому стиху въ выноскѣ приписана такая замѣтка: „P. S. T. маіоръ Чичулинъ былъ въ походахъ; привезъ изъ-за Кубани тамошней пшеницы небольшой узелъ, разведя около Кударинской крѣпости на своихъ, а потомъ Кудою на чужихъ поляхъ, довелъ нынѣ въ 1790 году количество ея до 700 пудъ“.

[2]) Иркут. рукоп. сборн., л. 199.

панегирическій ѳиміамъ щедродательнымъ купцамъ капиталистамъ. Такъ, наприм., въ разсматриваемомъ нами иркутскомъ рукописномъ сборникѣ помѣщено «слово, говоренное при погребеніи великоустюжскаго 1-й гильдіи купца Ив. Як. Курочкина того же города Преображенской церкви іереемъ Іосифомъ Самуиловымъ 1800 года марта 17 дня». Въ словѣ этомъ купецъ восхваляется, какъ «толь великій, толь почтенный, толь знаменитый и всѣми любимый именитый членъ общества городского», говорится, какъ «благотворительна рука Всевышняго ущедрила сего знаменитаго купца временными благами и земля, повинуясь велѣнію Творца своего, издавала изъ нѣдръ своихъ сокровища для обогащенія его, и какъ толь великій, толь почтенный купецъ уподобился древнему римлянину» и проч. [1]).

Далѣе, городское буржуазное населеніе, повидимому, старалось оказывать и нерѣдко дѣйствительно имѣло вліяніе и на сельское населеніе. Горожанинъ, изловченный коммерческими, буржуазными оборотами и хитростями, старался казаться образованнѣе поселянина, и по большей части, дѣйствительно, былъ хитрѣе, развязнѣе послѣдняго; больше, чѣмъ захолустный поселянинъ, нахватывался разныхъ книжныхъ или житейскихъ понятій; но при этомъ далеко, однакожъ, не отличался истиннымъ, разумнымъ либерализмомъ, а, напротивъ, зачастую оказывался даже консервативнѣе и обскурантичнѣе послѣдняго деревенскаго мужика: только невѣжественный консерватизмъ свой купецъ прикрывалъ авторитетомъ и разнымъ вздоромъ пустыхъ книгъ, что называется—пускалъ пыль въ глаза безграмотному мужику. Въ этомъ отношеніи характеристиченъ разговоръ Урбана (горожанина) и Рустика (поселянина), встрѣчающійся въ рукописяхъ иркутскихъ и произнесенный въ 1800 г. учениками иркутской семинаріи при посѣщеніи ихъ сенаторами. Онъ, вѣроятно, потому и записанъ въ сборникѣ любознательнаго иркутскаго гражданина, что особенно подходилъ къ преобладающимъ понятіямъ иркутскаго буржуазнаго городского общества, купечества и мѣщанства. Вотъ разговоръ этотъ:

«*Рустикъ.* Здравствуй, господинъ Урбанъ! Я тебя давно не видалъ, и теперь вижу, что ты веселъ.

Урбанъ А когда я не таковъ былъ?

Рустикъ. Ну, правда, да вамъ городскимъ о чемъ и печалиться?

Урбанъ. А у васъ деревенскихъ о чемъ печалиться?

Рустикъ. Какъ не печаль? Домъ, скотоводство, пашня, работа вседневная—што говорить.

Урбанъ. Это не печаль, это—должность, промышленіе и упражненіе. Я знаю, хоть ты деревенскій, но ты грамотей и начетчикъ книгъ, и ты все это различить можешь. Помнишь ли, мы съ тобой читали: печалься грѣшникъ, спасайся преступникъ, а добрый, трудолюбивый веселися.

Рустикъ. Да! у васъ городскихъ какіе труды противъ деревенскихъ?

Урбанъ. У всякаго свой аршинъ на все, и ты не знаешь, что сидя и мысля на одномъ мѣстѣ трудами можно больше изнуряться, нежели въ полевой работѣ.

[1]) Тамъ же, л. 53—54.

Рустикъ. Это мнѣ мудрено.

Урбанъ. Думаю, что мудрененькаго, есть ли у тебя свободное время хоть землю орать?

Рустикъ. Бываетъ.

Урбанъ. Вотъ и довольно, а у иныхъ городскихъ и того менѣе. Пріѣзжай ко мнѣ, я тебѣ прочитаю и протолкую книжку, въ которой написано, что пашня, конь, соха съ приборомъ, умъ, талантъ, изобрѣтеніе—все отдаетъ дань отечеству: потребны только искусство и работа.

Рустикъ. Да кто это радѣніе увидитъ?

Урбанъ. Богъ и государство, совѣсть и своя польза тебѣ скажетъ.

Рустикъ. Что польза дома есть отъ трудовъ—это такъ, а совѣсть-то говоритъ и вотъ что: отъ Бога высоко, а отъ царя далеко.

Урбанъ. Еще изъ тебя не вышла старинная дурь, а помнишь, я тебѣ толковалъ и ты понялъ, что Богъ есть вездѣсущъ.

Рустикъ. Помню.

Урбанъ. Такъ посему онъ къ намъ близокъ.

Рустикъ. Поэвтому такъ.

Урбанъ. А и царь также благоволилъ сдѣлаться къ намъ близокъ, и онъ теперь при насъ.

Рустикъ. Какъ это быть можетъ? вить онъ не Богъ и не вездѣсущъ!

Убанъ. Такъ, правда, ограниченность не позволяетъ ему быть вездѣсущимъ и всевѣдующимъ, но мудрость достигаетъ до того избираніемъ надежнѣйшихъ средствъ.

Рустикъ. Какъ это?

Урбанъ. Ты слыхалъ ли, что такое есть опекунъ?

Рустикъ. Мнѣ сказывали, что опекунъ приставляется вмѣсто отцовъ къ малолѣтнимъ дѣтямъ, дабы имѣніе не растеряно и домъ въ порядкѣ и дѣти бы воспитываемы были благондравно, такъ, какъ при своихъ отцахъ.

Урбанъ. Довольно ты сказалъ теперь. Дополнимъ: государь есть отецъ подданныхъ, всѣ дѣти ему равно любезны, онъ объ нихъ заботится и, жалѣя, что повсюду не можетъ быть самъ, поручаетъ избраннымъ мужамъ важную должность быть его окомъ, быть его ухомъ, чрезъ нихъ знать все, чрезъ нихъ утверждать и умножать благо народное, чрезъ нихъ отвращать зло и поправлять покривленное.

Рустикъ. Вотъ премудрое и человѣколюбивое благоволеніе.

Урбанъ. О томъ-то я и веселился: ты меня въ ту самую минуту нашелъ, когда я размышлялъ, какъ въ прибытіи сихъ довѣреннѣйшихъ особъ (сенаторовъ) возвышаетъ чело свое вольность, какъ робѣетъ насиліе, ежели еще есть, какъ стыдится лѣность, какъ бодрится раченіе, какъ трепещетъ клевета и какъ торжествуетъ истина. Мой другъ, картина въ умѣ моемъ весьма премилая!

Рустикъ. Куда какъ много вы, ученые, судите и какъ далеко видите!

Урбанъ. И вы много будете чувствовать добра, и далеко оно пойдетъ.

Рустикъ. Здѣсь правители и судіи хорошіе, слава Богу: мы ими довольны.

Урбанъ. Съ благодареніемъ къ нимъ о томъ и всѣ, какъ и ты, хватся, но добра чѣмъ больше. тѣмъ лучше, и чѣмъ опоры закона тверже, ›мъ правосудіе сильнѣе и тѣмъ всякое достояніе надежнѣе.

Рустикъ. Ты говоришь о правосудіи, а мы толкуемъ о милосердіи.

Урбанъ. И я о томъ же толкую: благоволить въ добрѣ и ненавидѣть о — это и есть быть милосердымъ; неужели ты похвалишь милосердіе, гда собака грызетъ овецъ, а пастухъ, собакъ не унимая, ихъ только рмитъ да гладитъ?

Рустикъ. И ты хорошо говоришь, а тѣ господа, чаю, и больше разуют.

Урбанъ. Что о семъ говорить: ты видишь отъ меня искру. а тамъ амя: оно пожжетъ все, что худо. а все, что добро, согрѣетъ.

Рустикъ. Ну такъ. отъ умныхъ и добрыхъ назоровъ всѣмъ добрымъ детъ добро: не просто ты веселился, добрый человѣкъ, и тебѣ, видно, обая тутъ есть выгода» [1]).

Наконецъ, въ умственной производительности и публицистической итикѣ иркутскихъ гражданъ также отразилось общественное преобланіе интересовъ купеческой монополистической партіи. Представители бирскаго общества, богатые и сильные купцы, подрядчики, откупщики, самой умственной неразвитости своей, какъ грубые и невѣжественные жики, никакъ неспособны были понять существенной, коренной лжи и омалій историко-традиціонныхъ принциповъ экономическаго устройва сибирскаго общества и старыхъ административныхъ учрежденій. ›противъ, эти принципы составляли для нихъ жизненную стихію, въ торой они историко-традиціоннымъ опытомъ, изъ рода въ родъ вко приспособились и научились «въ мутной водѣ рыбу ловить». ія нихъ важны были не принципы, а только правительственныя ца, главные начальники сибирскаго общества, дѣйствовавшіе въ сферѣ ихъ принциповъ. Они всѣ общественныя и административныя учреенія мѣрили аршиномъ своихъ личныхъ. эгоистически-буржуазныхъ тересовъ, судили съ своей. буржуазно-монополистической точки зрѣнія. ›понятная для ихъ немыслящихъ и неразвитыхъ умовъ коренная ложь мыхъ принциповъ тѣхъ или другихъ экономическихъ и административыхъ учрежденій никогда не могла возбудить въ нихъ критики. А чуть лялась такая правительственная личность, которая за живое затрогивала ъ монополистическіе интересы,—тогда и они оказывались «философами шивой горки» или «Мыльниковской улицы». Извѣстно, въ частности, о при Трескинѣ господствовала страшная монополія въ торговлѣ мясомъ: эго трое купцовъ сняли подрядъ на мясной торгъ съ тѣмъ строжайшимъ ловіемъ. чтобы, кромѣ нихъ. никто нигдѣ не смѣлъ торговать мясомъ. ›вѣстно, съ другой стороны, и то, что Трескинъ, воздвигши гоненіе на печескую партію или оппозицію, сильно тѣснилъ и купцовъ-мясниковъ. вотъ, какъ видно, въ средѣ этихъ-то монополистовъ мясной торговли писана была сатира на Трескина, подъ заглавіемъ: «философъ Вшивой

[1]) Рукоп. сборн., л. 187—188

горки или мысль при селеній мясниковъ». Приведемъ эту довольно харак теристическую сатиру, какъ любопытный памятникъ иркутской народно или общественной письменности.

О ты, надменный стратодрахъ!
Не знаетъ дѣяній твоихъ великій монархъ,
Какъ ты въ Иркутскѣ куралесишь,
Губишь ты всѣхъ, только не вѣсишь.
Среди монархомъ милостей ліемыхъ
Мы видимъ и мясниковъ сѣкомыхъ.
Купцы въ рабочемъ домѣ содержимы
Безъ всякія вины, не бывъ судимы.
Дѣянія твои пристрастны,
Законы всѣ безгласны.
Познай: гласъ стѣсненныхъ уже предъ Богомъ!
Скоро позовутъ тебя спросить во многомъ.
Ты пишешь,—это ужъ знаетъ всякъ,
Да дѣло на верху окажется не такъ.
Твое писанье, Богъ видитъ это,—лживо,
Стѣсненные тобой докажутъ то правдиво.
Ужъ нерчински шахты винныхъ извергаютъ,
Монаршу милость свободно ощущаютъ.
А бѣдный Иркутскъ среди милостей толикихъ
Еще ждетъ отъ тебя напастей превеликихъ.
Онѣ спокойно всѣ текутъ къ родшей землѣ,
А жители Иркутска сидятъ какъ въ кремлѣ.
Въ частяхъ сѣкутъ и мучатъ безъ суда,
Всякъ тебѣ дѣлай качели, сады и пруда,
Гауптвахту перестрой и каменья перевези,
И всѣ желанья исполняй, и денегъ не проси.
Одна твоя душа: Дуня твоя кокетка,
Которую держишь ты какъ птичку въ клѣткѣ:
Она поетъ или шутитъ и колобродитъ,
Ежели кто къ ней съ мѣшкомъ приходитъ;
Канзу иль канфу, по крайности фанзу гладку
Отдай ей съ прибавкой для задатку,
Иль пушныхъ звѣрей поболѣ принеси,—
И тутъ въ нуждахъ своихъ покорнѣйше проси!
Она о тебѣ въ тотъ часъ доложитъ,
Взятое предъ тобой съ улыбкою положитъ.
Тогда-то ты въ подробности все расцѣнишь,
Чтобъ больше взять, такую и милость положишь.
Видится, что добра есть въ тебѣ душа,
Бываешь веселъ и прыгаешь антраша.
Вотъ мнимыя твои честныя свойства,
А цѣль твоя дѣлать своевольства,
Тѣснить народъ и дѣлать свою волю.
Познай, что и тебѣ терпѣть достойну долю!
Присвоенье излишной власти
Вѣдь многихъ привело къ напасти:
Подумай, хорошо-ль, что ропотъ ужъ народный!
Да всякъ рожденъ и хочетъ быть свободенъ:
Ты-жъ хочешь утѣсня писать и всѣмъ воспятить,
Да даже съ-проста—и съ домашними говорить.
Нѣтъ, знай, что писано въ наказѣ.

Прочти его, коль нѣтъ--спроси въ Приказѣ:
Тамъ богоподобною Фелицей,
Иль сказано, усопшею царицей:
Излишна строгость умъ вредитъ у человѣка,
Страждетъ мысль, иль грозитъ пресѣченьемъ вѣка.
Почто-жъ ты отнюдь не просвѣщаешь,
А только злостью всѣхъ отвращаешь?
Прости, мой другъ! я ѣхалъ на Парнасъ,
Да мой пегасъ отъ горести въ грязи увязъ.
Едва я дошелъ ко Вшивой горкѣ
И далъ петакъ крестьянину Егоркѣ,
Дабы онъ на своей кляченкѣ
Довезъ меня къ моей избенкѣ.
И гаркнулъ мнѣ, чтобъ болѣ я не вралъ,
Вѣдь онъ де безъ того подъ судъ попалъ!
Почуялъ я ево сей грозный гласъ
И, зная, что далекъ еще Парнасъ.
Плести я рифмы удержался,
И самъ тутъ собою разсмѣялся.
И чуть было меня нелегкое помчало,
Притомъ не выточа сатирическое жало,
Не знавъ поэзіи, кромѣ прозы по складамъ
Скажи спасибо, что я признался самъ,
Не то-бъ терпѣлъ ты горьку чашу.
Да вѣдаю я жизнь коротку нашу,
При старости поэтомъ не бывать,
На что-жъ мнѣ болѣе марать.
Ты спросишь: кому сіе писать!
Едва-ль можешь друга не узнать!
Изволь... скажу... ахъ нѣтъ!
Любезный ты мой свѣтъ!
Въ невѣдѣніи какъ хочешь ты бѣсися,
Да только всѣхъ тѣснить пожалуй удержися,
Медвѣдя своего вели скорѣ убить,
Дабы не могъ людей болѣе вредить.
Любовницѣ брать взятки воспяти,
Запри нахватано подалѣе въ клѣти,
Имѣніе умершихъ отдай скорѣ въ Приказъ,
Начавъ съ нахаловъ надѣнь узду на всѣхъ тотъ часъ,
Засаженныхъ въ тюрьму вели освободить,
Дабы симъ благородство отнюдь не повредить.
Есть ли сіе исполнишь,
То истинно меня попомнишь.
Никто тому совѣтъ давать не можетъ,
Который принимать его не хочетъ.
Теперь имѣешь ты отворенныя очи,
Не засыпай и думай цѣлы ночи,
Познай, мой другъ, что былъ тебѣ я не злодѣй,
Давалъ совѣтъ избавиться затѣй,
Да токмо ты въ числѣ людей подъ присмотромъ отправилъ,
А для совѣтовъ ради козла сугремъ оставилъ.
Стѣсненный нашъ внемли, Господи, гласъ!
Въ напастяхъ нашихъ приносимъ всякій часъ.
Внуши царю помазанну Тобою,

Что мы гонимы злой судьбою.
Поставь начальника другова,
Незлоблива, правдива и такова,
Чтобъ въ дѣлахъ зрѣть милость и судъ
И вѣкъ бы жалобы не было отнюдь [1]).

Вообще, протестуя только противъ деспотизма административныхъ лиц не сознавая и не критикуя несоотвѣтственности или отжилости самы принциповъ стараго сибирскаго управленія и экономическаго строя, граждане сибирскіе не имѣли въ умѣ и сердцѣ своемъ никакого д гого высшаго идеала, кромѣ милости царской и желанія такого губер тора или генералъ-губернатора, который былъ бы «избраннымъ ангел царскимъ». Такой идеалъ ихъ выраженъ, наприм., въ одѣ на высокот жественный день коронаціи Императора Александра, сочиненной и на санной въ Троицко-Савской крѣпости по усердію чиновниковъ компа оновъ и купцовъ титулярнымъ совѣтникомъ Протопоповымъ 1803 г сентября въ 15 день. Ода эта гласитъ:

Что можетъ выше быть въ природѣ,
Какъ высшій сей уставъ—
Зрѣть въ человѣчествѣ, въ народѣ
Своихъ возстановленье правъ...
Но какъ въ дали Сибири числить,
То это Европа ясно зритъ.
Довольно о себѣ ей мыслить!
Сибирь себя блаженной чтитъ,
Въ залогъ отеческа призора,
Коль кратъ довѣреннаго взора
Бывъ удостоена въ дали,
Въ надеждѣ, въ радости взираетъ,
Монаршей воли ждя, взываетъ:
Ты мудръ, мы вѣрны, повели!
Уставы всѣ твои мы мѣримъ
Щедротой, государь, твоей,
Душой благоговѣйно вѣримъ
Въ нихъ пользѣ обитать своей:
Для исполненья щедрой воли
Посли къ намъ въ дальнія юдоли
Избранна ангела тобой,
Твоимъ исполненнаго духомъ,
Насыть твоихъ велѣній слухомъ:
Мы въ немъ чтить образъ будемъ твой!
Сей дальній край и простертой дали
Отъ Кяхты въ радостный сей день
Приноситъ съ сердцемъ вмѣсто дани
Пѣснь краткую, усердья тѣнь.
Гласъ душъ поетъ съ сердечнымъ звономъ
Согласнѣе передъ вышнимъ трономъ [2]).

[1]) Иркутск. рукописн. сборн., л. 182—183.
[2]) Тамъ же, л. 155.

Точно также въ другой одѣ титулярнаго совѣтника Протопопова, отъ имени всего кяхтинскаго общества, сказано:

Мы, обратя свой духъ веселый
Отъ дальнихъ Кяхтинскихъ границъ
Въ Петровы радостны предѣлы,
Гдѣ Росскихъ тронъ царей, царицъ,
Туда душевны взоры мы возводимъ [1]).

При общемъ преобладаніи эгоистически-пріобрѣтательныхъ, буржуазныхъ интересовъ и чувствъ,—общественныя проявленія высшихъ соціальныхъ чувствъ человѣколюбія, гуманности и сострадательности къ ближнимъ были, вообще, такъ рѣдки, что, повидимому, и въ сибирскихъ лѣтописяхъ и сборникахъ отмѣчались, какъ рѣдкости нравственныя. Естественныя, инстинктивныя, соціальныя чувства, свойственныя и дикимъ племенамъ и даже животнымъ, повидимому, еще менѣе забиты были буржуазными интересами у инородцевъ, чѣмъ у русскихъ сибирскихъ цивилизаторовъ. Такъ, семипалатинскій капитанъ Андреевъ, нерѣдко описывая въ своей «домовой лѣтописи» самые жестокосердые поступки военачальниковъ—русскихъ и нѣмцевъ, въ то же время записалъ слѣдующій, напримѣръ, случай: «8 ноября 1795 года удивительное приключеніе привело меня въ удивленіе: одинъ ссыльный татаринъ имѣлъ у себя на пропитаніи 12 лѣтъ старушку христіанку слѣпую; она сего числа скончалась и похоронена его стараніемъ и попеченіемъ; хотя у ней и двѣ дочери есть замужемъ, но татаринъ былъ человѣколюбивѣе къ старушкѣ, чѣмъ дочери; да и прежде такая же безпомощная старуха была имъ призрѣна и похоронена по-христіански. Вотъ истинный доброжелатель, какой царствуетъ между людьми, но не просвѣщенный, а во тьмѣ заблуждающій человѣкъ, и онъ съ плачемъ сказалъ при семъ погребеніи старухи: и я человѣкъ и мнѣ скоро умереть надобно. Сей есть татаринъ, живущій въ Омскѣ на своемъ пропитаніи и при полиціи былъ ходокомъ, Абдулъ имя ему» [2]). Другіе сибирскіе инородцы также нерѣдко обнаруживали замѣчательныя чувства человѣколюбія. Правда, у нихъ соціальная симпатія или гуманность, повидимому, большею частію еще не далеко ушла отъ первобытной чисто-родовой, или зоо-генетической симпатіи, ограничивающейся сферою своего рода или племени. Однакожъ, все-таки, человѣколюбивая симпатія, напримѣръ, якутовъ простиралась уже и на тунгузовъ. Въ 1820 г. родоначальникъ Мегинскаго улуса пожертвовалъ бѣднымъ жителямъ удскаго края коровъ и быковъ суммою на 2000 р. и самъ доставилъ ихъ на мѣсто. Тунгузскіе князцы Алексѣй Пономаревъ и Алексѣй Громовъ и якутскій князецъ Мих. Поповъ въ 1819 и 1820 г. снабжали отдаленныхъ бѣднѣйшихъ тунгузовъ и якутовъ оленями и другими запасами, а ближайшихъ принимали къ себѣ и дѣлили съ ними собственные запасы. Громовъ и Пономаревъ вносили и ясакъ за бѣднѣйшихъ изъ якутскихъ родовъ. Князецъ и голова Кривошапкинъ болѣе двухъ мѣсяцевъ содержалъ

[1]) Тамъ же, л. 141.
[2]) Домов. лѣтоп. Андреева, стр. 143.

до 40 человѣкъ своихъ родичей. Голова и князецъ Поповъ пожертвовалъ для удскихъ жителей скота цѣною до 3000 р. Голова или князецъ Батурусскаго улуса въ 1818 году пожертвовалъ 780 р. въ пользу поселянъ охотскаго тракта и тотчасъ же доставилъ имъ купленный на эти деньги провіантъ, а въ 1820 г. поставилъ имъ до 150 пуд. хлѣба безъ всякой платы. Наконецъ, сынъ ламутскаго князца, Яковъ Корякинъ нѣсколько разъ вывозилъ на свой счетъ изъ лѣсовъ цѣлый родъ голодавшихъ тунгузовъ, пропитывалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока это было нужно, снабжалъ ихъ безплатно оленями и посылалъ въ ихъ кочевья припасы [1]). Точно также и въ русскомъ сибирскомъ простонародьи, да и въ купечествѣ, чувства симпатіи и человѣколюбія еще сплошь и рядомъ ограничивались своимъ родствомъ. Семейно-родовые интересы и чувства преобладали надъ соціально-гуманными чувствами и стремленіями. Въ сибирскихъ деревняхъ иногда замѣчались рѣдкія проявленія единокровнаго братолюбія и семейной привязанности. Въ этомъ отношеніи любопытна одна сибирская повѣсть, написанная, по всей вѣроятности, въ Тобольскѣ, въ первые годы XIX столѣтія. Повѣсть эта озаглавлена такъ: «Ефимъ Тюменевъ или рѣдкій примѣръ братской любви, истинная повѣсть». Она написана въ духѣ Карамзинскаго сантиментализма, хотя и въ высшей степени просто, безъискусственно, полна «чувствительнаго» изліянія родственныхъ чувствъ и сантиментальныхъ размышленій. Герой повѣсти—бѣдный крестьянскій сынъ, Ефимъ Тюменевъ, карликъ лѣтъ 20, ростомъ въ 1 аршинъ и 10 вершковъ. Онъ родился въ Тобольской губерніи, въ Б....мъ уѣздѣ, въ К....ой волости, въ деревнѣ Б....вѣ. По смерти отца этого карлика, экономическаго крестьянина, съ отдачей двухъ старшихъ братьевъ его въ солдаты, одинъ только братъ карлика, Петръ, оставался еще дома, пропитывалъ всю семью, которая, по словамъ повѣсти, «почти вся составлена была изъ калѣкъ и карлъ». Вотъ эти-то два брата и отличались особенною братскою любовью. «Хотя великая была разница между ними по виду, говоритъ неизвѣстный тобольскій Карамзинъ, тотъ высокъ, румянъ, красивъ, однимъ словомъ—молодецъ, а этотъ малъ, худъ, старъ, сущій карла, но равное чувство дружбы и любви соединяло души ихъ священными узами братства и возрастало съ ними не по годамъ, а по часамъ: карликъ Ефимъ съ первымъ понятіемъ о бытіи своемъ старался всячески угождать Петру и, сколько было силъ, раздѣлялъ съ нимъ трудныя сельскія работы, за что тотъ горячо любилъ его: за каждую ласку или прислугу Петръ гладилъ по головѣ Ефима или прижималъ его къ жаркой груди своей, а Ефимъ за всякій кусокъ хлѣба благословлялъ Петра и называлъ кормильцомъ». Петръ пропитывалъ всю свою семью», составленную изъ калѣкъ и карлъ». «Но вотъ,—говоритъ авторъ повѣсти,—объявляется рекрутскій наборъ, дѣлается раскладка по волостямъ. Кому неизвѣстно, что отъ начала міра и до нашихъ дней всегда былъ слабый жертвою сильнаго и бѣдный попираемъ богатымъ. Какъ законы ни вооружались противъ зла сего, но тщетно: одно развѣ просвѣщеніе удобно

[1]) Г. Вагинъ, т. I, стр. 389.

искоренить его, и то чрезъ многіе вѣки, когда человѣкъ по собственному страданію судить будетъ о страданіи ближняго. Итакъ, по сему обыкновенному порядку, всѣ сильные и богатые мужики были обойдены, и велѣно представить по наряду безденежнаго Петра; какъ за него всѣмъ міромъ ни вступалися, но бѣда обрушилась на голову добраго малаго, не пріемля никакихъ отговорокъ, схватили его, сковали и повезли въ городъ. Кто имѣетъ дѣтей, а особливо такихъ, въ которыхъ находитъ свое счастіе, тому не трудно войти въ состояніе пораженной матери его; кто хорошій сродникъ, тотъ легко ощутить можетъ неутѣшную горесть братьевъ и сестеръ». Далѣе въ повѣсти со всею чувствительностью разсказывается трогательная сцена воплей и терзаній престарѣлой матери, калѣкъ дочерей ея и карлика сына. Вице-губернаторъ безжалостно забрилъ лобъ Петру, и его отправили въ С.-Петербургъ, въ литовскій полкъ, въ Гатчину. Мать не вынесла горя и тотчасъ же умерла. Карликъ остался съ калѣками сестрами. Далѣе, повѣствователь тобольскій, изливъ сантиментальныя размышленія о неминуемости правосудія Божія, говоритъ: «Господь умудряетъ слѣпцовъ и разитъ жестокихъ собственными ихъ ударами: онъ исполнилъ силою духа безсильнаго тѣломъ карлу Ефима. Бѣднякъ сей, лишившись отца, брата-кормильца и чадолюбивой матери, оставшійся съ увѣчнымъ братомъ и двумя старыми и калѣками сестрами на рукахъ, опомнился, ободрился: благотвореніе брата Петра ко всѣмъ имъ живо представилося въ память его, чувство братской любви сильнѣе воспылало въ его сердцѣ. Онъ рѣшился, чего бы то ни стало, рѣшился идти къ монарху, и у престола его искать милости. Какъ только онъ похоронилъ мать, и брата проводилъ на службу, такъ сестеръ роздалъ по міру, брата увѣчнаго посадилъ на паперть церковную просить у прохожихъ подаяніе именемъ Христовымъ, а самъ пошелъ въ Петербургъ. Онъ не помнилъ, какъ шелъ зимою и въ одномъ холодномъ кафтанишкѣ: ему такъ было тепло,—говорилъ онъ,—какъ-бы въ Петровки: не мудрено,—кто горитъ жаромъ добродѣтели, для того всѣ времена года равно теплы, для того самая угрюмая зима то же, что красное лѣто: души токмо хладныя, низкія поступаютъ по погодѣ и въ пасмурный день боятся спасти другого. Удрученный подъ игомъ печали пѣшеходецъ нашъ достигаетъ тѣхъ высотъ, откуда взору смертныхъ видѣнъ пышный градъ великаго Петра: лишь только онъ усмотрѣлъ блестящіе верхи храмовъ и цѣпь зданій, протягивающуюся вдоль невскихъ береговъ, лишь только онъ представилъ себѣ, что тутъ живетъ государь, отъ котораго судьба зависитъ цѣлыхъ народовъ, у котораго въ рукахъ и брата его и его собственная жизнь,—какъ мгновенно онъ оробѣлъ, затрепеталъ, свѣтлаго дня не взвидѣлъ и не смѣлъ шага ступить впередъ... Чему дивиться, что сирый житель полей обомлѣлъ, пораженъ былъ величіемъ Петрополя! Кто не оробѣлъ бы въ виду его! Сами цари чужеземные удивлялись и съ изумленіемъ покланялись нашимъ вѣнценосцамъ—Петру Великому и Екатеринѣ Великой... Но мало-по-малу очнулся карликъ Ефимъ, и какъ стрѣла вбѣжалъ въ городъ. Съ горькими слезами бродилъ онъ съ улицы въ улицу, не зная, куда пріютиться, куда приклонить свою беззащитную голову. Вдругъ

попадается онъ навстрѣчу ямщикамъ, живущимъ въ предмѣстьи: они принимаютъ его словно Робинсона, который вѣрно заблудился, приголубливаютъ его, разспрашиваютъ, чей онъ, съ чьего двора. Дрожащимъ отъ радости голосомъ Ефимъ разсказываетъ имъ о своей горькой долѣ. Одинъ изъ ямщиковъ особенно пожалѣлъ его: приводитъ его къ себѣ, держитъ у себя нѣсколько дней, примѣчаетъ, прислушивается къ словамъ его и, находя въ рѣчахъ его правду, а въ немъ самомъ рѣдкую добрую душу, отыскиваетъ для него грамотея, стараго солдата, который взялся написать ему просьбу къ государю, а въ слѣдующій день добрый ямщикъ самъ пошелъ съ нашимъ карликомъ на дворцовую площадь—показать ему монарха и помочь подать прошеніе». Далѣе въ повѣсти разсказывается, съ какимъ трепетомъ карликъ сибирскій подалъ Императору Александру просьбу, какъ министръ правосудія Лопухинъ привелъ въ исполненіе эту просьбу, затѣмъ «чувствительнѣйшими» словами описывается трогательная сцена свиданія карлика Ефима съ братомъ Петромъ, служившимъ въ литовскомъ полку, въ Гатчинѣ, и, наконецъ, радостное возвращеніе ихъ домой. Повѣсть оканчивается нравоученіемъ губернскимъ начальникамъ: «не забывайте,—поучала она ихъ,—что есть Богъ покровитель и отмститель угнетенныхъ, что есть государь-рачитель о благоденствіи своихъ подданныхъ, что еще есть вельможи добрые, ходатайствующіе за невинность, говорящіе правду; вѣдайте, что и карлы достигаютъ престола, и ежели вы страшились доселѣ однихъ только вельможей, то отнынѣ бойтесь не менѣе того и пигмеевъ. Тебѣ, Тюменевъ, мой знаменитый и ростомъ и душею герой братской любви, простосердечный учитель добродѣтели, вмѣсто лавроваго вѣнка, который скоро увянуть можетъ, приношу я въ даръ *чувствованіе удивленія* и доброхотства, которое никогда не измѣнится» [1]).

Самостоятельная разумная критика общественныхъ понятій и нравовъ въ сибирскомъ обществѣ, какъ и вообще во всемъ русскомъ обществѣ, въ началѣ XIX вѣка, разумѣется, еще и не мыслима была. Граждане иркутскіе тогда еще безъ разбору и съ одинаковымъ вкусомъ читали и усвояли какъ оптимистическія, такъ и кое-какія критическія статьи разныхъ сочинителей. Они увлекались всякимъ забавнымъ балагурствомъ, всякими шутливо-просмѣшливыми изрѣченіями и потѣшными афоризмами, имѣвшими претензію на юморъ или сарказмъ, всякими пѣснями и одами, отзывавшимися хотя бы то самыми слабыми сатирическими тенденціями. Такъ, наприм., составитель разсматриваемаго нами Иркутскаго сборника, съ одинаковымъ интересомъ вписывавшій въ него и проповѣди, и мистическія статьи о судьбѣ религіи, и опредѣленія наукъ, и оды Державина, и уставы торговые, и сочиненія семинарскія и проч.,—въ то же время записалъ въ свой письменный учебникъ и такое, напримѣръ, «критическое сочиненіе на надгробныя надписи»: «здѣ стоитъ плачущая статуя надъ могилой—и по мертвомъ камень плачетъ, а что сказать, сколько плакало отъ живаго? Здѣ стоитъ сатурнъ съ переломленною косою—ужъ эдакъ и

[1]) Иркут. рукоп. сборн. нач. XIX в., л. 195—197.

і съ убыткомъ сдѣлалъ. Здѣ стоятъ вырѣзаны нищые плачущые — лъ до кашеля, заставилъ собака плакать. Здѣ стоитъ простой крестъ— о ужъ заслужилъ быть повѣшенъ. Здѣ стоитъ урна, сдѣланная въ ; чаши—экъ привыкъ, и мертвому-то еще проситъ, чтобъ налили. Здѣ подписи простой камень--вотъ образъ и чувствительность его сердца, подлинно былъ подобенъ камню. Здѣ могила нѣсколько провалилась— ъ тебѣ и въ аду-то мѣста не было! Здѣ мало примѣтна могила и безъ ихъ признаковъ: онъ самъ зналъ, что не достоинъ замѣчанія. Здѣ ланы надъ могилой перильцы—живой-то не могъ въ тюрьму попасть, › хоть мертвой посижу» [1]). Или тотъ же иркутскій любознательный :данинъ помѣстилъ въ своемъ сборникѣ и длинную и солдатскую оду. жалобно-сатирическое стихотвореніе солдата Василія Маркова изъ ійловскаго полка, написанное въ 1802 году. Оно весьма характерино. Крайне безыскусственно, не поэтично, но въ высшей степени ю, живо и фактично изображаетъ оно прежнюю горемычную солдат-) жизнь. Въ настоящее время, какъ извѣстно, правительство уже гчило народу солдатскую службу введеніемъ общей воинской повини. Но что было въ прежнія времена въ XVIII в. и въ началѣ XIX-го? › военное министерство такими, весьма неутѣшительными словами актеризовало прежнее положеніе русскаго солдатства: «если армія а съ достоинствомъ выдерживала войны и въ боевомъ отношеніи можетъ рничать съ лучшими арміями Европы, то въ нравственномъ далеко нихъ отстала. Солдатъ нашъ убитъ духомъ. Въ военной службѣ онъ ітъ гибель. Наборъ, при началахъ, лежащихъ нынѣ въ его основѣ, въ :тіяхъ народа бѣдствіе». Недаромъ народъ сложилъ много пѣсенъ про ую некрутчину», про «худое житье солдатское». Вотъ къ числу этихъ-то нъ принадлежитъ и та «солдатская ода» 1802 года, которая нахоя въ разсматриваемомъ нами иркутскомъ рукописномъ сборникѣ на-XIX столѣтія. Она озаглавлена такъ: «солдатская жизнь, сочиненвъ большомъ городѣ въ каменныхъ палатахъ почтеннымъ человѣ-ь, котораго всякъ бьетъ, 1802 года мая 1-го». Стихотвореніе начися такимъ предисловіемъ «къ читателю»:

Хоть читай иль не читай,
Философомъ ты не считай.
Солдатъ я братъ не богословъ,
Не знаю красныхъ словъ.
Пишу я быль, а не романъ,
Что око видитъ, ухо слышитъ,
То рука моя и пишетъ.
Хоть не складно, но мнѣ ладно
А что худо я пишу,
Поучить тебя прошу:
Какъ умѣешь, поучи,
А не знаешь, такъ молчи.
Я покорнѣйше слуга

[1]) Тамъ же.

Предъ тобою какъ дуга.
И всегдашній вамъ ревнитель
Сей поэмы сочинитель [1]).

* * *

Дѣла славныя я Трои
Воспѣвать я не хочу,
Мнѣ не нужны и герои.
А писать, что я хочу,
На Парнасъ взлетать не смѣю,
А пою, что разумѣю:
И Пегасы всѣ мнѣ чужды,
А узнайте наши нужды,
Что тревожитъ и крушитъ,
Насъ безъ времени сушитъ.

* * *

Я отечеству защита,
А спина всегда избита,
Я отечества ограда,
Въ тысяча палкахъ вся награда.
Кто солдата больше бьетъ,
И чины тотъ достаетъ,
И старателенъ, хорошъ,
Хоть на чорта онъ похожъ:
А коль бить кто не умѣетъ,
Ничего не разумѣетъ.

* * *

О солдатъ, ты, горемыка,
Хуже лапотнова лыка!
Твоей жизни хуже нѣтъ,
Про то знаетъ и весь свѣтъ:
Тебя дуютъ, тебя бьютъ
Такъ, какъ полосу куютъ,
И собаку чтутъ дороже,
Палкой бьютъ тебя по рожѣ,
Разбиваютъ глаза, губы,
Не забудутъ тутъ и зубы.

* * *

Если мало вамъ дубинки,
О солдатскія вы спинки!
Если плюхъ пять, шесть случится
И головка закружится,
Лучше въ свѣтѣ не родиться,
Чѣмъ въ солдатахъ находиться:
Этой службы хуже нѣтъ,
Изойти весь бѣлой свѣтъ.

[1]) Далѣе слѣдуетъ самая „Ода". Хотя она очень длинна, но мы счита[е]
не лишнимъ напечатать ее здѣсь цѣликомъ, какъ любопытный памятникъ сво[е]
отдѣла народной словесности. „Ода" гласитъ слѣдующее:

* * *

Въ караулѣ идешь, такъ горе,
А домой придешь и вдвое.
Въ караулѣ намъ мученье,
А какъ смѣнишься ученье!
Въ караулѣ жмутъ подтяжки,
На ученьѣ жди растяжки:
Стой прямо, прямо и тянись,
За тычками не гонись,
Оплеухи и пинки
Принимай такъ, какъ блинки.

* * *

Есть несносно въ свѣтѣ время,
Кто несетъ болѣзни бремя,
А несноснѣе тому,
Коль не вѣрятъ въ томъ ему,
Онъ божится, увѣряетъ,
Командиръ не довѣряетъ,
Говоритъ: нѣтъ, ты лѣнишься,
Не вѣрю, хоть и божишься,
О солдатъ, бѣдно созданье,
Твое слабо оправданье.

* * *

Заболитъ когда солдатъ,
Бейся смѣло объ закладъ.
Не повѣрятъ въ томъ ему,
Хоть божись хочешь кому,
И стяни хоть съ неба Бога,
Говоритъ, что лѣни много
Выбить надо изъ него:
Быть больному симъ чего.
Онъ не боленъ, а съ похмѣлья,
Знаю, что его бездѣлья.

* * *

Коль наружной нѣту раны,
Говорятъ, что все обманъ,
Развѣ духъ изъ него вонъ,
Скажетъ, что былъ боленъ онъ,
Послѣ смерти пожалѣютъ....
А прежде въ люди не включаютъ.

* * *

О прекрасная весна,
Ты пріятна и красна!
На тебя всякъ веселится,
Когда вольнымъ кто родится.
А солдату ты, весна,
Очень, очень не сносна.
Тутъ начнется всѣмъ ученье,
О неносное мученье
И всученья глубина,
Про то знаетъ лишь спина.

* * *

Коль здоровы будутъ палки,
Офицеры такъ, какъ галки,
Солдатъ мучаютъ до смерти,
Такъ, какъ душу въ адѣ черти
Кулаками по спинамъ
И палками по бокамъ,
И какъ палокъ не достанетъ,
Тесаковъ на то достанетъ,
И еспантоны не гуляютъ,
Часто подъ бокъ прилетаютъ.

* * *

Полковники и генаралы
Тоже нынѣ обдиралы.
Попадися только въ руки,
То натерпишься ужъ муки,
Хоть не важная вина,
Но простись со шкурой спина
Оправданья не принимаютъ,
Только шкуры обдираютъ,
Говорятъ: стой, молчи!
Хоть и правъ, да не ворчи.

* * *

Да и всѣ ужъ офицеры
Вознеслися выше мѣры,
Себя ставятъ за святыхъ,
А солдатъ чтутъ заклятыхъ.
Чтутъ, солдатъ на то родился
Чтобъ они ихъ только били;
Вотъ утѣха и забава
И хорошій день и слава...

* * *

А какъ просишь ихъ объ дѣлѣ
То приди на той недѣлѣ,
А мнѣ нонѣче не время
Понести такое бремя.
А недѣля какъ пройдетъ,
То другую онъ найдетъ,
И не будетъ имъ конца,
Ходи такъ, какъ кругъ кольца,
О солдатская ты участь!
Что не дѣлаетъ въ сердцѣ ужасть.

* * *

А отъ каменныхъ палатъ
Весь посохъ уже солдатъ.
Со наружнаго то вида,
Правда, жизнь и не обида,
Но на внутренность взгляни,

Волчью пѣсню и тяни;
Человѣкъ двадцать, немножко
Бейся у одного окошка,
Тутъ почистись, побѣлись,
Другъ за дружкой и тѣснись,

* * *

Дворянская стоитъ въ нихъ печка,
Славно, мирно какъ овечка,
Наблюдай всегдашну моду,
Не держи квасу или меду,
Полъ всегда чтобъ былъ бѣлъ,
И другихъ не дѣлай дѣлъ,
А захочешь помочиться,
Надо версту волочиться,
Раза два, коль три пройдешь,
То подметки изобьешь.

* * *

А придетъ какъ воскресенье,
Говоритъ, что отъ бездѣлья
Ступай вымети весь дворъ,
Обмети вокругъ заборъ,
Вездѣ-бъ было чисто, гладко;
Идешь, правда, хоть не сладко,
А коль честью кто нейдетъ,
Дядя съ буркою придетъ,
Какъ пятокъ, другой натянетъ,
Поневолѣ сердце вынетъ.

* * *

О несносная неволя,
О солдатская ты доля!
Можно всякому вздурится
Въ двадцать пять лѣтъ отслужиться;
Тотъ на свѣтѣ вновь родится,
Кто отъ службы свободится,
Никто, никто не воображаетъ,
Когда службу продолжаетъ.
Не постигла чтобъ кончина,
Не лишася солдатска чина.

* * *

Естьли жизнь кому продлится
И отъ службы свободится,
То бери въ руки костыль,
Поди смѣло въ монастырь:
Въ ногахъ, рукахъ ужъ силы нѣтъ.
Опостылъ и бѣлый свѣтъ.
Недостанетъ дневной пищи
И запишися въ нищи.
И не жди больше отрады —
Только будетъ и награды!

* * *

Ослабѣютъ въ рукахъ силы
И опустятся всѣ жилы,
То не только работать —
Съ трудомъ и съ мѣста встать:
Костыль въ руки да кошель,
По подоконью пошелъ,
Христа Бога вспомяни
И самъ руки протяни,
Всѣхъ отцами называй,
А не пей, не ѣшь, зѣвай.

* * *

А влачи гдѣ день, гдѣ ночку.
Завались въ кабакъ за бочку
Иль въ полѣ на лугу.
Гни полось что дугу.
А квартерушку нанять
Негдѣ денежекъ достать.
Коль ноги босичищемъ,
Будь покоренъ и всѣмъ нищимъ.
Вотъ награда вся за службу!
Воешь волкомъ и за нужду!

* * *

Полно, я уже заврался,
До всей точности добрался.
Здѣсь на правду вѣдь не мода.
Взгонятъ въ волкову въ полгода.
А случится и въ недѣлю
Посѣтить весну-постелю,
Не по шерсти кто погладитъ.
Я видѣлъ многіе примѣры.
Каковы сіи химеры:
Съ виду они гуріи,
А страшныя фуріи.
И въ нихъ жалости отъ вѣка
Не бывало никогда
Къ страданьямъ человѣка,
А всѣ злятся завсегда.

* * *

Говорятъ: „людей не бьешь
И пути въ нихъ не найдешь:
Они воры и пьяницы“.
Сами-жъ—пролей скляницы.
Пропиваютъ насквозь ночи,
Такъ выпьются изъ мочи,
Перепьются всѣ до драки
И карачутся какъ раки.
А по утру скажетъ: боленъ!
И ото всѣхъ дѣлъ уволенъ.

* * *

Нѣтъ, спина моя хрептитъ,
Перестать молоть велитъ.
Говоритъ хозяинъ: полно!
А то будетъ вѣдь мнѣ больно:
Какъ узнаетъ капитанъ,
То сдеретъ родной кафтанъ.
Я совѣтъ спины уважу.
Себя больше не отважу.
Хоть не много тѣмъ испорчу,
Но на семъ ее и кончу [1]).

Мы разобрали всѣ рукописные матеріалы, касающіеся характеристики твенныхъ интересовъ сибирскаго общества временъ Трескина, какіе ько были у насъ подъ руками. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о актеристическихъ особенностяхъ общественной жизни сибиряковъ того мени.

Въ западной Сибири, въ Усть-каменогорской и Семипалатинской постяхъ, общественная жизнь, повидимому, была нѣсколько живѣе, чѣмъ Иркутскѣ. Тамъ уже въ XVIII в. постоянно были балы, оперы, маскаы и разныя общественныя увеселенія. Конечно, увеселенія эти были самыя грубыя. Игра въ карты и пьянство составляли главное въ ь удовольствіе. Нерѣдко увеселенія оканчивались спорами, драками и іями побитыхъ. Семипалатинскій капитанъ Андреевъ въ своей «домолѣтописи» отмѣчалъ всѣ балы и увеселенія, въ которыхъ принималъ стіе, и такимъ образомъ описывалъ ихъ: «въ 1763 году зимой къ рождеэнской недѣлѣ учрежденъ отъ генерала Шпрингера въ чертежной, для ірованія молодыхъ людей, оперный домъ, гдѣ и чинили представленія ıыхъ трагедій и комедій, подъ смотрѣніемъ и предводительствомъ моимъ, чемъ на расходы со зрителей довольно собиралось денегъ и употреıись на разныя платья и уборы. Въ лѣтнее 1769 года время трафи› въ называемый семикъ гулять съ пріятелями по обыкновенію въ ѣ, гдѣ случилось тогда быть команды моей вахмистру Копѣйкину съ ой; и какъ всѣ мы довольно были подгулявши, между разговорами ıистръ мой сказалъ мнѣ нѣчто грубо, кое и было иль лучше показа› мнѣ не сносно : я ударилъ его одинъ разъ случившейся у меня въ рукахъ нькой таволожкой по головѣ и трафилъ по нечаянности чрезъ ви›, отъ коего удара онъ, упавъ мертво на землѣ, былъ безъ чувствъ. я сіе, мои пріятели, оробѣвши, не знали, что и дѣлать, а жена моя ıла отъ того въ великій страхъ, жена же вахмистра Копѣйкина ла вопить по мертвомъ своемъ мужѣ, а тесть Копѣйкина скоро боıй, отставной драгунъ, бывшій тутъ же, съ азартомъ весьма меня ловилъ убійцею, который гвалтъ хотя и старался я пресѣчь, но былъ противъ огорченныхъ на меня не въ силахъ. Привезли уже на те› мертваго моего домой безъ чувства, съ великимъ воплемъ и рыдаь, утверждая меня только единственно убійцею, отъ чего вся крѣ-

[1]) Рукоп. сборн., л. 173—175.

ность пришла въ удивленіе. Я же, сколько съ запальчивости, столько же отъ такого слышаннаго на меня злословія, огорченія, вышедъ къ бригадиру фонъ-Гилензбергу, доносилъ въ горячности самъ на себя въ убійствѣ. Копѣйкинъ же, бывъ нѣсколько мертвымъ, очувствовавшись, былъ боленъ головою дней 10, которая у него отъ удара только распухла, и напослѣдокъ совершенно выздоровѣлъ. Почему и положено мое обѣщаніе съ самаго того времени день сей семикъ никогда не праздновать и никакихъ веселостей не всчинать, что и по день сего моего описанія сохраняю весьма строго со всѣми моими домашними... Въ 1790 году къ продолженію веселостей недѣли масленой пріѣхали въ Омскую крѣпость полковники Аршеневскій, Шрендеръ, Графовъ, два Ивелича, князья Еристовъ, Жеваховъ и множество офицеровъ: въ первое воскресенье у генералъ-порутчика Штрандмана — балъ и ужинъ; во вторникъ у полковника Мориловскаго — балъ и ужинъ и опера; въ четвертокъ у Делпоца подполковника въ школѣ наверху балъ, и ужинъ, и опера «Лиза»; въ субботу тутъ же опера «Разнощикъ», балъ и ужинъ; въ прощенный день вольное собраніе по билетамъ, маскерадъ, балъ и ужинъ на общественный коштъ, а кушанья готовили изъ господскихъ домовъ разныя, у кого что случилось: я былъ на маскерадѣ въ матросскомъ платьѣ, бѣлое все, кушакъ алый, шляпа распущенная, обшита флеромъ съ салтаномъ. Собрано было на угощеніе съ 18 человѣкъ по 4 р. 30 к. и угощаемы: чашка кофе, 2 рюмки пунша, 1 водки, 2 стакана лимонаду... Въ 1796 г. 17 числа іюня въ Омскѣ, въ лагерѣ, близъ хутора подполковника Мориловскаго, отъ иркутскаго полковника Волякова приглашено было все благородное общество, былъ великолѣпный балъ, маскерадъ, опера «Мельникъ» и фейерверкъ съ пушечною пальбою, 3-хъ батальоновъ музыкою и пѣвчихъ; продолжалось до 3-хъ часовъ въ полуночи, а начало было въ 6 часовъ до полудни, гдѣ весьма гуляли и данъ былъ ужинъ довольный» [1]). Общественное и семейное положеніе женщинъ было самое жалкое, да и нравы и обычаи ихъ были большею частію весьма не эстетичны. Въ лѣтописи же Андреева находимъ, наприм., такую замѣтку: «не умолчу и сего, что первый годъ жены своей, кромѣ бригадира и коменданта, никуда не отпускалъ, и то отпускалъ не одну, а съ комендантшей или съ Авдотьей Егоровной, женой благодѣтеля же нашего, бывшаго при таможнѣ комисара Хворова; ибо всѣ офицерскія жены, будучи изъ низкаго состоянія, бѣднѣйшія, а къ тому распутныя, о которыхъ я уже будучи холостымъ довольно по обращеніямъ насмотрѣлся, почему все сіе было для меня и не сходно». Дамы имѣли иногда привычки самыя грубыя, чувственныя, наприм., «въ октябрѣ 1800 года, въ Ямышевѣ капитанша Тарабаркова, Марья Матвѣевна, изволила въ 9 часу одна идти въ баню и тамъ до смерти запарилась: она была до сего охотница» [2]).

Въ Иркутскѣ, въ столицѣ Сибири, общественная жизнь была также дика, похожа на китайско-азіятскую жизнь. Наприм., д. с. с. Н. П. Бу-

[1]) Лѣтоп. Андреева, стр. 80, 84—85, 130, 152—153.

[2]) Лѣт. Андр., стр. 83—171.

латовъ, современникъ Трескина и Сперанскаго, характеризуетъ ее такими чертами: «встарину, я помню, здѣсь въ общественной жизни была совершеннѣйшая дичь. Раздѣленіе половъ было чрезвычайное, не только въ купеческомъ, но даже въ чиновничьемъ классѣ. Если вы только знакомый, или даже родственникъ хозяину дома, но не близкій, то вы могли быть съ нимъ тридцать лѣтъ знакомы, и никого не видѣть изъ его женскаго семейства. Бывало, соберутся на вечеръ, — даже не на простой, а на парадный, съ танцами. Мужчины сидятъ въ одной комнатѣ, женщины въ другой,—и никто ни слова: слышно, какъ муха пролетитъ. Начинаются танцы: кавалеръ съ дамой двигаются молча, какъ маріонетки. Вздумали вы поговорить съ своей дамой,—слышите отъ нея односложное «да, нѣтъ», а если вы усиливаетесь разговаривать, то увидите, что какая-нибудь маменька или тетушка подойдетъ къ вашей дамѣ и скажетъ: «поѣдемъ, Дуняша: пора домой». Вы упрашиваете, чтобы по крайней мѣрѣ позволили кончить танецъ. Вамъ отвѣчаютъ: «нѣтъ, батюшка, намъ здѣсь не компанія». Съ пріѣздомъ Сперанскаго общественная жизнь оживилась, начались праздники, вечера. При немъ было человѣкъ двадцать свиты; въ числѣ ихъ нѣсколько молодыхъ людей,—петербургскихъ, людей свѣтскихъ и бойкихъ. Они внесли въ нашу общественную жизнь новый элементъ. Разумѣется, при общей покорности Сперанскому, принято безпрекословно и это нововведеніе. Бывали и скандалы,—не грубые скандалы,—а такъ, разныя недоразумѣнія, скорѣе вслѣдствіе нашей дикости взглядовъ на все новое. Съ его времени, мы стали видѣть новыхъ людей; а прежде, бывало, если по улицѣ пройдетъ человѣкъ съ крестикомъ, то за нимъ навѣрное бѣгутъ ребятишки» [1]). Самъ Сперанскій въ одномъ письмѣ къ дочери изъ Сибири такъ описывалъ соціальный складъ и характеръ сибирскаго общества: «Сибирь есть просто Сибирь, то-есть прекрасное мѣсто для ссылочныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи, но *не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія*. Худое управленіе сдѣлало изъ Сибири сущій вертепъ разбойниковъ. Едва вѣрятъ здѣшніе обыватели, что они имѣютъ нѣкоторую степень свободы и могутъ безъ спроса и дозволенія собираться, танцовать или ничего не дѣлать. Мы впервые завели здѣсь общественныя собранія, и на собраніяхъ этихъ я, напримѣръ, польской веду съ старухой одѣтой въ глазетовой юбкѣ и шушунѣ и повязанной платкомъ. У васъ спектакли, а у насъ своего рода маскерады: это сущая исторія всѣхъ нашихъ дикихъ костюмовъ. Тутъ китайцы, японцы, алеуты, шаманы, и Богъ знаетъ, чего тутъ нѣтъ, и все одѣто съ большою точностью... *Умнаго разговора въ обществѣ почти нѣтъ никакого*. Я привыкъ здѣсь къ уединенію: *не съ кѣмъ слова промолвить*. Словцовъ, одинъ здѣсь умный и нѣкогда острый человѣкъ, боленъ и старъ: это потухающій огонекъ, который изрѣдка только вспыхиваетъ... какое рѣдкое положеніе! три почти года не слышать ни одной ноты, прибавь къ сему—*ни одного почти умнаго слова*, три года ни разу съ удовольствіемъ не смѣяться. Видѣлъ я здѣсь на балѣ у тобольскаго

[1]) Г. Вагинъ, прилож. къ I т., стр, 570.

губернатора и *женское общество*: *сурокъ да кротъ, да двѣ—три набожныя лани* [1]).

При господствѣ эгоистическихъ, буржуазно-своекорыстныхъ и семейно родовыхъ интересовъ, въ сибирскихъ городскихъ обществахъ крайне недостаточно было развитіе самой общественной связи, соціальной общительности, единства и согласія. Наприм., о городѣ Нерчинскѣ иркутскій епископъ Михаилъ писалъ въ 1821 году: «тамошніе граждане *столь же не согласны въ сердцахъ своихъ*, какъ и домы ихъ разсажены на большихъ разстояніяхъ, подобно гнѣздамъ луковинымъ» [2]). Наконецъ, самыя общественныя празднества и увеселенія отличались не только рѣзко-выдававшеюся разноплеменною пестротою костюмовъ, физіономіи и состава собраній, но и безобразною юмористичною смѣсью азіятскаго вкуса съ европейскими обычаями. Въ этомъ отношеніи, довольно характеристическое выраженіе смѣшанной, русско-монгольско-китайской общественности представляло «трехдневное торжество», бывшее въ Кяхтѣ 24 іюля 1814 г. Въ немъ рельефно выразилась разносоставленная, безсвязная смѣсь этнологическаго состава восточно-сибирскаго общества. Тутъ принужденно участвовали и китайцы, и монголо-буряты и разныя русскія сословія. Какимъ-то кяхтинскимъ канцелярскимъ литераторомъ составлено было даже «описаніе этого трехдневнаго торжества въ Троицко-савской крѣпости, что подлѣ Кяхты, по случаю взятія Парижа и ниспроверженія Бонапарте». Азіятцы, буряты и китайцы, да и русскіе жители Дауріи не имѣли никакого понятія о великихъ міровыхъ событіяхъ, порожденныхъ французской революціей,—и принуждены были, по распоряженію начальства, съ недоумѣніемъ торжествовать наканунѣ реакціи Священнаго Союза. Азіи, впрочемъ, и болѣе свойственны и болѣе понятны торжества реакціи и застоя, чѣмъ торжества прогресса. «По распоряженію г. иркутскаго гражданскаго губернатора,—сказано въ описаніи,—къ сему великому торжеству призваны были всѣ братскіе главные чиновники съ ихъ родоначальниками и со всѣми почетными изъ нихъ, какъ-то: тайши съ шуленьгами и зайсанами, равно какъ и главныя ихъ духовныя особы, такъ-называемый хамба съ ширейтами, доржеями и другими худшими и простыми ламами. Въ 9 часовъ утра 22 іюля, по сигнальной ракетѣ, возвѣщено было начало торжества пятью пушечными выстрѣлами съ горы, къ которой примыкаетъ средина Троицко-савской крѣпости». Затѣмъ, по росписанію начальства, начался китайско-азіятскій церемоніалъ торжества въ память европейскаго событія. Сначала все монголо-русское общество двинулось, по сигнальному выстрѣлу изъ пушекъ, на молебствіе въ такомъ іерархическомъ порядкѣ и соподчиненіи: «Члены кяхтинскаго магистрата и всѣ кяхтинскіе купцы открывали ходъ съ г. городничимъ; за ними слѣдовали тайша съ ширейтами и зайсанами, Бандида Хамба съ лучшими ламами и г. верхнеудинскій капитанъ-исправникъ съ засѣдателемъ; а вслѣдъ за ними шли чиновники пограничной канцеляріи, полковые атаманы съ шестисотенными командирами и г. совѣтникъ съ ассесоромъ; потомъ слѣдовали компаньоны торгующихъ въ

[1]) „Русскій Архивъ", 1868 г., № 11, 1681—1685, 1700, 1727, 1738, 1796.
[2]) Г. Вагинъ, въ приложен. къ 2 т., стр. 525.

Кяхтѣ купцовъ, чиновники кяхтинской таможни, г. почтмейстеръ съ помощникомъ и директоръ съ цолкеромъ; шли по два человѣка въ рядъ съ наблюденіемъ того порядка, что младшій шелъ впереди старшаго. Для совершенія молебствія, христіане расположились полукружіями на востокѣ, а братскіе, по ихъ обряду, на всѣ стороны, но тоже полукружіемъ. Китайскій дзаргучей и Башке со всѣми китайскими купцами приглашены въ особую, раскинутую для нихъ палатку, для созерцанія вышеупомянутой церемоніи». Далѣе, послѣ разныхъ торжественныхъ процессій и неоднократныхъ криковъ «ура» по окончаніи молебствія, началось угощеніе разноплеменнаго общества: «по рядамъ войскъ разносились вино и булки, такъ что каждый солдатъ казакъ и простые ламы выпили за здравіе Его Величества по хорошей чаркѣ вина и получили по булкѣ. Для обѣда же всѣмъ имъ дана была по артелямъ говядина, полагая по фунту на человѣка. Въ то же время приготовленъ былъ обѣдъ въ квартирѣ директора таможни, куда приглашены были всѣ чиновники, купцы, лучшіе бурятскіе ламы и дзаргучей съ китайскими купцами. Во время взаимныхъ поздравленій, по предварительной повѣсткѣ, явился тутъ одинъ молодой инвалидъ компаніи 12-го года, лишившійся движенія пальцевъ на рукѣ отъ пули подъ Вязьмою, и громкимъ голосомъ произнесъ поздравленіе. Его оставили обѣдать, и въ пользу его тутъ же собрано было по подпискѣ 470 рублей». Затѣмъ въ описаніи торжества подробно изображаются всѣ восточно-азіятскія церемоніи, сопровождавшія обѣдъ въ квартирѣ директора таможни и на площади въ палаткахъ, куда также приглашены были всѣ чиновники, купцы, братскіе родоначальники съ шуленьгами и зайсанами, ламы, заграничные монголы, подлежащіе вѣдѣнію дзаргучея, и китайцы, въ числѣ 97 человѣкъ съ дзаргучеемъ. Точно также подробно описываются фейерверки, картины и иллюминація частныхъ и казенныхъ домовъ, которою особенно отличалась купеческая ратуша. «Во время празднованія перваго дня,—замѣчено въ описаніи,—съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчена была благоговѣйная преданность братскихъ къ Его Императорскому Величеству; нѣкоторые изъ нихъ, среди улицы по нѣскольку разъ падая ницъ на землю, слагали свои руки предъ прозрачною картиною, поставленною на фронтонѣ дома, занимаемаго директоромъ таможни, когда узнали, что на ней изображенъ былъ государь». Не касаясь всѣхъ восточно-азіятскихъ церемоній, какія сопровождали торжество перваго дня, совершеннаго кяхтинскимъ купечествомъ на свой счетъ, мы сообщимъ только тѣ характеристическія особенности торжества, которыя особенно рельефно выказывали азіятскій колоритъ и разноплеменную смѣсь восточно-сибирскаго общества. «Черезъ день, 24 іюля,—говоритъ авторъ описанія торжества,—всѣ почетные братскіе и лучшіе ихъ ламы, согласившись между собою, дали отъ себя праздникъ подъ раскинутыми палатками на высокой горѣ, открывающей всю Троицко-савскую крѣпость и всѣ окрестности, и съ которой видны Кяхтинская торговая слобода и Маймачины. Послѣ тангутскаго служенія, весь народъ приглашенъ былъ къ ушатамъ вина, чтобы выпить по доброй чаркѣ за здравіе Его Императорскаго Величества; на закуску предложена была народу жареная баранина и говядина. И въ то

же время всѣ чиновники съ купцами и дзаргучей съ 8-ю компаньонами китайскаго купечества сѣли за обѣденные столы. Раздавались крики «ура», пѣсни, канты. Братскіе и ихъ женщины пѣли свои бурятскія пѣсни и по-своему плясали: двое братскихъ, обнявшись, попеременно качались. Въ то же время всѣ пили за взятіе Парижа и низверженіе Бонапарте, съ крикомъ «ура». Со стороны русскихъ показаны были братскимъ и китайцамъ разные маневры съ ружейною и пушечною пальбою. Азіятцы, особенно братскіе, съ удивленіемъ и похвалой смотрѣли на всѣ эти диковины. Потомъ всѣ тайши, казацкіе атаманы и почетные братскіе показывали свое искусство стрѣлять въ цѣль стрѣлою изъ лука, и многіе изъ нихъ отличились въ умѣньи управлять стрѣлою. Наконецъ, изъ числа казаковъ, бурять и китайцевъ выведены были 20 лучшихъ борцовъ, которые попарно спорили въ силѣ; всякому, преодолѣвавшему своего противника, давалась денежная награда. 26 іюля, на третій день торжества, данъ былъ праздникъ троицкосавскимъ обществомъ въ открытомъ полѣ, въ бургутуйской пади подъ раскинутыми палатками, въ 7 верстахъ отъ крѣпости. Мѣсто это найдено было самымъ удобнѣйшимъ для торжества степняковъ, такъ какъ всѣ почетные братскіе и лучшіе ихъ духовные условились въ этотъ день сдѣлать бѣгъ или, лучше сказать, скачку на лошадяхъ. Всѣ россійскіе чиновники и купцы, всѣ братскіе тайши, шуленьги и зайсаны, а также дзаргучей и Башке съ 8-ю компаньонами изъ китайскаго купечества, соединившись вмѣстѣ, устремились глядѣть скачку 105 лучшихъ лошадей, за 10 верстъ пущенныхъ. Лишь только показались скачущія лошади, то все собраніе и весь народъ пришелъ въ движеніе, чтобы видѣть первыхъ лошадей, опередившихъ цѣлую сотню другихъ. Первая лошадь, опередившая всѣ другія, по бурятскому обычаю, представлена была дзаргучею, въ видѣ принадлежавшей ему: ей воспѣта была чрезвычайная хвала съ объясненіемъ притомъ причинъ такого большого торжества, за ней представлены были другія три лучшія лошади на имя трехъ главныхъ чиновниковъ, и имъ также воспѣта была хвала. Все празднество кончилось, затѣмъ, фейерверками, иллюминаціей и ужиномъ въ домѣ директора таможни».

Вотъ нѣкоторыя черты сибирскаго общества до Сперанскаго. Въ общественной организаціи, вслѣдствіе вѣкового преобладанія торгово-промышленной эксплуатаціи сибирскихъ племенъ, не знавшихъ земледѣлія, а болѣе склонныхъ къ мѣновому торгу, развивалась гегемонія купеческой, буржуазной партіи и монополіи. Въ противоположность ей, вслѣдствіе того же преобладанія эгоистически-пріобрѣтательныхъ, торгово-промышленныхъ интересовъ, стала усиливаться партія и монополія чиновничья. Въ началѣ XIX столѣтія началась ожесточенная борьба этой чиновничьей партіи и монополіи съ купеческой, буржуазной олигархіей и монополіей. Умственное же развитіе общества не могло противопоставить никакого критическаго антитеза къ буржуазнымъ стремленіямъ купечества, ни деспотической монополіи чиновничества, ни темному невѣжеству и пассивному раболѣпію массы. Самые умственные интересы и понятія большинства сибирскаго общества проникнуты были буржуазными мотивами, или же представляли хаотическую смѣсь до-петровскихъ понятій съ ки-

йско-азіятскими. Самыя элементарныя, примитивныя научныя понятія гь-чуть затрогивали умы, и то весьма немногихъ людей. Наконецъ, тѣдствіе всего этого, естественно, и самая общественная жизнь на зугѣ выражалась или въ тѣхъ же буржуазныхъ формахъ, или въ гру-ї, дикой хаотической смѣси до-петровско-азіятскихъ разговоровъ, костю-въ, понятій и нравовъ. И вотъ, среди этого-то темнаго царства, эугъ проблеснулъ свѣтлымъ метеоромъ знаменитый «русскій реформа-ръ»—Сперанскій.... Всѣмъ теперь извѣстно, по изслѣдованіямъ бар. рфа и г. Пыпина, какое значеніе имѣлъ Сперанскій въ исторіи всего ского общества, какія государственно-общественныя реформы преду-говлялъ онъ задолго до прибытія въ Сибирь. Сперанскій былъ полнымъ. івѣйшимъ олицетвореніемъ того фазиса общественнаго міросозерцанія и звитія, какой переживала съ половины XVIII в. вся лучшая, наиболѣе зоившаяся съ европейскими науками, наиболѣе прогрессивная часть рус-іго общества. Это былъ такой фазисъ физическаго, антропологическаго оціальнаго міросозерцанія, когда, послѣ до-петровскаго страха природы, торженное чувство удивленія чудесамъ природы впервые возбуждало ѣлую, естество-испытательную мысль и порождало восторженное те-лого-оптимистическое и сантиментально-идиллическое міросозерцаніе. гда, послѣ до-петровскаго страха «злого естества человѣческаго племени» аскетическаго убѣжденія, что «человѣкъ есть червь, земля, пепелъ, но, трава, какъ и яко ничто», восторженное чувство удивленія «чудес-му устроенію человѣческой природы» возбуждало телеолого-оптимисти-ское и сантиментально-идиллическое восхищеніе величіемъ достоинства ювѣческой природы и любовь къ человѣку, «чувствительность къ че-зѣчеству», и когда, наконецъ, послѣ до-петровскаго человѣкобоязненно-сетическаго общественнаго строя. признанъ былъ сантиментально-фи-нтропическій принципъ общественнаго преобразованія, когда всѣхъ чшихъ государственныхъ людей воодушевляла идея «лучшихъ чело-колюбивыхъ учрежденій» и проч. Вотъ въ какомъ міросозерцаніи спитанъ былъ и дѣйствовалъ Сперанскій, какъ одинъ изъ самыхъ едовыхъ дѣятелей русскаго общества своего времени. Вотъ съ этимъ міросозерцаніемъ, хотя съ значительно-охладѣвшимъ въ ссылкѣ тузіазмомъ, ѣхалъ Сперанскій въ Сибирь. Воспитанный въ духѣ торженнаго чувства удивленія чудесамъ природы, онъ и на пути Сибирь съ жаждой искалъ чудесъ природы, и въ письмахъ къ чери изъ Сибири выражалъ сѣтованіе, когда не видѣлъ ничего деснаго, величественнаго въ однообразно-равнинной природѣ запад-й Сибири, и, наоборотъ, съ живымъ восхищеніемъ и восторгомъ ісывалъ величественныя формы и красоты природы въ предѣлахъ тая, Томи и Енисея. До энтузіазма одушевленный сантиментально-лантропическими идеями и чувствами, въ бесѣдахъ съ Императоромъ ександромъ I «указывавшій, по собственнымъ словамъ его, на достоинство ювѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей бви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго высокаго», Сперанскій и въ Сибири явился «великимъ филантропомъ»,

или, по выраженію Геденштрома, съ «филантропіей», съ «филантропически написаннымъ сибирскимъ учрежденіемъ». Въ сибирскомъ обществѣ онъ единственными своими друзьями называлъ «колодниковъ и чернь». Главнымъ призваніемъ своимъ въ Сибири онъ считалъ установленіе и введеніе «лучшихъ человѣколюбивыхъ учрежденій», основанныхъ на филантропическихъ принципахъ, на идеѣ улучшенія быта забитыхъ и угнетенныхъ массъ сибирскаго общества—ссыльныхъ поселенцевъ, сибирскихъ инородцевъ, бѣдныхъ городскихъ и сельскихъ жителей, страдавшихъ отъ купеческой и чиновничьей монополіи въ торговлѣ хлѣбомъ и всѣми жизненными припасами. Вообще, послѣ вѣкового грубаго преобладанія въ сибирскомъ обществѣ эгоистически-пріобрѣтательныхъ, буржуазно-своекорыстныхъ интересовъ, чувствъ и наклонностей, Сперанскій хотѣлъ укоренить въ немъ «начала благотворенія, человѣколюбія и справедливости», какъ онъ самъ выражался. Какъ въ лучшую пору своей дѣятельности, на высотѣ государственнаго призванія, Сперанскій составилъ «планъ государственнаго конституціоннаго преобразованія», планъ государственной Думы, губернской Думы, уѣздной Думы и волостной Думы,—такъ и въ Сибирь онъ уѣхалъ, хотя ужъ далеко не съ прежнимъ энтузіазмомъ возвышенныхъ идеаловъ, хотя съ разбитыми обломками ихъ, но всетаки съ идеей «Губернскихъ совѣтовъ, аналогичныхъ государственному совѣту или государственной Думѣ, какая предполагалась въ его планѣ конституціоннаго преобразованія государства». Съ такими идеями, чувствами и планами государственный реформаторъ прибылъ въ Сибирь. Что же онъ увидѣлъ здѣсь, что успѣлъ онъ сдѣлать для Сибири, и какъ поняло его сибирское общество. Въ Сибири онъ увидѣлъ полнѣйшее господство чиновничьяго самовластія и деспотизма, сильнѣйшее развитіе монополіи въ торговлѣ хлѣбомъ и другими жизненными припасами, угнетенное положеніе инородцевъ и совершенное безправіе ссыльныхъ. Чтобы въ корнѣ пресѣчь развитіе всего этого зла, Сперанскій, какъ реформаторъ по призванію, ввелъ такъ называемыя «Сибирскія учрежденія», съ нѣкоторымъ ограниченіемъ произвола администраціи учрежденіемъ «губернскихъ совѣтовъ», съ правилами для развитія свободной торговли, особенно хлѣбной, съ предоставленіемъ нѣкотораго самоуправленія сибирскимъ инородцамъ, согласнаго съ ихъ племенными или родовыми обычаями, съ улучшеніемъ судьбы ссыльныхъ поселенцевъ въ Сибири. Замѣчательно, что Сперанскій, разсмотрѣвъ въ Сибири всѣ злоупотребленія, порожденныя борьбой чиновничьей и купеческой партій, пришелъ къ тому общему выводу, что это, въ сущности, были не злоупотребленія противъ закона, а скорѣе естественныя слѣдствія преобладавшаго въ сибирскомъ обществѣ торгово-промышленнаго, буржуазнаго стремленія къ обогащенію; борьба чиновничьей партіи и монополіи съ партіей и монополіей купеческой—это была скорѣе борьба экономическая, а не сословная, скорѣе торговая или промышленная конкурренція, чѣмъ стремленіе къ нарушенію закона. Она скорѣе благопріятствовала накопленію богатства, капиталовъ въ Сибири, чѣмъ разоряла ее. И потому, самый вредъ ея, по мнѣнію Сперанскаго, былъ болѣе нравственный, чѣмъ экономическій. Въ 1819 году

Сперанскій въ письмѣ къ Столыпину высказалъ общій выводъ свой насчетъ злоупотребленій чиновничьей монополіи въ Сибири: «но вопросъ: разорена ли губернія?—совсѣмъ нѣтъ: она есть одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи. Самыя злоупотребленія даже *способствовали къ ея обогащенію*, и существенный ихъ вредъ есть болѣе *нравственный*, нежели *экономическій*. Далѣе, при вѣковомъ преобладаніи эгоистически-пріобрѣтательныхъ, торгово-промышленныхъ интересовъ въ сибирскомъ обществѣ, ничто такъ не препятствовало развитію въ Сибири лучшей, высшей человѣческой жизни, гуманно-благоустроенной общественности, какъ сильнѣйшее развитіе и преобладаніе буржуазно-эгоистической эксплуатаціи бѣдныхъ классовъ, особенно инородцевъ и крестьянъ, чрезмѣрный перевѣсъ семейно-родовыхъ, эгоистически-пріобрѣтательныхъ интересовъ надъ дѣлами общественнаго благотворенія, гражданско-соціальной рачительности и, вообще, крайняя неразвитость гуманно-соціальныхъ чувствъ человѣколюбія и состраданія къ чуждымъ ближнимъ, соціальной симпатіи, соціальнаго такта и радѣнья. И вотъ Сперанскій, видимо проникнутый господствовавшимъ тогда въ образованномъ русскомъ меньшинствѣ сантиментально-филантропическимъ духомъ, какъ великій филантропъ, счелъ первымъ долгомъ учредить и въ Сибири эти примитивные «образчики филантропіи»—такія же благотворительныя, человѣколюбивыя общества, какія учреждались тогда и въ Россіи, по примѣру и образцу императорскаго человѣколюбиваго общества (основ. въ 1802 г.). Въ то же время онъ и въ самомъ обществѣ сибирскомъ, особенно въ купечествѣ, всѣми мѣрами возбуждалъ чувства и наклонности къ общественной благотворительности, поручая думамъ городскимъ призывать общество къ «дѣламъ человѣколюбія, милосердія и благотворенія». Учрежденіемъ человѣколюбивыхъ обществъ въ Сибири онъ особенно восхищался. Далѣе, чтобы начать уничтоженіе общественныхъ золъ въ Сибири въ самомъ ихъ корнѣ—невѣжествѣ народномъ,— Сперанскій обратилъ вниманіе и на дѣло народнаго образованія. Онъ учредилъ въ Иркутскѣ ланкастерскую школу, побудилъ уѣздныя начальства и общества къ заведенію нѣсколькихъ сельскихъ училищъ, въ своихъ сибирскихъ учрежденіяхъ и уставахъ постановилъ заводить школы не только у казаковъ и кочевыхъ инородцевъ, но и въ полудикой киргизской степи, наконецъ—поддерживалъ мысль объ учрежденіи въ Сибири «училища высшихъ наукъ», а также хлопоталъ, хотя и безуспѣшно, о заведеніи въ Сибири «ботаническаго сада». Наконецъ, замѣтивъ въ сибирскомъ обществѣ полнѣйшее царство до-петровско-азіятскаго, китайско-домостроевскаго общежитія, Сперанскій, можно сказать, первый положилъ начало преобразованія въ восточно-сибирскомъ обществѣ до-петровско-азіятскаго общежитія на манеръ европейской, цивилизаціонной общественности. Онъ первый ввелъ здѣсь въ обычай разныя общественныя собранія, праздники, балы, маскарады и т. п. Конечно, на первыхъ порахъ все это было юмористично, да и не слишкомъ-то содѣйствовало развитію высшей, истинно-человѣческой жизни общества. Но все-же общественныя собранія хоть нѣсколько культивировали грубую природу необразованныхъ, полудикихъ сибиряковъ, нѣсколько гуманизировали ихъ взаимныя обществен-

ныя отношенія. нѣсколько ослабляли эгоистически-пріобрѣтательную разрозненную и семейно-родовую замкнутость сословій.

Вотъ главныя черты реформы, произведенной Сперанскимъ въ сибирскомъ обществѣ. Не слишкомъ-то,—надо сознаться,—крупны и вовсе не радикальны эти преобразованія, реформа требовалась соціально-экономическая, а Сперанскій, соотвѣтственно понятіямъ того времени, ввелъ только новыя, лучшія административныя учрежденія въ Сибири. Но всетаки, общая европейская идея этихъ реформъ, ихъ гуманное, соціально-филантропическое направленіе до такой степени еще чужды были азіятскому умонастроенію и буржуазно-эгоистическимъ наклонностямъ сибирскаго общества, что почти большинство современниковъ Сперанскаго не поняли его, неспособны были воспринять благотворныхъ, умственно-возбудительныхъ и нравственныхъ впечатлѣній его реформы, и не умѣли надлежащимъ образомъ оцѣнить его значенія и вліянія на Сибирь. Напримѣръ, одинъ современникъ отзывался: «Правленіе Сперанскаго въ Сибири *ничѣмъ не замѣчательно*; была только запутанность и неразборчивость; цѣлые возы просьбъ были отсюда увезены, а нѣкоторые даже и не прочитаны. Я смотрю на Сперанскаго, что онъ не былъ администраторъ. Онъ былъ только умный человѣкъ на бумагѣ. Лавинскій былъ гораздо его умнѣе. Сперанскій уѣхалъ въ Петербургъ, наговорилъ Государю, надѣлалъ шуму о Сибири, управленіи въ ней,—и больше ничего». Другой современникъ замѣтилъ: «законы Сперанскаго приняты были ничего, спокойно, но *толковъ объ нихъ не было, да и слѣдовъ они не оставили никакихъ»*. Третій современникъ говорилъ: «да, умный человѣкъ былъ Сперанскій: вѣдь онъ, кажется, и законы для Сибири написалъ?.. Но объ немъ какъ-то мало разсказовъ, все тихо, спокойно шло при немъ, и *разсказывать-то не о чемъ: не то, что Трескинъ»*. Еще одинъ современникъ замѣтилъ: «При Сперанскомъ жили хорошо, дѣлали праздники: онъ любилъ бывать на нихъ. *Только при немъ былъ застой. Законы его никакого особенно впечатлѣнія не сдѣлали и пользы большой Сибири не принесли»*. Наконецъ, даже такой, сравнительно, наиболѣе образованный сибирскій чиновникъ, какъ Геденштромъ, тоже не понялъ реформы Сперанскаго и враждебно объ ней отзывался. По его словамъ, «многосложное и ученое Сибирское учрежденіе такъ законно, но и такъ филантропически написано, что во всѣхъ иностранныхъ университетахъ было бы признано мастерскимъ произведеніемъ; но чрезъ то самое готовило оно Сибири конечное разореніе... *филантропія неумѣстна въ Сибири*: не столь вредна была бы ей холера отъ сосѣдей китайцевъ, какъ *эта пагуба*, разстроившая совершенно, и, можетъ быть, на вѣки, спокойствіе и счастіе Сибири» [1]).

Такъ тупо отнеслась большая часть сибирскаго общества къ реформѣ Сперанскаго. «А послѣ него все пошло по старому», какъ замѣтилъ одинъ современникъ. И дѣйствительно, не слишкомъ-то прогрессивно движется или, лучше, вѣрнѣе сказать, почти вовсе не движется умственное, нрав-

[1]) Г. Вагинъ, т. I, стр. 581—582 и др.; т. II, стр. 315—317.

ственное и соціальное развитіе сибирскаго общества и послѣ Сперанскаго. Если, по словамъ Сперанскаго, и въ Россіи, въ Петербургѣ остались излишними затѣями всѣ его желанія и предположенія «*сдвинуть грубую толщу*, которую никакъ съ мѣста сдвинуть не можно», то тѣмъ болѣе трудно было ему расшевелить азіятскую кору сибирскаго общества, вдругъ смягчить, гуманизировать эту «дичь совершеннѣйшую». И не удивительно, что «послѣ него все пошло по старому»...

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТРАН.

Главнѣйшія неточности

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
123	16 сверху	*(пропускъ)*	I
585—586	*Стихотвореніе внизу должно начинаться стихомъ:*		

О вы, россійски героини!

помѣщеннымъ въ началѣ 586-ой страницы.
